

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

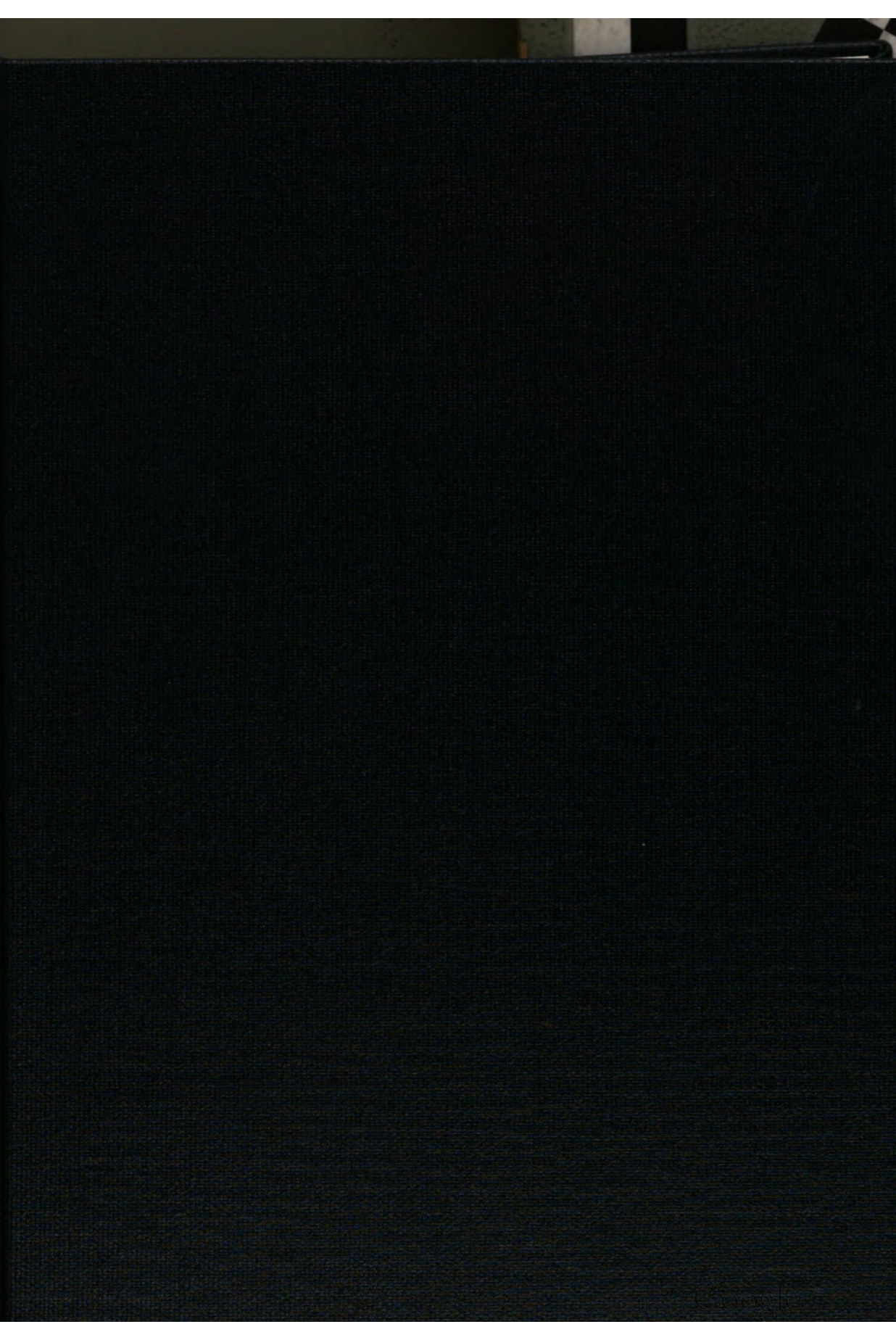
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯВРЪ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

СОДЕРЖАНІИ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДАДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1878 ГОДЪ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Андроникъ Младшій и Іованнъ Кантакузинъ. Т. Д. Флоринскаго.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. С. Н. Шафранова.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Felix Liebrecht. *Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze*. А. Н. Веселовскаго.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 году. (Окончаніе).

Новыя соображенія о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВИБЛ.

Państw.

w LOMŻY.

ЧАСТЬ ССВАмн.

XXIX

Lit.

H.

№

7.d

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. О. БАЛАШЕВА

Индустриальный каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

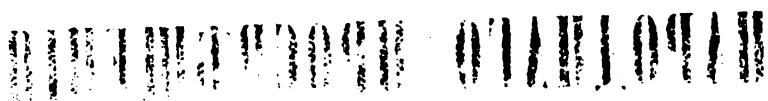
PSlav 318.10

~~Slav 406~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

NOV 26 1927

AND WEST LIBRARY

XXX

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1877 ГОДЪ.

І. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

І. ВЫСНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

А. Университеты.

Въ восьми университетахъ Имперіи, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ, Св. Владиміра, Новороссійскомъ, Дерптскомъ и Варшавскомъ къ 1-му января 1878 г. состояло всего преподавателей 604, въ томъ числѣ штатныхъ 524 (ординарныхъ профессоровъ 261, экстраординарныхъ 74, доцентовъ 122, прозекторовъ 10, помощниковъ прозекторовъ 11, лекторовъ 32, преподавателей 7) и сверхштатныхъ 80 (ординарныхъ профессоровъ 9, помощниковъ прозекторовъ 2, преподавателей 12 и привать-доцентовъ 57).

Число профессорскихъ и доцентскихъ вакансій, для замѣщенія коихъ требуются высшія ученыя степени, было почти такое же какъ и въ предшествовавшемъ году, а именно до 154. Болѣе счастливо въ этомъ отношеніи были поставлены университеты: С.-Петербургскій (10 вакансій), Московскій (13) и Дерптскій (7); значительная же часть вакансій приходилась на Харьковскій университетъ, въ которомъ сравнительно съ 1876 г. число ихъ уменьшилось съ 37 до 33. Въ стремленіи устранить по возможности ущербъ въ преподаваніи отъ незамѣщенія вакантныхъ кафедръ, а также усилить преподаваніе болѣе важныхъ факультетскихъ предметовъ, университетскіе совѣты поручили чтеніе лекцій по означеннымъ кафедрамъ штатнымъ преподавателямъ другихъ предметовъ, или привать-доцентамъ, или же лицамъ временно и за часть ссу, отд. 1.

особую плату привлекаемымъ къ преподавательской дѣятельности. Не смотря на то, въ отчетномъ году не было вовсе читано лекцій по слѣдующимъ предметамъ: по исторіи славянскихъ законодательствъ во всѣхъ университетахъ за исключеніемъ Варшавскаго и Дерптскаго (въ которомъ по уставу его означенной каѳедры не полагается); затѣмъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ на юридическихъ факультетахъ по исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ; въ Харьковскомъ на историко-филологическомъ факультетѣ по всеобщей литературѣ; физико-математическомъ по агрономіи; на юридическомъ по международному праву и гражданскому праву; впрочемъ чтеніе по послѣднимъ двумъ предметамъ не происходило вслѣдствіе того, что они были уже изложены студентамъ, долженствовавшимъ слушать ихъ въ предшествовавшемъ академическомъ году; кромѣ того въ Харьковскомъ университетѣ еще не открыты положенныя по уставу 1863 г. каѳедры теоріи и исторіи искусствъ, исторіи русскаго права, государственнаго права и церковнаго законодѣнія, госпитальной терапевтической клиники и госпитальной хирургической клиники. Въ Казанскомъ университетѣ не было читано лекцій: на историко-филологическомъ факультетѣ по исторіи всеобщей литературы, по исторіи изящныхъ искусствъ, а также по двумъ каѳедрамъ восточныхъ языковъ; на физико-математическомъ факультетѣ по практической механикѣ; на медицинскомъ факультетѣ по медицинской географіи и статистикѣ, по эпизоотіи и ветеринарной полиціи; въ университетѣ Св. Владиміра на историко-филологическомъ его факультетѣ по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ; въ Новороссійскомъ—на историко-филологическомъ факультетѣ по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ (въ первое полугодіе и исторіи всеобщей литературы—во второе полугодіе); на физико-математическомъ факультетѣ по физиологіи животныхъ (въ первое полугодіе); въ Дерптскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ по этнографіи, географіи и статистикѣ и на юридическомъ по уголовному праву; въ Варшавскомъ университетѣ на факультетѣ физико-математическомъ по физической географіи и агрономической химіи. Такимъ образомъ во всѣхъ 8 университетахъ общее число каѳедръ, по которымъ въ отчетномъ году не происходило преподаванія, простиралось до 31.

Одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ служить, конечно, оставленіе наиболѣе способныхъ молодыхъ людей при университетахъ, чтобы дать имъ возможность продолжать безпрепятственно свои ученые занятія, или же командированіе ихъ съ

этою цѣлью за границу. Въ отчетномъ году число командированныхъ для усовершенствованія своего образованія въ высшихъ европейскихъ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 9, а именно отъ С.-Петербургскаго университета 4, отъ Московскаго 3, отъ Новороссійскаго 1 и отъ Варшавскаго 1; оставленныхъ же для занятій при университетахъ было: при С.-Петербургскомъ 36, при Московскомъ 6, при Харьковскомъ 12, при Казанскомъ 4, при Кіевскомъ Св. Владимира 8, при Новороссійскомъ 4 и Варшавскомъ 4,—всего 70. Изъ этого числа 22 не получали стипендій и приготавливались къ профессорской дѣлтельности на собственные средства, а 4 имѣли содержаніе изъ другихъ источниковъ, помимо университетскихъ. По специальностямъ означенные 70 кандидатовъ раздѣлялись такимъ образомъ: историко-филологовъ было между ними 18, математиковъ 29, юристовъ 18, медиковъ 4 и 1 занимающійся восточными языками.

Замѣщеніе университетскихъ кафедръ зависитъ, конечно, отъ увеличенія числа лицъ, приобретающихъ высшія ученые степени. Въ этомъ отношеніи отчетный годъ былъ весьма благоприятенъ. Въ теченіе его удостоены были степени: доктора по всѣмъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго 25, и по медицинскому 24, магистра 19.

Преподаваніе разныхъ предметовъ университетскаго курса происходило безъ всякихъ измѣненій въ такомъ же порядкѣ какъ и въ предшествовавшемъ году. Единственная перемѣна заключалась въ слѣдующемъ: въ Варшавскомъ университетѣ, съ переходомъ доцента по кафедрѣ общей химіи на службу въ С.-Петербургскій Горный институтъ, преподавателемъ означеннаго предмета остался только одинъ профессоръ. Не смотря на приобретенную имъ опытность и на увеличеніе числа лекцій по общей химіи, важность и обширность этой науки не позволяла ему излагать ее, особенно для студентовъ естественнаго отдѣленія, съ достаточною полнотою, тѣмъ болѣе, что кромѣ чтенія лекцій онъ долженъ былъ руководить и практическими занятіями учащихся. Вслѣдствіе сего признано было необходимымъ раздѣлить преподаваніе общей химіи между двумя преподавателями.

Ученая дѣятельность профессоровъ въ истекшемъ году выражалась въ чтеніи университетскихъ лекцій и въ другихъ разнообразныхъ занятіяхъ по исполненіи ихъ обязанностей, въ ученыхъ трудахъ, появлявшихся отдѣльными книгами или въ періодическихъ изданіяхъ, въ публичныхъ лекціяхъ, въ поѣздкахъ, предпринимаемыхъ съ ученою цѣлью и т. п. Обширное поприще для дѣятельности многихъ профессоровъ медицинскихъ факультетовъ представлялъ театръ военныхъ со-

битій: они стремились туда не съ цѣлью только изучать на мѣстѣ тѣ или другія болѣзни, но знакомиться также съ военно-врачебными нашими учрежденіями, а главное—приносить посильную пользу доблестнымъ воинамъ, искупавшимъ своею кровью освобожденіе Славянъ отъ турецкаго ига. Они завѣдывали лазаретами или состояли на службѣ при нихъ и старались вообще оказывать всѣ тѣ услуги, къ которымъ были побуждаемы своею спеціальностію и искреннимъ сочувствіемъ къ судьбѣ раненыхъ. Заботы ихъ въ этомъ отношеніи должны составить, конечно, одну изъ почетныхъ страницъ въ исторіи нашихъ университетовъ. Всѣхъ ученыхъ командировокъ было въ истекшемъ году 56, въ томъ числѣ 35 заграничныхъ и 21 внутри Россіи.

Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли цѣлью поддержаніе связи съ европейскими научными центрами: такъ, напримѣръ, Упсальскій университетъ праздновалъ 400-лѣтнюю свою годовщину и празднество это привлекло и представителей русской науки, считавшихъ долгомъ выразить свое уваженіе этому вѣковому и славному учрежденію; при этомъ обнаружилось, какъ симпатично наши сѣверные сосѣди, покончившіе съ нами политическіе счеты, относились къ своимъ русскимъ гостямъ. Отъ Дерптскаго университета присутствовали два депутата на 400-лѣтнемъ же юбилей университетскаго Тюбингенскаго. Амстердамскій конгрессъ ботаниковъ и садоводовъ привлекъ нѣсколькихъ профессоровъ нашихъ физико-математическихъ факультетовъ; между прочимъ, они имѣли возможность ознакомиться при этомъ съ обширнымъ Гарлемскимъ садоводствомъ, а также осмотрѣть знаменитую ферму Амерфорста, занимающую часть сравнительно недавно осушеннаго Гарлемскаго озера. Подъ означенною фермою находятся всего около 200 десятинъ, а между тѣмъ она приноситъ до 100.000 франковъ годоваго дохода; поля ея обрабатываются паровымъ плугомъ, рогатый скотъ преимущественно Гренингенской породы, лошади—смѣшанной породы французской или ганноверской съ чистокровною англійскою. Г.Амерфорстъ съ величайшею готовностію объяснялъ нашимъ ученымъ работы по осушенію Гарлемскаго озера, въ которыхъ онъ принималъ главное участіе. Профессоръ С.-Петербургскаго университета Мартенсъ присутствовалъ въ Цюрихѣ на конгрессѣ Института международнаго права, на которомъ между прочимъ извѣстнѣйшіе представители этой науки составили декларацію, самымъ рѣзкимъ образомъ порицавшую звѣрства турецкихъ войскъ относительно русскихъ пленныхъ. Что касается до ученыхъ командировокъ внутрь Россіи, то почти всѣ наши университеты имѣли своихъ представителей на IV съѣздѣ Археологическаго общества, происходившемъ въ Казани.

Профессоръ С.-Петербургскаго университета Иностранцевъ изслѣдовалъ долину Невы, при чемъ одинъ изъ результатовъ его изслѣдованій оказался тотъ крайне неожиданный фактъ, что упомянутая долина въ основныхъ своихъ чертахъ была образована ранѣе отложенія настоящаго ледниковаго наноса; самый же характеръ наноса представилъ обильный матеріалъ для знакомства съ геологическимъ строеніемъ почвы нашей столицы. Доцентъ С.-Петербургскаго же университета Цагарелли, путешествуя по Закавказскому краю съ цѣлью изученія языковъ Иверійской группы, пробѣжалъ Мингрелію въ двухъ разныхъ направленіяхъ, и преимущественно въ тѣхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ лучше всего сохранился мингрельскій языкъ, и записалъ на немъ значительное число произведеній народнаго творчества. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что Императорское Экономическое общество, предпринявъ новыя изслѣдованія черноземной полосы Россіи, возложило на консерватора С.-Петербургскаго университета Докучаева геологическую сторону этого предпріятія. Результатами его изысканій были: значительное измѣненіе границъ означенной полосы; раздѣленіе черноземныхъ почвъ, въ зависимости отъ характера коренныхъ породъ, на нѣсколько типовъ; окончательное устраненіе гипотезъ о происхожденіи черноземной почвы и новыя геологическія данныя, подтверждающія извѣстную теорію академика Рупрехта, а также новыя взгляды на причины существованія чернозема въ Россіи.

12-го декабря 1877 года Россія праздновала столѣтній юбилей въ Возѣ почившаго государя императора Александра Павловича. Университеты наши поспѣшили отозваться на это торжество; въ стѣнахъ ихъ были устроены публичныя собранія, на которыхъ профессорами были прочтены рѣчи, касавшіяся различныхъ сторонъ славнаго царствованія, преимущественно же того, что было совершено мудростью Александра Благословеннаго для успѣховъ народнаго просвѣщенія. Профессоровъ, читавшихъ въ истекшемъ году публичныя лекціи, было 33. Сборъ платы за многія изъ нихъ былъ предназначенъ для усиленія средствъ общества Краснаго Креста.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности различныхъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетахъ, слѣдуетъ замѣтить, что число ихъ въ истекшемъ году увеличилось еще однимъ, а именно при Харьковскомъ университетѣ возникло историко-филологическое общество, имѣющее цѣлью способствовать посильными трудами, собраніями и заданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній; для вымолненія этой задачи оно намѣрено издавать

ученія изслѣдованія, памятники, учебники и т. п. Всѣ ученія общества при университетахъ продолжали съ прежнимъ рвеніемъ свою полезную дѣятельность; тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ свою спеціальностью естествознаніе, устраивали экскурсіи и командировали своихъ членовъ для наблюденій и изысканій. Въ засѣданіяхъ филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ особенное вниманіе возбудило заявленіе г. Дестуниса о старинной греческой былинѣ объ Армурѣ, представляющей первый образецъ народной эпической поэмы изъ того рода, къ которому относятся какъ великорусскія былины того же рода, такъ и юнація пѣсни Сербовъ и Болгарь; подлинникъ ея найденъ въ старинной рукописи, принадлежащей Императорской публичной библиотекѣ. По порученію общества естествоиспытателей при томъ же университетѣ, г. Гоби продолжалъ въ истекшемъ году свои прежнія изслѣдованія по изученію водорослевой флоры Финскаго залива, а г. Мережковский посѣтилъ Бѣлое море и изслѣдовалъ морскую фауну близъ Соловецкаго острова. Ему удалось найти до 400 видовъ животныхъ, изъ коихъ 60 совершенно новыхъ. Русское химическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ издало IX томъ своего журнала, содержащій не менѣе 600 рефератовъ и корреспонденцій, по которымъ можно прослѣдить успѣхи химіи за 1877 годъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Общество испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ издало также обширный сборникъ изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, съ чертежами и рисунками.

Учено-вспомогательныя учрежденія при университетахъ, помимо улучшенія ихъ изъ назначенныхъ по штатамъ суммъ, получили въ отчетномъ году слѣдующія наиболѣе важныя приращенія: генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ прислалъ въ даръ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета цѣнный экземпляръ альбома типовъ разныхъ народностей, населяющихъ русскій Туркестанъ, а г. Штейнъ 600 томовъ рѣдкихъ изданій по математикѣ и естественнымъ наукамъ; геологическій кабинетъ сего университета обогатился коллекціей предметовъ до-историческаго человѣка, пожертвованною вдовой академика Эйхвальда. Въ библиотеку Московскаго университета поступило отъ г-жи Петровой оставшееся послѣ смерти ея брата, заслуженнаго профессора Петрова, весьма богатое собраніе сочиненій по восточнымъ языкамъ; по справедливости считается оно однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ памятниковъ по изданіямъ, изслѣдованіямъ языка и вообще по изученію Востока во всѣхъ отношеніяхъ; цѣпность сего прости-

рается, по соображенію съ заграничными цѣнами, по меньшей мѣрѣ до 10,000 талеровъ. Оранжерея ботаническаго сада Новороссійскаго университета получила въ даръ отъ одесскаго уѣзднаго предводителя дворянства г. Куриса коллекцію орхидей, древесвидныхъ папоротниковъ и другихъ растений.

Учено-вспомогательныя учрежденія университетовъ по мѣрѣ средствъ подвергались въ истекшемъ году необходимымъ улучшеніямъ; такъ напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ университетѣ было расширено и устроено помѣщеніе для физиологическихъ кабинета и лабораторій,—но нельзя сказать, чтобы всѣ они находились нынѣ въ удовлетворительномъ состояніи. Особенно замѣчаніе это относится къ нѣкоторымъ лабораторіямъ и клиникамъ медицинскихъ факультетовъ. Въ Казанскомъ университетѣ не имѣется самостоятельнаго помѣщенія для клиники офтальмологической, а потому она не можетъ развить вполне своей дѣятельности и приносить слушателямъ всю ожидаемую отъ нея пользу. Глазное отдѣленіе занимаетъ лишь 10 кроватей; въ отдѣленіи хирургическомъ, иногда число это достигаетъ до 12, но не болѣе; въ виду такого недостатка стационарныхъ мѣстъ, число лицъ, подвергающихся постоянному наблюденію и леченію въ клиникѣ, бываетъ весьма ограничено. Въ Харьковскомъ университетѣ лабораторіи страдаютъ отъ крайней тѣсноты и неудобства помѣщеній; вслѣдствіе того иногда приходится читать лекціи по наукамъ, требующимъ постоянныхъ демонстрацій, не въ самыхъ кабинетахъ, гдѣ эти демонстраціи могли бы быть сдѣланы или же въ такихъ, которые вмѣщаютъ только половину слушателей; это обстоятельство отзывается невыгодно и на практическихъ занятіяхъ студентовъ, объ усиленіи коихъ особенно заботится министерство народнаго просвѣщенія. Что касается до госпитальныхъ клиникъ хирургической и терапевтической, то въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Харьковскій университетъ не переставалъ изыскивать средства для ихъ улучшенія; возникла мысль о возможности воспользоваться для нихъ учрежденною городскимъ обществомъ Александровскою больницею для чернорабочихъ, но эта мысль не осуществилась до сихъ поръ не по винѣ университета, который еще въ 1874 году выразилъ свое согласіе на проектъ, выработанный по этому поводу комиссіей городской думы. Вслѣдствіе сего Харьковскій университетъ съ величайшею благодарностью отнесся на заявленіе Харьковскаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ о готовности его учредить госпитальныя клиники въ барачномъ госпиталѣ Краснаго Креста,

хотя существованіе сего послѣдняго имѣетъ лишь временный характеръ. Что касается Варшавскаго университета, то объ госпитальныя клиники его, расположенныя въ больницѣ Младенца Иисуса, пользуются тамъ далеко не удобнымъ помѣщеніемъ и лишены многихъ необходимыхъ для научной цѣли приспособленій; не обладаютъ онѣ и достаточно разнообразнымъ научнымъ матеріаломъ, такъ какъ клиническіе преподаватели стѣснены въ правѣ выбора наиболѣе интересныхъ больныхъ. Въ сравнительно лучшемъ положеніи находятся факультетскія клиники въ больницѣ Св. Духа, но, къ сожалѣнію, онѣ расположены далеко отъ другихъ клиникъ, что вынуждаетъ студентовъ къ значительнымъ переходамъ. Клиникъ офтальмологической и дѣтскихъ болѣзней, а также клиническаго судебно-медицинскаго отдѣленія не существуетъ вовсе. Первая изъ означенныхъ клиникъ помѣщалась въ навильонѣ больницы Св. Духа до 1873 года, когда по случаю появленія холерной эпидеміи была превращена въ холерное отдѣленіе и уже болѣе не открывалась, ибо зданіе, отведенное подъ нее, оказалось нужнымъ больничной администраціи для помѣщенія оспенныхъ и тифозныхъ больныхъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что теоретическія каѳедры хирургіи и частной патологіи и терапіи въ Варшавскомъ университетѣ настоятельно нуждаются въ учрежденіи особыхъ демонстративныхъ отдѣленій, которыя хотя и не положены по университетскому уставу, но требуются современнымъ состояніемъ науки и пользою студентовъ.

Общее число учащихся во всѣхъ университетахъ составляло къ 1-му января 1878 года 6,901, между коими студентовъ 6,565 и вольнослушателей 336. По факультетамъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на медицинскомъ 2,671, на историко-филологическомъ 807, на юридическомъ 1,590, на физико-математическомъ 1,381, на богословскомъ 89 и на факультетѣ восточныхъ языковъ 27. Означенныя цифры вполне подтверждаютъ то, о чемъ я имѣлъ уже счастье докладывать Вашему Императорскому Величеству въ прежнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, а именно, что уменьшеніе числа студентовъ, обнаружившееся вслѣдъ за гимназическою реформою, слѣдовало считать временнымъ явленіемъ, что какъ скоро гимназіи выступятъ на твердый путь, онѣ будутъ доставлять университетамъ обильное число хорошо подготовленныхъ молодыхъ людей. Перемяна обнаружилась уже съ 1875 года: съ этого времени число студентовъ постоянно возрастаетъ, въ отчетномъ же году сравнительно съ пред-

шествовавшимъ, оно увеличилось почти на цѣлую 1,000, а именно съ 5,629 до 6,565, то-есть на 936 болѣе.

Въ послѣдніе годы, кромѣ репетицій, экзаменовъ переводныхъ и выпускныхъ, особенное вниманіе обращается на практическія упражненія студентовъ внѣ лекцій, какъ на наиболѣе вѣрное средство возбуждать ихъ дѣятельность. Означенныя упражненія установлены, сообразно наличнымъ силамъ преподавателей, во всѣхъ университетахъ и уже приносятъ несомнѣнно хорошіе плоды. Въ истекшемъ году происходили они подъ руководствомъ профессоровъ слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому факультету въ С.-Петербургскомъ университетѣ студенты IV курса занимались приготовленіемъ изслѣдованій по памятникамъ славянской филологіи, а по русской словесности изготавляли письменныя работы; по русской исторіи изучали они источники; по словесности римской, разрабатывали задаваемыя имъ темы, относившіяся къ частнымъ вопросамъ латинскаго языка, литературы и древностей; преподаватель всеобщей исторіи имѣлъ со студентами вечернія занятія, на которыхъ были разбираемы надписи и объясняемы древніе писатели. Въ Московскомъ университетѣ семинаріи успѣли прочно установиться со времени раздѣленія историко-филологическаго факультета на три спеціальныя отдѣленія; въ истекшемъ году обнимали они важнѣйшіе предметы факультетскаго преподаванія—классическую и славяно-русскую филологію, всеобщую и русскую исторію; особенно усиленныя практическія занятія происходили со студентами IV курса, которые въ теченіе учебнаго года стояли, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ своими профессорами. Въ Харьковскомъ университетѣ студенты внѣ лекцій упражнялись въ переводахъ „Апологіи Сократа“, „Горгія“ Платона и „Электры“ Софокла, а также въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ, а по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ представляли письменные переводы съ языка санскритскаго; по русской исторіи изучали они источники и приготовляли сочиненія на заданныя имъ темы. Въ Казанскомъ университетѣ отъ студентовъ требуемы были письменныя работы по какому-либо изъ факультетскихъ предметовъ и такихъ работъ представлено было 20; сверхъ того устроены были семинаріи по предметамъ русской словесности, русской исторіи и географіи, всеобщей исторіи и географіи, греческой и римской словесности. Такія же практическія упражненія студентовъ имѣли мѣсто въ историко-филологическихъ факультетахъ университетовъ Св. Владимира и Новороссійскаго; въ послѣднемъ изъ сихъ университетовъ

вообще было принято за правило, что студенты, желающіе получить стипендію, должны были представлять, въ замѣнъ устныхъ полугодичныхъ испытаній, письменныя работы, на первыхъ двухъ курсахъ по три, а на двухъ высшихъ по одной. Въ Варшавскомъ университетѣ каждый студентъ обязанъ былъ представить въ теченіе академическаго года по одной письменной работѣ и непредставившій оной не удостоивался перевода въ высшій курсъ, но кромѣ того устраивались еще и семинаріи подъ руководствомъ преподавателей. По физико-математическому факультету во всѣхъ университетахъ семинаріи замѣнялись практическими занятіями студентовъ въ химическихъ лабораторіяхъ, зоологическихъ музеяхъ, ботаническихъ садахъ и ботаническихъ кабинетахъ. Студенты упражнялись въ рѣшеніи задачъ и способны рѣшеній обязаны были излагать письменно, производили астрономическія наблюденія, опредѣляли растенія по сухимъ экземплярамъ, изготовляли препараты по физиологіи и подробно демонстрировали ихъ, занимались по химіи качественнымъ и количественнымъ анализомъ и т. п. По юридическому факультету происходили также практическія занятія студентовъ по нѣкоторымъ предметамъ, а именно въ С.-Петербургскомъ университетѣ по полицейскому праву, международному праву, политической экономіи, римскому праву и церковному праву: преподавателемъ сего послѣдняго предмета сдѣланъ былъ въ истекшемъ году опытъ пракческаго и нагляднаго ознакомленія студентовъ съ греческими и русскими рукописями, заключающими въ себѣ памятники и сборники церковнаго законодательства греческой и русской церкви. Для сего начальство Императорской публичной бібліотеки съ готовностью разрѣшило студентамъ пользоваться хранящимися въ ней сокровищами, и около 20 студентовъ II курса дѣятельно занимались ими. Въ Московскомъ университетѣ профессоръ энциклопедіи права задавалъ студентамъ темы, съ указаніемъ пособій для разработки ихъ; студенты представляли рефераты, содержаніе коихъ излагалось въ аудиторіи тѣмъ или другимъ референтомъ и обсуждалось его товарищами, готовившимися по той же темѣ; въ заключеніе профессоръ дѣлалъ свои замѣчанія о достоинствѣ рефератовъ, о правильности высказанныхъ референтами мнѣній и устанавливалъ надлежащую точку зрѣнія на различные вопросы. Въ занятіяхъ этихъ принимали участіе 79 студентовъ и было обсуждено 23 реферата. Въ томъ же родѣ были установлены практическія упражненія и въ другихъ университетахъ. По уголовному праву состояли они въ томъ, что на заданную тему назначались докладчики, а также

оппоненты; между докладчиками и оппонентами происходилъ диспутъ, при чемъ спорные вопросы были рѣшаемы профессоромъ. Иногда преподаватели читали со студентами сочиненіи Адама Смита, Рикардо и другихъ экономистовъ, сопровождая это чтеніе необходимыми толкованіями. На медицинскихъ факультетахъ самое свойство преподаваемыхъ наукъ требуетъ практическихъ упражненій со стороны студентовъ и упражненія такого рода были многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ факультетахъ. По факультету восточныхъ языковъ студенты, являясь на лекціи, должны были предварительно надлежащимъ образомъ подготовиться къ нимъ, то-есть, по возможности разобрать и уяснить себѣ при помощи словарей текстъ переводимаго на лекціи автора.

За сочиненія, которыя были написаны на темы, заданныя въ различныхъ факультетахъ, были удостоены медалей 51 студентъ; въ томъ числѣ 27 получили медали золотыя и 24 серебряныя. Сверхъ сего, Московскій университетъ присудилъ 3 студентамъ по одной половинной филологической преміи каждому за особые успѣхи въ древнихъ языкахъ, а университетъ Харьковскій выдалъ 1 студенту впервые со времени ея учрежденія премію Заруднаго за лучшія сочиненія по юридическимъ наукамъ; 13 сочиненій удостоены были почетнаго отзыва.

Число молодыхъ людей, окончившихъ полный университетскій курсъ, было въ истекшемъ году 570, выбывшихъ изъ университетовъ до окончанія курса 778. Значительное число выбывшихъ до окончанія курса объясняется тѣмъ, что здѣсь показаны и студенты медицинскихъ факультетовъ, выбывшіе изъ университетовъ по ускоренному выпуску по случаю мобилизаціи войскъ и которые, вслѣдствіе соглашенія между министерствами военнымъ, морскимъ, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, должны быть, по прекращеніи войны, прикомандированы къ университетамъ на одинъ годъ для довершенія своего медицинскаго образованія. Наиболѣе поощрительною мѣрою служило облегченіе матеріальнаго положенія студентовъ освобожденіемъ недостаточныхъ изъ нихъ и заслуживающихъ того по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію отъ платы за слушаніе лекцій и выдача имъ стипендій, а также единовременныхъ пособій. Въ отчетномъ году число освобожденныхъ вовсе отъ платы составляло 32% общаго числа учащихся и кромѣ того значительному количеству студентовъ плата была уменьшена. Стипендіями пользовались 1,582 студента на сумму 390,840 р., при чемъ цифра выданныхъ стипендій распредѣ-

лялась по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическихъ факультетахъ 66,273 р., физико-математическихъ 78,076 р., юридическихъ 70,040, медицинскихъ 157,086 р. и на факультетѣ восточныхъ языковъ 5,125 руб.

Въ теченіе года по приговору университетскихъ начальствъ 36 студентовъ лишены были стипендій, которыми они пользовались; въ одномъ лишь Дерптскомъ университетѣ всѣ стипендіаты сохранили назначенныя имъ стипендіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о значительнѣйшихъ денежныхъ пожертвованіяхъ въ пользу университетовъ. С.-Петербургскому университету были пожертвованы на учрежденіе стипендій по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Переславскаго 13,000 руб., вдовою тайнаго совѣтника Плетнева 6,000 руб. и дочерью покойнаго генералъ-маіора Изыльметьева 5,000 руб.

Московскому университету вдовою генералъ-маіора Полякова 18,000 руб., докторомъ медицины Скарениковымъ 10,000 руб., почетнымъ гражданиномъ Аваевымъ 5,000 руб. и Московскою городскою думою на учрежденіе стипендіи имени покойнаго Самарина 6,000 руб.

Кіевскому университету Св. Владиміра г. Эйсманомъ 6,850 руб. и г. Бунге 7,500 руб. Новороссійскому университету капитаномъ Вершковскимъ 12,000 руб. на учрежденіе стипендіи имени Генриха Корчака. Наконецъ, Варшавскому университету покойнымъ докторомъ Львомъ Жуковскимъ было завѣщано 11,640 руб. на увеличеніе образовательныхъ его средствъ и для той же цѣли покойнымъ Суфроніемъ Французовичемъ 19,634 руб.

В. Институты и Лицей.

Институты: а) Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій, б) Историко-филологическій князя Безбородко, в) Лазаревскій восточныхъ языковъ (спеціальные классы) и г) Демидовскій юридическій лицей.

а) Въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ впервые примѣнено было въ истекшемъ году правило о приѣмѣ въ институтъ безъ повѣрочныхъ испытаній тѣхъ воспитанниковъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, которые имѣютъ отмітки въ аттестатахъ зрѣлости по древнимъ языкамъ не менѣе 4. Кромѣ того, конференція института постановила освобождать вовсе отъ повѣрочныхъ испытаній окончившихъ курсъ

съ аттестатомъ зрѣлости въ гимназін, находящейся при самомъ институтѣ, ибо успѣхи и степень подготовки этихъ воспитанниковъ хорошо извѣстны какъ начальству института, такъ и профессорамъ его, въ присутствіи коихъ происходятъ выпускные экзамены. На основаніи означенныхъ правилъ, было принято въ институтѣ безъ повѣрочныхъ испытаній 14, а на основаніи означенныхъ испытаній 26, всего 40. Число всѣхъ воспитанниковъ къ концу учебнаго 1877—78 года простиралось до 112, которые распредѣлялись по курсамъ слѣдующимъ образомъ: на I-мъ курсѣ 34, на II-мъ 24, на III-мъ 26 и на IV-мъ 28. Всѣ 28 воспитанниковъ IV-го курса кончили курсъ успѣшно и изъ нихъ назначены были: 10—преподавателями обоихъ древнихъ языковъ, 3—латинскаго языка, 1—греческаго, 6—русскаго языка и словесности, 3—русскаго и латинскаго языковъ, 4—русскаго и обоихъ древнихъ языковъ; одинъ, какъ кавказскій степендіатъ, поступилъ въ распоряженіе пачальства Кавказскаго учебнаго округа.

Для возбужденія самодѣятельности воспитанниковъ въ истекшемъ году предложено было желающимъ изъ студентовъ III-го и IV-го курсовъ разряда древнихъ языковъ, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, писать курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка коихъ требовала чтенія древнихъ авторовъ. Такихъ сочиненій было представлено 13; нѣкоторыя изъ нихъ были весьма обширны и хотя и отличались, конечно, тѣми или другими недостатками, но вообще признаны очень удовлетворительными и свидѣтельствовали о томъ, что писавшіе ихъ добросовѣстно отнеслись къ дѣлу; одно изъ означенныхъ сочиненій было написано на латинскомъ языкѣ. Для упражненія студентовъ IV-го курса разряда русской словесности въ связномъ устномъ изложеніи одна изъ четырехъ лекцій по означенному предмету въ IV-мъ курсѣ была назначена для пробныхъ чтеній студентовъ на различныя темы, на примѣръ, разборъ какихъ-либо произведеній отечественной литературы и т. п.

Сверхъ сего, происходили обычныя практическія занятія воспитанниковъ IV-го курса въ гимназін, находящейся при институтѣ; студенты обоихъ разрядовъ посѣщали въ этой гимназін по девяти уроковъ въ недѣлю: студенты разряда древнихъ языковъ — уроки латинскаго и греческаго языковъ, а студенты разряда русской словесности—уроки языковъ русскаго и латинскаго.

Слѣдя за занятіями командированныхъ за границу бывшихъ воспитанниковъ, конференція института сообщала имъ свои замѣчанія и совѣты для руководства въ ихъ ученыхъ занятіяхъ. Отчеты, достав-

ляемые этими лицами, были подвергаемы подробному разсмотрѣнію и признаны удовлетворительными. Въ отчетномъ году одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ института, возвратившись изъ заграничной командировки, съ успѣхомъ прочелъ пробную лекцію на заданную ему тему.

Въ библіотекѣ института были разобраны по отдѣламъ всѣ книги пріобрѣтенныхъ или пожертвованныхъ ей библіотекъ Нарышкинской, Гана и Шульгинской; въ настоящее время фундаментальная библіотека состоитъ изъ 9,400 названій въ 17,673 томахъ, учебная изъ 1,198 названій въ 8,535 томахъ.

б) Въ Историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, начавшемъ свою дѣятельность съ 1875 г., открытъ былъ въ истекшемъ году третій курсъ, въ которомъ, согласно Высочайше дарованному институту уставу, учреждены были два спеціальныя отдѣленія: классическое и славяно-русское. Преподаваніе въ каждомъ изъ нихъ установлено на основаніи выработанныхъ конференціей института и утвержденныхъ мною правилъ. Въ программу классическаго отдѣленія входятъ: римскія и греческія древности, греческая метрика и спеціальное изложеніе исторіи классическаго міра, а въ программу отдѣленія славяно-русскаго—славянскія нарѣчія, исторія славянскихъ литературъ, исторія русской литературы и русская исторія. Студенты каждаго изъ этихъ отдѣленій имѣютъ еще особыя занятія и кромѣ того для обоихъ отдѣленій одинаково обязательны: лекціи по объяснительному чтенію римскихъ и греческихъ авторовъ, упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій и греческій, исторія русскаго языка, всеобщая исторія и философія. Что касается двухъ низшихъ курсовъ, перваго и втораго, то преподаваніе происходило на нихъ установленнымъ прежде порядкомъ.

Двухлѣтній опытъ несомнѣнно доказалъ пользу существовавшего до сихъ поръ въ институтѣ устройства домашняго чтенія древнихъ классическихъ авторовъ и его повѣрки какъ по отношенію къ количеству матеріала, прочитываемаго въ учебномъ году, такъ и по отношенію къ точности его усвоенія; но тотъ же опытъ обнаружилъ необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ этомъ дѣлѣ. По существовавшему до конца истекшаго учебнаго года порядку, домашнее чтеніе производилось въ одинъ, свободный отъ лекцій, день недѣли, такъ что до вечера студенты занимались чтеніемъ, а вечеромъ происходила провѣрка прочитаннаго ими. Столь продолжительное изученіе одного и того же текста утомляло студентовъ, и вечеромъ, во время провѣрки, замѣчался

иногда недостатокъ желательной свѣжести и напряженія вниманія. Вслѣдствіе того постановлено было домашнее чтеніе древнихъ классическихъ авторовъ въ каждомъ курсѣ раздѣлить на два дня такимъ образомъ, чтобы молодые люди могли предаваться ему безъ излишняго обремененія для себя, но, конечно, по прежнему и безъ ущерба для слушанія ими лекцій.

Другое измѣненіе въ истекшемъ году коснулось отчасти переводныхъ испытаній. Сами студенты просили о дозволеніи подвергаться испытанію по новымъ языкамъ въ началѣ учебнаго года, указывая на то, что они желали бы воспользоваться вакаціоннымъ временемъ для усовершенствованія своего въ этихъ языкахъ. Конференція института, усматривая, что самостоятельное занятіе новыми языками въ теченіе двухмѣсячнаго вакаціоннаго времени можетъ дѣйствительно принести пользу, ходатайствовала о предоставленіи ей права, по усмотрѣнію ея, позволять студентамъ подвергаться испытанію изъ новыхъ языковъ послѣ вакацій, на что и послѣдовало съ моей стороны согласіе, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы помянутыя испытанія производились по окончаніи пріемныхъ испытаній, до открытія лекцій.

Личный составъ преподавателей института князя Безбородко постепенно пополняется. Изъ числа назначенныхъ по штату должностей оставались незамѣщенными въ истекшемъ году лишь двѣ должности экстраординарныхъ профессоровъ. Кромѣ чтенія лекцій и занятій со студентами, дѣятельность преподавателей института выразилась въ истекшемъ году въ напечатанныхъ нѣкоторыми изъ нихъ различныхъ ученыхъ трудахъ и въ предпринятомъ ими изданіи сборника подъ заглавіемъ „Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ“.

Къ 1-му января 1877 г. въ институтѣ было 33 студента, а къ 1-му января 1878 г. число это со вновь поступившими возросло до 47; изъ нихъ на первомъ курсѣ находится 16, на второмъ 13 и на третьемъ 18. Всѣ означенные студенты состоятъ на казенномъ содержаніи.

Въ 1877 г. учебно-вспомогательныя учрежденія института были значительно пополнены пріобрѣтеніемъ за 5,000 руб. отъ наследниковъ покойнаго профессора Шевырева библиотеки, заключающей въ себѣ 3,815 названій въ 7,359 томахъ. Отдѣлъ русской словесности и исторіи русской литературы содержитъ полное и съ знаніемъ дѣла составленное собраніе относящихся къ этимъ предметамъ сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя весьма рѣдки и частію даже вовсе не существуютъ

въ продажѣ; въ другихъ отдѣлахъ также находится не мало книгъ, необходимыхъ для пополненія фундаментальной институтской библіотеки. Въ отчетномъ же году приобрѣтена была институтомъ за 7,650 руб. библіотека покойнаго знаменитаго профессора Лейпцигскаго университета Ритчля, содержащая значительное число важныхъ и частію дорогихъ сочиненій по древнеклассической филологіи, всего 3,019 названій въ 4,930 томахъ.

в) Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ Москвѣ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: низшаго, равняющагося курсу гимназій министерства народнаго просвѣщенія, и высшаго спеціальнаго, заключающаго въ себѣ три курса и соотвѣтствующаго университетскому факультету восточныхъ языковъ.

Спеціальныя классы сего института вполне организованы. Что же касается до низшаго его отдѣленія, то и оно получило нынѣ окончательное устройство. Постановленія устава гимназій министерства народнаго просвѣщенія не могли быть примѣнены къ нему всецѣло съ самаго начала, такъ какъ примѣненіе ихъ требовало болѣе или менѣе усиленныхъ расходовъ, а Лазаревскій институтъ существуетъ исключительно на собственныя средства. Не далѣе какъ годъ тому назадъ былъ правильно организованъ въ низшемъ его отдѣленіи VIII-й классъ, а въ отчетномъ году состоялась другая важная мѣра—увеличеніе окладовъ заслуженныхъ преподавателей. Занятія воспитанниковъ происходили обычнымъ порядкомъ. Въ видахъ улучшенія многихъ сторонъ пансіонской жизни и для ближайшаго наблюденія за воспитанниками, были организованы въ истекшемъ году еженедѣльные совѣщанія воспитателей и ихъ помощниковъ; на означенныхъ совѣщаніяхъ, которыми руководитъ инспекторъ, вырабатываются и приводятся въ исполненіе разнообразныя мѣры, клонящіяся къ водворенію всесторонняго порядка въ пансіонѣ.

Въ спеціальныхъ классахъ института находилось къ 1-му января 1878 г. 7 студентовъ и 50 вольныхъ слушателей, въ гимназическихъ классахъ 248.

г) Демидовскій юридическій лицей по уставу, дарованному ему въ 1874 г., имѣетъ 9 юридическихъ кафедръ, кромѣ того кафедры богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, политической экономіи и науки о финансахъ; изъ нихъ въ отчетномъ году оставались незамѣщенными кафедры политической экономіи, гражданскаго судопроизводства и государственнаго права. Студентовъ состояло къ 1-му января 1878 г. на I курсѣ—34, на II—48, на III—52 и на

IV—41, всего 175; окончило курсъ 47, изъ коихъ кандидатами 13 и дѣйствительными студентами 27. Стипендіи выданы были 29 студентамъ, въ размѣрѣ отъ 250 до 60 руб., на сумму 5,274 руб. 12 коп. Кромѣ того, число вовсе освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій простиралось до 145; между ними находились 20 демидовскихъ стипендіатовъ, увольняемыхъ отъ означенной платы на основаніи устава. Независимо отъ слушанія лекцій, всѣмъ студентамъ задаваемы были сочиненія, пріучавшія ихъ пользоваться источниками; нѣкоторые изъ нихъ занимались переводами и одинъ изъ такихъ переводовъ, сдѣланный подъ руководствомъ профессора Азаревича, напечатанъ во „Временникѣ“ Лицея.

Важнѣйшими пожертвованіями въ пользу Демидовскаго лицея были: отъ Ярославской городской думы 2,785 руб. на учрежденіе стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Императора Александра Павловича и 2,000 руб. отъ г-жи Милюковой на учрежденіе стипендіи имени покойнаго архіепископа ярославскаго Леонида.

В) Ветеринарные институты: Дерптскій, Харьковскій и Казанскій.

Ветеринарные институты Дерптскій и Харьковскій руководятся однимъ общимъ уставомъ, Высочайше утвержденнымъ 8-го мая 1873 г. Въ институтѣ Дерптскомъ всѣ каѳедры были замѣщены въ отчетномъ году штатными преподавателями, а въ Харьковскомъ институтѣ было 4 вакантныхъ каѳедры, но по двумъ изъ нихъ чтеніе лекцій было поручено приватъ-доцентамъ. Въ Харьковскомъ институтѣ студенты слушаютъ вспомогательные предметы въ университетѣ совместно со студентами медицинскаго факультета; въ Дерптскомъ же ветеринарномъ институтѣ означенные предметы преподаются за особое вознагражденіе.

Къ 1-му января 1878 г. въ обоихъ институтахъ находилось студентовъ 343 и фельдшерскихъ учениковъ 17, а именно въ Дерптскомъ институтѣ 63 студента и 4 фельдшерскихъ ученика, въ Харьковскомъ 263 студента и 13 фельдшерскихъ учениковъ. Удостоены были въ Дерптскомъ институтѣ званія ветеринарныхъ врачей 5, ветеринарныхъ фельдшеровъ 4, въ Харьковскомъ званія ветеринарныхъ врачей 12, ветеринарныхъ фельдшеровъ 1. Кромѣ того, въ первомъ изъ этихъ институтовъ 3 выдержали испытаніе на степень магистра, но по непредставленію установленныхъ диссертаций и въ виду ускореннаго назначенія своего на службу получили лишь степень ветеринара.

Изъ означеннаго выше числа студентовъ пользовались стипендіями въ Харьковскомъ институтѣ 21 студентъ на сумму 2,587 р., а 5 сту-

дентовъ были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій; въ Дерптскомъ институтѣ были вовсе освобождены отъ платы 28 студентовъ, пяти отсроченъ взносъ оной, приняты на казенныя стипендіи 8.

Командированы были съ ученою цѣлью за границу — исправляющій должность экстраординарнаго профессора Харьковскаго ветеринарнаго института Журавскій для собранія свѣдѣній въ важнѣйшихъ заграничныхъ ветеринарно-учебныхъ заведеніяхъ о сохраненіи анатомическихъ препаратовъ, устройствѣ прозекторіи и анатомическаго театра, и прозекторъ Дерптскаго института Земмеръ, также съ ученою цѣлью.

Казанскій ветеринарный институтъ, открытый по Высочайшему повелѣнію 31-го мая 1873 г. съ присвоеніемъ ему устава и штата Харьковскаго и Дерптскаго институтовъ, въ отчетномъ году достигъ полнаго своего развитія, такъ какъ открылось преподаваніе на послѣднемъ IV-мъ его курсѣ. Что же касается до состоящей при немъ фельдшерской школы, то она получила окончательную организацію еще въ 1876 г., а въ истекшемъ году состоялся уже первый выпускъ изъ нея ветеринарныхъ фельдшеровъ.

Съ достиженіемъ Казанскимъ институтомъ полнаго четырехкурсоваго состава, преподаваемы были студентамъ всѣ существенные предметы, положенные по уставу, за исключеніемъ лишь физической географіи и энциклопедіи ветеринаріи, которые признаны не обязательными, — физическая географія потому, что этотъ предметъ не преподается и студентамъ медицинскаго факультета Казанскаго университета, а энциклопедія ветеринаріи по той причинѣ, что свѣдѣнія, относящіяся къ ней, входятъ въ составъ новаго ветеринарнаго курса. Сравнительно съ назначеннымъ по штату числомъ преподавателей, въ истекшемъ году находилось въ институтѣ 2 вакансіи, которыя были замѣщены преподавателями по найму.

Къ 1-му января 1878 г. было въ институтѣ: студентовъ 200, фельдшерскихъ учениковъ 16. Изъ этого числа вовсе были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій 96, а пяти студентамъ плата была уменьшена на половину.

Командированы были съ ученою цѣлью: за границу ординарный профессоръ Стржездзинскій и въ разные города имперіи ординарный профессоръ Ланге для обзоренія конскихъ заводовъ государственнаго коннозаводства.

Обзаведеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій Казанскаго ветеринарнаго института аппаратами, инструментами, коллекціями и

т. п. произведено было первоначально изъ довольно значительныхъ остатковъ штатныхъ суммъ 1874 г., образовавшихся главнымъ образомъ вслѣдствіе фактическаго открытія института не съ начала года, а только съ августа мѣсяца, но для дальнѣйшаго развитія означенныхъ учрежденій институтъ не преминулъ воспользоваться остатками штатныхъ суммъ и послѣдующихъ годовъ, сверхъ той суммы, которая по штату прямо назначается на бібліотеку и кабинеты. Такимъ образомъ онъ получилъ возможность снабдить въ достаточной мѣрѣ свои лабораторіи и кабинеты различными новѣйшей конструкціи учебно-вспомогательными инструментами, аппаратами и вообще учебными пособиями.

Г) Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Институтъ этотъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій; предметы преподаванія излагаются въ трехъ годичныхъ курсахъ, изъ которыхъ первый—общій для обоихъ отдѣленій, а второй и третій—спеціальные. Опытъ обнаружилъ необходимость измѣненій въ учебномъ планѣ института, для того, чтобы предметы, назначенные для него по уставу, могли быть преподаваемы съ такою полнотою, какая только возможна при трехлѣтнемъ курсѣ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ учащіеся извлекали для себя наибольшую пользу изъ столь необходимыхъ для нихъ практическихъ занятій. Совѣтъ института ревностно занимался этимъ вопросомъ, и въ истекшемъ году выработалъ учебный планъ, который, по утвержденіи его г. попечителемъ Варшавскаго округа, и былъ временно введенъ въ дѣйствіе съ начала учебнаго 1878—1879 года.

Дѣятельность института развивается съ особеннымъ усилѣніемъ въ послѣднее время и правительство съ своей стороны не переставало принимать различныя мѣры съ цѣлью придти ей на помощь въ этомъ отношеніи.

Такъ, между прочимъ, въ отчетномъ году, съ Высочайшаго Вашего Величества соизволенія, разрѣшено было учреждать при институтѣ должности сверхштатныхъ лаборантовъ съ вознагражденіемъ ихъ изъ свободныхъ остатковъ отъ штатныхъ его суммъ или изъ специальныхъ его средствъ и уже два лица заняли такія должности при землѣдѣльской и химической лабораторіяхъ.

Другимъ постановленіемъ опредѣленъ былъ порядокъ назначенія задачъ и выдачи за представляемыя на нихъ сочиненія наградъ, причемъ отъ лицъ, удостоиваемыхъ золотыхъ медалей или почетныхъ

отзывовъ, не требуется особенныхъ разсужденій на званіе агронома или лѣспичаго.

Институтъ ходатайствовалъ объ изданіи своего печатнаго органа для ознакомленія ученаго и промышленнаго общества съ своею дѣятельностью и ея результатами. Ходатайство это было уважено, и въ истекшемъ году уже появился первый томъ записокъ института, въ который вошли труды преподавателей и учащихся, а также различные свѣдѣнія объ этомъ учебномъ заведеніи и его учрежденіяхъ.

Состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій института, имѣющихъ столь важное вліяніе на успѣшное развитіе его дѣятельности, значительно улучшилось, благодаря тому, что какъ въ 1876 году, такъ и въ отчетномъ году преподаватели, завѣдывающіе кабинетами и лабораторіями, старались привести ихъ въ возможно лучшее устройство. Тѣмъ не менѣе нельзя достигнуть многого, что было бы необходимо въ этомъ отношеніи, ибо штатная сумма назначается для института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ для остальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній; спеціальныя же его средства тоже ограничены и обременены другими неотложными расходами. Особенно чувствуется значительный недостатокъ въ ассистентахъ, которые могли бы помогать преподавателямъ въ руководствѣ и наблюденіи за занятіями студентовъ.

Въ теченіе 1877 года были командированы за границу: доцентъ Краузе для изученія лѣсныхъ дачъ при высшихъ лѣсныхъ учебныхъ заведеніяхъ, для ознакомленія съ устройствомъ въ нихъ лѣснаго хозяйства, лѣсныхъ станцій и заводовъ, и сверхштатный лаборантъ Москалевскій для изученія, преимущественно въ Германіи и Австріи, земледѣльческихъ лабораторій, а также организаціи практическихъ занятій студентовъ въ этихъ лабораторіяхъ.

Къ 1-му января 1878 года состояло въ институтѣ 144 студента, изъ коихъ 83 въ общемъ отдѣленіи и 61 въ двухъ спеціальныхъ отдѣленіяхъ.

Стипендіатовъ въ институтѣ не имѣется, но двое молодыхъ людей пользовались изъ частныхъ записей стипендіями Лѣсневскаго и Потоцкаго. Начальство института старалось однако облегчить положеніе недостаточныхъ учащихся различными мѣрами, какъ то: доставленіемъ имъ дешевыхъ квартиръ, освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій и денежными выдачами изъ существующей при институтѣ кассы для неимѣющихъ средствъ студентовъ.

Гимназіи и прогимназіи.

Число гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія осталось въ 1877 году безъ измѣненія; число же прогимназій увеличилось на восемь учебныхъ заведеній этого разряда, открытыхъ въ городахъ: Устюжнѣ (С.-Петербургскаго учебнаго округа), Вѣлевѣ, Брянскѣ, Жиздрѣ (Московскаго), Краснослободскѣ (Харьковскаго), Азовѣ (Одесскаго), Житомирѣ (Кіевскаго) и въ городѣ Благовѣщенскѣ, Амурской области. Изъ упомянутыхъ вновь открытыхъ четырехъклассныхъ прогимназій, только Житомирская и Благовѣщенская содержатся исключительно на счетъ казны; прочія получаютъ болѣе или менѣе значительныя пособія отъ земства и изъ городскихъ суммъ. Такъ, на содержаніе Брянской прогимназіи отпускается изъ суммъ государственнаго казначейства 8,550 руб., и въ то же время, отъ городского общества 3,000 руб. и земства 3,000 руб.; Краснослободская получаетъ изъ государственнаго казначейства 4,025 руб.; отъ земства 2,250 руб. и городского общества 1,000 руб.; Азовская пособія изъ городскихъ суммъ 2,000 руб. Кромѣ того, въ минувшемъ же году, изъ четырехъклассныхъ преобразованы въ шестиклассныя — прогимназіи: Гомельская (Виленскаго учебнаго округа) и С.-Петербургская пятая.

Съ перечисленіемъ вышепоименованныхъ, вновь открытыхъ или преобразованныхъ учебныхъ заведеній, во всѣхъ учебныхъ округахъ къ 1-му января 1878 года состояло: гимназій 129 (съ коллегією Павла Галагана въ Кіевѣ), прогимназій—шестиклассныхъ 20 и четырехъклассныхъ 57 (съ двумя, открытыми въ концѣ 1876 года въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, въ Ташкентѣ и Вѣрномѣ), всего же 206. Общее число учебныхъ заведеній этого разряда увеличилось въ послѣдніи семь лѣтъ на 62 училища, или на 43% противъ 1871 года, въ которомъ ихъ было только 144.

За исключеніемъ прогимназій, вновь открытыхъ въ 1877 году, въ составѣ двухъ низшихъ классовъ и приготовительнаго, и двухъ прогимназій, преобразованныхъ въ шестиклассныя, въ которыхъ открытъ былъ въ томъ же году только одинъ V-й классъ, не имѣли полнаго числа классовъ, положенныхъ по штату: 5 гимназій, учрежденныхъ въ недавнее время (Троицкая Оренбургскаго учебнаго округа, Бѣгородская Харьковскаго, Николаевская и Мариупольская, Одесскаго, Омская въ Западной Сибири) и 10 прогимназій, открытыхъ въ преды-

дущихъ 1875 и 1876 годахъ, 1 Московскаго учебнаго округа, 1 Казанскаго, 1 Оренбургскаго, 1 Харьковскаго, 3 Одесскаго, 1 въ Восточной Сибири и 2 въ Туркестанскомъ краѣ. Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ только двѣ гимназіи имѣютъ по положенію восемь классовъ — Александровскія Рижская и Ревельская, 9 считаются семиклассными и 2 даже шестиклассными (Гольдингенская и Либавская).

Приготовительные классы учреждены при всѣхъ почти гимназіяхъ и прогимназіяхъ (при 198 изъ 206); ихъ польза признана несомнѣнною, въ особенности въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ родители крайне затрудняются передать своимъ дѣтямъ даже тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя требуются для поступленія въ I-й классъ, и часто не находятъ учителей, способныхъ подготовить дѣтей въ гимназію.

Общее число параллельныхъ классовъ незначительно возросло въ 1877 году, съ 293 до 300. Приноравливаясь къ числу учащихся и дѣйствительной потребности, управленія гимназій закрывали при нѣкоторыхъ классахъ соотвѣтствующія имъ параллельныя отдѣленія, а при другихъ вновь открывали. Наибольше состояло параллельныхъ классовъ при Новочеркасской гимназіи Харьковскаго учебнаго округа, — 7 параллельныхъ классовъ, при Дерптской гимназіи — также 7 параллельныхъ классовъ, кромѣ 3 отдѣленій приготовительнаго, и въ Киевскомъ округѣ, при гимназіяхъ 1-й и 2-й Киевскихъ, Подольской и Полтавской, имѣвшихъ по 500 и до 650 учениковъ съ 6 и 7 параллельными отдѣленіями. Во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Киевскаго округа къ 1-му января 1878 года числилось 47 параллельныхъ классовъ, что, по справедливому замѣчанію попечителя округа, составляетъ почти шесть новыхъ гимназій: на основаніи такой численности учащихся, генералъ-лейтенантъ Антоновичъ выводитъ заключеніе о необходимости открыть въ Киевѣ четвертую гимназію или, по крайней мѣрѣ, преобразовать Киевскую шестиклассную прогимназію въ гимназію. Только недостатокъ мѣстныхъ средствъ и особня, исключительныя финансовыя обстоятельства препятствовали мнѣ ходатайствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ объ учрежденіи новыхъ училищъ въ указанныхъ учебныхъ округахъ, въ видахъ облегченія училищнаго надзора и во избѣжаніе тѣсноты.

На содержаніе гимназій и прогимназій въ настоящее время поступаетъ около 6.725,000 руб., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства до 4.337,000 руб.; 1.541,000 р. составляется изъ сбора платы за ученіе и платы за содержаніе своекоштныхъ и разнаго вѣдомства воспитанниковъ въ пансіонахъ при гимназіяхъ;

остальные 847,000 руб. распредѣляются между различными источниками содержанія: отъ городскихъ обществъ поступаетъ въ пособіе гимназіямъ и прогимназіямъ 205,420 руб. 2 к., отъ земства 180,927 руб. 47 коп., изъ дворянскихъ суммъ 107,615 р. 54 к., войсковыхъ 126,517 р. 73 к., изъ коробочнаго сбора съ Евреевъ (въ одномъ Виленскомъ учебномъ округѣ) — 7,688 р. 13¹/₄ к.; изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 133,050 р. 33 к. и единовременныхъ пожертвованій поступило въ 1877 году 36,147 р. 15³/₄ к. Къ этимъ суммамъ слѣдуетъ причислить 39,536 р., выдаваемые Императорскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ на содержаніе своей гимназіи, и 7,914 руб., изъ специальныхъ средствъ С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго института. Такимъ образомъ оказывается, что по настоящее время главнымъ источникомъ содержанія гимназій и прогимназій служить государственное казначейство, отпускающее весьма значительную сумму на развитіе и преуспѣваніе столь важной отрасли народнаго образованія. Гимназіи остаются, по прежнему, учебными заведениями, по преимуществу, правительственными. Затѣмъ, сборъ платы за ученіе, независимо отъ всѣхъ льготъ, предоставляемыхъ учащимся, и ничтожнаго размѣра взимаемой платы, составляетъ 1.022,702 руб. 58³/₄ коп., въ тѣхъ учебныхъ округахъ, въ которыхъ этотъ сборъ поступаетъ непосредственно въ распоряженіе училищъ; если же къ нему присоединить 125,593 руб. 50 к. сбора платы за ученіе по Варшавскому учебному округу, ежегодно поступающихъ въ возвратъ казначейству, также сборъ за содержаніе пансіонеровъ, составляющій при всѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ учреждены пансіоны, 518,698 р. 72³/₄ к., наконецъ—проценты съ капиталовъ, ранѣе пожертвованныхъ въ пользу гимназій и прогимназій (133,050 р. 33 к.), то составитя общая сумма 1.800,045 р. 14¹/₂ к., образующая 27⁰/₁₀₀, то есть, болѣе ¹/₄ части всего бюджета гимназій и прогимназій. По такому расчету выходитъ, что изъ числа существующихъ 206 учебныхъ заведеній этого разряда, около 55 содержатся въ настоящее время на собственные свои специальные средства, 129 на счетъ казны и только 22 на счетъ мѣстныхъ обществъ и другихъ пособій. Городскія и земскія общества годъ отъ году болѣе привлекаются къ участию въ содержаніи гимназій и прогимназій, въ особенности съ того времени, какъ мною принято за правило въ такомъ только случаѣ давать ходъ ходатайству мѣстнаго общества объ учрежденіи новаго училища, когда оно соглашается участвовать, на болѣе или менѣе значительную сумму, въ его содержаніи; но главная забота и главныя

издержки городскихъ и земскихъ обществъ обращены на учрежденіе и поддержаніе начальныхъ народныхъ школъ, отчасти реальныхъ училищъ, то-есть, учебныхъ заведеній, необходимыхъ преимущественно для низшихъ и среднихъ классовъ общества, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ средства, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства, недостаточны на содержаніе училища. Въ 1877 году суммы, ассигнуемыя земствомъ въ пособіе гимназіямъ и прогимназіямъ, возросли, въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ, отъ 168 тысячъ руб. до 181 т.; суммы, расходуемыя городскими обществами, также увеличились отъ 201 т. до 205¹/₂ т. руб., дворянскія суммы отъ 54 т. до 107 т., войсковыя суммы отъ 123 т. до 126 т. Исключительно на одніи суммы городского общества, безъ пособія отъ казны, содержались прогимназіи Рыбинская, Московскаго учебнаго округа, и Мезелинская—Оренбургскаго; на суммы земства, также безъ казеннаго пособія—Лубенская гимназія, Кіевскаго округа; на войсковыя суммы, въ области казачьихъ поселеній—Уральская войсковая гимназія Оренбургскаго учебнаго округа, гимназіи Новочеркасская и Усть-Медвѣдицкая, Харьковскаго округа, и того же округа прогимназіи Каменская и Нижнечирская. На содержаніе въ отдѣльности прогимназій, городскихъ и земскія общества израсходовали въ 1877 году—194,246 руб. 5 коп. и на гимназіи отпускали—192,101 руб. 44 коп., почти поровну на каждый разрядъ этого рода училищъ. Наиболѣе жертвовали городскія общества въ Одесскомъ учебномъ округѣ—на гимназіи и прогимназіи всего вмѣстѣ 66,512 р. и въ Московскомъ округѣ 36,978 руб., затѣмъ земства въ Московскомъ учебномъ округѣ 49,845 руб., Харьковскомъ 50,065 руб. и Кіевскомъ 45,264 руб., дворянство въ Московскомъ округѣ 51,876 и въ Дерптскомъ 36,109 руб.

Отъ источниковъ содержанія гимназій и прогимназій переходя къ предметамъ, на которые расходовались отпускаемыя суммы, укажу въ короткихъ только словахъ, что наибольшая ихъ часть поступаетъ на вознагражденіе учебно-воспитательнаго персонала—до 65⁰/₀ ежегодно; на жалованіе врачу, канцелярскимъ и низшимъ служителямъ при училищахъ издерживается около 8⁰/₀, на наемъ и ремонтъ помѣщеній 12⁰/₀, на улучшеніе библиотекъ, физическихъ кабинетовъ и другія учебныя пособія около 4⁰/₀, на содержаніе пансіоновъ при гимназіяхъ около 8⁰/₀, на выдачу наградъ служащимъ при учебныхъ заведеніяхъ и пособій учащимся около 2¹/₂⁰/₀ и на содержаніе церквей при училищахъ не болѣе ¹/₂⁰/₀.

Стоимость обученія каждаго ученика, въ средней сложности во

всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, обошлась въ теченіе отчетнаго года въ 126 руб. 73 коп., считая въ томъ числѣ и пансіоны, содержащія при гимназіяхъ. Средняя стоимость ученика, по вычисленію попечителей различныхъ учебныхъ округовъ, колеблется отъ 85 руб. 47 коп., минимумъ въ Кіевскомъ округѣ, до 130 р., максимумъ въ Казанскомъ; въ Варшавскомъ округѣ, съ вычетомъ платы за ученіе, возвращаемой управленіемъ округа въ казну, понижается до 64 р. 49 к. Раздѣлка по отдѣльнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ подвержена еще болѣе колебанію и составляетъ въ учебныхъ округахъ:

Оренбургскомъ	отъ	90	до	291	руб.
Кіевскомъ	"	53	"	265	"
Московскомъ	"	81	"	255	"
Казанскомъ	"	86	"	231	"
С.-Петербургскомъ	76	"	177	"
Виленскомъ	"	82	"	157	"
Варшавскомъ	"	40	"	120	"
Одесскомъ	"	76	"	271	"

Стоимость ученика въ Ялтинской прогимназіи обходится до 426 руб., въ Евпаторійской до 719 руб. По отзывамъ попечителей различныхъ учебныхъ округовъ, стоимость обученія въ каждомъ отдѣльномъ учебномъ заведеніи находится въ зависимости, преимущественно, отъ числа учениковъ, посѣщающихъ училище.

Столь же неравномѣрно распредѣлена, по учебнымъ округамъ и городамъ, плата за ученіе, назначаемая отчасти по соображенію съ дѣйствительною стоимостью обученія, но, преимущественно, въ соответствии съ достаткомъ и средствами мѣстнаго населенія. Такъ, напримѣръ, взимается за ученіе въ учебныхъ округахъ:

С.-Петербургскомъ	отъ	15	до	50	руб.
Одесскомъ	"	25	"	50	"
Дерптскомъ	"	16	"	50	"
Московскомъ	"	15	"	40	"
Виленскомъ	"	15	"	40	"
Казанскомъ	"	20	"	36	"
Кіевскомъ	"	10	"	30	"
Варшавскомъ	"	10	"	30	"

Въ С.-Петербургскомъ округѣ плата за ученіе по 15 руб. назначена въ Олонецкой и Архангельской гимназіяхъ; по 50 руб. въ столичныхъ. Въ прогимназіяхъ cadaго соответствующаго округа, плата назначается обыкновенно меньшая, нежели въ гимназіяхъ.

Въ 1877 году не послѣдовало никакихъ законоположеній, измѣняющихъ основныя начала и существующій строй гимназій и прогимназій. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1876 г., при всеподданнѣйшемъ моемъ докладѣ о состояніи осмотрѣнныхъ мною въ томъ году учебныхъ заведеній Оренбургскаго округа, Вашему Величеству угодно было одобрить мое предположеніе объ обязательномъ введеніи во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обученія гимнастикѣ, во время большой перемены, отъ 12 до 12¹/₂ часовъ. Къ 1877 году относится повсемѣстное примѣненіе этой мѣры, которая, я не сомнѣваюсь, окажетъ благотворительное вліяніе на здоровье дѣтей и на правильное физическое ихъ развитіе. Комиссія, Высочайше учрежденная Вашимъ Величествомъ для разсмотрѣнія моего отчета за 1874 годъ, полагала существенно необходимымъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія указало попечителямъ учебныхъ округовъ наиболѣе дѣйствительныя мѣры къ облегченію класснымъ наставникамъ способовъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности и достигать ожидаемыхъ отъ нихъ успѣховъ. Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть принять это замѣчаніе комиссіи къ руководству. Во исполненіе сего, 5-го августа 1877 г., мною утверждена и затѣмъ разслана во всѣ гимназій и прогимназій инструкція для классныхъ наставниковъ, въ которой внесены и согласованы всѣ прочія указанія комиссіи по пересмотру отчета и правила, выработанныя опытомъ, признанныя полезными для успѣха дѣла управленія въ различныхъ учебныхъ округахъ. Къ числу наиболѣе важныхъ общихъ распоряженій по устройству среднихъ учебныхъ заведеній, послѣдовавшихъ въ теченіе 1877 года, надлежитъ также отнести введеніе во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, со второй половины 1877 года, учебныхъ плановъ по различнымъ предметамъ курса, пересмотрѣнныхъ въ особой комиссіи и въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, о чемъ я имѣлъ уже счастье подробно докладывать во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за минувшій годъ. Вліяніе этой послѣдней мѣры на ходъ ученія въ гимназіяхъ, по непродолжительному времени ея примѣненія, еще невозможно опредѣлить. Руководствуясь желаніемъ сколь можно болѣе избѣгать неудобствъ, связанныхъ вообще съ измѣненіемъ однажды установленныхъ учебныхъ плановъ, циркуляромъ отъ 8-го іюня 1877 г., я указалъ попечителямъ учебныхъ округовъ порядокъ введенія новыхъ плановъ и согласованія ихъ въ началѣ курса съ прежнею программю. Напомнивъ основанія, принятія при составленіи, какъ новыхъ учебныхъ плановъ, такъ и прежнихъ 1872 г.,

я объяснилъ, между прочимъ, что въ объемѣ преподаванія каждаго предмета, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ планахъ, опредѣлено наименьшее, что можетъ быть сдѣлано въ каждомъ классѣ; но съ другой стороны, что расширеніе объема преподаванія какого-либо предмета легко можетъ повлечь за собою обремененіе для учащихся или стѣсненіе для преподаванія другихъ предметовъ. Поэтому просилъ учебныя управленія придерживаться предлагаемыхъ плановъ какъ можно ближе.

Отступленій отъ утвержденныхъ плановъ преподаванія нигдѣ не допускалось въ 1877 году, кромѣ незначительныхъ измѣненій въ распредѣленіи часовъ ученія и перенесенія части предположеннаго по программѣ въ слѣдующій классъ.

Главное вниманіе попечителей учебныхъ округовъ было обращено, въ 1877 году, какъ и въ предыдущемъ, на упроченіе и утвержденіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ порядка, введеннаго уставомъ 1871 г., на точное исполненіе и примѣненіе къ дѣлу изданныхъ инструкцій и на улучшеніе учебно-воспитательнаго персонала. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, попечители отзываются съ похвалою о большинствѣ служащихъ подъ ихъ начальствомъ. Открывающіяся мѣста директоровъ и инспекторовъ, въ особенности при учрежденіи новыхъ учебныхъ заведеній, они предоставляютъ наиболѣе достойнымъ и заслуженнымъ изъ учителей, преимущественно изъ преподавателей древнихъ языковъ. Желаніе каждаго начальника гимназіи или прогимназіи обставить себя лучшимъ составомъ преподавателей возбуждаетъ еще частыя перемѣщенія. Директоры и инспекторы, исполняя съ должнымъ усердіемъ возложенныя на нихъ обязанности по надзору за училищемъ, почти всѣ раздѣляютъ въ то же время труды прочихъ учителей заведенія, по преподаванію различныхъ предметовъ курса и по званію классныхъ наставниковъ, согласно § 60 устава о гимназіяхъ. Отступленія отъ этого общаго правила составляютъ весьма рѣдкія исключенія.

Въ 1877 году, числилось по спискамъ директоровъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, занимающихся преподаваніемъ и исполняющихъ должности классныхъ наставниковъ, всего 144, инспекторовъ гимназій и прогимназій 167. Изъ числа директоровъ, 103 преподавали древніе языки или одинъ изъ древнихъ языковъ въ соединеніи съ другимъ предметомъ курса, 18 занимались преподаваніемъ русскаго языка, 4 математики и физики и 22 исторіи и географіи; изъ числа инспекторовъ, 105 занимались преподаваніемъ древнихъ языковъ

или древняго въ соединеніи съ другимъ предметомъ, 32 преподаваніемъ русскаго языка, 23 математики и физики, 22 исторіи и географіи и 3 новыхъ иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ, значительное большинство посвящали себя преподаванію древнихъ языковъ и классической литературы.

Число заслуженныхъ учителей, получающихъ за свою службу высшій окладъ жалованья, достигаетъ въ настоящее время во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ имперіи до 95. Изъ нихъ 28 занимались преподаваніемъ обоихъ древнихъ языковъ или одного изъ древнихъ въ соединеніи съ другимъ предметомъ курса, 21 преподаваніемъ русскаго языка, 32 математики, 8 исторіи и географіи и 6 преподаваніемъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Если въ этой категоріи учащихся преподаватели древнихъ языковъ уступаютъ въ численности другимъ разрядамъ, то причиною тому слѣдуетъ указать значительный недостатокъ преподавателей древнихъ языковъ, который еще былъ ощущаемъ немного лѣтъ назадъ, и пополненіе ихъ контингента свѣжими, молодыми силами, лицами, не имѣвшими времени достигнуть почетнаго званія заслуженнаго учителя, а также назначеніе, преимущественно изъ ихъ среды, наиболѣе способныхъ на вакантныя должности директоровъ и инспекторовъ. Тѣмъ не менѣе, изъ вышеприведенныхъ цифръ оказывается, что число заслуженныхъ преподавателей, по различнымъ предметамъ курса, въ настоящее время, уже стремится къ уравнию и число занимающихся преподаваніемъ математики и физики превышаетъ преподающихъ древніе языки не болѣе какъ на 4 человекъ. Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ нѣтъ преподавателей, которымъ было бы присвоено званіе заслуженныхъ, по недостатку средствъ, какъ объясняетъ попечитель округа, на выдачу имъ положеннаго по этому званію оклада жалованья, хотя имѣются лица, вполне заслужившія такого отличія.

Общее число преподавателей, принявшихъ на себя исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ, составляло въ 1877 году—1,090 учителей, а съ директорами, инспекторами гимназій и прогимназій и заслуженными преподавателями, исполнявшими тѣ же обязанности, число классныхъ наставниковъ взросло до 1,496. Всего же преподавателей, по спискамъ различныхъ учебныхъ округовъ, къ 1-му января 1878 г. значилось 1,975, кромѣ законоучителей, учителей пѣнія, рисованія и гимнастики. Изъ нихъ 1,090, то-есть, болѣе половины, или точнѣе, 55,1% состояли классными наставниками въ училищахъ, въ которыхъ занимались преподаваніемъ. Въ 129 гимназіяхъ, нынѣ су-

ществующихъ, и 77 прогимназіяхъ открыто было 1627 основныхъ и параллельныхъ классовъ, кромѣ приготовительныхъ; а какъ общее число классныхъ наставниковъ выше показано 1496, то изъ этого слѣдуетъ, что 131 изъ нихъ завѣдывали одновременно двумя классами въ училищѣ, остальные посвящали свою дѣятельность исключительно какому либо одному классу, и вообще никто изъ нихъ не былъ обремененъ чрезмѣрными трудами по исправленію столь важной воспитательной обязанности. Изъ числа 1,090 классныхъ наставниковъ, выше обозначенныхъ, большинство—590 занималось преподаваніемъ двухъ древнихъ языковъ или одного изъ нихъ въ соединеніи съ другимъ предметомъ; 148 преподавали русскій языкъ, 213 математику, 120 исторію и географію, 46 новые иностранные языки; таковы выводы изъ статистическихъ данныхъ о корпораціи классныхъ наставниковъ, убѣждающіе, что въ настоящее время этотъ институтъ вполне осуществился въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и вступилъ во всѣ свои права.

Коммиссія, учрежденная по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, для разсмотрѣнія моего всеподданнѣйшаго отчета за 1874 годъ, обративъ особенное вниманіе на это новое у насъ и благотворное учрежденіе и поручая мнѣ дать ему надлежащее направленіе къ успѣшному достиженію предположенной цѣли, указала между прочимъ, что въ реальныхъ училищахъ дѣятельность классныхъ наставниковъ заслуживала, въ то время, болышую похвалу, въ гимназіяхъ слабѣе прививалась, особенно въ столицахъ и большихъ городахъ. Въ послѣдующихъ уже отчетахъ моихъ, за 1875 и 1876 годы, я имѣлъ счастье докладывать Вашему Императорскому Величеству о значительныхъ и быстрыхъ успѣхахъ этого института въ гимназіяхъ. Въ настоящее время, считаю обязанностью привести отзывы по сему предмету попечителей различныхъ учебныхъ округовъ, внесенные въ ихъ отчеты за 1877 годъ, хорошо характеризующіе дѣятельность классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, ввѣренныхъ ихъ надзору. Попечитель С.-Петербургскаго округа, свидѣтельствуя, что институтъ классныхъ наставниковъ введенъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа съ замѣтною пользою для учебно-воспитательнаго дѣла, исключаетъ одну только Архангельскую гимназію, въ которой введеніе этого института встрѣчаетъ еще нѣкоторое затрудненіе, вслѣдствіе недостатка учителей для двухъ гимназій, существующихъ въ городѣ, мужской и женской, и по обремененію ихъ уроками въ той и другой. Въ прочихъ гимназі-

якъ и прогимназіяхъ числилось, по словамъ попечителя, 162 класса (кромя приготовительныхъ), которые были поручены 160 отдѣльнымъ наставникамъ; только двумъ изъ нихъ ввѣрены по 2 класса. Попечитель Московскаго округа, утверждая, что институтъ классныхъ наставниковъ окончательно вошелъ въ жизнь нашей школы, свидѣтельствуеть, что классные наставники во всякое время имѣютъ и могутъ сообщить всѣ свѣдѣнія, касающіяся того или другаго ученика своего класса и ведутъ имъ подробные списки; не оставляютъ безъ вниманія ни одного обстоятельства, могущаго благоприятно или же вредно дѣйствовать на учащагося и его успѣхи; содѣйствуютъ очень много аккуратному посѣщенію уроковъ учениками и уменьшенію манкировокъ; наблюдаютъ, чтобы ученики не были обременяемы непосильными работами, и знакомятъ учителей съ индивидуальными способностями каждаго; постоянно спосаясь съ родителями учениковъ, опекунами, репетиторами, помогаютъ часто имъ своими совѣтами, съ видимо хорошими результатами, вести трудное дѣло воспитанія; регулируютъ и вѣкласное чтеніе учениковъ, не оставляютъ ихъ въ большія перемѣны, добровольно принимаютъ на себя занятія съ неуспѣвающими, и слѣдятъ за гигиеническимъ состояніемъ своего класса. Весь учебный день ученика проходитъ, по замѣчанію попечителя, подъ надзоромъ наставника. Не только ученики свѣдѣлись съ классными наставниками, но, въ большинствѣ случаевъ, родители съ должнымъ вниманіемъ и полнымъ довѣріемъ относятся къ нимъ и къ ихъ письменнымъ сообщеніямъ. Всѣ начальники учебныхъ заведеній Московскаго округа отзываются хорошо о дѣятельности классныхъ наставниковъ; самъ попечитель, изъ личныхъ своихъ наблюденій вынесъ убѣжденіе, что члены этой почтенной корпораціи добросовѣстно исполняютъ свои обязанности и во многомъ способствуютъ правильному ходу воспитанія въ гимназіяхъ. Подобное же мнѣніе высказано попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, который поясняетъ, что учащіеся смотрятъ на классныхъ наставниковъ, какъ на своихъ непосредственныхъ совѣтниковъ и доброжелателей, и не тяготеютъ ихъ наблюденіемъ за собою, которое простирается и вѣ стѣнъ гимназіи. То же благотворное вліаніе классныхъ наставниковъ на учащихся подтверждаютъ попечители Оренбургскаго, Кіевскаго и Одесскаго округовъ. По отзыву послѣднiго, институтъ классныхъ наставниковъ получилъ во вѣрнопомъ ему округѣ полнѣйшее возможное развитіе. Попечитель Варшавскаго учебнаго округа добавляетъ: формальное отношеніе, непзбѣж-

ное въ первое время введенія означеннаго института, исчезаетъ, уступая мѣсто искреннему и теплому участию воспитателей въ нуждахъ учащихся; наставники, знакомясь ближе съ качествами, наклонностями, недостатками каждаго ученика, и его домашнею жизнью, приобретаютъ опытность и съ большею увѣренностью принимаютъ тѣ или другія мѣры. Плоды ихъ дѣятельности въ особенности замѣчаются на ученикахъ низшихъ классовъ, болѣе нуждающихся въ совѣтахъ и руководствѣ, и болѣе впечатлительныхъ и гибкихъ по своему возрасту. Лѣнныя и противившіеся школьной дисциплинѣ, подъ руководствомъ классныхъ наставниковъ, видимо исправляются. Инструкція, мною утвержденная въ 1877 году для классныхъ наставниковъ, по отзыву всѣхъ попечителей, въ точности исполняется. По мнѣнію попечителя Московскаго округа, она была узаконеніемъ и утвержденіемъ того, что было ранѣе заведено въ училищахъ округа; по отзыву попечителей другихъ округовъ, она послужила поясненіемъ и дополненіемъ правилъ, выработанныхъ до того времени педагогическими совѣтами, на основаніи практики. Несомнѣнный и повсемѣстный успѣхъ введенія института классныхъ наставниковъ доказываетъ, какъ велика и настоятельна была потребность нашего общества въ опытныхъ и образованныхъ руководителяхъ для нравственнаго воспитанія юношества, потребность нынѣ вполне удовлетворяемая.

Уставомъ о гимназіяхъ 1871 года дозволено соединять въ лицѣ одного учителя гимназіи преподаваніе двухъ и болѣе предметовъ. О пользѣ такого соединенія, я имѣлъ счастье подробно докладывать Вашему Величеству въ моемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за минувшій 1876 годъ. Въ 1877 году, случаевъ такого соединенія преподаванія, во всѣхъ учебныхъ округахъ, было 1182. Если принимать въ основаніе цифру, вышеприведенную, 2000 человекъ, означающую общее число учителей различныхъ предметовъ, состоявшихъ на лицо въ 1877 г., по спискамъ гимназій и прогимназій, то число соединяющихъ преподаваніе двухъ и болѣе предметовъ (1,182) составитъ 59%. Въ томъ числѣ преподавали оба древніе языка 379 (въ 1876 г. 351), одинъ изъ древнихъ и русскій языкъ 255 (въ 1876 г. 266), одинъ изъ древнихъ языковъ въ соединеніи съ какимъ либо другимъ предметомъ преподаванія 128 (въ 1876 г. 146); всего же занималось преподаваніемъ двухъ древнихъ языковъ или одного изъ древнихъ въ соединеніи съ другимъ предметомъ курса 762 (въ 1876 г. 763). За тѣмъ соединяли преподаваніе какихъ либо другихъ предметовъ, какъ,

напримѣръ, исторіи русскаго языка, исторіи и географіи, математикѣ и физики 427 (въ 1876 году 452); и преподавали одновременно оба новые иностранные языка 24 (въ 1876 г. 28). По такому исчисленію оказывается, во первыхъ, что цифры двухъ послѣднихъ годовъ, 1876 и 1877 г., весьма схожи и, во вторыхъ, что значительное большинство преподавателей, соединяющихъ предметы преподаванія, въ томъ и другомъ году посвящали свои занятія обученію двумъ древнимъ языкамъ или одному изъ нихъ. Соединеніе различныхъ предметовъ преподаванія въ лицѣ одного учителя много облегчаетъ управленія округовъ въ распредѣленіи занятій между наличнымъ составомъ учителей и въ замѣщеніи вакантныхъ должностей; нельзя, однако же, сказать, чтобы этотъ училищный обычай вполне нормально установился въ гимназіяхъ и повсемѣстно. Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ которомъ преподаваніе соединяли 101 учитель изъ числа 252 наличныхъ или 40%, находитъ, что соединеніе преподаванія уже приближается, въ округѣ, до своего возможнаго максимумъ и въ послѣдующіе годы можно ожидать только незначительнаго его распространенія. Напротивъ, попечитель Московскаго округа, въ которомъ занимались преподаваніемъ одновременно двухъ и трехъ предметовъ 199 учителей изъ 347 или 57% слишкомъ, считая это учрежденіе безусловно полезнымъ, полагаетъ, что оно еще не достигло тѣхъ размѣровъ, какіе были бы желательны. Различіе въ мнѣніяхъ двухъ попечителей округовъ происходитъ, конечно, отъ различія дѣйствительной потребности въ училищахъ каждой мѣстности. Въ С.-Петербургскомъ округѣ легче приискать преподавателей на вакантныя мѣста, и преподаватели, съ своей стороны, занимаясь чаще посторонними уроками или учеными и литературными работами, не столь охотно принимаютъ на себя преподаваніе многихъ предметовъ. Въ Московскомъ округѣ болѣе ощущается потребности въ соединеніи предметовъ преподаванія въ лицѣ одного наставника, и болѣе замѣтно охоты къ тому со стороны учителей. Надо полагать, судя по отзывамъ нѣкоторыхъ попечителей, что преподаватели не усвоили себѣ вполне сознаніе пользы и значенія въ школѣ такъ называемаго класснаго преподавателя, имѣющаго господствующее значеніе въ классѣ, руководящаго молодыми людьми сразу по многимъ предметамъ изученія, и по главнымъ изъ нихъ; многіе остаются до сего времени, по прежнему, предметными преподавателями, спеціалистами. По мнѣнію попечителя Московскаго округа, прежняя школа не заявляла, въ этомъ отношеніи, никакого спроса, не могло быть и предложенія; созваніе новой по-

требности и достаточное число лицъ, готовыхъ отвѣтствовать на проявляющіяся требованія, не могутъ созрѣть въ короткое время. Быстрое увеличеніе, однако, съ 1874 г. числа преподавателей, соединяющихъ предметы обученія (въ 1873 г. ихъ было всего только 330, въ 1874 году 368) и примѣръ успѣховъ института классныхъ наставниковъ убѣждаютъ, что вопросъ о классныхъ преподавателяхъ не замедлитъ получить вполне нормальное разрѣшеніе и направленіе.

Число уроковъ, пропущенныхъ преподавателями въ теченіе года, вообще незначительно и составляло въ 1877 г., въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, не болѣе 3,9% общаго числа уроковъ, назначенныхъ по росписанію, въ Московскомъ округѣ 4,7% въ гимназіяхъ и 3,7% въ прогимназіяхъ, въ Кіевскомъ 4,9% въ гимназіяхъ и 5,3% въ прогимназіяхъ, въ Казанскомъ округѣ 5,5% въ тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Оренбургскомъ 5,3%, Одесскомъ 4,5%, Виленскомъ 4,4%, и Варшавскомъ 3,6%. Число манкировокъ съ каждымъ годомъ уменьшается; примѣрами тому могутъ служить С.-Петербургскій учебный округъ и Виленскій: въ первомъ насчитывали пропущенныхъ уроковъ въ 1871 году 5,9%, въ 1876 году 4,4%, въ 1877—3,9%; во второмъ въ 1873 г.—6%, въ 1874 г.—5%, въ 1875 г.—4,4%, въ 1876 г. 4,6%, въ 1877 г.—4,4%. Причины пропуска, какъ и въ предыдущіе годы, составляли преимущественно: продолжительная болѣзнь преподавателя, кончавшаяся иногда смертію или умопомѣшательствомъ, временное нездоровье, другія служебныя обязанности, отпускъ по уважительнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, и въ особенности исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя въ судѣ или переводчика, а также экспертиза. Къ отиравленію послѣднихъ двухъ указанныхъ обязанностей весьма часто въ судъ вызывались учителя иностранныхъ языковъ, рисованія и чистописанія.

Пропущенные преподавателями уроки замѣщаются были директорами, инспекторами, другими преподавателями, иногда особо приглашаемыми лицами по найму, воспитателями пансіоновъ или помощниками классныхъ наставниковъ. Заступающій мѣсто отсутствующаго продолжалъ преподаваніе предмета, начатаго его предшественникомъ, или занимался съ его учениками повтореніемъ пройденнаго.

Точно также постепенно уменьшается число преподавательскихъ вакантныхъ мѣстъ. Во всѣхъ учебныхъ округахъ въ 1876 году ихъ открылось 387, въ 1877 году—335 не считая вакантныхъ должностей учителя рисованія, черченія и чистописанія); къ 1-му января 1877 г. оставались незамѣщенными 164, къ 1-му января 1878 г. не заняты

были—137. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣдняго отчетнаго года, приблизительно, на каждыя двѣ гимназіи или прогимназіи открывалось по три вакантныхъ мѣста, и къ концу года на каждыя же двѣ гимназіи или прогимназіи осталось незамѣщеннымъ одно мѣсто. Находясь въ зависимости отъ перемѣщеній, отчасти отъ числа вновь открываемыхъ училищъ, вакантныя должности оставались, только въ рѣдкихъ случаяхъ, незавлѣтыми въ теченіе продолжительнаго срока. Въ большинствѣ онѣ очень скоро были замѣщаемы назначеніемъ новаго преподавателя; ипогда вслѣдъ за увольненіемъ преподавателя, его преемникъ, безъ всякаго перерыва, немедленно вступалъ въ управленіе его должности и къ продолженію начатаго имъ преподаванія. Наибольше вакантныхъ мѣстъ, а слѣдовательно, и перемѣщеній оказалось въ теченіе 1877 года въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Московскаго учебнаго округа—66 при 36-хъ учебныхъ заведеніяхъ округа; затѣмъ, въ Харьковскомъ округѣ 55 (при 22-хъ учебн. завед.) и въ Кіевскомъ 31 (при 19-ти). Изъ числа открывшихся вакансій остались незамѣщенными къ 1-му января 1878 г. въ Московскомъ округѣ 2 преподавательскія мѣста въ гимназіяхъ и 18 въ прогимназіяхъ, въ Харьковскомъ всего 16 и Кіевскомъ 13. Наибольше осталось незамѣщенныхъ вакантныхъ преподавательскихъ должностей къ 1-му января 1878 года, во всѣхъ учебныхъ округахъ, по древнимъ языкамъ 51; затѣмъ, по русскому языку и словесности 21, по математикѣ и физикѣ 16, по исторіи и географіи 16, законоучителей различныхъ исповѣданій 7 и преподавателей новыхъ иностранныхъ языковъ 26. Открывавшіяся вакантныя должности повсемѣстно замѣщаемы были временно преподавателями изъ наличнаго состава учителей, безъ особеннаго вреда для хода преподаванія, и только весьма немногія гимназіи или прогимназіи, по отзывамъ попечителей учебныхъ округовъ, тяготились отсутствіемъ штатнаго преподавателя, какъ, напри- мѣръ, Архангельская гимназія (С.-Петербургскаго округа), Уральская и Троицкая (Оренбургскаго), Аренбургская (Дерптскаго), Полтавская, Лубенская (Кіевскаго) и Вольская прогимназія (Казанскаго), вслѣд- ствіе недостаточнаго числа въ нихъ наличныхъ преподавателей. Кромѣ упомянутыхъ гимназій и прогимназій, въ которыхъ встрѣтились въ этомъ отношеніи лишь временныя затрудненія, недостатокъ преподавателей и замѣщеніе ихъ валичными или по найму озабочивалъ попечителей учебныхъ округовъ, почти исключительно, только по двумъ иностран- нымъ языкамъ, нѣмецкому и французскому; по другимъ предметамъ преподаванія, я надѣюсь, этотъ недостатокъ будетъ съ каждымъ го-

домъ менѣе ощутителенъ, по мѣрѣ выпуска воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ, изъ филологическихъ институтовъ и факультетовъ университета.

Преподаватели каждой гимназіи и прогимназіи продолжали усердно заниматься внутреннимъ распорядкомъ учебныхъ заведеній въ собраніяхъ педагогическаго совѣта и въ отдѣльныхъ комиссіяхъ классныхъ, предметныхъ и хозяйственныхъ комитетахъ. Общее число такихъ засѣданій, въ теченіе года, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ достигало цифры 1,066, что составляетъ среднимъ числомъ на каждое учебное заведеніе округа по 48 или почти по 1-му засѣданію еженедѣльно. Въ Московскомъ учебномъ округѣ среднее число собраній педагогическаго совѣта и его отдѣленій на каждое учебное заведеніе составляло 77, въ Казанскомъ 61, Оренбургскомъ 87, Кіевскомъ 82, Одесскомъ 54, Варшавскомъ 86 и Виленскомъ 91, почти по два раза въ недѣлю. Означенныя собранія, на которыхъ возбуждаемы были педагогическіе или хозяйственныя вопросы, самыя разнообразныя, не выступая изъ предѣловъ вѣдѣнія, имъ указанныхъ уставомъ, много содѣйствовали къ установленію единства въ дѣйствіяхъ гимназическаго управленія и къ благоустройству въ подчиненныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. На членовъ педагогическихъ совѣтовъ возлагаемо было, въ различныхъ учебныхъ округахъ, кромѣ того, производство испытаній на званіе учителей и учительницъ народныхъ школъ, домашняго учителя или учительницы, на первый классный чинъ и на льготу по отбыванію воинской повинности 2, 3 и 4-го разрядовъ.

Отъ учебно-воспитательнаго персонала гимназій я перехожу къ ученикамъ, и считаю обязанностью прежде всего указать на постоянное возрастаніе ихъ числа въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ отчетномъ году такъ же, какъ и въ предыдущіе. Такое возрастаніе опредѣляется, за послѣднія пять лѣтъ, слѣдующими цифрами, извлеченными изъ всеподданнѣйшихъ моихъ отчетовъ по министерству народнаго просвѣщенія и изъ статистическихъ отчетовъ гимназій за послѣдній годъ: въ 1874 году числилось учащихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ 42,676 человекъ, при 165 учебныхъ заведеніяхъ этого разряда, въ то время существовавшихъ ¹⁾; въ 1875 г. это число возросло до 44,698 (на 2,022 болѣе) при 180 учн-

¹⁾ За исключеніемъ 2 реальныхъ гимназій и 1 прогимназіи Варшавскаго округа, значащихся по отчетному 1874 году, преобразованныхъ въ слѣдующемъ году въ реальныя училища, и при нихъ 578 человекъ.

лицахъ; въ 1876 году до 47,639 (на 2,941 болѣе), при 184 училищахъ; въ началѣ 1877 года учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ насчитывалось 50,701 (на 3,062 болѣе предыдущаго года), при 195 училищахъ, и къ 1-му января 1878 года 53,072 (на 2,371 болѣе), при 206 учебныхъ заведеніяхъ. Возростаніе числа учащихся, довольно равномерное почти во всѣхъ учебныхъ округахъ, доказываетъ, по мнѣнію ихъ попечителей—усиливающееся довѣріе общества къ учебнымъ заведеніямъ, учрежденнымъ для классическаго образованія.

Значительное большинство учащихся принадлежало къ православному вѣроисповѣданію. Общее число православныхъ, къ которому отнесены въ отчетахъ и немногіе посѣщающіе гимназіи старообрядцы, называющіе себя „ревнителями древняго благочестія“, достигало въ 1877 году до 32,393 учениковъ или 61% всего числа учащихся. Процентъ учениковъ римско-католическаго исповѣданія не превышалъ 18,7; учащіеся лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій составляли 8,5%, учащіеся еврейскаго исповѣданія—10,7%. Ученики другихъ исповѣданій очень малочисленны и составляютъ въ общей массѣ только 1,1%. Между ними встрѣчаются армяно-грегоріане, магометане и попадаютъ даже язычники, преимущественно буддисты. Магометанъ въ 1877 г. всего насчитывали 127 человекъ, въ 1876 г. ихъ было 115. Принадлежащіе къ римско-католическому исповѣданію преобладали только въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Варшавскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ и составляли въ первомъ 69,4% общаго числа учащихся, во второмъ 38,8%. Число православныхъ въ Виленскомъ округѣ, въ то же время, достигало до 33,2%, число Евреевъ до 23%, другихъ исповѣданій числилось не болѣе 5%. Ученики лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій первенствуютъ въ Дерптскомъ учебномъ округѣ и составляютъ 70% общаго числа гимназистовъ округа. Число учениковъ еврейскаго исповѣданія, по замѣчанію попечителей различныхъ учебныхъ округовъ, повсемѣстно возрастаетъ, съ того времени, какъ Евреямъ дозволено селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Ихъ число наиболѣе значительно въ Одесскомъ учебномъ округѣ и составляло 1,846 человекъ или 34,7% общаго числа учащихся этого округа; затѣмъ въ Варшавскомъ 1,115 человекъ или 13,5%, въ Виленскомъ 966 или 23% и Кіевскомъ 698 или 11,4%. Въ распредѣленіи учащихся по сословіямъ, въ общемъ итогѣ, преобладаютъ дѣти дворянъ и чиновниковъ, число которыхъ достигало до 26,667, что составляетъ болѣе половины всѣхъ учащихся. Затѣмъ слѣдуютъ ученики изъ городскихъ сословій; ихъ насчитывали

18,723 или 35,3% всего числа учащихся. Учениковъ изъ духовнаго званія числилось 2,865 или 5,4%; сельскаго состоянія 3,965 или 7,4%, иностранцевъ 852 или 1,6%. По наблюденію и вычисленіямъ почетелей почти всѣхъ учебныхъ округовъ, дѣти дворянъ и чиновниковъ имѣютъ значительный численный перевѣсъ въ гимназіяхъ и высшихъ ихъ классахъ; напротивъ, ученики изъ городскихъ сословій преобладаютъ въ прогимназіяхъ и низшихъ классахъ гимназій. Изъ этого выводятся заключеніе, какъ и было объяснено во всеподданнѣйшихъ моихъ отчетахъ за предыдущіе годы, что дворяне и чиновники предназначаютъ своихъ дѣтей преимущественно къ высшему университетскому образованію; ученики изъ этихъ сословій, по большей части, оканчиваютъ полный курсъ гимназій. Учащіеся изъ городскихъ сословій довольствуются среднимъ образованіемъ, низшими классами гимназій или курсомъ ближайшей къ ихъ мѣсту жительства прогимназій, и менѣе переходятъ въ университеты доканчивать свое образованіе. Незначительное число учащихся изъ духовнаго званія и сельскаго состоянія объясняется тѣмъ, что многіе священно-и церковнослужители помѣщаютъ своихъ дѣтей въ училища духовнаго вѣдомства; а лица сельскаго состоянія, довольствуясь низшимъ образованіемъ, посылаютъ своихъ дѣтей преимущественно въ начальныя народныя училища, одноклассныя или двухклассныя. Такимъ образомъ, современное устройство учебныхъ заведеній удовлетворяетъ разнообразнымъ потребностямъ всѣхъ слоевъ и классовъ общества.

Наиболѣе многолюднымъ бываетъ обыкновенно I или низшій классъ гимназій и прогимназій; затѣмъ число учениковъ каждаго изъ послѣдующихъ высшихъ классовъ постепенно уменьшается. Этимъ обусловливается открытіе параллельныхъ отдѣленій, преимущественно при низшихъ четырехъ классахъ, а также отдѣльное существованіе четырехъ классныхъ прогимназій, замѣняющихъ собою параллельные классы. По мѣрѣ усиленія прилива учениковъ, четырехклассныя прогимназій преобразуются постепенно въ шестиклассныя, шестиклассныя прогимназій въ полныя нормальныя гимназій. Такимъ образомъ, прогимназій служатъ не только зерномъ и зародышемъ будущихъ гимназій, онѣ составляютъ приготовительныя училища, изъ которыхъ лучшіе ученики переходятъ въ высшіе классы ближайшихъ гимназій и въ нихъ сосредоточиваются. Для примѣра распредѣленія учащихся по классамъ, укажу два округа, Московскій и Варшавскій, въ которыхъ числится наиболѣе учениковъ, и третій Оренбургскій, въ которомъ ихъ менѣе числомъ, нежели въ другихъ учебныхъ округахъ. Числен-

ность каждого класса, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ означенныхъ округовъ изображена въ слѣдующей таблицѣ:

Къ 1-му января 1878 г. числилось учениковъ въ класссахъ.	Въ 36 учебн. заве- деніяхъ Московск. округа.	Средннѣ числомъ въ каждомъ классѣ.	Въ 26 заведеніяхъ Варшавск. округа.	Средннѣ числомъ въ каждомъ классѣ.	Въ 8 заведеніяхъ Оренбургск. округа.	Средннѣ числомъ въ каждомъ классѣ.
Приготовительномъ	1087	30	1262	48	303	38
I	1632	45	1685	65	337	42
II	1350(33) ¹⁾	41	1458	56	271	34
III	1191(33)	36	1340	51	205	26
IV	984(32)	31	998	38	152(7)	22
V	571(21)	27	561(18)	31	121(6)	20
VI	493(21)	23	448(18)	25	107(6)	18
VII	328(20)	16	302(18)	17	73(5)	15
VIII	253(20)	12	215(18)	12	71(5)	14

То же явленіе, усматриваемое изъ помѣщенной здѣсь таблицы— численный перевѣсъ низшаго или I-го класса гимназіи передъ прочими, повторяется во всѣхъ учебныхъ округахъ кромѣ Дерптскаго, въ которомъ II-й, III-й и IV-й классы превосходятъ численностью I-й классъ; затѣмъ, начиная съ IV-го, и въ Дерптскомъ округѣ, численность каждого послѣдующаго класса равномѣрно и быстро понижается. Попечитель Дерптскаго учебнаго округа, приписывая численность низшихъ классовъ наплыву такихъ учениковъ, которые не имѣютъ намѣренія готовиться къ университету, но, довольствуясь посѣщеніемъ низшихъ классовъ, выходятъ на поприще практической дѣятельности, не докончивъ курса, указываетъ на присутствіе подобныхъ учениковъ даже въ университетскомъ городѣ, въ Дерптской гимназіи, наиболѣе изъ всѣхъ гимназій округа переполненной учащимися. Ожидая проектированнаго преобразованія Дерптскаго уѣзднаго училища въ реальное, д. ст. с. Сабуровъ полагаетъ, что реальное училище освободитъ гимназію отъ массы указанныхъ выше случайныхъ учениковъ, неохотно занимающихся главными предметами гимназіи и потому тормозящихъ успѣхъ другихъ.

Отмѣченная выше устойчивость дѣтей дворянъ и чиновниковъ

¹⁾ Цифры въ скобкахъ означаютъ число основныхъ классовъ въ каждомъ округѣ.

къ продолженію гимназическаго курса до высшихъ его классовъ объясняется болѣе сильнымъ сознаниемъ необходимости высшаго образованія для лицъ, принадлежащихъ къ означеннымъ сословіямъ. Отсюда — стараніе преодолѣть всѣ трудности и препятствія для достиженія цѣли. Семьи городского состоянія, несомнѣнно, менѣе дорожатъ университетскимъ образованіемъ для своихъ дѣтей; но, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ реальное училище существуетъ на ряду съ гимназією, прогимназією или въ близкомъ отъ нихъ разстояніи, и тамъ многіе родители изъ купцовъ и мѣщанъ, не зная и не испытавъ способностей своихъ дѣтей, охотно помѣщаютъ ихъ въ гимназію, какъ учебное заведеніе, имѣющее преимущества по курсу преподаванія и болѣе обширныя права, и только позднѣе измѣняютъ направленіе, данное воспитанію юноши, при обнаружившейся его неспособности. Распространеніе реальныхъ и четырехклассныхъ городскихъ училищъ уменьшитъ въ гимназіяхъ, надо полагать, число такихъ малоспособныхъ или неусердныхъ учащихся, но едва ли совершенно отъ нихъ освободитъ.

Уменьшеніе числа учащихся, замѣчаемое въ высшихъ классахъ гимназій, находится отчасти въ зависимости отъ того обстоятельства, что ученики, нынѣ оканчивающіе курсъ ученія, поступили въ учебное заведеніе 8 или 9 лѣтъ назадъ, когда вообще число учениковъ гимназій было гораздо менѣе значительно. Такъ, напримѣръ, къ 1 января 1870 года числилось учащихся въ 146 существовавшихъ въ то время гимназіяхъ и прогимназіяхъ, классическихъ и реальныхъ, всего только 37.321, на 16.751 менѣе, нежели въ 1877 году; изъ этой массы многіе отдѣлены въ реальныя училища, во время ихъ преобразованія, другіе выбыли вовсе изъ гимназій, по различнымъ причинамъ, въ теченіе восьмилѣтняго прохожденія курса ученія. Не одно это обстоятельство, однако, имѣетъ вліяніе на численность учениковъ высшихъ классовъ; распредѣленіе учащихся по классамъ обусловливается: 1) числомъ учениковъ, не выдержавшихъ переводнаго экзамена и остающихся на второй годъ въ томъ же классѣ, 2) числомъ вновь поступающихъ въ гимназію или прогимназію и 3) числомъ выбывающихъ ежегодно, изъ каждаго класса, до окончанія курса.

Для болѣе нагляднаго объясненія, въ какой мѣрѣ имѣютъ вліяніе на распредѣленіе учащихся по классамъ упомянутые выше три различныя фактора, прилагаю при семъ таблицу, показывающую передвиженіе учащагося юношества въ 1877 году въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ.

	Приготовительный классъ.									
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.		
Послѣдось къ 1 января 1877 года.	914	1190	982	751	578	391	305	193	149	5453
Изъ нихъ переведены въ слѣдующій классъ.	615	731	577	465	314	272	249	162	143	3546
Пропедагогическое отношеніе числа выдержавшихъ экзаментъ къ числу выдержавшихъ учениковъ въ началѣ годовныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. (67%) (65%) (62%) (67%) (60%) (79%) (85%) (87%) (97%)										68%
Выбыли по окончаніи курса изъ гимназій и провинціалій	—	—	—	—	7	—	17	—	143	
Оставлены безъ перевода на 2-й годъ въ томъ же классѣ.	299	439	405	286	257	119	39	31	6	
Вновь приняты со стороны	501	336	187	71	34	25	51	4	14	1473
Поступили изъ предъидущаго младшаго класса.	—	615	731	577	465	314	272	249	162	
Изъ послѣднихъ трехъ суммъ составляется численность вѣдимаго класса	1100	1410	1273	934	756	458	362	284	182	(6759)
Изъ этого числа вышло въ теченіе года до окончанія курса.	150	222	168	138	109	67	39	29	3	925
Составляющіе въ отношеніи къ общему числу послѣднихъ классовъ	13,6%	15,7%	13,2%	14,7%	14,4%	14,6%	10,7%	10,2%	1,6%	13,6%
Затѣмъ осталось къ 1 января 1878 года	950	1188	1105	796	647	391	323	255	179	5334

Изъ этой таблицы видно, что численность каждаго класса значительно увеличилась въ концу года, въ сравненіи съ его началомъ, за исключеніемъ только I класса, въ которомъ оказалось на 2 ученика менѣе, и VI, въ которомъ осталось то же число учениковъ, что въ началѣ года.

Число выдержавшихъ переводные экзамены и поступившихъ въ слѣдующій классъ составляетъ $\frac{2}{3}$ наличнаго числа учениковъ въ низшихъ классахъ и начиная съ IV быстро возвышается, составляя въ V уже 79%, въ VI—85%, VII—87%, и VIII—97% всего числа учениковъ въ классѣ.

Большинство учащихся, вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи с.-петербургскаго округа, приняты въ подготовительные классы; затѣмъ, довольно значительное число въ I классъ; число же поступающихъ въ послѣдующіе классы быстро уменьшается и вообще незначительно.

Число выбывающихъ до окончанія курса соответствуетъ численности каждаго класса и колеблется около 14%; только въ VI и VII понижается до 10%, и въ высшемъ VIII классѣ падаетъ до ничтожной пропорціи 1,6%.

Почти такое же распредѣленіе учащихся по классамъ и такое же ихъ передвиженіе въ теченіе года замѣчается по всѣмъ учебнымъ округамъ.

Касательно числа переводимыхъ ежегодно, по экзамену, изъ класса въ классъ, слѣдуетъ замѣтить, что успѣшность учениковъ гимназій и прогимназій, въ общей сложности по всѣмъ предметамъ курса, съ каждыиъ годомъ увеличивается, хотя очень медленно, и число не выдерживающихъ переводнаго экзамена и остающихся въ томъ же классѣ, на второй годъ, постепенно уменьшается во всѣхъ учебныхъ округахъ. Въ С.-Петербургскомъ округѣ число успѣвающихъ въ общей сложности показано въ вышеприведенной таблицѣ равняющимся 68%. Въ Московскомъ округѣ оно составляло въ 1877 г. 68% въ гимназіяхъ и 65% въ прогимназіяхъ округа, въ Казанскомъ 69% въ тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Варшавскомъ округѣ 67%, Виленскомъ 66,8%, Киевскомъ 69%, Одесскомъ 69,9%. Такимъ образомъ, число успѣвающихъ и переведенныхъ въ слѣдующій классъ колеблется въ общемъ итогѣ, во всѣхъ учебныхъ округахъ, довольно равномерно около 67 или 68%; и во всѣхъ учебныхъ округахъ это число менѣе значительно въ низшихъ классахъ гимназій, но увеличивается прогрессивно въ высшихъ классахъ, какъ показано въ той

же вышеприведенной таблицѣ относительно С.-Петербургскаго округа. Въ низшихъ четырехъ классахъ Харьковскаго учебнаго округа, число получившихъ удовлетворительныя отиѣтки на экзаменахъ составляло:

въ I 66,5% II 67,9% III 71,4% IV 70,6%;

въ высшихъ классахъ

въ V 83,9% VI 76,4% VII 80,4% VIII 88,7%

Соотвѣтствующія числа для Казанскаго округа составляютъ:

въ низшихъ классахъ 71% 69% 70% 56%

въ высшихъ „ 59% 76% 81% 89%

Въ Варшавскомъ округѣ:

въ низшихъ 63% 71% 65% 62%

въ высшихъ 72% 73% 75% 80%

Въ Одесскомъ округѣ:

въ низшихъ 66% 69% 68% 63%

въ высшихъ 71% 80% 86% 93,3%

Строгая разборчивость и осмотрительность, при переводѣ учениковъ младшихъ классовъ въ послѣдующіе, дѣйствуетъ на нихъ благотворно. Задерживая слабого ученика на второй годъ въ томъ же классѣ, педагогическіе совѣты гимназій вынуждаютъ его основательно повторить пройденное, и допускаютъ его къ продолженію курса въ высшихъ классахъ въ томъ только случаѣ, когда онъ является на экзаменѣ, для перехода въ высшій классъ, достаточно уже къ тому подготовленнымъ. Этимъ объясняется твердое знаніе предметовъ курса и легкое ихъ усвоеніе учениками высшихъ классовъ, и малое число между ними не выдерживающихъ экзамена.

Видимое улучшение замѣчается при сличеніи успѣшности учениковъ гимназій и прогимназій, по отчетамъ послѣдняго года съ предыдущими годами, почти въ каждомъ учебномъ округѣ за весьма немногими исключеніями и колебаніями. Такъ, наиримѣръ, число успѣвающихъ, то-есть, получившихъ удовлетворительныя отиѣтки на переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, по всѣмъ предметамъ въ общей сложности, составляло въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ 1873 г. 60,8%, въ 1874 г. 64,5%, въ 1875 г. 65,6%, въ 1876 г. 67,2% и въ 1877 г. 98%.

Соотвѣтствующія числа по Московскому учебному округу составляютъ:

55,4% 59% 68% 62,5% 67%

Въ Одесскомъ округѣ:

60% 63% 70% 69,8% 69,9%

Въ Кіевскомъ:

въ 1875 г. 65% 1876 г. 67, 8% 1877 г. 69%

Виленскомъ:

въ 1875 65% 1876 64,2% 1877 66,8%

Варшавскомъ:

въ 1875 г. 65% 1876 г. 67,5% 1877 г. 67%

Процентъ успѣвающихъ оказывается болѣе благопріятнымъ по главнымъ предметамъ преподаванія, отдѣльно взятымъ, нежели по всѣмъ предметамъ курса въ совокупности. Для примѣра и поясненія приведу средній процентный выводъ числа учениковъ, получившихъ удовлетворительныя отмѣтки на переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ 1877 года:

Въ учебныхъ округахъ:	Изъ латинскаго языка.	Изъ греческаго языка.	По русской словесности.	По математикѣ.
С.-Петербургскомъ	72%	77%	79%	77%
Московскомъ	68%	74%	74%	74%
Казанскомъ	76%	74%	81%	77%
Оренбургскомъ	72,3%	76,8%	74,3%	74,4%
Одесскомъ	72,3%	77,4%	78,6%	78,1%
Кіевскомъ	73%	76%	77%	74%
Виленскомъ	72,4%	75%	76,2%	74,4%
Варшавскомъ	73%	75%	74%	76%

Судя по приведеннымъ здѣсь исчисленіямъ, извлеченнымъ изъ отчетовъ различныхъ учебныхъ округовъ, наиболѣе успѣховъ оказали учащіеся въ 1877 году по русскому языку и словесности. Только въ Оренбургскомъ и Варшавскомъ учебныхъ округахъ успѣвающихъ по этому предмету менѣе, нежели въ греческомъ языкѣ и математикѣ, не болѣе, однакоже, какъ на 1 или 2% всей численности успѣвающихъ. Попечитель Варшавскаго округа вообще доволенъ ходомъ преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ округа, а нѣкоторые учебныя заведенія превозносятъ похвалами, какъ, напримѣръ, Бѣльскую гимназію, о которой онъ говоритъ въ отчетѣ: „Трудно рѣшить, что идетъ въ этомъ заведеніи лучше и успѣшнѣе: древніе ли языки или

математика, а по русскому языку достигаются отличные успѣхи. Три года сряду профессора Варшавскаго университета докладывали въ попечительскомъ совѣтѣ, что они признаютъ труды учениковъ Вѣльской гимназіи на испытаніяхъ зрѣлости, по древнимъ и русскому языкамъ и по математикѣ, лучшими въ округѣ¹⁾.

Судя по числу учениковъ, получившихъ удовлетворительныя отиѣтки на переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, въ 1877 г. оказалось, по латинскому языку, нѣсколько менѣе успѣвающихъ, нежели по другимъ тремъ главнымъ предметамъ преподаванія; по греческому языку, только въ одномъ Казанскомъ округѣ менѣе успѣвающихъ, нежели въ латинскомъ. Преподаваніе греческаго языка въ настоящее время, во всѣхъ гимназіяхъ, имѣющихъ полное число классовъ, доведено уже до старшаго VIII класса, исключая 2 сибирскихъ гимназій, Тобольской и Томской, и кромѣ того, на испытаніяхъ зрѣлости 1877 года, ученики двухъ другихъ гимназій, Архангельской и Красноярскаго (въ Восточной Сибири) въ послѣдній разъ были освобождены отъ экзамена по этому предмету, какъ не изучавшіе его съ первыхъ годовъ ихъ поступленія въ гимназіи. Я неоднократно имѣлъ уже счастье докладывать Вашему Императорскому Величеству, что изученіе греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ далеко не представляетъ тѣхъ трудностей, какія себѣ воображали многіе, незнакомые съ означеннымъ языкомъ; что молодые люди охотно себя посвящаютъ его изученію, судя по всѣмъ получаемымъ свѣдѣніямъ и достигаютъ весьма удовлетворительныхъ результатовъ. Математика, по числу успѣвающихъ на переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, стоитъ въ одномъ уровнѣ съ прочими главными предметами преподаванія.

По § 34 устава о гимназіяхъ ученики, пробывшіе болѣе двухъ лѣтъ въ одномъ классѣ, увольняются изъ заведенія. Число этихъ неисправимыхъ, независимо отъ процента успѣвающихъ, также можетъ объяснить отчасти: на сколько соотвѣтствуетъ гимназическій курсъ силамъ учащагося юношества и какіе предметы наиболѣе затрудняютъ малоспособныхъ. Доставленныя въ министерство народнаго просвѣщенія свѣдѣнія по сему предмету обнаруживаютъ, что изъ числа 50,700 учениковъ гимназій и прогимназій, числившихся на лицо къ началу 1877 года, и изъ числа 12,589 вновь поступившихъ въ теченіе года, оказались вовсе неспособными къ продолженію ученія и уволены по § 34 устава всего 1195 человекъ, что составляетъ 1,8%¹⁾ или почти

¹⁾ Въ 1876 г. ихъ было 997 или 1,9%, въ 1875 г. 1103 или 2,3%.

2 человекъ на 100 учащихся. На каждое изъ 206 существующихъ учебныхъ заведеній приходится по 6 человекъ уволенныхъ, но въ дѣйствительности изъ многихъ гимназій и прогимназій никого не увольняли за безуспѣшность въ ученіи, въ другихъ же уволено болѣе 6. Большинство уволенныхъ, во всѣхъ учебныхъ округахъ, приходится преимущественно на I классъ, въ Киевскомъ округѣ на I и II классы, въ Московскомъ на I и III, въ Виленскомъ на I и IV, въ Казанскомъ на III и IV классы. Очень немногіе изъ уволенныхъ оказались неисправными по одному какому либо предмету; большинство уволены за безуспѣшность по двумъ и тремъ главнымъ предметамъ преподаванія. Какъ примѣръ долготерпѣнія и большой снисходительности, въ отношеніи къ учащемуся, можно привести Усть-Медвѣдицкую гимназію (Харьковскаго учебнаго округа), въ которой изъ 214 учениковъ въ 1877 г. уволенъ 1 только за безуспѣшность, но этотъ одинъ оказывался совершенно неисправнымъ по 6 различнымъ предметамъ преподаванія. Изъ общаго числа уволенныхъ, не оказавшихъ успѣха въ латинскомъ языкѣ было 761, въ общемъ итогѣ по всѣмъ учебнымъ округамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ математика—586 не оказавшихъ успѣха; по русскому языку и словесности—566; по греческому языку—276; по исторіи и географіи—266; по новымъ иностраннымъ языкамъ—263; по закону Божію—93; по физикѣ и естествовѣдѣнію—7.

Судя по вышеприведеннымъ исчисленіямъ, нельзя сказать, чтобы число увольняемыхъ за безуспѣшность было особенно значительно.

Независимо отъ посѣщенія уроковъ, опредѣленныхъ программой курса, многіе гимназисты продолжали обучаться предметамъ для нихъ необязательнымъ—рисованію и пѣнію. Изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, по уставу гимназій, считается обязательнымъ одинъ лишь языкъ, французскій или нѣмецкій по выбору и усмотрѣнію каждаго ученика или его родителей. Въ отчетѣ по Московскому округу обозначено, что изъ числа обучавшихся въ гимназіяхъ 46% учились одному нѣмецкому языку, 32% одному французскому и 22% обоимъ иностраннымъ языкамъ, рисованію обучались только 19% въ гимназіяхъ и 57% въ прогимназіяхъ, пѣнію 46— въ гимназіяхъ и 70% въ прогимназіяхъ. Эти пропорціональныя соотношенія измѣняются въ другихъ учебныхъ округахъ. Такъ, на примѣръ, въ С.-Петербургскомъ округѣ:

учились одному нѣмецкому языку. . .	20%
„ „ французскому языку. . .	15%

обои́мъ иностраннѣмъ	65%
рисуванію	36%
пѣнію	58%

За исключеніемъ Московскаго округа, изъ 43,000 учениковъ гимназій и прогимназій, внесенныхъ въ началѣ 1877 года въ списки всѣхъ прочихъ учебныхъ округовъ, около 14,000 обучались одному нѣмецкому языку (считая и Дерптскій округъ), 7,657 одному французскому и до 9,000 обоимъ иностраннымъ языкамъ; около 12,000 числилось въ приготовительныхъ и I классахъ, въ которыхъ иностранные языки не преподаются; рисованію обучались 10,594 и пѣнію 16,120. Извлекая изъ этихъ чиселъ процентное отношеніе и сравнивая ихъ съ результатами предыдущаго года, получимъ:

	въ 1876 г.	въ 1877 г.
Обучающихся обоимъ иностраннымъ языкамъ	20%	21%
одному французскому	20%	17,8%
одному нѣмецкому	30%	32,5%
рисованію	23,6%	24,6%
пѣнію	38%	37,4%

Кромѣ того, въ гимназіяхъ Варшавскаго округа преподавались для желающихъ языки польскій и литовскій.

Гимнастика въ настоящее время считается предметомъ обязательнымъ для всѣхъ учащихся. Отъ нея освобождаются только ученики, которымъ гимнастическія упражненія воспрещены врачомъ. Многія учебныя заведенія занимаютъ высшіе четыре класса исключительно тѣлесными движеніями, допуская высшіе къ упражненіямъ на гимнастическихъ снарядахъ. Тѣ училища, въ которыхъ тѣснота помѣщенія не дозволяетъ установить гимнастическаго аппарата, равнымъ образомъ, довольствуются упражненіемъ учениковъ въ движеніяхъ мускуловъ и тѣла. Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, въ виду этого недостатка, составлены проекты специальныхъ гимнастическихъ залъ для построенія при гимназіяхъ Дерптской, Ревельской губернской, Черновской и Митавской. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя гимназіи, какъ, напримѣръ, въ Виленскомъ учебномъ округѣ, затрудняются въ приисканіи хорошо подготовленныхъ учителей гимнастики и пѣнія. Пѣнію обучаются болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа учениковъ, считая въ сложности во всѣхъ учебныхъ округахъ; но въ отдѣльности во многихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ этому искусству обучаются всѣ ученики заведенія или почти всѣ, кромѣ слабыхъ здоровьемъ; такъ, напримѣръ,

въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, въ Вологодской гимназіи, въ 3-й С.-Петербургской и Нарвской прогимназіяхъ; въ Московскомъ округѣ, въ 1-й Московской и Тверской гимназіяхъ; во Владимірской, Вяземской и Рязанской гимназіяхъ болѣе 90⁰/₀; въ Вятской гимназіи Казанскаго учебнаго округа 95,6⁰/₀; въ Харьковскомъ округѣ всѣ ученики Корочанской прогимназіи, и даже въ Западной Сибири всѣ ученики Омской гимназіи; въ Восточной Сибири всѣ ученики Красноярской гимназіи, Енисейской и Благовѣщенской прогимназіи. Черченію и рисованію обучается меньше учениковъ, нежели пѣнію, и занимаются преимущественно этимъ искусствомъ въ низшихъ классахъ гимназій и въ прогимназіяхъ. Въ высшихъ классахъ, по объясненію попечителей округовъ, значительное число обязательныхъ уроковъ отвлекаетъ весьма многихъ отъ занятій рисованіемъ, притомъ же ученики высшихъ классовъ, по умственному своему развитію, лучше постигаютъ недостаточную педагогическую подготовленность большинства учителей этого предмета и невольно отвращаются отъ занятій имъ. Улучшеній въ этомъ отношеніи слѣдуетъ ожидать отъ педагогическихъ курсовъ, которые предположено открыть, при содѣйствіи Императорской академіи художествъ, для образованія учителей рисованія, какъ я подробно докладывалъ во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ по реальнымъ училищамъ за минувшій 1876 годъ.

Все сказанное выше объ ученикахъ гимназій и прогимназій вполне удостовѣряетъ ихъ усердіе и доброе расположеніе къ ученію. Однимъ изъ признаковъ усердія и прилежанія, безспорно, считается аккуратное посѣщеніе классовъ учениками. Число пропущенныхъ ими уроковъ колебалось около 40 часовъ, среднимъ числомъ, на каждого, или 8 дней въ теченіе года на 1 ученика. Большинство учащихся, разумѣется, не дозволяли себѣ и такой манкировки, другіе же вынуждены были пропустить болѣе дней и часовъ ученія, будучи одержимы продолжительною болѣзнію. Свѣдѣнія о числѣ пропущенныхъ учениками урокахъ всѣ попечители учебныхъ округовъ доставляютъ мнѣ подъ заглавіемъ: „вѣдомость о состояніи здоровья учащихся“. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ болѣзни, или по крайней мѣрѣ непродолжительнаго нездоровья, не признаются уважительными никакія другія причины манкировки, развѣ за весьма рѣдкими исключеніями. Уроковъ, пропущенныхъ въ 1877 г. по болѣзни, приходилось въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, среднимъ числомъ въ году, по 47 на 1 ученика, въ Московскомъ округѣ по 38, Казанскомъ по 43, Одесскомъ по 35, Кіевскомъ

по 41, Виленскомъ по 36, Варшавскомъ по 34 урока или по 7 дней въ году на одного ученика. Въ 1875 г. число маневровокъ составляло, въ средней сложности во всѣхъ учебныхъ округахъ, около 45 уроковъ, въ 1876 г. около 43. Уроковъ, пропущенныхъ по другимъ причинамъ, такъ называемымъ—неуважительнымъ, приходится во всѣхъ учебныхъ округахъ не болѣе 1 урока въ годъ на каждого ученика, и только въ Виленскомъ округѣ около 2 уроковъ на 1 ученика въ теченіе всего года. Болѣзни, по которымъ пропускались уроки, были въ большинствѣ случаевъ простуды, гастрическія расстройства, головныя боли; затѣмъ, встрѣчались: сыпныя болѣзни, глазныя, лихорадка, воспаленіе зѣва, жаба, коклюшъ, корь, скарлатина, оспа, тифъ, крупъ, воспаленіе легкихъ, мозга и такъ далѣе. Число смертныхъ случаевъ однако было незначительно, эпидемическіе признаки весьма рѣдки. Попечители учебныхъ округовъ обращаютъ, въ настоящее время, особенное вниманіе на санитарное состояніе учащихся. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи тщательныя изслѣдованія, которыя попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа поручилъ произвести врачу Введенской прогимназіи Виреніусу. Виреніусъ производилъ санитарныя наблюденія, въ теченіе послѣдняго отчетнаго года, надъ учениками всѣхъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ и Царскомъ Селѣ. Результаты его изслѣдованій еще не приведены въ извѣстность. Тайный совѣтникъ князь Волконскій приводитъ въ отчетѣ только немногія изъ его наблюденій, между прочимъ указываетъ признаки болѣзненности, замѣчаемые въ дѣтяхъ столичныхъ жителей (по наблюденіямъ, произведеннымъ собственно въ одной Введенской прогимназіи): у большинства дѣтей питаніе тѣла неудовлетворительно, кожа блѣдна, суха, топка; мускулы развиты сносно у половины дѣтей, зубы у 28% только нормальны, желѣзы въ 58 случаяхъ изъ ста увеличены; изъ болѣзней господствующія—малокровіе и золотуха. Тѣмъ не менѣе, прачъ опредѣляетъ число учениковъ, въ училищѣ, слабого сложенія въ 26%, средняго въ 50% и крѣпкаго въ 24%, пропорціи довольно благоприятныя, если принять во вниманіе, что ученики Введенской прогимназіи на Петербургской сторонѣ принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ классамъ столичнаго населенія. Затѣмъ, число учениковъ крѣпкаго сложенія, по его исчисленіямъ, составляетъ въ I классѣ всего только 7 или 9% общаго числа учащихся въ классѣ, во II классѣ—24%, III 38,7%, IV 50%, V 30,7% и VI 54,5%. Такое быстрое увеличеніе процента молодыхъ людей

крѣпкаго сложенія въ высшихъ классахъ убѣждаетъ, что во всякомъ случаѣ курсъ ученія въ прогимназіи не дѣйствуетъ разрушительно на ихъ здоровье; и нисколько не препятствуетъ естественному ходу развитія физическихъ силъ въ юношахъ.

Поведеніе учениковъ гимназій и прогимназій опредѣляется слѣдующимъ числомъ удовлетворительныхъ и неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ ими во второй половинѣ отчетнаго 1877 года: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ получили:

высшую отмѣтку 5	3792.
отмѣтку 4	1436.
отмѣтку 3	379.
неудовлетворительную 2	34.

Соотвѣтствующія числа для Московскаго учебнаго округа составляютъ:

	5615 — 1781 — 239 — 1;
для Казанскаго:	1934 — 897 — 216 — 14;
Оренбургскаго:	1118 — 450 — 77;
Одесскаго:	3702 — 1282 — 311 — 49;

Въ остальныхъ округахъ существуетъ такое же распредѣленіе: огромное большинство аттестуется высшими отмѣтками 4 и 5 и ничтожное меньшинство среднею отмѣткою 3 и неудовлетворительною 2.

По свидѣтельству попечителей учебныхъ округовъ, поведеніе учащихся и выставляемая имъ отмѣтки, и вообще нравственное настроеніе учениковъ, видимо и постепенно улучшаются по мѣрѣ ихъ перехода въ высшіе классы. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ низшихъ классахъ, приходится имѣть дѣло съ излишнею рѣзвостью и шаловливостью дѣтской натуры, и съ лѣнью, — исконнымъ порокомъ, присущимъ этому возрасту. Мѣра наказанія, всего чаще примѣняемая къ провинившимся, это—оставленіе въ гимназіи на 1 лишній часъ, послѣ окончанія уроковъ; при чемъ, за општрафованными, въ настоящее время, учреждается постоянно должный надзоръ. Высшими мѣрами взысканія считаются: 1) увольненіе изъ учебнаго заведенія съ правомъ поступить въ какое-либо другое; 2) удаленіе изъ гимназіи съ воспрещеніемъ перехода въ другое училище того же города и 3) исключеніе съ воспрещеніемъ поступать въ какое-
часть ссв, отд. 1.

либо другое учебное заведеніе. Невозможно не слѣдить, со всею строгостью и осмотрительностью, за безпристрастнымъ и справедливымъ примѣненіемъ этихъ высшихъ наказаній, составляющихъ весьма тяжелый кризисъ и перерывъ въ жизни всякаго ученика, имъ подвергающагося, въ особенности третья степень этого наказанія—увольненіе изъ учебнаго заведенія съ воспрещеніемъ поступать въ другое—лишающая учащагося надежды продолжать свое образованіе. Попечители учебныхъ округовъ требуютъ немедленнаго и подробнаго донесенія, отъ начальниковъ гимназій и прогимназій, о каждомъ случаѣ увольненія изъ училища за какой-либо поступокъ въ поведеніи. Въ теченіе 1877 г. уволено изъ гимназій и прогимназій, за неодобрительное поведеніе, всего 331 ученикъ, что составляетъ въ отношеніи къ общему числу всѣхъ посѣщавшихъ гимназіи и прогимназіи въ теченіе года всего только 0,52% или съ небольшимъ 5 человекъ изъ 1000. Изъ этого числа 290 уволены съ правомъ опредѣлиться въ другое учебное заведеніе. Наиболье таковыхъ оказалось въ Варшавскомъ учебномъ округѣ—64, въ Одесскомъ—46 и Московскомъ—39; во всѣхъ остальныхъ учебныхъ округахъ въ сложности 141. Уволено было, съ воспрещеніемъ поступать въ другое учебное заведеніе того же города, всего только 28 учениковъ въ всѣхъ учебныхъ округахъ, и съ воспрещеніемъ поступать куда-либо въ другое заведеніе, всего 13 человекъ. Наиболье провинившихся послѣдняго разряда было въ

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Число учениковъ, выбывших						
	Изъ приготовительнаго класса.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
С.-Петербургскомъ	150	222	168	138	109	67	39
Московскомъ	152	296	246	209	166	123	74
Казанскомъ	46	73	70	71	84	58	35
Оренбургскомъ	35	76	49	43	38	28	17
Харьковскомъ	107	176	120	124	86	67	53
Одесскомъ	225	259	193	153	116	64	41
Кіевскомъ	93	168	145	138	133	103	58
Виденскомъ	104	138	124	138	132	62	38
Варшавскомъ	164	287	188	211	222	112	63
Дерптскомъ	31	81	91	109	123	67	48
Западной Сибири	18	22	27	25	16	15	9
Восточной Сибири	28	38	29	31	36	4	3
Туркестанскомъ краѣ	6	8	2	—	—	—	—
В с е г о	1159	1884	1452	1390	1261	770	474

¹⁾ И въ другія учебныя заведенія соответствующія гимназіямъ по курсу преподаванія.

Виленскомъ округѣ—6 человѣкъ; затѣмъ въ Варшавскомъ 2, Кіевскомъ 2, 1 въ Одесскомъ, и 2 въ Московскомъ. Случаи такого увольненія, говоритъ въ своемъ отчетѣ попечитель Московскаго округа, составляютъ единичныя явленія въ цѣломъ округѣ и не могутъ внушать опасеній за ухудшеніе нравственности учениковъ. Въ теченіе 1876 г. было вообще случаевъ увольненія нѣсколько менѣе—всего 287; въ томъ числѣ 28 съ воспрещеніемъ продолжать ученіе въ томъ же городѣ и только 2 съ воспрещеніемъ опредѣляться въ какое-либо другое заведеніе.

По всей вѣроятности, есть и такіе ученики, малоспособные или замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи, которые слѣдуютъ сами удалиться изъ гимназій или прогимназій, не ожидая, чтобы ихъ выключило учебное начальство. Коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1873 г., выразила желаніе, чтобы впредь число учениковъ гимназій и прогимназій, выбывающихъ до окончанія курса, показывалось съ объясненіемъ, сколько выбыло. Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть это замѣчаніе коммиссіи „принять къ руководству“. Во исполненіе сего, прилагаю особую таблицу съ показаніемъ выбывшихъ изъ каждаго класса, и съ объясненіемъ того поприща, которое они избрали по выходѣ, или намѣрены были избрать.

По окончаніи курса.			Въ томъ числѣ уволены для перехода					Уволены по другимъ причинамъ.	Умерло.	Оконч. курс.	
VII.	VIII.	Всего.	въ другихъ гимназій и прогимназій (1).	въ реальныя учебн.	въ училища друг. вѣдомствъ.	на службу государственную и частн.	Въ гимназій.			Въ прогимназій.	
29	3	925	223	65	142	83	394	18	143	24	
54	31	1351	364	130	236	260	333	28	228	24	
31	12	478	142	51	50	54	173	8	137	6	
15	14	315	135	26	22	40	79	13	33	3	
40	13	785	162	84	77	68	380	14	133	61	
34	8	1096	421	117	90	95	352	21	98	45	
54	12	904	266	61	58	67	434	18	148	42	
21	7	761	216	59	95	93	284	14	74	46	
51	17	1315	432	68	83	206	502	24	135	101	
38	2	590	133	43	59	157	187	11	143	—	
9	1	139	16	53	20	24	21	5	19	—	
6	9	186	13	2	19	74	78	—	14	5	
—	—	16	8	—	1	1	6	—	—	—	
362	129	8861	2531	759	952	1222	3223	174	1305	357	

вн.

Изъ приведенной здѣсь таблицы оказывается, что общее число всѣхъ выбывшихъ до окончанія курса, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ всѣхъ гимназій и прогимназій, достигало въ 1877 году до 8,861 человѣка. Если принять въ соображеніе, что въ началѣ года числилось гимназистовъ 50,701, а въ теченіе года вновь поступило въ учебныя заведенія 12,589, то число выбывшихъ составитъ ровно 14% общаго числа учениковъ, посѣщавшихъ гимназіи и прогимназіи. Почти такой же процентъ составляютъ выбывающіе до окончанія курса въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Германіи, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ прусскимъ правительствомъ. Число выбывающихъ изъ нашихъ гимназій въ 1877 году нѣсколько увеличилось въ сравненіи съ послѣдними двумя годами, въ соразмѣрности, конечно, съ увеличивающимся числомъ посѣщающихъ эти учебныя заведенія; но значительно меньше прежнихъ лѣтъ. Изъ гимназій и прогимназій выбыло до окончанія курса:

Въ 1873 году	10,792
„ 1874 „	9,162
„ 1875 „	8,146
„ 1876 „	8,293
„ 1877 „	8,861

Изъ числа послѣднихъ, то-есть выбывшихъ въ теченіе 1877 года, большинство приходится на низшій 1-й классъ и затѣмъ, довольно равномерно уменьшается въ каждомъ послѣдующемъ высшемъ классѣ, въ соотвѣтственности съ численностью учениковъ каждаго класса. Изъ 8,861 ученика, выбывшихъ до окончанія курса, 2,531 уволены для перехода въ другія гимназіи, прогимназіи, или инныя учебныя заведенія, соотвѣтствующія имъ по курсу. Лица этой категоріи только мѣняли заведеніе, въ которомъ обучались, не покидая гимназическаго курса; они составляютъ 28,5%, почти $\frac{1}{3}$ часть всѣхъ выбывшихъ и только 4% изъ всего числа учениковъ, посѣщавшихъ гимназіи и прогимназіи. Меньшинство выбывшихъ, 759 человѣкъ, намѣревались перейти въ реальныя училища; 952 поступили въ училища постороннихъ вѣдомствъ и 1,222 на службу государственную или частную. Въ отношеніи къ общему числу посѣщавшихъ гимназіи и прогимназіи въ теченіе 1877 года, эти цифры составятъ, для поступающихъ:

Въ реальныя училища	1,2%
Въ училища другаго вѣдомства	1,5%
На службу государственную или частную	1,9%

Стѣснять какими-либо искусственными мѣрами свободный переходъ по домашнимъ обстоятельствамъ или по наклонности, изъ одного разряда училищъ въ другое, или своевременное, по желанію. оставленіе школы для службы военной, гражданской, коммерческой или иной дѣятельности, было бы крайне неблагоприятно; тѣмъ болѣе, что вышеприведенныя процентныя исчисленія вполнѣ доказываютъ, какъ ничтожно число гимназистовъ, покидающихъ классическое образованіе для инаго учебнаго или практическаго поприща.

Въ дополненіе къ сказанному о санитарномъ состояніи гимназій, вышеприведенная таблица показываетъ, между прочимъ, и число смертныхъ случаевъ въ теченіе года, въ средѣ учениковъ гимназій и прогимназій. Умерло всего 174 человѣка, что составляетъ 0,27% въ отношеніи къ общему числу посѣщавшихъ учебныя заведенія этого разряда ¹⁾. Наиболѣе оказалось умершихъ въ Московскомъ учебномъ округѣ—28 человѣкъ въ 36 учебныхъ заведеніяхъ округа, и въ Варшавскомъ 24 ученика въ 26 училищахъ.

За вычетомъ четырехъ вышеисчисленныхъ категорій уволенныхъ, а также умершихъ, изъ остальныхъ 3,223 человѣкъ выбывшихъ слѣдуетъ исключить еще 1,195 человѣкъ, уволенныхъ за неуспѣшность въ ученіи и 331 ученика, уволенныхъ за неодобрительное поведеніе. Остается затѣмъ 1,697 человѣкъ, около 2,7% всего числа учащихся; къ этому послѣднему разряду относятся: уволенные за невзносъ опредѣленной съ нихъ платы за ученіе, или такіе, которые покинули сами добровольно гимназію по домашнимъ обстоятельствамъ, для поправленія здоровья послѣ продолжительной болѣзни, или сознавая свою неспособность продолжать ученіе, а также шалуны, взятые родителями заблаговременно изъ училища по совѣту учебнаго начальства, ученики, неявившіеся въ гимназію послѣ экзамена, праздниковъ или вакацій и, наконецъ, всѣ, не доставившіе свидѣній о причинахъ своего удаленія.

Показанное здѣсь число выбывшихъ, какъ въ общей сложности, такъ и взятое по отдѣльнымъ категоріямъ, такъ незначительно въ сравненіи съ общей массою учащихся, что едва ли можетъ имѣть большое вліяніе на ея уменьшеніе или увеличеніе.

Число вновь поступившихъ въ теченіе года, какъ уже сказано выше, составляло 12,589, на 3,728 человѣкъ или на 42% болѣе числа выбывшихъ до окончанія курса. Число заявившихъ желаніе по-

¹⁾ Въ 1875 году умершихъ было 206 или 0,44%, въ 1876 г. 182 или 0,36%.

ступить въ гимназіи и прогимназіи было еще болѣе значительно и достигало до 15,320 человекъ, подавшихъ прошенія о допущеніи ихъ къ экзамену и о принятіи ихъ въ различные классы. Изъ этого послѣдняго числа 490 не явились къ экзамену, 3,260 или не явились, или не выдержали испытанія, что составляетъ 21,2% общаго числа подававшихъ прошенія. Наиболѣе не выдержавшихъ испытанія оказалось въ Варшавскомъ учебномъ округѣ—1,002, почти $\frac{1}{2}$ всѣхъ не выдержавшихъ; затѣмъ въ Виленскомъ округѣ 382 человека, въ Одесскомъ 359, въ С.-Петербургскомъ 293 и Московскомъ 284. Изъ числа выдержавшихъ приемные экзамены, 550 человекъ не приняты за комплектъ; въ томъ числѣ 128 въ Кіевскомъ учебномъ округѣ (наиболѣе отказовъ выпало на три Кіевскія гимназіи, въ томъ числѣ 67 на 2-ю Кіевскую) и 120 въ Варшавскомъ округѣ. Число отказанныхъ въ этихъ двухъ учебныхъ округахъ составляетъ почти половину всѣхъ, не принятыхъ въ учебныя заведенія за комплектъ. Въ С.-Петербургскомъ округѣ не принято 54 человека, въ Московскомъ 53, въ Казанскомъ 32. Затѣмъ поступили въ различные классы по экзамену 11,020, и сверхъ этого числа 1,569, безъ экзамена, на основаніи § 27 устава (окончившіе курсъ въ прогимназіи или переходящіе изъ соответствующаго класса другой гимназіи). Въ 1876 году общее число поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи, по предварительному испытанію и по § 27 устава, достигало до 11,579 человекъ, въ 1875 г. до 11,006; слѣдовательно, въ отчетномъ 1877 году увеличилось противъ предыдущаго на 1,010 человекъ или 8,7%.

Результаты усилій учащихся, къ улучшенію преподаванія, а также усилій учащихся къ его усвоенію, наиболѣе рельефно отражаются въ такъ-называемыхъ испытаніяхъ зрѣлости. Число признанныхъ зрѣлыми или успѣшно окончившихъ полный курсъ гимназическаго ученія возросло въ послѣдніа пять лѣтъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Въ 1873 году ихъ было	685
„ 1874 „ „ „	918
„ 1875 „ „ „	1,298
„ 1876 „ „ „	1,310
„ 1877 „ „ „	1,449

Дерптскій учебный округъ вошелъ въ общую отчетность по испытаніямъ зрѣлости только съ 1874 г., а Варшавскій съ 1875 г. Поэтому, для сличенія успѣховъ выпускныхъ экзаменовъ изъ гимназій, правильнѣе будетъ исключить эти два учебные округа изъ об-

щаго итога подвергавшихся испытанію; и въ такомъ случаѣ окажется признанныхъ зрѣлыми въ 1877 г. 1,135 человекъ, на 65,7% болѣе, нежели въ 1873 г.

Число гимназистовъ не выдержавшихъ экзамена, изъ числа допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, достигало еще въ 1873 г. до 24,1%, въ 1874 г. до 21,1%; въ 1875 г. уже понизилось до 15,2%, въ 1876 г. до 9,3% и въ 1877 г. до 9,2%. Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ 1877 г. не выдержалъ испытанія 1 только ученикъ во всѣхъ 15 гимназіяхъ округа; въ Одесскомъ 3 ученика изъ 101, допущенныхъ къ испытанію; въ Виленскомъ 4 изъ 78 человекъ. Наиболѣе не выдержавшихъ экзамена оказалось по математикѣ; не болѣе однакоже 4,3% всего числа гимназистовъ, подвергавшихся испытанію. Изъ латинскаго языка не выдержали экзамена 3,8%, по русскому языку и словесности 3,7%, изъ греческаго языка 2,9%; изъ исторіи не выдержали экзамена только 2 ученика—одинъ въ Киевскомъ округѣ и одинъ въ Дерптскомъ; изъ закона Божія 1 въ Дерптскомъ учебномъ округѣ и въ томъ же округѣ 1 гимназистъ—изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Число не выдержавшихъ экзамена въ 1876 г. составляло для латинскаго языка 5,1%, для математики 4,6%, для русскаго языка 3,3% и для греческаго 2,8%; въ 1873 г. число не выдержавшихъ испытанія по всѣмъ главнымъ предметамъ курса составляло болѣе 10%.

Столь же удачны были результаты испытаній зрѣлости при трехъ училищахъ, пользующихся правами гимназій, учрежденныхъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ. Число не выдержавшихъ экзамена, въ означенныхъ училищахъ, не превышало въ 1873 г. 8%, въ 1875 г. 4,8%; въ 1874, 1876 и 1877 гг. всѣ ихъ ученики, подвергавшіеся испытанію, выдержали его безъ исключенія. Не столь благоприятны выводы для учениковъ частныхъ гимназій: въ 1877 г. ихъ явилось къ испытанію зрѣлости въ С.-Петербургѣ и Москвѣ всего только 21 человекъ, изъ числа которыхъ 3 не выдержали экзамена, что составляетъ 14,3%; въ 1876 г. число не выдержавшихъ достигало между ними 17,6%. Еще менѣе удовлетворительны экзамены постороннихъ лицъ, допускаемыхъ къ испытанію въ правительственныхъ гимназіяхъ; число не выдержавшихъ экзамена простиралось между ними въ 1877 г. до 52,1%, въ 1876 г. до 51,9%.

Основнымъ мѣриломъ познаній молодыхъ людей, при испытаніяхъ зрѣлости, признаются письменныя работы, исполненныя ими подъ строгимъ надзоромъ, на темы имъ предложенныя, по четыремъ главнымъ

предметамъ гимназическаго курса — языкамъ русскому, латинскому, греческому и математикѣ. Окѣченные работы внимательно просматриваются въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, и по выставленіи балловъ, рѣшающихъ участь экзаменуемыхъ, отсылаются въ попечительскій совѣтъ округа, для провѣрки сдѣланной оцѣнки и познаній молодыхъ людей, черезъ членовъ совѣта и профессоровъ мѣстнаго университета—спеціалистовъ. Въ сочиненіяхъ по русскому языку и словесности, какъ справедливо замѣтилъ въ своемъ отзывѣ заслуженный ординарный профессоръ Московскаго университета Буславъ, разсматривавшій въ 1877 году письменныя работы учениковъ, проявляется не одно знаніе грамматики и правописанія, но высказывается весь человекъ, съ его образомъ мыслей и нравственными убѣжденіями и съ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній; словомъ, какъ въ зеркалѣ отражается вся душа ученика. По древнимъ языкамъ преподаватели университета и экзаменаціонныя комиссіи требуютъ отъ молодыхъ людей такихъ познаній, которыя дѣлали бы ихъ вполне годными къ продолженію занятій на филологическомъ факультетѣ, къ слушанію и усвоенію университетскихъ чтеній и къ самостоятельнымъ работамъ на темы, пазначаемыя профессорами или избираемыя съ согласія профессоровъ. Не менѣе строгія требованія къ нимъ предъявляются и по всѣмъ четыремъ отдѣламъ математики—ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Отзывы университетскихъ профессоровъ и другихъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ о работахъ учениковъ, о тщательности ихъ разсмотрѣнія педагогическими комиссіями гимназій и справедливости ихъ оцѣнки, вообще получаютъ одобрительныя; но не одни похвалы профессора расточаютъ преподаванію въ гимназіяхъ, они указываютъ въ своихъ отзывахъ и слабыя его стороны: иногда грамматическія ошибки, въ той или другой гимназіи, не терпимыя въ молодыхъ людяхъ, послѣ восьмилѣтнихъ серьезныхъ занятій; небрежность и даже неопытность въ иныхъ работахъ по математикѣ; неудовлетворительное знаніе по той или другой отрасли наукъ; неравномѣрность въ оцѣнкѣ, излишне строгой въ иныхъ комиссіяхъ, въ другихъ слишкомъ снисходительной. Отъ вниманія профессоровъ и другихъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ не ускользаетъ ни малѣйшее отступленіе отъ правилъ, установленныхъ для испытаній, ни попытки злоупотребленія. Живое участіе, которое профессора университетовъ принимали, до сихъ поръ, въ повѣркѣ письменныхъ работъ, оказывало благотворное вліяніе на преподаваніе въ гимназіяхъ. Учреждая необходимый контроль за производствомъ испы-

таній зрѣлости, оно поддерживаетъ единство направленія и жизненную связь между университетомъ и гимназіями. Многіе профессора присутствовали лично на испытаніяхъ, въ качествѣ депутатовъ отъ окружнаго управленія, въ тѣхъ гимназіяхъ, которыя попечитель округа не имѣлъ возможности лично посѣтить. Такое присутствіе посторонняго лица, командированнаго отъ управленія округа, всего лучше можетъ предотвратить правонарушенія и нареканія на гимназіи, односторонность и замкнутость учебныхъ корпорацій.

Вольшинство признанныхъ зрѣлыми принадлежало, въ отчетномъ году, къ 19-ти-лѣтнему возрасту, а именно 404 человека или 27,9% общаго числа зрѣлыхъ; 20-лѣтняго возраста насчитывалось 354 или 24,4%; 21 года и старше 332 человека или 22,9%. Всего же признанные зрѣлыми трехъ старшихъ возрастовъ составляли 75,2%; 17-ти-лѣтняго возраста 20% (289) и 16-лѣтняго только 4,8% (70 человекъ). Почти такое же распредѣленіе по возрастамъ замѣчается и въ предыдущіе годы; въ 1876 г. старшихъ возрастовъ было 74,6%, 17-лѣтняго 19% и 16-лѣтняго 6,5%. Лучшіе ученики гимназій, какъ и въ прежніе годы, награждаемы были золотыми и серебряными медалями.

Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ въ одной только Рижской Александровской восьмиклассной гимназіи раздавались медали; въ другихъ гимназіяхъ округа ихъ не полагается. Въ 107 гимназіяхъ, изъ которыхъ получены свѣдѣнія по этому предмету, въ числѣ 1169 гимназистовъ, признанныхъ зрѣлыми, 83 ученика удостоены золотой медали и 103 серебряной, всего 186 получили медалъ, что составляетъ 15,8%, около $\frac{1}{6}$ части всѣхъ зрѣлыхъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ управленіями гимназій, изъ 1449 человекъ, признанныхъ зрѣлыми, только 13 избрали поприще практической дѣятельности и службу военную, гражданскую или у частныхъ лицъ; 140 человекъ, составляющіе 9,6% всего числа зрѣлыхъ, намѣревались поступить въ высшія спеціальныя училища различныхъ вѣдомствъ, каковы, напримѣръ, институты инженеровъ путей сообщенія, горный, технологическій, лѣсной, земледѣльческіе институтъ и академію, и между ними, въ отчетномъ году, въ первый разъ со времени преобразованія гимназій, встрѣчаются поступающіе: въ военное училище 1, артиллерійское 4, инженерное 1, морское 1 и въ спеціальныя классы Пажескаго корпуса 1, всего 8 въ военно-учебныя заведенія. Остальные 90% зрѣлыхъ избрали университетъ, для окончанія своего образованія, и распредѣлялись по факультетамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

поступили на историко-филологическій	210	или	14,5%
юридическій	246	"	17%
физико-математическій	265	"	18,3%
медицинскій	550	"	37,9%
богословскій (въ Дерптскомъ университетѣ)	22	"	1,5%
восточныхъ языковъ	8	"	0,5%

Въ предыдущемъ 1876 году было почти такое же распределение поступающихъ по факультетамъ; избравшіе историко-филологическій составляли 13,4% — ихъ число увеличилось въ 1877 году съ 176 до 210, почти на 20% въ общей сложности.

Пансіоновъ при гимназіяхъ существовало въ 1877 году—42 и въ нихъ помѣщалось 2901 гимназистъ; ученическихъ квартиръ 940 и живущихъ на нихъ учениковъ 5173. Число этихъ учрежденій, столь полезныхъ для надзора за нравственностью и поведеніемъ учащихся и столь необходимыхъ для учениковъ, родители которыхъ живутъ въ отдаленіи отъ училища, къ сожалѣнію, въ сравненіи съ предыдущими годами, если увеличилось, то въ размѣрѣ самомъ незначительномъ, такъ же какъ и число учениковъ вообще, живущихъ въ подобныхъ конвиктахъ.

Помѣщенія гимназій и прогимназій, и въ настоящее время, еще не вездѣ удобны и просторны: изъ 129 существующихъ гимназій 103 помѣщались уже, въ отчетномъ году, въ собственныхъ домахъ; 11 въ наемныхъ. Изъ 77 прогимназій 25 только имѣли собственные дома или дома городскіе и общественные, отведенные бесплатно въ ихъ пользованіе; 42 прогимназіи помѣщались въ наемныхъ домахъ; обзъ 11 гимназій и 8 прогимназій Оренбургскаго округа, Сибири, Туркестанскаго края, 3 гимназій Московскаго, 1 Виленскаго и 2 прогимназій Варшавскаго, свѣдѣній не получено. Изъ зданій, принадлежащихъ гимназіямъ и прогимназіямъ, или отведенныхъ имъ бесплатно городскими обществами и земствами, 82 достаточно помѣстительны и удобны; но 46 страдаютъ болѣе или менѣе тѣснотой, недостаткомъ вентиляціи, ветхостью и другими неудобствами. Изъ наемныхъ помѣщеній только 15 считаются удобными; 38 крайне неудобны и временно заняты училищами, вслѣдствіе затрудненій прискать въ томъ же городѣ удобное для училища помѣщеніе. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи замѣчаются съ каждымъ годомъ улучшенія. Такъ, въ С.-Петербургскомъ округѣ въ 1877 году произведены капитальныя исправленія въ 3 учеб-

ныхъ заведеніяхъ и болѣе или менѣе значительныя перестройки во всѣхъ остальныхъ; на ремонтъ израсходовано 39.357 руб. Въ Московскомъ округѣ отстраивается зданіе для Касимовской прогимназіи, земствомъ и городскимъ обществомъ, и на ремонтъ прочихъ помѣщений гимназій и прогимназій округа издержано 37.163 руб. Въ Одескомъ имѣются въ виду средства на необходимыя приспособленія неудобныхъ помѣщений. Въ Виленскомъ, перестройка иныхъ неудобныхъ зданій уже проектирована, другія отстраиваются. Въ Варшавскомъ, Полоцкая гимназія заново перестроена и оказалась очень удобною; на другія ремонтныя работы отпущено 23.684 руб.

Гимназіи и прогимназіи, за немногими исключеніями, снабжены библиотеками, ученическими и фундаментальными, физическими кабинетами и учебными пособіями въ достаточномъ количествѣ.

Въ каждомъ учебномъ округѣ попечитель считалъ обязанностью, въ теченіе года, произвести подробный осмотръ двухъ или трехъ гимназій или прогимназій округа; иные успѣвали обзорѣть и большее число учебныхъ заведеній. Ревизію другихъ попечители поручали своимъ помощникамъ, а также окружнымъ инспекторамъ. Послѣдніе осматривали нѣкоторыя гимназіи по два и по три раза въ теченіе года. Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, съ тою же цѣлью были командированы профессора мѣстнаго университета: Гаусманъ въ Феллинскую гимназію, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ въ экзаменаціонной комиссіи при испытаніяхъ воспитанниковъ; профессоръ Гершельманъ для ревизіи учебныхъ заведеній по древнимъ языкамъ, и по русскому языку профессоръ Висковатовъ, въ 3 гимназіи г. Ревеля, 3 гимназіи г. Риги, Митавскую, Лабавскую и Дерптскую. Ревизія профессора Гершельмана возбудила много педагогическихъ вопросовъ, для обсужденія которыхъ попечитель предполагалъ созвать съѣздъ учителей изъ всѣхъ гимназій округа. Я лично обзорѣвалъ въ 1877 учебныя заведенія С.-Петербургскаго учебнаго округа, очемъ своевременно имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству.

Великимъ событіемъ для жизни нашихъ гимназій былъ день 16 апрѣля 1877 года, въ который Ваше Императорское Величество осчастливили своимъ посѣщеніемъ Кишиневскую гимназію въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владиміра Александровича.

Другимъ памятнымъ днемъ была торжественная встрѣча Вашего

Императорскаго Величества 20 апрѣля въ Одессѣ всѣми учебными заведеніями города.

Къ числу историческихъ событій, относящихся къ 1877 году, слѣдуетъ причислить празднованіе во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, 12 декабря, столѣтней годовщины дня рожденія Императора Александра I.

Такого рода празднества, замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ попечитель Московскаго округа, имѣютъ большое воспитательное значеніе для юношества, закрѣпляя въ нихъ глубокое уваженіе къ славной дѣятельности историческихъ лицъ земли Русской, развивая въ нихъ чувства преданности и любви къ Царю, отечеству и къ Церкви православной. Въ этотъ день, послѣ торжественнаго богослуженія, въ актовомъ залѣ гимназій, читались рѣчи, относящіяся къ царствованію Благословеннаго, произносились были учениками прозаическія и поэтическія произведенія, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ были исполнены учениками музыкальныя и вокальныя любимыя пьесы того времени.

Замѣчательныя событія послѣдней войны, славныя побѣды нашего войска, столь сильно волновавшія наше общество, живо отражались во впечатлительной душѣ учащихся молодыхъ людей. Въ великіе дни побѣдъ, они собирались на благодарственныя молебствія. Въ Московскомъ учебномъ округѣ патріотическое ихъ настроеніе вызвало добровольныя пожертвованія, въ которыхъ охотно принимали участіе преподаватели. На собранную сумму оказалось возможнымъ дать воспитаніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 20 сиротамъ тѣхъ героевъ, которые жертвовали своею жизнію за святое дѣло. Въ Кіевскомъ округѣ, ученики не только жертвовали свою лепту, но, посѣщая по праздникамъ больницы, писали для раненныхъ письма къ ихъ роднымъ и читали имъ книги. Въ Кіевѣ, гимназіи на свой счетъ устроили пріюты для выздоравливающихъ и сами руководили уходомъ за ними. Служащіе въ Виленскомъ учебномъ округѣ удостоились благодарности, объявленной имъ отъ имени Вашего Императорскаго Величества за пожертвованія въ пользу общества Краснаго Креста.

Непосредственное участіе въ событіяхъ войны принимала одна Евпаторійская прогимназія. Она подвергалась большой опасности, по свидѣтельству попечителя округа, во время бомбардированія 17 іюня и 30 декабря. По случаю папки, охватившей жителей, когда вывезены были даже присутственныя мѣста и городъ опустѣлъ, большая часть

учениковъ выбыли изъ прогимназій; оставшіеся не имѣли средствъ къ существованію и жили въ пустыхъ домахъ. Инспекторъ и педагогическій совѣтъ усилили надзоръ за ними; приняты были мѣры къ обезпеченію 20 самыхъ бѣдныхъ; двухъ наиболѣе малолѣтнихъ инспекторъ взялъ на свое содержаніе. По окончаніи занятій, ихъ отправили къ родителямъ. Трехъ недостаточныхъ препроводили къ родственникамъ въ Одессу, на средства преподавателей прогимназій, и подъ надзоромъ помощника классныхъ наставниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (11-го мая 1879 года). Обь учрежденіи именныхъ стипендій на счетъ пожертвованій, обеспеченныхъ въ ипотекѣхъ на земельной собственности.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 14-го апрѣля за № 4228 (по деп.), обь учрежденіи именныхъ стипендій на счетъ пожертвованій, обеспеченныхъ въ ипотекѣхъ на земельной собственности.

Выслушавъ это дѣло, комитетъ усматривалъ, что предположенное нынѣ министромъ народнаго просвѣщенія допущеніе ходатайствъ обь учрежденіи именныхъ стипендій при учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ тѣхъ случаяхъ, когда расходы на содержаніе стипендій будутъ отнесены на счетъ процентовъ съ капиталовъ, обеспеченныхъ земельною собственностію, составляетъ естественное послѣдствіе существованія въ Привислянскихъ губерніяхъ ипотечной системы.

Имѣя при этомъ въ виду, что такой способъ обезпеченія представляется достаточно надежнымъ, комитетъ не только не встрѣчалъ препятствій къ утвержденію представленія министра народнаго просвѣщенія, но признавалъ соотвѣтствующимъ придать проектированному дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Толстымъ постановленію значеніе общей мѣры.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ:

- 1) Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 28-го мая 1876 г.

положенію комитета министровъ, о порядкѣ учрежденія именныхъ стипендій при учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, постановить, что содержаніе таковыхъ стипендій можетъ быть отпосимо на счетъ процентовъ съ капиталовъ, обеспеченныхъ земельною собственностію въ тѣхъ мѣстностяхъ Россійской имперіи, гдѣ дѣйствуетъ ипотечная система;

и 2) Разрѣшить учрежденіе двѣнадцати стипендій при учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа имени Юзефы Сѣраковской, на предположенныхъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Толстымъ основаніяхъ, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе объ этихъ стипендіяхъ.

Государь Императоръ положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

2. (21-го мая 1879 года). О расходѣ на содержаніе русскихъ училищъ въ Финляндіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о расходѣ на содержаніе русскихъ училищъ въ Финляндіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь князь Урусовъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о расходѣ на содержаніе русскихъ училищъ въ Финляндіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Отпускать изъ государственнаго казначейства: а) на содержаніе мужской и женской русскихъ народныхъ школъ въ гор. Гельсингфорсѣ, съ состоящею при нихъ особою школою для малолѣтнихъ, 3,320 руб.; б) директору русскихъ народныхъ училищъ 600 р.; в) ему же на разъѣзды, для инспекціи этихъ училищъ, 125 руб., и г) на канцелярскіе расходы и на наемъ писца при совѣщательномъ комитетѣ по дѣламъ русскихъ училищъ въ Финляндіи 145 руб., а на всѣ поименованные предметы четыре тысячи сто девяносто рублей въ годъ, со внесеніемъ сей суммы, съ 1880 г., въ расходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

2) Проектъ штата Александровской русской гимназіи въ Гельсинг-

форсъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утверждение по воспослѣдованіи коего ввести оный въ дѣйствіе.

3) Въ счетъ исчисленной по сему штату суммы въ количествѣ 27,070 руб. ежегодно, вносить, съ 1880 г., въ расходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія, по пяти тысячъ восьмисотъ десяти рублей изъ государственнаго казначейства, въ добавокъ къ 19,000 руб., ассигнуемымъ уже изъ казны на тотъ же предметъ; недостающіе же затѣмъ двѣ тысячи двѣсти шестьдесятъ рублей покрывать изъ суммы сбора за учение.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“.

Въ Ливадіи, 21-го мая 1879 года.

Ш Т А Т Ъ

Александровской Русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе. Рубли.	Классы и разряды.			
				По долж-ности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.	
Директору (при казенной квартирѣ).	1	—	1200	V	V	По учебной службѣ.	
» столовыхъ	—	—	800				
Инспектору (при казенной квартирѣ).	1	—	900	VI	VI		
» столовыхъ	—	—	600				
Законоучителю	1	13	960				
Учителей.	Русскаго языка съ церковно-славянскимъ	2	24	14690	VIII		VIII
	Латинскаго и греческаго языковъ.	4	85				
	Логикѣ	—	1				
	Математики, физики, математической географіи и естествовѣдѣнія.	2	37				
	Исторіи и географіи	1	22				
	Нѣмецкаго языка	1	19				
	Французскаго языка	1	19				
Чистописанія	1	5	250	IX	XI	VII	

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое со- держаніе. Рублн.	Классы и разряды.		
				Въ долж- ности.	По шитью на мундиръ.	По пенсіи.
Класснымъ наставникамъ	5	—	800			
Ихъ помощникамъ (при казенныхъ квартирахъ)	2	—	600	X	X	По учебной службъ.
Врачу	1	—	300	VIII	VIII	По медицин- ской службъ.
На плату учителямъ пѣвца и гимна- стики	—	—	500			
Письмоводителю или бухгалтеру . . .	1	—	200	X	X	
Ему же столовыхъ	—	—	200			
На канцелярскіе расходы и на наемъ писца	—	—	300			
На учебныя пособія	—	—	400			
Добавочное жалованье секретарю со- вѣта и библіотекарю	—	—	240			
На приготовительный классъ	—	—	1100			
На содержаніе дома, отопленіе и освѣ- щеніе, а также на наемъ прислуги и на вознагражденіе архитектору . . .	—	—	2000			
Учителямъ финскаго и шведскаго язы- ковъ	—	—	630			
Законоучителямъ католическаго и лю- теранскаго исповѣданій	—	—	400			
Итого	—	—	27070			

Примѣчаніе. Гельсингфорская Александровская русская гимназія помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ русскому православному приходу гор. Гельсингфорса; за пользованіе этимъ помѣщеніемъ гимназія содержитъ мужскую и женскую народныя школы съ состоящею при нихъ особою школою для малолѣтнихъ.

Подписать: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.
часть сов, отд. 1.

3. (20-го іюня 1879 года). Обь учрежденіи стипендій въ Нѣжинской женской „Пелагеи Ивановны Кушакевичъ“ прогимназіи.

Подполковникъ Яковъ Максимовичъ Рубанъ внесъ въ попечительный совѣтъ Нѣжинской женской „Пелагеи Ивановны Кушакевичъ“ прогимназіи четыре 5% билета государственнаго банка, всего на сумму 1,700 руб., на предметъ учрежденія, на проценты съ этого капитала, при означенной прогимназіи двухъ стипендій по 42 р. 50 к. кажда, въ память умершихъ: брата его Андрея Максимовича Рубана и жены послѣдняго Евфросиньи Захаровны Рубанъ, съ присвоеніемъ симъ стипендіямъ наименованія: „стипендія А. М. Рубана и Е. З. Рубанъ“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

4. (20-го іюня 1879 года). Обь учрежденіи при Варшавскомъ университетѣ единовременныхъ пособій для недостаточныхъ студентовъ.

Начальство Варшавскаго учебнаго округа донесло министру народнаго просвѣщенія, что душеприкащики по завѣщанію доктора медицины Льва Жуковскаго представили въ правленіе Варшавскаго университета, согласно волѣ завѣщателя, 11,641 руб. наличными деньгами, для расширенія образовательныхъ средствъ университета. На означенный капиталъ приобрѣтены 5% билеты восточнаго займа на двѣнадцать тысячъ шестьсотъ рублей и совѣтъ Варшавскаго университета ходатайствуетъ обь учрежденіи, на счетъ процентовъ съ этихъ денегъ, единовременныхъ пособій для недостаточныхъ студентовъ университета, имени завѣщателя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія обь этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Варшавскомъ университетѣ, на проценты съ означеннаго капитала, пособій, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „единовременныя пособія доктора Льва Викентьевича Жуковскаго“.

5. (20-го іюня 1879 года). Обь учрежденіи стипендій при Казанскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра

народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору Казанскаго реальнаго училища Казанскимъ биржевымъ обществомъ капитала въ 1,500 руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, при названномъ реальномъ училищѣ двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендія въ память чудеснаго избавленія Государя Императора отъ руки злодѣя 2-го апрѣля 1879 года въ С.-Петербургѣ“.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

6. (20-го іюня 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Казанскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго правленіемъ вспомогательнаго общества прикащиковъ въ гор. Казани капитала въ 800 руб., заключающагося въ 4-хъ билетахъ 5½% ренты, одной стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной: „стипендія въ память чудеснаго избавленія Государя Императора отъ руки злодѣя 2-го апрѣля 1879 года въ С.-Петербургѣ“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

7. (4-го іюля 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московской 3-й гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ пожертвованнаго чинами Московскаго почтамта капитала въ 1,050 руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, при Московской 3-й гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендія Московскаго почтъ-директора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Сергѣевича Подгорѣцкаго“; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

8. (4-го іюля 1879 года). О порядкѣ допущенія къ преподаванію и воспитанію въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы зем-

скія учрежденія, общества, сословія и частныя лица, получившія установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе на открытіе какого-либо частнаго учебнаго заведенія, допускали къ преподаванію и воспитанію въ немъ лицъ, имѣющихъ на то право, не иначе какъ по предварительному соглашенію: въ училищахъ 1-го и 2-го разрядовъ — съ попечителемъ учебнаго округа, а въ училищахъ 3-го разряда — съ директоромъ народныхъ училищъ.

9. (4-го іюля 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Московскомъ университетѣ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что вдова подполковника Забѣлина, Анна Забѣлина, представила въ Московскій университетъ, согласно волѣ ея покойнаго мужа, двѣнадцать тысячъ рублей, заключающіеся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала при означенномъ университетѣ стипендій имени ея мужа.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, на проценты съ означеннаго капитала, двухъ стипендій, съ наименованіемъ ихъ „стипендіями подполковника Сергѣя Михайловича Забѣлина“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить вдову Забѣлину.

10. (2-го августа 1879 года). О временномъ измѣненіи порядка управленія и надзора за студентами университетовъ.

Вслѣдствіе представленія г. министра народнаго просвѣщенія, послѣдовавшаго на основаніи Высочайше утвержденаго 23-го минувшаго іюля журнала особаго совѣщанія, о временномъ измѣненіи порядка управленія и надзора за студентами университетовъ, комитетъ гг. министровъ полагалъ: въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія новаго общаго устава Императорскихъ, россійскихъ университетовъ:

1) Предоставить министру народнаго просвѣщенія составить, не стѣсняясь нынѣ дѣйствующимъ общимъ уставомъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ, инструкцію для университетской инспекціи, съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, по-

собій и стипендій, и ввести оную въ дѣйствіе во всѣхъ университетахъ, управляемыхъ по вышеозначенному общему уставу.

2) Предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, въ случаяхъ если ими самими или мѣстнымъ генераль-губернаторомъ существующая нынѣ университетская инспекція будетъ признана не соответствующею своему назначенію, измѣнять ея составъ, по соглашенію съ мѣстнымъ генераль-губернаторомъ, причемъ объ утвержденіи инспектора (или проректора) представлять министру народнаго просвѣщенія, а помощниковъ инспектора утверждать собственною властью.

и 3) Предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ увеличивать составъ университетской инспекціи, въ мѣрѣ надобности и возможности, назначеніемъ бѣльшого противъ положеннаго по штатамъ числа помощниковъ инспектора, буде то окажется нужнымъ, съ отнесеніемъ потребныхъ по сему предмету расходовъ на спеціальныя средства университетовъ.

Государь Императоръ положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

20-го іюня 1879 года. (№ 7). Назначаются: попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Жерве — членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Директоръ училищъ Тобольской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рудаковъ — главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири.

Директоръ коллегіи Павла Галагана, статскій совѣтникъ Шулженко—окружнымъ инспекторомъ Кіевскаго учебнаго округа.

Продолжается срокъ командировки за границу: ординарному профессору Императорскаго университета Св. Владиміра Иванову—на одинъ годъ, съ 1-го мая 1879 года.

Командируется за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гезенъ — на три мѣсяца (Выс. пов. 20-го мая 1879 года).

Командируются съ ученою цѣлію: въ Россіи и за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Срезневскій—на четыре съ половиною мѣсяца.

За границу: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вутлеровъ, съ 15-го августа по 1-е октября 1879 года.

Лаборантъ Императорскаго Московскаго университета Миллеръ— по 15-е августа 1879 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Герцъ—на лѣтнее вакаціонное время 1879 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Васильевскій—на три мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго университета Св. Владимира Горецкій—на лѣтнее вакаціонное время 1879 и двадцать восемь дней, съ зачетомъ въ сію командировку заграничнаго отпуска на лѣтнее вакаціонное время 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Вагнеръ—по 1-е сентября 1879 года, съ зачетомъ въ сію командировку заграничнаго отпуска, съ 15-го мая 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Ветхеръ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Флегель и кандидатъ Императорскаго Варшавскаго университета Качановскій—на одинъ годъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, статскому совѣтнику Копалевскому—до 15-го августа 1879 года, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: попечители учебныхъ округовъ: Виленскаго, тайный совѣтникъ Сергіевскій — на полтора мѣсяца, во внутреннія губерніи Россіи, Кіевскаго, генераль-лейтенантъ Антоновичъ—на три мѣсяца, въ Херсонскую и Таврическую губерніи, и С.-Петербургскаго, егермейстеръ двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ князь Волконскій (Вис. пов. 4-го іюня 1879 года)—на три мѣсяца и десять дней, въ разныя губерніи Россіи и за границу; изъ нихъ Сергіевскій и Антоновичъ по болѣзни.

Увольняется, согласно прошенію, отъ службы: главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ Маакъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (10-го марта 1879 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта барона Платона Александровича Фредерикса, учрежденной при Троицкосавскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія имени генераль-адъютанта барона Платона Александровича Фредерикса учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 7-го марта 1879 г., на капиталъ, пожертвованный троицкосавскимъ городскимъ обществомъ и торгующимъ въ Кяхтѣ купечествомъ, въ память пребыванія барона Платона Александровича генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, при посѣщеніи имъ города Троицкосавска и торговой слободы Кяхты въ 1876 г. и назначается для пособія одному изъ учащихся въ Троицкосавскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

2) Капиталъ, назначенный на эту стипендію, въ размѣрѣ пяти тысячъ руб., состоитъ въ одномъ билетѣ государственнаго банка перваго выпуска за № 11,787 и хранится въ троицкосавскомъ казначействѣ, въ депозитахъ Троицкосавскаго реальнаго училища.

3) Изъ процентовъ, ежегодно получаемыхъ на означенный капиталъ педагогическимъ совѣтомъ Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, производятся выдачи на содержаніе одного стипендіата въ томъ училищѣ родителямъ учащагося или заступающимъ ихъ мѣсто, а за обученіе вносятся опредѣленная для вольноприходящихъ учениковъ сумма въ сборъ за право ученія. Если впоследствии при училищѣ будетъ учрежденъ пансіонъ, то стипендіатъ долженъ содержаться въ ономъ и плата на содержаніе его должна вноситься въ суммы пансіона.

4) Если, за выдачею стипендіи, останется излишекъ отъ процентовъ, то этотъ излишекъ присоединяется къ основному капиталу, при увеличеніи котораго можетъ быть увеличенъ или размѣръ стипендіи, если къ тому побудитъ мѣстные условія, или учреждена, на основаніи настоящихъ правилъ, другая стипендія, по испрошеніи на то особаго разрѣшенія.

5) Ученикъ Троицкосавскаго реальнаго училища, пользующійся

стипендію, именуется стипендіатомъ генераль-адъютанта барона Фредерикса.

6) На стипендію эту избирается педагогическимъ совѣтомъ училища, съ согласія попечительства при училищѣ, мальчикъ изъ окончившихъ въ Троицкосавскомъ реальномъ училищѣ курсъ, по крайней мѣрѣ, перваго класса, въ тѣхъ видахъ, чтобы стипендія была даваема болѣе способнымъ и дѣйствительно нуждающимся мальчикамъ. Избранный стипендіатъ представляется на утверждение его превосходительства барона Фредерикса, а въ случаѣ невозможности, утверждается главнымъ инспекторомъ Восточной Сибири или заступающимъ его мѣсто.

7) По утверженіи стипендіата, директоръ реального училища сообщаетъ Троицкосавскому городскому обществу о томъ, кто именно избранъ стипендіатомъ. Городское общество извѣщается также о лишеніи мальчика стипендіи.

8) Избранный стипендіатъ сохраняетъ право на получение стипендіи во все время своего ученія въ реальномъ училищѣ и затѣмъ въ высшемъ специальномъ учебномъ заведеніи, если учебнымъ начальствомъ будетъ признанъ по успѣхамъ и поведенію достойнымъ перехода туда.

9) Основной капиталъ стипендіи въ 5,000 рублей, съ накопившимися на него по день утвержденія стипендіи процентами, долженъ быть неприкосновеннымъ и обращенъ въ банковые билеты. Наблюденіе за своевременнымъ обмѣномъ билета, согласно правиламъ банка, полученіе процентовъ и отчетность въ расходахъ возлагаются на хозяйственный комитетъ училища.

10) Правила эти составлены по соглашенію учебнаго начальства Восточной Сибири и представителей троицкосавскаго городского общества.

2. (10-го марта 1879 г.). Дополнительныя, къ утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія 4-го мая 1874 г. правила объ ученической квартирѣ въ г. Вѣрномъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Ученическая квартира въ г. Вѣрномъ содержится на добровольныя пожертвованія Киргизовъ, согласно составленному для оной штату, утвержденному 19-го мая 1877 г. туркестанскимъ генераль-губернаторомъ.

§ 2. Киргизскіе мальчики, обучающіеся въ Вѣрненской прогимназіи, равно какъ и готовящіеся къ поступленію въ оную, живутъ въ ученической квартирѣ на полномъ содержаніи бесплатно.

§ 3. Почетнымъ попечителемъ содержимой на пожертвованіа Киргизовъ въ г. Вѣрномъ ученической квартиры для дѣтей инородныхъ Киргизовъ состоитъ военный губернаторъ Семирѣченской области. По отношенію къ означенной квартирѣ, онъ пользуется правами, присвоенными почетнымъ попечителямъ гимназій и прогимназій.

§ 4. Завѣдываніе этою ученическою квартирою возлагается на особое должностное лицо и его помощника, которые назначаются туркестанскимъ генералъ-губернаторамъ по представленію главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края изъ лицъ, по своему образованію, соотвѣтствующихъ условіямъ, какія требуются отъ воспитателей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

§ 5. Завѣдывающій ученическою квартирою въ городѣ Вѣрномъ и его помощникъ, состоя въ государственной службѣ, пользуются всѣми правами, присвоенными по уставу гимназій и прогимназій должности воспитателя, и получаютъ пенсію изъ государственнаго казначейства, первый изъ оклада старшаго, а второй изъ оклада младшаго учителей гимназій по штатамъ 17-го апрѣля 1859 года.

§ 6. Мальчики, живущіе въ ученической квартирѣ, раздѣляются на два отдѣленія: первое, или приготовительное, составляютъ тѣ, которые приготовляются къ поступленію въ прогимназію; второе или гимназическое,—тѣ, которые состоятъ въ прогимназіи или гимназіи учениками.

§ 7. Занятія преподавателей съ воспитаниками ученическихъ квартиръ производятся: съ первымъ отдѣленіемъ въ дообѣденное время и со вторымъ отдѣленіемъ послѣ обѣда вечеромъ.

§ 8. Часы занятія въ обоихъ отдѣленіяхъ, на каждый учебный годъ, опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи, съ утвержденіемъ оныхъ, по представленію главнаго инспектора училищъ, генералъ-губернаторомъ.

§ 9. Программа и объемъ преподаваемыхъ предметовъ въ первомъ отдѣленіи составляются педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи или гимназіи и представляются на утвержденіе генералъ-губернатора.

Во второмъ отдѣленіи занятія съ учениками состоятъ въ подготовленіи къ прогимназіи или гимназіи тѣхъ уроковъ, которые имъ заданы въ классѣ преподавателями, а также въ практическихъ занятіяхъ по русскому языку.

§ 10. Поступающіе на ученическія квартиры не изъ учениковъ прогимназій должны быть не моложе шести лѣтъ и не старше 10, здороваго тѣлосложенія; они представляются уѣздными начальниками къ 15 августа.

§ 11. Учащіеся перваго отдѣленія, по истеченіи академическаго года, подвергаются испытанію въ присутствіи инспектора прогимназій или директора гимназій, двухъ ассистентовъ изъ учителей прогимназій и военнаго губернатора области, если онъ на то изъявитъ согласіе.

§ 12. Ученики, пробывшіе въ приготовительномъ отдѣленіи два года и не оказавшіе успѣховъ для поступленія въ прогимназію, исключаются изъ квартиры за неспособностью.

§ 13. Во время уроковъ греческаго языка въ прогимназій или гимназій, отъ котораго киргизскіе мальчики освобождаются, они занимаются подъ руководствомъ завѣдывающаго ученическою квартирою практическимъ изученіемъ русскаго языка.

§ 14. Завѣдывающій ученическою квартирою, по дѣламъ оной, подчиняется непосредственно инспектору прогимназій, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ воспитатели гимназій и прогимназій, по уставу 1871 г., подчинены директору, и доноситъ инспектору или директору чрезъ полгода о состояніи квартиры.

§ 15. Инспекторъ прогимназій дѣйствуетъ по хозяйственной части ученической квартиры чрезъ завѣдывающаго оною, не выходя изъ размѣра суммъ, назначенныхъ статьями штатовъ.

§ 16. Въ экстренныхъ случаяхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, завѣдывающій ученическою квартирою можетъ непосредственно входить съ докладомъ къ военному губернатору области, доложивъ объ этомъ вслѣдъ затѣмъ инспектору прогимназій или директору гимназій.

§ 17. О всѣхъ случаяхъ, касающихся учениковъ прогимназій, живущихъ въ ученической квартирѣ, завѣдывающій оною доводитъ до свѣдѣнія инспектора прогимназій или директора гимназій и послѣдній, съ замѣчаніями своими, препровождаетъ, чрезъ военнаго губернатора, главному инспектору училищъ, для доклада генералъ-губернатору.

§ 18. Въ случаѣ надобности, завѣдывающій обязанъ приглашать врача прогимназій или гимназій, которому за отправленіе его обязанностей можетъ быть дано дополнительное вознагражденіе изъ суммъ ученической квартиры.

§ 19. Завѣдывающему квартирою во всемъ подчиняется его помощникъ, обязанности котораго опредѣляются особою инструкціею, составленною педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи и утверждаемою, по представленію главнаго инспектора училищъ, генераль-губернаторомъ.

§ 20. Увольненіе завѣдывающаго квартирою и его помощника въ отпускъ зависитъ отъ генераль-губернатора.

Примѣчаніе. Завѣдывающей ученическою квартирою можетъ уволить въ отпускъ своего помощника на срокъ не болѣе 7 дней.

§ 21. Инспекторъ прогимназіи, чрезъ главнаго инспектора училищъ, въ концѣ учебнаго года, свидѣтельствуетъ предъ генераль-губернаторомъ о дѣятельности и усердіи служащихъ въ ученической квартирѣ.

§ 22. Присмотръ за чистотою въ классахъ и вообще за домомъ, занимаемымъ ученическою квартирою, и всѣми расходами по содержанію оной лежитъ на завѣдывающемъ ученическою квартирою, который представляетъ ежемѣсячно, чрезъ инспектора прогимназіи или директора гимназіи, отчетъ въ денежныхъ суммахъ, отпускаемыхъ на квартиру, военному губернатору области и главному инспектору училищъ.

§ 23. На содержаніе ученической квартиры ассигнуется ежегодно, согласно вышеозначенному штату, особая сумма изъ капитала, жертвуемаго Киргизами на дѣло народнаго образованія. Причитающаяся на годовое содержаніе ученической квартиры сумма ассигнуется, чрезъ главнаго инспектора училищъ, къ 1-му января, полностью въ распоряженіе инспектора Вѣрненской мужской прогимназіи или директора гимназіи, который, по мѣрѣ надобности и по представленіи подлежащихъ счетовъ, отпускаетъ требующіяся деньги на расходы по содержанію квартиры завѣдывающему оною. Для мелочныхъ расходовъ по содержанію ученической квартиры завѣдывающей оною получаетъ авансы не свыше 75 руб.

§ 24. Для вѣрнѣйшаго контроля расходуемыхъ суммъ завѣдывающей квартирою обязуется ежегодно представлять, чрезъ инспектора Вѣрненской мужской прогимназіи или директора гимназіи, на утвержденіе военнаго губернатора подробную смѣту предполагаемыхъ расходовъ по содержанію квартиры и живущихъ въ ней мальчиковъ.

§ 25. Остатокъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе учени-

ческой квартиры, причисляется къ кредиту слѣдующаго года и расходуется съ разрѣшенія генераль-губернатора, испрашиваемаго въ установленномъ порядкѣ, на надобности квартиры и пособія служащимъ.

§ 26. Киргизскіе мальчики могутъ быть увольняемы во время вакацій на каникулярное время, для свиданія съ родными.

§ 27. Для приобрѣтенія необходимыхъ учебниковъ и пособій полагается по штату особая сумма.

§ 28. Въ видахъ правильнаго физическаго развитія дѣтей должны быть введены разумныя гимнастическія упражненія.

§ 29. При ученической квартирѣ должна находиться библіотека, состоящая изъ необходимыхъ учебниковъ, дѣтскихъ книгъ для чтенія и спеціальныхъ руководствъ для наставниковъ, пособій къ наглядному преподаванію и проч. Книги для библіотеки квартиры должны быть выбираемы педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи или гимназіи, на тѣхъ основаніяхъ, какъ книги для ученической библіотеки оной.

§ 30. При ученической квартирѣ могутъ быть учреждаемы ремесленные курсы, если найдутся источники для обезпеченія нужнаго къ тому преподавателя.

3. (10-го апрѣля 1879 г.). Положеніе о стипендіи Николая Николаевича Виноградскаго при 2-й Кіевской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала 4,800 руб., пожертвованнаго вдовою статскаго совѣтника Натальею Виноградскою и заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго 5% займа, учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 7-го апрѣля 1879 г., при второй Кіевской гимназіи стипендія по 240 р. въ годъ, съ наименованіемъ: „стипендія Николая Николаевича Виноградскаго“.

2) Избраніе стипендіата предоставляется жертвователю г-жѣ Виноградской, а по смерти ея педагогическому совѣту Кіевской второй гимназіи.

3) Стипендія назначается одному изъ бѣдныхъ воспитанниковъ этой гимназіи, оказывающему успѣхи въ наукахъ и отличному по поведенію.

4) Избранный въ стипендіаты помѣщается въ состоящей при гимназіи общей квартирѣ, въ суммы которой и поступаютъ на содержаніе его причитающіеся пропенты съ пожертвованнаго капитала, а

если стипендіатъ будетъ находиться при родителяхъ или опекунахъ на вольной квартирѣ, то проценты имѣютъ быть производимы тому, кто будетъ содержать его на своемъ попеченіи.

5) Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ заведенія по какимъ либо причинамъ, выдача ему стипендіи немедленно прекращается и на его мѣсто избирается новый стипендіатъ.

6) Остатокъ отъ стипендіи, въ случаѣ незаимѣнія оной, присоединяется къ основному капиталу.

4. (12-го апрѣля 1878 г.). Положеніе о стипендіи при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ, имени инженера Николая Яковлевича Прохорова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На собранныя по подпискѣ между служащими Лозово-Севастопольской желѣзной дороги въ 1877 году деньги пять тысячъ четыреста тринадцать рублей пятнадцать коп. (5,413 р. 15 к.) учреждается съ Высочайшаго соизволенія послѣдовавшаго 7-го апрѣля 1879 г. при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ на вѣчныя времена стипендія, имени инженера Николая Яковлевича Прохорова.

2) На деньги эти приобрѣтено 59 5/10 облигацій восточнаго займа номинальною стоимостью въ пять тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ рублей (5,850 руб.), остатокъ же внесенъ въ отдѣленіе государственнаго банка для обезпеченія стипендіи съ 1-го августа по 1-е декабря 1878 года, то-есть по день перваго платежа процентовъ.

3) Какъ приобрѣтенныя облигаціи, такъ равно и проценты съ нихъ, а также и всѣ могущія поступить вновь на стипендію суммы должны храниться въ государственномъ банкѣ или его отдѣленіяхъ и конторахъ, проценты же съ нихъ своевременно получаются начальствомъ училища для выдачи стипендіату на руки и для обращенія ихъ въ наиболѣе прочныя и выгодныя государственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги.

4) Размѣръ годовой стипендіи опредѣляется на первое время въ 240 рублей въ годъ, которые и должны выдаваться начальствомъ училища стипендіату на руки, по 20 руб. каждое 1-е число за мѣсяцъ впередъ, начиная съ 1-го августа 1878 года. По увеличеніи же основнаго капитала до номинальныхъ шести тысячъ рублей серебромъ, стипендія увеличивается до 300 руб. въ годъ, которые и

выдаются стипендіату вышеуказаннымъ порядкомъ, по 25 р. въ мѣсяць.

5) Всѣ могущіе быть остатки отъ выдаваемой на руки стипендіи, а также и всѣ могущіе быть новыя взносы на ту же стипендію отчисляются для образованія капитала номинальною стоимостью не менѣе одной тысячи (1000) руб., проценты съ котораго за все время пребыванія стипендіата въ училищѣ выдаются ему на руки, по окончаніи имъ полнаго курса въ училищѣ, въ видѣ единовременнаго пособия, для продолженія курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній или вообще на первоначальныя нужды стипендіата, при чемъ единовременное пособие это не должно превышать размѣра годовой стипендіи.

6) Стипендіатъ, не окончившій по какому бы то ни было случаю полнаго курса наукъ въ училищѣ, единовременнаго пособия не получаетъ, а всѣ ежегодныя остатки отъ процентовъ за время пользованія его стипендіей присоединяются къ основному капиталу.

7) Стипендіатъ, сколько бы лѣтъ ни пользовался стипендіей, по прекращеніи ея ничѣмъ не обязывается, но приглашается по достиженіи сколько нибудь прочнаго положенія въ жизни, внести въ банкъ для увеличенія основнаго капитала такую сумму, какую онъ найдетъ возможнымъ пожертвовать и когда это будетъ для него удобно.

8) По увеличеніи капитала на столько, что на проценты съ него можетъ быть учреждена вторая стипендія на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и настоящая, она учреждается начальствомъ училища по согласенію съ управляющимъ дорогой и Николаемъ Яковлевичемъ Прохоровымъ съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

9) Въ стипендіаты избираются сынъ одного изъ служащихъ Ловово-Севастопольской желѣзной дороги, прослужившихъ на ней не менѣе трехъ лѣтъ, при чемъ отдается преимущество бѣднѣйшему.

10) Для выбора стипендіата управляющій дорогой избираетъ нѣсколькихъ кандидатовъ въ стипендіаты и, составивъ имъ списокъ по состоянію, представляетъ ихъ въ училище для испытанія; педагогическій же совѣтъ училища, избравъ изъ кандидатовъ способнѣйшаго, представляетъ его на утвержденіе Николая Яковлевича Прохорова, чрезъ управляющаго дорогой.

Безъ согласія Николая Яковлевича Прохорова опредѣленіе стипендіата состояться не можетъ.

11) Въ случаѣ оставленія стипендіатомъ училища, или исключенія его оттуда по какимъ бы то ни было причинамъ, педагогиче-

скій совѣтъ извѣщаетъ объ этомъ управляющаго дорогой, а сей послѣдній—Николая Яковлевича Прохорова, для замѣщеніяноваго кандидата, избираемаго вышеуказаннымъ порядкомъ.

12) Въ случаѣ, еслибы впослѣдствіи обстоятельства измѣнились на столько, что потребовалось бы сдѣлать въ настоящемъ положеніи какое либо измѣненіе относительно размѣровъ выдаваемыхъ стипендій и единовременнаго пособія, то оно можетъ быть сдѣлано педагогическимъ совѣтомъ, но не иначе какъ съ согласія управляющаго дорогой, съ утвержденія ихъ мѣтвія Николаемъ Яковлевичемъ Прохоровымъ, а также съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ остальные пункты настоящаго положенія должны остаться неизмѣнными.

13) По смерти Николая Яковлевича Прохорова, а также въ случаѣ неизвѣстности его мѣстопребыванія, права его по настоящему положенію всецѣло переходятъ къ управляющему дорогой.

14) Стипендіатъ, ежегодно при началѣ курса и при выпускѣ изъ училища, снабжается печатнымъ экземпляромъ настоящаго положенія, удостовѣреннаго подписями директора училища, управляющаго дорогой и Николая Яковлевича Прохорова.

5) (14-го апрѣля 1879 г.) Положеніе о стипендіяхъ имени купца Петра Антоновича Вейнера при Астраханской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 4,000 р., пожертвованнаго вдовою купца Анною Петровною Вейнеръ, учреждены при Астраханской гимназій, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го января 1879 г., шесть стипендій имени купца Петра Антоновича Вейнера.

2) Ученики, пользующіеся этими стипендіями, именуются стипендіатами купца Петра Антоновича Вейнера.

3) Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ, по желанію вдовы Анны Петровны Вейнеръ, педагогическому совѣту Астраханской гимназій.

4) Основной капиталъ въ 4,000 р. долженъ состоять всегда въ государственныхъ или въ гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ и оставаться на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

5) Проценты съ капитала ежегодно поступаютъ на уплату за обученіе шести стипендіатовъ изъ бѣдныхъ мальчиковъ, причемъ

имѣется въ виду годовая плата за обученіе въ гимназій 30 руб. Если же плата эта будетъ со временемъ увеличена или уменьшена, то въ первомъ случаѣ количество стипендіатовъ должно уменьшиться, а во второмъ увеличиться.

6) Стипендіатъ, оказывающій, по нерадѣнію, неудовлетворительные успѣхи въ наукахъ или неодобрительный по поведенію, по опредѣленію педагогическаго совѣта, лишается права на полученіе стипендіи и на его мѣсто назначается новый стипендіатъ.

6) (19-го мая 1879 г.). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Михаила Сырба при Кишиневской мужской прогимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 7-й день марта 1879 года, при Кишиневской мужской прогимназій учреждается стипендія съ наименованіемъ опой: „стипендія статскаго совѣтника Михаила Сырба на счетъ процентовъ съ капитала въ 550 р., пожертвованнаго для этого учителемъ прогимназій Михаиломъ Сырбомъ и заключающагося въ одиннадцать 5% билетахъ восточнаго займа 1877 года пятидесятирублеваго достоинства.

2) Проценты съ означеннаго капитала употребляются на вспомошествованіе одному изъ недостаточныхъ учениковъ Кишиневской прогимназій, отличающемуся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

3) Какъ выборъ стипендіата, такъ и способъ выдачи ему вспомошествованія, предоставляется вполнѣ педагогическому совѣту Кишиневской прогимназій.

4) Капиталъ въ поименованныхъ выше билетахъ или, за выходомъ ихъ въ тиражъ, въ другихъ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ составляетъ неотъемлемую собственность Кишиневской мужской прогимназій и остается неприкосновеннымъ.

7. (28-го іюля 1879 г.). Уставъ Общества исторіи литературы въ Ригѣ.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Цѣль Общества.

§ 1. Общество имѣетъ своею цѣлію содѣйствовать историческому, эстетическому и критическому изученію народныхъ литературъ имперіи, а также и литературы иностранной.

Кругъ дѣятельности Общества.

§ 2. Для достиженія сей цѣли общество, смотря по средствамъ, имѣеть въ виду, съ разрѣшенія въ установленномъ закономъ порядкѣ:

а) учредить библіотеку;
б) устроить для членовъ Общества кабинетъ для чтенія;
в) заботиться объ открытіи неизвѣстныхъ или непубликованныхъ еще литературныхъ сокровищъ, преимущественно же внутри предѣловъ Россіи;

г) въ засѣданіяхъ заниматься: обсужденіемъ вновь открытыхъ матеріаловъ, а равно и разборомъ опубликованныхъ уже въ разное время произведеній литературы въ видѣ бесѣды, совѣщанія или чтенія статей и рефератовъ;

д) издавать на свой счетъ протоколы Общества, отдѣльныя сочиненія и сборникъ трудовъ для возбужденія интереса къ занятіямъ исторіею литературы, эстетикою и критикою.

Личный составъ Общества.

§ 3. Члены Общества бываютъ дѣйствительные и почетные и сверхъ того члены-корреспонденты.

§ 4. Членами Общества могутъ быть лица обоого пола, безъ различія ихъ національности.

§ 5. Въ дѣйствительные члены Общества принимаются лица, желающія содѣйствовать цѣлямъ Общества, по предложенію одного лица, состоящаго уже дѣйствительнымъ членомъ. Въ члены корреспонденты приглашаются лица, живущія внѣ г. Риги, могущія быть полезными Обществу въ видѣ сотрудниковъ. Въ почетные члены избираются только такія лица, которыя сдѣлались уже извѣстными своими трудами по литературѣ.

§ 6. Пріемъ въ члены производится посредствомъ баллотировки.

§ 7. Новые члены извѣщаются о пріемѣ письменно и получаютъ экземпляръ устава Общества.

§ 8. Дѣйствительные члены уплачиваютъ въ кассу Общества единовременно по 5 р. и ежегодно по 3 рубля. Взамѣнъ этихъ ежегодныхъ взносовъ предоставляется членамъ внести единовременно 60 р. Члены-корреспонденты и почетные члены освобождены отъ денежныхъ взносовъ.

§ 9. Члены, не уплатившіе слѣдуемаго съ нихъ въ началѣ каждаго года взноса до конца текущаго года, считаются выбывшими, но часть ссу, отд. 1.

могутъ быть вновь принимаемы безъ баллотировки, если они уплатятъ въ теченіе слѣдующаго года 6 рублей, то-есть двойной членскій взносъ.

§ 10. Только дѣйствительные и почетные члены имѣютъ право:

- а) подавать голосъ въ собраніяхъ,
- б) избирать изъ среды своей членовъ правленія.

§ 11. Всѣ члены имѣютъ право: 1) пользоваться библіотекою и кабинетомъ для чтенія; 2) вводить гостей по предварительному однако же заявленію о томъ правленію Общества.

Общія собранія Общества.

Общія собранія Общества бываютъ:

- а) обыкновенныя, и
- б) чрезвычайныя.

Обыкновенныя общія собранія бываютъ ежемѣсячно, въ особо-опредѣленные дни.

§ 14. Чрезвычайныя общія собранія назначаются правленіемъ или по собственному усмотрѣнію, или же по требованію не менѣе какъ шести дѣйствительныхъ членовъ, не принадлежащихъ къ составу правленія.

§ 15. Одно изъ обыкновенныхъ собраній есть вмѣстѣ съ тѣмъ годовое собраніе, въ которомъ:

- а) производятся новые выборы членовъ правленія и двухъ ревизоровъ кассы;
- б) представляется отчетъ о дѣятельности Общества и о средствахъ его за истекшій годъ, и
- в) предлагается смета прихода и расхода на предстоящій годъ.

§ 16. Годовой отчетъ представляется министерству народнаго просвѣщенія въ теченіе втораго мѣсяца послѣ годоваго собранія.

§ 17. Упомянутое въ § 15 годовое общее собраніе считается состоявшимся и постановленія его получаютъ обязательную силу, когда число присутствующихъ членовъ Общества, не принадлежащихъ къ составу правленія, превышаетъ число наличныхъ членовъ правленія.

§ 18. Текущія дѣла и выборы новыхъ дѣйствительныхъ членовъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; для выборовъ же почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, а равно для рѣшенія вопросовъ объ измѣненіи устава и закрытіи Общества, требуется большинство ²/₃ голосовъ присутствующихъ членовъ.

§ 19. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ..

§ 20. Общее собраніе утверждаетъ прихода-расходную смѣту на слѣдующій годъ, рассматриваетъ заключеніе ревизоровъ кассы, производитъ выборъ членовъ правленія, ревизоровъ кассы, и новыхъ членовъ, постановляетъ рѣшеніе объ исключеніи членовъ Общества, утверждаетъ и измѣняетъ порядокъ дѣлопроизводства, постановляетъ заключеніе объ измѣненіи настоящаго устава и о закрытіи Общества.

§ 21. Если годовое собраніе не состоится за неявкою требующагося § 17 числа членовъ Общества, то всѣ дѣла, оставшіяся такимъ образомъ нерѣшенными, обсуждаются и рѣшаются окончательно на слѣдующемъ затѣмъ обыкновенномъ, или же, въ случаѣ необходимости, чрезвычайномъ собраніи. Последнее однако же назначается не ранее 14 дней по объявленіи предметовъ, подлежащихъ обсужденію собранія, и считается состоявшимся, независимо отъ числа явившихся въ оное членовъ.

§ 22. Дѣлопроизводство ведется на основаніи особой инструкціи, одобренной Обществомъ.

§ 23. Всѣ дѣла Общества, не предоставленныя § 20 рѣшенію общихъ собраній, могутъ быть возложены на правленіе Общества.

Правленіе Общества.

§ 24. Выбираемое Обществомъ правленіе состоитъ по крайней мѣрѣ изъ семи лицъ, а именно: предсѣдателя, вице-предсѣдателя и пяти или болѣе членовъ, которые вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, по взаимному соглашенію, распределяютъ между собою должности писмоводителя, бібліотекаря, редактора и казначея.

§ 25. Члены правленія избираются на три года. Изъ первоначально выбранныхъ выбываютъ по истеченіи перваго года предсѣдатель и казначей, по истеченіи втораго года—вице-предсѣдатель и писмоводитель, а по истеченіи третьяго—остальные члены.

§ 26. Выбывающіе члены правленія могутъ быть вновь избраны.

§ 27. Правленіе обязано:

- а) наблюдать за правильнымъ производствомъ выборовъ на вышеозначенныя должности, для которыхъ оно представляетъ кандидатовъ;
- б) вести въ интересахъ Общества переписку съ частными лицами и входить въ сношенія съ другими Обществами, преслѣдующими одинаковыя цѣли, преимущественно же Обществами внутри имперіи;
- в) поощрять членовъ Общества къ чтеніямъ лекцій въ засѣданіяхъ;

г) составлять приходо-расходную смету на слѣдующій годъ, а равно и годовой отчетъ.

§ 28. Засѣданіе правленія считается состоявшимся, если въ немъ присутствуютъ кромѣ предсѣдателя три члена правленія.

§ 29. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 30. Предсѣдатель и правленіе употребляютъ при письменныхъ сношеніяхъ печать Общества, на которой изображено названіе Общества.

Обязанности должностныхъ лицъ Общества.

§ 31. Предсѣдатель правленія, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и предсѣдатель Общества, предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ правленія Общества, наблюдаетъ за надлежащимъ производствомъ дѣлъ и писмоводства, равно какъ и за всѣми изданіями Общества и имѣетъ попеченіе объ исполненіи всѣхъ постановленій устава.

§ 32. Вице-предсѣдатель вступаетъ мѣсто отсутствующаго предсѣдателя.

§ 33. Члены правленія, не занимающіе какихъ либо особыхъ по Обществу должностей, заступаютъ мѣста лицъ, состоящихъ въ должностяхъ писмоводителя, бібліотекаря, редактора ученыхъ трудовъ и казначея во время ихъ отсутствія или болѣзни.

§ 34. Избираемые ежегодно, на основаніи § 15, ревизоры повѣряютъ кассу и кассовыя книги съ документами.

Измѣненіе устава.

§ 35. Предусмотрѣнное въ §§ 18 и 20 измѣненіе устава требуетъ утвержденія со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

Закрытіе Общества.

§ 36. Въ случаѣ закрытія Общества правленіе оного приступаетъ прежде всего къ уплатѣ числящихся на Обществѣ долговъ, а затѣмъ возвращаетъ дѣйствительнымъ членамъ по мѣрѣ возможности, уплаченные ими въ послѣдній годъ членскіе взносы.

§ 37. Вопросъ объ употребленіи могущаго оказаться затѣмъ остатка кассы, а также прочаго имущества, подлежитъ рѣшенію послѣдняго общаго собранія, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія.

§ 38. О закрытіи Общества доводится до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія не позже четырехъ недѣль послѣ ликвидаціи дѣлъ.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го іюня 1879 года (№ 10). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Чериновъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ общей терапіи и врачебной діагностики, съ 12-го мая 1879 года.

Привать-доцентъ Императорскаго университета Св. Владиміра, докторъ медицины Тритчель — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ частной патологіи и терапіи съ госпитальною клинкою, съ 25-го мая 1879 года.

Исправляющій должность директора Виленской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Поновъ — въ сей должности.

Назначается: исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лица, магистръ политической экономіи Исаевъ — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего лица по политической экономіи.

Командируются: предсѣдатель временной комиссіи по устройству и управленію Виленской публичной бібліотеки и музея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій — съ ученою цѣлю, на десять дней, въ Москву.

Помощникъ директора Императорской публичной бібліотеки, тайный совѣтникъ Вичковъ — въ гор. Видьну.

Старшій наблюдатель главной физической обсерваторіи, титулярный совѣтникъ Абельсъ — на два мѣсяца, въ Финляндію и Прибалтійскія губерніи.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Кесслеръ — съ ученою цѣлю, съ 1-го іюля по 20-е сентября 1879 года, на Таврической полуостровъ и на берега Азовскаго моря.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: съ 20-го іюня по 1-е іюля 1879 года: директоръ Минской гимназіи, статскій совѣтникъ Стефани — въ гор. Варшаву и Полоцкъ.

На двѣ недѣли: директоръ Полоцкой учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Бѣлецкій — въ гор. Липецкъ.

На двадцать девять дней: директоръ Кишиневскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Кодранъ — въ Подольскую, Херсонскую и Бессарабскую губерніи и дѣлопроизводитель VII класса де-

партаменту народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Ивановскій—въ гор. Гапсаль; послѣдній по болѣзни.

На мѣсяцъ: директоръ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Ставровичъ — въ разныя губерніи.

На полтора мѣсяца: директоръ Кишиневской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Колловичъ—во внутреннія губерніи.

Съ 20-го іюня по 6-е августа 1879 года: директоръ Урюпинскаго реальнаго училища Репчицкій — въ Харьковскую и Черниговскую губерніи.

На два мѣсяца: директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, тайный совѣтникъ Капустинъ — на Кавказъ; директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Соловьевъ — въ разныя губерніи; начальницы женскихъ гимназій: Уральской, Данилова—въ Саратовскую и Екатеринославскую губерніи и Екатеринбургской, Тиме—въ южныя губерніи; изъ нихъ Капустинъ и Соловьевъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года: ректоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, тайный совѣтникъ Бекетовъ и Варшавскаго, тайный совѣтникъ Благовѣщенскій — въ разныя губерніи; директора гимназій: Московской пятой, статскій совѣтникъ Басовъ — въ Либаву, Киевской второй, статскій совѣтникъ Пясецкій — въ разныя губерніи и Бердянской, состоящей въ V-мъ классѣ, Вороной — въ гор. Киевъ и Полтавскую губернію; начальница Ростовской (на Дону) Екатерининской женской гимназіи Симеоновская — въ разныя губерніи; директоръ Феодосійской прогимназіи Виноградовъ — въ Таврическую губернію и Кубанскую область; директора реальныхъ училищъ; Нижегородскаго, статскій совѣтникъ Бобровскій — въ С.-Петербургъ, Москву и Нижегородскую губернію и Тульскаго, коллежскій совѣтникъ Зерновъ — въ Московскую губернію и директоръ учительскаго института въ Глуховѣ, статскій совѣтникъ Бѣлявскій—въ Московскую и Смоленскую губерніи, въ Крымъ и на Кавказъ; изъ нихъ: Басовъ, Пясецкій, Бобровскій и Бѣлявскій по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать дней: исправляющій должность директора Муромскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Богомоловъ — въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и два мѣсяца: директоръ Иваново-Вознесенскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бордюговъ — во внутреннія губерніи, по болѣзни.

За границу: на полтора мѣсяца: учитель Ришельевской гимназіи Дени, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года: ректоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мейковъ, ординаторъ терапевтической факультетской клиники Императорскаго Варшавскаго университета, лекаръ Гольдфлямъ, завѣдывающій Варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Паллонскій, учителя гимназій: С.-Петербургской 2-й, коллежскій совѣтникъ Кеппигъ, Екатеринославской, коллежскій ассесоръ Сикорскій, Шавельской, Семонъ, Рязской городской, Меттигъ и Варшавской VI-й мужской Дикштейнъ, учитель Варшавской I-й женской гимназіи Лучицкій, учительница Роменской женской гимназіи Шевчикъ и учитель Варшавскаго рисовальнаго класса Герсонъ; изъ нихъ Гольдфлямъ и Паллонскій по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: владѣтельница Мышечскаго чугуно-литейнаго завода Е. Д. Огаревой — за пожертвованіе въ пользу Мышечскихъ мужской и женской школъ и живое участіе ея въ преуспѣяніи этихъ школъ.

Исключаются изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Котельниковъ и директоръ Кѣлецкой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Ганфъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета, утвержденными г. исполнявшимъ обязанности товарища министра, постановлено:

Книгу „Краткая грамматика латинскаго языка. Составилъ И. Сиггъ. С.-Пб., 1879 г.“ — одобрить въ видѣ руководства по латинскому языку для 4-хъ низшихъ классовъ гимназій и для прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленную бывшимъ директоромъ земледѣльческой колоніи А. Гердомъ книгу: „Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Изданіе 3-е исправленное и дополненное. С.-Пб., 1879 г. Ц. 80 коп.“ — одобрить для городскихъ училищъ какъ учебникъ.

— Книгу „Игры древнихъ. Описаніе, происхожденіе и отношеніе ихъ къ религіи, исторіи, искусствамъ и нравамъ. Переведено со втораго французскаго изданія (1873), подъ редакціею съ примѣчаніями и съ предисловіемъ А. А. Иванова. Выпускъ 1-й и т. д. Кіевъ, 1877 г. Ц. 1 руб.“ — одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: I. „Первые уроки исторіи П. Мельгунова. Древній востокъ. Москва, 1879 г. Ц. 1 руб. 25 коп.“ — рекомендовать для учебныхъ бібліотекъ, преимущественно младшаго возраста, всѣхъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также городскихъ училищъ.

— II. „Иліада Гомера съ комментаріями, для употребленія въ гимназіяхъ. Первая и вторая пѣсни. Составилъ І. І. Гроспичъ. Москва, 1879 г. Ц. 1 руб.“ — одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку для высшихъ классовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— III. „Латинскія упражненія. Курсъ III-го класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Составилъ Ф. Ф. Райманъ, преподаватель Новгородской гимназіи. Новгородъ, 1879 г. Ц. 40 коп.“ — одобрить въ видѣ пособія по латинскому языку для III-го класса гимназій и прогимназій.

I) „Краткая нѣмецкая грамматика“, сост. преподаватель нѣмецкаго языка при IV Московской гимназіи О. Кёйзеръ. Часть I. „Этимологія“. Изданіе тринадцатое. Москва, 1878 г. Цѣна 30 к. Часть II. „Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія на правила этимологіи“. Изданіе шестое, исправленное. Москва, 1879 г. Цѣна 90 к. Часть III. „Сиптаксисъ съ нѣмецкими примѣрами, упражненіями и статьями для перевода съ русскаго“. Изданіе пятое, исправленное. Москва, 1879 г. Цѣна 1 р., — первую и вторую части въ означенныхъ изданіяхъ одобрить какъ руководство, а третью часть (изд. 5) допустить какъ пособіе для преподаванія нѣмецкаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. II) „Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній“. Сост. Ев. Гуторъ. Часть I. Воронежъ, 1878 г. Цѣна 85 к.“ — допустить въ основныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и учительскихъ

институтовъ. III) „Карту: Хорватія Славонія, Далмація и Военная граница“, составленную по свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ Л. В. Березинымъ, 1879 г.,—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Священная Лѣтопись“. Т. 3 Четвертая и пятая книги Моисеевы: Числа и Второзаконіе. Съ указателемъ Пятикнижія Моисеева. Примѣчанія Георгія Властова. С.-Петербургъ, 1878 г.—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ „Часть вторая. Отвѣты и рѣшенія на стереометрическія задачи. Сост. А. Дмитріевъ. С.-Петербургъ 1879 г.“—одобрить, какъ весьма полезное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру: „О классномъ преподаваніи иностранныхъ языковъ. Г. П. Недлера, преподавателя Маринскаго института и 3-й шести-классной прогимназіи. С.-Петербургъ, 1879 г. Цѣна 60.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Народы Россіи. Выпуски III и IV. С.-Петербургъ, 1878—1879 г.“ одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и учительскихъ семинарій.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Земля и люди. Всеобщая географія Эмиля Реклю. Т. II. Франція. Съ 70 рисунками. Т. III. Швейцарія, Австро-Венгрія и Германія съ 72 рисунками. Изданіе картографическаго заведенія Ильина. С.-Петербургъ, 1878 г.“—одобрить для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка, составленное Александромъ Камковымъ, бывшимъ учителемъ Казанской 2-й гимназіи. Съ приложеніемъ текста изъ евангелія по Остромирову списку 1056 и 1057 г. (по изд. Востокова 1843 г.). Изъ христоматіи Буслаева. Казань, 1878 г. Цѣна 30 к.“—признать заслуживающею одобренія въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи церковно-славянскаго языка.

— Книгу: „Руководство къ повторенію (Repertorium) латинскаго синтаксиса и нѣкоторыхъ статей изъ этимологіи, содержащихъ уклоненія отъ правильныхъ формъ, съ прибавленіемъ латинской просодіи для V класса гимназій, и свѣдѣній изъ жизни латинскихъ авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ. Сост. Суворовъ. Выпускъ I. Отступленія часть ссѹ, отд. 1.

изъ этимологiи. Курсъ III вл. гимназiй. Варшава. 1878 г. Цѣна 10 к. Выпускъ II. Отступающіе глаголы. Выпускъ III. Синтаксисъ съ приложеніями. Варшава, 1879 г. Цѣна послѣднихъ двухъ выпускоевъ (въ одной книгѣ) 40 к.,—допустить какъ учебное пособіе по латинскому языку для среднихъ классовъ гимназiй министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, составленный примѣнительно къ грамматикѣ Эллента Зейфферта по руководствамъ Гааке и др. В. Зубковымъ для среднихъ классовъ гимназiй. Москва, 1879 г. Цѣна 1 р.“—одобрить въ видѣ пособія по латинскому языку для среднихъ классовъ тѣхъ гимназiй, въ которыхъ за руководство принята грамматика Эллента Зейфферта.

— Книгу: *Βοξαντίνας μελέται. Τοπογραφικαί καί ιστορικαί μετά πλόνδιον εἰκόνων ὑπό Α. Τ. Παυλάτη. Εν κορυθαινοπόλει.* 1877 г. Цѣна 50 франковъ. Складъ въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Новой ул. въ д. графа Шувалова, въ кв. тайнаго совѣтника Филиппова—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназiй и прогимназiй вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи (1877—1878) Всеволода Крестовскаго. Изданіе исправленное и значительно дополненное, въ 2-хъ томахъ, съ планами картами и справочнымъ указателемъ именъ и фамилій. С.-Петербургъ, 1879 г. Цѣна за оба тома 6 р.“—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для воспитанниковъ старшаго возраста.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено: брошюры: а) „Іосифъ Гайднъ (1732—1809 гг.). Москва, 1879 г. Цѣна 15 к.“,—допустить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно для младшихъ классовъ; б) „Давидъ Ливингстонъ. Москва, 1879 г. Цѣна 25 к.“—допустить кромѣ того и въ бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, включая народныя школы.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, выслушавъ заключеніе духовно-учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, утвержденное опредѣленіемъ святѣйшаго синода, о книгѣ законоучителя Радомской гимназіи протоіерея М. Ивановскаго, подъ заглавіемъ: „Руководство къ изученію закона Божія. Въ трехъ частяхъ. Радомъ, 1876 г., признавъ возможнымъ одобрить означенную книгу въ качествѣ учебника по закону Божію для воспитанниковъ учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Г. исполнявшій обязанности товарища министра изволилъ утвердить таковое постановленіе особаго отдѣла ученаго комитета.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія на основаніи § 83 устава гимназій и прогимназій 31-го марта сего 1879 г., разрѣшилъ открыть, съ будущаго 18го/₁₀₀ учебнаго года, пансіонъ при Екатеринбургской гимназіи на слѣдующихъ основаніяхъ. 1) Въ составъ пансіона будутъ входить полные своекоштные пансіонеры и полупансіонеры. 2) Плата съ полного пансіонера, по соображеніямъ хозяйственнаго комитета назначена въ 275 р. и на первоначальное образованіе 30 р., а съ полупансіонера 200 р. и на первоначальное образованіе 30 р. 3) Пансіонъ будетъ содержаться на счетъ платы, собираемой съ полнымъ пансіонеровъ и полупансіонеровъ. 4) При пансіонѣ будутъ устроены церковь и лазаретъ. 5) Непосредственное распоряженіе хозяйственною частью пансіона, подъ главнымъ вѣденіемъ начальника учебнаго заведенія, предоставляется эконому, которой вмѣстѣ съ тѣмъ исполняетъ обязанность смотрителя дома. 6) Постоянный нравственный надзоръ за воспитанниками пансіона, подъ ближайшимъ руководствомъ директора и инспектора, ввѣряется особымъ воспитателямъ. 7) Во всѣхъ отправленіяхъ своей дѣятельности пансіонъ будетъ строго и неуклонно руководствоваться правилами по завѣдыванію пансіонами при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, утвержденными г. министромъ 23-го мая 1872 года.

— Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ отъ 16-го апрѣля 1854 г., формально опубликованнымъ, Анна Длуская, бывшая владѣлица имѣній Ожаровъ, Томашевиде и Гутановъ, отказала 1500 руб. на содержаніе учителя начальнаго училища.

По представленію объ этомъ управляющаго Варшавскимъ учебнымъ

округомъ г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ утвердить, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, означенное пожертвованіе.

— Вслѣдствіе представленій г. управляющаго Варшавскимъ учебнымъ округомъ отъ 30-го истекшаго іюля за №№ 3064 и 3094 г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, значущіеся въ духовныхъ завѣщаніяхъ:

1) Юзефы Войчинской, отъ 30-го іюня (12-го іюля) 1877 г., отказъ 6 тысячъ р., въ закладныхъ листахъ земскаго кредитнаго общества въ Царствѣ Польскомъ, въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ, и

2) Доктора медицины Юсіафа Оркиша отказъ недвижности, находящейся въ г. Равѣ на Варшавской улицѣ подъ № 75 и состоящей въ пожизненномъ пользованіи жены завѣщателя Анжелики, для выдачи изъ доходовъ съ этого имущества, со дня смерти жены завѣщателя, вспомошествованій двумъ несостоятельнымъ ученикамъ хорошаго поведенія, римско-католическаго исповѣданія, изъ которыхъ одинъ долженъ происходить изъ жителей Равскаго уѣзда, а другой изъ г. Равы.

— На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 3-й день іюня 1879 г. мнѣнія государственнаго совѣта въ г. Динабургѣ учреждается женская прогимназія.

— По донесенію управляющаго Одесскимъ учебнымъ округомъ, открыты слѣдующія начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ Екатеринославской губ.: одноклассное въ селѣ Волосскомъ, Екатеринославскаго уѣзда, 17-го февраля, при 47 учащихся; двухклассныя: въ селеніи Петропавловкѣ, Павлоградскаго уѣзда—25-го февраля, при 76 учащихся, и въ селеніи Пологахъ, Александровскаго уѣзда, 4-го марта текущаго года, при 74 учащихся.

— Кромѣ того открыты нижеслѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ Бессарабской губерніи, а именно, а) въ Аккерманскомъ уѣздѣ: 28-го февраля въ селѣ Задунаевкѣ, при 25 учащихся, и 1-го марта въ селѣ Таракліи, при 27 учащихся, и б) въ Бендерскомъ уѣздѣ: 15-го марта въ с. Каракуѣ, при 23 учащихся, 19-го марта въ с. Баурчи, при 20 учащихся, и 20-го марта въ селѣ Кирютиѣ, при 48 учащихся.

АНДРОНИКЪ МЛАДШІЙ И ЮАННЪ КАНТАКУЗИНЪ ¹⁾.

VI.

„Своими талантами Кантакузинъ воспользовался скорѣе къ разрушенію, чѣмъ къ восстановленію имперіи“, замѣтилъ еще Гиббонъ въ своей Исторіи паденія Римской имперіи ¹⁾. Нельзя не признать справедливости такого отзыва не только по отношенію къ энергіи и настойчивости, обнаруженнымъ Кантакузиномъ во время пятилѣтняго искательства императорскаго престола, но и если обратимъ вниманіе на ту неистощимую изобрѣтательность, соединенную съ умѣньемъ маскировать свои дѣйствія, которая въ царствованіе Андроника Младшаго дѣлала изъ него то ловкаго интригана, то умнаго политика-дипломата, а во все послѣдующее время его государственной дѣятельности была направлена исключительно къ достиженію его личныхъ себялюбивыхъ цѣлей. Возложеніе императорской короны въ Константинополѣ, по видимому, должно было побудить Кантакузина дать иное лучшее направленіе въ обнаруженіи этого качества, необходимого для всякаго государственнаго человѣка. Между тѣмъ, теперь оно болѣе чѣмъ когда-либо соединяется съ его неограниченными властолюбивыми и честолюбивыми стремленіями. Императорскій титулъ и имъ же устроенное, дѣйствительно ненормальное положеніе имперіи съ двумя императорами не удовлетворяли его. Онъ домогается окончательнаго устраненія Палеологовъ отъ престола и водво-

¹⁾ *Окончаніе*. См. Ж. М. Н. Пр. за августъ текущаго года.

¹⁾ *Gibbon*, The history of the decline and fall of the Roman Empire. London. 1830, p. 1162: «The talents of Cantacuzene were employed to the ruin, rather than the restoration of the empire».

ренія своей династіи, для чего обращается къ обычной своей подпольной политикѣ. Палеологи не сдаются добровольно, и вотъ имперія дѣлается жертвою новой усобицы, уже третьей въ разсматриваемый нами періодъ. Всякій рѣшительный шагъ Кантакузина для выполненія давнишней его мечты, даже открытое низложеніе Палеологовъ тотчасъ же послѣ занятія Константинополя, былъ бы для страны несравненно выгоднѣе, чѣмъ эта не достигающая цѣли система тайнаго подкапыванія, и еслибы такой шагъ не оправдывалъ узурпации, то все же придавалъ бы ей сколько-нибудь разумное значеніе. Теперь же семилѣтнее правленіе Кантакузина, вмѣсто отдыха и укрѣпленія силъ, въ которомъ такъ нуждалась истощенная имперія, и котораго она была въ правѣ отъ него ожидать, принесло ей бѣдствія не меньше тѣхъ, которыми ознаменовались предыдущія междуособныя войны. При всѣхъ попыткахъ сдѣлать что-либо для поправленія дѣлъ государства, онъ не въ силахъ остановить тотъ роковой ходъ событій, который самъ же развилъ, а теперь самъ же ускорялъ, можетъ быть, уже безсознательно, невольными толчками. Враги имперіи, какъ всегда, пользуются ея внутренними затрудненіями: Сербы съ одной стороны, Латины съ другой продолжаютъ свои угрожающія наступленія—Кантакузинъ почти безсиленъ противъ нихъ. Турки, по прежнему, то съ мирными, то съ хищными цѣлями посѣщаютъ несчастную Фракію, и наконецъ, полагаютъ начало ея завоеванія—Кантакузинъ почти безмолвно опускаетъ голову и передъ этимъ неотразимымъ событіемъ. Ко всему этому присоединяются другія бѣдствія, уже прямо не зависящія отъ него. Въ концѣ концовъ онъ и самъ не въ состояніи совладать съ поднятыми неурядицами и безславно сходитъ со сцены, уступая дорогу законному наслѣднику престола.

Въ первые мѣсяцы послѣ воцаренія, Кантакузинъ чувствовалъ себя хорошо, былъ въ нѣкоторомъ упоеніи отъ своей побѣды. Онъ успѣлъ восстановить порядокъ въ столицѣ, издалъ законъ о прекращеніи всякихъ исковъ и тяжбебъ о движимыхъ имуществвахъ, подвергшихся разграбленію и конфискаціи въ эпоху междуособія ¹⁾, чѣмъ до нѣкоторой степени спускалъ расположеніе прежней противной ему партіи, получилъ отъ новопоставленнаго патріарха Исидора разрѣшеніе отъ отлученія, которое было на него паложено Іоанномъ Апрійскимъ ²⁾ и занялся цѣлымъ рядомъ придворныхъ торжествъ, то

¹⁾ Cantac. IV, с. 1.

²⁾ Cant. IV, с. 3; Greg. XV, с. 12:

по случаю принесенія присяги новому императору, то по поводу своей коронаціи и свадьбы зятя—Іоанна Палеолога, то вслѣдствіе вѣзда въ столицу своей супруги, императрицы Прины ¹⁾). Союзникъ и родственникъ Кантакузина Орханъ также спѣшилъ приѣхать ему по здравленію. Со всѣмъ семействомъ онъ пріѣхалъ въ Скутари. Сюда явился императоръ и нѣсколько дней веселился съ своимъ зятемъ, забавляя его охотой и шумными пирами ²⁾). По окончаніи празднествъ, Теодора съ своимъ отцомъ и сыновьями Орхана ѣздила на три дня въ самый Константинополь, самъ же Орханъ дождалъ ее въ Скутари ³⁾).

Но благодушіе Кантакузина не могло быть продолжительно. Уже въ 1347 г. ему пришлось убѣдиться, что созданное имъ положеніе вещей весьма неудовлетворительно. Прежде всего онъ возбудилъ недовольство среди прежнихъ своихъ приверженцевъ. Большинство этихъ людей рассчитывали на вознагражденіе за свою поддержку и еще задолго до занятія Константинополя требовали отъ Кантакузина обѣщанія, что по достиженіи успѣха имъ будутъ уступлены отдѣльныя части имперіи въ независимое управленіе ⁴⁾). Тогда онъ отвергъ эти дѣйствительно антигосударственныя требованія, но теперь долженъ былъ не упускать изъ виду эгонстическихъ стремленій представителей своей партіи и дать имъ нѣкоторое удовлетвореніе. Между тѣмъ, онъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ и скорѣе ищетъ сближенія съ прежними противниками. Законоположенія его касательно возстановленія правъ собственности, прощая грабежи и захваты антикантакузинистовъ, слишкомъ мало вознаграждали потерпѣвшихъ лицъ его партіи. Это, естественно, озадачивало послѣднихъ. Дальнѣйшіе тайные замыслы Кантакузина не были никому извѣстны; соглашеніе его съ Палеологами и имперія съ двумя императорами не могли не казаться имъ

¹⁾ Cant. IV, сс. 1, 4.

²⁾ Cant. IV, с. 4. Во время пировъ императоръ съ Орханомъ обыкновенно занимали одинъ столъ, четыре сына Орхана отъ другихъ женъ возлежали недалеко за другимъ столомъ, а прочіе знатные Турки и Греки располагались на полу, на коврахъ.

³⁾ По видимому, онъ не мечталъ еще о завоеваніи европейскихъ владѣній имперіи и отнюдь не задавался мыслию овладѣть столицей. Иначе трудно объяснить, почему онъ не воспользовался случаемъ осмотрѣть Царьградъ. Кантакузинъ не могъ быть противъ такого посѣщенія, потому что дозволялъ съ Теодорою отправиться сыновьямъ Орхана и нѣкоторымъ знатымъ Туркамъ, состоявшимъ при Османскомъ дворѣ.

⁴⁾ Greg. XIV, с. 5.

странными. Многіе отказались присягать Іоанну Палеологу и его матери ¹⁾. Такимъ образомъ создается новая оппозиція. Она рѣзко обнаруживается, едва Кантакузинъ выступаетъ съ проектомъ необходимыхъ мѣръ для поправленія дѣлъ имперіи. Собрать что-нибудь въ совсѣмъ пустую государственную казну было первой его заботой. О новыхъ податяхъ и налогахъ при полномъ разореніи Фракіи нечего было и думать; онъ рѣшился обратиться къ патриотизму Византійцевъ и добровольнымъ приношеніямъ на нужды государства. Созвано было общее собраніе византійскихъ гражданъ всѣхъ сословій Тутъ присутствовали и купцы, и воины, и ремесленники, и простонародіе (δημος), и настоятели церквей и монастырей. Самъ императоръ въ рѣчи указалъ на трудное положеніе имперіи и на необходимость для каждаго гражданина оказать правительству посильную помощь ²⁾. Часть гражданъ отнеслась сочувственно къ предложенію Кантакузина и согласилась жертвовать. Другіе же весьма многіе ³⁾ высказались противъ пожертвованій и открыто заподозрили императора въ корыстныхъ цѣляхъ, говоря, что онъ уже разорилъ разъ окрестности Византіи и теперь хочетъ воспользоваться имуществомъ гражданъ и самаго города. На сколько сильна была партія этихъ недовольныхъ, видно изъ того, что она успѣла подѣйствовать на тѣхъ, которые склонились было на убѣжденія Кантакузина, и сборъ почти не состоялся. Затѣмъ, она пошла дальше и сдѣлала попытку вооружить противъ императора старшаго его сына Матвѣя. Одинъ изъ вожаковъ партіи Іоаннъ Асанъ (шуринъ Кантакузина) побудилъ его подъ предлогомъ защиты отъ происковъ Палеологовъ, къ которымъ снисходитъ его отецъ, образовать изъ управляемой имъ восточной Фракіи особое деспотство и объявить себя независимымъ отъ Византіи государемъ. Юноша поддался совѣту и уже укрѣнился въ Адрианополѣ. Іоаннъ Кантакузинъ былъ сильно встревоженъ; но императрица Ирина лично отправилась въ Адрианополь и успѣла склонить сына къ повинновенію отцу ⁴⁾.

¹⁾ Cantac. IV, сс. 1, 7.

²⁾ Cantac. IV, с. 5. Впрочемъ, большая часть рѣчи была посвящена оправданіямъ призванія Турокъ во время предыдущей войны.

³⁾ Cantac. IV, с. 6. Кантакузинъ говоритъ, что это были его давнишніе враги (τινές δι τῶν ἐξ ἀρχῆς ἐχθίμων ἡρμιένων πολέμαϊν) и главнымъ образомъ византійскіе финансисты-мѣнялы (καὶ ἐκ τῶν ἐν ἐργαστηρίοις ἐμπορευομένων ἀργυροποιῶν), но послѣдующія событія, которыя мы сейчасъ разяснимъ, указываютъ, что въ оппозиціи принимала большое участіе именно недовольная партія прежнихъ кантакузинистовъ.

⁴⁾ Cantac. IV, сс. 7, 8; Greg. XVI, сс. 2, 3.

Тѣмъ не менѣе, ему пришлось выдѣлить часть имперіи. Императоръ самъ отправился въ Димотику и предоставилъ Матвѣю въ независимое управленіе, съ признаніемъ только его верховной императорской власти, береговую полосу Халкидики отъ Димотики до Христополя ¹⁾. Стремленіе къ такому сепаратизму если дѣйствительно огорчало Кантакузина, какъ это видно изъ его рѣчи къ сыну, приводимой у Григоры ²⁾, то только отчасти, именно по скольку съ нимъ связывалось опасеніе, что этотъ сепаратизмъ сдѣлается опорой оппозиціонной партіи. Собственно же, фактическій переходъ части имперіи въ руки сына означалъ новый шагъ въ задуманномъ имъ планѣ—устраненія Палеологовъ отъ престолонаслѣдія. Чѣмъ болѣе вчитываешься въ оправдательныя рѣчи Кантакузина, которыми переполнена четвертая книга его записокъ, и вникаешь въ обвиненія, отголосокъ которыхъ находится въ послѣднихъ книгахъ исторіи Григоры, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ существованіи у него такого плана. Всѣ его оправданія рассыпаются передъ фактами, которые онъ самъ же приводитъ. Чтобы проложить своимъ сыновьямъ дорогу къ престолу, ему нужно было облечь ихъ званіями и достоинствами, которыя служили бы переходною ступенью къ трону, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще дать своему дому матеріальную и нравственную силу для оспариванія правъ Палеологовъ. Съ этою цѣлью онъ въ первые же дни царствованія даетъ сыну Мануилу и зятю Никифору Дукѣ званія деспотовъ, а братьевъ жены Іоанна и Мануила Асановъ объявляетъ севастократорами. Тотъ и другой титулъ давалъ право на высшія государственныя почести

¹⁾ Gregor. XVI, с. 4. Кантакузинъ не говоритъ объ этомъ выдѣленіи. Но нѣсколько спустя (IV, с. 10, р. 66) Матвѣй является въ его исторіи: τὼν κατὰ τὴν Χαλκιδικὴν πόλεων ἔχων τὴν ἀρχήν.

²⁾ Въ рѣчи, съ которою Кантакузинъ обращается къ сыну по случаю этого назначенія (Greg. XVI, с. 4), указывается на важное значеніе поручаемой ему страны, какъ передоваго поста противъ нападеній Сербовъ и Турокъ, и въ яркихъ чертахъ изображается бѣдственное положеніе опустошенной, обезлюженной Θρακίης, единственной области, которая остается имперіи: «ὁράς γάρ ὡς εἰς στενὸν κομιδῆ τὰ Ῥωμαίων ἐλήλαται πράγματα, καὶ ἀβάτος τις μικροῦ καὶ θηριώδης ἡμῖν ἀντὶ πάντων ἢ τῆς Θράκης ἠπλωται μόνη γῆ· πόλεις δ' ὀλίγαι περὶ αὐτὴν γένους διασώζουσι· λείψανα μόλις Ῥωμαίου, δίχα προαστείων καὶ αὐταὶ καὶ τῶν ὀφειλομένων προθύρων εἰς εὐκοσμίαν πολιτικὴν καὶ πρὸς γε μακροῖς τισὶν ὄροις καὶ διαστήμασιν ἀοικήτοις ἀλλήλων διεστηκυῖαι καθάπερ ἐν μακρῷ πεδίῳ καὶ παμπληθεὶ καλάμῳ μετὰ θέρος καὶ θρέπανον σποράδες ἅμα καὶ εὐαριθμητοὶ στάχυες ὡς εἰδῶσις γε τισὶν εἰκέναι μᾶλλον οἰκητόρων, ἢ οἰκητόρων· οὕτω δυστυχῶς ἔχει τὰ καθ' ἡμᾶς πράγματα νῦν ... (vol. II, p. 817).

и на самостоятельное управленіе цѣлыми областями имперіи. Сыну же Матвѣю онъ предоставилъ постъ, который впервые учрежденъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ для сына Константина Порфиророднаго и „не имѣлъ особаго титула, но былъ выше званія деспота и соединялъ въ себѣ право и почетъ перваго лица послѣ императора“ ¹⁾. Облеченіе сына такою рѣдкою, высочайшею должностію не было ли первымъ шагомъ къ открытому объявленію его наслѣдникомъ престола? Выдѣленіе ему въ управленіе цѣлой провинціи было вторымъ шагомъ въ томъ же направленіи. Совершенно понятно, что Матвѣй Кантакузинъ теперь сталъ смотрѣть на себя какъ на законнаго претендента на византійскій престолъ, который отъ отца долженъ перейти къ нему, а не къ Іоанну Палеологу ²⁾. Впослѣдствіи Іоаннъ Кантакузинъ, чтобы лучше скрыть свой замыселъ, указывалъ на самостоятельность дѣйствій сына; но если это и было такъ въ моментъ открытаго столкновенія между Матвѣемъ Кантакузиномъ и Іоанномъ Палеологомъ, то въ подготовленіи этого столкновенія главнымъ образомъ виноватъ Іоаннъ Кантакузинъ; ему принадлежитъ вся завязка смуты, направленной къ низложенію Палеологовъ ³⁾. Что онъ продолжаетъ дѣйствовать въ духѣ своего плана, показываетъ то, что въ 1349 г. онъ посылаетъ въ Пелопоннисъ правителемъ другаго сына, деспота Мануила. Пріѣздъ его былъ благодѣтеленъ для византійской части полуострова; онъ уничтожилъ царившій тамъ анархическій порядокъ вещей, принялъ мѣры противъ нападений Турокъ, уладилъ отношенія къ Латинамъ, и поднялъ значеніе Мисиоры ⁴⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ организуетъ эту часть Пелопонниса какъ самостоятельное деспотство, въ которомъ Кантакузины послѣ своего паденія находятъ себѣ убѣжище, и которое Іоаннъ Палеологъ долженъ признать неприкосновеннымъ, другими словами—онъ полагаетъ начало отдѣленію этой провинціи отъ общаго организма имперіи.

Одновременно съ возвышеніемъ своихъ сыновей, Кантакузинъ старается всячески ослабить значеніе Іоанна Палеолога, заставить за-

¹⁾ Cantac. IV, c. 5: Ματθαῖον δὲ τὸν πρεσβύτερον υἱὸν ἀξίας μὲν οὐδενίᾳ ὀνομαστί ἤξιον, τιμὴν δὲ παρείχε τὴν ὑπὲρ δεσπότης, ὡς εὐθὺς εἶναι μετὰ βασιλείᾳ, ἣν ὁ πρῶτος τῶν Παλαιολόγων βασιλέων Μιχαὴλ ἐκαινοτόμησεν ἐπὶ υἱῷ Κωνσταντίνῳ τῷ Πορφυρογεννήτῳ, ἣ ἐδόκει πλεον τι τῆς τῶν δεσποτῶν ἀξίας ἔχειν. См. еще vol. III, p. 33. Ср. также Greg. XVI, c. 1.

²⁾ Greg. XXVI, c. 27, vol. III, p. 93.

³⁾ Greg. XXVII, c. 48, vol. III, p. 167.

⁴⁾ Cantac. IV, c. 13.

быть самое существованіе его какъ императора. Насильно, противъ его желанія ¹⁾, выдавъ за него свою дочь, онъ, въ качествѣ тестя, получилъ полную возможность опекать его отъ всякихъ вліяній. Онъ не допускаетъ зятя ни до государственныхъ дѣлъ, ни до областного управленія и неотлучно держитъ при себѣ, беретъ съ собою въ поѣздки и походы, или же поручаетъ надзоръ за нимъ довѣреннымъ лицамъ ²⁾. Принимая такія мѣры предосторожности, Кантакузинъ боялся вліянія партіи Палеологовъ, которая не отказывалась еще отъ своихъ задачъ поддерживать права законнаго наслѣдника. Опасенія эти были не безосновательны. Трудно допустить, чтобъ Анна, столь энергически ведшая борьбу съ своимъ соперникомъ и подчинившаяся только необходимости, совсѣмъ успокоилась, особенно когда видѣла, что ея сынъ совсѣмъ въ рукахъ ненавистнаго ей челоуѣка. Въ томъ же 1347 г. былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью похитить юнаго императора, отвести его въ Галату и поднять новую войну противъ Кантакузина. Дѣло не удалось, заговорщики посажены были въ тюрьму, но почему-то и на этотъ разъ помилованы „милостивымъ“ Кантакузиномъ ³⁾. Затѣмъ оставался еще одинъ пунктъ въ имперіи, гдѣ открыто велась агитація въ пользу Палеолога. Въ черноморскомъ городѣ Медеѣ храбро держался извѣстный намъ Добротичъ, братъ Балика Карвонскаго, помогавшій императрицѣ Аннѣ въ послѣдній годъ междоусобной войны. Кантакузинъ сломилъ и эту послѣднюю опору партіи Палеологовъ. Въ 1348 г. онъ послалъ къ городу съ суши и съ моря войска, а затѣмъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Палеологомъ (вѣроятно, для большаго его униженія) явился самъ и переговорами убѣдилъ Добротича сдать городъ ⁴⁾.

Дѣйствія Кантакузина по отношенію къ членамъ своей семьи и назойливая опека, которою онъ окружалъ Іоанна Палеолога, вызывали въ послѣднемъ подозрѣніе въ коварствѣ намѣреній его тестя, которое еще болѣе поддерживалось ненавистью, съ дѣтства внушенною ему матерью къ мнимому ихъ благодѣтелю. Но въ данный моментъ, спутанный по рукамъ и ногамъ, при полномъ подавленіи своей партіи, молодой императоръ долженъ былъ сдерживать въ себѣ скрытое чувство негодованія. Для открытаго протеста, для защиты

¹⁾ Greg. XXVII, c. 47, vol. III, p. 165.

²⁾ Parisot, p. 227.

³⁾ Cant. IV, c. 7.

⁴⁾ Cant. IV, c. 10.

своихъ правъ, онъ дожидался болѣе удобнаго времени. Вскорѣ оно наступило.

Между тѣмъ какъ въ первые годы царствованія Кантакузина такъ усердно полагались сѣмена будущихъ внутреннихъ смуть, перемежна правительства отнюдь не отразилась на улучшеніи внѣшнихъ дѣлъ имперіи. Стефанъ Душанъ продолжалъ свои завоеванія, и словно рѣка, вышедшая изъ своихъ береговъ, все болѣе и болѣе захватываетъ разливомъ сербскихъ водъ — византійскія области ¹⁾. Округливъ завоеваніе Македоніи взятіемъ Сереса и Верринъ, въ 1347 или въ началѣ 1348 г. онъ возобновляетъ движеніе на югъ и подчиняетъ своей власти Янину, южную часть Эпира, Акарпанію и Этолію ²⁾. Кантакузина тревожитъ потеря еще цѣлой провинціи. Онъ посылаетъ посольство къ Стефану, указываетъ на нарушеніе мира, но могущественный завоеватель оставляетъ его безъ вниманія. Тогда императоръ рѣшается показать свою дѣятельность и выступить съ оружіемъ противъ опаснаго врага. Сильной арміи на готовѣ у него не было; онъ обращается за помощью къ Орхану. 10,000 Турокъ, подъ начальствомъ Сулеймана, сына Орхана, переправились во Фракію; здѣсь и къ нимъ присоединился небольшой византійскій отрядъ, предводимый Матвѣемъ Кантакузиномъ. Союзники двинулись вмѣстѣ по направленію къ Македоніи. Что же вышло изъ этого похода? Едва Турки достигли Хриостополя, границы новыхъ сербскихъ завоеваній, какъ съ неудержимою силой, не слушая приказаній своихъ начальниковъ, набросились на Мигдонію, недавно потерянную византійскую область, сожгли и опустошили ее, жителей перебили и во множествѣ забрали въ плѣнъ. Затѣмъ, удовлетворивъ своимъ хищнымъ инстинктамъ, они считали свое дѣло по отношенію къ императору конченнымъ и съ большою добычею вернулись въ Азію. Кантакузинъ какъ будто не зналъ обы-

¹⁾ Кантакузинъ въ рѣчи къ сыну Матвѣю говоритъ: «*Ἦ πόθεν ἄλλοθεν μέγας καθ' ἡμῶν ὁ Τριβαλλὸς ἐγέγονε δε καθάπερ ποταμὸς πλημμυρῆσας, καὶ μακροῖς διαστήμασι τοὺς οἰκίους, ὑπερβάς ἑρούς, τὰ μὲν τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας πεμπληθείσιν ἤδη ροθίοις κατέκλυσε, τὰ δ' ἀπειλαὶ κατακλύσειν.* Greg. XVI, с. 4, р. 817.

²⁾ Кантакузинъ здѣсь (IV, с. 4.) говоритъ только о завоеваніи Сербіи Македоніи. Молчаніе его объ Акарпаніи и Эпирѣ, вѣроятно, умышенное. По внимательномъ чтеніи его 20-й главы, гдѣ онъ опять-таки вскользь упоминаетъ о завоеваніи вѣлхъ провинцій, и на основаніи другихъ соображеній, я отношу движеніе Душана въ эту сторону къ первымъ годамъ царствованія Кантакузина. Подробный разборъ извѣстій о завоеваніяхъ Душана излагается мною въ особомъ изслѣдованіи.

чаевъ и характера помощи своихъ излюбленныхъ союзниковъ и въ заключеніи разказа объ этомъ неудачномъ движеніи противъ Душана выражаетъ скорбь, что они въ конецъ разорили ту страну, которую собственно онъ имѣлъ въ виду освободить при ихъ содѣйствіи ¹⁾. Вскорѣ послѣ такой плохой услуги Сулеймана, въ томъ же 1348 г., Кантакузину пришлось самому обороняться противъ Турокъ. Дѣло въ томъ, что заключенный имъ родственныи союзъ съ повелителемъ Османовъ могъ служить нѣкоторою гарантіей только въ томъ, что самъ Орханъ не предприметъ дальнѣйшаго завоеванія византійскихъ областей, но онъ отнюдь не обезпечивалъ имперію отъ частныхъ нападений и высадокъ, съ цѣлью грабежа, мелкихъ турецкихъ (османскихъ и сельджукскихъ) беговъ, которые въ частныхъ своихъ дѣйствіяхъ сохраняли значительную самостоятельность, что обусловливалось самымъ устройствомъ первоначальнаго Османскаго государства. Возвращаясь изъ-подъ Медине, Кантакузинъ наткнулся близъ Месены на конный турецкій отрядъ (до 1200 ч.), зашедшій для грабежей, въ виду полной опустошенности Фракіи, въ глубь страны. Послѣ жестокаго боя, въ которомъ палъ одинъ изъ турецкихъ предводителей Кара-Могамедъ, другой Кара-Османъ ²⁾ долженъ былъ сдаться на волю императора. Одновременно съ этой побѣдой, Матвѣй Кантакузинъ совершенно уничтожилъ близъ Граціанополя другую пѣшую часть того же турецкаго отряда, которая въ числѣ 1400 человекъ опустошала Халкидику. Не смотря на ничтожность неприятеля, съ которымъ пришлось имѣть дѣло, Кантакузинъ придавалъ большое значеніе одержанному успѣху и подробно съ восторгомъ описываетъ оба столкновенія ³⁾. Такое отношеніе къ незначительной побѣдѣ показываетъ, до какой степени была угнетена Византія, почти отвыкшая не только побѣждать, но и обороняться противъ своихъ враговъ. Но самый фактъ появленія во Фракіи разбойничьихъ турецкихъ отрядовъ, на время было прекратившагося, былъ неутѣшительнъ. Вообще 1348 г. былъ особенно тяжелъ для имперіи. Тогда въ ней, какъ и во всѣхъ

¹⁾ Cantac. IV, с. 4. Григора (XVI, с. 5) говоритъ, что Кантакузинъ ждалъ на помощь противъ Сербовъ Омуръ, но такъ какъ тотъ въ это время былъ убитъ подъ Смирною, то и самый походъ не состоялся. Но Омуръ, какъ мы видели, уже раньше сошелъ со сцены. Григора здѣсь смѣшиваетъ его съ Орханомъ. Ту же ошибку дѣлаетъ и Паризо (стр. 240).

²⁾ У Кантакузина (vol. III, p. 65) ошибочно—*Ματαουμάνος*, ср. *Parisot*, p. 245, not. 6.

³⁾ Cantac. IV, с. 10; Greg. XVI, с. 7.

странахъ, прилегающихъ къ Черному и Средиземному морямъ, свирѣпствовала страшная эпидемія, извѣстная подъ именемъ „черной смерти“. Кантакузинъ и Григора ¹⁾ подробно описываютъ признаки этой прежде неизвѣстной болѣзни. Медицина того времени оказывалась безсильною противъ нея; народъ умиралъ массами. Сама столица, если вѣрить одной западной хроникѣ ²⁾, лишилась ³⁾ своего населенія. Жертвой эпидеміи палъ и младшій сынъ Кантакузина, Андроникъ. Но это еще не все. Въ исходѣ 1348 г. начинается война съ Галатой. Эта война имперіи съ небольшою генуэзскою колоніей, присосавшеюся къ ея почвѣ, ясно свидѣтельствуетъ, до какой степени безпомощности и безсилія дошла тогда Византія. Временемъ междоусобія генуэзскіе владѣтели Галаты воспользовались какъ нельзя лучше для своихъ интересовъ. Византія оставалась совсѣмъ безъ флота. Ихъ суда наполняли весь Архипелагъ, господствовали во всѣхъ портахъ имперіи. Вся ввозная торговля была въ ихъ рукахъ. Таможенные доходы Галаты простирались ежегодно до 200,000 иперперовъ, между тѣмъ какъ Византіи эта отрасль доходовъ давала едва 30,000 иперперовъ ⁴⁾. Словомъ, экономическая зависимость столицы имперіи отъ генуэзской колоніи была полная. Кантакузинъ всегда хорошо понималъ опасность, которая грозила его отечеству со стороны Латинцевъ, близко видѣлъ вредъ для него отъ постоянно усиливающагося господства Генуэзцевъ въ Эгейскомъ и Черномъ моряхъ, которое все болѣе угрожало ему не только экономическимъ, но и территоріальнымъ порабощеніемъ, и всѣми силами старался противодействовать этому нарастающему злу. Въ царствованіе Андроника, будучи великимъ domestikомъ, онъ умѣло и стойко оборонялъ противъ генуэзскихъ захватовъ византійскія владѣнія на Эгейскомъ морѣ. Во время междоусобной войны результаты этой борьбы были утрачены, и самое орудіе, которымъ онъ ихъ добился, имъ же созданный флотъ пропалъ. Теперь, уже императоръ, онъ еще съ большею энергіей преслѣдуетъ ту же задачу, хотя выполнять ее, послѣ пятилѣтняго пагубнаго перерыва, при печальномъ положеніи, въ кото-

¹⁾ Cantac. IV, c. 8; Greg. XVI, c. L.

²⁾ Chronicon Estense у Muratori XIV, p. 448. Объ этой чумѣ см. также хроникку Matteo Villani (Muratori XIV, p. 12—14) и Annales Caesenates (Ibidem, p. 1179). Въ Венеціи погубило отъ этой чумы до 100,000 чел. см. Historia anonimi Itali (Muratori, v. XVI, p. 285). Черная смерть нѣсколько позже господствовала и въ Россіи; жертвой ея сталъ, какъ извѣстно, великій князь Симеонъ Гордый (1353 г.).

³⁾ Greg. XVII, c. I.

ромъ тогда находилась имперія, было слишкомъ трудно. Вповь выстроить флотъ, и какъ можно скорѣе, было первою его заботой. Собравъ все, что было въ государственной казнѣ, и присоединивъ къ этой ничтожной суммѣ незначительныя пожертвованія, полученныя вышеупомянутымъ, не удавшимся обращеніемъ его къ народу, онъ немедленно приступаетъ къ постройкѣ военныхъ и торговыхъ судовъ. Къ увеличенію строительнаго фонда должны были ему служить принятыя имъ финансовыя мѣры: пониженіе таможенной платы для ввозныхъ въ Константинопольскій портъ продуктовъ, чрезъ что иностранныя торговыя суда болѣе стали направляться въ этотъ портъ, а не въ Галату, и ограниченіе права Галатцевъ брать на откупъ таможенные доходы ¹⁾. Всѣ эти приготовленія и мѣры, конечно, не могли нравиться Галатцамъ. Они чувствовали, что ихъ захватамъ и дерзкой эксплуатаціи византійской торговли ставятся серьезныя препятствія, столкновение съ Греками имъ казалось неизбѣжнымъ; они стали сами готовиться къ войнѣ, чтобы сохранить господство своего военнаго и торговаго флота. Но такъ какъ съ суши Галата была беззащитна, то обитатели ея задумали такъ, либо иначе овладѣть господствующею надъ ихъ колоніей возвышенностью, и создавъ на ней укрѣпленіе, смѣло дѣйствовать противъ противника. Сперва они сдѣлали попытку просьбою добиться отъ Кантакузина уступки нужной имъ мѣстности, подъ предлогомъ, что занимаемое ихъ колоніей пространство уже недостаточно для возрастающаго населенія. Императоръ понималъ значеніе этой позиціи и отказалъ въ просьбѣ. Тогда Галатцы рѣшились немедленно же перейти къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Пользуясь отсутствіемъ Кантакузина, хворавшаго въ Димотикѣ, они неожиданно явились у противоположной стороны Золотого рога, сожгли расположенныя на берегу загородныя византійскія селенія, прошли въ портъ и къ верфямъ, гдѣ такимъ же способомъ истребили строившіяся и уже спущенныя суда; Византійцы едва успѣли спасти три большихъ судна и нѣсколько малыхъ. Въ то же время Галатцы съ поспѣшностью заняли желаемую возвышенность и принялись дѣятельно укрѣпить ее, пользуясь заранѣе приготовленнымъ для того матеріаломъ. Все населеніе Галаты, мужчины и женщины, знатные и простолюдины, работали здѣсь днемъ и ночью надъ постройкою башни, стѣны и земельныхъ укрѣпленій. Небольшой византійскій отрядъ, выступившій изъ столицы, не могъ помѣшать работамъ и ограничился

¹⁾ Cantac. IV, c. 11. Ср. Heyd, I p. 394; Parisot, pp. 230—234.

сожженіемъ нѣсколькихъ генуэзскихъ домовъ, близъ галатской стѣны. Между тѣмъ Галатцы пользуются беззащитностью Константинополя, задерживаютъ своимъ флотомъ подвозъ провіанта и даже дѣлаютъ попытку взять городъ штурмомъ, но отбиты съ урономъ. Наконецъ, верпулся Кантакузинъ. Созвавъ народное собраніе, онъ вновь доказывалъ необходимость обязательныхъ взносовъ на флотъ. Серьезная опасность заставила теперь смолкнуть оппозицію; сборъ, порученный Константину Тарханіотъ, пошелъ успѣшно, хотя многіе неохотно согласились на него. Вскорѣ были уже готовы девять большихъ триремъ и много мелкихъ судовъ. Частныя лица сами по себѣ снаряжали легкія военныя лодки и ставили вооруженныхъ людей. Вылазки Византійцевъ начали серьезно беспокоить Галатцевъ, а вновь устроенныя ихъ бойницы наносили значительный вредъ постройкамъ Галаты и транспортамъ, стоявшимъ ближе къ берегу. Такая дѣятельность со стороны Византіи встревожила слишкомъ предпримчивыхъ Латиновъ. Они хлопочутъ о примиреніи, ищутъ посредничества то Родосцевъ, то своей митрополіи—Генуи, но ни за что не соглашаются уступить запятую поввышенность. Весною 1349 г. византіійскій флотъ величаво выплылъ въ заливъ. Онъ началъ хорошо; захватилъ богатый галатскій транспортъ и этимъ быстрымъ успѣхомъ, и своимъ вооруженіемъ подѣйствовалъ угнетающимъ образомъ на непріятеля. Но затѣмъ, когда нужно было вступить въ рѣшительный бой, онъ потерпѣлъ полную катастрофу. Обстоятельства этой вторичной гибели византійскаго флота, а равно развязка самой войны съ Галатой, представляются весьма затемненными какъ у Кантакузина, такъ и у Григоры. Ясно только, что внезапная буря и неопытность греческихъ наварховъ были главными причинами несчастія. Галатскому адмиралу оставалось только пользоваться паникою Византійцевъ, забирать п жечь уцѣлѣвшія отъ крушенія суда. Сухопутный византіійскій отрядъ также почему-то отступилъ отъ Галаты. Пораженіе было полное, нѣсколько дней Галатцы съ торжествомъ развѣзжали по Босфору и въ виду столицы издѣвались надъ императорскимъ флагомъ, снятымъ съ разбитыхъ триремъ. Вслѣдъ затѣмъ, при посредствѣ генуэзскихъ пословъ, былъ заключенъ миръ. Византія должна была уступить Галатѣ спорную мѣстность¹⁾. Кантакузинъ вслѣдствіи старается скрасить горечь этой уступки²⁾. Но ударъ, нанесенный имперіи какъ самымъ

¹⁾ Cantac. IV, с. 11; Greg. XVII, сс. 1—7.

²⁾ Онъ говоритъ, напримѣръ, что Галатцы обязались по условіямъ мира—

фактомъ войны, такъ и ея плачевными результатами, во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть весьма чувствителенъ. Послѣ мира обратились къ Тарханіотѣ за отчетомъ о расходѣ по постройкѣ погибшаго флота. Оказалось, что было издержано до 50,000 иперперовъ спеціальнаго сбора, не считая того, что было взято изъ государственной и императорской казны¹⁾. Столько денегъ и усилій пропало даромъ! Голоса недовольства снова стали раздаваться въ Византіи.

Но Кантакузинъ не падалъ духомъ, не терялъ обычной своей энергіи. Онъ снова принялся чинить старые корабли и строить новые, а для получения денегъ предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ финансовыхъ мѣръ, которыя оказались до нѣкоторой степени удачными и цѣлесообразными²⁾. Результатомъ такой дѣятельности императора было то, что въ непродолжительномъ времени Византія обладала почти двумястами торговыхъ судовъ, которыя могли служить и для военной надобности. Уладивъ такъ либо иначе дѣла съ Галатомъ, Кантакузинъ обратилъ вниманіе на о. Хіосъ и Фокею, видѣть которые во власти Генуэзцевъ ему было особенно тяжело. Вырвать ихъ открытою силой у него не было средствъ, и онъ обращается къ

возвратить занятыя позиціи, и что онъ самъ уже добровольно уступилъ ихъ Галатъ. Фальшь и неестественность разказа здѣсь выдаютъ себя сами собою.

¹⁾ Sant. IV, с. 12.

²⁾ Santas. IV, с. 12. Впервые, онъ обложилъ пошлинами предметы потребленія, привозимые изъ западныхъ государствъ. Такъ, для хлѣба эта пошлина была половина золотого за медимнъ. Для вина была назначена двойная пошлина, смотря по тому, самъ ли винодѣль его продавалъ, или купецъ: въ первомъ случаѣ золотой за 50 хоевъ, во второмъ—два золотыхъ. Эта мѣра, съ одной стороны, имѣла цѣлью поднятіе греческаго земледѣлія, а также была направлена противъ Венеціанцевъ и Генуэзцевъ—особенно противъ послѣднихъ, которые главнымъ образомъ снабжали имперію хлѣбомъ изъ Каффы; но съ другой—она должна была увеличить дороговизну самыхъ необходимыхъ предметовъ, такъ какъ для поднятія земледѣлія во Фракіи, послѣ всѣхъ опустошеній, которымъ она подвергалась, еще недоставало многого другаго, кромѣ возвышенія заграничнаго тарифа. Въ вторыхъ, онъ понизилъ торговые взносы купцовъ съ $\frac{1}{10}$ стоимости ихъ товаровъ на $\frac{1}{60}$, то-есть съ 10% на 2%. Черезъ это внутренняя торговля естественно оживилась, но финансовыя выгоды новаго распоряженія не могли обнаружиться скоро. Паризо (стр. 231), толкуетъ послѣдній законъ Кантакузина, сформулированный весьма кратко, совсемъ иначе—въ смыслѣ возвышенія платы за право торговли. Такое толкованіе намъ кажется произвольнымъ. Вотъ подлинныя слова Кантакузина объ этомъ предметѣ: νόμου δὲ βυζαντίνου ἀρχαίου δεκάτας τοὺς ἐμπορευομένους ἀπαντας τελεῖν τῇ δημοσίῳ, πεντακοστίας ἕτασεν αὐτός (vol. III, p. 81).

косвенному пути. Прежде всего онъ потребовалъ отъ Генуэзской республики возвращенія острова; Генуэзскій дожъ отвѣчалъ, что это не зависитъ отъ республики, такъ какъ захватъ сдѣланъ частною компаніей, но затѣмъ, желая, вѣроятно, привлечь императора къ союзу съ Генуею въ ожидаемой войнѣ съ Венеціей, выдалъ Кантакузину актъ, въ силу котораго компанія Маона должна была сдать весь островъ Византіи и только на десять лѣтъ могла удержать за собою главный его городъ, и то подъ условіемъ признанія верховной власти императора и уплаты ему ежегодно 22,000 иперперовъ. Актъ этотъ ни къ чему не повелъ. Виньози, владѣвшіе Хіосомъ, признали его не обязательнымъ для себя. Тогда Кантакузинъ сошелся съ правителемъ старой Фокеи, Кибо, который нѣкогда былъ византійскимъ архонтомъ на Хіосѣ, передалъ потомъ островъ Виньози и теперь тяготился званіемъ генуэзскаго намѣстника. Послѣдній передалъ императору Фокею, а затѣмъ обѣщалъ отвоевать и Хіосъ. Онъ ужъ имѣлъ успѣхъ, овладѣлъ болѣею частью острова, но вскорѣ палъ въ битвѣ, а отрядъ его долженъ былъ отказаться отъ экспедиціи. Такимъ образомъ Хіосъ остался за Латинами. Но Кантакузинъ доволенъ былъ и тѣмъ, что вернулъ хотъ Фокею¹⁾. Какъ плохи ни были дѣла на Эгейскомъ и Мраморномъ морѣ, онъ не могъ останавливаться исключительно на нихъ, на борьбѣ съ Латинами. Вниманіе его, естественно, отвлекалось на западъ, гдѣ сербскій колоссъ росъ все выше и выше и грозилъ совсѣмъ поглотить имперію.

Въ 1349 г. умеръ намѣстникъ Фессаліи Іоаннъ Ангель. Стефанъ Душанъ увидѣлъ въ этомъ обстоятельстве удобный случай овладѣть Великою Валахіей. Онъ послалъ Кесаря Прилупа, одного изъ близкихъ къ себѣ людей, съ сильнымъ албанскимъ корпусомъ, и тотъ занялъ почти безъ сопротивленія всю Фессалію, пройдя до венеціанской крѣпости Птеліона²⁾. Затѣмъ самъ Стефанъ предпринимаетъ движеніе на Солунь. Здѣсь все еще продолжалась анархія, борьба партій; стоявшіе во главѣ управленія Алексѣй Метохита и Андрей Палеологъ отказывались признать власть Іоанна Кантакузина и не приняли присланнаго имъ и поставленнаго Исидоромъ въ Солунскіе епископы Григорія Паламу³⁾. Демократическая партія—злоты хлопотали уже о сда-

¹⁾ Cantac. IV, c. 12; *Hopf*, Giustiniani, p. 316. Она держалась Византію до 1358 г.

²⁾ Misti, XXVII Fol., 11 v.; *Hopf*, Gricchenland im Mittelalter (Bd. 85), p. 446; Cantac. IV, cc. 16, 20 (vol. III, p. 113, 147).

³⁾ Cantac., IV, c. 15.

чѣ города Сербамъ, которые оцѣнили его со всѣхъ сторонъ кольцомъ. Въ эту то критическую минуту, опасность иноземнаго завоеванія сплотила остальныхъ партій противъ измѣнниковъ зилотовъ. Демократы были побѣждены, Андрей Палеологъ долженъ былъ оставить городъ, а Алексѣй Метохита сталъ во главѣ патриотовъ и далъ знать Кантакузину, чтобы тотъ спѣшилъ къ помощи къ Солуни ¹⁾. Нужно было сдѣлать что-нибудь для спасенія этой второй столицы, утрата которой означала бы переходъ во власть Сербовъ всей западной половины Балканскаго полуострова, съ главнымъ ключомъ къ ней съ восточной стороны. Но своего войска въ достаточномъ числѣ не было. Кантакузинъ обращается снова къ Орхану. Такое обращеніе на этотъ разъ, пожалуй, обуславливалось необходимостью, но пользы отъ него было не больше, тѣмъ въ 1348 г. Сулейманъ явился во Фракію съ 20,000 всадниковъ. Но эти огромныя толпы Османовъ отнюдь не имѣли въ виду помогать кому то ни было, а опять таки преслѣдовали свои хищныя цѣли. Едва Кантакузинъ съ Юанномъ Палеологомъ (котораго онъ по обычаю увлекъ съ собою въ походъ) достигли сербской границы (близъ Анакторополя), какъ Турки возвращаются назадъ, будто бы отзываемые Орханомъ, для защиты собственнаго ихъ царства. При этомъ оказалось, что на обратномъ пути они набросились на Болгарію и подвергли ее жестокому опустошенію: огромныя стада скота и массы плѣнныхъ людей послѣдовали за Османами въ Азію. Уходъ союзниковъ ставилъ Кантакузина въ затруднительное положеніе. Съ ничтожными своими силами онъ не могъ и помышлять выступить противъ Сербовъ, приходилось совсѣмъ отказаться отъ Фессалоники. Выручили его изъ бѣды все же Турки. Отъ стараго знакомаго Серба Браяна (Μπραϊάνης), сдружившагося съ нимъ во время пребыванія у Душана и теперь правившаго въ Амфиполѣ, онъ узналъ, что въ устьяхъ Стримона стоятъ 22 турецкихъ корабля. Какіе это были Турки: Сельджуки или Османы,—трудно сказать. Гораздо яснѣе цѣль пребыванія ихъ флота у Стримона: они только что занимались опустошеніемъ Македоніи и Вотиіи. Теперь къ нимъ обратился Кантакузинъ за содѣйствіемъ, вѣроятно обѣщая въ будущемъ право поживиться добычею на счетъ непрітеля. Турки приняли его предложеніе. При помощи ихъ онъ очистилъ отъ Сербовъ окрестности Солуни и съ торжествомъ вступилъ въ городъ. Наиболѣе ярме пред-

¹⁾ Cant., IV, с. 16.

ставители зилотовъ были отправлены въ Константинополь ¹⁾. Такою удачею начался для Кантакузина 1350 годъ. Она ободрила его для продолженія кампаніи. Немедленно отправился онъ съ византійскимъ войскомъ къ Верріи, Турки же на судахъ по р. Быстрицѣ должны были подилыть къ городу съ другой стороны. Веррія была лучшей изъ всѣхъ городовъ Вотиіи. Душанъ обратилъ на него особенное вниманіе. Немедленно послѣ завоеванія онъ выгналъ изъ него большую часть греческаго населенія и вмѣсто него поселилъ Сербовъ, въ числѣ которыхъ было не мало богатыхъ. Для укрѣпленія города опъ началъ въ немъ постройку двухъ акрополей; одинъ изъ нихъ былъ оконченъ и ввѣренъ защитѣ гарнизона изъ Германцевъ; надъ другимъ же еще работали до 10,000 работниковъ, собранныхъ со всего Сербскаго царства. Кроме того, въ самомъ городѣ были расположены значительныя сербскія дружины. Такимъ образомъ, овладѣніе Верріей, представляло большія трудности. Но случай легко передалъ ее Кантакузину. Старшина веррійскихъ пастуховъ, нѣкто Маркелатъ, за освобожденіе сына, который былъ въ числѣ плѣнниковъ, захваченныхъ союзниками Кантакузина — Турками во время нападенія на Вотию, обязался помочь имъ проникнуть въ городъ. Посредствомъ лѣстницъ, заранѣе приготовленныхъ Маркелатомъ, часть византійскаго отряда перебралась черезъ стѣны Верріи и отворила ворота Кантакузину и Туркамъ. Нападеніе было произведено вполне неожиданно, Сербы сдѣлали попытку обороняться и заперлись въ акрополь, но вскорѣ принуждены сдатьсь. Германцы оказались тѣми самими, которые нѣкогда были присланы Душаномъ Кантакузину для борьбы съ императрицею Анной. Императоръ обошелся съ ними благосклонно и съ оружіемъ и конями отпустилъ ихъ къ своему государю. Точно также отпустилъ онъ на свободу и всѣхъ сдавшихся Сербовъ, отнявъ только у нихъ лошадей, въ которыхъ нуждалось его войско; плѣнники, очевидно, затрудняли его. Кантакузинъ ликовалъ по случаю своей побѣды, и по видимому, не придавалъ особаго значенія тому, что въ награду за эту побѣду онъ долженъ былъ позволить Туркамъ разграбить страну, подчиненную кралу ²⁾. Едва ли нужно сомнѣ-

¹⁾ Cantac. IV, с. 17.

²⁾ Cantac. IV, с. 18. Кантакузинъ весьма подробно описываетъ сербскую войну 1350 г., начало которой для него было такъ удачно. Сообщенныя имъ подробности весьма драгоцѣнны для сербской исторіи; но изложеніе его здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо проникнуто тономъ самодовольства и избилуетъ прикра-

ваться, что страна эта была недавно утраченныя византійскія провинціи. Затѣмъ Кантакузинъ обратился на прочіе города Вотіан и на восточную часть Албаніи, гдѣ власть Сербовъ была утверждена менѣе прочно. Едесса (нынѣ Водена) одна оказала большое сопротивление. Кантакузинъ взялъ ее штурмомъ самъ съ своими войсками, усиленными веррійскими милиціонерами, турецкія же полчища стояли на всякій случай въ сторонѣ отъ города. Сербскій гарнизонъ и отсюда выпущенъ, а управленіе городомъ поручено Георгію Лизиву. Присоединеніе ближайшихъ къ Едессѣ городковъ: Старидолы, Петры, Соска, Дивры, Острова и Нотіи обошлось безъ особыхъ усилій ¹⁾. Тессалійскіе города, Ликостомъ и Кастри, также легко были возвращены имперіи. Но тутъ, кажется, военные успѣхи Кантакузина и кончились. Проникнуть въ глубь Тессаліи ему не удалось. Кесарь Прилупъ, правившій отъ имени Душана всею Тессаліей, сталъ самъ во главѣ защиты Сервіи, пограничной крѣпостцы между Тессаліей и Вотізей. О неприступность позицій крѣпостцы и стойкость храбраго ея защитника разбиты всѣ попытки Византійцевъ взять ее силою. Въ виду наступленія зимы, они возвратились въ Веррію. Но Турки продолжали свое дѣло. Ихъ набѣги и грабежи простирались до Скопіи. Стефанъ Душанъ былъ занятъ войною въ Босніи и не могъ явиться для защиты новыхъ своихъ завоеваній. Вообще Македонія, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, оставалась почти безъ прикрытія сербскихъ войскъ. Самое присоединеніе ея къ Сербскому царству, по видимому, ограничивалось оставленіемъ въ городахъ сербскихъ правителей. Оттого-то многіе города такъ легко перешли на сторону Кантакузина. Сербскіе правители видѣли беззащитность ввѣренныхъ имъ мѣстностей, и чтобы сохранить ихъ отъ турецкаго ищничества, присылали пословъ къ Кантакузину съ изъявленіемъ покорности. Такіе послы явились и изъ сербской столицы Скопіи. Но этимъ номинальнымъ заявленіемъ о подчиненіи дѣло и кончилось. Фактически Скопія никогда не переходила къ Византіи, какъ думаетъ Паризо (стр. 242), основываясь на утвержденіи Кантакузина, смыслъ котораго ослабляется нѣсколько ниже собственными же словами историка ²⁾. Двое сербскихъ вельможъ:

сами. Такъ, напримеръ, онъ говоритъ, «что овладѣвъ Верріей безъ пролитія крови», но самъ же передъ этимъ повѣствуетъ объ ожесточенныхъ схваткахъ между Сербами и Византійцами.

¹⁾ Cantac. IV, с. 19.

²⁾ Cantac. IV, с. 19. Онъ говоритъ про Скопяны: ἤκουσι πρὸς βασιλέα καὶ τὴν πόλιν παραδίδουσι πρὶν διαφθερῆναι, а за симъ заключаетъ, что когда опасность

Хлапецъ — родственникъ королевскаго дома, имѣвшій въ своемъ распоряженіи значительный отрядъ и Томиславъ (Τολισδλαβος — вѣроятно, ошибочно), правитель одного городка, открыто перешли къ Кантакузину; вѣроятно же всего они были увлечены его обѣщаніями и дипломатическою обворожительностію. Они предлагали ему свои услуги для дѣятельной войны съ Душаномъ. Но при всѣхъ успѣхахъ, при всей благопріятности обстоятельствъ, которыя складывались въ его пользу, Кантакузинъ чувствовалъ свою слабость для подобной войны и отклонилъ предложенія Сербовъ. Поставивъ въ Верріи начальникомъ Дипловатаціи, самъ онъ ушелъ въ Фессалонику¹⁾. Вслѣдъ за нимъ наконецъ прибылъ сюда и Стефанъ Душанъ. Онъ не кончилъ дѣлъ въ Босніи и Далмаціи, встревоженный потерей части своихъ завоеваній, поспѣшилъ въ Македонію и немедленно же вступаетъ въ переговоры съ Кантакузиномъ о мирномъ улаженіи дѣла. Свиданіе двухъ монарховъ, ихъ переговоры, заключеніе мирнаго трактата и сразу же послѣдовавшее нарушеніе его описаны вѣнценоснымъ участникомъ всѣхъ этихъ событій весьма подробно, съ претензіей на полную обстоятельность, но, къ сожалѣнію, описаніе это носитъ въ себѣ столько признаковъ дѣланности, фантастичности и даже парадоксальности, что у читателя само собою, безъ обращеній къ серьезной критикѣ, зарождается сомнѣніе въ дѣйствительности описываемаго. Такъ какъ записки Кантакузина представляютъ единственный источникъ для этой греко-сербской войны, и факты, которыхъ онъ здѣсь касается, имѣютъ большой интересъ какъ для византійской, такъ и для сербской исторіи, то считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ нѣсколько долѣе.

На первомъ свиданіи монарховъ, нашъ историкъ влагаетъ въ уста Душана краткую рѣчь, въ которой тотъ упрекаетъ Кантакузина, за то, что онъ, забывъ о гостепримствѣ, оказанномъ ему въ Сербіи, теперь нарушилъ всѣ договоры и отнялъ то, что ему, Ду-

улеглась, король призвалъ къ суду лицъ, виновныхъ въ посылкѣ посольства, но за нихъ быдто бы вступился архіепископъ.

¹⁾ Ibidem. Кантакузинъ называетъ еще одного Сербъ Βέλκος — вѣроятно, Велькъ-Вукъ — правителя Гинекостагра (близь Солуни), который притворно далъ присягу императору, и затѣмъ, при приближеніи Душана, соединился съ своимъ законнымъ государемъ, хитростью сохранявъ городъ отъ византійскаго занятія. IV, с. 20. Не такое ли значеніе имѣло отступничество и другихъ сербскихъ наместниковъ? Для проверки фактической стороны этихъ свидѣтельствъ Кантакузина, имѣть другихъ историческихъ данныхъ.

шану, принадлежало по праву завоеванія. Кантакузинъ отвѣчаетъ длиною, патетическою, проникнутою сознаниемъ собственнаго достоинства, рѣчью. Онъ весьма благодаренъ царю, его супругѣ, всѣмъ Сербамъ за гостеприимство, оказанное ему въ трудное для него время; но онъ не можетъ признать себя виновнымъ. Не онъ, императоръ, а царь—первый нарушилъ установившіяся между ними узы дружбы. Онъ лишилъ его помощи въ самую нужную минуту, онъ открыто строилъ ему ковы, онъ отнял у него одну за другою всѣ западныя провинціи имперіи. Кантакузинъ съ пиететомъ набрасывается на Душана за сдѣланный имъ намекъ, что онъ-де, Кантакузинъ, долженъ быть доволенъ предоставленною ему частью территоріи, которая все-таки превышаетъ долю, перешедшую къ Стефану и собственно не должна ему принадлежать¹⁾. „Нѣтъ“, восклицаетъ онъ,—ни о какомъ раздѣлѣ имперіи у меня никогда не могло быть рѣчи. Еще до возложенія на себя этого царскаго облаченія, я повелѣвалъ уже Ромэями, и какъ тогда ставилъ, такъ и теперь, сдѣлавшись императоромъ, выше всего ставлю защиту интересовъ и достоинства имперіи“. Пожалуй, онъ готовъ примириться съ государемъ Сербовъ и заключить съ нимъ договоръ, но подѣ условіемъ возвращенія Акартаніи, Фессалии и Македоніи²⁾. На слѣдующій день переговоры возобновлялись, но имѣли мало успѣха: ни одна сторона не уступала. Душанъ требовалъ уступки отвоеванныхъ Византійцами городовъ, а Кантакузинъ—возвращенія всѣхъ завоеванныхъ Сербами областей имперіи. Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Душанъ почувствовалъ необыкновенный страхъ передъ императоромъ, до такой степени сильный, что, какъ онъ самъ утверждалъ, еслибъ увидѣлъ Кантакузина во снѣ, сразу бы проснулся. Одна мысль о войнѣ съ такимъ страшнымъ человѣкомъ лишала его сна. Открыто и Сербамъ, и Ромэямъ онъ заявлялъ, что не было человѣка, передъ которымъ онъ такъ бы дрожалъ, котораго такъ бы боялся, какъ Кантакузина³⁾. Подѣ влияніемъ этого страха

¹⁾ Вотъ слова Душана: εἰ δὲ σε λοιπὸν τὸ καὶ αὐτὸν ἐκ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας μοῖραν τινα παρρημένον ἔχειν, ἀλλ' ἐκεῖνο ἐνωσίαν χρῆ ὡς αὐτὸς ἔχεις πολλαπλάσιον λαβῶν ἐκ τῆς αὐτῆς ἐτέρας προσηκόουσας (vol. III, p. 140). Последняя часть угрозы можетъ быть не случайно, нѣтъ двусмысленный характеръ. Въ ней можно видѣть указаніе на неправильный захватъ власти у Юанна Палеолога. Самъ Кантакузинъ понялъ ее иначе, именно какъ заявленіе притязаній Душана на всю имперію.

²⁾ Cantac. IV, с. 20.

³⁾ Cantac. IV, с. 21: καίτοι γε ἔλεγε κράλης, ἐς τοσοῦτον δέους πρὸς βασιλεῖα

Стефанъ дѣлается уступчивѣе. Онъ проситъ императора удовольствоваться Едессой и Верріей и другими отвоеванными городами и съ клятвой увѣряетъ, что онъ не можетъ отказаться отъ всѣхъ приобретеній не изъ корыстныхъ стремленій, а изъ стыда передъ собственными подданными. Но Кантакузинъ недоволенъ этимъ; упорство Душана сердитъ его. Онъ обращается къ угрозамъ: война остается единственнымъ средствомъ свергнуть сербское иго; но теперь у него нѣтъ войска: онъ возвратится въ Византію, и слѣдующею весною явится во всеоружіи съ сильнымъ войскомъ продолжать борьбу съ твердымъ намѣреніемъ или сложить голову въ бою, или же не только освободить Ромэевъ, но и погубить, и поработить и самого Душана, и весь народъ его ¹⁾. Такая угроза еще болѣе подѣйствовала на несговорчиваго царя Сербовъ. Онъ проситъ не возбуждать новой войны и предлагаетъ найти какой-нибудь средній путь для выхода изъ общихъ затрудненій. Тогда Кантакузинъ, соображая всѣ тягости войны и невозможность поручиться за исходъ ея, а также принимая во вниманіе, что для веденія ея ему придется обратиться за содѣйствіемъ варваровъ, которые и Ромэямъ, своимъ союзникамъ, причиняютъ не мало вреда, а несчастнымъ Сербамъ принесутъ величайшія бѣдствія, согласился на миръ подъ условіемъ слѣдующаго раздѣленія западной территоріи: Акарнанія, Фессалія, крѣпость Сервія, и лежащая за ней города къ морю: Веррія, Едесса, Гинекокастро, вся область Мигдонія и селенія въ долинѣ Стримона—до Сереса и горы Тантесанъ—должны отойти къ Византіи; Сербы же удерживаютъ Зихну, Сересь (иначе Феры), Мельникъ, Струмницу (Στρώμβιτζα), Касторію и другіе города и селенія Македоніи, которыя были за горами Тантесаны. Стефанъ Душанъ вполне удовлетворился такими условіями. Соглашеніе было отпраздновано пиромъ ²⁾. На слѣдующій день назначено было утвердить порядокъ сдачи городовъ отъ сербскихъ властей къ византійскимъ. Но въ эту ночь настроеніе Душана неожиданно

καθεστάναι, ὡς καὶ ἐν ὄνειροις εἰ ποτε ὄραν συμβαίη, τοῦ βπνου ἀψίστασθαι αὐτίκα, καὶ πρὶν ληφθῆνα: ἕπνευ αὐπνον διανυκτερεύειν εἰ λογίζοιτο περὶ ἐκείνου, ὅπως χρῆ πολεμεῖν, ἐν ἀπόροις ὑπὸ θεοῦ καθεστῶς..... ἔλεγε διὰ βίου μῆτε πρότερον, μῆθ' ὕστερον ὡσπερ Καντακουζηνὸν τὸν βασιλέα ἐκπεπληγῆσθαι καὶ δεδοικέναι (vol. III, p. 152).

¹⁾ Ibidem, p. 154. ὑμῖν ἐπιστρατεύσω, γνώμην ἔχων, ὡς ἢ μαχόμενος πεσεῖσθαι, ἢ πρὸς τῷ Ῥωμαίους ἐλευθεροῦν καὶ αὐτὸν καὶ ὑπηκόους ἐξανδραποδίσσθαι καὶ διαφθεῖρειν καὶ καταβουλοῦσθαι.

²⁾ Cantac. IV, c. 21.

измѣнилось. Враги Кантакузина пробрались въ сербскій лагерь, разъяснили кралоу все безсиліе Византійцевъ и совѣтовали ему не возвращать городовъ, а по уходѣ Кантакузина, заключить болѣе выгодный миръ съ Іоанномъ Палеологомъ, который за помощь противъ тестя будетъ гораздо уступчивѣе. Подъ вліяніемъ такихъ внушеній Душанъ утромъ отказался принять условія послѣдняго соглашенія и опять потребовалъ если не возвращенія отвоеванной Кантакузиномъ страны, то по крайней мѣрѣ сохраненія за своею державою всего остальнаго. Кантакузинъ, въ негодовавіи отъ такого образа дѣйствій противника, готовится дать ему сраженіе. Затѣмъ разыгрывается такая комическая сцена: войска сербское и византійское выстроились другъ противъ друга близъ Фессалоники; вожди ихъ по очереди вызвали другъ друга начать бой, но ни одинъ не рѣшался. Такъ они простояли цѣлый день и наконецъ разошлись. Душанъ предпочелъ враждебныя дѣйствія въ другой сторонѣ. Онъ перешелъ Аксію (нынѣ Вардаръ) опустошилъ окрестности Едессы и осадилъ самый городъ. Вскорѣ Едесса была въ его рукахъ и предана жестокому разграбленію; жители большею частью изгнаны; Византійскій намѣстникъ Лизіеъ подвергнутъ истязаніямъ, поруганію и умираетъ въ Скопїи на дорогѣ въ заточеніе. Между тѣмъ, Кантакузинъ, разыгравъ церемонію парада, возвращается въ Солунь. Онъ остается безмолвнымъ свидѣтелемъ начала военныхъ дѣйствій Душана подъ Едессою, ничего не предпринимаетъ противъ него и торопится въ Константинополь. Въ Солуни же онъ оставляетъ Іоанна Палеолога подъ надзоромъ шурина, Андроника Асана, при прощаніи строго предписывая имъ остерегаться сближенія съ Душаномъ.

Такъ представляетъ дѣло Кантакузинъ, но врядъ ли все было такъ въ дѣйствительности. Прежде всего замѣтимъ, что самый фактъ переговоровъ, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію; притомъ очень вѣроятно, что инициатива установленія мирныхъ отношеній принадлежала Стефану Душану. Онъ занятъ былъ войною съ Уграми, отъ которой оторвало его не столько завоеваніе нѣсколькихъ городовъ Кантакузиномъ, сколько вѣсть объ опустошеніяхъ, производимыхъ въ его земляхъ Турками, явившимися по призыву Византійцевъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, для него было совершенно естественно принять какія нибудь мѣры къ скорѣйшему и легчайшему обезпеченію себя съ востока, пока онъ будетъ занятъ на западѣ. Личное соглашеніе съ Кантакузиномъ должно было ему казаться первою такою мѣрою. Черезъ свиданіе съ нимъ и уступку ему части отвоеванной территоріи

онъ могъ надѣяться, что добьется отсрочки появленія варваровъ по призыву императора на нужное время, пока уладить всѣ другія дѣла, чтобы снова ринуться на беззащитную имперію. Но отъ такой слишкомъ скромной, чтобы не сказать болѣе, податливости весьма далеко до той комической трусости, которую нашъ историкъ такъ не кста-ти приписываетъ самому смѣлому, самому независимому во всѣхъ отношеніяхъ сербскому государю. Какъ-то странно читать фантастическія повѣствованія, въ родѣ вышеприведенныхъ, о мощной личности основателя Сербскаго царства, о томъ Стефанѣ Душанѣ, который болѣе чѣмъ кто-либо изъ современниковъ прославилъ себя неустрашимостью, который такъ недавно былъ покровителемъ, хотя можетъ быть, и не искреннимъ тому же Кантакузину, и который только что съ полнымъ совпаіемъ своей силы провозгласилъ себя царемъ Сербовъ, Грековъ и Болгаръ! Да и чего ему было бояться Кантакузина въ это время? Самые усѣхи Византійцевъ развѣ были на столько велики, чтобы возбуждать въ немъ такой фаталическій страхъ къ ихъ главамъ? Если даже оставить въ сторонѣ его неудачи подъ Сервіей, то все-таки что же такое было достигнуто Кантакузиномъ? Онъ возвратилъ при помощи Турокъ, два большіе города—Едессу и Веррію и нѣсколько мелкихъ пунктовъ въ Македоніи и Фессаліи. Но въ сущности эти завоеванія охватывали весьма небольшую территорію; притомъ большая часть городовъ сдались, такъ сказать, изъ чувства самохраненія и ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ можетъ быть Веррін, не былъ достаточно укрѣпленъ за имперію, то-есть, снабженъ сильнымъ византійскимъ гарнизономъ. Турки, по видимому, удовольствовались набранною добычею и убралась во свояси; по крайней мѣрѣ, о нихъ не упоминается ни во время, ни послѣ переговоровъ. Своего войска у Кантакузина, какъ, мы знаемъ, было очень немного. Отрядъ Душана, дѣйствовавшій тогда противъ него, самъ по себѣ небольшой, все-таки превышалъ византійскій въ три раза. Наконецъ, Кантакузинъ нѣсколько разъ самъ сознается ¹⁾ въ тогдашнемъ своемъ безсиліи, что лучше всего показалъ на дѣлѣ, отказавшись помочь Едессѣ, вскорѣ отнятой Сербами. При такомъ положеніи дѣла, ужъ если кому изъ противниковъ приходилось бояться другаго, такъ это именно Кантакузину. Недавнія побѣды его были слишкомъ эфемерны, и по результатамъ почти плачевны. Поэтому странная, высокопарная рѣчь его, въ которой онъ грозитъ призвать вновь Турокъ и слѣдующею же весною разрушить Сербское царство,

¹⁾ Vol. III, p. 135, 154.

если только она дѣйствительно была произнесена, должна была поразить непомѣрнымъ бахвальствомъ ея автора, но отнюдь не могла склонить Душана къ принятію договора, въ силу котораго отъ него отходила большая часть завоеваній, сдѣланныхъ на счетъ имперіи. Можно положительно сказать, что никакого договора на почвѣ несообразнаго раздѣла, приводимаго Кантакузиномъ, никогда не могло быть. Если даже планъ такого выгоднаго мира тогда дѣйствительно билъ у него въ головѣ, а не есть плодъ позднѣйшаго измышленія, то врядъ ли онъ могъ выступить съ нимъ передъ Душаномъ. Въ самомъ дѣлѣ неужели взятіе Едессы и Верри, при отсутствіи достаточнаго войска, чтобы поддержать и эти завоеванія, давало ему право требовать Фессалии и Акарнани? Что касается до обстоятельствъ нарушенія договора и безцѣльнаго цѣлодневнаго стоянія непріятельскихъ войскъ другъ противъ друга, то все это является весьма плохо придуманною развязкою никогда не существовавшаго соглашенія. Сколько можно догадываться, дѣло было гораздо проще. Душанъ соглашался уступить Кантакузину только часть городовъ, и вѣроятно, требовалъ назадъ Едессу; императоръ, конечно, не хотѣлъ поступиться своими успѣхами. Они ни на чемъ не сговорились, и Душанъ сряду же перешелъ къ другому средству—къ вооруженной борьбѣ съ Византійцами. Для него это было нетрудно. Едесса была немедленно возвращена. Приверженцы Іоанна Палеолога, весьма вѣроятно, теперь же вступаютъ въ сношенія съ Душаномъ, но нельзя согласиться съ Кантакузиномъ, который приписываетъ ихъ подстрекательству враждебный образъ дѣйствій сербскаго государя. Послѣдній и безъ подобнаго подстрекательства очень хорошо понималъ положеніе вещей и свои интересы.

Такимъ образомъ историческая несостоятельность свидѣтельствъ Кантакузина въ данномъ случаѣ сказывается весьма ярко ¹⁾.

Какъ бы то ни было, удачный походъ Кантакузина въ Македонію

¹⁾ Начало этой войны съ Сербами былъ наиболее счастливый моментъ изъ всего царствованія Кантакузина. Понятно, ему было тяжело разстаться съ добытыми результатами. Оттого, впоследствии, въ монастырскомъ уединеніи, составляя свои записки, онъ старался представить этотъ моментъ въ возможно лучшемъ освѣщеніи, желая при этомъ рѣзко выставить на видъ своимъ врагамъ силу нравственнаго своего обаянія и широкое пониманіе возложенныхъ на него временемъ государственныхъ обязанностей. Тутъ ему былъ полный просторъ высказаться. Речи его, кромѣ субъективнаго значенія, имѣютъ иногда и историческій интересъ. Паризо (стр. 240—244) относится къ этой части записокъ Кантакузина съ слишкомъ слабымъ анализомъ.

отнюдь не ослабилъ могущества Сербскаго царства. Еще до отъѣзда императора изъ Солуни въ Константинополь, Душанъ началъ возвращеніе потеряннаго. Затѣмъ онъ принялъ участіе въ новой междоусобной войнѣ, вспыхнувшей въ Византіи, и вѣроятно, воспользовался этимъ временемъ, чтобъ окончательно закрѣпить за Сербіей недавнія свои завоеванія. Еще до 1355 г. Эпиръ, Акарванія, Фессалія, Македонія являются округленными частями Сербской монархіи, которыя Душанъ раздаетъ въ удѣлы своимъ родственникамъ и жупанамъ. Изъ сохранившихся данныхъ не видно, удержали ли Византіицы Веррію. Но вѣрнѣе—нѣтъ, потому что южная Македонія (кромя Фессалоникки) составляла два сербскіе удѣла ¹⁾; въ одинъ изъ нихъ и должна была войти Веррія.

Немедленно послѣ возвращенія въ столицу, Кантакюзинъ вступилъ въ сношенія съ Александромъ Болгарскимъ. Ему надо было гдѣ-нибудь искать союзниковъ противъ Душана; но еще важнѣе было для него всячески усилить себя для предупрежденія опасности, которая грозила ему и съ другихъ сторонъ. До сихъ поръ онъ былъ въ ладу съ Александромъ. Но частыя опустошенія, которымъ подвергалась Болгарія со стороны Турокъ, явившихся на помощь къ Кантакюзину противъ его враговъ, естественно возбуждали въ Болгарскомъ царѣ враждебныя чувства къ императору. Чтобъ устранить эту враждебность, Кантакюзинъ теперь отправилъ въ Терново посольство. Онъ увѣрялъ Александра, что Турки въ нападеніяхъ на Болгарію дѣйствовали самостоятельно; онъ не могъ ихъ удержать, и призывалъ ихъ по необходимости для защиты имперіи отъ сербскаго завоеванія. Стоитъ только имъ соединить свои усилія, и они въ состояніи будутъ защитить свои земли отъ варварскихъ нашествій. У него, императора, есть уже флотъ, но нѣтъ средствъ для вооруженія его; пусть теперь Александръ дастъ эти средства, и безопасность государства будетъ достигнута; общій ихъ флотъ будетъ охранять берега Фракіи и допускать высадку Турокъ только въ тѣхъ размѣрахъ, какіе императоръ признаетъ нужными для успѣха войны съ Сербами. Это предложеніе было принято съ сочувствіемъ, какъ Александромъ, такъ и болгарскимъ населеніемъ, собравшимся въ то время въ большомъ числѣ

¹⁾ Юго-западная часть Македоніи по р. Вардару досталась Жаркѣ, а восточная—между Вардаромъ и г. Сересомъ (Феррамп)—Богдану. *Laonicus Chalcocondylas: De rebus Turcicis*, l. I, c. 1, p. 29 (Edit. Bonn.). Ср. также *Макушевъ*, Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи, стр. 47.

въ Терново по случаю какого-то праздника. Кантакузину обѣщано было полное содѣйствіе Болгаріи въ его предпріятіи. Но къ немалому огорченію хитраго дипломата, это обѣщаніе осталось не выполненнымъ; Стефанъ Душанъ наложилъ свое veto на желаніе Александра добровольно платить Византійскому императору дань, которая отчасти должна была тратиться на мѣры, направленныя къ противодѣйствию сербскимъ завоеваніямъ; Александръ же не смѣлъ противорѣчить своему сильному родственнику. Планъ Кантакузина не удался. Съ огорченіемъ онъ прекратилъ переговоры съ Болгарскимъ царемъ, предсказывая ему въ скоромъ времени новыя несчастія отъ Турокъ ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь, въ этомъ не удавшемся дипломатическомъ шагѣ, императоръ-историкъ хотѣлъ выставить себя ревнителемъ общаго блага всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова. Но едва ли онъ думалъ серьезно о мѣрахъ противъ Турокъ. Турки были ему еще нужны; мы увидимъ, что онъ пользуется ими до послѣдней минуты своей власти. Конечно, онъ желалъ защитить Фракію отъ частныхъ высадокъ турецкихъ пиратовъ, но онъ вполне былъ равнодушенъ къ опустошеніямъ, которыя производили его союзники въ сербскихъ и болгарскихъ земляхъ, хотя видимо старается прикритъ это равнодушіе громкими фразами о безмѣрномъ своемъ челоуѣколюбіи. Нѣтъ, вооруженный флотъ былъ нуженъ Кантакузину не столько противъ Турокъ, сколько противъ Латиновъ, которые, казалось, не хотѣли дать минуты покоя со всѣхъ сторонъ тревожимой имперіи, и противъ личныхъ его враговъ, которые все смѣлѣе и смѣлѣе выступали на защиту попираемыхъ имъ правъ Іоанна Палеолога. Не успѣла кончиться Галатская война, какъ воды Эгейскаго и Мраморнаго моря, даже самый Босфоръ, сдѣлались театромъ новой продолжительной, кровопролитной борьбы. На этотъ разъ состязались двѣ постоянныя соперницы среднихъ вѣковъ въ морскомъ могуществѣ—Генуя и Венеція. Императоръ, находясь между двухъ огней, по необходимости, долженъ былъ принять участіе въ этой войнѣ, и чтобъ оградить интересы Константинополя отъ покушеній той и другой стороны, не могъ не заботиться о вооруженіи своей наскоро выстроенной флотилии. Расчеты его на казну Александра однако не оправдались, и роль, которую ему пришлось играть въ войнѣ, вышла жалкою. Самая война получила тѣмъ болѣе печальное значеніе для Византіи, что съ нею соединилась новая междоусобица

¹⁾ Cantac. IV, c. 21: Βασιλεὺς δὲ τὴν ἐσομένην αὐτῷ φθορὰν ὑπὸ τῶν βαρβάρων προσιπῶν καὶ διαμαρτυρήμενος (vol. III, p. 165).

кантакузинистовъ и палеологистовъ, кончившаяся изложеніемъ Іоанна Кантакузина и его фамиліи. Обращаемся теперь къ этимъ двумъ событіямъ занимающей насъ эпохи.

Обстоятельства, вызвавшія войну между Генуей и Венеціей, были слѣдующія. Генуя, постепенно усиливаясь на Эгейскомъ морѣ, владѣя въ Галатѣ выходомъ изъ Чернаго моря и богатыми колоніями: Каффою въ Крыму и Таной у устьевъ Дона, въ первой половинѣ XIV в., стремилась обратить въ свою монополію всю торговлю съ понтійскими городами. Она наложила особыя торговыя пошлины на всѣ негенуэзскія суда, пристававшія къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, и готова была даже въ Галатѣ устроить вѣчто въ родѣ генуэзской таможи, обязательной для всѣхъ входящихъ въ море судовъ ¹⁾ другихъ государствъ, не исключая и Византіи. Венеція, въ это время также достигнувшая большаго значенія на италіанскомъ материкѣ, не могла сносить такого дерзкаго хозяйничанья Генуэзцевъ въ Черномъ морѣ, гдѣ ея суда издавна пользовались полною свободою плаванія, и отказалась подчиняться самовольнымъ требованіямъ своей соперницы. Отношенія между ними дѣлались натянутыми; наконецъ, когда въ 1350 г. вошедшія въ Азовское море безъ вѣдома Генуэзцевъ венеціанскія суда были конфискованы въ Каффѣ, война стала неизбежною. Въ сентябрѣ того же года венеціанскій адмиралъ Маркъ Рудцини напалъ близъ Евбеи на генуэзскія суда, шедшія въ Галату и Каффу; изъ 14 кораблей только 4 успѣли спастись къ Хиосу. Затѣмъ онъ прошелъ мимо Галаты въ Черное море для продолженія подвиговъ каперства; но въ это время спаслись четыре судна, соединившись съ флотомъ Хиоскаго Виньози, набросились на Евбею и разорили беззащитныя венеціанскіе порты острова ²⁾. Эти событія были только прелюдіей къ болѣе серьезной войнѣ, къ которой Венеціанцы дѣятельно готовились. Они заключили союзъ съ королемъ Петромъ IV Арагонскимъ ³⁾ и хотѣли привлечь на свою сторону и Іоанна Кантакузина. Первое венеціанское посольство съ этою цѣлью явилось къ императору въ Θεσσαλονику; тогда онъ отказался принять какое-либо участіе въ союзѣ, ссылаясь на войну съ Сербамъ ⁴⁾. Лѣтомъ 1351 г. венеціано-арагон-

¹⁾ Greg. XVIII, с. 2 и XXV, с. 17; Cantac. IV, с. 26. Ср. *Heyd*, *Le Colonie*, I, p. 399.

²⁾ Gregor. XVIII с. 2, p. 877 и XXV, сс. 18, 19, 20; Dandolo у *Muratori*, XII, p. 420; Sanuto, *Vite dei Dogi* у *Muratori*, XXII, p. 621.

³⁾ *Heyd*, I, p. 402.

⁴⁾ Cantac. IV, с. 18.

скій флотъ—23 галеры—подъ начальствомъ Николо Пизани, вошелъ въ Галату, и опустошивъ гавань, занялся перехватомъ генуэзскихъ судовъ. Прибывшій съ Пизани посолъ республики, Дельфинъ, снова сдѣлалъ предложеніе Кантакузину выступить вмѣстѣ съ ними противъ Генуи. По мотивамъ не вполне яснымъ ¹⁾, Кантакузинъ и на этотъ разъ отказалъ. Венеціанцы сочли такой отказъ за оскорбленіе и отозвали изъ Константинополя своего баила; Галатцы же не повѣрили искренности дѣйствій императора и немедленно по отбытіи венеціанскаго посольства выразили свое негодованіе бросаніемъ камней въ столицу. Тогда Кантакузинъ какъ бы спохватился, послалъ въ погоню за Дельфиномъ и заключилъ съ нимъ договоръ ²⁾, по которому Венеція принимала на себя двѣ трети расходовъ по снаряженію двѣнадцати триремъ, выставляемыхъ Византіей, и возвращала послѣдней заложенные въ Венеціи драгоценности; въ случаѣ завоеванія Галаты Кантакузинъ соглашался на разрушеніе генуэзской колоніи ³⁾. Венеціанцы и Византіяцы немедленно приступили къ осадѣ Галаты съ суши и съ моря. Городъ былъ хорошо вооруженъ и снабженъ провіантомъ. Союзники начали приготовленія къ штурму, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что сильный генуэзскій флотъ (60 судовъ) во главѣ съ адмираломъ Паганино Доріа направляется въ Эгейское море. Пизани оставилъ Кантакузина одного продолжать осаду Галаты, а самъ поспѣшилъ на защиту Евбеи и другихъ венеціанскихъ владѣній въ Романіи ⁴⁾. Къ нему присоединились свѣжія венеціанскія и аррагонскія силы, что заставило Генуэзцевъ снять начатую ими осаду Негропонта ⁵⁾. Обѣ стороны усиленно готовились къ рѣшительному бою, который состоялся только въ 1352 г. почти у самаго Константинополя. Между тѣмъ Кантакузинъ, предоставленный самому себѣ, очутился въ затруднительномъ положеніи. Доріа съ большею частью флота устремился въ Мраморное и Черное море: Императоръ едва могъ защитить столицу; южное и восточное побережье Фракіи были

¹⁾ Ср. *Parisot*, p. 251. По видимому, онъ хотѣлъ, сколько возможно, держаться нейтралитета. Ослабить Галату, конечно, было для него выгодно, но Генуя представляла силу, и кто могъ поручиться, что победа останется не за этою силою. Поэтому лучше всего для него было выжидать. Рѣшительный образъ дѣйствій Дельфина заставлялъ его открыто перейти на сторону Венеціи.

²⁾ *Cantac.* IV, сс. 25, 26; *Greg.* XVIII, с. 2.

³⁾ *Heyd*, I, p. 404.

⁴⁾ *Cantac.* IV, с. 26; *Greg.* XXV, с. 20, XXVI, с. 10.

⁵⁾ *Hopf*, Griechenland, p. 447.

вполнѣ открыты для нападенія Генуэзцевъ. Они выбрали для своихъ ударовъ лучшіе пункты на томъ и другомъ морѣ: Ираклея (на Мраморномъ морѣ) и Созополь (на Черномъ) были взяты ими послѣ небольшого сопротивленія гражданъ и подверглись страшному разрушенію и опустошенію; массы народа, особенно изъ Ираклеи, были уведены въ плѣнъ въ Галату; выкупъ ихъ, состоявшійся благодаря дѣятельности Ираклейскаго епископа Филовея, перевелъ въ руки алчныхъ Латиновъ послѣдніе остатки византійскаго золота ¹⁾.

13-го февраля 1352 г. Константинополь сдѣлался свидѣтелемъ большой морской битвы. Близъ Диплокіона (на европейскомъ берегу Босфора, по сосѣдству съ Галатою) ²⁾, развернулись въ двѣ линіи, одна противъ другой, до 140 военныхъ судовъ: съ одной стороны Дорія съ Галатцами, а съ другой—возвратившіяся изъ Архипелага венеціано-аррагонскій флотъ и небольшая (до 14 судовъ) византійская эскадра. Противники сражались съ ожесточеніемъ и равною храбростію. Вой продолжался до ночи, и такъ какъ внезапною бурей нѣкоторыя суда были пригнаны къ берегу, то одновременно шелъ и на твердой землѣ. На разсвѣтѣ безчисленные обломки кораблей и множество плавающихъ труповъ ясно свидѣтельствовали, какія громадныя жертвы понесли участники битвы. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; но вѣрнѣе она осталась ни чьею. Особенно пострадали Аррагонцы, лишившіеся своего адмирала, и Галатцы, потерявшіе половину вооруженныхъ людей. Византійскія суда, по видимому, старались держаться въ сторонѣ, что вполнѣ понятно, и остались въ цѣлости. Въ результатѣ и Венеціанцы, и Генуэзцы чувствовали себя обезсиленными для немедленнаго возобновленія военныхъ дѣйствій. Дорія принималъ мѣры къ защитѣ Галаты, но Пизани не могъ и думать о какомъ-либо нападеніи. Съ оставшимися судами онъ отошелъ въ Терапійскую бухту и затѣмъ расположился въ Константинополѣ. Эта квартирновка союзниковъ ложилась тяжелымъ бременемъ на несчастныхъ Византійцевъ. Генуэзскіе крейсера задерживали подвозъ провіанта въ столицу, и 18,000 венеціанскихъ и каталонскихъ моряковъ, сами голодая, заставляли терпѣть горькую нужду и своихъ невольныхъ соучастниковъ въ войнѣ. Къ недостаточности продовольствія присоединилась страшная болѣзненность въ городѣ, есте-

¹⁾ Cantac. IV, сс. 28, 29; Greg. XXVI, с. 13—16.

²⁾ *Истор.* I, p. 407. Кантакюзинъ называетъ эту мѣстность: πρὸς τῆ Βραχόφω (vol. III, p. 221).

ственное послѣдствіе предыдущей битвы. Наконецъ, Пизани нашель невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ водахъ Мраморнаго моря и отплылъ на западъ ¹⁾. Это избавляло имперію отъ одного зла, но вообще мало облегчало ся положеніе. Еще не задолго до упомянутой битвы въ Восфорѣ, Генуэзцы, сознавая свою изолированность въ борьбѣ съ нѣсколькими противниками, завязали дружественныя сношенія съ Орханомъ, деньгами и разными обѣщаніями склоняя его оказать имъ содѣйствіе ²⁾. Государь Османовъ уже съ 1351 г. сталъ холодеиъ къ своему тестю и теперь позволилъ Генуэзцамъ вербовать войска въ своемъ царствѣ. Напрасно Кантакузинъ просилъ зятя не помогать его врагамъ, напрасно и Венеціанцы старались умиливать его дарами: Орханъ принималъ подарки отъ тѣхъ и другихъ и въ то же время пользовался случаемъ для посылки грабительскихъ отрядовъ во Фракію и Македонію и для перехвата торговыхъ судовъ ³⁾. Поддержка Генуэзцевъ съ его стороны принимала все большіе и большіе размѣры. Константинополю начинала грозить серьезная опасность подвергнуться совмѣстному нападению Латиновъ и Турокъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Кантакузинъ рѣшился отказаться отъ Венеціанцевъ и сойтись съ другою стороною. Съ согласія Пизани, онъ заключилъ миръ съ Паганино Доріа ⁴⁾. Императоръ обѣщалъ ни въ чемъ не помогать Венеціи и другимъ врагамъ Генуи и соглашался окончательно на расширеніе генуэзской колоніи Галаты ⁵⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Подробное описаніе битвы и ея результатовъ у Cantac., IV, сс. 30, 31, Greg. I. XXVI, сс. 19—27. Сводъ относящихся сюда западныхъ источниковъ см. въ *Heyd*, *Le Colonie*, I, p. 409, not.

²⁾ Greg. XXVI, с. 17 (р. 84). Кантакузинъ (IV, с. 31) ставитъ заключеніе договора Генуэзцевъ съ Орханомъ послѣ Босфорской битвы. Но приведенное свидѣтельство Григоры находитъ себѣ опору въ самыхъ обстоятельствахъ битвы, когда генуэзскій адмиралъ держался ближе азіатскаго берега, очевидно рассчитывая на поддержку Турокъ.

³⁾ Gregog. XXVI, с. 33. По Кантакузину (IV, с. 31) выходитъ, что Османы начали помогать Генуэзцамъ еще до ухода Пизани. Венеціанцы, не смотря на всѣ приглашенія Кантакузина, не хотѣли защитить имперію. Нашъ историкъ сильно обрушивается на венеціанскаго адмирала, обвиняя исключительно его въ неудачномъ исходѣ самой битвы при Диплокіонѣ. Последнее обвиненіе едва ли справедливо, а своекорыстный образъ дѣйствій Венеціанцевъ по отношенію къ Византіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Ср. *Parisot*, p. 261.

⁴⁾ Cant., IV, с. 31 (vol. III, p. 234); Greg. XXVII, с. 23.

⁵⁾ Самый договоръ у *Sauli Della colonia dei Genovesi in Galata*, II, p. 216; Ср. *Heyd*, p. 410, гдѣ объяснены новыя границы Галаты. Одно изъ условій этого мира ограничивало право торговли Византійцевъ въ Танъ.

зомъ, путемъ потерь и пожертвованій Византія едва освободилась отъ участія въ тягостной для нея венеціанско-генуэзской войнѣ. Между тѣмъ война продолжалась съ прежнею силою, только театръ ея былъ перенесенъ съ востока на западъ. Въ 1353 г. у береговъ Сардиніи Генуэзцы были разбиты на голову. Они обращаются за покровительствомъ къ Миланскому герцогу Джіовани Висконти и не прекращаютъ военныхъ дѣйствій, которыя опять склоняются въ ихъ пользу. Только въ 1355 г. соперники, взаимно утомленные борьбою, подписали миръ ¹⁾). Въ войнѣ этой ясно обнаружилась одна характерная черта, до нѣкоторой степени общая всѣмъ войнамъ Латиновъ между собою за преобладаніе въ прежней Восточной имперіи. И Генуэзцы, и Венеціанцы, оспаривая другъ у друга это преобладаніе, во все время борьбы не оставляютъ основнаго своего стремленія—возможно болѣе ослаблять Византію, пользуются всякимъ случаемъ оторвать отъ ея небольшого цѣлаго послѣдніе цѣнные куски. Стремленіе это и теперь увѣнчалось успѣхомъ, который обусловливался новыми смутами въ самой имперіи. Взглянемъ, чтѣ происходило внутри ея въ эти пять лѣтъ.

Оставляя Іоанна Палеолога въ Θεσσαλονικίαι, вдали отъ столицы, вѣ въ вліянія его матери, Кантакузинъ рассчитывалъ тѣмъ легче выполнить задуманный планъ передачи права престолонаслѣдія своимъ дѣтямъ. Ожиданія обманули его. Около молодого императора оказалось много преданныхъ людей. Въ самой Θεσσαλονικίαι, которая, какъ мы видимъ, долѣе другихъ городовъ отказывалась принять новый переворотъ, была сильная партія Палеологовъ. Андроникъ Асанъ не въ состояніи былъ противодѣйствовать ея вліянію. Такимъ образомъ, оппозиція развивалась и здѣсь. Уже составлялись проекты рѣшительныхъ дѣйствій, въ которыхъ большую роль долженъ былъ играть Стефанъ Душанъ. Вступили съ нимъ въ соглашеніе. Это было не трудно: сербскій монархъ желалъ добиться расширенія своихъ завоеваній въ имперіи возможно легкимъ путемъ, а ничего не было легче, какъ съ незначительными силами припятъ участие въ распряхъ Византійцевъ. Въ сопровожденіи супруги, царицы Елены, Душанъ самъ пріѣхалъ въ Θεσσαλονικίαι, обѣщалъ Іоанну помощь войскомъ и деньгами и заключилъ выгодный для себя договоръ ²⁾). Кантакузинъ

¹⁾ Существенное условіе его было, что обѣ республики обязывались въ теченіе трехъ лѣтъ не посылать торговыхъ суда въ Таву; *Hopf, Griechenland*, p. 448.

²⁾ *Cant.*, IV, c. 27.

не приводитъ самыхъ условій. Однимъ изъ нихъ, сколько можно догадываться, было признаніе всѣхъ завоеваній сербскихъ въ Македоніи, Фессаліи, Эпирѣ и Акарнаніи. Другое находимъ у Григоры ¹⁾: Іоаннъ Палеологъ обязывался отослать въ Сербію свою жену Елену, дочь Кантакузина, и жениться на племянницѣ Душана, еще несовершеннолѣтней дочери Александра Болгарскаго ²⁾. Заключеніе такого брака должно было открыть широкій просторъ дальнѣйшимъ замысламъ Душана на Византію. Вѣсть объ этихъ приготовленіяхъ партіи Палеолога, поданная Андроникомъ Асаномъ, сильно встревожила Кантакузина. Самъ онъ не могъ оставить Константинополь: началась уже война съ Генуей и Галатой. Не могъ онъ воспользоваться и помощью Турокъ. Мы говорили уже о союзѣ Генуэзцевъ съ Орханомъ. Но охлажденіе государя Османовъ къ Кантакузину началось еще въ 1351 г., когда дружбы Орхана сталъ искать и Стефанъ Душанъ. Это былъ самый вѣрный шагъ обезопасить, хотя отчасти, свои земли отъ нападеній варваровъ и лишить императора единственнаго его союзника. Сербское посольство почтительно заявило Орхану желаніе своего царя поддерживать союзъ съ повелителемъ Османовъ и предлагало ему въ супружество для одного изъ сыновей дочь Душана. Предложеніе было принято, и турецкіе уполномоченные, въ сопровожденіи сербскихъ, съ богатыми дарами отправились въ Сербію для заключенія самаго договора. На пути, близъ Редеста, на нихъ напалъ, вѣроятно, съ вѣдома Іоанна Кантакузина, деспотъ Никифоръ, отнялъ дары, а пословъ однихъ убилъ, другихъ отвелъ въ Константинополь ³⁾. Такой поступокъ раздражилъ Орхана. Немедленно онъ послалъ одного за другимъ двухъ старшихъ сыновей опустошать Фракію, а самъ, стоя противъ столицы на азіатскомъ берегу въ Халкидонѣ, требовалъ возвращенія пословъ и похищенныхъ сокровищъ. Все, что сохранилось, было отдано ему, но онъ не удовлетворился, пока не возвратились сыновья съ богатою добычею ⁴⁾. Отсюда и начался временный разрывъ между Кантакузиномъ и Османами, который соединилъ послѣднихъ съ врагами Византіи. И такъ, за недостаткомъ вооруженныхъ силъ, пришлось обратиться къ дипломатиче-

¹⁾ Greg., XXVII, с. 27.

²⁾ Достоувѣрность этого условія обставлена основательными соображеніями у Parisot, p. 226 и слѣд.

³⁾ Gregor., XXVI, с. 34.

⁴⁾ Gregor., XXVI, сс. 52, 53, 54. Во время этого нашествія пострадала, кромѣ Фракіи, южная балканская Болгарія.

скимъ средствамъ и уступкамъ. Императрица Анна была отправлена въ Фессалонику съ письмомъ Кантакузина. Результатъ миссіи былъ тотъ, что сынъ ея отказался отъ помощи Душана ¹⁾ и вернулся въ Византію. По разказу Григоры ²⁾, такая уступчивость Іоанна Палеолога была вызвана письменною клятвою Кантакузина въ томъ, что онъ передастъ молодому императору всю верховную власть, а за собою удержитъ управленіе небольшою частью Θракіи до Селивріи; если же взять не согласенъ и на это, то онъ готовъ будто бы и совсѣмъ оставить государственную дѣятельность. Это свидѣтельство, передаваемое Григоромъ со словъ его ученика Агаангела, мнѣ кажется преувеличеннымъ. Кантакузинъ и въ болѣе трудныя минуты никогда не думалъ добровольно отречься отъ высокаго своего положенія и дальнѣйшихъ властолюбивыхъ плановъ. Теперь же, когда только готовились мѣры къ оспариванію у него власти, но не было еще сдѣлано ничего рѣшительнаго, когда самый успѣхъ предпріятія Палеолога былъ подверженъ сомнѣнію, Кантакузину не было никакой причины впадать въ совсѣмъ неподходящій къ нему тонъ смиренія и опускать униженно голову передъ затемъ. Для достиженія своей цѣли ему достаточно было сдѣлать нѣкоторыя уступки. Одною изъ нихъ, вѣроятно, было раздутье Григоромъ завѣреніе Кантакузина, что по окончаніи условленнаго десятилѣтняго срока Іоаннъ Палеологъ займетъ вполне византійскій престолъ; другая же, главная, заключалась въ предоставленіи ему въ полномъ властное управленіе части имперіи, именно Эноса и Халкидики, которые были подчинены Матвѣю Кантакузину ³⁾. Передача Іоанну Палеологу уступленной ему провинціи и возвращеніе его въ Константинополь произошло въ началѣ 1352 г. ⁴⁾. Опасность междоусобной войны была отклонена, но не надолго. Кантакузинъ прибѣгъ къ уступкамъ только въ виду крайности, но отнюдь не покидалъ своего плана. Онъ немедленно спѣшилъ ограничить успѣхъ, достигнутый Палеологомъ, и предоставилъ сыну Матвѣю вмѣсто утраченной области другую, не менѣе

¹⁾ Кантакузинъ и здѣсь старался представить Душана въ комическомъ видѣ. Онъ и его супруга порижены громовою рѣчью Анны, которая уличаетъ ихъ въ вѣроломствъ и безчестномъ образѣ дѣйствій по отношенію къ имперіи, и со стыдомъ удаляются изъ Фессалоники. Едва ли слѣдуетъ сомнѣваться въ фантастичности и этой сцены.

²⁾ Greg., XXVII, с. 28.

³⁾ Cantacuz., IV, с. 27.

⁴⁾ Parisot, p. 269.

важную—Адрианопольскій округъ ¹⁾. Этимъ новымъ выдѣленіемъ части имперіи своему наслѣднику Кантакузинъ снова выказалъ свое намѣреніе выставить его соперникомъ законному императору. Неопредѣленныя отношенія, въ которыя были поставлены другъ къ другу Матвѣй Кантакузинъ и Палеологъ, какъ правители сопредѣльныхъ областей, сами собою давали поводъ къ соперничеству и неудовольствіямъ ²⁾. Матвѣй, вслѣдствіе внушеній и дѣйствій отца проникнувшійся мыслью, что онъ долженъ наслѣдовать византійскій престолъ, не соглашался давать молодому императору никакого отчета въ своемъ управленіи, на что послѣдній, въ силу фактическаго вступленія въ права императора, естественно предъявлялъ свое требованіе. Іоаннъ Кантакузинъ само собою поддерживалъ сына и этимъ еще болѣе убѣждалъ Іоанна Палеолога въ неискренности своихъ обѣщаній. Антагонизмъ между и сыномъ развивался все сильнѣе и сильнѣе ³⁾. Борьба казалась неминуемою. Каждая сторона чувала ея неизбѣжность и принимала мѣры къ обезпеченію за собою побѣды. Императрица Анна, по отъѣздѣ сына въ Константинополь, осталась въ Фессалоникѣ ⁴⁾. Цѣль пребыванія ея здѣсь понятна: этотъ важный пунктъ остается во все время борьбы на сторонѣ Палеолога. Здѣсь же въ 1351 г. вступаетъ съ нею въ сношенія Доріа, который предлагаетъ ей помощь Генуи противъ Кантакузина ⁵⁾. Это было тотчасъ послѣ установленія соглашенія. Анна не рѣшалась принять предложеніе, не зная, къ чему еще поведутъ только что состоявшіяся уступки. Затѣмъ, когда, послѣ заключенія мира между Генуей и Кантакузиномъ, положеніе дѣлъ разъяснилось, она признала необходимымъ обращеніе за поддержкою къ Западу. Переговоры съ Іоанномъ Палеологомъ венеціанскаго адмирала Пизани, вскорѣ вошедшаго съ небольшимъ флотомъ въ Мраморное море ⁶⁾, не прошли безслѣдно: 10-го октября 1352 г. Іоаннъ занялъ для борьбы съ тестемъ у венеціанскаго посла Марино Фальера 20,000 дукатовъ, за что обязался предоставить республикѣ занятый тогда пиратомъ Пергаменомъ о. Тенедосъ со всѣми крѣпостцами, подъ условіемъ не ка-

¹⁾ Cantac., IV, с. 32.

²⁾ Cantac., IV, с. 32, vol. III, p. 240.

³⁾ Gregor., XXVII, с. 29.

⁴⁾ Cantac., IV, с. 32, vol. III, p. 237.

⁵⁾ Matteo Villani у Muratori, XIV, pp. 119, 125.

⁶⁾ Sanuto у Muratori, XXII, p. 625; Gregor. XXVII, с. 55.

саться религіи и обычаевъ греческаго населенія ¹⁾). Вмѣстѣ съ изысканіемъ матеріальныхъ средствъ молодой императоръ старался возможно шире распространить въ народѣ убѣжденіе, что ему, законному наслѣднику престола, грозитъ опасность со стороны узурпаторовъ. Многіе еракійскіе города въ его провинціи заявляли ему сочувствіе и общали поддержку ²⁾). Между тѣмъ Іоаннъ Кантакузинъ чувствовалъ, что во мнѣніи народа онъ опускается все ниже, и готовился къ борьбѣ нѣсколько иначе. Заключивъ союзъ съ Генуэзцами, онъ спѣшить примириться съ Орханомъ, въ Константинополѣ изъ акрополя образуетъ для себя надежное убѣжище отъ всякихъ случайностей; вокругъ себя заводитъ иноземную стражу изъ 500 Каталонцевъ ³⁾). Такимъ образомъ онъ заботится главнымъ образомъ о безопасности своей личности, а для вооруженной борьбы рассчитываетъ единственно на Турокъ.

Окончательному разрыву предшествовалъ еще одинъ дипломатическій маневръ Кантакузина, который всячески хотѣлъ избѣжать междоусобія. Императрица Ирина, въ сопровожденіи двухъ епископовъ, отправилась въ Димотику, чтобы мирнымъ путемъ уладить дѣло между сыномъ и зятемъ. По Кантакузину ⁴⁾), она убѣждала Іоанна Палеолога дать обязательство, что онъ признаетъ независимость Матвѣя Кантакузина въ управляемой имъ области; Григора же прибавляетъ къ этому требованію заявленіе императора, что онъ сохранитъ верховную власть пожизненно и непосредственное управленіе тою частью имперіи, которая останется отъ раздѣла между Матвѣемъ и Іоанномъ Палеологомъ; послѣ же смерти его, византійскій престолъ долженъ перейти къ послѣднему ⁵⁾). Предложенія эти были слишкомъ незаманчивы. Іоаннъ Палеологъ отвергъ ихъ ⁶⁾). Онъ рѣшилъ уже ору-

¹⁾ *Commemoriali*, vol. V, fol. 74; *Hoff*, Griechenland, p. 447, Впрочемъ, въ этомъ году Венеціи не удалось завладѣть Тенедосомъ. Въ 1355 и 1369 г. республика повторяетъ свои требованія и только въ 1375 г. за новую плату получаетъ въ свое распоряженіе эту важную станцію при входѣ въ Дарданеллы. См. *Heyd*, Le colonie, I, p. 420.

²⁾ *Greg.*, XXVII, с. 29.

³⁾ *Greg.*, XXVII, с. 30.

⁴⁾ *Cant.*, IV, сс. 32, 33, vol. III, p. 239—241.

⁵⁾ *Greg.* XVII, сс. 31—33.

⁶⁾ Григора влагаетъ въ уста Палеологу длинную обвинительную рѣчь (XXVII, сс. 34—54), въ которой онъ рѣзко осуждаетъ всю дѣятельность Кантакузина, направленную къ удовлетворенію своихъ честолюбивыхъ замысловъ

жіемъ возвратитъ отцовскій престолъ, который у него такъ явно вырвали. Осенью того же 1352 г. съ небольшимъ войскомъ онъ вступилъ въ предѣлы Матвѣя. Города одинъ за другимъ добровольно сдавались ему. Адрианопольцы также отворили ему ворота; въ акрополь же города укрѣпился самъ Матвѣй. Іоаннъ Палеологъ старался принудить его къ сдачѣ до прихода Іоанна Кантакузина, который спѣшилъ уже на выручку сына съ турецкими полчищами, присланными отъ Орхана; но не успѣлъ и долженъ былъ отступить ¹⁾. Успѣхи его кончились. Іоаннъ Кантакузинъ занялъ Адрианополь и предалъ его на

и устраненію отъ престола его, законнаго наследника. Онъ напоминаетъ послѣдовательно весь ходъ интриги, искусно веденной тестемъ, и бѣдствія, которыя принесла эта интрига имперіи. Рѣчь эта несомнѣнно составляетъ плодъ сочинительства почтеннаго историка, но во всякомъ случаѣ вѣрно передаетъ враждебныя чувства, которыя тогда Палеологъ долженъ былъ питать къ своему опекуну. По поводу находящихся въ ней рѣзкостей считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ означеніи свидѣтельствъ послѣднихъ 15 книгъ исторіи Григоры. (3-й томъ Бони. изд.). Никифоръ Григора, хотя и близкое лицо къ преданному приверженцу Андроника Старшаго, Метохитъ, первоначально былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Кантакузину. Мы уже нѣсколько разъ указывали мѣста изъ его исторіи, гдѣ онъ выступаетъ на защиту этого узурпатора. Церковныя разногласія (о нихъ будетъ рѣчь послѣ), борьба Григоры съ ученіемъ Паламы, защитникомъ котораго выступилъ Кантакузинъ, вызвали между ними охлажденіе и даже привели Григору въ заточеніе (1351 г.). Въ то время, которое мы теперь описываемъ, онъ былъ лишенъ свободы, получалъ свѣдѣнія о событіяхъ черезъ своего ученика Агавангела и на основаніи ихъ составлялъ исторію. Понятно, что какъ Григора, такъ и преданный ему ученикъ, смотрѣли на событія, сами по себѣ печальныя, еще болѣе пессимистически: видѣли въ Кантакузинѣ виновника всѣхъ бѣдствій и не могли быть вполне безпристрастны въ своемъ повѣствованіи. Это обстоятельство нужно имѣть въ виду при обсужденіи весьма важныхъ свидѣтельствъ Григоры, относящихся къ событіямъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Кантакузина. Разница въ отзывахъ его объ этомъ государственномъ челоуѣкѣ, которая усматривается между послѣдними 15-ю главами и первой частью его исторіи, заставляетъ относиться осторожно и къ сообщаемымъ имъ извѣстіямъ.

¹⁾ Кантакузинъ говоритъ (IV, с. 33, vol. III, p. 242), что Палеологъ воспользовался помощью Турокъ, которые не задолго до того заняли еракійское укрѣпленіе Чинпу (Тѣбллу). Если дѣйствительно такая помощь и была оказана, то она была ничтожна. Но вѣрядъ ли она была: Турокъ мы не видимъ въ рядахъ Палеолога; да и какимъ образомъ одни и тѣ же Турки могли помогать одновременно двумъ сторонамъ? Не имѣетъ ли это брошенное вскользь упоминаніе о турецкой помощи изъ Чинпы какого умысла со стороны вѣнценоснаго историка? Къ этому важному свидѣтельству мы обратимся еще ниже.

разграбленіе ¹⁾, затѣмъ бросился на другіе сдавшіеся Палеологу города и вездѣ жестокими опустошеніями наказывалъ за отпаденіе ²⁾. Турки служили при этомъ прекраснымъ орудіемъ. Іоаннъ Палеологъ изъ Димотики проситъ помощи у сербскаго царя; Стефанъ Душанъ потребовалъ въ заложники брата императора, деспота Михаила Палеолога, и прислалъ во Фракію Каснеца Борилевича (*Κασνιτζός Μπυροβίχης*) съ значительнымъ коннымъ отрядомъ ³⁾. Болгары, имѣя въ виду совокупныя дѣйствія противъ Турокъ, которые такъ часто опустошали ихъ подбалканскія земли, а отчасти по настоянію Душана, также согласились выступить на защиту Іоанна Палеолога ⁴⁾. Союзники направили свои усилія противъ крѣпости Емпифія (недалеко отъ Димотики). Іоаннъ Кантакузинъ вывелъ сюда противъ нихъ свѣжія силы—вновь вызванный изъ Виеннѣ десяти тысячный корпусъ ⁵⁾ Османовъ, подъ начальствомъ Сулеймана. Болгары при одномъ видѣ Турокъ отступили къ Димотикѣ; Сербы же съ греческимъ отрядомъ Палеолога храбро вступили въ бой, но были подавлены многочисленностью непріятеля. Обратившись въ бѣгство, они сбились съ дороги и были совсѣмъ истреблены Турками. Самъ Каснецъ Борилевичъ едва успѣлъ спастись съ нѣсколькими Сербами. Османы разграбили лагерь побѣжденныхъ и съ большою добычей и множествомъ плѣнныхъ явились въ Адрианополь. Затѣмъ они же вторглись ⁶⁾ въ Болгарію и не менѣе жестоко заплатили ей за участіе въ войнѣ, хотя и пассивное. Самъ Кантакузинъ продолжалъ свирѣпствовать во Фракіи. Усмиривъ Морру и нѣкоторые города другихъ частей Родопія, которые было поднялись за Палеолога, онъ заставилъ вновь признать свою власть и въ Халкидикѣ. Отовсюду стѣсненный, Іоаннъ Палеологъ просилъ у тестя мира. Кантакузинъ поставилъ главнымъ условіемъ — отказъ отъ Димотики и всей уступленной ему об-

¹⁾ Разграбленія не отрицаетъ и самъ Кантакузинъ (IV, с. 33, р. 245); Григора (XXVIII, с. 3, vol. III, р. 178) же говоритъ о разрушеніи и соженіи города и о величайшихъ бѣдствіяхъ, которымъ подверглись несчастные Адрианопольцы.

²⁾ Особенно пострадалъ Чирменъ (*ἡ Τζερμονίανου*) на Марицѣ, на западѣ отъ Адрианополя. Cantac., IV, с. 33, vol. III, р. 246.

³⁾ По Кантакузину (*ibidem*), который преувеличиваетъ силы непріятелей—7,000; а по Григор. (XXVIII, с. 7)—4,000.

⁴⁾ Cantac., IV, с. 33.

⁵⁾ Григора (XXVIII, с. 7) увеличиваетъ число Турокъ до 12,000.

⁶⁾ Κατὰ σφᾶς αὐτοῖ, прибавляетъ Кантакузинъ, какъ бы для очищенія совѣсти. IV, с. 34, vol. III, р. 250.

ласти. Молодой императоръ отказался и отплылъ въ Тенедосъ — собирать силы для продолженія борьбы ¹⁾). Такъ кончился 1352 годъ.

Весною слѣдующаго года, пользуясь пребываніемъ Кантакузина въ Адрианополѣ, Іоаннъ Палеологъ на нѣсколькихъ судахъ подошелъ къ Константинополю, рассчитывая овладѣть имъ при содѣйствіи сочувствовавшей ему партіи. Ирина въ-время распорядилась обороною города и попытка не удалась. Палеологъ успѣлъ только побывать въ Галатѣ и заручиться здѣсь союзомъ Генуэзцевъ для дальнѣйшихъ своихъ плановъ ²⁾). Кантакузинъ теперь торжествовалъ и полагалъ, что наступило удобное время разыграть послѣдній актъ задуманной имъ драмы — возложить императорскую корону на сына Матвѣя. Намѣреніе свое онъ приводитъ въ исполненіе и по обычаю старается снять съ себя всякую отвѣтственность за такой поступокъ. Онъ представляетъ коронованіе Матвѣя какъ необходимый актъ, вызванный требованіями высшихъ представителей столичнаго населенія, будто бы возмущеннаго образомъ дѣйствій молодаго императора, и придаетъ ему обстановку чего-то узаконеннаго и величественнаго. Но факты, которыми сопровождалось это окончательное устраненіе Іоанна Палеолога отъ отцовскаго престола, прямо показываютъ, что оно было дѣломъ полного произвола, насиліемъ надъ требованіями и желаніями массъ и могло осуществиться только подъ условіемъ террора и деспотизма, которыми ознаменовались послѣдніе годы царствованія Іоанна Кантакузина. Страшная экзекуція большей части Фракіи, произведенная при участіи Турокъ, которые опустошеніями должны были уничтожить послѣдніе слѣды жизни въ многострадальной странѣ, естественно произвела какъ въ столицѣ, такъ и во всѣхъ частяхъ имперіи, самое тяжелое впечатлѣніе и вызвала негодованіе населенія противъ узурпатора, не останавливавшагося ни передъ какими средствами для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Если нельзя согласиться съ Григоріемъ, что Кантакузинъ въ это время ненавидѣлъ Ромѣевъ и былъ привязанъ къ Туркамъ ³⁾, то съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ замѣчаніяхъ того же историка о тѣсномъ сближеніи императора съ его постоянными союзниками. На-

¹⁾ Cantac., IV, с. 34, vol. III, p. 251.

²⁾ Cant., IV, с. 35, Gregor., XXVIII, с. 18.

³⁾ Gregor., XXVIII, с. 2, vol. III, p. 177: σύνοικον γάρ τινα κατὰ Ῥωμαίων ἔχων ὑπόψιν ἐκ πολλοῦ πρὸς ἀπέχθειαν ἀνεκλάλητον τοσοῦτον ἐμίσει καὶ ἀπεσεύετο ἐφ' ἃς ἄρας ἐφίλει τε καὶ προσέετο βαρβάρους.

ходя въ нихъ единственную опору, онъ долженъ былъ уступать и угодать имъ. Поэтому вполне возможно, что первыя поселенія Турокъ въ Херсонисѣ произошли съ вѣдома и согласія Кантакузина ¹⁾; возможно и то, что Османы были допущены въ столицу и являлись при дворѣ, гдѣ не стѣсняясь пѣли свои магометанскіе гимны въ то время, какъ рядомъ въ церкви совершалось христіанское богослуженіе, и то, что присутствовали съ своею музыкой и пѣснями при царскомъ столѣ ²⁾. Такое сближеніе съ нечестивыми и варварами, составлявшими истинный бичъ для имперіи, возбуждало всеобщее раздраженіе, которое увеличивалось рядомъ святотатствъ, совершенныхъ Кантакузиномъ для удовлетворенія своихъ союзниковъ. Орханъ уже не соглашался помогать даромъ; притомъ онъ не всегда посылалъ войска, иногда приходилось отдѣльно нанимать волонтеровъ изъ Турокъ. Все, что было собрано въ казну, благодаря новымъ финансовымъ реформамъ, разошлось въ самомъ началѣ войны. Чтобы добыть какъ нибудь средства, Кантакузинъ не поколебался воспользоваться драгоценностями византийскихъ святынь, передѣлалъ ихъ въ монету и расплачивался ею съ Орханомъ ³⁾. Къ тѣмъ же Туркамъ перешли деньги, присланныя изъ Россіи великимъ княземъ Московскимъ Симеономъ Гордымъ на поправленіе храма св. Софій ⁴⁾. Этими уже затрогивалось одно изъ самыхъ дорогихъ чувствъ народа. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, никто не могъ сочувствовать эгоистическимъ планамъ Кантакузина. Защитникомъ имперіи, оскорбленной святыни и правъ законности выступилъ патриархъ Каллистъ, лицо, избранное, послѣ смерти Иса-

¹⁾ Gregor., XXVIII, с. 41, XXIX, с. 2.

²⁾ Greg. XXVIII. с. 40, vol. III, p. 202: οὗτοι (т. е. βάρβαροι) τοῖνον μελοῦσας τῆς ἱερᾶς τελεῖσθαι μουσταγωγίας ἐν τῇ τῶν βασιλείων ἐκτὸς ἱερῶν τεμένει, χοροὺς ἰστώντες ἐκείνοι· παρὰ τὰς βασιλείους αὐλὰς ἀντάδουσι τε τὴν γυμνικὴν ἐκείνην ὀρχοῦμενοι ὀρχοῖσιν, καὶ ἀσῆμοις κλαγγαῖς τὰς τοῦ Μωάμεδ ἀναβοῶσιν ὡδὰς καὶ τοὺς ὕμνους, δι' ὧν καὶ ἀνθέλκουσιν πρὸς τὴν ἑαυτῶν μᾶλλον ἀκρόασιν ἢ τὴν τῶν θεῶν εὐαγγελίων ποτὲ μὲν πάντας ἀπλῶς ποτὲ δ' ἐνίοις τῶν ἠθροισμένων ἐκεῖ. τὸ δ' αὐτὸ καὶ περὶ τὴν βασιλείον τρίπεζαν ὄρωσιν ὡς τὰ πολλὰ μετὰ γε δὴ κυμβάλων καὶ θυμελικῶν ὀργάνων καὶ ἀσμάτων, ὅποσα τοῖς ἀσεβέσιν εἶθιστα.

³⁾ Greg., XXXIII, с. 4.

⁴⁾ Greg. XXVIII, с. 35. Изъ Россіи деньги были присланы въ 1350 г. (ср. Parisot, p. 281). На сколько силенъ былъ ропотъ народа по поводу этого злоупотребленія, видно изъ того, что позже, при новомъ патриархѣ Филоеѣ, Кантакузинъ назначилъ особый сборъ для возобновленія храма св. Софій. Gregor. XXVIII, с. 39.

дора (1350 г.), самимъ Кантакузинимъ и сохранявшее къ нему до того времени полную преданность. Уже въ 1352 г. онъ уговаривалъ императора прекратить усобицу и не призывать Турокъ; ѣздилъ онъ и къ Іоанну Палеологу, склоняя его къ миру, но нигдѣ не имѣлъ успѣха. Теперь, когда Кантакузинъ предложилъ ему короновать сына Матвѣя, Каллисть открыто объявилъ такой актъ незаконнымъ и отказался принять въ немъ какое-либо участіе. Такъ какъ императоръ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, то онъ оставилъ Константинополь и удалился сперва въ свой монастырь св. Мамонта, а затѣмъ на Аѳонъ въ лавру св. Аѳанасія ¹⁾). Кантакузинъ не обратилъ вниманія на такой протестъ и провозгласилъ Матвѣя императоромъ, объявивъ его своимъ соправителемъ и наследникомъ; имя Іоанна Палеолога запрещено поминать въ церквахъ и общественныхъ торжествахъ ²⁾). Для низложенія непокорнаго патріарха, въ слѣдующемъ 1354 г., былъ созванъ соборъ епископовъ, который выбралъ на вакантную кафедру трехъ кандидатовъ. Изъ нихъ Кантакузинъ утвердилъ патріархомъ епископа Ираклейскаго Филооея ³⁾). Въ храмѣ Влахерпской Божіей Матери императоръ и новый патріархъ торжественно возложили императорскій вѣнецъ на Матвѣя, который затѣмъ, согласно обычаю, самъ короновалъ свою супругу ⁴⁾). Такимъ образомъ Кантакузинъ дождался наконецъ желаннаго результата давнишнихъ своихъ стремленій.

Но недолго ему пришлось торжествовать. Прежде всего, въ томъ же 1354 г., онъ долженъ былъ наглядно убѣдиться въ гибельныхъ послѣдствіяхъ злоупотребленія помощью Турокъ. Только теперь, когда Херсонисъ и часть еракійскаго побережья на Мраморномъ морѣ неожиданно очутились въ рукахъ его союзниковъ, онъ понялъ, что, преслѣдуя свои династическіе интересы, онъ незамѣтно привелъ къ гибели имперію, верховную власть въ которой, для ея же блага, онъ хотѣлъ и удержать за собою и передать своему потомству. Обстоятельства перваго утвержденія Османовъ въ Европѣ возбуждаютъ большой интересъ. Къ сожалѣнію, источники передаютъ ихъ не вполне согласно. Что касается частныхъ поселеній Турокъ, то очень вѣроятно, что они при частныхъ переходахъ ихъ во Тра-

¹⁾ Cant. IV, с. 36; Greg. XXVIII, с. 19.

²⁾ Cant. IV, с. 37; Greg. XXVIII, с. 43.

³⁾ Cant. IV, с. 37; Greg. XXVIII, сс. 38, 39.

⁴⁾ Cant. IV, с. 38; Greg. XXVIII, с. 43.

кію, могли явиться тамъ еще въ первые годы царствованія Кантакузина. Когда началась война съ Палеологомъ, императоръ, по словамъ Григоря, переселялъ въ Херсонисъ турецкихъ наемниковъ съ ихъ семьями. Ко времени коронаціи Матвѣя этихъ поселенцевъ въ Херсонисъ было такъ много, что сынъ Орхана Сулейманъ, переправясь черезъ Дарданеллы, вступилъ на берегъ, какъ бы въ свою колонию ¹⁾. Всѣ они, конечно, подчинялись византійскимъ властямъ. Собственно же начало господства Османовъ въ Европѣ, первыя завоеванія ихъ во Фракіи, относятся къ 1352 г., когда въ ихъ власть перешла крѣпостца Чимпа, недалеко отъ Калиполи (Галлиполи). Кантакузинъ не распространяется о фактѣ занятія крѣпостцы ²⁾. Турецкій, впрочемъ позднѣйшій, хронистъ Сеадеддинъ изображаетъ это завоеваніе какъ заранѣе обдуманное Сулейманомъ предпріятіе для выполненія широкаго плана—разрушенія Византіи и ниспроверженія трона Константина, выполненное съ особыми приключеніями довѣренными людьми его Аджебегомъ и Ходжи-Фазилемъ. Эти герои, будто бы развѣдавъ предварительно мѣстность, ночью съ 80-ю товарищами ворвались въ Чимпу, овладѣли городомъ, а спящихъ жителей заковали и отправили въ Азію. Затѣмъ черезъ три дня въ крѣпостцѣ было уже 3,000 турецкаго гарнизона ³⁾. Григора, напротивъ, говоритъ, что Кантакузинъ самъ предоставилъ Туркамъ крѣпостцу, дабы всегда имѣть наготовѣ защиту и помощь противъ Іоанна Палеолога ⁴⁾. Если принять во вниманіе, что Кантакузинъ только вскользь упоминаетъ о такомъ важномъ событіи и совсѣмъ не кстати заставляетъ Турокъ изъ Чимпы помогать Іоанну Палеологу, то нельзя не догадываться о намѣреніи нашего историка замаскировать самый фактъ, въ которомъ онъ, вѣроятно, долженъ былъ принимать участіе. Съ другой стороны, остальные два источника равно не заслуживаютъ полнаго довѣрія. Сеадеддинъ, составляя свою хронику спустя слиш-

¹⁾ Gregor., XXVIII, сс. 41, 42.

²⁾ Cantacuz., IV, сс. 33, 38, vol. III, pp. 242, 276.

³⁾ Seadeddin въ переводѣ *Bratutti*: *Chronica dell'origine e progressi della casa ottomana*. Vienna 1649, P. I, p. 58—63.

⁴⁾ Gregor. XXIX, с. 2. Онъ, впрочемъ, не называетъ самой крѣпостцы, но изъ всего разказа его видно, что это была Чимпа: «τοῦ γὰρ βασιλέως Καντακουζηνοῦ πρὸ ἐτῶν που δυοῖν, ὡς εἶρηται, μίαν τῶν ὀχυρωτέρων ἔχει πόλιν παρασχόντος αὐτοῖς οἰκητήριον ὥστε ἔχειν αὐτοὺς ἐπιτείχιμα καὶ συμμαχίαν πρόχυρον κατὰ Παλαιολόγου τοῦ γαμβροῦ. Именно за два года (т. е., подъ 1352 г. см. выше) Кантакузинъ упоминаетъ о Чимпѣ какъ о пунктѣ, занятомъ Турками.

комъ два столѣтія послѣ разсматриваемаго событія, очевидно, старался прикрасить подвигъ предковъ, съ котораго началось основаніе могущественнаго Османскаго царства въ Европѣ. Григора въ данномъ случаѣ, какъ мы уже сказали, также едва ли безпристрастенъ. Такимъ образомъ, сводя всѣ три свидѣтельства, мнѣ кажется, можно прійти къ слѣдующему среднему выводу: въ 1352 г. Турки въ одно изъ своихъ нашествій на Фракію, и весьма вѣроятно, до примиренія съ Кантакузиномъ, овладѣли крѣпостцю Чимпоу; Кантакузинъ же, нуждаясь въ помощи Османовъ, согласился уступить имъ этотъ пунктъ. Какъ бы ни было, Чимпа была въ рукахъ Турокъ. Сулейманъ укрѣпилъ ее и сдѣлалъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ завоеваній. Онъ взялъ еще нѣсколько укрѣпленій на Херсонисѣ ¹⁾, и скоро почти весь полуостровъ былъ обращенъ въ пустыню ²⁾. Но вниманіе дальновиднаго Османлія направлялось главнымъ образомъ на маленькій городокъ, лежащій на мысу, у самаго узкаго мѣста Дардапелльскаго пролива и, по своему прекрасному положенію справедливо носящій имя Калиполи. Сулейманъ хорошо понималъ важность пріобрѣтенія этого городка, какъ главной торговой станціи между востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ключа отъ входа въ Европу ³⁾. Скоро счастливый для него и несчастный для Византіи случай передалъ этотъ ключъ въ его распоряженіе. Грандіозность предпріятій Сулеймана наконецъ бросилась въ глаза Кантакузину. Восторжествовавъ надъ Іоанномъ Палеологомъ, онъ оглянувшись на занятія Турками позиціи и рѣшился освободить Чимпу. 10,000 иперперовъ предлагало его посольство Орхану лишь бы только онъ вывелъ Турокъ изъ крѣпости. По Кантакузину ⁴⁾, соглашеніе будто бы уже состоялось, но исполненію его помѣшало новое физическое бѣдствіе, разразившееся надъ имперіей, уже второе въ непродолжительное царствованіе Кантакузина. Ночью 2-го марта 1354 г. почти весь южный берегъ Фракіи постигло страшное землетрясеніе. Нѣсколько городовъ совсѣмъ исчезло съ лица земли, со всѣмъ населеніемъ; много было разрушено до основанія.

¹⁾ *Zinkeisen*, Geschichte des Osmanischen Reiches, I, p. 209.

²⁾ *Gregor.*, XXIX, c. 2.

³⁾ Саадеддинъ такъ опредѣляетъ значеніе (стр. 65) Калиполи: «Passo della Grecia ed Italia: schalla delle caravane e mercantie, che vengono di levante e di ponente: transito delle navi di Chietta, di Chirm, di Russia, e d'altri Paesi Settentrionali, e chiave d'aprire e soggio gare molte Provincie».

⁴⁾ *Cantac.*, IV., c. 38.

Массы народа погибли подъ развалинами, а тѣ, которые удѣлѣли отъ погребенія за-живо подъ камнями, сдѣлались жертвами холода и голода во время бѣгства въ болѣе безопасныя мѣста, или же перехвачены Турками. Избѣгшіе того и другаго остались безъ крова и средствъ и толпами бродили около столицы, вымаливая себѣ пропитаніе за какой угодно трудъ¹⁾. Этимъ бѣдствіемъ и всеобщю паникою спѣшили воспользоваться Турки Чинпы и другихъ занятыхъ ими пунктовъ на Херсонисѣ. Они тотчасъ же бросились въ полуразрушенные, покинутые населеніемъ города и заняли ихъ своими гарнизонами. Сулейманъ, бывшій въ это время въ Пегахъ, переправился черезъ Дарданеллы съ массою колонистовъ и дѣятельно принялся за заселеніе и восстановление захваченныхъ мѣстностей. Каллиполи особенно сталъ предметомъ его заботъ: онъ выстроилъ вновь стѣны, соорудилъ въ городѣ сильныя укрѣпленія и кромѣ большого гарнизона поселилъ въ немъ много знатныхъ Турокъ²⁾. Вѣсть о переходѣ во власть варваровъ такого важнаго пункта произвела угнетающее впечатлѣніе на обитателей Царьграда. Стоны и рыданія раздались во всѣхъ углахъ столицы. Молва о неминуемой и скорой гибели имперіи охватила всѣ слои населенія. Паника была такъ велика, что многіе торопились немедленно оставить городъ и переселялись въ Италію и даже въ Испанію³⁾. Кантакузинъ, конечно, не менѣе другихъ былъ встревоженъ грознымъ оборотомъ, который принимали дѣла. О вооруженномъ сопротивленіи Туркамъ нечего было и думать. Онъ снова послалъ уполномоченныхъ ходатайствовать передъ Орханомъ о возвращеніи городовъ, захватъ которыхъ совершился де вопреки всякой справедливости и узамъ дружбы, которыя де связываютъ имперію съ царствомъ Османовъ. Орханъ слагалъ всю отвѣтственность на Сулеймана, который-де дѣйствовалъ самостоятельно, и обѣщала за уплату 40,000 иперперовъ склонить сына къ уступчивости,

¹⁾ Cantac. IV, с. 38; Greg. XXIX, сс. 2, 3, 4; Villani у *Muratori*, XIV, р. 227. Точную дату этого событія находимъ въ краткой византийской лѣтописи — *Müller*, *Byzantinische Analecten (Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, IX, 1852, S. 392): 'εν ἔτει, ζω΄β' ἰνδικτιώνος ζ' μηνι Μαρτίου β' τῇ νυκτι τῆς ὀρθοδοξίας ἐπὶ τῆς βασιλείας κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ γέγονε σεισμός μέγας ὅτε καὶ τὰ τεῖχη κατέπεσον τῆς Καλλιουπόλεως καὶ τῶν μετ'αὐτὴν καὶ παραδόθησαν, οἷς χρίμασιν οἶδε Θεός, τοῖς Ἀγάρηνοῖς.

²⁾ Cantacuz. IV, с. 38.

³⁾ См. Demetrii Cydonii, Oratio de non reddenda Callipoli petente Amurata; ср. *Migne*, *Patrologia graeca*, vol. CLIV, p. 1014.

для чего приглашалъ императора въ Никомидію. Кантакузинъ явился въ назначенное мѣсто въ условленное время, но свиданіе не состоялось: Орханъ сказался больнымъ ¹⁾. Теперь не могло уже быть сомнѣнія, что Сулейманъ предпринялъ завоеваніе европейскихъ владѣній имперіи, съ благословенія своего родителя, какъ выражается Сеадеддинъ ²⁾. Каллиполи и Чимпа остались за Османами. Завоеванія ихъ быстро увеличиваются. Въ томъ же 1354 г. Сулейманъ взялъ Кипселу (на нижнемъ теченіи Марицы) и Малгару (южнѣ Родосто) и наложилъ дань на многіе другіе еракійскіе города; а въ началѣ 1355 г. легкіе турецкіе отряды господствовали по всему побережью Мраморнаго моря до самыхъ стѣнъ Константинополя. Богатія долины южной Болгаріи также сдѣлались цѣлью постоянныхъ ихъ набѣговъ ³⁾.

Утвержденіе Турокъ во Фракіи наносило послѣдній ударъ популярности Кантакузина. Венеціанскій баилъ въ Цареградѣ, въ августѣ 1354 г., доносилъ дожу Андрею Дандоло, что Византія въ виду опасности со стороны Турокъ и Генуэзцевъ и не ожидая никакой защиты ни отъ Кантакузина, ни отъ Палеолога, готовы подчиниться Венеціи, или же одному изъ королей—Угорскому или Сербскому ⁴⁾. Очень возможно, что такое движеніе противъ правительства дѣйствительно было. Но развязка была уже недалеко. Іоаннъ Палеологъ собирался съ силами и искалъ союзника для возобновленія борьбы. Всѣ оставшіеся за имперіей острова: Тенедось, Лесбось, Лимносъ,

¹⁾ Cantac., IV, с. 38.

²⁾ У *Bratutti*, о. с., р. 59: *Se Iddio m'assisterà con la ma gratia e gl'auspicii paterni mi secondarono ho buona speranza d'effetuare questa impresa*

³⁾ *Seadeddin*, о. с., р. 65; *Gregor.* XXIX, сс. 3, 26; *Demetr. Cydon.*, о. с., *Migne*, Patrol. graec., CLIV, р. 1011; Cantac. IV, с. 38. У Сеадеддина, если только вѣренъ переводъ Братутти, невѣрно показанъ годъ занятія Каллиполи—760 по магометанскому лѣтосчисленію, чему по христіанскому лѣтосчисленію соответствуетъ 1382. (Братутти въ примѣчаніи передаетъ его 1350 г., но какъ же это можетъ быть, когда магометанская эра начинается съ 622 г.?) Цинкисъенъ (I, р. 210) также невѣрно относитъ утвержденіе Турокъ въ Херсонисѣ къ 1356 и 1357 годамъ. Хронологія этого событія вполне вѣрно устанавливается, благодаря точно извѣстному факту землетрясенія, которому Цинкисъенъ не придаетъ большаго значенія, слѣдуя болѣе разказу Сеадеддина, представляющему и занятіе Каллиполи, какъ результатъ новой побѣды надъ византійскими стратигами, защищавшими городъ.

⁴⁾ *Ян. Шафарикъ*, Србски споменици изетачког архива въ *Гласникъ Српског ученог друштва*, XII, стр. 13. и *Ljubić*, *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalicim. Zagrobiae* 1872. Vol. III, р. 265.

Фазосъ, Самоеракія признавали его императоромъ¹⁾. Попытка Кантакузина въ іюлѣ 1354 г. овладѣть Тенедосомъ и Имбросомъ встрѣтила сильный отпоръ со стороны островитянъ²⁾. Низложенный патриархъ Каллистъ, оставивъ Византію, нашелъ на время убѣжище въ Галатѣ и возобновилъ здѣсь начатія прежде самимъ Іоанномъ сношенія съ Генуэзцами, съ цѣлью облегчить задуманное нападеніе на Константинополь, а затѣмъ переѣхалъ къ императору въ Тенедосъ, откуда поддерживалъ агитацію противъ Кантакузина путемъ обличительныхъ писемъ. Такъ готовилась почва для успѣха самаго предпріятія. Для выполненія его предложили свои услуги Генуэзцы. Въ водахъ Архипелага въ это время плавали на двухъ галерахъ нѣкто Франческо Гаттлузіо—Генуэзецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые, подобно извѣстной кампаніи Маона, искали случая овладѣть тѣмъ или другимъ изъ немногихъ византійскихъ острововъ. Съ нимъ-то Іоаннъ Палеологъ вступилъ въ соглашеніе, обѣщая выдать за него свою сестру Марію и дать въ приданое о. Лесбосъ, если онъ поможетъ ему занять византійскій престолъ. Въ темную декабрьскую ночь³⁾ съ большимъ флотомъ, они подступили къ столицѣ съ южной стороны и хитростью проникли въ городъ черезъ Одигитрійскія ворота. Ближайшія укрѣпленія тотчасъ же были заняты отрядомъ Іоанна Палеолога, а Кантакузинъ, находившійся во дворцѣ,—отрѣзанъ отъ своей каталонской дружины, обегавшей Золотыя ворота. На разсвѣтѣ все населеніе съ восторгомъ привѣтствовало молодого императора и открыло ожесточенное преслѣдованіе помпозочисленныхъ его враговъ. Іоаннъ Кантакузинъ далъ знать о присылкѣ помощи сыну Матвѣю, деспоту Никифору и Андронику Асапу, а самъ защищался во дворцѣ. Но помощь не могла придти скоро; недостатокъ продовольствія уже черезъ нѣсколько дней заставилъ его сдать ся зятю. Послѣдній хотѣлъ было обнаружить великодушіе по отношенію къ тестю и соглашался на время раздѣлять съ нимъ власть, но народъ громко требовалъ окончательнаго устраненія его отъ управленія имперіей. Кантакузину ничего больше не оставалось, какъ самому отречься отъ престола. Съ вынужденнымъ смиреніемъ онъ перемѣнилъ порфиру на клобукъ и подъ именемъ Іосафа удалился въ Манганскій монастырь. Императрица Ирина по-

¹⁾ Gregor., XXIX, с. 5.

²⁾ Gregor. XXIX, сс. 19, 20; Cantac. IV с. 39; *Гласник*, XII, стр. 11.

³⁾ Это было въ 1354, а не въ 1355 г., какъ думаютъ многіе. См. *Parisot*, pp. 285—288 и *Miralt*, II p. 647.

слѣдовала его примѣру и принявъ имя Евгеніи постриглась въ монастырѣ св. Марты ¹⁾.

Съ удаленіемъ Кантакузина не сразу прекратились внутренніи смуты. Сыновья его не хотѣли отказаться отъ владѣнія областями, которыя имъ предоставилъ отецъ. Война съ Матвѣемъ Кантакузиномъ продолжалась три года и только въ 1358 г., послѣ нѣсколькихъ пораженій, онъ былъ выданъ Сербами и также принужденъ отречься не только отъ притязаній на престолъ, но и отъ всякой власти въ имперіи ²⁾, Удачнѣе дѣйствовалъ другой братъ, Мануилъ Кантакузинъ, деспотъ Мисиря. Онъ выгналъ изъ своихъ владѣній вождей Іоанна Палеолога, прошедшихъ было до Мопемваси, и заставилъ признать себя государемъ византійскихъ областей Целопонниса (до 1380 г.) ³⁾. Обособленіе этой части имперіи, притомъ подъ управленіемъ династіи, враждебной той, которая занимала императорскій престолъ, было однимъ изъ послѣдствій новаго переворота и связанной съ нимъ междоусобной войны. Другимъ послѣдствіемъ былъ переходъ чуть не послѣднихъ крохъ византійской территоріи въ обладаніе Латиновъ. Гаттилузіо, согласно условію, получилъ отъ Іоанна Палеолога въ приданое за его сестрою о. Лесбось ⁴⁾. Затѣмъ Венеція, какъ мы видѣли, за это время подготовила себѣ пріобрѣтеніе Тенедоса. Что же касается того печальнаго положенія, въ которомъ очутилась Фракія послѣ всѣхъ этихъ событій, то мнѣ кажется, о немъ нечего и говорить. Оно должно было представлять картину болѣе плачевную, болѣе ужасную той, которую мы видѣли при вступленіи Кантакузина на престолъ. Такимъ образомъ Іоаннъ Палеологъ по-

¹⁾ Gregor. XXIX, сс. 27, 28, 29, 30; Ducas, с. XI; Matteo Villani у *Muratori*, XIV, р. 268; Кантакузинъ (IV сс. 39, 40, 41, 42) ничего не говоритъ объ участіи во всемъ этомъ дѣлѣ Гаттилузіо, а въ длинномъ своемъ разказѣ объ обстоятельствахъ этого переворота настойчиво старается доказать, что его отреченіе было актъ съ его стороны вполне добровольный, а отнюдь не вынужденный успѣхомъ вяти. Оттого приводимыя имъ подробности рѣзко выдвигаются своею неправдоподобностію, и все его повѣствованіе расходитя съ другими, болѣе достовѣрными источниками.

²⁾ Cantacuz., IV, сс. 42—49.

³⁾ *Hopf*, Griechenland, р. 450.

⁴⁾ Фамилія эта имѣла громадное вліяніе въ позднѣйшей исторіи Византіи. Въ концѣ XIV в. она присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Энось, важный городъ при устьѣ Марицы; а въ XV в. постепенно сдѣлалась собственностью Гаттилузіо острова: Лимносъ, Фазосъ, Имбросъ и Самоеракія. Ср. *Heyd*, I, pp. 414—417.

лучилъ весьма жалкое наслѣдство. Нѣсколько острововъ и одна провинція, въ конецъ разоренная и обезлюженная, въ одномъ концѣ которой, у самой столицы, гнѣздились хищные Генуэзцы, а съ другаго поднимался могущественный турецкій колоссъ: вотъ та имперія, которую ему приходилось править.

Іоаннъ Кантакузинъ, принявъ монашество, уже болѣе не вмѣшивался въ политическія дѣла. Живя то у сына въ Пелопоннискѣ, то въ Византіи, онъ посвятилъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ. Кромѣ записокъ, представляющихъ апологію его продолжительной государственной дѣятельности, къ этому времени относятся и всѣ его полемическіе труды богословскаго содержанія. Онъ пережилъ обонхъ своихъ сыновей и умеръ въ глубокой старости (13-го іюня 1383 г.) въ Мисирѣ ¹⁾. Почти вслѣдъ за Кантакузиномъ сошли съ политической сцены и два другіе государя, его современники, стоявшіе къ нему въ близкихъ отношеніяхъ, и въ противоположность ему оставившіе по себѣ славную память въ исторіи стойкихъ народовъ. Въ 1355 г. умеръ — Стефанъ Душанъ, а въ 1359 г. — Орханъ. Съ окончаніемъ дѣятельности этихъ трехъ лицъ формально оканчивается тотъ періодъ исторіи Византіи, разсмотрѣнію котораго мы рѣшились посвятить настоящій очеркъ, и который, намъ кажется, можно вѣрно назвать переходнымъ между временемъ возстановленія имперіи и уже безповоротнымъ ея паденіемъ. Мы прослѣдили всѣ событія этого періода. Сводъ ихъ рисуеъ картину безконечнаго ряда войнъ. Жестокая борьба внутри между претендентами на императорскую власть, не менѣ жестокая борьба съ Латинами, Турками, и сосѣдями Славянами, словомъ—борьба и борьба—вотъ единственное содержаніе и смыслъ исторіи цѣлой четверти вѣка. Мы видѣли съ какою энергіей, съ какимъ успѣхомъ сначала было ведено Кантакузиномъ дѣло возстановленія имперіи, какъ это стремленіе не покидало его даже въ печальный періодъ его дѣятельности, когда властолюбивые порывы заглушали въ немъ сознаніе государственнаго долга, и какъ все-таки результатъ борьбы вышелъ весьма печальный. Одна изъ причинъ этого, безъ сомнѣнія—внутреннія неурядицы въ Византіи (источникъ которыхъ опять-таки—не вырожденіе національности, какъ думаютъ многіе, и не отсутствіе даровитыхъ людей; Кан-

¹⁾ Müller, Byzantinische Analekten Sitzungsberichte der Wiener Akademie, IX, S. 60.

такузинъ, какъ бы его ви обвиняли,—личность недюжинная ¹⁾, но это далеко не единственная и не самая главная причина. Вся бѣда имперіи заключалась въ томъ, что судьба послала ей сразу нѣсколько враговъ. Турки выступаютъ на путь завоеваній въ то время, когда Византія напрягала свои силы въ борьбѣ съ Сербами и Латинами. Какъ отнеслись послѣдніе къ мусульманамъ-завоевателямъ, насколько готовы были защитить отъ нихъ христіанскій міръ, на это приведено нами нѣсколько примѣровъ. Не объ оказаніи помощи Византіи противъ невѣрныхъ думали представители тогдашняго латинства, а о вторичномъ завоеваніи восточной столицы. Они какъ бы дожидались ея полного ослабленія, чтобы нанести ей окончательный ударъ, и пользовались ея безпомощностью для постепеннаго вырванія изъ ея тѣла бѣльшихъ или меньшихъ кусковъ. Въ 1355 г. когда Турки стали уже прочно на европейскомъ берегу, Латинамъ казалось, что наступилъ этотъ удобный моментъ и венеціанскій посолъ въ Царьградѣ, Марино Фальеръ, извѣщалъ свою республику, чтобы она спѣшила занятіемъ столицы имперіи, пока Константинополь окончательно не сдѣлался добычею Турокъ ²⁾. Но теперь уже было поздно. Турки составляли силу; оспаривать у нихъ Константинополь было трудно. При такомъ положеніи дѣлъ, когда съ одной стороны Византіи угрожало поглощеніе Сербскимъ царствомъ, а съ другой—стояли болѣе опасные для ея центра—Латины и Турки, при чемъ первые, какъ стародавніе, непримиримые враги Грековъ, возбуждали въ нихъ больше опасеній, чѣмъ послѣдніе, когда, словомъ, воевать со всѣми было не-возможно и приходилось между врагами искать союзниковъ, византійскіе правители предпочли Османовъ. Они могли не подозрѣвать ихъ будущей силы и сдѣлать имъ уступки считали болѣе выгоднымъ, чѣмъ отдаться въ поработеніе католическому Западу. Изъ двухъ золъ выбиралось меньшее. Затѣмъ злоупотребленіе турецкимъ союзомъ ускорило развязку. Турки быстро окрѣпли; разливъ ихъ могущества на Балканскомъ полуостровѣ сдѣлался неудержимымъ, и пошелъ своимъ чередомъ, начиная съ Галлипольскаго полуострова, все дальше и дальше... Знаменательныя событія нѣвѣшняго столѣтія показали уже, а будущія еще болѣе покажутъ, который изъ двухъ разливовъ

¹⁾ Не смотря на существованіе прекраснаго труда Паризо, личность Кантакузина вѣдается еще въ болѣе основательной характеристикѣ.

²⁾ *Norf, Griechenland*, p. 448.

по своему существу долженъ былъ оказаться болѣе выгоднымъ для народовъ Балканскаго полуострова: турецкій ли, черезъ пять вѣковъ совсѣмъ изсохшій и не лишившій жизни потопленные имъ элементы, или латинскій, который навѣрно состоялся бы, еслибы не осуществился турецкій, и который въ своемъ теченіи стеръ бы всѣ жизненныя, національныя и религіозныя особенности народностей, составлявшихъ населеніе большей части имперіи и другихъ государствъ Балканскаго полуострова.

Т. Флоринскій.

О СКЛАДѢ НАРОДНО-РУССКОЙ ПѢСЕННОЙ РѢЧИ, РАЗСМАТРИВАЕМОЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАПѢВАМИ ¹⁾.

IV.

Поэтическія формы народно-русской пѣсенной рѣчи.

«Не только въ древнее время, но еще и теперь востокъ ничего не знаетъ о нашей гармоніи и употребляетъ особенную, свободную мѣру слоговъ, такъ что нужно оставить всякія попытки подвести нашъ стихъ подъ метръ восточный, или на оборотъ». *Herder. Geist der hebräischen Poesie I, 352* ²⁾.

Народно-русское стихосложенеіе есть *стилистическое*, не имѣющее ничего общаго съ просодіею, но тѣмъ не менѣе не уступаетъ въ музыкальности стихосложениамъ просодическимъ. Главнѣйшую особенность склада нашей народной пѣсенной рѣчи составляютъ *повторенія*, которыя образовались не изъ *аллитераціи*, вовсе не свойственной народно-русскому пѣсенному складу рѣчи. Стилистическія схемы. Мелодійныя схемы. Отношеніе мотивныхъ повтореній къ колѣбнымъ. Происхожденіе и назначеніе пѣсенныхъ повтореній и случаи ихъ отбѣны. *Припѣвы и запѣвы. Параллелизмъ* и его значеніе въ пѣсенной рѣчи.

Изъ совокупности всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ слѣдуетъ заключить, что народно-русская пѣсенная рѣчь, исходя, наравнѣ съ греко-латинскою, изъ одной и той же исконной основы

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣдскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ По переводу г. Оленицкаго въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, стр. 280.

главнѣйшихъ формъ поэтической рѣчи вообще, обусловливаемыхъ первобытною связью этой рѣчи съ пѣніемъ, вѣрна той основѣ и по-сейчасъ, то-есть, остается вполне пѣсенною, составляется и выполняется не иначе, какъ вмѣстѣ съ пѣніемъ ¹⁾: напѣвъ есть преобладающее въ ней начало; напѣвомъ опредѣляется размѣръ рѣчи, вполне подчиняющейся его музыкальнымъ требованіямъ. На этомъ основаніи поэзія русскихъ пѣсенъ должна быть названа поэзіей музыкальною. Такова, правда, была поэзія и у древнихъ Грековъ, съ тою лишь разницею, что рѣчь у нихъ, подчинившись, какъ и у насъ, относительно своего синтаксическаго расчлененія, напѣву, въ то же время подвергла ритмическое движеніе сего послѣдняго требованіямъ своей просодіи, то-есть, количественности. Вскорѣ это просодическое начало такъ воспреблагодало надъ всѣми прочими, что главнѣйшее изъ нихъ—внутренняя связь склада рѣчи съ построеніемъ мелодіи пришла въ забвеніе; поэзія, отдѣлившись отъ музыки и составивъ для себя независимо отъ нея множество искусственныхъ, исключительно просодическихъ формъ, собственно перестала быть музыкальною, и хотя оставила за собою бывшіе прежде у нея общіе съ музыкою термины, въ томъ числѣ и ритмъ, но этотъ послѣдній терминъ мало по малу былъ вытѣсненъ словомъ метръ, которымъ выражаемъ былъ уже размѣръ не музыкальный, не по тактамъ, къ которымъ рѣчь вообще не способна ²⁾, а размѣръ, составившійся первоначально аналогически съ музыкальнымъ, просодическій, по стопамъ.

Такъ какъ народно-русской пѣсенной рѣчи совершенно чуждо греко-латинское метрическое, слѣдовательно, просодическое стопосложеніе, то какъ видно было выше изъ ритмической ея схематизаціи, можно спросить: существуетъ ли въ ней и вообще размѣръ? Не прозой ли составлены народно-русскія пѣсни, потому что вѣдь и проза могла быть распѣваема, какъ мы это видимъ въ нашемъ церковномъ пѣніи? Церковныя наши осьмигласныя пѣсни дѣйствительно составлены прозою, но ихъ гласы или напѣвы не мелодійныя, единоѣр-

¹⁾ Исключительное назначеніе пѣсни для пѣнія между прочимъ доказывается самымъ замѣшательствомъ всякаго народнаго пѣвца или пѣвицы, когда ихъ попросятъ пересказать слова пѣсни. Какъ бы сами удивляясь непривычному въ обиходномъ говорѣ складу пѣсенной рѣчи, они пытаются сблизить ее съ нѣмъ и, конечно, путаются, теряютъ связь мыслей и не иначе могутъ поправиться, какъ снова пропѣвъ то мѣсто. Поэтому нужно записывать пѣсни непременно съ голоса, съ пѣнія, а не съ пересказа.

²⁾ *Oratio non descendet ad crepitum digitorum.*

ные, а речитативные, въ которыхъ мелодійнымъ мотивомъ выполняются только заключительныя слова текстоваго періода; иногда при этомъ еще начальное слово или одно изъ срединныхъ отдѣляется нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, всѣ же промежуточныя слова, сколько бы ихъ ни было, произносятся читкомъ, то-есть, вполнѣ равнозвучно, безъ малѣйшаго повышенія или растяженія голоса на какомъ-либо слогѣ, слѣдовательно, даже почти съ меньшею выразительностью, чѣмъ какъ они произнесены были бы въ декламациі. Такимъ образомъ, речитативный періодъ не имѣетъ опредѣленнаго объема; онъ можетъ состоять или только изъ двухъ или изъ двадцати и болѣе словъ; это не болѣе какъ рѣчь, музыкально скрашиваемая въ концѣ своихъ періодовъ. Мелодія же, напротивъ того, всегда бываетъ опредѣленнаго объема, содержитъ въ себѣ такое или другое количество единицъ музыкальнаго времени; къ этому необходимо приспособляется и рѣчь мелодійно выполняемая; періоды ея должны укладываться въ рамку музыкальнаго періода и расчленяться въ полномъ соотвѣтствіи съ расчлененіями мелодіи. Эти-то расчлененія рѣчи, соотвѣтствующія расчлененіямъ мелодіи, и называются стихами и полустихіями (колѣнами). Такую лишь рѣчь собственно и можно назвать музыкально-размѣренною; такую мелодійною, а не речитативною рѣчью и составлены всѣ безъ исключенія народно-русскія пѣсни, какъ въ этомъ неопровержимо удостовѣряетъ ритмическая ихъ схематизація. И такъ, въ народно-русской пѣсенной рѣчи существуетъ размѣръ, и размѣръ именно мелодійный, музыкальный. Но въ какомъ же отношеніи этотъ народно-русскій размѣръ находится къ размѣру количественному и къ его видоизмѣненію — тоническому? Различіе между ними въ самомъ основаніи. Первый состоитъ въ приспособленіи внутренняго, синтаксическаго или вѣрнѣе стилистическаго строя рѣчи къ звуковымъ движеніямъ живыхъ напѣвовъ, слѣдовательно, къ музыкальному выраженію чувства; второй состоитъ въ просодическомъ, слѣдовательно, совершенно вѣшнемъ подборѣ словъ предложенія къ такимъ просодическимъ схемамъ, которыя первоначально должны были бы совпадать со схемами ритмическаго движенія напѣвовъ. Но этихъ основныхъ напѣвовъ, послужившихъ первообразомъ количественныхъ схемъ, не существуетъ уже съ незапамятныхъ временъ, и необъятно разнообразная система просодическихъ схемъ составила въ послѣдствіи уже искусственно, вовсе помимо напѣвовъ, съ соблюденіемъ просодически-ритмическаго механизма, безъ всякаго отношенія къ музыкальному выраженію чувствъ. Конечно, и въ количественномъ стихосложеніи

первоначально, сверхъ внѣшняго звуковаго подлаживанія къ напѣвному ритму, существовало приспособленіе къ мелодіи и внутренняго строя рѣчи, то-есть, расположенія предложеній; но по мѣрѣ того, какъ устная, народная поэзія у древнихъ Грековъ уступала мѣсто литературной, художественной, ослаблялась и связь ея съ музыкою; творчества музыкальное и поэтическое обособились; поэты мало по малу перестали заботиться о внутреннемъ, стилистическомъ совпаденіи рѣчи съ движеніемъ напѣва, довольствуясь уже однимъ внѣшнимъ соответствіемъ, то-есть, прилаживаніемъ просодическаго строя рѣчи къ такому или другому ритмическому движенію музыки, а по совершенномъ отдѣленіи поэзіи отъ музыки ограничились выполненіемъ искусственныхъ просодическихъ схемъ, сложившихся внѣ всякой дѣйствительной связи съ музыкою, обратно тому, какъ пишутся теперь иной разъ у Нѣмцевъ пѣсни безъ словъ, *Lieder ohne Worte*, въ которыхъ, кромѣ внѣшнихъ техническихъ приемовъ, ничего нѣтъ пѣсеннаго; потому что пѣсня, состоящая изъ однихъ бессмысленныхъ звуковъ, есть отрицаніе самой себя, есть сухая вода.

И такъ, форма народно-русской пѣсенной рѣчи есть форма стилистическая, заключающаяся въ соразмѣреніи предложенія съ напѣвомъ, въ соглашеніи состава рѣчи съ составомъ мелодіи. Такое соразмѣреніе наблюдалось и въ древнегреческой поэзіи, пока она составляла одно цѣлое съ музыкою, съ разьединеніемъ же обоихъ этихъ искусствъ пришло въ забвеніе. Тамъ, творя безъ мелодіи, поэтъ не имѣлъ надобности наблюдать строфное расположеніе, имѣющее смыслъ только въ связи съ мелодіей; по той же самой причинѣ онъ пересталъ заботиться о непремѣнномъ заключеніи цѣлаго предложенія или главной его части, или даже полустипіи съ заключеніемъ стиха, а заканчивалъ и начиналъ его въ любомъ мѣстѣ; заканчивалъ, напримѣръ, въ срединѣ или въ началѣ стиха, а начиналъ въ концѣ стиха. Утративъ тотъ первобытный, всецѣло сохранившійся въ русской пѣснѣ, истинно и единственно музыкальный размѣръ поэтической рѣчи, количественное стихосложеніе ограничилось размѣромъ просодическимъ, состоявшимъ первоначально (то-есть, пока стихи и сочинялись и выполнялись вмѣстѣ съ пѣніемъ) въ прилаживаніи слоговыхъ долготъ рѣчи къ звуковымъ напѣвнымъ долготамъ; впоследствии же, по разьединеніи поэзіи и музыки, просодическіе размѣры составлялись и выполнялись по комбинаціямъ, неимѣющимъ ничего общаго съ музыкальностію. Возникшее на развалинахъ количественнаго, стихосложеніе топоческое унаслѣдовало вмѣстѣ съ его отрица-

тельнымъ свойствомъ (недостаткомъ истинной музыкальности) и нѣкоторыя положительныя, хотя далеко не всѣ, такъ какъ языки ново-греческій, новолатинскій, за ними нѣмецкій, а за ними и русскій съ Ломоносова далеко не обидовали слоговою долготою, слившеюся уже по большей части (а въ русскомъ языкѣ повсемѣстно) съ слоговою высотой или съ удареніемъ.

Народно-русское пѣсенное стихосложеніе, возникшее на общей съ первобытно-греческимъ естественной основѣ двухсоставной природы пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ музыкальнаго, совершенно чуждо просодическимъ количественнымъ и тоническимъ началамъ; ударяемые слоги ни въ качествѣ высокихъ, ни въ качествѣ долгихъ, не имѣютъ въ немъ никакого значенія. Въ этомъ легко удостовѣриться даже при бѣгломъ взглядѣ на ритмическія схемы пѣсенъ. О соблюденіи или нарушеніи удареній въ словахъ народной пѣсни, какъ рѣчи распѣваемой, собственно не можетъ быть и рѣчи, потому что движеніе мелодіи вверхъ и внизъ по октавной лѣстницѣ звуковъ совершается согласно съ общимъ чувствомъ, отражающимся въ содержаніи пѣсни, взятомъ всецѣло, а не съ понятіемъ, содержащимся въ какомъ-либо отдѣльномъ словѣ и съ выговоромъ этого слова. Поэтому заподрядъ встрѣчается, что слогъ неударяемый поется болѣе высокою нотою, чѣмъ стоящій рядомъ съ нимъ слогъ ударяемый, какъ, напримѣръ, въ пѣснѣ № 29 „Ахъ утѣшка“ ударяемый слогъ *у* поется нотою *ля*, а ближайшій неударяемый *ту* поется болѣе высокою нотою *си*. Сказанное здѣсь о высотѣ ударяемаго слога вполне примѣняется и къ неразлучной съ высотой ударяемаго слога долготѣ его: музыкальная долгота часто приходится на слоги неударяемые, то-есть, просодически низкіе или (что—то же самое) короткіе. Представимъ примѣры, отмѣчая просодическую долготу (она же и высота) удареніемъ ^ˊ, музыкальную долготу ритмическими знаками — \perp \perp , музыкальную краткость знакомъ \cup . Цифра передъ примѣромъ указываетъ № пѣсни въ алфавитномъ порядкѣ, какой соблюденъ въ спискѣ напѣвовъ (въ приложеніи).

\cup \cup \cup \perp — \perp \cup \perp — \cup \cup — \cup \cup — \cup
 2) вода студена я; 4) зеленому; 15) желуди да не зеле-
 \cup — \cup — \cup \cup — \cup — \perp \cup — \cup — \cup
 ные; 17) держитъ; 25) веселые; 31) не шелохнется; не ов-

рохнется; будешь стоять; 40) въ землю пойдеть; возьметъ ¹⁾);

46) трава; 55) Повалился; ужь я его; 58) замужь; на смерть

не люблю; 60) Ивана; кудрява; 79) калина, малина;

87) алы; кала; 94) воронова; 104) улита; убита; 109) глу-

бокая; 117) лазаль; 137) тайной; 170) что я тебя люблю ¹⁾).

175) крутыя ¹⁾); не породили ¹⁾); 182) весело; 187) коня ¹⁾);

двора ¹⁾); 199). А замужь ¹⁾ вышла ¹⁾).

Это были случаи, гдѣ музыкальная долгота пришлась на неударяемые слоги, а музыкальная краткость или меньшая долгота на ударяемые. Но встрѣчаются примѣры, что музыкальная долгота приходится на разные слоги одного и того же слова въ той же самой пѣснѣ, и даже сряду повтореннаго.

6) сѣяли, сѣяли; вытопчемъ, вытопчемъ; выпу-

стимъ, выпустимъ; перейдемъ, перейдемъ;

95) козлища, козлища; 150) шла дѣвица, вричить

дѣвица и др.

Изъ этихъ примѣровъ отнюдь нельзя однако заключить, что пѣснеслагатель, располагая такимъ образомъ музыкальную долготу (не впадъ съ просодическою), имѣлъ въ виду измѣненіе естественнаго

¹⁾ Здѣсь на ударяемыхъ слогахъ также долгота, только меньшая, чѣмъ на сосѣднихъ неударяемыхъ.

ударенія словъ; скорѣе всего онъ, какъ и всѣ греко-латинскіе стихотворцы, не обращалъ, при выполненіи ритмической схемы пѣсни, ни малѣйшаго вниманія на просодическія ударенія, такъ какъ они сами собою сглаживаются при разнообразнѣйшихъ извивахъ голоса въ мелодіи, повиனுющей только движеніямъ чувства. Народный пѣвецъ, если попросить его пересказать (продиктовать) тотъ или другой стихъ, въ которомъ встрѣчаются вышеприведенныя слова, получившія въ пѣснѣ, по видимому, измѣненныя ударенія, произнесетъ ихъ, по всей вѣроятности, правильно, то-есть съ естественнымъ удареніемъ: но мы, люди книжные, привыкшіе къ тоническому стопочислительному механизму, скорѣе всего произнесемъ не только вышеприведенныя слова съ измѣненнымъ удареніемъ, перенесши его на музыкальную долготу, но и въ другихъ, въ которыхъ музыкальная долгота вовсе не расходится съ просодическою, мы все-таки склонны отдать предпочтеніе первой, единственно по привычкѣ къ стиховному тонизму. Такъ, мы правильно произнесемъ напечатанныя рѣдкимъ шрифтомъ слова въ слѣдующемъ стихѣ пѣсни № 7:

$\overset{/}{\text{С}} \text{---} \text{---} \overset{/}{\text{н}} \text{---} \text{---} \text{---} \overset{/}{\text{к}} \text{---} \text{---} \text{---} \overset{/}{\text{л}} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---}$
 Сѣни новыя, кленовыя рѣшетчатыя.

Но тѣ же самыя слова мы произнесемъ съ измѣненнымъ удареніемъ въ другомъ стихѣ:

$\text{---} \text{---} \overset{/}{\text{З}} \text{---} \text{---} \text{---} \overset{/}{\text{а}} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---}$
 За новыя кленовыя за рѣшетчатыя

и сдѣлаемъ это вовсе не въ угоду музыкальному ритму, который оставался тѣмъ же самымъ, что и въ первомъ стихѣ, не подаетъ ни малѣйшаго къ тому повода, а единственно по благопріобрѣтенной тонической привычкѣ, то-есть, памятуя, что въ другихъ стихахъ удареніе приходится именно на этихъ мѣстахъ, то-есть, на 3-мъ и 7-мъ слогахъ отъ начала стиха:

Ахъ вы сѣни мои сѣни...
 Выходила молодѣ...
 Выпускала соколѣ и т. д.

Замѣчательнѣе всего то, что мы произносимъ неправильно, изъ подражанія между прочимъ и тому вышеприведенному стиху, въ которомъ тѣ самыя слова произносятся съ правильнымъ удареніемъ, но приходящимся именно на 3-мъ и на 7-мъ слогѣ стиха:

Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя.

Подобно сему, въ той же пѣснѣ мы произносимъ:

Полетъ же мой соколъ и высоко и далеко

и сразу же въ слѣдующемъ стихѣ:

И высоко и далеко на родную сторону.

Двойное удареніе словъ: высоко, далеко встрѣчается однако и въ обиходной рѣчи; а это наводитъ на мысль, что пѣсенное выполненіе, можетъ быть, не осталось безъ вліянія на произношеніе словъ, ходящихъ съ двойнымъ удареніемъ, напримѣръ, дѣвица и дѣвица, молодѣцъ и мѡлодецъ ¹⁾ удалый и удалой и многіе другіе.

И такъ, оказывается несомнѣннымъ, что въ народно-русскомъ пѣсенномъ стихосложеніи просодическое удареніе и музыкальная долгота не состоятъ ни въ какомъ соотношеніи; ихъ совпаденія также случайны, какъ и несовпаденія, и просодія вообще не есть регулирующее начало стихосложенія. Частое несовпаденіе ударенія съ музыкальною долготою, между прочимъ, рельефно указываетъ, что пѣсня складывается именно для пѣнія, а не для говоренія. Вестфаль и другіе ученые метристы утверждаютъ, что древніе въ произношеніи стиховъ непремѣнно соблюдали и ударенія, что намъ, новымъ людямъ, никакъ не удается: но вѣдь сами-то тѣ ученые не слышали декламации древнихъ, и свидѣтельствъ ихъ о томъ также не приводятъ. По теперешнимъ же опытамъ многіе приходятъ къ такому заключенію, что древніе, декламируя стихи, или соблюдали естественныя ударенія и въ такомъ случаѣ произносили стихи, какъ произносимъ мы свои тощическіе, безъ скандовки, какъ прозу; или они скандовали свои стихи, какъ и мы ихъ скандуемъ, и въ такомъ случаѣ уже не могли соблюдать естественныхъ удареній, какъ не соблюдаемъ ихъ и мы, читая греколатинскіе стихи.

Приступая къ изложенію стилистическихъ особенностей народно-русской поэтической рѣчи, мы должны начать съ главнѣйшей изъ нихъ—съ пѣсенныхъ повтореній, хотя ни первый изслѣдователь народно-русской поэзіи, Востоковъ, ни его послѣдователь г. Классовскій не упомянули ни однимъ словомъ объ этой стилистической особенноти. Такое ихъ умолчаніе о столь важной и столь своеобразной стиховой формѣ можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что они знакомились съ народно-русскими пѣснями, не живучи среди народа и не

¹⁾ Это видно въ пословицахъ: только у мѡлодца и злотца, что кусочекъ бловца. Молодѣцъ на овца, а на мѡлодцѣ сажь овца.

изъ живаго народнаго пѣнія, а въ своемъ кабинетѣ, по печатнымъ пѣсенникамъ, что они изслѣдовали пѣсенные тексты въ совершенной независимости отъ ихъ напѣвовъ и смотрѣли на нихъ, какъ на тексты обыкновенныхъ литературныхъ пѣсень или на оперныя либретто, гдѣ текстовыя повторенія рѣдко встрѣчаются, хотя въ пѣніи слышатся довольно часто. Но между повтореніями литературныхъ текстовъ, которыя слышатся въ пѣніи, а не существуютъ для чтенія, и между пѣсенными повтореніями въ устной народной поэзіи та существенная разница, что повторенія перваго рода не только не относятся къ поэтическимъ формамъ рѣчи, но введенныя въ рѣчь, помимо пѣнія, могутъ отнять у рѣчи ея поэтическую форму, то-есть, превратить стихи въ прозу: между тѣмъ пѣсенныя повторенія въ устной народной поэзіи составляютъ одну изъ существенныхъ ея формъ, и если ихъ выпустить изъ текста тѣхъ пѣсень, въ которыхъ они въ пѣніи выполняются, то пѣсенные стихи утратятъ отличительное свойство своей пѣсенности—не могутъ быть пропѣты по данной мелодіи. Г. Олесницкій въ сочиненіи своемъ: „Римъ и метръ ветхавѣтной поэзіи“¹⁾, упоминаетъ о повтореніи словъ въ народно-русской поэзіи и называетъ его почему-то римическою формою, образовавшеюся будто бы изъ аллитераціи, находя и эту стиховную форму свойственною народно-русскимъ пѣснямъ.

„Особенный римическій родъ представляетъ повтореніе словъ въ ихъ полномъ или неполномъ (?) видѣ; это повтореніе словъ, вышедшее изъ аллитераціи, не имѣетъ ничего общаго съ повтореніемъ словъ у новѣйшихъ поэтовъ и ораторовъ, гдѣ имъ только усиливается смыслъ извѣстныхъ словъ и выраженій... Дальше повторенія отдѣльныхъ словъ аллитерація не развивается... Изъ повторенія отдѣльныхъ слоговъ въ аллитераціи выступаетъ далѣе повтореніе словъ. Мы видѣли, что ритмическая форма, состоящая въ повтореніи словъ, есть и въ нашей древней поэзіи“ (стр. 416).

Для провѣрки, такого ли свойства поэтической форма повторенія словъ въ народно-русскихъ пѣняхъ, чтобы можно было выводить ее изъ аллитераціи, нужно разсмотрѣть сперва, свойственна ли нашимъ пѣснямъ самая аллитерація, какъ поэтическая вообще, а отнюдь не ритмическая форма, каковою она не можетъ быть названа, не имѣя ничего общаго съ музыкальною долготою и краткостію. „Аллитерація“, какъ опредѣляетъ ее самъ г. Олесницкій,—„есть подборъ оди-

¹⁾ Труды Кіевской духовной академіи 1872 г.

наковыхъ звуковъ въ стихѣ, независимо отъ мѣста ими занимаемаго; такъ что одна и та же буква повторяясь болѣе или менѣе въ каждомъ словѣ стиха, даетъ всему стиху характеръ музыкальнаго равновзвучія. При этомъ, чтобы болѣе выдвинуть подбираемые звуки, ихъ ставятъ, главнымъ образомъ, въ удареніи словъ и ограничиваютъ согласными, какъ болѣе слышными въ произношеніи. Напримѣръ, если первое слово въ стихѣ будетъ „сдѣлать“, то главный звукъ, болѣе другихъ слышный, будетъ *d*, и слѣдовательно, около него прежде всего должна сосредоточиваться аллитерація, какъ это сдѣлано въ слѣдующемъ стихѣ нашей былины: „Сдѣлала дѣвица, сдѣлала въ диво“¹⁾. Аллитерація, какъ подборъ одинаковыхъ звуковъ въ пѣснѣ, является какъ самая простая (?) и самая естественная (?) поэтическая форма, которую можно замѣчать во многихъ повѣяхъ, напримѣръ, въ древнегерманской, скандинавской и русской. Не безъ основанія считаютъ аллитерацію пѣсни подражаніемъ языку природы, главнымъ свойствомъ котораго должны считаться однозвучіе и монотонность... Для доказательства того, какъ плотно можетъ окутываться стихъ аллитераціей, приводимъ въ примѣръ аллитерованные стихи изъ нашихъ былинь: „День за день, какъ дождь дождитъ, недѣля за недѣлей, какъ Дунай бѣжитъ“, или: „Сиднемъ сидитъ крестьянскій сынъ... или: „За кремлемъ горитъ заря красная... Въ этихъ строкахъ трудно измѣнить что-либо или опустить какой-либо звукъ даже при намѣренномъ желаніи“...

Но это-то самое, именно, что въ приведенныхъ стихахъ нельзя ни убавить, ни прибавить ни одного слова, ни замѣнить другимъ, не ослабивъ рѣчи, это-то самое и свидѣтельствуетъ, что здѣсь не было нарочитаго подбора словъ съ какимъ-либо преобладающимъ согласнымъ звукомъ, — свидѣтельствуетъ, что у народнаго пѣвца словесная форма цѣльно отлилась вмѣстѣ съ содержаніемъ, потому такъ плотно и облегчаетъ его; подобное тому видимъ и въ языкѣ всѣхъ классическихъ произведеній, перефразировка которыхъ неразлучна съ порчею. Что въ приведенныхъ г. Оленицкимъ примѣрахъ,

¹⁾ Отъ подбора словъ съ выдающеюся одною и тою-же согласною буквою въ каждомъ изъ нихъ очень далеко до рассматриваемой нами поэтической формы, именно до повторенія слова, потому что здѣсь дѣло уже не въ созвучіи, не въ тождествѣ одного звука, а въ тождествѣ цѣлаго слова, слѣдовательно въ тождествѣ самаго понятія.

именно въ первомъ и въ третьемъ ¹⁾, скорѣе можно видѣть совершенно случайное учащеніе одной согласной въ нѣсколькихъ словахъ сподрядъ, чѣмъ особую поэтическую форму, въ этомъ легко убѣдиться уже по одному тому соображенію, что за поэтическую форму можно принять лишь такіе факты языка, которые служатъ схематическою основою цѣлаго ряда стихотвореній, а не такіе, которыхъ можно набрать развѣ лишь нѣсколько десятковъ въ десяткѣ тысячъ стиховъ. По крайней мѣрѣ, въ тщательно разсмотрѣнныхъ въ этомъ трудѣ двухъ стахъ слишкомъ пѣсняхъ встрѣтились только слѣдующія выраженія, напоминающія нѣсколько аллитерацію:

21 ²⁾. Сорву цвѣтокъ, совью вѣнокъ.

67. Цвѣты алы сорывали,

Сорывали, собирали и въ вѣночки совивали.

192. Что не язь въ молѣ заылилася.

— Ярославль городъ загорается.

— Что не городъ горить, горить красна лавочка.

92. Что не жава по двору ходить.

На лавлинина перья ровяеть.

175. Ужъ вы горы мои, горы мои крутыя,

Ничего-то вы горы не породили.

Породили вы горы одинъ бѣлгорючь камень ³⁾.

Что народно-русская поэзія не склонна къ намѣренной аллитераціи, видно уже изъ отличительнаго свойства великорусскаго нарѣчія, любящаго многогласіе (вмѣсто столпъ—столопъ, остолопъ), между тѣмъ какъ аллитерація, по мнѣнію самого г. Олесницкаго, обязана своимъ происхожденіемъ именно многосогласности. „Аллитерація“, говоритъ онъ (стр. 408—409), — „объясняется преобладаніемъ въ языкѣ согласнаго элемента... Риемическія формы древне-еврейской поэзіи основываются исключительно на созвучіи согласныхъ вообще и преимущественно твердыхъ и гортанныхъ. Если докторъ Шмидтъ (Griech. Etymol. Curtius, p. 11) могъ произвестъ весь греческій языкъ изъ одного звука e, а латинскій изъ гласной i съ придыханіемъ, то се-

¹⁾ Второй примѣръ долженъ быть отнесенъ къ особому виду параллелизма, о которомъ будетъ говорено ниже.

²⁾ Цѣра впереди примѣра означаетъ № пѣсни, какой она занимаетъ въ алфавитномъ спискѣ изучаемыхъ здѣсь пѣсень.

³⁾ Видѣть въ этомъ случайномъ учащеніи одной буквы въ нѣсколькихъ словахъ сподрядъ намѣренную аллитерацію было-бы тоже самое, что находить ее въ самомъ напримѣръ названіи труда Карамзина: Исторія государства Россійскаго.

митическіе языки можно сократить въ гортанныя *г, х, р, й*. Здѣсь лежатъ основныя черты библейскаго риѐма, называемаго иначе аллитераціею"... Встрѣчается и въ литературной нашей поэзіи нѣчто похожее на аллитерацію, но объясняется желаніемъ выразить звуки, слышимые въ природѣ, звуками словъ, которыми описывается то самое явленіе, что и называется въ реторикахъ фигурою звукоподражанія. Напримѣръ, у Державина:

Грохочеть эхо по горамъ,
Какъ громъ, гремящій по громамъ.

У Полежаева:

Море спорило съ Петромъ:
Не построишь Петрограда!
Прикачу я шведскій громъ,
Кораблей крыматыхъ стада.

Приводимые г. Олесницкимъ примѣры изъ русскихъ былинъ доказываютъ развѣ лишь то, что и народно-русскій пѣвецъ не прочь иногда потѣшиться случайнымъ стеченіемъ созвучныхъ словъ, какъ и случайною риѐмою, вовсе не гоняясь ни за тѣмъ, ни за другимъ, какъ за стихотворной формой. И такъ, аллитерація если и встрѣчается въ народной рѣчи, то даже и не въ качествѣ звукоподражанія, а или случайно, какъ, напримѣръ, въ пословицѣ: „мірская молва—морская волна“, или въ намѣренной шуткѣ, для выламыванія, какъ говорится, дѣтскаго языка, напримѣръ: „Шли два попа, два Прокопья попа, два Прокопьевича попа, говорили про попа, про Прокопья попа, про Прокопьевича про попа и т. п. Между тѣмъ г. Олесницкій изъ подобной, воображаемой аллитераціи выводитъ несомнѣнную уже въ народно-русской пѣснѣ поэтическую форму—повтореніе словъ, „Аллитерація“, говоритъ онъ (стр. 415), „сама собою должна была пасть со временемъ, такъ сказать, отъ собственнаго отягощенія, потому что общій законъ движенія поэтическихъ аллитерацій состоитъ въ томъ, что созвучіе словъ изъ мягкаго и нѣжнаго дѣлается постоянно все выразительнѣе и тверже и, наконецъ, доходитъ до полнаго созвучія словъ, то-есть до ихъ повторенія, что въ сущности уже не есть аллитерація... Вотъ стихъ изъ очевидно позднѣйшей русской былинны:

Они ѣхали, поѣхали,
До Москвы не доѣхали,
Середь поля пріѣхали и т. д.

По моему мнѣнію, въ древнѣйшихъ былинахъ, на сколько они пѣлись, употребляются мѣстами приемы лирической поэзіи, въ томъ числѣ и повтореніе словъ, полустижій, или даже цѣлыхъ стиховъ; но въ позднѣйшихъ, какова приведенная выше въ отрывкѣ, повтореніе словъ, имѣющее въ пѣсенной рѣчи свое разумное основаніе, должно быть отнесено къ слѣпой подражательности, или, еще проще, объясняется выдостью поэтической концепціи, или наконецъ, какъ въ дѣтскихъ сказкахъ, извѣстною шуткою въ родѣ „бѣлаго бычка“, на примѣръ: Рыль, рыль, давай копать! Кональ, копаль, давай рыть“ и т. д. безъ конца.

О повтореніяхъ упоминаютъ также изслѣдователи древне-греческой поэзіи, но только какъ бы мимоходомъ, на примѣръ, Брамбахъ (*Rhythmische und metrische Untersuchungen*. (стр. 78). „Члены греческой пѣсни такъ располагаются, что въ нихъ очевидно единство построенія. Единство это достигается тѣмъ, что или повторяются тождественные члены, или приводятся въ связь не тождественныя, но родственныя по строенію и объему группы тактовъ. Повтореніе тождественныхъ тактовъ есть самый простой и древній способъ“. Хотя Брамбахъ и говоритъ здѣсь о повтореніи тождественныхъ членовъ пѣсни, но, кажется, онъ разумѣетъ подъ тѣмъ только ихъ равноразмѣрность и равнообъемность. Вообще нельзя ничего сказать положительнаго объ употребленіи повторенія, какъ поэтической формы въ древней или въ народной греческой и въ еврейской поэзіи, такъ какъ до насъ не дошли ихъ напѣвы, а лишь при напѣвномъ выполненіи форма повторенія дѣлается очевидною; въ текстахъ же, въ какомъ видѣ они дошли до насъ, быть можетъ, выпущены уже всѣ повторенія, кромѣ случайно сохранившихся на примѣръ:

Господя, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя,
Услыши мя, Господи!
Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя,
Вонми гласу моленія моего, и т. д.

И по нашимъ собраніямъ народныхъ пѣсень, записанныхъ, быть можетъ, не съ голоса (цѣнія), а по пересказу пѣвцевъ или пѣвицъ, слѣдовательно, безъ соображенія съ ихъ напѣвами, нельзя догадаться о существованіи такой поэтической формы, какъ повтореніе, столь однако существенной въ стилистическомъ отношеніи, что преимущественно на ней должно быть построено все зчаніе народнорусскаго стихосложенія; между тѣмъ ни Востоковъ, ни Классовскій о ней во-

все и не упоминаютъ, а г. Олесницкій даже осуждаетъ, будто бы неумѣренное, употребленіе ея въ народно-русской поэзіи. „Въ нашей древней поэзіи“, говоритъ онъ (стр. 448), — „повтореніе часто бываетъ чрезмѣрное и поражающее слухъ своею монотонностію, такъ что въ употребленіи этой формы видятъ упадокъ поэтической аллитераціи. Излишнее употребленіе ея указываетъ огрубѣніе поэтическаго слуха, неудовлетворяющагося легкимъ первоначальнымъ созвучіемъ отдѣльныхъ согласныхъ и допускается только въ случаѣ отлива звуковъ, для восполненія недостающихъ слоговъ, какъ въ слѣдующемъ четверостишіи:

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ и проч.

Въ еврейской поэзіи повтореніе словъ, какъ рѣмическая форма, является очень рано вмѣстѣ съ аллитераціей, которую оно переживаетъ, не достигая такого крайняго употребленія, въ какое перешла древнеиѣмецкая и русская аллитерація. Притомъ разнообразіе формъ, въ которыхъ является здѣсь это повтореніе, предотвращаетъ скучную монотонность рѣчи...

Иезек. 8. 2. 6:

Землѣ Израильской конецъ,
Наступаетъ конецъ...
Конецъ наступаетъ.
Наступаетъ конецъ,
Конецъ на тебѣ,
Вотъ онъ наступаетъ».

Для полнаго и подробнаго ознакомленія съ стилистическою особенностію пѣсенной рѣчи, повтореніемъ словъ, какъ съ отличительною народно-русскою стиховною формою, надобно показать, какъ часто и въ какихъ случаяхъ форма эта входитъ въ составъ пѣсенъ, а для того начертать систему основанныхъ на ней пѣсенныхъ схемъ. Въ построеніе этихъ схемъ сами собою войдутъ и рифмическія начала, положенныя въ основаніе пѣсенныхъ схемъ, какъ онѣ изложены въ предыдущей главѣ, потому что именно въ ритмическомъ подчиненіи рѣчи напѣву, то-есть, въ раздѣленіи текста на строфы, стихи и колѣна и состоитъ главнѣйшее отличіе склада пѣсенной рѣчи отъ обиходной, прозаической; но въ излагаемыхъ вслѣдъ за симъ стилистическихъ схемахъ вовсе не принимается въ расчетъ (какъ принимается было въ ритмическихъ схемахъ) количество и распредѣленіе музыкальнаго времени въ напѣвномъ выполненіи текста, который въ

ритмическомъ отношеніи вполне сливается съ музыкальнымъ. Начало повторяемости членовъ, полагаемое здѣсь въ основу стилистическихъ схемъ, не чуждо и мелодійному построенію пѣсенокъ, какъ это ниже будетъ показано; но въ мелодіи оно не столь обильно и не столь разнообразно примѣняется, какъ въ текстѣ.

Обзоръ стилистическихъ схемъ народно-русской пѣсенной рѣчи.

А. Одноколѣнные стихи.

а) безъ повтореній.

I 1). Одностишія (безъ раздѣленія на строфы). №№ пѣсенъ: 113, 130, 132, 138, 154.

1) а	№ 130. 1) Нынче праздникъ,
2) б	2) Завтра веселье:
3) в	3) Сова идетъ замужъ
4) г	4) За бѣлаго луна и т. д.

II. Двустышія. №№ пѣсенъ: 18, 20, 22, 23, 45, 53, 57, 59, 73, 100, 125, 158, 161, 184, 196.

A. 1) а	№ 18. А. 1) Ахъ со вечера порошица снѣгу выпадала;
2) б	2) Ко бѣлу свѣту дороженька пропадала.
—	—
Б. 3) в	Б. 3) Ахъ не ржавчиной болотною травушку стѣдало,
4) г	4) Сушить крушить молодца худа слава.

III. Трехстышія № 121.

A. 1) а	№ 121. А. 1) Не бѣлы-то снѣги
2) б	2) Снѣги во чистомъ полѣ
3) в	3) Снѣги забѣглися.
—	—
Б. 4) г	Б. 4) У мово-то дружка,
5) д	5) Дружка у любезнаго
6) е	6) Каменны палаты.

IV. Четырехстышія. № 127.

A. 1) а	A. 1) Ночи темны, тучи грозны;
2) б	2) Изъ подъ неба дождикъ льеть.

*) Римскими цифрами ведется счетъ схемамъ, арабскими, справа отчеркнутыми, — стихамъ; прописными русскими буквами означены строфы. Цифры при номерахъ указываютъ мѣсто пѣсни въ алфавитномъ спискѣ.

- 3) в 3) Наши храбрые солдаты
4) г 4) Со учепія вдутъ.

- Б. 5) д Б. 5) Они вдутъ маршируютъ,
6) е 6) Промежь себя говорятъ и т. д.

б) съ повтореніями текста внутри строфы.

V. Трехстишія. №№ 92, 192.

- А. 1) аа пн а № 192. А. 1) Какъ не пава, что не пава,
2) аб — 2) Какъ не пава по двору ходитъ,
3) аб — 3) Какъ не пава по двору ходитъ

- Б. 4) вв Б. 4) Не павлинья, не павлинья,
5) вг и т. д. 5) Не павлинья перья роняетъ и т. д.

в) съ междустрофными повтореніями.

VI. Двустишія. №№ 7, 19, 44, 60, 68, 69, 76, 78, 81, 84, 86, 89, 91, 118, 129, 137, 144, 146, 147, 168, 176, 181, 189, 201, 203,

- А. 1) а № 44. А. 1) Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
2) б 2) По широкому раздолью.

- Б. 3) б Б. 3) По широкому раздолью
4) в 4) Разыгралася погода.

VII. Двустишія. № 190.

- А. 1) а А. 1) Царинъ сынъ, королевъ
2) б 2) Коль городу ходитъ.

- Б. 3) а Б. 3) Царинъ сынъ, королевъ
4) в 4) Въ городъ зазираетъ.

VIII. Трехстишія. №№ 27, 181, 170, 198.

- А. 1) а № 170. А. 1) Ты стой, моя ряблнущка,
2) б¹⁾ 2) Ты стой, не качайся!

- Б. 3) б Б. 3) Ты стой, не качайся!
4) в 4) Живи, моя дорогая,
5) г 5) Живи, не печалься!

- В. 6) г В. 6) Живи, не печалься! и т. д.

IX. Четверостишія № 43.

- А. 1) а А. 1) Внизъ по камушкамъ быстра рѣчка течетъ,
2) б 2) По бережку добрый молодець идетъ.

¹⁾ Трехстишія начинаются только со второй строфы.

3) в	3) Охо, хо, хо, хо, хо, хо! Охо!
4) г ¹⁾	4) Любить, любить, любить мнѣ другъ меня,
—	—
В. 5) д	В. 5) Какъ садился онъ на ворона коня,
6) е	6) Уронилъ онъ черну шляпу съ головы.
7) в	7) Охо и пр.

г) съ повтореніями внутри строфы и съ междустрофными.

X. Трехстишія. № 158.

А. 1) а	А. 1) Сизъ голубчикъ, любчикъ мой!
2) а	2) Сизъ голубчикъ, любчикъ мой!
3) б	3) Жаль разстаться мнѣ съ тобой.
—	—
В. 4) б	В. 4) Жаль разстаться мнѣ съ тобой,
5) б	5) Жаль разстаться, распротиться;
6) в	6) Бѣгу въ темные лѣса.
—	—
В. 7) в	В. 7) Бѣгу въ темные лѣса и т. д.

XI. Трехстишія. № 115.

А. 1) а	А. 1) Надоѣли ночи, надоскучили,
2) а а	2) Надоскучили, да надоскучили,
—	—
В. 3) а	В. 3) Надоскучили,
4) б	4) Со милымъ дружкоймъ разлучили,
5) б б	5) Разлучили, да разлучили.
—	—
В. 6) б и т. д.	В. 6) Разлучили. и т. д.

XII. Многостишія. № 33.

А. 1) а	А. 1) Вдоль по улицѣ мятелница мятеть;
2) б	2) За мятелницей мой миленькій идетъ.
3) в	3) Ты постой, постой, красавица моя!
4) г	4) Дозволь наглядѣться, радость, на тебя,
5) в	5) Ты постой, постой, красавица моя!
6) г	6) Дозволь наглядѣться, радость, на тебя,
—	—
В. 7) д	В. 7) На твою ли на прекрасну красоту,
8) е	8) На твое ли да на бѣлое лицо.
9) в и т. д.	9) Ты постой и т. д.

¹⁾ Пѣсня могла бы быть отнесена къ двухкозненной схемѣ XX, но отличается своимъ двухсоставнымъ припѣвомъ, въ которомъ, вслѣдъ за междометными восклицаніями, выражающими грусть засватанной дѣвицы о предстоящей потерѣ дѣвичьей воли, повторяется утѣшительное замѣчаніе, что свобода приносится въ жертву любящему человеку. •

В. Двухкопѣнные стихи.

а) безъ повтореній.

XIII. Одностишія, № 143, 204.

- А. а б № 143. А. 1) Пожила-то я || въ тоскѣ—горѣ млада;
 —
 Б. в г Б. 2) Нажила-то я || мила дружка себѣ.

XIV. Двустышія, №№ 12, 13, 51, 54, 93, 105, 108, 112, 145, 155, 164, 165, 179, 191, 199.

- А. 1) а б № 12. А. 1) Ахъ какъ тошно мнѣ, тошненько || выш-
 —
 ній годочекъ,
 2) в г 2) А еще того тошнѣе || этотъ мнѣ денечекъ.
 —
 Б. 3) д е Б. 3) Не пила бы я, не ѣла, || на мила-бъ глядѣла;
 4) ж з 4) Не спала-бъ я, не дремала, || совѣтъ совѣ-
 тала.

б) съ повтореніемъ внутри того же стиха.

XV. Одностишія, №№ 82, 157, 206.

- А. 1) а а. № 157. А. 1) Сидитъ наша гостинька выше
 —
 всѣхъ || выше всѣхъ;
 Б. 2) б ,б Б. 2) А головушку держитъ ниже
 В. 3) в в всѣхъ, || ниже всѣхъ

в) съ повтореніемъ въ слѣдующемъ одностишіи.

XVI. Одностишія, № 16.

- А. 1) а А. 1) Ахъ не одна-то, не одна во полѣ доро-
 —
 женька, въ полѣ пролегала.
 Б: 2) а ,б Б. 2) Пролегала || Частымъ ельничкомъ, березнич-
 —
 комъ она заростала.
 В. 3) ,б в В. 3) Заростала. || Молодымъ, горькимъ и пр.
 Г. 4) ,в г

г) съ припѣвомъ въ концѣ каждаго стиха.

XVII. Одностишія № 162.

- А. 1) а б А. 1) Слава Богу на небѣ, || Слава!
 Б. 2) в б Б. 2) Государю нашему по всей землѣ! || слава!
 В. 3) г б В. 3) Чтобы нашему Государю не старѣтиса || слава!

д) съ припѣвомъ въ началѣ каждого стиха.

XVIII. Одностишія, № 16.

А. 1) а	А. 1) Коледа! Коледа! Луковка!
В. 2) а в	В. 2) Коледа! Коледа! Постуковка!
В. 3) а г	В. 3) Коледа! Коледа! И гдѣ была?

е) съ повтореніемъ внутри строфы.

XIX. Двустышія, №№ 26, 29 178.

А. 1) а б	№ 26. А. 1) Ахъ чтожъ ты, голубчикъ, не
весаля сидишь?
2) б в	2) Не веселя сидишь и не радостень?
В. 3) д е	В. 3) Ужъ какъ мнѣ, голубчику, весе-
лому быть?
4) е ж	4) Веселому быть и радостному?

XX. Двустышія, №№ 5, 6, 14, 15, 35, 40, 64, 70, 94, 96, 102, 135, 136. 173, 183, 202.

А. 1) а б	№ 5 А. 1) А кто у насъ холостой, а кто у насъ
не женатъ?
2) в б	2) Ай, люля! ай люля! А кто у насъ не
женатъ?
В. 3) д е	
4) в ⁴) е	

XXI. Двустышія, №№ 30, 90, 103 163, 185.

А. 1) а б	№ 30. А. 1) Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по
Казанкѣ
2) в в	2) Сизый селезень плыветь, сизый се-
лезень плыветь.
В. 3) г д	
4) е е	

XXII. Двустышія, № 24.

А. 1) а б	А. 1) Ахъ ты, Настенька—душа! Настя, ягода моя
2) б б	2) Настя, ягода моя! Настя, ягода моя!

¹⁾ Означаетъ припѣвъ, повторяющійся въ третьемъ колѣнѣ каждой строфы.

XXXVII. Двустипія, №№ 104, 150.

А. 1) а б	№ 104. А. 1) Капитанская дочь! Не ходи гулять въ полночь!
2) б г	2) Не ходи гулять въ полночь, не прокладывай слѣдовъ.
—	—
В. 3) б г	В. 3) Не ходи гулять въ полночь, не прокладывай слѣдовъ,
4) г д	4) Не прокладывай слѣдовъ мимо моего двора.
—	—
В. 5) г д	
6) д е	

XXXVIII. Двустипія, №№ 77, 110, 134.

А. 1) а б	№ 77. А. 1) Земляничка ягодка на полянкѣ выросла,
2) в б	2) Эхъ! Охъ! Охъ! Охъ! Охъ! Охъ! На полянкѣ выросла.
—	—
В. 3) б г	В. 3) На полянкѣ выросла, подь кусточкомъ вырѣла.
4) в г	4) Эхъ и проч.

XXXIX. Двустипія, № 95.

А. 1) а б	А. 1) Какъ пошла наша бабушка вдоль по дорожкѣ.
2) в б в б	2) Фтяя! такъ и бытъ! По дорожкѣ. Фтяя! такъ и бытъ! по дорожкѣ!
—	—
В. 3) г д	
4) в д в д	

XL. Двустипія, №№ 25, 48, 99, 101, 149.

А. 1) а а	№ 25. А. 1) Ахъ утушка моя, луговая! Ахъ утушка моя луговая!
2) в ¹ /а в ¹ /а	2) Ой! луговая! Ой, луговая
—	—
В. 3) д д	В. 3) Молодушка моя, молодая. Молодушка и проч.
4) в ¹ /д в ¹ /д	

XLI. Трехстипія, №№ 153.

А. 1) а б	А. 1) Поѣхала Дуна не надолго въ гости.
2) в г	2) Ай, Дуна, Дуна! Дуна тонкопряха!
3) в г	3) Ай Дуна и пр.
—	—

γ) Съ междустрофными повтореніями.

XLV. Двустишія, № 63.

А. 1) а	А. 1) Головка болитъ;
2) б в	2) Болитъ больно головушка; не знаю какъ бытъ!
—	—
Б. 3) в	Б. 3) Не знаю, какъ бытъ!
4) г д	4) Вечоръ добрый молодець у дѣвушки былъ
—	—
В. 5) д	В. 5) У дѣвушки былъ.
6) е ж	6) Сказала мнѣ дѣвушка не радостну вѣсть,

XLVI. Двустишія (съ междометнымъ запѣвомъ).

А. 1) а	№ 194. А. 1) Э! Охъ!
2) б в	2) Долина, долинушка Раздолье широкое!
—	—
Б. 3) а	Б. 3) Э! Охъ!
4) г д	4) На этой долинушкѣ выросла рощица.

XLVII. Двустишія, №№ 39, 83, 116, 122.

А. 1) а б	№ 39. А. 1) Вздумала дѣвушка
съ горя пошутила.
—	—
Б. 2) а	Б. 2) Съ горя пошутила,
3) в г	3) Молодова молодца вѣрно полюбила.
В. 4) г	В. 4) Вѣрно полюбила.
5) д е	5) Полюбивши молодца, заботу имѣла.

XLVIII. Двустишія, № 38.

А. 1) а б	А. 1) Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ.
2) в г	2) Онъ пьетъ, не пьетъ родимый мой,
за мной молодой шлетъ.
—	—
Б. 3) г	Б. 3) За мной молодой шлетъ.
4) д е	4) А я млада, младешенька замѣшкалася.
В. 5) е	
6) ж з	

δ) Съ повтореніями внутри строфы и съ междустрофными.

XLIX. Двустишія, № 175.

А. 1) а	А. 1) Ужь вы, горы мои,
2) б б	2) Горы мои крутыя, горы крутыя!
—	—

- Б. 3) а б
4) в г
—
В. 5) г
6) д е
- Б. 3) Горы крутыя!
4) Ничего-то вы горы, || горы не породили!
- В. 5) Не породили и пр.

L. Двустипшія, № 174.

- А. 1) а а')
2) б
—
Б. 3) б
4) б в
—
В. 5) в
6) г д
- А. 1) У Дунюшки, любушки, || у Дунюшки, любушки
2) Черныя брови хороши!
- Б. 3) Черныя брови хороши!
4) Черныя брови хороши || разъяичивыя были.
- В. 5) Разъяичивыя были.
6) У молодца глазушки || разгарчивыя были.

б) Двухколѣнные стихи съ одноколѣнными.

в) безъ повтореній.

ЛІ. Двустипшія, № 141.

- А. 1) а б
2) в
—
Б. 3) г д
4) е
- № 141. А. 1) Подуй, подуй, || непогодушка,
2) Эхъ! не маленькая?
- 3) Развѣй, развѣй || рабинушку,
4) Эхъ! кудрявенькую.

LII. Двухколѣнное трехстишіе съ одноколѣннымъ многостипшіемъ ¹⁾.

- А. 1) а б
2) в г
3) д е
—
Б. 4) ж
5) з
6) и
7) і
- № 74. А. 1) Заплетися плетень, || заплетися!
2) Ты завейся труба || золотая!
3) Завернися камка || хрустатая!
- Б. 4) Ахъ, ты, сѣрая утица!
5) Потопила малыхъ дѣтушекъ
6) Не въ меду и не въ сахарѣ,
7) И не въ яствахъ сахарныхъ.

LIII. Двухколѣнное четверостишіе съ одноколѣннымъ многостипшіемъ.

- А. 1) а б
2) в б
3) д е
4) ж з
—
- № 80. А. 1) И я золото хороню, || хороню.
2) Чисто серебро хороню, || хороню
3) Я у бабушки въ терему, || въ терему,
4) У родимаго въ высокомъ, || въ высокомъ.

¹⁾ Одноколѣнные запѣвы начинаются съ третьей строки.

²⁾ Въ каждой строѣ всѣ стихи поются по мотиву перваго и считаются какъ бы его повтореніемъ. Такіе стихи у Грековъ назывались иперметрами.

Б. 5) и	Б. 5) Гадай, гадай, дѣвица!
6) і	6) Отгадай, красавица!
7) к и т. д.	7) Въ коей рукѣ былаца? и т. д.

β) Съ повтореніемъ внутри строфы.

LIV. Двустипшія № 177.

А. 1) а б	№ 177. А. 1) Ужь вы, ночи мои. ночи темныя.
2) б	2) Ночи темныя!
—	—
Б. 3) в г	Б. 3) Надоѣли ночи, надоскучили,
4) г	4) Надоскучили.

γ) Съ повтореніями внутри строфы и съ междустрофными.

LV. Трехстипія изъ двухъ двухкопѣнныхъ стиховъ съ однимъ однокопѣннымъ, 151.

А. 1) а а	№ 151. А. 1) Пошелъ козелъ въ огорождь; пошелъ
козелъ въ огорождь,
2) б в	2) Чигирики, чокъ, чигири, ахъ! Комарики,
мухи, комари, ахъ!
3) г	3) Жена мужу: пай! говори.
—	—
Б. 4) д д	Б. 4) Стопталъ козелъ лукъ-чеснокъ и пр.
5) б в	
6) г	

Изъ вышеизложеннаго обзора стилистическихъ пѣсенныхъ схемъ можно удостовѣриться, что повтореніе членовъ строфы справедливо принять за главный дѣлительный схематическій признакъ, потому что изъ числа 55-ти схемъ пѣсеннаго склада, оказавшихся сравнительно въ небольшомъ собраніи пѣсенъ (207-ми) для 48 схемъ, то-есть, почти для $\frac{1}{2}$ общаго ихъ числа, послужило основаніемъ дѣленія, сверхъ разнообразія ритмическаго расчлененія, повтореніе строфныхъ членовъ; и только въ семи схемахъ (I, II, III, IV, XIII, XIV и XLIII) то-есть, въ $\frac{1}{5}$ всего числа схемъ строфные члены не повторяются, при чемъ, конечно, уже самое отсутствіе въ нихъ повтореній служитъ достаточно замѣтнымъ дѣлительнымъ для нихъ признакомъ.

Относительно происхожденія членныхъ повтореній выше было разсмотрѣно мнѣніе г. Олесницкаго, который производитъ ихъ изъ аллитераціи, совершенно чуждой, какъ мы видѣли, народно-русскому пѣсенному складу. Гораздо проще и естественнѣе объясняется происхож-

деніе пѣсенныхъ повтореній прежде всего вліяніемъ самой мелодіи, которая въ каждой пѣснѣ непремѣнно повторяется въ цѣломъ своемъ объемѣ столько разъ, сколько есть строфъ въ пѣснѣ; но сверхъ того весьма часто повторяется она и въ частяхъ своихъ, то-есть, внутри той же самой строфы. Такъ въ изучаемомъ нами собраніи, въ цѣлой половинѣ всего числа пѣсней, именно въ 103-хъ пѣсняхъ мелодіи заключаютъ въ себѣ внутреннія повторенія, то-есть, повторенія отдѣльныхъ членовъ или мотивовъ.

Изобразивъ въ своемъ мѣстѣ особо ритмическій и особо стилистическій строй пѣсенной рѣчи свойственными каждому изъ нихъ схемами, сдѣлаемъ теперь то же самое и для строя мелодійнаго, исходя, по прежнему, изъ основъ ритмическихъ, какъ изъ первоначала стиховнаго склада рѣчи. Мелодійныя схемы, для отличія отъ стилистическихъ, будемъ означать прописными буквами русскаго, а самый счетъ схемъ вести строчными буквами греческаго алфавита.

А. Одноколѣбныя пѣсни.

а) безъ повтореній мотивовъ.

а) Мелодіи одноколѣбныхъ одностишій.

№№ (пѣсней): 113, 130, 138, 154.

1) А.

2) А.

3) А. и т. д.

Мелодіи, относящіяся къ этой схемѣ, такъ кратки, что оба мотива въ нихъ какъ бы сливаются въ одинъ, а потому ни текстъ не раздѣляется на строфы, ни мелодія—на явные мотивныя колѣбна.

б) Двухмотивныя мелодіи одноколѣбныхъ двустишій.

1) А. №№ 18. 19. 20. 22. 23. 44. 45. 53. 57. 59. 60. 62.

2) Б. 68. 69. 71. 73. 76. 78. 81. 84. 86. 89. 91. 100.

— 118. 125. 129. 137. 144. 146. 147. 158. 161.

3) А. 168. 176. 181. 184. 189. 190. 196. 201. 203.

4) Б. и т. д.

γ) Трехмотивныя мелодіи одноколѣбныхъ трехстишій.

1) А. №№ 115. 121. 131. 159. 170. 192. 198.

2) Б.

3) В.

—

4) А. и т. д.

б) Четырехмотивныя мелодіи одноколѣнныхъ четырехстишіи.

1) А. № 127.

2) В.

3) В.

4) Г.

—

5) А и т. д.

б) съ повтореніемъ мелодійныхъ мотивовъ.

в) Двухмотивныя мелодіи одноколѣнныхъ трехстишіи.

1) А. № 92.

2) В.

3) В.

—

4) А и т. д.

г) Четырехмотивныя мелодіи одноколѣнныхъ многостишіи.

1) А. № 33.

2) В.

3) В.

4) Г.

5) В.

6) Г.

—

7) А и т. д.

В. Двухколѣнныя пѣсни.

а) безъ повторенія мелодійныхъ мотивовъ.

б) Двухмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ одностишіи.

1) А. В. №№ 16. 106. 143. 157. 162. 204. 206.

—

2) А. В. и т. д.

η) Четырехмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ двустигій.

1) А. В.	№№ 11. 12. 13. 28. 32. 47. 50. 52. 54.
2) В. Г.	98. 103. 107. 126. 133. 152. 165.
—	172. 178. 186. 187. 188. 191. 197.
3) А. В.	
4) В. Г. и т. д.	

б) съ повтореніемъ мелодійныхъ мотивовъ.

θ) Трехмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ двустигій.

1) А. В.	№№ 26. 30. 55. 95. 105. 117. 120.
2) В. В.	150. 171.
—	
3) А. В. и т. д.	

ι) Трехмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ двустигій.

1) А. А.	№№ 7. 21. 88. 90. 104. 128. 145. 160.
2) В. Г.	164. 179.
—	
3) А. А. и т. д.	

κ) Трехмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ двустигій.

1) А. В.	№№ 112. 205.
2) А. Г.	
—	
3) А. В. и т. д.	

λ) Двухмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ двустигій.

1) А. В.	№№ 5. 6. 14. 15. 35. 40. 43. 64. 77.
2) А. В.	82. 94. 102. 108. 110. 134. 135 ¹⁾ ,
136. 173. 200. 202.
—	
3) А. В. и т. д.	

μ) Двухмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ двустигій.

1) А. А.	№№ 1. 2. 4. 8. 10. 17. 24. 25. 29. 31. 34. 36. 37.
2) В. В.	41. 42. 46. 48. 49. 51. 56. 58. 65. 66. 67. 70.
—	72. 75. 79. 85. 87. 93. 96. 97. 99. 101. 109.

¹⁾ Въ этой, какъ и въ некоторыхъ другихъ пѣсняхъ, мотивъ, повторяющійся въ последнемъ колѣнѣ, нѣсколько видоизмѣняется въ концѣ, съ цѣлю заключенія мелодіи.

- з) А. А. и пр. 111. 114. 119. 124. 139. 140. 142. 148. 149.
155. 156. 163. 166. 167. 169, 180. 182. 183.
185. 193. 199.

в) Пятимотивныя мелодіи двухколѣнныхъ трехстишій.

- 1) А. В. № 3. 195.
- 2) В. В.
- 3) Д. Е.
—
- 4) А. В. и т. д.

г) Четырехмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ трехстишій.

- 1) А. В. № 61.
- 2) В. Г.
- 3) В. В.
—
- 4) А. В. и т. д.

о) Трехмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ трехстишій.

- 1) А. В. № 153.
- 2) В. В.
- 3) В. В.
—
- 4) А. В. и т. д.

п) Трехмотивныя мелодіи двухколѣнныхъ двустишій.

- 1) А. А. № 60. 160.
- 2) В. Г.
- 3) В. Г.
—
- 4) А. А. и т. д.

В. ПѢСНИ смѣшаннаго склада.

а) двухколонныя стихи съ одноколонными, безъ повтореній.

р) Трехмотивныя мелодіи двустишій.

- 1) А. В. № 74. 80. 141. 177.
- 2) В.
—
- 3) А. В. и т. д.

б) *однокольные стихи съ двукольными.*

о) Трехмотивныя мелодіи двустихій.

- 1) А. №№. 27. 38. 39. 63. 83. 116. 122. 123.
2) В. В. 174. 175. 194. 207.

—
3) А. и т. д.

е) *двукольные съ однокольными, съ повтореніями.*

г) Трехмотивныя мелодіи смѣшанныхъ трехстихій.

- 1) А. № 151.
2) В. Б.
—
3) Д. и т. д.

Оказалось въ изучаемомъ здѣсь собраніи (207 пѣсень) 20 мелодійныхъ схемъ, въ томъ числѣ 8 безъ повторенія мотивовъ внутри мелодіи, 12 съ повтореніемъ ихъ. При обсужденіи отношенія повтореній мелодійныхъ къ текстovýmъ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на повторенія текстovýchъ членовъ внутри той же строфы, такъ и на междустрофныя, то-есть, когда повторяется часть одной строфы въ началѣ слѣдующей, то-есть, послѣдній стихъ (схема XXXVI), или полустихіе (№ 63), или даже только послѣднее слово (№ 16). Такъ бываетъ въ междустрофномъ повтореніи текста, между тѣмъ какъ мелодія первой строфы повторяется постоянно во всѣхъ строфахъ до конца пѣсни; а всѣ пѣсни разсматриваемаго нами собранія представляютъ строфное дѣленіе, кромѣ отнесенныхъ къ схемѣ I (а), въ которыхъ мелодія, по чрезвычайной своей краткости, умѣщается вся въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ. Пѣсень такъ-называемыхъ системныхъ, которыя, то-есть, пѣлись бы не одною и тою же построфно повторяемою мелодіей, а многими, въ изучаемомъ собраніи пѣсень, да кажется, и вообще въ народномъ пѣніи, нѣтъ. Уже судя по гораздо меньшему количеству повтореній мелодійныхъ въ сравненіи съ текстowymi (12 : 48), слѣдуетъ заключить, что между повтореніями того и другаго рода не существуетъ повсемѣстнаго и полнаго соответствія, въ чемъ можно увѣриться изъ сравненія мелодійныхъ повтореній съ колѣнными (текста) одной и той же пѣсни. Такъ повтореніямъ членовъ мелодіи въ пѣснѣ № 92 („Какъ не пава“) по мелодійной схемѣ Е въ точности соответствуютъ повторенія колѣнъ текста въ той же пѣснѣ, по напѣвной схемѣ Е и по стилистической схемѣ V,

($\begin{matrix} \text{A} \\ \text{E.}) \text{B} = \text{V} \text{б} \\ \text{B} \end{matrix} \begin{matrix} \text{a} \\ \text{б} \end{matrix}$), но текстъ другой такой же пѣсни № 192 („Что не пыль“), принадлежащей къ той же стилистической схемѣ (V), распѣвается уже не по приведенной выше мелодійной схемѣ, а по другой γ , въ которой мотивы не повторяются. Возьмемъ другіе примѣры, нарочно по порядку мелодійныхъ схемъ, съ повтореніями членовъ:

По схемѣ ϵ поется пѣсня стилистической схемы XII („Вдоль по улицѣ мятелица“). Но пѣсня эта, по видимому, составлена Варламовымъ искусственно. Онъ взялъ текстъ для нея изъ середины пѣсни № 161 („Скучно, матушка, весной“), относящейся къ мелодійной схемѣ β , вовсе не имѣющей повторяемыхъ членовъ, а мелодію изъ какой-то другой, неизвѣстной мнѣ народной пѣсни, или же она его собственнаго сочиненія.

Къ мелодійной схемѣ θ относятся тексты пѣсень №№ 26, 30, 55, 95, 105, 117, 120, 150, 171. Но изъ нихъ только въ двухъ №№ 30 и 95 повторяемымъ мотивамъ соотвѣтствуютъ повторяемыя же колѣна текста:

№ 30 θ , А Б XXI а б; № 95, θ А Б XXXIX а б
В В в в; В В вб вб.

Въ пѣснѣ же № 26 хотя и повторяются колѣна внутри строфы, но не въ томъ порядкѣ, какъ члены мелодіи, именно по схемѣ

а б
XIX б в; то же самое относится и къ пѣснямъ № 120 и № 150, изъ

а б
которыхъ въ первой колѣна повторяются по схемѣ XXIII б б, а во

а б
второй по XXXVII б в. Въ мелодіи пѣсни № 55 повторяется лишь одинъ мотивъ, а въ текстѣ повторяются два колѣна по схемѣ

аа аа
XXIV б б. Текстовыя колѣна пѣсень №№ 105, 117 и 171 вовсе не повторяются, такъ какъ первая изъ нихъ стилистически составлена по схемѣ XIV, а двѣ остальные по схемѣ XXXII.

Чаще всего полное соотвѣтствіе между повтореніями членовъ мелодіи и текстовыхъ колѣнъ встрѣчается въ двухколѣнныхъ двустопиціяхъ, именно въ пѣсняхъ №№ 1, 2, 25, 31, 36, 37, 41, 42, 46, 48, 58, 72, 75, 101, 109, 114, 139, 140, 148, 149, 156, 166, 167, 193.

Сюда же должно присоединить такія двухколѣбныя двустипія, въ которыхъ на мѣстѣ 3-го члена мелодіи повторяется первый, а въ соотвѣтствующей стилистической схемѣ въ 3-мъ колѣбнѣ вмѣсто повторенія 1-го колѣбна стоитъ какой-либо припѣвъ: таковы пѣсни №№ 5, 6, 14, 15, 35, 40, 64, 70, 77, 94, 97, 102, 110, 134, 135, 136, 173, 183, 202.

Не мало однако и такихъ пѣсень, въ мелодіи которыхъ встрѣчаются повторенія членовъ, а въ текстѣ колѣбна не повторяются; таковы, напримѣръ, №№ 3, 4, 7, 8, 10, 13, 17, 21, 34, 43, 49, 51, 56, 65, 66, 79, 85, 87, 88, 93, 106, 117, 124, 142, 145, 152, 155, 164, 169, 171, 172, 179, 180, 199, 205.

Но пѣсень, въ текстѣ которыхъ повторяются колѣбна, а члены мелодіи не повторяются, очень мало. Укажемъ на пѣсню № 52, въ которой при крайне обильномъ повтореніи членовъ предложенія (нѣкоторыхъ до пяти разъ) члены мелодіи вовсе не повторяются.

Хотя такое неполное соотвѣтствіе между повтореніями членовъ мелодіи и членовъ предложенія свидѣтельствуетъ о стремленіи удерживать за рѣчью свободу стилистическаго построенія, при всемъ томъ не подлежитъ сомнѣнію, что повторенія членовъ предложенія прежде всего были отраженіемъ напѣвныхъ повтореній. Обусловливаемое самою природою пѣсни построфное повтореніе мелодіи, служащее всякій разъ какъ бы возобновленіемъ основнаго чувства пѣсни, естественно влечетъ за собою и повтореніе сопровождаемой тѣмъ чувствомъ мысли, въ тѣхъ же самыхъ или въ синонимическихъ выраженіяхъ ¹⁾. Построфное повтореніе мелодіи въ цѣломъ ея составѣ объяснено было уже въ предыдущей главѣ самою природою мелодіи, которая въ пѣснѣ имѣетъ прямое назначеніе—служить выраженіемъ общаго душевнаго настроенія пѣвца, основнаго чувства, побуждающаго его къ пѣнію, сопровождающаго и направляющаго всѣ его мысли отъ начала и до конца пѣсни. Повтореніе же тѣхъ или другихъ мотивовъ внутри мелодіи слѣдуетъ ли приписать подражанію природѣ, такъ часто представляющей парныя сочетанія (два глаза,

¹⁾ Какъ злоупотребленіе этого первобытнаго и естественнаго пѣсеннаго приема—остается употребительное дониндѣ въ вокальной музыкѣ уже искусственное повтореніе отдѣльныхъ словъ и выраженій, допускаемое въ соотвѣтствіе разнымъ музыкальнымъ орнаментамъ и подъ часъ вовсе имъ не соотвѣтствующее. Такъ въ одной оперѣ мнѣ довелось слышать, какъ пѣвецъ подъ весьма патетическую музыку многократно повторялъ на распѣвъ: *а между тѣмъ... а между тѣмъ.*

два уха и т. п.), или желанію продлить удовольствіе, доставляемое удачнымъ музыкальнымъ выраженіемъ чувства, или какой-либо другой причинѣ, предоставляемъ рѣшить музыкантамъ по профессіи. Для нашей цѣли важнѣе разыскать тѣ причины текстовыхъ повтореній, которыя заключаются въ самомъ текстѣ, какъ въ рѣчи распѣваемой. Въ пѣснѣ, какъ въ двусоставномъ произведеніи совокупнаго музыкальнаго и поэтическаго творчества, текстъ или рѣчь, по воззрѣнію древнихъ греческихъ теоретиковъ, должна занимать гораздо высшее мѣсто сравнительно съ музыкою. „Слова пѣспи“, говоритъ Вестфаль (ч. I, стр. 257)—„поэтический текстъ, ставились несравненно выше мелодіи и гармоніи. Музыка, по словамъ Аристотеля, служитъ только приправою, ἡδύομα, поэтическаго выполненія, какъ въ драмѣ, такъ и въ лирической поэзіи; задачей ея было вызвать въ душѣ слушателя настроеніе, содѣйствующее уразумѣнію поэтическаго текста... И такъ, существенная черта древней вокальной музыки состояла въ преобладаніи поэтическаго содержанія надъ звуковою стороною, которая не должна была отвлекать вниманія слушателей отъ уразумѣнія текста, для чего дѣйствительно требовалось не малое напряженіе, при употребленіи разнообразныхъ словоизвитій (um dessen vielfach verschlungenes Gange zu folgen)... Древніе (стр. 484), совершенно противоположно намъ, ставили ритмическую сторону какъ вокальной, такъ и инструментальной музыки гораздо выше, чѣмъ топическую. Разбѣгъ мелодійныхъ движеній обуздывался ясною ритмическою опредѣленностію, иначе мы не могли бы себѣ представить, какъ возможно было греческой публикѣ слѣдить за ходомъ мыслей текста, что, напримѣръ, въ Пиндаровыхъ и Эсхиловыхъ хоровыхъ пѣсняхъ трудно, и безъ развлеченія вниманія мелодіей“.

Русскія народныя пѣсни также отличаются простотою и ясностію ритма, чуждающагося всякихъ осложненій, вопреки наклонности пѣ-которыхъ новѣйшихъ перелазгателей, навязывающихъ ему неравноактность. Но кромѣ ритмической простоты панѣва, народныя русскія пѣснеслагатели придумали обезпечить вразумительность пѣсенной рѣчи, придавъ складу ея особенности, неизвѣстныя въ рѣчи обиходной. Разговорная рѣчь, передаваемая непосредственно вниманію слушателя, подвигается впередъ безостановочно, не задерживаясь повтореніями, какъ-бы оглядками, выражающими заботу о томъ, слѣдитъ ли слушатель, вниманіе котораго безраздѣльно сосредоточивается на слушаемой рѣчи. Не то бываетъ при выполненіи рѣчи распѣваемой: здѣсь вниманіе слушателя раздвояется между мелодіей, дѣйствующею

прямо на чувство, и между рѣчью, дѣйствующею хотя между прочимъ также и на чувство, но путемъ разумѣнія. Чтобы мелодія, прямое назначеніе которой—усиливать впечатлѣніе поэтической рѣчи, вмѣсто того не заслоняла бы ея собою, не ослабляла бы ея дѣйствія, для этого именно и служить пѣсенный приѣмъ—текстовыя повторенія.

И такъ, повторенія прежде всего удовлетворяютъ потребности и употребляются:

1) для поддержанія вразумительности рѣчи, когда члены предложения, хотя бы и въ предѣлахъ той же самой строфы, такъ далеко разносятся одинъ отъ другаго, вслѣдствіе протяжности мелодійныхъ мотивовъ, что, безъ помощи повтореній, грамматическая связь ихъ потерялась бы совсѣмъ изъ виду. Это всего яснѣе видно въ складѣ такихъ пѣсенъ, въ которыхъ повтореніе не выработалось еще до степени постоянной поэтической формы, еще не возведено въ схему, но уже встрѣчается, какъ необходимое напоминаніе о связи рѣчи. Напримѣръ въ пѣснѣ № 121, схема III:

- 1) Не бѣлы то снѣги
- 2) Снѣги во чистомъ полѣ
- 3) Снѣги забѣгались.

Въ первомъ стихѣ конецъ слова снѣги и во второмъ стихѣ конецъ слова чистомъ тянутся, каждый по три полныхъ такта или по 24 музыкальныхъ мѣры, и потому слово снѣги, важное въ качествѣ подлежащаго, спѣто три раза.

Въ пѣснѣ № 16, схема XVI, также весьма протяжной,

- 1) Ахъ не одна-то, не одна во полѣ дороженька, въ полѣ пролегала:
- 2) Пролегала. Частымъ ельничномъ, ельничкомъ, березничкомъ она заростала.
- 3) Заростала. Молодымъ и проч.

повтореніе принимаетъ уже видъ схемы, впрочемъ еще самой безыскусственной: именно, послѣднее слово одной строфы (одностишія) повторяется въ началѣ слѣдующей строфы, оставался внѣ всякой грамматической съ нею связи, а въ видѣ стариннаго переноса словъ не оконченнаго предложенія изъ одной страницы въ другую, когда переносимое слово писалось два раза, послѣднимъ на предыдущей и первымъ на слѣдующей страницѣ ¹⁾. Чтобы служить напоминаніемъ

¹⁾ Такой приѣмъ употребителенъ и въ прозаическомъ разказѣ, если онъ, по какому-либо случаю, прерывается, хоть бы даже вставкой эпизода. Предъ

о содержаніи всей предыдущей строфы, переносимое слово должно быть однимъ изъ наиболѣе значащихъ въ предложеніи. Кромѣ такого переноснаго слова, повторяются также и нѣкоторые отдѣльные слова внутри той же строфы: не одна—не одна; во полѣ—въ полѣ и тому подобное. Число и выборъ такихъ повтореній зависитъ частію и отъ произвола исполнителя, смотря по тому, находитъ ли онъ для себя болѣе удобнымъ выполнить мотивъ съ большимъ или меньшимъ числомъ словъ текста. Сюда же относятся пѣсни схемъ XLV, XLVII и XLVIII №№ 63, 39, 83, 116, 122, 38.

Въ подтвержденіе, приведемъ начало пѣсни № 63:

- 1) Головка болитъ.
- 2) Болитъ больно головушка, || не знаю, какъ бытъ!
-
- 3) Не знаю какъ бытъ!
- 4) Вечоръ добрый молодець || у дѣвушки былъ.
-
- 5) У дѣвушки былъ.
- 6) Сказала мнѣ дѣвушка || не радостну вѣсть.
-
- 7) Не радостну вѣсть.
- 8) Не радостну вѣсточку, || все печальную.
-
- 9) Все печальную.
- 10) Отстань, отстань, молодець, || отстань отъ меня п т. д.

Здѣсь съ особенною наглядностію выступаетъ цѣль междустрофнаго повторенія — служить связью между содержаніемъ сосѣднихъ строфъ, изъ коихъ каждая, представляя собою самостоятельное, замкнутое синтаксическое цѣлое, независимо выполняемое цѣлою мелодіей, только тѣмъ однимъ и вяжется съ предыдущею и послѣдующею строфами, что въ началѣ своемъ повторяетъ послѣднюю фразу предыдущей строфы, а свою послѣднюю фразу передаетъ для повторенія послѣдующей строфѣ, совершенно такъ, какъ вяжутся въ цѣпи звенья, изъ которыхъ каждое однимъ концомъ держится за предыдущее звено, другимъ за послѣдующее. Заключительныя колѣна, повторяющіяся въ качествѣ запѣва, но выполняемыя новымъ мотивомъ, чрезъ то самое выдвигаются изъ среды другихъ колѣнъ, держа въ

начатіемъ продолженія рѣчи обыкновенно повторяется послѣднепроизнесенная фраза, или составляется подобозначащая ей, съ прибавленіемъ иногда маловажныхъ частицъ, напримѣръ: «Онъ вернулся домой... (перерывъ)... Такъ вотъ, вернулся онъ домой» и такъ далѣе.

себѣ сущность пѣсни: Голова болитъ отъ раздумья (не знаю, какъ быть), послѣ свиданія съ дѣвушкой (у дѣвушки былъ) и нерадостныхъ ея рѣчей (сказала нерадостну вѣсточку) о прерваніи нашей связи (отстань, отстань, молодець) и т. д.

Вообще подобнаго рода повторенія имѣютъ цѣлю дѣлать вязъ идей не только наглядною, но такъ сказать, осязательною и напоминаютъ способъ передвиженія по затруднительной мѣстности, когда, ступивъ одною ногою впередъ, ставятъ другую на то же самое мѣсто, чтобъ, утвердившись на немъ всѣмъ тѣломъ, тѣмъ надежнѣе можно было подаваться далѣе впередъ. Подобнымъ образомъ упорядоченная остойчивость мысли на той или другой стадіи ея движенія придаетъ ходу рѣчи особенную твердость и обезпечиваетъ ея дѣйствіе на воспріимлемость слушателя.

2) для пополненія строфы или стиха или колѣна, въ соотвѣтствіи съ мотивами мелодіи, при чемъ достигается и нѣкоторое усиленіе рѣчи тѣмъ, что то или другое колѣно или часть его бываетъ слыто не однимъ, а нѣсколькими мотивами мелодіи (или частями мотива) поочередно. Напримѣръ, въ пѣснѣ № 4, схема XXX:

1) а б	А А	1) А какъ по лугу, лугу, лугу зеленому,
2) в г	В В	2) Тутъ ходитъ-гуляетъ удалой молодчикъ.
		—
3) в г	А А	3) Тутъ ходитъ-гуляетъ удалой молодчикъ,
4) д е	В В	4) Повѣсилъ головушку на праву сторонушку.

видимъ, что двукратнымъ повтореніемъ слова лугу достигнуто то, что стихъ могъ раздѣлиться на два колѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ образъ предмета, троекратно рядомъ названнаго, глубже отпечатлѣвается въ воображеніи. Далѣе второй стихъ первой строфы повторенъ на мѣстѣ перваго стиха второй строфы, въ видахъ пополненія сей послѣдней, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для стилистической связи. Съ возобновленіемъ мелодіи въ новой строфѣ, пѣсня представляется какъ бы вновь начинающеюся; между тѣмъ текстъ новой строфы, по содержанию, долженъ быть неразрывнымъ продолженіемъ текста предыдущей строфы, заключая въ себѣ причину, объясненіе посредствомъ сравненія, дополненія и т. п., какъ въ приведенныхъ стихахъ: „ходить, повѣсилъ головушку“¹⁾. Изображеніе этого необходимаго для

¹⁾ Обращеніе придаточнаго дополнительнаго предложенія въ главное (*помысли въсто помысли*)—обыкновенный оборотъ и въ обиходной рѣчи, напримѣръ, глядѣть,—уставишь (уставишь) глаза.

полноты картины обстоятельства (повѣсилъ головушку) не могло ни умѣститься въ первой строфѣ, ни составить изъ себя новую цѣлую строфу; затрудненіе устранено повтореніемъ цѣлаго стиха; обѣ строфы, имѣя одинъ общій стихъ, какъ бы соединены въ одну картину, но стихъ этотъ, въ первый разъ исполненный мотивомъ В., при повтореніи пропѣтъ другимъ мотивомъ А, и чрезъ то удалось углубить впечатлѣніе и придать ему желаемое освѣщеніе. Примѣры въ безчисленномъ множествѣ; вотъ еще нѣкоторые:

№ 205. Слышу, вижу, вижу другъ любезный; || не хочешь любить.
Люби, люби, люби, другъ сердечный, || люби, кого хочешь.

№ 186. Ходила младшенька || по борочку,
Брала, брала ягоду, || земляничку.

Брала, брала ягоду || земляничку,
Наколола ноженьку || на тресочку.

Болятъ, болятъ ноженька и т. д.

№ 171. У воротъ, воротъ, воротъ, || да воротъ батюшкиныхъ.

3) для завершения строфы. Когда мысль вполне уже выразилась въ первыхъ колѣнахъ, а мелодія не доведена еще до завершительнаго мотива, то съ этимъ мотивомъ еще разъ выполняется послѣдняя фраза текста:

№ 192. Схемы: V, γ.

1) Что не пыль-то въ полѣ, а	А
2) Не пыль запылится; аб	Б
3) Ахъ! Не пыль запылится аб	В

Стихъ *a* спѣтъ первымъ мотивомъ *A*; затѣмъ существеннѣйшее въ немъ слово (не пыль) спѣто вмѣстѣ съ *b* вторымъ мотивомъ *B*, и въ заключеніе строфы, еще разъ оба колѣна въ совокупности спѣты третьимъ завершительнымъ мотивомъ *B*.

№ 123. Схемы XLIV ρ:

а	А	1) Не кукушечка во сиромъ бору
б б	Б. В.	2) Куковала, куковала.

Повтореніемъ текста 2-го колѣна на мѣстѣ третьяго, очевидно, удовлетворена потребность въ завершеніи стопы заключительнымъ мотивомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ впечатлѣніе этого самаго текста:

№ 177. Схемы LIV ρ.

1) а б	А Б	1) Ужъ вы ночи мои, ночи темныя!
2) б	В	2) Ночи темныя!

Строфа замыкается также повтореніемъ 2-го колѣна, пропѣтаго сперва своимъ, а потомъ заключительнымъ мотивомъ мелодіи.

Своеобразный способъ повторенія представляетъ пѣсня № 115. Схемы XI, γ:

1) а	А 1) Надоѣли ночи, надоскучили,
2) ,а	Б 2) Надоскучили, да надоскучили.
3) ,а	В 3) Надоскучили.
4) б	А 4) Со милымъ дружкомъ разлучили,
5) ,б	Б 5) Разлучили, да разлучили.

Трехстишіе собственно начинается со 2-й строфы и заключаетъ въ себѣ только одну фразу, распѣваемую однако тремя мотивами. Такимъ образомъ рѣчь движется впередъ однимъ среднимъ стихомъ, а важнѣйшая его часть, повторяемая въ завершеніе стопы, выполняется всѣми тремя мотивами поочередно.

Въ двухколѣнныхъ одностишіяхъ схемы XV, №№ 82, 157, 206, завершающее строфу второе колѣно состоитъ также изъ повторенія послѣдней фразы предыдущаго колѣна:

1) а ,а	А Б. Я поѣду во Китай городъ гуляти, гуляти.
2) б ,б	А Б. Я куплю женѣ покупку, покупку.

4) для сохраненія въ текстѣ ритмическаго движенія, свойственнаго соотвѣтствующему мотиву.

Такъ въ пѣснѣ № 10, чтобы подладить къ ритму 3-го колѣна $\cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup ||$ текстъ: другихъ не любила, понадобилось первое двухсложное слово замѣнить четырехсложнымъ, и простѣйшее для этого средство найдено въ повтореніи того же самого слова: $\cup \cup \cup \cup | \cup \cup \cup \cup ||$ не любила. Таковъ же поводъ къ повторенію въ слѣдующемъ стихѣ: меня, меня не крушила. Подобно тому въ пѣснѣ № 75, въ соотвѣтствіе ритмическому движенію: $\cup \cup | \cup \cup | \cup \cup |$ За рѣкою хмѣль, хмѣль, повторено слово хмѣль. То же самое въ пѣснѣ № 25, въ стихахъ 5-мъ, 15-мъ, 17-мъ, 19-мъ. Такое повтореніе иногда предоставляется исполнителю ad libitum, если приходится такъ встать, что рѣдкій пѣвецъ удержится, чтобы не употребить его, хотя бы ритмическое движеніе этого и не требовало, наиримѣръ, въ пѣснѣ № 128 къ ритму: $\cup \cup \cup | \cup \cup | \cup |$ вмѣсто: ходитъ мой милой, ... машетъ мой милой поютъ обыкновенно: ходитъ, ходитъ мой милой, ... машетъ, машетъ мой милой.

б) для поддержанія связи между членами простаго или сложнаго предложенія, распространившагося на нѣсколько строфъ.

Извѣстно, что съ завершеніемъ мелодіи должна закончиться и строфа, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно ожидать и окончанія предложенія; если же однако предложеніе не закончено и должно быть продолжено въ слѣдующей строфѣ, то въ эту строфу переносится послѣдняя фраза предыдущей строфы; фраза та становится общою для двухъ сосѣднихъ строфъ и такимъ образомъ служитъ наглядною между ними связью. Вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ вышеуказанной стилистической потребности, этимъ же средствомъ достигается и еще нѣчто другое; именно: выполненіе повторяемой фразы обыкновенно новымъ мотивомъ углубляетъ и закрѣпляетъ впечатлѣніе отъ нея. Чтобы уяснить значеніе подобныхъ повтореній и познакомиться со случаями отиѣны ихъ, выбираю изъ множества другихъ любимѣйшую народную пѣсню и представляю ее въ подробномъ стилистическомъ расчлененіи:

№ 44. 1) а	А
2) б	В
	—
3) б	А
4) в	В
	—
5) в	А
6) г	В
	—
7) г	А
8) д	В

1.

1. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
2. По широкому раздолю,
3. По широкому раздолю
4. Разыгралася погода,
5. Разыгралася погода,
6. Погодушка верховая,
7. Погодушка верховая,
8. Верховая, волновая.

2.

9. Ничего въ волнахъ не видно,
10. Только лодочка чернѣетъ;

11. *Только лодочка чернѣетъ,*
 12. Паруса на ней бѣлѣютъ,
 —
 13. *Паруса на ней бѣлѣютъ,*
 14. На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
 —
 15. *На гребцахъ шляпы чернѣютъ,*
 16. Кушаки на нихъ аѣлѣютъ.

3.

17. Самъ хозяинъ во парядѣ,
 18. Во глазетовомъ камзолѣ,
 —
 19. *Во глазетовомъ камзолѣ,*
 20. Въ аломъ шелковомъ платочкѣ,
 —
 21. *Въ аломъ шелковомъ платочкѣ,*
 22. Въ черномъ бархатномъ картузѣ,
 —
 23. На картузѣ козыречекъ,
 24. Самъ отецкой онъ смнчечекъ.

4.

25. Какъ возговоритъ хозяинъ:
 26. Ужь мы грянемте, ребята,
 —
 27. *Ужь мы грянемте, ребята,*
 28. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
 —
 29. *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,*
 30. Ко Ленину подворью,
 —
 31. *Ко Ленину подворью,*
 32. Ко Ивановны здоревью.

5.

33. Аленуша выходила,
 34. Свою дочку выводила,
 —
 35. *Свою дочку выводила*
 36. Таки рѣчи говорила:
 —
 37. «Не прогнѣвайся, пожалуй,
 38. Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла:
 —
 39. Въ одной тоненькой рубашкѣ
 40. Да въ кумачной тѣлогрѣйкѣ».

Кромѣ раздѣленія пѣсни на строфы (каждая въ два стиха) или двустихія, она наглядно расчленяется на болѣе крупныя части, по четыре строфы, или по восьми стиховъ въ каждой. Каждая изъ этихъ пяти главныхъ частей пѣсни представляетъ, по содержанію, какъ бы особую картину; таковыхъ картинъ въ пѣснѣ пять. 1) Пѣсня открывается картиною волновой погоды на рѣкѣ Волгѣ. 2) Вдали показывается сперва чуть видѣющаяся (чернѣетъ) лодка; но съ постепеннымъ ея приближеніемъ на ней становятся видны бѣлые паруса, потомъ и гребцы въ черныхъ шляпахъ и въ алыхъ кушакахъ. 3) Вотъ видѣнь сталъ и самъ молодой хозяинъ, сынъ именитаго купца (отецкій), разраженный, какъ прилично жениху (конца прошлаго столѣтія). 4) Обращеніе хозяина къ ребятамъ, чтобы, приналегши на весла, лихо подкатили (грянемте) къ подворью Алены Ивановны, невѣстиной матери. 5) Встрѣча жениха матерью невѣсты въ сопровожденіи самой невѣсты; извиненіе будущей тещи, что невѣста „въ чемъ ходила, въ томъ и вышла“, не успѣла принарядиться, хотя рубашка на ней была тоненькая и тѣлогрѣйка кумачная.

Изъ предпосланнаго пѣснѣ сопоставленія схемъ стилистической и мелодійной видимъ, что всѣ стихи за исключеніемъ перваго и другихъ не повторяемыхъ, повторяясь, выполняются вслѣдствіе того каждый обоими мотивами мелодіи по очередно. Не повторяются, впервыхъ, стихи, которыми заканчивается каждая картина (8-й, 16-й, 24-й, 32-й); не повторяются они потому, что послѣ cadaго изъ нихъ начинается новое синтаксическое сочетаніе, новое стилистическое цѣлое. Повторныхъ, не повторился дословно 22-й стихъ, быть можетъ—потому, что содержаніе его все-таки повторилось въ слѣдующемъ стихѣ, такъ какъ картузомъ и называется шалка именно съ козырькомъ. Третьихъ, не повторенъ стихъ 36-й, какъ предшествующій вносной или чужой рѣчи. Наконецъ, четвертыхъ, не повторенъ стихъ 38-й, какъ вводящій въ исчисленіе предметовъ, предшествуемое обыкновенно двоеточіемъ.

Всѣ эти случаи отмѣны повтореній довольно точно соблюдаются во всѣхъ пѣсняхъ.

6) для уясненія внутренней связи между содержаніемъ двухъ сосѣднихъ строфъ чрезъ внѣшнее ихъ сближеніе. Это бываетъ когда теченіе рѣчи въ строфѣ прерывается введеніемъ въ средину ея припѣва. Напримѣръ, въ пѣснѣ № 5:

Пора ему жениться, || время ему ѣхати,
Ай люли! ай люли! || время ему ѣхати.

Вслѣдствіе такого повторенія 2-го колѣна на мѣстѣ 4-го, грамматическая нить рѣчи, не смотря на перерывъ ея вставкою припѣва, можетъ тянуться чрезъ нѣсколько строфъ, до новаго поворота мысли, вмѣстѣ съ которымъ начинается новый рядъ грамматическихъ сочетаній. Примѣровъ множество представляютъ всѣ пѣсни схемъ XX, XXXVIII и др.

При изложеніи вышеназванныхъ шести случаевъ потребности въ повтореніяхъ было замѣчено, что почти во всѣхъ ихъ тѣмъ же средствомъ, вмѣстѣ съ поддержаніемъ правдоподобности или ясности рѣчи, достигается и ея усиленіе. Столь важный, хотя и прибавочный результатъ, именно усиленіе производимаго рѣчью впечатлѣнія, получается: а) вслѣдствіе выполненія повторяемой фразы новымъ мелодійнымъ мотивомъ; если, напримѣръ, она въ первый разъ спѣта заключительнымъ, нисходящимъ мотивомъ, то во второй разъ выполняется мотивомъ восходящимъ. Такъ въ одноколѣнныхъ трехстишіяхъ схемы VIII рѣчь подвигается впередъ двумя стихами, а на третьемъ задерживается (повторяется), задерживая на себѣ и вниманіе читателя, закрѣпляя сдѣланное впечатлѣніе его повтореніемъ, а для повторенія подгоняется обыкновенно важнѣйшая по содержанию фраза. Напримѣръ:

1. Объ чемъ ты, дѣвушка, плачешь?
2. Объ чемъ ты слезы льешь?
-
3. Объ чемъ ты слезы льешь?
4. Ужь какъ же мнѣ не плакать,
5. И какъ мнѣ слезъ не лить?
-
6. И какъ мнѣ слезъ не лить?
7. Одинъ былъ садъ зелененькій,
8. И тотъ сталъ увядать.
-
9. И тотъ сталъ увядать.
10. Одинъ былъ милъ, сердечный другъ,
11. И тотъ сталъ покидать, и т. д.

б) Иногда въ одноколѣнномъ трехмотивномъ трехстишіи рѣчь подвигается впередъ только однимъ послѣднимъ стихомъ, который также, въ видахъ усиленія рѣчи, повторяется двукратно, не утомляя однако вниманія однообразіемъ, потому что выполняется всѣми тремя мотивами мелодіи поочередно, слѣдующимъ образомъ: № 159, схемы X, γ:

1. а	А	Сизъ голубчикъ, любчикъ мой!
2. а	Б	Сизъ голубчикъ, любчикъ мой!
3. б	В	Жаль разстаться мнѣ съ тобой.
		—
4. б	А	Жаль разстаться мнѣ съ тобой.
5. б	Б	Жаль разстаться, распротнться,
6. в	В	Вѣгу въ темные лѣса.
		—
7. в	А	Вѣгу въ темные лѣса!
8. в	Б	Вѣгу въ темные лѣса,
9. г	В	Во ракитовы кусты и т. д.

в) Въ другомъ подобномъ же трехстишии рѣчь подвигается впередъ тоже однимъ, но уже среднимъ стихомъ, какъ это видно изъ пѣсни № 115, объ схемѣ которой (стилистическая и мелодійная) изображены выше въ 3-мъ случаѣ повторенія фразъ, для завершенія строфы, вмѣстѣ съ текстомъ первыхъ двухъ строфъ. Здѣсь приводимъ, для дальнѣйшаго подтвержденія, слѣдующія за тѣми три строфы:

6. Разлучили. (ночи со милымъ дружкоймъ).

7. Всѣ я ноченьки млада просидѣла,

8. Просидѣла, да просидѣла.

9. Просидѣла.

10. Всѣ я думушки, млада, продумала,

11. Продумала, да продумала.

12. Продумала.

13. Мнѣ одна-то дума съ ума нейдетъ,

14. Съ ума нейдетъ, да съ ума нейдетъ и т. д.

Кажущееся на письмѣ и въ чтеніи однообразіе фразы не только не дѣлаетъ ее утомительною для слышанія, но выполняемая всякій разъ новымъ мотивомъ фраза доставляетъ чувству наслажденіе самымъ своимъ повтореніемъ: такъ мы не только не скучаемъ, но любимъ многократно смотрѣть на красивую мѣстность, при различномъ ея освѣщеніи.

г) Упомянутый выше (въ 3-мъ случаѣ повторенія) способъ завершения строфы повторительнымъ выполненіемъ ея предпоследняго колѣна новымъ, заключительнымъ мотивомъ также служитъ къ усиленію рѣчи, такъ какъ при этомъ выдѣляется изъ рѣчи наиболее содержательное слово, и на выполненіе его употребляется весь заключительный мотивъ мелодіи, какъ это видно въ пѣснѣ № 133, схемы XXVI, 7.

1) а б А. Б.

2) в, в В. Г.

1. Ой да попла-то моя || буйная головушка,

2. Пла она, погуляла, || погуляла! и т. д.

д) Съ цѣлю же усиленія рѣчи, для продленія производимаго ею впечатлѣнія, изъ предложенія бывають выдѣляемы дополненія, опредѣленія и другіе второстепенные члены, каждый въ особое колѣно, или отводится для того особый стихъ, даже иногда цѣлая строфа, при чемъ ритмическая схема пополняется чрезъ повтореніе членовъ другихъ колѣвъ, и члены тѣ выполняются обыкновенно уже новыми мотивами, что и усиливаетъ ихъ дѣйствіе. Напримѣръ, въ пѣснѣ № 62:

На дворѣ у насъ туманъ, туманъ,
 Что тустой туманъ съ частымъ дождичкомъ.
 Въ чистомъ полѣ вѣтры буйные,
 Вѣтры буйные со вихрями...

Изъ пѣсни № 26:

Поутру голубка уби́та лежитъ,
 Уби́та лежитъ, застрѣленная,
 Застрѣленная, потеряная (то есть погубленная).
 Потерялъ голубку боярскій слуга,
 Боярскій слуга съ боярска двора.

№ 199. А замужъ вышла я за стараго,
 Я за стараго, за ревниваго.

№ 173. Пы(ноу)грай Дупюшка, пыграй бѣлая,
 Пырай бѣлая, бѣлотылая,

№ 48. Во полѣ береза стояла, || во полѣ кудрявая стояла.

Такое выдѣленіе опредѣлительныхъ словъ въ особое параллельное предложеніе относится уже къ особому пѣсенному украшенію, называемому параллелизмомъ, о которомъ рѣчь ниже.

Мы видѣли, что, возникнувъ ради удовлетворенія стилистической потребности рѣчи, именно для поддержанія ея вразумительности, форма повторенія получила потомъ болѣе обширное примѣненіе, въ качествѣ фигуры усиленія рѣчи. Далѣе увидимъ, что форма эта стала наконецъ употребляться уже для одного украшенія рѣчи, когда пѣснеслагатель-пѣвецъ, какъ бы любуясь удавшимся выраженіемъ своего чувства, повторяетъ его, какъ говорится, на всѣ лады, то-есть, выполняя равными мотивами той-же мелодіи. Но и помимо того, разнаго рода повторенія рѣчи, задерживающія ея теченіе, доставляютъ чувству возможность высказаться исподоволь, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже выше замѣчено, задерживають вниманіе слушателя, не до-

пускають его скользить мыслию по содержанию пѣсни, а заставляютъ принять въ немъ участіе, взглядѣться въ каждый пѣсенный образъ, продумать каждую мысль пѣвца, прочувствовать каждое его чувство. Примѣры повтореній ради украшенія представляютъ пѣсни схемы XXIV.

Вотъ одна изъ нихъ: № 140:

1. Подойду, подойду, || подойду, подойду,
 2. Подъ Царь-городъ подойду, || подъ Царь-городъ подойду.
-
3. Вышибу, вышибу, || вышибу, вышибу,
 4. Копьемъ стѣну вышибу, | копьемъ стѣну вышибу.

А также пѣсни схемы XL, напримѣръ № 25:

1. Ахъ утушка моя луговая! || Ахъ утушка моя луговая!
 2. Ой, луговая! || Ой луговая!
-
3. Молодушка моя, молодая! || Молодушка моя, молодая!
 4. Ой молодая! || Ой молодая!

Но еслибы кто усумнился признать въ повтореніяхъ, между прочимъ, нарочитую форму украшенія, сомнѣнія того разсѣялись бы, при одномъ взглядѣ на схемы L и XXVII. Къ первой относится пѣсня № 174:

1. а а	А Б 1. У Дунюшки, любушки, у Дунюшки любушки,
2. б	В 2. Черныя брови хороши!
-
3. б	А 3. Черныя брови хороши!
4. в б и т. д.	Б В 4. Черныя брови хороши, размычныя были!

Здѣсь повтореніе колѣнъ до двухъ и до трехъ разъ явно допущено для того, чтобъ одни изъ нихъ спѣты были каждое двумя, а другія даже тремя мотивами мелодіи.

Еще разительнѣе характеръ украшенія въ повтореніяхъ видѣнъ въ пѣснѣ, принадлежащей ко 2-й изъ вышеуказанныхъ схемъ (XXVII) № 52:

1) а а	А. Б. 1. Все по свѣтлицѣ бѣ я ходила, все по свѣтлицѣ бѣ я ходила,
2) $\frac{1}{a} \frac{1}{a} a$	В. Г. 2. Все по свѣтлицѣ, все по свѣтлицѣ, все по свѣтлицѣ бѣ я ходила.

Здѣсь въ повтореніи ясно видится услажденіе души повторительнымъ представленіемъ образа предмета, и вмѣстѣ съ тѣмъ, услажденіе

слуха самымъ звукомъ его наименованія, упоеніе своимъ чувствомъ, такъ сказать, самосозерцаніе чувства ¹⁾).

На основаніи всего сказаннаго, съ увѣренностью можно сдѣлать заключеніе, что пѣсенныя повторенія обязаны своимъ происхожденіемъ отнюдь не скудости мелодійнаго и поэтическаго творчества у народныхъ пѣснеслагателей, а составляютъ нарочитый музыкальный и стихотворный приѣмъ, что видно впрочемъ ужъ изъ самой его выдержки, изъ правильнаго его выполненія отъ начала до конца пѣсни. Скажемъ болѣе: форма повторенія есть столь излюбленная форма пѣсеннаго изложенія, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ не ограничивается удвоеннымъ музыкальнымъ выполненіемъ отдѣльныхъ словъ, фразъ, колѣнъ и стиховъ, но доходитъ до повторенія самой пѣсни всей цѣликомъ, отъ начала до конца, съ измѣненіемъ только нѣсколькихъ словъ, и даже до двукратнаго, троекратнаго и т. д. повторенія. Это встрѣчаемъ въ первой же пѣснѣ изучаемаго нами собранія: Ай во полѣ липинька, которую, для показанія того, а равно для краткости, изложимъ здѣсь дословно, но прозой, то-есть, съ опущеніемъ всего, что относится къ ритмическому и стилистическому строенію: „Въ полѣ липинька. Подъ липою бѣлъ шатеръ. Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ. За тѣмъ столомъ дѣвица. Рвала цвѣты со травы, вила вѣнокъ съ городы ²⁾. Кому вѣнокъ износить? Если носить вѣнокъ старому; то старому вѣнокъ не сносить; мою молодость не сдержать“ ³⁾. Тутъ, вмѣсто того чтобы закончить пѣсню антитезою по-

¹⁾ Такое проявленіе чувства прекрасно схвачено Овидіемъ:

«Halcyone Ceysa movet; Ceycis in ore
Nulla nisi Halcyone est...
Sed plurima nautis in ore
Halcyone conjux; illam meminit que refert que...
...Nominat Halcyonen, ipsis que immurmurat undis».
Metam. XI.

²⁾ Вѣроятно, съ городками, то-есть, съ зубцами, какіе бываютъ на коронѣ.

³⁾ Вестгаль (7, 2 стр. 33) такъ характеризуетъ древне-германскую поэзію: «Древне-германская поэзія, какъ ни одна въ мірѣ, умѣетъ немногими словами выражаться весьма сильно, опускаетъ подробности, а представляетъ только важнѣйшіе и великіе моменты, часто въ суровыхъ противоположностяхъ, не вдаваясь въ мелкія описанія». Съ неменьшимъ правомъ можно сказать то же самое и про народно-русскую пѣсню, за исключеніемъ суровости противоположеній. Изъ вышеприведеннаго дословнаго переложенія пѣсни въ прозу видно, что пѣсенная рѣчь лишена всякихъ риторическихъ украшеній, какими она обыкновенно разцвѣчивается въ другихъ поэзіяхъ. Столь же коротки и просты, какъ самыя предложенія, и основныя черты напѣва, движущагся въ тѣсныхъ предѣлахъ

слѣдней мысли: (а) „носить вѣнокъ милому;—милому вѣнокъ износить; мою молодость содержать“, пѣсня возвращается къ своему началу и повторительно поется отъ перваго стиха вплоть до 16-го, въ которомъ вмѣсто слова старому ставитъ слово милому, и оканчивается, какъ выше показано, только безъ отрицательныхъ частицъ. Подобно тому поется три раза сряду пѣсня № 165: „Спится мнѣ, младешенькѣ“, гдѣ молодуха разказываетъ, въ первый разъ, какъ ее будить свекоръ, а потомъ начинаетъ пѣсню опять съ перваго стиха, чтобъ только въ 4-хъ послѣднихъ стихахъ разказать, какъ ее будить сперва свекровь, а потомъ— „миль сердечный другъ“. Пѣсни: № 58. Вы лужьяхъ, № 136. Ой подь грушею, № 157. Сидитъ наша гостинька, № 166. Стой мой милый хороводъ, поются сряду также по три раза, а пѣсня № 187 поется сряду пять разъ, описывая по очереди выборъ сперва теста, потомъ тещи, потомъ шурина, потомъ своячины, и наконецъ, невѣсты. Подобнымъ образомъ выполняется и множество другихъ пѣсень. Изъ этого можно видѣть, какъ мало понимаютъ смыслъ и значеніе народныхъ пѣсень наши концертанты, которые выполняютъ передъ публикою по вѣсколку народныхъ пѣсень безъ перерыва, выхватывая по двѣ или по три строфы изъ каждой, или тѣ композиторы, которые изготовляютъ изъ народныхъ русскихъ пѣсень окрошку, въ видѣ кадрили и попури.

Къ этому же роду украшенія рѣчи, именно къ повтореніямъ, слѣдуетъ отнести ту поэтическую форму, которая свойственна народной и отчасти даже литературной пѣсенной поэзіи почти всѣхъ народовъ: говоримъ о припѣвахъ. Припѣвъ долженъ быть повторяемъ въ каждой строфѣ, уже по самому своему назначенію. Назначеніе же припѣва въ пѣснѣ—то же самое, чтò и мелодіи, также повторяющейся въ каждой строфѣ,—выражать общее настроеніе пѣвца—только другимъ средствомъ, чѣмъ какъ это дѣлается въ мелодіи, именно, не тональными извитіями голоса, а какими-либо восклицаніями, которыми исторгается изъ глубины души приливъ чувства.

до-ла средней октавы, безъ всякихъ орнаментаций темы, кромѣ легкаго колебанія голоса надъ первымъ слогомъ слова *юль*. При такомъ, почти полномъ отсутствіи музыкальныхъ и словесныхъ отношеній, еслибы легкіе очерки линий, шатра, стола, дѣвѣицы быстро и непосредственно слѣдовали другъ за другомъ, какъ это сдѣлано выше въ прозаическомъ изложеніи, то представленія быстро снѣнялись бы и закрывались бы бесслѣдно одно другимъ. Для закрѣпленія ихъ и употребляются въ пѣснѣ равные своеобразные приемы музыкальныхъ и текстовыхъ повтореній.

Чувство это въ припѣвныхъ пѣсняхъ большею частію бываетъ веселаго свойства, и потому въ припѣвахъ чаще всего слышатся въ разныхъ варіаціяхъ слова: люли, ладо и друг., въ которыхъ ученые думаютъ видѣть названія божества любви, согласія и вообще веселья. Не рѣдки въ припѣвахъ обращенія къ Дону и Дунаю, въ иныхъ слышатся восклицанія, выражающія грусть, напримѣръ: эхъ! охъ! ободренія: ай! ой! или другое основное чувство пѣсни, напримѣръ: Любо, любо моей дочкѣ! № 72. Любить, любить милый другъ меня, № 43, иногда вмѣстѣ съ наборомъ, по видимому, ничего не значащихъ словъ, напримѣръ: Струги руги, руги, руги; да утѣхи, да усмѣхи; розсмѣхи, пересмѣхи, радости, веселости мои! Или: Чигирики, чокъ, чигири, ахъ! Комарики, мухи, комари! ахъ! жена мужу: пай! говори.

Въ настоящемъ изслѣдованіи о складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, относительно припѣвовъ, требуется только указать мѣсто, какое они занимаютъ въ составѣ пѣсни.

Припѣвы встрѣчаются:

1) Въ двухколѣнныхъ одностипіяхъ, занимая второе колѣно. Мнѣ извѣстна впрочемъ только одна такая пѣсня: Царь-слава ¹⁾.

Слава Богу на небѣ! || *слава!*

Государю нашему по всей землѣ, || *слава!*

Чтобы нашему Государю не старѣтися! || *слава!*

Извѣстна мнѣ также пѣсня, въ которой одностипія начинаются припѣвнымъ словомъ:

Коледа! коледа! || Луковка!

Коледа! коледа! || Постуковка! п т. д.

2) Въ двухколѣнныхъ двустипіяхъ припѣвы занимаютъ третье колѣно, между тѣмъ какъ вслѣдъ за нимъ на мѣстѣ 4-го колѣна повторяется текстъ 2-го колѣна; напримѣръ, № 5:

«А кто у насъ холостой? || а кто у насъ не женатъ?

Ай, люли, ай, люли! || а кто у насъ не женатъ?

№ 6. «А мы просо || сѣяли, сѣяли.

Ой дядь, Ладо! || сѣяли, сѣяли.

Подобные припѣвы въ пѣсняхъ: №№ 14, 15, 35, 40, 64, 70, 77, 94, 96, 102, 110, 134, 136, 173, 183, 202.

¹⁾ То-есть главная, наивысшая слава. Подобны этому выраженія: Царь-градъ, царь-дѣвица, царь-колоколь, царь-пушка.

3) Въ двухколѣнныхъ двустипіяхъ припѣвы занимаютъ и третье и четвертое колѣно, но въ сопровожденіи какой-либо части текста второго колѣна; напримѣръ № 25:

Ахъ утушка моя луговая! || Ахъ утушка моя луговая!
Ой! луговая! || Ой! луговая!

Или въ № 48:

Во полѣ береза стояла, || во полѣ кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла! || Люли, люли, стояла!

Такое мѣсто припѣвы занимаютъ еще въ пѣсняхъ: №№ 95, 99, 101, 149.

4) Въ двухколѣнномъ двустипіи припѣвы занимаютъ третье колѣно, повторяясь и въ 4-мъ; напримѣръ въ № 72:

Занька поскачи, || сѣренькій попляши!
Кружкомъ бочкомъ повернись! || Кружкомъ бочкомъ повернись.

Или въ № 182:

У меня-ль во садочкѣ, || у меня-ль во прекрасномъ
Люшеньки, люли! || Люшеньки, люли!

5) Въ двухколѣнномъ двустипіи припѣвъ заканчиваетъ строфу, занимая во второмъ стихѣ оба колѣна, безъ повторенія напримѣръ, въ пѣснѣ № 34:

Вдоль по улицѣ въ конецъ, || тутъ и шель молодець.
Ты, Дунай-ли мой, Дунай! || Сынъ Ивановичъ, Дунай!

Такіе припѣвы встрѣтились еще въ пѣсняхъ: №№ 43, 79, 85, 111, 117, 169, 171, 172.

Переходимъ къ рассмотрѣнію параллелизма, другой поэтической формы, которую наша народная пѣсенная рѣчь, почти не менѣе, чѣмъ древне-еврейская лирическая, отличается отъ склада всѣхъ поэзій просодическихъ. Говоря о параллелизмѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это есть стилистическая форма рѣчи и къ ритму, къ которому ее многіе относятъ, не имѣетъ никакого отношенія. Ритмъ въ пѣснѣ идетъ самъ по себѣ, то-есть, текстъ ея строится своимъ порядкомъ, единственно въ соотвѣтствіи съ расчлененіями мелодіи, какія бы притомъ формы рѣчи ни принимала. Если пѣсня исполняется мелодіей, то она непременно построена ритмически, то-есть, стихами, которые суть ничто иное, какъ отраженіе въ текстѣ расчлененія ме-

лодіи; а формы рѣчи, какъ повторенія и параллелизмъ, могутъ при этомъ быть, могутъ и не быть, какъ могутъ онѣ встрѣтиться и не въ стихахъ, а въ прозаической рѣчи, бывъ употреблены, конечно, скорѣе случайно, чѣмъ намѣренно. Еще слѣдуетъ указать на различіе параллельности рѣчи отъ объясненной непосредственно предъ симъ другой формы рѣчи — повтореній. Дословное повтореніе предложенія или какой-либо его части, какъ это употребляется въ качествѣ риторическаго украшенія, или въ качествѣ особаго приема въ пѣсенномъ складѣ рѣчи, не относится къ параллелизму: тождественность не есть параллельность. Но когда мы разъ высказанную нами мысль или отдѣльное понятіе тутъ же рядомъ выражаемъ другими словами, служащими отчасти для дополненія и уясненія предшествующихъ, то это называется параллелизмомъ.

О поэтичности параллелизма и объ употребительности этой формы въ древне-еврейской поэзіи достаточно говорено въ предыдущей главѣ, такъ что здѣсь можно удовольствоваться изложеніемъ разныхъ видовъ параллелизма, какіе встрѣчаются въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ. Предположемъ лишь одно замѣчаніе о значеніи параллелизма въ русской пѣсенной рѣчи, для того, чтобы нижеприводимые примѣры его представились въ надлежащемъ свѣтѣ. Назначеніе параллелизма одинаково съ разсмотрѣнною предъ симъ формою пѣсенной рѣчи—повтореніями, и объясняется именно ея пѣсенностью, музыкальнымъ ея выполненіемъ: въ предотвращеніе ослабленія дѣйствія пѣсеннаго слова, заслопенія слова звуковыми извиіями голоса, рѣчь нарочито задерживается ¹⁾; повтореніями и параллельностью она какъ бы удвоетъ, размножаетъ свои средства, для овладѣнія вниманіемъ слушателя чрезъ продленіе, углубленіе и закрѣпленіе впечатлѣній, производимаго на него словомъ.

И такъ, параллелизмъ, какъ и повторенія, не суть излишнія и праздныя украшенія рѣчи, а возникли изъ потребности, какъ это вообще можно сказать объ украшеніяхъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ: начало красоты — потребность, и если не все, необходимое для разумнаго существа, прекрасно, то все прекрасное—необходимо.

Различимъ два рода параллелизма—полный и частный.

¹⁾ Собственно задерживается не рѣчь, а задерживается вниманіе слушателя на рѣчи, вопреки приведенному въ статьѣ г. Олесницкаго (стр. 552) утверженію Эвальда, будто параллельная рѣчь дѣлается выгагомъ и при каждомъ новомъ шагѣ дѣлаетъ *полуозератъ* назадъ.

А. Полный параллелизмъ.

1) Полное повтореніе мысли въ отзвучномъ, синонимическомъ предложеніи:

- Не въ досаду ли тебѣ будетъ?
Не противно ли твоему сердцу?
- Ты зачѣмъ ко мнѣ въ гости не ходишь.
И не жалуешь, не гуляешь? № 20 ¹⁾
- Молодешеньку въ монашеньки постригь,
Зеленешеньку поскинннзъ меня № 125.
- Никто въ лѣсъ не аукнется,
Никто въ темномъ не откликнется № 147.
- Спится мнѣ, младешенькѣ, дремлется;
Клвпнть мою головушку на подушечку № 165.
- Вы которому угоднику молились?
Вы котормъ чудотворцамъ поклонились? № 176.

2) Разложеніе слитныхъ предложеній на простыя:

- Что это у батюшки выдумано,
У родимой матушки выгадано? № 78.
- Или батюшка запрещаетъ?
Или матушка не пушаетъ? № 20.
- Атамановы мы послушнички,
Эсауловы мы разсылщички № 168.
- Жалнлась на родвова батюшку,
Жалнлась на родную матушку:
«Богъ судья родимому батюшкѣ!
Богъ судья родимой матушкѣ!» № 118.
- Какъ у батюшки въ зеленомъ саду,
А у матушки въ славномъ вишеньѣ (вмѣсто въ славномъ ви-
шеньѣ, въ зеленомъ родительскомъ саду) № 98.

Пріемъ этотъ иногда сопровождается превращеніемъ прилагательнаго въ существительное, съ цѣлію образовать изъ него подлежащее или другой самостоятельный членъ для новаго предложенія ²⁾.

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ прежнихъ цитатахъ изъ народныхъ пѣсенъ, считаю излишнимъ указывать числовое мѣсто стиха въ пѣснѣ, такъ какъ помѣщеніе имѣющихся у меня полныхъ пѣсенныхъ текстовъ и напѣвовъ всѣхъ ихъ оказалось затруднительнымъ для періодическаго изданія.

²⁾ Иногда же дѣлается и совершенно обратное: изъ существительнаго дѣлается прилагательное, чтобы изъ одного дополненія сдѣлать ихъ два: (Пріемте ребята) Ко *Аленину* подворью, ко *Ивновны* здорвью (вмѣсто къ подворью «ея здорвья» (Алены Ивановны) № 44. То же въ № 108.

- Нынче праздникъ, завтра веселье! (вмѣсто: нынче и завтра веселье! праздникъ) № 130.
- Ужь ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, ты широкое! № 179 (вмѣсто: чистое, раздольное, широкое поле).

3) Разложеніе одного предложенія на два, чрезъ разнесеніе составныхъ частей подлежащаго, дополненія или опредѣленія:

- Катерина у воротъ, у воротъ,
Михайловна у притворной вереп (вмѣсто Катерина Михайловна у притворной вереп воротъ), № 95.
- Николай-то хочеть рѣчи говорить,
Васильевичъ хочеть выговорить, № 94.
- Чтобы видно мнѣ было Ивана,
Чтобы видно мнѣ было свѣтъ-Иваныча, № 45,
- Пы(оп)грай, Дунюшка, пырай бѣлая,
Пырай бѣлая, бѣлотѣлая! № 173.
- Со вѣнкомъ я хожу, съ зеленымъ я хожу, № 163.

4) Разложеніе одного предложенія на два, съ замѣною составнаго сказуемаго простымъ:

- Матушка, да и что же въ поля пыльно?
Сударыня моя! Да и что же замылилась? № 108.

5) Повтореніе глагольнаго понятія чрезъ присоединеніе къ глаголу его синонима. Напримѣръ:

- Убилъ-ушибъ лебедь бѣлую. № 31.
- Сушилъ-крушилъ ясны очи, № 2.
- И я батюшкѣ скажу, сударюку доложу ¹⁾, № 36.

¹⁾ Изъ того, какъ и изъ множества другихъ примѣровъ, можно убѣдиться въ невѣрности (приводимаго въ статьѣ г. Олесницкаго) предположенія Ляя, объясняющаго параллелизмъ изъ началъ аллитерація: «Подобно тому какъ повтореніе буквъ (аллитерація), учащаясь болѣе и болѣе, перешло въ повтореніе цѣлыхъ словъ, съ теченіемъ времени, при дальнѣйшемъ интеллектуальномъ развитіи, повтореніе словъ замѣнилось повтореніемъ мыслей». И въ русскихъ пѣсняхъ дословное повтореніе, очевидно, въ позднѣйшую эпоху, начало замѣняться повтореніемъ только мысли, или содержанія фразы въ синонимическихъ или параллельныхъ выраженіяхъ—хотя самое (дословное) повтореніе возникло у насъ вовсе не изъ аллитерація, которая, какъ въ свосемъ мѣстѣ доказывалось, въ качествѣ поэтической формы, совершенно чужда русской пѣсенной рѣчи. Въ приводимомъ примѣрѣ *доложу*, конечно, поставлено вмѣсто повторенія предшествующаго ему *скажу*, потому что въ другихъ стихахъ на тѣхъ же мѣстахъ стоятъ

Ходить—гуляеть, № 4. — Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ, № 109. — Я бѣ скакала, я бѣ пласала по лугамъ, № 148. — Цѣлуеть — милуеть, № 134. — Гляжу я, смотрю я по всему народу; Пщу—выбираю богатаго тестя, № 187. — Взяли подхватили красну дѣвицу съ собой, № 78. — Они думали, гадали думу крѣпкую, № 91. — У молодца сердечушко трепещется, бьется, № 170. — Жаль разстаться, распротиться, № 158. — Стучить, гремить, № 165. — Кормиль-поиль сударушку, № 141 и многія другія.

6) Повтореніе содержащагося въ глаголѣ понятія другимъ видомъ того же глагола:

Гдѣ ты была, побывала?

Тутъ шли, прошли молодые.

№ 25. Хорошо пташки пѣли; весело распѣвали. 182.

7) Удвоеніе понятія, заключающагося въ глаголѣ подлежащимъ того же корня, или чрезъ дополненіе его существительнымъ того же корня¹⁾:

— Гудки не гудите;—гостятъ гости;—заплаги плачу;—примѣтъ примѣчала,—городъ городитъ;—ни въ кладу кладушечки;—метелица мететь;—изгородъ горожу;—первый сонъ заснула;—подарю подаркомъ;—заморозили морозы;—не пылъ запылился;—думали, гадали думу;—съ кѣмъ ты, воръ, воровалъ;—горе горевать;—я уходомъ отъ стараго уходила.

простыя дословныя повторенія, напримѣръ: *На Паранино окошко, на Паранино окошко*. Такой переходъ дословныхъ повтореній въ синонимный параллелизмъ замѣчается во множествѣ пѣсней особенно новыхъ, напримѣръ:

Ты не голосомъ кричи,

Не словами знать давай № 36.

¹⁾ Г. Оленичкій относитъ эту форму рѣчи къ аллитерации (стр. 420). «Глаголь въ качествѣ своего прямого управленія принимаетъ созвучное существительное того же корня... Количество подобныхъ аллитерованныхъ предложений въ греческомъ и латинскомъ языкахъ ничтожно, если сравнить его съ количествомъ подобныхъ предложений въ еврейскомъ языкѣ, гдѣ каждый почти глаголь, особенно въ повѣстической рѣчи, можетъ входить въ предложение съ именемъ того же корня. Между тѣмъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ это правило ограничивается только нѣсколькими глаголами. Вотъ все эти глаголы: ἀδικεῖν ἀδικίαν, βασιλεύεσθαι βασιλείαν, ἐπιμαρτυρεῖσθαι ἐπιμαρτυρίαν, θεᾶσθαι θεᾶν, μάχεσθαι μάχην, μεριμνᾶν μερίμναν, πᾶσχειν πάθος, ὀβριζεῖν ὄβριον. Bellum bellare, pugnam pugnare gaudium gaudere, risum ridere, ludum ludere, somnium somniare, precem precari servitutem servire, vitam vitare... Еслибы подобная аллитерация именно глагола, какъ говорятъ грамматикки, имѣла цѣлю только усиленіе глагольнаго понятія, то это усиленіе могло бы совершаться тысячею другихъ средствъ, еслибы въ

В. Частный параллелизмъ.

1) Выдѣленіе эпитета, для произведенія имъ особаго впечатлѣнія, отдѣльно отъ опредѣляемаго имъ слова:

- Винный нашъ колодезь, винный нашъ *лубокій*.
- Занька въ ладоши! Сѣренкій въ ладоши!
- Вы лубьяхъ... какъ и вы лубьяхъ, въ зеленыхъ лубьяхъ.
- Перевѣсился хмѣль, хмѣль, перевѣсился ярь, ярь.
- Здорова-ль, сестрица? Здорова-ль, родная?
- Тамъ катался два яблочка, два яблочка, два валнчатя.
- Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому.
- Чешеть свои кудри, чешеть свои русы.
- Вотъ и мои ножки, вотъ и мои рѣзвы.
- Иссушилъ злодѣй, повысушилъ суше вѣтру, суше вешняго.

2) Повтореніе понятія повтореніемъ слова въ уменьшительномъ или въ ласкательномъ окончаніи. Напримѣръ:

- Ночевала я подъ кустомъ, кусточкомъ.
- По пруту, пруточку.
- По гудку, гудочку.
- Лучина лучишущка.
- Ночка, ноченька, ночь осенняя.
- Соронимши вѣнь, вѣночекъ.
- Голова-ль моя, ты, головущка.
- Верей-ль моя, ты, верешка.
- Не величка птичка, пташечка.

Ласкательнымъ окончаніемъ, равно какъ и прибавленіемъ къ слову мѣстоименія мой тамъ, гдѣ оно вовсе не означаетъ принадлежности, выражается благодушное отношеніе любвеобильнаго сердца пѣвца къ предмету рѣчи.

природѣ языка не лежало требованіе созвучій... Но подобные обороты рѣчи, по нашему мнѣнію, все таки относятся не къ аллитераціи, а къ параллелизму, и составляются именно для усиленія рѣчи, какъ и подобное же имъ сопоставленіе существительнаго съ эпитетомъ того же корня, напримѣръ, день деньской, тьма тьмуцая, диво дивное и т. п. Выраженія эти, конечно, всякій понимаетъ въ смыслѣ наибольшаго усиленія содержащихся въ нихъ понятій. Вообще аллитерація еще понятна, какъ легко впечатлѣвающееся въ памяти сопоставленіе подобозвучныхъ и въ то же время разнозначащихъ словъ, напримѣръ: мірская молва—морская волна, а не какъ созвучіе словъ тождественныхъ.

3) Повтореніе понятія въ положительномъ и сподрядѣ въ отрицательномъ выраженіи. Напримѣръ:

- Не величка, маленька.
- Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко.
- Не правду ты башь, все ложь говоришь.
- Не радостну вѣсточку, все печальную.

б) Повтореніе понятія въ синонимахъ:

- Деверечекъ—мужиниъ братъ.
- Вспомяну я молодость тоскою—кручиною, печалью великою.
- Поведутъ тебя рядами, меня лавочками; тебя будутъ бить батожемъ, меня палочками;
- Пора умъ-разумъ копить.
- Пора время,
- Съ горя со кручны.
- Во пиру была, во бесѣдушѣ.
- Вѣрой-правдой.

б) Синонимъ при особой цифрѣ счета:

Есть четыре горя, пятая кручина. Сравни. Въ шести бѣдахъ онъ спасетъ тебя, и въ седьмой не коснется тебя зло. Іовъ, 5, 19¹⁾.

Ограничиваю свой трудъ подлежащимъ разсмотрѣніемъ ритмическихъ свойствъ и только двухъ поэтическихъ формъ народно-русской пѣсенной рѣчи,—повтореній и параллелизма, какъ особенно рѣзко отличающихъ ее отъ склада нашей литературной рѣчи. Для полноты обзора можно было бы, конечно, распространиться и объ второстепенныхъ особенностяхъ, синтаксическихъ и этимологическихъ, каковы сокращенія и удлинненія грамматическихъ формъ, употребленіе дополнительныхъ частицъ и т. д., что все допускается въ пѣсенной рѣчи вслѣдствіе ея ритмизаціи, то-есть, въ видахъ ея приспособленія къ напѣвному ритму: но въ такомъ случаѣ изслѣдованіе приняло бы слишкомъ большіе размѣры.

¹⁾ Статья г. Олесницкаго, стр. 467.

СПИСОКЪ

пѣсень, на изслѣдованіи которыхъ основаны выводы пред-
лежащихъ статей.

№№ пѣсень по порядку.	СХЕМЫ.	Стилистиче- мело- скал. діѣ- нал.		Перелага- тели *).
		скал.	мело- діѣ- нал.	
1. Ай, во полѣ, ай во полѣ.	XXV	μ		
2. Ай, на горѣ дубъ, дубъ	XXIII	μ		А.
3. Ай, на горѣ макъ	XXXV	ν		
4. А какъ по лугу, лугу	XXX	μ		Б.
5. А кто у насъ холостой.	XX	λ		А.
6. Мы просо сѣяли, сѣяли	XX	λ		
7. Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни	VI	ι		Аѳ.
8. Ахъ, деревня отъ деревни	XXX	μ		Р.
9. Ахъ, жинъ я молодець	XXX	μ		Р.
10. Ахъ, Дунюшка! ахъ, Дунюшка	XXIX	ο		
11. Ахъ, какъ ныѣшняя зима	XXX	η		Як.
12. Ахъ, какъ тошно мнѣ, тошенько	XIV	η		Аѳ.
13. Ахъ, какъ чей это садочекъ	XIV	η		
14. Ахъ, молодость, молодость	XX	λ		Р.
15. Ахъ, на чтожь было горѣдъ	XX	λ		
16. Ахъ, не одна-то, не одна во полѣ.	XVI	ζ		Р.
17. Ахъ, рѣченьки, рѣченьки	XXX	μ		Р.
18. Ахъ, со вечера порошокъ	II	β		
19. Ахъ, таланъ-ли мой, таланъ	VI	β		Аѳ.
20. Ахъ, ты садъ ли мой.	II	β		Аѳ.
21. Ахти, горе великое.	XXX	ι		
22. Ахъ, ты, день ли мой, денечекъ.	II	β		
23. Ахъ, ты душечка, красная	II	β		В.
24. Ахъ, ты, Настенька, душа	XXII	μ		Р.
25. Ахъ, утушка моя луговая.	XL	μ		Б.
26. Ахъ, чтожь ты голубчикъ	XIX	θ		Аѳ.
27. Ахъ, ты, воля моя.	VIII	ρ		
28. Бѣлолица, круглолица	XXXVI	η		В.

*) Пѣсни, противъ которыхъ не выставлена фамилія перелагателя, нотиро-
ваны авторомъ. Сокращенія въ фамиліяхъ перелагателей значагь слѣдующее:
А.—Албрехтъ, Аѳ.—Афанасьевъ, В.—Валакиревъ, В.—Варламовъ, Вр.—Ворот-
никовъ, Г.—Гурилевъ, Пр.—Прокудинъ, Р.—Рожновъ, Як.—Яковлевъ.

МѢ ПЪСЕНЬ
ПО ПОРЯДКУ.

С Х Е М Ы.

	Стилистиче- скал.	мело- дѣй- ная.	Перелага- тели.
29. Ваня, Ваня, братецъ	XIX	μ	
30. Идоль да порѣчкѣ	XXI	θ	
31. Вдоль по морю	XXV	μ	Б.
32. Вдоль по питерской	XXX	η	Р.
33. Вдоль по улицѣ метелца	XII	з	В.
34. Вдоль по улицѣ въ конецъ	XXXII	μ	Б.
35. Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ	XX	λ	
36. Вдоль по улицѣ молодецкѣ, по широкой	XXXIII	μ	
37. Веретены не точены	XXIII	μ	
38. Веселая бесѣдушка	XLVIII	σ	
39. Вдумала я, дѣвушка	XLVII	ρ	
40. Взойди, взойди, солнце	XX	λ	Пр.
41. Винный нашъ колодезь	XXIII	μ	
42. Виноградъ въ саду	XXIII	μ	
43. Вязъ по камушкамъ	IX	λ	
44. Вязъ по матушкѣ	VI	β	Р.
45. Во бору то во бору	II	β	Пр.
46. Возгѣ рѣчки	XXV	μ	Аѳ.
47. Во лѣсочкѣ комарочковъ	XXX	η	Аѳ.
48. Во полѣ береза	XL	μ	
49. Во саду ли въ огородѣ	XXX	μ	Аѳ.
50. Во селѣ, селѣ	XXX	η	
51. Вотъ сизой орехъ	XIV	μ	Пр.
52. Все по свѣтицѣ	XXVII	η	Р.
53. Вспомни, вспомни	II	β	Аѳ.
54. Всѣмъ сердцемъ шусусь	XIV	η	
55. Въ темномъ лѣсѣ	XXIV	θ	Р.
56. Выйду ль я на рѣченку	XXX	μ	Аѳ.
57. Вылетала бѣдна пташка	II	β	Пр.
58. Влузьяхъ	XXV	μ	В.
59. Вы морозы	II	β	
60. Вы солдатунки-узаны	VI	β	
61. Гдѣ жъ ты была	XXVIII	ε	Пр.
62. Говорилъ то мнѣ	VI	β	Аѳ.
63. Головка болитъ	XLV	ρ	
64. Голова ли моя	XX	λ	
65. Груня, Груня	XXX	μ	
66. Давно сказано	XXXI	μ	Пр.
67. Дѣвки по лугу гуляли	XXXI	μ	Аѳ.
68. Дѣвушка крапивушку	VI	β	
69. За дворомъ, дворомъ	VI	β	Б.

№ пѣсенъ по порядку.	С Х Е М Ы.		
	Стилистиче- скал.	мело- дій- ная.	Чертага- теп.
70. Заиграй мся волынка	XX	μ	Б.
71. Заявка-горпостанька	XLIII	β	Пр.
72. Заявка поскачи	XXXIII	μ	Аө.
73. За моремъ синичка	II	β	Р.
74. Заплетися плетень	LI	π	
75. За рѣкою хмѣль	XXIII	μ	
76. Здравствуй, милая	VI	β	
77. Земляничка, ягодка	XXXVIII	λ	Р.
78. Ивушка	VI	β	В.
79. Изъ подъ дуба	XXXII	μ	Аө.
80. И я золото хороню	LII	π	А.
81. Какъ вечеръ тоска	VI	β	Р.
82. Какъ во городѣ царевна	XV	λ	Б.
83. Какъ во славномъ было градѣ	XLVII	ρ	
84. Какъ во попѣшнемъ году	VI	β	
85. Какъ гнилая то солома	XXXII	μ	
86. Какъ за рѣченькой слободушка	VI	β	Р.
87. Какъ на горѣ, на горѣ	XXX	μ	
88. Какъ на дубчикѣ	XXX	ε	Р.
89. Какъ на матушкѣ на Невѣ	VI	β	
90. Какъ на рѣчкѣ, на лужечкѣ	XVI	ε	Пр.
91. Какъ не ясные соколики	VI	β	
92. Какъ не пава	V	ε	
93. Какъ подъ яблонькой	XIV	μ	Пр.
94. Какъ по садку	XX	λ	Пр.
95. Какъ пошла наша бабушка	XXXIX	β	
96. Какъ пошли наши подружки	XX	μ	
97. Какъ сказали, въ Петербургѣ	XXX	μ	*
98. Какъ у батюшекъ въ зеленомъ	XXX	η	Аө.
99. Какъ у насъ-то за дворьемъ	XI	μ	Пр.
100. Какъ у нашего широкаго	II	β	Аө.
101. Какъ у нашихъ у воротъ	XI	μ	Пр.
102. Какъ у нашихъ у воротъ стоитъ озеро	XX	λ	Р.
103. Какъ цвѣли то цвѣли	XXI	η	Г.
104. Капитанская дочь	XXXVII	ε	В.
105. Катенька веселая	XIV	β	Б.
106. Коледа	XVIII	ζ	
107. Лучина	XXXVI	η	
108. Матушка, да и что же	XIV	λ	Пр.
109. Между двухъ бѣлыхъ березъ	XXXII	μ	Пр.
110. Миѣ моркотно	XXXVIII	λ	Аө.

ЛѢХ пѣсень
по порядку.

	С Х Е М Ы.	Стилистиче- ская.	мело- дѣй- ная.	Передача- темп.
111. Молодецъ коня понлъ	XXXII	μ		Пр.
112. Молодка, молодка	XIV	κ		Ае.
113. Мы споете пѣсню нову	I	α		
114. На горѣ-то камна	XXIII	μ		Пр.
115. Надоѣли ночи	XI	γ		Б.
116. Надъ рѣкою	XLVII	ρ		
117. На Иванушкѣ чапанъ	XXXII	θ		Б.
118. На морѣ лебедушка	VI	β		Пр.
119. Не будите меня	XXXVI	μ		Ае.
120. Не было вѣтру	XXIII	θ		Б
121. Не бѣлы-то снѣга	III	γ		Ае.
122. Не красное въ полѣ солнце	XLVII	ρ		
123. Не кукушечка во сиромѣ	XLIV	ρ		Ае.
124. Не летай	XXX	μ		Пр.
125. Не спасибо тебѣ	II	β		Б.
126. Никакъ не возможно	XXX	η		
127. Ночи темны	IV	δ		Пр.
128. Ночка, ноченька	XXX	ι		
129. Не шуми мати зеленая	VI	β		
130. Нмиче праздникъ	I	α		
131. Объ чемъ же ты, Машенька	VIII	γ		
132. Ой, вы, дѣтушки	I	α		
133. Ой, да понила	XXVI	η		
134. Ой заря ль	XXXVIII	λ		
135. Ой на горѣ, горѣ	XX	λ		Р.
136. Ой подѣ грушею	XX	λ		
137. Отъ чего у Маши заплаканы	VI	β		
138. Патока съ имбиремъ	I	α		
139. По горамъ	XXIV	μ		
140. Подойду, подойду	XXIV	μ		Б.
141. Подувъ, подуй	II	π		Б.
142. Подѣ яблонью	XXXVI	μ		Б.
143. Пожила-то я въ тоскѣ	XIII	ζ		Ае.
144. Полно вамъ, снѣжочка	VI	β		
145. Полно, милая моя, крушиться	XIV	ι		
146. Полно солнышко	VI	β		Ае.
147. Полоса ль моя	VI	β		Р.
148. Посѣю ль я лебеду	XXIII	μ		
149. Посѣяли дѣвки ленъ	XL	μ		Б.
150. По улицѣ мостовой	XXXVII	θ		Р.
151. Пошелъ козелъ въ огородъ	LV	σ		

№ пѣсенъ по порядку.	СХЕМЫ.		Перелга- тели.
	Стреловидно- свая.	мело- дич- ная.	
152. Пошелъ козель за лыками	XXXIV	η	
153. Поѣхала Дуся	XLI	ο	
154. При долинушкѣ калпнушка	I	α	Аѳ.
155. Приди моя пряха	XIV	μ	Р.
156. Раннѣе рано	XXIII	μ	Аѳ.
157. Сидитъ наша гостинька	XV	ζ	В.
158. Сизъ голубчикъ	X	γ	
159. Сидѣлъ воронъ	II	β	Пр.
160. Сизый голубочекъ	XXVIII	τ	Пр.
161. Скучно, матушка, весною	II	β	Аѳ.
162. Слава Богу на небѣ	XVII	ζ	Аѳ.
163. Со вѣнкомъ я хожу	XXI	ι	Пр.
164. Соловей	XIV	μ	
165. Синтѣ мпѣ, младешенькѣ	XIV	η	
166. Стой, мой милый хоровадь	XXIII	μ	В.
167. Туманъ, туманъ на долинь	XXIII	μ	
168. Ты взойди	VI	β	
169. Ты поди, моя коровушка	XXXII	μ	
170. Ты стой, моя рябинушка	VIII	γ	
171. У воротъ, воротъ	XXXII	θ	В.
172. У воротъ дѣвка стоитъ	XXXII	η	Р.
173. У воротъ сосна	XX	λ	
174. У Дувюшки любушки	L	σ	
175. Ужь вы, горы мои	XLIX	σ	
176. Ужь вы, кумушки	VI	β	
177. Ужь вы, ночи ¹⁾	LIV	ρ	Пр.
178. Ужь и шель черенець	XIX	η	Пр.
179. Ужь ты поле	XIV	ι	В.
180. Ужь ты сизенькій	XXX	μ	
181. У ключа	VI	β	Пр.
182. У меня ль во садочкѣ	XXXIII	μ	Р.
183. У меня ли мужъ	XX	μ	А.
184. Ужь какъ палъ туманъ	II	β	
185. Ходили дѣвушки	XXI	μ	Р.
186. Ходила младешенька	XXX	η	Аѳ.
187. Хожу я гуляю	XXXII	η	Пр.
188. Хожу я по уляцѣ	XXXII	η	Р.
189. Хорошо тому на свѣтѣ	VI	β	

¹⁾ Пѣсня тождественна съ помѣщенной подъ № 115, но оказалась въ другой схемѣ, вслѣдствіе различной транскрипціи двухъ перелгателей.

ПѢСНИ
по порядку.

		С Х Е М Ы.		
		Ступищиче-	мело-	Перелата-
		ская.	дѣй-	
			ствая.	тели.
190.	Царинѣ смнѣ	VII	β	
191.	Что красотка	XIV	γ	Р.
192.	Что не пыль	V	γ	Пр.
193.	Бѣхалъ панъ	XXV	μ	Б.
194.	Э! охъ! долина	XLVI	ρ	
195.	Эй, ухнемъ	XLII	ν	Б.
196.	Ябъ желала	II	β	Пр.
197.	Я вечеръ молода	XXX	η	
198.	Я вечеръ своево милова	VIII	γ	
199.	Я мала была	XIV	μ	
200.	Я на камушеѣ сажу	XXXI	λ	
201.	Я не думала	VI	β	Ае.
202.	Я нашу	XX	λ	
203.	Я по берегу	VI	β	
204.	Я пойду-ли вдоль	XIII	ζ	Ае.
205.	Я поѣду ли млада	XXX	α	
206.	Я поѣду во Китай-городъ	XV	ζ	
207.	Я съяла	XLIII	ρ	

С. Шафрановъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Felix Liebrecht. *Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze.* Heilbronn. 1879.

Возвратиться къ трудамъ чловѣка, который былъ первымъ руководителемъ въ извѣстной области знанія, доставляетъ какое-то особое удовольствіе, смѣшанное съ болѣзненнымъ любопытствомъ. Точно обновляешь впечатлѣнія стараго пути, по которому когда-то брелъ ощупью или разсѣянно, а теперь ступаешь твердо и сознательно — потому что путь исправленъ и выровненъ, и мелкія просѣки слились въ одну торную дорогу.

Работы Либрехта, за исключеніемъ его примѣчаній къ Денлоповой *History of Fiction* и къ *Otia Imperialia* Гервасія изъ Tilbury, были преимущественно отрывочнаго характера, мелкія статьи, являвшіяся въ поврежденных научныхъ изданіяхъ. Правда, этихъ замѣтокъ было такъ много, что читатель, внимательно слѣдившій за всякою строкой извѣстнаго ученаго, недоумѣваетъ, какимъ образомъ все это могло умѣститься въ томъ, лежащемъ передъ нимъ. Но авторъ выбралъ изъ своихъ произведеній лишь то, что ему самому казалось болѣе достойнымъ вниманія и цѣннымъ. Здѣсь причина того болѣзненнаго любопытства, о которомъ я сказалъ выше. Слѣдя за мелкими работами Либрехта, всякій изъ насъ, трудившійся въ области *Volkskunde*, набирался не только фактическаго знанія, но и общихъ точекъ зрѣнія, и методологическихъ приемовъ: и то, и другое онъ принужденъ былъ выбирать, обобщая, изъ массы специальныхъ замѣтокъ и народно-поэтическихъ данныхъ, сведенныхъ вмѣстѣ искусною рукою. Въ результатѣ получилось нѣчто полное и цѣльное, вышедшее изъ направленія Либрехта, подсказанное его трудами. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, и не субъективная ли то была увѣренность — на этотъ

вопросъ лучше всего могъ отвѣтить самъ авторъ, выборомъ работъ какъ бы приглашая насъ къ повѣрѣнью своихъ выводовъ и нашихъ обобщеній. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не пожалѣть, что сборнику не предшествуетъ никакого общаго введенія, и авторъ не высказалъ своего личнаго взгляда на задачи и границы изслѣдованія въ той области вѣдѣнія, которую онъ называетъ *Volkskunde*. Лучшее и болѣе подходящее, по своей широкой неопредѣленности, названіе трудно было и подыскать. Въ самомъ дѣлѣ, подъ какую другую рубрику подойдутъ слѣдующіе, довольно разнообразныя отдѣлы, на которые распадается сборникъ Либрехта: 1) народныя преданія (*Sagenkunde*); 2) сказки и басни; 3) новеллы и шванки; 4) народныя пѣсни; 5) мнѳология, исторія религій, народныя вѣрованія, нравы и обычаи и т. п.; 6) общая исторія литературы; 7) лингвистическія замѣтки, идиотизмы и т. п.? Итальянецъ Питрѣ, какъ извѣстно, нашелъ другую столь же удобную или неудобную формулу, отвѣчающую понятію *Volkskunde*: дѳмонпсихологія. Правда, ни подъ то, ни подъ другое заглавіе не подходитъ, строго говоря, такой, напримѣръ, сюжетъ, какъ повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ, завѣдомо завезенная въ Европу литературнымъ путемъ. Но *Volkskunde* вѣдаетъ не только исконное достояніе народной поэзіи и быта, но и то чужое, что стало своимъ, читая поэзію народной пѣсни и быта. Самъ авторъ не даетъ особаго значенія разверсткѣ своихъ статей по указаннымъ выше отдѣламъ: перѣдко отдѣлы сливаются другъ съ другомъ—по смежности матеріала; иному можетъ показаться, что замѣтки по „общей исторіи литературы“ не укладываются въ понятіе *Volkskunde*; тѣмъ не менѣе онѣ къ ней относятся, по крайней мѣрѣ, со стороны своихъ сюжетовъ, говоритъ авторъ (*Vorgwort*, стр. V), успокоиваясь этимъ, очевидно, внѣшнимъ предлогомъ. Въ томъ общемъ введеніи, которое нынѣ является desideratumъ, было бы умѣстно разъяснить и самое понятіе о *Volkskunde*, которое, иначе, представляется чѣмъ-то сборнымъ и не строгимъ.

Собираясь посвятить нѣсколько словъ книгѣ Либрехта, мы не будемъ держаться ея внѣшнихъ отдѣловъ, а поищемъ другихъ отличій, вытекающихъ изъ самаго состава и характера статей.

Статьи эти распадаются на двѣ группы. Однѣ изъ нихъ отличаются опредѣленностью, законченностью сюжета, который исчерпываютъ съ замѣчательною полнотой. Я обращаю вниманіе на статьи о *Mäuse-thurm* (сказанія о людяхъ, поѣденныхъ мышами); объ Амурѣ и Психеѣ, Зевсѣ и Семелѣ, *Purgavaas* и *Ugvasi*; о Тамусѣ-Адонисѣ; объ обычаѣ бросать камни на могилы; объ источникахъ Варлаама и Іосафа, и часть ссв. отд. 2.

объ одномъ позднемъ отраженіи нѣмецкой поэмы о Вольфдитрихѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются давно заслуженною извѣстностью: я укажу лишь на работу о Варлаамѣ и Иосафѣ, результаты которой приняты европейскою наукой.

Менѣе извѣстна непосредственно слѣдующая затѣмъ библиографическая находка Либрехта: *Zur Literaturgeschichte des Wolfdietrich*. Въ половинѣ XVI вѣка гугенотъ Antoine du Pinet написалъ баснословную исторію графовъ Sault (въ Провансѣ), будто бы происшедшихъ изъ рода властителей Goltzaw въ Помераніи. Своимъ источникомъ du Pinet называетъ нѣмецкую стихотворную поэму, *escrite à la main, il y passé deux cent ans*. Въ ней разказывалось слѣдующее: Принцъ Hugues de Trich сошелся тайно съ дочерью короля Померанскаго Вальдунга, обѣщавъ на ней жениться. Мать, замѣтивъ беременность дочери, заключила ее въ замокъ; тамъ принцесса родила сына, котораго ея мамка (*gouvernante*) спустила, закутаннаго и снабженнаго всѣмъ нужнымъ, въ ровъ, гдѣ долженъ былъ принять его на свое попеченіе крестьянинъ. Пока ребенокъ лежалъ на землѣ, его унесла волчица; на другой день Вальдунгъ видитъ ее на охотѣ и преслѣдуетъ до логовища, гдѣ находитъ ребенка, богато одѣтаго, котораго и беретъ съ собою; мальчику, котораго торжественно окрестили въ *Selbenneckel*'ѣ, нарекли имя *Wolf*, *c'est à dire Loup*. Узнавъ о всемъ происшедшемъ, его мать открываетъ родителямъ все, что было между нею и Hugues de Trich, который и женится на ней. Послѣ смерти первой жены онъ вступаетъ во второй бракъ съ дочерью Константинопольскаго императора. Сынъ его *Wolf de Trich*, принявшій въ свой гербъ изображеніе волка, воюетъ съ Саксами и Турками и беретъ за себя Сидрихъ, дочь Русскаго царя (*roy de Russie*); сынъ его, также носившій имя *Wolf*, переселился въ южную Францію, гдѣ онъ и его наслѣдники владѣли графствомъ Sault, какъ ленномъ имперіи. Это явствуетъ, говоритъ du Pinet,—изъ ленной грамоты, въ которой, впрочемъ, имя *Wolf de Trich* искажено въ *Lupus de Trawnitz*.

Нѣмецкая поэма, о которой говоритъ du Pinet, какъ объ источникѣ своего разказа, была извѣстная поэма такъ-называемаго ломбардскаго цикла о Hug- и *Wolfdietrich*'ахъ: Hugues de Trich и *Wolf de Trich* ничто иное, какъ неумѣлая передѣлка этихъ именъ; царь Вальдунгъ, въ землѣ котораго лежитъ городъ *Selbenneckel*, это—король *Wal Gund von Salnecke*, то-есть, Солунскій; *Sidrach* отвѣчаетъ *Sirat*'ѣ, женѣ Ортията, въ послѣдствіи супругъ *Wolfdietrich*'а.—До сихъ

порѣ сопоставленія Либрехта не вызываютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и мы можемъ заключить, что du Pinet довольно свободно воспользовался чертами нѣмецкой поэмы, случайно попавшейся ему въ руки, съ цѣлью новой локализациі и прославленія южно-французскаго графскаго рода. На сколько прочны дальнѣйшія замѣчанія автора, я не берусь рѣшить: въ Trawnitz (въ другомъ мѣстѣ: Antrawnito) ленной грамоты онъ усматриваетъ босанскій Травникъ, а въ искаженіи Sebeneskel изъ Salneske видитъ вліяніе Sebenico, можетъ быть, также упомянутаго въ грамотѣ: „Вѣроятно, Босанцы, какъ и Албанцы, выселились, по мѣрѣ наступленія Турокъ, болѣе всего въ Италію, гдѣ и теперь еще существуютъ славянскія и албанскія колоніи (а Босанцы переняли славянскую рѣчь) (sic); болѣе знатные и богатые могли проникать и далѣе, какъ Lupus de Trawnik, въ южную Францію: имя Lupus, вѣроятно, латинизація или переводъ славянскаго имени“.

Предоставляя славистамъ отыскивать слѣды знатной босанской эмиграціи на югъ Франціи, остановлюсь на другомъ соображеніи Либрехта. Въ поэмѣ о Вольфдитрихѣ является св. Георгій: онъ—крестный отецъ героя; подъ конецъ жизни Вольфдитрихъ удалется въ монастырь Titschal, что лежитъ на окраинахъ христіанскаго и языческаго міровъ, и тамъ становится монахомъ; въ пѣснѣ объ Эккѣ монастырь названъ Tischen и находится въ Бургундіи. Недалеко отъ Дижона, въ Rougemont, было основано около 1300 года орденское братство имени св. Георгія, учрежденное въ цѣляхъ поддержанія благочестія, братской любви и добродѣтельной жизни. Эти данныя ведутъ изслѣдователя къ такимъ выводамъ: Георгій и упоминаніе Дижонскаго (Дижонъ въ Бургундіи=Tischen) монастыря (то-есть, собственно бургунскаго ордена св. Георгія въ Rougemont, по толкованію Либрехта) попали въ нѣмецкія поэмы лишь послѣ 1300 года!—Едва ли такое заключеніе можетъ быть поддержано. Дѣло въ томъ, что du Pinet, какъ видно изъ его разказа, зналъ поэму о Вольфдитрихѣ уже въ сплоченіи съ поэмой объ Ортнитѣ, на что указываетъ имя Sidrach=Sidrat. Сплоченіе это произошло, какъ обыкновенно полагаютъ, около 1240 года. Поэма объ Ортнитѣ дала, съ своей стороны, черты для французской *chanson de geste* о Huon de Bordeaux, въ которой Оберонъ отвѣчаетъ нѣмецкому Альбериху; въ прологѣ къ Huon de Bordeaux, относящемся къ половинѣ XIII вѣка, Георгій является братомъ Оберона, что напоминаетъ его отношенія къ Вольфдитриху. Я полагаю, что локализациія монастыря Titschal на дальнемъ

востокѣ древнѣе дижонской, которая могла явиться подѣ влияніемъ хотя бы Ружмонскаго братства.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что принятія въ сборникѣ статьи не подверглись такой переработкѣ, которая свидѣтельствовала бы о новомъ пересмотрѣ вопроса и измѣнившейся точкѣ зрѣнія. У автора часто не доставало на то новыхъ матеріаловъ, книжныхъ пособій (сл. Vorwort, стр. V). Въ статьѣ объ Амурѣ и Психеѣ онъ обѣщалъ вернуться къ этой темѣ съ цѣлью выяснитъ общую идею, лежащую въ основѣ разказовъ этого цикла; но онъ отказался отъ этого плана и ограничился простою перепечаткой старой работы и небольшимъ дополненіемъ фактическаго содержанія (сл. стр. 247 и примѣчаніе 2-е на стр. 249). Въ иныхъ случаяхъ у него были подѣ руками и новые матеріалы, и противорѣчія взглядовъ, съ которыми слѣдовало сосчитаться. Такъ, статья о Mäusethurm вызвала замѣчанія Громана въ его: *Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen*; Либрехтъ воспроизвелъ однако свою статью безъ перемѣнъ, и рядомъ съ нею критическую замѣтку на работу Громана, не сливъ ихъ въ одно цѣлое, что онъ позволялъ себѣ однажды дѣлать въ другихъ случаяхъ (Vorwort, стр. V).

Главныя измѣненія, отличающія статьи сборника, состоятъ въ пополненіи ихъ фактическими данными. Что эта сторона дѣла, обличающая обширную начитанность во всѣхъ возможныхъ отдѣлахъ литературы, исполнена добросовѣстно, за это ручается репутація Либрехта, книга котораго сдѣлается настольною для всякаго будущаго спеціалиста. Въ особенности будетъ онъ ему благодаренъ за сообщеніе и приведеніе въ порядокъ массы данныхъ, касающихся разныхъ сторонъ народнаго быта и суевѣрія. Этимъ характеромъ „сообщеній“, не связанныхъ единствомъ темы, отличается вторая отдѣлъ статей сборника, въ числѣ которыхъ я отмѣчу слѣдующія: норвежскія повѣрья (стр. 310—341), нѣмецкія (341—358), шотландскія (358—362), исландскія (312—373); о правахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ (377—407) и т. п. Сообщенія эти сопровождаются нерѣдко указаніемъ на существованіе подобныхъ же повѣрій, обычаевъ и обрядовъ у другихъ народовъ, при чемъ какой нибудь нѣмецкій обычай вызываетъ память о такомъ же классическомъ, китайскомъ или японскомъ, мексиканскомъ или египетскомъ, славянскомъ или негритянскомъ. Что доказываютъ эти сближенія, или скорѣе, что назначены они доказать? Моммсенъ сомнѣвался въ ихъ состоятельности: „Взглядъ, скользкій поверхъ народныхъ особенностей, легко туманится, и предается заб-

венію главная и истинная основа исторической критики—что всякое историческое явленіе необходимо изслѣдовать и объяснить прежде всего въ границѣ народности, которой оно принадлежитъ, и лишь результатъ подобнаго изслѣдованія можетъ дать почву для изслѣдованія явленій общихъ многимъ народностямъ". Маннгардтъ, нерѣдко любившій „скользить" подъ опасеніемъ огуманенія, назвалъ эти слова Моммсена „золотыми" и поспѣшилъ прибавить нѣсколько своихъ—*pro domo sua*: онъ также сближалъ, минуя народныя отличія, но такъ какъ его цѣль—не изысканіе исторической связи, а описаніе типовъ, то онъ и считалъ себя въ правѣ воспользоваться правами, напримѣръ, ботаника, сравнивающего хвойныя породы Европы и Америки. Наблюденіе свойствъ, общихъ тѣмъ и другимъ, приводитъ къ убѣжденію, что эти свойства принадлежатъ цѣлому роду; одинаковыя представленія, вызванныя однимъ и тѣмъ же предметомъ въ двухъ различныхъ странахъ, заставляють заключить о психологической необходимости этихъ представленій, и одно служитъ къ объясненію другаго (Liebrecht, l. c., стр. 509, примѣчаніе къ стр. 394). Либрехтъ (стр. 394) также спѣшилъ оградиться отъ золотыхъ словъ: „Само собой разумѣется", говоритъ онъ по поводу сближеній греческихъ и римскихъ обрядовъ съ инородными,—„что такого рода сопоставленія имѣють исключительною цѣлью доказать, что тѣ же представленія и воззрѣнія, встрѣчающіяся у различныхъ народовъ, вызывали и одинаковые обычаи, хотя съ другой стороны, нерѣдко приходится заключить отъ ихъ существованія къ одному общему имъ источнику".

Это „хотя съ другой стороны" приводитъ въ смущеніе, какъ вообще всякая двойственность рѣшенія. Еще хуже, если возможность истины открывается еще и съ третьей стороны. Такъ поставленъ вопросъ въ статьѣ Либрехта, посвященной легендѣ о людяхъ, пожранныхъ мышами. Легенда эта восходитъ къ миенческой порѣ (стр. 5); нѣкоторыя редакціи ея, или быть можетъ, одна какая-нибудь, основана на дѣйствительномъ происшествіи; большинство относится, быть можетъ, къ роду странствующихъ сказаній (стр. 10); родина легенды—Турфанъ (стр. 16). Въ сущности, Либрехтъ и не стоитъ за какую-нибудь изъ этихъ гипотезъ: ему важно было доказать, что легенда-мишь, основана на древнемъ обычаѣ и сохранила о немъ поэтическую память (стр. 10). Но какой же это обычай?

Я не буду передавать содержаніе легенды, полагая его общезвѣстнымъ. Либрехтъ собралъ указанія, свидѣтельствующія, что она

была знакома въ Германіи, Польшѣ (о королѣ Попелѣ II), Англіи, Даніи, Франціи; другія его сопоставленія болѣе касаются роли мышей въ народныхъ сказаніяхъ вообще, чѣмъ той спеціальной формы саги, которую лучше всего выражаетъ заглавіе его статьи: *Der Mäuse-thurin*. Но такъ велика его совѣстливость, что онъ не опустилъ и замѣтки Клапрота: „Pendant mon séjour à Irkoutsk en 1806 on reçut un rapport du commandant d'Okhotsk qui portait qu'une troupe innombrable de rats, ayant traversé la mer, était venue manger non seulement tout ce qui se trouvait dans les magasins du gouvernement, mais les magasins eux mêmes“ (стр. 14). Либрехтъ замѣчаетъ по этому поводу: сообщеніе Клапрота знакомитъ насъ съ новѣйшею редакціей легенды: по крайней мѣрѣ мы узнаемъ, что (какъ и въ древней легендѣ) мыши переплываютъ воду и даже уничтожаютъ цѣлыя магазины. Здѣсь изслѣдователь спохватился: не могъ же комендантъ Охотска сообщать по начальству вариантъ къ сказаніямъ объ архіепископѣ Гатонѣ! Донесеніе касалось дѣйствительнаго происшествія, и Либрехтъ поспѣшилъ подтвердить это въ примѣчаніи, объяснивъ, что охотская мышь принадлежала къ породѣ странствующей или водяной.

Но мы повторимъ вопросъ объ обычаяхъ, опозтизированной въ легендѣ. Очертанія послѣдней слѣдующія: какой-то человѣкъ наказанъ за свой проступокъ мышами; онъ его преслѣдуютъ, онъ старается укрыться отъ ихъ преслѣдованія въ башнѣ, на деревѣ, на островѣ, на кораблѣ, но все напрасно: онъ погибаетъ, съѣденный назойливыми звѣрками.

Чтобы добраться до стараго обычая, Либрехтъ измѣняетъ послѣдовательность разказа: въ легендѣ мыши являются на второмъ мѣстѣ, а на первомъ—человѣкъ, отъ нихъ спасающійся. Въ началѣ было на оборотъ: мыши поѣдали—очевидно не того человѣка, котораго мы видимъ потомъ въ башнѣ, на деревѣ и т. п., а кого-нибудь или что-нибудь другое: онъ опустошили страну. Уже затѣмъ выходилъ на сцену человѣкъ, уединенный на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ; Либрехтъ полагаетъ ту форму сказанія наиболѣе древнею, гдѣ такимъ мѣстомъ явилось дерево. И такъ, мыши причинили опустошеніе, является человѣкъ на деревѣ, не затѣмъ, чтобы укрыться отъ нихъ, а по другой причинѣ, и притомъ невольной: онъ—повѣшенъ. Дѣло въ томъ, что въ древности наивные народы обвиняли въ несчастіяхъ и невзгодахъ, ихъ постигшихъ, своихъ правителей. Шло ли дѣло о неурожаѣ, или о бездождьи или опустошеніяхъ, причиненныхъ странствующею мышью,—во всемъ виноваты были цари. Либрехтъ

иллюстрируетъ эту древнюю истину словами Густава Ваза (1517 г.) на Вестероскомъ сеймѣ; только Густавъ Ваза былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, которыхъ въ такихъ случаяхъ постигала народная кара: ихъ убивали, то-есть, приносили богамъ, какъ искупительную жертву; ихъ могли и вѣшать: у Германцевъ повѣшаніе не было унизительною казнью, съ тѣхъ поръ какъ самъ Одинъ провисѣлъ на міровомъ деревѣ, хотя и по своей собственной волѣ.

Вотъ почему Либрехту приглянулось дерево въ легендѣ о мышахъ: на немъ можно было повѣсить даже властителя. Мы дошли до народно-юридической основы сказанія: опустошеніе страны мышами вызвало народное возмездіе: властитель повѣшенъ на деревѣ. Эта основа въ послѣдствіи была забыта, обѣ части сказанія перепутались, и стали разказывать, что самъ властитель былъ пожранъ (на деревѣ) мышами; а далѣе дерево замѣнилось башней, островомъ и т. д. (сл. стр. 7 въ концѣ; стр. 10).

Такимъ же точно путемъ добывается Либрехтомъ древній уголовный обычай изъ баснословныхъ подробностей сказки и картинныхъ выраженій пѣсни. Я имѣю въ виду статью: Eine alte Todesstrafe (стр. 296—305). Въ прозаической Эддѣ упоминается о такомъ родѣ смерти, что на голову жертвы падалъ жерновъ; то же въ нѣмецкой сказкѣ. „Чисто миѣическое наказаніе“, говоритъ о немъ Гриммъ¹⁾; но Либрехтъ на этомъ не успокоивается, а заключаетъ, что въ древности дѣйствительно существовало такого рода наказаніе, при чемъ тѣло обреченнаго смалывалось жерновами: „Какъ это дѣлалось—не извѣстно; клали ли преступника живымъ между жерновыми камнями, или его убивали сначала, а затѣмъ бросали подъ жернова отдѣльныя части его тѣла, или же наконецъ, мололись однѣ кости? Сколько можно заключить изъ указаній, казнь производилась то такъ, то иначе“ (стр. 299). Указанія эти доставили пѣсни, сказки и мѣстные преданія. Такъ въ далматской пѣспѣ ставится вопросъ: хочешь ли, чтобы тебя смололи на мельницѣ? Въ одной греческой пѣспѣ мужъ изрубилъ невѣрную жену вмѣстѣ съ ея любовникомъ и затѣмъ несетъ ихъ на мельницу, чтобы измолоть изрубленные члены, и т. д. Всѣ эти подробности сказочнаго характера, замѣчаетъ Либрехтъ (стр. 301),—но онъ позволяютъ заключить съ достовѣрностію, что смертная казнь подобнаго рода дѣйствительно существовала. Я могу это подтвердить историческимъ примѣромъ, продолжаетъ онъ;—о послѣднемъ вла-

¹⁾ Сл. впрочемъ его Rechtsaltestümer, стр. 739 ж слѣд.

ститель Pattan Somnath, опустошенномъ мусульманами въ 1024 году, разказываютъ, что онъ ежедневно предавалъ смерти одного мусульманина, котораго либо мололи на мельницѣ для олея, либо толкли въ ступѣ.—Что если эти розказни такого же сказочнаго характера, какъ и сообщенныя выше подробности пѣсенъ и сказокъ? Мы лишились бы опоры дѣйствительнаго историческаго факта.

Предыдущей выписки намъ было бы совершенно достаточно, чтобы привязать къ ней нѣсколько общихъ соображеній. Но Либрехтъ идетъ и далѣе: восстановивъ древнюю казнь мельничными жерновами, онъ спрашиваетъ себя: какое она могла имѣть значеніе?—и отвѣчаетъ, что это значеніе было религиозное. Казнь преступниковъ была въ началѣ искупительною жертвою божеству; способы казни выработались изъ жертвенныхъ обычаевъ, въ числѣ которыхъ было молотье жерновами хлѣбныхъ зеренъ, мѣсто которыхъ могли занимать и люди—по ассоціаціи мнѣическихъ представленій: они слѣплены изъ тѣста, созданіе челоуѣка представлялось актомъ „небснаго хлѣбопека“, соединяющаго въ старые годы, какъ извѣстно, въ одно и то же время и должность мельника. Либрехтъ подтверждаетъ это выписками изъ примѣчаній Вагнера къ изданному имъ англійскому словарю Bailey-Fahrenkrüger (Iena, 1822), этимологическія сближенія котораго онъ буквально воспроизводитъ.

Итъ ничего заманчивѣе задачи, естественно представляющейся изслѣдователю народнаго быта въ его разнообразныхъ проявленіяхъ: угадать въ нынѣ живущемъ суевѣрномъ обрядѣ, обычаѣ, образѣ пѣсни полузабытые слѣды дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній, юридическихъ взглядовъ и серьезныхъ требованій культа; попытаться восстановить эту старину изъ открытаго ему народно-поэтическаго матеріала, какъ лингвисты съ тою же цѣлью пользуются откровеніями слова. Теоретическое основаніе такому приему изслѣдованія легко найдти: переименовая извѣстное философское положеніе, можно сказать, что все спѣтое въ пѣснѣ, продѣланное въ обрядѣ, отбываемое въ обычаѣ было когда-то и въ жизни; откуда, какъ не изъ жизни, почерпнули они свое содержаніе, свои образы? Разумѣется, высказанное нами положеніе находитъ ограниченіе въ условіяхъ обособленной жизни обычая, обряда и пѣсни. На эти ограниченія указано будетъ далѣе.

Либрехтъ широко поиялъ свою задачу. „Что такое преданіе и что такое исторія?“ спрашиваетъ онъ себя (стр. 297).—„Или скорѣе: какъ далеко простирается область того и другой? Вотъ вопросъ, разрѣ-

шить который не разъ пытались, но никогда еще не рѣшали его глубоко и въ надлежащей полнотѣ. Въ какихъ предѣлахъ допустимо пользованіе сагой какъ подспорьемъ для дѣйствительно историческаго матеріала? По моему мнѣнію, на нее нельзя полагаться, какъ на достовѣрный источникъ для восстановленія историческихъ фактовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; за то она представляетъ богатый родникъ для исторіи культуры. Съ этимъ мнѣніемъ, я увѣренъ, согласятся всѣ изслѣдовавшіе область саги во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Не слѣдуетъ только—повторяю еще разъ—смѣшивать собственно исторію, то-есть, разказъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, съ исторіей культуры, то-есть, съ повѣстью о духовномъ (стало быть, и религіозномъ) и матеріальномъ развитіи народа. Съ этой точки зрѣнія исторія древняго Рима, къ которой такъ часто возвращались въ послѣднее время, не представляетъ фактовъ, которые можно было бы разсматривать какъ дѣйствительно историческіе; тѣмъ не менѣе было бы неразумно считать ихъ изслѣдованіе дѣломъ не полезнымъ и не нужнымъ, какъ это было высказано, тогда какъ, на оборотъ, особенности римской культуры объясняются и становятся понятными лишь при помощи саги, въ которой сами Римляне видѣли свою настоящую исторію. Вотъ почему было бы въ высшей степени важно подвергнуть всестороннему изслѣдованію вопросъ о сущности и достовѣрности народнаго преданія вообще“.

Попыткой рѣшить этотъ вопросъ въ приложеніи къ одному небольшому ряду данныхъ является статья Либрехта: *Eine alte Todesstrafe*. Мы видѣли, какъ онъ воспользовался отрывочными указаніями пѣсни и сказки, чтобы восстановить культурный фактъ, не оставившій по себѣ иной памяти, кромѣ народно-поэтической. Пѣсни и преданія почерпали свое содержаніе и образы изъ дѣйствительной жизни, сказали мы выше и указали на тѣ ограниченія, съ которыми слѣдуетъ принимать это положеніе. Первымъ представляется слѣдующее: необходимо отличать бытовую ассоціацію отъ ассоціаціи поэтической и не дѣлать заключенія отъ одной къ другой. Пѣсня, въ которой невѣрная жена и ея полюбовникъ изрублены и смолоты жерновами, могла дѣйствительно сохранить память о реальной казни или жертвѣ; эту ассоціацію я называю бытовою, и не скрою, что показанія пѣсни представляются мнѣ не убѣдительными, когда за ними не стоитъ ни одного фактическаго упоминанія о дѣйствительномъ существованіи обычая. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ поэтической ассоціаціей? Лирическая пѣсня вылилась изъ чувства оскорбленія, пере-

житаго на дѣлѣ, или скорѣе всего, пережитаго вчуужь: человекъ оскорбленъ, обманутъ, онъ мститъ, онъ изыскиваетъ орудія казни, которая будетъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ сильнѣе чувство мести. Изрубить виновнаго кажется ему слишкомъ мало, и болѣзненно настроенное воображеніе подсказываетъ ему: смолоть, истолочь—высшая степень уничтоженія, на которую навело его не существованіе подобной казни, а просто знакомство съ дѣйствіемъ жернововъ. При такомъ, какъ мнѣ кажется, естественномъ толкованіи „древній уголовный обычай“ чего добраго удалится въ область, откуда, быть можетъ, его не слѣдовало и выводить: въ область поэтической амплификаціи. Не то мы можемъ надѣяться, что со временемъ исторія культуры подаритъ намъ еще новыми, не слыханными способами казни. Почему бы, напримѣръ, не предположить, что наше выраженіе: „въ бараній рогъ согнуть“ есть также забытый отзвукъ татарской или до-татарской уголовщины? Параллели всегда найдутся.

Перехожу къ другому ограниченію, то-есть, собственно къ золотымъ словамъ Моммсева: прежде чѣмъ сравнивать культурные факты, заимствованные отъ разныхъ народныхъ особей и съ виду однородные, необходимо познакомиться съ средой, которой они обязаны своимъ происхожденіемъ, другими словами—съ условіями ихъ зарожденія. Можетъ статься, что однородность окажется только кажущаяся, внѣшняя, не дающая повода къ заключеніямъ отъ цѣлаго, отъ ихъ совмѣстности. Но это только одна сторона вопроса, а есть и другая, съ нею тѣсно связанная: прежде чѣмъ сравнивать между собою внѣшнія черты быта въ обрядѣ или пѣснѣ, надо знать ихъ почву, реальный бытъ народа и основы его міросозерцанія.

Приведу два примѣра. Извѣстенъ разказъ о Стенькѣ Разинѣ, который Либрехтъ (стр. 506—507) приводитъ изъ путешествія Струйса ¹⁾. „Nous le trouvâmes sur la rivière dans une barque peinte et dorée; buvant et se jouissant avec quelques-uns de ses officiers; il avoit auprès de lui une princesse persane, qu'il avoit enlevée avec son frère dans ses dernières courses... Ayant consacré tout ce jour à la débauche, il s'enyvra, et cet excès coûta la vie à la miserable Persane. Au fort de l'ivresse il s'appuya sur le bord de la barque, d'où regardant d'un air rêveur l'eau de la Wolga, après quelques momens de silence: „il faut avouer“, s'écria-t-il,—„que nulle rivière ne t'est comparable, et qu'il n'en

¹⁾ Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie etc. par Mr. Glanius. Amsterdam, 1718, II, стр. 33 и слѣд.

fut jamais de si digne d'être célébrée. Que ne te dois-je point pour m'avoir fourni tant d'occasions de me signaler, et pour m'avoir donné les moyens d'entasser trésors sur trésors? Je te dois ce que je possède et même tout ce que je suis. Mais lors que tu fais ma fortune et que tu me comble de bienfaits, j'ai le déplaisir d'être ingrat: et bien que ce soit par impuissance, cela ne me justifie point, et tu ne laisses pas d'avoir droit de te plaindre de moi. Aussi peut-être le fais-tu, et à l'heure que je te parle, il me semble que j'entends tes plaintes, et que tu me reproches le peu de soin que j'ai eu de te rien offrir. Hal pardon, aimable riviere, j'avoue que je t'ai offensée, et si cet aveu ne suffit pour apaiser ta juste colere, je t'offre de bon coeur ce que j'ai de plus cher au monde; il n'est point de plus digne marque de ma reconnaissance, et rien ne sçauroit mieux prouver l'estime que je fais des faveurs dont tu m'as comblé". En achevant ces mots, il court à la princesse et la jette dans la riviere avec ses habits de drap d'or et toute parée qu'elle étoit de perles et de pierreries".

Разинъ, въ пьяномъ порывѣ, сдѣлалъ явно то, что другіе сдѣлали бы тайно: принесъ рѣкѣ человѣческую жертву, замѣчаетъ по этому поводу Либрехтъ. Очень можетъ быть; но первое, что подсказываетъ этотъ разказъ всякому, знакомому съ русскою пѣснью, особливо разбойничьею, это — черты удали, молодечества, похвалы. Если все это выразилось въ формахъ „переживанія“, то какой же мнѣческой процессъ бессознательно переживаютъ наши Тить Китычи, которымъ все не по чемъ, когда расходится удалая кровь, обѣщающая принести не одну жертву на разсмотрѣніе новому мнѣологу? Разумѣется, они не ожидаютъ такого вниманія, какъ и русскій мужикъ, надѣвшій кафтанъ въ наброску, на одно плечо, и также служащій для бытовой иллюстраціи. Дѣло въ томъ, что въ исландскомъ преданіи люди, вышедшіе на встрѣчу Торри (олицетвореніе одного изъ мѣсяцевъ), были въ однихъ рубашкахъ, босые, штаны надѣты лишь на одну ногу, тогда какъ другая штанина волочилась по землѣ. Такой négligé долженъ былъ символически выразить поспѣшность, съ которою они вышли на встрѣчу божеству; этотъ символизмъ выразился и въ старопѣмецкихъ юридическихъ обычаяхъ, въ тѣхъ же чертахъ или съ тою отнѣной, что одна нога обута, а другая является босою. Но при чемъ тутъ русская пѣсня, отрывокъ которой приводится Либрехтомъ въ передачѣ Рамбò: Aussitôt il saute sur ses pieds agiles,—fourre dans ses bottes ses pieds nus, jette sur son épaule sa pelisse avec une seule manche,—aplatit sur sa tête son bonnet,—se jette sur un cheval

non sellé,—court en toute hâte à la rivière Moscova.—Поспѣшность часто сказывается въ извѣстной небрежности костюма, и едва ли русская пѣсня принесла что-нибудь новое, не общечеловѣческое къ объясненію страннаго убора, въ которомъ являются дѣйствующія лица исландскаго сказанія.

Предыдущія замѣтки назначены были познакомить читателя не только съ богатымъ содержаніемъ книги Либрехта, но и на сколько было возможно,—съ его методомъ, если можно говорить о методѣ въ столь новой области знанія, какъ Volkskunde, дѣмонпсихологія, исторія культуры и т. п. И фактическая исторія, исторія войнъ, политическихъ сношеній и учрежденій, не выработала еще научнаго метода, не смотря на то, что существуетъ тысячелѣтія подъ кличкой науки. Она выработала нѣсколько приемовъ; Volkskunde можетъ удовлетвориться болѣе скромною долей: она обладаетъ нѣсколькими манерами. Я нарочно выбралъ этотъ терминъ художественной техники, потому что онъ именно выражаетъ нѣчто личное, субъективное, чему нельзя научиться, какъ цифири, что передается лишь талантомъ и усваивается лишь умѣлыми. Такіе умѣлые найдутъ въ сборникѣ Либрехта много новаго и полезнаго; встрѣтятъ сближенія, которыя откроютъ имъ просвѣтъ въ неясную пока даль будущей Volkskunde, гдѣ сознательно поставится вопросъ о самостоятельномъ зарожденіи не только сходныхъ бытовыхъ формъ, но и ихъ поэтически-образныхъ выраженій. Когда Volkskunde выйдетъ на путь научной законности, въ ея исторіи имя Либрехта будетъ помянуто добромъ.

А. Веселовскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1878 ГОДУ ¹⁾.

Какъ отзывы спеціальныхъ лицъ, внимательно изучавшихъ письменныя работы, исполненныя въ 1878 году на испытаніяхъ зрѣлости, вполне подтверждаютъ, что результаты испытаній удовлетворительны и что преподаваніе въ гимназіяхъ улучшается, точно такъ объ этомъ же свидѣтельствуютъ и статистическіе отчеты учебныхъ заведеній.

Къ сожалѣнію, подробныхъ отчетовъ о письменныхъ работахъ, исполненныхъ на испытаніяхъ, не доставлено изъ учебныхъ округовъ: Харьковскаго, Дерптскаго, Западной и Восточной Сибири. Статистическія данныя о результатахъ испытаній по каждому предмету въ означенныхъ учебныхъ округахъ приведены нами выше.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, для письменныхъ испытаній по каждому предмету были назначены, въ каждомъ учебномъ округѣ, тѣ же дни и тѣ же темы для всѣхъ гимназій и прочихъ соотвѣствующихъ имъ учебныхъ заведеній. Только въ Кіевскомъ округѣ учебныя заведенія были раздѣлены на двѣ группы, съ назначеніемъ каждой особаго срока и особыхъ темъ, какъ видно изъ приложеній, помѣщенныхъ въ концѣ настоящей статьи, и въ Казанскомъ округѣ сдѣлано изъятіе для Казанской 2-й гимназій, но причины тому не объяс-

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.
часть ССV, отд. 4.

нено. Встрѣчались и другія болѣе или менѣе существенныя отступленія отъ правилъ, установленныхъ для испытаній, указанныя лицами, изучавшими письменныя работы экзаменовавшихся. Такъ, напримѣръ, въ Виленскомъ учебномъ округѣ, въ иныхъ гимназіяхъ бумага для работъ выдана была безъ установленныхъ подписей или штамповъ, времени подачи работы не означено, отзывы преподавателей написаны то на бѣловыхъ спискахъ, то на черновыхъ проектахъ, не вездѣ сдѣланъ средній выводъ балловъ, въ двухъ гимназіяхъ членовъ испытательной комиссіи было по четыре, вмѣсто положеннаго числа пяти, и т. д.

Подобныя отступленія, въ частности, не могли имѣть большаго вліянія на правильное теченіе испытаній въ общей массѣ учебныхъ заведеній; хотя, разумѣется, они не могутъ быть терпимы, должны быть предотвращаемы, и дѣйствительно, каждый разъ, по указанію депутатовъ и рецензентовъ, попечительскими совѣтами были принимаемы немедленныя мѣры къ устраненію и предупрежденію таковыхъ на будущее время. Лучшимъ средствомъ предупрежденія всякой попытки подобнаго нарушенія установленныхъ правилъ, конечно, было бы командированіе на время испытаній, въ каждую гимназію, особаго депутата отъ управленія округа изъ окружныхъ инспекторовъ или профессоровъ университета. Присутствіе такого посторонняго лица и почетнаго посѣтителя, придавая болѣе торжественности экзамену, не дозволяло бы отступать отъ строгаго исполненія правилъ даже лицамъ, отличающимся наиболѣе небрежностью въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, эта мѣра, до сего времени, не могла быть примѣнена повсемѣстно.

Испытанія зрѣлости въ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ 1878 году удостоились посѣщенія г. министра народнаго просвѣщенія; ихъ посѣщали и попечитель округа, помощникъ попечителя, окружные инспекторы и нѣкоторые изъ профессоровъ университета, какъ уже выше сказано, а также посѣщали преосвященный Гермогенъ и помощникъ главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія протоіерей Яхонтовъ. Въ Московскомъ учебномъ округѣ окружной инспекторъ Семеновичъ предсѣдательствовалъ въ качествѣ депутата отъ управленія округа въ трехъ частныхъ гимназіяхъ и посѣщалъ, во время испытаній, Московскія гимназіи, Лазаревскій институтъ, а также былъ командированъ въ Тульскую гимназію. Попечитель округа присутствовалъ на испыта-

ніяхъ зрѣлости во всѣхъ Московскихъ гимназіяхъ и Лазаревскомъ институтѣ; преосвященный Амвросій на испытаніяхъ изъ закона Божія въ Московскихъ гимназіяхъ; помощникъ попечителя въ Московской первой гимназіи, Орловской, Смоленской и Лазаревскомъ институтѣ.

Попечитель Оренбургскаго учебнаго округа присутствовалъ лично на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Екатеринбургской и Пермской; окружные инспекторы Владимірскій и Великановъ въ гимназіяхъ Уфимской и Оренбургской; испытанія въ Уральской гимназіи производились безъ депутата отъ управленія округа.

Въ болѣе части гимназій Харьковскаго учебнаго округа испытанія зрѣлости производились частію или вполне въ присутствіи назначеннаго попечителемъ депутата. На испытаніяхъ по математикѣ въ трехъ Харьковскихъ гимназіяхъ присутствовалъ ординарный профессоръ Леваковскій, по другимъ предметамъ профессора Делленъ, Потеня, доцентъ Зеленогорскій; въ Курскую и Сумскую былъ командированъ ординарный профессоръ Лебедевъ, въ Пензенскую и Новочеркасскую окружный инспекторъ Лукьяновъ.

Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ присутствовали на испытаніяхъ зрѣлости, въ качествѣ депутатовъ, только доцентъ Мищенко въ Лубенской гимназіи, профессоръ Шиллеръ въ 1-й и 2-й Кіевскихъ гимназіяхъ, и окружный инспекторъ Ростовцевъ въ 3-й Кіевской; въ Виленскомъ учебномъ округѣ помощникъ попечителя въ Гродненской и Витебской гимназіяхъ, окружный инспекторъ Сольскій въ Слуцкой, Шавельской и Минской.

Въ гимназіяхъ города Варшавы присутствовали на испытаніяхъ зрѣлости профессора мѣстнаго университета; Коссовичъ, Мѣржинскій, Колосовъ, Яковлевъ и Сонинъ; въ другія же гимназіи Варшавскаго учебнаго округа не представилось возможности командировать депутатовъ отъ управленія округа, какъ объясняетъ попечитель, потому, что личный составъ преподавателей мѣстнаго университета ограниченъ, нежели въ другихъ университетахъ, и въ управленіи округа не имѣется особой суммы на командировки, а въ распоряженіи подвѣдомственныхъ ему гимназій вовсе не имѣется специальныхъ средствъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена съ этою же цѣлью.

О депутатахъ, присутствовавшихъ на испытаніяхъ въ учебныхъ округахъ Казанскомъ, Дерптскомъ, Западной и Восточной Сибири, никакихъ свѣдѣній не доставлено.

Случаевъ разногласія между членами испытательныхъ комиссій, представленныхъ на разсмотрѣніе попечительскихъ совѣтовъ, было въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 2, въ Вологодской гимназій, по поводу письменныхъ работъ на испытаніяхъ изъ греческаго языка двухъ учениковъ, и разрѣшены въ пользу экзаменовавшихся; въ Варшавскомъ же учебномъ округѣ такихъ случаевъ было въ 7-ми гимназіяхъ округа: 11 на испытаніяхъ изъ русскаго языка, 2 по переводамъ на латинскій языкъ и 1 по греческому переводу. Послѣдніе 14 разногласій касались 10 учениковъ гимназій и 3 постороннихъ лицъ и только три случая, изъ ихъ числа, разрѣшены не въ пользу экзаменовавшихся.

Изъ вѣдомости № 3, приложенной къ концу настоящей статьи, усматривается, что въ 1878 году наибольшее число лицъ, получившихъ аттестаты зрѣлости, имѣли 19 лѣтъ отъ роду и свыше. Молодые люди 19 лѣтъ составляли 27,2% общаго числа признанныхъ зрѣлыми, 20-ти лѣтняго возраста—23,7%, 21 года и болѣе—25,4%, трехъ старшихъ возрастовъ, вмѣстѣ взятыхъ—76,3%; молодые люди 18-ти лѣтняго возраста составляли только 19,4% и 17-ти лѣтняго 4,3%. Почти въ такомъ же порядкѣ распредѣляются по возрастамъ ученики правительственныхъ гимназій; въ числѣ окончившихъ курсъ въ училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій преобладаютъ молодые люди 18-ти-лѣтняго возраста (34,4%), а въ числѣ учениковъ частныхъ гимназій и постороннихъ лицъ—21-го года и болѣе (31,8% и 45,5%). Девятнадцатилѣтніе первенствуютъ во всѣхъ учебныхъ округахъ, исключая Харьковскаго, Кіевскаго, Варшавскаго, Западной и Восточной Сибири. Въ первомъ изъ означенныхъ округовъ болѣе 20-ти лѣтнихъ (31,3%), въ Кіевскомъ 21-го года (33,6%); напротивъ, въ Варшавскомъ округѣ и Западной Сибири болѣе младшаго возраста 18 лѣтъ (31,1% и 38,4%).

Въ Восточной Сибири поровну:	20-ти лѣтъ	30%
	21-го года	30%
и въ Виленскомъ округѣ также поровну:	19-ти лѣтъ	33,9%
	21-го года	33,9%

Сличая эти цифры съ таблицей распредѣленія по возрастамъ, помѣщенной въ послѣднемъ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости, убѣждаемся въ близкомъ сходствѣ процентныхъ отношеній за всѣ шесть лѣтъ, со времени примѣненія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ. Такъ, напримѣръ, число признанныхъ зрѣлыми 19-ти-лѣтняго возраста въ

общемъ итогѣ по всѣмъ учебнымъ округамъ и всѣмъ категоріямъ экзаменующихся составляло:

въ 1873 году . . .	26,7 ⁰ / ₁₀₀
„ 1874 „ . . .	27 ⁰ / ₁₀₀
„ 1875 „ . . .	27 ⁰ / ₁₀₀
„ 1876 „ . . .	27,5 ⁰ / ₁₀₀
„ 1877 „ . . .	27,9 ⁰ / ₁₀₀
„ 1878 „ . . .	27,2 ⁰ / ₁₀₀

Число признанныхъ зрѣлыми 20-ти лѣтняго возраста колебалось за шесть лѣтъ отъ 19,6⁰/₁₀₀ minimum (1874 года) до 24,4⁰/₁₀₀ maximum (1877 г.); 21 года и болѣе—отъ 22,9⁰/₁₀₀ до 26⁰/₁₀₀; 18-ти-лѣтняго возраста—отъ 19⁰/₁₀₀ до 21,6⁰/₁₀₀; и только въ числѣ молодыхъ людей младшаго 17-ти лѣтняго возраста замѣчается незначительное уменьшеніе, всего на 3⁰/₁₀₀. Последніе составляли:

въ 1873 году . . .	7,3 ⁰ / ₁₀₀
„ 1874 „ . . .	7,4 ⁰ / ₁₀₀
„ 1875 „ . . .	5,5 ⁰ / ₁₀₀
„ 1876 „ . . .	6,5 ⁰ / ₁₀₀
„ 1877 „ . . .	4,8 ⁰ / ₁₀₀
„ 1878 „ . . .	4,3 ⁰ / ₁₀₀

Хотя процентное отношеніе удостоенныхъ аттестата зрѣлости 17-ти лѣтняго возраста къ общей массѣ подвергавшихся испытанію нѣсколько уменьшилось, но въ сущности ихъ число измѣняется изъ года въ годъ весьма незначительно: ихъ насчитывалось въ 1873 г. 50 человекъ, въ 1874 г. 69 человекъ и въ 1878 г.—67. Такимъ образомъ, ни расширеніе программы гимназій, ни возвышеніе требованій, ни относительно увеличивающаяся строгость экзамена, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на распредѣленіе по возрастамъ оканчивающихъ гимназическій курсъ, не затруднили и не замедлили естественнаго хода воспитанія въ гимназіяхъ.

Изъ таблицы распредѣленія удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости по тѣмъ занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали (№ 4 въ концѣ статьи), видно, что большинство молодыхъ людей, окончившихъ въ 1878 г. гимназическій курсъ, предполагало поступить въ университеты и соответствующія имъ по курсу высшія учебныя заведенія, какъ, напримѣръ, въ медико-хирургическую академію, историко-филологическій институтъ, Лейпцигскую филологиче-

скую семинарію и т. п. Въ общей массѣ удовлетворительно выдержавшихъ испытанія число таковыхъ составляло:

въ 1873 г. . .	577 человекъ или	84 ⁰ / ₀
„ 1874 „ . .	777 „	85,8 ⁰ / ₀
„ 1875 „ . .	1092 „	84,1 ⁰ / ₀
„ 1876 „ . .	1133 „	86,5 ⁰ / ₀
„ 1877 „ . .	1296 „	89,4 ⁰ / ₀
„ 1878 „ . .	1506 „	89,4 ⁰ / ₀

Распредѣленіе ихъ по факультетамъ указано въ слѣдующей, прилагаемой при семъ таблицѣ.

Предполагали поступить на факультеты:

	Историко-фи- логическій.	Физико-мате- матическій.	Юридическій.	Медицинскій.
въ 1873 г.	54(9,5 ⁰ / ₀)	104(18 ⁰ / ₀)	177(30,6 ⁰ / ₀)	234(40,5 ⁰ / ₀)
„ 1874 „	97(12,4 ⁰ / ₀)	159(20,4 ⁰ / ₀)	193(24,8 ⁰ / ₀)	309(39,7 ⁰ / ₀)
„ 1875 „	153(14 ⁰ / ₀)	211(19,3 ⁰ / ₀)	262(24 ⁰ / ₀)	445(40 ⁰ / ₀)
„ 1876 „	176(15,5 ⁰ / ₀)	241(21,3 ⁰ / ₀)	208(18,4 ⁰ / ₀)	481(42,5 ⁰ / ₀)
„ 1877 „	210(16,2 ⁰ / ₀)	265(20,4 ⁰ / ₀)	246(19 ⁰ / ₀)	545(42 ⁰ / ₀)
„ 1878 „	187(12,4 ⁰ / ₀)	272(18,1 ⁰ / ₀)	285(18,9 ⁰ / ₀)	725(48,1 ⁰ / ₀)

Число поступающихъ на богословскій факультетъ Дерптскаго университета или же въ духовныя академіи православнаго исповѣданія и римско-католическаго, а также на факультетъ восточныхъ языковъ, весьма незначительно и составляло:

	Богословскій.	Восточныхъ языковъ.
въ 1873 г. . .	1	6(1 ⁰ / ₀)
„ 1874 „ . .	12(1,5 ⁰ / ₀)	7(0,9 ⁰ / ₀)
„ 1875 „ . .	10(0,9 ⁰ / ₀)	11(1 ⁰ / ₀)
„ 1876 „ . .	16(1,4 ⁰ / ₀)	11(1 ⁰ / ₀)
„ 1877 „ . .	22(1,7 ⁰ / ₀)	8(0,6 ⁰ / ₀)
„ 1878 „ . .	23(1,5 ⁰ / ₀)	14(0,9 ⁰ / ₀)

За исключеніемъ двухъ послѣднихъ факультетовъ, число поступающихъ на остальные съ каждымъ годомъ увеличивается, какъ видно изъ таблицы, выше приложенной. Въ особенности значительно число поступающихъ на медицинскій, и въ 1878 г. составляло почти половину всѣхъ предназначавшихъ себя къ университетскому образованію. Въ сравненіи съ 1873 г., оно увеличилось въ послѣднемъ отчетномъ году

болѣе чѣмъ втрое—на 210⁰/. Число предполагавшихъ избрать историко-филологическій факультетъ въ 1878 г. нѣсколько уменьшилось противъ предыдущаго года, тѣмъ не менѣе превышаетъ таковое-же за 1873 г. болѣе чѣмъ втрое, именно на 246⁰/. Число избирающихъ физико-математическій факультетъ на 161⁰/. болѣе, нежели въ 1873 г., а юридическій—увеличилось на 61⁰/. Если же Дерптскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ не считать, какъ не входившихъ въ общую отчетность, первый въ 1873 г., а второй въ 1873 и 1874 гг., то увеличеніе числа поступающихъ на факультеты изъ гимназій остальныхъ учебныхъ округовъ опредѣлится слѣдующими цифрами:

на историко-филологическомъ факультетѣ въ . . .	153 ⁰ /%
„ физико-математическомъ „ . . .	117 ⁰ /%
„ юридическомъ „ . . .	17 ⁰ /%
и медицинскомъ „ . . .	149 ⁰ /%

За исключеніемъ медицинскаго факультета, который привлекаетъ наиболѣе абитуриентовъ изъ гимназій во всѣхъ учебныхъ округахъ, преимущественное стремленіе молодыхъ людей къ поступленію на юридическій факультетъ замѣчается въ 1878 г. въ округахъ: С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ; на физико-математическій въ округахъ—Московскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ и на историко-филологическій только въ одномъ Дерптскомъ. Молодые люди, не имѣвшіе намѣренія продолжать своего образованія въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи и, по окончаніи гимназическаго курса, поступающіе непосредственно на поприще практической дѣятельности, по крайне ограниченному ихъ числу, составляютъ очевидно случайныя лишь исключенія между учащимися. Изъ 15 лицъ этой категоріи въ 1878 г. 12 намѣревались поступить въ военную службу, 1 въ гражданскую, 1 посвятить себя учебной дѣятельности и 1 сельско-хозяйственной.

Около 9 или 10⁰/. предполагали поступить въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, именно: 67 человекъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, 45 въ технологическій, 20 въ горный институтъ, 16 въ институты лѣсные или земледѣльскія академіи, 10 въ военно-учебныя заведенія, и т. д. Лучшіе воспитанники гимназій награждаются ежегодно, послѣ выпускныхъ экзаменовъ, медалями золотыми и серебряными, во всѣхъ учебныхъ округахъ, кромѣ Дерптскаго, въ которомъ этотъ порядокъ введенъ въ настоящее время только въ гимназіяхъ Рижской Александровской и Ревельской Александровской.

Въ 1878 году удостоились означенной награды 204 ученика, составляющіе 14,9% общаго числа молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ раздавались медали. По числу-же розданныхъ медалей учебные округа располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Московский	16	золот.	21	серебр.	всего	37
С.-Петербургскій	16	"	17	"	"	33
Кіевскій	13	"	18	"	"	31
Варшавскій	6	"	14	"	"	20
Казанскій	8	"	11	"	"	19
Одесскій	8	"	11	"	"	19
Харьковскій	3	"	16	"	"	19
Оренбургскій	8	"	3	"	"	11
Виленскій	1	"	7	"	"	8

Независимо отъ такого отличія, присуждаемаго гимназіями лучшимъ своимъ ученикамъ, ежегодно представляются въ министерство народнаго просвѣщенія списки тѣхъ абитуриентовъ гимназій, которые подавали наиболѣе надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ наукахъ. Таковыхъ насчитывалось въ 1873 году 100 человѣкъ или 17% всего числа гимназистовъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости,

въ 1874 году	108	человѣкъ	или	13,8%
" 1875 "	147	"	"	13,1%
" 1876 "	178	"	"	15,8%
" 1877 "	205	"	"	15,7%
" 1878 "	182	"	"	11,9%

Распредѣленіе этихъ способнѣйшихъ молодыхъ людей по факультетамъ, къ которымъ они себя предназначали, показано въ слѣдующей таблицѣ:

Предполагали поступить на факультеты:	Историко-фи- лологическій.	Физико-мате- матическій.	Юридичес- кій.	Медицинскій.	Богословскій.	Восточныхъ язмовъ.
въ 1873 году	22	29	13	36	—	—
" 1874 "	28	38	13	24	5	—
" 1875 "	43	49	22	32	1	—
" 1876 "	52	51	19	52	3	3
" 1877 "	66	48	32	54	5	—
" 1878 "	48	47	22	54	11	—

Въ 1877 году 79 учебныхъ заведеній представили списки своихъ учениковъ, наиболѣе способныхъ и прилежныхъ; въ 1878 году только 69 гимназій изъ 124. Число молодыхъ людей, внесенныхъ въ списки, нѣсколько уменьшилось въ сравненіи съ предыдущимъ 1877 годомъ; но превышаетъ таковое же число за 1873 годъ на 68,5%. За исключеніемъ факультетовъ богословскаго и восточныхъ языковъ, на которые поступаетъ вообще весьма малое число абитуриентовъ, изъ остальныхъ четырехъ факультетовъ, въ 1878 г., медицинскій наиболѣе привлекалъ молодыхъ людей, считающихся лучшими учениками гимназій; за тѣмъ—историко-филологическій, и физико-математическій. Хотя число поступающихъ на означенные два факультета и юридическій нѣсколько уменьшилось въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ, но въ сравненіи съ 1873 годомъ значительно увеличилось, не равномѣрно однако-же для каждаго факультета. На историко-филологическомъ увеличеніе простирается до 118%, на юридическомъ до 69%, на физико-математическомъ до 62% и на медицинскомъ до 50%. Медицинскій факультетъ наиболѣе привлекалъ лучшихъ учениковъ гимназій въ 1878 г. въ учебныхъ округахъ Казанскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ и Варшавскомъ; историко-филологическій въ округахъ С.-Петербургскомъ и Дерптскомъ; въ остальныхъ округахъ нѣсколько значительнѣе было число поступающихъ на физико-математическій факультетъ. Юридическій менѣе другихъ факультетовъ привлекаетъ молодыхъ людей этого разряда.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 году (одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

1. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Слѣдствія открытія Америки и морскаго пути въ Индію.

2. По латинскому языку.

Юліанъ, когда былъ еще частнымъ человекомъ и велъ ¹ уединенную жизнь въ Кападокіи, вдале отъ двора двоюроднаго своего брата Констанція, имѣлъ

случай³ *примыдѣться* къ ⁴ *интригамъ* доносчиковъ, которые, изъ личной ненависти или изъ ⁵ *корыстныхъ видовъ*, часто губили цѣлыя ⁶ *семейства*. — Потому во все время его царствованія онъ относился недоувѣрчиво (= недоувѣрль) ко всякаго рода павѣтамъ (= доносамъ) и каждый разъ, когда доносили ему о заговорѣ или замыслѣ противъ его жизни, прежде всего старался узнать⁷, не имѣтъ-ли доносчикъ личной вражды противъ обвиняемаго, или не желаетъ ли онъ завладѣть его богатствами. — Когда Юліанъ, отправляясь въ походъ противъ Персовъ, находился въ Анкирѣ, то нѣкто Урэнній ⁸ *возвелъ обвиненіе* оъ *государственномъ преступленіи* (= преступленіе оскорбленія Величества) на родственника своего, зажиточнаго гражданина этого города, такъ какъ онъ ⁹ *заказалъ себѣ багровую* ¹⁰ *мантію*, которую носятъ одни только императоры. Сначала Юліанъ не обратилъ на это никакого ¹¹ *вниманія*, но когда доносчикъ ¹² *не отставалъ* и совѣтовалъ ему не подвергать свою жизнь опасности, то императоръ разсмѣялся и сказалъ случайно находившемуся при немъ ¹³ *министру финансовъ*: Такъ какъ обвиняемый желаетъ, кажется, носить багровую мантію, то велю выдать этому ¹⁴ *болтуну* для ¹⁵ *передачи* его родственнику и красивые сапоги: пусть всѣ знаютъ, что ¹⁶ *дрянными лохмотьями*, будутъ ли они чернаго или краснаго цвѣта, никто не можетъ произвести ¹⁷ *государственную перекорота*, ежели онъ предварительно не ¹⁸ *заручится* деньгами и солдатами.

1. in se cesso, solitudine vivere. 2. occasio datur; occasione uti. 3. cognoscere. 4. dolus; calumniae. 5. avaritia. 6. domus. 7. exercere. 8. ream aliquem dexterre, insimulare. 9. faciendum curare. 10. paladamentum. 11. curare. 12. perstare. 13. comes largitionum. aeararii. 14. homo garrulus. 15. perferre. 16. viles pannuli. 17. regum mutatio. 18. sibi comparare.

3. По греческому языку.

Во время царствованія въ Аоніахъ Кодра, въ Пелопоннезѣ былъ страшный *исуроужай*¹. *Мучимые*² этимъ *бдствіемъ*³, Пелопоннезцы *рѣшились*⁴ пойдти походомъ въ Аонны и, *выгнавъ*⁵ *жителей*⁶, *раздѣлить* *между собою*⁷ страну. Но прежде чѣмъ выступить, они отправили въ Дельфы послать, чтобы вопросить бога, *удастся*⁸ ли ихъ предпріятіе (= дѣло). Когда Пелопоннезцы, что городъ будетъ взятъ, ежели Пелопоннезцы пощадятъ царя аонскаго, они вторгнулись въ Аттику и *приступили* къ *осади*⁹ Аоніи. Но Кодръ, узнавъ объ этомъ отвѣтъ отъ Клеомантиса, одного изъ *Дельфійцевъ*¹⁰, который постоянно находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, рѣшился *пожертвовать* *жизнію*¹¹ за спасеніе отечества. *Надѣвъ на себя*¹² *нищенское рубище*¹³, чтобы непріятель не узналъ его, онъ *незамѣтно вышелъ* *черезъ ворота*¹⁴ и началъ собирать передъ городомъ *хворостъ*¹⁵. Когда два солдата изъ непріятельскаго лагеря, замѣтивъ это, подошли къ нему и стали разспрашивать о томъ, что дѣлается въ городѣ, Кодръ *бросился*¹⁶ на одного изъ нихъ и убилъ его серпомъ. Увидя это, другой воинъ съ озлобленіемъ (= озлобленный¹⁷) обнажилъ мечъ и убилъ мишнаго ишцаго (= ишцаго, какъ онъ думалъ). Но на другой день прибыли въ лагерь Пелопоннезцевъ послы изъ Аонны и просили выдать тѣло царя для погребенія, говоря, что убитый ишцій не кто иной, какъ самъ Кодръ.

Тогда-то непріятель, *помявъ*¹⁸, что онъ обмануть Кодромъ, поспѣшно отступилъ, и Аонняне были спасены *геройскимъ самоотверженіемъ*¹⁹ своего царя.

1. ἀφορία, καρπῶν φθορά. 2. πιέζω. 3. συμφορά. 4. δοκεῖ τι. 5. ἐξανίστημι.
6. ἐνοικέω. 7. κατανέμομαι. 8. προχωρεῖ τι; κατορθοῦν τι. 9. πολιορκεῖν. 10. Δελφός.
11. τὴν ψυχὴν χαρίσασθαι; καθιεραῖεῖν ἑαυτόν. 12. ἐνδυσθαι. 13. πτωχικὴ στολή.
14. κατὰ τὰς πύλας ὑποδύναι. 15. τὰ φρόγανα. 16. προσπίπτειν. 17. παροξύνω.
18. αἰσθάνομαι. 19. μεγαλοψυχία.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Три лица внесли на нѣкоторое торговое предпріятіе капиталы: первое лицо на 2 года и 6 мѣсяцевъ ту сумму, которую оно получило, продавши вексель въ 1800 р. за 4 мѣсяца до срока съ коммерческимъ учетомъ по 5%; второе лицо на три мѣсяца капиталъ, $\frac{1}{3}$ котораго, отданная по 6% процентовъ, приноситъ ежегодно по 400 р.; третье лицо внесло на 1 мѣсяць ту сумму, какую оно получило за продажу поля длиною въ 3,5 версты и шириною 2,74286 вер. по 50 р. за десятину. — По окончаніи предпріятія получено прибыли 16310 р. — Спрашивается, по скольку рублей придется на долю каждого?

б) По геометріи.

Данъ прямой круговой конусъ, котораго образующая равна высотѣ трапеціи, имѣющей площадь 20 квадрат. дюймовъ, одну изъ параллельныхъ сторонъ 4,7, а другую 3,3 дюйма; радіусъ основанія конуса есть высота прямой пирамиды, которой ребро = 3,606 дюйма, а основаніе правильный шестигольникъ со сторонами въ 2 дюйма каждая. Въ этотъ конусъ вписанъ шаръ, (радіусъ котораго долженъ быть принятъ = 1,5 дюйма). Определить отношеніе поверхностей и объемовъ вписаннаго шара и даннаго конуса.

в) По алгебрѣ.

Куплено нѣсколько тетрадей и карандашей; цѣна первыхъ есть число копѣекъ равное меньшему, а цѣна вторыхъ число копѣекъ равное слѣдующему за нимъ изъ трехъ послѣдовательныхъ цѣлыхъ чиселъ, сумма квадратовъ которыхъ равна суммѣ членовъ арифметической прогрессіи, имѣющей первымъ членомъ 2, послѣднимъ 17,4 и число членовъ 20. — За всѣ тетради и карандаши заплачено число копѣекъ, равное суммѣ геометрической прогрессіи, имѣющей 5 членовъ, изъ которыхъ 1-й равенъ 4, а знаменатель отношенія 2. — Спрашивается, сколько можно купить на эту сумму тетрадей и карандашей.

г) По тригонометріи.

Рѣшить треугольникъ, въ которомъ одна изъ сторонъ равна 35,78 дюйма, другая 29,07 дюйма, а уголъ между ними $180^{\circ} 10' 10,5''$.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Войны Россіи съ Турціею*), ихъ значеніе и послѣдствія.
 Запасная. Борьба Кароленга съ Римомъ.

2. По латинскому языку.

Основная. Въ четыреста пятьдесятъ шестомъ году отъ основанія Рима, когда предстоял¹ компиціи для избравія консуловъ, возникъ слухъ, что Этруски и Сампниты набираютъ огромныя войска и вмѣстѣ съ своими союзниками затѣваютъ² войну противъ Римлянъ. Вслѣдствіе сего, хотя и знатные мужи домогались³ консульства, взоры всѣхъ были устремлены на Квинта Фабія Максима, который уже трижды до того былъ избираемъ въ консулы и почти всегда выходилъ⁴ побѣдителемъ изъ неравной борьбы съ неприятелими. Но въ то время Фабій не только не искалъ⁵ консульской должности, но даже, какъ только замѣтилъ, что всѣ желаютъ его избрать, сталъ отказываться⁶, (говоря): зачѣмъ тревожатъ его, когда⁷ онъ уже старъ и когда⁸ на его долю достались⁹ какъ труды, такъ и награды за труды? Ни тѣлесная, ни душевная бодрость¹⁰ не остается неизмѣнной¹¹. Онъ опасается¹² также и самаго счастья своего, дабы оно не показалось въ немъ кому либо изъ боговъ чрезмѣрнымъ¹³ и болѣе постояннымъ, чѣмъ это допускаетъ¹⁴ человѣческая¹⁵ судьба¹⁶. Въ Римѣ, наконецъ, пѣтъ недостатка ни въ высокыхъ¹⁷ почетныхъ должностяхъ¹⁸ для весьма дѣльныхъ мужей, ни въ дѣльныхъ¹⁹ мужахъ для почетныхъ должностей. Не смотря на это, испуганія приступали къ подачѣ голосовъ²⁰, и Фабій былъ избранъ въ консулы четвертый разъ.

1. instare. 2. затѣваю что-либо—*animus intendo ad alqd*: 3. petere. 4. discedere. 5. см. 3. 6. recusare. 7. и 7. сократить. 8. на его долю достается—передать глаголомъ *perfungi*. 9. vigor. 10. idem. 11. vereri. 12. nimius. 13. velle. 14. humanae res. 15. magnus. 16. почетная должность—*honor*. 17. fortis. 18. suffragia inire.

Запасная. Когда римскія войска были заключены въ Кавдинскихъ ущельяхъ¹, Сампниты не знали, на что имъ рѣшиться²; поэтому всѣ положили³ спросить письменно совѣта у Гереннія Понція, отда ихъ полководца. Удрученный⁴ годами, Геренній уже давно отказался⁵ не только отъ военныхъ, но и отъ гражданскихъ должностей, однако въ дряхломъ тѣлѣ пребывалъ сплывшій⁶ духъ и благоразуміе⁷. Узнавъ отъ нарочнаго⁸ о случившемся, онъ высказалъ мнѣніе⁹, что всѣхъ Римлянъ должно, какъ можно скорѣе, отпустить непреданными. Когда этотъ совѣтъ былъ отвергнутъ¹⁰ и Геренній былъ спрошенъ вторично, онъ отвѣчалъ, что должно умертвить всѣхъ до одного.

*) Требуется очеркъ главнѣйшихъ войнъ.

Первымъ совѣтомъ, присовокупилъ онъ, укрѣпляется посредствомъ великаго благодаренія прочный¹¹ миръ и дружба съ могущественнѣйшимъ народомъ; вторымъ совѣтомъ отсрочивается война на много лѣтъ, такъ какъ римское государство, лишившись двухъ армій, не легко соберется съ силами¹²; третьяго совѣта нѣтъ никакого. Тѣмъ не менѣе, Самнитяне не приняли ни то, ни другое мнѣніе. Они предпочли предписать¹³ побѣжденнымъ условія¹⁴ по праву войны и за тѣмъ отпустить ихъ невредимыми.

1. Furculae Caudinae. 2. *не знаю, на что рѣшиться* — consilium mihi non suppetit. 3. censere. 4. comparativus отъ gravis. 5. abscedere. 6. vis. 7. consilium. 8. nunciis. 9. *высказать мнѣніе* — censere. 10. vregere. 11. perpetuus. 12. *собратъ съ силами* — vires recipere. 13. imponere. 14. *условіе* — lex.

3. По греческому языку.

Основная. Многие полководцы дозволяли грабить завоеванные города, Киръ же, взявъ Сарды, поступилъ такъ. Онъ велѣлъ привести къ себѣ Креза и сказалъ: «Мои войны, испытанъ много трудовъ и много опасностей¹, увѣрены, что въ ихъ рукахъ находится² городъ, самый богатый въ Азіи послѣ Вавилона. Видя это, я нахожу справедливымъ, чтобы имъ досталась добыча³, ибо я понимаю, что не буду въ состояніи держать ихъ долгое время въ повиновеніи⁴, если они не получаютъ никакой награды за свои труды. Я не хочу, однако, чтобы Сарды были разграблены, ибо думаю, что городъ этотъ былъ-бы разрушенъ, и знаю навѣрное, что богѣ (другихъ) приобрѣли⁵ бы самые дурные люди». Сказавъ это, Киръ просилъ Креза дать ему совѣтъ въ этомъ дѣлѣ. Крезъ же отвѣчалъ слѣдующее: «Объщай только Лидійцамъ, что не дозволишь грабить, и они добровольно отдадутъ все. Увидѣвъ (то), что принесутъ, будешь еще имѣть возможность⁷ подумать и о грабежѣ⁸. Но прежде всего пошли за моими сокровищами». Все это Киръ согласился⁹ исполнить такъ, какъ сказалъ Крезъ, и въ слѣдующій день получено столько сокровищъ, что ими было наполнено много вожовъ.

1. *испытать труды и опасности* — передать соответственными формами отъ ποιώς и κινδυνωω. 2. *въ моихъ рукахъ находится что либо* — ἔχω τι. 3. *находимъ справедливымъ* — ἀξιούω. 4. *имъ достается добыча* — ἰσφελσῶμαι. 5. — *повиновующимися*. 6. *приобрѣтаю болѣе* — πλεονεκτέω. 7. *имѣю возможность* ἔχειν μοι. 8. ἀρπαγή. 9. *соглашаюсь* — συναίνεω.

Запазная. Киръ слѣдующимъ образомъ убѣдилъ Персовъ отложитьсь отъ Мидянъ. Онъ показалъ имъ не воздѣланное¹ и покрытое терніемъ² поле и велѣлъ имъ обработать³ его. Они съ большимъ⁴ трудомъ исполнили это. На слѣдующій день онъ велѣлъ имъ выкупаться и опять придти. Когда они пришли, онъ предложилъ имъ богатый⁵ столъ⁶ и послѣ угощенія спросилъ ихъ, который изъ этихъ двухъ дней лучше. Они признались⁶, что нынѣшній день настолько лучше вчерашняго, насколько благоденствіе лучше несчастія. Вотъ⁷, сказалъ Киръ, и вы будете наслаждаться благами счастья, если отложитесь отъ Мидянъ. Послѣ этого Персы выбрали себѣ въ царя Кира, побѣдили Мидянъ и завладѣли остальною Азіей.

1. *невоздѣланный* — ἔρημος. 2. *покрытый терніемъ* — ἀκανθώδης. 3. *обрабо-*

тышать — отъ ѣмерѣю. 4. большой — колѣс. 5. еѡχία. 6. принаюся — бμολογίε
7. οὐχοῦν.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Имѣние, содержащее 120 десятинъ, состоитъ изъ пахатной земли, луговъ и лѣса. Число десятинъ пахатной земли относится къ числу десятинъ луга, какъ $\frac{1}{1+1}$ относится къ 0, (12).....;

$$\frac{\frac{1}{1+1}}{1+1} \quad 1 + \frac{1}{2}$$

а число десятинъ луга относится къ числу десятинъ лѣса, какъ 4 : 15. — Если продать $\frac{2}{3}$ пахатной земли по 40 р. за десятину, 0,25 луговъ по 35 руб. за десятину, 0,1 (4)... лѣса по 150 р. за десятину и всю вырученную сумму отдать по 4%, то сколько ежегодно получится процентныхъ денегъ?

Запасная. Нѣкто купилъ трехъ сортовъ муки: 17 пудовъ перваго сорта, 20 пудовъ втораго сорта и 12 пудовъ третьяго сорта. За все количество купленной муки заплатилъ онъ такую сумму, которая, будучи отдана въ банкъ по 8%, дала бы въ 5 мѣсяцевъ 6,7 р. процентныхъ денегъ. Сколько стоитъ пудъ каждаго изъ трехъ сортовъ муки, если извѣстно, что стоимостп ихъ относятся, какъ 15 : 12 : 9?

б) По алгебрѣ.

Основная. Сосудъ можетъ быть наполненъ водою посредствомъ двухъ трубъ, изъ которыхъ одна вливаетъ въ него по 4 литра въ часъ, другая же труба можетъ наполнить сосудъ, употребляя на это однимъ часомъ болѣе, чѣмъ обѣ трубы вмѣстѣ. Послѣ пятчасоваго совмѣстнаго дѣйствія обѣихъ трубъ въ сосудѣ недостаетъ еще 13 литровъ для наполненія его. Спрашивается: 1) сколько литровъ въ часъ доставляетъ вторая труба? 2) сколько часовъ должны быть открыты обѣ трубы для наполненія сосуда?

Запасная. Фабрика въ первый годъ послѣ открытїя ея приноситъ 2450 р. дохода, но требуетъ расхода въ 4100 р., затѣмъ доходъ ея ежегодно увеличивается на 600 р., а расходъ уменьшается на 500 р. Черезъ сколько лѣтъ сумма расходовъ за все время со дня открытїя фабрики покроется доходомъ за это время?

в) По геометрїи.

Основная. Вычислить съ точностїю двухъ десятичныхъ знаковъ объемъ прямого конуса, котораго боковая поверхность, развернутая на плоскость, представляетъ круговой секторъ съ радиусомъ въ 15 дюймовъ и центральнымъ угломъ въ 120° принимая $\pi = 3,14$.

Запасная. Гипотенуза прямоугольнаго треугольника длиною въ a футовъ раздѣлена въ крайнемъ и среднемъ отношенїи перпендикуляромъ, опущеннымъ изъ прямого угла на гипотенузу. Определить площадь треугольника.

г) По тригонометріи.

Основная. Определить стороны параллелограмма, котораго діагонали соответственно равны 21,843 и 12,213 ф., а уголъ между ними содержитъ $66^{\circ} 59'$.

Запосная. Вычислить радиусъ круга, вписаннаго въ треугольникъ ABC, котораго сторона $BC = 1,3214$ ф., а два прилежащихъ угла $B = 75^{\circ} 15'$, $C = 42^{\circ} 13'$.

III. ВЪ КАЗАНСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку и словесности.

Основная. Природа и сельскій бытъ; ихъ тѣсная связь и обоюдное вліяніе.

Запосная. Вліяніе мѣстности на жизнь человѣка.

2. По латинскому языку.

Основная. (Изъ книги: «Статьи для перевода на латинскій языкъ» Б. Ф. Зюпfle. №№ 252. 253.)

Въ первую пуническую войну однажды полководецъ Карфагеняне, идя на встрѣчу римскому войску, занялъ впередъ удобныя мѣста и холмы. Такимъ образомъ Римляне попали¹ въ неудобное положеніе², имъ угрожала засада и погубель. Военный трибунъ Цедній первый замѣтилъ это обстоятельство, подошелъ къ консулу, (и) указалъ (ему) на невыгодное положеніе³ и опасность для войска. «Если ты хочешь спасти себя и своихъ воиновъ, сказалъ онъ, то необходимо воспѣшнить. Поэтому я совѣтую тебѣ отправить четыреста человѣкъ къ тому бугру, съ тѣмъ, чтобы они заняли его; непріатели навѣрно, увидѣвъ это, съ величайшей воспѣшностью двинутся съ мѣста⁴ и употребятъ всѣ усилія, чтобы предупредить тебя и занять эту мѣстность. Ты между тѣмъ, пока враги будутъ заняты этимъ, будешь имѣть время вывести войско изъ этой позиціи. Другаго пути къ спасенію, кромѣ этого, нѣтъ никакого».—Консулъ отвѣтилъ трибуцу, что онъ, конечно, находитъ⁵ этотъ совѣтъ благоразумнымъ; но, сказалъ онъ: кто поведетъ этихъ четыреста солдатъ на то мѣсто, въ толпу непрітелей? «Если ты не находишь никого другаго, сказалъ трибунъ, то можешь употребить меня для этого опасно предпріятія⁶, я обрекаю мою жизнь на жертву тебѣ и республикѣ». Консулъ похвалилъ его и принялъ предложеніе⁷. Трибунъ и съ нимъ четыреста (солдатъ) идутъ на смерть. Карфагеняне окружаютъ Римлянъ со всѣхъ сторонъ; четыреста, всѣ до одного человѣка, падаютъ пронзенные мечомъ или засыпанные стрѣлами. Консулъ между тѣмъ, какъ происходитъ эта битва, спасается⁸ на безопасныя и возвышенныя мѣста.

1. devenire. 2. положеніе=мѣсто. 3. невыгодное положеніе, iniquitas. 4. progredi. 5. ему кажется. 6. = для этой опасности. 7. condicio. 8. se subducere.

Запосная. (Изъ книги: «Статьи для перевода на латинскій языкъ», Б. Ф. Зюпfle. №№ 299. 300 и 301).

Послѣ завоеванія Финикіи и Египта, Александръ возвратился въ Азію, чтобы идти на встрѣчу войску Персовъ, которое Дарій велъ въ битву про-

твѣ него отъ Вавилона. Дарій послалъ впередъ Мазея съ 6000 всадниковъ, чтобы удержать Македонянъ отъ перехода черезъ рѣку Тигръ, и приказалъ ему опустошать и жечь все кругомъ. — Александръ, постоянно презиравшій всякую опасность и преимущественно многочисленность неприятелей, шелъ впередъ неустрашимо и сколь возможно скорѣе, опасаясь, что Дарій пойдетъ во внутреннія части¹ своего царства. Такимъ образомъ Александръ пришелъ къ Тигру. Представлялось большое затрудненіе переправиться (черезъ него), такъ какъ рѣка несла съ собою не только воды многихъ горныхъ потоковъ, но и большіе камни. Особенно велика была трудность (для) тѣхъ, которые несли на плечахъ тяжести. Царь, который первымъ прибылъ на другой берегъ, убѣждалъ солдатъ громкимъ голосомъ, бросить все, кромѣ оружія, онъ же вознаграждать² убытокъ³. Но ни увѣщаній его, ни приказаній невозможно было разслышать пѣ-за шума волнъ и пѣ-за крика солдатъ, изъ которыхъ каждый желалъ спасти свое имущество. Наконецъ они перешли безопасно. Была большая равнина, на которой развернулось⁴ войско неприятелей. Толпа наводнила⁵ поля, и крикъ стальныхъ тысячъ поражалъ⁶ слухъ. Македоняне удивлялись огромному количеству людей, ихъ росту⁷, красотѣ оружія; Персы (же) изумлялись, что ихъ столь многочисленное войско было побѣждено столь ничтожными силами. Александръ самъ былъ въ большомъ безпокойствѣ⁸ и, когда съ наступленіемъ ночи⁹ возвратился въ свою палатку, не могъ ни предаться сну, ни успокоиться¹⁰. Онъ обдумывалъ судьбу слѣдующаго дня.

1. interiora. 2. reddere. 3. = потерянное. 4. explicare. 5. inundare. 6. obtundere. Слухъ=уши. 7. = величавъ тѣла. 8. animo suspenso et sollicito esse. 9. tenebris obortis. 10. = выносить (pati) спокойствіе.

3. По греческому языку.

Основная. 1. Изъ книги Зюффле подъ заглавіемъ: Статьи для перевода съ латинскаго языка на русскій. Часть I-я. № статьи 246.

Ифкрать, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ Аэнянъ, однажды выступивши противъ враговъ отечества, замѣтилъ, что нѣкоторые изъ его солдатъ затрепетали отъ страха, когда увидѣли приближающагося неприятеля. Онъ приказалъ объявить, что всѣ, которые что-либо оставили въ лагерѣ, могутъ возвратиться туда, чтобы достать эти вещи. Тотчасъ тѣ удалились. Ифкрать же, послѣ того какъ они ушли, сказалъ остальнымъ: я считаю себя счастливымъ, что я отослалъ этихъ трусовъ, ибо пора идти на неприятеля и смѣло напасть на него. Вы же забудете объ этихъ людяхъ, которые не постыдились оставить насъ, и по храбрости будете тѣмъ сильнѣе, чѣмъ по числу мы слабѣе теперь. Всѣ весело крикнули ему въ отвѣтъ, что они готовы насколько могутъ загладить свою храбростью воспоминаніе о трусости ушедшихъ.

Запасная. (Изъ книги подъ заглавіемъ: Сборникъ матеріаловъ для перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій. Составили Черный и Баталинъ. Часть вторая. № статьи 125, съ нѣкоторыми пропусками).

Побѣдивъ Римлянъ при Гераклеѣ, Пирръ рѣшился отправить къ нимъ пословъ и узнать, не желаютъ ли они мира. Когда предложенія Пирра слѣ-

зались извѣстными въ Римѣ и большинство сенаторовъ склонялось къ миру, знаменитый мужъ Анній Клавдій, извѣстный старикъ-слѣпецъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Римляне! я прежде ропталъ на судьбу, лишившую меня зрѣнія, нынѣ жалѣю, что я вмѣстѣ съ тѣмъ не глухъ, дабы не слышать вашихъ постыдныхъ совѣтовъ и рѣшеній, вовсе несогласныхъ съ древнею славою Рима. Гдѣ же слова, ходившія по всѣмъ народамъ, что еслибы въ Италію прибылъ самъ Александръ Великій и вступилъ бы съ нами въ бой, — когда мы еще были молоды, и съ отцами вашими, когда они были въ цвѣтѣ силъ, то онъ не славился бы нынѣ какъ непобѣдимый герой, но предавшись бѣгству или навѣ мертвымъ гдѣ нибудь здѣсь, онъ еще болѣе возвысилъ бы славу Рима».

Послѣ рѣчи Аннія, сенатъ рѣшилъ продолжать войну съ Пирромъ.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Купецъ А, продавъ купцу В 120 аршинъ сукна, получилъ 10% прибыли. Купецъ В, продавъ 0,75 этого сукна за 353 руб. 43 коп., получилъ прибыли 5%. Определить во сколько обошелся купцу А каждый аршинъ сукна?

Запасная. Дача, содержащая 2040 десятинъ земли, продана тремя участками. Второй участокъ, составлявшій по величинѣ $\frac{2}{3}$ перваго, продалъ по 12 руб. десятина; третій, составлявшій $\frac{1}{10}$ втораго, продалъ по 8 руб. десятина и, наконецъ, первый участокъ продалъ по 15 руб. десятина. За сколько продана дача?

б) По Алгебрѣ.

Основная. Найти четыре числа, изъ которыхъ первыя три составляютъ геометрическую, а послѣднія три арифметическую прогрессію; сумма крайнихъ равна 14, а сумма среднихъ 12.

Запасная. Черезъ сколько времени капиталъ въ 11582,6 руб. будетъ уплаченъ со сложными процентами по 5 со ста въ годъ, если для уплаты вносить ежегодно 1500 рублей.

в) По Геометріи.

Основная. Усѣченная пирамида, высота которой = 12 ф., разсѣчена плоскостью, проходящею чрезъ средину высоты параллельно основанію. Найти величину площади сѣченія, зная, что площадь нижняго основанія = 72 кв. ф., а площадь верхняго 32 кв. ф.

Запасная. Черезъ точку Р, данную внутри круга О, провести хорду данной длины.

г) По Тригонометріи.

Основная. Рѣшить равнобедренный треугольникъ, котораго высота $h = 764,44$ и уголъ при вершинѣ $73^\circ 44' 23''$,4.

Запасная. Рѣшить треугольникъ по данной площади, равной 342,3 квадрат. фута и по даннымъ двумъ угламъ, изъ которыхъ одинъ равенъ $35^\circ 45' 17''$ а другой равенъ $72^\circ 39' 28''$.

Темы, предложенныя ученикамъ 2-й Казанской гимназіи.

1. По русскому языку.

О значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русской литературы.

2. По латинскому языку.

Послѣ смерти Тимолеона нѣкоторые злонамѣренные граждане ввели въ Сиракузахъ олигархическое правленіе. Такъ какъ они старались посредствомъ жестокостей и ужаса укрѣпить свою власть, то они содержали многочисленныя войска, которыя упражняли въ военныхъ походахъ, предпринимаемыхъ ими отъ времени до времени въ Калабрію. Въ числѣ солдатъ находился нѣкто Агаокль, который мало по малу дошелъ до такой дерзости, особенно когда женился на вдовѣ Тимолеона, что рѣшился даже захватить въ свои руки верховную власть. Когда же олигархи узнали его замыслы, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ города. Впрочемъ, онъ не потерялъ надежды и отправился попытать счастья въ Кротонъ, но и здѣсь его попытки были тщетны. Тогда онъ, собравъ вокругъ себя своихъ сторонниковъ и объявивъ, что онъ теперь стоитъ на сторонѣ народа, снова двинулся къ Сиракузамъ и осадилъ ихъ. Чернь, утомленная постоянными войнами, отворила ему ворота города, перебивъ всѣхъ аристократовъ, и Агаокль вошелъ побѣдителемъ. Это обстоятельство случилось въ 317 г. до Р. Х. (Schlosser's Weltgeschichte, III, 334).

3. По греческому языку.

Алкibiадъ, видя, что въ Греціи нѣтъ болѣе для него безопаснаго мѣста, переправился въ Азію къ Фарнабазу, у котораго онъ пользовался такою дружбою, что тотъ далъ ему одно мѣстечко во Фригіи, съ котораго онъ получалъ ежегодно 50 талантовъ подати. Однако Алкibiадъ этимъ не былъ доволенъ, но онъ началъ думать о томъ, какъ бы освободить свое отечество отъ ига Лакедемонянъ. Узнавъ объ этомъ, Лакедемоняне совѣтуютъ Фарнабазу подумать о томъ, чтѣ произойдетъ у царя Персидскаго съ Лакедемонянами, если онъ не выдастъ Алкibiада живымъ или мертвымъ. Тогда сатрапъ посылаетъ двухъ Персовъ убить Алкibiада. Посланцы, не рѣшившись напасть на Алкibiада съ мечомъ, подожгли его домъ. Тогда Алкibiадъ бросаетъ свою одежду въ огонь и выбѣгаетъ изъ дома: по, пораженный стрѣлами враговъ, умираетъ около 40 лѣтъ отъ роду. (Cornel. Nepot. Alcib. cap. IX и X).

4) По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Три купца участвовали въ нѣкоторомъ предпріятіи. Первый внесъ деньги, полученные отъ продажи векселя въ 900 рублей, утвеннаго по 8% за 4 мѣсяца до срока; второй $\frac{1}{2}$ суммы, внесенной первымъ; третій—такой капиталъ, который, будучи отданъ въ ростъ по $1\frac{1}{2}$ %, приноситъ въ годъ 9 руб. при-

были. По окончаніи предпріятія было получено 633 руб. 60 коп. прибыли. Сколько изъ этой прибыли пришлось на долю каждаго купца, если капиталъ перваго находился въ оборотѣ 4, втораго 3, и третьяго 2 мѣсяца?

б) *По алгебрѣ.*

Въ бассейнѣ проведены двѣ трубы; если вода будетъ течь черезъ одну вторую трубу, то бассейнъ наполнится 3 часами скорѣе, чѣмъ еслибы вода текла только чрезъ одну первую трубу. Вода утекала въ теченіе $5\frac{1}{4}$ час. черезъ первую трубу; затѣмъ открыли и вторую, и черезъ 10 часовъ послѣ этого бассейнъ наполнился. Во сколько часовъ наполняетъ бассейнъ каждая труба отдѣльно?

в) *По геометріи.*

На сторонѣ квадрата, котораго бокъ вмѣстѣ съ діагональю содержитъ 24,14 фута, построенъ правильный шестиугольникъ, около котораго описанъ кругъ. Определить площадь сегмента, отсѣченнаго стороною квадрата и лежащаго внутри квадрата.

г) *По тригонометріи.*

Въ трапеціи, которой параллельныя стороны равны между собою, даны: меньшая изъ параллельныхъ сторонъ $b = 144,568$, прилежащій къ ней уголъ $\angle \beta = 96^\circ 43' 58'',5$ и діагональ $d = 290$. Определить другія стороны и углы трапеціи.

IV. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ УЧЕВНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. О значеніи труда въ жизни человѣка.

Заданія. Заслуги Пушкина въ русской литературѣ.

2. По латинскому языку.

Основная. Ганнибалъ. Ганнибалъ постоянными просьбами отца былъ доведенъ до того, что возмѣтилъ ненависть къ Римлянамъ. Эта ненависть, *унаследованная* имъ отъ отца, была столь велика, что онъ никогда не покидалъ ея и, будучи изгнанъ изъ Карфагена, постоянно старался возбудить войну противъ Римлянъ. Какимъ образомъ *развилась* въ немъ такая ненависть къ Римлянамъ, Ганнибалъ, говорятъ, самъ разказалъ Антиоху, могущественнѣйшему Сирійскому царю. Римляне, узнавши, что Ганнибалъ побуждаетъ Антиоха къ войнѣ, послали пословъ къ царю, чтобы взвести на Ганнибала *подозрѣніе*, ложно *заявляя*, что послѣдній *подкупленъ* Римлянами. Ганнибалъ, услышавши объ этомъ и понявши, что *тайные замыслы* пословъ *подѣйствовали* на царя, *явился* къ Антиоху и разказалъ, какимъ образомъ ему внушена ненависть къ Римлянамъ.

Отца его, Гамилькаръ, *принесли жертвою* Юпитеру, прежде чѣмъ отправиться въ Испанію, *во время обряда спросилъ* своего девятилѣтняго сына Ганнибала, желаетъ ли онъ отправиться съ нимъ въ лагерь. Когда онъ отвѣтилъ, что весьма охотно будетъ сопровождать отца въ лагерь, Гамилькаръ под-

велъ его къ алтарю, требуя, чтобы онъ прежде поклонился, что онъ всегда будетъ врагомъ Римлянъ. Мальчикъ не поколебался дать эту клятву. Это, говорятъ, разказалъ Ганнибалъ Антиоху и прибавилъ, что онъ до сихъ поръ сохранилъ данную отцу клятву и на будущее время всегда останется врагомъ Римлянъ.

З а п а с н а я. Славная смерть Люція Эмилиа Павла. Когда Л. Эмилий Павелъ отправлялся противъ Ганнибала, то Фабій совѣтовалъ ему быть какъ можно осторожнѣе; ибо онъ зналъ, что Ганнибалъ столько же можетъ приобрести выгоды отъ главнаго сраженія, сколько понести *убытка*, если будутъ онаго избѣгать. Эмилий во всемъ слѣдовалъ совѣту Фабія, но другой консулъ К. Теренцій Варронъ не обращалъ вниманія на мудрые совѣты товарища, по, *ослабленныи* своимъ безразсудствомъ и пылкостью, началъ *сраженіе*, въ которомъ Римляне *потерпѣли* великое пораженіе. Когда была разбита копница, которою командовалъ Эмилий, онъ хотя и былъ тяжело раненъ, однако не выходилъ изъ *сраженія*. Нѣсколько разъ принималъ онъ начальство надъ *многотою*, но легіоны были всѣ разбиты. Наконецъ, Эмилий, *обессиленный* своею тяжкою ранюю, не могъ возвратиться въ лагерь, и, сидя на камнѣ, ожидалъ смерти. Въ этомъ жалкомъ положеніи нашелъ его Лентулъ, военный трибунъ, который, также будучи раненъ, бѣжалъ съ поля *битвы*. Тронутый такимъ состояніемъ полководца, предлагалъ онъ ему своего копя для *вытѣса*, но Эмилий, не принимая опаго, сказалъ: «спасайся, великодушный другъ! возвѣсти Римлянамъ о настоящемъ пораженіи и скажи Фабію, что я жилъ и умираю, помня его наставленія». Едва онъ это сказалъ, какъ приблизились неприятели. Лентулъ былъ тотчасъ прогнанъ, а Эмилий погибъ, забросанный множествомъ *стрѣлъ*.

3. По греческому языку.

О с н о в н а я. Наканунѣ сраженія при Саламинѣ.

Когда Ксерксъ *шелъ* чрезъ Фессалію и Беотию на Атику, утрашенные Аѳняне *позволили* всѣмъ изгнанникамъ *возвратиться*, болѣе всѣхъ боясь Арпстиды, чтобы онъ, *перейдя* къ врагамъ, не *сманилъ* (за собою) многихъ гражданъ. Но они судили о немъ несправедливо. Ибо онъ, *пробившись* ночью чрезъ неприяТЕЛЬСКІЕ корабли, пришелъ къ палаткѣThemistocle и, вызвавъ его, сказалъ: «теперь, Themistocle, если мы *благоуразумны*, оставимъ нашу вражду и обратимся къ спасительному и прекрасному *соревнованію*, *наперерывомъ* стараюсь спасти Грецію». Выслушавъ это, Themistocle сказалъ, что самъ онъ *виновникъ* этого обмана и просилъ Арпстиду вмѣстѣ съ нимъ склонить *Эврибиада* къ морскому сраженію. Отправившись къ Эврибиаду, они объявляютъ ему, что нѣтъ надежды на спасеніе, если на слѣдующій день не будутъ сражаться съ врагами.

З а п а с н а я. Начало Аѳинскаго государства.

По *смерти* Эгея, сынъ его Тезей *придумалъ* дѣло великое и *дивное*. *Жителѣи* Атикки, до того разсѣянныхъ, *собралъ* въ одинъ городъ и *образовалъ* одинъ народъ изъ людей, до того жившихъ *отдѣльно* и не имѣвшихъ *совнѣнія* общей пользы до того, что они *нерѣдко* *враждовали* другъ противъ друга и даже открыто *воевали*. Тезей убѣждалъ *простыхъ* и *бѣдныхъ* гражданъ скоро *принять* его *предложеніе*, а *сильными* изъ гражданъ ставилъ на *видѣ* устройство *государ-*

стеа безъ царя и демократіи, во главѣ которой главный начальникъ для войны и охраны законовъ, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ представляющую равенство для всѣхъ, и убѣдилъ ихъ въ этомъ. А они, страшась силы Тезея, уже бывшей въ то время великою, а также и смѣлости его, предпочли уступить лучше какъ бы убѣжденные, чѣмъ выружденные силою. И такъ Тезей, распустивъ бывшія отдѣльно у каждыхъ пританей, сенаты и начальниковъ, сдѣлалъ одинъ общій для всѣхъ пританей и сенатъ тамъ, гдѣ теперь основанъ городъ, назвавъ этотъ городъ Аоннами и устронилъ общее жертвоприношеніе Папатен еп.

4. По математикѣ

а) По ариметикѣ.

Основная. Со дня открытія новаго учебнаго заведенія число учениковъ возросло ежегодно на 24% (прост. проц.), а въ концѣ пятаго года въ учебномъ заведеніи было уже 440 учениковъ. Сколько было учениковъ при открытіи?

Задача. 15 землекоповъ въ 24 дни, работая въ день по 8 часовъ вырыли ровъ въ видѣ прямоугольнаго параллелепипеда, сумма трехъ измѣрній котораго равняется 208 саж., при чемъ длина, ширина и глубина рва пропорціональны числамъ: 601 : 17 : 6. Сирашивается сколько землекоповъ необходимо чтобы въ 15 дней, работая по 9 часовъ, вырыть ровъ, подобный прежнему, длиною въ 300 саж. 3 ф. 6 дюйм., шириною 6 саж., глубиною 2 саж. 6 вершк.

б) По алгебрѣ.

Основная. Куплены участковыя земли въ 1260 десятинъ по $4\frac{1}{2}$ р. за десятину, съ условіемъ уплаты равными ежегодными взносами въ теченіе 25 лѣтъ изъ 7%. По прошествіи 10 лѣтъ покупатель пожелалъ уплатить сразу всю остальную сумму своего долга. Сколько придется ему уплатить?

Задача. Какой капиталъ должно положить въ банкъ по $5\frac{1}{2}$ % на 12 лѣтъ, чтобы послѣ этого въ теченіе 16 лѣтъ пользоваться ежегоднымъ доходомъ въ 880 руб?

в) По геометріи.

Основная. Сосудъ, имѣющій форму прямого усѣченнаго параллельно основанію конуса, наполненъ водою. Нижнее основаніе сосуда имѣетъ 5 ф. въ діаметръ, верхнее 1 футъ, а высота сосуда 4 фута. Определить на сколько давленіе на дно сосуда превышаетъ вѣсъ заключенной въ сосудѣ воды. (Вѣсъ куб. дюйма воды 8,84 золотн.).

Задача. Шаръ, радіусъ котораго 0,5 фута, просверленъ насквозь по направленію діаметра цилиндрическимъ отверстіемъ; радіусъ цилиндрическаго отверстія составляетъ $\frac{1}{2}$ радіуса шара; найти объемъ остающейся части шара.

г) По тригонометріи.

Основная. Вычислить углы и площадь треугольника по тремъ даннымъ его сторонамъ:

$$a = 308641,9725 \text{ дюйм.}$$

b = 246913, 578 .
c = 185186, 1835 .

З а п а с н а я. Опредѣлить объемъ конуса, производящая котораго 10,573 ф. и наклонена къ основанію надъ угломъ 42° 40',3.

V. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. «Вліяніе книгопечатанія на успѣхи просвѣщенія».

Запасная. «Что посеешь, то и пожнешь».

2. По латинскому языку.

Основная. *Valer. Maxim. III, 8, 8.* Великій примѣръ *неустрашимости* (animus motu vacuus) и *непоколебимости* (constantia) далъ у Римлянъ Квинтъ Муцій Сцевола (Scaevola) извѣстный подъ именемъ Ангура. Сулла, побѣдивши всѣхъ своихъ противниковъ и овладѣвши городомъ Римомъ, всѣми мѣрами и даже оружіемъ старался принудить сенатъ Римскій, чтобы Марій какъ можно скорѣе объявленъ былъ врагомъ отечества. Никто изъ сенаторовъ не осмѣлился противорѣчить ему, и одинъ только Сцевола, имѣвшій тогда уже болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду, будучи спрошенъ о мнѣніи, не хотѣлъ высказать его. Когда Сулла самымъ страшнымъ образомъ (trunculenter) угрожалъ ему, то онъ отвѣтилъ: «хотя ты, Сулла, указываешь на толпы солдатъ, которыми ты окружилъ этотъ домъ, тѣмъ не менѣе ты никогда не достигнешь того (efficere), чтобы я, ради (propter) непогнхъ капель (gutta) старческой своей крови, объявилъ врагомъ римскаго народа того, которымъ нѣкогда спасены были и этотъ городъ, и вся Италия». Сулла остался при своемъ намѣреніи perseverare in re aliqua exsequenda), но не отомстилъ Сцевола за его отвѣтъ (ulcisci alicujus verbum).

Запасная. *Valer. Maxim. III, 3 extern 1.* Славный подвигъ Муція Сцевола (Mucius Scaevola) всѣмъ извѣстенъ, но не менѣе должно удивляться (черезъ прилаг. admirabilis, e) слѣдующему поступку одного македонскаго мальчика. По древнему обычаю Македонянь, у царя Александра, когда онъ приносилъ жертву (sacrificari) богамъ, служили (praesto esse) благороднѣйшіе мальчики. Однажды одинъ изъ нихъ, взявши торопливо (argere) кадильницу (thuribulum), сталъ передъ Александромъ, и горячій уголь изъ кадильницы упалъ на руку его. Хотя онъ эпилъ углемъ обжегся (urii) такъ, что запахъ отъ прожженнаго (adustus) тѣла его дошелъ до обонянія (pervenire ad nares alicujus) вокругъ стоящихъ, тѣмъ не менѣе онъ молчаніемъ преодолѣлъ боль свою и держалъ руку неподвижно, чтобы не препятствовать жертвоприношенію Александра потрясеніемъ (черезъ глаголъ concutere) кадильницы и чтобы не раздрожать (азрегаге) стопомъ ушей царя. Александръ, восхищенный терпѣніемъ мальчика и желая еще болѣе испытать (experimentum sumere alicujus rei) его твердость, нарочно продлилъ жертвоприношеніе (продлить что нибудь—diutius aliquid facere), но этимъ нисколько не воспрепятствовалъ намѣренію мальчика. Еслибы Дарій присутствовалъ при этомъ, то онъ убѣдился бы въ

томъ, что непобѣдима война того народа, отроки котораго одарены такою твердостью души.

3. По греческому языку.

Основная. *Polyb. VI, 55.* Повѣствуютъ, что, когда Горацій, прозванный Коклесомъ, сражаясь съ двумя врагами на противоположномъ концѣ (πέραс) моста Тибра, который находится передъ городомъ, увидѣлъ наступающее множество помогающихъ имъ, то онъ, опасаясь, что враги, пересплавивъ его, *проникнуть* (παρὰ πτείν) въ городъ, сталъ кричать, обратившись къ тѣмъ, которые были съ *тмлу* (κατόπιον), чтобы они поскорѣе прибѣжали и разрушили мостъ. Тѣ послушались, и пока они разрушали мостъ, онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, получая множество ранъ, и удержалъ *натиски* (ἐπιφορά) враговъ, которые не столько силою, сколько отвагою его были поражены. Когда же мостъ былъ разрушенъ, враги были задержаны въ своемъ наступленіи, а Коклесъ, съ оружіемъ бросившись въ рѣку, *предалъ себя добровольной смерти* (κατὰ προαίρεσιν μεταλλάτῃσιν τὸν βίον), предпочитая настоящей и остальной жизни безопасность отечества и будущую славу.

Запаяная. *Thucid. IV, 97.* Герольдъ, посланный Аеннианами для переговоровъ объ уборкѣ труповъ (за трупами), встрѣчается (ἀπαύτῳ) съ Беотійскимъ герольдомъ, который сказалъ ему, что онъ ни въ чемъ не успѣетъ, пока самъ не возвратится, и заставилъ его воротиться назадъ. Когда же Беотійскій герольдъ *явился* (κατίστημι) къ Аеннианамъ, то онъ передалъ имъ отъ имени Беотійцевъ, что они поступили несправедливо, нарушая узаконенія Грековъ, ибо у всѣхъ положено, дѣлая нападеніе на чужую землю, не трогать священныхъ мѣстъ, Аенниане же, укрѣпивъ Деліонъ, живутъ въ немъ, и здѣсь (въ Деліонѣ) все дѣлается (προисχодит), что люди обыкновенно дѣлаютъ въ *непосвященномъ* (βέβηλος) мѣстѣ и они берутъ воду, которая ими употреблялась только для жертвоприношеній. Поэтому Беотійцы именовъ боговъ приглашаютъ ихъ удалиться изъ священнаго мѣста и взять съ собою то, что имъ принадлежитъ.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Известную работу могутъ исполнять А и В въ $2\frac{1}{11}$ дня, В и С въ $3\frac{1}{12}$ дня, С и А въ $2\frac{1}{12}$ дня. Во сколько времени исполнять эту работу рабочіе А, В и С вмѣстѣ и каждый изъ нихъ порознь?

Запаяная. Три долговныя обязательства: въ 3000 руб., 2500 руб. и въ 5000 руб., которымъ сроки платежа—7 мѣсяцевъ для 1-го, 15 мѣсяцевъ для 2-го и 19 мѣсяцевъ для 3-го, желаютъ замѣнить однимъ долговнымъ обязательствомъ, уплачиваемымъ черезъ годъ. На какую сумму оно должно быть написано, при общемъ условіи уплаты 6% въ годъ?

б) По алгебрѣ.

Основная. Произведенъ учетъ двухъ векселей: на 8776 руб., уплачиваемыхъ черезъ 9 мѣсяцевъ, и на 7488 руб., уплачиваемыхъ черезъ 8 мѣся-

девѣ. За первый вексель выдано 1200 руб. болѣе, чѣмъ за второй. По сколько процентов слѣдуетъ учесть?

Запасная. Изъ трехъ сортовъ серебра 56-й, 44-й и 36-й пробы, требуется сплавить 30 фунтовъ 48-й пробы. Сколько цѣлыхъ фунтовъ можно брать изъ данныхъ сортовъ серебра для требуемаго сплава?

в) *По геометріи.*

Основная. Построить треугольникъ по двумъ даннымъ его сторонамъ и по данной линіи, раздѣляющей по поламъ уголъ между данными сторонами и оканчивающейся на противоположащей ему сторонѣ. Вывести условія возможности этого построения.

Запасная. Построить равнобедренный прямоугольный треугольникъ по данной суммѣ его гипотенузы и катета.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Видны двѣ равно высокія заводскія трубы. Наблюдатель, стоящій между ними на прямой, соединяющей ихъ основанія, видитъ высоту ближайшей къ нему трубы подъ угломъ въ 60° , отойдя на 80 фут. по направлению, перпендикулярному къ линіи, соединяющей основанія трубъ, онъ видитъ высоту одной изъ нихъ подъ угломъ въ 45° , а другой — подъ угломъ въ 30° . Определить высоту и разстояніе трубъ.

Запасная. Наблюдатель, стоящій на берегу рѣки, видитъ высоту дерева на противоположномъ берегу подъ угломъ въ $86^\circ 45' 40''$; отступивъ назадъ на 23,35 фут. онъ видитъ высоту того же дерева подъ угломъ въ $30^\circ 29' 30''$. Определить высоту дерева и ширину рѣки.

VI. ВЪ ОДЕССКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Dulce et decorum est pro patria mori.

2. По латинскому языку.

Титъ Квинкцій Фламинній.

Въ сто девяносто седьмомъ году до Рождества Христова молодой римскій полководецъ Титъ Фламинній одержалъ при Киннокефалахъ (*Cynoscephalae, agum*) въ Фессалии блестящую побѣду надъ Филиппомъ V, царемъ Македонскимъ.

Филиппъ принужденъ былъ согласиться на условія, уже ранѣе предложенныя Римлянами т. е. отказаться ¹ отъ всѣхъ своихъ завоеваній ² въ Греціи и въ Азіи и удовольствоваться однимъ своимъ македонскимъ царствомъ.

Затѣмъ Фламинній прошелъ какъ триумфаторъ черезъ Грецію до Коринна, чтобы присутствовать на великихъ Истмійскихъ играхъ, гдѣ ему хотѣлось провозвести ³ сильное впечатлѣніе.

Почти въ то самое время прѣбылъ туда же изъ Рима десять пословъ съ ратификаціей ⁴ мирнаго договора. Когда потомъ, на играхъ, уже всѣ мѣста были заняты и герольды ⁵ выѣхавъ съ трубачемъ ⁶ вышли, согласно обычаю, на

середину арены, гдѣ принято было торжественно возвѣщать о началѣ игры, то труба подала знакъ къ молчанію и герольдъ громкимъ голосомъ сказалъ: «Римскій Сенатъ, и народъ, и Титъ Квинкцій, ихъ полководецъ, побѣдиль Филиппа и Македонянъ, объявляетъ всѣ греческіе города и острова независимыми отъ Македонскаго владычества. Отнынѣ они союзники Римлянъ и должны повиноваться лишь собственнымъ законамъ».

Эта неожиданная вѣсть произвела⁶ потрясающее дѣйствіе на умы всѣхъ присутствующихъ. Греки сперва не знали довѣрять ли собственнымъ ушамъ, или нѣтъ, и распрашивали другъ друга о слышанномъ эдиктѣ; но когда герольдъ снова повторилъ тѣже самыя слова, тс поднялась цѣлая буря восторженныхъ⁷ криковъ и шумныхъ рукоплесканій. Игры были совершены на скоро и по окончаніи ихъ толпа устремилась къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Римскій вождь и осыпала⁸ его вѣнками⁹ и цвѣтами,

1. отказаться — *dimittere aliquid, decedere de v. ex.* 2. завоеваніе — *terras captas, loca captas.* 3. произвести впечатлѣніе — *pellere, percutere, permovere animos spectatorum.* 4. ратификація — *ratum facere aliquid.* 5. герольдъ — *probo;* труба — *tubicen.* 6. произвести потрясающее дѣйствіе — *alte descendere in animum.* 7. восторженный — *flagrans.* 8. осыпать — *convrergere.* 9. вѣнокъ — *serta, orum.*

3. По греческому языку.

Гомеръ.

Древніе греки очень любили поэзію и высоко цѣнили поэтовъ; выше же всѣхъ другихъ ставили Гомера, котораго жители семи разныхъ городовъ называли своимъ землякомъ,¹ утверждая, что ихъ родина² была мѣстомъ³ рожденія великаго поэта. Аеніане особеннымъ закономъ постановили, чтобы стихотворенія Гомера читалась у нихъ публично во время Панаѳнейскаго⁴ праздника.

Эсхилъ говоритъ, что онъ самъ, въ своихъ сочиненіяхъ, много позаимствовалъ⁵ отъ Гомера, и что написанныя имъ трагедіи только куски⁶ отъ пышнаго Гомерова пиршества. Пиндаръ, первѣйшій лирикъ, не только позаимствовалъ отъ Гомера разные мифы, но и воспѣвалъ его въ своихъ восторженныхъ⁷ одахъ.

Ораторъ Эсхинъ семь разъ упоминаетъ о Гомерѣ какъ о краснорѣчивомъ писателѣ, и нѣкоторые другіе витин часто намекаютъ⁸ на высокое дарованіе⁹ и геніальную¹⁰ способность Гомера изображать великолѣпнѣйшія картины¹¹. Демосеенъ, по свидѣтельству¹² Діонисія Галикарнаскаго, почерпалъ богатство своего краснорѣчія у Гомера, которому и подражалъ¹³.

Фукидидъ неоднократно называлъ Гомера по имени, и многіе другіе историки смыслились¹⁴ въ своихъ разказахъ на него какъ на неопровержимый¹⁵ авторитетъ.

Платонъ не только удивлялся таланту Гомера, но и старался подражать ему; а Аристотель такъ высоко цѣнилъ Гомера, что изъ его стихотвореній вывелъ и установилъ правила для эпической поэзіи.

Такимъ образомъ поэты, ораторы, историки и философы прославляли имя Гомера.

1. землякъ — *πολίτης, ό.* 2. родина — *πάτρίς, ή.* 3. мѣсто рожденія — *πατρίς, ή.*

4. панаэнейское празднество — *παναθηναία*, τὰ. 5. позанимствовать — *προσκοπέω*. 6. кусокъ — *φάβριον*, τὸ. 7. восторженный — *ἔνθους* 2., *ἐκίκνους* 2. 8. намекать — *ἐπιδαίνομαι*. 9. дарованіе — *ἀροκία* ἡ. 10. гениальный — *γόνιμος* 2. 11. картина — *τόπος*, ὁ. 12. свидѣтельство — *μάρτυρον*. 13. почерпнуть — *λαμβάνω*. 14. есмьтсья — *σχηρίζομαι* τίνι. 15. непровержимый — *ἄμεμπτος* 2.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Два работника, которые работали вмѣстѣ, условились заработанную плату раздѣлить между собою обратно пропорціонально числамъ дней, въ продолженіе которыхъ каждый изъ нихъ, работая самъ одинъ, можетъ окончить эту работу. Первый, работая одинъ, можетъ окончить эту работу въ 20 дней, а оба вмѣстѣ въ 12-ть дней. Спрашивается сколько получилъ каждый работникъ, если за всю работу заплачено 30 рублей?

б) По алгебрѣ.

По сколько рублей нужно отдавать ежегодно въ ростъ по 5%, чтобы по истеченіи 20 лѣтъ составилъ такой капиталъ, какой бы составилъ изъ 32000 руб. чрезъ 25 лѣтъ, отданныхъ въ ростъ по 5%, сложныхъ процентовъ?

в) По геометріи.

Опредѣлить объемъ конуса усѣченнаго плоскостью, параллельною основанію, если извѣстно что радіусъ основанія 7 дюймовъ, высота усѣченнаго конуса 18 дюймовъ и образующая цѣлаго конуса 23 дюйма.

г) По тригонометріи.

Рѣшить треугольникъ, котораго одна сторона 0,96, другая 1,08 и третья 1,1 футовъ.

VII. ПО КІЕВСКОМУ ОКРУГУ.

Темы, тексты и задачи по гимназіямъ: Кіевской 2-й, Нѣжинской, Полтавской и Коллегіи П. Галагана.

1. По русскому языку.

«Что сдѣлано Ломоносовымъ для русскаго образованія».

2. По латинскому языку.

«Римляне послали пословъ къ Антіоху съ тою цѣлю, чтобы тѣ подъ видомъ посольства и высмотрѣли ¹ приготовленія ² царя, и Аннибала или смигчили въ пользу Римлянъ, или постоянными свиданіями съ нимъ сдѣлали его подозрительнымъ и ненавистнымъ царю. И такъ послы, встрѣтившись съ Антіохомъ въ Ефесѣ, передаютъ ему требованія Сената. Въ ожиданіи между тѣмъ отвѣта, они во всѣ дни неотлучно ³ были съ ⁴ Аннибаломъ, говоря, что онъ поступилъ трусливо, покинувъ отечество, тогда какъ Римляне свято со-

храняютъ миръ, заключенный скорѣе съ нимъ, чѣмъ съ его государствомъ и что онъ велъ войны не столько изъ ненависти къ Римлянамъ, сколько изъ любви къ отечеству, для котораго каждый хорошій гражданинъ обязанъ пожертвовать ⁵ даже самою жизнію; ибо существующія ⁶ причины войны суть общественныя, международныя, а не частныя, между вождями. Затѣмъ хвалить его подвиги. И такъ, обрадованный такими рѣчами, Аннибалъ довольно часто и охотно бесѣдовалъ съ посланни, но зналъ, что сближеніемъ ⁷ съ Римлянами, онъ навлекаетъ на себя ненависть царя. Ибо Антиохъ, полагая что вслѣдствіе столь постоянныхъ свиданій, возобновлено его согласіе ⁸ съ Римлянами, не сталъ сообщать ему, какъ обыкновенно бывало, ничего, и устранивъ ⁹ совершенно отъ совѣщанія сталъ ненавидѣть его какъ врага и своего предателя. Это обстоятельство принесло вредъ ¹⁰ столь громаднѣмъ приготовленіямъ къ войнѣ, потому что перестало дѣйствовать ¹¹ военачальническое искусство. Требования сената состояли въ томъ, чтобы Антиохъ удовольствовался предѣлами Азіи и такимъ образомъ не ¹² налагалъ на нихъ необходимости вступить въ Азію».

1. speculari. 2. apparatus. 3. assiduus. 4. circa. 5. deberi. 6. hic. 7. familiaritas. 8. reconciliare gratiam. 9. exerts. 10. cogumpere. 11. cessare. 12. ne.

3. По греческому языку.

«Александръ отправляетъ вмѣстѣ съ пришедшими отъ Дарія посланни Оерсиппа, поручивъ ¹ ему передать Дарію письмо, самому-же не *входитъ* ² съ нимъ ни *о* какіе *разговоры*. Письмо Александра слѣдующаго *содержанія*:

«Ваши предки, пришедши въ Македонію и въ остальную Грецію, причинили намъ зло, не *испытавъ* ³ прежде никакого *оскорбленія* ⁴; а же, поставленный предводителемъ Грековъ, и желая отомстить Персамъ, перешелъ въ Азію, когда вы уже *начали* ⁵ вражду. Ибо вы помогали Персиппонамъ, которые оскорбляли моего отца. Но послѣ того, какъ отецъ мой погибъ отъ *злоумышленниковъ* ⁶, которыхъ вы подготовили, и когда ты убилъ Ареса и *захватилъ* ⁷ власть несправедливо и не по закону Персовъ, и такъ какъ ты посылаешь деньги къ Македонянамъ и нѣкоторымъ другимъ изъ Грековъ, и посланные отъ тебя *подкупили* ⁸ моихъ друзей и пытаются разорвать миръ, который я заключилъ съ Греками, то я выступилъ въ походъ противъ тебя, ибо ты началъ вражду.

1. παραγγέλλειν. 2. διαλέγεσθαι. 3. ἔχειν. 4. προαδικήσασθαι. 5. ὑπάρχειν. 6. ἐπιβουλεύειν. 7. κατέχειν. 8. διαφθείρειν.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Нѣкто взялся сдѣлать извѣстную работу въ 30 дней и поставилъ на работу 15 человекъ, но прошествіи 16 дней онъ увидѣлъ, что сдѣлано только $\frac{1}{10}$ работы. Сколько надобно прибавить рабочихъ, чтобы работу можно было окончить къ сроку?

б) По алгебрѣ.

Найти три числа въ арифметической прогрессіи, которыхъ бы сумма была=24, а произведеніе было=480?

е) По геометріи.

Извѣстно, что литръ, употребляемый для мѣры сыпучихъ тѣлъ, есть цилиндръ, коего діаметръ основанія равенъ высотѣ его, а объемъ—кубическому дециметру, найдти эту высоту и радіусъ основанія?

з) По тригонометріи.

Даны двѣ стороны треугольника 4653 и 3921 и уголъ между ними— $27^{\circ}, 38'$, найдти остальные части и площадь треугольника?

Темы, тексты и задачи по гимназіямъ: Кіевской 1, Кіевской III, Житомирской, Каменецъ—Подольской, Немировской, Черниговской, Новгородъ—Сѣверской и Лубенской.

1. По русскому языку.

Объяснить значеніе — народный поэтъ — и показать, почему Пушкинъ имѣетъ право на это имя.

2. По латинскому языку.

Деметрій, царь Иллирійцевъ, недавно побѣжденный Римскимъ консуломъ Павломъ, приступаетъ къ Филиппу съ униженными ¹ просьбами, жалуетъ на обиду Римлянъ, которые, не довольствуясь предѣлами Италіи, обхвативъ ² преступною ³ надеждою власть надъ цѣлымъ міромъ, ведутъ войну со всѣми царями. Такъ (по его словамъ) они, стремясь ⁴ къ власти надъ Сициліей, Сардиніей и Испаніей и наконецъ надъ цѣлою Африкой, предприняли войну съ Пунами и Аннибаломъ; на него также пошли войною не по иной причинѣ, какъ только потому, что онъ казался сосѣдомъ Италіи, какъ будто не дозволено ⁵ ни одному царю быть подлѣ границъ ихъ владѣній. Но и ему самому должно остерегаться примѣра, доказывающаго, что тѣмъ кого царство навѣстивше ⁶ и славивше, тѣмъ болѣе жестокихъ враговъ будетъ имѣть онъ въ Римлянахъ. Сверхъ того Деметрій открыто заявляетъ, что онъ уступаетъ Филиппу царство, которое заняли Римляне, потому что будетъ считать ⁷ для себя болѣе приятнымъ, если будетъ видѣть владѣтелемъ своего царства союзника, а не враговъ. Такою рѣчью онъ побудилъ Филиппа, оставивъ Этоліицевъ, пойдти войною на Римлянъ, считавшаго притомъ войну эту нетрудною, такъ какъ онъ слышалъ, что Римляне уже были побѣждены у Тразименскаго озера. И такъ для того, чтобы въ одно время не быть запяту ⁸ многими войнами, включаетъ мнрѣ съ Этоліицами, не съ тѣмъ какъ будто намѣреніемъ, чтобы перепестн войну въ другое мѣсто, но съ тѣмъ, чтобы позаботиться о спокойствіи Греціи, которая, какъ онъ утверждалъ никогда не была въ большой опасности.

1. suplex. 2. amplector. 3. improbus. 4. adfectare. 5. nefas. 6. promptus. 7. habiturus. 8. detineor.

3. По греческому языку.

Когда Александръ былъ еще занятъ ¹ осадою Тира, пришли къ нему послы отъ Дарія, возвѣщая что Дарій хочетъ дать Александру за свою мать, жену и дѣтей 10,000 талантовъ, и что вся страна, отъ ² рѣки Евфрата до ³ Греческаго моря, должна принадлежать Александру, и чтобы Александръ, женившись на дочери Дарія, былъ ему другомъ и союзникомъ. Когда это возвѣщено было въ собраніи ⁴ приближенныхъ, Парменіонъ, говорятъ, сказалъ Александру, что онъ, будучи Александромъ, согласился бы на этихъ условіяхъ прекратить ⁵ войну и болѣе впредь ⁶ не подвергаться опасности. Но Александръ, говорятъ, отвѣтилъ Парменіону, что и онъ, еслибы былъ Парменіономъ, сдѣлалъ бы такъ; но такъ какъ онъ Александръ, то онъ отвѣчаетъ Дарію то, что онъ на самомъ дѣлѣ и отвѣтилъ. Именно: онъ отказывался ⁷ и просить ⁸ у Дарія денегъ, и взять часть страны вмѣсто цѣлой, ибо и деньги, и вся страна принадлежать ему, и что еслибы онъ хотѣлъ жениться на дочери Дарія, то онъ женился бы даже вопреки ⁹ волѣ Дарія. Затѣмъ онъ требовалъ, чтобы онъ самъ пришелъ, если онъ хочетъ *найти* у него какую нибудь *милость* ¹⁰.

1. συνήχεσθαι ἐν τινί. 2. ἐντός. 3. ἔσται ἐπί. 4. σύλλογος. 5. ἀγαπᾶν. 6. καταλαίει. 7. πρόσω. 8. φᾶναι οἷ. 9. ὀβριόσαι. 10. οὐδιδόναι. 11. φιλάνθρωπος.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Какой капиталъ надобно положить въ банкъ на 4 года по 5%, чтобы по истеченіи срока, считая проценты на проценты, получить 10,000 рублей.

б) По алгебрѣ.

$$x = \sqrt{\frac{2,756}{45,46893}} ?$$

г) По геометріи.

Раздѣлить поверхность шара плоскостію, перпендикулярною къ какому нибудь діаметру, на такія двѣ части, чтобы большая изъ нихъ была средне-пропорціональною между цѣлою поверхностію и меньшею ея частію.

г) По тригонометріи.

Раздѣлить уголъ въ 30° на такія двѣ части, чтобы синусы этихъ частей относились между собою какъ 1 : 2?

VIII. ПО ВИЛЕНСКОМУ ОКРУГУ.

1. По русскому языку.

Основная. Интересъ изученія басенъ Крылова.

Запасная. Опасность отчества вызываетъ народныя силы.

2. По латинскому языку.

Основная. Казалось, что римское войско уничтожено въ Испаніи и эта провинція потеряна для римлянъ, но одинъ человѣкъ поправилъ все. Въ

войскѣ былъ Марцій, всадникъ римскій, человекъ дѣятельный обладавшій умомъ и способностями выше того сословія, въ которомъ родился. Къ высокимъ природнымъ дарованіямъ присоединилось то, что онъ изучилъ военное искусство подъ руководствомъ Сципіона. Марцій собралъ разбѣжавшихся солдатъ, вывелъ нѣсколько гарнизоновъ и такимъ образомъ составилъ порядочное войско, съ которымъ присоединился къ легату Сципіона; но на столько превзошелъ его вліяніемъ на солдатъ, что когда войско стало выбирать вождя, то вѣрнѣе высшую власть Марцію. Все это время, а его было не много, было употреблено на укрѣпленіе лагера и на заготовленіе провіанта. Солдаты исполняли всѣ распоряженія не лѣнливо и безъ недобѣрія, почему въ теченіе дня и ночи римляне овладѣли двумя непріятельскими лагерями.

З а п а с а я. По взятіи Сиракузъ, Марцеллъ устроилъ дѣла въ Сициліи съ такою честностью, что умножилъ свою славу и величіе народа римскаго. Украшенія города—статуи и картины, которыми изобиловали Сиракузы, онъ отвезъ въ Римъ. Это была военная добыча, взятая по праву войны, но съ этого-то, времени обнаружилась любовь къ произведеніямъ греческаго искусства и та страсть похитить ихъ, которая наконецъ обратилась на римскихъ боговъ и прежде всего на храмъ, отлично устроенный Марцелломъ. Иностранцы ходили любоваться храмами у Капенскихъ воротъ, освещенными Марцелломъ, и ихъ прекрасными въ этомъ родѣ украшеніями, а теперь ихъ уцѣлѣла самая малая часть. Къ Марцеллу явилась депутація почти всѣхъ городовъ Сициліи. Какъ роль ихъ была разная, такъ и участь разная. Тѣ, которые до взятія Сиракузъ не отпадали отъ Римлянъ, были приняты какъ вѣрные союзники. Тѣ же, которые по взятіи Сиракузъ покорились подъ вліяніемъ страха, приняли законы отъ побѣдителя.

3. По греческому языку.

О с н о в н а я. Киръ объявилъ стратегамъ, что походъ будетъ противъ великаго царя; приказалъ имъ извѣстить объ этомъ солдатъ и склонить ихъ идти. Стратеги созвавши собраніе, объявили это. Но солдаты были недовольны на стратеговъ; они говорили, что стратеги знали объ этомъ давно и скрывали; солдаты отказывались идти, если имъ не дадутъ денегъ подобно тому, какъ ходившимъ прежде съ Киромъ къ его отцу, когда послѣдній звалъ Кира. Узнавъ объ этомъ, Киръ обѣщалъ, лишь только придутъ въ Вавилонъ, выдать каждому пять мнѣ серебра и жалованье сполна, пока онъ не доставитъ Эллинамъ обратно. Большинство Эллиновъ согласилось на это.

З а п а с а я. Прежде чѣмъ стало повѣстно какъ поступать эллины, послѣдуютъ-ли они за Киромъ или нѣтъ, Менонъ, созвавши свою дружину, сказалъ: Солдаты, Киръ желаетъ, чтобы Эллина шли за нимъ противъ царя. По этому я полагаю, что вамъ слѣдуетъ перейти рѣку теперь-же. Если и прочіе рѣшатъ идти, то къ вамъ, начавшимъ переходъ, Киръ будетъ питать признательность и окажетъ ее: если же остальные порѣшатъ иначе, то всѣ мы возвратимся обратно, но Киръ будетъ смотрѣть на васъ какъ на однихъ исполнителей надеждъ. Выслушавъ это, солдаты повинувались, а Киръ, узнавъ объ ихъ переходѣ, остался доволенъ.

4. По математикѣ.

а) По ариѳметикѣ.

Основная. Купецъ продалъ за 841 рубль 3,625 пуд. чаю, смѣшаннаго изъ двухъ сортовъ, одного цѣною по 7 руб. за фунтъ, другаго — цѣною по 4 руб. 10 коп. за фунтъ. Раздѣливъ всю вырученную сумму между тремя сновьями, пропорціонально ихъ лѣтамъ, купецъ замѣтилъ, что младшему досталась вся прибыль, полученная отъ продажи смѣшаннаго чая. Определить, сколько было взято каждаго сорта чаю для составленія смѣшаннаго, если лѣта сновей относились между собою какъ 15: 10: 4.

Заданная. А, В и С имѣли 64,000 рублей. Капиталъ А составлялъ 40% капитала В, а капиталъ В—20% капитала С.—В купилъ на свои деньги имѣніе, на устройства котораго взялъ у А—0,5, а у С—0,08 изъ капиталовъ подъ вексель на три года; но по простѣвнн трехъ лѣтъ, не могъ вышлатить взятыхъ денегъ, почему имѣніе его было продано съ аукціона. Вырученныя при этомъ деньги въ количествѣ 5,700 руб. раздѣлены между А и С. Сколько получилъ каждый изъ нихъ?

б) По алгебрѣ.

Основная. Какой капиталъ нужно положить въ банкъ по 5% (сложныхъ) на 10 лѣтъ, чтобы послѣ этого, въ теченіе столькихъ-же лѣтъ пользоваться ежегоднымъ доходомъ въ 800 рублей?

Заданная. Площадь прямоугольнаго треугольника содержитъ въ себѣ 24 квадратныхъ фута; разность-же площадей квадратовъ, построенныхъ на его катетахъ, равна 28 квадратнымъ футамъ. Определить стороны такого треугольника?

в) По геометріи.

Основная. Въ равнобочной трапеціи, у которой нижнее основаніе = a , верхнее = b и высота h , непаралельныя стороны продолжены до встрѣчи. Определить поверхность тѣла, происходящаго отъ обращенія получившейся фигуры около линіи, соединяющей означенную точку встрѣчи съ серединою нижняго основанія трапеціи.

Для цифернаго вычисленія: $a = 15$, $b = 7$ и $h = 8$ дюймамъ.

Заданная. Определить сторону ромба, зная: что площадь его P а отношеніе діагоналей = $\frac{m}{n}$. Для цифернаго вычисленія:

$$P = 80, \frac{m}{n} = 0,8.$$

г) По тригонометріи.

Основная. На горизонтальной плоскости находятся двѣ башни А и В; h — высота башни А — извѣстна. Наблюдатель, находящійся на вершинѣ башни В, измѣряетъ уголъ α , образуемый линіями, идущими къ вершинѣ и подошвѣ башни А, а также и уголъ β , образуемый линіей, идущей къ подошвѣ башни А, съ отвѣсною линіею, продящею черезъ точку наблюденія. Определить разстояніе между башнями А и В, а также и высоту этой послѣдней. Для цифернаго вычисленія $h = 135,7$ фута; $\angle \alpha = 27^\circ 17' 38''$; $\angle \beta = 65^\circ 37' 53''$.

З а п а с н а я. Сумма катетовъ прямоугольнаго треугольника равна 409 дюймамъ и одинъ изъ его острыхъ угловъ содержитъ въ себѣ $26^{\circ} 28' 50''$. Определить прочія части такого треугольника.

IX. ПО ВАРШАВСКОМУ ОКРУГУ.

1. По русскому языку.

Основная. Свѣтлыя и темныя стороны Римской Имперіи.

Запасная. Тургеневъ сказалъ «жизнь тяжкій трудъ»; Карамзинъ сказалъ: «жизнь первое счастье»: какъ согласить эти опредѣленія.

2. По латинскому языку.

Основная. Въ первую пуническую войну Кароагеняне разрушили городъ *Гимеру*¹, который былъ изъ числа первыхъ городовъ Сициліи по своей славѣ и произведеніямъ искусства². Тѣ граждане, которыхъ пощадилъ *бьдствіе*³ войны поселились въ городъ *Фермаксъ*⁴, недалеко отъ прежняго города. По взятіи Кароагена, Сципіонъ, бывшій того мнѣнія, что достоинство римскаго народа требуетъ чтобы, по окончаніи войны, союзники чрезъ побѣду Римлянъ получили обратно⁵ свою собственность, приказалъ возвратитъ *Симиліанамъ*⁶, что только могъ. Такимъ образомъ *Фермитанамъ*⁷ получили обратно то, что пѣкогда было отпято у *Гимерисовъ*⁸. Теперь они думали, что снова возвратили счастье и достоинство своихъ предковъ, когда украшенія ихъ поставлены были въ ихъ городъ. Говорятъ, что было много *мѣдннхъ*⁹ статуй, и между ними *изваяніе*¹⁰ города Гимеры, *представленную*¹¹ въ видѣ женщины.

Какъ ни желалъ Сципіонъ присвоить себѣ изображеніе Гимеры, однако онъ предпочелъ возвратитъ его *Фермитанцамъ*. Между другими произведеніями искусства находилось также прекрасное *изображеніе*¹² поэта *Стезиора*¹³, который за свой талантъ во всей Греціи былъ въ большинъ почетѣ. Было наконецъ и много другихъ произведеній искусства, изъ которыхъ Сципіонъ ничего *не далъ*¹⁴ *пожити*¹⁵ солдатамъ, но возвратилъ всѣ *Фермитанцамъ*, *не потому чтобы*¹⁶ у него не было садовъ или *подгородной дачи*¹⁷, гдѣ могъ бы ихъ поставить, но потому что еслибы онъ *взялъ*¹⁸ ихъ въ свой домъ, то онъ недолго назывался бы собственностью Сципіона, но тѣхъ людей, которымъ онъ *достался*¹⁹ бы послѣ его смерти.

Запасная. Когда римскіе воины, оставленные въ Капуѣ въ видѣ гарнизона, составили заговоръ съ *цѣлюю*¹ завладѣть этимъ городомъ, и когда они, по открытіи ихъ замысла, боясь наказанія, *отложились*² отъ римскаго народа, тогда диктаторъ М. Валерій обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Воины, я тотъ М. Валерій Корвъ, благородство котораго вы *узнали по*³ монѣ къ вамъ благодареніямъ, а не по *несправедливымъ поступкамъ*⁴; такъ *обнажайте*⁵ же лучше мечъ противъ меня, чѣмъ я противъ васъ. *Предпринимайте*⁶ же то, чего не предпринимали отцы и дѣды ваши, ни тѣ, которые впоследствии заняли Апеннинскую гору. Ждите, пока къ вамъ, какъ пѣкогда къ Коріолану, не выйдутъ изъ города на встрѣчу ваши матери и жены съ *распушенными*⁷ волосами». Послѣ этихъ словъ предводитель воиновъ Квинкцій, обратясь къ своимъ, ска-

заль, что онъ предпочитаетъ миръ войнѣ, и когда всѣ своимъ крѣпкомъ изъ-явленіемъ согласіе на миръ, Квинкцій, ставъ предъ знаменами⁶, объявилъ, что войско *предоставляетъ себя въ распоряженіе*⁷ диктатора и проситъ его *вступить за*¹⁰ этихъ злополучныхъ гражданъ.

3. По греческому языку.

Основная. Послѣ этого *заговора*¹ нѣкто *Иродъ*² *Сиракузянинъ*³ *посѣтитъ*⁴ *Финикію*⁵ съ какимъ то *судоходлимомъ*⁶ и увидѣвъ, что однѣ Финикійскія триеры возвращаются *откуда то*⁷, другія *вооружаются*⁸, а другія еще *строятся*⁹, и кромѣ того узнавъ о томъ, что ихъ должно быть триста, *силью*¹⁰ на первое судно, *отправившись*¹¹ въ Элладу, и извѣстивъ Лакедемонянъ, что персидскій царь и Тиссафернъ вооружаютъ этотъ *флотъ*¹². *Встрѣченные*¹³ этимъ извѣстіемъ, Лакедемоняне созвали союзниковъ и совѣщались, что имъ дѣлать. Лизандръ же, полагая, что *Эллины будутъ* гораздо *сильнѣе*¹⁴ на морѣ и *расчитывая*¹⁵ на то, что *сухопутное войско*¹⁶ спасено, уговариваетъ Агезилая отправиться въ Азію на войну. Агезилай обѣщаль, что, если ему дадутъ 30 спартацевъ, около 2000 неодамодовъ¹⁷ и 6000 союзныхъ воиновъ, онъ сдѣлаетъ *нашествіе* на Азію. Лизандръ самъ хотѣлъ *отправиться вмѣстѣ*¹⁸ съ нимъ, чтобы *при помощи*¹⁹ Агезилая опять *вести*²⁰ *десятевираты*²¹, *измѣнные*²² по *распоряженію*²³ эфоровъ.

Заплавная. Разказываютъ, что *Фриксъ*¹, сынъ *Авамонта*², взявъ сестру свою *Геллу*³, убѣжалъ изъ Эллады, и когда они на *золоторунномъ овнѣ*⁴ котораго дала имъ мать ихъ Нефела, *переправлялись*⁵ изъ Европы въ Азію, Гелла упала въ море, которое по ея имени названо Геллеспоитомъ, Фриксъ же занесенъ былъ въ *Кольхиду*⁶ и тамъ, принеши овна въ жертву Зевсу, *послалъ*⁷ золоторунную *шкуру*⁸ его храму Арея. Вскорѣ послѣ этого *Аэту*⁹, царствовавшему надъ Кольхидою, *предсказано Оракуломъ*¹⁰, что онъ *кончитъ*¹¹ жизнь свою тогда, когда чужестранцы, приплывъ въ Кольхиду, *похитятъ*¹² изъ храма золотое руно. По этой-то причинѣ и вслѣдствіе собственной его *жестокости*¹³, онъ повелѣлъ приносить въ жертву всѣхъ чужестранцевъ, прибывающихъ въ Кольхиду, для того чтобы *распространилась*¹⁴ молва о жестокости *жителей Кольхиды*¹⁵ и чтобы вслѣдствіе этого никто изъ иностранцевъ не *осмѣливался*¹⁶ прибывать въ ихъ страну.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Сколько золота 78-й пробы надо сплавить съ 9,63 фунтами золота 64-й пробы, чтобы получать сплавъ 72-й пробы? Кромѣ того требуется найдти сколько надо сплавить золота 78-й и 64-й пробы для полученія 15 фунтовъ 23 лотовъ золота 72-й пробы.

Заплавная. Для арміи нужно въ самый короткій срокъ приготовить 12800 аршинъ сукна. Заказъ порученъ тремъ фабрикамъ *А. В и С.* Фабрика *А* можетъ сдѣлать въ 4 дня 800 арш., фабрика *В* въ 6 дней—720 арш., а фабрика *С* въ два дня готовится 40% того количества, которое могутъ приготовить совмѣстно въ теченіе трехъ дней первая и вторая фабрики. Черезъ

сколько дней заказъ будетъ готовъ и по сколько аршинъ будетъ сдѣлано каждою фабрикою?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Капиталъ въ a рублей отданъ въ ростъ по $P\%$, на n лѣтъ, считая проценты на проценты, при чемъ по *прошествіи каждаго года*, къ капиталу прикладываются не только проценты, но еще нѣкоторая сумма b рублей. Спрашивается: во что обратится при этихъ условіяхъ капиталъ, по *прошествіи n лѣтъ*?

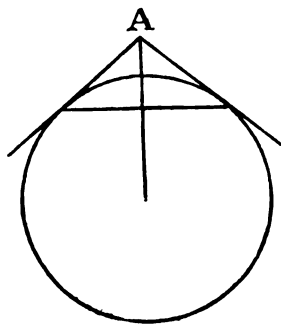
Запасная. Барышникъ покупаетъ лошадь за нѣкоторую сумму и перепродаетъ ее за 157 р. 25 к.; при этой продажѣ онъ выигрываетъ столько процентовъ сколько рублей ему стоила лошадь.

Что заплатилъ онъ за лошадь?

в) *По геометріи.*

Основная. Какъ велика поверхность части земли, видимой воздухоплавателемъ, поднявшимся на высоту h отъ почвы? При этомъ земля принимается за шаръ, радіусъ R котораго извѣстенъ; окружность экватора можно считать приблизительно равною 40.000,000 метрамъ.

Примчаніе. Видимая часть земли опредѣляется пересѣченіемъ шара съ

конусомъ, описаннымъ около него, предполагая, что въ вершинѣ конуса (A) находится глазъ наблюдателя.

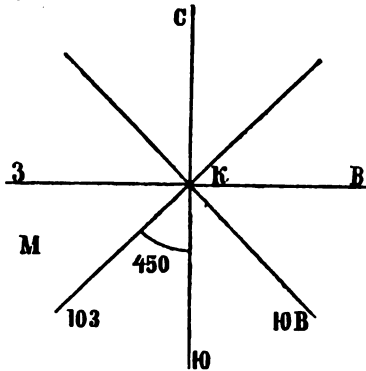
Запасная. Опредѣлить боковую поверхность правильной десятиугольной пирамиды по извѣстной ея высотѣ h и длинѣ g боковаго ребра (соединяющаго вершину пирамиды съ одной изъ вершинъ основанія).

г) *По тригонометріи.*

Основная. Рѣшить треугольникъ по даннымъ двумъ сторонамъ 71,577 ф. и 87,812 ф. и заключенному между ними углу $= 40^\circ 56'$.

Запасная. Маякъ (M), отстоящій отъ корабля (K) на 5,2404 миль, видѣнъ съ этого послѣдняго подъ угломъ $= 61^\circ 17' 20''$ отно-

сительно южнаго направленія, и притомъ съ западной стороны. Спрашивается: сколько миль долженъ проплыть ко-

рабль въ югозападномъ направленіи для того, чтобы манкъ находился на сѣверъ отъ корабля.

Изъ Дерптскаго учебнаго округа, Восточной и Западной Сибири темы, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости, не доставлены.

—

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желаніе подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытан.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44, пунктовъ:			Всего (и процентное содержаніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 56.
				По малолѣтности.	По нравственной неурядицѣ.	а.	б.	в.			
<i>С.-Петербургскій.</i>											
15 правительств. гимназ.	170	29	199	4	2	—	—	—	6 (3%)	2 (1 гимн. и 1 пост.)	—
3 церковныя училища . . .	—	—	32	—	—	—	—	—	—		
2 частныя гимназін . . .	—	—	9	—	—	—	—	—	—		
Во всѣхъ 20 заведеніяхъ.	170	29	240	4	2	—	—	—	6 (2,5%)	2	—
<i>Московскій.</i>											
20 правительств. гимназ.	242	17	259	7	—	—	—	3	10 (3,9%)	1 (гимн.)	—
3 частныя гимназін . . .	—	—	14	—	—	—	—	—	—		
Во всѣхъ 23 заведеніяхъ.	242	17	273	7	—	—	—	3	10 (3,6%)	1	—
<i>Казанскій.</i>											
8 правительств. гимназ.	142	9	151	2	—	—	—	—	2 (1,3%)	—	1 (Симб. гимн.)
<i>Оренбургскій.</i>											
5 правительств. гимназ.	69	4	73	5	—	—	—	—	5 (6,8%)	—	—
<i>Харьковскій.</i>											
10 правительств. гимназ.	161	17	178	6	—	1	—	1	8 (4,5%)	1 (пост.)	—
<i>Одесскій.</i>											
11 правительств. гимназ.	135	24	159	2	2	2	—	—	6 (3,7%)	—	—
<i>Кіевскій.</i>											
12 правительств. гимназ. (съ коллегією Павла Галагана).	248	13	261	1	—	2	—	—	3 (1,1%)	1 (гимн.)	—

УДОСТОЕННЫХЪ АТТЕСТАТА ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1878 ГОДУ.

Подверг. испытан.			Удостоены аттестата или свидѣтел. зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое училище.	Золотой.	Серебряной.	Всего (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
163	28	191	158 (96,9%)	17 (60,7%)	175 (91,6%)	11 ^{10/15}	16	17	33 (21%)
—	—	32	—	—	32 (100%)	10 ^{2/3}	—	—	—
—	—	9	—	—	8 (88,8%)	4	—	—	—
163	28	232	158	17	215 (92,6%)	10 ^{15/20}	16	17	33
234	14	248	222 (94,8%)	5 (35,7%)	227 (91,5%)	11 ^{7/20}	16	21	37 (16%)
—	—	14	—	—	14 (100%)	4 ^{2/3}	—	—	—
234	14	262	222	5	241 (92%)	10 ^{11/23}	16	21	37
139	9	148	136 (97,8%)	6 (66,6%)	142 (95,9%)	17 ^{6/9}	8	11	19 (14%)
64	4	68	58 (90,6%)	2 (50%)	60 (88,2%)	12	8	3	11 (19%)
155	14	169	130 (83,8%)	4 (28,5%)	134 (79,2%)	13 ^{1/10}	3	16	19 (14%)
181	22	153	130 (99,2%)	12 (54,5%)	142 (92,8%)	12 ^{10/11}	8	11	19 (14%)
246	11	257	212 (86,1%)	5 (45,4%)	217 (84,4%)	18 ^{1/12}	13	18	31 (14%)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили же- ланіе подвер- гнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытан.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимна- зисты.		Посторон- ніе на ос- нованіи § 44 пунк- товъ:			Всего (п процент- ное со- держаніе къ зая- вившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 55.
				По жалобѣ по ест.	По и равственной не зрѣлости.	а.	б.	в.			
<i>Виленскій.</i>											
8 правительств. гимназ.	106	7	113	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Варшавскій.</i>											
18 правительств. гимназ.	212	9	221	10	—	—	—	—	10 (4,5%)	—	1 (Варш гимн.)
<i>Дерптскій.</i>											
13 правительств. гимназ.	189	80	269	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Западная Сибирь.</i>											
2 правительств. гимназ.	12	1	13	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>											
2 правительств. гимназ.	12	2	14	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:											
Въ 124 правит. гимназ.	1698	212	1910	37	4	5	—	4	50 (2,6%)	5	2
3 церковн. училищ.	—	—	32	—	—	—	—	—	—	—	—
5 частн. гимназіяхъ.	—	—	23	—	—	—	—	—	—	—	—
А всего:											
Въ 132 учебныхъ завед.	1698	212	1965	37	4	5	—	4	50 (2,5%)	5 (3 гимн. п 2 пост.)	2. (гимн.)

1) Въ Рижской Александровской гимназін. Въ другихъ гимназіяхъ Дерптскаго

Подвергались исп.			Удостоены аттестата или свидѣтел. зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое училище.	Золотой.	Серебряной.	Всего (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
106	7	113	101 (95,2%)	5 (71,4%)	106 (93,8%)	13 $\frac{2}{3}$	1	7	8 (8%)
201	9	210	186 (92,5%)	4 (44,4%)	190 (90,4%)	10 $\frac{10}{18}$	6	14	20 (11%)
189	80	269	164 (86,7%)	50 (62,5%)	214 (79,5%)	16 $\frac{1}{11}$	—	3 ⁴⁾	3 (изъ 13 23%)
12	1	13	12 (100%)	1 (100%)	13 (100%)	6 $\frac{1}{2}$	1	1	2 (16,6%)
12	2	14	9 (75%)	1 (50%)	10 (71,4%)	5	1	1	2 (16,6%)
1652	201	1853	1518 (91,9%)	112 (55,7%)	1630 (87,9%)	18,2	—	—	—
—	—	32	—	—	32 (100%)	10,6	—	—	—
—	—	23	—	—	22 (95,6%)	4,4	—	—	—
1652	201	1906	1518	112	1684 (88,2%)	12,7	81	123	204 (изъ 1867 14,9%)

округа медали не раздавались.

№ 2. Вѣдомость о невыдержавшихъ

Учебные округа.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ испы						
				Законъ Божій.	Русс. яз. и словес.		Латинск. языкъ.		Греческ. языкъ.	
					Письменное.	Устное.	Письменное.	Устное.	Письменное.	Устное.
<i>С.-Петербургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	163	5	3	—	—	—	4	—	3	—
» церковныхъ училищъ	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» частныхъ гимназій	9	1	11,1	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	28	11	39,3	—	5	—	4	—	3	—
Всего	232	17	7,3	—	5	—	8	—	6	—
<i>Московскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	234	12	5,1	—	3	—	8	—	7	—
» частныхъ гимназій	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	14	9	64,3	—	4	1	2	1	3	1
Всего	262	21	8	—	7	1	10	1	10	1
<i>Казанскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	139	3	2,1	—	—	—	1	—	—	—
Постороннія лица	9	3	33,3	—	2	—	1	—	—	—
Всего	148	6	4	—	2	—	2	—	—	—
<i>Оренбургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	64	6	9,3	—	1	—	1	—	1	—
Постороннія лица	4	2	50	—	1	—	—	—	—	—
Всего	68	8	11,7	—	2	—	1	—	1	—
<i>Харьковскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	155	25	16,1	—	8	—	5	—	8	—
Постороннія лица	14	10	71,4	—	3	—	3	—	3	—
Всего	169	35	20,7	—	11	—	8	—	11	—
<i>Одесскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	131	1	0,7	—	1	—	—	—	—	—
Постороннія лица	22	10	45,4	—	2	—	5	—	1	—
Всего	153	11	7,2	—	3	—	5	—	1	—
<i>Кіевскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	246	34	13,8	—	16	—	23	—	18	—
Постороннія лица	11	6	54,4	—	3	1	3	—	4	1
Всего	257	40	15,5	—	19	1	26	—	22	1

ИСПЫТАНІЙ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1878 ГОДУ.

Испытанія по нижеозначеннымъ предметамъ.								Общее число неудовлетворительныхъ отъѣтовъ по всемъ предметамъ.	Осталось на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свѣдѣтельствами на осн. § 72 правилъ.
Математика.		Физическая и математическая географія.	Исторія.	Географія.	Логика.	Новыя иностранныя языки.				
Письменное.	Устное.									
8	—	—	—	—	—	—	10 на 5 (200%)	2	3	
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1 (100%)	—	—	
8	2	1	1	—	—	1	25 на 11 (227%)	—	—	
12	2	1	1	—	—	1	36 на 17 (212%)	—	—	
5	—	—	—	—	—	—	23 на 12 (191%)	12	—	
5	—	—	—	—	1	—	18 на 9 (200%)	—	—	
10	—	—	—	—	1	—	41 на 21 (195%)	—	—	
2	1	—	—	—	—	—	4 на 3 (133%)	1	2	
—	1	—	—	—	—	—	4 на 3 (133%)	—	—	
2	2	—	—	—	—	—	8 на 6 (133%)	—	—	
4	1	—	1	—	—	—	8 на 6 (133%)	4	2	
—	—	—	—	—	—	—	2 на 2 (100%)	—	—	
4	1	—	1	—	—	—	10 на 8 (124%)	—	—	
18	—	—	—	—	—	—	39 на 25 (156%)	19	6	
6	—	—	—	—	—	—	15 на 10 (150%)	—	—	
24	—	—	—	—	—	—	54 на 35 (154%)	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	1 на 1 (100%)	1	—	
—	—	1	—	—	—	—	10 на 10 (100%)	—	—	
—	—	1	—	—	—	—	11 на 11 (100%)	—	—	
20	1	—	1	—	—	—	79 на 34 (200%)	24	10	
4	—	—	—	—	1	—	17 на 6 (283%)	—	—	
24	1	—	1	—	1	—	96 на 40 (240%)	—	—	

Учебные округа.	Общее число подвергнувшихся испытанію.			Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ испы								
	Законъ Божій.						Русск. яз. и словес.		Латинск. языкъ.		Греческ. языкъ.			
	Письменное.		Устное.			Письменное.		Устное.		Письменное.		Устное.		
<i>Виленьскій.</i>														
Ученики гимназій.	106	5	4,7	—	3	—	—	—	—	1	—	—		
Постороннія лица.	7	2	28,5	—	1	—	—	—	—	—	—	—		
Всего.	113	7	6,2	—	4	—	—	—	—	1	—	—		
<i>Варшавскій</i>														
Ученики правительств. гимназій. . .	201	15	7,4	—	12	—	1	—	—	3	—	—		
Постороннія лица.	9	5	55,5	—	3	—	1	—	—	1	—	—		
Всего.	210	20	9,5	—	15	—	2	—	—	4	—	—		
<i>Дерптскій.</i>														
Ученики правительств. гимназій. . .	189	25	13,2	4	10	—	13	12	13	13	13	13		
Постороннія лица.	80	30	37,5	3	15	12	19	15	20	20	14	14		
Всего.	269	55	20,4	7	25	12	32	27	33	27	27	27		
<i>Западная Сибирь.</i>														
Ученики правительств. гимназій. . .	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Постороннія лица.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Всего.	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
<i>Восточная Сибирь.</i>														
Ученики правительств. гимназій. . .	12	3	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Постороннія лица.	2	1	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Всего.	14	4	28,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Итого: ученики правительств. гимназій.	1652	134	8,1	4	54	—	56	12	54	13	13	13		
» церковныхъ училищъ	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
» частныхъ гимназій	23	1	4,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Постороннія лица.	201	89	44,2	4	39	14	38	16	35	16	16	16		
Всего.	1908	224	11,7	8	93	14	94	28	89	29	29	29		
					107		122		118					

Испытания по нижеозначеннымъ предметамъ.								Общее число неудовлетворительныхъ отвѣтокъ по всѣмъ предметамъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Вышли со свѣдѣтельствами на осн. § 72 правилъ.
Тематика.	Устное.	Физическая и математическая географія.	Исторія.	Географія.	Логика.	Новые иностранные языки.				
3	—	—	—	—	—	—	7 на 5 (140%)	3	2	
1	—	1	—	—	—	—	3 на 2 (150%)	—	—	
4	—	1	—	—	—	—	10 на 7 (142%)	—	—	
2	—	—	—	—	—	—	18 на 15 (120%)	8	7	
3	—	—	—	—	—	—	8 на 5 (160%)	—	—	
5	—	—	—	—	—	—	26 на 20 (130%)	—	—	
8	8	—	8	—	—	2	91 на 25 (364%)	21	4	
1	9	1	12	8	—	6	145 на 30 (483%)	—	—	
9	17	1	20	8	—	8	236 на 35 (429%)	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
2	1	—	—	—	—	—	3 на 3 (100%)	1	2	
—	1	1	1	1	—	—	3 на 1 (300%)	—	—	
2	1	1	1	1	—	—	6 на 4 (150%)	—	—	
7	12	—	9	—	—	2	283 на 134 (210%)	96	88	
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1 (100%)	—	—	
8	12	5	15	9	2	7	250 на 89 (281%)	—	—	
8	24	5	24	9	2	9	534 на 224 (238%)	96	38	

№ 3. Распределение признанных зрѣлыми по возрастамъ.

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія въ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.	
С.-Петербургскій											
Ученики правител. гимназій . . .	158	8	—	25	—	51	—	43	—	31	—
» церковныхъ училищъ . . .	32	5	—	11	—	5	—	6	—	5	—
» частн. гимн.	8	—	—	1	—	1	—	1	—	5	—
Посторонніе	17	—	—	2	—	4	—	3	—	8	—
Всего	215	13	6,1	39	18,1	61	28,3	53	24,6	49	22,8
Московскій.											
Ученики правител. гимназій . . .	222	9	—	56	—	57	—	47	—	53	—
» частн. гимн.	14	1	—	5	—	5	—	1	—	2	—
Посторонніе	5	—	—	—	—	—	—	1	—	4	—
Всего	241	10	4,1	61	25,3	62	25,7	49	20,3	59	24,5
Казанскій.											
Ученики гимназій	136	10	—	21	—	41	—	37	—	27	—
Посторонніе	6	—	—	1	—	1	—	—	—	4	—
Всего	142	10	7	22	15,5	42	29,6	37	26	31	21,8

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
			Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.
Оренбургскій.											
Ученики гимназій.	58	1	—	9	—	23	—	12	—	13	—
Посторонніе . . .	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
Всего . . .	60	1	1,7	9	15	23	38,3	12	20	15	25
Харьковскій.											
Ученики гимназій.	130	3	—	30	—	32	—	40	—	25	—
Посторонніе . . .	4	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—
Всего . . .	134	3	2,2	30	22,4	32	23,9	42	31,3	27	20,1
Одесскій.											
Ученики гимназій.	130	1	—	16	—	50	—	27	—	36	—
Посторонніе . . .	12	—	—	—	—	2	—	3	—	7	—
Всего . . .	142	1	0,7	16	11,2	52	36,6	30	21,1	43	30,3
Кіевскій.											
Ученики гимназій.	212	5	—	35	—	46	—	56	—	70	—
Посторонніе . . .	5	—	—	—	—	1	—	1	—	3	—
Всего . . .	217	5	2,3	35	16,1	47	21,7	57	26,3	73	33,6

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
			Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.		Процентное отношеніе.
Виленскій.											
Ученики гимназій.	101	2	—	11	—	36	—	21	—	31	—
Посторонніе . . .	5	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—
Всего . . .	106	2	1,9	11	10,4	36	33,9	21	19,8	36	33,9
Варшавскій.											
Ученики гимназій.	186	12	—	57	—	38	—	40	—	39	—
Посторонніе . . .	4	—	—	2	—	—	—	—	—	2	—
Всего . . .	190	12	6,3	59	31,1	38	20	40	21,1	41	21,5
Дерптскій.											
Ученики гимназій.	164	14	—	34	—	46	—	36	—	34	—
Посторонніе . . .	50	—	—	5	—	17	—	16	—	12	—
Всего . . .	214	14	6,5	39	18,2	63	29,4	52	24,3	46	21,5
Западная Сибирь.											
Ученики гимназій.	12	1	—	5	—	1	—	2	—	3	—
Посторонніе . . .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . . .	13	1	7,7	5	38,4	1	7,7	2	15,3	4	30,7

Учебные округа.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія въ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
		Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.	Процентное отношеніе.
Восточная Сибирь.											
Ученики гимназій.	9	1	—	1	—	2	—	3	—	2	—
Посторонніе. . . .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего. . .	10	1	10	1	10	2	20	3	30	3	30
Итого: учениковъ правительственныхъ гимназій.	1518	67	4,4	300	19,8	423	27,9	364	24	364	24
учениковъ церковныхъ училищъ.	32	5	15,6	11	34,4	5	15,6	6	18,7	5	15,6
частныхъ гимназій.	22	1	4,5	6	27,2	6	27,2	2	9,1	7	31,8
Постороннихъ. . .	112	—	—	10	8,9	25	22,3	26	23,2	51	45,5
Всего. . .	1684	73	4,3	327	19,4	459	27,3	398	23,6	427	25,3
Maximum.	241 Москов.	7% Казан. В. и З. Сибир.	31,1 Варшав. З. Сибирь.	38,3 Оренбург.	31,3 Харьков.	33,9 Вилensk.					
Minimum.	60 Оренбург. Сибир.	0,7 Одесскій.	10,4 Вилensk. В. Сибирь.	20 Варшав. З. Сибирь.	19,8 Вилensk. З. Сибирь.	20,1 Харьков.					

№ 4. Распределение признанныхъ зрѣлыми по

УЧЕВНЫЕ ОКРУГИ.	ПОСТУПАЮЩІЕ ВЪ ФАКУЛЬТЕТЫ.							Всего.	Военно-учеб- ныя завед.
	Богослов- скій.	Историко- эмологиче- скій.	Физико- математиче- скій.	Юриче- скій.	Медици- нскій.	Восточныхъ языковъ.			
С.-Петербургскій.									
15 правительственныхъ гим- назій	—	22	21	49	60	2	154	5 ¹⁾	
3 церковныхъ училища . .	1 ²⁾	4	3	9	13	1	31	—	
2 частныя гимназій	—	1	—	5	2	—	8	—	
Изъ всѣхъ 20 учебн. заведеній.	1	27	24	63	75	3	193	5	
Московскій.									
20 правительственныхъ гим- назій	—	20	48	30	113	5	216	1 ³⁾	
3 частныя гимназій	—	2	2	5	4	—	13	—	
Изъ всѣхъ 23 учебн. заведеній.	—	22	50	35	117	5	229	1	
Каванскій.									
8 правительственныхъ гим- назій	—	15	21	28	70	—	134	—	
Оренбургскій.									
5 правительственныхъ гим- назій	—	9	11	6	28	—	54	—	
Харьковскій.									
10 правительственныхъ гим- назій	—	19	21	18	61	1	120	3	
Одесскій.									
11 правительственныхъ гим- назій	—	11	39	10	64	1	125	—	
Кіевскій.									
12 правительственныхъ гим- назій ⁴⁾	—	27	39	28	108	—	202	—	

¹⁾ 3 въ Николаевское инженерное училище и 2 въ Артиллерійское. ²⁾ Дерптскаго универ-
ситетскаго Общества. ³⁾ Съ Коллегіею Павла Галагана.

занятіямъ, къ коимъ они себя предназначали.

ПОСТУПАЮЩЕ ВЪ СПЕЦІАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.							ПОСТУПАЮЩЕ НА ПОПРИЩЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.							
Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣль. академія.	Строительное.	Академію художествъ.	ВСЕГО.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.					
							Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануф. и фабрич. до-рошн.	ВСЕГО.	
6	2	4	2	—	—	19	—	2	—	—	—	—	—	2
—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	3	4	2	—	—	20	—	2	—	—	—	—	—	2
6	2	1	—	—	1 ⁴⁾	11	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
7	2	1	—	—	1	12	—	—	—	—	—	—	—	—
4	1	3	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	5	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—
3	2	2	4	—	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—
4	4	5	—	—	—	13	—	4	—	—	—	—	—	4
10	1	3	1	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—

штета. *) Въ Александровское военное училище въ Москвѣ. 4) Въ Московскую консерваторію ЧАСТЬ ОУВ, ОТД. 4.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	ПОСТУПАЮЩИЕ ВЪ ФАКУЛЬТЕТЫ.							Всего.	Воспо-учеб-ные завед.
	Богослов-скій.	Историко-филологиче-скій.	Физико-математиче-скій.	Юриче-скій.	Медици-скій.	Восточныхъ языковъ.			
Вилевожскій.									
8 правительственныхъ гимназій	—	6	14	17	52	1	90	—	
Варшавскій.									
18 правительственныхъ гимназій	1 *)	14	24	42	73	1	155	—	
Дерптскій.									
13 правительственныхъ гимназій	21	36	22	35	68	1	183	1	
Западная Сибирь.									
2 правительственныхъ гимназій	—	1	4	3	5	—	13	—	
Восточная Сибирь.									
2 правительственныхъ гимназій	—	—	3	—	4	1	8	—	
Итого въ 124 правительственныхъ гимназійхъ.	22	180	267	266	706	13	1454	10	
3 церковныхъ училищахъ.	1	4	3	9	13	1	31	—	
5 частныхъ гимназійхъ .	—	3	2	10	6	—	21	—	
Всего въ 132 учебныхъ заведеніяхъ	23	187	272	285	725	14	1506	10	
Процентное отношеніе:									
а) Къ общему числу зрѣлыхъ (1684)	1,4%	11,1%	16,1%	16,9%	43%	0,8%	89,4%	0,6%	
б) Поступившихъ на различныя факультеты, въ спеціальныя училища и на поправочныя практической дѣятельности къ общимъ числамъ каждой изъ этихъ трехъ категорій . . .	1,5%	12,4%	18,1%	18,9%	48,1%	0,9%	—	6,1%	

*) Въ Киевскую духовную академію. *) Въ томъ числѣ 2 въ Ново-Александровскій институтъ.

ПОСТУПАЮЩІЕ ВЪ СПЕЦІАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.							ПОСТУПАЮЩІЕ НА ПОПРИЩЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЪЯТЕЛЬНОСТИ.							
Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. академія.	Строительное.	Академія художествъ.	ВСЕГО.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.					
							Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Искусств. и ремесл.	ВСЕГО.	
7	1	4	1	1	1	15	—	1	—	—	—	—	—	1
20	3	7	4 ^{*)}	1	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—
5	3	9	4 ^{*)}	—	1	23	1	5	1	1	—	—	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
66	19	45	16	2	3	161	1	12	1	1	—	—	—	15
—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
67	20	45	16	2	3	163	1	12	1	1	—	—	—	15
4%	1,2%	2,7%	0,9%	0,1%	0,2%	9,7%	0,06%	0,7%	0,06%	0,06%	—	—	—	0,9%
41,1%	12,3%	27,6%	9,8%	1,2%	1,8%	—	6,6%	80%	6,6%	6,6%	—	—	—	—

гуть сельскаго хозяйства и лѣсоводства. *) Въ томъ числѣ 1 въ лѣсной институтъ.

4*

№ 5. СПИСОКЪ ГИМНАЗИСТОВЪ, УДОСТОЕННЫХЪ ВЪ 1878 ГОДУ АТТЕСТАТА ЗР
УСПѢХОВЪ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимна
		Историко-филологическій.
С.-Петербургскій	С.-Петербургская 1-я . .	—
	» 2-я . .	Ланге Ник. (Спб. унив.).
	» 5-я . .	Холодникъ (Спб. унив.).
	Псковская	—
	Новгородская	Якубовичъ Петръ (Спб. унив.).
	Олонецкая	Дементьевъ (Спб. историко-филолог. институтъ).
	Вологодская	Суворовъ Ив. (Спб. унив.).
Итого . . .	(7)	5
Московскій	Московская 1-я	—
	» 3-я	—
	» 5-я	Сперанскій Ник. (Моск. унив.).
	Ярославская	Манштейнъ Серг. (Лейпц. сем.).
	Востромская	Ремезовъ (Моск. унив.).
	Смоленская	—
Итого . . .	(6)	3
Казанскій	ИМП. Казанская 1-я . .	Алексѣевъ Петръ (Казан. унив.).
	Казанская 2-я . .	Николаевъ Вас. и Федоровъ Ник. (Казан. унив.).
	» 3-я . .	—
	Симбирская	—
	Самарская	—
	Саратовская	—

ОСТИ, ОТЪ КОТОРЫХЪ УЧЕБНОЕ ИХЪ НАЧАЛЬСТВО ОЖИДАЛО ДАЛЬНѢЙШИХЪ
ВЪ НАУКАХЪ.

СЛОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТАТАМЪ, ВЪ КОИ
ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
— остко Сем. (Спб. унив.). — рмловъ Ник. (Спб. унив.). — — —	Нератовъ Влад. и Довконтъ Юлій (Спб. унив.). — — — —	Дзукраевъ Ал-дръ (Ме- дико-Хирург. Акад.). Виленчикъ Авр. (Меди- ко-Хирург. Акад.). — — — —	
2 ерновъ Дм. (Моск. унив.). анговой (Моск. унив.). — — никовскій (Моск. унив.). олуэктовъ Дм. (Моск. унив.).	2 — Коммисаровъ (Моск. унив.). — — —	2 — Коль и Никифоровъ (Мо- сковск. унив.). — — —	11
4 егель Мих. и Юматовъ Ник. (Казанск. унив.). отельниковъ Конст. и Кушевъ Ник. (Казанск. унив.). — — — —	1 Батуевъ Дм. (Ка- занск. унив.). — — — —	2 Котеловъ Серг. (Казан. унив.). — Свѣшниковъ Влад. (Ка- занск. унив.). Борисовъ Вячесл. (Кіев. унив.). Арнольдъ Ал-дръ (Мо- сковск. унив.). Кыльковъ и Кудряцевъ (Мед.-Хирург. Акад.). Зворыкинъ Георг. и Ло- зановъ Петръ (Моск. университ.). Терновскій и Паруси- новъ (Медико-Хирург. Акад.). Красноярскій и Никола- евъ (Моск. унив.).	10

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназии, въ коихъ они обучались.	Имена гимна	
		Историко-филологическій.	
Казанскій	Вятская	Старчиковъ Ал-дръ (Московск. университетъ).	
	Астраханская	—	
Итого	(8)	4	
Оренбургскій	Оренбургская	—	
	Уенская	Ширяевъ Вячесл. (Сиб. унив.).	
	Уральская войсковая . .	—	
	Пермская	—	
	Екатеринбургская . . .	Антоновскій, Ив. (Сиб. унив.). Щепкинъ Ив. (Историко-филолог. институтъ).	
Итого	(5)	3	
Харьковскій	Курская	—	
	Пензенская	—	
	Усть-Медвѣдичная . . .	Аврамовъ Флоръ и Лагутинъ Пав. (Моск. унив.).	
Итого	(3)	2	
Одесскій	Одесская 3-я	—	
	Херсонская	—	
	Анаьевская	Гребенниковъ Серг. (Московск. университетъ).	
	Бяшиневская	—	
	Берченская	—	
Итого	(5)	1	

ИСТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИ ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
Свѣшниковъ Пав. (Спб. унив.). —	— Сперанскій (Казанск. унив.).	— Алексѣевъ (Медико-Хирург. Акад.).	
5	2	13	24
Мѣшковъ Ник. и Вавиловъ (Спб. унив.). —	Чуваковъ Джан-султанъ (Спб. унив.). —	Харинъ Вас. (Медико-Хирург. Акад.). Кадкинъ Петръ (Медико-Хирург. Акад.).	
Евстигѣевъ Пав. (Спб. унив.). —	— —	— Дмитріевъ Ал-й (Казан. унив.).	
(Корево Іос. (Спб. унив.). —	— —	— —	
4	1	3	11
Букрѣевъ Борисъ (Спб. унив.). —	— Грушецкій Гр. (?).	Лувьяничковъ Ал-й (Медико-Хирург. Акад.). Мачинскій Ник. и Суховъ Леон. (Медико-Хирург. Акад.).	
1	1	3	7
Хазанъ Янкель (Спб. унив.). Копъ Влад. (Новор. унив.).	— —	— Мазоверъ Ал-дръ (Моск. унив.). Якоревъ Ал-дръ (Унив. св. Влад.).	
Красильниковъ Исаакъ, Рабиновичъ Самуилъ и Френкель Израиль (Новор. унив.). Дьяковскій Іос. и Зозулинъ Николай (Спб. унив.). Дубинскій Влад. (Дерпт. унив.). —	— — — —	— — Гойдесельдъ Монсей (Университ. св. Влад.).	
8	—	3	12

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимна
		Историко-филологическій.
Кіевскій	Кіевская 1 я	—
	» 2-я	Португаловъ Соломонъ и Емельяновъ Ал-дръ (Унив. св. Влад.).
	» 3-я	—
	Житомирская	Коровицкій Констант. (университ. св. Влад.).
	Каменецъ-Подольская . .	—
	Черниговская	Николайчикъ Фед. (Сиб. унив.). Юцевичъ Григ. (Университетъ св. Влад.).
	Новгородъ-Сѣверская . .	—
	Полтавская	Клячинъ Вас. (Моск. унив.). Шеталовъ Вячесл. (Сиб. унив.).
Лубенская	—	
Итого	(9)	7
Віленскій	Віленская	—
	Ковенская	—
	Гродненская	—
	Минская	—
	Витебская	—
	Могилевская	Савицкій Іос. (Сиб. унив.). Квѣцинскій Антонъ (Историко-филолог. институт.).
Итого	(6)	2
Варшавскій	Варшавская 2-я	Валевскій Богумилъ (Варш. унив.).

СЛОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИМЪ БЫЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
<p>Степановъ Серг. и Павинскій Серг. (унив. св. Влад.).</p> <p>Слощичевъ Конст. Блажчукъ Михаилъ и Нечай-Грузевичъ Лев. (унив. св. Влад.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Полыинскій Израиль (Спб. университет.).</p> <p>—</p> <p>Кришъ Зах. (Спб. унив.).</p> <p>Губага Ник. (Харьк. унив.).</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>Нестельбергеръ Ник. (унив. св. Влад.).</p> <p>Лучинскій Ник. (Новор. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Яцута Леонидъ (Моск. унив.).</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>Ковнискій Болеславъ, Мрозъ Витольдъ, Черняховскій Мих., Эйсманиъ Влад., Калининскій Адольфъ (Унив. св. Влад.).</p> <p>Яновскій Феоф. и Щиржецкій Ник. (Унив. св. Влад.).</p> <p>—</p> <p>Жеромскій Стан. (Варш. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Венгеровъ Ицко-Мордко (Мед.-Хирург. Акад.).</p> <p>Автоколенко Вас., Ивановъ Иги. (Унив. св. Влад.).</p>	
8	3	11	29
<p>Степановскій Мих. (Спб. унив.).</p> <p>Соловьевъ Корн. (Моск. унив.).</p> <p>Смирновъ Ник. (Моск. унив.).</p> <p>—</p> <p>Гуссаковский Казим. (Спб. университетъ).</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>Левинсонъ Як. (Спб. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Лужинскій Вис. (унив. св. Влад.).</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Горбатовскій Иги. (Харьковск. унив.).</p> <p>—</p> <p>Акинѳиевъ Фед. и Идельсонъ Гюс. (Медику-Хирург. Акад.).</p>	
4	2	3	11
<p>Сидоръ Осипъ (Варш. унив.).</p>	<p>—</p>	<p>Гальпертъ Як. (Дерпт. унив.).</p> <p>Завадскій Владиславъ (Варш. унив.).</p>	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимнази, въ коихъ они обучались.	Имена гимна
		Историко-эпидемиологическій.
Варшавскій	Варшавская 4-я " 5-я Калишская Бялецкая Люблинская Холмска Сувальская Ломжинская	— Готье Игн. (Варш. унив.); Вершинскій Людовикъ-Марианъ (Варш. унив.). — Ротколь Карлъ (Варш. унив.). Зауцинскій Конст. (Варш. университ.). Жмиевскій Фелицианъ (Моск. университ.). —
Итого	(9)	6
Дерптскій	Рижская губернская " городская " Александровская. Ревельская губернская Ревельскоа Домское ры- царское училище. Дерптская Митавская	Скирмунтъ Казим. и Кипар- скій Влад. (Дерптск. унив.). Веремъ е. Раутенфельдъ Карл. (Дерптск. унив.). Гроссе Людвигъ (Крак. унив.). Федоровъ Петръ (Моск. унив.). Кангеръ Ал-дръ (Лейпциг. сем.). Тубасовъ Пав. (Сиб. истори- ко-эпидемиол. инстит.). Лилленбергъ Фромгольдъ, Ренцъ Францъ и Вергъ Констант. (Лейпц. семина.). — Экъ Артуръ и Тенберъ Юганъ (Лейпц. семина.). Рейницъ Георг. Дерпт. унив.).

СТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИ
ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
—	Тышинскій Казим. (Варш. унив.).	Цѣлшевскій Мих. (Варш. унив.).	
ьскій Владисл. (Варш. унив.)	—	—	
—	—	—	
тлевичъ Антонъ (Спб. унив.).	—	—	
—	—	—	
твинскій Осипъ (Моск. унив.).	—	Салоцкій Антонъ (Варш. унив.).	
—	—	Пентковскій Врониславъ и Саксъ Ив. (Моск. унив.).	
—	—	Свентковскій (?).	
4	1	7	18
—	Бергъ Германъ, Крейшъ Макси- мил. и Глезеръ Оск. (Дерптск. унив.).	Земмеръ Альбр. (Дерпт. унив.).	
—	—	Клеманъ Густ., Граессъ Фед., Мерингъ Андр., Лидерсъ Фед. и Шил- лингъ Эрнстъ (Богосл. оак. Дерпт. унив.).	
—	—	—	
—	—	—	
юхоровъ Серг. (Дерптск. университ.).	—	Фалькъ Ив., Калласъ Руд., и Зебергъ Рейн- гольдъ (Богосл. oak. Дерпт. унив.).	
р. е. д. Паленъ Фридр. и Браузе Март. (Дерпт. унив.). гверъ Петръ (Дерпт. унив.).	Бар. Майдель Рейн- гольдъ (Спб. ун.).	—	
—	—	Виллигероде Пав., Егеръ Гейнрихъ и Меттусъ Ал-дръ (Богосл. oak. Дерпт. унив.).	
—	Сыревичъ Стан. (Спб. унив.).	Рустъ Викт. (Дерпт. ун.).	
—	Медемъ Карл. е. д. Бринкенъ Ма- ксим. (Дерпт. ун.).		

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимнази, въ коихъ они обучались.	Имена гимна-
		Историко-эпидемиологическій.
Дерптскій	Перновская	Шведеръ Христ. (Дерпт. унив.).
	Гольдингенская	—
Итого	(9)	14
Западная Сибирь	Томская	Разумовъ Ал-дръ (Сиб. унив.).
	Иркутская	—
Всего	69 изъ 124	48

СТОВЪ СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИ
ИМѢЛИ ВЪ ВИДУ ПОСТУПИТЬ.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	ВСЕГО.
— Сидикъ Петръ (Дерпт. унив.).	— Браузеръ Эмилій (Дерпт. унив.).	Иогансонъ Эрнстъ и Шульма Евг. (Дерпт. унив.). Беккеръ Рих., Якоби Отгонъ и Гротъ Руд. (Дерпт. унив.).	
5 —	8 Оксеновъ Ал-дръ (Сиб. унив.).	7 и 11 по Богосл. еек. — —	45
— Кассій Валентинъ и Похару- ковъ Дм. (Сиб. унив.)	—	—	
47	22	54 и Богосл. 11.	182

НОВЫЯ СООБРАЖЕНІЯ О ДРЕВНѢЙШИХЪ ОБИТАТЕЛЯХЪ ЕВРОПЫ.

Изученіе такъ-называемыхъ доисторическихъ древностей въ послѣднее двадцатипятилѣтіе получило огромное значеніе въ наукѣ. Находки различныхъ остатковъ каменнаго вѣка, раскопки кургановъ, изслѣдованіе костеносныхъ пещеръ, свайныхъ построекъ и земляныхъ сооружений пролили свѣтъ на такой періодъ въ жизни человѣчества, о которомъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ; предъ глазами ученыхъ открылась картина древнѣйшей культуры обитателей земнаго шара, и притомъ еще на нѣсколькихъ степеняхъ ея развитія. Всѣми этими результатами, хотя и не вполне твердо установленными, но уже значительно выяснившимися, мы обязаны усилямъ той области знаній, которая получила названіе доисторической археологіи, и которая ведетъ нить своихъ розысканій при помощи геологіи и сравнительной этнологіи. Но во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ о древнѣйшемъ человѣчествѣ остается еще одна сторона мало выясненною, именно вопросъ о племенномъ или расовомъ опредѣленіи того населенія, котораго вещественные остатки изучаетъ доисторическая археологія. Свѣдѣній о языкѣ или языкахъ, которыми говорили эти древнѣйшія людскія поколѣнія, у насъ нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и того главнаго критерія, который могъ бы служить для опредѣленія этнографическаго состава этихъ поколѣній. Другой существенный критерій, который можетъ быть употребленъ для той же цѣли, представляютъ кости, находимые въ древнѣйшихъ могилахъ, вмѣстѣ съ орудіями

каменнаго и бронзоваго вѣка. Изученіе ихъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ антропологии, и отъ этой послѣдней отрасли знаній слѣдуетъ ожидать огромныхъ результатовъ для выясненія вопросовъ, которые поставила доисторическая археологія. Когда путемъ сравнительныхъ наблюденій опредѣлятся, съ одной стороны, антропологическіе признаки костяковъ, находимыхъ въ древнѣйшихъ могилахъ, а съ другой—выяснятся такіе же признаки племенныхъ особей современнаго человѣчества, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ изучатся и классифицируются вполнѣ языки этихъ послѣднихъ, явится возможность дать болѣе или менѣе точное этнографическое опредѣленіе и тѣмъ людскимъ поколѣніямъ, отъ которыхъ мы имѣемъ вещественные остатки въ предметахъ доисторической древности. Задача сложная и чрезвычайно трудная, но тѣмъ не менѣе всякій значительный шагъ по пути такихъ изслѣдованій имѣетъ высокій интересъ. На одно новое научное пріобрѣтеніе въ этой области мы намѣрены указать въ настоящей статьѣ, и притомъ значеніе этого пріобрѣтенія тѣмъ важнѣе для насъ, Русскихъ, что поприщемъ сдѣланныхъ наблюденій были большею частію предѣлы Россіи, а предметомъ—народы, обитающіе въ этихъ предѣлахъ. Въ нижеслѣдующемъ мы намѣрены изложить новѣйшіе результаты изслѣдованій извѣстнаго финнолога Д. П. Европеуса относительно древнѣйшаго населенія Европы и его національности ¹⁾.

До сихъ поръ въ этнологической краниологіи отиралялись отъ того предположенія, что различныя народы и въ древнѣйшее время имѣли вообще ту же соразмѣрность въ черепѣ, какую имѣютъ теперь. Основываясь на этомъ предположеніи, считали вполнѣ установленнымъ, что Финны и Мадьяры, а съ ними и вся Финско-Мадьярская группа народовъ, имѣютъ тѣснѣйшее родство съ Турками и Монголами. Однако древніе чисто-финскіе черепа, найденные разными изслѣдователями, въ томъ числѣ и г. Европеусомъ, въ собственно финскихъ курганахъ, находящихся близъ южной границы Олонецкой губерніи, привели къ тому весьма интересному результату, что собственно Финны, точно также какъ ихъ нѣкогда могущественные соплеменники и прежніе обитатели большей части сѣверной и средней Россіи — Угры, были въ древнѣйшее время вообще длинноголовые. Въ самое послѣднее время стало извѣстнымъ, что современные Эсты вообще сохранили этотъ первобытный типъ длинноголовыхъ

¹⁾ Соображенія г. Европеуса изложены имъ въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ *St.-Petersburger Herald* текущаго года (№№ 149 и 161).

даже и до сихъ поръ (см. статью г. Н. Андерсона въ *Verhandlungen d. gelehrten Estnischen Gesellschaft*).

Финны Финляндіи и такъ-называемой русской Кареліи (къ востоку отъ финляндской восточной границы), а также Эсты и незначительный остатокъ древнихъ Ливовъ произошли—по свидѣтельству ихъ діалектовъ и вообще по всѣмъ признакамъ сравнительнаго языковеденія — отъ такъ-называемой Чуди, или какъ она сама себя называетъ, отъ Вепсовъ (*Wepsäläiset*), живущихъ на границахъ Олонецкой губерніи съ Тихвинскимъ уѣздомъ губерніи Новгородской. Другими словами, вепсскій діалектъ есть во всѣхъ отношеніяхъ самый архаическій, тогда какъ остальные діалекты финско-эстскіе по отношенію къ вепсскому болѣе или менѣе поздняго образованія. И вся древняя и новая область этой Обонежской Чуди не имѣетъ никакой примѣси мѣстныхъ именъ не чисто финскаго происхожденія, разумѣется — за исключеніемъ появившихся въ послѣдствіи русскихъ названій. Сюда относятся окрестности южныхъ притоковъ Свири и впадающихъ въ нее недалеко отъ Ладожскаго озера рѣкъ Ояти и Паши. И названія этихъ самыхъ рѣкъ принадлежатъ собственно къ олонецко-финскимъ и только болѣе или менѣе измѣнены Русскими; такъ Свирь, по олонецко-фински собственно *Süvägi* — глубокая, Оять, правильнѣе *Ajatti* — несущаяся, и Паша *Raksujoki* — густая, то-есть, мутная рѣка; въ верхнемъ теченіи обѣихъ послѣднихъ рѣкъ живетъ еще до сихъ поръ первобытная финская Чудь. Напротивъ того, большая часть Финляндіи, за исключеніемъ прилегающихъ къ границамъ Петербургской губерніи приходовъ Выборгской губерніи, а также непосредственно идущія далѣе земли сѣверной и средней Россіи наполнены множествомъ древне-угорскихъ составныхъ мѣстныхъ названій съ девятью различными окончаніями, или точнѣе, съ двумя производными и семью составными формами, которыя всѣ безъ исключенія далеко распространены на Россіи. И повсюду, какъ въ Россіи, такъ и въ Финляндіи, и даже въ финской и русской Лапландіи, эти мѣстныя названія распредѣлены по такимъ мѣстностямъ, какія обозначаются этими составными словами въ нынѣшнихъ развѣтвленіяхъ угорскаго языка — венгерскомъ (первоначально *un-uga*, великіе Угры), вогульскомъ и остякомъ. Даже повсюду специально господствуютъ въ этихъ мѣстныхъ названіяхъ древне-угорскіе звуковыя законы и опредѣлennыя по нимъ древнѣйшія формы, чѣмъ обусловливается весьма важное, чисто научное сравнительно-филологическое значеніе этихъ древнихъ мѣстныхъ названій.

Число извѣстныхъ нынѣ въ Россіи по формѣ и по значенію древне-угорскихъ окончаній возрасло, уже много лѣтъ назадъ, до 36, и окончанія эти встрѣчаются болѣе чѣмъ въ 2000 мѣстныхъ названій. Объ этомъ обстоятельно сообщилъ г. Европеусъ въ своемъ русскомъ сочиненіи: „Объ Угорскомъ народѣ, обитающемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей“, напечатанномъ въ 1-мъ выпускѣ Трудовъ втораго русскаго археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ, къ коему приложена и карта древняго мѣстожителства Финско-Угорскихъ народовъ по мѣстнымъ названіямъ.

Въ подтвержденіе выводовъ этой статьи можно, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій того же ученаго, сказать, что, кромѣ сѣверной и средней Россіи, древне-угорскія мѣстныя названія непрерывно тянутся по теченію р. Камы къ землѣ нынѣшнихъ Вогуловъ, гдѣ тѣ же окончанія и сочетанія встрѣчаются донинѣ въ живой рѣчи Вогуловъ и Остяковъ, хотя отчасти и въ измѣненныхъ сообразно съ ихъ говоромъ формахъ.

Древніе курганы или могильные памятники въ области этихъ древне-угорскихъ мѣстныхъ названій въ Россіи, на сколько они до сихъ поръ изслѣдованы, или по крайней мѣрѣ, краниологически опредѣлены, повсюду привели къ тому любопытнѣйшему результату, что древне-угорскіе курганные черепа, за немногими исключеніями, весьма длинноголовы. Таковы черепа изъ кургановъ Московской, Владимірской, Тверской и Ярославской губерній и Устюженскаго уѣзда Новгородской. Вообще такъ-называемый *index horizontalis*, то-есть, отношеніе ширины къ горизонтальной длинѣ, у этихъ череповъ относится какъ 74 къ 100, тогда какъ обыкновенный нормальный индексъ череповъ нынѣшнихъ Русскихъ опредѣляется въ 84. Только нѣкоторые древне-угорскіе курганные черепа доходятъ до 68, а одинъ черепъ изъ окрестностей села Бѣжецка, въ 8 верстахъ къ западу отъ гор. Бѣжецка въ Тверской губерніи, на линіи Рыбинско-Бологоской желѣзной дороги, далъ индексъ даже въ 66. Результаты эти добыты измѣреніями доктора Л. К. Ивановскаго, прозектора медицинно-хирургической академіи въ Петербургѣ.

Изъ курганныхъ череповъ, найденныхъ въ Московской губерніи, профессоръ А. П. Богдановъ измѣрилъ до 200 и результаты своего изслѣдованія сообщилъ въ Извѣстіяхъ общества любителей

естествознанія въ Москвѣ¹⁾). И онъ также установилъ длинно-головой типъ этихъ курганныхъ череповъ, которые добыты въ разныхъ уѣздахъ Московской губерніи, что также вполне согласуется съ результатами изслѣдованія нерусскихъ мѣстныхъ именъ въ этой области. Нашъ знаменитый, нынѣ покойный антропологъ, академикъ К. М. Бэръ определялъ черепа выѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ „какъ весьма ясно длинноголовые“. Въ послѣднее время В. Н. Майновъ фактическими измѣреніями установилъ индексъ вогульскаго черепа въ 74,1, какъ о томъ недавно было сообщено въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества.

Эти чистѣйшіе потомки древнихъ Угровъ доказываютъ еще въ наши дни долихоцефальность древнихъ Угровъ. Брахицефальность выѣшнихъ Мадьяровъ такимъ образомъ явилась лишь вслѣдствіе вліянія поздиѣшняго смѣшенія ихъ особенно съ турко-татарскими сосѣдями, а также и съ брахицефальнымъ славянскимъ населеніемъ Венгріи.

Точно также брахицефалы или короткоголовые и выѣшніе финляндскіе Финны. Югозападные Тавасты представляютъ вообще индексъ въ 84, Саволаксы во внутренней Финлядіи точно также, тогда какъ Карелы на востокѣ дали 83. Тѣмъ не менѣе г. Европеусъ уже давно высказывалъ мнѣніе, что и Финны нѣкогда должны были быть длинноголовыми, такъ какъ они имѣютъ племенное сродство съ Уграми, а эти послѣдніе, благодаря ихъ нѣкогда весьма значительному числу и при ихъ исключительно центральномъ положеніи въ сравненіи съ остальными финско-угорскими вѣтвями, расположенными периферически и такимъ образомъ подвергнутыми чуждымъ вліяніямъ, лучше всѣхъ должны были сохранить свой длинноголовый типъ.

Это предположеніе г. Европеуса получило фактическое подтвержденіе гораздо ранѣе, чѣмъ онъ могъ этого ожидать. Курганныя раскопки, произведенныя лѣтомъ 1878 г. частью Е. В. Барсовымъ въ среднемъ теченіи Ояты при селѣ Виницахъ, частью самимъ г. Европеусомъ далѣе внизъ по той же рѣкѣ на 12 верстъ выше устья, и богатія весьма интересными результатами курганныя раскопки полковника Н. Е. Бранденбурга, произведенныя имъ въ 1878 году въ нижнемъ теченіи р. Паши, удостовѣрили, что первобытные жители этой страны, обозначаемой безпримѣсными, собственно финскими, не-

¹⁾ Въ статьяхъ: «Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московской губерніи» и «Курганныя племена Московской губерніи».

русскими мѣстными названіями, еще въ X и XI столѣтіяхъ были весьма длинноголовы. Эти длинноголовые первобытные жители окрестностей Ояты и Паши, конечно, не могли быть никѣмъ инымъ, какъ только собственно финскою Чудью, братьями еще до сихъ поръ живущаго въ верховьяхъ обѣихъ названныхъ рѣкъ (въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи и въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи) племени *Wersäläiset*, говорящаго на своемъ арханческомъ финскомъ діалектѣ. Къ этой же Вепсской Чуди принадлежатъ и тѣ Финны, которые живутъ въ пограничной части Бѣлозерскаго уѣзда, и которые, по мѣстнымъ народнымъ преданіямъ, поселились сюда изъ Тихвинской области только во время польскихъ, или по народному сказанію, литовскихъ набѣговъ, то-есть, около 1612—1614 годовъ.

Должно однако замѣтить, что—по мнѣнію г. Европеуса—Весь Нестора, *Visu* арабскихъ писателей, Вазини Юрнанда нѣкоимъ образомъ не могутъ быть отождествлены съ этими чисто финскими Вепсами, и точно также Вепсы не могутъ быть отождествляемы съ Весью, какъ между прочимъ безъ всякихъ доказательствъ позволили себѣ сдѣлать пр. А. Альквистъ и В. Н. Майновъ. Относящееся къ этому вопросу предположеніе академика А. М. Шѣгрена не можетъ служить прочною опорой для такого отождествленія, ибо оно было высказано ранѣе какого бы то ни было изслѣдованія мѣстныхъ названій Бѣлозерскаго уѣзда. По замѣчанію г. Европеуса, языкъ древней Веси по всей Бѣлозерской области на столько далекъ отъ языка вепско-финской Чуди, на сколько санскритъ, или лучше сказать, средне-вѣковъ пракритъ Индусовъ далекъ отъ германскихъ или славянскихъ языковъ. Діалектъ древней Веси по звуковымъ законамъ и словообразованію ближе всего стоитъ къ мадырскому діалекту древне-угорскаго языка. Доказательствомъ этого служатъ вполне отличныя отъ вепско-финскихъ, чисто древне-угорскія мѣстныя названія Бѣлозерской области, которыя извѣстны въ количествѣ многихъ сотенъ. Въ области вепско-древне-угорскихъ мѣстныхъ названій даже на самыхъ точныхъ спеціальныхъ картахъ или въ другихъ источникахъ нельзя найти ни одного финско-вепскаго имени. Эти послѣднія появляются приблизительно или вполне точно только въ тѣхъ мѣстахъ, до коихъ простираются еще въ наши дни поселенія Чуди или *Wersäläiset*, около сѣверо-восточной границы Бѣлозерскаго уѣзда. Эта граница финско-вепскихъ мѣстныхъ названій не подходитъ къ Бѣлозеру ближе чѣмъ на 35 верстъ.

Новѣйшія произведенныя г. Европеусомъ изслѣдованія мѣстныхъ именъ въ этомъ краю дали лишь небольшія поправки къ прежнему опредѣленію этой границы. Такъ, финско-вепсская сторона частью должна еще болѣе отступить назадъ, на примѣръ, въ окрестностяхъ р. Ношемы, на вепскомъ нарѣчій *Nashma*, съ прилегающимъ сюда болотомъ *Килпатскимъ*, которое должно быть исправлено въ *Килпахта* (*rahta*—по древне-угорски болотистый островъ). Самое *Nashma* и встрѣчающееся нѣсколько западнѣе названіе рѣки *Каласма*—названія также не вепскія, но по окончанію вообще древне-угорскія. Въ Бѣлозерской области, то-есть, въ Бѣлозерскомъ, Кирилловскомъ и Череповскомъ уѣздахъ, встрѣчается 21 до сихъ поръ извѣстное древне-угорское окончаніе, и окончанія эти, находящіяся во мпогихъ мѣстныхъ названіяхъ, иногда цѣлыми сотнями, точно также какъ и цѣлыя имена, объясняются по значенію, по составу и по встрѣчающимся въ нихъ формамъ, звуковымъ законамъ и т. д. только съ помощью древне-угорскаго языка, то-есть, только съ помощью мадьярскаго, вогульскаго и остяцкаго нарѣчій, а не остальныхъ финско-мадьярскихъ языковъ, которые могутъ служить для того лишь какъ болѣе отдаленныя пособія.

Короче сказать, древняя Бѣлозерская Веси говорила на языкѣ вполне отличномъ отъ вепско-чудскаго. Русское населеніе всей Олонецкой, Тихвинской и Бѣлозерской областей вовсе не знаетъ и не употребляетъ собственнаго названія Чуди—*Wärsa* и не сохранило никакого слѣда воспоминанія или преданія о Бѣлозерской Веси. У Бѣлозерской Чуди и даже на значительной полосѣ у ихъ западныхъ пограничныхъ сосѣдей на Олонецкой и Тихвинской сторонѣ не встрѣчается даже ни одной могильной насыпи или кургана: ясный признакъ, что тамъ въ курганный періодъ не жило ни одного человека.

И такъ, длинноголовый типъ курганныхъ череповъ, найденныхъ въ среднемъ и нижнемъ теченіи Ояты и Паши, нельзя объяснять позднѣйшимъ соприкосновеніемъ здѣшняго населенія съ древнею Угорскою Весью Бѣлозерской области, ибо и относительно Эстовъ извѣстно, что они долихокефалы и имѣютъ средній индексъ въ 74,8. Изъ этого видно, что настоящая финская Чудь въ древнемъ Обоньжьи была длинноголовая уже тогда, когда праотцы Эстовъ отделились отъ Чуди, матери всѣхъ нынѣшнихъ финскихъ и эстскихъ діалектовъ. Короткоголовость нынѣшнихъ финляндскихъ Финновъ такимъ образомъ вовсе не первоначальная, а должна быть выводима

изъ позднѣйшаго смѣщенія, и безъ сомнѣнія, изъ постояннаго вліянія сѣвернаго климата. Всѣмъ извѣстно, что холодъ дѣйствуетъ физически сжимая тѣла, слѣдовательно, округляя черепъ, а что и люди подвержены этому вліянію, живымъ доказательствомъ тому служатъ Лопари, развѣтвленіе высокоростной финско-мадьярской группы, и Самоѣды, принадлежащіе къ точно такой же рослой тюрко-татарско-монгольско-маньчжу-тунгузской группѣ. Языки этихъ сѣверныхъ народовъ, которые въ грамматическомъ отношеніи очень хорошо и въ лексикальномъ отношеніи весьма достаточно извѣстны, доставляютъ неопровержимыя доказательства племенной принадлежности этихъ народовъ.

Весьма интересно, что и нынѣшніе Оятскіе Вепсы, судя по произведеннымъ г. Майновымъ измѣреніямъ живыхъ головъ, сдѣлались короткоголовыми. Въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества за 1878 г. г. Майновъ приводитъ средній индексъ 23-хъ вепскихъ индивидуумовъ въ 83,37, а съ вычетомъ головныхъ повротовъ 81,37. Такимъ образомъ Вепсы въ настоящее время имѣютъ такой же *index horizontalis*, какой вообще встрѣчается въ центрѣ финскихъ Кареловъ и Тавастовъ.

Послѣ всего этого становится само собою понятнымъ, что и короткоголовость остальныхъ финско-венгерскихъ народовъ произошла лишь съ теченіемъ времени и точно также черезъ смѣщеніе и исцѣдствіе холоднаго климата.

И такъ, г. Европеусъ категорически отрицаетъ древнюю короткоголасть Финновъ и Мадыаръ, въ силу которой ихъ считали ближайшими соплеменниками Турокъ и Монголовъ. Но мало того: рядъ выводовъ нашего ученаго идетъ далѣе и указываетъ на первоначальное распространеніе длинноголоваго первобытнаго населенія не только въ восточной Европѣ, но и въ западной, при чемъ нашъ ученый даже пытается опредѣлить національность этихъ древнѣйшихъ Европейцевъ. Ходъ разсужденій г. Европеуса слѣдующій:

Въ 1878 году появился на шведскомъ языкѣ краниологическо-археологическій трудъ профессора д-ра Густава Рециуса, сына покойнаго знаменитаго шведскаго краниолога Андрея Рециуса: *Finska kranier* (Финскіе черепа) ¹⁾. Въ началѣ этого труда Рециусъ представляетъ доволь-

¹⁾ Полное заглавіе труда г. Г. Рециуса слѣдующее: *Finska kranier, jämte några natur-och literatur-studier inom andraomraden af finsk antropologi*, то-есть: Финскіе черепа и нѣкоторыя естественно-историческія и литературныя изслѣдованія въ другихъ областяхъ финской антропологии.

но объемистое обзрѣніе прошедшей исторіи первобытнаго народа съ длинночерепнымъ устройствомъ головы, распространявшася въ каменный періодъ почти по всей Европѣ. По мнѣнію многихъ знаменитыхъ краниологовъ Европы, народъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ „монгольскій“, то-есть, не индо-европейскій типъ.

Долго—замѣчаетъ Рециусъ — господствовало между учеными мнѣніе, что люди въ каменный періодъ Скандинавскаго сѣвера принадлежали къ Финскому племени. Однако въ послѣдствіи новыя изслѣдованія различныхъ могилъ каменнаго періода, произведенныя В. Э. Гильдебрандомъ, Г. фонъ-Дюбеномъ, О. Монтелиусомъ и самимъ Рециусомъ, обнаружили, что жившій въ Швеціи народъ каменнаго періода былъ въ преобладающемъ числѣ длинноголовымъ и имѣлъ лишь слабую примѣсь короткоголовыхъ; точно также и Свенъ Нильссонъ выразилъ мнѣніе, что найденный въ древней могилѣ (Gangrab) на датскомъ островѣ Менѣ короткоголовый черепъ есть лишь исключеніе изъ общаго правила и служитъ доказательствомъ, что ужъ и въ тѣ времена происходило иногда смѣшеніе между древнѣйшимъ населеніемъ, которое, вѣроятно, принадлежало къ Лопскому племени, и прикочевавшимъ позднѣе болѣе сильнымъ народомъ, который соорудилъ эту могилу.

Вирховъ изслѣдованіемъ череповъ, найденныхъ въ датскихъ Gangraber, доказалъ, что длинноголовый типъ господствуетъ здѣсь въ значительной степени. Въ Англіи Тергемъ (Thurham) установилъ, что найденные въ первобытныхъ могилахъ длинные черепа происходятъ изъ болѣе древняго періода, чѣмъ короткіе.

Такимъ образомъ ученіе о короткоголовости населенія каменнаго періода Европы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о его турапскомъ происхожденіи, начало болѣе и болѣе колебаться. Въ то же время стало все далѣе въ глубь вѣковъ отодвигаться и первое появленіе человѣка въ Скандинавіи. Оказалось, на примѣръ, что періодъ, въ который были воздвигнуты и наполнены трупами могилы каменнаго періода Скандинавіи, былъ лишь позднѣйшимъ періодомъ каменнаго вѣка, и что за нимъ лежитъ неизмѣримое пространство времени—древнѣйшій каменный періодъ, когда человѣкъ стоялъ на гораздо болѣе низкой степени культуры, какъ это доказываетъ утварь, находимая въ многочисленныхъ костевосныхъ пещерахъ и во многихъ мѣстахъ въ руслахъ рѣкъ. Если даже народы позднѣйшаго періода каменнаго вѣка и не были короткоголовыми, то можно предполагать, что населеніе древнѣйшаго періода этого вѣка имѣло такой типъ череповъ. Однако,

когда подвергнуты были ближайшему изслѣдованію Человѣческіе черепна, найденные, правда въ мѣньшемъ количествѣ, но все же достаточно многочисленныя, совмѣстно съ древнѣйшею каменною утварью, то оказалось, что и между ними большая часть были длинноголовыми. Различные изслѣдователи пытались обратить ученіе о родствѣ первобытныхъ обитателей Европы и Туранскаго или Монгольскаго племени къ населенію древнѣйшаго періода каменнаго вѣка и по этой причинѣ назвали это послѣднее „монголоидами“. Въ подтвержденіе этого ученія, съ одной стороны, указывалось на то, что и между черепами, происходящими изъ древнѣйшаго каменнаго періода, были найдены нѣкоторые короткоголовые, а съ другой—на то, что и у нѣкоторыхъ длинноголовыхъ череповъ замѣчается извѣстное сходство съ черепами монгольскими. Позднѣе французскіе ученые Катрфажъ и Гами на ряду съ многочисленными длинноголовыми типами поставили и короткоголовый типъ— „*type laponoide*“, и приписали ему большое распространеніе, почти по всей Европѣ; они хотѣли даже въ настоящіе дни видѣть живой остатокъ этого типа въ западной Европѣ, напримѣръ, въ Альпахъ провинціи Дофинэ.

И такъ, ученіе о туранскомъ происхожденіи первобытнаго населенія Европы все еще поддерживалось нѣкоторыми учеными, и они старались доказать, что въ продолженіе древнѣйшаго каменнаго періода, рядомъ съ длинноголовымъ населеніемъ, существовало и короткоголовое, котораго черепной типъ сходенъ съ нынѣшними Туранскими народами.

Что собственное мнѣніе Рецуса—замѣчаетъ г. Европеусъ—не согласнo съ вышележающимъ, явствуетъ ужъ изъ приведенныхъ его начальныхъ словъ, точно также какъ и изъ результатовъ его краниологическихъ изслѣдованій въ Финляндіи.

Если разсматривать Финновъ и всю финско-мадьярскую семью какъ принадлежащую къ мнимому Туранскому или Финско-мадьярско-татарско-монгольскому племени, то становится очевиднымъ какъ изъ сравнительно-филологическихъ, такъ изъ краниологическихъ изслѣдованій, что подобнаго „Туранскаго“ прапорода въ Европѣ никогда не было по той простой причинѣ, что подобнаго сложнаго „Туранскаго“ племени не встрѣчалось нигдѣ во всемъ свѣтѣ, кромѣ развѣ фантазіи нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ этомъ—по мнѣнію г. Европеуса—лишенномъ всякихъ методически-научныхъ основаній „туранскомъ“ или „древне-алтайскомъ“ слѣбленіи оказываются двѣ основныя отличныя по языку группы: 1) татарско-алтайская или тюркско-та-

тарско-монгольская, къ которой принадлежатъ маньчжу-тунгусская и самоѣдская, и 2) финско-мадьярская, состоящая изъ 8-ми различныхъ главныхъ языковъ и народовъ. Изъ нихъ эта послѣдняя группа языковъ своимъ сравнительно-филологически возстановимымъ праязыкомъ непосредственно примыкаетъ къ индо-европейскому праязыку, тогда какъ татарско-алтайскій праязыкъ точно также непосредственно совпадаетъ съ соотвѣтствующими внутренними африканскими развѣтвленіями великой семито-африканской группы. Теперь сюда какъ нельзя болѣе кстати, какъ лучъ освѣтившій свѣтомъ все это поле вопросовъ, присоединилось свѣдѣніе о длинноголовости праотцевъ собственно Финновъ, и тѣмъ получилось важное дополненіе къ свѣдѣніямъ о длинноголовости древнихъ и новыхъ уральскихъ Угровъ.

И такъ, среди длинноголоваго населенія Европы въ каменный періодъ должно искать не собственно Финновъ, а гораздо менѣе развѣтвленныхъ и тогда еще по большей части длинноголовыхъ праотцевъ финско-мадьярской семьи. Такимъ образомъ, не собственно Финны были враждебно вытѣснены тѣмъ или другимъ народомъ изъ ихъ предполагаемыхъ прежнихъ жилищъ, потому что, судя по безчисленнымъ находкамъ каменныхъ вещей, сдѣланнымъ въ окрестностяхъ рѣки Свири и Онежскаго озера, древне-финская Чудь или Вепсы жили со времени каменнаго періода въ Олонецкой землѣ.

Докторъ Вильгельмъ Томсенъ, въ своемъ трудѣ, удостоенномъ Берлинскою академіей первой Бопповской преміи: „О вліяніи германскихъ языковъ на финско-лопскіе“, представилъ доказательство того, что всѣ финско-эстскія нарѣчныя развѣтвленія произошли изъ діалекта онежско-чудскаго, къ которому принадлежитъ и тихвинско-чудское, и нѣкогда были въ немъ сконцентрированы. И такъ, Финны никоимъ образомъ не могли быть сгруппированы на совершенно различныхъ мѣстахъ, не выказывая характера языка, совершенно независимаго отъ онежско-чудскаго.

Однако, такъ какъ подобныхъ развѣтвленій финскаго языка по нарѣчіямъ пигдѣ не встрѣчается, то намъ ничего болѣе не остается, какъ согласиться съ слѣдующимъ твердо высказаннымъ положеніемъ Томсена: вполне несомнѣнно, что финско-эстскіе діалекты, безъ всякаго исключенія, должны были быть въ еще до-ульфилоское время (то-есть, до IV в. по Р. Х., отъ коего сохранился готскій текстъ Улфины) соединены съ онежско-чудскимъ, гдѣ-нибудь въ странѣ Ладожскаго и Онежскаго озеръ, въ одинъ діалектъ.

Въ самомъ дѣлѣ, или нужно признать за ничто все построенное

Боппомъ и развитое Шлейхеромъ сравнительное языкованіе съ его методомъ звуковыхъ законовъ, или нужно безусловно признать полную справедливость этого положенія Томсена. Послѣднее тѣмъ легче, что дальнѣйшія филологическія изысканія доказываютъ, что праотцы Финновъ во всѣ историческія и до-историческія времена непрерывно и постоянно населяли почти однѣ и тѣ же страны. Но этимъ еще не исчерпываются всѣ доказательства. Томсенъ доказалъ также большое вліяніе до-улфиловскаго готскаго языка на финскій, и впоследствии цѣлымъ рядомъ доказательствъ это вліяніе было выяснено до того времени, когда въ германскомъ праязыкѣ вмѣсто *h* постоянно было *k* и вмѣсто *f* или *v* постоянно *p*. Даже въ то время, когда еще вовсе не было собственно Финновъ, а существовали только общіе праотцы Финновъ, Мордвы и Лопарей, эти „праотцы“ должны были жить на сѣверной или сѣверо-восточной границѣ литовско-латышскихъ обиталищъ. Судя по мѣстнымъ названіямъ, Финно-Мордво-Лопари должны были уже на морскомъ берегу Ингермапладіи соприкасаться съ литовско-латышскимъ прапородомъ.

И такъ, развѣ только общіе праотцы всего финско-мордовско-лапарско-черемисскаго развѣтвленія финско-мадьярской семьи могли скрываться въ этомъ длинноголовомъ населеніи каменнаго вѣка, южной Скандинавіи, Германіи, Франціи и Англіи. Къ этой же цѣпи по необходимости принадлежали и праотцы зырянско-угорскаго развѣтвленія вышеназванной семьи, стало быть, праотцы всей семьи.

Этимъ объясненіемъ—думаетъ г. Европеусъ — устраняются сразу всѣ трудности вопроса о длинноголовыхъ первобытныхъ обитателяхъ Европы. Гораздо менѣе отдѣленные другъ отъ друга праотцы финско-угорской или финско-мадьярской семьи были единственнымъ фактическимъ длинноголовымъ народомъ Европы. Время, когда они могли населять Скандинавію, Германію, Францію и Англію, надаеть на древнѣйшій періодъ еще до прибытія индо-европейскаго населенія этихъ странъ.

Изъ отчета проф. Вирхова о международномъ археологическомъ конгрессѣ въ Болоньѣ въ 1877 г. явствуетъ, что и черепъ, найденный въ Италіи въ древнѣйшихъ пещерахъ, рѣшительно длинноголовы. Въ самое послѣднее время Конъ и Мелисъ (Mehlis) обнародовали трудъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для первобытной исторіи чело-вѣка въ восточной Европѣ“, въ которомъ они сообщаютъ, что и человѣческіе черепъ, найденные вмѣстѣ съ каменною утварью и из-

дѣліями изъ мамонтовой кости въ Галиціи, оказались также длинно-головыми.

Сравнительное языкованіе показываетъ, кромѣ того, что финско-мадьярскіе праотцы пришли въ Европу изъ юго-западной Азіи черезъ Малую Азію и Дарданеллы, ибо только въ юго-западной Азіи финско-мадьярскіе предки могли, по крайней мѣрѣ, подъ конецъ, составлять нераздѣльную группу съ праотцами индо-европейской семьи. Такимъ образомъ систематически выполненное научное изслѣдованіе приводится наконецъ въ одно вполне гармоническое цѣлое.

Таковы тѣ результаты, къ которымъ привело г. Еврепеуса опредѣленіе длинноголоваго типа древнихъ Финновъ и древнихъ Угровъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Начальныя училища Московскаго учебнаго округа въ 1878 годѣ.

Въ составѣ Московскаго учебнаго округа входят губерніи Московская, Владимірская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская. Въ означенномъ округѣ было въ 1878 году училищъ; находившихся въ исключительномъ вѣденіи дирекціи: уѣздныхъ 75, городскихъ по положенію 31-го мая 1872 года—42; сельскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія: двухклассныхъ 93, одноклассныхъ 38, инородческихъ (мордовскихъ) 5; затѣмъ двухклассныхъ народныхъ училищъ въ городахъ и посадахъ (мужскихъ, женскихъ и обоего пола)—25; одноклассныхъ училищъ въ городѣ Москвѣ 15; частныхъ учебныхъ заведеній 2-го разряда 7 и 3-го разряда 41,— всего 341. Кромѣ того, въ совмѣстномъ вѣденіи дирекціи и училищныхъ совѣтовъ состояло училищъ: городскихъ 511 (мужскихъ 217, женскихъ 137 и обоего пола 157); сельскихъ 3,610 (мужскихъ 607, женскихъ 101, обоего пола 2,902); церковно-приходскихъ школъ 82, школъ грамотности и воскресныхъ 149, воскресныхъ классовъ техническаго черченія 21 и вечернихъ ежедневныхъ классовъ 19, всего 4,392, а съ указанными выше общее число начальныхъ училищъ Московскаго округа простиралось до 4,733.

Отношеніе числа училищъ въ каждой губерніи къ населенію ея представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Число училищъ.	Число жителей обою пола.	На какое количество жителей приходится одно училище.
Владимірская	406	1.280,523	3,129
Калужская .	375	1.010,628	2,695
Костромская .	288	1.198,870	4,163
Московская .	693	1.803,744	2,603
Нижегородская	365	1.293,564	3,544
Орловская . .	491	1.633,881	3,327
Рязанская . .	465	1.524,433	3,278
Смоленская . .	290	1.163,715	4,013
Тверская . . .	548	1.545,881	2,821
Тульская . . .	487	1.178,678	2,420
Ярославская .	325	988,113	3,040
Во семь округъ	4,733	14.622,030	3,094

Учащихся въ исчисленныхъ нами училищахъ было: въ уѣздныхъ 5,462, въ городскихъ по положенію 1872 года 4,363, сельскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія — двухклассныхъ 9,038, одноклассныхъ 2,025, въ инородческихъ (мордовскихъ Нижегородской губерніи) 197, въ двухклассныхъ училищахъ въ городахъ и посадахъ 2,536, въ одноклассныхъ мужскихъ училищахъ въ городѣ Москвѣ 737, въ частныхъ училищахъ 1,788; вѣдѣтъ, что касается училищъ, состоящихъ въ совмѣстномъ завѣдываніи дирекцій и училищныхъ совѣтовъ, то въ одноклассныхъ училищахъ городскихъ и посадскихъ 41,019 и въ сельскихъ школахъ 182,765. Такимъ образомъ, всѣхъ, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ Московскаго округа, было 249,930, въ томъ числѣ мужскаго пола 207,284 и женскаго 42,646.

Процентное отношеніе числа учащихся каждой губерніи къ населенію ея представлялось къ 1-му января 1878 года въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи:	Жителей обоого пола.	Учащихся обоого пола.	Процентное отношеніе числа уча- щихся къ чи- слу жителей.
Владимірская . . .	1.280,523	20,993	1 учащійся на 61 чел.
Калужская . . .	1.010,628	19,826	" " 51 "
Костромская . . .	1.198,870	13,649	" " 88 "
Московская . . .	1.803,744	38,919	" " 51 "
Нижегородская . . .	1.293,564	15,706	" " 82 "
Орловская . . .	1.633,881	28,495	" " 57 "
Рязанская . . .	1.524,433	27,089	" " 56 "
Смоленская . . .	1.163,715	11,606	" " 100 "
Тверская . . .	1.545,881	29,827	" " 52 "
Тульская . . .	1.178,678	23,612	" " 49 "
Ярославская . . .	988,113	20,208	" " 44 "
Итого по округу	14.622,030	249,930	1 учащійся на 58 "

Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число начальныхъ училищъ увеличилось на 13, а число учащихся на 8,893. Любопытно, что значительная часть этого послѣдняго числа (а именно 3,235) приходитъ на долю дѣвочекъ.

Въ 1878 году вышли по окончаніи курса со свидѣтельствами: изъ уѣздныхъ училищъ 984, изъ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года 163, изъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія двухклассныхъ и одноклассныхъ 686, изъ начальныхъ школъ, состоящихъ въ совмѣстномъ завѣдываніи министерства и училищныхъ совѣтовъ: городскихъ и посадскихъ 2,574, сельскихъ 10,464. Вообще число окончившихъ курсъ и получившихъ установленныя свидѣтельства во всѣхъ исчисленныхъ нами выше начальныхъ школахъ Московскаго округа простиралось до 15,075.

По происхожденію учащіеся раздѣлялись такимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ было 4,280, духовнаго званія 6,210, городскихъ сословій 46,603, крестьянъ 192,803, иностранцевъ 34.

О состояніи библиотекъ по каждому разряду училищъ можно замѣтить слѣдующее:

1) Фундаментальныя библіотеки уѣздныхъ училищъ имѣютъ не малое количество, особенно по отдѣламъ закона Божія, словесности и исторіи, но во многихъ изъ нихъ недостаетъ новѣйшихъ лучшихъ

сочиненій для руководства преподавателей; библіотеки же такъ-называемыя ученическія большею частью бѣдны и количествомъ, и качествомъ книгъ; при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ Московскаго округа нѣтъ даже вовсе такихъ библіотекъ, и ученики, для внѣкласснаго чтенія, получаютъ книги изъ библіотекъ, фундаментальныхъ по выбору и указанію учителей. Библіотеки городскихъ училищъ составились изъ библіотекъ тѣхъ училищъ уѣздныхъ, изъ коихъ означенныя училища преобразованы; не смотря на недавнее свое существованіе, онѣ достаточно снабжены книгами, руководствами и отчасти пособіями по отдѣламъ закона Божія, словесности, исторіи и географіи; руководствами же и пособіями по математикѣ, особенно по физикѣ и естественной исторіи, онѣ не богаты; впрочемъ, этотъ недостатокъ мало по малу устранивается благодаря удовлетворительнымъ средствамъ городскихъ училищъ, такъ что тѣ изъ нихъ, которыя существуютъ уже нѣсколько лѣтъ, приобрѣли порядочное количество предметовъ для своихъ кабинетовъ физическаго, зоологическаго, ботаническаго и минералогическаго: первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежало въ отчетномъ году городскимъ училищамъ Ярославской губерніи. Городскія училища, не преобразованныя изъ уѣздныхъ, а вновь учрежденныя на средства городовъ и земствъ, щедро снабжаются необходимыми книгами и пособіями: замѣчаніе это относится ко всѣмъ имъ, за весьма немногими исключеніями.—2) Библіотеки двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія находятся въ удовлетворительномъ состояніи благодаря ежегодному отпуску суммъ министерствомъ на этотъ предметъ, разрѣшенію употреблять остатки по вакантнымъ должностямъ учителей на приобретеніе книгъ и учебныхъ пособій, а также даровой высылкѣ департаментомъ народнаго просвѣщенія многихъ полезныхъ книгъ въ означенныя училища.—3) Библіотеки двухклассныхъ народныхъ училищъ въ городахъ и посадахъ пополняются на средства обществъ и лицъ, содержащихъ эти училища, и по свѣдѣтельству дирекцій, обставлены хорошо: онѣ имѣютъ все нужное для преподаванія. Лучшими библіотеками владѣютъ тѣ изъ училищъ, которыя учреждены при фабрикахъ и заводахъ.—4) Библіотеки одноклассныхъ начальныхъ училищъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, состоятъ почти исключительно изъ учебниковъ; большею частью въ нихъ нѣтъ ни хорошихъ методическихъ сочиненій, необходимыхъ учителямъ для пополненія и усовершенствованія ихъ свѣдѣній, ни дѣтскихъ книгъ

для чтенія. Вообще состояніе этихъ библиотекъ нельзя считать удовлетворительнымъ.

Въ 1878 году на содержаніе всѣхъ 4.733 начальныхъ училищъ Московскаго округа поступило 2.218.618 руб. По количеству суммъ губерніи распредѣлялись такимъ образомъ: Московская—564.431 р., Рязанская—204.969 р., Владимірская—204.872 р., Орловская—198.512 р., Тверская—186.893, Костромская—153.321, Нижегородская—148.974, Тульская—144.330, Ярославская—144.030, Смоленская—139.310, Калужская—128.971. Среднимъ числомъ на образованіе одного учащагося приходилось: въ уѣздныхъ училищахъ—37 р. 29 к., въ городскихъ (по положенію 31-го мая 1872 года)—32 р. 86 коп., въ двухклассныхъ министерскихъ—14 р. 75 к., въ одноклассныхъ министерскихъ—10 р. 50 к., въ двухклассныхъ городскихъ и посадскихъ—17 р. 29 к., въ школахъ, состоящихъ въ вѣденіи училищныхъ совѣтовъ: городскихъ—12 р. 11 к., сельскихъ 6 р. 21 к.

Означенная выше сумма (2.218.618 руб.), израсходованная въ 1878 году на содержаніе начальныхъ училищъ Московскаго округа, составила изъ разныхъ источниковъ, а именно изъ государственнаго казначейства 400.487 р., изъ сбора за ученіе 48.921 р., отъ земства 783.846 р., отъ городскихъ обществъ 429.126 р., отъ сельскихъ обществъ 262.600 р., изъ процентовъ съ капитала 8.860 р., наконецъ изъ взносовъ и пожертвованій разныхъ обществъ и частныхъ лицъ 284.776 руб. Считаемо не лишнимъ упомянуть здѣсь о важнѣйшихъ частныхъ пожертвованіяхъ: по Владимірской губерніи для двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія Ряховскаго ковровскій купецъ Швецовъ пожертвовалъ 3.000 р. и выстроилъ для него домъ стоившій около 15.000 р., для такого же училища Омофоровскаго с.-петербургскій купецъ Маеръ пожертвовалъ 27.000 р. и произвелъ всѣ необходимыя постройки на 10.000 р.; мануфактуръ-совѣтникъ Морозовъ содержалъ при фабрикѣ въ Орѣховѣ (Покровскаго уѣзда) школу, расходуя на нее до 10.000 р., въ Ивановѣ-Вознесенскѣ братья Гарелины расходовали на школу при тамошней фабрикѣ по 1.000 р., купецъ Барановъ содержалъ въ Александровскомъ уѣздѣ три училища по 500 р. каждое, а въ Вязниковскомъ уѣздѣ расходовали: купецъ Сеньковъ на двѣ школы въ городѣ и въ с. Преображенскомъ 1.000 р., купецъ Демидовъ на школу при своей фабрикѣ въ Ярцевѣ до 1.000 р. и купецъ Валинъ на школу при фабрикѣ въ с. Южѣ болѣе 500 р. По Костромской губерніи пожертвованія были слѣдующія: на Маринское женское училище (Буй-

скаго уѣзда) профессора С.-Петербургскаго университета—340 р. (ежегодно); управленіе фабрики Зотовой и товарищества новой льняной мануфактуры 2.700 р. на одно изъ двухклассныхъ училищъ въ г. Костромѣ и 2.500 р. на другое двухклассное училище тамъ же; купецъ Красилицковъ—2.100 р. на содержаніе изъ процентовъ съ этого капитала женской школы въ заштатномъ городѣ Бухѣ (Юрьевецкаго уѣзда); по Нижегородской губерніи пожертвовано было почетными блюстителями и попечителями около 2.000 р. и частными обществами 4.500 р. на 11 начальныхъ школъ въ Нижнемъ Новгородѣ; по Орловской губерніи помѣщикъ Трубчевскаго уѣзда г. Халаевъ построилъ въ с. Кокичѣ для двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія каменный, крытый желѣзомъ домъ, употребивъ на это до 6.000 р.; по Рязанской губерніи, въ Зарайскомъ уѣздѣ крестьянинъ Коныловъ завѣщалъ на учрежденіе женской школы въ с. Верхнемъ-Бѣломутѣ принадлежавшіе ему въ г. Коломенѣ домъ, въ коломенскомъ уѣздѣ 103 десятины земли, а въ Зарайскомъ 39 участковъ луговыхъ и лѣсныхъ, и сверхъ того, все движимое имущество, оставшееся послѣ завѣщателя; по Тверской губерніи А. А. Морозовъ выстроилъ для находящагося при его фабрикѣ училища домъ, стоившій ему около 20.000 руб., и расходуетъ на содержаніе этого училища по 3.700 р. въ годъ; по Ярославской губерніи крестьянинъ Саксинъ употребилъ до 1.000 руб. на постройку дома для школы въ с. Прусовѣ (Ярославскаго уѣзда) и принялъ на себя всѣ расходы по отопленію, ремонту этой школы и найму для нея прислуги; въ Любимскомъ уѣздѣ той же губерніи г. Горскій пожертвовалъ болѣе 3.000 р., проценты съ коихъ должны идти на содержаніе церковно-приходскаго училища въ с. Бедаревѣ, въ память почившаго архіерейскаго Варшавскаго Іоаннікія, уроженца означенной мѣстности. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о пожертвованіяхъ обществъ и частныхъ лицъ по Московской губерніи, но въ отчетѣ директора начальныхъ училищъ показано, что въ 1878 году сумма ихъ простиралась до 136.565 р.

Переходимъ затѣмъ къ помѣщеніямъ начальныхъ училищъ Московскаго округа. Изъ общаго числа этихъ училищъ (4.733) имѣли собственные дома 1.103, расположены въ наемныхъ 1.287, въ церковныхъ 278, въ содержимыхъ земствомъ и мѣстными обществами 1.401, частными лицами 576, въ зданіяхъ принадлежащихъ другимъ учебнымъ заведеніямъ 88. Удобными слѣдуетъ считать 3.340 помѣ-

щеній, то-есть, почти три четверти общаго числа. На наемъ помѣщеній израсходовано было всего 145.047 руб,

Большая часть одноклассныхъ народныхъ училищъ, находящихся въ вѣденіи училищныхъ совѣтовъ, особенно страдаетъ отъ неудобства помѣщеній: расположены они въ наемныхъ, не приспособленныхъ крестьянскихъ домахъ или церковныхъ сторожкахъ, тѣсныхъ, темныхъ, часто холодныхъ и сырыхъ. Въ 1878 году, также какъ и въ предшествовавшихъ, сравнительно удобнѣйшими помѣщеніями пользовались тѣ школы, которыя устроены и содержатся частными лицами или фабриками. Впрочемъ въ истекшемъ году нѣкоторыя земства и сельскія общества построили на свои средства нѣсколько удобныхъ училищныхъ зданій, употребивъ на это часть суммы, ассигнованной ими на народное образованіе; затѣмъ и частныя лица оказывали тутъ немалое содѣйствіе. Очень многія сельскія школы нуждаются также въ классной мебели, которой или недостаточно или же она крайне плоха: иногда преподавателю приходится сажать на скамью столько учениковъ, сколько можно на ней помѣстить, не обращая вниманіи на удобство, а случается, что и такъ дѣти сидятъ по очереди.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ положеніи находилась учебная часть въ начальныхъ училищахъ Московскаго округа.

1) Уѣздныя училища, какъ извѣстно, предназначены къ преобразованію въ городскія (по положенію 31-го мая 1872 года) и преобразование это совершается по мѣрѣ того, какъ учительскіе институты готовятъ учителей для новыхъ городскихъ училищъ. Пять лѣтъ тому назадъ, въ 1874 году, находилось въ Московскомъ округѣ 105 уѣздныхъ училищъ, а въ прошломъ году оставалось ихъ лишь 75. Нельзя конечно ожидать, чтобъ училища эти, программа коихъ признана неудовлетворительною, и которыя доживаютъ свои послѣдніе дни, находились въ цвѣтущемъ состояніи, но учебное начальство старалось, до закрытія ихъ, всячески ихъ поддерживать, и число учащихся въ нихъ не уменьшается, а именно въ среднемъ выводѣ на каждое приходится болѣе чѣмъ по 70. Объяснять это нужно отчасти тѣмъ, что съ окончаніемъ курса уѣздныхъ училищъ связаны извѣстныя льготы по воинской повинности. Въ 1878 году ученіе шло здѣсь даже лучше чѣмъ въ предшествовашіе годы, за исключеніемъ черченія и рисованія, ибо трудно было пріискать за назначенное по штату скудное жалованье опытныхъ и искусныхъ преподавателей этихъ

часть сов, отд. 4.

предметовъ. При шести уѣздныхъ училищахъ, а именно при Муромскомъ и Шуйскомъ (Владимірской губерніи), Галичскомъ и Кинешемскомъ (Костромской), Зарайскомъ и Касимовскомъ (Рязанской губ.) существовали, на средства мѣстныхъ городскихъ обществъ, дополнительные курсы для обученія воспитанниковъ двойной русской и италіанской бухгалтеріи. Преподаваніе этого предмета велось въ объемъ курса, составленнаго г. Фонъ-дербъ-Зее.

2) Начало существованія городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года относится къ 1874 году. Открывались они въ Московскомъ округѣ постепенно, а именпо въ 1874 году—5, въ 1875—11, въ 1876—9, въ 1877—11 и въ 1878—6, такъ что въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ было ихъ всего 42. Въ столь короткій періодъ времени новыя городскія училища не могли еще, конечно, вполне установиться, но опытъ свидѣтельствуетъ однако, что они начинаютъ уже приносить всю ту пользу, какая была отъ нихъ ожидаема. Въ 1877 году министерство издало для этихъ училищъ программы съ подробными объяснительными къ нимъ записками, которыя въ точности исполняются ими. Преподаватели стараются вести дѣло такъ, чтобъ изложеніе научныхъ свѣдѣній содѣйствовало умственному и нравственному развитію учащихся. Методъ употребляется преимущественно эвристическій. Для облегченія учениковъ преподаватели при всякомъ удобномъ случаѣ прибѣгали къ нагляднымъ пособиямъ, заставляли ихъ повторять пройденное и съ цѣлью пріучить ихъ къ самостоятельному труду задавали имъ классныя и домашнія письменныя упражненія. Порядокъ классныхъ занятій почти въ каждомъ изъ городскихъ училищъ установленъ былъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: ученики обоихъ отдѣленій того или другаго класса занимаются во время урока одновременно большею частью какимъ-либо однимъ предметомъ. Между тѣмъ какъ занятія съ однимъ отдѣленіемъ ведетъ самъ учитель, другому задаются письменныя упражненія, подготовленные на прежнихъ урокахъ; такимъ образомъ ученики въ теченіе часоваго урока занимаются полчаса съ учителемъ, а полчаса одни подъ его надзоромъ, пользуясь иногда лишь краткими съ его стороны указаніями. Впрочемъ, подобное распределеніе времени не всегда строго соблюдается; случается, что по сложности и трудности урока учитель бываетъ вынужденъ посвящать почти весь часъ одному изъ отдѣленій. На учебныя занятія, вмѣстѣ съ уроками пѣнія и гимнастики, назначено во всѣхъ классахъ городскихъ училищъ, за исключеніемъ перваго, не менѣе шести часовъ. До прихода пре-

подавателей, а также въ промежуткахъ между уроками, дѣти находятъ подъ надзоромъ очереднаго дежурнаго учителя. Обученіе пѣнію идетъ очень успѣшно во многихъ городскихъ училищахъ,—лучше же всего въ такихъ, гдѣ обученіе это производится по цифирной методѣ Шеве: воспитанники перваго класса этихъ училищъ ознакомлены съ гаммой, а воспитанники 2-го и 3-го классовъ могутъ безъ затрудненія пропѣть всякую піесу, не имѣющую сложныхъ переходовъ. При всѣхъ почти училищахъ образованы изъ учениковъ хоры, которые поютъ въ церквахъ во время всенощной и литургіи. Занятія гимнастикой велись также правильно и съ успѣхомъ. Что касается нравственно-воспитательной части, то во всѣхъ городскихъ училищахъ она находилась въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Ученики вмѣстѣ съ своими наставниками ходятъ въ церковь; въ праздничные дни за полчаса до начала литургіи собираются они въ училище, и законоучитель объясняетъ имъ евангеліе, которое читается въ извѣстный праздникъ. Многими педагогическими совѣтами училищъ составлены дисциплинарныя правила; по прочтеніи и разъясненіи ихъ воспитанникамъ они вывѣшиваются на стѣнахъ, и наставники тщательно наблюдаютъ за неуклоннымъ ихъ выполненіемъ. Начальство извѣщаетъ родителей объ успѣхахъ и поведеніи ихъ дѣтей чрезъ каждые два мѣсяца особыми табелями; мѣры взыскапія за проступки учащихся были слѣдующія: 1) внушеніе и выговоръ наединѣ; 2) выговоръ въ присутствіи всего класса, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—въ присутствіи педагогическаго совѣта; 3) лишеніе мѣста во время урока; 4) оставленіе на полчаса или часъ въ училищѣ по окончаніи классныхъ занятій, причѣмъ провинившіеся, подъ наблюденіемъ одного изъ учителей, занимаются какою-нибудь классною работою. Начальство обращается также къ самимъ родителямъ и родственникамъ съ просьбой о содѣйствіи относительно тѣхъ учениковъ, которые упорно обнаруживаютъ лѣность, непослушаніе или неаккуратно посѣщаютъ классы. Вообще же о городскихъ училищахъ слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на непродолжительное свое существованіе, они пользуются несомнѣннымъ сочувствіемъ къ нимъ мѣстнаго общества.

3) Въ двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія преподаваніе ведено было вполне согласно съ программами, изданными для нихъ министерствомъ. О пользѣ и цѣлесообразности означенныхъ училищъ можно судить по тѣмъ результатамъ, какихъ достигаютъ воспитан-

ники послѣ пятилѣтняго въ нихъ пребыванія. По закону Божію они сознательно усваиваютъ необходимыя молитвы, главныя событія ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, особенно же тѣ, которыя послужили основаніемъ двенадцятихъ праздниковъ, порядокъ и значеніе богослуженія, преимущественно литургіи, а путемъ объяснительнаго славянскаго чтенія приучаются понимать священныя книги. По русскому языку воспитанники выучиваются правильно и бѣгло читать, писать безъ грубыхъ ошибокъ скорописью; приобрѣтаютъ навыкъ сознательно, безъ посторонней помощи понимать читаемыя ими статьи описательнаго и повѣствовательнаго характера. По ариметикѣ они приобрѣтаютъ умѣнье рѣшать необходимыя въ житейскомъ быту задачи и производятъ четыре дѣйствія надъ цѣлыми и дробными числами. Занимаясь черченіемъ, основаннымъ на элементарной геометріи, они отчасти привыкаютъ примѣнять геометрическія свѣдѣнія на практикѣ. По географіи и исторіи Россіи они довольно хорошо знакомятся съ главнѣйшими мѣстностями своего отечества, съ природой и промышленностью, съ замѣчательнѣйшими историческими дѣятелями, возвеличившими его, и съ событіями нынѣшняго славнаго царствованія. По естествознанію—путемъ объяснительнаго чтенія статей естественно-историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ книгахъ, одобренныхъ министерствомъ, — ученики приобрѣтаютъ запасъ свѣдѣній, достаточный для того, чтобы болѣе или менѣе сознательно относиться къ окружающимъ ихъ предметамъ трехъ царствъ природы и къ обыкновеннѣйшимъ ея явленіямъ. Большинство преподавателей училищъ, о которыхъ идетъ рѣчь, относилось добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ; многіе изъ нихъ, приготовляясь къ уроку, составляли подробныя для него конспекты, вступали въ совѣщанія между собою относительно встрѣчаемыхъ ими недоразумѣній, доставляли инспекторамъ своихъ участковъ вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи своихъ воспитанниковъ съ краткимъ указаніемъ пройденнаго, — доставляли также письменныя ихъ упражненія по русскому языку, которыя были имъ возвращаемы съ замѣчаніями. При невозможности для директоровъ и инспекторовъ часто посѣщать всѣ училища, подобныя сношенія между ними и учителями приносили много пользы. Преподаватели старались, чтобы дѣти заучивали все, чтѣ слѣдовало, преимущественно въ классѣ,—на домъ же задаваемы имъ были лишь письменныя работы по русскому языку, ариметическія задачи, а также басни и стихотворенія, которыя они должны были знать наизусть. — Сверхъ обязательныхъ предметовъ, ученики во всѣхъ министерскихъ школахъ

обучались, какъ и въ предшествовавшіе годы, пѣнію, которое раздѣлялось на общее, когда всѣ дѣти пѣли, подъ руководствомъ наставника, главнѣйшія молитвы и народный гимнъ, и частное, когда лишь способнѣйшіе изъ нихъ занимались съ учителемъ. Обученіе нотамъ производилось большею частью по методу Шева. Гимнастическія упражненія велись успѣшно преимущественно тамъ, гдѣ руководителями были лица, воспитывавшіяся въ учительскихъ семинаріяхъ. При двухклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія состоятъ ремесленные классы для обученія мальчиковъ различнымъ ремесламъ—столярному, токарному, переплетному и сапожному. Къ сожалѣнію, занятія эти не сопровождаются удовлетворительными результатами, главнымъ образомъ по той причинѣ, что за 60 руб. въ годъ невозможно пріискать опытныхъ руководителей, которые могли бы пріохотить мальчиковъ къ тому или другому ремеслу; причиною неуспѣха является также малый возрастъ дѣтей и собственное имъ слабосиліе, а также положительное нежеланіе родителей, чтобы дѣти ихъ занимались въ школахъ ремеслами. Переплетное ремесло идетъ еще успѣшнѣе другихъ, потому что оно легче, и потому что руководителями являются сами наставники училища, знающіе это мастерство. Вслѣдствіе того учительскимъ семинаріямъ Московскаго округа предложено обратить особое вниманіе на занятія ихъ воспитанниковъ не однимъ только переплетнымъ, но и другими мастерствами, чтобы были они потомъ въ состояніи обучать этимъ мастерствамъ воспитанниковъ сельскихъ школъ.

4) Инородческія (мордовскія) одноклассныя училища существуютъ лишь въ Нижегородской губерніи. Всѣ они (5) содержатся на средства министерства народнаго просвѣщенія. Учебное дѣло въ этихъ школахъ поставлено почти также, какъ и въ русскихъ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, по той причинѣ, что многіе изъ поступающихъ въ нихъ Мордвиновъ умѣютъ говорить по русски. Тѣмъ не менѣе, знаніе мордовскаго языка составляетъ необходимое условіе для каждаго желающаго быть преподавателемъ въ означенныхъ школахъ,— иначе учитель не можетъ сдѣлать доступнымъ и яснымъ для своихъ учениковъ пониманіе книжнаго языка русскаго, отличающагося богатствомъ сравнительно съ жалкою мордовскою рѣчью. Мы упоминали сейчасъ, что многіе изъ Мордвиновъ, поступающихъ въ школы, уже знаютъ по русски, но знаютъ далеко неудовлетворительно; другіе же не знаютъ вовсе,—вслѣдствіе этого мѣстный директоръ народныхъ училищъ полагаетъ, что было бы хорошо вмѣсто обычныхъ трехъ

дѣтъ продлить курсъ ученія въ мордовскихъ училищахъ по крайней мѣрѣ на четыре года. При поступленіи въ школу дѣти знакомятся на первыхъ порахъ съ названіями окружающихъ ихъ предметовъ, и привыкнувъ кое-какъ выражаться по русски, приступаютъ къ изученію русской грамоты по руководству „Письмо-чтеніе“, продолжая въ то же время пріобрѣтать новый запасъ словъ и выраженій. Затѣмъ они читаютъ „Родное Слово“, при чемъ, для составленія яснаго понятія о каждомъ новомъ предметѣ, прочитанное по русски слово переводится учителемъ на мордовское нарѣчіе. Изученіе молитвъ православной церкви начинается, по усвоеніи дѣтьми русскаго языка, также при помощи перевода. Учебниками въ мордовскихъ школахъ приплатъ тѣ же какъ и въ русскихъ начальныхъ училищахъ Нижегородской губерніи, а именно „Письмо-чтеніе“, „Родное Слово“, „Задачникъ“ Евтушевскаго, „Книга для чтенія“ Чаульсона, а по закону Божию книги протоіерея Д. Соколова.

5) Двухклассныхъ начальныхъ училищъ въ городахъ и посадахъ находится, какъ уже сказано выше, 25; въ нимъ причислено также Ларинское училище въ с. Любучахъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, существующее на основаніи особаго положенія 8-го февраля 1872 года и по курсу превышающее одноклассныя начальныя училища. Учебная часть въ этихъ школахъ поставлена въ болѣе благоприятныя условія чѣмъ въ одноклассныхъ, завѣдуемыхъ училищными совѣтами, по той причинѣ, что средствъ у нихъ больше, что онѣ имѣютъ возможность пользоваться лучшими и способнѣйшими преподавателями, выборъ и опредѣленіе коихъ зависитъ непосредственно отъ дирекцій народныхъ училищъ. Курсъ ихъ—пятилѣтній: ученики остаются три года въ первомъ классѣ и два года во второмъ; лишь въ немпогихъ, преимущественно въ женскихъ, курсъ—четырёхгодичный, по два года въ классѣ. Въ каждомъ изъ такихъ училищъ, сверхъ законоучителя, находятся два преподавателя; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ, наиболѣе многолюдныхъ, въ одномъ первомъ классѣ имѣется по два преподавателя, изъ коихъ одинъ занимается съ младшимъ, а другой съ среднимъ и старшимъ отдѣленіями; въ такихъ школахъ обученіе идетъ особенно успѣшно. Пятилѣтній курсъ даетъ преподавателямъ возможность полнѣе и обстоятельнѣе пройти программу, начертанную для городскихъ приходскихъ училищъ. Вообще ученіе въ означенныхъ школахъ идетъ болѣею частью очень хорошо; въ истекшемъ году успѣхи учениковъ оказались выше удовлетворительныхъ; окончившіе полный курсъ въ 1878 году вышли почти съ та-

кими же свѣдѣніями, какъ и обучавшіеся въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія; нѣкоторые изъ нихъ поступили для продолженія своего образованія въ другія учебныя заведенія (въ реальныя училища, въ старшее отдѣленіе втораго класса городскихъ трехклассныхъ училищъ, въ учительскія семинаріи). Во всѣхъ школахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, преподается пѣніе; въ школахъ женскихъ этого разряда существовали особые классы рукодѣля, въ которыхъ воспитанницы, подъ руководствомъ своихъ учительницъ или особо нанятыхъ мастерицъ, обучались вязанію чулокъ или простыхъ кружевъ, а также кройкѣ и шитью бѣлья и простаго женскаго платья. Для мальчиковъ же въ нѣкоторыхъ мужскихъ и обоюго пола училищахъ означеннаго разряда имѣлись ремесленные классы для обученія ихъ разнымъ мастерствамъ и техническому черченію.

6) Экзамены, произведенные въ 1878 году ученикамъ одноклассныхъ приходскихъ училищъ въ Москвѣ, доказали, между прочимъ, что училища эти совершенно равняются другимъ начальнымъ школамъ столицы или даже превосходятъ ихъ, не смотря на скудость своихъ матеріальныхъ средствъ. Сочувствіе къ нимъ со стороны низшихъ слоевъ народонаселенія выражается въ постоянно увеличивающемся наплывѣ учащихся. Преподаваніе закона Божія въ упомянутыхъ школахъ направлено не къ тому только, чтобы запечатлѣть въ ихъ умѣ основы православнаго вѣроученія, но и развитъ въ нихъ христіанскую нравственность; обученіе другимъ предметамъ имѣетъ цѣлю возбужденіе любознательности учащихся въ такой мѣрѣ, чтобы любознательность эта не охладѣвала и по выходѣ ихъ изъ школы.

7) Частныя училища. Извѣстно, что частныя лица, при открытіи ими школъ, руководятся различными побужденіями: одни изъ нихъ ищутъ въ этомъ средство для своего существованія, другіе же, не заботясь о матеріальныхъ выгодахъ, желаютъ дать возможность дѣтямъ бѣдныхъ мѣстныхъ жителей получать элементарное образованіе. Между тѣми и другими замѣчается существенная разница. Въ школахъ первой категоріи преподавателями всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ иногда закона Божія, являются сами учредители или же ихъ ближайшіе родственники, а въ школахъ второй категоріи возлагается на лица, получающія опредѣленную плату за свой трудъ, — лица, нерѣдко весьма способныя и усердныя; тутъ учредители даютъ только средства и надзираютъ за училищами съ цѣлю по возможности улучшать ихъ. Подобныхъ школъ въ Московскомъ округѣ очень не много; можно сказать даже, что онѣ являются лишь исключеніемъ.

Что же касается до школъ первой категоріи, то состояніе ихъ, большею частью, отнюдь нельзя считать удовлетворительнымъ: иначе не можетъ и быть при неопредѣленности программъ, при недостаточной подготовкѣ самихъ наставниковъ и т. п.

8) Переходимъ затѣмъ къ однокласснымъ народнымъ школамъ, состоящимъ въ совмѣстномъ вѣденіи дирекцій и училищныхъ совѣтовъ (по положенію 25-го мая 1874 года). Мы уже замѣтили выше, что раздѣляются онѣ на городскія и сельскія, что первыхъ изъ нихъ было по Московскому округу за 1878 годъ—501, а вторыхъ—3.610. Вообще можно сказать, что положеніе ихъ, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, улучшилось. Многія земства, городскія и сельскія общества, а также пѣкоторыя изъ частныхъ лицъ, озаботились объ увеличеніи средствъ на содержаніе. Продолжительность учебнаго курса весьма различна: приблизительно учебный годъ въ городскихъ училищахъ обнимаетъ время съ половины августа или начала сентября до половины іюня, а въ сельскихъ съ конца сентября или даже съ половины октября до первыхъ чиселъ апрѣля; зависитъ это отъ совершенно различныхъ условій въ той или другой мѣстности. Во всѣхъ одноклассныхъ училищахъ, за исключеніемъ впрочемъ церковно-приходскихъ и школъ грамотности, учащіеся по своему развитію и познаніямъ дѣлятся на три отдѣленія, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Учебныя занятія въ городскихъ училищахъ продолжаются еженедѣльно по четыре часа въ день, а въ сельскихъ отъ 5 до 6 часовъ (три или четыре часа до обѣда и два часа послѣ обѣда). Уроки распределены въ городскихъ школахъ такимъ образомъ: по закону Божію четыре часа въ каждомъ отдѣленіи и по славянскому объяснительному чтенію одинъ часъ (законоучители занимаются одновременно со всѣми отдѣленіями); по чтенію гражданской печати въ младшемъ отдѣленіи восемь часовъ, въ среднемъ и старшемъ по шести; на славянское чтеніе назначено два часа въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ; на чистописаніе по два часа въ каждомъ отдѣленіи; на ариметику по шести часовъ въ каждомъ отдѣленіи и на черченіе три часа въ старшемъ — всего же по 21 уроку недѣльному въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ и 24 урока въ старшемъ.

Въ сельскихъ одноклассныхъ училищахъ распределеніе учебныхъ занятій таково: по закону Божію столько же часовъ, сколько и въ городскихъ; по чтенію гражданскому по 10 часовъ въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ и 8 въ старшемъ; по славянскому чтенію по два часа въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ; на ариметику по 7 ча-

совъ въ каждомъ отдѣленіи и на черченіе 3 урока въ старшемъ,— всего же еженедѣльныхъ уроковъ въ младшемъ отдѣленіи 24, въ среднемъ 26 и въ старшемъ 27.

Впрочемъ, означенное распредѣленіе далеко не вездѣ выполняется въ точности: многіе преподаватели отступаютъ отъ него, занимаясь какимъ-либо однимъ предметомъ болѣе чѣмъ другимъ.

Учебный матеріалъ въ большинствѣ правильно организованныхъ училищъ излагается въ такомъ порядкѣ:

По закону Божію: въ младшемъ отдѣленіи — понятіе о Богѣ и свойствахъ Божіихъ, изученіе начальныхъ молитвъ, сначала съ голоса законоучителя, а затѣмъ по молитвеннику; въ среднемъ отдѣленіи — священная исторія ветхаго завѣта (первая ея половина) и вся новозавѣтная съ болѣе подробнымъ наученіемъ дванадцатыхъ праздниковъ; въ старшемъ отдѣленіи — окончаніе ветхозавѣтной исторіи и повтореніе новозавѣтной, понятіе о храмѣ, священныя лицахъ и предметахъ и, наконецъ, изъ богослуженія о литургіи. По чтенію гражданской печати: въ младшемъ отдѣленіи — знакомство со звуками и съ изображеніемъ ихъ на бумагѣ, чтеніе по книгѣ „Родное Слово“ (годъ первый), письмо отдѣльныхъ словъ, списываніе съ книги и звуковой диктантъ; въ среднемъ отдѣленіи — чтеніе „Родного Слова“ (годъ второй), пересказъ прочитаннаго, заучиваніе наизусть басенъ и стихотвореній, письменные отвѣты на предложенные вопросы и диктантъ; въ старшемъ отдѣленіи — чтеніе статей различнаго содержанія по книгамъ Ушинскаго, Водовозова, Паульсона, Корфа и Радонежскаго, устное и письменное изложеніе прочитаннаго, правила правописанія и диктантъ. По славянскому чтенію: обученіе по церковнымъ книгамъ пачинается со средняго отдѣленія. По ариметикѣ: въ младшемъ отдѣленіи — изученіе чиселъ по способу Грубе, отъ 1 до 20 или 50, въ среднемъ до 100 и нумерація до 1.000; въ старшемъ — четыре дѣйствія надъ простыми числами; при этомъ во всѣхъ отдѣленіяхъ соответствующія задачи устно и письменно. По чистописанію: въ младшемъ отдѣленіи сначала — письмо элементовъ и буквъ, затѣмъ списываніе съ прописей для навыка въ болѣе правильномъ и твердомъ почеркѣ; въ остальныхъ отдѣленіяхъ также списываніе прописей съ этою цѣлью. Черченіе, за неимѣніемъ приспособленныхъ руководствъ, надлежащихъ чертежей и инструментовъ, преподается въ очень немногихъ школахъ, и то лишь въ младшихъ отдѣленіяхъ, гдѣ дѣти приучаются къ черченію по вѣточкамъ; это собственно не черченіе, а что-то въ родѣ черченія-рисованія, съ цѣлью приучить руку

проводить прямыя линіи по приготовленнымъ уже клѣткамъ. Обученіе пѣнію введено во многихъ школахъ; ограничивается оно важнѣйшими молитвами и народными пѣснями, помѣщенными въ „Родномъ Словѣ“, при чемъ ноты не употребляются.

Въ школахъ, о которыхъ мы говоримъ, — какъ мужскихъ, такъ и для обоего пола—преподаваніемъ занимаются безразлично лица мужскаго и женскаго пола, но въ школахъ для однѣхъ дѣвочекъ—исключительно женщины. Въ прошломъ году было въ школахъ городскихъ: законоучителей 456, учителей 557, учительницъ 436; въ школахъ сельскихъ: законоучителей 2.927, учителей 2.958, учительницъ 977.

Число окончившихъ курсъ и удостоившихся получить свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности въ 1878 году увеличилось сравнительно съ предшествовавшими годами, а именно въ 1876 году изъ 13.688 окончившихъ курсъ льготныя свидѣтельства были выданы 10.286, въ 1877 году изъ 14.148 получили ихъ 11.914, а въ 1878 году изъ 14.694 удостоены были свидѣтельствъ 13.038.

Начальныя училища Буинскаго (Симбирской губ.) уѣзда въ мартѣ 1879 года.

Чеботаевское сельское училище для дѣтей обоего пола, существующее въ 1862 года. Оно помѣщается въ собственномъ хорошемъ деревянномъ домѣ, достаточная часть котораго отведена подъ квартиру учителя. Какъ классное помѣщеніе, такъ и квартира учителя, требуютъ ремонта. Мебели въ училищѣ достаточно, но она не приспособлена къ росту учениковъ. На содержаніе училища отпускается всего 418 руб. 63 коп., въ томъ числѣ: отъ земства 180 руб., и отъ мѣстныхъ жителей и девяти сосѣднихъ деревень 238 руб. 63 коп. Деньги эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на жалованье учителя 240 руб., законоучителю 100 руб., на учебныя пособія 32 руб. 63 коп., на содержаніе дома 46 руб. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ — вышедшій изъ V класса гимназіи и пріобрѣвшій учительское званіе. Учащихся 50, изъ нихъ мальчиковъ 46, дѣвочекъ 4. Они всѣ Русскіе, православнаго исповѣданія, и распредѣляются по отдѣленіямъ слѣдующимъ образомъ: въ младшемъ отдѣленіи 12, въ среднемъ 24, въ старшемъ 14; по со-

словіанцъ: крестьянъ 36 (33 мальчика и 3 дѣвочки), духовныхъ 1, дворянъ 12 (11 мальчиковъ и 1 дѣвочка). По возрасту учащіяся слишкомъ молоды, такъ что въ старшемъ отдѣленіи имѣются достигшіе лишь 10-ти лѣтъ, а въ младшемъ большинство 7-ми лѣтъ; по сему инспекторомъ народныхъ училищъ сдѣлано распоряженіе, чтобы на будущее время принимались дѣти не моложе 9-ти лѣтъ. Усиѣхи учащихся выразились въ слѣдующемъ: по закону Божію ученики старшаго и средняго отдѣленій прошли священную исторію ветхаго и новаго завѣта и знакомы съ христіанскимъ вѣроученіемъ и молитвами; учащіяся младшаго отдѣленія учатъ болѣе употребительныя молитвы. На всѣ задаваемые вопросы ученики давали обстоятельныя и точныя отвѣты, разказывая историческія событія разговорнымъ языкомъ, что доказывало умѣніе законоучителя вести школьное дѣло и старательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Тѣмъ не менѣе, въ преподаваніи обнаружались и нѣкоторыя пробѣлы: такъ, при изученіи историческихъ разказовъ учащіяся нисколько не знакомятъ съ положеніемъ страны, въ которой происходили событія; преподаватель не всегда обозначаетъ точный смыслъ иносказательныхъ выраженій, а въ младшемъ отдѣленіи напрасно ограничивается только сообщеніемъ текста молитвъ, не дѣлая никакихъ поясненій. Обученіе грамотѣ ведется по звуковому способу письма-чтенія, при чемъ руководствомъ служитъ преимущественно книга Ушинскаго „Родное Слово“ (годъ 1-й). Учитель прилагаетъ заботы къ тому, чтобы ученики съ самаго начала приучились къ чтенію-письму вѣрному и сознательному, но при этомъ мало обращаетъ вниманія на звуковой анализъ словъ, заставляя учениковъ непосредственно писать ихъ и тѣмъ давая имъ возможность дѣлать ошибки и даже привыкать къ послѣднимъ; равномерно, онъ не обращаетъ вниманіе на смѣшеніе буквы и звука, слова и предмета, а при чтеніи статьи слишкомъ подавляетъ самостоятельность дѣтей собственными объясненіями. Въ послѣднемъ случаѣ замѣтно неумѣныя новичковъ слѣдитъ за общимъ класснымъ чтеніемъ, такъ что каждому изъ нихъ почти всегда приходилось указывать, чѣмъ кончилъ прежде читавшій. Въ остальныхъ отдѣленіяхъ ученики читаютъ однообразно, но удовлетворительно, особенно въ среднемъ отдѣленіи; содержаніе прочитаннаго разказываютъ довольно складно и обстоятельно. Книгами для чтенія служатъ: въ среднемъ отдѣленіи— „Родное Слово“ (годъ 2-й), въ старшемъ— „Нашъ Другъ“ и книга Паульсона. Письменныя работы учениковъ младшаго отдѣленія ограничиваются пока списываніемъ и письмомъ

подъ диктовку. Въ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе отсутствія предварительнаго разбора диктуемыхъ фразъ, новички дѣлають много ошибокъ; со стороны же каллиграфіи какъ эти, такъ и первыя работы исполняются довольно свободно, по некрасивымъ почеркомъ и неопратно. Въ старшихъ отдѣленіяхъ изложеніе содержанія прочитанныхъ статей, письмо неоконченныхъ фразъ, систематическій диктантъ и списываніе съ книги съ грамматическою цѣлю исполняются четкимъ, въ большинствѣ случаевъ, скорописнымъ почеркомъ и достаточно правильно. При преподаваніи ариѳметики учитель руководствуется книгой Евтушевскаго, но при этомъ почти вовсе не прибѣгаетъ къ разложенію чиселъ и потому оставляетъ безъ вниманія самую важную сторону названнаго рукоподства. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда прибѣгаетъ къ разложеніямъ, суть всѣхъ занятій полагаетъ исключительно въ запоминаніи чиселъ, а не въ уразумѣніи тѣхъ отношеній, какія существуютъ между изучаемымъ и предыдущими числами. Результатомъ такого веденія дѣла получилось то, что младшіе ученики хотя и прошли число 25, а средніе 100, но какъ тѣ, такъ и другіе соображаютъ крайне медленно и безъ яснаго представленія тѣхъ основаній въ силу которыхъ слѣдуетъ при какомъ либо вычисленіи извѣстнымъ образомъ. Старшіе ученики всю первую часть ариѳметики усвоили хорошо. Гимнастическія упражненія производятся только въ младшемъ отдѣленіи, почему учителю поручено заниматься ими и учениковъ прочихъ отдѣленій и пользоваться снарядами, устроенными при училищѣ. Учащіеся поютъ молитвы всѣмъ классомъ. Училище имѣетъ двѣ библіотеки: фундаментальную и ученическую; въ первой имѣется 28 названій 32 тома на 23 руб., во второй 34 названіе 34 тома на 6 руб. 36 коп.; учебныхъ пособій, 16 названій на 57 руб. 34 коп.

Аркаевское училище для мальчиковъ, открытое въ 1869 году. Въ училищѣ обучаются 29 крестьянскихъ дѣтей, раздѣленные на отдѣленія; въ первомъ отдѣленіи 7, въ среднемъ 12 и въ старшемъ 10; всѣ они Русскіе и православные. Преподаваніемъ предметовъ занимается обучавшійся въ духовной семинаріи и пріобрѣвшій званіе учителя; ему же, за неимѣніемъ законоучителя, поручено обученіе закону Божію. Познанія и успѣхи ихъ оказались въ слѣдующемъ видѣ: ученики младшаго отдѣленія читаютъ медленно, но вѣрно, ученики средняго отдѣленія—довольно бѣгло и стараются интонировать голосомъ по знакамъ препинанія; при передачѣ прочитаннаго учитель даетъ обобщающіе вопросы, которыми отвлекаетъ учениковъ отъ бу-

квалнаго повторенія словъ вниги. Онъ напрасно заставляеть по нѣскольку разъ читать каждое предложеніе, ошибочно предполагая, что этимъ приучить дѣтей читать бѣгло. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаеть слишкомъ подробныя толкованія, такъ что собственно чтеніе обыкновенно становится дѣломъ второстепеннымъ, неважнымъ. Ученики старшаго отдѣленія и по русски и по-славянски читають удовлетворительно. Пишуть ученики перваго и втораго отдѣленій четко, но неправильно. Порядка въ изложеніи содержанія незамѣтно. Ученики старшаго отдѣленія излагають хорошо, пишуть очень четко и вѣрно. Въ тетрадяхъ послѣднихъ оказалось письмо подъ диктовку и изложеніе содержанія прочитанныхъ статей и историческихъ разказовъ. По закону Божію младшіе ученики имѣють понятіе о Богѣ, ангелахъ, прошли разказъ о твореніи міра и знаютъ нѣсколько болѣе обыденныхъ молитвъ; ученики средняго отдѣленія прошли всю ветхозавѣтную священную исторію и продолжаютъ учить молитвы; ученики старшаго отдѣленія знаютъ всю священную исторію, объясняютъ заповѣди, символъ вѣры и молитву Господню. На вопросы изъ пройденнаго ученики старшихъ двухъ отдѣленій давали достаточныя отвѣты, младшіе же усвоили учебный матеріалъ плохо, не смотря на необширность его. Впрочемъ, преподаватель, послѣ сдѣланнаго ему въ прошломъ году внушенія, значительно улучшилъ преподаваніе закона Божія. Методическая сторона преподаванія начальной ариметики извѣстна учителю довольно обстоятельно, какъ это обнаружилось изъ объясненій съ нимъ инспектора и изъ урока, даннаго имъ въ среднемъ отдѣленіи. Тѣмъ странице показалось, что младшее отдѣленіе приучается только къ простому порядковому счету, не производи при этомъ анализа чисель. Ученики средняго отдѣленія занимались изученіемъ числа 37, ученики старшаго — знаютъ всѣ четыре дѣйствія. Пройденное тѣмъ и другими усвоено удовлетворительно. Особенность обученія въ училищѣ заключается въ томъ, что ученики приучились давать постоянно хоровыя отвѣты, даже и тогда, когда заставляютъ разказать одного и притомъ что-либо изъ священной исторіи. Отъ такого обычая въ классѣ много шума, но мало порядка, не говоря уже о невозможности слѣдить за точностію и самостоятельностью ученическихъ отвѣтовъ, — что и поставлено учителю на видъ. Училище помѣщается въ отдѣльномъ деревянномъ домикѣ, выстроенномъ въ давнее время и потому нынѣ не особенно прочномъ; учитель помѣщается въ небольшой избушкѣ рядомъ съ училищнымъ домомъ. Оба помѣщенія холодны и неудобны. На содержаніе училища отпускается отъ земства

и жителей деревни Аркаевой—220 руб. въ годъ, которые и употребляются на жалованье учителю, отопленіе же и ремонтъ лежатъ исключительно на мѣстномъ обществѣ, расходуящемъ на этотъ предметъ приблизительно 20 руб. въ годъ. Въ бібліотекахъ училища имѣется: въ фундаментальной 18 названій 59 томовъ на 14 руб. 15 к., въ ученической 35 названій 125 томовъ на 13 руб. 55 коп.; учебныхъ пособій находится 10 названій на 36 руб. 47 коп.

Помаевское сельское училище для дѣтей обоюго пола. Помѣщается въ отдѣльномъ просторномъ домѣ, требующемъ значительныхъ исправленій. Преподають въ училищѣ: заковъ Вожій—мѣстный приходскій священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочіе предметы — вышедшій изъ IV-го класса духовной семинаріи и имѣющій званіе учителя. Учащихся 37, въ томъ числѣ 3 дѣвочки. Они распредѣляются на три отдѣленія: въ младшемъ отдѣленіи 10, въ среднемъ 10 и въ старшемъ 17; изъ общаго числа учащихся Мордвовъ 34 (31 мальчиковъ и 3 дѣвочки), Русскихъ 4 (3 мальчика и 1 дѣвочка); всѣ они крестьяне, за исключеніемъ одного изъ духовнаго званія. Инспекторъ народныхъ училищъ, прибывшій въ школу въ 8 часовъ, засталъ учителя за занятіями: рѣшеніемъ ариѳметическихъ задачъ съ учениками старшаго отдѣленія. Ученики работали внимательно, но не обнаруживали достаточной сообразительности, что объясняется тѣмъ, что нынѣшній учитель, поступившій лишь въ поярѣ, получилъ школу въ крайне запущенномъ состояніи, такъ что и со старшими, и съ средними учениками ариѳметику пришлось проходить съ начала. Во вторую половину перваго урока старшіе должны были самостоятельно рѣшить двѣ ариѳметическія задачи, и учитель перешелъ къ младшему отдѣленію и ознакомилъ ихъ съ числомъ 6. Урокъ велся блѣдъ правильно, ученики давали вѣрные и сознательные отвѣты. Въ первую же половину урока эти ученики писали фразы, диктуемая имъ учителемъ не въ полномъ видѣ, и всѣ они написали четко и правильно. Наконецъ, учащіеся въ среднемъ отдѣленіи на этомъ урокѣ выбрали слова, обозначающія названія предметовъ, и вѣрно обозначили ихъ родъ. Вообще работы у всѣхъ было достаточно, учитель велъ занятія весьма разумно, слѣдилъ рѣшительно за всѣми учениками. Уроки по чтенію были въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ. Первые читали статью „Маленькій мужичекъ“ и отвѣтили на нѣсколько загадокъ, помѣщенныхъ на той же страницѣ „Роднаго Слова“ (годъ 2-й); вторые—статью „Скелетъ животныхъ“ изъ книги Водовозова. Въ томъ и другомъ случаѣ учитель

заботился объ отчетливомъ выдѣленіи учениками предмета и того, что о немъ прочитано; при разказѣ прочитаннаго обобщающими вопросами отвлекалъ учениковъ отъ буквального повторенія словъ статьи. Но особенно хорошо онъ руководилъ чтеніемъ и отгадываніемъ загадокъ. Обыкновенно ученикъ первоначально обозначалъ буквальный смыслъ загадки, а потомъ сказывалъ, что она, по его мнѣнію, означаетъ. Слѣдовавшее затѣмъ сравненіе буквального смысла загадки съ значеніемъ, предполагаемымъ ученикомъ, давало ясно понять, вѣрно или невѣрно данъ отвѣтъ. Занятіе это сильно интересовало дѣтей и способствовало возбужденію въ нихъ мысленія, что доказывается тѣмъ, что всѣ загадки были ими отгаданы. Ученики читаютъ вѣрно, но не бѣгло и не выразительно, какъ это было бы возможно при предварительныхъ удовлетворительныхъ занятіяхъ, и еслибъ учитель не пускался въ излишне подробныя объясненія при чтеніи. Во время занятій чтеніемъ учащіеся средняго отдѣленія не дурно написали наизусть стихотвореніе „Чугунка“, старшіе плохо изложили содержаніе читанной статьи, младшіе вѣрно обозначили: часть чего составляютъ колесо, узда, глазъ и проч. По закону Божию ученики двухъ старшихъ отдѣленій прошли исторію новаго завѣта, а ветхую кончили раздѣленіемъ царствъ; знаютъ также общеупотребительныя молитвы, символъ вѣры, заповѣди и молитву Господню; младшіе имѣютъ понятіе о Богѣ и выучили нѣсколько простыхъ общеупотребительныхъ молитвъ. На заданные инспекторомъ вопросы ученики отвѣчали твердо, только часто заученными и не всегда для нихъ самихъ понятными фразами; младшіе въ изученіи молитвъ ограничиваются заучиваніемъ ихъ текста. Молитвы всѣ ученики школы поютъ стройно, а въ дальнѣйшемъ учитель предполагаетъ устроить хоръ. Онъ же обѣщалъ ввести и гимнастику. Училище содержится на счетъ мѣстнаго общества и земства, изъ которыхъ первое отпускаетъ 346 руб. 30 коп., второе—160 руб., всего 506 руб. 30 коп. въ годъ. Изъ этой суммы расходуется: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 260 руб., на библіотеку 46 руб., ремонтъ и страхованіе 25 руб. 25 к., на наемъ прислуги 48 руб., отопленіе 27 руб. 5 коп. Въ библіотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 23 названія 28 томовъ на 18 руб. 10 коп., въ ученической—36 названій 167 томовъ на 15 руб. 90 коп.; учебныхъ пособій 24 названія на 40 руб. 20 к. Значительное количество томовъ въ ученической библіотекѣ объясняется тѣмъ, что есть нѣсколько книгъ въ слишкомъ большомъ количествѣ экземпляровъ, напримѣръ, въ 15, 24 и даже 43.

Шамкинское сельское училище для дѣтей обоого пола, существующее съ 1840 года. Помѣщается въ прекрасномъ собственномъ домѣ, построенномъ еще удѣльнымъ вѣдомствомъ. Въ домѣ устроена хорошая квартира для учителя, а при ней имѣется дворъ со службами и даже усадьба: Преподавателями состоятъ: закона Божія — мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ — окончившій курсъ уѣзднаго училища и приобрѣвшій званіе учителя; на службѣ состоитъ съ 1863 года. Учащихся 48, въ томъ числѣ: мальчиковъ 39, дѣвочекъ 9. Они распредѣляются по отдѣленіямъ слѣдующимъ образомъ: въ младшемъ отдѣленіи 9, въ среднемъ 23 и въ старшемъ 16. По національностямъ учащихся школа представляетъ замѣчательное разнообразіе: Русскихъ 3, Мордвовъ 14, Чувашъ 22, въ томъ числѣ 9 дѣвочекъ. Всѣ они крестьянскаго сословія, посѣщаютъ школу исправно. Пованія ихъ оказались слѣдующія: по закону Божию ученики младшаго отдѣленія имѣютъ понятіе о Богѣ и изучаютъ молитвы; средняго знаютъ о дванадцятихъ праздникахъ, разказываютъ также болѣе доступныя событія изъ исторіи ветхаго завѣта; старшіе прошли всю священную исторію, подробно объясняютъ молитву Господню, символъ вѣры, заповѣди и слушаютъ объясненіе литургіи. Изъ пройденнаго учащіеся давали весьма хорошіе отвѣты, которые отличались полнотою, гладкостію и точностію разказа, а также совершенно вѣрнымъ и отчетливымъ пониманіемъ изученнаго. Самые младшіе ученики оказались нѣсколько слабѣе остальныхъ, но все-таки у нихъ нѣтъ того преобладанія исключительно механическаго заучиванія молитвъ, какъ это бываетъ во многихъ другихъ начальныхъ инородческихъ школахъ. Вообще видно, что законоучитель, обладая рѣдкимъ педагогическимъ тактомъ, занимается преподаваніемъ весьма старательно и во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ лучшимъ законоучителямъ уѣзда. Въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ учитель велъ уроки чтенія въ младшемъ и старшемъ отдѣленіяхъ; въ послѣднемъ читали по славянски. Онъ непрестанно настаивалъ на вѣрности, отчетливости и сознательности чтенія; содержаніе прочитаннаго заставлялъ разказывать, какъ принято выражаться, „своими словами“: велъ въ потребныхъ случаяхъ предварительныя бесѣды и такимъ образомъ подготовлялъ учениковъ къ сознательному и быстрому чтенію. Но при этомъ учитель, несмотря на предварительныя бесѣды, часто прерывалъ чтеніе излишне-подробными объясненіями, которыя, притомъ, давались имъ самимъ; сверхъ того, онъ часто пропускалъ слова мета-

форическія, особенно непонятныя для учениковъ-инородцевъ, сравнительно плохо знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Ученики читають удовлетворительно, содержаніе же передають не дурно только старшіе, а остальные пока плохо. Письменные работы удовлетворительно исполняли только со стороны каллиграфіи, относительно же правильности и склада изложенія было допущено весьма много ошибокъ. Оказалось, что учитель не создалъ себѣ общаго плана веденія письменныхъ работъ, и въ каждомъ частномъ случаѣ онъ недостаточно подготавливаетъ учениковъ къ удовлетворительному исполненію ихъ. Изъ ариметики старшее отдѣленіе прошло всю первую часть, средніе окончили числомъ 50, младшіе пріучаются къ порядковскому счету по русски. Преподаватель отчасти знакомъ съ такъ-называемымъ новымъ методомъ, но на практикѣ разложенію и сравненію чиселъ не придаетъ настоящаго значенія, почему самая важная сторона метода почти пропадаетъ. Этимъ объясняется недостатокъ въ дѣтяхъ быстроты соображенія и строгости мышленія. Тѣмъ не менѣе, пройденное они знаютъ удовлетворительно, умственно считаютъ не дурно. Молитвы ученики поють, гимнастики же не было введено, посему учителю поручено непременно упражнять дѣтей въ движеніяхъ, при чемъ ему объясненъ самый способъ преподаванія гимнастики въ начальной школѣ. На содержаніе училища отпускается по 501 руб. 55 коп. въ годъ, изъ нихъ 341 руб. 55 коп. отъ мѣстныхъ, остальные отъ земства. Деньги эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 130 руб., учителю 240 руб., сторожу 40 руб., на страхованіе дома 42 руб., на бібліотеку 49 руб. 55 коп. Въ бібліотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 74 названія 100 томовъ на сумму 35 руб., въ ученической 45 названій 143 тома на 20 руб.; учебныхъ пособій 22 названія на 102 руб.

Чилимское сельское училище для дѣтей обоого пола. Помѣщается безмездно въ домѣ мѣстнаго землевладѣльца, жена котораго состоитъ попечительницею училища. Помѣщеніе теплое, свѣтлое, но недостаточно просторное. Классной мебели достаточно, по устройству она вполне удовлетворительна. Училище содержится на счетъ земства и сельскаго общества, которыя ассигнуютъ для сего: первое 180 руб., второе 141 руб. 22 коп., всего 321 руб. 22 коп. въ годъ. Изъ этой суммы выдѣляются 287 руб. на жалованье законоучителю и вмѣстѣ учителю, остальные употребляются на прочія надобности школы. Законоучителемъ и учителемъ состоитъ мѣстный священникъ, окончив-

шій курсъ духовной семинаріи и находящійся на службѣ съ 1872 года. Учащихся въ училищѣ 52, въ числѣ ихъ 12 дѣвочекъ. Они распре- дѣляются на три отдѣленія: въ младшемъ отдѣленіи 28, въ сред- немъ 13, въ старшемъ 11. Всѣ они Русскіе и православные; въ числѣ ихъ 3 духовнаго званія, остальные крестьяне. Школу посѣщаютъ не особенно аккуратно, но исправнѣе чѣмъ то было въ предыдущихъ годахъ, такъ что бываютъ дни, когда ученики всѣ на лицо. При по- сѣщеніи инспекторомъ училища, на первомъ урокѣ преподаватель занимался закономъ Божиимъ въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ объясненіемъ всенощнаго бдѣнія. Объясненіе обнимало собственно утреню до канона и состояло въ указаніи порядка и обозначеніи су- щественнаго значенія каждой подробности, имѣющей мѣсто въ этой части богослуженія. Просто и обстоятельно разказанное учителемъ ученики усвоили легко и основательно, какъ показали это ихъ отвѣты. Къ сожалѣнію, учитель не заставляетъ первоначально самихъ учени- ковъ разказывать порядокъ богослуженія, тогда бы объясненія точ- нѣе запоминались и дѣти внимательнѣе слѣдили бы за ходомъ службы. Кромѣ урока, ученики старшихъ отдѣленій прекрасно разказали нѣ- сколько историческихъ событій, объяснили литургію, заповѣди и даже вѣрно обозначили разницу между таинствомъ и обыкновенною служ- бой. Ученики младшаго отдѣленія въ это время четко и вѣрно на- писали названія извѣстныхъ имъ рыбъ, гадовъ и насѣкомыхъ. Изъ закона Божія они знаютъ общеупотребительныя молитвы и нѣсколько разказовъ изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта. Первую половину втораго урока учитель употребилъ на чтеніе въ младшемъ отдѣленіи, вторую на то же въ среднемъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ настаивалъ на соблюденіи обыкновенныхъ качествъ чте- нія, обращая между прочимъ вниманіе на то, чтобы ученики всегда точно выдѣляли предметъ и то, что о немъ говорится въ прочитан- номъ. Успѣхи учениковъ также заслуживаютъ одобренія, но къ со- жалѣнію, прочитанное они обыкновенно повторяютъ буквально, а не разказываютъ содержаніе его. Въ свободный получасъ ученики сред- няго отдѣленія недурно письменно изложили притчу о мытарѣ и фарисеѣ, а младшаго—выписывали элементы буквы и рисовали домики; ученики же старшаго отдѣленія во весь этотъ урокъ самостоятельно излагали притчу о виноградарѣ; всѣ они написали весьма хорошо. На третьемъ урокѣ ученики младшаго отдѣленія знакомились съ числомъ 10. Преподаватель велъ занятія правильно, располагая ихъ по руко- водству Евтушевскаго. Ученики двухъ старшихъ отдѣленій вмѣстѣ

изучали чясло 72, и тѣ изъ нихъ, которые посѣщаютъ школу третій годъ, естественно, знаютъ пройденное отчетливѣе и основательнѣе второгодниковъ. Молитвы поютъ всѣ ученики, а пѣвоторые изъ нихъ, вмѣстѣ съ учителемъ, поютъ въ церкви. Въ вольныхъ гимнастическихкихъ движеніяхъ ученики упражняются во время перемѣнъ, когда особенно замѣтно бываетъ ихъ утомленіе. Въ библіотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 15 названій 19 томовъ на 7 руб., въ ученической 19 названій 46 томовъ на 5 руб.; учебныхъ пособій 11 названій на 30 руб. О пополненіи библіотекъ инспекторъ вошелъ въ сношеніе съ общественнымъ управленіемъ.

Архангельское сельское училище для мальчиковъ. Училище содержится на средства приходскаго общества и земства, изъ коихъ первое отпускаетъ 196 руб. 92 коп., собираетъ ихъ въ 690 душъ, второе 180 руб., всего 376 руб. 92 коп. въ годъ. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 60 руб., учителю 240 руб., сторожу 36 руб.; 40 руб. 92 коп. на ремонтъ дома, учебнаго принадлежности и книги. Отопленіе зданія и наемъ прислуги отнесены на особыя общественныя суммы, которыхъ на этотъ предметъ расходуется приблизительно около 60 руб. въ годъ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ—окончившій курсъ въ учительской семинаріи. Учащихся 40, изъ нихъ въ младшемъ отдѣленіи 15, въ среднемъ 14, въ старшемъ 11. Всѣ они крестьянскаго сословія, за исключеніемъ одного, сына чиновника; Русскіе и православные. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: по закону Божию старшее отдѣленіе прошло все положенное по программѣ для полученія льготы по отбыванію воинской повинности; среднее отдѣленіе знаетъ молитвы, объясняетъ символъ вѣры, молитву Господню и изъ исторіи ветхаго завѣта прошли до царей; младшіе имѣютъ понятіе о Богѣ и продолжаютъ изучать молитвы. На заданныя вопросы ученики давали весьма обстоятельныя и твердыя отвѣты, въ христіанскомъ вѣроученіи и объясненіи молитвъ обнаружили также основательныя познанія. Самъ законоучитель очень находчивъ въ объясненіяхъ, хотя иногда при этомъ дѣлаетъ слишкомъ широкія обобщенія. Но во всякомъ случаѣ, онъ весьма усердный, опытный наставникъ, имѣющій сильное вліяніе на дѣтей въ ихъ религіозной жизни. На урокъ чтенія въ младшемъ отдѣленіи ученики довольно связно разказали содержаніе картинки, помѣщенной въ азбукѣ Водовозова, а

затѣмъ прочитали статью изъ той же азбуки. Читали они вѣрно, содержаніе прочитаннаго воспроизводили точно, объясненія давали созвательныя и къ классной работѣ всѣ относились внимательно. Въ старшихъ отдѣленіяхъ чтеніе тоже ведется правильно, но точность передачи содержания въ младшемъ отдѣленіи здѣсь переходитъ въ буквальное повтореніе того же, только наизусть. Изъ ариметики старшіе ученики умѣютъ писать числа всякой величины и производятъ три первыхъ дѣйствія, средніе окончили числомъ 42, младшіе числомъ 9. Пройденное усвоено всѣми учениками очень удовлетворительно: счетъ ведутъ быстро, при письменномъ рѣшеніи задачъ объясняютъ причину, почему именно нужно поступать извѣстнымъ образомъ. Молитвы поютъ всѣ ученики школы, а болѣе способные мальчики составляютъ хоръ, и вмѣстѣ съ учителемъ, поютъ въ приходской церкви. Гимнастическія упражненія бываютъ на открытомъ воздухѣ и потому только въ хорошую погоду; учителю поручено упражнять дѣтей въ движеніяхъ возможно чаще, и если можно, каждодневно. Въ училищныхъ библіотекахъ имѣется книгъ: въ фундаментальной 26 названій 37 томовъ на 18 руб. 20 коп., въ ученической 17 названій 17 томовъ на 6 р. 52 к.; учебныхъ пособій 18 названій на 90 руб.

Шатрашанское сельское училище для дѣтей обоюго пола. Помѣщается въ недавно отстроенномъ домѣ, хотя посему и прочномъ, но величиною своею не вполне соответствующемъ количеству учащихся. Учительская квартира очень тѣсна, и при ней не имѣется ни двора, ни самыхъ необходимыхъ службъ. Училище содержится на счетъ средствъ мѣстныхъ обывателей и земства, изъ которыхъ первыя ассигнуютъ 87 руб. 32 коп., второе 180 руб., всего 267 руб. 32 коп., которые расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 60 рублей, учителю—180 рублей., на библіотеку и ремонтъ дома 27 руб. 32 коп. Отопленіе дома и наемъ прислуги производятся изъ особыхъ суммъ, которыхъ расходуетъ на этотъ предметъ приблизительно 60 руб. въ годъ. Преподавателями состоятъ: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочіихъ предметовъ—обучавшійся въ V классѣ гимназіи и пріобрѣвшій званіе учителя. Учащихся состояло 39, въ томъ числѣ 12 дѣвочекъ. Всѣ они Русскіе, крестьянскаго сословія, православнаго исповѣданія; школу посѣщаютъ исправно. Познанія ихъ выразились въ слѣдующемъ: изъ закона Божія старшіе ученики прошли все положенное по программѣ на льготу по отбыванію военной повинности, средніе проходили молитвы и о праздникахъ, младшіе одні мо-

литвы. Оканчивавшіе курсъ давали удовлетворительные отвѣты, остальные плохо разказывали историческія событія и не всегда твердо читали даже текстъ молитвъ. Книгой для чтенія въ старшемъ отдѣленіи служить „Нашъ Другъ“; выбранную изъ нея статью ученики читали удовлетворительно; по славянски у учениковъ недостаетъ необходимой бѣглости въ чтеніи и запасъ значенія словъ у нихъ пока еще очень малъ. Остальныхъ отдѣленій ученики читаютъ и содержаніе прочитаннаго передаютъ также удовлетворительно. Къ сожалѣнію, учитель не всегда требуетъ точнаго обозначенія предмета прочитанной части, при объясненіяхъ допускалъ неправильности и употреблялъ непонятныя для учениковъ слова. Въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ читаютъ 1-й и 2-й годъ „Роднаго Слова“. Изъ письменныхъ работъ ученики средняго отдѣленія писали отдѣльные примѣры подъ диктовку учителя. Примѣры эти не разбирались предварительно и вообще не употреблялось никакихъ средствъ къ тому, чтобы предупредить ошибки, какъ это дѣлается болѣе опытными учителями. Поэтому при направленіи написаннаго оказалось нужнымъ дѣлать слишкомъ много разнообразныхъ замѣчаній по поводу ошибокъ учениковъ, и все-таки замѣчанія эти, по ихъ многочисленности, не принесли желаемой пользы. Старшіе ученики плохо изложили содержаніе заданной статьи и цѣлый часъ провели за чистописаніемъ, которымъ, какъ оказалось, въ училищѣ занимаются слишкомъ часто, даже въ старшемъ отдѣленіи не менѣе трехъ разъ въ недѣлю; между тѣмъ успѣхи въ чистописаніи не особенно блестящи: почеркъ у всѣхъ учениковъ самый обыкновенный, крупный, у нѣкоторыхъ даже не особенно четкій и правильный. Къ тому же, списываютъ они все съ однихъ прописей, многихъ выраженій которыхъ не понимаютъ. По ариметикѣ учитель занимался съ младшими учениками рѣшеніемъ задачъ на число отъ 1 до 10, тогда какъ на одномъ изъ предъидущихъ уроковъ они самостоятельно писали 20, 30, 40, даже 100. Въ дальнѣйшихъ занятіяхъ оказалась еще большая странность: ученики ведутъ почему-то съ учителемъ только умственный счетъ, совсѣмъ не прибѣгая къ письменному изложенію выкладокъ. Изученія чиселъ чрезъ сравненіе съ предыдущими также вовсе не бываетъ. Очевидно, учитель незнакомъ хорошо съ способомъ Грубе, хотя и увѣрялъ, что именно по этому способу ведетъ преподаваніе. Среднее отдѣленіе письменно рѣшаетъ задачи на число 70, умственно только на 20; старшіе прошли всю первую часть. Тѣ и другіе изъ пройденнаго дали удовлетворительные отвѣты, но всѣ они считаютъ неправ-

тично, непремѣнно при помощи пальцевъ; мыслятъ плохо. Всѣ ученики умѣютъ пѣть молитвы, и изъ нѣкоторыхъ изъ нихъ учитель составилъ хоръ, который поетъ обѣдно и всенощную. Учитель любитъ пѣніе и старательно имъ занимается; къ сожалѣнію, онъ незнакомъ съ нотами и потому передаетъ ученикамъ только то, что запомнить, и притомъ исключительно съ голоса. Поведеніе учениковъ вообще одобрительное, но въ нихъ проглядываетъ вялость, тихій говоръ, даже какъ будто запуганность, что, не безъ нѣкотораго основанія, можно объяснить желаніемъ учителя выдержать ихъ. Библиотеки училища располагаютъ слѣдующимъ числомъ книгъ: фундаментальная 17 назв. 197 том. на 8 руб., ученическая 42 назв. 45 том. на 7 руб.; учебныхъ пособій 11 назв. на 46 руб.

Еделевское сельское училище для дѣтей обоого пола. Преподаваніемъ въ семъ училищѣ закона Божія и другихъ предметовъ занимается мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Учащихся состояло 37, въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ; они распределены слѣдующимъ образомъ: въ младшемъ отдѣленіи 23, въ среднемъ 4 и въ старшемъ 10. Всѣ они Русскіе и православные; въ числѣ ихъ: крестьянъ 33 (5 дѣвочекъ), мѣщанъ 4 (2 дѣвочки). Школу посѣщаютъ они исправно. Учебная часть найдена въ слѣдующемъ состояніи: по закону Божию ученики старшаго отдѣленія объяснили устройство православныхъ храмовъ, изложили христіанское вѣроученіе по членамъ символа вѣры и разказали о нѣсколькихъ священно-историческихъ событіяхъ ветхаго и новаго завѣта; младшіе и средніе ученики, занимающіеся обыкновенно вмѣстѣ, прочитали общеупотребительныя молитвы, разказали о Рождествѣ Спасителя, Срѣтеніи Господнемъ, Введеніи Дѣвы Маріи во храмъ и Благовѣщеніи. Всѣ онѣ, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, давали твердые, сознательные и полные отвѣты, молитвы знаютъ не только со стороны ихъ текста, но объясняютъ и значеніе послѣдняго. Самъ учитель ведетъ занятіе правильно, говоритъ просто и назидательно. Читаютъ ученики всѣхъ отдѣленій, а старшіе и по славянски, удовлетворительно; учитель старается приучать ихъ къ отчетливому и выразительному чтенію; но къ удивленію, общаго класснаго чтенія, особенно въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ, совсѣмъ не бываетъ: хотя всѣ ученики читаютъ одну статью, но въ различныхъ мѣстахъ, и потому учитель, переходя отъ одного ученика къ другому, можетъ слѣдить только за однимъ, и притомъ очень не долго. При такомъ веденіи дѣла множество ошибокъ не замѣчается, сознательность ото-

двигается на задній планъ. На замѣчаніе о неудобствахъ такого порядка учитель объяснилъ, что онъ находитъ необходимымъ приучить на первыхъ порахъ преимущественно къ механическому чтенію. Пишутъ ученики довольно четко, на положеніе пишущихъ обращается вниманіе. Но къ сожалѣнію, учитель преслѣдуетъ почти исключительно одну каллиграфическую сторону, слишкомъ рѣдко заставляя учениковъ писать подъ диктовку и излагать содержаніе написаннаго. Преподаваніе ариметикѣ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ ведется исключительно по систематическому курсу, въ младшемъ по способу Грубе. Первые прошли всѣ дѣйствія, послѣдніе число 15. На предложенные вопросы ученики отвѣчали удовлетворительно, но при этомъ слишкомъ медленно соображали и постоянно почти нуждались въ посторонней помощи. Поэтому можно предполагать, что учитель слишкомъ поспѣшно переходитъ къ систематическому курсу. Притомъ разложенію и сравненію чиселъ, какъ обнаружилось на урокъ въ младшемъ отдѣленіи, онъ не придаетъ того значенія, при которомъ они дѣйствительно способствуютъ уразумѣнію числовыхъ отношеній. Пѣнію молитвъ обучаются всѣ ученики по слуху, а составленный изъ нихъ хоръ началъ уже пѣть и нотныя пьесы; простое пѣніе исполняется удовлетворительно. Училище помѣщается въ отдѣльномъ домѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна для училища, другая для учителя. Оба помѣщенія достаточно просторны, по крайней мѣрѣ относительно, но въ училищномъ мало свѣта, а въ половинѣ учителя холодно. Классной мебели мало. Содержится училище на средства мѣстнаго общества и земства: первое отпускаетъ 76 руб. 35 коп., отопляетъ домъ и нанимаетъ прислугу, на что употребляетъ 70 руб.; земство ассигнуетъ 120 руб., слѣдовательно, всего расходуется на училище 266 руб. 35 коп. въ годъ, которые распредѣляются такъ: на жалованье учителю и законоучителю 180 руб., на учебныя принадлежности 16 руб. 35 коп., на содержаніе дома 70 руб. Въ бібліотекахъ училища имѣется книгъ; въ фундаментальной 18 названій 32 тома на 12 руб., въ ученической 61 названіе 181 томъ на 20 руб.; учебныхъ пособій 30 названій на 48 руб.

Училище въ деревнѣ Винтеровкѣ для дѣтей обоего пола. Оно помѣщается въ деревянномъ просторномъ домѣ, принадлежащемъ мѣстной землевладѣлицѣ. Классная комната просторна, свѣтла, тепла и хорошо вентилируется. Для снятия и храненія верхней одежды во время занятій отдѣлена хорошая прихожая. Мебели въ училищѣ достаточно, и по устройству она лучше, нежели во многихъ другихъ

училищахъ. Учительница живетъ въ домѣ землевладѣлицы, пользуясь не только готовымъ содержаніемъ, но и рѣдкимъ радушіемъ. Учительница окончила курсъ въ женской гимназій, и сверхъ прочихъ предметовъ, занимается, за неимѣніемъ законоучителя, преподаваніемъ и закона Божія. При училищѣ имѣется попечительница — мѣстная землевладѣлица, которая не только участвуетъ въ содержаніи его, но слѣдитъ за состояніемъ учебно-воспитательной части и даже сама начала обучать дѣтей черченію. Средства содержанія училища составляютъ: пожертвованіе попечительницы 124 руб. и пособія: отъ мѣстнаго общества 40 руб. 75 коп., и отъ земства 60 руб., всего 224 руб. 75 коп. въ годъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на жалованье учительницъ 146 руб., на учебныя пособія 5 руб. 80 коп. и на содержаніе дома 72 руб. 95 коп. Учащихся въ школахъ 30, въ томъ числѣ 17 дѣвочекъ. Они распредѣляются по отдѣленіямъ такъ: въ младшемъ отдѣленіи 6, въ среднемъ 12, въ старшемъ 12. Всѣ обучающіеся — крестьяне, Русскіе, православные; школу посѣщаютъ неаккуратно, такъ что въ среднемъ выводъ ежедневно не бываетъ въ школахъ по 6 человекъ. Последнее обстоятельство объясняется частію свирѣпствовавшими въ этой мѣстности эпидемическими болѣзнями, частію же тѣмъ, что родители оставляли дѣтей дома для работъ. Познанія и успѣхи учащихся выразились въ слѣдующемъ: по закону Божію старшіе ученики прошли священную исторію, ознакомлены съ христіанскимъ вѣроученіемъ и въ послѣднее время занимались объясненіемъ литургій; средніе прошли о праздникахъ, общепотребительныя молитвы и изъ исторіи ветхаго завѣта до Синайскаго законодательства. Изъ пройденнаго, объемъ котораго весьма достаточенъ, ученики давали твердые и сознательные отвѣты. Читаніемъ учительница занималась по всѣхъ отношеніяхъ: младшіе читали по азбукѣ Толстаго, средніе — статью изъ „Дѣтскаго Міра“, старшіе — 8-ю главу евангелія Луки. Во всѣхъ случаяхъ она серьезно относилась къ соблюденію учащимися важнѣйшихъ качествъ чтенія и по временамъ сама читала такъ, что предъ дѣтьми былъ живой образецъ хорошаго чтенія. Къ сожалѣнію, она не заставляетъ всегда точно обозначить содержаніе каждой прочитанной части, такъ какъ безъ этого ученики слишкомъ поверхностно усваиваютъ статью, запоминая одну лишь фабулу разказа, какъ это рѣзко обнаружилось на урокахъ въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Нельзя также не пожелать отъ чтенія учениковъ большей выразительности. Письменныя работы были слѣдующія: младшіе удовлетворительно списали съ книги, сред-

ніе—отвѣтили на вопросы, заимствованные изъ содержанія читанной статьи, старшіе изложили содержаніе басни. Хотя работы эти исполнены были удовлетворительно, но нельзя не замѣтить, что у старшихъ учениковъ вышло не изложеніе содержанія басни, а буквальное повтореніе ея, только наизусть. Тетрадки для письменныхъ работъ ведутся опрятно и учительницей просматриваются внимательно; по черкѣ многихъ старшихъ дѣтей вполне удовлетворителенъ. Изъ ариметики старшіе знаютъ всѣ четыре дѣйствія, средніе — число 27, младшіе приучаются только къ простому порядковому счету. Методически правильныхъ занятій съ послѣдними еще не начиналось, хотя приступить къ нимъ слѣдовало бы съ самаго начала поступленія ихъ въ школу. Объемъ пройденнаго въ среднемъ отдѣленіи тоже слишкомъ малъ. Руководясь способомъ Грубе, изложеннымъ въ извѣстной книгѣ Паульсона, учительница слишкомъ буквально слѣдуетъ совѣтамъ нѣмецкаго педагога и потому отстаетъ отъ другихъ въ преподаваніи ариметики въ среднемъ отдѣленіи. Пройденное усвоено учащимися удовлетворительно, но быстроты, основательности соображенія и практичности въ производствѣ счета многимъ изъ нихъ не доставало. Дѣвочки обучаются рукодѣліямъ, особенно употребительнымъ въ крестьянскомъ быту, мальчики — черченію. Послѣдніе начертили фигуры нѣкоторыхъ геометрическихъ тѣлъ и дали правильное названіе разнообразнымъ угламъ и линіямъ. Въ дальнѣйшемъ предполагается научить ихъ снимать и наносить мѣстность на планъ. Учащіеся поютъ молитвы и упражняются въ вольныхъ гимнастическихъ движеніяхъ. Изъ заведенныхъ въ школѣ классныхъ порядковъ нельзя одобрить постоянно хорошихъ отвѣтовъ, благодаря которымъ нѣкоторые ученики ничего не дѣлаютъ и неосновательно усваиваютъ сообщаемое. Во всемъ остальномъ дѣло поставлено правильно; учащіеся ведутъ себя удовлетворительно. Библиотечный матеріалъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ фундаментальной бібліотекѣ книгъ 18 названій 19 томовъ на 21 руб., въ ученической 117 названій 117 томовъ на 28 руб.; учебныхъ пособій 9 названій на 27 руб. Всѣ книги и пособия пожертвованы попечительницею.

Городищенское сельское училище для дѣтей обоюго пола. Помѣщается въ просторномъ, тепломъ, вообще весьма удобномъ домѣ, построенномъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. При домѣ имѣется небольшой дворикъ, на которомъ устроены принадлежащія къ хорошей учительской квартирѣ хозяйственныя службы. Мебели въ школѣ достаточно. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія — мѣстный

священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; прочихъ предметовъ — Чувашенинъ, окончившій курсъ въ учительской семинаріи. Сверхъ того при училищѣ состоятъ: попечительница онаго, землевладѣлица, и учительница руководѣлія. Учащихся въ школѣ 56, изъ нихъ 17 дѣвочекъ. Они раздѣляются на три отдѣленія, изъ которыхъ въ младшемъ отдѣленіи 17, въ среднемъ 21, въ старшемъ 18. Всѣ учащіеся — Чуваши, крестьяне, православнаго исповѣданія; школу посѣщаютъ исправно. Учебная часть найдена въ слѣдующемъ положеніи: на первомъ урокѣ учитель занимался чтеніемъ съ учениками старшаго отдѣленія. Предварительно была проведена коротенькая бесѣда, въ которой ученики, конечно подъ руководствомъ учителя, перечислили знакомыхъ имъ насѣкомыхъ и узнали, какъ они размножаются, а потомъ приступили къ чтенію статьи „Жучекъ и ласточка“, помѣщенной въ книгѣ Водовозова. На небольшихъ отдѣлахъ статьи учитель заставлялъ передавать, о чемъ и что прочитано, по при этомъ требовалъ перечисленія всѣхъ названій предметовъ, упоминаемыхъ въ прочитанномъ. Такой приемъ (непрактиченъ: учащіеся въ этомъ случаѣ начинаютъ придавать одинаковое значеніе каждому почти слову и потому не понимаютъ надлежащимъ образомъ смысла статей. Содержаніе прочитаннаго ученики разказываютъ довольно правильнымъ русскимъ языкомъ, и лишь нѣкоторые при этомъ буквально повторяли слова статьи. Во всемъ остальномъ дѣло велось правильно. Въ концѣ урока учитель выслушалъ стихотвореніе, которое ученики должны были заучить наизусть. Младшіе ученики на первомъ урокѣ рѣшили одну лишь ариѳметическую задачу, средніе — удовлетворительно написали неоконченныя фразы. Первую половину втораго урока учитель занимался съ учениками средняго отдѣленія рѣшеніемъ ариѳметическихъ задачъ на всѣ четыре дѣйствія. Ученики работали усердно и обнаружили себя удовлетворительно усвоившими пройденное. Подборъ задачъ, способъ ихъ даванія, усвоенія и рѣшенія понимъ заслуживаютъ одобренія. Въ остальную половину втораго урока среднее отдѣленіе самостоятельно рѣшало данныя задачки, а учитель знакомилъ младшихъ учениковъ съ числомъ 68. Способъ сравнительнаго изученія числа былъ выдержанъ, почему ученики отчетливо объясняли отношеніе 68^юко всѣмъ предъидущимъ числамъ, быстро опредѣляли частичныя его доли, скоро и практично дѣлали выкладки на узиченное число. Нельзя, однако, не пожалѣть, что учитель безпрестанно обращался къ внижеѣ, и потому урокъ утрачивалъ необходимую живость и непрерывность работы. Небезукоризненно и то, что

онъ не спросилъ у младшаго отдѣленія отчета въ чтеніи про себя, которымъ они занимались первую половину урока. Старшее отдѣленіе удовлетворительно изложило содержаніе читаемой статьи. При этомъ, конечно, не обошлось безъ грамматическихъ ошибокъ, но онѣ были весьма незначительны, особенно если принять во вниманіе исключительно инородческой составъ учащихся. Изъ ариметики эти ученики знаютъ всю первую часть, отвѣты даютъ вѣрные и сознательные. По закону Божію старшіе ученики прошли все положенное по программѣ на льготу по отбыванію воинской повинности; знакомы также съ объясненіемъ литургіи; средніе и старшіе прошли о праздникахъ и священную исторію ветхаго завѣта. Разница въ знаніяхъ послѣднихъ учениковъ состоитъ въ томъ, что младшіе разказываютъ почти исключительно по чувашски, средніе же—могутъ и по русски. Законоучитель занимался со старшими повтореніемъ символа вѣры, съ подробными объясненіями. Преподаваніе онъ велъ разумно, объясненія давалъ правильныя и понятныя, но замѣтно, что школьное дѣло для него новость, къ которой онъ не успѣлъ еще окончательно привороваться. Этимъ объясняется употребленіе имъ многихъ лишнихъ словъ, которыя мѣшали ученикамъ, обращеніе къ ученикамъ съ мѣстоименіями „вы“ и т. п. Изъ пройденнаго ученики всѣхъ отдѣленій дали удовлетворительныя отвѣты. Обученіемъ пѣнію занимается законоучитель безъ всякаго вознагражденія; изъ учащихся составленъ хоръ, который поетъ въ церкви стройно и благоговѣно. Молитвы поютъ всѣ ученики школы какъ по славянски, такъ и по чувашски. Руководіемъ дѣвочки занимаются ежедневно; онѣ работаютъ рубашки, чулки, шапочки и визанья кружева. Въ прошломъ году ученицы готовили вещи для симбирскаго отдѣленія общества Краснаго Креста. Училище получаетъ на свое содержаніе: отъ мѣстнаго общества—448 руб., отъ земства—160 руб., всего—608 руб., которые расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю—240 руб., учительницѣ руководіи—60 руб., сторожу—48 руб., на отопленіе—62 руб., ремонтъ и сохраненіе дома—24 руб., на бібліотеку—54 руб., остальные 20 руб.—на непредвидѣнныя надобности. Книгъ въ училищѣ имѣется: въ фундаментальной бібліотекѣ—48 названій 50 томовъ на 48 руб., въ ученической—36 названій 42 тома на 6 руб.; въ отдѣлѣ учебныхъ пособій—25 названій на 98 руб.; въ числѣ послѣднихъ, между прочими, имѣются: шведскіе счеты, ариметическій ящикъ, священно-истори-

чекія картины Шрейбера, мѣры длины, тяжести, карта Россія и полушарій.

Новонильмовское сельское училище для дѣтей обоого пола. Оно помѣщается въ домѣ, приспособленномъ къ теперешнему назначенію изъ церковной караулки и раздѣленномъ на двѣ части: въ одной помѣщается школа, въ другой живетъ учительница. Класная комната не достаточно свѣтла и не просторна. Мебели въ школѣ достаточно. На содержаніе училища отпускается по 414 руб. 34 коп. въ годъ, изъ нихъ отъ общества — 311 руб. 34 коп., отъ земства — 100 руб. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учительницѣ 160 руб., на наемъ сторожа 28 руб., отопленіе 84 руб., ремонтъ и страхованіе дома 15 руб. 25 коп., на библиотеку 24 руб. 9 коп. Законоучителемъ состоитъ мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, учительницею обучавшаяся въ женской гимназій, непріобрѣтшая еще учительскаго званія, экзаменъ на которое она надѣется сдать въ теченіе нынѣшняго года. Учащихся въ школѣ 43, въ томъ числѣ 7 дѣвочекъ. Они раздѣляются на три группы: въ младшей группѣ 10 учащихся, въ средней 11, въ старшей 22. Всѣ они Чуваши, крестьяне, православные; школу посѣщаютъ исправно. Учебно-воспитательная часть найдена въ слѣдующемъ состояніи: по закону Божію учащіеся старшей группы проили священную исторію поваго завѣта въ объемѣ „Начатковъ“ Д. Соколова, а изъ исторіи ветхаго завѣта окончили разказомъ о раздѣленіи Еврейскаго народа на два царства; ознакомлены также и съ православнымъ вѣроученіемъ; учащіеся средней группы знаютъ молитвы и вмѣстѣ съ младшими учениками изучаютъ начальные историческіе разказы, преимущественно на чувашскомъ нарѣчій. Такъ какъ начинать запятія съ младшими учениками изученіемъ молитвъ совершенно невозможно, по пезнапію ими русскаго языка и плохой развитости, то законоучитель прежде сообщаетъ имъ самыя простыя и особенно употребительныя молитвы. Изъ пройденнаго всѣ учащіеся отвѣчали удовлетворительно, но крайне ломаннымъ языкомъ; средняя группа объясняетъ молитвы плохо. Самъ законоучитель говоритъ языкомъ простымъ, часто прибѣгаетъ и къ чувашскому, уроки ведетъ довольно оживленно, вообще умѣючи и очень старательно исправляетъ свои обязанности. Русское чтеніе поставлено пока плохо, особенно въ старшей группѣ. Ученики читаютъ медленно, однообразно, слова произносятъ не по удареніямъ, прочитанное произносятъ буквально словами книги. Нынѣшняя учительница, поступившая на это мѣсто лишь

за два мѣсяца до осмотра училища, не оставляетъ безъ надлежащихъ замѣчаній каждую неправильность, допускаемую учащимися. Средняя группа читаетъ не бѣгло, но вѣрно; младшая правильно разбираетъ букварь Корфа. Съ тѣми и другими занятія ведутся недурно, но въ младшемъ отдѣленіи обученіе грамотѣ сводится къ одному только механическому произношенію непонятныхъ имъ русскихъ словъ. Учительница еще незнакома съ чувашскимъ нарѣчіемъ, и потому не можетъ обставить дѣла такъ, чтобы механизмъ не былъ преобладающимъ родомъ дѣятельности дѣтей. Письменные работы исполнялись слѣдующія: списываніе съ книгъ и съ прописей, изложеніе содержанія прочитанной статьи, диктовка и письмо неоконченныхъ фразъ. Исполненіе всѣхъ этихъ работъ удовлетворительно только со стороны каллиграфіи, въ отношеніи же смысла и грамматики упражненія плохи. Къ тому же и учительница совсѣмъ почти не готовится учащихся къ работамъ, а диктуетъ прямо цѣлыя статьи и ничего хорошаго изъ этого не извлекаетъ. Что касается познаній учащихся, то старшіе прошли четыре дѣйствія, средніе—25 и нумерацію до 200, младшіе — пріучаются къ русскому порядковому счету. Познанія старшихъ—удовлетворительны, остальныхъ—посредственны. Библіотеки училища находятся въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной бібліотекѣ имѣется книгъ 22 названія 27 томовъ на 30 руб., въ ученической 29 названій 29 томовъ на 13 руб.; учебныхъ пособій 36 названій на 62 руб.; въ числѣ послѣднихъ имѣется много псалтырей, часослововъ, старыхъ и вышедшихъ изъ употребленія руководствъ.

Убеевское сельское училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Помѣщеніе училища удобное и теплое. Мебели достаточно, но она неудобна и ветха, на что обращено вниманіе волостнаго правленія. Учительская квартира съ имѣющимися при ней службами удовлетворительна. На содержаніе училища ассигнуется: отъ общества 424 руб., отъ земства 181 руб., всего 604 руб. 51 коп. въ годъ, которые расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 310 руб., учителю 260 руб., на сторожа 48 руб., на отопленіе 90 руб., на ремонтъ и страхованіе дома 31 руб. 41 коп., на бібліотеку 45 руб. 10 коп. Законоучителемъ состоитъ мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, учителемъ—тоже священникъ, окончившій курсъ того же заведенія. Учащихся 67, въ томъ числѣ 19 дѣвочекъ. По отдѣленіямъ они распредѣляются такъ: въ младшемъ отдѣленіи 13, въ среднемъ 37 и въ старшемъ 17. Всѣ учащіеся—православные, крестьяне; изъ нихъ

Чувашь 62 (дѣвочекъ 19, мальчиковъ 43), Мордвиновъ 3, Русскихъ 2. Школу посѣщаютъ не вполне исправно; впрочемъ, больше пяти не бываетъ въ отлучкѣ безъ уважительной причины. Познанія и успѣхи выразились въ слѣдующемъ: ученики старшаго отдѣленія читали статью изъ Роднаго Слова. Останавливаясь на небольшихъ отдѣлахъ статьи, преподаватель заставляетъ переводить прочитанное на чувашскій языкъ, и тѣмъ значительно содѣйствуетъ сознательному усвоенію онаго. Заслуживаетъ вниманія и то, что онъ даетъ летучіе вопросы многимъ ученикамъ и такимъ образомъ держитъ классъ въ необходимомъ напряженіи; но не вполне умѣстно третій разъ читаетъ съ старшимъ отдѣленіемъ одну и ту же книгу, а во время чтенія не требуетъ точнаго обозначенія предмета, о которомъ прочитано, безъ чего дѣти стараются запомнить только одни слова и непременно всѣ слова. Успѣхи по чтенію учениковъ старшаго отдѣленія удовлетворительны; среднее отдѣленіе читаетъ тоже недурно, но въ младшемъ, къ сожалѣнію, преслѣдуется одинъ лишь механизмъ. Пишутъ всѣ довольно четко, но со многими ошибками, даже и въ старшемъ отдѣленіи. По ариметикѣ старшіе прошли всю первую часть и рѣшаютъ задачи на число любой величины; средніе четыре дѣйствія на отвлеченныя числа и тоже рѣшаютъ задачи, но лишь въ предѣлахъ первой сотни; младшіе по незнапію ими русскаго языка, приучаются къ порядковому счету по русски. Руководствомъ при преподаваніи служитъ книга Елтушевскаго; по при этомъ опускается самое главное, именно изученіе чиселъ чрезъ сравненіе ихъ съ прежде пройденными, извѣстными числами. Сверхъ того, чиселъ совсѣмъ не изучаютъ, какъ бы слѣдовало, а только дѣлаютъ задачи на числа, располагая ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ задачникѣ того же автора. Поэтому преподаваніе не достигаетъ вполне желательныхъ результатовъ: механизмъ запоминанія является болѣе характеристической чертой. Лучше другихъ давали отвѣты тѣ ученики, которые предназначены къ выпуску, но и они не могли дать сознательныхъ отвѣтовъ о томъ, что значитъ умножить, раздѣлить, частное и т. п. Въ умственномъ счетѣ слабы всѣ учащіеся. По закону Божію учащіеся на заданные имъ вопросы давали удовлетворительные отвѣты, хотя не всегда вѣрные и складные по языку. Всѣ учащіеся поютъ общеуотребительныя молитвы, а дѣвочки подъ руководствомъ жены учителя, занимаются и домашнимъ рукодѣліемъ. Училище располагаетъ слѣдующимъ числомъ книгъ: въ фундаментальной библіотекѣ 48 названій 92 тома на 42 руб., въ ученической 75 названій 250 томовъ

на 32 руб.; учебныхъ пособій 47 названій 635 экземпляровъ на 115 руб. Несмотря на довольно почтенныя цифры, бібліотека далеко не богата: въ составъ ея входитъ много книгъ старыхъ, совсѣмъ вышедшихъ изъ употребленія; новыхъ же пособій очень мало; руководствъ для учащихся и книгъ для чтенія, признанныхъ полезными въ послѣднее время, также недостаетъ.

Ново-Бурундукское мужское сельское училище. Учащихся въ этомъ училищѣ 28 православныхъ крестьянскихъ мальчиковъ, изъ коихъ 10 Чувашъ и 18 Русскихъ. Они распредѣляются по отдѣленіямъ такъ: въ старшемъ отдѣленіи 7, въ среднемъ 9, въ младшемъ 12. Школу посѣщаютъ плохо; такъ, при посѣщеніи инспектора было только 18 дѣтей. Нехожденіе ихъ, какъ нужно думать, зависитъ отъ того, что преподаватель, по обязанностямъ священства, самъ часто пропускаетъ уроки. Законоучителемъ и вмѣстѣ учителемъ состоитъ мѣстный приходскій священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Учебно-воспитательная часть найдена въ слѣдующемъ состояніи: „по закону Божію старшіе ученики прошли изъ новозавѣтной священной исторіи до второй Пасхи, а изъ ветхозавѣтной окончили отдѣломъ о судіяхъ; средніе выучили общеупотребительныя молитвы и прошли нѣсколько начальныхъ разказовъ изъ священной исторіи; младшіе совсѣмъ ничему не обучались. Первые разказали объ Авраамѣ, рожденіи и воспитаніи Моисея, о Синайскомъ законодательствѣ, Вознесеніи и Преображеніи Господнемъ; вторые прочитали нѣсколько молитвъ. Тѣ и другіе вѣрно читали текстъ и передавали фактическую сторону событій, но понимали, а затѣмъ и объясняли прочитанное плохо, особенно среднее отдѣленіе. Но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ другими предметами, преподаваніе закона Божія въ этомъ училищѣ ведется и правильнѣе, и усильнѣе. На урокъ чтенія въ младшемъ отдѣленіи преподаватель заставлялъ учениковъ писать, вѣрнѣе изображать печатными буквами тѣ слова, которыя они учили на предыдущемъ урокъ по букварю. Дѣти безпрестанно перевертали слова и писали такія варавули, что рѣшительно невозможно было иногда разобрать. Русскій алфавитъ пройденъ весь, но знаютъ его ученики очень плохо, буквы смѣшиваютъ, различія между буквой и звукомъ не полагаютъ никакого. Все это естественныя слѣдствія буквосочетательнаго способа, употребляемаго преподавателемъ. Ученики остальныхъ отдѣленій въ механическомъ отношеніи читаютъ порядочно и даже обозначаютъ, о чемъ и что прочитано, но разказываютъ содержаніе плохо, повимаютъ еще хуже. Письменныя работы

имѣютъ въ некоторое значеніе только въ каллиграфическомъ отношеніи. Изъ ариметики ученики старшаго отдѣленія прошли всю первую часть и въ присутствіи инспектора упражнялись въ рѣшеніи задачъ. Въ самомъ началѣ занятій преподаватель предупредилъ, что онъ будетъ давать имъ (ученикамъ) „задачи на всѣ четыре дѣйствія, и потому всякій долженъ это помнить“; затѣмъ, когда уже занятіе началось, слышались выкрики учениковъ: „черезъ дѣленіе“, „черезъ умноженіе“ и т. д. Сначала значеніе этихъ возгласовъ было непонятно, но потомъ оказалось, что ими дѣти обозначаютъ дѣйствіе, примѣнимое въ извѣстномъ случаѣ. Изъ дальнѣйшихъ же наблюденій оказалось, что опредѣленіе это производится ими наугадъ, такъ какъ ни въ одномъ случаѣ не было дано вѣрнаго и сознательнаго объясненія о необходимости въ одномъ случаѣ прибѣгнуть къ умноженію, въ другомъ къ вычитанію и проч. Умственно ученики считаютъ плохо, дѣйствій опредѣлять не могутъ, письменнo порядочно рѣшаютъ только легкія задачи. Среднее отдѣленіе изъ ариметики проходитъ сложеніе, но сознательно не знаютъ и десятковъ; младшее ничего не проходило изъ этого предмета. Пѣнію и гимнастикѣ дѣти не обучаются. Вѣшній порядокъ каждый день устанавливается отдѣльнымъ приказаніемъ преподавателя, а не по опредѣленному однажды навсегда рописанію. Класснаго журнала въ училищѣ не заведено, хотя на необходимость его указано было еще въ предшествующую ревизію. Обо всѣхъ замѣченныхъ недостаткахъ заявлено преподавателю. Училище помѣщается въ отдѣльномъ небольшомъ домикѣ, снабженномъ плохoю мебелью; содержится оно на средства мѣстнаго общества и земства, изъ которыхъ первое отпускаетъ 198 руб., второе 40 руб. Деньги эти, 238 руб. въ годъ, расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю и учителю 120 руб., на сторожа 36 руб., на отопленіе 40 руб., на учебныя пособія 20 руб., ремонтъ и страхованіе дома 22 руб. Книгъ имѣется въ училищѣ: въ фундаментальной библіотекѣ 12 названій 16 томовъ на 6 р. 38 коп., въ ученической 18 названій 18 томовъ на 5 руб.; учебныхъ пособій 12 названій на 34 руб. Сравнительно съ предыдущимъ осмотромъ библіотека нисколько не измѣнилась.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

О НѢКОТОРЫХЪ МѢСТАХЪ ВЪ САТИРАХЪ ЮВЕНАЛА.

Текстъ сатиръ Ювенала сохранился въ довольно значительномъ числѣ рукописей, достоинство которыхъ опредѣлено было впервые трудами О. Яна и К. Германна. Самою древнею рукописью считается рукопись Питейская, хранящаяся нынѣ въ Монпелье, въ библиотекѣ Медицинской школы. Относится она къ IX вѣку. Въ ней позднѣйшею рукою подскоблены и поправлены нѣкоторыя мѣста. Замѣчательно, что эти поправки совершенно согласны съ тѣми чтеніями, которыя мы находимъ въ рукописяхъ сравнительно позднѣйшихъ и худшихъ. Благодаря этимъ поправкамъ, и удалось различить двѣ редакціи Ювеналовскаго текста: одну древнѣйшую, сохранившуюся въ кодексѣ Питейскомъ, и другую позднѣйшую, сохранившуюся въ остальныхъ кодексахъ. Представителями послѣднихъ могутъ служить кодексъ Медицейскій и кодексъ Лейденскій, изъ которыхъ первый въ концѣ V-ой сатиры, авторой въ концѣ VI-й сатиры имѣютъ слѣдующую приписку: *legi ego Niceus apud Servium magistrum et emendavi*. Эта приписка свидѣтельствуетъ о томъ, что текстъ Ювенала подвергся эмендаціи или поправкѣ. Что эта эмендація относится тоже къ древнимъ временамъ, можно заключить изъ того, что грамматикъ V и VI вѣка, какъ-то: Сервій, Макробій и Присціанъ, цитируютъ текстъ Ювенала согласно съ рецензіей Ницея или Сервія.

Нѣкоторый матеріалъ для критики и объясненія Ювеналовскаго текста даютъ намъ схолия, которыя, подобно рукописямъ, можно раздѣлить также на два разряда. Болѣе древнія, но къ сожалѣнію краткія, сохранились въ кодексѣ Питейскомъ и кодексѣ Санъ-Галльскомъ.

Другаго рода сколіи, болѣе пространныя, хотя и приписываются Корпуту, однако, по всей вѣроятности, относятся къ позднѣйшему времени и не имѣютъ для критики и объясненія текста такого значенія, какъ сколіи перваго разряда.

При установленіи и объясненіи текста сатиръ Ювенала встрѣчаются разнообразныя трудности, впрочемъ, болѣе или менѣе одинаковыя съ тѣми трудностями, какія приходится испытывать при разборѣ и другихъ древнихъ авторовъ.

Прежде всего текстъ испорченъ разными поправками и вставками, о чемъ свидѣлствуютъ разночтенія рукописей. Даже Питейскій кодексъ, какъ уже сказано было выше, дошелъ до насъ со многими подскобками и эмсадаціями, такъ что во многихъ мѣстахъ мы не знаемъ—что въ немъ стояло первоначально, и должны довольствоваться дтеніями позднѣйшей редакціи.

Затѣмъ языкъ Ювенала представляетъ много своеобразнаго и непонятнаго. Какъ сатирикъ, бравшій свои сюжеты изъ обыденной жизни, Ювеналъ употребляетъ часто слова и обороты рѣдкіе и малознакомыя.

Наконецъ, само содержаніе во многихъ мѣстахъ темно и непонятно. Сатира Ювенала полна намековъ на личности и факты, которые для современниковъ вполне были понятны, но для насъ остаются загадочными, по скудости и недостаточности сколій въ этомъ отношеніи. Особенно представляютъ большую трудность для объясненія имена собственныя. Ювеналъ, какъ извѣстно, писалъ свои сатиры при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, когда вполне безопасно можно было говорить только о личностяхъ ничтожныхъ или давно умершихъ. Чтобы избѣжать преслѣдованій, Ювеналъ принужденъ былъ часто прибѣгать къ иносказаніямъ и подъ именами вымышленными или же именами умершихъ выводить на сцену лица живыя. Многія мѣста въ Ювеналѣ непонятны еще и потому, что мы мало знакомы съ обычаями, господствовавшими въ его время, особенно въ частномъ быту.

Вотъ почему толкованіе Ювенала представляло и представляетъ до сихъ поръ, если не больше, то по крайней мѣрѣ не меньше трудностей, чѣмъ установленіе текста. Не смотря на труды и прежнихъ и современныхъ филологовъ, занимавшихся Ювеналомъ, между которыми достаточно назвать наиболѣе выдающихся, какъ-то: Британника, Геннинія, Руперти, Гейприха, Вебера, О. Яна, Германна, Вейднера и другихъ, остается еще много такого, что требуетъ объясненія или по крайней мѣрѣ провѣрки традиціонныхъ объясненій.

Предлагая въ нижеслѣдующихъ строкахъ разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ, частью со стороны текста, частью со стороны содержанія, я считаю не лишнимъ указать предварительно на тѣ основанія, которыми, по моему мнѣнію, слѣдуетъ руководиться при критикѣ и толкованіи сатиръ Ювенала. Прежде всего слѣдуетъ отрѣшиться отъ такъ-называемой эстетической, или вѣрнѣе сказать, субъективной критики, которая такъ склонна заподозрить въ авторѣ все, что не подходитъ къ предвзятой теоріи. Впрочемъ, эта критика сама себя уничтожаетъ, приводя вмѣсто всякихъ основаній субъективныя впечатлѣнія. „Такой-то стихъ мнѣ не нравится; такой-то слишкомъ вялъ; такой-то содержитъ въ себѣ общую и пошлую мысль, — и потому не можетъ принадлежать Ювеналу“. Подобный способъ критики можно нерѣдко встрѣтить особенно въ послѣднее время, притомъ въ трудахъ такого почтеннаго ученаго какъ Отто Риббекъ, который не задумался почти цѣлую половину сатиръ Ювенала объявить подложною на томъ только основаніи, что онѣ произвели на него впечатлѣніе растянutoй, вялой и наполненной общими мѣстами проповѣди скучнаго моралиста. Конечно, совершенно избѣгать субъективности въ критикѣ невозможно, но во всякомъ случаѣ она должна болѣе руководиться логическими основаніями, а не случайными впечатлѣніями.

Для того, чтобы вѣрно оцѣнить Ювенала и чтобы исправить то, что еще исправимо, и объяснить трудное и загадочное, слѣдуетъ прежде всего изучить особенности и своеобразности языка Ювеналовскаго, положивъ въ основаніе текстъ древнѣйшаго кодекса Питейскаго и въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній представляетъ явныя несообразности, прибѣгая къ вариантамъ позднѣйшихъ рукописей и схолий. Затѣмъ необходимо сравнить языкъ Ювенала не только съ болѣе извѣстнымъ намъ языкомъ писателей золотого вѣка, но еще болѣе съ языкомъ современныхъ ему писателей. Въ языкѣ писателей, относящихся къ одной эпохѣ, всегда есть нѣкоторое сходство, и потому, кто хочетъ понять языкъ Ювенала, долженъ изучить также и языкъ писателей современныхъ или же непосредственно предшествовавшихъ ему, какъ-то: Марціала, Плинія Мл., Стація, Сенеки, Петронія и другихъ. Изученіе современныхъ писателей важно также и для реальнаго объясненія сатиръ Ювенала. Особенно въ этомъ отношеніи не малую пользу можетъ принести чтеніе Марціала, Сенеки, Свтонія, Тацита и Плинія Младшаго. Наконецъ, такъ какъ во времена Ювенала господствовало риторическое направленіе въ литературѣ, то необходимо также ознакомиться съ трудами Квинтиліана и другихъ сохранив-

шихся риторовъ, чтобы понять способъ композиціи и изложенія Ювенала. Только при такихъ условіяхъ можно достигнуть нѣкоторой самостоятельности въ критикѣ и объясненіи Ювенала и избавиться отъ разныхъ предвзятыхъ мнѣній и сужденій, какія высказываются новѣйшими филологами.

Въ предлагаемомъ ниже разборѣ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ сатиръ Ювенала, я касаюсь преимущественно такихъ, относительно исправленія и объясненія которыхъ существуетъ разногласіе между учеными, и опускаю такія, которыя со временъ изданія Яна, Германпа и другихъ новѣйшихъ ученыхъ не представляютъ болѣе предмета къ спорамъ.

Sat. I, 155—157.

pone Tigellinum: tacda lucebis in illa,
qua stantes ardent, qui fixo pectore fumant,
et latum media sulcum deducis harena.

Испорченность мѣста заключается въ словѣ *deducis*.

Смыслъ и грамматическая конструкция требуютъ будущаго времени, въ соотвѣтствіе съ *lucebis*. Но такъ какъ будущее *deduces* не идетъ въ стихъ, то поэтому многіе старались исправить это мѣсто перестановкою и даже замѣною словъ. Въ изданіи О. Яна приведены слѣдующія поправки этого мѣста: *et latus mediam sulcus diducit arenam* (Lipsius, Scaliger); *et latum media sulcum qui fecit arena* (Dorleans); *et latum media sulcum pax ducit arena* (Withof) и проч. По моему мнѣнію, гораздо проще можно исправить это мѣсто, читая вмѣсто *deducis deduxis* (2-е лицо ед. числа отъ fut. exact. на хо). Конечно, будущее совершенное на хо принадлежитъ старинному языку, но Ювеналъ, хотя и рѣдко, прибѣгалъ къ архаическимъ формамъ, если болѣе употребительныя не шли въ стихъ. Такъ, онъ два раза въ своихъ сатирахъ употреблялъ устарѣлую форму *induperator* (Sat. IV, 29; Sat. X, 138) вмѣсто обыкновенной *imperator*. Въ пользу предлагаемой поправки говорить и то обстоятельство, что въ Пятейскомъ кодексѣ стоитъ не *deducis*, а *deduci.s*. Явно, что недостающая буква передъ *s* есть *i*, а предшествующая буква не есть *ci*, а не четко написанное *x*.

Sat. II, 143—148.

vicit et hoc monstrum tunicati fuscina Gracchi,
lustravitque fuga mediam gladiator harenam
et Capitolinis generosior et Marcellis

et Catuli Paulique minoribus et Fabiis et
omnibus ad podium spectantibus, his licet ipsum
admoveas, cuius tunc munere retia misit.

Эти стихи совершенно не вяжутся съ темой, развиваемою во II-й сатирѣ. Въ этой сатирѣ именно рѣчь идетъ о женоподобныхъ мущинахъ, дошедшихъ въ развратѣ своемъ до крайней степени извращенности и противоестественности. Впервыхъ, занимаются они мужеложствомъ; вовторыхъ, одѣваются въ прозрачныя тоги, какія не надѣваютъ на себя даже публичныя женщины; втретьихъ, празднуютъ оргіи Доброй Богини, въ которыхъ, по обычаю, принимали участіе однѣ только женщины; вчетвертыхъ, румянятся и смотрятся въ зеркало, подобно самымъ кокетливымъ женщинамъ; наконецъ, они вступаютъ даже въ бракъ между собою. Въ примѣрѣ послѣдняго разказывается скандальное бракосочетаніе Гракха съ какимъ-то трубачомъ. Гракхъ игралъ роль невѣсты, трубачъ роль жениха. Словомъ, вся сатира направлена противъ мужчинъ, преданныхъ противоестественному разврату. Теперь спрашивается, какимъ образомъ могъ Ювеналъ считать выступленіе Гракха на арену въ качествѣ гладіатора поступкомъ противоестественнымъ, притомъ болѣе противоестественнымъ, чѣмъ бракъ того же Гракха съ трубачомъ, чѣмъ мужеложство и тому подобныя гнусности. Въ VIII-й сатирѣ гладіаторство въ ряду униженій, въ которыхъ Ювеналъ обвиняетъ аристократію, занимаетъ также высшее мѣсто; но тамъ это понятно, здѣсь—нѣтъ. Въ VIII-й сатирѣ Ювеналъ приводитъ какъ первую степень униженія аристократа—несоблюденіе установленныхъ приличій (Латеранъ, консулъ, катаясь, самъ править лошадьми, посѣщаетъ грязныя таверны и т. п.), какъ вторую степень—поступленіе на сцену актеромъ, какъ третью—гладіаторство. Эта градація правильная: въ глазахъ Римлянина ремесло гладіатора считалось ниже ремесла актера, а поступленіе въ актеры болѣе неприличнымъ поступкомъ, чѣмъ посѣщеніе грязныхъ тавернъ и т. п. Но въ приведенныхъ нами выше стихахъ гладіаторство упомянуто совершенно не кстати, и притомъ въ такой неестественной градаціи, какую могъ выдумать только самый тупой человѣкъ. Здѣсь оно приводится на ряду съ мужеложствомъ и разными видами мужской извѣженности и разврата, какъ будто бы оно было чѣмъ-то извѣживающимъ и приличнымъ болѣе женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Мало того,—оно выставляется какъ послѣдняя степень паденія мужчинъ, какъ нѣчто болѣе противоестественное, чѣмъ самый противоестественный развратъ. Кромѣ этого общаго замѣча-

нiя, можно сказать противъ вышеозначенныхъ стиховъ еще слѣдующее: Самое выраженiе—*vicit et hoc monstrum tunicati fuscina Gracchi*—кидается въ глаза своею странностью. „Рогатна Гракха превзошла и это чудовище (то-есть, бракъ Гракха!). Затѣмъ поражаетъ насъ и самая неправда о Гракхѣ. Ювеналъ могъ знать, что Гракхи не считались благороднѣе всѣхъ римскихъ аристократовъ вмѣстѣ: „и Капитолиновъ, и Марцелловъ, и потомковъ Катутла, и Павла, и Фабиевъ, и всѣхъ сидящихъ въ первыхъ рядахъ, и даже самого того, который давалъ тогда зрѣлище, то-есть, императора“.

По нашему мнѣнiю, Риббекъ совершенно справедливо предполагаетъ, что это мѣсто присочинено интерполаторомъ на основанiи 200-й—210-й стиховъ VIII-й сатиры. Такъ какъ рѣчь шла о Гракхѣ, то интерполаторъ, по воспоминанiю, дополнилъ характеристику его, не замѣчая, что дополненiе это было неумѣстно. Одинъ изъ новѣйшихъ издателей Вейднеръ исключаетъ изъ текста всѣ вышеозначенные стихи. У Яна и К. Германа заключены въ скобки, какъ заподозрѣнныя, только слѣдующiя слова: *et Marcellis et Catuli Paulique minoribus*.

Sat. II, 150. Читанiе „*Cosutum*“, припятое Яномъ вмѣсто стоящаго въ позднѣйшихъ рукописяхъ „*et contum*“, заслуживаетъ предпочтенiя на томъ основанiи, что оно требуется самимъ смысломъ. Во всякомъ случаѣ очень странно было бы, еслибъ Ювеналъ, говоря о подземномъ царствѣ, выразился такъ: „что есть какiя-то тѣни усопшихъ и подземныя царства и шесть (!?) и черныя лягушки въ Стигiйскомъ болотѣ“. Въ кодексѣ Питейскомъ сохранилось только окончанiе *tum*.

Sat. III, 184—189.

quid das, ut Cossum aliquando salutes?
 ut te respiciat clauso Veiento labello?
 ille metit barbam, crinem hic deponit amati;
 plena domus libis venalibus. Accipe et istud
 fermentum tibi habet Praestare tributa clientes
 cogimur et cultis augere peculia servis.

Главная трудность мѣста заключается въ томъ, какъ понимать выраженiе: *plena domus libis venalibus. Accipe et istud fermentum tibi habet!*—Большая часть комментаторовъ ¹⁾ объясняетъ это мѣсто такъ: Въ день стриженiя волосъ и бороды приносились клиентами въ даръ

¹⁾ Руперти, Гейрихъ, Веберъ и др.

виновнику семейнаго праздника обычныя поздравительныя лепешки. Такъ какъ у богачей, подобно Коссу и Вейептону, было много кліентовъ, то и число поздравительныхъ лепешекъ было несмѣтное. Ихъ отдавали обыкновенно лакеямъ, которые, въ свою очередь, продавали ихъ кліентамъ. Такимъ образомъ подарки кліентовъ составляли доходную статью камердинеровъ, или, выражаясь словами Ювенала, трибутъ, который кліенты принуждены были платить лакеямъ. Объясняющіе такимъ образомъ это мѣсто принимаютъ *accipe* въ значеніи *audi* и *istud fermentum tibi habe* въ значеніи *hanc irae causam tibi habe* или *animo tuo fige*.—Главная несообразность этого объясненія заключается въ томъ, что, если кліенты приносили съ собою поздравительныя лепешки въ даръ виновнику семейнаго праздника, то спрашивается, къ чему имъ было покупать ихъ у лакеевъ. По нашему мнѣнію, вѣрнѣе предположить, что кліенты не приносили съ собою дарственныхъ лепешекъ, а покупали ихъ у лакеевъ, чтобы такимъ образомъ получить легче доступъ къ патрону. Поэтому лепешки эти и названы продажными. *Accipe et istud fermentum tibi habe*—есть восклицаніе негодованія кліента, принужденнаго купить лепешку. „Получи и держи себѣ эту закваску или этотъ предметъ гнѣва (то-есть эту лепешку, которая иронически названа *fermentum*). Такъ мы, кліенты принуждены платить дань разряженнымъ рабамъ“ и пр.

Sat. IV, 1—33. Сравнивая начало четвертой сатиры до 33-го стиха съ остальною частью той же сатиры, легко можно замѣтить, что между ними нѣтъ ни малѣйшей связи. Начало сатиры заставляеть насъ предполагать, что рѣчь будетъ о Криспинѣ, а именно о мелкихъ его грѣшкахъ (*sed nunc de factis levioribus*). Въмѣсто того главная часть сатиры направлена противъ Домиціана и его государственнаго совѣта. Начиная съ 34-го стиха, сатира представляеть вѣчто цѣлое, въ самомъ себѣ законченное. Она написана въ эпическомъ тонѣ, и подобно эпическимъ произведеніямъ, имѣеть приличное введеніе, заключающееся въ воззваніи къ музамъ (ст. 34—36). Начало же сатиры до 33-го стиха представляеть отрывокъ о Криспинѣ несокопченный. Мы считаемъ его неоконченнымъ потому, что, судя по 11-му стиху, можно было бы ожидать, что авторъ разкажетъ о разныхъ дѣяніяхъ разбогатѣвшаго раба египетскаго. Въмѣсто того приводится одинъ только фактъ, а именно тотъ, что Криспинъ купилъ себѣ рыбу за 6000 сестерцій, и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній объ этомъ фактѣ расточительности, рѣчь о Криспинѣ прерывается. Связанъ этотъ отрывокъ о Криспинѣ

съ сатирой на Домиціана самымъ грубымъ образомъ. Связь эта заключается въ шести стихахъ, начиная съ 28-го по 33-й. Судя по этимъ стихамъ, можно было бы подумать, что впереди будетъ рѣчь о пирѣхъ Домиціана. Но слѣдующая затѣмъ часть сатиры касается не пировъ Домиціана, не его расточительности и невоздержности, а направлена противъ его деспотизма. Такъ какъ всѣ сатиры Ювенала относительно композиціи представляютъ образецъ почти риторической правильности, то-есть, всегда касаются одного какого-либо предмета и развиваютъ его во всѣхъ подробностяхъ, то подобное смѣшеніе разнороднаго, какое мы видимъ въ четвертой сатирѣ, по справедливости можетъ показаться страннымъ и несвойственнымъ манерѣ Ювенала. Поэтому Рыбскъ полагаетъ, что все начало сатиры до 36-го стиха включительно не принадлежитъ Ювеналу, а присочинено впоследствии неизвѣстнымъ интерполяторомъ, тѣмъ самымъ, который, по его мнѣнію, сочинилъ и всѣ слабыя сатиры Ювенала (какъ-то: X, XII, XIII, XIV, XV и XVI). Такъ какъ, однако, никакихъ положительныхъ доказательствъ подложности этихъ стиховъ не имѣется, то по нашему мнѣнію, вѣрнѣе предположить, что сатира о Криспинѣ и сатира о Домиціанѣ первоначально составляли двѣ отдѣльныя сатиры, и что онѣ слиты были впоследствии какимъ-нибудь эмендаторомъ, можетъ быть, потому, что отрывокъ о Криспинѣ случайно предшествовалъ сатирѣ о Домиціанѣ и въ глазахъ эмендатора представлялъ много общаго съ послѣднею, такъ какъ и въ отрывкѣ о Криспинѣ и въ сатирѣ на Домиціана говорилось о рыбѣ необыкновенной величины (*de piscium magnitudine*, какъ гласитъ заглавіе этой сатиры въ кодексахъ). А что сатира на Криспина могла сохраниться только въ отрывкѣ, это можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, если приять во вниманіе, что не всѣ сатиры Ювенала дошли до насъ вполне, а напримѣръ, отъ XVI-й уцѣлѣло только начало.

Sat. IV, 25—27.

potuit fortasse minoris
 piscator quam piscis emi; provincia tanti
 vendit agros, sed maiores Apulia vendit.

Хотя въ этихъ стихахъ градація заканчивается весьма плохо, однако нѣтъ никакого основанія измѣнять чтеніе, сохранившееся въ кодексахъ. Конечно, правильнѣе было бы сказать: *potuit fortasse minoris piscator quam piscis emi; provincia tanti vendit agros; etiam minoris Apulia vendit*. Но такъ какъ *etiam minoris* не шло въ стихъ,

то и выбрано выраженіе, хотя пеловкое, но подобозначущее—*sed maiores (sc. agros tanti) Apulia vendit*. Эмendaція Риббека „*nes maioris se Apulia vendit*“ не заключаетъ въ себѣ никакой градаціи, да притомъ она грѣшитъ противъ латинскаго языка, такъ какъ говорилось не *maioris vendere*, а только *pluris*. Чтеніе *sed maioris Apulia vendit* не имѣетъ смысла.

Sat. IV, 60: *utque lacus subeant etc.*

Чтеніе Питейскаго кодекса *suberant*, принятое всѣми новѣйшими издателями, неправильно толкуется Руперти, который принимаетъ это слово въ значеніи: *prope, non longe remoti erant*. *Subsum* употреблено здѣсь въ буквальномъ смыслѣ „находиться надъ чѣмъ-либо или внизу“. Вся фраза значитъ: когда озера остались внизу, то-есть, когда рыбаки были уже на вершинѣ Альбанской горы и озера были подъ нимъ и пр. Извѣстно, что вилла Домиціана находилась на горѣ Альбанской, а озера находились у подошвы этой горы.

Sat. VI, 194—199. Мысль, выраженная въ этихъ стихахъ, затемняется въ большей части изданій неудачною разстановкой знаковъ препинанія. Такъ, напримѣръ, Янъ и Германнъ разставляютъ такъ знаки препинанія:

quotiens lascivum intervenit illud
 ζῶν καὶ ψυχῇ, modo sub lodice relictis
uteris in turba; quod enim non excitet inguen
vox blanda et nequam? digitos habet. ut tamen omnes
subsident pinnae, dicas haec mollius Naemo
quamquam et Carphoro, facies tua computat annos.

Гораздо яснѣе будетъ мысль, если разставить знаки препинанія слѣдующимъ образомъ и вмѣсто *ut tamen subsident* читать *attamen subsident*:

quotiens lascivum intervenit illud
 ζῶν καὶ ψυχῇ! modo sub lodice relictis
uteris in turba. Quod enim non excitet inguen
vox blanda et nequam? digitos habet. Attamen omnes
subsident pinnae, dicas haec mollius Naemo
quamquam et Carphoro. Facies tua computat annos.

Последнее предложеніе (*facies tua computat annos*) принимаю я какъ пояснительное къ предыдущему (*attamen subsident omnes pinnae*): „Однако всѣ крылья опускаются и пр., потому что твое лицо старо“.

Sat. VI, 248. Въмѣсто *sudibus* (чтенія позднѣйшихъ кодексовъ, принятаго большинствомъ издателей) вѣрнѣе читать *rudibus* (какъ стоитъ въ одномъ Парижскомъ кодексѣ). *Rudis* означаетъ рапиру, которой упражнялись гладиаторы. *Sudis* въ этомъ значеніи едва ли употребляется. Въ Питейскомъ кодексѣ стоитъ *udibus* (безъ начальной буквы), позднѣйшею рукою поправлено *sudibus*.

Sat. VI, 401. Въ Питейскомъ и большинствѣ другихъ кодексовъ стоитъ *siccisque mamillis*. Такъ и у схолиаста. Въ немпогихъ кодексахъ, притомъ худшей редакціи, стоитъ *strictisque mamillis*. Чтѣ вѣрнѣе? На первый взглядъ чтеніе древнѣйшаго кодекса, сохранившееся также въ схоліяхъ, поражаетъ насъ своею необычайностью. Чтѣ значать въ самомъ дѣлѣ *siccae mamillae*, сухія груди, и какимъ образомъ могутъ онѣ для женщины служить выраженіемъ безстыдства и нахальства? (*audax et coetus possit quae ferre virorum*). Объясненіе, которое находимъ мы въ схоліяхъ, совсѣмъ не подходитъ къ этому слову. По этому объясненію, *siccae mamillae* то же значать, чтѣ *mamillae adhuc exstantes*. Къ счастью, сохранилось еще другое объясненіе, приписываемое обыкновенно Пробу и сообщаемое Валлою, которое до нѣкоторой степени можетъ оправдать это странное выраженіе. По этому объясненію „сухія груди“ означаютъ не потѣющія груди (*siccis-sine sudore*). Чтѣ потѣющія груди могли служить признакомъ робости, а не потѣющія—признакомъ смѣлости, — это понятно. Но намъ неизвѣстно, было ли это выраженіе также общеупотребительно, какъ, на примѣръ, рядомъ стоящее съ нимъ *recta facie*, означающее тоже смѣлость ¹⁾. Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, чтѣ это выраженіе у другихъ писателей не встрѣчается, не даетъ намъ права отвергнуть его безъ дальнѣйшихъ разсужденій и признать за подлинное позднѣйшую поправку „*strictis mamillis*“, тѣмъ болѣе, чтѣ эта поправка такъ же темпа и двусмысленна, какъ и чтеніе древнѣйшаго кодекса. Чтѣбы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только разсмотрѣть тѣ объясненія, какія представляютъ намъ ученые комментаторы, принявшіе въ свой текстъ чтеніе *strictis mamillis* вмѣсто *siccis mamillis*. Руперти, напри-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, чтѣ Вейднеръ, принявшій чтеніе *siccis mamillis*, толкуеть его совершенно непонятно. По его мнѣнію, впитеть этогъ придавъ женщинѣ, потому чтѣ она бездѣтна, да и вообще не думаетъ исполнять материнскихъ обязанностей. «Въ этомъ сопоставленіи нахальства и бездѣтности», говоритъ онъ, «повтъ самымъ рѣзкимъ образомъ порицаетъ чудовищность (*Unnatur*) подобнаго рода женщинѣ» (?). Впрочемъ, Вейднеръ довольно удачно сравниваетъ это выраженіе съ Горациевымъ *siccis oculis*.

мѣръ, толкуеть это выраженіе слѣдующимъ образомъ: *mamillis strictis, h. e. strophio, mamillari fascia, nimis constrictis papillis et ita turgentibus, exsertis ac nudatis, more impudicarum mulierum*. Въ этомъ объясненіи вѣрно только то, что *mamillae strictae* означаютъ груди сжатые или стянутые грудною повязкою; но едва ли вѣрно то, что говорится въ заключеніи. Груды сжатые не значатъ груди приподнятыя, выпяченныя и такимъ образомъ обнаженныя. Какъ извѣстно изъ Марціала, *fascia pectoralis* употреблялась не для того, чтобы придать болѣе роскошную форму грудямъ, а, напротивъ того, чтобы скрыть слишкомъ развитыя груди, или же задержать ростъ ихъ.

Mart. XIV, 134.

*Fascia crescentes dominae compesce papillas,
Ut sit quod capiat nostra tegatque manus.*

Mart. XIV, 66.

*Taurino poteras pectus constringere tergo,
Nam pellis mammas non capit ista tuas* ¹⁾.

Слѣдовательно, *mamillae strictae* въ прямомъ смыслѣ могутъ означать только груди сжатые, а не обнаженныя или выставленныя на показъ, и потому никоимъ образомъ не могутъ служить признакомъ безстыдства или неприличія. — Другіе, какъ, напримѣръ, Гейнрихъ и К. Германъ, принимаютъ *strictis mamillis* въ переносномъ значеніи и сравниваютъ это выраженіе съ техническимъ терминомъ *stricto ense*. „*Strictae mamillae*, говоритъ Германъ, значить то же, что *nudatae et quasi provocantes vel certamini paratae*“ (см. *de codicibus Iuvenalis recte aestimandis. Sommerprogramm der Göttingener Universität vom Jahre 1874*). Если принять *strictis mamillis* въ этомъ значеніи, то конечно, выйдетъ мысль понятная, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ согласиться, что метафора, употребленная Ювеналомъ, была бы еще смѣлѣе и необычайнѣе той, которая заключается въ традиціонномъ чтеніи *siccis mamillis*. При такомъ объясненіи выходитъ, что женщина, о которой здѣсь идетъ рѣчь, публично вступаетъ въ бесѣду съ полководцами, отправляющимися на войну, обнаживъ свои груди (подобно мечу). Едва ли, однако, такъ далеко заходили римскія аристо-

¹⁾ Сравни замѣтку схоластика (помѣщенную въ большомъ изданіи О. Яна): *pectoralis erat fascia, qua puellarum mammae stringebantur, ne nimium crescendo exuberescerent*.

кратки въ присутствіи публики и особенно въ присутствіи мужей своихъ (*praesente marito*).

Sat VII, 14—16.

*faciant equites Asiani
quamquam et Cappadoces faciant equitesque Bithyni,
altera quos nudo traducit Gallia talo.*

Янъ, слѣдуя Пинцгеру, выкидываетъ 15-й стихъ, въ которомъ, собственно говоря, и заключается вся трудность. Германъ старается устранить всѣ несообразности тѣмъ, что переноситъ *Bithyni* на мѣсто *Asiani* и *Asiani* на мѣсто *Bithyni*. Эминдація Германа, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ она проста, остроумна и не прибѣгаетъ къ слишкомъ радикальному способу выбрасыванія всего того, что покажется въ авторѣ нескладнымъ. Грамматически 15-й стихъ не представляетъ необычайныхъ аномалій. Союзъ *quamquam*, стоящій здѣсь въ концѣ предложенія, встрѣчается еще разъ въ такомъ же порядкѣ въ VI-й сатирѣ, ст. 198—199: *dicas haec mollius Naemo quamquam et Carporhoro* (вмѣсто *quamquam dicas haec etc.*). Одного только собственно недостаетъ грамматически, а именно объекта при *faciant* (*hoc* или тому подобное).

Sat. VII, 50—52.

*nam si discedas, laqueo tenet ambitiosi,
consuetudo mali; tenet insanabile multos
scribendi cacoethes et aegro in corde senescit.*

К. Германъ и Вейднеръ удерживаютъ 51-й стихъ. Янъ считаетъ его подозрительнымъ. Я полагаю, что мнѣніе Яна вѣрно, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Во-первыхъ, прежде всего выдается въ глаза слово *multos*. Ювеналъ обращается къ поэту и потому говоритъ во 2-мъ лицѣ единственнаго числа. Поэтому послѣ *si discedas* слѣдовало бы ожидать *tenet te*, а не *tenet multos*. Во-вторыхъ, рассматривая остальные слова 51-го стиха, не трудно замѣтить, что *consuetudo mali* есть переводъ греческаго слова *cacoethes*, слѣдовательно—то, что называется глоссою, а *insanabile* есть прозаическое поясненіе болѣе поэтическаго выраженія *aegro in corde senescit*. Изъ этихъ словъ, можетъ быть, приписанныхъ къмъ-либо сверху 52-го стиха, интерполяторъ составилъ стихъ, повторивъ еще разъ *tenet*, которое стоитъ въ предыдущемъ стихѣ, и приписавъ безъ смысла *multos*. Выкидывая этотъ стихъ, слѣдуетъ, конечно, вмѣстѣ съ Яномъ перемѣнить *ambitiosi* въ *ambitiosum*, согласуя его съ *cacoethes*. Замѣчательно, что въ схоли-

лхъ нѣтъ никакихъ замѣтокъ къ 51-му стиху, а при словѣ *sascoethes* стоитъ, какъ поясненіе, *mala consuetudo scribendi*.

Sat. VIII, 1—9.

Stemmata quid faciunt? quid prodest, Pontice, longo
 sanguine censeri, pictos ostendere vultus
 maiorum et stantis in curribus Aemilianos
 et Curios iam dimidios umerosque minorem
 Corvinum et Galbam auriculis nasoque carentem?
 quis fructus, generis tabula iactare capaci
 Corvinum, posthac multa contingere virga
 fumosos equitum cum dictatore magistris,
 si coram Lepidis male vivitur?

Янъ заподозрѣваетъ 7-й стихъ, К. Германъ ставитъ въ скобки 5-ый и 6-ой стихи, считая 7-й стихъ подлиннымъ. Риббекъ выкидываетъ 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й стихи; Вейднеръ 6-й, 7-й и 8-й. Въ доказательство подложности выкидываемыхъ пяти стиховъ, Риббекъ приводитъ слѣдующія основанія ¹⁾: 1) Странно, говоритъ онъ, что одинъ и тотъ же аристократъ указываетъ какъ на своихъ предковъ и на Эмпляновъ, и на Куріевъ, и на Корвина, Гальбу и Лепидовъ, какъ будто бы всѣ они состояли въ родствѣ между собою. На это можно возразить, что здѣсь идетъ рѣчь не объ одномъ аристократѣ, а вообще объ аристократахъ и хвастовствѣ ихъ своими родословными. Эмилианы, Куріи, Корвины, Гальбы и Лепиды употреблены здѣсь не въ буквальномъ смыслѣ, а въ нарицательномъ, вмѣсто знаменитыхъ предковъ. 2) Затѣмъ, Риббекъ считаетъ неумѣстными мелочныя эпитеты: *Curios dimidios umerosque minorem Corvinum et Galbam auriculis nasoque carentem*. Невѣроятно, говоритъ онъ, чтобы аристократы оставляли изображенія своихъ предковъ въ такомъ неисправномъ состояніи. Но здѣсь идетъ рѣчь не о восковыхъ изображеніяхъ, хранившихся въ особыхъ шкафахъ въ атриумѣ, а вообще о памятникахъ, поставленныхъ внѣ дома, о статуяхъ и триумфальныхъ колесницахъ ²⁾.

¹⁾ Der echte und der unechte Juvenal. Von O. Ribbek, стр. 95—98.

²⁾ Такъ, между прочимъ, статуи знаменитыхъ мужей были поставлены въ портикахъ, украшавшихъ форумъ Августа. Suet. Aug. 31: *statuas omnium triumphali effigie in utraque fori sui porticu dedicavit*. Op. Iuv. 1, 128—129 и схожіи къ этому мѣсту: *rostra, ubi habere solent triumphales statuas viri magni sive quadrigas*. Триумфальныя колесницы стояли также въ вестибулахъ знатныхъ домовъ, Iuv., 7, 125—128.

Что памятники, стоявшіе на мѣстахъ открытыхъ, могли легко испортиться отъ времени, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. 3) Наконецъ, Риббекъ указываетъ на то, что *quis fructus* есть повтореніе выраженія *quid prodest; generis tabula jactare caraci* есть вариация фразы *longo sanguine censeri; multa contingere virga* есть то же самое, что *ostendere* и т. д. На это можно замѣтить, что повтореніе одной и той же мысли въ разныхъ выраженіяхъ свойственно риторической манерѣ Ювенала и встрѣчается почти въ каждой сатирѣ. Возьмемъ, на примѣръ, первую сатиру, въ которой также слѣдуетъ нѣсколько вопросовъ подъ рядъ, выражающихъ то же самое: *numquamne heronam, imprime ergo mihi recitaverit, imprime diem consumpserit*. Затѣмъ можно еще замѣтить, что *multa contingere virga* не значить то же самое что *ostendere* (показывать много разъ дозою или указкою), а можетъ значить только: соприкасаться многими вѣтвями (или черточками) на генеалогическомъ деревѣ съ разными знаменитостями, то-есть, быть въ родствѣ съ ними.

По моему мнѣнію, одинъ только стихъ можетъ быть по справедливости заподозрѣваемъ, а именно 7-й: *Corvinum, posthac multa contingere virga*. Вонервыхъ, имя Корвина было только что упомянуто (5 ст.) и потому повтореніе его совершенно поумѣстно. Вовторыхъ, *posthac* въ этомъ мѣстѣ не имѣетъ никакого смысла, потому что *tabula jactare caraci* и *multa contingere virga* не суть два различные акта, о которыхъ можно было бы выразиться такъ, какъ будто бы они слѣдовали одинъ послѣ другаго. Вѣтретыхъ, наконецъ, выраженіе *tabula jactare caraci* *Corvinum* кидается въ глаза своею странностью. Съ выраженіемъ *tabula carac* связывается представленіе не объ одномъ лицѣ, а о многихъ. Если выкинуть 7-й стихъ, то мы получимъ совершенно правильное выраженіе: *tabula jactare caraci fumosos equitum cum dictatore magistros*.

Sat. VIII, 111—112.

si quis in aedicula deus unicus; haec etenim sunt
pro summis, nam sunt haec maxima. despicias tu—

О подложности этихъ стиховъ не стоило бы говорить, еслибы К. Германъ не счелъ ихъ нужнымъ удержать въ текстѣ. Всякій съ перваго взгляда можетъ замѣтить, что *si quis in aedicula deus unicus* есть перифразисъ предыдущаго *si quod spectabile signum*, а *haec etenim sunt pro summis, nam sunt haec maxima* есть такая тавтологія, которую невозможно допустить не только въ Ювеналѣ, но и въ

самомъ плохомъ стихоплетѣ. По всей вѣроятности, всѣ эти фразы суть ничто иное, какъ случайныя замѣтки, приписанныя къ 110 стиху какими либо чтецами Ювенала. Изъ нихъ неизвѣстный интерполаторъ составилъ два гекзаметра, прибавивъ для полноты стиха *despicias tu*, или вѣрнѣе сказать, повторивъ глаголь, стоящій въ слѣдующемъ стихѣ. Этимъ повтореніемъ излишнимъ и неумѣстнымъ интерполаторъ испортилъ и слѣдующій стихъ (*despicias tu forsitan imbellis Rhodios unctamque Corinthion despicias merito*).

Sat. IX, 105—106.

*vela tegant rimas, iunge ostia, tollite lumen,
e medio taceant omnes, prope nemo recumbat.*

Странно, что почти всѣ издатели сдѣлали себѣ изъ 106-го стиха настоящую пытку, упорно относя *e medio* къ *taceant*. Такъ какъ однако *taceat e medio* не имѣетъ никакого смысла, то они и пытались всячески исправить это мѣсто, предлагая читать вмѣсто *taceant* то *iaceant* (Руперти), то *abeant* (К. Германъ), то *fac eant* (Гауптъ, Риббекъ, Вейднеръ) и т. п. Между тѣмъ въ этихъ стихахъ никакихъ трудностей нѣтъ и чтеніе Питейскаго кодекса совершенно правильно. Стоитъ только относить *e medio* не къ послѣдующему *taceant*, а къ предыдущему *tollite lumen*, и читать это мѣсто, такъ разставивъ знаки препинанія:

*vela tegant rimas, iunge ostia, tollite lumen
e medio, taceant omnes, prope nemo recumbat.*

Въ позднѣйшихъ кодексахъ вмѣсто *taceant* стоитъ *clamant*; вѣроятно первоначально стояло *ne clamant*, какъ объясненіе къ *taceant*.

Sat. IX, 118—124.

*Vivendum recte est cum propter plurima, tunc est (вѣроятно et)
idcirco ut possis linguam contemnere servi.*

*praecipue causis, ut linguas mancipiorum
contemnas, nec ¹⁾ lingua mali pars pessima servi.*

deterior tamen hic, qui liber non erit illis,

quorum animas et farre suo custodit et aere.

„Utile consilium modo, sed commune, dedisti“.

Риббекъ считаетъ всѣ эти стихи подложными. Но если выкинуть всѣ эти стихи, тогда разрывается всякая связь между предыдущимъ и послѣдующимъ и получается странный разговоръ между поэтомъ и

1) Несъ въ Питейскомъ кодексъ, намъ въ позднѣйшихъ.

Неволомъ: одинъ говорить одно, другой—другое. По моему мнѣнію гораздо вѣрнѣе считать вставленными только четыре стиха, отъ 120-го до 123-го, потому что отвѣтъ Невола—*utile consilium modo, sed com-
mune dedisti*—заставляетъ насъ предполагать, что въ предшествую-
щихъ словахъ, обращенныхъ къ Неволу, была высказана какая ни-
будь общая мысль, данъ былъ какой-нибудь совѣтъ. Такой совѣтъ,
на который намекаетъ отвѣтъ Невола, находимъ мы въ 118-й и 119-й
стихахъ: *vivendum recte est, quum propter plurima, tum et (или vel)
idcirco, ut possis linguam contemnere servi*. Слѣдовательно, эти стихи
необходимы для общей связи цѣлаго. Но остальные четыре стиха
частью лишни (120 и 121 ст.), частью неумѣстны (ст. 122 и 123).
Стихи 120-й—121-й (*gracissime causis, ut linguam mancipiorum contem-
nas*) повторяютъ въ худшей формѣ только то, что сказано въ предыду-
щихъ стихахъ (*tum et idcirco, ut possis linguam contemnere servi*),
и суть ничто иное, какъ перифразисъ, первоначально приписанный
къмъ либо на поляхъ рукописи, а впоследствии подобно многимъ дру-
гимъ перифразисамъ, попавшій въ самый текстъ. Точно также и
остальные стихи носятъ характеръ замѣтокъ, какія часто дѣлались
чтецами и толкователями Ювенала надъ строками и на поляхъ ру-
кописи и съ теченіемъ времени попадали въ текстъ. Такъ слова *pes*
(или *pan*) *lingua mali pars pessima servi* приписаны были вѣроятно
къмъ либо для того, чтобъ объяснить, почему слѣдуетъ заботиться
о языкѣ или толкахъ рабовъ. Что подобныя объясненія могли иног-
да попасть въ текстъ, тому служить примѣромъ разобранное нами
выше мѣсто, представляющее образчикъ однородной интерполяціи
(VIII, 111—112). Остальные же два стиха (122 и 123) уже потому
подозрительны, что заключаютъ въ себѣ замѣтку, совсѣмъ не отно-
сящуюся къ дѣлу, и не находятся въ связи ни съ предыдущимъ, ни
съ послѣдующимъ. Въ предыдущихъ стихахъ Ювеналъ въ отвѣтъ на
просьбу Невола не разказываетъ того, что онъ ему сообщилъ, совѣ-
туетъ лучше просить рабовъ своего патрона, чтобы они молчали, и въ
заключеніе даетъ ему добрый совѣтъ: жить хорошо, чтобы можно было
пренебрегать толками рабовъ. Стихи же 122-й—123-й нисколько не от-
носятся къ Неволу, а заключаютъ въ себѣ общее замѣчаніе о госпо-
динѣ, зависящемъ отъ собственныхъ своихъ рабовъ. Точно также
стихи эти не находятся въ связи и съ послѣдующимъ, что легко
можно замѣтить, если сравнить ихъ съ 124-мъ стихомъ. Еслибы Ювеналъ
заклучилъ рѣчь свою, обращенную къ Неволу, этими стихами, то
нельзя было бы понять, какимъ образомъ могъ Невола отвѣчать на

нихъ словами: *utile consilium modo, sed commune dedisti*; потому что стихи эти не заключаютъ въ себѣ никакого совѣта. Наконецъ самый языкъ этихъ стиховъ представляетъ нѣкоторую неясность и странность. *Deterior tamen hic*. Спрашивается: кого *deterior*? *linguā* ли *servi*, или *te* (то-есть, *Naevolo*)? Затѣмъ выраженіе *custodire animas et farrē et aere* не имѣетъ ничего себѣ подобнаго ни у Ювенала, ни у другихъ писателей такъ-называемой серебряной эпохи латыни. Въ VI-й сатирѣ, ст. 630, находимъ мы фразу *custodite animas*, охраняйте или берегите жизнь вашу. Выраженіе совершенно правильное, въ которомъ глаголь *custodire* употребленъ въ обыкновенномъ своемъ значеніи. Но едва ли Ювеналъ могъ сказать *custodire animas farrē et aere*, оберегать жизнь мукою и деньгами (?).

Въ подтвержденіе подложности указанныхъ нами выше четырехъ стиховъ (120—123) мы можемъ привести еще то обстоятельство, что въ кодексахъ худшей редакціи 119-й стихъ (*idcirco ut possis linguam contempere servi*) стоитъ послѣ 123-го стиха (*quorum animas et farrē suo custodit et aere*). Ясно, что онъ былъ отдѣленъ отъ 118-го стиха, съ которымъ онъ неразрывно связанъ, позднѣйшею интерполяціей. Да въ древнихъ схоліяхъ нѣтъ и никакихъ замѣтокъ на заподозрѣнные нами стихи, изъ чего мы можемъ заключить, что въ рукописи, которою пользовался древній схолиастъ, ихъ вовсе не было.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Ланъ сначала считалъ вставленными только два стиха (120—121)¹⁾, а впоследствии всѣ 4 стиха (120—123)²⁾. К. Германъ признаетъ всѣ стихи подлинными, исправляя только, по примѣру Лахмана, *causis* въ *cave sis*. Вслѣдствіе этой поправки выходитъ, однако, слѣдующая несообразность: дается совѣтъ Неволу жить такъ, чтобы можно было пренебрегать толками рабовъ, и въ то же время совѣтуется совершенно противоположное—не пренебрегать толками рабовъ. Тейфель также приписываетъ всѣ стихи Ювеналу, но придумываетъ совершенно новое объясненіе всѣхъ несообразностей, какія они представляютъ. Онъ принимаетъ въ этомъ мѣстѣ двойную редакцію, одну отъ 118-го до 119-го стиха, другую отъ 120-го до 123-го стиха (Teuffel, Rhein. Mus. 21, 155—158). Ювеналъ, полагаетъ онъ, не успѣлъ остановиться на одной изъ этихъ двухъ редакцій, но успѣлъ выбросить худшую изъ нихъ (ст. 120—123), и послѣ его смерти обѣ попали въ текстъ, совершенно противъ его желанія,

¹⁾ См. большое изданіе, 1851 г.

²⁾ Изданіе 1868 г.

Подобное предположеніе не имѣетъ, конечно, ничего абсолютно невозможнаго, но оно слишкомъ субъективно и фантастично, такъ какъ мы ровно ничего не знаемъ о томъ, какъ были издапы сатиры Ювенала; да притомъ оно слишкомъ легко позволяетъ критику справляться со всѣми трудностями текста. До какихъ увлеченій можно дойти, руководясь подобною гипотезой, это показываетъ намъ самъ Тейфель. Такъ, онъ находитъ слѣды двойной редакціи въ III-й сатирѣ, ст. 113; въ V-й, ст. 91 (замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ стихъ опущенъ въ Питейскомъ кодексѣ), въ IX-й, ст. 105—106, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, при всемъ желаніи, невозможно отыскать никакой двойной редакціи. Даже то мѣсто въ VI-й сатирѣ, отъ 589-го до 591-го стиха, которое Тейфель считаетъ второю редакціей мысли, выраженной уже разъ въ предшествующихъ стихахъ 582-мъ—584-мъ, можно скорѣе считать примѣромъ многословія, столь свойственнаго Ювеналу, чѣмъ примѣромъ двойной редакціи.

Sat. X, 318—321.

Sed tuus Endymion dilectae fiet adulter
matronae; mox cum dederit Servilia nummos,
fiet et illius, quam non amat, exuet omnem
corporis ornatum; quid enim ulla negaverit и пр.

Трудность этого мѣста заключается въ 20-мъ стихѣ: *fiet et illius, quam non amat, exuet omnem (corporis ornatum)*. Если считать *et* союзомъ, соединяющимъ глаголы *fiet* и *exuet*, тогда при *fiet* недостасть предиката, и мысль выходитъ весьма неясная и какъ бы не оконченная. Если же *et* принимать въ значеніи нарѣчія *etiam* и всю фразу: *et illius quam non amat* относить къ *fiet* (подразумѣвая при этомъ *adulter*), тогда *exuet* не будетъ связано никакимъ союзомъ съ *adulter*. По моему мнѣнію, можно исправить это мѣсто, если принимать *fiet* въ безличномъ значеніи и читать вмѣсто *et exuet*—*ut exuat*: *fiet ut illius, quam non amat, exuat omnem etc.* Этою поправкой устраняются всѣ трудности, какія представлялъ этотъ стихъ для толкователей: одни подразумѣвали при *exuet*, какъ подлежащее, *Endymion*, другіе—*matrona quaelibet*, относя всю фразу *exuet omnem corporis ornatum* не къ предъдущему, какъ того требуетъ смыслъ, а къ послѣдующему.

А. Вейсманъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ
КОНСТАНТИНОВСКАГО МЕЖЕВАГО
ИНСТИТУТА.

съ 1779 по 1879 годъ.

СОСТАВИЛЪ

А. АПУХТИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

Очеркъ исторіи Константиновскаго Межеваго института составленъ мною по порученію попечителя института, сенатора Владиміра Константиновича Ржевскаго, къ празднованію столѣтняго юбилея этого заведенія. При составленіи я пользовался, по преимуществу, дѣлами писцовога архива Межевой канцеляріи, дѣлами канцеляріи и протоколами конференціи института, а равно и разказами многихъ изъ современниковъ. Собраніемъ матеріаловъ въ писцовомъ архивѣ Межевой канцеляріи и приведеніемъ ихъ въ порядокъ я обязанъ старшему преподавателю межевыхъ законовъ въ институтѣ, статскому совѣтнику Стоцкому, а доставленіемъ свѣдѣній за время Михаила Николаевича Муравьева—дѣйствительному статскому совѣтнику Ломовскому. Изложеніе самой исторіи сдѣлано по годамъ, что, по моему мнѣнію, нагляднѣе знакомитъ съ жизнію заведенія, чѣмъ изложеніе по отдѣламъ.

Директоръ института А. Апухтинъ.

1-го мая 1879 года.

Сто лѣтъ тому назадъ, 14-го мая 1779 года, въ царствованіе императрицы Екатерины II, основана при Межевой канцеляріи Землемѣрная школа, названная въ честь родившагося въ тотъ годъ, 27-го апрѣля, великаго князя Константина Павловича, Константиновскою, такъ какъ открытіе этой школы послѣдовало въ тотъ самый день, когда въ Москвѣ происходило торжество по случаю рожденія его императорскаго высочества. Школа эта въ 1819 году была переименована въ Константиновское Землемѣрное училище, а въ 1835 году училище преобразовано въ Межевой институтъ, и такимъ образомъ, Константиновскій Межевой институтъ въ нынѣшнемъ 1879 году достигъ до ста лѣтъ своего существованія. Первымъ директоромъ Межеваго института былъ надворный совѣтникъ Аксаковъ, а дарованіе институту правъ перворазряднаго учебнаго заведенія послѣдовало въ бытность попечителемъ сенатора тайнаго совѣтника Муравьева 2-го. Такъ, начало института связывается съ именемъ одного изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей, Сергѣя Тимофѣевича Аксакова, а научное развитіе—съ именемъ знаменитаго государственнаго мужа, графа Михаила Николаевича Муравьева, не мало послужившаго въ свою жизнь и благому просвѣщенію.

Мы разкажемъ, какъ возникла Константиновская Землемѣрная школа, и прослѣдимъ, на сколько возможно, годъ за годъ, все вѣковое существованіе этой школы, училища и института. Думаемъ, что историческій очеркъ нашего института, какъ главнаго межеваго учебнаго заведенія въ Россіи и какъ учебнаго заведенія вообще, будетъ имѣть интересъ общій; но, кромѣ того, полагаемъ, что этотъ очеркъ будетъ весьма полезенъ и для самого института: въ долгій періодъ его существованія въ немъ много происходило перемѣнъ и

многое сдѣлано; указаніе на эти переѣзны и на ихъ послѣдствія несомнѣнно принесеть пользу будущему институту. Наконецъ, надѣемся, что предлагаемая нами исторія Константиновскаго Межеваго института съ живѣйшимъ участіемъ будетъ прочтена всѣми его питомцами, какъ исторія дорогаго имъ заведенія, которое дало имъ не только научное образованіе, но и воспитаніе, и смѣемъ сказать не безъ гордости, воспитаніе прочное, приучившее ихъ къ труду и твердому исполненію своихъ обязанностей.

Основаіе Землемѣрной школы при Межевой канцеляріи было вызвано крайнимъ недостаткомъ въ землемѣрахъ, по случаю производившагося тогда, по повелѣнію императрицы Екатерины II, общаго межеванія въ Россіи.

Какъ извѣстно, манифестомъ императрицы отъ 19-го сентября 1765 года объявлено было генеральное межеваніе и обнародованы правила новой межевой инструкціи; учреждено званіе землемѣровъ и образованы: въ Петербургѣ, въ составѣ сената, особая Межевая экспедиція, пользовавшаяся правомъ непосредственнаго всеподданнѣйшаго доклада; въ Москвѣ—Межевая канцелярія, а въ провинціяхъ—межевыя конторы. Всѣмъ этимъ мѣстамъ были утверждены штаты, съ образованіемъ при каждомъ изъ нихъ чертежной изъ директора и опредѣленнаго числа землемѣровъ. Но правительству, приступившему къ дѣлу общаго межеванія, недоставало техниковъ. Въ числѣ равныхъ мѣръ для укомплектованія личнаго состава межеваго вѣдомства, Межевой экспедиціи, между прочимъ, было предоставлено требовать черезъ Военную коллегію изъ гарнизонныхъ школъ учениковъ, умѣющихъ писать и чертить планы, знающихъ ариметику и могущихъ продолжать ученіе. Тѣхъ изъ этихъ учениковъ, которые оказывались преимѣющими достаточныхъ свѣдѣній въ копированіи плановъ, должны были обучать этому искусству состоявшіе при чертежныхъ землемѣры 1-го класса, съ тѣмъ, чтобы, по пріобрѣтеніи ими необходимыхъ знаній, они были употреблены по ихъ назначенію. Такимъ образомъ явился новый классъ межевыхъ чиновъ, получившихъ названіе землемѣрныхъ учениковъ и раздѣлявшихся по окладамъ содержанія на старшихъ и младшихъ, или первоклассныхъ и второклассныхъ. Впоследствии, дозволено было опредѣлять на службу по межевому вѣдомству свободныхъ людей, опытныхъ канцелярскихъ служителей и способныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, помѣщая ихъ на оклады учениковъ, съ тѣмъ, чтобы лучшіе изъ нихъ были опре-

дѣлаемы въ первокласснымъ землеѣтрамъ съ званіемъ землеѣтрныхъ помощниковъ.

Недостатокъ въ межевыхъ чинахъ сдѣлался особенно ощутительнымъ черезъ 10 лѣтъ послѣ открытія генеральнаго межеванія, когда, съ изданіемъ въ 1775 году учрежденія о губерніяхъ, получила свое начало губернская межевая часть и потребовала въ свой составъ значительное число землеѣтровъ изъ Межевой канцеляріи и межевыхъ конторъ. Въ первые же два года со дня изданія учрежденія о губерніяхъ, переведено было изъ Межевой канцеляріи на должности губернской межевой части 83 землеѣтра.

Очень естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ Межевая экспедиція правительствующаго сената, съ одной стороны, всевозможно заботилась о комплектованіи межевыхъ чиновъ, а съ другой была и крайне затруднена въ этомъ, ибо требовалось, чтобы на межевыя должности поступали не только способныя и достойныя лица, но при томъ и не иначе, какъ по экзамену.

Очень естественно также, что единственнымъ исходомъ изъ этого положенія представлялось учрежденіе правильной школы, для образованія межевыхъ техникумовъ ¹⁾.

Дѣйствительно, въ указѣ сената изъ Межевой экспедиціи въ Межевую канцелярію, отъ 23-го апрѣля 1779 года, послѣдовавшаго на представленіе канцеляріи, между прочимъ, относительно землеѣтрныхъ учениковъ, читаемъ: „нужно постараться, дабы всѣ опредѣленные при сей канцеляріи ученики, изъ коихъ, какъ отъ нея представлено, до тридцати пяти человекъ ни копировать ни писать не умѣютъ, доведены были въ томъ до совершенства, къ чему и принять сей канцеляріи надлежащія средства, по собственному ея изобрѣтенію, что все и представляется на собственное ея распоряженіе и попеченіе, такъ какъ и о жалованьѣ ученикамъ (о которыхъ сія канцелярія представляла, чтобы производить имъ не по сорока, а по трид-

¹⁾ Первая мысль о правильномъ школьномъ обученіи землеѣтрныхъ учениковъ, состоявшихъ при Межевой канцеляріи, принадлежала, повидимому, первому члену этой канцеляріи, сенатскому оберъ-прокурору, дѣйствительному статскому совѣтнику С. И. Рожнову. По крайней мѣрѣ известно, что, независимо отъ представленія канцеляріи въ сенатъ о вычетѣ у этихъ учениковъ денегъ изъ жалованья на наемъ имъ учителей, С. И. Рожновъ послалъ на имя генераль-прокурора, князя Вяземскаго, особое письмо, содержанія котораго мы не знаемъ, но о которомъ предполагать надо, что оно было съ изложеніемъ предначертаній объ учрежденіи школы.

пяти рублей въ годъ, а на остальные содержать для обученія ихъ учителей), какое изъ тѣхъ учениковъ кому производить должно, по ихъ трудамъ и искусству, зависитъ отъ нея, потому особливо, что хотя и положено изъ тѣхъ учениковъ производить жалованье однимъ по шестидесяти, а другимъ, кои меньше первыхъ знанія и способности имѣютъ, по сорока рублей въ годъ; но всѣ тѣ ученики не иначе, какъ состоятъ въ числѣ канцелярскихъ служителей. Въ именномъ же ея императорскаго величества, декабря 15-го дня 1763 года, указъ, точно напечатано: „Хотя по штатамъ въ каждомъ мѣстѣ число людей и на ихъ годовая сумма и положена, но какъ часто бываетъ, что изъ канцелярскихъ служителей одинъ другаго способнѣе и прилежнѣе въ дѣлахъ, то и должны президенты и прочіе, имѣющіе дирекцію, производить жалованье нижнимъ канцелярскимъ служителямъ, смотря по трудамъ и достоинству“. Этотъ указъ, полученный въ Межевой канцеляріи 3-го мая 1779 года, и послужилъ основаніемъ къ учрежденію Землемѣрной школы.

6-го мая Межевая канцелярія протоколъ свой по тому указу, относительно учениковъ, заключила слѣдующими словами: „И наконецъ, о наймѣ для незнающихъ чертежныхъ учениковъ учителя, и о вычетѣ у нихъ денегъ изъ январской сего года трети на жалованье, также на покупку инструментовъ и матеріаловъ, о всемъ томъ доложить особо“.

Особый докладъ по этому важному предмету былъ сдѣланъ первымъ членомъ Межевой канцеляріи, оберъ-прокуроромъ сената, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Рожновымъ, на другой же день то-есть, 7-го мая.

Первый членъ Межевой канцеляріи собранію (то-есть, присутствію) предлагалъ: „что призналъ онъ за способныхъ, для обученія, находящихся въ чертежной учениковъ ариметикъ и геометріи—подполковника Чуровскаго и сына его, сержанта Андрея Чуровскаго, а копированію и украшенію (иллюминновѣ) плановъ — землемѣрнаго помощника и живописца Егора Михайлова, изъ которыхъ первый былъ на владѣльческомъ коштѣ у межеванія земель; другой требуется отъ военной конторы въ межевой корпусъ, а третій здѣсь при чертежной въ штатѣ на сторублевомъ окладѣ. Полковникъ же Чуровскій себѣ и сыну своему за обученіе ариметикъ и геометріи требовалъ дать имъ, на первый случай, жалованье триста рублей въ годъ“.

При этомъ Межевая канцелярія рассматривала представленный отъ чертежнаго директора, секундъ-маіора Муравьева, списокъ помощни-

камъ и ученикамъ, изъ котораго видно: „Въ ариѳметикѣ, геометріи, практикѣ и въ планахъ совершенно знающихъ только четыре помощника, да первоклассный ученикъ одинъ; двое же помощниковъ, ариѳметику и планъ - геометрію знаютъ, планы чертятъ хорошо, и въ практикѣ были, слѣдовательно, имъ осталось обучить одну только тригонометрію. Изъ учениковъ, знающихъ отчасти геометрію, первоклассныхъ двое и второклассный одинъ, а прочіе помощники 12 человекъ, въ томъ числѣ означенный живописецъ Егоръ Михайловъ, да заштатный одинъ; ученики 1-го класса 17 человекъ и 2-го класса 42 человекъ, ни начала геометріи не знаютъ, и изъ нихъ многіе простому дѣленію и копированію еще обучаются; а всѣхъ помощниковъ и учениковъ слѣдуетъ обучать 76 человекъ. Жалованье штатные получаютъ: помощники по сту, первоклассные ученики по шестидесяти, второклассные по сорока рублей въ годъ. А указомъ правительствующаго сената изъ Межевой экспедиціи, полученнымъ сего мая 3-го дня, обученіе незнающихъ и умепьшеніе у нихъ жалованья отдано на распоряженіе и пощеченіе Межевой канцеляріи, и для того приказано: 1) подполковнику Чуровскому быть учителемъ ариѳметики и геометріи, а сыну его, по выключѣніи изъ военной службы, при немъ помощникомъ, съ производствомъ обоемъ имъ жалованья 300 рублей въ годъ, которое и выдавать учителю по третямъ года. 2) Порядочному копированію и украшенію плановъ обучать означенному помощнику и живописцу, Егору Михайлову, которому, между тѣмъ, и самому ариѳметикѣ и геометріи обучаться у подполковника Чуровскаго; жалованье-жъ ему, Михайлову, производить отъ учениковъ по сто рублей въ годъ, которое и выдавать по третямъ года. 3) Для произведенія означеннымъ учителямъ и помощнику жалованья, также для покупки инструментовъ и матеріаловъ, вычитать: у помощниковъ по пяти, у первоклассныхъ учениковъ по три, у второклассныхъ по два рубля въ треть, доколѣ они совершенно обучатся. Вслѣдствіе сего, изъ заслуженнаго въ прошедшую январскую треть жалованья вычесть у 10 помощниковъ, у 19 первоклассныхъ и у 39 второклассныхъ учениковъ, а у всѣхъ 175 рублей 50 коп., которые, особенно храня, въ расходъ употреблять не иначе, какъ по опредѣленіямъ и ассигнаціямъ канцелярскимъ (то-есть, Межевой канцеляріи), о чемъ дать указъ, и для записки тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ шнуро-запечатанную книгу. 4) Какъ всѣхъ почти находящихся при чертежной помощниковъ и учениковъ надо бы обучать; но если вдругъ всѣхъ къ тому отдать, то произойдетъ,

съ одной стороны, для учителя трудность, а съ другой стороны — остановка въ копированіи плановъ и для того чертежному директору, секундъ-маіору Муравьеву, велѣтъ тѣхъ помощниковъ и учениковъ, которые порядочно копируютъ планы, оставить въ чертежной; а посредственныхъ и неумѣющихъ, отобрать чловѣкъ до 36, отдать по списку учителямъ, съ тѣмъ, чтобъ они, доведя ихъ въ познаніи, первый лонъ-геометріи, а второй копированію и украшенію плановъ, возвратили ихъ въ чертежную для работы, а вмѣсто нихъ приняли изъ нея послѣднихъ 40 чловѣкъ, для совершеннаго уже окончанія ариметики и геометріи, также копированія и украшенія плановъ, и какъ они во всемъ томъ успѣютъ, отдали бы ихъ въ чертежную, а изъ нея взяли прежнихъ учениковъ, и съ ними также поступили бы какъ съ послѣдними. 5) Учителямъ и расходчику велѣтъ приторговать 12 геометрическихъ русскихъ инструментовъ, 36 досокъ аспидныхъ и грифелей, да для рисованія 12 листовъ хорошихъ печатныхъ картушъ, а приторговавъ, съ показаніемъ послѣдней цѣны, подать канцеляріи рапортъ. 6) Когда все то будетъ куплено, раздать обучающимся на каждыхъ трехъ чловѣкъ по одному инструменту, по одному печатному листу, а доски и грифеля каждому съ обязательствомъ, что ежели кто испортитъ или потеряетъ, съ того непременно взыскано или вычтено будетъ изъ жалованья. 7) Для сей школы экзекутору отвезти въ главномъ корпусѣ наугольныхъ три покоя, что въ садъ; а поелику ни столовъ, ни скамеекъ готовыхъ нѣтъ, то экзекутору-жь и расходчику подрядить сдѣлать два небольшихъ стола и три стула для учителей и помощника, да два большихъ стола и четыре скамейки для учениковъ, а подряда, о послѣдней цѣпѣ канцеляріи рапортовать. 8) Дабы въ ученіи сохраняемъ былъ надлежащій порядокъ и успѣхъ, того смотрѣтъ и прилежно наблюдать чертежному первоклассному землемѣру, коллежскому ассесору Протасову; а главное за всѣмъ тѣмъ попеченіе принялъ на себя г. первый членъ (то-есть, Рожновъ) съ тѣмъ, что онъ всякій мѣсяцъ учащихся самъ экзаменоватъ будетъ. 9) Какъ о семъ распоряженіи, такъ и объ ассессорѣ Протасовѣ, что онъ избранъ въ помощь директору и на какомъ основаніи, правительствующаго сената Межевой экспедиціи донести рапортомъ, включая при немъ таковой же списокъ, каковъ отъ директора Муравьева о знаніи помощниковъ и учениковъ представленъ*.

Это опредѣленіе подписано присутствіемъ Межевой канцеляріи 10-го мая, а 14-го того же мѣсяца директоръ чертежной, секундъ-

маіоръ Муравьевъ, донесъ: „По опредѣленію Межевой канцеляріи, для обученія ариметики, геометріи и прочихъ касающихся до межеванія наукъ, къ подполковнику г. Чуровскому помощники, первоклассные и второклассные ученики въ чертежной назначены; а кто именно, тому прилагаю при семъ именной списокъ, по которому ему, г. Чуровскому, сего числа и сданы“.

Въ тотъ же день, то-есть, 14-го мая 1779 года Межевая канцелярія, разсуждая о вновь заводимой здѣсь Землемѣрной школѣ, приказала: „Сіе училище, по призваніи въ помощь Всевышняго, открытъ нынѣшній день, и какъ въ оный происходитъ будетъ торжество для его императорскаго высочества, благовѣрнаго государя великаго князя Константина Павловича, то въ честь ему сіе Землемѣрное училище наименовать Константиновскимъ, и о томъ Межевой экспедиціи въ извѣстіе отрапортовать, а о публикованіи въ газетахъ сообщить въ Императорскій Московскій университетъ, куда и 50 коп. отослать“. Рапортомъ въ сенатъ по Межевой экспедиціи, 16-го мая 1779 года № 1980, Межевая канцелярія, между прочимъ, доносила: „Для сей школы отведено въ главномъ корпусѣ канцелярскомъ три покоя съ принадлежностью, также инструменты и другіе матеріалы заготовлены и, наконецъ, то училище, по призваніи въ помощь Всевышняго, при членахъ Межевой канцеляріи, при директорѣ, учителяхъ, землемѣрахъ и другихъ чинахъ, открыто сего мая 14-го дня, въ который здѣсь и торжество происходило для его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича, и въ честь его высочеству сіе Землемѣрное училище наименовано Константиновскимъ“.

Таково скромное начало перваго землемѣрнаго училища въ Россіи, основаннаго непосредственно для нуждъ межеваго вѣдомства. Основателемъ его, по справедливости, можно назвать тайнаго совѣтника, сенатора, Сергѣя Ивановича Рожнова, который нестройное обученіе землемѣрныхъ учениковъ обратилъ въ правильную школу и принялъ на себя всѣ хлопоты по первоначальному устройству оной.

Весьма любопытно знать, на какомъ именно мѣстѣ Москвы находилась эта школа, что приводитъ къ розысканію, гдѣ именно помѣщалась въ то время Межевая канцелярія. Межевая канцелярія съ октября 1770 г. по августъ 1788 года помѣщалась въ домѣ, купленномъ 1770 года сентября 27-го, у вдовы фельдмаршала, внягини Анны Даниловны Трубецкой, по купчей, писанной того-же 27-го сентября въ Москвѣ у крѣпостныхъ дѣлъ.

Мѣсто этого дома, въ купчей, означено такъ: „Каменный домъ,

состоящей на Тверской большой улицѣ, въ приходѣ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что именуется на Вражкѣ, со всѣмъ строеніемъ и съ имѣющимся при томъ домѣ садомъ, кромѣ состоящаго позади палатъ маіора Петра Михайлова, сына Бѣльскаго, деревяннаго строенія, котораго при объявленіи и продажѣ и на планѣ показано было „А въ межахъ тотъ нашъ (кн. Трубецкой и ея сыновей) домъ по обѣ стороны проѣзжихъ съ Тверской на Никитскую улицу переулковъ, а мѣрю подъ тѣмъ домоу и садомъ земли по большой Тверской улицѣ 47 сажень и $\frac{2}{3}$, по переулку съ правой стороны 66 сажень съ $\frac{1}{2}$; отъ того переулка вправо, подлѣ саду бригадира Андрея Лукьянова, сына Толмачева, 21 сажень $\frac{2}{3}$, да подлѣ двора и саду Московской первой гильдіи купца Ивана Михайлова сына Сажина 31 сажень; по лѣвую сторону, по переулку жъ съ Тверской на Никитскую улицу 44 сажени $\frac{2}{3}$ “. По этому описанію очевидно, что купленный у княгини Трубецкой домъ Межевой канцеляріи находился на мѣстѣ нынѣшняго дома А. Н. Голяшкина, противъ дома, лѣтъ двадцать тому назадъ принадлежавшаго покойному Федору Васильевичу Самарину, а потомъ Дашкевичу. Домъ этотъ, по переходѣ Межевой канцеляріи въ нынѣшнее ея помѣщеніе въ Кремль, сданъ въ вѣдомство московскаго оберъ-полиціймейстера 19-го сентября 1788 года, а такъ какъ Константиновское училище состояло при Межевой канцеляріи и въ этомъ году, то нѣтъ сомнѣнія, что училище это изъ описаннаго дома перешло въ нынѣшнее зданіе кремлевскихъ присутственныхъ мѣстъ въ одно время съ Межевою канцеляріею, которая открыла тамъ присутствіе свое 2-го августа 1788 года.

Черезъ десять дней по открытіи училища, именно 24-го мая 1779 года, Межевая канцелярія приказала: „въ Константиновскомъ землемѣрномъ училищѣ каковому быть порядку, оный здѣсь приложенъ, съ котораго въ училище и въ повѣтьте дать знать“.

„Порядокъ лекціямъ въ Константиновскомъ землемѣрномъ училищѣ“.

„I. По полуночи съ 9-ти часовъ до 2-хъ пополудни, господину подподковнику Чуровскому и сыну его обучать ариметикѣ и геометріи.

„II. Часы 2 и 3 для обѣда и отдохновенія.

„III. По полудни съ 4-хъ часовъ: два часа рисовать, одинъ часъ планы чертить и одинъ часъ писать обучать помощнику Егору Михайлову, которому поутру и самому учиться ариметикѣ и геометріи.

„IV. Единжды въ мѣсяцъ, въ субботу, по полуночи 9 и 10-й часы экзаменовать въ обученныхъ наукахъ.

„V. Часы 11-й и 12-й читать воинскій артикулъ и законы межевые.

„VI. Кто изъ учащихся въ которомъ часу приходитъ не будетъ въ школу, или больнымъ отпрапортуется, или-же не извѣстно зачѣмъ не придетъ, записывать въ особо сдѣланную тетрадь, и чрезъ то лѣнивыхъ познавать.

„VII. Наблюдать, чтобъ шуму, крику и рѣзвости не происходило, но каждый устремленъ былъ въ ученіе.

„VIII. Невоздержныхъ смирять, а лѣнивыхъ штрафовать, по разсмотрѣнію учительскому, соразмѣрно проступку и природѣ виновнаго: 1) постановленіемъ на колѣни; 2) задержаніемъ подъ карауломъ; 3) хлѣбомъ и водою, и наконецъ, 4) по необходимости наказывать розгами и палкою, смотря по возрасту и состоянію.

„XI. Ежедневно подавать господину первому члену рапорты—кто когда изъ учащихся въ школѣ не былъ, или поздно приходилъ и кто, за что и чѣмъ былъ штрафованъ.

„X. Ежемѣсячныя подавать ему же, господину первому члену, рапорты, кто что въ мѣсяцъ выучилъ и что учить началъ; прилеженъ ли, порядоченъ ли въ поведеніи, или нѣтъ“.

На рапортъ Межевой канцеляріи объ открытіи Константиновскаго училища, сенатъ въ отвѣтномъ указѣ 20-го августа 1779 года, № 735, между прочимъ, писалъ: „Сей канцеляріи дать знать указомъ, что Межевая экспедиція надѣется всѣхъ тѣхъ помощниковъ и учениковъ канцелярія не оставитъ постараться довести до надлежащаго въ наукахъ познанія, для того, что чѣмъ скорѣе они обучены и въ дѣйствительную работу употреблены будутъ, тѣмъ больше получится успѣхъ въ сочиненіи и копированіи плановъ“.

На приведенный указъ сената межевая канцелярія 2-го сентября опредѣлила: „Межевой экспедиціи донести рапортомъ, что съ начала учрежденія Константиновскаго землемѣрнаго училища, то-есть, мая съ 14-го дня, изъ числа отданныхъ въ то училище 36 человекъ помощниковъ и учениковъ, которые знали малую часть ариметики, 20 человекъ не только выучили уже весь ариметикъ, но двое изъ помощниковъ дошли тригонометріи и практикѣ, прочіе же обучаютъ лонъ-геометрію, а остальные ариметикъ; какъ же скоро сіи 36 человекъ науку окончатъ, то отдадутся въ чертежную и разошлются по землемѣрамъ; а оттуда въ училище малознающіе взяты будутъ. И такимъ образомъ канцелярія старается и стараться будетъ всѣхъ таковыхъ довести къ совершенному землемѣрной науки познанію“.

Любопытно здѣсь упомянуть о тѣхъ немногочисленныхъ и недорогихъ учебныхъ пособияхъ, которыя, по опредѣленію межевой канцеляріи, были дѣйствительно приобрѣтены для землемѣрнаго училища въ первый годъ его существованія. Вотъ эти пособия: 36 аспидныхъ досокъ, по 32 коп. каждая, 11 руб. 52 коп., и три дюжины грифелей, по 7 коп. дюжина—21 коп. 15-го мая 1779 года, въ виду того, что нѣкоторые изъ обучающихся въ Константиновскомъ землемѣрномъ училищѣ писать мало умѣютъ, межевою канцелярією приказано: „въ университетской книжной лавкѣ, по напечатанной цѣнѣ, купить 12 россійскихъ азбукъ, на счетъ вычтенной суммы, и азбуки раздать обучающимся на три человека по одной съ тѣмъ, чтобъ они, примѣняясь къ нимъ, учились писать, и въ томъ надъ ними смотрѣніе имѣть помощнику и рисовальному мастеру Михайлову“. Затѣмъ велѣно купить: „для обучающихся геометріи и рисовать помощниковъ и учениковъ, 17 печатныхъ кунштовъ по приторгованной цѣнѣ за два рубля“.

10-го іюля 1779 года подполковникъ Чуровскій доносилъ межевой канцеляріи: „находящіеся въ командѣ моей, сверхъ комплекта опредѣленные ученики, которые состоятъ на своемъ коштѣ и едва имѣютъ пропитаніе, наукою дошли до геометріи, и надлежащихъ геометрическихъ инструментовъ, по неимуществу своему, купить не въ состояніи, и затѣмъ далѣе имъ науку продолжать невозможно, и дабы въ наукѣ онымъ остановки не было, того ради симъ представляю, дабы за благо велѣно, впредь, на счетъ ихъ жалованья, шесть инструментовъ изъ казенной суммы купить“. По этому представленію приказано приобрѣсти „шесть россійскихъ инструментовъ, каждый по 3 рубля, да шесть треугольниковъ съ линейками, каждый по 12 копѣекъ, и все за 18 руб. 72 коп. купить“ и деньги продавцу выдать изъ вычтенной на учебы суммы. Этими пособиями пока и ограничиваются. Впослѣдствіи, именно 25-го сентября того же года, подполковникъ Чуровскій представлялъ о покупкѣ инструментовъ въ собственность учениковъ на счетъ ихъ жалованья, приводя въ примѣръ артиллерійскую школу и морскую академію, гдѣ это дѣлалось. Вотъ подлинныя заключительныя слова рапорта Чуровскаго: „Чего ради не благоволено ли будетъ, изъ находящихся въ ономъ училищѣ въ геометріи и далѣе ученикамъ, хотя самонужнѣйшія инструменташтучки, при выдачѣ нынѣ жалованья, каждому купить отъ себя, которая всякъ для себя усерднѣе и беречь можетъ“.

Въ 1780 году представленъ подполковникомъ Чуровскимъ въ ме-

жевую канцелярію отъ Константиновскаго землемѣрнаго училища годовой рапортъ, о томъ: „Съ открытія землемѣрнаго училища, то-есть 779 года мая съ 14-го дня сего 780 года мая по 14-е, сколько помощниковъ и учениковъ, и коликихъ лѣтъ, и какихъ чиновъ въ каковую науку вступили, и кто что выучилъ, и кто когда изъ онаго училища выбылъ“. По этому рапорту межевая канцелярія 14-го іюля 1780 года правительствующаго сената въ межевую экспедицію представила, что „съ начала открытія того училища, въ теченіи годового времени обучены 39 человекъ ариметикѣ, геометріи и копированію плановъ, и по выпускѣ изъ училища должность свою отправляютъ уже порядочно, а 36 человекъ къ тому обучаются“.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеприведеннаго можно видѣть, что личный составъ школы въ первый годъ ея существованія былъ слѣдующій: первый членъ межевой канцеляріи, оберъ-прокуроръ сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. И. Рожновъ былъ какъ бы директоръ заведенія: ему подавались ежедневные и ежемѣсячные рапорты объ ученикахъ, онъ же принималъ на себя главное попеченіе объ училищѣ и ежемѣсячный экзаменъ; должность первокласснаго землемѣра, коллежскаго ассесора Протасова, принимая во вниманіе, что ему поручено было смотрѣніе за сохраненіемъ надлежащаго порядка и успѣха въ ученіи, походить на инспекторскую. Учители были: подполковникъ Данило Чуровскій, сынъ его сержантъ Андрей Чуровскій и землемѣрный помощникъ Егоръ Михайловъ. Составъ учениковъ былъ переменяющійся. Дальнѣйшихъ официальныхъ свѣдѣній о Константиновской школѣ мы не имѣемъ до 1793 года. Въ этомъ году, для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями межевыхъ мѣстъ и лицъ, учреждено званіе главнаго директора межевой канцеляріи, съ назначеніемъ на эту должность сенатора тайнаго совѣтника Дмитріева-Мамонова. Желая ознакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ межевой части, главный директоръ, 6-го мая 1793 года, въ письмѣ на имя перваго члена межевой канцеляріи, статскаго совѣтника Вакселя, потребовалъ отъ межевой канцеляріи, по особой запискѣ, различныхъ свѣдѣній о производствѣ межеванія, равно и „о находящихся при той канцеляріи, какъ школѣ для обученія молодыхъ людей, такъ и чертежной для снятія плановъ, на какомъ основаніи оное все производится“. На указанное требованіе межевая канцелярія, между прочимъ, доносила о школѣ слѣдующее: „межевой канцеляріи при чертежной, для наученія ариметикѣ, геометріи, обрисовкѣ и чистоты копировать планы учреждено училище мая 7-го дня

1779 года, съ тѣмъ, чтобы всѣхъ худо знающихъ сію должность помощниковъ и учениковъ ученіемъ означенныхъ наукъ учинить достойными къ исполненію ихъ должности, какъ-то: 1) копированію плановъ; 2) снятію въ натурѣ дачъ; 3) накладкѣ на огне, снимаемыхъ по астролябіи, геометрическимъ правилѣмъ, земель; слѣдовательно, 4) и сочиненію плановъ. „А какъ въ училище сіе въ то время отданы были получавшіе жалованье, но худо знавшіе науку землемѣрія, то у нихъ, для произвожденія жалованья учителямъ и для покупки нужныхъ для ученія матеріаловъ и всѣхъ къ тому потребностей, опредѣлено было вычитать въ треть:

У 10 помощниковъ по 5 рублей,
у 19 первоклассныхъ учениковъ по 3 руб.,
у 39 второклассныхъ учениковъ по 2 руб.

„На вышесказанномъ положеніи училище въ межевой канцеляріи открыто означеннаго 1779 года мая 14-го дня и въ честь его высочества, благовѣрнаго государя и великаго князя Константина Павловича, наименовано Константиновскимъ и утверждено указомъ правительствующаго сената межевой экспедиціи отъ 20-го числа августа того же года“.

„По временамъ, прежде учившіеся ученики, жалованье имѣвшіе, изъ него по выучѣнъ вышли, а какъ въ содержаніи годныхъ для исправленія должностей чертежныхъ была и есть необходимость, имѣть сверхкомплектныхъ учениковъ, дабы оными занимать мѣста непрестанно выбывающихъ, то канцелярія до вступленія нынѣшнихъ членовъ и принимала ихъ: 1) изъ приказныхъ; 2) изъ солдатскихъ дѣтей, въ публичныя школы не записанныхъ или записанныхъ, по желаніямъ и отпускамъ; 3) изъ вольноотпущенныхъ и 4) хотя малая часть, но всегда состояла учениковъ дѣтей дворянскихъ, большею частію сиротъ и бѣдныхъ, такъ что бѣдность ихъ, кромѣ квартиры и пищи, не допускала многимъ не только пристойной одежды, но и обуви имѣть. Канцелярія, преподавая способы къ содержанію учащихся безъ жалованья, посредствомъ вычитаемыхъ съ помощниковъ и учениковъ денегъ, опредѣляла оное въ раздачу учащимся заштатнымъ, что въ исполненіе приведено бывшими предъ симъ членами. Теперь въ томъ училищѣ учащихся сверхкомплектныхъ помощниковъ и учениковъ 71, а всѣхъ 99 человекъ. Учителями: исправный землемѣръ, секунд-маіоръ Харламовъ, и въ должности землемѣра, помощникъ Скорняковъ. Объ учащихся и о ихъ наукѣ рапортуетъ Харламовъ

въ межевую канцелярію и ея первому члену, коему указомъ правительствующаго сената изъ межевой экспедиціи 1767 года октября 3-го дня, ввѣрено особенное смотрѣніе надъ членами межевыхъ конторъ и работами землемѣровъ и ихъ подчиненныхъ, съ предписаніемъ поступать первымъ членамъ съ подчиненными ихъ, по силѣ данной полковничьей инструкціи.

„Нынѣ вычитающаяся на училище сумма потребовалась: у 37 первоклассныхъ учениковъ по 3 р., у 36 второклассныхъ учениковъ по 2 р., которая по третамъ года, съ опредѣленія Межевой канцеляріи, съ запискою въ особо сдѣланную расходную книгу, выдается на самомагѣйшее поправленіе необходимостей учащихся и для поощренія ихъ въ наукѣ отъ 2 до 7 рублей человѣку въ треть, по росписанію учителю и по разсмотрѣнію Межевой канцеляріи“.

Изъ этого донесенія видно, что никакихъ существенныхъ измѣненій въ заведеніи, съ открытія его въ 1779 году до 1793 года, не произошло. Школа была, по прежнему, заведеніемъ открытымъ; въ ней были кромѣ классныхъ землемѣрныхъ учениковъ и сверхштатные, своекоштные ученики разныхъ сословій, да можно сказать, что и всѣ были, отчасти, своекоштные, потому что изъ ихъ же жалованья нанимались преподаватели и пріобрѣтались учебныя пособия, мебель и даже выдавалось вспомошествованіе учащимся заштатнымъ. Вообще въ царствованіе императрицы Екаторины II никакого постановленія, относительно Константиновской землемѣрной школы, не послѣдовало.

Первый штатъ для этой школы былъ изданъ при императорѣ Павлѣ I. Въ 1796 году декабря 7-го, главный директоръ Межевой канцеляріи Дмитріевъ-Мамоновъ, въ докладѣ императору объ упраздненіи Псковской и Вологодской межевыхъ конторъ и объ увеличеніи денежнаго содержанія Межевой канцеляріи, изложилъ, между прочимъ, относительно школы, слѣдующее: „А какъ еще и свѣрхъ того имѣетъ сія (Межевая) канцелярія у себя училище, заведенное при покойномъ генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, называемое Константиновскимъ, на которое никакого положенія никогда не было сдѣлано, а содержится оно вычитаемыми деньгами изъ жалованья у другихъ вѣдомства Межевой канцеляріи разныхъ чиновъ, и хотя изъ онаго училища не выходятъ люди съ отлѣннымъ знаніемъ вышнихъ наукъ, однако обучаются быть достаточными землемѣрами, знающими хорошо чертить и рисовать планы и прочее, изъ которыхъ многіе употребляются

по той канцеляріи къ исправленію разныхъ должностей, а нѣкоторые хотя по крайней мѣрѣ научаются чистому и хорошему письму, такъ что легко употреблены быть могутъ въ службѣ другого рода; каковое заведеніе разрушить теперь кажется бесполезно, а содержать оное на такомъ основаніи никакъ невозможно". Поэтому Дмитріевъ-Мамоновъ испрашивалъ на содержаніе училища 3,900 рублей въ годъ.

Объ утвержденіи означеннаго доклада въ именномъ указѣ сенату 7-го декабря 1796 (П. С. З. 17,621), сказано: „Апробуя во всѣхъ частяхъ тайнаго совѣтника" и Межевой канцеляріи главнаго директора Дмитріева - Мамонова докладъ объ упраздненіи Псковской и Вологодской межевыхъ конторъ и о прочемъ, повелѣваемъ сенату нашему сходное съ представленіемъ помянутаго тайнаго совѣтника учинить распоряженіе немедленно". Такимъ образомъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ и былъ изданъ первый штатъ Константиновскаго училища:

„Для обученія имѣть въ ономъ 100 учениковъ, съ жалованьемъ по 30 рублей каждому въ годъ, а всѣмъ 3,000 рублей. При нихъ быть учителю изъ землемѣровъ, знающему совершенно должность свою, съ окладнымъ жалованьемъ, кромѣ раціоновъ, въ 500 рублей въ годъ и при немъ двумъ помощникамъ съ жалованьемъ каждому по 200 рублей въ годъ, а всего на всю школу 3,900 рублей".

Въ 1807 году цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ по поводу учрежденія и наименованія Константиновской школы въ память рожденія его высочества, опредѣлилъ въ распоряженіе главнаго директора Межевой канцеляріи, тайнаго совѣтника Обрескова, ежегодно по 250 рублей въ награду отличившимся въ теченіе года ученикамъ (журналъ Межевой канцеляріи 1807 года января 15-го). Вслѣдствіе этого главный директоръ назначилъ четырнадцать награжденій, а именно: ученикамъ Ивану Михайлову и Никанору Зыкину—часы серебряныя; Ивану Блинову, Александру Степанову, Михаилу Назарову и Александру Моро—каждому на мундиръ сукна, казмиру, стамеду и пуговицъ; Степану Оголину, Михаилу Малевскому, Михаилу Ильину, Ивану Вѣлову, Сергѣю Неронову, Александру Махову, Александру Самойлову и Александру Степанову—каждому на мундиръ сукна и казмиру", и поручилъ первому члену: „1) собрать помянутую школу, вручить лично каждому опредѣленное ему награжденіе; 2) приказать директору школы надворному совѣтнику Евреиннову составить книгу къ храненію въ той школѣ, для внесенія именъ нынѣ

и впредь получающихъ награжденія, и 3) сдѣлать гласнымъ канцеляріи настоящее его, г. главнаго директора, по сему предмету къ нему, первому члену, отношеніе“.

Назначенныя главнымъ директоромъ награды четырнадцати ученикамъ были, при собраніи Константиновской школы въ первый разъ 16-го января 1807 года, розданы каждому лично, первымъ членомъ Межевой канцеляріи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Муравьевымъ.

Относительно этихъ наградъ было постановлено: „Всякій разъ, по окончаніи экзамена въ маѣ мѣсяцѣ, представлять главному директору вѣдомость: кто изъ учениковъ каждаго класса найденъ имъ наиболѣе учинившимъ успѣхъ въ познаніи, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ тогда только представлять изъ класса по два человѣка и отнюдь не болѣе, когда они будутъ найдены равныхъ прилежностей и знанія“.

Согласно этому предложенію, въ послѣдующихъ затѣмъ годахъ, ученикамъ Константиновской школы за успѣхи въ наукахъ награды назначались главнымъ директоромъ Межевой канцеляріи и состояли, болѣею частію, изъ золотыхъ и серебряныхъ часовъ, которыя раздавались всегда при собраніи Константиновской школы первымъ членомъ Межевой канцеляріи ¹⁾.

Мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ для того, чтобы представить планъ ученія въ Константиновской школѣ съ 1796 года по 1808 годъ.

Изъ вышеизложеннаго видно однако, что тамъ преподавались: ариметика, геометрія, въ которую входило и землемѣріе; черченіе и рисованіе плановъ; видно также, что ученики занимались снятіемъ въ натурѣ дачъ, но занимались ли они этимъ снятіемъ въ натурѣ въ составѣ самой школы или отправлялись въ партіяхъ при землемѣрахъ, сказать нельзя. Съ 1808 года (постановленіе Межевой канцеляріи 4-го мая, 811 года)

¹⁾ Деньги, назначенныя въ награду ученикамъ школы, препровождались изъ канцеляріи цесаревича сначала въ распоряженіе главнаго директора, а потомъ прямо въ Межевую канцелярію, что и продолжалось до 1-го января 1832 года; съ этого времени, по высочайшему повелѣнію, переданному душеприкащиками покойнаго цесаревича бывшему тогда директору Межеваго корпуса, сенатору Гермесу, опредѣлено отпускать треть этой суммы изъ кабинета его величества, а двѣ трети отъ великаго князя Михаила Павловича, что исполнялось только въ 1832 и 1833 годахъ, а послѣ сего года отпускъ этихъ денегъ, по неизвѣстной причинѣ, былъ прекращенъ и возобновленъ только по ходатайству М. Н. Муравьева въ 1843 году.

введено, по распоряженію главнаго директора, преподаваніе межевыхъ законовъ, для чего назначался особый классъ, который состоялъ въ томъ, что старшій учитель преподавалъ два раза въ недѣлю, наставленіе межевыхъ законовъ чтеніемъ оныхъ, приуготовляя чрезъ то способныхъ людей какъ по части землемѣрія, такъ и письменной, въ отношеніи законовъ“. Въ 1811 году, бывшій въ то время старшимъ преподавателемъ, Смирновъ, составилъ изъ межевой инструкціи, для преподаванія ученикамъ школы „тетрадь слушанія законовъ“, которая была рассмотрѣна главнымъ директоромъ и введена въ употребленіе въ школѣ. Самое преподаваніе, судя по этой тетради, состояло въ объясненіи главнѣйшихъ обязанностей землемѣра при межеваніи, при чемъ давалось понятіе о канцелярскомъ порядкѣ и дѣловыхъ бумагахъ, относящихся до переписки землемѣра по части межеваго дѣлопроизводства.

Къ слушанію „толкованія землемѣрной инструкціи съ наставленіемъ“ допускались всѣ ученики школы. Затѣмъ въ школѣ было введено преподаваніе сначала одного нѣмецкаго, а потомъ и французскаго языковъ, что видно изъ предложенія главнаго директора Межевой канцеляріи отъ 11-го марта 1811 года за № 155, въ которомъ изложено: „желаю учредить въ Константиновской школѣ классъ французскаго языка, какъ уже мною учрежденъ въ недавнемъ времени классъ нѣмецкаго“. „Къ выгодѣ учащихся въ той школѣ“, тогда же было предложено пригласить для преподаванія французскаго языка нѣкоего губернскаго секретаря Леганье, а „какъ познаніе французскаго языка не есть необходимое для произведенія межеванія, то и предоставлялось ученикамъ на произволь каждаго, по ихъ желаніямъ и склонностямъ, воспользоваться способами, имъ представляемыми, къ приобрѣтенію познаній на семь языкъ“.

Затѣмъ, нѣтъ положительныхъ данныхъ, чтобы видѣть, сколько лѣтъ продолжался курсъ ученія въ школѣ. Изъ поименованія классовъ по нѣкоторымъ бумагамъ, можно только заключить, что классы раздѣлялись на нижній и верхній ариметическіе; нижній и верхній письменные; нижній и верхній рисовальные и что былъ особый классъ геометрический, безъ наименованія его нижнимъ или верхнимъ. Хотя и нѣтъ возможности сказать опредѣленно, соответствовали ли эти названія классамъ, въ смыслѣ годичныхъ курсовъ или въ смыслѣ уроковъ изъ извѣстнаго предмета, подобно тому, какъ при введеніи преподаванія французскаго языка было сказано: желаю учредить классъ

французскаго языка, но скорѣе можно предполагать, что это было дѣленіе на курсы: нижній, верхній и геометрическій.

Въ административномъ отношеніи Константиновская школа состояла подѣ главнымъ начальствомъ главнаго директора Межевой канцеляріи, въ вѣдѣніи ея перваго члена. Непосредственнымъ начальникомъ школы былъ старшій учитель, который, кромѣ преподаванія извѣстныхъ предметовъ, долженъ былъ смотрѣть, чтобы въ школѣ была наблюдаема чистота, чтобы пристойное обращеніе между учениками было всегда строго сохранено и „не только могъ, но и обязанъ былъ, сверхъ тѣхъ часовъ, въ коихъ онъ занимался съ своимъ классомъ, по своему произволу пріѣзжать въ школу, чтобы видѣть, сохраняется ли надлежащее устройство“.

Онъ долженъ былъ подавать главному директору и первому члену рапорты мѣсячные со списками, въ коихъ показывать: „были ли всѣ учителя въ назначенныя имъ времена и сколько разъ, который изъ нихъ не былъ въ теченіи мѣсяца“.

Учители обязаны были бывать непремѣнно въ часы, имъ назначенные, и каждый долженъ былъ „отмѣчать по своей части учениковъ, не являющихся безъ извѣстныхъ школѣ причинъ, неприлежныхъ и неспособныхъ или оказывающихся дурнаго поведенія, и таковую вѣдомость изъ каждаго класса передавать предъ самымъ наступленіемъ новаго мѣсяца старшему учителю“.

Но обязанность старшаго учителя относилась только къ общему порядку и власть его отнюдь не распространялась на учителей лично изъ числа коихъ „могли быть не только равные ему въ чинахъ, но и старѣе“. (Наставленіе учителямъ Константиновской школы 11 января 1811 года). Изъ этого заключить можно, что учителя не были помощниками старшаго учителя, какъ назначено по штату 1796 года и что ихъ было болѣе двухъ, назначенныхъ по штату. Затѣмъ видно, что въ школѣ производится ежегодно экзаменъ, который „всегда откроеетъ самымъ опытомъ успѣшность каждаго класса въ отношеніи прилежности самого учителя и относительно способности и успѣха лично каждаго ученика“ (Та же инструкція). Но, какъ производился экзаменъ, а равно сколько учениковъ и кто именно оканчивали курсъ въ школѣ,—изъ дѣлъ не видно.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Константиновской школѣ прекращаются до 1813 года. Въ этомъ году, послѣ отечественной войны, относительно школы есть постановленіе Межевой канцеляріи 16-го января, коимъ титулярному совѣтнику Аксенову, отправленному въ Москву

въ исправленію эзекуторской должности, предписывалось: „Ученикамъ Константиновской школы, распущеннымъ по предписанію его превосходительства, главнаго директора, отъ 21 августа (1812 г.), по мѣрѣ ихъ прибитія, объявлять, чтобы они оставались въ Москвѣ, гдѣ есть надежда въ скоромъ времени открыть, по прежнему, дѣйствія той школы по всѣмъ частямъ“. Затѣмъ съ 27 февраля 1813 года школа вновь открыта въ Москвѣ, о чемъ директоръ чертежной, надворный совѣтникъ Нечаевъ, донесъ 5 марта 1813 года Межевой канцеляріи (находившейся временно въ Нижнемъ Новгородѣ), присовокупивъ, что школа, по неимѣнію еще для нея особыхъ комнатъ, впредь до распоряженія начальства, помѣщена нынѣ въ той же чертежной комнатѣ, въ коей производится чертежная работа ¹⁾.

Этимъ оканчиваются краткія извѣстія о Константиновской землемѣрной школѣ.

По неимѣнію въ писцовомъ архивѣ Межевой канцеляріи никакихъ болѣе данныхъ, кромѣ выписанныхъ выше официальныхъ бумагъ, мы не можемъ ничего прибавить относительно организаціи этой школы. Скажемъ только, что образованіе, въ ней получаемое, достигало своей цѣли, ибо изъ нея вышло не мало людей, впоследствии сдѣлавшихся исправными землемѣрами и приносявшихъ большую пользу дѣлу межеванія, по справедливости названнаго въ Екатерининскомъ законѣ многотруднымъ подвигомъ (П. С. З. 1766 г. № 12711).

Въ 1819 году по представленію бывшаго главнаго директора межевой канцеляріи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, Александра Васильевича Алябьева, съ цѣлію усовершенствованія межевой части въ государствѣ, межевой корпусъ былъ приведенъ въ новое устройство; для межевой канцеляріи съ ея чертежною и архивами, а также и для Константиновской школы, изданы новые штаты.

Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 10-го декабря 1819 года, Константиновская школа переименована въ Константиновское училище, при чемъ училищу дарованъ уставъ и новый штатъ ²⁾.

По этому уставу, вмѣсто положенныхъ по штату 1796 года въ Константиновской школѣ ста учениковъ, положено ихъ дѣйстви, и на-

¹⁾ Дѣло писцоваго архива Межевой канцеляріи. Каталогъ № 24772, картонъ № 289.

²⁾ П. С. З. 1819 г. дек. 10, № 28024.

значено преподавать впредь слѣдующіе предметы: Законъ Божій, Русскій языкъ и словесность, чистописаніе, рисованіе, географію, исторію всеобщую, и въ особенности Россійскую, ариметику, геометрію, тригонометрію, черченіе плановъ, ситуацію, практику въ межеваніи, гражданскую архитектуру, межевые законы и языки: нѣмецкій и французскій.

Сверхъ штатнаго числа позволено обучаться въ училищѣ и другимъ ученикамъ на всемъ собственномъ ихъ иждивеніи безъ всякой за то платы, на прежнемъ основаніи.

При училищѣ назначенъ инспекторъ, который долженъ былъ распредѣлять время для классовъ и составлять ежедневныя классныя таблицы, также имѣть наблюденіе за порядкомъ и успѣхами въ ученіи. Высшее же надъ училищемъ начальство и распоряженіе предоставлено главному директору межевой канцеляріи.

Въ училище положено было принимать для обученія дѣтей: оберъ-офицерскихъ, канцелярскихъ и другихъ, изъятыхъ отъ подушной подати, обученныхъ уже на російскомъ языкѣ читать и писать; преимущественно же дѣтей такихъ чиновниковъ, кои служили или служатъ при межевыхъ правительствахъ.

Учениковъ постановлено было переводить изъ нижнихъ классовъ въ высшіе не иначе, какъ по экзаменамъ чрезъ полгода или чрезъ годъ, по усмотрѣнію инспектора, а таковыхъ изъ нихъ, которые окажутся къ ученію въ теченіе трехъ лѣтъ или менѣе неспособными, изъ училища исключать.

Всѣхъ тѣхъ учениковъ, какъ штатныхъ, такъ и на своемъ содержаніи обучающихся, которые проходя ученіе съ успѣхомъ, по окончаніи всѣхъ преподаваемыхъ въ училищѣ наукъ, въ теченіе шести лѣтъ или менѣе, окажутся по публичному экзамену въ наукахъ болѣе способными къ межевой службѣ, велѣно опредѣлять въ чертежныя Межевыхъ канцелярій и конторъ помощниками; и если они чрезъ двѣ практикы на самомъ опытѣ докажутъ хорошія способности и познанія, то производить ихъ въ 14 классъ и опредѣлять въ землемѣры, какъ по генеральному межеванію, такъ и въ уѣздные.

Тѣхъ же воспитанниковъ, кои окончивъ въ семь училищѣ науки, по экзамену окажутся болѣе способными къ служебію въ канцелярскомъ званіи, приказано было опредѣлять въ Межевыя канцеляріи и конторы въ число канцелярскихъ служителей, канцеляристами.

За обученіе въ училищѣ на казенный счетъ воспитывавшіеся дол-

жны были не прежде оставлять службу по межевой части, какъ вы-
сужа по оной шесть лѣтъ, послѣ выпуска изъ училища.

По штату приложенному къ уставу видно, что инспектору назна-
чалось жалованья 1200 рублей, на жалованье учителямъ 6350 рублей,
на книги, инструменты, учебные припасы и на отправленіе учениковъ
въ Межевую контору 2500 рублей и на сторожей 240 рублей. Сверхъ
того, штатнымъ ученикамъ давалось также жалованье, 120 р. въ годъ,
а на всѣхъ 200 человекъ, 24000 рублей. Училище помѣщалось въ ка-
зенномъ домѣ въ Хохловскомъ переулкѣ, что близъ Покровки, ко-
торый и теперь принадлежитъ межевому вѣдомству и въ которомъ,
сверхъ училища, имѣли помѣщеніе главный директоръ, его канцеля-
рія, экзекуторы и команды 2 роты военно-рабочаго баталіона № 6;
на ремонтъ дома велѣно было отпускать по 5500 рублей въ годъ.

Впослѣдствіи, Высочайше утвержденнымъ, въ 18-й день марта
1823 года, мѣніемъ государственнаго совѣта, къ штату Константи-
новскаго училища прибавлены еще: смотритель съ жалованьемъ въ
800 рублей, три старшихъ учителя французскаго и нѣмецкаго язы-
ковъ съ жалованьемъ по 750 рублей и рисованія по 500 рублей въ
годъ.

Такимъ образомъ, Константиновское землемѣрное училище было
заведеніемъ открытымъ съ приходящими учениками. Начальникомъ
училища, съ распорядительною властію, былъ главный директоръ Ме-
жевой канцеляріи; инспекторъ же имѣлъ ближайшее и непосредствен-
ное наблюденіе за училищемъ и въ помощь ему, съ 23 года, является
еще смотритель.

Первымъ инспекторомъ былъ отставной подполковникъ Исленьевъ,
дѣлавшій нѣсколько кампаній начала нынѣшняго столѣтія и участво-
вавшій въ Бородинскомъ сраженіи. Объ опредѣленіи Исленьева глав-
ный директоръ, 23-го февраля 1820 года, представлялъ сенату, что
онъ „знаетъ его къ сему способность съ необходимыми по сей части
свѣдѣніями“.

При Исленьевѣ училище получило первую свою учебную органи-
зацію по преобразованіи изъ школы, но объ этой организаціи, до
самаго поступленія инспекторомъ Рунича, то-есть, въ теченіе двухъ
съ половиною лѣтъ, мы имѣемъ мало свѣдѣній. Намъ извѣстенъ только
составъ преподавателей, но ни числа уроковъ на каждый предметъ,
ни расиределенія предметовъ по классамъ мы не имѣемъ.

Приводимъ списокъ тогдашнихъ учителей, такъ какъ изъ него
видны и тѣ предметы, кои они преподавали, при чемъ замѣтимъ, что

въ училищѣ были оставлены нѣкоторые изъ прежнихъ преподавателей школы, а нѣкоторые были приглашены вновь.

Изъ прежнихъ были назначены:

- 1) губернской секретарь Александръ, обучать въ Константиновскомъ училищѣ рисованію;
- 2) коллежскій регистраторъ Смирновъ, обучать чистописанію;
- 3) коллежскій ассесоръ Вахрамѣевъ, для преподаванія: геометріи, тригонометріи, черченія плановъ, ситуациі и практики въ межеваніи.
- 4) губернской секретарь Бѣловъ, преподавать арифметику.
- 5) надворный совѣтникъ Неретинъ—учителемъ рисованія.

Вновь опредѣлены:

1) закона Божія—церкви Іоанна Предчечи, что прежде былъ монастырь, священникъ Иродіонъ Ивановъ, приглашенный для преподаванія главнымъ директоромъ и получившій дозволеніе на это отъ митрополита московскаго Серафима;

2) географія и исторія, 12-го класса, Николай Тимофѣевъ, бывшій казенно-коштнымъ студентомъ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища и потомъ учителемъ Волоколамскаго уѣзднаго училища;

3) гражданской архитектуры—учитель рисованія частнаго въ Москвѣ городскаго училища, Левъ Шаповаловъ;

4) нѣмецкаго языка—коллежскій секретарь Иванъ Редеръ, служившій прежде въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ учителемъ нѣмецкаго языка и комнатнымъ надзирателемъ надъ воспитанниками;

5) французскаго языка—коллежскій регистраторъ Петръ Мерсанъ, служившій прежде въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ учителемъ французскаго языка и комнатнымъ надзирателемъ надъ воспитанниками;

6) російской словесности—10-го класса, Иванъ Терликовъ, кандидатъ Московскаго университета, состоявшій прежде преподавателемъ въ бывшей при университетѣ академической гимназіи, а потомъ въ Александровскомъ частномъ училищѣ въ Москвѣ.

За назначеніемъ указанныхъ лицъ, осталась незанятою только вакансія учителя межевыхъ законовъ. Озабочиваясь пріисканіемъ на эту вакансію опытнаго и вполне знающаго межевую часть чиновника, главный директоръ въ предложеніи Межевой канцеляріи, отъ 20-го декабря 1820 года, „справедливо предполагая, что никто изъ постороннихъ лицъ не можетъ съ лучшею способностію занять сію долж-

ность противъ служащихъ въ сей канцеляріи чиновниковъ, опытностію въ дѣлахъ ей извѣстныхъ“, поручилъ объявить о семъ состоящимъ въ ней чинамъ съ тѣмъ, что желающій занять должность сію будетъ получать и по штату жалованье ¹⁾).

На предложеніе это Межевая канцелярія донесла, что секретарь опой Алѣевъ должность сію занять желаетъ, и „что онъ долговременною службою, способностями и опытомъ отлично знаетъ межевые законы, что доказывается самымъ отправленіемъ дѣлъ по его настоящей должности“. По этому представленію титулярный совѣтникъ Алѣевъ и былъ утверждёнъ преподавателемъ межевыхъ законовъ въ Константиновскомъ училищѣ.

Въ началѣ 1823 года, на мѣсто Исленьева, инспекторомъ училища поступилъ коллежскій ассесоръ Николай Руничъ, о которомъ главный директоръ Межевой канцеляріи въ рапортѣ сенату, отъ 15-го марта 1823 года, изъяснялъ, что: „Будучи извѣстенъ съ давняго времени какъ о благонравіи его, такъ и объ обширныхъ познаніяхъ въ наукахъ по разнымъ предметамъ, онъ не находитъ приличнѣе способностямъ его другаго мѣста по межевому корпусу, какъ исправленіе должности инспектора Константиновскаго училища“.

Съ самаго вступленія своего въ должность, Руничъ обратилъ дѣятельное вниманіе на всѣ предметы, относившіеся до учебной части, и озабочиваясь лучшимъ устройствомъ Константиновскаго училища, представилъ 6-го августа 1823 года главному директору Межевой канцеляріи нижеизложенный рапортъ, заслуживающій вниманія и самъ по себѣ и особенно въ томъ отношеніи, что онъ есть единственный сохранившійся документъ, изъ коего мы можемъ нѣсколько ознакомиться съ учебною организаціею училища. Въ рапортѣ этомъ Руничъ пишетъ:

„Обращая всегда бдительное вниманіе на порядокъ, существующій въ училищѣ, и успѣхи учащихся, по многимъ замѣчаніямъ моимъ, я усмотрѣлъ, что недостатокъ успѣховъ учениковъ, судя по времени нахождения ихъ въ училищѣ, происходитъ не отъ одного токмо нерадѣнія ихъ, но большею частію, какъ отъ самаго устройства, въ которомъ находится нынѣ Константиновское училище, такъ и отъ распредѣленія прежнихъ классныхъ табелей, по которымъ нѣкоторыя науки, по существу своему нужнѣйшія для межевой службы, преподаются токмо 2 часа въ недѣлю; а по краткости означеннаго вре-

¹⁾ Дѣло писцов. арх. Межев. канц. 1820 г. Каталогъ № 28960, картонъ № 339.

мени, само собою разумѣется, неестественно ожидать отъ учащихся какихъ либо успѣховъ. Въ отвращеніе сего и для успѣшнѣйшаго теченія лекцій на будущее время, по возложенной на меня обязанности, я составилъ новыя классныя табели и опредѣлилъ распорядокъ, которымъ впредь училище будетъ руководствоваться; но не приводя ихъ въ исполненіе, имѣю честь представить оныя на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, ожидая онымъ начальническаго вашего утвержденія.

Представленные при этомъ рапортъ правила для учащихся и новыя классныя табели заключали въ себѣ слѣдующее:

„I. Константиновское училище раздѣляется на 4 класса: на 1-й или пригготовительный, 2-й, или вышній ариѳметическій, 3-й, или геометрическій, и на 4-й, или тригонометрическій.

„II. Ученіе въ классахъ преподаваться будетъ по прилагаемой у сего табели.

„Въ 1-мъ классѣ, какъ пригготовительномъ для высшихъ классовъ, преподаваться будутъ: російская грамматика, правописаніе, чистописаніе, начальныя основанія ариѳметики и рисованія и законъ Божій. Въ сей классъ поступать будутъ всѣ вновь входящіе въ училище ученики.

„III. Изъ перваго класса по экзаменамъ, которые, въ силу Высочайше утвержденнаго положенія о Константиновскомъ училищѣ, впредь производимы будутъ два раза въ годъ, ученики будутъ переходить постепенно и по мѣрѣ успѣховъ въ высшіе классы; каковое правило распространяется на всѣ классы.

„Во 2-мъ классѣ преподаваться будутъ: законъ Божій, ариѳметика вообще, російская словесность, рисованіе, чистописаніе, французскій и нѣмецкій языки.

„Въ 3-мъ классѣ законъ Божій, геометрія, російская словесность, рисованіе, исторія, географія, французскій и нѣмецкій языки.

„Въ 4-мъ классѣ законъ Божій, тригонометрія, ситуація, російская словесность, исторія, географія, рисованіе, граждапская архитектура, межевыя законы, французскій и нѣмецкій языки.

„IV. Лѣтомъ ученики обязаны непремѣнно приходить въ училище въ 8 часовъ, а зимою въ 8½ часовъ утра.

„V. Ученіе начинается въ 9 часовъ. Время отъ 8 до 9 часовъ будетъ употребляемо, въ присутствіи смотрителя, для пригготовленія къ урокамъ и повторенія оныхъ. При началѣ преподаванія лекцій въ

каждомъ классѣ очередной ученикъ читаетъ внятно, громко и не скоро молитву Господню: Отче нашъ!

„VI. Во время преподаванія лекцій строжайше запрещается ученикамъ шумѣть и говорить между собою. За нарушеніе порядка и тишины виновные подвергаемы будутъ взысканію по усмотрѣнію инспектора. Во время лекцій ученикамъ не позволено выходить изъ классовъ для исправленія нуждъ болѣе двухъ разъ, и то съ позволенія учителя или смотрителя. По окончаніи класса при распускѣ, очередной ученикъ читаетъ благодарственную молитву, послѣ чего смотритель распускаетъ учениковъ, которые, храня молчаніе, выходятъ на улицу по два въ рядъ, не нарушая порядка.

„Примѣчаніе. Смотрителю вѣняется въ непремѣнную обязанность наблюденіе, чтобы ученики являлись ежедневно въ училище и отсутствующіе были бы каждый разъ отмѣчаемы, каковыя отмѣтки смотритель представляетъ каждую субботу инспектору училища.

„VII. Кто изъ учениковъ, какъ штатныхъ, такъ и сверхштатныхъ отмѣченъ будетъ три раза неявляющимся въ классъ, таковой подвергается взысканію; кто же въ продолженіе цѣлой недѣли, безъ законной причины не явится въ училище, таковой будетъ исключенъ изъ онаго.

„VIII. Ученики обязаны приходить въ училище опрятно и прилично по возможности одѣтыми, и отнюдь не являться въ развращенномъ видѣ“.

Изъ приложенной къ рапорту табели видно, что число уроковъ въ училищѣ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ:

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы:				Итого.
	1	2	3	4	
Законъ Божій	2	2	2	2	8
Россійская грамматика.	6	—	—	—	6
Россійская словесность	—	2	4	2	8
Французскій языкъ.	—	2	4	2	8
Нѣмецкій языкъ.	—	2	4	2	8
Географія	—	—	2	2	4
Исторія	—	—	2	2	4
Арифметика	8	8	—	—	16
Геометрія	—	—	4	—	4
Тригонометрія и ситуація.	—	—	—	4	4
Гражданская архитектура	—	—	—	4	4
Межевые законы.	—	—	—	2	2

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы:				Итого.
	1	2	3	4	
Чистописаніе	4	4	—	—	8
Рисованіе	4	4	2	2	12
	24	24	24	24	96

Вотъ всѣ тѣ краткія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ учебной части училища. Не сохранилось ни краткихъ отчетовъ о преподаваніи, ни программъ, ни даже указаній на руководства. Позволительно, однакожь, предполагать, что четырехъ-классное землемѣрное училище подходило по своей учебной организаціи, отчасти, къ четырехъ-класснымъ тогдашнимъ гимназіямъ (уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ 5-го ноября 1804 года), и отчасти къ двухъ-класснымъ уѣзднымъ училищамъ и что учебныя руководства, употреблявшіяся въ нашемъ училищѣ, были тѣ же самыя, которыя были приняты и въ сихъ заведеніяхъ. По значительному числу часовъ, назначенныхъ въ IV классѣ на тригонометрію и по соединенію преподаванія оной съ преподаваніемъ ситуаціи, ясно, что вмѣстѣ съ преподаваніемъ тригонометріи преподавалось и землемѣріе. Дѣйствительно, мы имѣемъ свидѣтельство бывшаго младшаго члена Межевой канцеляріи, полковника Алексѣева, окончившаго курсъ въ Константиновскомъ училищѣ въ 1824 году и хорошо знавшаго низшую математику, что геодезія проходила тамъ по извѣстному и весьма хорошему для своего времени „полному курсу чистой математики“, артиллеріи штыкъ-юнкера Войтаховскаго (1798 г.) въ III томѣ котораго, подъ общимъ оглавленіемъ тригонометріи въ отдѣленіяхъ 2-мъ и 3-мъ, мы находимъ: „о практикѣ геометрической и тригонометрической вообще, и объ орудіяхъ для того употребляемыхъ; о дѣйствіяхъ, производимыхъ на полѣ цѣпью, кольми и астролябією; о мензулѣ или геометрическомъ столикѣ и о употребленіи онаго; о геодезіи или межеваніи вообще, и о предварительныхъ правилахъ онаго, съ краткимъ описаніемъ свойства магнита и магнитныхъ стрѣлокъ; о сочиненіи межевыхъ плановъ; о нахожденіи долготы и широты даннаго мѣста; о сочиненіи географическихъ картъ; о нивелированіи или уривненіи мѣстъ“.

Изъ этого перечня видно, что главный предметъ землемѣрнаго училища, геодезія, проходилъ съ достаточною полнотою.

Имѣемъ еще свидѣтельство, что другой, весьма важный предметъ — межевые законы, также преподавался весьма основательно. Въ 1824 году, —упомянутый выше учитель межевыхъ законовъ, титулярный совѣт-

нигъ Алѣевъ, издалъ книгу, подъ заглавіемъ: „Теорія и практика межевыхъ законовъ“. Эта книга обратила на себя вниманіе главнаго директора Межевой канцеляріи, тайнаго совѣтника Гермеса, который ходатайствовалъ о производствѣ Алѣева въ коллежскіе ассесоры, на основаніи указа 1811 года, января 14-го. Хотя министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, и не нашель, чтобы г. Алѣевъ могъ быть причисленъ къ числу „людей, снискавшихъ въ ученюмъ свѣтѣ своими сочиненіями отличную славу“, и не призналъ возможнымъ сдѣлать для него изъятіе при производствѣ въ высшій чинъ, но для насъ весьма важно то, что, по поводу означеннаго ходатайства, книга Алѣева была разсмотрѣна, во первыхъ, въ главномъ правленіи училищъ, которое отозвалось о ней одобрительно, и во вторыхъ, въ Петербургскомъ университетѣ, ординарнымъ профессоромъ російскаго гражданскаго и уголовного права и судопроизводства Боголюбовымъ, который, показавъ нѣкоторые примѣры невѣрностей въ книгѣ Алѣева, далъ о ней слѣдующій отзывъ:

„Исчисленіе подобныхъ невѣрностей заняло бы весьма огромное мѣсто.—Впрочемъ, трудъ его есть новый въ нашемъ отечествѣ. Недостатки и погрѣшности суть общи всѣмъ первымъ предпріятіямъ. Посему и желательно было бы, чтобы замѣчанія сіи сообщены были г-ну Алѣеву, на тотъ конецъ, чтобы онъ постарался сдѣлать новое изданіе теоріи межевыхъ законовъ, расположивъ планъ сей книги съ большею правильностію и перевѣривъ выписки изъ законовъ, имъ сдѣланныя, съ подлинными источниками,—и чтобы для такового изданія даны ему были способы.

„Съ другой стороны, книга г. Алѣева имѣетъ слѣдующія достоинства и пользу:

„1) Г. Алѣевъ показалъ въ ней свѣту 437 указовъ, состоявшихся о межеваніи земель въ дополненіе разныхъ межевыхъ инструкцій, доведя объясненіе ихъ до 1824 года, то-есть по самое время изданія его книги, чего никѣмъ еще понынѣ въ отечествѣ нашемъ не сдѣлано.

„2) Онъ указалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствующіе нынѣ законы, кои отмѣняютъ прежнія постановленія, чѣмъ самымъ много облегчилъ каждому, кто бы ни предпринялъ издать теорію межевыхъ законовъ въ надлежащемъ усовершеніи и правильности, ежели самъ онъ сего не сдѣлаеть.

„3) Книга его, не смотря на то, что въ планѣ ея не соблюдено

должной правильности, заключаетъ совокупность полезнѣйшихъ свѣдѣній.

„Въ сихъ отношеніяхъ можно по истинѣ сказать, что г. Алѣевъ изданіемъ своей книги оказалъ существенную заслугу отечеству, и посему въ полной мѣрѣ заслужилъ всякую награду, какую высшему начальству благоудбно будетъ ему исходатайствовать, которая, вѣроятно, поощритъ его и къ изданію теоріи межевыхъ законовъ въ надлежащемъ ей видѣ“. (Отзывъ министерства народнаго просвѣщенія главному директору Межевой канцеляріи 29-го ноября 1827 года).

Чтобы вполне оцѣнить всю важность труда Алѣева, стоитъ только вспомнить, что руководство его было издано задолго до появленія въ свѣтъ Полнаго собранія законовъ Россійской имперіи и Свода законовъ, то-есть, въ то время, когда законы наши не приведены были ни въ какую систему.

Въ представленіи о производствѣ Алѣева главный директоръ Межевой канцеляріи пишетъ, что онъ, Алѣевъ, и „на экзаменахъ, на самомъ опытѣ доказалъ свое знаніе, опытность и усердіе оказанными учащимися успѣхами“, что подтверждаетъ наше заключеніе объ основательномъ прохожденіи въ училищѣ межевыхъ законовъ.

Послѣ надворнаго совѣтника Рунича опредѣленъ, 8-го октября 1825 года, инспекторомъ въ училище бывший Фатежскимъ городничимъ, надворный совѣтникъ Герценъ, а 20-го октября 1833 года, — титулярный совѣтникъ Аксаковъ.

Имѣя мало свѣдѣній о подробностяхъ устройства учебной части въ училищѣ, мы за то имѣемъ достаточно данныхъ о его положеніи и ходѣ ученія. Такъ, въ представленіяхъ своихъ министру юстиціи князю Лобанову-Ростовскому отъ 1-го іюля и 26-го декабря 1826 года главный директоръ Межевой канцеляріи, тайный совѣтникъ Гермесъ пишетъ ¹⁾:

„Вскорѣ послѣ открытія сего учебнаго заведенія, благодѣтельствовавшаго щедротами блаженной и вѣчной памяти достойнаго, Государя Императора Александра Павловича, начальство встрѣтило какъ при успѣхахъ въ наукахъ и образованіи сердца препятствія: многіе поступаютъ въ училище съ намѣреніемъ имѣть только способъ къ содержанію своему, и при первомъ случаѣ опредѣляются въ присутственныя мѣста, ежели дадутъ имъ жалованье, болѣе получасмаго отъ

¹⁾ Дало псков. архив. Межевой канцеляріи 1826 г. Катах. № 8,328, картонъ № 75.

училища, оставляя оное* безъ вѣдома начальства. Другіе же рѣдко являются въ училище и когда у нихъ удерживается за то жалованье, какъ послѣднее средство заставить ихъ ходить въ классы, тогда совершенно оставляют оное. Отыскать сихъ учениковъ невозможно. Слѣдовательно, употребленныя на нихъ деньги и попеченіе учащихся для межеваго корпуса навсегда потеряны; другіе, не имѣя родителей, родственниковъ и даже пристанищъ, нанимаются для услугъ и, тѣмъ преграждая себѣ путь къ успѣхамъ, остаются на долгое время въ одномъ классѣ. Есть такіе изъ учащихся, которые, получая жалованье, употребляют оное не только безъ пользы, но и во вредъ себѣ. Сверхъ того многіе изъ учениковъ, живущихъ по бѣдности въ отдаленныхъ мѣстахъ, приходятъ въ училище усталые и возвращаются на квартиры свои таковыми же, а особливо въ осеннее время, бывають отъ того нерѣдко подвержены болѣзнямъ, отъ чего и успѣховъ въ наукахъ оказать не могутъ.

„Затруднительное положеніе училища еще увеличивается отъ большаго числа учащихся, простирающагося до 250 человѣкъ, для которыхъ учителей въ нижнихъ классахъ весьма недостаточно и въ особенности для рисованія, чистописанія, чтенія на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

„Къ отвращенію таковыхъ неудобствъ, по мнѣнію моему, одно средство, вмѣсто учениковъ, получающихъ жалованье, взять ихъ подъ надзоръ училища давъ имъ все нужное содержаніе отъ казны, для чего и помѣстить ихъ въ казенномъ домѣ, Межевой канцеляріи принадлежащемъ, съ необходимою для сего перестройкою“.

Но предположенію этому объ обращеніи училища изъ открытаго заведенія въ закрытое, въ то время не суждено было осуществиться; оно исполнилось только въ 1835 году, при преобразованіи училища въ институтъ.

Затѣмъ, бывшій инспекторъ училища, С. Т. Аксаковъ, объ училищѣ говоритъ слѣдующее ¹⁾:

„При первомъ взглядѣ на устройство Константиновскаго землемѣрнаго училища, съ достовѣрностію заключить можно, что при такомъ значительномъ числѣ учебныхъ предметовъ и учащихся (всегда съ сверхъ-штатными около 250 человѣкъ), раздѣленныхъ только на четыре класса или отдѣленія (слишкомъ по 50 человѣкъ въ классѣ), занимающихся только по 4 часа по утру, живущихъ большею частію

¹⁾ Дѣло Константиновскаго межеваго института 1857 года № 120.

въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ пространной Москвы, нерѣдко въ совершенной нищетѣ и безъ всякаго надзора,—что при всѣхъ сихъ обстоятельствахъ не могло быть достаточныхъ успѣховъ въ ученіи“.

Разсматривая это свидѣтельство современниковъ о состояніи Константиновскаго училища, конечно, нельзя не согласиться, что въ самой организаціи онаго заключались почти неодолимыя трудности къ его преусубіанію: во 1-хъ, въ многопредметности и маломъ времени (по 4 часа въ день) на ученіе (въ гимназіяхъ уставомъ 1804 и 1828 годовъ было положено по 6 часовъ на уроки въ день), и во 2-хъ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя были поставлены ученики, бѣлая часть изъ нихъ не могла правильно учиться. Но, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ свидѣтельства одного изъ этихъ же современниковъ, главнаго директора Межевой канцеляріи, училище достигало своей цѣли, то-есть выпускало хорошихъ землемѣровъ. Тайный совѣтникъ Гермесь, горячо хлопотавшій о преобразованіи училища въ закрытое заведеніе, въ одномъ изъ своихъ неоднократныхъ представленій по сему предмету, отъ 29-го ноября 1832 года ¹⁾, пишетъ:

„Училище сіе по нынѣшнему образованію его припело большую пользу, ибо Межевое правительство, со времени перваго выпуска учениковъ, съ 1824 года, имѣетъ 136 человекъ опытныхъ землемѣровъ и помощниковъ, поступившихъ собственно изъ училища“.

„Оно могло бы всегда остаться въ настоящемъ положеніи, ежели бы, выпускаемые, по окончаніи курса наукъ, ученики поступали только въ Межевой корпусъ; но, какъ въ землемѣрахъ и помощникахъ во всѣхъ управленіяхъ Россіи существуетъ крайній недостатокъ, то, по сему, настоящее положеніе его и требуетъ измѣненія“. Свидѣтельство такого человека, какъ Богданъ Андреевичъ Гермесь, о правдивости и энергіи котораго есть много доказательствъ въ самыхъ дѣлахъ Межевой канцеляріи, заслуживаетъ полнаго уваженія.

Къ сожалѣнію, полныхъ списковъ лицъ, выпущенныхъ на службу по Межевому корпусу изъ Константиновскаго Землемѣрнаго училища, не сохранилось. Мы можемъ только указать на нѣкоторыхъ, съ честью служившихъ впослѣдствіи при Межевой канцеляріи и память о которыхъ еще свѣжа у многихъ нынѣ служащихъ межевыхъ чиновъ.

Къ таковымъ принадлежатъ: надворный совѣтникъ А. Д. Одинцовъ,

¹⁾ Дѣло Писцоваго архива межевой канцеляріи. Каталогъ № 8,328, картонъ № 75.

выпуска 1819 года; полковники: А. Е. Алексѣевъ и П. А. Волосатовъ 1-й выпуска 1824 года; генераль-маіоръ Степановъ, выпуска 1828 года; полковникъ П. А. Волосатовъ 2-й, выпуска 1830 года, статскій совѣтникъ С. А. Волосатовъ 3-й, выпуска 1832 года и проч.

Мы видѣли, что Константиновское Землемѣрное училище, по своему внутреннему устройству, требовало коренныхъ преобразованій. Имѣемъ даже свѣдѣніе, что объ этихъ преобразованіяхъ въ 1830 году была представлена управляющимъ министерствомъ юстиціи, княземъ Долгорукинымъ, всеподданиѣйшая докладная записка (письмо Д. Н. Блудова сенатору Гермесу отъ 31 декабря 1830 года; дѣло Писцоваго архива № 8328); тѣмъ не менѣе, до 1835 года, никакихъ распоряженій по этому предмету сдѣлано не было. Но, какъ судьба единственнаго въ то время Межеваго учебнаго учрежденія неминуемо должна была тѣсно слязываться съ общимъ ходомъ межеванія въ Россіи, то мы имѣемъ полное основаніе полагать, что главнымъ поводомъ къ преобразованію училища послужило то же обстоятельство, по которому возникла и первая Землемѣрная школа въ прошломъ столѣтіи, то-есть, недостатокъ въ землемѣрахъ, при предстоявшемъ тогда открытіи полюбовнаго спеціального межеванія чрезъ посредниковъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, съ одной стороны, работы по генеральному межеванію значительно сократились, а съ другой—труды по составленію инструкціи для полюбовнаго межеванія подходили къ концу; между тѣмъ, было ясно, что спеціальное межеваніе, представлявшее необходимость дробить почти каждую генерально-обмежеванную дачу на нѣсколько участковъ, потребуетъ гораздо болѣе межевыхъ средствъ, чѣмъ межеваніе генеральное. Поэтому правительствомъ и былъ предпринятъ рядъ распоряженій, для укомплектованія Межеваго корпуса: такъ, въ 1832 году былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію сенаторъ Межеваго департамента для образованія Межевой канцеляріи и конторъ; въ 1835 году, для усиленія средствъ къ пріобрѣтенію чертежниковъ и землемѣрныхъ помощниковъ, представлено межевому начальству истребовать, въ теченіе 5 лѣтъ, изъ военнаго вѣдомства 200 кантонистовъ ¹⁾, оказавшихъ успѣхи въ математикѣ, черченіи и чистописаніи; воспитанниковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа, по выбору изъ нихъ желающихъ, велѣно было приготавливать для Межевой службы;

¹⁾ Изъ этихъ кантонистовъ сформировалась школа чертежниковъ, преобразованная, впоследствии, послѣ многихъ перемѣнъ въ своемъ устройствѣ, въ школу Межевыхъ топографовъ.

наконецъ, самимъ землемѣрамъ разрѣшено брать вольныхъ учениковъ, съ тѣмъ, чтобъ и они, по выдержаніи экзамена, могли быть опредѣляемы въ должности землемѣрныхъ помощниковъ. Къ этому же времени относится и преобразование Землемѣрнаго училища въ Межевой институтъ. Сенатору Пейверу, по окончаніи ревизіи Межеваго вѣдомства, предоставлено было и приведеніе онаго въ лучшее устройство. Въ числѣ мѣръ, предпринятыхъ имъ съ этою цѣлію, признана была одною изъ безотлагательныхъ—преобразование Землемѣрнаго училища въ Межевой институтъ.

Институту, въ память его учрежденія, было оставлено названіе Константиновскаго ¹⁾, а, въ виду неудобствъ, соединенныхъ съ приходящими учениками, онъ сдѣланъ заведеніемъ закрытымъ.

Уставъ института составленъ подъ руководствомъ сенатора И. У. Пейвера, С. Т. Аксаковымъ; онъ былъ одобренъ министромъ юстиціи Дашковымъ, и, по рассмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, получилъ Высочайшее утвержденіе.

10-го мая 1835 года послѣдовалъ Высочайшій указъ, коимъ повелѣно: преобразовать Константиновское землемѣрное училище, на основаніи утвержденного тогда же устава и штата, въ Константиновскій межевой институтъ.

Новымъ Высочайше утвержденнымъ уставомъ, Константиновскому межевому институту давалась вполнѣ правильная и самостоятельная организація, какъ учебному заведенію.

Этотъ новый уставъ хорошо обдуманъ, несравненно полнѣе устава училища, и замѣчательнъ тѣмъ, что послужилъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ уставовъ института.

По этому уставу (Полное собраніе законовъ, томъ X, отдѣленіе 1-е, 1835 годъ, № 8121; Т. X, отд. 2-е, 1835 годъ къ № 8121), институтъ, оставаясь какъ бывшее землемѣрное училище подъ главнымъ начальствомъ министра юстиціи, подчинялся непосредственно только попечителю, должность коего соединялась съ званіемъ сенатора, за вѣдующаго межевою частію.

Институтъ получилъ директора, инспектора, надзирателей (8 чел.), учителей (15 чел.) и при опредѣленіи послѣднихъ велѣно было отдавать предпочтеніе тѣмъ, которые окончили курсъ въ российскихъ университетахъ; эконома и письмоводителя при канцеляріи директора

Назначено опредѣленное число воспитанниковъ, а именно 150 ка-

¹⁾ Дѣло Константиновскаго межеваго института 1837 года, № 120.

зённыхъ и 50 своекоштныхъ или пансіонеровъ¹⁾); при приѣмѣ велѣно отдавать преимущество дѣтямъ землемѣровъ и чиновниковъ межеваго управленія; затѣмъ принимать дѣтей потомственныхъ и личныхъ дворянъ и художниковъ, въ возрастѣ отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ, при чемъ опредѣлены были и требованія приѣмнаго экзамена (читать и писать по русски, священная исторія и катихизисъ, четыре правила ариометики).

Опредѣлена продолжительность курса ученія (четыре года), съ раздѣленіемъ на 4 класса, изъ коихъ въ каждомъ полагался на продолженіе наукъ одинъ годъ, а въ послѣдніе два года предписывалось занимать воспитанниковъ особенно практикою межеванія, сочиненіемъ плановъ и веденіемъ полевому дѣйствию журналовъ, межевными узаконеніями установленныхъ; на что назначалось время съ 15-го іюня по 1-е августа.

Предметы преподаванія назначались слѣдующіе: 1) Законъ Божій; 2) Россійскій языкъ: грамматика во всемъ пространствѣ, основанія риторики; 3) исторія и географія; 4) ариометика, алгебра до уравненія 2-й степени, включительно; геометрія и плоская тригонометрія; 5) основанія физики; 6) геодезія или межеваніе во всемъ пространствѣ; 7) межевые законы и межевое дѣлопроизводство; 8) чистописаніе; 9) рисованіе; 10) черченіе плановъ; 11) агрономія, на сколько сіе нужно для таксаціи земель.

При этомъ допущены къ употребленію только тѣ руководства, кои припаты для гимназій и уѣздныхъ училищъ; руководства же, необходимыя по спеціальной цѣли заведенія, требовали разрѣшенія министра юстиціи.

Начинались правила экзаменовъ, перевода воспитанниковъ изъ класса въ классъ, исключенія изъ заведенія и выпуска: отличнѣйшихъ велѣно было выпускать въ межевую контору старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса, а посредственныхъ— младшими землемѣрными помощниками, при чемъ казенные воспитанники обязывались прослужить 10 лѣтъ, а своекоштные, если пожелаютъ воспользоваться правами, то-есть получить XIV классъ, 5 лѣтъ.

Затѣмъ, въ этомъ уставѣ появились два весьма существенныхъ

¹⁾ Съ 23-го мая того-же 1835 года, Высочайше повелѣно: уважить предпологавшася особаго въ Иркутскѣ геодезическаго учрежденія, имѣть въ институтѣ десять воспитанниковъ собственно для Сибири.

отдѣленія, о нравственной части и о хозяйственной. Попечение о нравственной части возлагалось на директора, которому должны были содѣйствовать надзиратели, учителя и, главное, инспекторъ, который избирался изъ числа учителей и долженъ былъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи не только учебную часть, но и надзирателей, для ближайшаго съ его стороны наблюденія за поведеніемъ воспитанниковъ. Для распоряженія по хозяйственной части назначался хозяйственный комитетъ изъ директора, инспектора и эконома.

Сумма, назначенная по штату, для содержанія института, въ количествѣ 117,000 руб. ассигнаціями, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ.

На жалованье и содержаніе личнаго состава служащихъ	13,774 р.	к.
на вознагражденіе учителей	15,000 "	— "
на книги, математическіе инструменты, классныя потребности и бібліотеку	4,875 "	— "
на столовое содержаніе, полагая по 45 коп. въ день на cadaго, на 150	24,637 "	50 "
на одежду, бѣлье, чистоту, столовые приборы и пр.	23,127 "	87 "
на лазаретъ	4,815 "	40 "
на жалованье 33-мъ служителямъ, ихъ обмундированіе и провіантъ	7,386 "	65 "

Остальныя деньги шли на отопленіе и освѣщеніе дома, ремонтъ, содержаніе лошадей и проч.

Такимъ образомъ, каждый казенный воспитанникъ обходился въ годъ по 780 рублей ассигнаціями.

За cadaго своекоштнаго воспитанника вималось въ годъ по 500 руб., да на первоначальное обуавденіе 100 руб. единовременнo.

На первоначальное обуавденіе повелѣно было отпустить единовременнo 30,000 руб. ассигнаціями.

Сравнивая новый уставъ института съ уставомъ училища 1819 года, отмѣтимъ слѣдующее:

Вопервыхъ, институтъ, получивъ директора, отдѣлялся совершенно отъ Межевой канцеляріи, что было весьма важно и представляло существенную пользу: главный директоръ Межевой канцеляріи, распоряжаясь въ училищѣ на правахъ директора, при многочисленности своихъ прямыхъ обязанностей, не могъ посвящать училищу полнаго вниманія, а между тѣмъ инспекторъ былъ въ своей власти ограниченъ. По новому же уставу, вся распорядительная власть по части

учебной, нравственной и хозяйственной сосредоточивалась непосредственно въ рукахъ директора института.

Вторыхъ, институтъ изъ открытаго заведенія становился закрытымъ, что несомнѣнно было благодѣніемъ для бѣльшей части воспитанниковъ, принадлежавшихъ къ бѣдному классу семей землемѣровъ, жившихъ не въ Москвѣ, а разсѣянныхъ по всей Россіи, и давало возможность къ болѣе правильному ихъ воспитанію и научному образованію.

Третьихъ, въ институтѣ, сравнительно съ училищемъ, прибавлены слѣдующіе предметы для преподаванія: алгебра, физика, геодезія, агрономія, на сколько она нужна для таксаціи земель; убавлены: архитектура и иностранные языки. Нельзя не согласиться, что выборъ предметовъ въ институтѣ гораздо сообразнѣе съ цѣлію заведенія, чѣмъ въ училищѣ, и что уничтоженіе преподаванія архитектуры, французскаго и нѣмецкаго языковъ, при четырехлѣтнемъ курсѣ, было мѣрою благоразумною. Особенно важно было введеніе преподаванія геодезіи, какъ предмета самостоятельнаго. Но нельзя при этомъ не указать на ограниченность курса математики, при объемѣ котораго невозможно было проходить геодезію такъ пространно, какъ назначено было по уставу. Эта ограниченность курса математики, при требованіи прохожденія геодезіи пространнымъ образомъ, должна была служить неизбѣжною причиною къ перемѣнамъ въ уставѣ, что впоследствии и сбылось въ дѣйствительности.

Въ четвертыхъ, въ новомъ уставѣ были съ точностію опредѣлены какъ права, такъ и обязанности всѣхъ служащихъ въ институтѣ, а равно и обязанности воспитанниковъ, чего въ уставѣ училища не было.

Словомъ, можно сказать, что новый уставъ института обнималъ всю полноту жизни заведенія и для своего времени не оставлялъ никакихъ пробѣловъ.

Во время утвержденія устава завѣдующимъ межевою частію былъ сенаторъ Иванъ Устиновичъ Пейкеръ. Въ силу § 2 этого устава, онъ былъ и первымъ попечителемъ института ¹⁾.

¹⁾ Тайный совѣтникъ И. У. Пейкеръ, сенаторъ, главный директоръ межеваго корпуса, былъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и первоначально поступилъ на службу въ Павлоградскій гусарскій полкъ, въ 1801 году, съ нахожденіемъ при его высочествахъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ; потомъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный

Первымъ директоромъ въ институтъ назначенъ былъ, бывший съ 1833 года инспекторомъ въ землемѣрномъ училищѣ, Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ. Новому директору, при преобразованіи училища, предстояло не мало трудовъ.

Согласно уставу, въ § 8 коего было сказано, что въ институтъ

полтъ и дѣлалъ кампаніи 1805 и 1807 годовъ, раненъ подъ Фридрихсборгомъ и за ранами уволенъ въ отставку въ концѣ 1807 года, ротмистромъ; въ 1809 году вновь поступилъ на службу съ чиномъ подполковника въ свиту его величества по квартирмейстерской части, произведенъ въ полковника, но въ концѣ 1811 г. опять уволенъ въ отставку за ранами, съ пенсіономъ полного жалованья. Съ 1819 года по 1825 былъ костромскимъ и вяземскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1825 году назначенъ оберъ-прокуроромъ въ межевой департаментъ сената; при исправленіи этой должности съ 1827 года находился первымъ членомъ въ комитетѣ, учрежденномъ для соображенія существующихъ о подрядахъ узаконеній и составленія формы контрактовъ, кои впредь заключаться будутъ о подрядахъ по военному и гражданскому вѣдомствамъ, и первымъ же членомъ комиссіи, учрежденной для составленія правилъ спеціального размѣщенія и разсмотрѣнія предположеній, къ сему предмету относящихся. Въ 1829 году назначенъ директоромъ департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, причемъ на него было возлагаемо и управленіе канцелярією министерства внутреннихъ дѣлъ; въ 1831 году отъ должности директора уволенъ и Высочайше повелѣно ему было состоять сначала при генераль-фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ, а потомъ при князѣ Варшавскомъ, графѣ Паскевичѣ Эриванскомъ, которыми былъ неоднократно командированъ въ разныя губерніи Царства Польскаго и въ Пруссію, для устройства продовольствія арміи, а равно и въ городъ Данцигъ, для ликвидаціи суммъ, издержанныхъ прусскимъ правительствомъ на содержаніе спасшихся въ Пруссію корпусовъ польскихъ мятежниковъ и также удалившихся туда казачьяго отряда и русскихъ чиновниковъ, въ началѣ мятежа. За исполненіе всѣхъ возложенныхъ на него порученій при главной квартирѣ награжденъ въ 1831 году чиномъ тайнаго совѣтника, а отъ фельдмаршала 30-го іюня 1832 г. объявлена ему искренняя признательность. Въ іюлѣ 1732 года назначенъ сенаторомъ, сначала въ 5-й, а потомъ въ межевой департаментъ. Въ 1832 году, по высочайшему повелѣнію возложено на него подробное обозрѣніе межевой канцеляріи и конторы и опредѣленіе мѣръ къ лучшему устройству межевой части, причемъ за труды, понесенные при этой ревизіи, получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени большаго креста 18-го января 1834 года, а 19-го того же января по высочайшему повелѣнію командированъ въ Москву, для приведенія межевой канцеляріи и частей, ей подвѣдомыхъ, въ должный порядокъ, причемъ ему единственно и порученъ былъ надзоръ за оными. Іюня 28-го 1836 года именнымъ высочайшимъ указомъ назначенъ главнымъ директоромъ межеваго корпуса, въ каковой должности и пробылъ до октября 1842 года. Онъ былъ кавалеръ орденовъ: св. Владиміра 2-й ст., св. Анны 1-й ст., прусскаго Краснаго Орла 2-й ст. со звѣздою; имѣлъ польскій знакъ отличія за военные подвиги 2-й ст. и знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ.

„имѣютъ поступить всѣ хорошаго поведенія и отличныхъ способностей воспитанники, обучавшіеся до сего въ классахъ Константиновскаго училища“, прежде всего требовалось выбрать изъ бывшаго землемѣрнаго училища лучшихъ учениковъ въ институтъ. Таковыхъ было выбрано: въ I-й классъ — 18, во II-й — 29, въ III-й — 32 и въ IV-й — 38 человѣкъ, всего 117.

Изъ числа остальныхъ учениковъ землемѣрнаго училища 42 человѣка были оставлены за штатомъ и 14 назначены канцелярскими служителями въ Межевую канцелярію.

Затѣмъ, необходимо было озаботиться присканіемъ дома для института и приспособленіемъ его для помѣщенія учебнаго заведенія. Таковой домъ былъ присканъ на Старой Басманной улицѣ. Это былъ великолѣпный домъ, принадлежавшій прежде князю Куракину, а въ то время перешедшій во владѣніе его наследниковъ, бароновъ Сердобинныхъ и Вревскихъ. Кромѣ того, былъ приторгованъ и сосѣдній съ домомъ князя Куракина деревянный домъ, купца Хомутова, съ садомъ.

Хотя Куракинскій домъ былъ приторгованъ еще въ 1835 году и даже допущены въ немъ передѣлки и отведено было съ начала 1836 года помѣщеніе для классовъ, но, вслѣдствіе разныхъ затрудненій по совершенію купчей, оба дома были приобретены только въ слѣдующемъ, 1836 году: первый за 160,000, а второй за 30,000, при чемъ на купчую крѣпость, совершенную 5-го іюня, употреблено 8,140 руб. ассигнаціями.

Составленіе смѣтъ и плановъ на приспособленіе приобретеннаго дома къ помѣщенію института было поручено архитектору, академику Выковскому, который и исчислилъ необходимыя для того издержки въ 250,058 рублей. Какъ эти деньги, такъ и на покупку домовъ, Высочайше повелѣно было отпустить изъ остаточныхъ межевыхъ суммъ, а равно и 4,000 архитектору и 400 рублей на канцелярскіе расходы временнаго строительнаго комитета, который состоялъ, подъ предсѣдательствомъ перваго члена Межевой канцеляріи, изъ директора Писцоваго архива Межевой канцеляріи, директора и эконома межеваго института. Самыя перестройки производилъ сначала архитекторъ Бове, а потомъ, окончательно, архитекторъ Тюринъ, и домъ былъ приготовленъ къ жительству воспитанниковъ въ ноябрѣ 1836 года, но первоначально съ временнымъ устройствомъ кухни, пекарни, прачешной и сушильни, о чемъ будетъ сказано впоследствии.

Между тѣмъ, въ іюнь 1835 года, директору надлежало еще от-

править учениковъ на практику. Для этого было избрано 30 воспитанниковъ и съ разрѣшенія попечителя, былъ откомандированъ изъ Межевой канцеляріи старшій землеѣръ съ двумя помощниками, которымъ предписывалось упражнять учениковъ съ астролябією и геодезическими инструментами, и, избравъ въ окрестностяхъ Москвы какую-либо отдѣльную дачу, обойти ее окружною межою, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ межеванія.

Остальные ученики были распущены по домамъ и, до отпуска съ 1-го сентября 1835 года суммъ изъ казначейства на содержаніе института, каждому воспитаннику производилось, по прежнему, изъ межевыхъ средствъ жалованье по 10 руб. ассигнаціями въ мѣсяць, что продолжалось впослѣдствіи и изъ институтскихъ суммъ, до помѣщенія всѣхъ воспитанниковъ въ новомъ институтскомъ домѣ, въ ноябрѣ 1836 года; ибо до того времени, сначала въ казенномъ межевомъ домѣ, а потомъ въ новомъ институтскомъ, были отведены только комнаты для классовъ, а воспитанники оставались приходскими и жили у родныхъ и по квартирамъ.

1-го сентября 1835 года началось ученье по новому институтскому уставу. Учебные часы продолжались для двухъ старшихъ классовъ съ 9 часовъ до 3^{1/2}, а для двухъ младшихъ съ 9-ти же часовъ до 1^{1/2} по полудни. Хотя предметы преподаванія были тѣ самыя, которые назначены по уставу, но, само собою разумѣется, что институтъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ заведеніемъ, какъ по управленію, такъ и въ средствахъ своего существованія, только именно съ 1-го сентября этого года, когда онъ отдѣлился вполне отъ завѣдыванія Межевой канцеляріи,—не могъ быть во всѣхъ частяхъ преобразованъ къ началу учебнаго года, чему особенно препятствовало помѣщеніе въ казенномъ межевомъ домѣ и оставленіе воспитанниковъ приходскими. Къ этому же времени присканы были благонадежныя чиновники для внутренняго управленія и надзора за воспитанниками, приготовлены необходимыя вещи для первоначальнаго обзаведенія и устроены всѣ временныя при домѣ принадлежности.

Къ 1-му сентября 1835 года при институтѣ находились: директоръ, два надзирателя и 12 учителей, изъ коихъ одинъ исправлялъ должность инспектора.

Воспитанниковъ было 148 и изъ нихъ въ I-мъ классѣ — 17, во II-мъ—30, въ III-мъ—36 и въ IV-мъ—65.

Хотя большая часть учителей въ институтѣ были изъ числа преподававшихъ и въ землеѣрномъ училищѣ, но видно, однакоже, что

институтское начальство весьма заботилось о тщательномъ выборѣ преподавателей. Такъ, были вновь приглашены для преподаванія математики, въ двухъ старшихъ классахъ, извѣстный математикъ, бывшій ординарный профессоръ Московскаго университета, Щепкинъ; физики—магистръ физико-математическихъ наукъ Жудейко и черченія—корпуса военныхъ топографовъ поручикъ Мамонтовъ, знатокъ черченія и отличный съемщикъ.

Мы помѣщаемъ здѣсь и имена всѣхъ прочихъ учителей 1835 года, какъ положившихъ первое основаніе правильному ученію въ институтѣ: священникъ Вѣляевъ преподавалъ законъ Божій; губернский секретарь Ярцевъ, изъ дѣйствительныхъ студентовъ Московскаго университета, исправлявшій должность инспектора, преподавалъ русскую словесность; младшій землемѣръ Яковлевъ — русскую грамматику и каллиграфію; титулярный совѣтникъ Бѣловъ — математику въ двухъ низшихъ классахъ; губернский секретарь Бѣловъ, изъ дѣйствительныхъ студентовъ Московскаго университета,—исторію, статистику и географію; титулярный совѣтникъ Милюковъ—межевые законы и дѣлопроизводство; титулярный совѣтникъ Цвилленевъ — обучалъ рисованію и прапорщикъ Костыревъ — черченію. Судьба новаго заведенія, какъ видно, живо интересовала и высшее начальство. Съ одной стороны, министръ юстиціи Дашковъ самъ пишетъ къ директору и предлагаетъ ему отправиться въ Петербургъ, для осмотра тамошнихъ учебныхъ заведеній; съ другой—попечитель, сенаторъ Пейкеръ, часто посѣщаетъ институтъ и въ одно изъ своихъ посѣщеній, замѣтивъ, что IV-й классъ слишкомъ людепъ, приказываетъ раздѣлить его на два отдѣленія; а въ другое, усмотрѣвъ, что докторъ Межевой канцеляріи, обязанный лечить воспитанниковъ института, является туда въ 12-мъ часу ночи, даетъ ему предписаніе находиться ежедневно въ институтѣ отъ 8-ми до 9-ти часовъ утра.

Въ 1836 году экзамены производились съ 1-го по 15-е іюня, по окончаніи коихъ учење было прекращено до 10-го сентября. Изъ 144 воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену, 41 переведенъ въ высшіе классы; уволены изъ института, для опредѣленія въ канцелярскіе служители по межевому вѣдомству 2 и исключено 12 человекъ; слѣдовательно остались въ тѣхъ же классахъ — 89 человекъ. Къ выпуску землемѣрными помощниками никто не предназначался, потому что учебный курсъ не могъ быть вполне пройденъ.

Съ 20-го іюня по 9-е сентября 37 воспитанниковъ отправлены были въ село Коломенское подъ руководствомъ командированныхъ

Межевою канцелярією, по предписанію попечителя, одного старшаго землебра, одного младшаго и поручика Мамоптова, причеъ имъ было предложено, чтобы воспитанникамъ были показаны всѣ употребительныя методы съемки: астролябією, мензулою, буссолюю и прочими геодезическими инструментами, начиная съ самаго простаго способа, съемки кольями, и чтобы каждый воспитанникъ, по возвращеніи въ Москву, представилъ опытъ собственной работы безъ поправки учителя.

Курсъ 1836 года начался 10-го сентября, все еще съ приходящими воспитанниками. Но, какъ видно, это весьма озабочивало директора. Такъ какъ Куракинскій домъ былъ къ этому времени на столько оконченъ, что въ немъ можно было помѣстить бѣльшую часть воспитанниковъ, то Аксаковъ, испрашивая разрѣшеніе на сдѣланіе нѣкоторыхъ временныхъ приспособленій въ домѣ, для скорѣйшаго помѣщенія воспитанниковъ уступалъ подъ это помѣщеніе собственную квартиру, назначенную ему въ домѣ института и, между прочимъ, писалъ: „что безъ принятія предлагаемыхъ имъ мѣръ, воспитанники института должны оставаться еще годъ приходящими учениками, отъ чего могущій произойти вредъ въ учебномъ и особенно въ нравственномъ отношеніяхъ такъ важенъ, что не можетъ быть принятъ ни въ какое сравненіе съ пожертвованіемъ той незначительной суммы, которую онъ испрашивалъ для сдѣланія нѣкоторыхъ приспособленій“. Для насъ тутъ весьма важенъ взглядъ того времени и такого человѣка, какъ С. Т. Аксаковъ, на открытія и закрытія заведенія. Не смотря на то, что, какъ видно изъ списковъ, бѣльшей половиной воспитанниковъ было отъ 16-ти до 22-хъ лѣтъ (начиная съ 15-ти лѣтъ и ниже до 12-ти было только 68 человѣкъ) и, слѣдовательно, они были въ такомъ возрастѣ, когда отъ нихъ можно было ожидать благоразумія, прямо высказывается мнѣніе о могущемъ произойти вредѣ, если воспитанники останутся приходящими. Съ этимъ здравымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться и нынѣ: хорошая семья, неспорно, лучше закрытаго заведенія; но семья дурная и въ особенности помѣщеніе по квартирамъ, конечно, хуже.

Само собою разумѣется, что просимое разрѣшеніе было дано.

Донося о занятіи новаго институтскаго дома, Аксаковъ писалъ: „И такъ, мысль: образовать въ Россіи ученыхъ землебровъ, возникшая въ 1779 году подъ названіемъ школы, продолжавшаяся подъ именемъ училища, а 10-го мая 1835 года, межеваго института, послѣ 57-ми-лѣтняго существованія классовъ, куда приходили учиться, на-

конецъ получила настоящее значеніе, полную самобытность и 15-го ноября 1836 года собрались въ первый разъ 150 казенныхъ воспитанниковъ и 2 пансіонера подъ благодѣтельный кровъ, дарованный имъ попечительнымъ правительствомъ. 16-го числа, по выслушаніи благодарственнаго съ колѣнопреклоненіемъ и водосвятиемъ молебна, и по окропленіи святою водою молившихся и всѣхъ комнатъ главнаго корпуса, началось ученье по новому институтскому курсу и воспитанники поступили на полное казенное содержаніе*.

Съ этого только времени дѣйствительно и началась правильная жизнь института.

При институтѣ уже состояли: директоръ, инспекторъ, которымъ былъ назначенъ отставной прапорщикъ князь Коваловскій, 6 надзирателей, 13 учителей, экономъ, письмоводитель, 3 канцелярскихъ чиновника, фельдшеръ и 32 человѣка вольнонаемныхъ служителей.

Докторъ былъ изъ Межевой канцеляріи. Лазаретъ былъ открытъ въ купленномъ у Хомутова деревянномъ домѣ и въ немъ пребывало, съ начала курса до 1-го января 1837 года, 47 человѣкъ; изъ нихъ выздоровѣло 41 и оставалось больныхъ 6.

Въ учебномъ отношеніи, обращеніе института въ закрытое заведеніе и помѣщеніе въ новомъ домѣ тотчасъ же отозвались большею правильностію въ ходѣ ученія: вопервыхъ, было измѣнено время для уроковъ, которые стали утренними и вечерними, что было весьма важно, ибо постоянное пребываніе въ теченіе 6¹/₂ часовъ въ классахъ, конечно, было утомительно; вовторыхъ, была составлена и утверждена новая программа или, правильнѣе, планъ ученія; втретьихъ, введено въ два старшіе класса преподаваніе математической и физической географіи; и въ четвертыхъ, распространены курсы математики. Кромѣ того IV-й классъ (младшій) раздѣленъ на два отдѣленія, при чемъ директоръ, воспользовавшись вышеупомянутымъ приказаніемъ попечителя, вмѣсто двухъ параллельныхъ отдѣленій одного класса, сдѣлалъ два класса: IV-й и V-й съ равными курсами.

Уроки продолжались 1¹/₂ часа и утренніе два были отъ 8 до 11, а вечерніе два отъ 2 до 5 часовъ.

Предметы и число на нихъ уроковъ были слѣдующіе:

V-й классъ.

Законъ Божій: сокращенный катихизисъ и часть священной исторіи ветхаго завѣта	2 урока
Русскій языкъ: этимологія	5 "

Математика: арифметика до десятичныхъ дробей . . .	4	урока
Краткая російская географія и обзорѣніе всѣхъ частей свѣта	3	"
Черченіе линий, рѣзь и горь	4	"
Рисованіе карандашомъ	3	"
Каллиграфическая школа, выписываніе буквъ п начало крупнаго письма	3	"

Итого часовъ 36, урок. 24.

IV-й классъ:

Законъ Божій: окончаніе св. исторіи ветхаго и новаго завѣта	2	урока
Русскій языкъ: повтореніе этимологій и правописаніе	5	"
Математика: окончаніе арифметики; алгебра до уравненій 1-й степени включительно	4	"
Краткая всеобщая географія Европы	3	"
Черченіе, то же, что и въ V-мъ классѣ.	4	"
Рисованіе, то же, что и въ V-мъ классѣ	3	"
Каллиграфія, то же.	3	"

Итого часовъ 36, уроковъ 24.

III-й классъ:

Законъ Божій: первая половина пространнаго катихизиса	2	урока
Русскій языкъ: синтаксисъ и логика	5	"
Математика: уравненія 2-й степени, прогрессіи и логарифмы; лонгиметрія и планиметрія	4	"
Краткое чтеніе древней и средней исторіи и географія другихъ частей свѣта	2	"
Черченіе, то же, что и въ IV-мъ классѣ	2	"
Рисованіе, то же.	2	"
Каллиграфія: крупное и мелкое письмо.	3	"

Итого часовъ 36, уроковъ 24.

II-й классъ:

Законъ Божій: вторая половина пространнаго катихизиса	2	урока
Русскій языкъ: риторика, упражненія въ сочиненіяхъ, краткое понятіе объ исторіи русской словесности	3	"

Математика: о проложеніяхъ, стереометрія, теорія плоской тригонометріи	4	урока
Геодезія: геометрическая съёмка, теорія черченія горъ	2	"
Физика: основанія физики и земледѣльческой химіи . .	2	"
Исторія новѣйшая всеобщая и статистика Россійскаго государства, подробно	2	"
Физическая географія	2	"
Межевые законы: общія понятія о судебныхъ мѣстахъ, объ образѣ сношенія ихъ и лицъ между собою	2	"
Черченіе горъ съ моделей, дѣланіе плановъ	2	"
Рисованіе кистью	2	"
Письмо и выписываніе початныхъ буквъ	1	"

Итого часовъ 34¹/₂, уроковъ 23.

I-й классъ:

Законъ Божій: изъясненіе евангелія и литургіи	2	урока
Русскій языкъ: упражненія въ сочиненіи дѣловыхъ бумагъ; практическое чтеніе лучшихъ русскихъ писателей	3	"
Математика: практика, сферическая тригонометрія и общія приложенія	4	"
Высшая геодезія и проекція картъ	2	"
Агропомія	3	"
Россійская исторія и политическая географія	3	"
Математическая географія	2	"
Межевые законы: краткій обзоръ межевыхъ судебныхъ мѣстъ, ихъ судопроизводства и различныхъ видовъ межеванія; землемѣрная INSTRUKCIJA	2	"
Черченіе, то же, что и во II-мъ классѣ	2	"
Рисованіе: съ натуры	1	"
Письмо и надписываніе на плацахъ по узаконеннымъ образцамъ	1	"

Итого часовъ 36, уроковъ 24.

Законъ Божій преподавался по руководствамъ, изданнымъ отъ святѣйшаго синода.

Грамматика по Востокову, логика по Кизеветтеру, риторика по Кошанскому. Были читаны сочиненія Ломоносова, Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова, съ замѣчаніями относительно языка, изложенія и мысли.

Математика преподавалась по курсу Беллавена; географія—по курсу Кайданова; статистика—по курсу Зябловскаго и физика по курсу Павлова.

Разсматривая этотъ планъ ученія, нельзя не отдать ему должной справедливости:

Вопервыхъ, онъ немногopредметенъ;

Вовторныхъ, вслѣдствіе немногopредметности, на каждую науку отведено достаточно времени. Такъ, на русскій языкъ положено 37 часовъ, на математику 24, на черченіе 21 часъ, на геодезію 6 часовъ и на межевые законы 6 часовъ, то-есть, на всѣ главные для землемѣра предметы положено весьма достаточно времени; и

Втретьихъ, распредѣленіе часовъ сдѣлано такъ, что времени на приготовленіе уроковъ и на самостоятельный трудъ весьма довольно; такъ, исключая время на обѣдъ и проч., и отдыхъ, на выѣлассныя занятія воспитанникамъ оставалось отъ 5-ти до 6-ти часовъ.

Для оцѣнки воспитанниковъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ принято было 4 балла съ долями, изъ коихъ 4 выражали отличные успѣхи, способности, поведеніе и прилежаніе; 3—хорошіе; 2—посредственные и 1—худые.

Попеченіе о нравственности воспитанниковъ, подъ собственнымъ наблюденіемъ директора, было особенно возложено на инспектора, который имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи надзирателей, заведывавшихъ каждый особымъ отдѣленіемъ. Въ помощь надзирателямъ назначались старшіе воспитанники. Изъ надзирателей было учреждено постоянное дежурство.

Для лучшихъ воспитанниковъ имѣлась золотая, а для худыхъ черная доска.

Въ концѣ 1836 года директоръ входилъ съ представленіемъ о введеніи въ кругъ ученія института французскаго языка и нѣкоторыхъ изящныхъ искусствъ и, хотя на это разрѣшенія не послѣдовало, по недавнему утвержденію устава и штата института, въ которыхъ эти предметы не поименованы, но мы приводимъ здѣсь это представленіе, какъ по выраженному въ немъ мнѣнію, относительно пользы, имѣвшей всѣми сознанный гимнастики и танцевъ для учениковъ, при ихъ сидячей жизни, такъ и по заботливости директора о воспитанникахъ по выходѣ ихъ изъ института. „Годъ опыта показалъ мнѣ“—писалъ Аксаковъ „что институтъ, при теперешнемъ составѣ учебнаго курса, будетъ имѣть весьма малое число пансіонеровъ; ибо многіе родители, имѣвшіе какія либо средства къ воспитанію дѣтей и дав-

шіе нмъ первоначальное образованіе, узнавъ обстоятельно программу предметовъ, преподающихся по уставу института, не рѣшались отдавать дѣтей своихъ, даже на казенное содержаніе, единственно по причинѣ исключенія изъ учебнаго курса иностранныхъ языковъ и искусствъ, образующихъ наружность; слѣдственно, институтъ получаетъ и будетъ получать воспитанниковъ только изъ бѣднѣйшаго состоянія, болѣею частію сиротъ, которые, безъ сомнѣнія, не имѣли средствъ получить приуготовительнаго ученія и нерѣдко лишены были самаго надзора за поведеніемъ". Поэтому: „желая видѣть институтъ на высшей степени совершенства, какъ доставленіемъ средствъ къ полнѣйшему образованію обучающагося въ немъ юношества, такъ и пріобрѣтеніемъ лучшихъ воспитанниковъ,—считаю за весьма полезное: 1) ввести преподаваніе французскаго языка, на которомъ можно прочесть все изданное по части топографіи и геодезій и собственно землѣмѣрія; и 2) ввести гимнастику, танцованіе и пѣніе".

„Первыя два искусства, придавая благообразную наружность, виждѣтъ служить къ развитію и укрѣпленію тѣла и дѣлаютъ его способнымъ къ перенесенію разныхъ трудностей,—качество, столь полезное для землѣмѣра". И „при томъ", прибавляетъ Аксаковъ — „танцованіе и пѣніе, какъ и вообще всѣ искусства, равно и французскій языкъ, могутъ доставить молодому человѣку входъ въ хорошее общество; напротивъ, незнаніе ихъ нерѣдко бываетъ причиною отчужденія его отъ круга людей образованныхъ и необходимости искать разсѣванія въ такомъ сообществѣ, которое не можетъ поддержать благихъ началъ, получаемыхъ имъ при своемъ институтскомъ образованіи".

Нельзя не замѣтить, что слова Сергѣя Тимофѣевича справедливы и для нашего времени.

Въ томъ же году, принимая во вниманія что пріемъ воспитанниковъ производится одинъ разъ въ годъ, а между тѣмъ, въ разное время года представляются дѣти, съ свѣдѣніями, далеко превышающими требованіе экзамена и съ видными дарованіями, директоръ испрашивалъ разрѣшенія, чтобы дѣти, приготовленныя въ III классъ, принимались въ число пансіонеровъ во всякое время года, съ платою за содержаніе ихъ институту, наравнѣ съ своекоштными пансіонерами, изъ суммъ не полного комплекта межевыхъ чиновъ, съ тѣмъ, чтобы они поступали на первыя открывшіяся казенныя вакансіи.

На это представленіе послѣдовало Высочайшее утвержденіе въ 11-й день мая 1837 года.

Въ теченіе 1836 года поступило въ приходъ по институту 180,383 руб.

37 коп.; употреблено въ расходъ 101.586 рублей 77 коп.; затѣмъ въ остаткѣ было 78.796 рублей 60 коп. ассигнаціями.

Дѣятельность Аксакова при этомъ первомъ устройствѣ института въ 1835 и 1836 годахъ, какъ видно изъ письма къ нему тогдашняго министра юстиціи, Дашкива, была плодотворна. Министръ пишетъ, „что онъ нашелъ, что заведеніе въ короткое время сдѣлало во всѣхъ отношеніяхъ значительный успѣхъ и оправдываетъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣль правительства въ приобрѣтеніи образованныхъ землеѣровъ, что онъ и относитъ къ полезной дѣятельности и трудамъ директора“.

Дѣйствительно, С. Т. Аксаковымъ было сдѣлано въ это время очень много: не говоря о заботахъ по перестройкѣ зданія и мелочныхъ хлопотахъ по снабженію всѣмъ необходимымъ закрытаго заведенія, онъ далъ инспектору и надзирателямъ надлежащія инструкціи, въ коихъ были опредѣлены какъ правила обхожденія съ воспитанниками, такъ и мѣра власти каждаго. Равномѣрно, опредѣлено было съ подробностію и время воспитанниковъ въ теченіе дня, и правила для ихъ поведенія. Всѣ эти инструкціи и правила были развѣшаны на стѣнахъ, дабы были извѣстны всѣмъ, но, къ сожалѣнію, не дошли до насъ и мы находимъ только на нихъ нѣкоторые указанія въ бумагахъ.

Учебный курсъ въ 1837 году не подвергался никакимъ измѣненіямъ. Въ этомъ году все еще продолжались перестройки въ институтскихъ зданіяхъ, которыя были окончены только къ октябрю мѣсяцу. По случаю этихъ перестроекъ курсъ оконченъ и экзамены произведены раньше 15-го іюня, и именно 20-го мая, а институтъ въ цѣломъ составѣ былъ переведенъ на дачу г-жи Писаревой, въ шести верстахъ отъ Москвы, Самарову-гору (Люблино?), нанятую за 1000 рублей изъ суммъ строительнаго комитета. Тутъ же, въ окрестностяхъ дачи 55 человекъ воспитанниковъ занимались и практическими работами по съемкѣ и межеванію, подъ руководствомъ командированнаго отъ Межевой канцеляріи старшаго землеѣра и поручика Мамонтова.

Публичные экзамены произведены въ августѣ, въ присутствіи попечителя. Изъ числа 21 человека, окончившихъ въ 1837 году курсъ, 6 человекъ выпущены старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса, 16 младшими и 1 по болѣзни канцелярскимъ служителемъ, но съ чиномъ же. Переведено въ высшіе классы 91 чело-

вѣкъ, исключено 2; слѣдовательно, осталось въ тѣхъ же классахъ 57 человекъ.

Для лучшаго надзора за воспитанниками, они были раздѣлены на семь отдѣленій, около 25 человекъ, и каждое отдѣленіе было поручено особому надзирателю, которые были обязаны присутствовать и на репетиціяхъ.

Вообще институтъ шелъ хорошо, что видно изъ того, что попечитель, при своихъ осмотрахъ, находилъ его въ совершенномъ порядкѣ (за что и розданы были денежные награды директору и прочимъ), а директоръ въ своемъ отчетѣ свидѣтельствовалъ, что мѣры, принятія для веденія воспитанниковъ въ нравственномъ отношеніи, имѣли желаемый успѣхъ, такъ что большая часть воспитанниковъ отличались хорошимъ поведеніемъ и начальство не было вынуждаемо прибѣгать къ какимъ-либо строгимъ мѣрамъ или тѣлеснымъ наказаніямъ. На черную доску никто изъ воспитанниковъ записанъ не былъ.

Классы въ учебномъ 1837—1838 году начались, по окончаніи лѣтнихъ перестроекъ, только 15-го октября.

29-го ноября 1837 г. институтъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Государя Наслѣдника Цесаревича (пынѣ благополучно царствующаго Государя Императора), который удостоилъ обозрѣть все заведеніе, изволилъ пробовать кушанье, подробно осмотрѣлъ одну кровать и въ чертежной разсматривалъ чертежи, рисунки и съѣмки воспитанниковъ. При этомъ Его Императорское Высочество изволилъ обратить вниманіе на собственный его портретъ, нарисованный воспитанникомъ Мартыновымъ перомъ и пожелалъ его имѣть, почему портретъ и былъ поднесенъ Его Высочеству, чрезъ генералъ-адъютанта Кавелина.

Оставляя заведеніе протрившись съ воспитанниками, Государь Наслѣдникъ, изволилъ выразить директору удовольствіе, что видѣлъ сіе учебное заведеніе, и одобреніе найденному въ немъ устройству.

Воспитаннику Николаю Мартынову были присланы, при отношеніи къ директору генералъ-адъютанта Кавелина отъ 4-го декабря 1837 года, золотыя часы, пожалованныя Государемъ Наслѣдникомъ. „Это милостивое вниманіе“ пишетъ директоръ въ своемъ отчетѣ за 1837 годъ „произвело общій восторгъ между воспитанниками“.

Въ институтскомъ лазаретѣ пересбывало въ 1837 году 306 воспитанниковъ; выздоровѣло 299, умеръ 1, осталось къ 1-му января 38 года 6 человекъ; господствующими болѣзнями были гастрическая и перемежающаяся лихорадка и золотушныя болѣзни.

Въ теченіе 1837 года поступило въ приходъ по институту съ оста-

точными суммами отъ 1836 года—210,157 рублей 97 коп. ассигнац., употреблено въ расходъ изъ штатныхъ, экономическихъ и за своекоштныхъ и казенныхъ пансіонеровъ—141,175 рублей 9 коп. и затѣмъ къ 1-му января 1838 года осталось 68,982 рубля 88 коп. ассигнаціями.

Въ 1838 году послѣдовала совершенная отдѣлка институтскихъ зданій и полное устройство института во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ по случаю продолжавшихся до сего года построекъ, не только ученье не могло идти должнымъ порядкомъ, ибо учебное время сокращалось, а вакаціи удлинялись, но и воспитанники не имѣли всѣхъ удобствъ, которыя доставило имъ зданіе, вполне приспособленное.

При институтѣ въ этомъ году были уже замѣнены всѣ должности, положенныя по штату. Изъ перемѣнъ въ личномъ составѣ отмѣтимъ только выходъ въ отставку исправлявшаго должность инспектора князя Козловскаго ¹⁾ и назначеніе на его мѣсто штабсъ-капитана корпуса военныхъ топографовъ Мамонтова, да кратковременное появленіе въ числѣ учителей извѣстнаго писателя В. Г. Бѣлинскаго. Дѣлая представленіе о допущеніи къ преподаванію русскаго языка неслужащаго дворянина Виссаріона Бѣлинскаго, директоръ писалъ, „что онъ извѣстенъ ему своею грамматикой, припятою съ большимъ одобреніемъ знатоками филологіи, своимъ знаніемъ русскои словесности, а равно и литературными трудами“. Но Бѣлинскій пробылъ въ институтѣ только съ 10-го марта по 22-е октября.

Въ институтѣ въ этомъ году было 155 штатныхъ казенныхъ воспитанниковъ, въ томъ числѣ 5, поступившихъ изъ Иркутскаго канцелярскаго училища на сибирскія вакаціи, 5 своекоштныхъ и 21 казенныхъ пансіонеровъ.

Въ учебномъ отношеніи и внутреннемъ порядкѣ не было измѣненій. На практику воспитанники были отправлены въ числѣ 80 человекъ подъ руководствомъ командированнаго изъ Межевой канцеляріи старшаго землемѣра и штабсъ-капитана Мамонтова въ казенный Лосиный погонный островъ.

По экзаменамъ частнымъ и публичному, произведенному 31-го августа, 1-го и 2-го сентября въ присутствіи попечителя, 3 вышущены старшими и 19 человекъ младшими землемѣрными помощниками,

¹⁾ Отставной прапорщикъ, служившій въ арміи, и по отзывамъ современниковъ, мало заботившійся о классахъ.

70 переведено въ высшіе классы; 4 исключено за малоуспѣшность. Слѣдовательно, оставлено въ тѣхъ же классахъ 85 человекъ.

Нравственностію воспитанниковъ директоръ оставался доволенъ и въ своемъ отчетѣ за 1838 годъ пишетъ, что хотя и существовала черная доска, однакоже на оную никто записанъ не былъ. Ему изъяснена была признательность министра юстиціи въ особомъ письмѣ, переданномъ попечителемъ (31-го іюля 1838 года за № 400) за полезные труды его, способствовавшіе къ доведенію института въ короткое время во всѣхъ отношеніяхъ до значительнаго успѣха.

Больныхъ воспитанниковъ въ теченіе 1837. года было 272, выздоровѣло 270, къ 1-му января 1839 года оставалось 2.

Господствующими болѣзнями были перемежающіяся и простыя лихорадки и кашель.

Въ маѣ мѣсяцѣ господствовала въ Москвѣ и появилась и въ институтѣ—опухоль заушной желѣзы (*antrix parotidea*), а въ октябрѣ было особенно много больныхъ отъ господствовавшей эпидеміи катаррального свойства.

Въ теченіе 1838 года поступило въ приходъ съ остаткомъ отъ 1837 года 208,828 рублей 43 копѣйки. Израсходовано 130,253 рубля 25 коп. и изъ особыхъ суммъ за пансіонеровъ 12,810 рублей 43 коп., всего 143,063 рубля 68 коп. и осталось къ 1-му января 1839 года 65,764 рубля 75 коп. ассигнаціями.

Въ личномъ составѣ института отмѣтимъ поступленіе магистра Московскаго университета Астракова учителемъ физики и агрономіи, на мѣсто Жюдейко, и академика Дурнова учителемъ рисованія въ двухъ старшихъ классахъ, а также и выходъ изъ института директора.

Въ концѣ 1838 года надворный совѣтникъ Аксаковъ подалъ въ отставку и въ началѣ 1839 года былъ уволенъ отъ службы. По отзывамъ современниковъ, бывшихъ воспитанниковъ института (Цапковъ, Мѣшковъ, Стоцкій и другіе), еще заставшихъ директорство Аксакова, Сергѣй Тимофѣевичъ, на долю котораго выпало преобразовать землемѣрное училище въ правильное учебное заведеніе—межевой институтъ, положилъ много трудовъ на это дѣло, и особенно въ первое время преобразованія; онъ прилагалъ возможное попеченіе о развитіи у воспитанниковъ любви къ порядку и умѣнью распределять свое время; требовалъ отъ нихъ неуклонной вѣжливости и наче всего настаивалъ на чтеніи книгъ. При немъ бібліотека бывшаго училища, состоявшая всего изъ 30 сочиненій, въ числѣ коихъ были: „Исторія

о странствованіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга Прево“, стоившая 150 рублей, да „Римская исторія Роллена“ и его же „Древняя исторія объ Египтянахъ, Карфагенинахъ, Ассиріианахъ и проч.“, въ переводѣ Третьяковскаго стоившія 125 рублей и тому подобныя книги, обогатилась дѣйствительно полезными сочиненіями. Имъ пріобрѣтено было:

Историческихъ книгъ	30 названій
Путешествій	4 „
Стихотвореній	5 „
Романовъ и повѣстей	12 „
Учебныхъ и ученаго содержанія.	41 „

При этомъ требовалось, чтобы воспитанники не читали никакихъ другихъ книгъ, кромѣ взятыхъ изъ институтской бібліотеки или одобренныхъ директоромъ, такъ что онъ лично занимался руководствомъ въ этомъ воспитанниковъ. Управленіе его было вообще мягкое, но чрезвычайно заботливое. Воспитанники его любили, а изъ писемъ его къ сенатору Пейкеру (безъ числа; дѣло писцоваго архива № 127) видно, что и высшее начальство относилось къ нему съ уваженіемъ. Заботливость его о заведеніи была такъ велика, что здоровье его отъ того потеряло, такъ что онъ вышелъ въ отставку, по просьбѣ своего семейства, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья ¹⁾, что подтверждается и институтскими дѣлами, изъ коихъ видно, что онъ ѣздилъ въ 1838 году въ продолжительный отпускъ по болѣзни. Этотъ періодъ съ 1835 по 1839 годъ есть періодъ устройства института во всѣхъ отношеніяхъ, и память о С. Т. Аксаковѣ, потрудившемся надъ этимъ устройствомъ, должна быть сохраняема въ институтѣ съ благодарностію. На его мѣсто, 15-го января 1839 года, назначенъ директоромъ института бывший младшій штабъ-офицеръ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса подполковникъ Ланге.

Къ началу этого года при институтѣ находилось полное число служащихъ, и сверхъ того, 1 сверхштатный надзиратель, назначенный на основаніи § 54 уст. института, по увеличившемуся числу воспитанниковъ.

Воспитанниковъ было:

¹⁾ Энциклопедическій словарь, изданный русскими учеными и литераторами. 1861 года. Т. II, стр. 389.

Казенныхъ	151 (1 сибирскій)
„ пансіонеровъ	7
Своекоштныхъ	5

Въ учебномъ отношеніи 1838—1839 годъ не представляетъ ничего особеннаго: перемѣнены только уроки, продолжавшіеся утромъ съ 8 до 11 и послѣ обѣда, вмѣсто отъ 2 до 5, съ 3 до 6 часовъ, что было сдѣлано для предоставленія большаго времени воспитанникамъ для отдыха и приготовленія къ вечернимъ урокамъ и измѣнена система оцѣнки какъ знаній, такъ и поведенія, съ 4-х на 12-ти-балльную, принятую въ то время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Для практическихъ занятій воспитанники старшихъ классовъ, въ числѣ 75 человекъ, находились въ казенномъ селѣ Островѣ, подъ вѣдѣніемъ землемѣра и штабсъ-капитана Мамонтова. Работы производились астролябіей и мензулою.

Изъ числа 163-хъ воспитанниковъ, подвергавшихся частнымъ (отъ половины мая по 10 іюня) и публичному (во второй половинѣ іюня) экзаменамъ, окончили курсъ ученья:

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса	4
Младшими	25
Канцелярскимъ служителемъ съ чиномъ XIV класса	1
Уволено своекоштныхъ съ аттестатомъ	2
	<hr/>
	32
Исключено изъ заведенія	8
Переведено въ высшіе классы.	91
Осталось въ тѣхъ же классахъ	64

Часть нравственная находилась по прежнему на рукахъ у надзирателей. Но новый директоръ не совсѣмъ ладилъ съ ними, о чемъ можно заключить изъ того, что изъ девяти надзирателей убыло въ теченіе года восемь человекъ. По видимому, Василій Ивановичъ Ланге, относительно служащихъ, былъ излишне требователенъ, а относительно воспитанниковъ извѣстно, что онъ прибѣгалъ къ крайне строгимъ наказаніямъ, подавшимъ поводъ одному изъ нихъ къ такому поступку, за который онъ былъ отданъ въ солдаты.

Въ лазаретѣ въ 1839 году перебивало 302 человека, выздоровѣло 299; осталось 3.

Господствующими болѣзнями были простудныя: лихорадки и жаба.

Въ 1839 году поступило въ институтъ суммъ, вмѣстѣ съ оставшимися отъ 1838 года — 193,826 р. 28 к.; израсходовано — 132,466 р. 21 коп. Къ 1-му января 1840 года осталось 61.360 рублей 7 коп. ассигнаціями.

Въ концѣ 1839 года подполковникъ Ланге отправился въ отпускъ, а въ мартѣ 1840 года былъ уволенъ отъ должности директора, которую поручено было исправлять второму члену Межевой канцеляріи Максиму.

Въ учебномъ 1839—1840 году институтъ продолжалъ свое существованіе въ томъ же видѣ, въ какомъ находился и въ предыдущемъ году, стремясь постоянно къ цѣли, указанной ему уставомъ—приготовлять молодыхъ людей на службу по государственному размежеванію земель.

Воспитанниковъ въ институтѣ было 150 казенныхъ, 7 сибирскихъ, 6 казенныхъ и 4 своекоштныхъ пансіонера. Общіе экзамены для перевода въ высшіе классы производились въ продолженіе іюня мѣсяца; испытаніе же воспитанниковъ, кончившихъ курсъ, происходило во второй половинѣ мая, въ присутствіи попечителя.

На лѣтнихъ практическихъ занятіяхъ были воспитанники двухъ старшихъ классовъ и упражнялись въ межевыхъ работахъ и снятіи ситуациі, подъ руководствомъ исправляющаго должность инспектора, штабсъ-капитана Мамонтова и командированнаго изъ Межевой канцеляріи землемѣра, въ окрестностяхъ села Царицына; прочіе воспитанники также были выведены изъ Москвы и находились въ деревнѣ Хохловкѣ, близъ Царицына.

Результаты экзаменовъ 1840 года были слѣдующіе:

Изъ числа 167 воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками съ правомъ на чинъ XIV класса	2
Младшими землемѣрными помощниками	12
Переведено въ старшіе классы	89
Исключено на основаніи § 34 устава	10
Осталось въ тѣхъ же классахъ	54

Въ теченіе 1840 года состоялись слѣдующія постановленія:

1) Во 2-й день апрѣля 1840 года Высочайше утверждено положеніе комитета гг. министровъ, относительно назначенія пенсій над-

зрателямъ института. Этимъ положеніемъ повелѣно распространить на надзирателей Константиновскаго межеваго института положеніе о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія.

2) Изъ прибавленныхъ къ штату института, Высочайше утвержденнымъ въ 23-й день мая 1835 года мнѣніемъ государственнаго совѣта девяти вакансій, положенныхъ для приготовленія дѣтей въ землемѣры для сибирскихъ губерній, многія оставались незамѣщенными, за неявкой желающихъ изъ сибирскихъ уроженцевъ. Вслѣдствіе чего управляющій министерствомъ юстиціи входилъ съ представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ, о замѣщеніи тѣхъ 9-ти вакансій, въ случаѣ неявки сибирскихъ уроженцевъ, другими лицами, хотя бы и изъ великорусскихъ губерній, съ обязанностію нести, по окончаніи курса, службу въ Сибири, на правахъ, установленныхъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 27-го мая 1835 года, для тамошнихъ уроженцевъ.

Представленіе это удостоено Высочайшаго утвержденія въ 27-й день августа 1840 года.

Больныхъ въ институтскомъ лазаретѣ въ 1840 году перебивало 308, выздоровѣло 307, умеръ 1.

Суммъ вмѣстѣ съ остаточными поступило въ 1840 году 54,906 рублей $72\frac{6}{7}$ коп. серебромъ; употреблено въ расходъ 41,396 рублей $41\frac{5}{7}$ коп.; затѣмъ осталось къ 1-му января 1841 года 13,510 рублей $31\frac{1}{7}$ коп.

Изъ принадлежащихъ институту суммъ хранилось въ сохранной казпѣ Московскаго опекунскаго совѣта, для приращенія процентовъ, ассигнаціями 45,000 рублей.

Мы упомянули выше, что въ 1840 году не произошло никакихъ перемѣнъ въ институтѣ, ни въ отношеніи къ учебной части, ни по отношенію къ надзору за воспитанниками. Но, тѣмъ не менѣе, годъ этотъ долженъ быть отмѣченъ въ исторіи института, по поступленію въ него директоромъ Николая Павловича Смецкаго, человѣка весьма замѣчательнаго, на которомъ невольно останавливается вниманіе всякаго безпристрастнаго цѣнителя дѣйствительныхъ трудовъ и заслугъ въ области полезнѣйшаго для Россіи дѣла — правильнаго воспитанія юношества.

Вообще сороковые года составляютъ эпоху для всей послѣдующей жизни института по всѣмъ отраслямъ его дѣятельности, и въ особенности, по частямъ нравственной и учебной. Въ эти годы заложены

прочныя и глубокія основанія, на которыхъ восприняли свое развитіе и должное правдивое направленіе, правильныя научныя начала и тѣ практическія знанія, которыя впоследствии обратили на себя вниманіе высшаго правительства и снискали себѣ довѣріе общественное.

Чтобы оправдать наши слова, для бывшихъ воспитанниковъ института довольно упомянуть имя Н. П. Смецкаго, а для всѣхъ русскихъ людей довольно сказать, что въ началѣ сороковыхъ же годовъ (2-го октября 1842 года) былъ назначенъ попечителемъ института Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Тогда станетъ понятно, что съ этого времени дѣйствительно началась новая жизнь для института и что Межевой институтъ въ сороковыхъ годахъ сдѣлался источникомъ и средоточіемъ всѣхъ усовершенствованій по межевой части.

Находившійся не у дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Смецкій опредѣленъ по ходатайству сенатора Шейкера и вступилъ въ должность директора 9-го декабря 1840 года.

Личность Смецкаго не принадлежала къ числу блестящихъ ни по образованію, ни по выдающимся какимъ-либо особеннымъ способностямъ, но за то это былъ человѣкъ служебнаго труда, одаренный здравымъ смысломъ, безукоризненно честный и преданный всецѣло тому дѣлу, за которое взялся.

Все время жизни, проведенной имъ въ институтѣ, буквально было отдано службѣ. Это былъ своего рода аскетъ, отказавшійся отъ всякаго рода развлеченій и замкнувшій себя въ стѣнахъ заведенія, гдѣ онъ находилъ все, потребное для пополненія своей скромной и неприхотливой жизни.

Правда, Николай Павловичъ Смецкій имѣлъ своего рода недостатки, проявившіеся въ излишней увѣренности въ непогрѣшительность созданныхъ имъ идеаловъ ученія и воспитанія, подъ часъ не всегда совершенныхъ, въ силу недостаточности его личныхъ общеобразовательныхъ основъ и научныхъ познаній. Но все это не можетъ ограничивать достоинствъ и заслугъ этого почтеннаго человѣка, какъ ревностнѣйшаго воспитателя и строгаго руководителя ввѣреннаго ему учебнаго заведенія.

Изъ общаго тона и характера пріема института отъ прежняго директора, оставшаго полковника Ланге, можно уже усмотрѣть внимательность и точность, съ которыми Н. П. Смецкій относился къ дѣламъ служебнаго свойства. Пріемъ его былъ строго-формаленъ и осмотрителенъ.

Составъ принятаго имъ служебнаго персонала былъ слѣдующій:

Надзирателей 8: коллежскій ассесоръ Князевъ, коллежскій регистраторъ Ждановъ, провинціальный секретарь Матвѣевъ, губерскій секретарь Протопоповъ, подпоручикъ Керцелли, титулярный совѣтникъ Фриде, титулярный совѣтникъ Кванчехадзевъ и коллежскій секретарь Устимовичъ. Каждому изъ нихъ было поручено завѣдываніе отдѣленіемъ, кромѣ г. Устимовича, который находился при лазаретѣ. Сверхъ того, г-ну Князеву, помимо прямой его обязанности—завѣдыванія отдѣленіемъ, поручено было смотрѣть за чистотою въ дортуарахъ и завѣдывать одеждою, бѣльемъ и прочими вещами, принадлежащими къ дортуарамъ.

Учителей 15:

1) Штабсъ-капитанъ корпуса военныхъ топографовъ Мамонтовъ обучалъ черченію во всѣхъ классахъ, геодезіи и математической географіи въ I и II-мъ классахъ и, сверхъ того, исправлялъ должность инспектора классовъ.

2) Священникъ Бѣляевъ, преподавалъ Законъ Божій и священную исторію во всѣхъ классахъ.

3) Коллежскій ассесоръ Бѣловъ, обучалъ ариметикѣ и алгебрѣ въ III-мъ классѣ и еще ариметикѣ въ IV-классѣ.

4) Коллежскій совѣтникъ Милюковъ, преподавалъ межевые законы и дѣлопроизводство въ I и II-мъ классахъ.

5) Коллежскій ассесоръ Цвилленевъ, училъ рисованію въ III-мъ и IV-мъ классахъ.

6) Коллежскій ассесоръ Кефаловъ, обучалъ географіи въ III-мъ, IV-мъ и V-мъ классахъ.

Примѣчаніе: Изъ сдаточныхъ вѣдомостей видно, что г. Кефаловъ, сверхъ обязанности учительской, имѣлъ еще въ своемъ завѣдываніи бібліотеку, классныя книги, ланкдарты, геодезическіе инструменты и вообще всякія классныя принадлежности.

7) Титулярный совѣтникъ Кожинъ преподавалъ политическую и физическую географію и статистику Россіи въ I-мъ и II-мъ классахъ.

8) Магистръ Астраковъ обучалъ физикѣ, агрономіи и земледѣльческой химіи въ 3 старшихъ классахъ.

9) Коллежскій секретарь академикъ Дурновъ училъ рисованію въ I-мъ и II-мъ классахъ.

10) X класса Дмитрій Иваповъ преподавалъ русскую словесность въ I-мъ и II-мъ классахъ.

11) Коллежскій секретарь Куциба обучалъ исторіи въ 3-хъ старшихъ классахъ.

12) 12-го класса Иванъ Раевъ—ариметикъ въ V и геометріи во II-мъ классахъ.

13) Губернскій секретарь Редеръ преподавалъ алгебру, геометрію, плоскую тригонометрію въ I-мъ и II-мъ классахъ.

14) Прикомандированный отъ Межевой канцеляріи старшій землемѣрный помощникъ Васильевъ училъ рисованію въ IV-мъ классѣ.

15) Студентъ Павелъ Савельевъ преподавалъ русскій языкъ въ III-мъ, IV-мъ и V-мъ классахъ.

Экономъ, смотритель дома и казначей титулярный совѣтникъ Максимовъ.

Письмоводитель и бухгалтеръ коллежскій ассесоръ Фиктнеръ и при немъ три канцелярскихъ служителя.

Особаго врача при институтѣ не состояло, но обязанность его исправлялъ въ силу § 4 устава, врачъ Межевой канцеляріи, Порбантъ; вслѣдствіе этого ближайшее наблюденіе за ходомъ болѣзней воспитанниковъ и доставленіе имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, скорыхъ пособій возлагалось на фельдшера, положеннаго по штату при институтѣ.

1841 годъ слѣдуетъ назвать годомъ единичной и наибольшей педагогической дѣятельности Н. П. Смецкаго. Этотъ годъ долженъ остаться памятнымъ въ жизни института, какъ начало той живой и плодотворной дѣятельности, съ которою это заведеніе быстро устремилось къ совершенствованію во всѣхъ отношеніяхъ. Н. П. Смецкій, желая образовать изъ дѣтей, вѣранныхъ его попеченію, не только свѣдущихъ по землемѣрной части чиновниковъ, но и полезныхъ гражданъ для отечества вообще, началъ, съ самаго своего вступленія употреблять для достиженія этой цѣли всѣ зависящія отъ него мѣры. Въ отношеніи учебномъ онъ заботился, чтобы воспитанники, приобрѣтая необходимыя для будущей ихъ службы познанія, получили бы вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь къ землемѣрнымъ наукамъ и продолжали бы усовершенствоваться въ нихъ даже на поприщѣ службы. По части нравственной онъ старался, чтобы воспитанники усвоивали себѣ правила благородной нравственности и утверждались въ добрыхъ началахъ, необходимыхъ для предстоящей имъ внѣшней жизни.

Вслѣдствіе того, почти тотчасъ же послѣ приема института въ завѣдываніе, первымъ самостоятельнымъ и основнымъ шагомъ его

было принятію мѣръ къ улучшенію нравственной стороны заведенія. За основную, руководящую мысль, при исполненіи этой важной задачи, онъ принималъ, что успѣшное воспитаніе дѣтей всего болѣе зависитъ отъ вліянія на нихъ старшихъ; ибо наклонности ихъ, и самыя чувства зависятъ отъ людей, которыми они бываютъ окружены и что хорошій примѣръ есть самое лучшее средство утвердить въ нихъ добрыя правила, и наоборотъ: большая часть зла и несчастій людей происходитъ или отъ дурныхъ примѣровъ, видимыхъ въ дѣтствѣ, или оттого, что, просвѣщая умъ дѣтей, часто небрегутъ направленіе ихъ воли. Но дабы вліяніе на дѣтей было сильно и благотвельно, необходимо, чтобы начальникъ, обладая умственнымъ образованіемъ и хорошими душевными качествами, могъ поселить въ дѣтяхъ любовь и совершенное довѣріе къ себѣ и, такъ сказать, овладѣть ихъ волею; тогда только онъ можетъ направить ее ко всему доброму и полезному; только при этомъ условіи успѣхъ нравственнаго образованія будетъ несомнителенъ.

Таковъ былъ взглядъ Смецкаго на вопросъ нравственнаго воспитанія и въ силу этого онъ видѣлъ ясно, какое важное значеніе имѣютъ въ учебныхъ заведеніяхъ надзиратели, которымъ ввѣряется ближайшій надзоръ за нравственностью дѣтей, и какія отличныя качества должны соединять въ себѣ эти чиновники.

Между тѣмъ, не смотря на все стараніе бывшаго начальства института—имѣть хорошихъ надзирателей, оно, къ сожалѣнію, или не могло приобрѣсти такихъ чиновниковъ, или, приобрѣтя, не въ состояніи было удержать ихъ долго на службѣ. Причины этому заключались въ весьма маломъ содержаніи, положенномъ по штату надзирателямъ, и въ недостаточной пенсіи, ожидавшей ихъ по окончаніи служебнаго поприща.

Дѣйствительно, по Высочайше утвержденному въ 10-й день мая 1835 года штату, надзиратели Константиновскаго Межеваго института получали жалованья въ годъ только 600 рублей ассигнаціями, и по 45 копѣекъ ассигнаціями въ сутки на столъ, что составляло въ годъ всего 764 рубля 25 коп. ассигнаціями, а на серебро 218 рублей 35 коп., содержаніе далеко меньшее противу существовавшаго въ то время жалованья во всѣхъ другихъ однородныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе этого, Смецкій, осмотрѣвшись въ заведеніи, и будучи далеко не новичкомъ въ дѣлѣ воспитанія, ибо онъ былъ ротнымъ командиромъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, нашелъ необходимымъ

войдти съ представленіемъ въ попечителю (рапортъ отъ 24-го марта 1841 года) объ увеличеніи жалованья надзирателямъ и объ установленіи должности особаго инспектора, для доведенія о семъ до свѣдѣній министра юстиціи, присовокупивъ, что нравственное состояніе воспитанниковъ важнѣе всего и требуетъ особенно бдительнаго и просвѣщеннаго надзора.

Мы представляемъ здѣсь соображенія Смецкаго, въ томъ вниманіи, что они послужили внослѣдствіи отчасти основаніемъ для устава 1844-го года, составленнаго при Муравьевѣ.

Смецкій признавалъ необходимымъ:

1) Назначить въ Константиновскій Межевой институтъ надзирателей двухъ разрядовъ: двухъ старшихъ и семерыхъ младшихъ. Первые должны имѣть въ вѣдѣніи воспитанниковъ старшаго класса, а шестеро младшихъ имѣть подъ присмотромъ воспитанниковъ классовъ младшихъ; седьмой же долженъ находиться при больницѣ.

2) Положить каждому старшему надзирателю жалованье 300 рублей серебромъ и столовыхъ 120 рублей; младшимъ же по 240 руб. и столовыхъ по 60 руб. въ годъ.

3) По росписанію должностей гражданской службы старшихъ надзирателей помѣстить въ 9-мъ классѣ, а младшихъ въ 10-мъ.

4) Назначеніе пенсій и единовременныхъ пособій для надзирателей оставить на томъ же положеніи, какимъ повелѣно руководствоваться Высочайше утвержденнымъ во 2-й день апрѣля 1840 года мнѣніемъ комитета гг. министровъ.

5) По институтскому уставу, инспекторъ назначался изъ учителей (§ 27) и получалъ за это только казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ (§ 60); особаго же жалованья по званію инспектора, кромѣ учительскаго, ему не назначалось. Отъ этого инспекторъ института, чтобы обезпечить себя приличнымъ содержаніемъ, долженъ имѣть или весьма много уроковъ въ институтѣ, или же обременять себя уроками въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но, по смыслу §§ 28 и 33-го устава, инспекторъ обязанъ наблюдать за нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ воспитанниковъ; кромѣ того, долженъ участвовать, какъ членъ хозяйственнаго комитета, въ распоряженіяхъ по части хозяйственной (§ 47) и былъ, слѣдовательно, первымъ помощникомъ директора. Очевидно, что, при такихъ важныхъ и многотрудныхъ обязанностяхъ, онъ не долженъ быть обремененъ преподаваніемъ уроковъ, ни въ институтѣ, ни въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ тому же въ институтѣ, по составу штата, не было чинов-

ника, который бы могъ, въ случаѣ болѣзни или отсутствія директора, исправлять его обязанность, а потому обыкновенно назначался для этого одинъ изъ членовъ Межевой канцеляріи.

При всѣхъ личныхъ достоинствахъ сихъ послѣднихъ, они, не посвящая себя дѣлу воспитанія, не могли приносить заведенію столько пользы, какъ чиновникъ, котораго служба, честь и достоинство тѣсно соединены съ благосостояніемъ института. Поэтому Смецкій считалъ необходимымъ имѣть при институтѣ особаго инспектора, съ назначеніемъ ему приличнаго содержанія, а именно 800 рублей серебромъ со столовыми въ годъ, полагая должность его въ 8-мъ классѣ и подчиняя попросъ о пенсіи тому же Высочайше утвержденному мнѣнію комитета гг. министровъ во 2-й день апрѣля 1840 года.

Затѣмъ, іюня 4-го дня 1841 года директоръ входилъ къ г. попечителю еще съ особымъ представленіемъ о необходимости имѣть отдѣльнаго врача для Межеваго института, вмѣсто исправлявшаго сію должность, въ силу § 4 устава, врача Межевой канцеляріи, имѣющаго главною обязанностію пользоваться и свидѣтельствовать всѣхъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ Межеваго вѣдомства, изъ коихъ первые живутъ въ разныхъ мѣстахъ Москвы, большею частію весьма отдаленныхъ, такъ что ему неминуемо должно находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ. Вслѣдствіе чего исполненіе обязанностей врача по институту, съ надлежащею точностію, дѣлалось почти невозможнымъ и, слѣдовательно, большыя воспитанники должны были остаться безъ врачебнаго надзора, а въ случаяхъ крайнихъ, требующихъ скорѣйшаго пособія, безъ помощи. Поэтому, онъ просилъ о назначеніи особаго врача для института, предполагая ему жалованья по 300 рублей серебромъ въ годъ, съ отнесеніемъ сей должности по росписанію о чинахъ къ VIII-му классу, а по окладамъ пенсій къ VI-му.

Всѣ эти представленія были доведены попечителемъ до свѣдѣнія министра юстиціи и послужили поводомъ, какъ увидимъ ниже, къ пересоставленію устава института.

Планъ ученія въ 1840—1841 учебномъ году остался безъ перемѣнъ. Въ отношеніи учебномъ начальство института особенно заботилось, чтобы воспитанники, приобрѣтая необходимыя для будущей ихъ службы свѣдѣнія, получили бы и любовь къ землѣмѣрнымъ наукамъ. Отъ преподавателей требовалось, чтобы они проходили съ возможною полнотою и отчетливостію преимущественно тѣ предметы, которые составляютъ курсъ наукъ землѣмѣрныхъ и науки вспомогательныя; преподаваніе же прочихъ предметовъ (исключая закона Божія и исторіи)

приноравливали бы къ будущему назначенію воспитанниковъ. Директоръ, замѣтивъ, что нѣкоторые учителя заставляли заучивать наизусть, принялъ мѣры противъ такого преподаванія и, дабы содѣйствовать развитію въ воспитанникахъ способности къ мышленію, дабы пріучить ихъ разсуждать, соображать и излагать читанное или слышанное, своими словами, нашелъ необходимымъ, увеличивъ бібліотеку нѣкоторыми полезными сочиненіями, постановить, что „воспитанникъ, прочтя книгу, долженъ дать инспектору или учителю отчетъ въ томъ, что извлекъ онъ полезнаго изъ этого чтенія; обязанъ замѣтить лучшія мысли, сказать о книгѣ свое мнѣніе или сдѣлать краткій разборъ ей,—что“, по мнѣнію директора, „должно было развертывать вкусъ и способности воспитанника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и давать хорошее направленіе уму его и наклонностямъ“ (отчетъ за 1841 годъ). Конечно, это одна изъ утопій Николая Павловича, но тѣмъ не менѣе, она показываетъ его заботливость о воспитанникахъ.

Воспитанниковъ въ институтѣ въ этомъ году было: казенныхъ 147, сибирскихъ 8, своекоштныхъ пансіонеровъ 3.

Экзамены въ 1841 году, съ 6-го мая по 7-е іюня, производились въ присутствіи директора, инспектора и учителей, а публичный экзаменъ былъ въ концѣ іюля, въ присутствіи товарища главнаго директора Межеваго корпуса и командированнаго министромъ юстиціи коллежскаго совѣтника Гизетти.

Въ лѣтнее время воспитанники двухъ старшихъ классовъ находились на практическихъ работахъ въ селѣ Коломенскомъ и слободѣ Садовой. Работы состояли, по прежнему, въ мензуральной съемкѣ и въ трехъ родахъ землемѣрія: а) по генеральному межеванію; б) по утвержденію по нарѣзкамъ межъ и в) по спеціальному размежеванію земель.

Результаты экзаменовъ 1841 года были слѣдующіе:

Изъ числа 158 воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками съ правомъ на чинъ XIV класса	3
Младшими землемѣрными помощниками	26
Переведено въ старшіе классы	90
Исключено на основаніи § 34 устава	13
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	26

Хотя учебная часть, какъ видно изъ предыдущаго, и занимала директора, но всѣ заботы его были обращены, по преимуществу, на

часть нравственную, которая требовала особыхъ попеченій. Съ одной стороны, многіе изъ воспитателей не понимали своихъ важныхъ обязанностей, а съ другой, воспитанники были скрытны и не дорожили мнѣніемъ начальства. Для исправленія этихъ недостатковъ, директоръ, имѣвшій, какъ мы видѣли, опредѣленные понятія о качествахъ воспитателей, прежде всего припался за надзирателей и учителей, которыхъ не отдѣлялъ отъ дѣла воспитанія. Собственнымъ примѣромъ и наставленіями онъ „старался вразумить надзирателей и учителей, что одною только любовью къ своему дѣлу и достоинствомъ личнымъ можно родить непринужденное повиновеніе и привязать къ себѣ дѣтей, что обращеніе ихъ съ воспитанниками должно быть похоже на родственныя отношенія старшихъ къ младшимъ; что укрѣпленію такихъ отношеній должно содѣйствовать постоянно ровное, ласковое обращеніе съ дѣтьми и благоразумная строгость, основанная на любви къ нимъ“ (отчетъ за 1841 годъ).

Воспитателямъ было внушено всевозможно стараться, чтобы все въ воспитанникѣ было непритворно и чтобы поступки ихъ были вѣжливы и благопристойны, какъ въ сношеніяхъ съ высшими, такъ и между собою.

Въ теченіе одного года, директоръ уже имѣлъ утѣшеніе видѣть измѣненіе къ лучшему воспитанниковъ и получилъ добрую надежду на будущее.

Какъ только измѣнился образъ обхожденія съ воспитанниками, такъ и эти послѣдніе перестали чуждаться своихъ воспитателей; нисколько не стѣснялись въ своихъ дѣйствіяхъ присутствіемъ старшихъ; покорно переносили заслуженныя, иногда и строгія наказанія и, наконецъ, „благородное обращеніе старшихъ дало хорошее направленіе и обращенію воспитанниковъ между собою“.

Таковы были первыя сѣмена нравственности, которыя сѣялъ Николай Павловичъ въ институтѣ, и надо отдать ему справедливость, сѣялъ умѣлою рукою. Добрыя преданія, имъ оставленныя, живы въ институтѣ и до сихъ поръ. Не можемъ, при этомъ, не обратиться и къ тому разсаднику нравственныхъ началъ, 1-му кадетскому корпусу, въ которомъ воспитывался и потомъ продолжалъ службу Смецкій и который служилъ ему образцомъ въ веденіи института. Безспорно, что кадетскіе корпуса того времени были устоповлены на твердыхъ и правильныхъ началахъ, при чемъ не надо забывать, что эти начала были начала Вецкаго, принца Ангальта и Ростовцева. Не даромъ покойный императоръ Николай Павловичъ, при первомъ своемъ

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССѸ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Изданіи. каналъ, между Васнецъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ за 1877 годъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Оскія надписи. И. В. Помяловскаго.

Очерки изъ исторіи литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. П. В. Владимірова.

Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго А. Г. Брикнера.

Критическія и библіографическія замѣтки.

Изъ древней исторіи Волгарь. Сочиненіе Матвѣя Соколова. К. Я. Грота.

Ө. И. Леонтовичъ. Къ исторіи русскихъ инородцевъ. Древній Монголо-Калмыцкій или Ойратскій уставъ въискапій (Цааджинъ-Бичикъ). Н. А. Попова.

Къ вопросу объ организаціи учебной части въ городскихъ училищахъ А. Баранова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній а) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА

Анаторминскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 60--1.

1879.

1879.

изданный в канцелярии, по Высочайшему повелению, в Министерстве юстиции, № 50-1.

ТИПОГРАФИИ В. С. ВАЛАНТЕРОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЧАСТЬ СОВ.

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

МИНИСТЕРСТВА

ЖУРНАЛЪ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1877 ГОДЪ.

В. Реальныя училища.

Въ отчетномъ 1877 году минуло пять лѣтъ со времени всемілостивѣйшаго утвержденія Вашимъ Императорскимъ Величествомъ нынѣ дѣйствующаго устава реальныхъ училищъ. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ за эти годы я имѣлъ уже счастье докладывать Вашему Императорскому Величеству о томъ сочувствіи, съ какимъ съ самаго начала былъ встрѣченъ новый уставъ,—сочувствіи, ясно выразившемся тѣмъ явленіемъ, что тотчасъ по обнародованіи устава въ министерство народнаго просвѣщенія стали во множествѣ поступать отъ земскихъ и городскихъ обществъ ходатайства объ учрежденіи въ ихъ мѣстностяхъ реальныхъ училищъ. Число такихъ ходатайствъ уже за вторую половину 1872 года простиралось свыше 40, изъ коихъ 24 сопровождалось заявленіями земствъ и городскихъ обществъ о своей готовности жертвовать единовременно или ежегодно болѣе или менѣе значительныя суммы на устройство и содержаніе реальныхъ училищъ. Подобныя ходатайства и заявленія съ тѣхъ поръ не прекращались и, конечно, не мало способствовали учрежденію новыхъ реальныхъ училищъ какъ уменьшеніемъ необходимыхъ на ихъ содержаніе расходовъ государственнаго казначейства, такъ и сообщеніемъ министерству указаній и свѣдѣній о мѣстныхъ потребностяхъ, обусловливающихъ тотъ или другой составъ учреждаемаго училища. Всѣ подобныя свѣдѣнія и указанія принимались во вниманіе министерствомъ при учрежденіи каждаго училища, и возможность удовлетворять самымъ разнообразнымъ мѣстнымъ потребностямъ составляетъ одно изъ глав-

ныхъ достоинствъ новаго устава, допускающаго широкій просторъ въ отношеніи состава училищъ безо всякаго измѣненія въ основныхъ положеніяхъ устава. Необходимость же разнообразія въ составѣ реальныхъ училищъ обусловливается прямою цѣлю ихъ доставлять учащимся въ нихъ общее образованіе „приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній“, каковыя потребности и познанія могутъ быть весьма разнообразны.

Что касается пособій, доставляемыхъ мѣстными обществами государственному казначейству на содержаніе реальныхъ училищъ, то въ прошлогоднемъ отчетѣ были приведены точныя цифры, доказывющія, что относительный размѣръ оныхъ постоянно увеличивается. Но хотя вслѣдствіе того отношеніе казенныхъ расходовъ къ жертвуемымъ мѣстными обществами суммамъ постепенно становится все выгоднѣе для государственнаго казначейства, однако абсолютная цифра казенныхъ расходовъ, составлявшая въ 1874 году 765,526 руб., съ того времени увеличилась, почти въ полтора раза, а въ отчетномъ году достигла уже суммы 1,090,140 р., причемъ пособія мѣстныхъ обществъ возросли за то же время отъ 137583 руб. до 427,679 р. Отсюда явствуется, что и теперь еще реальныя училища получаютъ ежегодно гораздо болѣе изъ государственнаго казначейства, нежели отъ мѣстныхъ обществъ.

Если такимъ образомъ монаршія щедроты Вашего Императорскаго Величества, при сильномъ содѣйствіи мѣстныхъ обществъ, съ самаго утвержденія новаго устава давали возможность распространенію реального образованія въ нашемъ отечествѣ; то съ другой стороны смѣю засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что и вѣренное мнѣ вѣдомство за все это время постоянно устремляло свои усилія къ осуществленію цѣлей, предудказанныхъ державною вашею волею.

Уже черезъ три мѣсяца послѣ утвержденія новаго устава, т. е. съ начала 1872—1873 учебнаго года, въ семи бывшихъ реальныхъ гимназіяхъ—С.-Петербургской, Виленской, Динабургской, Бѣлостокской, Пинской, Бѣлоцерковской и Ровенской—низшіе пять классовъ были преобразованы, съ небольшими изыятіями, совершенно по учебному плану реальныхъ училищъ, а при трехъ изъ нихъ были открыты и коммерческія отдѣленія. Затѣмъ съ 1873 по 1877 годъ было вновь учреждено и открыто 55 реальныхъ училищъ, а именно: въ 1873 году 23; въ 1874 вновь учреждено 1 и преобразованы изъ двухъ реальныхъ гимназій и одной прогимназіи въ Варшавскомъ учебномъ

окрытъ 3 училища; въ 1875 и 1876 гг. открыто по 10 реальныхъ училищъ, а въ отчетномъ году 11. Изъ сихъ послѣднихъ два содержатся вполнѣ на счетъ мѣстныхъ обществъ, именно: учрежденное въ Москвѣ при реформатской церкви и въ Одессѣ при лютеранской церкви Св. Павла, остальные 9 находятся въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Великихъ Лукахъ, Смоленскѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Камышинѣ, Астрахани, Новочеркасскѣ, станицѣ Урюпинской, Ромнахъ и Томскѣ. На ихъ содержаніе отпускается ежегодно.

НА РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА. Изъ казны.	Отъ город- скихъ. обществъ.	Отъ земствъ.	В с е г о.	
Великолудское	13,100 р.	500 р.	8,000 р.	21,600 р.
Смоленское	23,100 „	—	2,000 „	25,100 „
Нижегородское	7,700 „	9,700 „	7,700 „	25,100 „
Камышинское	10,370 „	6,000 „	7,000 „	23,370 „
Астраханское	12,280 „	7,000 „	— „	19,280 „
Новочеркасское	15,440 „	— „	15,440 ¹⁾ „	30,880 „
Урюпинское	12,550 „	— „	12,550 ¹⁾ „	25,100 „
Роменское	1,500 „	— „	15,780 „	17,280 „
Томское	18,180 „	8,000 „	— „	26,180 „
Итого на 9 училищъ .				114,220 р. 31,200 р. 68,470 р. 213,890 р.

Сумма, отпускаемая на эти училища изъ казны, составляетъ 53,4% всѣхъ расходовъ; пособія отъ мѣстныхъ обществъ 46,6% изъ коихъ городскими обществами вносятся 14,6%, а земствами и войскомъ Донскимъ 32%. По училищамъ, открытымъ въ предѣлахъ отчетнаго года, изъ казны отпускается слишкомъ двумя процентами болѣе именно 55¹/₂%, а отъ мѣстныхъ обществъ 44¹/₂%, въ томъ числѣ 24¹/₂% отъ городскихъ обществъ, а 20% отъ земствъ.

Открытыя въ 1877 году реальныя училища слѣдующимъ образомъ распредѣляются по учебнымъ округамъ.

Въ С.-Петербургскомъ — одно новое училище; въ Великихъ Лукахъ, 6-ти классное съ общимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса, открыто въ составѣ двухъ нижнихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ 1 й учебный годъ оно было содержимо на счетъ сословій, а съ 1-го іюля 1878 г. на счетъ правительства, съ вышеозначеннымъ пособіемъ отъ обществъ; помѣщается въ каменномъ 2-хъ этажномъ зданіи, купленномъ для него на счетъ города. Въ немъ приспособленъ для помѣщенія

¹⁾ Изъ суммъ войска донскаго.

двухъ существующихъ классовъ только верхній этажъ, а въ нижнемъ имѣеть временную квартиру директоръ съ канцеляріей. Гимнастическій залъ находится въ особомъ каменномъ флигелѣ, весьма просторномъ и удобномъ для гимнастическихъ занятій. О томъ, насколько будетъ удовлетворять потребностямъ училища принадлежащее ему помѣщеніе, можно будетъ вполне судить по окончаніи приспособительныхъ въ немъ работъ, которыя будутъ произведены въ текущемъ 1878 г.

Въ Московскомъ учебномъ округѣ три новыхъ училища 1) въ Москвѣ при реформатской церкви, 6-ти классное, безъ пособія отъ казны, открыто 1-го сентября въ составѣ 4-хъ низшихъ классовъ, временно помѣщается въ неудобномъ наемномъ домѣ, а въ слѣдующемъ учебномъ году будетъ переведено въ зданіе художественно-промышленнаго музея на Мясницкой улицѣ; 2) въ Смоленскѣ, 6-ти классное съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями, открыто 28-го августа въ составѣ двухъ низшихъ классовъ, временно помѣщается въ квартирѣ, нанимаемой для него Смоленскимъ губернскимъ земствомъ, въ третьемъ этажѣ. Всѣ заботы о помѣщеніи этого училища лежатъ на земствѣ, на счетъ котораго покрываются и издержки по найму временнаго помѣщенія; 3) въ Нижнемъ Новгородѣ 6-ти классное съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями, открыто 12-го сентября въ составѣ 2-хъ низшихъ классовъ, помѣщается въ наемномъ двухъ-этажномъ домѣ, во многихъ отношеніяхъ крайне неудобномъ.

Въ Казанскомъ учебномъ округѣ открыты два училища: 1) въ Камышинѣ, 6-ти классное съ общимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса, открыто въ составѣ 3 низшихъ классовъ въ особо устроенномъ для него домѣ и помѣщается весьма удобно; 2) въ Астрахани, 4-хъ классное съ однимъ коммерческимъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ; открыто въ составѣ III и IV классовъ и помѣщается временно въ наемномъ домѣ, который впрочемъ порядочно приспособленъ для помѣщенія учебнаго заведенія въ 4-хъ классномъ составѣ.

Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ два новыхъ училища: 1) въ Новочеркасѣ, 6-ти классное съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями и съ тремя отдѣленіями въ дополнительномъ классѣ. Открыто 2-го октября въ составѣ 2 низшихъ классовъ; помѣщается временно въ наемномъ домѣ на счетъ военныхъ суммъ; 2) въ станицѣ Урюпинской, 6-ти классное съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями открыто 6-го октября въ составѣ 2-хъ низшихъ классовъ. По-

мѣщеніе этому училищу назначено въ зданіи, предоставленномъ для этой цѣли Хоперскимъ окружнымъ земствомъ.

Въ Одесскомъ учебномъ округѣ открыто одно реальное училище, безъ пособія отъ казны, въ Одессѣ, при лютеранской церкви св. Павла, 6-ти классное, въ составѣ 5 низшихъ классовъ. Это училище существовало уже прежде на правахъ частнаго училища 1-го разряда и помѣщается въ 2-хъ этажномъ зданіи; въ виду же предстоящаго открытія VI класса предполагается помѣщеніе онаго увеличить присоединеніемъ къ нему той части зданія, въ которой нынѣ помѣщается дѣвичье училище Одесскаго евангелическо-лютеранскаго общества.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ одно новое училище въ Ромнахъ, 4-хъ классное съ однимъ основнымъ отдѣленіемъ въ высшихъ классахъ, открыто 16-го августа въ составѣ III-го и IV-го классовъ; помѣщеніе его требуетъ еще окончательной отдѣлки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣлки.

Въ Западной Сибири одно реальное училище — въ Томскѣ, 6-ти классное съ однимъ основнымъ отдѣленіемъ и съ двумя техническими отдѣленіями въ дополнительномъ классѣ. Открыто въ составѣ низшихъ 4-хъ классовъ; помѣщается въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, уступленномъ мѣстнымъ обществомъ, съ употребленіемъ на отдѣлку онаго изъ городскихъ суммъ до 15,000 р.

Въ исчисленныхъ одиннадцати новыхъ реальныхъ училищахъ при открытіи ихъ было всего 30 классовъ. При прежде существовавшихъ училищахъ въ 1877 году открыты слѣдующіе классы:

III-й при училищахъ: Скопинскомъ и Полтавскомъ.

IV-й при Вологодскомъ, Муромскомъ, Тверскомъ и Троицкосавскомъ.

V-й основнаго отдѣленія при Тульскомъ, Казанскомъ, Тамбовскомъ, Новозыбковскомъ.

V-й коммерческаго отдѣленія при С.-Петербургскомъ 2-мъ, Московскомъ, Ливенскомъ, Киевскомъ.

V-й горнозаводскаго отдѣленія при Красноуфимскомъ.

VI-й основнаго отдѣленія при Череповскомъ, Кронштадтскомъ, Новгородскомъ, Ливенскомъ, Зарайскомъ, Иваново-Вознесенскомъ, Калужскомъ, Вольскомъ, Пермскомъ, Курскомъ, Воронежскомъ, Мелитопольскомъ, Екатеринославскомъ, Севастопольскомъ и Херсонскомъ — всего при 15 училищахъ.

VI-й коммерческаго отдѣленія при Иваново-Вознесенскомъ, Екатеринославскомъ, Севастопольскомъ.

VI-й сельско-хозяйственнаго отдѣленія при Мелитопольскомъ.

Дополнительнаго класса отдѣленія: а) общее при С.-Петербургскомъ 2-мъ, Саратовскомъ, Саранульскомъ, Сызранскомъ, и в Виленскомъ; б) механико-техническое—при Саранульскомъ.

Всего прибавилось при прежде существовавшихъ училищахъ новыхъ 40 классовъ, изъ коихъ почти половина—19 приходится на высшій или VI-й классъ, вслѣдствіе чего въ отчетномъ году 15 училищъ получили окончательное устройство по основному отдѣленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нихъ же три по коммерческому отдѣленію, а одно по сельско-хозяйственному. Въ предотчетномъ году новыхъ классовъ прибавилось нѣсколько болѣе—48,6 но VI-й классъ былъ открытъ только при 5 училищахъ:

Параллельныхъ классовъ къ 1-му января 1878 г. состояло 58, противъ 41 къ предшедшему году; слѣдовательно число ихъ увеличилось на 17 классовъ.

Выше было показано, что при вновь учреж-	
денныхъ училищахъ открыто	30 классовъ
при прежде существовавшихъ открыто . .	40 "
сверхъ того лишнихъ параллельныхъ. . .	17 "
<hr/>	
Всего прибавилось новыхъ	87 классовъ

Въ предотчетномъ 1876 году прибавилось 84 новыхъ класса.

Общее число реальныхъ училищъ, со включеніемъ двухъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, существующихъ на особыхъ основаніяхъ, къ 1-му января 1878 г. составляло 67. Изъ нихъ почти двѣ трети—41, имѣютъ уже высшій, VI-й классъ основнаго отдѣленія; при 20-ти тотъ же классъ коммерческаго отдѣленія, а при одномъ сельско-хозяйственнаго. Въ предшедшемъ году изъ 56 училищъ только при 26-ти былъ открытъ VI-й классъ основнаго отдѣленія. Дополнительный классъ открытъ при 25-ти училищахъ, изъ коихъ при 8-ми общее отдѣленіе, при 12-ти химико-техническое, а при 23-хъ механико-техническое; въ томъ же числѣ при 5 училищахъ открыты всѣ три отдѣленія дополнительнаго класса.

На содержаніе всѣхъ 67-ми реальныхъ училищъ въ общей сложности въ отчетномъ году отпускалось, какъ уже выше было упомянуто, изъ государственнаго казначейства 1.090,140 р., а отъ мѣст-

ныхъ обществъ 427,679 р., что составляетъ на 100 р. казенныхъ 39¹/₄ р. отъ обществъ или, считая на проценты 71,8⁰/₁₀₀ казенныхъ и 28,2⁰/₁₀₀ отъ обществъ. Въ предѣльномъ году это отношеніе было, при 56 училищахъ, какъ 100 : 33, или какъ 75⁰/₁₀₀ : 25⁰/₁₀₀ а въ 1874 г. на 100 руб. казенныхъ приходилось только 18 руб. или 15¹/₄⁰/₁₀₀ пособій отъ обществъ. Если же сравнить суммы, отпускаемыя изъ казны и отъ мѣстныхъ обществъ съ общимъ итогомъ всѣхъ средствъ содержанія реальныхъ училищъ въ отчетномъ году, составляющимъ 1.844,633 р., то окажется, что эти училища получили изъ государственнаго казначейства 59,1⁰/₁₀₀ всѣхъ своихъ средствъ (противъ 63,3⁰/₁₀₀ въ 1876 г.); отъ городскихъ обществъ 12,2⁰/₁₀₀; отъ земствъ 11⁰/₁₀₀; отъ сбора за ученіе 14⁰/₁₀₀;—противъ 12,2⁰/₁₀₀, 8,8⁰/₁₀₀ и 12,8⁰/₁₀₀ въ 1876 г.

Въ прошлогоднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ были сообщены свѣдѣнія по С.-Петербургскому учебному округу о стоимости обученія одного ученика въ разныхъ реальныхъ училищахъ въ 1876 г. Эта стоимость составляла отъ 149 до 245 руб., въ среднемъ же выводѣ по всему округу 186 р.—Въ отчетномъ же году эта средняя стоимость обученія 1 ученика обошлась на 8 р. больше, то-есть, въ 194 р., что произошло вслѣдствіе значительнаго возвышенія (до 15 т. р. ежегодно) наемной платы за помѣщеніе С.-Петербургскаго 2-го реального училища. Въ частности обученіе одного ученика С.-Петербургскаго 2-го реального училища стоило 244 р.

Череповскаго	178 руб.
Вологодскаго	167 „
Псковскаго	166 „
С.-Петербургскаго 1-го	154 „
Кронштадтскаго	135 „
Новгородскаго	129 „

Если исключить 2-е С.-Петербургское реальное училище, то средняя стоимость обученія одного ученика обошлась въ 184 р.

Въ Московскомъ учебномъ округѣ эта стоимость въ среднемъ выводѣ составляетъ 162 р., причѣмъ она колеблется между 109 р. (въ Тулѣ) и 233 р. (въ Калугѣ).

Въ Казанскомъ учебномъ округѣ средняя стоимость немного болѣе чѣмъ въ Московскомъ, именно 168 р., но по отдѣльнымъ училищамъ она колеблется между 103 р. 90 к. въ Казани и 724 р. въ Вольскѣ. Такая огромная разница объясняется тѣмъ, что въ Казанскомъ училищѣ въ 5 классахъ 240 учениковъ, а въ Вольскомъ, гдѣ существуютъ лишь 3 высшіе класса, только 25 учениковъ.

Въ Одесскомъ учебномъ округѣ средняя стоимость обходилась въ 121 р. 34 коп.; наименьшая стоимость 70 р. 97 к.—въ Одесскомъ училищѣ Св. Павла, наибольшая въ Екатеринославскомъ—225 р. 67 в.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ, при средней стоимости въ 128 р., наименьшая стоимость была въ Вѣлоцерковскомъ училищѣ 90 р., а наибольшая въ Киевскомъ—268 р.

Изъ поименованныхъ пяти округовъ наименьшая средняя стоимость обученія замѣчается въ Одесскомъ—121 р. 34. и Киевскомъ 128 р., причѣмъ разница составляетъ менѣе 7 руб. Затѣмъ въ Московскомъ и Казанскомъ учебныхъ округахъ та же стоимость на одну треть выше, составляя въ первомъ 162 р., въ послѣднемъ 168 р.—разница только на 6 руб. Наконецъ самая высокая стоимость замѣчается въ С.-Петербургскомъ округѣ—184 р., или даже 194 р., если считать со включеніемъ С.-Петербургскаго 2-го реального училища.

Число учениковъ во всѣхъ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1878 г. составляло 12,763, противъ 10,880 учениковъ, состоявшихъ въ 56 училищахъ къ 1-му января 1877 г. Такимъ образомъ число учениковъ увеличилось на 1,883 или на $17\frac{1}{3}\%$; въ предѣлѣ предѣлѣ году это увеличеніе была на 1,909 учениковъ или на $21\frac{1}{4}\%$. Относительное распредѣленіе ихъ по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ по разнымъ учебнымъ округамъ не представляетъ замѣтно разницы противъ предѣлѣ предѣлѣ года; въ общей же сложности вышеозначенное количество учениковъ распредѣляется по вѣроисповѣданіямъ слѣдующимъ образомъ:

Православныхъ	7,734	или	60,6%
Римско-Католиковъ	2,447	„	19,1
Протестантовъ	1,259	„	9,9
Евреевъ	1,053	„	8,3
Прочихъ исповѣданій	270	„	2,1
<hr/>			
Всего	12,763	„	100%

По сословіямъ:

Дѣтей дворянъ и чиновниковъ	5,707	или	44,7%
„ городскихъ сословій	4,933	„	38,7
„ сельскихъ	1,406	„	11,0
лицъ духовнаго званія	346	„	2,7
иностранцевъ	371	„	2,9
<hr/>			
100%			

Въ отчетномъ году вновь поступило въ реальныя училища 4,315 учениковъ, противъ 3,146 поступившихъ въ предѣлѣ отчетномъ году; подававшихъ прошенія о приѣмѣ было около 6,400, изъ коихъ 1,900 не выдержали экзамена или не явились на оный, а 150 не могли быть приняты за комплектъ или по недостатку помѣщенія.

Въ прошлогоднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ я имѣлъ счастье докладывать Вашему Императорскому Величеству, что 1876 годъ былъ первый, въ которомъ переводные и выпускные экзамены въ реальныхъ училищахъ производились по новымъ правиламъ, нарочно для нихъ составленнымъ, на особыхъ основаніяхъ, сообразныхъ съ цѣлю и значеніемъ этихъ училищъ.

Тамъ же были представлены результаты тѣхъ экзаменовъ въ цифрахъ, выражающихъ процентное отношеніе выдержавшихъ испытаніе къ числу учениковъ, состоявшихъ въ реальныхъ училищахъ къ началу этихъ испытаній. При этомъ оказалось замѣтное уменьшеніе колебаній чиселъ, выражающихъ такое процентное отношеніе въ разныхъ учебныхъ округахъ, сравнительно съ цифрами предшествовавшаго года. Хотя такое явленіе представлялось во всякомъ случаѣ благопріятнымъ, однако я счелъ долгомъ замѣтить, что было бы преждевременно выводить положительныя заключенія изъ означенныхъ результатовъ, пока они не подтвердятся послѣдующими наблюденіями. Въ отчетномъ году то же процентное отношеніе, сравнительно съ двумя предшедшими годами, выражалось цифрами, обозначенными въ слѣдующей таблицѣ, въ которой приняты также во вниманіе Кіевскій и Оренбургскій округа, пропущенные въ прошлогоднемъ отчетѣ потому, что въ первомъ не произошло тогда никакого измѣненія въ процентномъ отношеніи выдержавшихъ испытанія, а въ Оренбургскомъ было лишь одно училище.

Переведены и выпущены:	въ 1875 г.	въ 1876 г.	въ 1877 г.
Въ округѣ С.-Петербургскомъ	71%	67%	72%
„ „ Московскомъ . . .	63,1	69,2	61,1
„ „ Казанскомъ . . .	64	70	66,6
„ „ Оренбургскомъ . . .	80	75,3	71,6
„ „ Харьковскомъ . . .	74	64,7	67,2
„ „ Одесскомъ . . .	68,5	72	66,7
„ „ Кіевскомъ . . .	59	59	67,1

Переведено и выпущено:	въ 1875 г.	въ 1876 г.	въ 1877 г.
Въ округѣ Виленскомъ . . .	61	65	66,1
„ „ Варшавскомъ . . .	62	66,1	68,6
Въ среднемъ выводѣ по всѣмъ этимъ учебнымъ округамъ	64,8	66,67	66,87

Этотъ средній процентъ былъ выведенъ въ 1876 г. изъ числа 7,938 учениковъ, изъ коихъ 5,293 выдержали испытаніе; въ отчетномъ же году изъ 9,524 выдержали испытаніе 6,369 человекъ.

При разсмотрѣніи таблички, прежде всего бросается въ глаза, что средній процентъ переведенныхъ и выпущенныхъ въ отчетномъ году противъ предшешаго года повмелся только на $\frac{1}{3}\%$, то-есть остался почти безъ измѣненія, но за то въ большей части (въ шести изъ девяти) учебныхъ округовъ колебаніе чиселъ, выражающихъ процентное отношеніе выдержавшихъ переводныя, окончательныя и дополнителныя испытанія уменьшилось до того, что едва ли можно ожидать частаго повторенія подобнаго явленія. Дѣйствительно, въ округахъ Казанскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Киевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ наибольшая разница между этими цифрами—66,1 въ Виленскомъ и 68,6 въ Варшавскомъ—составляетъ лишь $2\frac{1}{2}\%$, тогда какъ въ предотчетномъ году эта разница составляла—между Киевскимъ и Одесскимъ округами—13%, а въ 1875 году между Киевскимъ и Харьковскимъ—15%. Разница же между тѣми же крайними цифрами и среднимъ выводомъ ($66,87\%$) составляетъ лишь $\frac{3}{4}$ и $1\frac{1}{4}\%$.

Изъ остальныхъ затѣмъ трехъ округовъ въ двухъ—С.-Петербургскомъ и Оренбургскомъ, процентъ успѣшно выдержавшихъ переводныя и выпускныя испытанія превышаетъ средній процентъ на 5,13 и на $4,73\%$, каковыя результаты нельзя не признать весьма удовлетворительными; а затѣмъ только въ одномъ округѣ—Московскомъ—число успѣшно выдержавшихъ испытаніе не достигаетъ средняго процента на довольно значительную цифру, именно на $5\frac{2}{3}$ процентовъ. Хотя и это число превышаетъ на 2% относительное число переведенныхъ и выпущенныхъ въ Киевскомъ учебномъ округѣ за два предотчетные года, и почти равняется цифрамъ, вышешоказаннымъ по Виленскому и Варшавскому округамъ за 1875 г., но такъ какъ результаты тѣхъ же экзаменовъ въ Московскомъ округѣ за два предотчетные года были благоприятнѣе на 2 и на 8%, то попечитель не оставилъ означеннаго пониженія уровня успѣшности испытаній безъ долж-

наго вниманія и изслѣдованія. При этомъ оказалось, въ сравненіи съ предѣльнымъ годомъ, слѣдующее:

1) При переводѣ изъ I-го класса во II-й и изъ V-го въ VI-й коммерческаго отдѣленія въ отчетномъ году успѣшно выдержали экзаменъ 75% и 66,6% наличнаго числа учениковъ, противъ 71,7 и 62,5% въ предшедшемъ году, слѣдовательно, на 3,3 и 4,1% болѣе; окончательныя испытанія по коммерческому отдѣленію выдержали съ успѣхомъ 83,3% противъ 75% въ 1876 г. — на 8,3% болѣе, а по дополнительному классу всѣ ученики безъ исключенія выдержали испытаніе успѣшно.

2) Во всѣхъ остальныхъ классахъ по переводнымъ испытаніямъ въ отчетномъ году было переведено гораздо менѣе учениковъ нежели въ предшедшемъ, именно: изъ II-го на 12,5%; изъ III-го на 13,5%; изъ IV-го на 14,6%, изъ V-го класса основнаго отдѣленія на 16,4%; но въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ относительно выдержанія экзамена находилось основное отдѣленіе VI-го класса, такъ какъ въ немъ изъ 45 человѣкъ, державшихъ окончательный экзаменъ, удовлетворительно выдержали его только 16, что составляетъ лишь 35,5%, то-есть съ небольшимъ $\frac{1}{3}$.

По отзыву попечителя Московскаго учебнаго округа столь неблагопріятный результатъ испытаній учениковъ основнаго отдѣленія VI-го класса сравнительно съ весьма удовлетворительнымъ результатомъ испытаній въ коммерческомъ отдѣленіи VI-го класса и въ дополнительномъ классѣ, судя по даннымъ, заключающимся въ протоколахъ объ испытаніяхъ, должно приписать главнымъ образомъ неудовлетворительности успѣховъ по нѣмецкому и французскому языкамъ и начертательной геометріи. Сверхъ того князь Мещерскій доноситъ, что имъ затребованы по этому предмету подробныя свѣдѣнія отъ директоровъ реальныхъ училищъ, для представленія въ министерство вмѣстѣ съ отзывами о достоинствѣ письменныхъ работъ, разсматривавшихся членами попечительскаго совѣта. При такомъ бдительномъ вниманіи окружнаго начальства нѣтъ сомнѣнія, что будутъ употреблены всѣ зависящія отъ онаго средства къ предотвращенію въ будущемъ, по мѣрѣ возможности, подобныхъ неудовлетворительныхъ результатовъ, составляющихъ въ данномъ случаѣ хотя исключеніе, но тѣмъ не менѣе могущихъ оказывать неблагопріятное вліяніе на ходъ реального образованія въ той области, гдѣ они обнаруживаются.

Обращаясь въ частности къ результатамъ испытаній окончательныхъ и дополнительныхъ, отдѣльно отъ переводныхъ, прежде всего

должно имѣть въ виду извѣстный законъ статистики, что чѣмъ болѣе масса наблюдений, тѣмъ вѣрнѣе выведенные изъ нихъ результаты и чѣмъ менѣе масса наблюдений, тѣмъ незначительнѣе достоверность результатовъ. Вышеприведенные результаты, относящіеся къ переводнымъ и окончательнымъ испытаніямъ, какъ уже упомянуто, выведены изъ числа 9,524 экзаменовавшихся, тогда какъ въ однихъ окончательныхъ испытаніяхъ принимали участіе, въ самомъ многолюдномъ отдѣленіи, то-есть основномъ, лишь 616 учениковъ, слѣдовательно въ 15 разъ менѣе. Затѣмъ слѣдуетъ рассмотреть эти результаты порознь по всѣмъ отдѣленіямъ реальныхъ училищъ, сравнивая ихъ также съ результатами предѣлительнаго года.

а) По отдѣленію основному VI-й классъ этого отдѣленія въ предѣлительномъ году во время экзаменовъ былъ открытъ при 24 училищахъ; въ этихъ 24 классахъ было 565 учениковъ, изъ коихъ окончательное испытаніе выдержали 316, то-есть 55,9%, причемъ высшій процентъ — 79,6 оказался въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, а низшій — 43,9% въ Кіевскомъ. Во время экзаменовъ 1877 г. тотъ же классъ былъ при 28 училищахъ съ 616 учениками. Результаты испытаній обозначены въ слѣдующей таблицѣ:

Въ учебныхъ округахъ:	Число училищъ съ VI классомъ основнаго отдѣленія.	Число учениковъ въ VI классѣ основнаго отдѣленія.	Выдержавшіе окончательное испытаніе.	Процентное отношеніе.
С.-Петербургскомъ	3	47	39	83%
Московскомъ	4	45	16	35,5
Казанскомъ	3	21	13	62
Оренбургскомъ	1	27	12	44,4
Харьковскомъ	2	41	25	61
Одесскомъ	4	108	65	60
Кіевскомъ	4	120	86	71,6
Виленскомъ	4	104	66	63,4
Варшавскомъ	3	103	50	48,5
Всего	28	616	372	60,4%

Количество выдержавшихъ успѣшно испытанія въ отчетномъ году на 4,5% больше чѣмъ въ предѣлительномъ году; самый высшій процентъ опять въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, а самый низшій въ Московскомъ, о чемъ уже выше было упомянуто. Между этими двумя количествами разница на 47 $\frac{1}{2}$ %, тогда какъ въ 1876 г. раз-

ница между подобными крайними цифрами по С.-Петербургскому и Кіевскому округамъ—составляла только 35,7%; но за то въ 1875 году, до введенія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, въ Кіевскомъ учебномъ округѣ было лишь 21% выдержавшихъ успѣшно окончательныя испытанія, тогда какъ въ С.-Петербургскомъ было 81% и такимъ образомъ разниа достигала до 60%.

б) По отдѣленію коммерческому VI-й классъ былъ открытъ во время экзаменовъ 1876 года при 14 училищахъ. Въ этихъ классахъ былъ 101 ученикъ; экзаменъ выдержали успѣшно 69 или 68,3%. Въ отчетномъ году тотъ же классъ былъ при 17 училищахъ съ 108 учениками, въ слѣдующихъ учебныхъ округахъ:

	Число учи- лицъ съ VI классомъ ком- мерческаго отдѣленія.	Число учени- ковъ въ VI классѣ ком- мерческаго отдѣленія.	Выдержав- шихъ окон- чательное испытаніе.	Процентное отношеніе.
С.-Петербургскомъ	2	11	8	73%
Московскомъ	2	6	5	83,3
Казанскомъ	2	6	5	83,3
Харьковскомъ	2	6	4	66,7
Одесскомъ	1	12	12	100
Кіевскомъ	3	23	14	61
Виленскомъ	4	19	12	63
Варшавскомъ	1	25	21	84
Всего	17	108	81	75%

Количество выдержавшихъ экзаменъ на 6,7% больше чѣмъ въ предѣлномъ году; высшій процентъ, 100, какъ и въ 1876 году, въ Одесскомъ учебномъ округѣ, но низшій процентъ составляетъ 61, тогда какъ въ 1876 году въ двухъ округахъ было по 50%.

Но и въ отчетномъ году, по незначительности количества под-
вергавшихся экзамену, этимъ числамъ не слѣдуетъ придавать слиш-
комъ большаго значенія.

в) Дополнительный классъ въ 1875—1876 учебномъ году былъ открытъ лишь при 8 училищахъ; число учениковъ въ этихъ клас-
сахъ было 88, изъ нихъ же 80 человекъ или 91% выдержали ис-
пытанія. Во время экзаменовъ 1877 года этотъ классъ существовалъ
уже при 22 училищахъ съ 258 учениками, изъ коихъ 236 успѣшно
выдержали дополнительное испытаніе. При всѣхъ этихъ училищахъ
было механико-техническое отдѣленіе, при 12-ти химико-техническое,

а при трехъ общее отдѣленіе дополнительнаго класса. По учебнымъ округамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ учебныхъ округахъ.	Число учи- лицъ съ до- полнительн. классомъ.	Число учениковъ въ допол- нит. клас- сѣ.	Выдерж- ли допол- нит. ис- пытаніе.	Процентное отношеніе.
С.-Петербургскомъ. . .	3	28	28	100%
Московскомъ.	3	23	23	100
Оренбургскомъ.	1	9	9	100
Харьковскомъ.	2	29	28	96,5
Одесскомъ.	4	52	48	92,3
Кіевскомъ.	4	48	41	85,4
Виленскомъ.	3	42	37	88
Варшавскомъ.	2	27	22	81,5
Всего.	22	258	236	91,4%

Изъ отдѣленій дополнительнаго класса наименьшее число учениковъ было въ общемъ отдѣленіи—именно 12, которые всѣ выдержали испытаніе; затѣмъ въ химико-техническомъ было 68, изъ коихъ экзаменъ выдержали 60 или 88,2%; болѣе всего было въ механико-техническомъ отдѣленіи—178, изъ нихъ же 164 или 92% успѣшно выдержали испытанія.

Всѣхъ учениковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ VI-го и въ трехъ отдѣленіяхъ дополнительнаго классовъ къ началу экзаменовъ въ 1876 г. было 754, изъ коихъ 465 или 61,6% успѣшно выдержали испытанія; въ отчетномъ же году было 982 ученика, изъ которыхъ выдержали испытанія 689 или 70,16%—на 8¹/₂% болѣе нежели въ предшедшемъ году.

Я счелъ необходимымъ изложить обстоятельно результаты не только всѣхъ испытаній вообще, но въ особенности окончательныхъ и притомъ порознь по всѣмъ отдѣленіямъ, ибо эти различныя отдѣленія составляютъ одну изъ наиболѣе характеристическихъ особенностей реальныхъ училищъ и потому касающіяся ихъ подробности имѣютъ гораздо болѣе важную роль для оцѣнки этихъ училищъ, нежели многія другія данныя, которыя часто весьма мало разнятся въ реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Такъ еще во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1875 годъ я имѣлъ случай замѣтить о гимназіяхъ, что обыкновенно результаты ученія за первое полугодіе каждаго учебнаго года бываютъ менѣе благопріятны для учениковъ, чѣмъ за весь

учебный годъ и даже чѣмъ оказывается на годовичныхъ испытаніяхъ. Это объясняется большею частію нерадивостію самихъ учениковъ и меньшею равномѣрностію ихъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ курса въ 1-е полугодіе, когда они только что переведены въ высшіе классы и не успѣли освоиться съ новыми для нихъ предметами этихъ классовъ; во 2-мъ же полугодіи учащіеся занимаются обыкновенно усидчивѣе, прилежнѣе, чтобы вознаградить по возможности потерянное, въ особенности въ виду приближенія репетицій и испытаній. То же самое явленіе повторяется также въ большинствѣ реальныхъ училищъ; напримѣръ: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ въ отчетномъ году, какъ выше значится, выдержавшихъ успѣшно переводныя и окончательныя испытанія было 72%, число же успѣвшихъ по всѣмъ предметамъ въ концѣ того же года было лишь 52%; въ Одесскомъ учебномъ округѣ первыхъ было 66,7%, послѣднихъ 58,3%; въ Киевскомъ 67,1% и 49,5%. Но въ Варшавскомъ округѣ оба числа были почти одинаковы—68,6 и 68,9%, въ Виленскомъ же число успѣвавшихъ въ концѣ 1877 года было даже на 4,4% болѣе числа выдержавшихъ испытанія, именно 70,5% противъ 66,1%.

Очевидно, что числа, выражающія процентъ успѣвающихъ въ концѣ гражданскаго года, не могутъ имѣть того значенія, какъ проценты выдержавшихъ испытанія въ концѣ учебнаго года. По этому поводу попечитель Виленскаго учебнаго округа справедливо замѣчаетъ что „обзоръ успѣховъ учащихся за гражданскій годъ вообще очень затруднителенъ, ибо въ этотъ промежутокъ времени учебная дѣятельность заведеній раскалывается на двѣ половины, непосредственно между собою мало сравнимыя. И въ самомъ дѣлѣ было бы не вполне рационально дѣлать тѣсныя сближенія и проводить подробныя параллели, хотя бы для одного и того же класса, но между итогами годовичныхъ занятій однихъ воспитанниковъ съ начальными шагами уже иныхъ, и притомъ относительно такихъ успѣховъ, которые нерѣдко бывають достигнуты подъ руководствомъ другихъ преподавателей и при другихъ условіяхъ.“

Упомянувъ, что результаты ученія за первое полугодіе 1877—1878 учебнаго года большею частію были менѣе благопріятны чѣмъ на предшешшихъ годовичныхъ испытаніяхъ, я считаю однако необходимымъ прибавить, что приведенныя по этому поводу цифры обозначаютъ проценты успѣвавшихъ по всѣмъ предметамъ; если же взяты отдѣльно числа успѣвавшихъ по главнымъ предметамъ, то результаты оказываются вполне удовлетворительными. Такъ, напримѣръ,

по С.-Петербургскому учебному округу число успѣвавшихъ въ концѣ гражданскаго года по математикѣ составляло 75%, противъ 74% въ предшедшемъ и 70,4% въ 1875 годахъ; по Московскому учебному округу успѣвавшихъ по математикѣ было 76%, по Одесскому 77,6%, по Варшавскому 72%. Относительно русскаго языка эти числа представляются еще благоприятнѣе: по С.-Петербургскому учебному округу 80%, по Московскому 76, по Одесскому 80,9%, по Варшавскому 76%. Послѣдніе факты доказываютъ, что преподаваніе главныхъ предметовъ сосредоточивало на себѣ особенныя заботы учебныхъ корпорацій.

Такъ какъ для опредѣленія успѣшности хода реального образованія вообще необходимо сравнить результаты отчетнаго года съ таковыми же предотчетнаго, то для удобнѣйшаго обозрѣнія всего лучше повторить вкратцѣ вышесказанное, сопоставивъ вмѣстѣ нѣкоторыя изъ вышепрописанныхъ сравнительныхъ цифръ, обозначающихъ результаты обонхъ годовъ. Тогда мы увидимъ: а) относительно результатовъ всѣхъ экзаменовъ, переводныхъ и окончательныхъ вмѣстѣ—весьма незначительное увеличеніе—на $\frac{1}{5}\%$ относительнаго числа выдержавшихъ эти испытанія въ сравненіи съ 1876 годомъ; но за то замѣчательно равномерное распредѣленіе числа ихъ по большинству учебныхъ округовъ. б) Число выдержавшихъ экзамены окончательные изъ VI-го класса основнаго отдѣленія хотя распредѣлено по учебнымъ округамъ менѣе равномерно чѣмъ въ предотчетномъ году, но за то процентное отношеніе этого числа возвысилось съ 55,9% до 60,4%, то-есть на $4\frac{1}{2}\%$. в) Изъ VI-го класса коммерческаго отдѣленія выпущено 75% противъ 68,3% въ предотчетномъ году—на 6,7% болѣе и распредѣленіе ихъ по округамъ равномернѣе. г) Число выдержавшихъ экзаменъ дополнительнаго класса и въ 1876 г. достигло весьма высокой цифры—91%; въ отчетномъ году ихъ было 91,4%, но послѣдняя цифра имѣетъ гораздо большее значеніе, такъ какъ въ отчетномъ году дополнительному экзамену подвергалось втрое болѣе учениковъ нежели въ предшедшемъ году, именно 258 противъ 88. Наконецъ д) по всѣмъ отдѣленіямъ VI-го и дополнительнаго классовъ въ совокупности разница въ пользу отчетнаго года противъ 1876 на $8\frac{1}{2}\%$,—результатъ, котораго нельзя не признать весьма удовлетворительнымъ.

Однимъ изъ мѣрилъ усердія учениковъ къ своимъ занятіямъ служить количество пропущенныхъ ими уроковъ, въ особенности по не уважительнымъ причинамъ. Этихъ послѣднихъ приходилось въ от-

четномъ году по разнымъ учебнымъ округамъ на 100 учениковъ: въ Виленскомъ учебномъ округѣ 72; въ Московскомъ и Кіевскомъ по 90; въ Одесскомъ, С.-Петербургскомъ и Казанскомъ по 120, 130 и 140; въ Оренбургскомъ 22, въ Дерптскомъ меньше 10, а въ Варшавскомъ таковыхъ вовсе не отмѣчено. Уроковъ, пропущенныхъ по уважительнымъ причинамъ, приходилось на 1 ученика отъ 22-хъ по Кіевскому учебному округу до 51-го—по Виленскому. Значительное число уроковъ, пропущенныхъ по уважительнымъ причинамъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ было весьма мало уроковъ пропущенныхъ по неуважительнымъ причинамъ, зависитъ, по отзыву тайнаго совѣтника Сергіевскаго, главнымъ образомъ отъ увеличенія числа таковыхъ уроковъ въ Пинскомъ реальномъ училищѣ, увеличенія, коему причина заключается въ томъ, что нездоровый климатъ этой мѣстности, вообще вызывающій въ мѣстномъ населеніи развитіе болотныхъ лихорадокъ, ревматизма, тифа и страдапій горла, въ отчетномъ году въ сильной степени предрасполагалъ къ заболѣваніямъ тифомъ, скарлатиною и корью. Такъ 9 учениковъ этого заведенія перенесли тяжелый тифъ а $\frac{3}{4}$ воспитанниковъ I-го класса переболѣли корью.

Какъ въ предшедшіе годы такъ и въ отчетномъ въ реальныхъ училищахъ были задаваемы на каникулярное время письменныя работы, которыя затѣмъ были пересмотрѣны и провѣрены преподавателями соответствующихъ предметовъ, и оцѣнка ихъ принималась во вниманіе при аттестаціи учениковъ за 1-ю четверть учебнаго года.

Числовыхъ данныхъ касательно оцѣнки каникулярныхъ работъ большинствомъ училищъ не представлено и потому нельзя сдѣлать процентныхъ выводовъ относительно успѣшности выполненія этихъ работъ. По свидѣтельству попечителя Одесскаго учебнаго округа, въ тѣхъ училищахъ, гдѣ таковыя числовыя данныя приведены, процентъ успѣшности колеблется между 95% и 75%. Впрочемъ, по общему отзыву директоровъ, письменныя работы за послѣдніе годы гораздо выше чѣмъ за предшедшіе.

То же замѣчается и въ Виленскомъ учебномъ округѣ, гдѣ было задано 3,323 работы. Изъ нихъ 2,927 или 88,1%—на 2% болѣе чѣмъ въ предсчетномъ году—были исполнены удовлетворительно; 339 или 10,2%—неудовлетворительно и только 57 или 1,7% не поданы. Число не поданныхъ работъ уменьшилось на 2,1%. Воспитанники, по лѣности или нерадѣнію не исполнившіе вакаціонныхъ работъ, часть ссу, отд. 1.

ботъ, были подвергаемы взыскаіію на основаніи пункта '9-го § 11 правилъ о взыскаііяхъ.

Рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ было назначаемо' ученикамъ высшихъ классовъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ не только на лѣтнія каникулы, но и на время пасхальныхъ и рождественскихъ святокъ.

Занятія учениковъ необязательными предметами и въ отчетномъ году были весьма неравномѣрны. Такъ обомъ новымъ языкамъ обучалось въ Одесскомъ учебномъ округѣ лишь 29,6% общаго числа учащихся, въ Варшавскомъ 45%, въ Московскомъ 61,3%, въ Виленскомъ 72,3%. Пѣнію въ Варшавскомъ учебномъ округѣ обучались 23%, въ Одесскомъ 39,9%; въ Московскомъ 68,1%. Но обученіе гимнастикѣ, введенное во всѣхъ реальныхъ училищахъ, гдѣ тому не препятствуетъ тѣснота помѣщенія, приняло почти вездѣ значительныя размѣры; такъ, на примѣръ, въ Варшавскомъ учебномъ округѣ обучаются ей 77%, въ Московскомъ 77,6%, въ Одесскомъ 85,1%. Такое утѣшительное явленіе представляется уже теперь слѣдствіемъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, состоявшагося 26-го ноября 1876 г. на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ объ осмотрѣ учебныхъ заведеній Оренбургскаго учебнаго округа.

Что касается учениковъ, выбывшихъ изъ реальныхъ училищъ до окончанія курса, то, кромѣ общаго ихъ числа, особый интересъ представляетъ относительное количество ихъ по классамъ и отдѣленіямъ. Поэтому въ настоящемъ отчетѣ въ число ихъ не будутъ включены выбывшіе изъ училищъ Деритскаго учебнаго округа, такъ какъ въ этихъ училищахъ существуютъ только низшіе 4 класса; сверхъ того по Харьковскому учебному округу и по Сибири были получены свѣдѣнія не изъ всѣхъ училищъ. Затѣмъ изъ остальныхъ восьми учебныхъ округовъ выбыло всего до окончанія курса 1,568 учениковъ, что составляетъ 17% числа учениковъ, состоявшихъ въ этихъ округахъ къ 1-му января отчетнаго года, 15% состоявшихъ къ 1-му января 1878 года или 16% средняго числа (9,746) обучавшихся въ продолженіе отчетнаго года. Въ предотчетномъ году изъ тѣхъ же округовъ выбыло 1,147 учениковъ, или 14% средняго числа учениковъ обучавшихся въ продолженіе 1876 года. Изъ этихъ цифръ оказывается, что процентъ выбывшихъ до окончанія курса нѣсколько увеличился; но за то число уволенныхъ за безуспѣшность въ отчетномъ году еще значительно уменьшилось чѣмъ въ предшешіе годы; именно въ 1875 году за безуспѣшность были уволены по 8 округамъ 246 учениковъ или 25% всѣхъ выбывшихъ до окончанія курса; въ 1876 году 251

ученикъ, то-есть 22% всѣхъ выбывшихъ или 3,5% средняго числа учившихся; въ отчетномъ же году только 213 человѣкъ то-есть 13½% всѣхъ выбывшихъ или 2,2% средняго числа учившихся.

Означенное число выбывшихъ до окончанія курса учениковъ распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ продолженіе 1877 года обучалось учениковъ:

Въ I классѣ	1,843	выбыло	208	или	11,28%
„ II „	2,064	„	302	„	14,63%
„ III „	1,937	„	324	„	16,73%
„ VI „	1,549	„	281	„	18,15%
„ V „ основн. отд.	1,135	„	225	„	19,82%
„ VI „ „ „	696	„	153	„	22%
„ V „ коммерч. „	153	„	26	„	17%
„ VI „ „ „	110	„	14	„	12,73%
„ общ. отд. допол. кл.	20	„	5	„	25%
„ механ. „ „ „	163	„	19	„	11,65%
„ химич. „ „ „	75	„	11	„	14,66%

Всего въ 8 учебн. округахъ 9,746 выбыло 1,568 или 16%

Изъ этой таблицы видно, что наибольшее абсолютное количество выбывшихъ въ отчетномъ году было изъ III-го класса, именно 324 составляющіе 20,66% всего числа; затѣмъ изъ II-го класса 302 или 19,26%; изъ IV-го класса 17,92%; изъ I-го класса 13,26% — всего изъ четырехъ низшихъ классовъ 71,1%; въ высшихъ классахъ наибольшее количество выбыло изъ основнаго отдѣленія, именно изъ V-го класса 14,35% и изъ VI-го класса 9,75%; всего 24,1%; наконецъ изъ V-го и VI-го классовъ коммерческаго отдѣленія и трехъ отдѣленій дополнительнаго класса выбыло всего 4,8% общаго числа выбывшихъ до окончанія курса.

Совсѣмъ другія отношенія представляются при сравненіи числа выбывшихъ изъ каждаго класса не съ общимъ количествомъ выбывшихъ, а съ числомъ обучавшихся въ томъ же классѣ. Тогда оказывается, что чѣмъ выше классъ, тѣмъ болѣе относительный процентъ выбывшихъ, причемъ исключенія замѣтны только въ VI-мъ классѣ коммерческаго отдѣленія и въ обоихъ техническихъ отдѣленіяхъ дополнительнаго класса, гдѣ количества выбывшихъ колеблются между процентами I-го и II-го классовъ.

Значительная доля изъ выбывшихъ, а именно 707 или 45%, не оставили однако ученія: 385 или 24,5% всего количества выбыли для

поступленія въ другія реальныя училища, а 322 или 20,5% для поступленія въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно выбывшихъ изъ учебнаго вѣдомства изъ всего числа 1,568 было только 861, или меньше 9% обучавшихся. Изъ нихъ умерло 38 или 2,4% всего числа выбывшихъ; уволены были по какой-либо причинѣ 528 или 33¹/₂%, въ томъ числѣ, какъ выше упомянуто, 213 или 13¹/₂% за безуспѣшность; остальные затѣмъ около 19% выбыли частію для поступленія на государственную или частную службу, частію не сообщили учебнымъ начальствамъ никакихъ свѣдѣній о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ.

Изъ окончившихъ курсъ 689 учениковъ всѣ выдержавшіе окончательное испытаніе по коммерческому отдѣленію и дополнительныя по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ дополнительнаго класса 317 учениковъ выбыли изъ училищъ, тогда какъ изъ выдержавшихъ окончательныя испытанія по основному отдѣленію 372 учениковъ около 280 перешли въ дополнительный классъ, въ которомъ по всѣмъ учебнымъ округамъ къ 1-му января 1878 г. было всего учениковъ 301, изъ коихъ въ общемъ отдѣленіи 25 или 8,3%; въ механико-техническомъ 183 или 60,8% и въ химико-техническомъ 93 или 30,9%.

Что касается нравственнаго состоянія учениковъ реальныхъ училищъ, то оно, насколько сужденіе о немъ доступно учебному начальству, выражается главнымъ образомъ баллами за поведеніе и числомъ и степенью наказаній. Относительно послѣднихъ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа справедливо замѣчаетъ, что „вообще степень употребленія тѣхъ или другихъ наказаній зависитъ отъ степени вниманія со стороны начальствъ къ ученическимъ проступкамъ, равно какъ и отъ взгляда ихъ на необходимость, для достиженія нравственныхъ цѣлей въ воспитательномъ отношеніи, примѣненія различныхъ мѣръ наказанія“. Дѣйствительно—въ разныхъ училищахъ замѣчается преобладаніе разныхъ видовъ взысканій, такъ что для вывода изъ нихъ какого-либо сравнительнаго сужденія о нравственномъ состояніи учащихся всего лучше брать общій итогъ всѣхъ наказаній и разложить ихъ на общее число учениковъ. Затѣмъ уже можно еще обратить особенное вниманіе на нѣкоторыя важнѣйшія взысканія, какъ напримѣръ на число удаленій изъ училищъ. Въ отчетномъ году относительное количество взысканій почти равняется прошлогоднему—именно на 100 учениковъ 163 (противъ 166), если принять въ расчетъ общее число учениковъ, перебивавшихъ въ отчетномъ году въ реальныхъ училищахъ; если же принять среднее число обучавшихся

въ продолженіе года, то на 100 учениковъ придется по 205 паказаній. Случаевъ удаленія въ отчетномъ году было нѣсколько болѣе чѣмъ въ двухъ предшешихъ годахъ, именно 5,3 на 1,000, противъ 3 на 1,000 въ 1876 г. и 4,5 въ 1875 г. Что касается балловъ за поведеніе учениковъ, то въ большинствѣ случаевъ баллъ 2 вовсе не ставится; въ нѣкоторыхъ округахъ этотъ баллъ получили отъ $\frac{1}{3}\%$ до $1\frac{1}{3}\%$ общаго числа аттестованныхъ; баллъ 3 почти вездѣ имѣютъ также весьма немногіе, за исключеніемъ С.-Петербургскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ, въ коихъ этимъ балломъ аттестованы 7% и 17,6%, въ остальныхъ же учебныхъ округахъ его имѣютъ лишь отъ 1,4% (въ Кіевскомъ учебномъ округѣ) до 4,7% (въ Казанскомъ). Затѣмъ баллъ 4 получили около 21% противъ 27% въ предотчетномъ году, а высшую отиѣтку 5 имѣютъ почти три четверти учениковъ—73%, тогда какъ въ предшешемъ году этимъ балломъ были аттестованы лишь двѣ трети около 66%. Но такъ какъ при общей оцѣнкѣ поведенія учениковъ неравномѣрность еще менѣе устранима чѣмъ при оцѣнкѣ ихъ проступковъ и упущеній, то для сравненія результатовъ лучше брать общее количество имѣвшихъ вполнѣ удовлетворительныя баллы то-есть, 4 и 5. Таковыхъ въ 1876 году было 93%, а въ отчетномъ году 94%, такъ что во всякомъ случаѣ результаты этого года вполнѣ удовлетворительны.

Удовлетворительныя результаты какъ относительно успѣховъ, такъ и поведенія учащихся въ реальныхъ училищахъ уже сами по себѣ служатъ доказательствомъ усердія преподавателей пообще, классныхъ наставниковъ, инспекторовъ и директоровъ этихъ училищъ. О томъ же свидѣлствуютъ и попечители учебныхъ округовъ, приводя въ своихъ отчетахъ не малое число фактовъ, доказывающихъ стремленіе учебныхъ корпорацій способствовать успѣшному ходу ввѣреннаго имъ дѣла. Уроковъ, пропущенныхъ преподавателями по неуважительнымъ причинамъ, въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ не было вовсе, но и тамъ гдѣ они были, они составляютъ лишь самый ничтожный процентъ. Болѣе всего было такихъ манкировокъ въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, именно 64, что однако составляетъ только 0,15% общаго числа уроковъ, которые слѣдовало дать въ этомъ округѣ. Уроковъ, пропущенныхъ по уважительнымъ причинамъ, было около 5%, но освобождавшіеся отъ того часу въ большей части случаевъ не пропадали безъ пользы для обучающихся. По этому поводу попечитель Московскаго учебнаго округа пишетъ: „Для устраненія вреднаго вліянія преподавательскихъ манкировокъ на самый ходъ преподаванія,

уроки отсутствовавшихъ преподавателей были замѣщаемы: директорами, инспектирующими преподавателями, классными наставниками, преподавателями, письменными работами подъ наблюдениемъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, пѣніемъ, гимнастикой, чтеніемъ лучшихъ отрывковъ изъ классическихъ писателей отечественной литературы, и только въ крайнихъ случаяхъ свободные уроки переносились на послѣдніе часы и ученики были отпускаемы домой*.

Весьма благопріятны отзывы попечителей о дѣятельности классныхъ наставниковъ. Попечитель Казанскаго учебнаго округа пишетъ: „О классныхъ наставникахъ въ реальныхъ училищахъ слѣдуетъ сказать то же самое, что заявлено мною о нихъ по гимназіямъ и прогимназіямъ. Они по преимуществу люди въ высшей степени усердные и внимательные къ своему дѣлу и всѣми зависящими отъ нихъ средствами стараются соответствовать возложеннымъ на нихъ обязанностямъ какъ по отношенію къ наблюдению за прилежаніемъ учащихся, такъ и по отношенію къ руководствованію ихъ въ нравственномъ направленіи“. Весьма подробное изложеніе дѣятельности классныхъ наставниковъ представили попечители учебныхъ округовъ Московскаго и Варшавскаго. По отзыву перваго изъ нихъ: „Дѣятельность классныхъ наставниковъ направлена къ достиженію учебно-воспитательныхъ цѣлей, къ поднятію умственнаго и нравственнаго развитія вѣрренныхъ ихъ надзору классовъ“. Прежде всего классные наставники старались какъ можно ближе ознакомиться съ своими учениками. Съ этою цѣлью въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ, какъ, напримеръ, въ Московскомъ, было принято, чтобы классные наставники, по возможности, оставались при своихъ ученикахъ при переходѣ ихъ въ высшіе классы, вслѣдствіе чего въ старшихъ классахъ подобныхъ училищъ ученики уже нѣсколько лѣтъ состоятъ подъ наблюдениемъ однихъ и тѣхъ же классныхъ наставниковъ. При такихъ условіяхъ послѣдніе пріобрѣтали полную возможность не только близко ознакомиться съ вѣрренными имъ учениками въ самомъ училищѣ, но могли также получить болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о той обстановкѣ, въ какой находятся ихъ ученики внѣ училища, и о тѣхъ лицахъ, у которыхъ они находятся на попеченіи.

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа свидѣтельствуетъ, что вообще „сложныя занятія классныхъ наставниковъ въ истекшемъ году, обнимавшія всѣ стороны жизни питомцевъ заведеній, шли по совершенно правильному пути, и сами родители привыкли относиться къ нимъ какъ къ лицамъ, которымъ они должны усердно помо-

гать въ дѣлѣ воспитанія и обученія ихъ дѣтей". „Для правильной организаціи чтенія учениками русскихъ книгъ, какъ запятія имѣющаго весьма важное значеніе и какъ подспорья дѣлу обученія, такъ равно способствующаго болѣе полному ознакомленію учениковъ съ литературною русскою рѣчью, классными наставниками была подробно разсмотрѣна и распределѣна по классамъ вся ученическая бібліотека, при чемъ обращалось вниманіе на степень развитія и подготовки учениковъ, а равно и на предметныя курсы класса“.

Предметомъ особенной заботливости классныхъ наставниковъ была также малоуспѣшность учениковъ вообще. „Классные наставники репетировали съ учениками, оставленными въ праздничные и воскресные дни за незнаніе уроковъ, если только ихъ въ этомъ не замѣняли по взаимному соглашенію и съ дозволенія директора, преподаватель того предмета по коему оставался ученикъ“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій успѣшному ученію не очень даровитыхъ учениковъ вездѣ оказывается неравномѣрное обремененіе ихъ письменными работами и задачами большихъ уроковъ для выучиванія наизусть. И на это, въ высшей степени важное обстоятельство было обращено должное вниманіе классными наставниками, а также педагогическими совѣтами. Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ классные наставники „собирались для обсужденія вопросовъ относительно равномѣрнаго распределенія занятій во вѣтропномъ каждому изъ нихъ классѣ и на основаніи этихъ обсужденій вырабатывалось распределеніе уроковъ“. Въ Московскомъ учебномъ округѣ „нерѣдко также случалось, что классные наставники, имѣя основаніе приписать малоуспѣшность непереносимости задаваемыхъ уроковъ или обременительности письменныхъ работъ, входили въ сношеніе съ преподавателями и дѣлали имъ представленія по этому предмету“. Весьма практичная мѣра была введена по этому поводу въ Одесскомъ учебномъ округѣ, гдѣ, по отзыву инспектора, было сдѣлано распоряженіе о томъ, „чтобы преподаватели отмѣчали въ концѣ класснаго журнала на особомъ листѣ величину задаваемыхъ уроковъ словами: *б*, *ср*, *м*, то-есть, большой, средній, малый для того, чтобы не было совпаденія нѣсколькихъ большихъ, особенно письменныхъ уроковъ на одинъ и тотъ же день въ одномъ и томъ же классѣ“.

Учебные планы почти во всѣхъ реальныхъ училищахъ выполнялись безъ особенно важныхъ уклоненій даже по предметамъ вполнѣ специальнымъ, каковы напримѣръ технология, моделированіе, коммерческія науки. При этомъ необходимо принять во вниманіе а) от-

сутствіе какихъ бы то ни было учебниковъ по однимъ предметамъ и неудовлетворительность имѣющихся руководствъ по нѣкоторымъ другимъ; б) недостаточность денежныхъ средствъ и еще болѣе помѣщенія при устройствѣ мастерскихъ для обученія моделированію. Крайняя тѣснота помѣщенія иногда вовсе препятствуетъ устройству мастерскихъ, какъ напримѣръ, въ Варшавскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ поэтому моделированіе было замѣнено рисованіемъ съ моделей. Не смотря, однако, на всѣ эти затрудненія, преподаваніе моделированія пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе прочную обстановку и въ учащихся проявляется значительная охота къ усвоенію пріемовъ обработки дерева и металловъ. Въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ ученики, подъ руководствомъ преподавателя, работали въ мастерскихъ и во внѣ-учебное время почти ежедневно. Запятія моделированіемъ по возможности поставляются въ связь съ преподаваніемъ механической технологии и практически знакомятъ учениковъ механико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса со столярными, токарными и кузнечными работами, а также съ инструментами, служащими для обточки, обстружки и опиловки поверхностей металловъ, съ каковыми инструментами они знакомятся не только по наружному ихъ виду, но и практически изучаютъ ихъ свойства, что такъ же необходимо для механика, какъ для химика необходимо знакомство съ практическими пріемами разныхъ химическихъ работъ, съ которыми знакомятся ученики химико-техническихъ отдѣленій въ устроенныхъ при реальныхъ училищахъ лабораторіяхъ. Сверхъ того преподаваніе технологии, какъ механической такъ и химической, сопровождалось, во многихъ училищахъ посѣщеніемъ подъ руководствомъ преподавателей, не только близъ лежащихъ къ городамъ фабрикъ, мастерскихъ и заводовъ, но иногда устраивались и экскурсіи на довольно значительныя разстоянія, какъ напримѣръ, изъ Кишинева въ Одессу, изъ Кременчуга въ окрестности Полтавы и Харькова, на что было употреблено нѣсколько дней передъ праздниками Рождества Христова. Педагогическій совѣтъ Мелитопольскаго реального училища просилъ о разрѣшеніи употреблять ежегодно изъ спеціальныхъ средствъ училища до 300 р. на расходы по устройству экскурій съ учениками сельско-хозяйственнаго отдѣленія въ ближайшія лучшія имѣнія и на приспособленіе къ потребностямъ училища уступленной городомъ земли, гдѣ предполагается также устроить ферму для ознакомленія учениковъ съ практическими занятіями сельскаго хозяина.

Дабы и впредь преподаваніе спеціальныхъ предметовъ при реаль-

ныхъ училищахъ не могло потерпѣть ущерба, министерство народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе постоянно возрастающее число реальныхъ училищъ, нашло необходимымъ испросить и на 1878 годъ особый кредитъ на приготовленіе учителей означенныхъ предметовъ, на что въ 1876 и 1877 годахъ было ассигновано на 23,400 руб. Но въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, требующихъ всемірнаго сокращенія расходовъ по гражданской части въ Имперіи, я счелъ долгомъ сократить на этотъ разъ испрашиваемый кредитъ до суммы 19600 руб., о внесеніи коей въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія состоялось положеніе государственнаго совѣта, удостоившееся Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія 10-го января 1878 г. Уменьшеніе этой цифры на 3800 р. оказалось возможнымъ потому, что въ настоящее время министерство могло обойтись безъ отпращиванія молодыхъ людей за границу для подготовки въ учителя химіи.

Въ Высочайше утвержденныхъ штатахъ реальныхъ училищъ въ 1-мъ общемъ примѣчаніи было постановлено, что преподавателю, исполняющему инспекторскія обязанности, назначается добавочное жалованье, равное половинѣ жалованья, коимъ пользовался бы, смотря по составу училища инспекторъ, еслибы при училищѣ состоялъ пансіонъ. Находя справедливымъ при назначеніи этого вознагражденія принимать въ расчетъ окладъ не одного жалованья, но всего содержанія, которое причиталось инспектору, я входилъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ измѣненіи редакціи вышеупомянутаго примѣчанія къ штатамъ; государственный совѣтъ согласился съ доводами министерства народнаго просвѣщенія и мнѣніемъ положилъ: измѣнить редакцію 1-го общаго примѣчанія къ высочайше утвержденнымъ 15-го мая 1872 г. штатамъ реальныхъ училищъ, замѣнивъ слова: „назначается сему послѣдному добавочное жалованье, равное половинѣ жалованья, коимъ пользовался бы, смотря по составу училища, инспекторъ“ словами: „назначается сему послѣдному добавочное вознагражденіе, равное половинѣ содержанія, коимъ пользовался бы, смотря по составу училища, инспекторъ“. Изложенное мнѣніе государственнаго совѣта удостоилось Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія 20-го августа 1877 года.

Въ виду § 25-го устава реальныхъ училищъ, дающаго право ученикамъ гимназій и прогимназій, удостоеннымъ перевода во II, III, IV и V классы сихъ заведеній, поступать въ соответствующіе классы реальныхъ училищъ безъ предварительнаго экзамена, было необхо-

димо установить, чтобы программа математики для первыхъ четырехъ классовъ этихъ училищъ вполне соответствовала программѣ математики для тѣхъ же классовъ гимназій, о чемъ мною и было сдѣлано распоряженіе въ вышеупомянутомъ циркулярномъ предложеніи отъ 8-го іюня 1877 г., при которомъ были препровождены къ попечителямъ учебныхъ округовъ новые учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. А такъ какъ при этомъ нѣсколько увеличивается курсъ математики въ V классѣ реальныхъ училищъ, то я вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ окружнымъ начальствамъ распорядиться прибавкою одного урока къ общему числу уроковъ по математикѣ въ V классѣ реальныхъ училищъ, отдѣливъ этотъ урокъ отъ геометрическаго черченія, которое по штатамъ реальныхъ училищъ отнесено къ одной группѣ съ математикою и механикою, съ назначеніемъ на эту группу троицъ преподавателей. Перенесеніе это заключается въ предѣлахъ, установленныхъ § 15-мъ устава реальныхъ училищъ.

Реальныя отдѣленія при церковныхъ училищахъ св. Петра, св. Анны и реформатскомъ, продолжаютъ свою дѣятельность на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были изложены въ прошлогоднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Число учащихся въ нихъ въ отчетномъ году нѣсколько уменьшилось—на 10 человекъ или 1, 2%, и составляло къ 1-му января 1878 г. 824. Число православныхъ сравнительно съ предшедшимъ годомъ увеличилось на 1% и разнится отъ числа протестантовъ всего на 1,4%, тогда какъ въ 1876 г. эта разниця составляла 2,8%, а въ 1875 г., 3,5%. Результаты учебной дѣятельности этихъ отдѣленій мало разнятся отъ подобныхъ имъ, представленныхъ въ прошломъ отчетѣ.

Что касается двухъ реальныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, то они до сихъ поръ существуютъ лишь въ составѣ низшихъ четырехъ классовъ. По отзыву попечителя „недостатокъ этотъ даетъ себя чувствовать во всемъ округѣ и въ особенности вредно отзывается на гимназіяхъ, младшіе классы которыхъ вездѣ переполнены учениками, не имѣющими вовсе намѣренія окончить гимназическій курсъ и желающими лишь дойти до 4-го класса для полученія льготы 3-го разряда по отбыванію воинской повинности.“

Объ учрежденіи реальныхъ училищъ въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ на счетъ этихъ городовъ попечителемъ уже представлено министерству, но всѣ эти предположенія приостановлены до введенія въ край городского положенія.

21-го января 1877 года осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ С.-Пе-

тербургское 1-е реальное училище президентъ академіи художествъ Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Прибывъ въ училище въ 10 часовъ утра, Его Высочество изволилъ прямо пройти въ рисовальный залъ, гдѣ въ то время работалъ III-й классъ, милостиво привѣтствовалъ преподавателя Шеміота, осмотрѣвъ въ подробности устройство зала, важнѣйшія учебныя пособия и текуція работы большинства учениковъ, которые продолжали свои занятія. Затѣмъ Его Высочество изволилъ осмотрѣть работы и занятія старшаго класса. Все видѣнное Его Высочествомъ въ этихъ классахъ было Имъ милостиво одобрено, равно какъ и работы по черченію. Послѣ того Его Высочество изволилъ осмотрѣть вообще устройство училища и посѣтилъ кабинеты естественный и физическій и лабораторію. Эти учебно-вспомогательныя учрежденія заслужили также одобреніе Его Высочества. Затѣмъ Великій Князь посѣтилъ помѣщеніе пансіона въ 3-мъ этажѣ и остался доволенъ чистотою, порядкомъ и просторомъ. Въ нижнемъ этажѣ Его Высочество посѣтилъ въ дополнительномъ классѣ урокъ исполнительныхъ чертежей машинъ, изволилъ выслушать объясненіе преподавателя Залопчковского, одобрилъ чертежи учениковъ и похвалилъ ихъ работы по обработкѣ дерева и металловъ. Осмотрѣвъ составленную преподавателемъ Рейнботомъ учебную коллекцію по техническимъ производствамъ, Его Высочество присутствовалъ въ I-мъ классѣ на урокѣ преподавателя русскаго языка Геннига и, выслушавъ отвѣты учениковъ, выразилъ Свое удовольствіе.

Оставляя, въ 11 часовъ, училище, Государь Великій Князь изволилъ выразить Свое благоволеніе за все видѣнное, пожелалъ училищу дальнѣйшихъ успѣховъ и милостиво предложилъ Свое содѣйствіе училищу во всемъ, что можетъ для него сдѣлать императорская академія художествъ.

Г. Среднія спеціальныя училища.

Въ 1877 г. въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находились слѣдующія спеціальныя училища, принадлежація къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ: 1) высшее ремесленное училище въ Лодзи; 2) коммерческое училище въ Одессѣ; 3) учительскіе институты для приготовленія учителей городскихъ училищъ и 4) еврейскіе учительскіе институты.

1) Высшее ремесленное училище въ Лодзи продолжаетъ

успѣшно развивать свою дѣятельность и число учащихся въ немъ возросло въ истекшемъ году до 320. Въ настоящее время при трехъ классахъ его существуютъ параллельныя отдѣленія, изъ коихъ одно содержится на средства государственнаго казначейства и два на средства мѣстнаго городского общества. Слѣдовало бы открыть такое же отдѣленіе и при IV-мъ классѣ, ибо уже теперь въ немъ находится не менѣе 70 учениковъ, но къ сожалѣнію этому препятствуетъ недостатокъ помѣщенія. Не всѣ воспитанники Лодзинскаго ремесленнаго училища оканчиваютъ полный курсъ; многіе выходятъ изъ III и IV-го классовъ, чтобы посвятить себя практической дѣятельности, на поприщѣ коей они могли бы оказать несомнѣнную пользу, еслибы только училище имѣло возможность дать имъ нѣкоторую чисто практическую подготовку. Сколько извѣстно, фабрики въ г. Лодзи страдаютъ отсутствіемъ хорошихъ мастеровъ по многимъ отдѣламъ промышленности, особенно же по части изготовленія рисунковъ и узоровъ для тканей. Это обстоятельство препятствуетъ даже многимъ фабрикантамъ принимать участіе на всемірныхъ выставкахъ, не смотря на отличную доброту изготовляемыхъ ими товаровъ. Въ виду этого, устройство учебно-ремесленныхъ мастерскихъ, въ которыхъ обучались бы не имѣющіе возможности окончить полный курсъ, принесло бы не малую пользу мѣстной промышленности, способствуя усовершенствованію изготовляемыхъ издѣлій. Успѣхи, учениковъ Лодзинскаго ремесленнаго училища, по предметамъ какъ общеобразовательнымъ, такъ и специальнымъ, были въ истекшемъ году вообще весьма удовлетворительны, особенно же улучшились они по русскому языку. Въ лѣтнее время воспитанники трехъ высшихъ классовъ занимались, подъ руководствомъ наставниковъ, осмотромъ фабрикъ и заводовъ въ окрестностяхъ г. Лодзи, а воспитанники выпускнаго класса были распределены на различныхъ фабрикахъ для самостоятельныхъ работъ и, по отзыву начальства, представленные ими отчеты не оставляютъ желать ничего лучшаго, доказывая что, явившись на фабрики, молодые люди умѣли тотчасъ же оріентироваться тамъ и сдѣлать полезныя для себя наблюденія.

Воскресно-рисовальный классъ, учрежденный при училищѣ съ 1874 г., все болѣе приобретаетъ сочувствіе мѣстнаго народонаселенія. Въ отчетномъ году посѣщали его 184 человекъ, по большей части ремесленники и ученики начальныхъ и частныхъ школъ. Содержится онъ исключительно на счетъ сбора платы за ученіе, но въ настоящее время нуждается въ дополнительныхъ средствахъ для приобрь-

тенія моделей, оригиналовъ и другихъ учебныхъ пособій; можно надѣяться, что эта помощь будетъ оказана ему мѣстнымъ фабричнымъ обществомъ, которое какъ нельзя лучше сознаетъ его пользу.

2) Коммерческое училище въ Одессѣ не подвергалось въ истекшемъ году никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Учащихся въ немъ находилось 250 человекъ, изъ коихъ 15 окончили полный курсъ. По прежнему это училище привлекаетъ къ себѣ значительное число воспитанниковъ, не только изъ мѣстныхъ жителей, но и изъ другихъ городовъ.

3) Учительскихъ институтовъ, имѣющихъ цѣлью готовить учителей для городскихъ училищъ было въ отчетномъ году 7—въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вѣлгородѣ (Харьковскаго округа), Казани, Глуховѣ (Кіевскаго учебнаго округа), Феодосіи (Одесскаго округа) и Вильнѣ. Къ нимъ долженъ былъ присоединиться также и Оренбургскій, для помѣщенія коего отведено въ Оренбургѣ зданіе бывшаго Неплюевскаго корпуса, но зданіе это оказалось до того обветшалымъ и запущеннымъ, что открытіе института можетъ состояться лишь въ 1878 г. С.-Петербургскій и Московскій институты имѣли уже три выпуска окончившихъ въ нихъ курсъ воспитанниковъ; въ истекшемъ году происходили впервые такіе выпуски изъ институтовъ Глуховскаго и Феодосійскаго, а въ Виленскомъ институтѣ открытъ былъ третій (старшій) классъ, вслѣдствіе чего онъ можетъ считаться окончательно организованнымъ. Учащихся во всѣхъ означенныхъ институтахъ, независимо отъ состоящихъ при нихъ городскихъ училищъ, находилось 330; число это могло бы быть гораздо болѣе, ибо нѣтъ недостатка въ желающихъ поступить въ означенныя учебныя заведенія, но при приѣмѣ ихъ соблюдается известная разборчивость, съ цѣлью привлечь преимущественно такихъ молодыхъ людей, подготовка и умственное развитіе коихъ служить ручательствомъ, что изъ нихъ выйдутъ полезные дѣятели на ожидающемъ ихъ поприщѣ. Такъ напримѣръ въ истекшемъ году на приѣмныхъ испытаніяхъ въ С.-Петербургскомъ институтѣ изъ 68 принято было только 28, а въ Московскомъ изъ 34 только 17. Окончившихъ полный курсъ и удостоенныхъ званія городскихъ учителей было 46. Изъ нихъ одному выдана была золотая медаль, а пяти—серебряныя.

Въ отчетномъ году были введены въ институтахъ утвержденныя мною программы и учебныя планы, опредѣленно обозначающіе не только предѣлы того, что должно быть пройдено въ каждомъ классѣ, но и содержащія многія дидактическія и педагогическія указанія.

Вслѣдствіе сего учебная часть въ институтахъ установлена нынѣ на прочныхъ основахъ. Занятія воспитанниковъ происходили вполнѣ правильно. Въ тѣхъ институтахъ, въ которыхъ существуютъ уже высшіе классы, они имѣли не только теоретическій, но и практический характеръ, а именно, молодые люди должны были посѣщать образцовые уроки преподавателей и участвовать въ бесѣдахъ по поводу этихъ уроковъ, а также и сами упражнялись въ преподаваніи подъ руководствомъ своихъ наставниковъ. На бесѣдахъ, слѣдовавшихъ за образцовыми уроками, была объясняема имъ цѣль и значеніе того или другаго приѣма, равно какъ и всѣ частныя обстоятельства и случаи, которые почему либо не могли войти въ теоретическое изложеніе методики. Для практическихъ занятій воспитанниковъ служатъ городскія училища при институтахъ; въ истекшемъ году одно изъ нихъ, въ Θεодосіи, временно закрылось вслѣдствіе перемѣщенія Θεодосійскаго института, по военнымъ обстоятельствамъ, въ Карасубазаръ, но воспитанники института продолжали и тамъ свои занятія въ мѣстной начальной двухъклассной школѣ.

Для того, чтобы дать воспитанникамъ возможность ближе ознакомиться съ будущими своими обязанностями, педагогическіе совѣты нѣкоторыхъ институтовъ установили еженедѣльные дежурства ихъ въ городскихъ училищахъ. Обязанности дежурныхъ состояли въ томъ, чтобы помогать учителямъ во время перемѣнъ и при окончаніи классовъ, надзирать за учениками, исполнить по порученію учителя различныя работы въ одномъ изъ отдѣленій, пока онъ занятъ съ другимъ, вообще быть помощниками преподавателей городскихъ училищъ. При этомъ впрочемъ дежурные воспитанники обязаны присутствовать на всѣхъ урокахъ своего класса, а потому исполняютъ означенныя обязанности лишь въ свободное отъ этихъ уроковъ время.

Съ 1873 г. устроены при институтахъ дополнительные курсы для тѣхъ учителей уѣздныхъ училищъ, которые подають надежды, что усвоивъ себѣ новые методы преподаванія, они съ успѣхомъ будутъ продолжать свою дѣятельность и въ училищахъ городскихъ. Занятія на этихъ курсахъ продолжались столь же успѣшно какъ и прежде: цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы ознакомить слушателей съ лучшими элементарными руководствами по каждому предмету, и указать имъ болѣе раціональные способы преподаванія, при чемъ требовалось, чтобы они самостоятельно знакомились съ учебниками и составляли по нимъ рефераты, сравнивая эти учебники относительно ихъ плана и изложенія. Въ истекшемъ году дополнительные курсы возникли и

при Казанскомъ учительскомъ институтѣ, при которомъ ихъ еще не находилось. Всего выпущено было изъ дополнительныхъ курсовъ съ аттестатомъ на званіе учителей городскихъ училищъ 39 человекъ.

С.-Петербургскій учительскій институтъ переведенъ былъ въ отчетномъ году въ другое, гораздо болѣе удобное помѣщеніе. Въ зданіи, которое онъ занималъ, до сихъ поръ было много квартиръ, отдаваемыхъ внаймы рабочему люду, и можно было опасаться дурнаго вліянія этого сосѣдства на воспитанниковъ; теперешнее же зданіе, не смотря на нѣкоторыя его неудобства, какъ нельзя лучше приурочено для его потребностей. Помѣщеніе Глуховскаго института нельзя считать вполне удовлетворительнымъ по той причинѣ, что нѣтъ въ немъ мѣста ни для городского училища, ни для квартиръ классныхъ наставниковъ; вслѣдствіе того, что училище находится въ довольно далекомъ разстояніи отъ института, воспитанники старшаго класса не всегда могутъ упражняться въ немъ подъ руководствомъ институтскихъ преподавателей, а классные наставники не въ состояніи такъ безотлучно быть при заведеніи, какъ слѣдовало бы этого желать.

4) Еврейскіе учительскіе институты въ Вильнѣ и Житомирѣ нынѣ вполне организованы и въ истекшемъ году происходилъ въ нихъ первый выпускъ воспитанниковъ. Въ Виленскомъ институтѣ окончили курсъ 11, а въ Житомирскомъ 17 человекъ, которые всѣ и опредѣлены преподавателями во вновь устраиваемыя еврейскія училища. Число учащихся въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ къ 1-му января 1878 г. простиралось до 119, а именно: въ первомъ изъ нихъ было 53, а во второмъ 66; кромѣ того въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ, состоящихъ при институтахъ, находилось въ Виленскомъ 148 и Житомирскомъ 121.

И въ учебномъ, и въ воспитательномъ отношеніи оба упомянутыя заведенія поставлены какъ нельзя болѣе удовлетворительно. „Къ чести воспитанниковъ Житомирскаго института, говоритъ г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа, нужно замѣтить, что они занимаются прилежно и ведутъ себя хорошо; дурные баллы въ журналахъ преподавателей весьма рѣдки, а если и встрѣчаются, то слѣдуетъ объяснить ихъ малоспособностью тѣхъ или другихъ молодыхъ людей, а не недостаткомъ прилежанія.“ Такой же отзывъ сдѣлалъ и попечитель Виленскаго учебнаго округа объ еврейскомъ институтѣ въ Вильнѣ. Изъ представленныхъ имъ свѣдѣній видно, что всѣ ученики старшаго класса съ успѣхомъ выдержали выпускной экзаменъ, а изъ 39 уче-

никовъ, подвергавшихся переводнымъ испытаніямъ, 31 переведены въ высшіе классы.

Такъ какъ въ истекшемъ году впервые образовался въ томъ и другомъ институтѣ старшій классъ, то особенное вниманіе педагогическихъ совѣтовъ обращено было на практическія занятія воспитанниковъ этого класса. Означенныя занятія происходили въ образцовомъ училищѣ подъ руководствомъ директоровъ и преподавателей; молодые люди должны были представлять за каждую недѣлю отчеты о своей дѣятельности, которые подвергались подробному обсужденію въ ихъ присутствіи. Особенное вниманіе обращено было, между прочимъ, на приученіе всѣхъ вообще воспитанниковъ къ правильной русской разговорной рѣчи: съ этою цѣлью въ Виленскомъ институтѣ учреждено было постоянное дежурство преподавателей—наблюдателей въ послѣобѣденное время отъ 5 до 11 часовъ.

Помѣщеніе Виленскаго еврейскаго института весьма удобно и отличается вообще хорошею обстановкой; что же касается до помѣщенія института Житомирскаго, то къ сожалѣнію оно не вполне соответствуетъ числу учениковъ, а прискать другое, болѣе обширное, не представляется возможности.

II. НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Уѣздныя училища и городскія училища по положенію 31-го мая 1878 г.

Число уѣздныхъ училищъ съ каждымъ годомъ уменьшается вслѣдствіе преобразованія ихъ въ городскія, устраниаемыя на основаніи положенія 31-го мая 1872 г. Въ настоящее время означенное преобразование происходитъ еще не такъ быстро, какъ это было бы желательно по той причинѣ, что нѣкоторые изъ учительскихъ институтовъ, долженствующихъ готовить учителей для городскихъ училищъ, существуютъ лишь съ недавняго времени и не получили полной своей организаціи, но все-таки на этомъ пути уже достигнуты важныя результаты. Въ 1873 г., когда было приступлено къ преобразованію уѣздныхъ училищъ, число ихъ простиралось до 423, а къ 1-му января 1878 г. оно сократилось до 337. Произошло это отъ того, что ежегодно тѣ или другія уѣздныя училища преобразовались въ городскія по мѣрѣ подготовленія учителей. Такъ и въ истекшемъ году преобразовано было въ городскія 32 уѣздныя училища, а именно въ

С.-Петербургскомъ округѣ 3, въ Московскомъ 8, въ Кіевскомъ 9, въ Виленскомъ 2 и въ Одесскомъ 10.

Заботы министерства народнаго просвѣщенія направлены на то, чтобы учебно-воспитательная часть въ уѣздныхъ училищахъ не пострадала отъ того, что они находятся шпѣ въ переходномъ положеніи, и можно сказать, что задача эта достигается съ успѣхомъ. Конечно, они отличаются недостатками, которые присущи самой ихъ организаціи и которые вызвали необходимость ихъ преобразованія, но въ послѣдніе годы они нисколько не сдѣлались хуже сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ были прежде. Многія изъ нихъ даже положительно улучшились благодаря различнымъ причинамъ, между коими главное мѣсто занимаетъ то, что ученикамъ, успѣшно окончивающимъ полный курсъ этихъ учебныхъ заведеній, предоставлена льгота по отбыванію воинской повинности. Это обстоятельство побуждаетъ учениковъ заниматься съ большимъ усердіемъ и аккуратнѣе посѣщать классы. Уѣздныя училища все еще продолжаютъ привлекать значительное число учащихся: въ истекшемъ году оно простиралось до 26,670, сравнительно съ прежнимъ годомъ менѣе на 3,046, но уменьшеніе это произошло вслѣдствіе упомянутаго выше преобразованія 32 уѣздныхъ училищъ въ городскія. Въ сущности же какъ въ 1876 г. такъ и въ отчетномъ году среднимъ числомъ на каждое изъ уѣздныхъ училищъ приходилось почти по 80 учащихся.

Что касается до городскихъ училищъ, вновь устраиваемыхъ и преобразуемыхъ изъ уѣздныхъ, то въ теченіе пяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ издано для нихъ положеніе, число ихъ возросло уже до 97, а именно въ настоящее время находится такихъ училищъ: 5 четырехклассныхъ, 61 трехклассныхъ, 30 двухклассныхъ и 1 одноклассное. Въ истекшемъ году обучалось въ нихъ 9,505 человекъ, что составляетъ почти по 100 человекъ на каждое изъ этихъ училищъ: впрочемъ означенная цифра не можетъ дать вполне вѣрнаго понятія о приливѣ къ нимъ учащихся, ибо хотя многія изъ нихъ и образованы въ трехклассномъ или двухклассномъ составѣ, но по недавности своего существованія еще не достигли полного комплекта своихъ классовъ. Сочувствіе земствъ и городскихъ обществъ къ новымъ училищамъ по прежнему выражается въ готовности отнустать на нихъ требуемыя суммы и добросовѣстнымъ выполненіемъ принятыхъ ими на себя въ этомъ отношеніи обязательствъ. Для руководства учебною частью городскихъ училищъ изданы были министерствомъ народнаго просвѣщенія подробныя программы по каждому предмету, которыя въ

часть ссу, отд. 1.

отчетномъ году и были уже примѣняемы во всѣхъ означенныхъ училищахъ. Программы эти и объяснительныя къ нимъ записки въ точности опредѣляя то, что должно быть пройдено въ каждомъ классѣ, содержатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полезныя указанія для учителей относительно способа преподаванія различныхъ предметовъ. Это обстоятельство должно, конечно, значительно облегчить учителямъ пониманіе ими своихъ обязанностей, какъ учителей классовыхъ, отъ умѣнія и старанія коихъ главнымъ образомъ зависитъ успѣхъ дѣла.

Содержаніе 97 городскихъ училищъ потребовало въ истекшемъ году 313,625 р. 39 коп., изъ коихъ на долю государственнаго казначейства относится 194,074 руб. 61 коп.; а остальная сумма образовалась изъ ассигновокъ земствъ, городскихъ обществъ, изъ частныхъ пожертвованій и сбора за ученіе.

Учительскія семинаріи.

Учительскія семинаріи, не смотря на педавнее свое существованіе, успѣли уже принести значительную пользу дѣлу народнаго образованія приготовленіемъ извѣстнаго контингента лучшихъ учителей для народныхъ школъ. Являясь такимъ образомъ главнымъ орудіемъ правильнаго развитія народной школы, онѣ удовлетворяютъ самой существенной потребности ея, а потому увеличеніе слишкомъ еще недостаточнаго числа этихъ заведеній составляетъ такой же жизненный вопросъ для успѣшнаго хода народнаго образованія, какъ и правильное развитіе народной школы.

Къ началу 1877 года въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія состояло: учительскихъ семинарій и школъ 61. Изъ разрѣшенныхъ въ 1876 году двухъ учительскихъ семинарій, въ октябрѣ отчетнаго года открыта учительская семинарія въ г. Новочеркасскѣ, въ области войска Донскаго, съ назначеніемъ на содержаніе ея по 21,052 р. въ годъ изъ суммъ государственнаго казначейства и общаго войсковаго капитала, по половинѣ, именно, по 10,526 руб. въ годъ. Семинарія эта помѣщена въ наемномъ домѣ. Что же касается учительской семинарія, предназначавшейся первоначально къ открытію въ Эстляндской губерніи, то, по встрѣтившейся невозможности прійскать для этой семинарія удобное наемное помѣщеніе за сумму, назначенную по штату, высочайше повелѣно означенную учительскую семинарію открыть, вмѣсто Эстляндской губерніи, въ городѣ Дерптѣ, Лифляндской губерніи, съ отдаленіемъ срока открытія ея до 1-го

января 1878 года. Подъ помѣщеніе этой семинаріи приобрѣтенъ въ г. Дерптѣ домъ за 50,000 рублей, уплата которыхъ разсрочена на 20 лѣтъ частію изъ 8,905 руб., ассигнованныхъ въ 1877 году на содержаніе предназначавшейся къ открытію учительской семинаріи въ Эстляндской губерніи, а частію изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ. Открытіе этой семинаріи послѣдовало уже въ текущемъ году.

Такимъ образомъ, къ 1-му января 1878 года въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія состояло 62 учительскихъ семинарій и школъ, въ томъ числѣ содержимыхъ правительствомъ—49, земствомъ—11, на счетъ пожертвованнаго капитала—1 и на средства братства св. равноапостольной Маріи въ Москвѣ—1.

Всѣ существующія учительскія семинаріи и школы находятся въ 47 губерніяхъ и 2 областяхъ, въ которыхъ числится слишкомъ 59.000.000 населенія, такъ, что, среднимъ числомъ въ губерніяхъ и областяхъ, имѣющихъ учительскія семинаріи и школы, приходится одна учительская семинарія или школа почти на 950,000 жителей. Хотя такое отношеніе числа учительскихъ семинарій и школъ къ численности населенія губерній и областей, гдѣ находятся эти заведенія, почти въ четыре раза менѣе признаваемого нормальнымъ лучшими европейскими представителями педагогической науки, но уже тотъ фактъ, что за 12 лѣтъ передъ симъ у насъ было только двѣ семинаріи, а къ концу отчетнаго года ихъ считалось уже 62, составляетъ самъ по себѣ весьма отрадное явленіе и служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, какъ необходимы эти заведенія вообще и особенно для того слишкомъ 22 миллионнаго населенія, которое, находясь въ 16 губерніяхъ и 11 областяхъ, входящихъ въ составъ учебныхъ округовъ и отдѣльныхъ управленій министерства народнаго просвѣщенія, не имѣетъ еще ни учительскихъ семинарій, ни учительскихъ школъ. Необходимость эта такъ настоятельна, что ее признаютъ не только интеллигентные классы общества, но и крестьяне. Такъ, по поводу возбужденнаго учебнымъ вѣдомствомъ вопроса объ учрежденіи учительской семинаріи въ Подольской губерніи, крестьянскія общества этой губерніи представили приговоры, которыми они назначаютъ ежегодно по 12 тысячъ рублей на содержаніе предполагаемой къ открытію учительской семинаріи. Сверхъ того крестьяне 1-го мирового участка Летичевского уѣзда заявили, что они обизываются въ первые два года особо внести по 1,360 руб. въ годъ на постройку здаанія для учительской семинаріи, если она будетъ открыта въ районѣ Летичевского уѣзда, а общество крестьянъ с. Ставницы того же уѣзда

жертвуетъ подъ постройку зданія 8 десятинъ. При такомъ пожертвованіи со стороны крестьянъ, значительно облегчающемъ издержки казны по содержанію, а отчасти и по постройкѣ семинаріи, и имѣя въ виду, что въ Подольской губерніи одного крестьянскаго населенія считается болѣе 1.350,000, а, между тѣмъ, изъ 1,300 существующихъ въ ней начальныхъ школъ, только 150 имѣютъ достаточно подготовленныхъ учителей, я считаю необходимымъ учрежденіе въ этой губерніи учительской семинаріи, и представленіе о томъ, а равно и объ отнесеніи расходовъ по постройкѣ семинарскаго зданія на счетъ смѣтныхъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, по окончательномъ избраніи мѣстности для предполагаемой семинаріи, будетъ виссено на разсмотрѣніе и рѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ.

Нигдѣ, впрочемъ, необходимость въ учрежденіи учительскихъ школъ такъ не настоятельна, какъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ, гдѣ, по неизбѣжнѣ сихъ заведеній, оказывается крайній недостатокъ въ учителяхъ, а потому и не представляется возможнымъ самое открытіе правильно организованныхъ училищъ, которымъ предстоитъ не только внести образованіе въ среду инородческихъ населеній, но и предохранить ихъ отъ распространяющагося вліянія исламизма. Не смотря на это, при обремененіи казны расходами на другія государственныя потребности, министерство народнаго просвѣщенія лишено было возможности испрашивать въ отчетномъ году болѣе или менѣе значительныя кредиты. Вслѣдствіе чего, предложенія мои, относительно учрежденія въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ трехъ учительскихъ школъ для населеній: башкирскаго, киргизскаго, черемисскаго и другихъ мелкихъ племенъ, удостоенныя одобренія Вашего Императорскаго Величества, могли только отчасти осуществиться и, при томъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ допускали это опредѣленія смѣтною депешнями средства министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, по моему ходатайству, Высочайше утвержденнымъ 29-го декабря 1877 года мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено употребить изъ сказанныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія 3,000 руб. на приобрѣтеніе въ г. Бирскѣ, Уфимской губерніи, усадебнаго мѣста съ строеніями для помѣщенія инородческой учительской школы, для которой составлены уже проекты положенія и штата.

Въ подобныхъ же условіяхъ находятся губерніи: Казанская, Симбирская, Самарская и Саратовская, входяція въ составъ Казанскаго учебнаго округа, въ которыхъ для 530 тысячнаго чувашскаго насе-

ленія, по недостатку учителей, знающихъ русскій и чувашскій языки, имѣется всего 115 школъ, такъ, что среднимъ числомъ приходится одна школа на 4,630 жителей—Чувашъ. При такомъ положеніи дѣла, признавая необходимымъ открытіе особой учительской школы для приготовления учителей въ чувашскія начальныя училища и не находя возможнымъ, при вышесказанномъ состояніи государственнаго казначейства, испрашивать потребный для сего кредитъ, простирающійся свыше 16 т. руб. въ годъ, я и здѣсь долженъ былъ ограничиться временно средствами министерства народнаго просвѣщенія. Въ этихъ видахъ мною испрошено Высочайшее соизволеніе на употребленіе изъ средствъ сего министерства 1,799 руб. 50 коп. въ добавокъ къ отпущавшимся 1,510 руб. на содержаніе чувашской школы въ г. Симбирскѣ, которая, будучи лучшею и, по курсу ученія, вышею изъ всѣхъ чувашскихъ школъ, наиболее пригодна для приготовления учителей въ начальныя чувашскія училища. Вышесказанная сумма 1,799 руб. 50 коп. предназначена на 8 стипендій для воспитанниковъ сей школы, приготовляющихся къ учительскому званію, на жалованье преподавателямъ, на учебныя книги и пособія и на хозяйственные расходы.

Къ числу особенныхъ мѣръ, принятыхъ въ отчетномъ году съ цѣлю болѣе успѣшнаго распространенія между инопородцами знанія русскаго языка, должны быть отнесены слѣдующія двѣ, а именно: назначеніе шести надзирателей при Оренбургской, Симферопольской и Казанской татарскихъ учительскихъ школахъ, преимущественно, для внѣкласснаго упражненія воспитанниковъ въ разговорной русскои рѣчи и учрежденіе при сихъ школахъ ежегодныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей татарскихъ начальныхъ училищъ; причемъ, на основаніи Высочайше утвержденного мнѣнія государственнаго совѣта, узаконяющаго объ эти мѣры, расходы, потребныя въ количествѣ 7,200 рублей для осуществленія ихъ, отнесены, впредь до времени, на счетъ кредита министерства народнаго просвѣщенія. Первая изъ сихъ мѣръ, уже приведенная въ исполненіе, предоставляетъ воспитанникамъ татарскихъ учительскихъ школъ, въ продолженіе всего четырехлѣтняго курса, возможность практическаго изученія русскаго языка, служить лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что воспитанники эти, сдѣлавшись учителями, и сами въ состояніи будутъ, посредствомъ школы, съ успѣхомъ распространять знаніе этого языка въ мѣстномъ населеніи. Въ Оренбургской татарской учительской школѣ, съ назначеніемъ двухъ надзирателей, внѣклассныя упражненія въ русскомъ

языкъ распространены и на существующее при ней начальное училище, такъ какъ на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, для 10 учениковъ этого училища, готовящихся къ поступленію въ учительскую школу, открыть, также на средства министерства народнаго просвѣщенія, интернатъ, который подчиненъ вѣдѣнію сказанныхъ надзирателей. Открытіе такого интерната при начальномъ училищѣ Оренбургской татарской учительской школы вполне обеспечиваетъ достаточное знаніе русскаго языка учениками, поступающими изъ него въ эту школу. Для обеспеченія же вообще достаточнаго, по возможности, знанія русскаго языка и ариметики учениками, поступающими въ татарскія учительскія школы, министерствомъ народнаго просвѣщенія, на основаніи данныхъ, приобрѣтенныхъ въ пятилѣтній періодъ существованія у насъ сихъ заведеній, сдѣланы педагогическимъ совѣтамъ ихъ точныя указанія относительно того, какія свѣдѣнія по сказаннымъ предметамъ должны быть требуемы на приемныхъ испытаніяхъ отъ поступающихъ въ татарскія учительскія школы. Независимо отъ сего, основываясь на тѣхъ же указаніяхъ опыта, министерство признало необходимымъ увеличить въ IV-мъ классѣ сихъ школъ число недѣльныхъ уроковъ по русскому языку, ариметикѣ и географіи, съ 12 до 18, съ уменьшеніемъ, взамѣнъ того, числа такихъ же уроковъ по дидактическимъ упражненіямъ, съ 12 до 6. Мѣра эта удостоена Высочайшаго утвержденія уже въ текущемъ году. Что касается Казанской татарской учительской школы, которая только въ 1876 году открыта, то въ ней, вслѣдствіе недостаточной подготовки поступившихъ въ I-й классъ ея учениковъ, устраивались въ отчетномъ году вечернія занятія по русскому языку.

Съ другой стороны, съ учрежденіемъ ежегодныхъ педагогическихъ курсовъ при татарскихъ учительскихъ школахъ, открывается возможность учителямъ изъ воспитанниковъ сихъ школъ не только усовершенствовать приобрѣтенныя ими теоретическія и практическія знанія въ русскомъ языкѣ, но и восполнить научнымъ образомъ тѣ недостатки въ своихъ педагогическихъ приемахъ, на которые укажетъ имъ собственная практика. Въ видахъ же общаго регулированія этихъ курсовъ, попечителямъ подлежащихъ учебныхъ округовъ разсланы утвержденныя мною правила, которыми опредѣляются какъ порядокъ веденія этихъ курсовъ, такъ и предметы и способы занятій на нихъ.

При совокупности вышесказанныхъ мѣръ настолько усилены средства къ приобрѣтенію основательнаго знанія русскаго языка воспитанниками татарскихъ учительскихъ школъ и учителями татарскихъ

начальныхъ училищъ, что не предстоитъ болѣе надобности въ при-
мѣненіи той временной мѣры, которая принята была мною въ 1876—
1877 учебномъ году относительно Уфимской учительской школы, по
поводу недостаточнаго знанія воспитанниками ея русскаго языка, а
потому мѣра эта, состоящая въ размѣщеніи воспитанниковъ, какъ
окончившихъ курсъ, такъ и старшаго класса, внѣ интерната, на част-
ныхъ квартирахъ — въ русскія семейства, и въ прикомандированіи
первыхъ къ уѣздному и приходскимъ училищамъ, прекращена съ пе-
реводомъ въ началѣ 1877—1878 учебнаго года сказанной школы изъ
г. Уфы въ г. Оренбургъ.

На сѣверныхъ нашихъ окраинахъ для болѣе плодотворнаго влія-
нія школъ, учреждаемыхъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населе-
ніемъ, оказалось необходимымъ знаніе мѣстныхъ языковъ самими пре-
подавателями этихъ школъ, такъ какъ по малому знакомству жите-
лей съ русскимъ языкомъ, почти невозможно было успѣшное веденіе
школьнаго преподаванія. Вслѣдствіе чего, введено преподаваніе ко-
рельскаго языка въ Вытегорской учительской семинаріи и зырянскаго
языка въ Тотемской такой же семинаріи для воспитанниковъ, пред-
назначенныхъ учителями въ тѣ мѣстности Олонецкой и Вологодской
губерній, кои населены Корелами и Зырянами.

Наконецъ, въ Рижской Прибалтійской учительской семинаріи,
вслѣдствіе установленнаго для нея четырехгодичнаго курса, открытъ
въ отчетномъ году одинъ еще низшій классъ, и тѣмъ значительно
усилены средства къ приобрѣтенію воспитанниками этой семинаріи,
принадлежащими преимущественно къ латышскому и эстонскому пле-
мени, удовлетворительнаго знанія русскаго языка. Такое увеличеніе
учебнаго курса тѣмъ болшую можетъ оказать пользу воспитанникамъ
этой семинаріи, что при ней, вмѣстѣ съ открытіемъ сказаннаго класса,
открыто начальное училище, въ которомъ они имѣютъ полную воз-
можность усовершенствовать себя въ практическихъ занятіяхъ подъ
руководствомъ своихъ наставниковъ.

Учащихся въ 62 открытыхъ семинаріяхъ и школахъ къ 1-му ян-
варя 1878 года было 4,423, что среднимъ числомъ на каждую учи-
тельскую семинарію и школу составитъ по 71 учащемуся. Изъ общаго
числа учащихся въ семинаріяхъ и школахъ на мужскія приходилось
3,803 или около 86%, и на женскія 620 или около 14%. Число уча-
щихся въ отчетномъ году, сравнительно съ предшествовавшимъ го-
домъ, увеличилось въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ

на 180 или на 4,9%, въ женскихъ на 21 или 3,5%, а всего на 201 или 4,5%.

По вѣроисповѣданіямъ изъ общаго числа учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ составляютъ: 84% православные, 11% римско-католики, 3% лютеране и 2% магометане.

Дѣти не православнаго исповѣданія обучаются только въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ Варшавскаго, Дерптскаго, Оренбургскаго, Одесскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ. По отношенію къ общему числу учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ этихъ учебныхъ округовъ, дѣти православнаго исповѣданія составляютъ: 17% въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, 40% въ Дерптскомъ, 52% въ Оренбургскомъ, 89% въ Одесскомъ и 98% въ Казанскомъ.

По сословіямъ учащіеся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ раздѣляются слѣдующимъ образомъ: 11% составляютъ дѣти дворянъ и чиновниковъ, 20% дѣти лицъ духовнаго званія, 18% дѣти лицъ, принадлежащихъ городскимъ сословіямъ, 51% дѣти крестьянъ.

Такимъ образомъ, преобладающій элементъ между учащимися въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ принадлежитъ дѣтямъ крестьянскаго сословія, которыхъ будущая дѣятельность какъ учителей сельскихъ школъ, тѣмъ большую можетъ принести пользу, что имъ вполне извѣстны бытовья условія и нужды той среды, изъ которой сами они вышли, и въ которой имъ предстоитъ вращаться.

Число окончившихъ курсъ въ 44 мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ простиралось до 646, въ 6-ти женскихъ до 100, а всего до 746 или 16% общаго числа учащихся. Среднимъ числомъ на каждую изъ семинарій и школъ, произведшихъ выпускъ въ 1877 году, приходится по 14 окончившихъ курсъ. Затѣмъ, изъ 12 учительскихъ семинарій и школъ, не производившихъ еще выпусковъ къ 1-му января 1878 года, было: 7 въ полномъ трехклассномъ составѣ, 4 въ двухклассномъ и 1 въ одноклассномъ. Въ Острожской учительской семинаріи въ началѣ 1877—1878 учебнаго года, хотя и былъ открытъ 3-й классъ, но, по недостатку помѣщенія, не было приѣма въ 1-й классъ, а потому семинарія эта только съ началомъ 1878—1879 учебнаго года, когда окончится постройка новаго для нея зданія, будетъ имѣть полный трехклассный составъ.

По учебной части, педагогическіе совѣты учительскихъ семинарій выполняя учебныя программы, руководились инструкціею, составленною въ 1875 году министерствомъ народнаго просвѣщенія для сихъ

заведеній. Въ распредѣленіи числа уроковъ по предметамъ, входящимъ въ учебную программу учительскихъ семинарій, послѣдовали слѣдующія измѣненія: въ Иркутской учительской семинаріи, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, подобныхъ тѣмъ, которыя вызвали необходимость нѣкоторыхъ, какъ сказано выше, перемѣнъ въ этомъ отношеніи для татарскихъ учительскихъ школъ, потребовалось увеличеніе числа уроковъ по русскому языку и ариѳметикѣ, а потому въ 1-мъ классѣ этой семинаріи назначено: по русскому языку—12, вмѣсто 8, а по ариѳметикѣ — 6, вмѣсто 5 уроковъ; въ 5 семинаріяхъ Виленскаго учебнаго округа, за неимѣніемъ между наставниками лицъ, которыя могли бы съ надлежащимъ успѣхомъ обучать рисованію, 3 часа, назначенные инструкціею на этотъ предметъ, были заняты уроками по русскому языку, въ видахъ усиленія этого важнаго предмета; въ Гатчинской учительской семинаріи, при сохраненіи общаго числа уроковъ, опредѣленнаго по каждому предмету инструкціею для учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія, измѣнено классное распредѣленіе уроковъ по нѣкоторымъ предметамъ, вслѣдствіе того, что преподаваніе физики распространено и на 1-й классъ, а сообщеніе болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній изъ математической и физической географіи отнесено къ 3-му классу; преподаваніе же чистописанія ограничено однимъ 1-мъ классомъ, причемъ требовалось всѣми учителями и во всѣхъ классахъ, по возможности, каллиграфическое исполненіе письменныхъ работъ.

Характеръ преподаванія въ учительскихъ семинаріяхъ, какъ при сообщеніи воспитанникамъ теоретическихъ свѣдѣній, такъ и въ организаціи ихъ практическихъ занятій въ начальныхъ училищахъ, находящихся при сихъ заведеніяхъ, соотвѣтствовалъ педагогическимъ требованіямъ и выражалъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу преподавателей. Въ основу семинарскаго преподаванія, между прочимъ, положены были слѣдующія руководящія начала: а) преподавать предметъ тѣмъ методомъ и въ той формѣ, какіе придется употребить воспитаннику въ качествѣ наставника начальнаго училища, б) останавливать воспитанниковъ на самомъ методѣ и приучать ихъ къ употребленію его, и в) знакомить воспитанниковъ съ лучшими методами и учебниками по каждому въ отдѣльности учебному предмету. Наскльбо успѣхи воспитанниковъ учительскихъ семинарій соотвѣтствовали заботамъ о томъ педагогическихъ совѣтовъ сихъ заведеній, видно изъ того, что въ общей массѣ учащихъ число имѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки приблизительно составляло до 75%, а имѣвшихъ

неудовлетворительныя отиѣтки вмѣстѣ съ выбывшими прежде окончанія курса до 25%.

Но въ татарскихъ учительскихъ школахъ % успѣвающихъ воспитанниковъ стоитъ гораздо ниже. Въ Симферопольской татарской учительской школѣ число получившихъ удовлетворительныя отиѣтки доходитъ только до 36%. Если правительственныя семинаріи обязаны улучшеніемъ состоянія учебной части особенно тому, что съ постепеннымъ учрежденіемъ при нихъ особыхъ приготовительныхъ классовъ и съ назначеніемъ изъ средствъ министерства стипендій ученикамъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ, готовящимся у учителей сихъ училищъ къ поступленію въ семинаріи, значительно возвышены требованія на приѣмныхъ испитаніяхъ отъ поступающихъ въ семинаріи, то, безъ сомнѣнія, и тѣ мѣры, которыя приняты министерствомъ въ отчетномъ году для возвышенія учебной части въ татарскихъ учительскихъ школахъ и о которыхъ сказано выше, не останутся безъ желаемыхъ результатовъ.

Библіотеки учительскихъ семинарій и школъ увеличались приобрѣтеніемъ 20,100 томовъ, на сумму 19,075 рублей. Самое значительное приращеніе библіотекъ выпало на долю учительскихъ семинарій Восточной Сибири, въ которыхъ вновь приобрѣтено книгъ на сумму свыше 5,400 руб. Независимо отъ сего, изъ министерства народнаго просвѣщенія для пополненія библіотекъ сихъ заведеній выслано на сумму до 4,000 руб.

Что касается до кабинетовъ физическихъ и естественныхъ наукъ, то приращеніе ихъ въ отчетномъ году въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ простирается на сумму 15,755 руб. 51 коп.

Говоря о собраніяхъ учебныхъ пособій, нельзя не упомянуть объ устройствѣ при Вытегорской учительской семинаріи: а) педагогическаго музея, который даетъ возможность не только воспитанникамъ семинаріи, но и начальнымъ учителямъ губерніи основательно ознакомиться съ необходимыми для нихъ учебными пособиями и б) метеорологической станціи, на которой метеорологическія наблюденія ежедневно производятся воспитанниками подъ руководствомъ преподавателя естественной исторіи, а ежемѣсячныя вѣдомости о такихъ наблюденіяхъ отправляются въ главную Петербургскую метеорологическую обсерваторію.

Программа занятій воспитанниковъ учительскихъ семинарій не исчерпывалась только предметами учебнаго курса: въ нее входило также сообщеніе воспитанникамъ и такихъ знаній, которыя полезны

для нихъ по своему образовательному вліянію, или обусловливаются гигиеническими и практическими требованіями. Такимъ образомъ, въ учительскихъ семинаріяхъ были преподаваемы: нѣбие, гимнастика и ремесла, а если позволяли мѣстныя условія—садоводство и огородничество.

Религіозно-нравственное направленіе, положенное въ основу воспитательной части учительскихъ семинарій, продолжало также неуклонно развиваться въ сихъ заведеніяхъ, при похвальномъ къ тому содѣйствіи педагогическихъ совѣтовъ. Дѣятельность сихъ совѣтовъ въ этомъ отношеніи была тѣмъ плодотворнѣе, что, съ одной стороны, въ видахъ точнѣйшаго указанія обязанностей, лежащихъ на нихъ въ воспитательномъ смыслѣ, имъ дано было министерствомъ народнаго просвѣщенія особое по сему предмету наставленіе, которое я имѣлъ счастье повергать на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, а съ другой стороны, самый строй семинарской жизни представлялъ имъ возможность распространять эту дѣятельность на каждого изъ воспитанниковъ. Попечители учебныхъ округовъ, которымъ вѣнено министерствомъ въ особую обязанность посѣщать возможно чаще учительскія семинаріи, свидѣтельствуютъ, что поведеніе воспитанниковъ учительскихъ семинарій вполнѣ заслуживаетъ одобренія.

Начальныя училища, существующія при семинаріяхъ, имѣютъ назначеніемъ служить педагогическимъ цѣлямъ семинарій, доставляя возможность воспитанникамъ сихъ заведеній вести въ нихъ практическія занятія подъ руководствомъ своихъ наставниковъ. По составу своему училища эти вообще принадлежатъ къ однокласснымъ, за исключеніемъ училища при Вытегорской учительской семинаріи, имѣющаго двухклассный составъ, а потому и предметы, входящіе въ программу ихъ, тѣ же самыя, какъ и одноклассныхъ училищъ. Для устраниенія неудобствъ, которыя, при назначеніи сихъ училищъ—служить для практическихъ упражненій воспитанниковъ семинарій, могли бы встрѣтиться въ выполненіи ихъ учебной программы, учебный курсъ ихъ такъ расположенъ, что занятія воспитанниковъ семинарій въ сихъ училищахъ не мѣшаютъ правильному ходу преподаванія въ нихъ, а обиліе учебныхъ пособій по наглядному обученію, которыми снабжены всѣ эти училища, весьма благопріятствуетъ успѣхамъ учащихся. Число учащихся во всѣхъ училищахъ, находящихся при семинаріяхъ, къ 1 января 1878 года простиралось до 1,633. Въ отчетномъ году открыты такія училища, кромѣ Рижской Прибалтійской семинаріи, при Преславльской и Влаговѣщенской семинаріяхъ.

Кромѣ сихъ училищъ, при учительскихъ семинаріяхъ, въ видахъ лучшаго подготовленія поступающихъ въ семинарію учениковъ, преимущественно изъ сельскаго сословія, съ 1876 года стали учреждаться приготовительные классы, которые въ 1 января 1878 года открыты были при 10 семинаріяхъ, число учащихся въ нихъ простирается до 146. Въ отчетномъ году, кромѣ интерната для 10 учениковъ при Оренбургской татарской учительской школѣ, какъ сказано выше, открытъ приготовительный классъ при Казанской учительской семинаріи для 20—30 учениковъ, съ назначеніемъ имъ стипендій изъ 150 стипендій, опредѣленныхъ положеніемъ для воспитанниковъ этой семинаріи и съ производствомъ учителю сего класса вознагражденія, въ количествѣ 300 рублей, изъ штатныхъ суммъ семинаріи.

Земскихъ учительскихъ школъ, какъ и въ предшествовавшемъ году, было 11, изъ которыхъ 6 мужскихъ и 5 женскихъ. При недостаточномъ числѣ правительственныхъ семинарій, школы эти приносятъ извѣстную пользу, доставляя ежегодно болѣе или менѣе значительный контингентъ учителей и учительницъ, и тѣмъ, хотя нѣсколько, восполняютъ недостатокъ въ преподавателяхъ, составляющій одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашихъ школъ. Но, безъ сомнѣнія, польза, приносимая земскими учительскими школами, была бы болѣе плодотворною, еслибы въ организаціи ихъ не было болѣе или менѣе замѣтныхъ недостатковъ. Самый существенный изъ недостатковъ земскихъ учительскихъ школъ составляетъ то, что преподавателями въ нихъ бывають лица, не вполне отвѣчающія своему назначенію. Этому обстоятельству, между прочимъ, должна быть приписана и частая переимѣна преподавательскаго состава въ сихъ школахъ. Такимъ образомъ, въ отчетномъ году, признано было необходимымъ замѣнить весь составъ наличныхъ преподавателей Рязанской земской мужской учительской школы. Кромѣ того, специальное назначеніе сихъ школъ — готовить учителей и учительницъ для начальныхъ училищъ не мало терпитъ частію отъ введенія въ учебныя программы такихъ предметовъ, которые несовмѣстимы съ прямымъ назначеніемъ учительскихъ школъ, а частію — отъ излишняго распространенія объема программъ по второстепеннымъ предметамъ, къ ущербу главныхъ. Первый изъ этихъ недостатковъ особенно замѣтенъ въ Вятской мужской учительской школѣ, а второй — въ Тверской женской. При подобной постановкѣ учебнаго дѣла въ земскихъ учительскихъ школахъ и въ виду того, что и дисциплинарная часть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не совсѣмъ правильно организована, весьма желательно, чтобы къ этимъ учебнымъ

заведеніямъ вопліѣ примѣнены были правила, существующія для правительственныхъ учительскихъ семинарій.

Помѣщенія учительскихъ семинарій и школъ, не смотря на постепенное ихъ улучшеніе, далеко не всѣ еще могутъ назваться удобными. Вслѣдствіе чего, въ отчетномъ году, кромѣ ассигнованныхъ по смѣтѣ 28,110 руб. на постройку ученическихъ квартиръ при учительскихъ семинаріяхъ Холмской и Бѣльской—въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, на ремонтныя исправленія въ зданіяхъ учительскихъ семинарій Алферовской—въ Московскомъ учебномъ округѣ и Корытшевской—въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, потребовалось еще назначеніе изъ суммъ ассигнованныхъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на народное образованіе 51.574 р. 73 к. на слѣдующія строительныя надобности: по С.-Петербургскому учебному округу—19.349 руб. 74 к. на постройку дома для Вытегорской учительской семинаріи и устройство помѣщеній для пригготовительнаго класса при Череповской семинаріи; по Московскому учебному округу—2,103 р. 10 коп. на пристройки при Карачевской семинаріи; по Казанскому учебному округу—9,000 руб. на устройство домовой церкви при Вольской учительской семинаріи; по Одесскому учебному округу—11,477 р. 36 коп., на работы по постройкѣ Преславльской и Байрамчской учительскихъ семинарій, а также Симферопольской татарской учительской школы; по Виленскому учебному округу—2,144 руб. 53 коп. на приспособленіе зданія для Свислочской семинаріи; по Оренбургскому учебному округу—3,000 руб. на ремонтныя работы въ зданіи, предназначенномъ для Оренбургской татарской учительской школы и 4,500 руб. на устройство квартиръ для учителей Благовѣщенской учительской семинаріи, въ дополненіе къ 10,000 руб., ассигнованнымъ Уфимскимъ земствомъ на сей предметъ. Изъ числа правительственныхъ семинарій и школъ, имѣющихъ собственные дома, помѣщаются 27 удобно и 9 неудобно. Затѣмъ, 13 правительственныхъ семинарій и школъ помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ.

На содержаніе всѣхъ учительскихъ семинарій и школъ въ теченіе 1877 года было употреблено 1.024,991 руб. Въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 711,960 руб. или около 69%, отъ земства 222,882 руб. или около 22%; изъ средствъ городскихъ и сельскихъ обществъ, изъ пожертвованій и другихъ источниковъ 90,149 руб. или 9%.

Средняя стоимость содержанія одной учительской семинаріи и школы составляла въ 1877 году сумму 16.532 руб., а обученіе одного

воспитанника учительской семинаріи или школы среднимъ числомъ въ этомъ году обошлось 231 руб. Цифры эти измѣняются по учебнымъ округамъ такимъ образомъ:

Средняя стоимость содержанія.

	1-й уч. семинаріи и школы.	1-го воспитанника.
въ С.-Петербургскомъ округѣ	17,866 р.	269 р.
„ Московскомъ „	19,955 „	201 „
„ Харьковскомъ „	19,937 „	268 „
„ Казанскомъ „	15,277 „	254 „
„ Виленскомъ „	17,906 „	248 „
„ Кіевскомъ „	14,800 „	193 „
„ Одесскомъ „	17,406 „	212 „
„ Оренбургскомъ „	17,191 „	369 „
„ Дерптскомъ „	17,520 „	231 „
„ Варшавскомъ „	10,567 „	148 „
„ Западной Сибири	17,898 „	245 „
„ Восточной Сибири	28,477 „	547 „

Слѣдовательно, наибольшими средствами содержанія (28,477 р. каждая) располагали учительскія семинаріи Восточной Сибири, въ которой и средняя стоимость обученія одного воспитанника составляла наибольшую сумму (547 р.). Наименьшими же средствами содержанія (10,567 р. каждый) располагали учительскія семинаріи Варшавскаго учебнаго округа, въ которомъ и средняя стоимость обученія одного воспитанника составляла наименьшую сумму (148 р.), сравнительно съ другими округами.

Въ отдѣльности, средняя стоимость содержанія одной правительственной учительской семинаріи въ отчетномъ году составляла сумму 16,671 руб., а содержаніе одного воспитанника такой семинаріи среднимъ числомъ обошлось въ 248 руб. Средняя же стоимость содержанія одной земской учительской школы составляла сумму 17,152 руб. а обученіе одного воспитанника такой школы среднимъ числомъ обошлось въ 190 руб. Такимъ образомъ, средняя стоимость содержанія правительственной учительской семинаріи въ 1877 году была менше на 481 руб., сравнительно съ среднею стоимостью содержанія земской учительской школы, а обученіе одного воспитанника въ правительственныхъ семинаріяхъ обошлось дороже на 58 рублей по сравненію съ земскими учительскими школами.

Изъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу семинарій, болѣе значительныя—слѣдующія: симбирскимъ земствомъ назначено 7,600 руб. на приведеніе въ должный порядокъ зданія Порѣцкой учительской семинаріи; самарское земство ассигновало 900 руб. на расширеніе зданія Самарской учительской семинаріи; смоленское губернское земство пожертвовало 500 руб. на поименіе физическаго кабинета и разведенія плодоваго сада при Алферовской учительской семинаріи; отъ владимірскаго губернскаго земства поступило 3,131 руб. 24 коп. на содержаніе при Владимірской учительской семинаріи стипендіатовъ и на выдачу наставникамъ квартирныхъ денегъ; волчанское земство ассигновало на разныя нужды Волчанской семинаріи пособіе въ размѣрѣ 650 руб.; крестьяне Минской губерніи пожертвовали на устройство ученической квартиры при Несвижской учительской семинаріи деньгами до 130 руб., не считая вещественныхъ приношеній, сдѣланныхъ ими на этотъ предметъ.

Кромѣ вышесказанныхъ пожертвованій, къ увеличенію хозяйственныхъ средствъ учительскихъ семинарій содѣйствовали также пожертвованія почетныхъ попечителей, званія которыхъ учреждены при 12 учительскихъ семинаріяхъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія приняты въ нашемъ законодательствѣ при назначеніи почетныхъ попечителей прогимназій. Нѣкоторые изъ этихъ почетныхъ попечителей, кромѣ ежегодныхъ обязательныхъ взносовъ, дѣлаютъ и единовременныя пожертвованія.

Крайній недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ начальныхъ учителяхъ, при недостаточномъ числѣ нашихъ семинарій, вызываетъ необходимость усиливать, по возможности, образовательное вліяніе сихъ учебныхъ заведеній. Въ этихъ видахъ, между прочимъ, распространено на Варшавскій учебный округъ право, предоставленное правительственнымъ учительскимъ семинаріямъ имперіи—подвергать испытанію на званіе учителя начальнаго народнаго училища, съ тѣмъ, чтобы выдержавшіе въ нихъ удовлетворительное испытаніе посѣщали практическое при семинаріи училище въ теченіе двухъ или трехъ недѣль для ознакомленія съ методами обученія и давали въ немъ пробныя уроки. Съ этою же цѣлію министерствомъ разрѣшено прикомандировывать къ учительскимъ семинаріямъ и школамъ начальныхъ учителей одновременно отъ 4-хъ до 8 человекъ, на срокъ не менѣе 4-хъ недѣль, для ознакомленія ихъ какъ съ лучшими методами преподаванія учебныхъ предметовъ курса начальныхъ училищъ, такъ

и съ лучшими учебниками по этимъ предметамъ, а равно и для пополненія, по возможности, свѣдѣній ихъ.

Другимъ средствомъ для подготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ служили кратковременные педагогическіе курсы, учреждаемые ежегодно на основаніи изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правилъ преимущественно при учительскихъ семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ необходимыми для курсовъ учебными пособиями. Такіе курсы въ отчетномъ году происходили въ 20 мѣстностяхъ. Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ курсы эти, кромѣ ознакомленія учителей съ лучшими методами преподаванія, имѣли цѣлю также и усовершенствованію ихъ въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно плодотворно вліяніе кратковременныхъ педагогическихъ курсовъ для той категоріи начальныхъ учителей Привислянскаго края, которые обучаютъ въ евангелическихъ религіозныхъ школахъ, извѣстныхъ подъ именемъ канторовъ. Для нихъ курсы эти представляютъ почти единственное средство къ изученію русскаго языка, въ которомъ они крайне слабы. Такимъ образомъ, при посредствѣ сказанныхъ курсовъ, осуществляется цѣль, предначертанная Высочайшимъ повелѣніемъ 1-го мая 1869 года чтобы евангелическія консисторіи совмѣстно съ начальниками учебныхъ дирекцій озаботились постепеннымъ подготовленіемъ для канторовъ учителей, которые могли бы въ оныхъ обучать, кромѣ нѣмецкаго и польскаго языка тамъ, гдѣ населеніе нѣмецкаго или польскаго происхожденія, и на русскомъ языкѣ.

Кромѣ вышесказанныхъ кратковременныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей начальныхъ училищъ, въ двухъ мѣстностяхъ С.-Петербургской губерніи, какъ и въ предшествовавшемъ году, устроены были сѣзды законоучителей сихъ училищъ, а именно: въ С.-Петербургѣ—подъ предсѣдательствомъ епископа Ладожскаго Гермогена для законоучителей начальныхъ училищъ С.-Петербургскаго уѣзда и въ г. Новой Ладогѣ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ сѣзда для законоучителей Новоладожскаго уѣзда. Оба сѣзда, происходившіе въ присутствіи мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, имѣли цѣлю обсужденіе вопросовъ относительно улучшенія преподаванія закона Божія въ начальныхъ училищахъ; при чемъ на Новоладожскомъ сѣздѣ опытнѣйшими законоучителями дано было нѣсколько примѣрныхъ уроковъ.

Независимо отъ вышесказанныхъ мѣръ, принимаемыхъ съ цѣлю улучшенія преподаванія въ начальныхъ училищахъ, министерство на-

роднаго просвѣщенія продолжало въ тѣхъ же видахъ доставлять и воспитанникамъ православныхъ духовныхъ семинарій возможность знакомиться на практикѣ съ дѣломъ начальнаго обученія въ воскресныхъ школахъ, существующихъ при сихъ семинаріяхъ. Вслѣдствіе чего, въ отчетномъ году, по примѣру минувшихъ лѣтъ, каждой изъ такихъ школъ выдано министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ видѣ поощренія, пособіе по 300 руб., а всего 43 воскреснымъ школамъ, существующимъ при православныхъ духовныхъ семинаріяхъ, — 12,900 р.

Начальныя училища.

Дѣйствіе положенія о народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года, обнимающаго 34 губерніи, имѣющія земскія учрежденія, распространено въ отчетномъ году и на область войска Донскаго, съ примѣненіемъ къ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоявшагося 29-го мая 1869 года законодательнаго акта о мѣрахъ къ развитію начальнаго образованія; при чемъ, въ областной и окружныя училищныя совѣты этой области назначены, сверхъ членовъ указанныхъ вышесказаннымъ положеніемъ 25-го мая 1874 года, еще по одному отъ войска, а сумма, въ количествѣ 8,500 руб., опредѣленная съ 1878 года на содержаніе директора и двухъ инспекторовъ, а равно и на канцелярскіе расходы училищныхъ совѣтовъ, отнесена на счетъ государственнаго казначейства; за тѣмъ, всѣ другіе расходы по народному образованію въ этой области предоставлено министру народнаго просвѣщенія покрывать изъ общей суммы, назначенной на устройство и содержаніе народныхъ училищъ. Преобразованіемъ управленія народными училищами области войска Донскаго положено начало улучшенія числящихся въ этой области 260 начальныхъ училищъ, которыя, будучи распределены на пространствѣ слишкомъ 2,900 кв. миль, при недостаткѣ надзора за ними, лишены были доселѣ и надлежащаго руководства.

Еще болѣе, въ смыслѣ правильнаго развитія нашихъ народныхъ школъ, какъ въ научномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, по общности своего характера, имѣетъ значеніе начавшееся въ отчетномъ году примѣненіе другаго законодательнаго акта, послѣдовавшаго въ 1876 г., которымъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, число инспекторовъ народныхъ училищъ увеличено прибавленіемъ еще 74. Въ виду того, что вышесказаннымъ законодательнымъ актомъ установлено производить назначеніе сказанныхъ инспекторовъ постепенно, въ теченіе трехъ лѣтъ, въ отчетномъ году назначены были 25 инспекторовъ
часть ссв, отд. 1.

народныхъ училищъ и распредѣлены по 19 губерніямъ, имѣвшимъ наибольшую потребность въ усиленіи средствъ по руководству, школами и по надзору за ними. Вслѣдствіе чего, наличный составъ инспекторовъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ—съ земскими учрежденіями, состоявшій по положенію 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ изъ 68, увеличился до 93.

Хотя такое число инспекторовъ народныхъ училищъ далеко еще не соответствуетъ дѣйствительной потребности въ нихъ, особенно въ виду того, что, съ открытіемъ отдѣльныхъ училищныхъ совѣтовъ въ гг. С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ и съ передачею изъ министерства государственныхъ имуществъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія школъ бывшихъ болгарскихъ колонистовъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Херсонской и Таврической, кругъ дѣятельности сказанныхъ инспекторовъ значительно увеличился; но недостатокъ въ этихъ специальныхъ органахъ министерства народнаго просвѣщенія по руководству школъ и наблюденію за ними нѣсколько восполняется тѣмъ, что, на основаніи Высочайше утвержденного 22-го ноября 1875 года мѣннія государственнаго совѣта, для каждаго изъ 19 уѣздовъ, находящихся въ губерніяхъ: Вятской, Самарской, Вологодской, Пермской, Калужской, Саратовской, Казанской и Пензенской, учреждены должности инспекторовъ народныхъ училищъ—съ содержаніемъ отъ земства, и въ томъ числѣ—для 11 уѣздовъ—въ 1877 году. Такимъ образомъ, общее число инспекторовъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, простиралось въ 1877 году до 112, и вѣдѣнію каждаго изъ нихъ, среднимъ числомъ, подлежало до 122 начальныхъ училищъ, то-есть, на 59 училищъ менѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году.

Между тѣмъ, постепенное возростаніе числа начальныхъ народныхъ училищъ на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ Россіи вызвало необходимость правильной организаціи этихъ училищъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ, въ которомъ учрежденныя въ разное время и на разныя средства училища, не имѣя ни правильнаго устройства по учебной части, ни достаточнаго обезпеченія въ содержаніи, оставались безъ надлежащаго надзора и руководства. Правда, съ передачею въ 1875 году въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія управленія учебною частію въ Туркестанскомъ краѣ, учреждена была, по примѣру Сибири, при мѣстномъ генералъ-губернаторѣ должность главнаго инспектора училищъ для управленія всѣми учебными заведеніями—

ми края въ томъ числѣ и начальными школами, какъ русскими, такъ и инородческими, но, при огромныхъ разстояніяхъ, отдѣляющихъ одну отъ другой разсѣянныя по всему краю школы, для главнаго инспектора тѣмъ болѣе невозможно было правильное посѣщеніе сихъ школъ, что на обязанности его лежать не только руководство административными распоряженіями управленія учебныхъ заведеній, но и занятія по подготовительнымъ работамъ для инородческаго образованія, составляющато одну изъ главныхъ заботъ нашихъ въ средней Азіи. Вслѣдствіе чего, для завѣдыванія начальными народными училищами, какъ русскими, такъ и инородческими и вообще низшими учебными заведеніями въ Туркестанскомъ краѣ, учреждена на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го марта 1877 года мѣрніи государственнаго совѣта, должность инспектора, съ отнесеніемъ назначеннаго ему содержанія 2,250 руб. на счетъ суммы 31,100 руб., отпускаемой по финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на потребности по учебной части въ Туркестанскомъ краѣ. Определеніе сказаннаго инспектора уже послѣдовало, и приняты мѣры къ улучшенію преподаванія въ начальныхъ училищахъ края. Первою изъ этихъ мѣръ было устройство лѣтомъ 1877 года въ г. Вѣрномъ кратковременныхъ педагогическихъ курсовъ для начальныхъ учителей Семирѣченской области. Къ 1-му января 1878 года въ 27 училищахъ Туркестанскаго края и въ 8-ми существующихъ при нихъ женскихъ отдѣленіяхъ число учащихся простиралось до 1,513, въ томъ числѣ 1,202 мужскаго пола и 311 женскаго.

Общее число начальныхъ народныхъ училищъ въ имперіи ¹⁾ къ концу 1877 года простиралось до 24,853 съ 1.065,889 учащихся, изъ которыхъ было мужскаго пола 875,963 и женскаго пола 189,926. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, число училищъ уменьшилось на 224 или на 0,8%, а число учащихся увеличилось на 29,038 или на 2,8%, въ томъ числѣ мужскаго пола на 20,824 или на 2,4%, и женскаго пола на 8,214 или на 4,5%. Уменьшеніе числа училищъ произошло отъ того, что нѣкоторыя изъ сельскихъ обществъ, вмѣсто двухъ, содержавшихся на ихъ средства училищъ, которыя не удовлетворяли требованіямъ § 2 выдачи свидѣтельствъ по отбыванію воин-

¹⁾ За исключеніемъ начальныхъ народныхъ училищъ Кавкасскаго края и Финляндіи, а также состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ сельскихъ лютеранскихъ училищъ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ которомъ такихъ училищъ считается до 1,948 съ 128,401 учащимися.

ской повинности, открыли одно училище, дающее, по составу преподавателей, возможность окончившимъ въ немъ курсъ пользоваться льготою 4-го разряда по отбыванію воинской повинности. Кромѣ того, на уменьшеніе числа училищъ повліялъ въ отчетномъ году и созывъ на военную службу безсрочно-отпускныхъ унтеръ-офицеровъ, состоявшихъ учителями въ начальныхъ школахъ, которыя вслѣдствіе того и закрыты. Въ одной новгородской губерніи по этому поводу было закрыто 15 училищъ. Вслѣдствіе уменьшенія числа училищъ и увеличенія числа учащихся, среднее число учащихся для каждаго училища возросло почти до 43, то-есть, было болѣе почти двумя учащимися сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ.

Изъ общаго числа училищъ приходилось на учебныя округа: С.-Петербургскій 6,8%, Московскій 18,4%, Харьковскій 9,7%, Казанскій 9,6%, Виленскій, 14,9%, Кіевскій 10,4%, Одесскій 5,9%, Оренбургскій 5,6%, Дерптскій 2,0%, Варшавскій 13,2%, Западную Сибирь 2,2%, Восточную Сибирь 0,9% и Туркестанскій край 0,1%.

До какой степени число существующихъ у насъ училищъ не соответствуетъ пространству имперіи вообще и учебныхъ округовъ—въ отдѣльности, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: для всей имперіи одно училище приходится на 735 кв. в., а, въ отдѣльности, для учебныхъ округовъ одно училище приходится: въ С.-Петербургскомъ на 848 кв. в., въ Московскомъ на 101 кв. в., въ Харьковскомъ на 157 кв. в., въ Казанскомъ на 267 кв. в., въ Виленскомъ на 72 кв. в., въ Кіевскомъ на 90 кв. в., въ Одесскомъ на 142 кв. в., въ Оренбургскомъ на 961 кв. в., въ Дерптскомъ на 161 кв. в., въ Варшавскомъ на 34 кв. в., въ Западной Сибири на 5,120 кв. в., въ Восточной Сибири на 43,467 кв. в., въ Туркестанскомъ краѣ на 28,380 кв. верстъ. Отсюда видно, что среднее разстояніе одного училища отъ другаго, составляетъ около 27 верстъ для всей имперіи, измѣняется по учебнымъ округамъ такъ: въ Варшавскомъ, Виленскомъ, Кіевскомъ, Московскомъ, Одесскомъ, Харьковскомъ, Дерптскомъ и Казанскомъ разстояніе это колеблется между 6 и 17 верстами, въ С.-Петербургскомъ и Оренбургскомъ оно простирается отъ 29 до 31 версты, а въ Западной Сибири, Туркестанскомъ краѣ и Восточной Сибири—отъ 71 до 208 верстъ. Такимъ образомъ, сравнительно большее число училищъ по отношенію къ пространству принадлежитъ Варшавскому округу, который этия обязанности преобразованіямъ, совершившимся по учебной части сего округа со времени изданія Высочайшаго указа 30-го августа 1864 года о народномъ образованіи въ царствѣ Польскомъ.

Весьма малое число училищъ по отношенію къ пространству въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ и Оренбургскомъ, а особенно въ Западной Сибири, Туркестанскомъ краѣ и Восточной Сибири объясняется огромными незаселенными пространствами на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ нашихъ, которыя входятъ въ составъ губерній и областей сихъ округовъ и управленій.

По отношенію къ 82 милліонному населенію губерній и областей, входящихъ въ составъ 10-ти учебныхъ округовъ и управленій Восточной и Западной Сибири, а также Туркестанскаго края, приходилась 1 школа на 3,299 жителей, то-есть на 229 болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году и 1 учащійся на 77 жителей, то-есть на 3 чело-вѣка болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году ¹⁾. Вообще же отношеніе числа учащихся къ населенію составляло 1,2% и измѣнялось по учебнымъ округамъ такъ: въ С.-Петербургскомъ округѣ оно составляло 1,4%, въ Московскомъ 1,6%, въ Харьковскомъ 1,5%, въ Казанскомъ 1,0%, въ Виленскомъ 1,5%, въ Кіевскомъ 0,7%, въ Одесскомъ 1,6%, въ Оренбургскомъ 1,2%, въ Дерптскомъ 1,0% ²⁾, въ Варшавскомъ 2,8%, въ Западной Сибири 0,3%, въ Восточной Сибири 0,3%; въ Туркестанскомъ краѣ 0,05%. Слѣдовательно, сравнительно болѣе процентъ учащихся по прежнему принадлежитъ учебнымъ округамъ Варшавскому, Московскому и Одесскому и сравнительно менѣе—Кіевскому учебному округу, Западной и Восточной Сибири. Въ Туркестанскомъ краѣ, въ которомъ только въ отчетномъ году собственно положено начало правильной организаціи народныхъ школъ, процентъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, оканчивается наименьшимъ.

Изъ 12.300,000 населенія, которое приходится на школьный возрастъ, то-есть отъ 7 до 14 лѣтъ ³⁾, во всей имперіи только 8,6% или почти 1/11 часть посѣщали школы. Въ отдѣльности, по учеб-

¹⁾ Собственно въ отчетномъ году число учащихся по отношенію къ населенію было нѣсколько значительнѣе, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, въ отчетъ за который не были включены данныя, касающіяся состоянія народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ; включеніе же этихъ данныхъ въ настоящій отчетъ, при весьма маломъ, сравнительно съ 3 милліоннымъ населеніемъ сего края, числѣ учащихся въ немъ, неблагоприятно повліяло на цифру, выражающую отношеніе общаго числа учащихся ко всему населенію.

²⁾ Не считая учащихся въ школахъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

³⁾ Принимая, что 15% населенія принадлежитъ къ школьному возрасту.

нимъ округамъ, естественно, болѣе выгодныя въ этомъ отношеніи проценты падаютъ на тѣ изъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ болѣе благоприятнымъ оказывается отношеніе числа учащихся къ населенію. Такимъ образомъ, на Варшавскій учебный округъ падаетъ 18,8%, на Московскій 10,7%, на Одесскій 10,7%, на Виленскій 10,4%, на Харьковскій 10,1%, на С.-Петербургскій 9,3%, на Оренбургскій 8,2%, на Казанскій 7,7%, на Дерптскій 7,5%, на Кіевскій 5,3%, на Западную Сибирь 2,4%, на Восточную Сибирь 2,1%, и на Туркестанскій край 0,3%.

По различію половъ, отношеніе числа учащихся къ населенію вообще и къ школьному возрасту въ особенности представляется крайне неравномернымъ: изъ 40 милліоновъ всего мужскаго населенія приходится 1 учащійся на 45 и изъ 42 милліоновъ женскаго населенія 1 учащійся на 222 человѣка, а въ школьномъ возрастѣ изъ 6 милліоновъ мужскаго населенія приходится 1 учащійся на 6 и изъ 6.300.000 женскаго населенія 1 учащійся на 33.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ оказывается число существующихъ у насъ школъ столь недостаточнымъ, что при нормальномъ посѣщеніи училищъ всѣми дѣтьми школьнаго возраста, на каждое училище приходилось бы по 494 учащихся, то-есть почти въ 8 разъ болѣе того числа, которое можетъ быть допущено безъ вреда для успѣшнаго преподаванія. Не менѣе недостаточнымъ представляется и число учащихся въ начальныхъ училищахъ по отношенію къ населенію вообще и школьному возрасту въ особенности, такъ какъ, при посѣщеніи училищъ всѣми дѣтьми школьнаго возраста, 1 учащійся долженъ приходиться менѣе чѣмъ на 7 человѣкъ, то-есть почти въ 11 разъ менѣе того числа жителей, на которое приходится у насъ 1 учащійся, а общее число учащихся должно бы возрасти на 91,4%, или, другими словами, увеличиться въ 11 почти разъ.

Такой общій недостатокъ учащихся, при значительно большемъ числѣ ихъ въ мужскомъ населеніи сравнительно съ женскимъ, представляется далеко не одинаковымъ по различію половъ. Тогда какъ въ мужскомъ населеніи, при нормальномъ посѣщеніи училищъ всѣми учащимися, число учащихся должно увеличиться въ 6 разъ, въ женскомъ населеніи такое увеличеніе, въ данномъ случаѣ, должно быть въ 33 раза.

Незначительность образовательнаго вліянія нашей народной школы выражается не только въ недостаточномъ числѣ учащихся по отношенію къ населенію вообще и къ школьному возрасту въ особен-

ности, но и въ большемъ числѣ выбывающихъ изъ школъ до окончанія курса. Такимъ образомъ, въ 1877 году число выбывшихъ изъ начальныхъ школъ простиралось до 197,888 и составляло 18,5% общаго числа учащихся, тогда какъ число окончившихъ курсъ въ этихъ школахъ не превосходило 88,255 и составляло 8,2% общаго числа учащихся. Въ виду такихъ фактовъ, усиленіе образовательнаго вліянія школы составляетъ постоянно одну изъ главныхъ заботъ министерства народнаго просвѣщенія. Полагая въ основаніе всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ этой цѣли, правильное развитіе школы, оно тѣмъ успѣшнѣе въ настоящее время можетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, что здравая мысль о необходимости для успѣховъ школьнаго обученія правильной организаціи самой школы стала проникать во всѣ слои общества. Министерство народнаго просвѣщенія давно предупредило эту мысль общества, начавъ еще съ 1870 года учреждать двухклассныя и одноклассныя училища на средства казны съ пособіемъ отъ мѣстныхъ обществъ, земскихъ учреждений и частныхъ лицъ. Что эти училища вполне удовлетворяютъ своему назначенію, видно изъ увеличивающихся съ каждымъ годомъ заявленій со стороны земствъ и сельскихъ обществъ о желаніи ихъ имѣть подобныя училища. Къ 1-му января 1878 года число училищъ, учрежденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, простиралось до 878, въ томъ числѣ 282 двухклассныхъ, 506 одноклассныхъ и 90 ипородческихъ. Въ 1877 году изъ вышесказанныхъ училищъ учреждено 91, въ томъ числѣ 27 двухклассныхъ, 50 одноклассныхъ и 14 ипородческихъ, изъ которыхъ 11 открыты среди ипородческаго-языческаго населенія уфимской губерніи, и тѣмъ положено прочное начало просвѣщенію этихъ ипородцевъ-язычниковъ, сочувственно принявшихъ вновь открытыя школы. Число учащихся въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія возрастаетъ по мѣрѣ открытія этихъ училищъ. Въ отчетномъ году, среднимъ числомъ, приходилось по 85 учащихся на каждое двухклассное министерское училище, не говоря уже о томъ, что во многихъ изъ двухклассныхъ училищъ приливъ желающихъ поступить въ оныя такъ былъ значителенъ, что нельзя было и принять всѣхъ безъ ущерба педагогическимъ и гигиеническимъ условіямъ училищъ. Такимъ быстрымъ развитіемъ училища эти обязаны правильной организаціи своей какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Но независимо отъ того, двухклассныя училища имѣютъ еще и то преимущество, что, давая окончившимъ въ нихъ курсъ право на трехлѣтнюю льготу по воинской повинности, они, вмѣстѣ

съ тѣмъ, доставляютъ дѣтямъ, сельскаго населенія болѣе полное и законченное элементарное образованіе, сравнительно съ другими сельскими начальными училищами, а, съ другой стороны, замѣняютъ отчасти и приготовительные классы при учительскихъ семинаріяхъ, такъ какъ, согласно съ принятою министерствомъ народнаго просвѣщенія системою, ученики, окончившіе курсъ въ сихъ училищахъ и изъявившіе желаніе поступить въ учительскія семинаріи, получаютъ особня, отъ 3 до 5 руб. въ мѣсяцъ, стипендіи изъ средствъ сего министерства и готовятся для поступленія въ семинаріи подъ руководствомъ своихъ учителей. Мѣра эта оказалась настолько полезною, что, послѣ того какъ стали открываться двухклассныя сельскія училища въ югозападныхъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской, она распространена, согласно Высочайшему повелѣнію, и на сія губерніи. Всего въ отчетномъ году при двухклассныхъ училищахъ въ губерніяхъ, не имѣющихъ земскихъ учрежденій, готовилось къ поступленію въ семинаріи 164 ученика, которымъ выдано на стипендіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 8,502 р. Что же касается двухклассныхъ училищъ въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями, то при нихъ, кромѣ стипендіатовъ, приготовлявшихся къ поступленію въ учительскія семинаріи на средства министерства, содержались съ такою же цѣлію стипендіаты многими изъ земствъ и притомъ въ значительномъ числѣ, какъ, на примѣръ, въ одномъ Саксаганскомъ двухклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія, Екатеринбургской губерніи, обучалось 19 такихъ стипендіатовъ.

Въ инородческихъ училищахъ учебное дѣло, вслѣдствіе малаго знакомства учащихся съ русскимъ языкомъ, не могло идти такъ успѣшно, какъ въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, но, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ назначенія въ нихъ преподавателями лицъ, знакомыхъ съ мѣстными языками, это затрудненіе постепенно устраняется. Въ двухклассныхъ же сельскихъ училищахъ, гдѣ преобладающій элементъ учащихся составляютъ инородцы, успѣху преподаванія особенно содѣйствуетъ назначеніе учителями воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ Казанской учительской семинаріи, имѣющей цѣлю, между прочимъ, готовить учителей для инородческихъ школъ. Вообще, сельскія училища, учреждаемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія, и особенно двухклассныя, по своей правильной организаціи, достаточному снабженію учебными пособиями и по удов-

летворительному составу преподавателей, принадлежать въ лучшимъ начальнымъ училищамъ.

Послѣ министерскихъ училищъ, какъ по степени удовлетворительности въ выполненіи учебной программы начальныхъ училищъ, такъ и по обеспеченію въ средствахъ содержанія, второе мѣсто въ ряду народныхъ училищъ принадлежитъ начальнымъ городскимъ училищамъ разныхъ наименованій и содержимымъ на разные средства. Всѣ они, по мѣрѣ возможности, болѣе или менѣе правильно организованы и обеспечены въ своемъ содержаніи, а потому состояніе въ нихъ учебной и хозяйственной частей можетъ считаться довольно удовлетворительнымъ.

Наконецъ, третій и самый многочисленный отдѣлъ начальныхъ народныхъ училищъ составляютъ сельскія одноклассныя училища, содержимыя земствами, сельскими обществами и частными лицами, а также церковно-приходскія школы. Учебная программа, установленная положеніемъ 25-го мая 1874 года для начальныхъ народныхъ училищъ, не во всѣхъ этихъ училищахъ выполняется въ одинаковомъ объемѣ: въ однихъ она выполняется съ усиѣхомъ во всемъ ея объемѣ, тогда какъ въ другихъ—все преподаваніе ограничивается только обученіемъ грамотѣ. Самый существенный недостатокъ этихъ училищъ въ учебномъ отношеніи заключается въ томъ, что учителями во многихъ изъ нихъ состоятъ лица, мало подготовленныя къ своей обязанности. Для устраненія этого недостатка, весьма неблагоприятнаго на ходъ учебнаго дѣла, служатъ слѣдующія мѣры: 1) пополненіе учительскаго контингента, по мѣрѣ возможности, воспитанниками, кончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, 2) учрежденіе кратковременныхъ педагогическихъ и дополнительныхъ курсовъ при учительскихъ семинаріяхъ, въ видахъ ознакомленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ съ рациональными способами первоначальнаго обученія, 3) устройство при нѣкоторыхъ дирекціяхъ училищъ кабинетовъ учебныхъ пособій и педагогическихъ библиотекъ съ цѣлю доставить учителямъ начальныхъ народныхъ училищъ возможность ознакомиться съ новѣйшими учебными пособиями, причемъ, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, сообщаются этимъ учителямъ надлежащія по сему предмету разъясненія. Подобныя педагогическія библиотеки и коллекціи учебныхъ пособій открыты въ отчетномъ году, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, и при многихъ начальныхъ училищахъ, и 4) педагогическія указанія, дѣлаемыя учителямъ инспекторами народныхъ училищъ при посѣщеніи сихъ

училищъ. Другое зло, отъ котораго страдаетъ учебное дѣло вообще въ сельскихъ школахъ — это одновременное поступленіе учащихся, кратковременность учебнаго времени и значительное число выбывающихъ до окончанія курса. Мѣры, къ которымъ для устраненія этого зла обращалось учебное вѣдомство, доселѣ состояли преимущественно въ разъясненіи инспекторами народныхъ училищъ сельскимъ властямъ и обществамъ необходимости одновременнаго поступленія учащихся въ школу и правильнаго посѣщенія ими классовъ въ учебное время, но мѣры эти далеко не всегда достигали желательныхъ результатовъ, не смотря даже на то, что нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, сельскія общества составляли добровольные приговоры, которыми обязывались правильно посылать дѣтей своихъ въ школу.

Немалымъ также препятствіемъ къ успѣшному ходу учебнаго дѣла во многихъ сельскихъ школахъ служитъ весьма неудовлетворительное состояніе ихъ библіотекъ, не смотря на то, что дирекція училищъ и училищные совѣты снабжаютъ, по мѣрѣ возможности, библіотеки начальныхъ училищъ руководительными книгами для учителей и учебными пособиями. Озабочиваясь устраненіемъ такого существеннаго недостатка нашихъ начальныхъ школъ, министерство народнаго просвѣщенія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выслало въ отчетномъ году въ разныя училища книгъ и учебныхъ пособій на сумму до 42,893 р. Сверхъ того, имѣя въ виду, что въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, по исключительнымъ мѣстнымъ условіямъ, особенно требуется усиленіе средствъ, облегчающихъ учителямъ начальныхъ училищъ правильное употребленіе русской разговорной и письменной рѣчи, министерство народнаго просвѣщенія, съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, приобрѣло для безмезднаго снабженія библіотекъ начальныхъ училищъ сего округа 3,050 экземпляровъ изданной въ Варшавѣ книги подъ заглавіемъ „Практическія правила русскаго правописанія“, употребивъ на то 1,125 рублей изъ собственныхъ средствъ. Общимъ числомъ, въ отчетномъ году начальными училищами приблизительно приобрѣтено до 550,000 книгъ на сумму 250,000 руб., въ томъ числѣ приобрѣтено: двухклассными училищами до 60,000 книгъ на сумму 26,000 руб. и одноклассными училищами до 490,000 книгъ на сумму 224,000 руб. Такимъ образомъ, по среднему выводу, на каждое начальное училище приходится по 22 книги — на сумму 10 р.; а въ отдѣльности: на каждое двухклассное училище по 109 книгъ — на сумму 47 руб. и на каждое одноклассное училище по 20 книгъ — на сумму 9 рублей.

Принимая мѣры къ обезпеченію научныхъ интересовъ народной школы, министерство народнаго просвѣщенія постоянно руководилось мыслью, что въ основѣ этихъ интересовъ должно лежать религіозно-нравственное образованіе учащихся, которое народная школа можетъ дать только при условіи правильнаго преподаванія въ ней закона Божія. Между тѣмъ, изъ отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ видно, что во многихъ школахъ преподаваніе закона Божія не въполнѣ соотвѣтствуетъ важному значенію этого предмета, а потому, независимо отъ частныхъ распоряженій, сдѣланныхъ по поводу сказанныхъ отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія признано необходимымъ изыскать способы, которые могли бы поставить во всѣхъ народныхъ школахъ уровень преподаванія закона Божія на подобающую сему предмету высоту, и съ этою цѣлію затребованы отъ попечителей учебныхъ округовъ подробныя свѣдѣнія о тѣхъ училищахъ, въ коихъ законъ Божій или совсѣмъ не преподается или преподается свѣтскими лицами, а не мѣстными священниками.

Наконецъ, къ числу средствъ, увеличивавшихъ въ отчетномъ году образовательное вліяніе и практическое значеніе народной школы, должны быть причислены слѣдующія: учрежденіе при многихъ школахъ вечернихъ занятій для взрослыхъ и значительное приращеніе такихъ школъ, въ коихъ введено обученіе пѣнію, ремесламъ и гимнастикѣ.

На содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ въ 1877 году было израсходовано 7.229,589 руб., то-есть болѣе на 726,165 руб. или на 11⁰/₀, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Изъ общей суммы, употребленной въ 1877 году на содержаніе начальныхъ училищъ, приходилось: на средства государственнаго казначейства около 14⁰/₀, городскихъ и сельскихъ обществъ около 41⁰/₀, земствъ около 34⁰/₀ и на взносы, пожертвованія и другіе источники около 11⁰/₀.

Въ отдѣльности, на содержаніе двухклассныхъ училищъ употреблено до 852,151 руб., или около 11⁰/₀ и одноклассныхъ 6.377,438 р. или около 89⁰/₀ общей суммы. Среднимъ числомъ, на каждое двухклассное училище приходится 1,552 руб., то-есть на 52 руб. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году и на каждое одноклассное 262 р., то-есть на 29 руб. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Средняя стоимость обученія одного учащагося составляла: въ двухклассныхъ училищахъ 18 руб. а въ одноклассныхъ 6 руб.

Не смотря на увеличеніе средняго содержанія, достаточно обез-

печенными могутъ считаться только двухклассныя училища. Что же касается одноклассныхъ училищъ, то настоящее среднее содержаніе ихъ, составляя только половину того, которое можетъ быть признано достаточнымъ, распредѣлено между ними далеко не такъ равномерно, какъ въ двухклассныхъ училищахъ. Вслѣдствіе чего, многія изъ одноклассныхъ училищъ до того ограничены въ своихъ средствахъ, что лишены возможности имѣть достаточно подготовленныхъ учителей, необходимыя учебныя пособія и соотвѣтственное помѣщеніе. Такое положеніе училищъ вызывало необходимость мѣръ, служащихъ къ обезпеченію ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Въ числѣ такихъ мѣръ видное мѣсто занимаетъ состоявшееся 22 октября 1877 года законоположеніе о предоставленіи попечителямъ и почетнымъ блюстителямъ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, избираемымъ въ сія званія изъ крестьянъ, преимуществъ, коими пользуются должностныя лица волостнаго и сельскаго управленія. Законоположеніе это особенно благопріятствуетъ интересамъ училищъ въ томъ смыслѣ, что, привлекая къ занятію сказанныхъ званій болѣе достойныхъ и полезныхъ лицъ изъ крестьянъ, побуждаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сихъ лицъ содѣйствовать къ благосостоянію школъ, такъ какъ заботливостію о нуждахъ школъ обусловливается самое право ихъ на сія званія. Для нѣкоторыхъ изъ начальныхъ училищъ необходимо было назначить постоянныя пособія въ видѣ добавочной суммы къ содержанію ихъ. Такія пособія изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества назначены были въ количествѣ 550 руб. для 7 училищъ, находящихся въ губерніяхъ: Архангельской, Костромской и Сувальской. Независимо отъ сего, министерство народнаго просвѣщенія оказывало наиболѣе нуждающимся изъ начальныхъ училищъ единовременныя денежныя пособія. Но, естественно, пособій этихъ было недостаточно для удовлетворенія всѣхъ пуждающихся училищъ, а потому директоры и инспекторы народныхъ училищъ заявляли, по мѣрѣ надобности, объ училищныхъ потребностяхъ земствамъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ, которыя выразили съ своей стороны заботливость о народномъ образованіи, какъ увеличеніемъ содержанія, такъ и улучшеніемъ помѣщеній многихъ начальныхъ училищъ. Особенно заботливое участіе въ этомъ отношеніи заявили земства Вятской губерніи, употребившія въ отчетномъ году болѣе 220,000 руб. собственно на содержаніе начальныхъ училищъ и вообще на улучшеніе элементарнаго образованія въ губерніи. Благодаря заботливости земствъ, при сель-

скихъ училищахъ стали болѣе и болѣе устраиваться особия помѣщенія для учениковъ—изъ отдаленныхъ мѣстностей, а съ увеличеніемъ содержаніи училищъ нѣсколько повысились и преподавательскіе оклады, которые для учителей и учительницъ одноклассныхъ училищъ въ отчетномъ году приблизительно могутъ быть выражены въ слѣдующихъ процентныхъ отношеніяхъ: число учителей и учительницъ, получающихъ жалованье не менѣе 100 рублей, составляетъ около 15% общаго числа преподающихъ въ этихъ училищахъ; получающихъ отъ 100 до 200 руб. около 40%, получающихъ отъ 200 до 300 руб. около 30% и получающихъ свыше 300 руб., около 15%. Такимъ образомъ, число учителей и учительницъ, имѣющихъ оклады менѣе 100 руб., составляетъ 15% общаго числа ихъ; такой же процентъ падаетъ на число учителей и учительницъ, имѣющихъ оклады свыше 300 руб., тогда какъ въ предшествовавшемъ году число первыхъ составляло 18%, а вторыхъ 11%. Слѣдовательно, число учителей и учительницъ, имѣющихъ оклады менѣе 100 руб., уменьшилось на 3%, а имѣющихъ оклады свыше 300 руб., возросло на 4%.

Не менѣе заявили сочувствія въ интересамъ школы многія изъ частныхъ лицъ всѣхъ сословій. Одни изъ нихъ содержали на свой счетъ училища не только одноклассныя, ¹⁾ какъ князь Васильчиковъ—въ Тамбовской губерніи (Лебедянского уѣзда), но и двухклассныя министерства народнаго просвѣщенія, какъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Мальцевъ и купецъ Морозовъ—во Владимірской губерніи; другіе, держа училища, содержали на свой счетъ и учащихъ въ нихъ, какъ г. Муханова въ Тульской губерніи (Новосильскаго уѣзда) и крестьянинъ Назарій Меѳодіевъ—въ Костромской губерніи (Юрьевоцкаго уѣзда); третьи, наконецъ, сдѣлали значительныя единовременныя пожертванія, какъ землевладѣлецъ Веригинъ—въ Уфимской губерніи, принесшій въ даръ подъ народную школу въ селѣ Архангельскомъ, Уфимскаго уѣзда, принадлежавшее ему родовое усадебное мѣсто со всѣми находящимися на немъ постройками, на принятіе котораго въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія пожеловало Высочайшее соизволеніе Вашего Императорскаго Величества; землевладѣлица Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи, Нарышкина, построившая каменный домъ для двухкласснаго училища; почетная гражданка Соболева—въ Ярославской губерніи, пожертвовав-

¹⁾ Здѣсь поименованы только тѣ лица, пожертванія которыхъ были не менѣе 1000 руб.

шая каменный домъ подъ пріютъ и школу для дѣтей Волгаръ; Московскій цѣховой мастеръ Сѣровъ, устроившій домъ для начальнаго училища въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи; С.-Петербургскій купецъ Медвѣдевъ, внесшій капиталъ въ 6 т. руб., съ тѣмъ, чтобы изъ образовавшихся процентовъ съ этого капитала содержалось училище въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Особенно значительныя пожертвованія въ отчетномъ году сдѣланы частными лицами въ пользу начальныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, простирающіяся въ общей сложности на сумму до 56,000 р. не считая въ томъ числѣ такихъ пожертвованій, цѣнность коихъ не обозначена.

Ваше Императорское Величество, обративъ Всемилюстивѣйшее вниманіе на нѣкоторыя изъ болѣе значительныхъ пожертвованій, въ пользу школы, соизволили: 1) на присвоеніе начальному народному училищу министерства народнаго просвѣщенія въ с. Поцѣлуевѣ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи, наименованія „Александровскаго“, въ честь Августѣйшаго имени Вашего Императорскаго Величества, причемъ Солецкій 2-й гильдіи купецъ, Александръ Богдановъ, сдѣлавшій значительныя пожертвованія на устройство и содержаніе сего училища, удостоенъ Высочайшей благодарности и 2) на принатіе подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества великаго князя Сергія Александровича. Кундышево-Володинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища, открытаго въ деревнѣ Шиловѣ, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, на счетъ капитала въ 18 т. руб., пожертвованнаго С.-Петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ Сергѣемъ Володинымъ.

Такая высокая честь, оказываемая съ высоты трона народной школѣ, составляя знаменательный фактъ въ жизни этой школы, усугубляетъ дѣятельность ея въ выполненіи подлежащей ей высокой задачи—быть проводникомъ народнаго образованія. Будучи глубоко убѣжденъ, что усиленное выполненіе такой задачи возможно для нашей школы только при правильной организаціи ея, я, со времени вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, постоянно заботился о томъ, чтобы придать народной школѣ характеръ правильно организованнаго учебнаго заведенія, которое должно развиваться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ спеціальныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Рядъ законоположеній объ учрежденіи учительскихъ семинарій, двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣще-

нія и, наконецъ, должностей директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ дали возможность постепенно учреждать новыя училища и преобразовывать старыя на основаніи принятой министерствомъ народнаго просвѣщенія системы, и въ настоящее время есть уже значительное число правильно организованныхъ училищъ, а директора и инспекторы народныхъ училищъ охраняютъ ихъ научныя и матеріальныя интересы.

При осуществленіи какъ вышесказанныхъ, такъ и другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ возвышенію народной нашей школы на подобающую ей высоту, министерство народнаго просвѣщенія постоянно встрѣчало содѣйствіе земствъ, городскихъ и сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія школъ. Вслѣдствіе такихъ условий, начальная народная школа наша съ каждымъ годомъ дѣлаетъ замѣтный шагъ впередъ въ смыслѣ правильного развитія.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

11. (25-го іюля 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ, что протоіерей Стефанъ Ивашутичъ, во исполненіе воли покойнаго сына его, окончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ съ званіемъ лекаря, коллежскаго ассесора Ивашутича, представилъ въ Московскій университетъ капиталъ въ пять тысячъ рублей, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ, на учрежденіе изъ процентовъ онаго при означенномъ университетѣ стипендіи имени сына его.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія лекаря, коллежскаго ассесора Николая Степановича Ивашутича“, при чемъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить протоіерея Ивашутича за означенное пожертвованіе.

12. (25-го іюля 1879 года). Объ учрежденіи преміи при Московскомъ университетѣ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что душеприкащикъ по завѣщанію Нарначева представилъ въ Московскій университетъ, согласно волѣ покойнаго, капиталъ въ посемпадцать тысячъ четыреста рублей, заключающійся

въ 5% билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ онаго преміи при Московскомъ университетѣ имени завѣщателя, выдаваемой чрезъ каждые два года за лучшее сочиненіе по естественнымъ наукамъ, медицинѣ, сельскому хозяйству и проч., по присужденію совѣта означеннаго университета.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, какъ на учрежденіе при означенномъ университетѣ „преміи имени Павла Васильевича Парначева“, такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить правила для этой преміи.

13. (25-го іюля 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Нижегородской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору Нижегородской гимназіи вдовою нижегородскаго 1-й гильдіи купца Александрой Ивановной Рѣдозубовой капитала въ 600 р., заключающагося въ двухъ 5% билетахъ государственнаго банка, одной стипендіи при названной гимназіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія бывшаго ученика Нижегородской гимназіи Александра Рѣдозубова“, при этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить учредительницу стипендіи.

14. (25-го іюля 1879 года). Объ учрежденіи стипендій и пособій при Московскомъ университетѣ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что душеприкащики по завѣщанію титулярнаго совѣтника Плотникова представили въ Московскій университетъ капиталъ въ двадцать тысячъ рублей, заключающійся въ государственномъ непрерывно-доходномъ билетѣ, на учрежденіе, изъ процентовъ сего капитала, при Московскомъ университетѣ двухъ стипендій, по 300 р. каждая, и на остальные 200 р.—пособій для уплаты за слушаніе профессорскихъ лекцій четырьмя бѣднѣйшими студентами, съ присвоеніемъ онимъ имени завѣщателя.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, на проценты съ означеннаго капитала,

стипендій и пособій, съ наименованіемъ ихъ „стипендія и пособія титулярнаго совѣтника Николая Плотникова“.

15. (3-го іюня 1879 года). Объ учрежденіи въ городѣ Динабургѣ женской прогимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Динабургѣ женской прогимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь князь Урусовъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Динабургѣ женской прогимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить, съ 1-го іюля 1879 г., въ городѣ Динабургѣ, женскую прогимназію, на точномъ основаніи положенія и штата, Высочайше утвержденныхъ 26-го мая 1869 г. для женскихъ прогимназій юго-западнаго края.

2) Дополнить ст. 22 сказаннаго положенія слѣдующимъ примѣчаніемъ: „лица женскаго пола, служація въ заведеніяхъ по сему положенію, пользуются тѣми же служебными правами, какія предоставлены подобнымъ лицамъ ст. 42 Высочайше утвержденного 24-го мая 1870 г. положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“.

3) Въ счетъ потребныхъ на содержаніе предполагаемой прогимназіи шести тысячъ пятисотъ рублей обратить, съ 1-го января 1880 г.: а) 700 р.—ассигнуемые по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ пособіе частному двухклассному женскому училищу въ городѣ Динабургѣ; б) 400 р.—отпускаемые нынѣ изъ свѣчнаго съ евреевъ сбора въ пособіе динабургскому женскому еврейскому училищу Хейфицъ; в) 300 р.—жертвуемые мѣстною городскою думою, и г) 500 р.—изъ имѣющаго производиться въ учреждаемой прогимназіи сбора за ученіе; а недостающіе затѣмъ одну тысячу девятьсотъ рублей отпускать съ 1880 г. изъ государственнаго казначейства, со внесеніемъ этого новаго расхода, въ общей суммѣ

(6,500 руб.), съ того же 1880 г., въ подлежащія подраздѣленія финансовыхъ смѣтъ названнаго министерства и съ показаніемъ въ п. п. б, в и г суммъ (400+3000+500) по тѣмъ же смѣтамъ пособіями государственному казначейству.

4) На содержаніе учреждаемой прогимназіи въ текущемъ году обратить означенныя въ п. п. а—г предыдущей статьи суммы, въ томъ количествѣ, сколько придется по расчету, за время съ 1-го іюля 1879 г. по 1-е января 1880 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

16. (20-го іюля 1879 года). Объ учрежденіи общества исторіи литературы въ Ригѣ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе общества исторіи литературы въ Ригѣ, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія, по бывшимъ примѣрамъ, утвердить уставъ сего общества.

17. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 5-й гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургской 5-й гимназіи, на собранный по подпискѣ капиталъ въ 1,000 руб., заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, одной стипендіи имени бывшаго директора сей гимназіи, тайнаго совѣтника Андрея Степановича Воронова, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

18. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи имени князя В. А. Долгорукова.

Въ память пятидесятилѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ Московскаго генераль-губернатора, князя В. А. Долгорукова, лица, служащаго въ среднихъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ уѣздныхъ и городскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія Московской губерніи, собранъ капиталъ въ 1,200 руб., ходатайствовали объ учрежденіи трехъ стипендіи имени князя Владиміра Андреевича Долгорукова, каковыя имѣютъ состоять въ выдачѣ, изъ процентовъ съ означеннаго капитала, по 20 руб.,

тремъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, обучающимся въ уѣздныхъ или городскихъ училищахъ города Москвы, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и приличной одежды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій. При семъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

19. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Александровской Серпуховской прогимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ пожертвованнаго гражданами гор. Серпухова и жителями Серпуховскаго уѣзда, въ память исполнившагося пятидесятилѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ Московскаго генераль-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова, капитала въ 1,000 р., заключающагося въ облигаціи восточнаго займа, одной стипендіи при Александровской Серпуховской прогимназій, съ наименованіемъ оной: „стипендія Московскаго генераль-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова“. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

20. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендій въ Камышинскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ собраннаго по подпискѣ служащими лицами въ Камышинскомъ реальномъ училищѣ и членами попечительства сего училища капитала въ 640 руб., заключающагося въ семи 5% билетахъ государственнаго банка, въ память чудеснаго спасенія Государя Императора отъ руки злодѣя 2-го апрѣля 1879 года въ С.-Петербургѣ, одной стипендіи при названномъ училищѣ съ наименованіемъ оной „Александровскою“.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

21. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Керченской Александровской мужской гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе,

на проценты съ представленнаго комендантомъ Керченской вѣрѣности, генералъ-маіоромъ Седергольмомъ, директору Керченской Александровской мужской гимназіи капитала въ 1,638 руб., пожертвованнаго Керченскимъ городскимъ обществомъ и заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа 1-го и 2-го выпусковъ, двухъ стипендій при названной гимназіи, въ память чудеснаго избавленія Государа Императора отъ руки злодѣя 2-го апрѣля 1879 года въ С.-Петербургѣ, съ наименованіемъ оныхъ „Александровскими“; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

22. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго общимъ собраніемъ членовъ астраханскаго общества взаимнаго кредита капитала въ 1,482 руб. 34 коп., по обращеніи его въ государственныя $\%$ бумаги, двухъ стипендій при Астраханскомъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи Астраханскаго общества взаимнаго кредита“; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

23. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ служащими по всѣмъ учрежденіямъ земскаго кредитнаго общества въ Царствѣ Польскомъ капитала въ 3,000 руб., заключающагося въ 5 $\%$ облигаціяхъ восточнаго займа, одной стипендіи при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа имени коллежскаго совѣтника Александра Прейса; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

24. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Бронштадтской Александровской женской гимназіи.

По случаю исполнившагося въ текущемъ году пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ начальника комисаріатской части

при Кронштадтскомъ портѣ, генералъ-лейтенанта Ивана Петровича Комаровскаго, родственники его, сослуживцы и многія лица изъ мѣстнаго общества, собравъ между собою по добровольной подпискѣ капиталъ въ 1,000 руб., ходатайствовали объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала, при Кронштадтской Александровской женской гимназій одной стипендіи, съ присвоеніемъ ей наименованія: „стипендіи Ивана Петровича Комаровскаго“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

25. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ Саратовской Маринской женской гимназій.

Саратовскій губернаторъ представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ учрежденіи на проценты съ пожертвованнаго городскими головами Саратовской губерніи капитала въ 1,000 руб. одной стипендіи имени бывшаго саратовскаго губернатора, нынѣ главнаго начальника тюремнаго управленія, тайнаго совѣтника Галкина-Врасскаго, въ Саратовской Маринской женской гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

26. (14-го августа 1879 года). О порядкѣ утвержденія въ званіи членовъ попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Въ дѣйствующемъ положеніи 24-го мая 1870 г. о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія не упоминается объ утвержденіи какою-либо властію членовъ попечительныхъ совѣтовъ сихъ заведеній.

Между тѣмъ, по заявленію начальства Московскаго учебнаго округа, во избѣжаніе происходящихъ на практикѣ неудобствъ, слѣдовало бы членовъ попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, по избраніи ихъ, согласно положенію, подлежащими сословіями, обществами или частными лицами, представлять къ утвержденію попечителей учебныхъ округовъ.

Имѣя въ виду, что необходимость подобнаго порядка признали, по затребованнѣмъ предварительно отзывамъ, и другія учебно-окружныя начальства, что вообще лица, служація по выборамъ, утверждаются въ своихъ должностяхъ или званіяхъ правительственною властію, и члены попечительныхъ совѣтовъ названныхъ заведеній составляютъ рѣдкое исключеніе изъ сего, — министръ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, входилъ со всеподданнѣйшимъ къ Государю Императору докладомъ, чтобы члены попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, по избраніи ихъ подлежащими условиями, обществами или частными лицами на три года (подобно предсѣдателямъ сихъ совѣтовъ), утверждались въ своихъ званіяхъ попечителемъ учебнаго округа, по представленіямъ тѣхъ же совѣтовъ, а равно и увольнялись тѣмъ же порядкомъ.

Государь Императоръ на сіе Высочайше соизволилъ.

27. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Варшавской 1-й гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ собраннаго чиновниками акцизнаго управленія Варшавской и Сѣдлецкой губерній, по добровольной подпискѣ, капитала въ 1,500 руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, одной стипендіи при Варшавской 1-й гимназій, съ наименованіемъ оной: „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Павловича Семенова“.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

28. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при университетѣ св. Владиміра.

Начальство Кіевского учебнаго округа донесло, что сослуживцы и почитатели бывшаго доцента университета св. Владиміра Афанасьева, нынѣ умершаго, собрали капиталъ въ двѣ тысячи шестьсотъ шестьдесятъ шесть рублей, ходатайствуя объ учрежденіи изъ процентовъ онаго одной стипендіи при медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра имени Афанасьева.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при

университетѣ св. Владиміра означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендію Николая Сергѣевича Афанасьева“; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

29. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.

Офицеры и классные чиповники 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка, желая увѣковѣчить добрую память сослуживца ихъ, покойнаго старшаго полковаго врача Віейко, пріобрѣтшаго свою дѣятельностью всеобщую любовь, собрали между собою, по добровольной подпискѣ, капиталъ въ тысячу рублей, на уплату изъ процентовъ этого капитала суммы за слушаніе лекцій однимъ изъ недостаточныхъ студентовъ Харьковскаго университета.

Вслѣдствіе донесенія о семъ начальства Харьковскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендію коллежскаго совѣтника Віейко“; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

30. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Ярославскихъ мужской и женской гимназіяхъ.

Душеприказчики умершаго коллежскаго ассесора А. Н. Анцырева, мать его, вдова коллежскаго ассесора А. Н. Анцырева и коллежскій совѣтникъ А. Н. Ждановъ, въ исполненіе воли завѣщателя, представили директору Ярославской гимназіи семь облигацій 2-го восточнаго займа и два государственныхъ 5% банковыхъ билета, всего одну тысячу восемьсотъ руб., для учрежденія, на счетъ процентовъ съ этого капитала, четырехъ стипендій имени завѣщателя Анцырева при Ярославской мужской гимназіи и шесть облигацій 2-го и 3-го восточнаго займа на сумму три тысячи триста руб., для учрежденія на счетъ процентовъ съ этого капитала четырехъ стипендій того же наименованія при Ярославской женской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій.

31. (19-го августа 1879 года). О присвоеніи учрежденной Владимірскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ стипендіи Имени Императора Александра Благословеннаго.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на присвоеніе учрежденной Владимірскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ стипендіи Имени Императора Александра Благословеннаго, временно, впредь до окончанія курса наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи того лица, которое впервые будетъ ею пользоваться, съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшее сохраненіе такового наименованія за упомянутою стипендіею зависѣло отъ взноса соответствующаго наличнаго капитала, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 28-го мая 1876 года.

32. (24-го августа 1879 года). О кредитѣ на содержаніе госпитальной клиники Харьковскаго университета при тамошней городской Александровской больницѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о кредитѣ, на содержаніе госпитальной клиники Харьковскаго университета при тамошней городской Александровской больницѣ; Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

За предсѣдателя государственнаго совѣта

Подписалъ: Адмиралъ Мѣтлинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ, на содержаніе госпитальной клиники Харьковскаго университета при тамошней городской Александровской больницѣ, мнѣніемъ положилъ: настоящее представленіе утвердить и, вслѣдствіе того: назначить по тысячѣ двѣсти рублей въ годъ на содержаніе госпитальной клиники Харьковскаго университета, учреждаемой при мѣстной городской Александровской больницѣ, съ тѣмъ, чтобы потребный на этотъ предметъ въ текущемъ году расходъ отнесенъ былъ на остатки отъ суммъ, ассигнованныхъ по § 5 дѣйствующей расходной смѣты на содержаніе Харьковскаго университета: на будущее же съ 1880 г. время, предоставить министерству народнаго просвѣщенія

вносить означенный расходъ, на общемъ основаніи, въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ сего министерства.

Подлинное подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

№ 8. (4-го іюля 1879 года). Назначается: директоръ Константиновскаго мехжеваго института, тайный совѣтникъ Апухтинъ—попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Утверждается: тюменскій 1-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ Подаруевъ—почетнымъ попечителемъ Тюменскаго реальнаго училища на три года, съ 1-го іюля 1879 года.

Командируются: за границу съ ученою цѣлію: старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Ромбергъ—на два мѣсяца и адъютантъ-астрономъ сей обсерваторіи Гасельбергъ—на одинъ мѣсяць.

Увольняется въ отпускъ за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Немировской гимназіи, въ должности шталмейстера двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Строгоповъ—на шесть мѣсяцевъ (Высочайшее повелѣніе 26-го іюня 1879 года).

(№ 9). 25-го іюля 1879 года. Утверждаются на три года, съ мая мѣсяца 1879 года: отставной генералъ-маіоръ Ежовъ и отставной есаулъ Иловайскій—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Урюпинскаго и послѣдній—Новочеркаскаго.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доценту Харьковскаго ветеринарнаго института Остапенко—на три мѣсяца, сверхъ лѣтнаго вакаціоннаго времени 1879 года.

Командируется за границу: помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Ивановъ—на три мѣсяца.

Продолжается срокъ отпуска за границу: члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Невѣрову—на одинъ мѣсяць, по болѣзни.

Увольняется въ отпускъ: попечитель Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь

Мещерскій — на шесть недѣль, въ разныхъ губерніи Россіи (Височ. повел. 8-го іюля 1879 года).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (23-го іюня 1879 года). Инструкція преподавателямъ для болѣе правильнаго веденія упражненій въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Для успѣшнаго хода преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ необходимо, чтобы въ преподаваніи этого предмета принимали участіе всѣ учителя безъ исключенія. Всѣ они должны требовать отъ учениковъ, начиная съ пригготовительнаго класса, отвѣтовъ, выраженныхъ полными предложеніями, точно и правильно. Преподаватели же, задающіе какіе бы то ни было письменныя работы, должны внимательно исправлять орфографическія и стилистическія ошибки, не пропуская ни одной. Обязанность слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого требованія возлагается на директоровъ, инспекторовъ и въ особенности классныхъ наставниковъ гимназій и прогимназій.

2) Желательно, чтобы въ низшихъ классахъ преподаваніе латинскаго и отечественнаго языковъ соединялось въ рукахъ одного преподавателя, но изъ числа преподавателей древнихъ языковъ такихъ, которые могутъ вести вполне успѣшно преподаваніе русскаго языка.

3) Во время пропускаемыхъ по какой-либо случайной причинѣ уроковъ и тѣмъ же предметомъ не замѣщаемыхъ, слѣдуетъ въ младшихъ классахъ занимать повѣрочнымъ диктантомъ, а въ старшихъ письменными переводами или изложеніемъ прочитаннаго на урокахъ древнихъ языковъ. Эти диктанты могутъ производить директоръ, инспекторъ и даже помощники классныхъ наставниковъ. Какъ диктанты, такъ и темы для письменныхъ изложеній долженъ давать заблаговременно, съ одобренія педагогическаго совѣта, учитель русскаго языка и исправлять сдѣланныя учениками работы.

4) Вознагражденіе за трудъ исправленія письменныхъ упражненій должно быть распредѣляемо равномерно труду преподавателей и соотвѣтствовать числу классовъ, въ которыхъ преподаетъ учитель: въ младшихъ классахъ слѣдуетъ платить приблизительно отъ 20 до 40

руб. (смотря по числу учениковъ), а въ 4-хъ старшихъ отъ 30 до 50, (также соразмѣрно съ числомъ учениковъ). Точный же размѣръ вознагражденія за исправленіе ученическихъ работъ опредѣляется въ началѣ каждаго учебнаго года педагогическимъ совѣтомъ и утверждается попечителемъ учебнаго округа.

5) Весьма желательно устройство литературныхъ бесѣдъ съ участіемъ въ нихъ учебнаго начальства и по возможности всѣхъ преподавателей, съ тѣмъ, чтобы предметомъ ихъ были сочиненія не только по русской словесности въ тѣсномъ смыслѣ, но и по всѣмъ другимъ предметамъ гимназическаго курса.

6) Въ виду тѣхъ же цѣлей, къ которымъ стремились въ данномъ вопросѣ германскіе педагоги, слѣдуетъ ввести устные сочиненія (freie Vorträge) по предметамъ русской литературы, древнихъ языковъ, исторіи и другихъ предметовъ, съ тѣмъ однако, чтобы, 1-е, подготовленіе не слишкомъ затрудняло учениковъ и, 2-е, отъ учениковъ не требовали бы красоты изложенія (легко переходящаго въ фразерство), а только ясности и правильности.

Въ виду подготовки къ нимъ учениковъ, учителя другихъ предметовъ должны обращать вниманіе во всѣхъ классахъ на то, чтобы ученики излагали уроки связно, правильнымъ языкомъ, а учитель русскаго языка съ младшихъ классовъ долженъ обращать вниманіе на выразительное чтеніе и произношеніе заученныхъ стихотвореній.

7) Слѣдуетъ обратить большее, чѣмъ до сихъ поръ, вниманіе на переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ. Переводы и изложеніе содержанія прочитаннаго на урокахъ древнихъ языковъ могутъ служить удобнымъ матеріаломъ для классныхъ упражненій въ старшихъ классахъ, упражненій, ограниченныя часомъ времени.

8) Желательно, чтобы большее, сравнительно съ теперешнимъ, количество темъ касалось изучаемаго въ классахъ древнихъ языковъ, дабы матеріалъ этотъ, такъ сказать, входилъ въ плоть и кровь учащихся; для облегченія же учителя русскаго языка, имѣющаго въ своемъ распоряженіи такъ мало уроковъ, темы для такихъ сочиненій могъ бы разрабатывать преподаватель латинскаго или греческаго языковъ.

9) Minimum и maximum письменныхъ упражненій должны назначать въ началѣ каждаго учебнаго года классная коммиссія и педагогическій совѣтъ гимназій или прогимназій, соотвѣтственно составу классовъ и характеру темъ; когда и въ какомъ порядкѣ педагогическій совѣтъ долженъ обсуждать темы, заранѣе объяснено въ цирку-

лярѣ министерства народнаго просвѣщенія, отъ 30-го сентября 1878 года № 10,401.

10) Необходимо обязать всѣхъ преподавателей русскаго языка и словесности доставлять по окончаніи каждаго учебнаго года, чрезъ педагогическій совѣтъ, попечителю учебнаго округа, для напечатанія въ циркулярахъ округа, свѣдѣнія о томъ: а) какія темы даны были ученикамъ для самостоятельныхъ сочиненій въ истекшій учебный годъ въ классахъ отъ V-го до VIII-го включительно; б) сколько описаній, повѣствованій и переложеній было сдѣлано въ младшихъ классахъ, съ распредѣленіемъ по классамъ; в) давались ли въ младшихъ классахъ темы для самостоятельныхъ сочиненій и какія именно?

9. (18-го августа 1879 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Ярославской губернской мужской гимназій имени умершаго коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) При Ярославской губернской мужской гимназій учреждаются четыре стипендіи имени умершаго коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева на счетъ % съ капитала въ 1,800 р., пожертвованнаго покойнымъ Анцыревымъ и заключающагося въ семи 5% облигаціяхъ втораго восточнаго займа и двухъ 5% билетахъ государственнаго банка 4-го выпуска.

3) Пожертвованный капиталъ хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Ярославской губернской гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіями пользуются четверо изъ учениковъ гимназій, преимущественно родственниковъ жертвователя, а за неимѣніемъ такихъ, бѣднѣйшіе ученики этой гимназій православнаго исповѣданія, безъ различія званія, оказывающіе хорошіе успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе, и именуется „стипендіатами коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева“.

4) Стипендіи назначаются стипендіатамъ со времени поступленія ихъ въ гимназію.

5) Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту гимназій, но съ согласія душеприкащиковъ жертвователя: Анны Николаевны Анцыревой и коллежскаго совѣтника Жданова, а послѣ ихъ смерти, наслѣдниковъ ихъ.

6) Проценты съ означеннаго капитала обращаются въ уплату за ученіе стипендіатовъ, а могушіе образоваться отъ процентной суммы остатки выдаются стипендіатамъ на учебныя пособія:

7) Стипендіаты пользуются стипендіею до окончанія курса ученія, или выхода ихъ по какимъ либо причинамъ изъ гимназій, но и во время пребыванія въ заведеніи могутъ быть лишены стипендіи по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію, вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта заведенія и съ утвержденія душеприкащиковъ и ихъ наслѣдниковъ.

8) По окончаніи гимназическаго курса стипендіаты не подлежатъ никакимъ обязательствамъ.

10. (18-го августа 1879 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Ярославской губернской женской гимназій имени умершаго коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) При Ярославской женской гимназій учреждаются четыре стипендіи имени умершаго коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева на счетъ $\frac{1}{10}$ съ капитала въ 3,300 р., пожертвованнаго покойнымъ Анцыревымъ и заключающагося въ шести 5% именныхъ облигаціяхъ втораго и третьяго восточныхъ займовъ.

2) Пожертвованный капиталъ хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Ярославской женской гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіями пользуются четыре изъ ученицъ гимназій, преимущественно родственницъ жертвователя, а за неимѣніемъ таковыхъ и бѣднѣйшія изъ ученицъ этой гимназій православнаго исповѣданія, безъ различія званія, оказывающія хорошіе успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе, и именуются „стипендіатками коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева“.

4) Стипендіи назначаются стипендіаткамъ со времени поступленія ихъ въ гимназію.

5) Выборъ стипендіатокъ предоставляется попечительному совѣту гимназій, по съ согласія душеприкащиковъ жертвователя: Анны Николаевны Анцыревой и коллежскаго совѣтника Александра Николаевича Жданова, а послѣ ихъ смерти, наслѣдниковъ ихъ.

6) Проценты съ означеннаго капитала обращаются въ уплату за ученіе стипендіатокъ обязательнымъ предметамъ и одному, по ихъ желанію, иностранному языку; а могущіе образоваться отъ процентной суммы остатки выдаются стипендіаткамъ на учебныя пособія.

7) Стипендіатки пользуются стипендіями до окончанія курса гимназій или выхода ихъ изъ оной по какимъ либо причинамъ; по и во время пребыванія въ заведеніи могутъ быть лишены стипендіи по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію, вслѣдствіе опредѣленія о томъ попечительнаго совѣта заведенія и съ утвержденія душеприказчиковъ и ихъ наслѣдниковъ.

8) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатки не подлежатъ никакимъ обязательствамъ.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 11. (7-го іюля 1879 года). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теофилактовъ—вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 30-го мая 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Стояновъ—вновь деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Незаби товскій—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи, докторъ богословія Ивапцовъ—Платоновъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ, съ 12-го мая 1879 года.

Доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ политической экономіи и статистики Антоновичъ—профессоромъ сего института по кафедрѣ политической экономіи, статистики и законовѣдѣнія, съ 1-го іюля 1879 года.

Инспекторъ Ченстоховской мужской прогимназій, статскій совѣтникъ Воронковъ—директоромъ Квѣлецкой мужской гимназій, съ 23-го іюня 1879 года.

Директоръ С.-Петербургской второй прогимназій, коллежскій со-

вѣтникъ Гофманъ—директоромъ С.-Петербургской седьмой гимназій, преобразованной изъ сей прогимназій, съ 1-го іюля 1879 года.

Наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, надворный совѣтникъ Андреяновъ—наставникомъ-руководителемъ въ гимназій при семъ институтѣ, съ 20-го іюня 1879 года, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Исправляющій должность директора Свислочской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Гедеоновъ—въ сей должности, со 2-го іюня 1879 года.

Назначаются: Инспекторъ Тобольской гимназій, магистръ богословія Пановъ—исправляющимъ должность директора училищъ Тобольской губерніи, съ 20-го іюня 1879 года.

Инспекторы прогимназій: Ташкентской, коллежскій совѣтникъ Япко и Вѣрненской, коллежскій совѣтникъ Новакъ—исправляющими должность директоровъ сихъ прогимназій, преобразованныхъ изъ четырехклассныхъ въ шестиклассныя, съ 1-го іюля 1879 года.

Управляющій приказомъ о ссыльныхъ въ Тюмени, статскій совѣтникъ Кузовниковъ, кушцы: директоръ тюменскаго городского общественнаго банка Колокольниковъ, Трусовъ, Тюфинъ, членъ товарищества пароходства по рѣкамъ Западной Сибири, Бѣлевскій купецъ Игнатовъ и Войновъ—членами попечительства Тюменскаго реальнаго училища, на три года, съ 1-го іюля 1879 года.

Опредѣляется: дѣлопроизводитель V-го класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Аннинъ—сверхъ настоящей должности, членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ 1-го іюля 1879 года.

Опредѣляются на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: кандидатъ Императорскаго Московскаго университета баронъ Павелъ Черкасовъ, съ назначеніемъ сотрудникомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 5-го іюня 1879 года.

Изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ Бѣлицкій, съ утвержденіемъ директоромъ Острогской прогимназій, съ 1-го іюля 1879 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Новобургской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Щеревскій, съ 1-го марта 1879 года.

Продолжается срокъ командировки въ Россіи: экстраординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета,

коллегскому совѣтнику Крылову по 15-е августа 1879 года и исправляющему должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Голстунскому—по 15-е сентября 1879 года.

Командируются съ ученою цѣлію въ Россіи: хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго университета Св. Владимира Армашевскій—въ Волынскую губернію, на полтора мѣсяца, профессора сего университета: ординарный, Алексѣевъ—въ Крымъ и на Кавказъ, на два мѣсяца, и экстраординарный, Бобрецкій—въ Крымъ, на лѣтнее вакаціонное время 1879 года, и того же университета: лаборантъ химической лабораторіи Варзилдовскій—въ Пятигорскъ и хранитель зоологическаго кабинета Совинскій въ Крымъ, на три съ половиною мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на двадцать восемь дней: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, статскій совѣтникъ Гришинъ—въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ: директоръ С.-Петербургской Введенской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Груздевъ—въ Костромскую губернію и директоры реальныхъ училищъ: Новгородскаго, статскій совѣтникъ Кошелёковъ—въ С.-Петербургъ и Москву, и Ровенскаго коллежскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко—въ Кіевскую и Подтавскую губерніи.

На полтора мѣсяца: директоръ Каменецъ-Подольской гимназіи, статскій совѣтникъ Должиковъ—въ гор. Москву и южныя губерніи.

На время лѣтнихъ вакацій, до 1-го августа 1879 года: директоръ Смоленской гимназіи, состоящій при V классѣ Гобза—въ Москву и Калугу, исправляющій должность директора Устьмедвѣдичской гимназіи Миротворцевъ—въ разныя губерніи, директоры учительскихъ институтовъ: Екатерининскаго въ Тамбовѣ, статскій совѣтникъ Поповъ—въ Московскую губернію и Вѣлгородскаго, коллежскій совѣтникъ Дарионовъ—въ Казань и на южный берегъ Крыма и директоры учительскихъ семинарій: Вольской, статскій совѣтникъ Зимницкій и Воронежской, коллежскій совѣтникъ Захаровъ—въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года: директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дедаповъ—въ Калужскую губернію, директоры гимназій:

С.-Петербургской шестой, статскій совѣтникъ Пустонскій—во внутреннія губерніи и Кронштадтской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янишъ—въ Ревель, директоры реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маріинскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ и Вольскаго, статскій совѣтникъ Можайскій—въ разныя губерніи и Зарайскаго, надворный совѣтникъ Аристовъ—въ г. Москву и Кострому, директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, коллежскій ассесоръ Котельниковъ—въ разныя губерніи и начальница Рыбинской Маріинской женской гимназіи Ланская—въ г. С.-Петербургъ, Москву и Смоленскъ; изъ нихъ Пустонскій и Котельниковъ по болѣзни.

По 10-е августа 1879 года: директоръ Екатеринбургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ—въ Пермскую губернію.

На два мѣсяца: директоръ Астраханскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петерманъ—въ г. Москву Гродненскую губернію.

На три мѣсяца: окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ Фокковъ—во внутреннія губерніи по болѣзни, считая сей отпускъ съ 1-го іюня 1879 года.

За границу: на двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Симоненко, по болѣзни, съ 27-го іюля 1879 года.

На полтора мѣсяца: доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Неметти.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года: лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета, лекаръ Крамштыкъ и учитель Кіевской первой гимназіи, коллежскій ассесоръ Урбанъ.

На два мѣсяца: надзиратель общей ученической квартиры Кіевской второй гимназіи, коллежскій секретарь Фoa и врачъ Бердичевскаго двухкласснаго городского училища, титулярный совѣтникъ Ротенбергъ; первый по болѣзни.

По 13-е сентября 1879 года: помощникъ бібліотекаря Императорскаго университета св. Владиміра Андерсонъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать восемь дней: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Нейгебауэръ.

На три мѣсяца: почетный попечитель Астраханскаго реального училища, коллежскій ассесоръ Хлѣбниковъ, по болѣзни.

Увольняются отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Георгій фонъ-Эттингенъ, за выслугою срока, съ 7-го іюля 1879 года, съ утвержденіемъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора.

Директоръ Ростовскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Каменскій, согласно прошенію, съ 20-го іюня 1879 года.

Директоръ Коростышевской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Пасада, за выслугою срока.

Дозволяется носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный: бывшему начальнику Ломжинской учебной дирекціи, дѣйствительному статскому совѣтнику Новикову.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: боровскому уѣздному предводителю дворянства Курносову—за пожертвованія въ пользу Рыбинскаго сельскаго начальнаго народнаго училища Боровскаго уѣзда.

Почетному блюстителю Новоладожскаго двухкласснаго женскаго училища Старикову—за усердіе его къ дѣлу народнаго образованія.

Крестьянину села Полошкова, Калужской губерніи, Нивовскому—за пожертвованіе въ пользу мѣстнаго сельскаго начальнаго народнаго училища.

Исключается изъ списковъ умершій: попечитель Варшавскаго учебнаго округа, сенаторъ, тайный совѣтникъ Витте.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. исполнившимъ обязанности товарища министра, постановлено—книгу подъ заглавіемъ: „Словарь къ Олипоскимъ рѣчамъ и филиппикамъ Демосоепа. Составилъ Вячеславъ Ракушанъ, преподаватель Екатеринодарской гимназіи. С.-Петербургъ, 1877 г. цѣна 60 коп.“—допустить какъ пособіе по греческому языку въ тѣхъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ не окажется полнаго греческо-русскаго словаря.

— Т. I книги: „Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи. Меккендзи и Эрби съ предисловіемъ Гладстона. Въ 2 томахъ, съ англійскаго. С.-Петербургъ 1878 г.“—одобрить для пріобрѣтенія въ основныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Первую часть книги подъ заглавіемъ: „Учебникъ математической и физической географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. фонъ Бооль, съ 59 рисунками въ текстѣ. Кіевъ, 1879 г. Цѣна 75 коп., а именно,—отдѣлъ математической географіи“—допустить въ число пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Словарь особенностей греческихъ діалектовъ дорическаго, эолійскаго, іоническаго и аттическаго, съ образцами этихъ діалектовъ. Пособіе при чтеніи греческихъ классиковъ. Сост. по Гедерику, Папе и Коссовичу Ф. Добрянскій. Вильна, 1879 г. Цѣна 1 р.“—допустить къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ составленную В. Воленсомъ книгу: „Собраніе ариометическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариометики. Въ двухъ частяхъ. Изд. 9-ое, вновь исправленное и пересмотрѣнное. Спб. 1878“—призналъ возможнымъ допустить названную книгу въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ. Съ таковымъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. товарищъ министра.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, выслушавъ утвержденное опредѣленіемъ святѣйшаго синода заключеніе духовно-учебнаго комитета о книгѣ законоучителя историко-филологическаго института князя Безбородко священника Хойнацкаго: „Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Воляни. Житомиръ, 1878 г.“,—призналъ возможнымъ одобрить оную для бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Почетитель Виленскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства: 1) что при общемъ представленіи лицъ гражданскаго вѣдомства г. Вильны Государю Императору, 16-го сего августа, въ вокзалѣ желѣзной дороги, Его Императорскому Величеству благоудно было осчастливить директора Виленскаго Маринскаго высшаго женскаго училища, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тупылева, вопросомъ: „сколько у васъ учащихся“, на что послѣдній имѣлъ счастье отвѣчать Его Величеству, что во вѣренномъ ему училищѣ состоитъ 523 ученицы; 2) воспитанницы этого училища встрѣтили Его Величество у стѣны своего зданія и во время проѣзда мимо усыпали путь цвѣтами; 3) 17-го августа, въ день Высочайшаго посѣщенія Государемъ Императоромъ города Гродно, къ 3 часамъ пополудни, ученики тамошней гимназіи, какъ донесъ директоръ оной, статскій совѣтникъ Татлинъ, по соглашенію съ г. губернаторомъ, были приведены и попарно разставлены на военномъ полѣ у павильона желѣзной дороги. Классные наставники, въ полной формѣ, находились при отдѣленіяхъ въ двадцать паръ. Его Императорское Величество, возвратясь послѣ Высочайшаго смотра въ павильонъ, изволилъ направить коня къ мѣсту, гдѣ былъ директоръ съ воспитанниками гимназіи, подѣхавши, соблаговолилъ осчастливить директора вопросомъ: „гимназія?!“ и, по воспослѣдовавшемъ съ его стороны отвѣтѣ, изволилъ шагомъ проѣхать всю колонну, давая, такимъ образомъ, гимназистамъ возможность весьма близко видѣть священную Особу возлюбленнаго Монарха. Въ срединѣ колонны Его Императорское Величество изволилъ милостиво обратиться къ гимназистамъ съ словомъ: „здравствуйте“, на что послѣдовало „здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству“, и поле огласилось дружнымъ „ура“. Такое милостивое вниманіе Его Императорскаго Величества, какъ доноситъ директоръ, гимназіею принимается за высочайшее счастье, о которомъ всегда съ чувствомъ благоговѣйной признательности будутъ вспоминать учащіе и учащіяся въ ней.

— Въ послѣднюю бытность въ Брестъ-Литовскѣ, городъ этотъ былъ осчастливленъ, 24-го сего августа, посѣщеніемъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.

На пути слѣдованія Его Величества съ военнаго поля на станцію

желѣзной дороги поставлены были ученицы Брестскаго частнаго 4-хласснаго женскаго училища, ученики же прогимназиі съ инспекторомъ, учителями и помощниками классныхъ наставниковъ находились при входѣ на станцію желѣзной дороги. Его Величество, проѣзжая на конѣ мимо воспитанниковъ прогимназиі, изволилъ осчастливить ихъ милостивыми словами: „здравствуйте дѣти“, на что ученики, поклонившись, отвѣчали „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество“; затѣмъ сойдя съ коня и прослѣдовавъ чрезъ станцію, Его Величество, уже изъ вагона, увидавъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, изволилъ позвать его и милостиво спрашивать объ учебныхъ заведеніяхъ г. Бреста и о томъ „хорошо ли идетъ дѣло“, на что тайный совѣтникъ Сергіевскій имѣлъ счастье доложить Его Величеству, что дѣло идетъ удовлетворительно.

— Его Величество Государь Императоръ, въ 19-й день текущаго августа, соизволилъ осчастливить Варшавскій институтъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ своимъ посѣщеніемъ. Встрѣченный у подъѣзда института попечителемъ округа тайнымъ совѣтникомъ А. Л. Апухтинымъ и звѣдывающимъ симъ учебнымъ заведеніемъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Панлонскимъ, Государь Императоръ изволилъ подняться по лѣстницѣ, войти въ музыкальный залъ и выслушать народный гимнъ, исполненный оркестромъ учащихся слѣпыхъ, съ аккомпаниментомъ хора, составленнаго изъ слѣпыхъ дѣвочекъ. Выслушавъ музыку оркестра слѣпыхъ, Его Величество изволилъ перейти въ слѣдующій залъ и осмотрѣть выставленныя тамъ издѣлія, работы воспитанниковъ и воспитанницъ заведенія, обучающихся разнымъ ремесламъ, послѣ чего, въ общемъ залѣ глухонѣмыхъ, Государю Императору благоугодно было слушать произношеніе первыхъ звуковъ вновь поступившихъ въ заведеніе глухонѣмыхъ дѣтей, и затѣмъ осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ педагогическій музей института и портняжскую и сапожную мастерскія. Посѣщеніе Его Величествомъ института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ продолжалось двадцать минутъ. При отбываніи изъ заведенія, Государь Императоръ соизволилъ произнести слова: „Я доволенъ, что видѣлъ это заведеніе“.

У подъѣзда Его Величество былъ окруженъ всѣми воспитанниками и воспитанницами института и оркестромъ слѣпыхъ, игравшимъ народный гимнъ. Тысячи народа собравшагося передъ институтскимъ зданіемъ, огласили воздухъ восторженнымъ „ура“.

— 8 и 14-го истекшаго августа Ораніенбаумское городское училище удостоила своимъ посѣщеніемъ Ея Императорское Высочество

Государыня Великая Княгиня Екатерина Михайловна. Въ послѣдній изъ этихъ дней Ея Императорское Высочество соизволила пробить въ училищѣ весь утренній урокъ (отъ 9 до 10 ч.) и прослушала занятія учителей 3-го и 2-го классовъ и учителя закона Божіи, въ классѣ котораго изволила лично предлагать вопросы ученикамъ.

— 12-го августа сего года въ с. Хотушахъ, Тульской губерніи и уѣзда послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Въ день открытія принято въ училище 63 мальчика и 9 дѣвочекъ.

— 1-го августа открыты одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ сел. Каменномъ и м. Высоцкѣ, Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи.

— Того же числа открыто одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ мѣстечкѣ Козинѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Департаментомъ народнаго просвѣщенія переданы комиссіонеру департамента народнаго просвѣщенія, книгопродавцу Глазупову въ С.-Петербургѣ, для продажи, печатные экземпляры „Списка лицамъ, служащимъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія на 1879—1880 учебный годъ“.

ОСКІЯ НАДПИСИ.

И. Цвѣтаевъ. Сборникъ осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологій и глоссаріемъ. Кіевъ, 1877 г.

Sylogoe Inscriptionum oscarum ad archetyporum et librorum fidem edidit Iohannes Zvetajeff. Pars prior textum interpretationem glossarium continens. Petropoli, MDCCCLXXVIII. Pars posterior tabulas continens. Lipsiae. MDCCCLXXXVIII.

Оба сочиненія, заглавія которыхъ выставлены выше, представляютъ результатъ заграничной поѣздки автора, состоящаго нынѣ профессоромъ римской словесности въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Предметъ, изслѣдованію котораго они посвящены, составляетъ существенную сторону занятій ученаго, посвящающаго свои силы изученію формальной стороны латинской рѣчи, особенно въ ея историческомъ развитіи. Дѣйствительно, работы въ области древнѣйшаго періода латинскаго языка немыслимы безъ изученія италійскихъ діалектовъ, и преимущественно оскаго и умбрскаго, въ которыхъ мы находимъ весьма много явленій, близко сходныхъ съ явленіями архангической латыни, объясняемыхъ этими послѣдними и въ свою очередь ихъ объясняющихъ. Неразрывность изученія италійскихъ діалектовъ съ изученіемъ древнѣйшаго латинскаго языка подтверждается, кромѣ теоріи, и практикой: ученые, сдѣлавшіе въ послѣднее время значительнѣйшіе успѣхи въ методической разработкѣ италійской діалектологіи — Корсенъ и Бюхелеръ — оказали, особенно первый въ своемъ гигантскомъ трудѣ: „Ueber die Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinischen Sprache“, большія услуги изученію древнѣйшаго періода латинской рѣчи. И г. Цвѣтаевъ приступилъ къ

часть ссв, отд. 2.

своимъ сскимъ студіямъ послѣ предварительнаго занятія формами древнѣйшаго латинскаго языка, результатомъ котораго была его почтенная статья: Къ вопросу постепенности развитія падежныхъ формъ въ латинскомъ языкѣ, помѣщенная въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1875 года. Статья эта, составленная на основаніи новыхъ трудовъ по исторіи латинскаго языка, преимущественно же на основаніи извѣстнаго изслѣдованія проф. Вухелера: „Grundriss der lateinischen Declination“, показываетъ въ авторѣ ученаго, близко знакомаго съ предметомъ, осторожнаго и выработавшаго извѣстный, опредѣленный методъ изслѣдованія.

Встрѣтившись во время своего путешествія по Италіи лицомъ къ лицу съ остатками древне-италійскаго міра, г. Цвѣтаевъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые болѣе другихъ были ему знакомы по предварительнымъ занятіямъ, на надписи, рассматривая ихъ сколько по содержанію, столько же и по языку. Въ послѣднемъ отношеніи для него особенно любопытны были древнѣйшіе эпиграфическіе памятники латинской рѣчи и надписи италійскихъ діалектовъ. Еще и прежде, какъ заявляетъ г. Цвѣтаевъ въ предисловіи къ русскому сочиненію, стр. III,—изъ теоретическаго знакомства съ ученою литературою оскаго языка онъ вынесъ убѣжденіе въ томъ, что необходима точная провѣрка по оригиналамъ тѣхъ снимковъ съ оскихъ надписей, надъ которыми трудились многочисленные филологи, по преимуществу нѣмецкіе. Исполнить эту провѣрку удалось автору во время путешествія по Италіи и Сициліи въ 1875 году. Тамъ онъ ознакомился, по возможности, со всѣми памятниками оскаго діалекта, сдѣлавъ съ нихъ тщательно исполненные снимки, которые показали, что нѣкоторые памятники въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ издавались не вполне точно, а, слѣдовательно, и дѣлавшіеся изъ нихъ выводы не были безусловно вѣрными. Частные результаты своихъ занятій оскими памятниками сообщалъ г. Цвѣтаевъ въ различныхъ италіанскихъ ученыхъ изданіяхъ: „Giornale degli scavi di Pompei, Bulletino dell' Istituto di corrispondenza archeologica и др. По окончаніи собранія и провѣрки оскихъ памятниковъ, находившихся въ Италіи, сводя свои работы въ одно, г. Цвѣтаевъ пришелъ къ слѣдующему выводу: „Разпочтенія въ надписяхъ, добытыя личнымъ изслѣдованіемъ оригиналовъ, равно какъ и открытіе нѣсколькихъ новыхъ, не замѣченныхъ или не сполна читанныхъ другими, подали поводъ къ мысли приготовить полное изданіе оскихъ надписей“. Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ увезены изъ Италіи и находятся въ музеяхъ Ан-

глии, Франціи, Германіи, Россіи, то г. Цвѣтаевъ обратился къ компетентнымъ ученымъ съ просьбою сообщить ему самыя точныя снимки съ хранящихся въ ино-италианскихъ музеяхъ оскихъ памятниковъ. Благодаря участию этихъ ученыхъ, онъ могъ сдѣлать свое собраніе по возможности полнымъ.

Чтобъ оцѣнить значеніе трудовъ г. Цвѣтаева въ изученіи оскаго нарѣчія и его памятниковъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ изученіи на западѣ, преимущественно въ Италіи и Германіи.

I.

До половины прошлаго столѣтія оскихъ надписей было извѣстно весьма немного, и потому онѣ не возбуждали особеннаго вниманія ученыхъ, которые, хотя ихъ и издавали, но рѣдко пытались угадать и объяснить ихъ смыслъ и значеніе. Такъ, De Vit, издавшій въ 1754 г. древніе памятники Беневента (*Thesaurus Antiquitatum Beneventanarum, Romae*) и помѣстившій въ I т. на стр. LXI Append. надпись, найденную въ *Maschie*, не могъ даже отгадать настоящаго положенія буквъ (онъ помѣстилъ надпись верхъ ногами) и указать, къ какому діалекту долженъ быть отнесенъ изданный имъ памятникъ; онъ говорилъ лишь вообще: *aliquid certe haec tabula Samnitici spirat redivasque maiorum nostrorum litteras ostentat*. Если же нѣкоторые и пытались читать и объяснять оскіе памятники, то дѣлали это совершенно не методически и, естественно, приходили къ страннымъ результатамъ. Такъ, извѣстный и пользующійся уваженіемъ и доселѣ A. S. Mazocchi въ своей диссертациі: *Sopra l'origine de' Tirreni (Saggi di dissertazioni accademiche pubblicamente lette nella nobile accademia Etrusca dell' antichissima citta di Cortona. T. III, 1741)*; полной драгоцѣннѣйшихъ данныхъ для археолога, толковалъ на стр. 41 слѣдующимъ образомъ надпись, изданную у г. Цвѣтаева подъ № 41 (лат. и 38 русск.) *die tertia Merkedonii Caruae sacra*, считая ее за отрывокъ календаря. Если же время отъ времени ученые и наталкивались на вѣрное объясненіе, то оно являлось у нихъ результатомъ случайности, а никакъ не методическаго розысканія—такимъ путемъ можно объяснить, что первый издатель извѣстнаго *cirrus Abellanus, Remondini* угадалъ значеніе діакритическаго знака въ *u* и *i* (*o* и *ei*). Но современникъ и пріятель того же *Remondini Passeri*, извѣстный своими изслѣдованіями въ области этрусскаго языка, издавалъ эту надпись съ комментариемъ, не затрудняясь толковать ее какъ документъ тяжбы

о границахъ между жителями Ноны и Абеллы; по интерпретаціи Пассери, на спорную мѣстность былъ отправленъ нѣкто Тапціусъ, Ноланскій сенаторъ, военный трибунъ 1-го легіона, который, при содѣйствіи землемѣра и по справкѣ въ документахъ, рѣшилъ споръ, каковое рѣшеніе было во всеуслышаніе объявлено прекономъ.

Первую методическую попытку толкованія памятниковъ осаго нарѣчія сдѣлалъ Абатъ Луджи Ланци († 1810), единогласно признаваемый ученымъ, положившамъ первое начало наукообразному изученію италійскихъ діалектовъ. (См. его біографію, написанную G. V. Zanponi и помѣщенную въ Saggi, ed. Flor., 1824. Т. I). Капитальный трудъ Ланци подъ заглавіемъ: *Saggi di lingua Etrusca e di altre antiche d'Italia per servire alla storia de' popoli delle lingue e delle belle arti* (вышелъ впервые въ 1789 г. Мы пользуемся его перепечаткой во Флоренціи 1824 г. 3 voll. 8°), хотя и имѣетъ непосредственное отношеніе къ этрусскому языку, заключаетъ, однако, не мало данныхъ и относительно другихъ италійскихъ нарѣчій. Эрудиція, съ которой приступилъ къ своему труду Ланци, по истинѣ изумительна: не говоря о начитанности въ древнихъ текстахъ, свѣдѣнія Ланци въ памятникахъ вещественныхъ можно назвать безусловно полными: не было ни одного исписаннаго камня, ни одного предмета искусства, ни одной сколько-нибудь замѣчательной монеты, которая не выдалъ бы и которыми не воспользовался бы Ланци; съ памятниковъ же ему недоступныхъ онъ имѣлъ копіи, доставленныя ему Гори, Пассери и другими знаменитостями того времени. Рядомъ съ эрудиціей въ трудѣ Ланци замѣчается рѣдкое остроуміе, соединенное съ осторожностью, даръ острой комбинаціи вмѣстѣ съ трезвостью мысли, которая не позволяетъ себѣ увлекаться тамъ, гдѣ нѣтъ твердой почвы, воздерживается отъ обманчивыхъ, хотя и увлекательныхъ сопоставленій и рѣзко отдѣляетъ возможное и вѣроятное отъ истиннаго и положительно доказаннаго. Однимъ изъ самыхъ важныхъ выводовъ Ланци было распредѣленіе италійскихъ нарѣчій на отдѣльныя группы. До него, кромѣ латинскаго, отличались группы этрусская и пеласгическая—подъ которую подводились, безъ всякаго разграниченія, и памятники умбрскіе и оскіе и даже древне-латинскіе. Ланци первый отмѣтилъ классы, а слѣдовательно, и діалекты надписей: умбрскихъ, оскихъ, вольскихъ, марсіеискихъ, мессапскихъ, евганейскихъ, пиценскихъ и др. Правда, онъ не совсѣмъ точно опредѣлилъ взаимное отношеніе этихъ діалектовъ, и въ особенности ихъ отношеніе къ языку этрусскому, но тутъ вина не Ланци, а его времени, не знав-

шаго еще о методѣ сравнительнаго языковѣдѣнія. Другою важною заслугою Ланци было выдѣленіе памятниковъ древнѣйшей латипской рѣчи и указаніе той роли, которую они должны играть при объясненіи неизвѣстныхъ италійскихъ діалектовъ. Этимъ Ланци далъ твердую почву для ихъ дальнѣйшаго методическаго изученія, почву, которая и доселѣ признается единственно прочною. Затѣмъ Ланци первый сдѣлалъ попытку палеографическаго изслѣдованія италійскихъ письменъ въ сравненіи съ древнѣйшими греческими, намѣтилъ немало вопросовъ фонетики и морфологій, угадалъ истинное значеніе многихъ италійскихъ словъ и выраженій. Изученіе его труда не лишено извѣстнаго интереса и въ настоящее время. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на ряду съ отмѣченными достоинствами, въ трудѣ Ланци немало и недостатковъ. Иные изъ нихъ происходятъ отъ невѣрнаго чтенія текстовъ, иные отъ неудачныхъ сопоставленій и невѣрныхъ аналогій, иные отъ недостатка матеріала. Самымъ существеннымъ недостаткомъ является отсутствіе методическаго изслѣдованія языка, основаннаго на сравнительномъ языкоученіи. Какъ видно съ перваго взгляда, этотъ недостатокъ присущъ болѣе времени, въ которое работалъ Ланци, чѣмъ ему самому.

Трудъ Ланци и метода, имъ указанная, оказали огромное вліяніе на послѣдующее поколѣніе италіанскихъ археологовъ; нѣкоторые вѣрили въ Ланци безусловно даже въ очень недавнее время. Такое отношеніе объясняется отчасти незнакомствомъ съ трудами нѣмецкихъ ученыхъ, поставившихъ изученіе оскаго діалекта на строго научную почву, отчасти тѣмъ, что названные археологи, не посвящая своихъ силъ исключительно занятію италійскими діалектами, въ большинствѣ случаевъ являлись издателями вновь находимыхъ оскихъ памятниковъ, считавшими своею обязанностью и объяснять издаваемое. Между упомянутыми археологами слѣдуетъ отмѣтить: Гварини (Raimundo Guarini), Авеллино и Минервини. Нѣсколько словъ о ихъ дѣятельности будутъ не лишними. Первый, начавшій свои ученыя работы въ начальныхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, отличался необычайною производительностью; въ указателѣ, предпосланномъ Моммзеномъ его изданію надписей Неаполитанскаго королевства, исчислено до 55 сочиненій Гварини, археологическаго и преимущественно эпиграфическаго содержанія, изъ коихъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, *Ricerche sullo antica citta di Eclano*, довольно значительнаго объема. Ученыя заслуги Гварини Моммзенъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Онъ принесъ пользу двумя вещами: полнымъ собраніемъ

надписей своей родины Aesclanum, и тѣмъ, что издавалъ тотчасъ же тѣ памятники, которые открывались въ различныхъ мѣстахъ Неаполитанскаго королевства и о которыхъ ему сообщали его многочисленные знакомые. Но издавалъ онъ чрезвычайно неумѣло и небрежно, при чемъ эти недостатки увеличивались у него съ годами, и обуславливались совершеннымъ отсутствіемъ критики и сужденія". Издавая надписи, Гварини сопровождалъ ихъ болѣе или менѣе обширными и большею частью нигде негодными объясненіями. Заимствуя свою доктрину не изъ первоисточниковъ, а изъ вторыхъ рукъ, онъ нерѣдко къ ошибкамъ своихъ предшественниковъ присоединялъ свои собственные, происходившія часто изъ ихъ непониманія. Естественно, что въ изданіи и объясненіи оскихъ памятниковъ Гварини не могъ претендовать на самостоятельное и научное ихъ изслѣдованіе; но съ этимъ еще можно было бы примириться, еслибы сообщаемые Гварини тексты были издаваемы съ надлежащею точностью и умѣньемъ. Къ сожалѣнію, и этого нельзя сказать про него, такъ какъ онъ, получая хорошіе снимки, не умѣлъ ихъ издать надлежащимъ образомъ; надпись № 28: km. b(a)bbiis km., сообщенная Гварини, его пріятелемъ Cassitto въ этомъ же видѣ, передана первымъ (*Commentatio XI in Osca epigrammata nonnulla. Neap. 1830, p. 38*) такъ: KAN. VN. VN. B. BIZ. KAN. А вотъ и образчикъ переводовъ Гварини съ оскаго, дающій понятіе объ его свѣдѣніяхъ въ оскомъ языкѣ: надпись № 63 (русс. 59) переводитъ Гварини слѣдующимъ образомъ (*Comm. XI, p. 18*): C. Adiraius C. f. aedem quampiam Cereri Pompeianae testamento fieri iussit inde exstruxit C. Vinicius d. v. i. d. (=II vir iure dicundo) quaestor Pompeianus tert. demque decurionum decreto ipsamet dedit eidemque probavit. Тѣмъ не менѣе, благодаря отиѣченному выше обстоятельству, что въ трудахъ Гварини ученые впервые знакомились со многими важными памятниками, имя его долго приводилось и иногда приводится и теперь въ ученыхъ изслѣдованіяхъ; нѣкоторыя изъ его монографій выдержали даже нѣсколько изданій. Иное значеніе имѣетъ въ наукѣ ученый, имя котораго мы упомянули вслѣдъ за именемъ Гварини—Франческо Марія Авеллино († 1850). Многочисленные его монографіи (отчасти собранныя въ трехъ томахъ его *Opuscoli Napoli 1826—1836*) касаются археологій въ обширномъ значеніи этого слова; въ нихъ Авеллино разсуждаетъ и о пумизматикѣ, и объ эпиграфикѣ, и о древнемъ искусствѣ, вездѣ опираясь на точное и близкое знакомство съ древними памятниками и литературою, руководясь тонкимъ чутьемъ и осторожно приходя

къ выводамъ. Работы его по древне-италійской нумизматикѣ долгое время считались единственными въ этой области, и только въ недавнее время Карелли нѣсколько отодвинулъ ихъ на второй планъ. Весьма важны и труды Авеллино по археологiи искусства. Обладая энциклопедическою ученостью, онъ въ 1842 году основалъ журналъ: *Bullettino archeologico Napoletano*, продолжавшійся до 1848. Этотъ ежегодникъ представляетъ драгоценный репертуаръ свѣдѣній относительно разнообразныхъ предметовъ древности, находящихся преимущественно въ Неаполѣ; главнымъ участникомъ въ журналѣ былъ самъ его издатель. Всѣ объясненія, которыми онъ сопровождаетъ издаваемые имъ памятники, заслуживаютъ и до сихъ поръ вниманія, по обилію матеріала, въ нихъ заключающагося, и по осторожности выводовъ. Хотя Авеллино и не занимался спеціально оскимъ диалектомъ, тѣмъ не менѣе труды его и въ этой области не мало важны. Ему принадлежитъ честь сравнительно весьма точнаго и тщательнаго изданія нѣсколькихъ оскихъ надписей, которыя сопровождаются всегда остроумнымъ и нерѣдко вѣрнымъ толкованіемъ. Хотя при этомъ Авеллино не шелъ путемъ строгой методики (онъ стоялъ на пути, проложенномъ Ланци), тѣмъ не менѣе, благодаря своему чутью, рѣдко впадалъ въ особенно рѣзкіе промахи; тамъ же, гдѣ дѣло касалось объясненія реальнаго, какъ, напримѣръ, въ монографіи: *Conghetture sopra una iscrizione sannitica lette all' Accademia Ercolanese Napoli 1841. 4°*, онъ представлялъ соображенія и выводы, не лишеныя значенія и доселѣ.

Дѣятельность третьяго изъ вышеназванныхъ ученыхъ, Минервини, относится, правда, уже къ тому періоду, когда, послѣ появленія труда Моммзена: *Oskische Studien*, изученію оскаго языка было дано чисто научное направленіе. Мы присоединили Минервини къ разсмотрѣнной группѣ потому, что его ученая дѣятельность во многомъ напоминаетъ дѣятельность Авеллино. Подобно этому послѣднему, Минервини также занимался археологiей въ обширномъ значеніи этого слова и посвятилъ нѣсколько спеціальныхъ трудовъ нумизматикѣ, эпиграфикѣ, археологiи искусства. Онъ же въ 1852 г. сталъ продолжать остаповившійся въ 1848 г. *Bullettino archeologico Napoletano*; „новая серія“ этого журнала, продолжавшаяся восемь лѣтъ, включаетъ въ себѣ массу матеріала, въ высшей степени цѣннаго для археолога-классика. Въ сравненіи съ изданіемъ Авеллино, *Bullettino* Минервини оказывается уступающимъ по отношенію къ точности сообщеній и передачѣ издаваемыхъ памятниковъ, не говоря уже о томъ, что изслѣдованія Ми-

первини не отличаются тою глубиною доктрины и тѣмъ остроуміемъ, которыя присущи всѣмъ работамъ его предшественника. Въ приложеніи къ оскому діалекту, дѣятельность Минервини ограничилась издавіемъ вновь находимыхъ надписей, сопровождаемыхъ посильными объясненіями, изъ которыхъ, помимо немногихъ удачныхъ догадокъ, особенно важны тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ описанію памятника и обстановки, въ коей онъ былъ найденъ. Кромѣ того, дѣятельность Минервини важна еще и въ томъ отношеніи, что черезъ нее единственно, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, знакомялась съ многими оскими памятниками нѣмецкая наука.

Въ 1845 г., отдѣльнымъ оттискомъ изъ XIII тома основаннаго знаменитымъ Савиньи журнала *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, появилась книга Моммзена: *Oskische Studien*, положившая начало методическому изслѣдованію оскаго діалекта. Свои работы по италійской діалектологіи Моммзенъ продолжалъ и впослѣдствіи, болѣею частью въ различныхъ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ (*Annali* и *Bullettino del Instituto di corrispondenza archeologica* въ Римѣ, *Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zurich* и др.), и въ 1850 г. собралъ ихъ въ монументальное сочиненіе: *die unteritalische Dialekte*, служащее и теперь краеугольнымъ камнемъ въ изученіи италійскихъ діалектовъ. Не намъ вдаваться въ оцѣнку этого труда, для которой надобно обладать и доктриной и остроуміемъ Моммзена: мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя его особенности, оказавшія огромныя услуги дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, которые всѣ до единого въ своихъ штудіяхъ выходили и выходятъ изъ книги великаго учителя. То, что Моммзенъ нашелъ въ работахъ своихъ италіанскихъ предшественниковъ, было указано выше; нѣсколько болѣе сдѣлали до него нѣмецкіе ученые, и ровно ничего—французскіе. Изъ нѣмецкихъ предшественниковъ Моммзена слѣдуетъ отмѣтить: Кленце, К. О. Миллера, Гротефенда, Лепсиуса.—Ученыя заслуги Кленце, какъ романиста, общезвѣстны: его *fragmenta legis Serviliae repetundarum* (Berlin. 1825) представляютъ блестящій памятникъ его учености и дарованій, поучительный и нынѣ, не смотря на то, что изслѣдованія позднѣйшихъ ученыхъ во многомъ исправляли и опровергли взгляды и выводы автора. Точно также наглядательно и его, къ сожалѣнію, не оконченное изслѣдованіе: *das oskische Gesetz auf der Bantinschen Tafel*. (C. A. C. Klenze: *Philologische Abhandlungen* herausgeg. v. K. Lachmann. Berlin. 1839 p. 25—55). Въ немъ Кленце гениальнымъ чутьемъ, которымъ руководило вѣрное

сопоставленіе латинскихъ юридическихъ формулъ съ неизвѣстными осскими, угадалъ значеніе этихъ послѣднихъ, указалъ на нѣкоторыя грамматическія формы и смыслъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (такъ онъ фразу: *pr. suae praefucus pod post exae bansae fust* вѣрно перевелъ: *praetor sive praefectus posthac Bontiae fuerit* (см. Bücheler: *Oskische Bleitafel*. 1878, p. 55); въ пониманіи *pon ceustur bansae tovtam cenzaset, pis cevs bantins fust — quum censor Bantiae hanc censuerit qui civis Bantinus fuerit*, весьма немного удалился отъ истины). Еще болѣе значительны заслуги Кленце въ реальномъ объясненіи текста, при которомъ онъ выходилъ изъ основаній, положенныхъ Пибуромъ, и хотя послѣдующія изслѣдованія, въ особенности Кирхгофа и Ланге, во многомъ видоизмѣнили толкованія Кленце и даже привели къ иному взгляду на основное значеніе закона, изложеннаго на памятникѣ, тѣмъ не менѣе объясненіе Кленце должно считать положившимъ основаніе какъ правильному пониманію бантинской надписи въ частности, такъ и различныхъ сторонъ политическаго и бытоваго устройства Бантинцевъ вообще.—Одновременно съ Кленце на оскій языкъ обратилъ вниманіе К. О. Миллеръ, въ своей извѣстной книгѣ: *Die Etrusker* (1-е изд. Breslau, 1828; 2-е, совершенно переработанное изданіе, подъ редакціей W. Deecke: Stuttgart 1877—1878, 2 voll. 8°). Основываясь отчасти на мнѣніи Пибура, Миллеръ полагаетъ, что Оски и Латинцы были нѣкогда однимъ народомъ, и что латинскій языкъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ діалектомъ оскаго. Выводы изъ этого положенія дальнѣйшія слѣдствія, Миллеръ опирается на разсмотрѣніи алфавита Осковъ (при чемъ онъ невѣрно опредѣлялъ знаки для *d* и для *r*), ихъ фонетики, грамматическихъ формъ и значеніе нѣкоторыхъ словъ и фразъ (такъ, строку 17 sqq. бантинской надписи: *svae pis contrud exeic fefacust ionc svae pis herest meddis moltaum licitud ampert mistreis aeteis eituas licitud* онъ переводитъ: *si quis contra... fecerit hunc si quis volet (?) Meddik multare liceto*)... Перевода же или объясненія какогонибудь цѣльнаго оскаго памятника представить Миллеръ не пытался.—Названный трудъ Миллера вызвалъ къ замятію италійскими діалектами знаменитаго изслѣдователя клинообразнымъ письменъ Г. Ф. Гротефенда. Въ своихъ: *Rudimenta linguae umbricae*. Hannov. 1835 онъ подвергъ изслѣдованію остатки умбрскаго, а въ *rudimenta linguae oscae ex inscriptionibus antiquis enodata* 1839—1840, остатки оскаго говора. Оставившаяся на послѣдней книгѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней мы имѣемъ замѣчательное явленіе не столько по исполненію, сколько по

начинанію. Приемы лингвистическихъ изслѣдованій Гротефенда ошибочны въ корнѣ—хотя и тутъ, благодаря своей гениальности, Гротефендъ угадалъ не мало истиннаго—вслѣдствіе чего онъ приходитъ къ страннымъ толкованіямъ (такъ, над. № 160, русск. № 153, онъ переводитъ: *stenius calinius statii (filius) hic magae romam dicavit simul sivit qua medik ufens sanxit totum mamertinum (nomen) agere hic cho-gum*), совершенно не методически опредѣляетъ значеніе грамматическихъ формъ и т. п. Но рядомъ съ этимъ Гротефендъ оказалъ своей книгой услугу наукѣ въ томъ отношеніи, что онъ первый пришелъ къ мысли собрать всѣ извѣстные оскіе памятники въ отдѣльный сборникъ, подвергнуть каждый изъ нихъ въ цѣлости особому изслѣдованію и толкованію и уяснить темныя ихъ стороны чрезъ сопоставленіе. Особенное вниманіе обратилъ Гротефендъ на оскій алфавитъ, въ которомъ вѣрно угадалъ значеніе нѣкоторыхъ знаковъ. Въ 1841 году появляется замѣчательный трудъ К. Р. Лепсіуса: *Inscriptiones umbricae et oscae quotquot adhuc repertae sunt omnes. Lipsiae, 8°*, съ атласомъ in fol., по идеѣ совершенно схожій съ трудомъ Гротефенда, но имѣвшій гораздо болѣе значенія въ наукѣ. Лепсіусъ выходилъ изъ совершенно вѣрной мысли (вызвавшей между прочимъ и книгу г. Цвѣтаева) о томъ, что научное изслѣдованіе памятниковъ италійскихъ нарѣчій можетъ быть ведено съ успѣхомъ только тогда, когда самыя памятники будутъ изданы безукоризненно точно. Многие, между прочимъ и Гротефендъ, избѣгли бы значительнаго числа ошибокъ, еслибъ имѣли подъ руками вѣрные снимки (до чего иногда доходила ихъ неточность, прекрасно указано на примѣрахъ самимъ Лепсіусомъ: *praef.*, p. VIII, IX). Лепсіусъ воспользовался своимъ двухлѣтнимъ пребываніемъ въ Италіи для того, чтобы лично ознакомиться съ италійскими памятниками и снять съ нихъ по возможности вѣрные снимки; тѣ же памятники, которые ему не удалось видѣть, воспроизведены Лепсіусомъ на основаніи печатныхъ изданій. При каждомъ памятникѣ есть указаніе, гдѣ и когда онъ найденъ, и отмѣчена его литература. Такимъ образомъ изданы Лепсіусомъ, не считая монетъ, 47 осскихъ надписей, изъ коихъ нѣкоторыя, напримѣръ: (*deve deklune statom etc.*) впоследствии отнесены къ другимъ говорамъ. Моммзенъ, положившій тексты Лепсіуса въ основу своихъ *Oskische Studien*, хвалитъ точность его передачи, говоря, что, напримѣръ, въ *cippus Abellanus* новымъ издателемъ устранило до 250 ошибокъ. Однако, лично ознакомившись съ памятниками, онъ нѣсколько переиначилъ свое мнѣніе, ибо убѣдился, что снимки Лепсіуса не вездѣ безукоризненны и часто могутъ подать

поводъ къ ложнымъ выводамъ и заключеніямъ (Nachträge, p. 362); особенно это надобно сказать про *tabula Vantina*, между тѣмъ какъ *cirrus Abellanus* передаетъ, за исключеніемъ мелкихъ подробностей, весьма тщательно. Во всякомъ случаѣ, Лепсіусу принадлежитъ честь перваго научнаго изданія оскихъ памятниковъ. Къ текстамъ издатель отнесся не пассивно, но подвергъ ихъ строгой, и впоследствии не оправдавшейся, критикѣ; онъ заподозрилъ подлинность пяти памятниковъ (монетъ, къ которымъ издатель отнесся съ особенною строгостью, мы не считаемъ), между прочимъ онъ заподозрилъ камень изъ *Altilia* (Цвѣт. № 25, русск. 26), мессинскую надпись (Цвѣт. 160, русск. 153) и др. Въ большинствѣ случаевъ Лепсіусъ шелъ слишкомъ далеко въ своихъ подозрѣніяхъ (какъ курьезъ можно указать на то, что мессинскую надпись, изданную впервые въ 1624 г., Лепсіусъ считаетъ поддѣлкой XVIII в.), но все же въ нихъ нельзя не видѣть его остроумія, проникательности и доктрины. Кромѣ текстовъ, къ которымъ примыкаетъ весьма обстоятельное изслѣдованіе о монетахъ, въ книгѣ Лепсіуса помѣщены: розысканія объ умбрскомъ и оскомъ алфавитахъ, въ которыхъ впервые опредѣлено истинное значеніе знаковъ D и R, V = O, и др. и подробные указатели, какъ словъ, встрѣчающихся въ памятникахъ, такъ и приводимыхъ древними писателями, какъ слова италійскихъ нарѣчій. Любопытенъ взглядъ Лепсіуса на методику и возможные результаты изученія италійскихъ діалектовъ: онъ убѣжденъ, что абсолютно полной интерпретаціи ихъ текстовъ мы, при нашихъ средствахъ, достигнуть не можемъ, такъ какъ невозможно надѣяться на то, чтобы послѣдующія открытія ознакомили насъ со всѣмъ составомъ этихъ діалектовъ. Иное дѣло грамматика: извѣстныя, сами по себѣ не многочисленныя формы, законы, аналогіи могутъ быть наблюдаемы въ значительномъ количествѣ и на небольшомъ числѣ памятниковъ. Посему слѣдуетъ стараться ознакомиться съ грамматическими началами названныхъ діалектовъ, проявляющимися въ звукахъ, ихъ видоизмѣненіяхъ и главныхъ формахъ. Впрочемъ, Лепсіусъ не отказывается совершенно отъ интерпретаціи словъ; онъ полагаетъ только, что въ ней не слѣдуетъ сводить все къ толкованію отдѣльныхъ словъ, но пользоваться ею для болѣе высшихъ и важныхъ цѣлей. Путь подобной интерпретаціи указанъ Нибуромъ и продолженъ К. О. Миллеромъ и Кленце (ргасеф., p. IX, X). Остроуміе и чутье Лепсіуса намѣтили въ общихъ чертахъ то, что недавно весьма ясно и категорически высказано Вухелеромъ.

Не останавливаясь на работахъ другихъ ученыхъ предшественни-

ковъ Моммзена (отмѣтимъ только статьи Петера въ *Haller Allgemeine Litteratur Zeitung* 1842 г., касающія объясненія *circus Abellanus* и *tabula Bantina*, и краткаго, но основательнаго изложенія основъ грамматики, программу Шемана о словахъ *meddix tuticus* въ *Opuscula III*, p. 411—28, рецензію Корссена въ *Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* 1846 г., май, и статьи Курціуса въ *Zeitschrift f. d. Alterthumswissenschaft V*), мы перейдемъ къ его труду: *Die Unteritalischen Dialekte*, вышедшему въ Лейпцигѣ въ 1850 г., и вмѣстѣ съ другимъ, появившимся почти одновременно, сочиненіемъ: *Die Umbrischen Sprachdenkmäler. Ein Versuch zur Deutung derselben* von S. Th. Aufrecht und A. Kirchhoff. Berlin, 1849—1851. 2 vol. 4°, легшему въ основу методическаго изученія италійскихъ діалектовъ, представителями котораго являются Корссенъ, Бухелеръ, Вуггъ, Фабретти и др. Поводами къ появленію труда Моммзена были, по его собственнымъ словамъ, многочисленныя и важныя открытія италійскихъ памятниковъ и сознавая необходимость исправить ошибки и недостатки предшественниковъ. Его сочиненіе распадается на слѣдующія главы: италійскіе алфавиты, мессапскій діалектъ, оскій языкъ, польскій діалектъ, сабельскій діалектъ. Къ книгѣ приложено 17 таблицъ снимковъ и три карты. И въ этомъ сочиненіи, какъ и во всѣхъ другихъ трудахъ Моммзена, блистательнымъ образомъ проявились особенности его дарованій: широта взгляда, обнимающаго извѣстный вопросъ въ цѣлости, усматривающаго его мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ, гениальная дивинація, приводящая къ блестящимъ выводамъ, остроуміе, проявляющееся особенно въ удачныхъ комбинаціяхъ, и рядомъ съ ними изученіе предмета во всѣхъ, даже мельчайшихъ, деталяхъ, трезвое критическое сужденіе, осторожность, вездѣ сознающая степень твердости почвы, на которой стоитъ изслѣдователь. Въ области изученія италійскихъ діалектовъ Моммзенъ не имѣетъ себѣ равнаго. Это сознается большинствомъ современныхъ лингвистовъ, и между прочимъ лицомъ, которое признается теперь однимъ изъ авторитѣтнѣйшихъ въ области италійской діалектологіи — профессоромъ Бухелеромъ. Позднѣйшія изслѣдованія хотя и подвинули италійскую діалектологію, однако всѣ точкой исхода брали и берутъ изслѣдованія великаго учителя, хотя и исправили и дополнили его трудъ въ частностяхъ, но общій взглядъ и методу изслѣдованія оставили неприкосновенными. Вслѣдствіе этого мы считаемъ не излишнимъ ознакомить читателей съ взглядомъ Моммзена на методъ изученія оскаго діалекта, преимущественно съ его формальной стороны. „Для разгадки

оскихъ надписей", говоритъ Моммзенъ (р. 205),—„ми не имѣемъ никакихъ прямыхъ пособій; немногія глоссы Феста, передающія, правда, оскія слова въ неспорченномъ видѣ и отчасти съ неизмѣненными окончаніями... даютъ мало помощи. Поэтому пришлось бы совершенно отказаться отъ пониманія надписей, еслибы не существовало между извѣстными намъ языками одного, достаточно близкаго къ оскому; исходя изъ него-то, мы можемъ надѣяться изслѣдовать часть оскихъ надписей—часть, потому, что желаніе разгадать на основаніи цѣлаго состава индогерманскихъ языковъ не только окончанія, но и корни въ отдѣльномъ неизвѣстномъ діалектѣ, было бы предпріятіемъ безумнымъ, и во всякомъ случаѣ тщетнымъ. Въ какому языку мы должны здѣсь обратиться, объ этомъ говорятъ намъ уже древніе писатели: Поливій, называющій Мамертинцевъ чуждыми Грекамъ и родственными Римлянамъ, Стравонъ, полагающій, что Самниты по большей части говорили латинскимъ діалектомъ. Это чутье Грековъ, по которому они, противопологая себѣ Италиковъ, признавали ихъ за одну народность, подтверждаютъ и остатки оскаго языка, въ существующихъ пунктахъ совпадающіе съ латинскимъ. Такъ мы увидимъ, что гласные, дифтонги, согласные Осковъ въ точности соотвѣтствуютъ латинскимъ; двойные согласные *of od ou*, система придыханія Грековъ, законъ, по которому соединяются лишь однородныя нѣмны или по которому ни одно слово не кончается иначе, чѣмъ на гласный или на *us*—совершенно чужды всѣмъ италійскимъ нарѣчіямъ, за исключеніемъ развѣ мессапскаго; соединенія *ku* и *su* часты у Италиковъ и невозможны для Грека; латинскіе *Supinum* и *Passivum* встрѣчаются и у Самнитовъ, и неизвѣстны Грекамъ. Съ другой стороны, Самниты, также какъ и Римляне, не знаютъ греческаго двойственнаго, желательнаго, формъ средняго залога, числа. Наконецъ, въ корняхъ мы находимъ съ перваго взгляда цѣлые ряды общіе какъ Римлянамъ, такъ и Самнитамъ. Если подобныя наблюденія позволяютъ намъ попробовать разобрать оскій языкъ, то въ то же время они и требуютъ придерживаться вездѣ по возможности близко латинскаго и привлекать другіе индоевропейскіе языки лишь въ той мѣрѣ и степени, въ какой они разъясняютъ и дѣлаютъ болѣе понятными явленія латинскаго. Рѣдки случаи, въ которыхъ нельзя отклонить аналогію между оскимъ и греческимъ; такъ, кажется въ оскихъ словахъ встрѣчается *xōμη*, *βλος* въ *sollo*, *πόχα* въ *rokkarid*; встрѣчается въ оскомъ и парогическое *υ* и образованіе *futuri* имѣетъ болѣе сходства съ греческимъ, чѣмъ съ латинскимъ. Естественно, что иногда и менѣе срод-

ные языки сходятся тамъ, гдѣ расходятся болѣе близкіе; вообще же, исключительнымъ мѣриломъ является аналогія съ латинскимъ. Основываясь на ней и на сохранившихся въ несравненной чистотѣ первоначальныхъ формахъ, также какъ и на изумительно прекрасномъ и послѣдовательномъ проведеніи законовъ языка, мы попытаемся возстановить по возможности разумѣніе оскаго нарѣчія. Еслибы удалось узнать языкъ умбрскій, который, судя по племенному родству и по памятникамъ, еще ближе къ оскому, чѣмъ латинскій, то уяснилось бы еще многое, что теперь остается не разрѣшимымъ⁴.

Послѣ подробнаго разсмотрѣнія италійскихъ алфавитовъ (изложеннаго въ отдѣльной главѣ), которое, благодаря весьма важнымъ открытіямъ, могло быть сдѣлано съ большою подробностью и болѣшимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде, Моммзенъ переходитъ къ вопросу о мѣстномъ и временномъ распространеніи оскаго нарѣчія. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что, за отсутствіемъ литературныхъ свидѣтельствъ, рѣшается почти исключительно на основаніи монументальныхъ памятниковъ, указывающихъ развитіемъ языка на значительность почти всецѣло погибшей самнитской письменности. По изслѣдованіямъ Моммзена, область оскаго языка вмѣщала въ себѣ гнѣзда Самнитовъ, Френтановъ, сѣверныхъ Апулійцевъ, Гириновъ, Кампанцевъ, Лукановъ, Бруттиевъ и Мамертинцевъ—слѣдовательно, всѣхъ Самнитскихъ народностей; что касается до временнаго распространенія оскаго языка, то оно тоже можетъ быть опредѣлено съ достаточною точностью: начинаясь съ половины IV в. (ок. 331 г.), оскій языкъ не встрѣчается на памятникахъ послѣ 666 г., исчезаетъ же совсѣмъ нѣсколько позже, можетъ быть, во время Августа. Въ этомъ пространствѣ Моммзенъ различаетъ два періода: первый, продолжающійся до начала V в. и показывающій значительное вліяніе греческаго языка на письмо и составъ языка, и второй, характеризующій свободнымъ и самостоятельнымъ развитіемъ языка, приводящимъ къ заключенію о высокой степени культуры говорившаго имъ народа. Страницы, на которыхъ Моммзенъ излагаетъ результаты, извлекаемые изъ оскихъ памятниковъ, касательно исторіи языка, хронологіи документовъ, отношенія оскаго языка къ латинскому и т. п., представляютъ мастерское изложеніе, не превзойденное и доселѣ.

Вслѣдъ за этимъ общимъ введеніемъ идетъ собраніе оскихъ памятниковъ. Оно, не смотря на позднѣйшія дополнительныя работы, не смотря на появленіе книги г. Цвѣтаева, неизбѣжно должно быть подъ руками всякаго, занимающагося оскимъ діалектомъ. Количество

изданныхъ Моммзеномъ памятниковъ (не считая монетъ) восходить до 62, слѣдовательно, болѣе противъ изданныхъ Лепсіусомъ на 15. Въ числѣ вновь открытыхъ первое мѣсто принадлежать бронзовой досчечкѣ изъ Агнопе. Большинство памятниковъ издано по собственнымъ снимкамъ Моммзена и издано съ безукоризненною точностью. Внимательно сличивъ тексты Моммзена съ текстами г. Цвѣтаева, мы отмѣтили въ нихъ 112 вариантовъ, но изъ этого числа нѣкоторые касаются такихъ подробностей, какъ напримѣръ, точекъ или неясныхъ остатковъ буквъ, большинство же происходитъ отъ неясно начертанныхъ знаковъ въ оригиналахъ, которые съ одинаковымъ правомъ можно читать или такъ или иначе. Въ памятникахъ, сохранившихся такъ хорошо, какъ, напримѣръ, бронза изъ Агнопе, или надпись въ Помпейхъ (Цвѣт. 63, русск. 59) мы или вовсе не имѣемъ вариантовъ (невѣрное начертаніе и и а въ орнаментѣ падаетъ на литографа) или имѣемъ ничтожныя (въ родѣ отсутствія точки между *kerrriin vezkei*, отмѣченнаго г. Цвѣтаевымъ, и между *evkloi statif*, имъ не отмѣченнаго). Засимъ, большинство изъ памятниковъ снабжено переводомъ, который, въ общемъ, удерживается и въ настоящее время; достойно изумленія, какъ нерѣдко, руководясь единственно своимъ чутьемъ и общимъ взглядомъ на памятникъ, Моммзенъ угадывалъ истину тамъ, гдѣ послѣдующіе изслѣдователи, останавливаясь на разборѣ частныхъ и теряя изъ-за нихъ цѣлое, удалились отъ вѣрнаго пониманія. Немногіе памятники, оставленные Моммзеномъ безъ перевода и толкованія, объяснены и переведены теперь; большинство же не разгаданныхъ имъ словъ и формъ остается загадкой и нынѣ. Таковы слова: *aapas*, *ahudiuni*, *altinom*, *arhinis*, *degvinum*, *iv*, *kalas*, *konu*, *κῶαχερη*, *Kuigrinis*, *σλαβεус*, *ουουτιου* и нѣкоторыя другія; иныя же, оставленные Моммзеномъ безъ толкованія, толкуются теперь, хотя нерѣдко съ выраженіемъ сомнѣнія въ вѣрности объясненія; напримѣръ, *Maamiieise* (Mamius?), *tio* (tu), и др. Вслѣдъ за текстомъ Моммзенъ сообщаетъ описаніе памятника, время и обстоятельства его находки и подробную литературу. Всѣ эти сообщенія, отличающіяся полнотою и обстоятельностью, не лишены значенія и послѣ книги г. Цвѣтаева, который, хотя и представляетъ тѣ же данныя, по въ болѣе краткомъ и сжатомъ видѣ. Наконецъ, выдающіеся по своему значенію и объему памятники снабжены подробнымъ комментариемъ, указывающимъ какъ ихъ общее значеніе, такъ и смыслъ встрѣчающихся въ нихъ частныхъ.

Вслѣдъ за текстами идетъ грамматика, изложенная Моммзеномъ на основаніи приведенныхъ выше принциповъ. Грамматика эта, со-

ставленная рукою мастера и отличающаяся полнотою и ясностью, вмѣщаетъ въ себѣ отдѣлы, рассматривающіе: а) гласные, ихъ измѣненія и переходы, приращенія и усѣченія, б) согласные, в) склоненія и г) спряженія. Въ этомъ изложеніи, въ высшей степени важномъ и для исторіи латинскаго языка, оская грамматика впервые была поставлена на научную почву, и если позднѣйшія изслѣдованія нѣсколько видоизмѣнили и дополнили ея отдѣльныя частности, то все же, въ общемъ, приемы изслѣдованія и общее его направленіе остаются тѣ же.

Послѣ небольшого отдѣла, посвященнаго разсмотрѣнію собственныхъ именъ, идетъ глоссарій, въ которомъ блистательнѣе всего проявились ерудиція и остроуміе Моммзена. Изученіе этой части его труда можно въ особенности рекомендовать, какъ образецъ работъ подобнаго рода. Въ глоссаріи Моммзена вошли не только слова, встрѣчающіяся на памятникахъ, и притомъ во всѣхъ ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, но и рѣченія, сохраненныя намъ древними писателями, такъ что въ немъ мы имѣемъ полный алфавитный сборникъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время данныхъ, составлявшихъ составъ оскаго языка. При каждомъ словѣ указанъ памятникъ, въ которомъ оно попадаетъ, и по возможности опредѣлена его грамматическая форма, а затѣмъ и соответствующее ему по значенію латинское слово. Гдѣ необходимо, авторъ обращаетъ вниманіе на связь, въ которой находится на памятникѣ оское рѣченіе, указываетъ его корень, суффиксъ — нѣкогда не теряя изъ виду сравненія съ латинскимъ языкомъ и лишь изрѣдка обращаясь къ греческому. Эти сравненія въ высшей степени поучительны по огромной, проявляющейся въ нихъ эрудиціи, и по рѣдкому остроумію, которое сказывается на каждомъ шагу даже и тамъ, гдѣ авторъ увлекается за предѣлы возможности. Впрочемъ, это бываетъ рѣдко: въ большинствѣ случаевъ Моммзенъ на столько откровененъ, что не боится выставить, гдѣ это нужно, свои сомнѣнія и недоумѣнія, и нерѣдко сознаваться въ невозможности узнать значеніе того или другаго слова. Но никогда не дѣлаетъ онъ этого сознанія, не испробовавъ предварительно всѣхъ доступныхъ ему способовъ рѣшенія, а ихъ у него подъ рукою цѣлая масса. Оттого и происходитъ отмѣченное выше явленіе, что почти вездѣ, гдѣ недоумѣвалъ Моммзенъ, недоумѣваютъ и современныя италійскіе діалектологи.

Послѣднее, которое мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, достоинство труда Моммзена состоитъ въ томъ, что, вѣрнымъ чутьемъ угадавъ неразрывную связь оскаго діалекта съ вольскимъ и сабелльскимъ,

онъ представилъ и памятники послѣднихъ, изученіе которыхъ во многомъ бросаетъ яркій свѣтъ на даніи перваго. Поэтому не можемъ не пожалѣть, что г. Цвѣтаевъ не отвелъ и памятникамъ названныхъ діалектовъ мѣста въ своей книгѣ: число ихъ не особенно велико, а пересмотръ ихъ текста такъ же необходимъ, какъ и пересмотръ текста оскихъ памятниковъ.

Трудъ Моммзена не могъ не обратить вниманія филологовъ, не могъ не вызвать ихъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ указанномъ имъ направленіи. И дѣйствительно, съ 50-хъ годовъ начинается значительное научное движеніе въ области италійской діалектологіи, во главѣ котораго стоятъ главнымъ образомъ пѣмецкіе ученые. Италіанцы тоже принимаютъ въ немъ участіе, но больше какъ издатели памятниковъ, Французы же до послѣдняго времени оскимъ языкомъ не занимались. Лишь очень недавно Бреаль и Аве (Nave) стали посвящать свои силы италійскимъ діалектамъ и заявили себя, какъ ученые даровитые и основательные. Трудъ перваго ученаго, извѣстнаго превосходнымъ переводомъ грамматики Вонпа: *Les tables Eugubines*. Paris, 1875, посвященный умбрскому діалекту и заключающій текстъ, переводъ и комментарий знаменитыхъ губбійскихъ досокъ, при всѣхъ увлеченіяхъ и ошибкахъ автора, представляетъ явленіе замѣчательное, дѣлающее честь современной филологической наукѣ во Франціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ ясность изложенія и логичность выводовъ, которыя, въ соединеніи съ оригинальною самостоятельностью взглядовъ (не всегда, впрочемъ, вѣрною), дѣлаютъ изъ книги Бреаля трудъ весьма почтенный. Его достоинство увеличивается превосходно исполненнымъ атласомъ, представляющимъ въ facsimile названныя доски. Не менѣе почтенное явленіе представляетъ трудъ Аве: *Précis de la déclinaison latine* par Fr. Bücheler. Paris, 1875. Книга эта есть переводъ, или точнѣе сказать, переработка извѣстной брошюры Бюхелера: *Grundriss der lateinischen Declination*, Leipzig 1866, переработка, дѣлающая французскую книгу трудомъ какъ бы совершенно новымъ. Этому способствовалъ, съ одной стороны, самъ авторъ, доставившій Аве много дополненій и исправленій, а съ другой—и переводчикъ, обнаружившій въ обширномъ введеніи и многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ большую эрудицію, какъ въ латинскомъ, такъ и италійскихъ языкахъ, вѣрный методъ и значительное остроуміе. Кроме того, Аве, вмѣстѣ съ Бреалемъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ превосходномъ періодическомъ изданіи: *Mémoires de la société de linguistique de Paris*.—Сочиненій М. Ring: *Histoire des peuples*
часть сов., отд. 2. 2

oriques de leur législation, de leur culte, de leurs mœurs, de leur langue, Paris—Strasbourg, 1859, и F. Rabacté: De la langue osque, Paris—Rennes, 1865, мы характеризовать не будемъ за ихъ научно непригодностью.

Изъ итальянскихъ ученыхъ послѣдняго 25-лѣтія, кромѣ упомянутого выше Минервини, слѣдуетъ отмѣтить: Фиорелли, де-Петра, Гаруччи и Фабретти. Дѣятельность первыхъ трехъ сосредоточивается главнымъ образомъ на изданіи и объясненіи вновь найденныхъ памятниковъ оскаго языка, въ специальныхъ археологическихъ журналахъ: Scavi di Pompei, Notizie degli scavi di antichità и отчасти въ римскомъ *Bullettino di corrispondenza archeologica*. Фиорелли, кромѣ того, извѣстенъ и другими трудами, въ которыхъ также помѣщались оскія надписи то въ превосходныхъ факсимиле, то въ простой транскрипціи; таковы: *Monumenta epigraphica Pompeiana ad fidem archetyporum expressa. Inscriptionum Oskarum apographa. Pars I. Neapoli, 1854; Monumenti antichi posseduti dal conte di Siracusa 1853. Napoli; Catalogo del museo nazionale di Napoli. Raccolta epigrafica. 1. Iscrizioni Greche ed italiane. Napoli, 1867, Descrizione di Pompei. Napoli, 1875* и др. Изданія Фиорелли въ общемъ отличаются обстоятельностью и точностью и сообщаемые имъ тексты въ большинствѣ случаевъ передаются тщательно. Что составляетъ особенную заслугу этого ученаго, такъ это его практическая дѣятельность, какъ начальника національнаго Неаполитанскаго музея и теперь директора раскопокъ въ Италиі. Характеристика ея не входитъ въ нашу задачу. Теперешній директоръ названнаго музея, Дж. де-Петра, издавшій нѣсколько вновь найденныхъ оскихъ памятниковъ, заявилъ себя какъ издатель опытный и умный и какъ объяснитель свѣдущій и знакомый съ результатами современной науки. Его любезности и готовности сообщать свѣдѣнія о памятникахъ ему доступныхъ многимъ обязаны ученые, въ томъ числѣ и г. Цвѣтаевъ, выразившій ему свою признательность посвященіемъ де Петръ своего изданія. Дѣятельность третьяго изъ названныхъ ученыхъ, іезуита Раф. Гаруччи, достойна изумленія по своей плодовитости и разнообразію: археологія, эпиграфика, нумизматика, исторія, филологія классическая и восточная, христіанскія древности, богословіе составляютъ предметъ занятій неумоимаго іезуита, труды котораго считаются десятками и нѣкоторые, въ родѣ „Исторіи христіанскаго искусства“, состоятъ изъ нѣсколькихъ объемистыхъ томовъ. Гаруччи отличается особенною даровитостью, дѣлающею каждое изъ его сочиненій интереснымъ и

иногда важнымъ; кромѣ того, видѣвъ много и обладая обширнымъ знакомствомъ, онъ имѣетъ возможность первый дѣлать извѣстными ученому міру новыя открытія, которыми такъ богата почва Италіи; ему принадлежитъ честь изданія многочисленныхъ и многообразныхъ памятниковъ, между прочимъ и оскихъ надписей. Но этимъ и ограничиваются сильныя стороны трудовъ о. Гаруччи: если обратить вниманіе на точность передачи издаваемыхъ имъ памятниковъ, то тутъ сразу можно увидѣть, что издатель относится къ своему дѣлу крайне легкомысленно и небрежно и ни на одинъ изъ публикуемыхъ имъ текстовъ положиться нельзя; блистательнымъ доказательствомъ этому служитъ надѣлавшая большаго шуму исторія съ изданіемъ такъ называемой *tabula alimentaria Ligurum Vaebianorum*. Часто бываетъ такъ, что Гаруччи нѣсколько разъ издаетъ одинъ и тотъ же памятникъ, и всякій разъ невѣрно (срвн. Цвѣтаевъ, русск. т., стр. 68 пр. 2). Точно также нельзя положиться и на его объясненія и выводы: сознавая свою даровитость, онъ считаетъ возможнымъ замѣнить ею эрудицію и основательность. Мѣстами, правда, онъ чуетъ истину, но часто способенъ дѣлать самыя непростительныя промахи, которые тѣмъ болѣе неизвинительны, что почтенный падре смотритъ на всѣхъ остальныхъ ученыхъ, какъ на *infima plebs* и щедро расточаетъ имъ самыя неелестныя эпитеты. Оскіе памятники издавались Гаруччи какъ въ журналахъ (преимущественно въ *Bullettino archeologico Napoletano*), такъ и отдѣльно; въ послѣднихъ публикаціяхъ принадлежитъ его: *Graffiti de Pompei. Inscriptions et gravures tracées au stylet. Paris, 1856, 2-me éd.* Считаю не излишнимъ привести отзывъ объ этомъ трудѣ, сдѣланный Цангемейстеромъ (*Corpus Inscr. Lat. IV, p. IX*) и могущій быть приложеннымъ ко всѣмъ, безъ исключенія, изданіямъ Гаруччи: *Ut paucis dicam quod sentio, Garuccius hoc libro non minus quam aliis bene meritus est, quatenus antiquorum monumentorum quae collegit memoriam servare voluit; idem tamen rem ita gessit, ut pleraque omnia tuismet oculis examinare cupias; omninoque eorum quae Eckelius de Huberti Gottzii nummis dixit, haec quae secundo tertioque loco posuit „numos omnes, ab uno hoc viro promulgatos aut putandos esse... vafre ac subdole descriptos aut, si qui fraude carere videantur, saltem suspectos tamdiu donec aliorum testium accedat auctoritas“ apprime conveniunt in has inscriptiones a Garuccio editas.*

Ариоданте Фабретти, имя котораго мы упомянули послѣднимъ въ ряду италіанскихъ ученыхъ, занимающихся оскимъ языкомъ, въ своей ученой дѣятельности существенно разнится отъ Фиорелли, де-Петра

и Гаруччи. Тогда какъ послѣдніе занимаются италійскою эпиграфикою лишь мимоходомъ, при случаѣ, Фабретти посвятилъ ей всю свою ученую дѣятельность и результатомъ его занятій, кромѣ многочисленныхъ мемуаровъ, помѣщенныхъ преимущественно въ Запискахъ Туринской академіи наукъ, явился монументальный трудъ: *Corpus inscriptionum italicarum antiquioris aevi ordine geographico digestum et glossarium Italicum in quo omnia vocabula continentur ex Umbricis, Sabinis, Oscis, Volscis, Etruscis aliisque monumentis quae supersunt. Aug. Taurinorum 1867.* Къ нему имѣются три supplementi, изъ коихъ третье появилось очень недавно. Главное по числу мѣсто въ трудѣ Фабретти принадлежитъ памятникамъ этрусскимъ, которыми издатель занимается съ особою внимательностью и любовью; въ сравненіи съ этрусскими, оскіи надписи занимаютъ весьма незначительное мѣсто, и тогда какъ первыя издаются Фабретти, въ большинствѣ случаевъ, по собственнымъ спискамъ и снимкамъ, послѣдніе передаются по изданіямъ и сообщеніямъ Моммзена, Минервини, Гаруччи и др. Естественно, что, завися отъ названныхъ авторитетовъ, Фабретти передаетъ памятники такъ, какъ они были переданы ими, и въ случаѣ неточности или ошибочности передачи, повторяетъ и самыя ошибки; достаточное число примѣровъ этому можно найти въ *annotatio critica* г. Цвѣтаева. Надписи расположены въ географическомъ порядкѣ, по мѣсту ихъ нахождения, гдѣ возможно, переданы въ *fac similes* и снабжены латинскимъ переводомъ; кромѣ того, при каждомъ изъ нихъ въ подробности отмѣчена его литература. Фабретти очень близко знакомъ съ трудами по италійскимъ діалектамъ какъ италіанскихъ, такъ и нѣмецкихъ ученыхъ, и потому его библиографическія указанія отличаются особенно полнотою. Что касается до приложенныхъ къ его изданію таблицъ, то онѣ не отличаются ни безусловною вѣрностью, ни изяществомъ исполненія; кромѣ того, ни при одномъ изъ передаваемыхъ литографіей памятниковъ не указанъ масштабъ передачи, такъ что на снимкахъ одинаковую величину имѣютъ и монеты и большія туфовыя плиты. Въ отличіе отъ Моммзена, издаваемаго и описываемаго оскія монеты въ общихъ чертахъ, Фабретти отводитъ имъ и ихъ разновидности особенно видное мѣсто. Бѣдшую половину огромнаго квартанта Фабретти занимаетъ *glossarium Italicum*, представляющій алфавитный сводъ всѣхъ словъ, встрѣчающихся на изданныхъ въ первой части памятникахъ. Кромѣ того, въ него внесены и слова, упоминаемыя какъ италійскія у писателей, и даже такія, которыя самъ издатель считаетъ таковыми. Прежде всего глоссарій поражаетъ чи-

тателя громадностью (болѣе 2,000 страницъ мелкой печати, in 4°) и массою заключающихся въ немъ цитатъ. Онѣ сыплются издателемъ щедрою рукой и иногда совершенно подавляютъ собою читателя. Этому способствуетъ объективность составителя, который съ одинаковою добросовѣстностью сопоставляетъ мнѣнія и объясненія Ауфрехта и Кирхгофа, Гротефенда, Ланци, Гушке, Вермильоли, Корссена и т. п. Запутавшись въ самыхъ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ мнѣніяхъ, читатель не видитъ руководящей нити, которая помогла бы ему vybrаться изъ этого лабиринта, и нерѣдко не выноситъ никакого опредѣленнаго сужденія. Съ особенною подробностью объяснены собственные имена и глоссарій г. Цвѣтаева многимъ обязанъ Фабретти въ этомъ отдѣлѣ словъ. При своихъ объясненіяхъ и сопоставленіяхъ Фабретти приводитъ множество факсимиле съ памятниковъ (преимущественно монетъ), не нашедшихъ по разнымъ причинамъ мѣста въ таблицахъ. Изъ всего сказаннаго видно, что глоссарій Фабретти представляетъ драгоцѣнный, хотя и не всегда практически составленный, реперторій италійскихъ діалектовъ. Важенъ онъ и для изучающихъ латинскую рѣчь въ историческомъ ея развитіи, ибо сообщаетъ массу фактовъ, объясняющихъ то или другое ея явленіе. Безъ пользованія названнымъ сборникомъ невозможны работы въ области италійской діалектологіи и историческаго изученія латинскаго языка.

Многочисленны, почти необозримы, труды нѣмецкихъ ученыхъ въ интересующей насъ сферѣ; многіе изъ нихъ, правда, незначительны по объему и неважны по содержанію, но не мало и такихъ, которые повели изслѣдованія Моммзена далѣе, которые оказали капитальныя услуги дальнѣйшему наукообразному изученію оскаго языка. Появлялись эти работы то въ видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ сочиненій, то въ періодическихъ журналахъ и сборникахъ. Изъ послѣднихъ особенно важны: *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, издающійся съ 1852 г. извѣстнымъ А. Куномъ, *Rheinisches Museum für Philologie*, *Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik*, *Ephemeris epigraphica* и издававшіеся Г. Курциусомъ *Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik*. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ помѣщены какъ тексты и толкованія оскихъ памятниковъ, такъ и монографіи объ отдѣльныхъ вопросахъ, относящихся къ грамматикѣ оскаго діалекта. Число этихъ послѣднихъ особенно увеличилось въ недавнее время, когда, подъ вліяніемъ импулса, даннаго Ричлемъ, вниманіе филологовъ обратилось по преимуществу на историческое изученіе латинскаго языка и родственныхъ съ нимъ

діалектовъ. Самъ Ричль не посвятилъ ни одного спеціального изслѣдованія оскимъ памятникамъ, но онъ не пренебрегалъ ими для своихъ изслѣдованій, о чемъ свидѣлствуютъ какъ его *Opuscula*, такъ и лекціи. За то изъ его школы вышли Корссенъ и Бухелеръ, первые знатоки италійскихъ діалектовъ между германскими учеными. Характеристикой ихъ мы закончимъ настоящей отдѣлъ нашего реферата, теперь же перейдемъ къ исчисленію отдѣльныхъ трудовъ, посвященныхъ въ Германіи оскому діалекту и появившихся послѣ книги Моммзена. Изъ нихъ первымъ по времени, не считая брошюры Кирхгофа о Бантинской таблицѣ (о ней, равно какъ и о брошюрѣ Ланге, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ), является трудъ Гушке: Ph. E. Huschke: Die oskischen und sabellischen Sprachdenkmäler. Elberfeld, 1856. Позже, въ 1872 г., явилось въ V-ter Supplementband der Jahrbücher für classische Philologie продолженіе этого труда, подъ заглавіемъ: Zu den altitalischen Dialekten. Гушке обладаетъ несомнѣнною даровитостью, рѣзко сказывающеюся во всѣхъ его трудахъ; но будучи по профессіи юристомъ, онъ не имѣетъ точнаго понятія о филологической и лингвистической методикѣ, вслѣдствіе чего его труды, относящіеся къ италійскимъ діалектамъ (срв. еще Die Iguvischen Tafeln. Leipzig, 1859), представляютъ въ лингвистическомъ отношеніи мало важнаго и даже вѣрнаго: игнорируя результаты сравнительнаго языковеденія, не зная о журналѣ Куна, Гушке стоитъ на давно оставленномъ пути производства всего латинскаго и оскаго отъ греческаго, и представляетъ такіа этимологіи и объясненія, которыя лишены всякой почвы и рѣжутъ глазъ своей неправдоподобностью. Но даровитость и ученость автора проявляются въ иномъ свѣтѣ тамъ, гдѣ дѣло касается объясненій реальныхъ, соображеній и выводовъ характера историко-антикварнаго. Въ этой области онъ хозяинъ и представляетъ немало заслуживающаго полнаго вниманія. Что касается вышеназванной его книги въ частности, то матеріалъ оскій въ ней, сравнительно съ матеріаломъ, находящимся у Моммзена, почти не увеличился; прибавились только неточности и ошибки передачи; за то интерпретація и объясненія въ корнѣ разнятся отъ интерпретаціи и объясненій Моммзена и при этомъ носятъ указанный выше характеръ ненаучности и произвола. Дальнѣйшее движеніе оскихъ штудій въ Германіи шло въ вышеназванныхъ журналахъ, отдѣльные же труды появились всего лишь въ очень недавнее время. Изъ нихъ мы упомянемъ трудъ Вруппахера: Versuch einer Lautlehre der oskischen Sprache. Zurich. 1869 г., и трудъ Ендериса: Versuch einer

Formenlehre der oskischen Sprache. Zurich, 1871. Оба эти сочиненія, взаимно пополняющіяся, заслуживаютъ полнаго одобренія по своей идеѣ: свести во едино и систематически расположить данныя изъ оской фонетики и морфологіи было и желательнo и необходимо, такъ какъ послѣ работы Моммзена не было сдѣлано ни одной работы, которая обнимала бы эти области въ возможной полнотѣ. И тотъ, и другой авторы приступили къ своей работѣ съ основательною подготовкой, съ хорошимъ знаніемъ результатовъ сравнительнаго языкознанія, послѣ внимательнаго изученія италійскихъ діалектовъ. Оба не лишены даровитости и усвоили до извѣстной степени вѣрнѣйшій методъ изслѣдованія. Правда, ихъ труды, особенно работа Вруннахера, не лишены и нѣкоторыхъ, довольно важныхъ и даже существенныхъ недостатковъ, изъ которыхъ главнымъ оказывается недостатокъ тщательности въ обхожденіи съ матеріаломъ оскаго языка (Цвѣт., русск. стр. 81, пр. 1.), затѣмъ неполное знаніе литературы предмета, немало черезчуръ смѣлыхъ и даже неосновательныхъ соображеній и т. п. Все это, однако, не позволяетъ намъ согласиться съ приговоромъ г. Цвѣтаева, который (l. l.) говоритъ, что недостатокъ тщательности погубилъ труды Вруннахера и Ендериса. Не забудемъ, что, кромѣ недостатковъ, въ ихъ книжкахъ есть много достоинствъ: широта взгляда, остроуміе, методъ—все это искупаютъ до нѣкоторой степени промахи и дѣлаютъ названныя сочиненія достойными чтенія и изученія.

Почти одновременно съ появленіемъ упомянутаго выше труда Гущке, въ Куновомъ журналѣ стали появляться работы по оскому языку Корссена. Еще раньше онъ заявилъ о своихъ занятіяхъ въ этой области рецензіей на Oskische Studien Моммзена (Berliner Jahrb. f. wissenschaft. Kritik, 1846). Затѣмъ онъ сталъ заниматься италійскими діалектами параллельно съ латинскимъ языкомъ и не прерывалъ этихъ работъ до послѣднихъ дней своей жизни. Плодомъ этихъ занятій, кромѣ ряда статей въ журналѣ Куна, въ Philologus и Ephemeris epigraphica, были отдѣльныя книги: De volscorum lingua 1858, Ueber die Sprache der Etrusker 1874—76 2 voll., и Beiträge zur italischen Sprachkunde. 1876 (издано по смерти автора). Мнѣнія критики объ италійскихъ штудіяхъ Корссена различны: одни, безусловно ему поклоняющіеся, видятъ во всѣхъ его трудахъ первостепенныя достоинства, другіе смотрятъ на нихъ трезвѣе, третьи, наконецъ, относятся къ нимъ совершенно недоброжелательно. Никто не станетъ отрицать того великаго значенія, которое имѣютъ труды Корссена для изученія латинскаго языка; его сочиненіе: Ueber die Aussprache, Voca-

lismus und Betonung der lateinischen Sprache (1-е изд. въ 1858—59. 2-е въ 1868—71) составляетъ необходимое пособие для всякаго, желающаго ознакомиться съ судьбами латинской рѣчи, преимущественно въ ея древнѣйшій періодъ; знакомство Корссена съ лингвистическимъ матеріаломъ изумительно—онъ болѣе или менѣе основательно изучилъ не только писателей, но и памятники эпиграфическіе, знакомъ опять таки болѣе или менѣе близко какъ съ древними грамматиками, такъ и съ новыми лингвистами. Богатство матеріала въ его трудѣ врядъ ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Точно также, кажется, несомнѣнно и то, что, обладая широтою взгляда, Корссенъ сумѣлъ обнять весь этотъ матеріалъ, объединить его, подвести подъ извѣстныя рубрики. Въ его трудѣ латинская фонетика явилась впервые, какъ нѣчто цѣльное, органически-стройное. Методъ изложенія ея отдѣльныхъ частей, выводы, заканчивающіе каждую группу явленій, представляются также изложенными мастерски. Наконецъ, у Корссена было неоспоримое чутье языка, помогавшее ему во многомъ избѣгать ошибокъ и прямо и смѣло идти къ надлежащему выводу. Все это, взятое вмѣстѣ, свидѣтельствуетъ о его рѣдкой даровитости. Но она, составляя сильную сторону его труда, породила въ немъ и немаловажные недостатки: она препятствовала Корссену останавливаться на мелочномъ, точномъ изученіи деталей, вела его нерѣдко къ предвзятымъ мыслямъ, ради которыхъ онъ былъ готовъ даже пасивовать факты и иногда завѣдомо утверждать невѣрное, она же не позволяла ему безпристрастно относиться къ ученымъ, не раздѣлявшимъ его взглядовъ, порождала раздраженную полемику, переходившую иногда въ чистое пустословіе. Возвращаясь къ оснѣмъ штурдіамъ Корссена, слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ сказались какъ достоинства, такъ и недостатки его только что упомянутой работы, съ тою только разницею, что послѣднихъ оказалось гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Оно и естественно: языкъ столь мало извѣстный, какъ языкъ оскій, требуетъ прежде всего самаго скрупулезно-точного изученія своего матеріала, сохранившагося почти исключительно на надписяхъ; безъ этого изученія невозможно вести дальнѣйшія изслѣдованія, а тѣмъ болѣе приходитъ къ общимъ выводамъ. Затѣмъ, ничтожный, по количеству, матеріалъ не позволяетъ прилагать къ нему общихъ, широкихъ взглядовъ, опять таки безъ предварительныхъ мелочныхъ изслѣдованій; наконецъ, множество пробѣловъ, которые необходимы при такомъ свойствѣ матеріала, припуждаетъ изслѣдователя чаще, чѣмъ гдѣ-либо, останавливаться на полдорогѣ и

благоразумно предпочитать сознаться въ незнаніи и невозможности знанія, чѣмъ приходится, хотъ по видимому и къ вѣроятнымъ, и пожалуй, убѣдительнымъ выводамъ, но которые могутъ вдругъ рухнуть при находкѣ новаго, доселѣ неизвѣстнаго памятника. Чтò же дѣлаеть Корссенъ? Не провѣривъ съ надлежащею точностью текстовъ, онъ издаетъ надписи иногда какъ попало, руководясь чужими, перѣдко совершенно неудовлетворительными снимками. Одинъ примѣръ изъ многихъ: въ Куновомъ *Zeitschrift*, XXII (1874), p. 298, онъ издаетъ слѣдующую помпейскую надпись:

.i ?
 . . p . ka . ia
 Mr S [adiri] is L.
 puf faamat V. S [c] vasi M. Baii [s v?]

На самомъ же памятникѣ эта надпись читается:

eksuk. amy [i] anud.
 eítuns. an [t. tr] íbu
 . ma. kastrikíeís. íní.
 mr. spurneís l
 puf. faamat

v. sehs ímbrtr? v (см. Цвѣт. № 82). Подобные примѣры, хотя и не столь рѣзкіе, попадаются у Корссена перѣдко. А между тѣмъ на подобныхъ текстахъ онъ основываетъ свои выводы и соображенія, ихъ онъ переводитъ, дополняетъ, снабжаетъ пространными и широковыщательными объясненіями. Мало того, даже и эти тексты онъ не имѣлъ терпѣнія изучить съ должнымъ вниманіемъ и во всѣхъ подробностяхъ, вслѣдствіе чего дѣлаеть иногда недозволительные лингвисту промахи, въ родѣ указаннаго Бюхелеромъ (*Jenaer Literaturztg*, 1874. п. 39. p. 609) перевода *medíkeís Pòmpraíaneís* черезъ *medices Pompeiani* (вм. *medix Pompeianus*). Между тѣмъ, твердо вѣруя въ свою непогрѣшимость, Корссенъ упорно отстаиваетъ свои мнѣнія, даже и тогда, когда ихъ несостоятельность указывается ему весьма ясно—доказательствомъ чему можетъ служить его полемика съ Бюхелеромъ по поводу значенія: *σαλαΓς Γαλε* (φ) (Цвѣт. 144.) и съ Бугге по поводу первичныхъ и вторичныхъ окончаній лицъ въ оскихъ и умбрскихъ глаголахъ. Затѣмъ, не стѣсняясь незначительнымъ количествомъ оскихъ памятниковъ, полною неразработанностью ихъ палеографіи, Корссенъ смѣло рѣшаетъ вопросъ о времени ихъ написанія, и разумѣется,

рѣшаетъ болѣе гадательно, чѣмъ вѣрно. Такимъ образомъ оказывается, что свойство матеріала, надъ которымъ работалъ Корссенъ, повело къ тому, что въ его оскихъ студіяхъ оказывается болѣе слабыхъ, чѣмъ сильныхъ сторонъ. Справедливость требуетъ однако отмѣтить и эти послѣднія. Во многомъ Корссенъ вѣрнимъ чутьемъ угадалъ истину, особенно тамъ, гдѣ дѣло касалось не частнѣйшаго разсмотрѣнія подробностей, но общаго взгляда на памятникъ или явленіе языка; вездѣ онъ старался уяснить сущность дѣла, и иногда достигалъ этого не безъ умѣнья и успѣха. Сверхъ того, своимъ, помѣщеннымъ во II томѣ *Ephemeres epigraphica*, сводомъ оскихъ памятниковъ, открытыхъ послѣ появленія труда Моммзена, онъ оказалъ большую услугу наукѣ, такъ какъ далъ возможность ученымъ болѣе или менѣе полно объяснять весь оскій матеріалъ.

Другимъ современнымъ дѣятелемъ въ разсматриваемой нами области является ученикъ Ричля, профессоръ Боннскаго университета Бухелеръ. За смертью Корссена, онъ остался единственнымъ ученымъ въ Германіи, посвящающимъ свои силы преимущественно занятію италійскими діалектами—оскимъ и умбрскимъ. Результаты своихъ работъ онъ помѣщаетъ частію въ повременныхъ журналахъ, преимущественно въ редактируемомъ имъ *Rheinisches Museum für Philologie*, частію въ отдѣльныхъ монографіяхъ—большею частью программахъ Боннскаго университета. Ученость Бухелера обширна и разнообразна—доказательствомъ сему служатъ его многочисленныя работы, относящіяся какъ къ греческой, такъ и къ римской древности; она видна и на каждой страницѣ его монографій; особенно тщательно изучилъ этотъ ученый латинскій языкъ въ его историческомъ развитіи. Его работы, относящіяся къ этой области (изданіе Фронтинно, Петронія, Квинта Циперона, *Pervigilium Veneris*, монографія о латинскомъ склоненіи), имѣютъ большое значеніе и отличаются многими достоинствами. Первымъ между ними слѣдуетъ отмѣтить ученую *ἀκριβεία*, отличающую всѣ, безъ исключенія, труды Бухелера—всѣ его изслѣдованія суть результатъ долгой работы и солиднаго знанія. Заслуживъ, надобно отдать должную справедливость его осторожности, качеству, довольно рѣдкому въ настоящее время и котораго особенно не хватало покойному Корссену. То, что говоритъ Бухелеръ, имъ взвѣшено, изучено въ подробностяхъ и оцѣнено по отношенію къ своей вѣроятности. Но не должно думать, однако, что эта осторожность переходитъ у него въ мелочной педантизмъ—напротивъ, гдѣ можно и нужно, Бухелеръ выставляетъ смѣлыя соображенія и комбинаціи, не

лишенныя остроумія и тѣмъ сильнѣе подкупающія въ свою пользу читателя, что онъ убѣжденъ въ осторожности и основательности автора. Не всегда, конечно, можно съ ними согласиться, но признать ихъ остроуміе слѣдуетъ почти во всѣхъ случаяхъ. Подобно тому, какъ свойство матеріала повело къ тому, что работы Корссена по италійской діалектологіи оказались въ большей своей половинѣ неудовлетворительными, то же самое свойство сдѣлало работы Бухелера въ этой области образцовыми, и ему бесспорно принадлежитъ теперь первое мѣсто между учеными, занимающимися италійскими діалектами. Посему представляется не безынтереснымъ сообщить взглядъ этого ученаго на приемы изслѣдованія въ этой области и на ту степень вѣроятности, которой можно достигъ этимъ изслѣдованіемъ (см. *Interpretatio tabulae Iguvinae II Bonn, 1878, p. 4*). „Въ настоящее время“, говоритъ Бухелеръ,—нѣтъ почти ни одной грамматической формы въ оскихъ и умбрскихъ памятникахъ, соотвѣтствіе которой съ латинскою не могъ бы объяснить даже и не специалистъ, ибо онѣ изслѣдованы учеными и знаменитыми языковѣдами, преимущественно тѣми, которые изучили употребленіе и сходство различныхъ языковъ. Но смыслъ и значеніе словъ во многихъ случаяхъ еще покрыты мракомъ, и тщетно старались разсвѣять его многіе изслѣдователи, въ особенности потому, что большинство не обладало надлежащимъ знаніемъ древности, нѣкоторые же, оставивъ прямой и единственно вѣрный путь, шли по окольной и темной дорогѣ. Мнѣ въ этомъ вопросѣ представляется самымъ важнымъ и вѣрнымъ сравненіе умбрскихъ и оскихъ словъ съ латинскими: такъ, на примѣръ, развѣ кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что *fat* у всѣхъ трехъ народовъ имѣетъ одно и то же значеніе? Хотя въ латинскомъ и не существуетъ слова *расег*, но, зная значеніе сл. *расет*, мы можемъ догадываться и о смыслѣ перваго. Часто италійскія слова имѣютъ иную форму въ сравненіи съ латинскими, имѣя флексіи и иное производство, но, если только въ нихъ сохранились какіе нибудь слѣды латинскаго слова, значеніе угадать не трудно. И такъ, повторяю, должно преобладать сравненіе съ латинскими словами; греческія помогаютъ гораздо рѣже, и весьма рѣдко—слова, взятая изъ отдаленныхъ языковъ сѣвера или востока; такъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обращались за объясненіемъ словъ къ санскриту, были дѣлаемы ошибки. Другое правило состоитъ въ томъ, чтобъ обращать строгое вниманіе на связь и порядокъ словъ и предложеній, тщательно ихъ изслѣдовать съ цѣлію выяснитъ и открыть то, что скрывается въ тайникахъ рѣчи... И чѣмъ большее число

памятниковъ будетъ открываться въ Италіи, тѣмъ вѣроятнѣе окажется то, что при первомъ предположеніи казалось нетвердымъ и обманчивымъ. Напримѣръ, въ надписи: *Adiranus estiuam quam Pompeianis testamento dedit, ea estiuad quaestor Pompeianus domum faciendam curavit*, что другое можетъ значить *estiuva*, какъ не деньги? И въ этомъ уже никто не сомнѣвается, то же слово находится на Вантинской доскѣ и въ другихъ памятникахъ смыслъ оказывается подходящимъ. Значеніе словъ: *hondra* и *huntruis* выведено изъ противоположенія ихъ *subra* и *surguis*. Такъ какъ за благоденствіе союзныхъ народовъ приносятся въ жертву свинья и козель, то паршество, даваемое этимъ народамъ *pepener sogser* и *sabriener* не можетъ не состоять изъ варенаго свиного и козлиного мяса (*pulmentum suilum et carpinum*). На третьемъ мѣстѣ я ставлю сравненіе съ формулами и выраженіями, употреблявшимися у сосѣднихъ народовъ, преимущественно у народа римскаго, ближайшаго по природѣ и мѣстности... Нельзя, напримѣръ, спорить о томъ, что выраженіе *maimas carneis senateis tanginud* соотвѣтствуетъ: *maioris partis senati sententia*, хотя слова отчасти различествуютъ и прилагательныя у Осковъ стоятъ въ другой степени, чѣмъ у Латинянъ. Слово *tadait* въ выраженіи *rod valaemom tovticom tadait ezum* ни одинъ этимологъ не въ состояніи объяснить такъ, чтобы его производство было ясно и очевидно... между тѣмъ можно навѣрно доказать, что оно значить *censeat*, на томъ, основаніи, что въ римскихъ законахъ та же самая формула встрѣчается также въ выраженіи: *quod ex re publica censeat esse*. Ко всѣмъ вышеупомянутымъ приемамъ должно наконецъ присоединиться тщательное наблюденіе надъ древностью; духъ изслѣдователя долженъ углубляться въ жизнь, нравы и обычаи древнихъ народовъ, надписи должны быть сопоставлены съ зданіями и мѣстностями, къ которымъ онѣ принадлежали, съ сходными памятниками, какъ римскими, такъ и греческими... съ лѣтописями и сочиненіями, излагающими и описывающими подобное же содержаніе. Все это слѣдуетъ принимать во вниманіе для того, чтобы можно было съ увѣренностью вывести, что могли предположительно упомянуть, изложить, предписать лица, ставшія памятники; напримѣръ, Вантинскій гражданинъ, уклонившійся отъ ценза, зовется *lamatir*: когда былъ изданъ этотъ законъ, Вантинцы давно уже находились подъ властью Римскаго народа, который и далъ имъ сго, о чемъ свидѣлствуютъ, кромѣ алфавита, и титулы чиповниковъ: въ Римѣ же, по закону, гражданинъ, уклонившійся отъ ценза, продавался въ качествѣ раба, и естественно, что съ союзни-

ками было поступаемо нисколько не легче. Я предложилъ такое объясненіе, но его приняли лишь весьма немногіе. Между тѣмъ въ Капуѣ былъ найдена свинцовая табличка, въ которой *lamatir* Цереры и подземнымъ богамъ дѣлается человѣкъ, не отдающій похищеннаго. Этотъ оборотъ близко согласуется съ формулою греческаго наговора: *ἄν μὴ ἀποδῆ ἀναβαίῃ πεπρημένος παρὰ Διμήτρα*, съ римскимъ закономъ, опредѣляющимъ продавать у храма Цереры семейство того, кто считается *sacer*. Теперь я жду, чтобы мое объясненіе было принято, или чтобы мнѣ было указано, что иное могли имѣть въ виду законодатель и составитель наговора. Далѣе, было бы совершенно неразумно пытаться толковать Помпейскія надписи, относящіяся къ сооруженнымъ на общественный счетъ храмамъ и дорогамъ, не взглянувъ и не ознакомившись съ самими предметами, окончательно не уничтоженными огнемъ и временемъ. Наиримѣрь, значеніе оскскаго слова *triffom* уясняется видомъ зданія, которое называлось этимъ словомъ; затѣмъ, зная, что деньги, на которыя выстроено это зданіе, завѣщаны Помпейской *vegeia*, слѣдуетъ, для точнаго опредѣленія этого послѣдняго слова, узнать отъ археологовъ, для какой цѣли могло служить это зданіе. Они говорятъ, что это есть палестра, слѣдовательно, *vegeia* есть такая часть общества, для которой была необходима или, по крайней мѣрѣ, пригодна палестра, были мужчины или молодые люди, способные къ военной службѣ. Этимъ путемъ и методомъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, идти при толкованіи остатковъ италійскихъ діалектовъ, но къ такимъ грамматическимъ наблюдениямъ слѣдуетъ присоединить филологическую заваску—этимъ способомъ, кажется, я устранилъ многіи ошибки прежнихъ толкователей и самъ нашелъ кое что небезполезное для послѣдующихъ изслѣдователей“.

Руководясь такими принципами, Бухелеръ дѣйствительно представилъ въ своихъ монографіяхъ объ оскскихъ и умбрскихъ памятникахъ (особенно замѣчательныя: монографія о словѣ *essuf* въ *Rh. Mus.* 1875., *Oskische Bleitafel* *ibid.*, 1878, *coniectanea* въ *Neue Jahrb. f. Philol.* 1875, *Populi Iguvini lustratio* Bonn, 1877, *Interpretatio tabulae Iguvinae II.* Bonn 1878) массу тонкихъ наблюдений, остроумныхъ розысканій и убѣдительныхъ толкованій. Въ послѣдней области онъ счастливо соединяетъ большую осторожность съ отважной дивинаціей, что дѣлаетъ почти всѣ его соображенія по меньшей мѣрѣ вѣроятными. Особенно поучительнымъ въ этомъ отношеніи является послѣдній его трудъ, *Oskische Bleitafel*, представляющій образецъ ме-

тодическаго толкованія древнихъ памятниковъ. Приступая къ объясненію новаго оскскаго наговора, Бухелеръ началъ съ изученія текста въ его мельчайшихъ подробностяхъ; это изученіе, само по себѣ, составляетъ уже огромный трудъ, доступный не всякому; его Бухелеръ исполнилъ съ такою ἀκρίβεια, которая не оставляетъ желать ничего большаго. Затѣмъ онъ, выходя изъ формъ уже извѣстныхъ, старался разбить этотъ памятникъ на отдѣльныя части, объясняя ихъ сопоставленіемъ сходныхъ мѣстъ и выраженій и сравненіемъ съ сохранившимися подобными же памятниками у Грековъ и Римлянъ. Освѣщается это сравненіе общими соображеніями, всегда обдуманнми, взвѣшенными и остроумными. Естественно при этомъ, что въ такомъ темномъ памятникѣ оказалось достаточно мѣстъ или совершенно непонятыхъ или объясненныхъ лишь сомнительно, но такіа мѣста оставлены издателемъ лишь послѣ того, какъ онъ безуспѣшно приложилъ къ нимъ всѣ бывшія ему доступными попытки толкованія. Посему представляется неосновательнымъ приговоръ, который произноситъ книгъ Бухелера Бреаль въ *Revue critique* (1878, № 6, p. 90), говоря, что издатель не пролилъ никакого свѣта на доставшійся ему памятникъ, что, прочитавъ посвященна ему 76 страницъ, нельзя убѣдиться, чтобъ авторъ въ точности угадалъ его содержаніе. Можно не согласиться съ Бухелеромъ въ частностяхъ, можно иначе читать и дополнять памятникъ, но въ общемъ съ нимъ слѣдуетъ согласиться. Даже тамъ, гдѣ его объясненія представляются мало вѣроятными, доказательства не вполне убѣдительными, слѣдуетъ признатъ, что имъ угаданъ и указанъ вѣрный путь, по которому должны идти другіе изслѣдователи.

Заканчивая настоящій отдѣлъ нашей статьи, не можемъ не упомянуть еще о трудахъ одного шведскаго ученаго, обратившагося недавно въ обработкѣ италійскихъ діалектовъ: мы говоримъ о Sophus Bugge, профессоръ университета въ Христианіи. Имя его пользуется въ наукѣ почетною извѣстностью, которую онъ стяжалъ многочисленными и замѣчательными работами по критикѣ и ексезезѣ Плавта (Изд. *Mostellaria Christ.* 1873., *Textkritiske Bemærkninger til Plautus's komedier* въ *Opuscula ad Madviginn Kopenh.* 1876., *Philologus XXXI*, *Neue Jahrbücher f. Philologie CVII* и др.). И въ области италійской діалектологіи его труды обращаютъ на себя вниманіе (многочисленныя статьи въ журналѣ Куна и брошюра: *Altitalische Studien.* Christiania, 1878), какъ по остроумію автора, такъ и по его доктринѣ и методу. Въ отличіе отъ Бухелера, Бугге расширяетъ область

сравненія въ лингвистическомъ матеріалѣ, обращаясь очень нерѣдко не только къ санскриту и веду, но и къ языкамъ сѣвера; кромѣ того, въ своихъ предположеніяхъ и комбинаціяхъ онъ смѣлѣе, чѣмъ Боннскій профессоръ, и отваживается работать тамъ, гдѣ тотъ не видитъ достаточно твердой почвы.

II.

Изъ представленнаго въ предыдущей главѣ очерка оскихъ штудій въ западной Европѣ можно усмотрѣть, что, благодаря разработкѣ италійской діалектологіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, наше знакомство съ оскимъ языкомъ подвинулось на столько, что мы можемъ отмѣтить какъ общій характеръ этого языка, такъ и главнѣйшіе факты его фонетики и морфологіи; значительные пробѣлы оказываются въ изученіи его лексикологіи и особенно въ синтаксисѣ, но и они пополняются каждыиъ изъ вновь находимыхъ памятниковъ. Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла изданіе сборника оскихъ надписей можно бы было счесть если не излишнимъ, то по меньшей мѣрѣ не необходимымъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣло оказывается иначе, и филологъ, который желалъ бы работать въ области оскаго діалекта, прежде всего задается вопросомъ о степени точности, съ которой переданы оскіе памятники въ доступныхъ ему сочиненіяхъ. При его рѣшеніи онъ наталкивается на такіе факты, которые весьма ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что почти всѣ изданія, вышедшія послѣ сборника Моммзена, страдают въ большей или меньшей степени неточностью. Разъ же убѣдившись въ этомъ, нельзя освободиться отъ мысли—достаточно ли тверды выводы, сдѣланные изъ такого неточно переданнаго матеріала, не представляютъ ли важающіяся и иногда необъяснимыя уклоненія отъ общихъ законовъ, ошибокъ въ передачѣ оскихъ текстовъ. Чѣмъ чаще возникаютъ подобныя сомнѣнія, тѣмъ естественнѣе дѣлается желаніе провѣрить эту передачу по подлинникамъ, тѣмъ настойчивѣе требуется такой сборникъ оскихъ памятниковъ, на который можно было бы положиться съ увѣренностью, что его составителемъ употреблены всѣ старанія къ тому, чтобы на передаваемые ими тексты можно было смотрѣть, какъ на возможно точныя копія съ подлинниковъ. Указанный путь прошелъ и г. Цвѣтаевъ, и воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Италіи, взялся сдѣлать упомянутый сборникъ самъ, результатомъ чего явилось сперва русское изданіе оскихъ надписей, а затѣмъ и латинское.

Тому, кто не знакомъ съ условіями, требующимися для хорошаго исполненія такого труда, съ затрудненіями при этомъ встрѣчающимися, задача, взятая и блистательно рѣшенная г. Цвѣтаевымъ, можетъ показаться сравнительно легкою. Можно разсуждать, что число памятниковъ не велико, самые памятники не объемисты, изученіе и изданіе ихъ началось лишь недавно, вслѣдствіе чего не требуется мелочнаго, утомительнаго и труднаго изученія рукописныхъ schedae, не тратится много времени на просмотръ литературы и т. п. Но такіа разсужденія будутъ не вполне справедливы. Прежде всего надобно замѣтить, что, не смотря на свою малочисленность (въ сборникѣ г. Цвѣтаева, не считая монетъ, приведено 162 номера надписей), оскіе памятники разбросаны почти по всей Европѣ, и требуется много труда и усилій для того, чтобы, во первыхъ, узнать ихъ настоящее мѣсто находенія, вовторыхъ, достать съ нихъ вѣрные снимки. Въ послѣднемъ случаѣ у издателя должно быть обширное знакомство, и притомъ съ такими лицами, которые и по своему положенію могли бы достать эти снимки, и по своей ученой авторитетности могли бы гарантировать ихъ точность. Послѣднее можетъ показаться страннымъ: можно думать, что при современномъ приложеніи къ эпиграфикѣ фотографіи эти слова суть праздная фраза. Но къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что бывають фотографіи, на которыя филологъ, въ особенности филологъ-палеографъ, положиться не можетъ, ибо онѣ представляютъ не памятникъ, который ему слѣдуетъ прочесть и разобрать, а памятникъ уже прочтенный фотографомъ или издателемъ, и иногда прочтенный невѣрно, чаще же ретушированный безъ достаточнаго умѣнья. Авторитетъ лицъ, отъ которыхъ г. Цвѣтаевъ получилъ снимки съ бывшихъ ему недоступными надписей, вполне ручается за вѣрность этихъ копій. Эти лица были: профессоръ Московскаго университета Зубковъ, профессоръ Петербургскаго университета Праховъ, директоръ Неаполитанскаго музея Ж. де-Петра, руководящій помпейскими раскопками археологъ А. Соляно, директоръ Туринскаго музея А. Фабретти, академикъ Г. Бруннъ, бібліотекаръ Мюнхенскаго книгохранилища В. Мейеръ, профессоръ Боннскаго университета Фр. Вухелеръ, кустосъ Британскаго музея Меррей. Снимки, доставленные г. Цвѣтаеву этими лицами, были: кальки, гипсовые слѣпки, фотографіи, по которымъ и воспроизведены соотвѣтствующіе памятники въ сего изданіи. Другая часть памятниковъ, сравнительно очень небольшая, воспроизведена г. Цвѣтаевымъ по печатнымъ текстамъ — отчасти потому, что самые памятники утратились, отчасти

потому, что были найдены уже послѣ окончанія таблицъ, составляющихъ атласъ. Рисунки перваго рода заимствованы главнымъ образомъ изъ Моммзена и Фіорелли. Большинство же изъ помѣщенныхъ въ атласъ рисунковъ снято съ подлинниковъ, хранящихся въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи. Для того, чтобы получить съ нихъ снимки, требуется не мало условій. Прежде всего, такъ какъ памятники оскаго языка разсѣяны по разнымъ городамъ и городкамъ, необходимо путешествіе по нимъ, сопряженное даже и въ настоящее время съ затрудненіями, а иногда съ лишеніями. Г. Цвѣтаеву для его цѣли надобно было извѣздить цѣлую Италію отъ моря до моря и посѣтить города: Pietrabbondante (др. Bovianum vetus), Molise, Jsernia (др. Aesernia), Vasto (др. Basta) Benevento (др. Beneventum) Неаполь St. Maria di Capua (др. Capua) Nola, Помпеи и сицилійскій Палермо (др. Panormus). Далѣе, было необходимо получить возможность не только видѣть памятники, но и снять съ нихъ такія копіи, которыягодились бы для воспроизведенія этихъ памятниковъ въ атласъ. Путешествовавшему съ научною цѣлью по Италіи извѣстно, какихъ трудовъ стоитъ иногда добиться этой послѣдней возможности, хотя, въ чести италіанскихъ ученыхъ и любителей старины, должно заявить, что въ рѣдкой странѣ любознательный путешественникъ можетъ встрѣтить большую готовность помогать его ученымъ занятіямъ, чѣмъ въ Италіи. И г. Цвѣтаевъ неоднократно свидѣтельствуетъ объ услужливости, съ которою предоставляли ему италіанскіе археологи пользованіе памятниками и даже, по возможности, облегчали его. Кромѣ этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ, независящихъ отъ трудящагося надъ работою, подобною разсматриваемой, условій, требуются еще иныя, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ владѣніе механическими приемами, нужными для снятія копій съ памятника. Эти приемы, смотря по его внѣшности и обстановкѣ, бываютъ различны (см. E. Hübner. Mechanische Copieen von Inschriften в *Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande*, Heft XLIX. Bonn. 1870, p. 57—72). Съ надписей, вырѣзанныхъ на камнѣ, дѣлаются обыкновенно бумажные снимки (calco, Abklatsch, éstampage), приемъ, употреблявшійся эпиграфистами уже въ XVI в. (Р. Фабретти, авторъ замѣчательнаго сочиненія: *Inscriptionum antiquarum quae in aedibus paternis asservantur explicatio*. Romae 1699 и 1702) и повсемѣстно распространенный въ настоящее время. Когда надпись небольшого объема и буквы вырѣзаны слишкомъ глубоко (какъ, на примѣръ, въ большинствѣ надписей, вырѣзанныхъ

часть ссв, отд. 2.

на металлѣ), тогда съ нея снимается или гипсовый слѣпокъ, или отпечатокъ изъ желатина, или наконецъ, снимокъ на листъ тонкаго олова (Stanniolabdruck). Съ надписей, не вырѣзанныхъ рѣзцомъ, но или нацарапанныхъ гвоздемъ (graffiti) или же намазанныхъ кистью (dipinti), дѣлаются обыкновенно прописи (calque, lucido) на прозрачную бумагу. Наконецъ, гдѣ является возможность, для снимковъ употребляется и фотографія. Почти всѣ изъ указанныхъ способовъ предлагались г. Цвѣтаевымъ для воспроизведенія памятниковъ, лишь съ однимъ исключеніемъ: „Надписи на бронзѣ и свинцѣ“, говоритъ онъ (р. пред. III),—„копировались рукою нашего друга г. Нопогé-Müller или подъ нашимъ личнымъ наблюденіемъ или по отношенію къ двумъ-тремъ надписямъ подъ руководствомъ гг. Giulio de-Petra, директора національнаго музея въ Неаполѣ, и Antonio Sogliano, завѣдывающаго раскопками въ Помпеяхъ“. Такимъ образомъ передана, на примѣръ, *tabula Vantina*, значительнѣйшій по объему памятникъ оскскаго языка. Воспроизведеніемъ памятниковъ посредствомъ того или другаго изъ вышеуказанныхъ способовъ дѣло не ограничивается; требуется еще чтеніе и воспроизведеніе памятника, обуславливаемая кромѣ знанія и ученой подготовки — значительною опытностью и умѣньемъ. При памятникахъ, начертанныхъ ясно и сохранившихся хорошо, вопроса о правильности чтенія и воспроизведенія быть не можетъ; но его совершенно естественно можно поставить, когда имѣемъ дѣло съ надписью дурно написанною или плохо сохранившеюся. Лицо неопытное и не знающее легко можетъ прочесть такой памятникъ невѣрно, не увидать нѣкоторыхъ начертаній, или, наоборотъ, увидать ихъ больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Такъ, объясняя недавно найденный оскій наговоръ, начертанный на свинцовой табличкѣ, проф. Бюхелеръ неоднократно замѣчаетъ, что литографъ, дѣлавшій съ этого памятника точный *fac simile* (повторенный и г. Цвѣтаевымъ въ его *sylloge*, стр. 33), многое передалъ не точно, нѣкоторое невѣрно (*Was der Lithograph dargestellt hat, ist durchaus nicht sicher, einiges vielmehr entschieden unrichtig, wie ich bei der letzten Prüfung erkannte... Osk. Bleitafel, p. 59. ср. p. 69 и др.*). Г. Цвѣтаевъ обладаетъ и знаніемъ, и опытностью, при помощи которыхъ въ мѣстахъ чтенія сомнительнаго сумѣлъ избѣгать ошибокъ.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, для одного только воспроизведенія оскскихъ памятниковъ требовалось соединеніе многихъ условій, дѣлавшихъ изъ этого труда задачу нелегкую и не всеми разрѣшимую. Иныхъ условій и приемовъ требуетъ изданіе па-

мятниковъ въ транскрипціи; о нихъ мы скажемъ нѣсколько ниже, теперѣ же дадимъ отчетъ о рисункахъ г. Цвѣтаева.

Атласъ съ воспроизведеніями оскихъ памятниковъ заключаетъ въ себѣ 19 таблицъ въ большое folio, коимъ предпосланы двѣ палеографическія таблицы: одна съ изображеніями формы буквъ, другая—лигатуръ. Къ сожалѣнію, италійская палеографія только въ очень недавнее время стала составлять предметъ спеціальныхъ занятій археологовъ (срвн. Ar. Fabretti: Palaeographische Studien, Leipzig, 1877), такъ что относительная древность того или другаго типа начертаній въ большинствѣ случаевъ опредѣлена быть не можетъ, почему г. Цвѣтаевъ воздержался отъ классификаціи этихъ начертаній, ограничившись ихъ простымъ сопоставленіемъ. Вглядываясь въ ихъ формы, мы встрѣчаемся и у Осковъ съ тѣми же палеографическими законами, которые отмѣчены Ричлемъ у Римлянъ (Zur Geschichte des lateinischen Alphabets въ Opuscula, IV, p. 691—727): и въ этихъ памятникахъ замѣтно: а) стремленіе изъ наклонныхъ линій дѣлать прямыя, и изъ острыхъ угловъ прямыя (срвн. начертаніе буквъ: a, e, v, k, l, n, p, t, i); б) стремленіе ломанной линіи перемѣнять на дугообразныя (срвн. начертанія буквъ b, g, d, k, r, f), и в) наконецъ, отдѣленіе этихъ послѣднихъ или другъ отъ друга, или отъ соединенныхъ съ ними прямыхъ (срвн. начертанія буквъ f, b, k). Въ отличіе отъ римскаго, оскій алфавитъ проводитъ эти законы по съ строгою послѣдовательностью, такъ что въ однихъ знакахъ допускаетъ нѣсколько измѣненій, въ другихъ же нѣтъ. Лигатуры, попадающіяся на оскихъ памятникахъ, довольно многочисленны (у г. Цвѣтаева приведено ихъ до 41) и соблюдаютъ законъ вязи весьма строго (потому въ нихъ преобладаетъ присутствіе знаковъ a, i, m, n), чѣмъ рѣзко отличаются отъ неестественныхъ и причудливыхъ лигатуръ, которыми переполнены латинскія надписи Германіи и Британніи. Переходя затѣмъ къ самымъ таблицамъ, мы прежде всего должны замѣтить, что онѣ исполнены безукоризненно хорошо путемъ фотолитографіи. Какъ на особенно удачную можно, напримѣръ, указать на таблицу III, представляющую снимокъ съ т. н. tabula Agnonensis, или на таблицу XII, 2, изображающую помпеевскія солнечныя часы. Что касается снимковъ, то по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ мы можемъ замѣтить слѣдующее: они распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна передаетъ не только надписи на памятникѣ; но и самый памятникъ (напримѣръ, табл. I, 2а, II, III, 5, IV, 1, V, 3в, 7в, VI и др.); въ такомъ случаѣ издатель считаетъ нужнымъ приложить особо рису-

нокъ съ надписи, большею частью въ увеличенномъ видѣ. Этого приѣма нельзя не одобрить: такая передача существенно необходима не только при такихъ памятникахъ, какъ, напримѣръ, камень изъ Антилии, исписанный кругомъ (табл. V, 3в), но и при такихъ, гдѣ надпись начертана на прямой плоскости, необходима потому, что, во-первыхъ, облегчаетъ самое чтеніе (напримѣръ, табл. X, 4; XIII, 10 и др.), во-вторыхъ, даетъ средство контролировать издателя. Просмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія рисунки г. Цвѣтаева, мы нашли только одну неточность: на табл. X. стрк. 6, между словами *emphattens* и *perek* есть точка, отсутствующая на табл. X. а; затѣмъ на томъ же памятникѣ послѣдняя строка табл. X читается: *suaidilis. profattens.* (можетъ быть, послѣдняя точка и не интерпункція, а недостатокъ камня), на табл. же X а передана: *su. aidilis. profattens,* безъ точки на концѣ. Другую группу снимковъ составляютъ копія съ кальковъ и прописей издателя, передающія уже не самый памятникъ, но только начертанную на немъ надпись. Такія копія явились въ атласѣ, съ одной стороны, потому, что иногда издателю невозможно было снять фотографію съ самаго памятника, съ другой—потому, что самые памятники, какъ, напримѣръ, исписанныя граффитами и дипинтами стѣны не поддавались воспроизведенію ихъ въ цѣлости. При передачѣ надписей издатель, какъ кажется, не имѣлъ въ виду воспроизвести ихъ по одному, послѣдовательно выдержанному, масштабу. Къ сожалѣнію, этотъ вполне цѣлесообразный и даже важный приѣмъ прилагается лишь весьма рѣдко издателями древнихъ надписей; изъ многочисленныхъ ихъ сборниковъ намъ извѣстенъ лишь одинъ, въ которомъ онъ проведенъ съ скрупулезною точностью: это — *Inscriptions antiques de Lyon reproduites d'après les monuments ou recueillies dans les auteurs par Alphe de Boissieu.* Lyon, 1854; въ этомъ сочиненіи всѣ переданные съ неподражаемою точностью и изяществомъ памятники уменьшены, противъ оригиналовъ, въ десять разъ. Впрочемъ, несоблюденіе извѣстнаго масштаба мы не рѣшимся поставить въ вину г. Цвѣтаеву; главнымъ образомъ потому, что цѣлый рядъ надписей—граффиты и дипинты—не поддавался уменьшенію, котораго наоборотъ, требуютъ другія, въ родѣ *cirrus Abellanus*. Издатель, чувствуя этотъ недостатокъ, помогъ ему отчасти тѣмъ, что при транскрипціи надписей неопустительно указывалъ, какъ на высоту и ширину памятника, такъ и на величину буквъ надписи. Руководясь этими указаніями, читатель имѣетъ возможность узнать, въ какомъ пропорціональномъ отношеніи находится снимокъ къ оригиналу. Это могло бы быть еще

облегчено и тѣмъ, еслибъ издатель, гдѣ нужно, привелъ скалу уменьшенія.

Переходимъ къ разсмотрѣнію текста. Сперва мы скажемъ о той его части, которая обща какъ русскому, такъ и латинскому изданіямъ, именно о текстахъ надписей и о глоссаріѣ. Не смотря на то, что обѣ книги составлены однимъ и тѣмъ же авторомъ, вышли одна въ 1877 г., другая въ 1878 г., слѣдовательно, въ сравнительно очень небольшой промежутокъ времени, — онѣ представляютъ нѣкоторыя уклоненія, какъ въ передачѣ текстовъ, такъ и въ ихъ толкованіи, и наконецъ, въ глоссаріѣ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что русскій текстъ по своей дешевизнѣ и общедоступности будетъ находиться въ рукахъ бѣльшаго числа читателей, чѣмъ текстъ латинскій, и замѣтивъ, что послѣдній во многихъ мѣстахъ исправляетъ и дополняетъ русскій, мы сочли не лишнимъ указать главнѣйшія изъ этихъ исправленій и дополненій. Изъ нихъ, между прочимъ, ясно, какъ, съ одной стороны, даже при самой скрупулезной точности и осторожности, съ которыми отнесся къ своему труду г. Цвѣтаевъ, возможны недосмотры или пропуски, и какъ, съ другой, въ столь малоразработанной или, лучше сказать, малозвѣстной области, каковою оказывается область италійской діалектологіи, широко примѣняется правило: *dies diem docet*. Начиная съ текстовъ надписей, слѣдуетъ отмѣтить, что латинское изданіе г. Цвѣтаева отличается отъ русскаго, прежде всего, болѣе подробнымъ сообщеніемъ литературы памятниковъ и отчасти тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали его открытіе. Для образца приведемъ то, что относится къ первому изъ приводимыхъ памятниковъ. Въ русскомъ текстѣ мы читаемъ: „На мраморной плитѣ, случайно найденной въ 1858 г. и вскорѣ, по повѣженію владѣльца, разбитой въ куски“. Изъ литературы надписи приведены: *G. Colucci Bull. Arch. Nap. n. sr. VII, 90. Fabretti C. I. It. n. 2732. bis; Corssen Ephem. epigr. II, 184 n. 73*. Въ латинскомъ текстѣ сказано: *Una lapida marmorea inventa mense Ianuario anni 1859 in camera subterranea nella valle sottostante a Nesce, villaggio aggregato al comune di Pescorocchiano sul confine dell' Abruzzo Aquilano con la Pontificia Delegazione di Rieti. Colucci*. Изъ литературы указано: *ediderunt Colucci Bull. arch. nap. n. s. VII p. 90 cf. gli Equi o un periodo della storia antica degli Italiani vol. I. Florentiae editum a. 1866. p. 17, Leosini Bull. dell' Inst. 1859, p. 114., unde repetierunt Corssen Zeitschr. f. Vergl. Sprachf. XI. p. 401 sq. et Ephem. epigr. II p. 184. n. 73, Fabretti C. I. it. n. 2732, 2, quem*

qui secutus est Enderis F. d. Osk. Spk. p. 8. n. 4. non recte dixit hunc titulum in Campania esse inventum. Tractaverunt Minervini Bull. arch. nap. I. c. p. 91, Garrucci ibid., p. 161 sq. Затѣмъ, въ латинскомъ текстѣ постоянно указывается на соответствующую таблицу атласа и на то, по чьему и какому снимку сдѣланъ въ послѣднемъ рисункѣ памятникъ. Наконецъ, съ большею подробностью сообщаются варианты предыдущихъ издателей. Переходя къ частнымъ уклоненіямъ, мы будемъ отмѣчать ихъ въ порядкѣ номеровъ надписей, при чемъ цифры, поставленныя въ скобкахъ, будутъ указывать на латинскій текстъ, въ которомъ надписи размѣщены нѣсколько иначе:

2 (2) въ переводѣ нѣтъ знака вопроса послѣ *iuventutis*, а слово *palanod* оставлено безъ передачи.

4) (4) знаки вопроса въ переводѣ опущены.

7 (7) въ первой строкѣ читается лишь: N?...

9 (11) вмѣсто *perfecit* стоитъ: *fecit*.

10 (12) первыя четыре строки надписи читаются:

k?:

.iniefs:

. aviefs. afdil(is

i: peessl (om

и надпись переводится:—*nieius* | — *avieius aediles* | *templum* | *proba-verunt*.

12 (14) въ 5-й строкѣ читается: *nir?*

13 (9) въ переводѣ прил. *sergius* вездѣ замѣнено *cerealis*, также, какъ слово: *Serri*—*Sereti*; *Vetusio* въ строк. 2 А и 3 В замѣнено на *Vetusco*, 6 и 23 А и 8 В *Ammae* на *Matri*, 8 А и 10 В сл. *ligana-kdikei* передано: *θεσμοθέτις*, и при *intera* опущенъ знакъ вопроса, 9 А и 12 В, сл. *anafriss* оставлено безъ перевода, 11 А и 14 В сл. *verehasiu* и *verehasiu* передано черезъ *iuventuti*, 18 А и 23 В сл. *akenei* переведено: *agone*, 22 А сл. *pernai* передано: *Praestiti* и 23 В сл. *decumis* замѣнено сл. *decumanis*.

14 (10) предпоследняя буква прочтена, какъ n.

16 (16) первыя три точки поставлены въ скобкахъ.

17 (18) дополняемое въ началѣ слово пишется: *stafis*, и вмѣсто *ors* стоитъ *ups*.

18 (19) во второй строкѣ двѣ послѣднія буквы въ *saipap* поставлены въ скобкахъ, и въ третьей между словами нѣтъ точки.

19 (20) b читается: [af]d и *orsappom*, при чемъ первое слово переводится: *aediles*.

- 20 (17) въ строкѣ 6-й первое слово читается: p]aam.
- 21 (21) послѣднее слово 2-й строки читается: seem...
- 22 (22) въ переводѣ къ сл. *Bannius* поставлено еще *Bannas*, какъ другая возможная интерпретація знаковъ: *bn*.
- 25 (26) передъ *t* стоитъ *l* и въ переводѣ рядомъ съ *Laesius* приведена форма: (*Laius*?); при *f* знака вопроса нѣтъ.
- 26 (26) приводится переводъ Бюхелера: *Quis tu? | | cuia baetis? | Adii Aefini*.
- 29 (29) слова *mitl* и *fiml* оставлены безъ перевода.
- 32 (34) сл. *per* передается черезъ *nobilis*.
- 33 (32) текстъ оставленъ безъ перевода.
- 34 (36) дополненія къ тексту опущены. Къ ней г. Цвѣтаевъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: *inscriptio tam mutilata est, ut restituere eam difficile sit. Cluatios tamen et deam Ioviam agnoscimus*.
- 35 (37) надпись переводится: *Virriorum | Vesulli... | divin... |*
- 36 (38) надпись читается: *nl | fiisu... | vesu... и переводится: Numisius*.
- 39—43 (42—46) фрагменты: *kluv... и min. u... оставлены безъ перевода*.
- 46 (49) точки между словами: *steni klum* (1), *pl asis* (3), *deikum* пер. (8) опущены, равно какъ и знакъ вопроса послѣ *fl* (2). Въ переводѣ сл. *Helvius* замѣнено черезъ *Hellevius*, а *sibi capiat* (*capessat*) черезъ *sibi velit*.
- 53 (57) первое слово читается *ni]umsis*, а послѣднее во второй строкѣ: *perkdne[ls* (вѣроятно — опечатка); сл. *degetasios* передано: *digitarii?*, также какъ и въ 54 (58) слово *degetasis* — *digitarius?* Тамъ же слово *multas* дополнено: *multas* (*ikod*)
- 55 (59) слово *vesi* передано лишь черезъ *Ves—*
- 56 (60) слово *aukil* передано: *Aucilus*.
- 58 (62) первая строка читается: *m.? siuttiis [.] m. n. pontiis. m;* въ 8 строкѣ послѣднее слово: *dekkvialim* (переведенное: *decurialem*), а въ 10 первое: *segevkid*.
- 59 (63) слово *tangiuud* переведено: *scito*. cf. 66 (70); но въ 67 (71) *ta]ugin*. передается: *sententia*.
- 61 (64) слово *aamaaffed* переведено: *mandavit*. cf. 62 (66), 67 (71), 64 (69); въ послѣднемъ памятникѣ послѣ *tov* нѣтъ точки.
- 66 (70) знакъ:... и переданъ черезъ:—*um*.
- 68 (74) *b*. читается: *dias[i]ls*, переведенное: *basalis*.

69 (73) 3-я строка читается: *teremnatt[ens]*, въ 4-й *vii*, и сл. *pat...* тамъ же передано черезъ: *pat...*

70 (76) надпись передана: *mr. po[pi]diis. mr | rom[raii]a[ns]*

71 (72) первое слово дополнено черезъ: *ops...*

73 (75) надпись переводится:—*Namisius Ma...* | — *iam sa...* | *runt* (*terminaverunt vel probaverunt*).

Упомянутый въ прим. 1 на стр. 29 знакъ, относительно котораго—оскій ли опъ—сопѣвался г. Цвѣтаевъ, въ латинскомъ изданіи при знацѣ таковымъ и помѣщенъ на табл. XIV п. 6.

76 (80) слово *amvianud* переводится черезъ: *viso. cf. 77 (81), 78 (83), 79 (82)*.

78 (83) *ú* въ послѣдней строкѣ переводится: *Ofii f.*

79 (82) послѣдняя строка читается: *v. sehs ímbrtr?* *v* и переводится: *Vibius Seius ímperator Italicus?*

81 (84) вм. *v.* во 2-й строкѣ читается *e?* и переводъ *herenni* черезъ *Herennius* сопровождается знакомъ вопроса.

84 (90) начальное *l* переводится: *Lucius?*

87 (91) *vaamunim* передается черезъ:—*monium.*

90 (97) надпись читается: *a a silli* и оставляется безъ перевода.

93 (96) послѣдняя строка читается:... *kin*, а первая переводится: *Mamius? Mefitaeus?*

94 (95) надпись читается:... *emens melíssaíi.. n .. ígíraarígíís? | ím?*

96 (110) слово *ru* оставлено безъ дополненія и вся надпись безъ перевода.

98 (109) надпись читается: *ga. silli*

99 (113) надпись переводится: *Decius Te...*

100 (103) точки на концѣ нѣтъ.

102 (104) при *Decius* знака вопроса нѣтъ.

103 (114) надпись оставлена безъ перевода.

105 (115) надпись передается: *o. nov.*

106 (116) надпись переводится: *Stephanus? Caesidius? (Caesellius)?*

108 (111) надпись дополняется лишь предположительно.

112 (119) надпись оставлена безъ перевода.

113 (120) начало надписи читается: *dd?*; про эти буквы г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ: *sint ne RR litterae oscae nescimus.*

114 (121) *b* знакъ пропуска между *h* и *k* не отмѣченъ.

В прибавлены знаки: *a b g*

115 (122) надпись читается: *g. ívda íleosíix? | gíííííííííííí?*

123 (130) переводъ сопровождается знакомъ вопроса.

124 (131) къ греческому Ἀρχία присоединено латинское: Archia.

128 (135) надпись переводится: Негпенус... | fecit.

131 (138) къ греческому Ξανθία прибавлено латинское: Xanthia.

134 (141) во 2-я: строкѣ читается: verna?

Въ транскрипціи tabula Bantina, приложенной къ страницѣ 45, мы отмѣтили слѣдующія уклоненія: строка 11. вм. ELC въ латинскомъ текстѣ стоитъ ELG, стр. 116 вм. PRVTER—PPVTER и вм. PON POSMOM—PONPOSMOM, строк. 28 вм. SVAEPIS—SVAFPIS

Въ переводѣ отмѣтимъ слѣдующія черембны: въ 1-й строкѣ ust? izio переведено:— erit is, въ 4-й сл. qu—cum, въ 13-й и 27-й сл. multas—multas, строка 23. сл. svae—pod—sive, строка 29 сл. pis tacusim negum—quisquis... nobilium.

136 (143) въ послѣдней строкѣ первое слово читается: μ? εσοτ, а послѣднее: μαιααα[ς], и въ переводѣ сл. vallare опущено.

138 (144) строка 2. дополняется сл. αα (α).

138 (145) надпись переводится: Titus Cemerus posulum.

145 (152) послѣдняя буква читается: δ

147 (153) первое слово читается: τρεβις. J littera vocabuli τρεβις, говорить г. Цвѣтаевъ, quam ars photographica in tabula nostra, quod dolendum est, repraesentare non potuit, tam obscura atque subtilis est, ut vix distingui queat.

165 (172) b. читается: augurunk

173 (180) с опущено.

174 (181) приводится переводъ: Viscinius?

Изъ памятниконъ, не вошедшихъ въ русское изданіе, выдается наговоръ на свинцовой табличкѣ, изданный проф. Бухелеромъ. Мы приведемъ этотъ памятникъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же сообщимъ тѣ небольшіе отрывки, которые не вошли въ русское изданіе:

№ 35. два обломка, найденные въ Капуѣ и находящіеся въ настоящее время въ Берлинѣ: 1) въ верхней части кабанъ, обращенный влѣво, съ подписью:... Э]; задняя сторона пустая; 2) сверху три диска, утолщенные около середины, на подобіе опрокинутыхъ блюдъ; возлѣ нихъ идутъ три строки погибшей надписи:

ΟΙΒ

8

]ΙΕΥ

задняя сторона пустая. Изд. de Duhn Bullett. d. instit. 1876, p. 184.

№ 40. ножка стекляннаго сосуда, найденнаго тамъ же, съ надписью:

ΣΙΤΤΙΑ
ΣΑΙΟΛΓ

de Duhn *ibid.*, p. 177. п. 1.

Неизвѣстнаго происхожденія надпись:

ИΙΔΝ

оттиснутая на свинцовой пластинкѣ (помѣщена въ *addenda*).

Читателю внимательному изъ приведенныхъ выше сопоставленій будетъ ясно, что авторъ, при составленіи русской книги, стоялъ еще подъ значительнымъ вліяніемъ Корссена, сказывавшемся особенно при переводѣ и толкованіи надписей; при составленіи же книги латинской, г. Цвѣтаевъ уже освободился, болѣе или менѣе вполне, отъ этого вліянія и применилъ почти исключительно къ толкованіямъ Бюхелера. Такой переходъ еще явственнѣе при сравненіи обѣихъ глоссаріевъ г. Цвѣтаева — русскаго и латинскаго, разница между которыми довольно значительна. Оставивъ въ латинскомъ лишь существенно-необходимое, авторъ опустилъ различныя сопоставленія, догадки и предположенія, иногда совершенно невѣрныя и невѣроятныя, которыхъ немало въ глоссаріѣ русскомъ; эта невѣрность и невѣроятность происходили главнымъ образомъ отъ того, что авторъ взялъ себѣ руководителемъ въ области этимологическихъ разъясненій и догадокъ Корссена и Фика (*Vergleichendes Wörterbuch*). Авторитетъ послѣдняго въ этихъ вопросахъ еще болѣе слабъ, чѣмъ авторитетъ Корссена. Такимъ образомъ, латинскій глоссарій, выигравъ въ краткости, выигралъ и въ своемъ достоинствѣ. Въ послѣдующихъ строкахъ мы отмѣтимъ лишь главнѣйшія исправленія и дополненія, которыя можно сдѣлать въ русскомъ глоссаріѣ, сравнительно съ латинскимъ, опуская то, что выпущено авторомъ, какъ заимствованное преимущественно изъ трудовъ обѣихъ вышеназванныхъ ученыхъ.

aatanaffed объясняется, вслѣдъ за Бюхелеромъ (*Oskische Bleit.* p. 61), какъ: *mandavit opus*.

послѣ сл. *avt* стоитъ сл. *avti* GB. 6 11 13 24 а] *vti* GB. 29 *coniunctio* = *aut.* cf. *lat. autem. idem valet avt DV* (этими знаками мы будемъ обозначать изданный Бюхелеромъ наговоръ) 5 6 *bis positum pro avti.*

a] *id* 19 b. = *aediles*

akdased Бюхелеръ объясняетъ какъ: *aequidavit id est fines* (a Boviano) ad normam direxit.

aisusis DV 7. abl. plur. decl. 5. = *sacrificiis*. cf. *sabell. aisos* = *sacri*, *umbr. esunu*, *volsc. esaristrom* = *sacrum*.

akenei объясняется вслѣдъ за Бюхелеромъ (*N. Jahrb.* 1875, 129) in agone.

Akvias DV. 10. nomen proprium femininum dat. sing. decl. 1. = *Aquiae* cf. *Aquia Quarta* IRN. 2206.

akrid DV. 4. nomen adiectivum abl. sing. decl. 3. = *acri*.

anikadum DV. 2. lectio incerta.

arasne nota nummum incerta.

arentik[ai] DV. 1. *ar[entikai]* DV. 3. *aret[ikai]* DV. 12. nomen adiectivum femininum dat. sing. decl. 1. = *ultrici*. cf. *Hesychius* 'Αράντιον. Ἐρινόσιον. Μαχεδόνες.

afakus DV. 10 11 futurum II activi 2 pers. sing. = *detuleris*.

afakud DV. 3. praesens coniunctivi 3 pers. sing. = *deferat*. Etymon varie explicatur a Büchelero *Osk. Bleit.* p. 52 sqq. 72 sq.

baiteis вслѣдъ за Бюхелеромъ (l. l. p. 29) объясняется какъ глаголѣ: praes. indic. act. 2 pers. sing. = *baetis*.

bivus DV. 9. nom. adiect. masc. nom. plur. decl. 2. = *vivi*.

brateis толкуется черезъ = *commodi*.

реставрацію *g]avieis* въ п. 10 г. Цвѣтаевъ принимаетъ въ глоссаріѣ за фактъ положительный.

da[da]d DV. 3. praes. coni. activ. 3 pers. sing. = *reddat*.

dadid DV. 4. indic. 3 pers. sing. = *reddit*, ἀποδίδωμι.

damia.. DV. 2 оставлено безъ объясненія.

damuse... 34 b и *damu*... 34 a, вслѣдъ за Бюхелеромъ (*Osk. Bleit* p. 72), оставлены безъ дополненія и объясненія, которыя въ русскомъ текстѣ были заимствованы изъ Корссена.

degetasis и *degetasios* 53 (nom. plur. decl. 2), вслѣдъ за Бюхелеромъ (*Comm. in honor. Momms.*, p. 230 sq.), объясняется черезъ *digitarius*. *Meddices digitarii*, по Бюхелеру, *sunt qui publicas rationes civitatum tractant tributaque exigenda describunt*.

degvinum признается за gen. plur. decl. 2.

deivin... 35 (рус.) и *deiv* 35 (лат.) оставляются безъ объясненія

dias[is], согласно толкованію Бюхелера, принимается = *besalis*.

dunte.. DV 4 оставлено безъ объясненія.

edum DV 8, по Бюхелеру, *infin. indic. act.* = *edere*, по Бреалу

(*Revue critique* 1878, p. 92) *pronomen demonstr.*, происшедшее изъ *ed-dum*.

ch. Ab. 14: fortasse *ch[stii]*?

eis... DV. 5, приведено въ группѣ иѣстоименія соответствующаго лат. *is, ille*.

v въ 81, Бухелеръ объясняетъ, какъ=*vitelius, Italicus*?

vaatunim, вмѣстѣ съ Бухелеромъ г. Цвѣтаевъ признаетъ за неизвѣстное по значенію существительное, оканчивающееся на *monium*.
valaimais DV. 2 12 *valaima(i)s* DV. 4 10 *valaims* DV. 9 dat. plur. decl. 1=*diis Manibus, ad litteram: optimis*.

valaimas DV. 8 *nomin. plur. decl. 1.=di Manes*.

ved, надпись на метательныхъ гландахъ; г. Цвѣтаевъ предполагаетъ въ ней *eed*?

veat... 187 опредѣляется, какъ *nomen proprium*.

verehasioi, вмѣстѣ съ Бухелеромъ, г. Цвѣтаевъ толкуетъ, какъ=*Iuventuti, Iuveni*. Первый говоритъ: *verehasio appellatus est a vereia, ut stahnt factur est ex staiunt, ahena ex aie—: Latini hunc Jovem Juvenem aut Juventutem dixere (Hensen Or. 5634, 5635)*.

слова *vesulia* 35 и *vesulias* 185 оставлены безъ объясненія, также какъ и *ves* 185.

Vibiai DV. 3 10 *praenomen femininum dat. sing. decl. 1.=Vibiae* cf. *Vibia Tetidia. Hensen 6238*.

heriam DV. 1, *nom. substant. femin. accus. sing. decl. 1.=arbitrium*.

humuns DV. 9, *nom. subst. mascul. nom. plur. decl. 5.=homines*.

huntru DV. 11, *adverbium=infra*.

h[un]truis DV. 7, *nom. adiect. mascul. dat. plur. decl. 2=inferis* cf. *umbr. hutra hondra hondomu*.

imbrtr? 79=*imperator?* sed cf. *embratur*.

kahad DV. 6. bis 8 *praes. indic. act. 3 pers. sing.—capit. cf. lat. incohare, graec. κυχῆ—сорат.*

kaila 58,6 объясняется черезъ=*caulas templi*.

kai 106 *nota nominis proprii masculini cuiusdam*.

kaispatar DV. 5 *praes. coniunct. pass. 3 pers. sing.=caedatur?*

karanter DV. 9. *praes. indic. pass. 3 pers. plur.=pascentur, ves-*
cuntur, при чемъ приводится цитированная Бухелеромъ глосса Платона (p. 29, 19 Deuerling) carensis, pistoribus a caria, quam Oscorum lingua panem esse dicunt.

ka... 53 *cognomen masculinum*.

къ *Kerri* прибавлена еще форма *Keri* DV. 1 3 12.

Kluvatiis DV. 9, nomen propr. mascul. nomin. sing. decl. 2=Cluatius.

Kluvatiud DV. 2, abl. sing. decl. 2=Cluatio.

Kluvatiium DV. 10, acc. sing. decl. 2=Cluatum.

Klu... 185, в, *Kluvati...* 185 а fragmenta nominis propria Cluatorum.

qn TB. 4 (сн Brunsl), по предложенію Бюхелера, описка в м. *pon*=cum.

krustatur DV. 5, praes. coni. pass. 3 pers. sing.=cruentetur?

leginei DV. 4 11 12 nomen substant. dat. sing. decl. 5=potestati, religioni.

leginum DV. 3 accus. sing. decl. 5=potestatem. cf. lat. lex legere ligare religio.

leg... DV. 1:

liganakdikei, в слѣдѣ за Бюхелеромъ (Osk. Bleit. p. 10), отождествляется съ греч. Θεσμοδέτις.

limu DV. 8 nomen substant. acc. sing. decl. 2=famem, λιμόν. cf. Paul. Festi in v. bulimum.

malaks DV. 2. nomen adiectiv. mascul. nomin. sing. decl. 2=mollis, μαλακός.

manafum DV. 3. [*man*]afum DV. 1. perfectum? indic. activi 1 pers. sing.=mandavi.

[*m*]a[*r*]a? 90=Mara.

сл. *medicim* TB. 30 31 34 опущено, вѣроятно по недосмотру.

Me iaina[s] принимается, какъ Gen. и передается=Meiaiana.

mennum DV. 8. infin. praes. activi=minuere; cf. *min[s]*, *minstreis*.

mefiai Ab. 57 nomen adiect. femin. locat. sing. decl. 1.=in media.

mefi[o] Ab. 30. nomin. sing. decl. 2=media.

moiniko Ab. 22. nomin. sing. decl. 2=communis.

na (vel *ma*) 14 fortasse nota vocabuli cuiusdam, vulgo cum donom praecedenti coniungitur.

въ сл. *neip* приводится еще указаніе на DV. 4 5 6.

nistrus DV. 2 nomen adiect. masculin. nomin. plur. decl. 2=propiores? *Bücheler*, Osk. Bleitaf. p. 70 sq.

n... *num* DV. 6.

pai DV. 1. nqmin. singul.=quae.

pai DV. 8. accus. plur. neutr.=quae.

Pakim DV. 10. praenomen mascul. accus. sing. decl. 2=Pacium.

Pakis DV. 9. nomin. sing. decl. 2=Pacius.

Pakiu DV. 2. ablat. sing. decl. 2. pro *Pakiud*=Pacio.

Pernai сопоставляется съ лат. Porrima, Prorsa, Antevorta.

perfa... DV. 6.

къ сл. *pid* приводится еще указаніе формы *pid* въ DV. 6, также, какъ и къ *pidam*—формы *pidum* *ibid.* 7.

pi... DV. 8.

къ формѣ *Platorius* 152, b г. Цвѣтаевъ считаетъ нужнымъ замѣтить: *terminatio huius vocabuli in—s prorsus non est Osea.*

prebiam DV. 3. accus. sing. decl. 2.

pod въ ТВ. 23 послѣ *svae* принимается, вслѣдъ за Бюхелеромъ (Osk. Bleitaf. p. 55), въ значеніи *sive, sive*.

про предлогъ *post* замѣчено, что онъ управляетъ лишь *ablat.*

puh DV. 10 11 pronomen indefinit. abl. sing.=aliquo. сл. *Bücheler* (Osk. Bleitaf. p. 55, 229.

puí DV. 1. pronomen relativum masculin. nomin. sing.=qui.

puk DV. 9. *puclu* DV. 12. *p[uklu]* DV. 2. *puclui* DV. 8, 10. *puclum* DV. 4 ubique legendum esse *puclum* coniecit Bücheler Osk. Bleitaf. p. 14 sqq. sed cf. quae dixit M. Bréal *Revue Crit.* 1878, p. 91.

сл. *putperias*, вслѣдъ за Бюхелеромъ (Osk. Bleit. p. 45 и Interpret. tub. Iguv. II, p. 8) переводится черезъ=**quincuriae*.

pun DV. 6. bis. 8. coniunctio=cum, quom.

put DV. 5=*post*.

къ *putians* прибавлена форма *putians* DV. 7. bis.

putiad DV. 6 7 8 praesens coniunct. activ. 3 pers. sing.=possit

pu. lum DV. 3.

sakahiter переводится черезъ=*sancitur*.

sakra... 38.

sakrim DV. 11 nomen adiect. mascul. acc. sing. decl. 1.=sacrum, vet. sacrem.

sa... DV. 11.

sebsik 68 nomen mensurae.

про *servikid* г. Цвѣтаевъ говоритъ: *etymon cognatum est cum lat. servare.*

Фх 136 adverbium=sic. cf. sua inscript. paelignae explicatum a Büchelero Rhein. Mus. 1878, p. 282.

къ *svai* приб. DV. 4 5 bis. 6 10 11.

statos Ag. AI nomen subst. mascul. nomin. plur. decl. 2=statuae. cf. *statif*.

steras DV. 11.

svam DV. 1. accus. sing. decl. 1=suam.

svu 74 nota incerta.

suluh DV. 9 adverbium=denique, sollo cf. s. v. *salavs*.

sum 44 aut vocabuli incerti fragmentum aut auctore Mancinio 1 pers. sing. praes.=sum. Qui vir doctissimus titulum Campanum n. 44 in duas inscriptiones dividit: 1) *vibi(s:) smintiis: (sum)*, 2) *vibis smintiis sum=Vibius Smintius sum.* cf. Giorn. scavi di Pomp. n. s. III p. 231.

supruis DV. 7 adiectivum masc. dat. plur. decl. 3=superis.

supr... DV. 10.

sum надпись на метательныхъ гландахъ: an *sum?* замѣчаетъ г. Цвѣтаевъ.

sum 56 опущено.

t 25.

t какъ: nota vocabuli *tangmod.*

къ *tacus]im* г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ: an—im postpositio est ut inffsnim? „

te... 99. initium nominis proprii cuiusdam.

tium DV. 5 *tio* 26 pronomen nom. sing.—tu. cf. Bücheler Osk. Bleitaf. p. 29.

t(i)fei DV. 3 dat. sing.=tibi.

tribarokattins Ab. 48. perfectum coniunct. activ. 3 pers. plur.=aedificarint.

tribarakkinf Ab. 37. nomen substant. femin. nomin. sing. decl. 5.=aedificatio.

trutas DV. 12. partic. perfecti pass. accus. plur. 1.=certas.

tuvai DV. 11. pronom. posses. dat. sing. decl. 2.=tuae.

turumiad DV. 9. praes. coniunct. act. 3 pers. sing.=tabescat. De etymo lege Buecheleri Osk. Bleitaf., p. 46 sq.

tus... DV. 12.

ud... DV. 7.

ulas DV. 4 12 genet. sing. ded. 1.=ollae.

ombnavt въ 20 принимается, какъ perfectum, но подъ знакомъ вопроса. Цитаты на Бюхелера Rhein. Mus. 1875, p. 440, 442; 1878, p. 286.

um DV. 6. accus. sing. decl. 2.

οορσενс 153 3 pers. plur.=fecerunt, operati sunt.

форма: *urena* опущена.

usurs DV. 2. nomen adiectiv. mascul. nomin. sing.?

ufteis DV. 7. participium perf. pass.? genet. sing. decl. 2; de etymo incerto cf. Buecheler, Osk. Bleitaf., p. 39.

far DV. 8. nomen substant. neutrum accus. sing. decl. 5.=far.

fatum 46 6 8 infinit. praes. act.=fari.

fissim принимается за casus incertus.

Fiml 29 оставлено безъ объясненія.

f... и *f* въ отрывкѣ у Duhn Bullett. d. Instit. 1876. a, p. 184:
ffikus DV. 5. futur. 11. activ. 2 pers. sing.=defixeris, decreveris.

cf. lat. *figere*.

Flaapiu 46 оставлено безъ объясненія.

frus 128 vulgo=Frons.

Изъ этого сличенія, въ которомъ, какъ кажется, не опущено ничего значительнаго, видно, на сколько выигралъ латинскій глоссарій г. Цвѣтаева, въ сравненіи съ русскимъ, и въ точности и въ полнотѣ. Сравнивъ сходныя части разсматриваемыхъ книгъ, мы, въ своемъ дальнѣйшемъ отчетѣ, будемъ имѣть въ виду исключительно латинскій текстъ, цитую лишь, для большаго удобства читателей, въ скобкахъ номера надписей русской книги.

Приступая къ отчету о первой части труда г. Цвѣтаева, мы должны прежде всего замѣтить, что она требовала отъ автора значительной опытности, умѣнья и начитанности; первыя два условія были необходимы для правльнаго чтенія и передачи надписи, послѣдняя для приведенія ея литературы. Слѣдующія ниже отдѣльныя замѣчанія на нѣкоторые памятники убѣдятъ читателя, что автору нельзя отказать ни въ первыхъ двухъ, ни въ послѣдней.

Приводимыя въ текстѣ книги г. Цвѣтаева надписи расположены имъ въ слѣдующемъ географическомъ порядкѣ: область Эквовъ (Нерса), область Френтановъ (Lanciano, Punta di Penne, Vasto, Fresa, Casacalenda, Castel di Sangro, Alvito, Agnone, Bovianum, Molise, Rocca Aspromonte, Saerinum, Beneventum, Castello della Baronja), Пиценумъ, область Террачины, Кампанія (Капуя, Кумы, Абелла, Нола, Геркуланумъ, Помпеи, Суррептумъ), Луканія (Ваптія, Анксія, Теганумъ, Castellascio), область Бруттіевъ (Вибо), Сицилія (Мессана). Кромѣ того, до насъ дошли оскія монеты изъ слѣдующихъ мѣстностей: область Марруциповъ (Театы), область Френтановъ (Ларинумъ), Самниумъ (Езернія, Аалифы, Телезія, Аквилонія), область Аврунковъ (Аврунка), Кампанія (Теанумъ, Кубультерія, Капуя, Калація, Ателла, ПUTEОЛИ, Нуцерія Альфатернская, Урїя) Апулія (Аскулумъ), Луканія, область Бруттіевъ (Вибо Валенція), Мамертинцы. Каждый изъ приводимыхъ г. Цвѣтаевымъ текстовъ сопровождается подробнымъ указаніемъ мѣстности, гдѣ былъ найденъ памятникъ, времени открытія, вышняго его вида, мѣста его нахожденія; къ этому присоединяется

точное обозначеніе величины памятника и буквъ. Въ большинствѣ случаевъ упомянутыя указанія выписываются дословно изъ тѣхъ авторовъ, которые непосредственнѣ другихъ были знакомы съ обстоятельствами открытія, приѣмъ, проводящійся весьма послѣдовательно въ Берлинскомъ *Coprus Inscriptionum Latinarum*, и заслуживающій полного сочувствія; единственное затрудненіе, которое можетъ при этомъ возникнуть для читателя незнакомаго съ италіанскимъ языкомъ (такъ какъ большинство изъ этихъ указаній извлечено изъ италіанскихъ сочиненій) легко устраняется близостью этого послѣдняго къ латинскому. За симъ слѣдуетъ транскрипція надписи, передающая памятникъ во всѣхъ подробностяхъ его начертаній; въ большинствѣ случаевъ она сдѣлана съ безукоризненной точностью, такъ, что читателю, не имѣющему таблицъ, почти вездѣ можно вполне положиться на передачу надписей г. Цвѣтаевымъ. Можно пожалѣть лишь объ одномъ: такъ какъ очень многіе памятники сохранились или весьма дурно или не вполне, то было бы желательно, чтобъ издатель и въ транскрипціи указалъ: во первыхъ, какія буквы читаются неясно или не вполне (это можно бы было сдѣлать, отмѣчая каждую изъ такихъ буквъ особымъ знакомъ, напримѣръ подписною точкой, какъ это дѣлалъ между прочимъ Корссенъ въ *Ephem. epigr.*), и во вторыхъ, какъ велики пропуски, то-есть, сколько буквъ, приблизительно, утрачено черезъ имѣющуюся лауну. При небольшомъ числѣ оскихъ памятниковъ, каждый изъ нихъ приобрѣтаетъ особое значеніе во всѣхъ своихъ, даже мельчайшихъ деталяхъ, и потому указанія отмѣтки далеко не были бы лишними. Можно возразить, что все сказанное отмѣчено въ атласѣ, но не всякій можетъ имѣть послѣдній; да и у изслѣдователя, его имѣющаго, сбереглось бы не мало времени черезъ сказанныя указанія. Транскрипція сопровождается, гдѣ это возможно, переводомъ. При этомъ осторожность издателя сказалась тѣмъ, что онъ весьма рѣдко сообщаетъ свою собственную передачу надписи; въ большинствѣ же случаевъ онъ заимствуетъ ее у другихъ изслѣдователей: Моммзена, Корссена, и преимущественно, Бюхелера. Тамъ, гдѣ разногласятъ одинаковые, по мнѣнію г. Цвѣтаева, авторитеты, онъ воздерживается отъ сужденія, предоставляя времени указать на болѣе вѣрное объясненіе. Лишь въ одномъ мѣстѣ онъ попытался выставить свое предположеніе относительно значенія *eftuns*, понимая эту форму, какъ *conunct. praes.* но въ послѣдствіи отказался отъ него (стр. 53). При указаніи выше авторитетъ Бюхелера, при его компетентности въ толкованіи темныхъ

оскихъ текстовъ, такая зависимость г. Цвѣтаева отъ его руководства совершенно понятна и вполне одобрительна. Вслѣдъ за транскрипціей и переводомъ идетъ указаніе на таблицу и номеръ рисунка, подъ которымъ памятникъ находится въ атласѣ и отмѣчается свойство снимка, съ котораго онъ тамъ воспроизведенъ. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе литературы памятника. При ея, сравнительно, небольшомъ объемѣ г. Цвѣтаевъ счелъ умѣстнымъ по возможности полное исчисленіе тѣхъ сочиненій, въ которыхъ передается та или другая оская надпись. При литературѣ болѣе значительной это могло бы показаться роскошью, и издатель довольствовался бы отмѣткою только такихъ сочиненій, авторы которыхъ передаютъ надпись по автописи или же вносятъ въ ея чтеніе и толкованіе что-либо новое, своеобразное. Впрочемъ, и г. Цвѣтаевъ не опускаетъ случая отмѣчать, въ какихъ трудахъ надпись издана съ новымъ чтеніемъ, и въ какихъ она заимствована изъ печатнаго источника, при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, отмѣчаетъ и этотъ источникъ. Въ заключеніе, сообщаются варианты прѣжнихъ издателей, преимущественно Моммзена, Фабретти, Корссена.

Таковы, въ общихъ чертахъ, составъ первой половины труда г. Цвѣтаева. Въ ниже слѣдующихъ частныхъ замѣчаній выяснятся характерическія его черты въ подробности. Эти замѣчанія мы сообщимъ въ порядкѣ изданныхъ текстовъ.

№ 9. (13) при сличеніи транскрипціи г. Цвѣтаева съ таблицей мы отмѣтили слѣдующіе варианты: стрк. 2. послѣ statif точка, стр. 3. послѣ втораго statif точки нѣтъ; стрк. 14. на табл. (и у Momms.) pīstīaf, стрк. 22. и 24 точекъ послѣ statif на таблицѣ (и у Momms.) нѣтъ. Къ вариантамъ можно прибавить, что въ стрк. 3. Momms. опускаетъ точку и между evkloī statif.

10. (14) На таблицѣ слова: donomna и z раздѣлены точкой. Первое изъ нихъ Моммзенъ читаетъ: donomma, замѣчая (U. D. p. 174): Die Ligatur am Schluss, die nach genauer und wiederholter Untersuchung des Originals auf der Tafel dargestellt ist, scheint ma nicht na, wie ich früher mit Avellino annahm, denn in diesem Fall müsste der Querstrich in andrer Richtung laufen. При цитатѣ на Моммзена слѣдуетъ дополнить: tab. VIII. n. 7a.

11. (9) Говоря объ окончаніи надписи, которое у Фабретти читается: upsedk, г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ, что присутствіе послѣдней буквы у его предшественниковъ вызвано поврежденіемъ камня; между тѣмъ на таблицѣ атласа этого поврежденія не замѣтно.

12. (10) первая буква въ *incipis* очень сомнительна; относительно начала 4-й строки Бюхелеръ (Bullet. 1876. p. 207) замѣчаетъ: *in principio versus quarti quae hodie apparet recta linea potest i fuisse potest ex a vel p similive littera esse reliqua.*

14. (12) отъ третьей строки на таблицѣ не видно почти ничего; въ 5-й Фабретти и Корссенъ читаютъ *m* вмѣсто *n*, и какъ вѣжется, не безъ основанія, также какъ въ послѣдней *ed*, хотя отъ *d* остались лишь двѣ черточки.

19. (18) послѣднее слово надписи Корссенъ (Eph. epigr.) читалъ *prufatted*.

25. (26) послѣднее слово Моммзенъ читалъ: *aifneis*, при чемъ послѣ каждой изъ первыхъ трехъ строкъ отмѣчалъ пропускъ, по поводу котораго замѣчаетъ (U. D. p. 176): *Lücken giebt Lepsius nicht an, doch darf man wohl annehmen, dass die zweite Hälfte von Z. 1. 2 und die letzten Buchstaben in Z. 3. ganz abgerieben sind.*

28. (28) Считаемо нужнымъ отмѣтить, что на таблицѣ атласа надпись читается слѣдующимъ образомъ: *km. bn. b. biis. km.* Транскрипція г. Цвѣтаева совпадаетъ съ транскрипціей Моммзена.

29. (29) Во второй строкѣ слова раздѣлены точкой.

34. (32) Къ вариантамъ отмѣченнымъ издателемъ, прибавимъ еще, что Корссенъ (Ephem. epigr.) въ *a* помѣстилъ строки въ обратномъ порядкѣ и послѣднее слово первой строки читалъ: *stahint*.

38. (36) На таблицѣ атласа вторая и третья строки читаются: *f. i. s u (?) vesoo...*

41. (38) Въ атласѣ снимка съ этого памятника не помѣщено, хотя онъ находится у Мазокки и Моммзена. Послѣдній (U. D. p. 177) замѣчаетъ про эту надпись: *es ist wohl eine der ältesten unsrer oskischen Juschriften, jedenfalls früher als der hannibalische Krieg und die Auflösung des caruanischen Gemeinwesens.*

42. (39) По свидѣтельству Корссена (Eph. epigr.) надписи были распределены въ двухъ комнатахъ такъ, что 43, 44, 45 находились *in camera dextra*, а 42 и 46 *in camera sinistra*. Затѣмъ, по мнѣнію того же ученаго (Z. v. Spr. XX, 101) 43 писанъ въ болѣе позднее время, чѣмъ 42.

47. Изъ послѣдняго слова на таблицѣ можно съ трудомъ различить лишь начальную букву *s*.

49. (46) Въ чтеніи этой, писанной на свинцѣ весьма небрежно, надписи есть много сомнительнаго. Въ строкѣ 5-й послѣднее слово читается: *oh. tavis*. Относительно времени, къ которому принадлежитъ

этотъ любопытный памятникъ Бюхелеръ (Osk. Bleitaf. p. 74) замѣчаетъ, что эта табличка nicht lange nach dem Verschwinden des Oskischen aus dem officiellen Gebrauch, nicht nach 80—40 v. Ch. gesetzt werden darf. Цитата г. Цвѣтаева на Фабретти должна читаться: п. 2749.

54. (50) Надпись раздѣлена такъ, что *urils* читается на одной сторонѣ чаши, а *uriiis*: на другой.

56. (52) стрк. 31 послѣднее слово на таблицѣ читается лишь въ формѣ *ro*; стрк. 33. на таблицѣ слова *et* и *per* точкою не раздѣлены; стрк. 38 послѣднее слово читается: *novlanos*; стрк. 39 читается: *tribarakat. tuset*; стрк. 42 читается: *lok. trî*; къ указанію литературы можно присоединить статью Петера въ *Hall. Allgem. Lit. Zng.* 1842. II, p. 67 sqq.

57 (53) вм. *perkdne[is* чит. *perkedne[is*.

58 (54) Знакъ лакуны въ послѣднемъ словѣ у Моммзена не отмѣченъ.

64 (61) Цитаты на Фабретти слѣдуетъ читать: *Gloss. col. 1469 cf. C. I. It. п. 2787.*

71. Третью строку этого памятника Моммзенъ (*U. D. p. 183-tab. X. п. 25*) читаль:... *trarakkieis*.

73 (69) Вторая и третья строка памятника у Моммзена читаются *aldî... tegetnaî... Предпослѣднее слово Фабретти читается: vîo.*

74 (68) Этотъ въ высшей степени любопытный памятникъ найденъ, по словамъ Корссена, въ маѣ 1816 г. (*eph. epig. 2, 169*). Для уясненія его необходимо упомянуть, что на немъ, спереди, читается слѣдующая латинская надпись: *A. CLODIVS. A. F. FLACCVS. N. ARCAEVS. N. F. ABELLAN. CALEDVS | D. V. I. D. MENSVRAS. EXAEQVANDAS. EX. DEC. DECR* (Mommson, *Inscr. regn. Ncapol. п. 2195*), показывающая, что передѣлка мѣръ произошла официальнымъ порядкомъ, черезъ дуумвировъ по декрету декуріоновъ. Передѣлка эта не ограничилась разурой надписей, но коснулась какъ емкости, такъ и числа самыхъ углубленій. Надпись в *Maucini*, по свидѣтельству Корссена (*l. l.*), читаль. *dîasis*; на таблицѣ г. Цвѣтаева (*XIII. 10. в.*) она представляется въ формѣ: *dîiasis*.

76 (70) Фабретти и Корссенъ нѣсколько иначе отмѣчаютъ лакуны въ этомъ памятникѣ.

80 (76) Окончаніе второй строки Моммзенъ (*U. D. p. 185*) читаль: *inf. vcr.*

81 (77) Любопытно то обстоятельство, что сл. *zarînu*, въ третьей

строкъ первоначально было написано: *zaguni*, и затѣмъ буква *z* переправлена на *i*.

84 (81) Надпись издана у Моммзеномъ (U. D. p. 186. f. tab. XI. 29. f. I.) въ слѣдующемъ видѣ: *mr. hereni | .. endeio*, при чемъ онъ замѣчаетъ, *vor endeio in Z. 2. ist vielleicht zu lesen ni*.

85 (82) Последней буквы: *n* у Моммзена, U. D. p. 186, не имѣется.

86 (86) По сличеніи съ таблицей во второй строкѣ (совершенно опущенной у Моммзена, U. D. p. 186), представляется, возможнымъ читать: *per*.

89 (85) Въ первой строкѣ Моммзенъ читалъ лишь: *l. o.*. Во второй представляется возможнымъ читать: *niel..* сл. п. 86. Цитату на Фабретти слѣдуетъ исправить: п. 2801, а въ слѣдующемъ, 90—2800.

90 (84) Въ последней строкѣ Моммзенъ (U. D. p. 186. c) читалъ: *idnea erk*, при чемъ замѣчаетъ: *das a ist verschwunden, am Schluss kann man für k auch n lesen*.

95 (94) второй строки у Моммзена нѣтъ.

96 (93) Вторую строку Моммзенъ (U. D. p. 187) читалъ: ... *úkn...*, замѣчая: *die zweite Zeile zeigt viel kleinere Buchstaben und scheint nicht mit der ersten zusammenzhören*.

109 (98) Въ текстѣ Фабретти оба слова соединены въ одно.

114 (103) *tre*, по сличеніи съ 104 (102) можно было бы понять въ см. *Trebius*.

122 (115) Второй строки, также какъ и послѣднихъ двухъ буквъ первой у Моммзена не видно. Онъ считаетъ эту надпись за отрывокъ алфавитарія, сохранившаго оскую азбуку съ примѣсью греческаго или латинскаго *o*.

137 (132) Цитату на Моммзена слѣдуетъ читать: *tab. XII. p. 32 c.*

140 (133) Въ латинской транскрипціи слѣдуетъ исправить *I* на *T*.

142 (135) Въ транскрипціи текста, кромѣ нѣкоторыхъ опущенныхъ или невѣрно поставленныхъ точекъ, допущены слѣдующія опечатки: стрк. 11 *FX* вм. *EX*, стрк. 16 *PPVTER* вм. *PRVTER*, стрк. 28 *SVAFFIS* вм. *SVAEPIS*. Изъ литературы можно прибавить: *Klenze. Das oskische Gesetz auf der Bantinschen Tafel* (въ *O. A. C. Klenze Philologische Abhandlungen herausgegeben von K. Lachmann. Berlin. 1839, p. 25—55*).

143 (136) Въ последней строкѣ Моммзенъ предлагаетъ читать: ... *лест* и *лестал*... По мнѣнію Корссена (*Beiträge z. Ital. Sprachk. p. 569* и *Kuhn's Zeitschrift XX, 37*) это—*eines der ältesten Sprach-*

denkmäler aus dem V Jahrh. v. Chr. срвн. также Bücheler у Bruns Fontes p. 44. п. 7.

144 (137) Въ одномъ изъ апографовъ (10 b.) слова: *αω* и *εχο*, *σαλαρς* и *Γαλα* раздѣлены точками.

146 (139) Подпись начинается и оканчивается звѣздочкою.

154 (147) По мнѣнію Корссена (Kuhn's Zeitschrift XXII, 304) памятникъ относится ко времени vom Beginne der Samnitenkriege bis zum Anfange der römischen Kriege.

155—159 (148—152) Хотя у г. Цвѣтаева и были присланные ему А. Фабретти снимки съ памятниковъ, однако въ атласѣ они не помѣщены.

160 (153) По мнѣнію Моммзена (U. D. p. 196), dürfte man die Entstehung der Inschrift nicht viel später setzen als die Entstehung der mamertinischen Gemeinde selbst, welche letztere kurz nach Agathocles Tode ums Jahre d. St. 470 fällt.

162 (155) Цитату на Фабретти слѣдуетъ читать: п. 3062.

186 (156) sqq. Въ недавно вышедшей монографіи Vompois: Les types monétaires de la guerre sociale. 'Etude numismatique. Paris. 1873. 4°, представлено основательное и всестороннее изслѣдованіе монетъ, чеканѣнныхъ Италиками во время Марсійской войны; между ними приводится, p. 97, типъ, не отмѣченный у г. Цвѣтаева: A. mutl embratur R. vitelio. Тамъ же можно найти подробное изслѣдованіе объ п. 191 (184): mi. iefis. mi.

Изъ этихъ отрывочныхъ замѣчаній можно составить общее понятіе объ отношеніи труда г. Цвѣтаева къ трудамъ его предшественниковъ—Моммзена, Фабретти, Корссена. Для того, чтобъ оно было болѣе полнымъ и правильнымъ, считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее: новыхъ памятниковъ, которые не были бы извѣстны до труда г. Цвѣтаева, не много; они, кромѣ того, не значительны по объему и не важны по содержанію. Это почти исключительно небольшіе граффиты или диниты, отмѣченные издателемъ во время его пребыванія въ Помпеяхъ въ 1875 г.; таковы п. 87 (80) ifi, п. 93 (186): v... | p. afillis, 118 (111):... nis puf..., 119 (112): pa, 120 (113): dd? pīs pīs. Такимъ образомъ, главное значеніе трудовъ г. Цвѣтаева не въ томъ, что они обогатили извѣстный дотола матеріалъ новыми, цѣнными открытіями. Значеніе его, какъ мы видѣли выше, и не въ томъ, что онъ представилъ своеобразную и самобытную интерпретацію уже имѣвшихся памятниковъ: въ огромной массѣ случаевъ тутъ авторъ стоитъ въ зависимости отъ взглядовъ и толкованій Вю-

хелера. Достоинства труда нашего ученаго заключаются въ иномъ— въ приданіи доселѣ извѣстному матеріалу твердой почвы, въ устраненіи изъ него многихъ сомнительныхъ и даже невѣрныхъ данныхъ. Не смотря на отмѣченныя выше достоинства текстовъ Моммзена, г. Цвѣтаевъ сообщаетъ не мало вариантовъ къ нимъ, дающихъ, по сравненіи съ таблицами, чтеніе болѣе правильное; къ такимъ мы отнесемъ: напримѣръ, 2. palanod, 25 (26) aifineis (M. aifineis), 56 (52) 17 ruз (M. ruv—вариантъ особенно важный, такъ какъ вводилъ изслѣдователей въ невѣрныя объясненія; см. Bugge въ 'Kuhn's Zeitschrift XXII, 443), 22 potoro[mpid (M. poturu[mpid), fñisno (M. fñisnu; вообще, въ этомъ памятникѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Моммзенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ не отмѣтилъ діакритическаго знака), 71 (67) ko]mparakineis (M. mpakkieis), нѣсколько важныхъ вариантовъ въ отрывочномъ началѣ tabula Vantina и др. Еще больше исправленій представляютъ тексты г. Цвѣтаева для трудовъ Фабретти и Корссена. Уже выше, по другому поводу, мы имѣли случай привести одну надпись, явившуюся въ изданіи Корссена не узнаваемою; здѣсь приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: такъ, п. 21 этотъ ученый издалъ (ephem. ep. 11, p. 189) въ слѣдующемъ видѣ (по снимку, сообщенному ему де Петрой):

g. trñb.
 is seem [||lv (?). . .
 isuv ehpreíví | . . .
 hnuseis pad hefv.

а п. 83 (78) въ слѣдующемъ (eph. ep. 11, p. 172):

. . . u . a u
 Xñí XI. puf
 . . . a . t . fisaniso.

Поучительнымъ примѣромъ въ указываемомъ отношеніи служить исторія съ одною надписью, которой вѣрное чтеніе и пониманіе были достигнуты черезъ 60 лѣтъ послѣ того, какъ она была найдена. Авеллино, впервые публиковавшій эту надпись (Цвѣт. п. 134, русск. 126), читалъ ее: ΣΙΡΙΝΕΙΣ, видя обозначеніе жителей города Surrentum, Surrentini, возлѣ котораго она и была найдена 18-го мая 1813 г. въ одной гробницѣ. (Opusc. III, p. 113. п. 1). Съ легкой руки Минервини, (Bullett. Napoli. N. S. 2, 118) взглянувшаго на памятникъ верхъ ногами, эта надпись пошла гулять по ученому міру въ формѣ Vilineis, возбуждая недоумѣнія и толкованія филологовъ—Корссена,

Фабретти, Ендериса, которые сверхъ того, относили ее къ Помпеямъ. Рядомъ съ нею продолжала приводиться и сообщенная у Авеллино надпись изъ Сорренто, которую Моммзенъ (U. D. p, 190) толковалъ: Virini. Только тщательному изслѣдованію г. Цвѣтаева, при помощи де Петры, удалось восстановить истину и свести двѣ надписи къ одной (*Giornale degli scavi di Pompei*, № 5, 1875, p. 154 sqq.).

Переходимъ къ отчету о глоссаріѣ. Съ общемою формою и приемами автора при его составленіи читатели уже нѣсколько знакомы по прилепленнымъ выше выпискамъ по поводу сопоставленія латинскаго изданія съ русскимъ. Сравнивая его съ глоссаріями Моммзена и Фабретти, мы не можемъ не видѣть значительной зависимости отъ нихъ труда г. Цвѣтаева, но не можемъ и не отмѣтить разностей, представляющихъ движеніе впередъ. Однако, прежде указанія на эти пункты сходства и различія, считаемъ нужнымъ замѣтить, что глоссарій г. Цвѣтаева заключаетъ въ себѣ всѣ слова, сохраненныя намъ въ оскихъ памятникахъ; немногіе, правильнѣе одинъ—пропускъ есть дѣло чистой случайности. Кромѣ того, г. Цвѣтаевъ съ намѣреніемъ, какъ кажется, не ввелъ въ глоссарій словъ изъ *tabula Vantina*, заключающихся въ отрывкѣ, списанномъ на скорую руку и несомнѣнно вѣрно Авеллино. Это опущеніе можетъ быть до нѣкоторой степени оправдано уже извѣстною читателямъ осторожностью автора; кромѣ того, словъ въ этомъ отрывкѣ такъ мало, и они, за немногими исключеніями, такъ непонятны, что жалѣть объ ихъ опущеніи было бы неосновательно. Но за то съ болѣешиимъ правомъ могутъ пожалѣть читатели о томъ, что въ свой глоссарій г. Цвѣтаевъ не ввелъ, подобно Лепсіусу и Моммзену, тѣхъ оскихъ словъ, которыя, какъ таковыя, приводятся древними римскими писателями, преимущественно грамматиками. Пользуясь трудами названныхъ ученыхъ, авторъ не затруднился бы этимъ дѣломъ, а между тѣмъ, введя эти слова, онъ представилъ бы абсолютно полный *thesaurus linguae Oscanae*, и этимъ значительно облегчилъ бы труды изслѣдователей, преимущественно отечественныхъ, для которыхъ книги Лепсіуса, Моммзена, Фабретти мало доступны, отчасти по своей рѣдкости, отчасти вслѣдствіе дороговизны. Правда, нельзя сказать, чтобы г. Цвѣтаевъ совершенно игнорировалъ названные цитаты, онъ иногда приводитъ данныя грамматиковъ для уясненія того или другаго слова, сохранившагося въ надписяхъ, но эти данныя, занимая второстепенное мѣсто, не могутъ быть названы полными, потому что приводятся не ради самихъ себя, а ради дру-

гихъ словъ: Между тѣмъ, было бы весьма желательно услышать сужденіе г. Цвѣтаева объ этихъ цитатахъ, въ которыхъ не особенно строго проводится различіе между діалектами, и иногда слова сабинскія цитуются какъ оскія и наоборотъ. Въ виду указанныхъ выше причинъ, мы считаемъ не лишнимъ, пользуясь трудами названныхъ ученыхъ, привести эти цитаты въ азбучномъ порядкѣ, и такимъ образомъ дополнить прекрасный глоссарій г. Цвѣтаева:

Alpus Paul. Diac., p. 4 (ed. C. O. Müll): Album quod nos dicimus, a Graeco, quod est ἀλφόν, est appellatum. Sabini tamen alpum dixerunt. Сл. оск. Alafatęrnum.

Asta Varro L. L. VII. 54... quae in Romulo Naevius appellat asta ab Oscis.

ausum Paul Diac., p. 8. Aurum — alii a Sabinis translatum putant, quod illi ausum dicebant. Cf. p. 23. Aureliam familiam ex Sabinis oriundam a sole dictam putant, quod ei publice a p. r. datus sit locus, in quo sacra faceret Soli, qui ex hoc Auseli dicebantur.

Gela Stephan. de urbibus. v. Γέλα: ὁ δὲ ποταμὸς (Γέλα) ἐστὶ πολλήν πάχυνν γενῶ ταύτην γὰρ τῇ Ὀπικῶν φωνῇ καὶ Σικελῶν γέλαν λέγεσθαι.

Dalivus Paul. Diac., p. 68: Dalivum supinum ait esse Aurelius, Aelius stultum, Oseorum quoque lingua significat insanum. Варианты и подходящія цитаты изъ глоссаріевъ приводитъ Миллеръ ad l.

Diana v. Feronia.

Veia Paul. Diac., p. 368: Veia apud Oscos dicebatur plaustrum, unde veiarum stipites in plastro et vectura veiatum. cf. Osc. via, vicio.

Vedius v. Feronia.

Vesperna Paul. Diac., p. 338. Scensas Sabini cenas dicebant. Quae autem nunc prandia sunt, cenas dicebant et pro cenis vespernas appellabant. cf. Fest. Quat. XV. 14. Scensas Sabini dicebant quas nunc cenas, quae autem nunc prandia, cenas habebant et pro cenis vespernas antiqui.

Vesta v. Feronia.

Volcanus v. Feronia.

Vortumnus v. Feronia.

vefere Ps. Apul. ed. Osann, p. 125. certumque est Romanos f Sabinorum in h solitos convertere: Sabini enim fircus, Romani hircus; illi vefere, Romani vehere protulerunt.

vorsus Frontin. de limit., p. 30, ed. Laehm: Primum agri modum fecerunt quattuor limitibus clausum, plerumque centenum pedum in utraque parte (quod Graeci plethron appellant, Osci et Umbri vorsum),

nostri centenum et vicenum in utraque partes: cf. Hygin. de condic. agror. p. 121 (Gud.) u Varro r. r. 1, 10.

Herna Serv. Verg. Aen. VII, 684: Sabinorum lingua sexa herna vocantur. Interp. Veronens. ad Verg. Aen. l. I. etiam Marsi lingua sua saxa hernas vocant.

hirpus s. *irpus* Paul. Diac.; p. 106: Irpini appellati nomine lupi, quem irpum dicunt Samnites. Serv. Verg. Aen. XI. 785: Nam lupi Sabinorum lingua hirpi vocantur. cf. Strabo V. p. 250.

Idus Varro l. l. VI. 28: Idus ab eo quad Tusci itus, vel potius quod Sabini idus dicunt.

Juppiter v. *Feronia*.

caria Placid. Gloss. 29. 19. (Deuerl.) carensis, pistoribus o caria, quam Oscorum lingua panem esse dicunt.

Cascus, *Casinus*, *Casnar* Varro l. l. VII. 28: Cascum significat vetus; eius origo Sabina, quae usque radices in Oscam linguam egit. Id. VII, 29: Item ostendit quod oppidum vocatur Casinum; hoc enim ab Sabinis orti Samnites tenuerunt, et nunc nostri etiam nunc Casinum forum vetus appellant. Item significant in Atellannis aliquot Pappum enem, quod Osci casnar appellant.

^s *catus* Varro l. l. VII, 46: cata acuta; hoc enim verbo dicunt Sabini.

Crepusculum Varro l. l. VI. 5: Secundum hoc dicitur crepusculum a crepero. Id vocabulum sumpserunt a Sabinis, unde veniunt crepusci nominati Amiterno, qui eo tempore erant nati, ut Lucii prima luce. In Reatino crepusculum significat dubium; ab eo res dictae dubiae creperae. cf. Id. VII. 77.

cumba Paul. Diac., p. 64: Cumbam Sabini vocant eam, quam milites lecticam, unde videtur derivatum esse cubiculum.

cupencus Serv. Aen. XII, 538: Sane sciendum cupencum Sabinorum lingua sacerdotem vocari.

Curis, *Quiris* Ovid. Fast. 2, 475: sive quod hasta curis priscis est dicta Sabinis. cf. Dionys. Hal. 2. p. 337, XXXXVIII, Macrob. sat. 1, 9; Paul. Diac. p. 49. 63. 264. Fest. Quat. XII. 23. l. 14. 27. Serv. Verg. Aen. 1, 296; Isidor. orig. IX, 2, 84: hi et Quirites dicti, quia Quirinus dictus est Romulus; quod semper hasta utebatur, quae Sabinorum lingua quiris dicitur.

cyprus Varro l. l. V. 159: Vicus Cyprius a cypro, quod ibi Sabini cives additi consederunt, qui a bono omine id appellarunt; nam cyprum Sabine bonum.

Quirinus v. Feronia.

Lares v. Feronia.

Larunda v. Feronia.

Lepestae Varro l. l. V. 123: dictae lepestae quae etiamnum in diebus sacris Sabinis vasa vinaria in mensa deorum sunt posita; apud antiquos scriptores Graecos inveni appellari poculi genus λεπαστᾶν quare vel inde radices in agrum Sabinum et Romanum sunt profectae.

lixuli Varro l. l. V. 107: circuli, quod mixta farina et caseo et aqua circuitum aequabiliter fundebant. Hoc quidem qui magis incondite faciebant, vocabant lixulas et semilixulas vocabulo Sabino, itaque frequentati a Sabinis.

Lucetius Serv. Aen. IX, 510: Sane lingua Osca Lucetius est Jupiter dictus a luce quam praestare dicitur hominibus.

Lucina v. Feronia.

Luna v. Feronia.

Maesius Paul. Diac., p. 136: Maesius lingua Osca mensis Maius.

Mumers Paul. Diac., p. 131; Mamers Mamertis facit, id est lingua Osca Mars Martis, unde et Mamertini in Sicilia dicti, qui Messanae habitant. cf. Fest. Quat. IX. 8, VIII, 12; Varro l. l. V. 73. Diodor. XXI, p. 493 Wess.

meddix, medix Paul. Diac., p. 123.: Meddix apud Oscos nomen magistratus est. Liv. XXVI, 6. Medix tuticus summus apud Campanos magistratus. cf. XXIII, 35, XXIV, 19.

Minerva v. Feronia.

multa Fest. Quat. VIII. 24.: multam Osce dici putant poenam quidam. cf. Paul. Diac. p. 143. Varro ap. Gell. IX. I: vocabulum autem ipsum multae idem M. Varro uno et vicesimo rerum humanarum non Latinum sed Sabinum esse dicit, idque ad suam memoriam mansisse ait in lingua Samnitium qui sunt a Sabinis orti. cf. osc. moltam, moltasikad, moltaum.

Nar Serv. Verg. Aen. VII, 517.: Sabini lingua sua nar dicunt sulphur.

nero nerio Sueton. Tib. 1.: Inter cognomina autem et Neronis adsumpsit, quo significatur lingua Sabina fortis ac strenuus. Gell. XIII. 22.: Nerio a veteribus sic declinatur, quasi Anio; nam proinde ut Anienem, sic Nerienum dixerunt, tertia syllaba producta; id autem sive Nerio sive Nerienes est, Sabinum verbum est, eoque significatur virtus et fortitudo. cf. osc nerum.

Novensides v. Feronia.

Panos Athen. III, p. 111. c. Πανός ἄρτος Μεσσηπιοί.

petora, petoritum Fest. Quat. X, 24. p. 206.: petoritum et Gallicum vehiculum esse et nomen eius dictum esse existimant a numero IIII rotarum; alii Osce quod hi quoque petora quattuor vocent. cf. osc. petiropert, petirupert.

picus Strabo V p. 240: ὤρμηται δὲ ἐκ τῆς Σαβίνης οἱ Πικαντίνοι δρυοκολάπτου τὴν ὁδὸν ἠγησαμένου τοῖς ἀρχηγέταις, ἀφ' οὗ καὶ τοῖς ὄνομα Πῖκον γὰρ τὸν ὄρνιν τοῦτον ὀνομάζουσι, καὶ νομίζουσι Ἄραος ὄρνιν. cf. Dionys 1;14.

pipatio Paul. Diac. p. 212. pipatio clamor plorantis lingua Oscorum.

pitpit Paul. Diac., p. 212. pitpit Osce quicquid.

porcus Varro l. l. V 97. porcus quod Sabinis dictum a primo porcopor, inde porcus.

Salus v. Feronia.

Sancus Varro l. l. V, 66.: Aelius Dium Fidium dicebat Iovis filium, ut Graeci Διόσκορον Castorem, et putabat hunc esse Sancum ab Sabina lingua et Herculem a Graeca.

Saturnus v. Feronia.

Scensa v. vesperna.

sol v. Feronia et ansum.

sollo Fest. Quat. XIV. 4. 6.: sollo Osce dicitur id quod nos totum vocamus. cf. Paul. Diac., p. 299.

strena Elpidian. ap. Lyd. de mens. IV. 4. Ὁ δὲ Ἑλπιδιανὸς ἐν τῇ περὶ ἐορτῶν στρήναν τὴν ὑγίειαν τῇ Σαβίνων φωνῇ λέγεσθαι φησιν. cf. Symmach. Ep. X. 35. Fest. Quat. XIV, 17, p. 313. Paul. Diac. p. 312. Non. Marcell. p. 16, 33.

Summanus v. Feronia.

supparus Varro l. l. V. 131.: indutui alterum quod subtus, a quo subucula; alterum quod supra, a quo supparus, nisi id, quod item dicunt Osce.

Tebae Varro r. r. III, 1, 16.: nam lingua prisca et in Graecia Aeoleis Bocotii sine afflatu vocant collis Tebas, et in Sabinis, quo e Graecia venerunt Pelasgi etiamnunc ita dicunt.

terenum Favorin. ap. Macrob. Sat. II, 14.: Itemque quidam Tarentinas oves vel nuces dicunt quae sunt terebinthas a tereno, quod est Sabinorum lingua molle.

Terminus v. Feronia.

Tesqua Schol. Hor. Epist. 1. 14, 19.: Lingua Sabinorum loca difficilia et repleta sentibus sic (tesqua) nominantur.

Trabea Lyd. de mensib. 1. 19.

Trafere v. *fedus*.

trimodiae Schol. Horat. Serm. 1, 1, 53.: *cumerae* dicuntur vasa minora quae capiunt quinque sive sex modios quae lingua Sabinorum *trimodiae* dicuntur.

Ops v. *Feronia*.

Ungulus Fest. Quat. XVI, 26.: *Ungulus* *Oscorum* lingua *anulus*. cf. Paul. Diac. p. 374.

Famel Paul. Diac., p. 87.: *Famuli* origo ab *Oscis* dependet apud quos *servus famel* nominabatur.

fasena Varro ap. Vel. Long. de orthogr. p. 2230. siquidem, ut testis est Varro, a Sabinis *fasena* dicitur. cf. p. 2238.

februum: Varro l. l. VI. 13.: *februum* *Sabini* purgamentum, et id in *sacris nostris* verbum.

fedus. Varro l. l. V. 97.: *ircus* quod *Sabini* *fircus*, quod illic *fedus*, in *Latio rure* *edus*. Pseud. Apul. p. 94 *Os. M. Terentius* scribit *hedum* lingua *Sabinorum* *fedum* vocatum, *Romanosque* corrupte *hedus* pro eo quod est *fedus* habuisse, sicut *hircus* pro *fircus*, et *trahere* pro *traferre*. cf. p. 125. Paul. D. p. 84. Vel. Long. p. 2230. 2238.

Feronia Varro l. l. V. 74.: *Feronia*, *Minerva*, *Novensides* a *Sabinis*. Paulo aliter ab eisdem dicimus *Herculem*, *Vestam*, *Salutem*, *Fortunam*, *Fortem*, *Fidem*. Et *arae* *Sabinam* linguam olent quae *Tati* regis voto sunt *Romae* *dedicatae*; nam ut *Annales* dicunt, *vovit* *Opi*, *Florae*, *Vedio*, *Jovi Saturnoque*, *Soli*, *Lunae*, *Volcano* et *Summano* itemque *Larundae*, *Termino*, *Quirino*, *Vortumno*, *Laribus*, *Dianae* *Lucinaeque*. E quis nonnulla nomina in utraque lingua habent radices, ut *arbores* quae in *confinio natae* in utroque agro *serpunt*; potest enim *Saturnus* hic de alia causa esse *dictus* atque in *Sabinis*, et sic *Diana* et de quibus supra dictum est.

Fides v. *Feronia*.

fircus v. *fedus*.

Flora v. *Feronia*.

Fors v. *Feronia*.

Fortuna v. *Feronia*.

Сверхъ того, въ глоссаріѣ Моммзена помѣщенъ списокъ собственныхъ именъ лицъ, которыя онъ признаетъ оскими. Мы его не приводимъ, такъ какъ оское происхожденіе этихъ именъ не вѣрно болѣе, чѣмъ сомнительно. Возвратимся къ отчету о глоссаріѣ г. Цѣнтаева. Что онъ воспользовался трудами Моммзена и Фабретти—это естественно и понятно (изъ глоссарія послѣдняго взяты преимущественно

указанія, служащія въ объясненію собственныхъ именъ), но справедливость требуетъ заявить, что г. Цвѣтаевъ воспользовался имъ весьма разумно и съ надлежащею осторожностью. Кроме того, основательно ознакомившись съ отдѣльными новѣйшими изслѣдованіями въ области сскаго языка, онъ во многомъ пошелъ дальше своихъ предшественниковъ и избѣжалъ ихъ ошибокъ. Постараемся указать отличительныя стороны труда г. Цвѣтаева, въ сравненіи съ трудами его предшественниковъ, на радѣ отдѣльныхъ примѣровъ.

Aadiicis, оставленное Моммзеномъ и Фабретти безъ объясненія, толкуется какъ gen. sing. имени собственнаго=Adii. C. Adio читаемъ на одной помпейской надписи.

aapas Моммзенъ и Фабретти предположительно объясняли черезъ aquas, видя въ этомъ словѣ Ass. plur. fem. Г. Цвѣтаевъ оставилъ его безъ объясненія.

Къ сл. *aeteis* въ Т. В. мы отнесли бы и *asteis*, находящееся тамъ же, въ стр. 34, ибо предшествующее ему *nistreis* позволяетъ отождествить это соединеніе съ стр. 27, гдѣ читаемъ *minstreis aeteis*.

as Моммзенъ понималъ=ante, г. Цвѣтаевъ и Фабретти=ad.

ahudiumi Фиорелли, по свидѣтельству Фабретти, весьма невѣроятно объяснилъ черезъ *adiunctionem*, еще невѣроятнѣе Гупке—черезъ *comitialis, classicus*. Моммзенъ оставилъ это слово не объясненнымъ.

Aifinets оставлено Моммзеномъ безъ объясненія. Фабретти, кажется, видѣлъ имя собственное, ибо сопоставлялъ съ этрусскимъ: *arina*=*Arinia*.

actud Моммзенъ принималъ за существ. abl. sing.=actu, von einer Ackerfläche. Фабретти, вслѣдъ за Петеромъ, Кирхофомъ, Ланге—imperativ.=agito.

altinom Моммзенъ предположительно считаетъ за subst. или adiect. nom. neut. или accus. masc.

amitanud Моммзенъ=ingressus, Fabr.=egressus.

Amnat Моммзенъ и Фабретти отождествляютъ съ *amnis*. Сопоставленіе съ корнемъ *al* сдѣлано впервые Knötel въ Zeitsch. f. d. Alterth. X. 129.

Anafriss, по мнѣнію Моммзена (U. D. 250), scheint ähnlich gebildet wie par—iet=die an der Seite gehende (=Mauer) und scheint die um den Acker herumgehenden Grenzen zu bezeichnen. По Фабретти =*Ambargalibus*.

angetuzet (на памятникѣ читающееся: anget. uzet) Моммзенъ дѣлилъ на *anget* indic. praes. 3 pers. sing.=agit и *uzet* conj praes? 3 pers.

sing., которое сопоставлялъ съ *ogage*. У Фабретти, вслѣдъ за Ланге, читается уже *angetuzet* въ знач. *egerint, coegerint*. ср. Bugge въ *Kuhn's Zeitschrift* XXII, p. 404.

arphinis Фабретти, вслѣдъ за Фіорелли, толкуеть какъ *procurator*? Моммзенъ оставилъ слово необъясненнымъ.

Можно бы еще продолжить сопоставленія подобнаго рода, но и приведенныхъ, кажется, достаточно для того, чтобы видѣть, въ какой степени глоссарій г. Цвѣтаева исправляетъ глоссаріи Моммзена и Фабретти; о томъ, что онъ ихъ и дополняетъ, послѣ сказаннаго выше, распространяться нѣтъ нужды. Въ заключеніе отчета о немъ сообшимъ немногіе, замѣченныя нами, недосмотры.

cerk вм. 86 читай: 90.

verna вм. 136 читай: 141.

ka..., вм. 56 читай 57.

Mat. допол. указаніе на п. 73.

Platorius допол. указаніе на п. 159, b.

ruk, ruklu и т. д. оставлено безъ толкованія. Бухелеръ объясняетъ это слово черезъ: *Kinder, Mädchen*.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о той части русскаго изданія г. Цвѣтаева, которая не нашла себѣ мѣста въ латинскомъ: эта часть носитъ заглавіе: очеркъ фонетики и морфологіи оскаго языка. Во введеніи къ этому очерку авторъ говоритъ:

„Въ предлагаемомъ опытѣ мы имѣемъ въ виду:

1) указать существенныя свойства звуковъ оскаго языка, на сколько это возможно изъ тѣхъ данныхъ, которыя представляются надписями, дошедшими до насъ отъ самнитскаго племени, и притѣхъ параллеляхъ, которыя почерпаются изъ наиболее близкихъ и родственныхъ языковъ, каковъ по отношенію къ оскому латинскій,

и 2) рассмотреть основныя элементы, которые создавали самнитское слово, которые придавали ему опредѣленную форму и дѣлали его индивидуумомъ въ ряду словъ другаго характера и назначенія“.

Сообразно съ этими задачами, въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ фонетикѣ, авторъ разсматриваетъ: гласные звуки: *a, o, u, i*, дифтонги: *ai, oi, ei, au, ou, eu*. Переходя затѣмъ отъ частнаго обозрѣнія гласныхъ къ ихъ общимъ свойствамъ, авторъ разсматриваетъ ассимиляцію гласныхъ, полногласіе, исчезновеніе гласныхъ, подъемъ и удлинненіе ихъ, замѣнительное растяженіе, сокращеніе гласныхъ, мѣненіе согласныхъ звуковъ на сосѣдніе гласные, и званіе. Согласные звуки разсматриваются авторомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: гортанные

звуки: *k, g, h*, зубные: *t, d*, губные: *p, b, f*, плавные: *l, r*, носовые *n, m*, свистящія: *s, z*. Къ нимъ присоединяется разсмотрѣніе согласныхъ: *j* и *v*. Изъ общихъ свойствъ согласныхъ звуковъ авторъ останавливается на соединеніи согласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ, на ассимиляціи согласныхъ, на ослабленіи согласныхъ звуковъ, ихъ отвердѣніи и исчезновеніи въ началѣ и срединѣ словъ. Сравнивая по рубрикамъ эту часть труда г. Цвѣтаева съ брошюрою Бруннахера: *Versuch einer Lautlehre der oskischen Sprache*. Zürich 1869, можно прийти къ заключенію о томъ, что поваго въ этой области разсматриваемый трудъ не принесъ ничего; такой выводъ былъ сдѣланъ, между прочимъ, нѣмецкимъ рецензентомъ сочиненія г. Цвѣтаева, высказаннымъ въ этомъ смыслѣ въ Бурсіановыхъ *Jahresberichte*. Но, взглядываясь ближе, мы не можемъ не признать въ фонетикѣ нашего автора присутствія значительныхъ достоинствъ, не имѣющихся у Бруннахера. На первомъ мѣстѣ должна быть поставлена полнота матеріала: тамъ, гдѣ швейцарскій филологъ—по произволу ли или по необходимости—ограничивается небольшимъ числомъ примѣровъ—г. Цвѣтаевъ приводитъ ихъ вполне; эта полнота матеріала позволяетъ ему мѣстами отмѣчать такіе факты въ оской фонетикѣ, о которыхъ его предшественникъ не упоминалъ вовсе. Простирается одинаковымъ образомъ какъ на оскій, такъ и на латинскій матеріалъ—сравненіе оскихъ и латинскихъ звуковъ и формъ идетъ последовательно черезъ всю книгу г. Цвѣтаева,—эта полнота способствуетъ тому, что мѣстами факты перваго получаютъ иное, болѣе правильное освѣщеніе. Кромѣ полноты, другимъ отличительнымъ достоинствомъ труда г. Цвѣтаева является осторожность, съ которою авторъ относится къ приводимому имъ матеріалу и къ дѣлаемымъ изъ него выводамъ. Осторожность въ такой области, какъ италійская діалектологія, въ которой надѣлапо столько смѣлыхъ и скороспѣлыхъ выводовъ, пужибе, чемъ гдѣ-либо; поэтому нельзя не сочувствовать пріемамъ г. Цвѣтаева, который во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ или чтеніе представляется ему недостаточно твердымъ, или самый памятникъ позднѣйшимъ и потому ненадежнымъ свидѣтелемъ, или пониманіе его недостаточно полнымъ, или наконецъ, когда является возможность различныхъ объясненій того или другаго факта—неопустительно отмѣчаетъ свои сомнѣнія и недоумѣнія. Правда, иногда онъ простираетъ эти неодумѣнія слишкомъ далеко, иногда сомнѣвается тамъ, гдѣ нѣтъ въ этомъ необходимости, но за это мы его винить не будемъ, имѣя въ виду увлеченія его предшественниковъ.

Содержаніе того отдѣла „Очерка“, въ которомъ разсматривается оская морфологія, слѣдующее: начавъ ея изложеніе съ разсмотрѣнія суффиксовъ основообразовательныхъ, въ которое вошли суффиксы именныхъ основъ, основы мѣстоименій и образованіе глагольныхъ основъ, авторъ приступаетъ къ обзорѣнью склоненій, при чемъ, раздѣливъ ихъ на категоріи, разсматриваетъ отдѣльные падежи какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа. Въ заключеніе, авторъ разсматриваетъ склоненія мѣстоименій и степени сравненія прилагательныхъ. Вслѣдъ за склоненіемъ идетъ разборъ непогочисленныхъ данныхъ оского спряженія. Нарѣчія, союзы и предлоги оканчиваютъ отдѣлъ морфологіи. И про него можно высказать тѣ же общія замѣчанія, которыя мы заявили по поводу фонетики, съ тою только разницею, что вторымъ сравниваемымъ будетъ не книга Брупахера, а книга Ендериса: *Versuch einer Formenlehre der oskischen Sprache. Zürich 1871.* Кромѣ этихъ замѣчаній, можно было бы привести очень много отдѣльныхъ отмѣтокъ по поводу частныхъ труда г. Цвѣтаева, отмѣтокъ, которыя касались бы преимущественно латинскаго элемента, введеннаго нашимъ авторомъ въ его работу, но мы не будемъ приводить ихъ отчасти потому, что онѣ могутъ показаться черезъ чуръ мелочными, отчасти потому, что не затрагиваютъ существенно важной части труда—именно оскихъ штудій г. Цвѣтаева.

III.

Въ заключеніе, постараемся ознакомить читателей, въ общихъ чертахъ, съ главнѣйшими памятниками оской эпиграфики. Для сего выбираемъ четыре самыхъ важныхъ по содержанію и обширныхъ по объему: *tabula Agnonensis*, *cippus Abellanus*, *tabula Vantina* и изданный проф. Бухелеромъ наговоръ.

Памятникъ, извѣстный подъ названіемъ *tabula d'Agnone* (п. 9), найденъ въ исходѣ 1840 хъ годовъ и представляетъ бронзовую дощечку, вышиною въ 0,28 метра, шириною 0,165, исчисанную съ обѣихъ сторонъ. На верхней части дощечки находится привѣшенная къ ней двумя петлями скобка, къ которой привѣшена массивная, состоящая изъ трехъ колецъ желѣзная цѣпочка, вверху оканчивающаяся крюкомъ. Сохранился этотъ памятникъ такъ, какъ рѣдко сохраняются памятники древности: нигдѣ, за исключеніемъ небольшого мѣста въ 26-й строкѣ и цѣпочки, онъ не тронутъ ржавчиной, а представляетъ бронзу въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ

часть ссv, отд. 2.

древности. Обстановка, среди которой найденъ памятникъ, не лишена интереса и можетъ способствовать уясненію его назначенія. Она подробно описана F. S. Cremonese въ *Bullett. d. Istituto* 1848 г. 143 sqq; и Моммзеномъ въ *U. D.* p. 129 sq. Въ мартѣ 1848 г. въ мѣстности, находящейся въ провинціи Молизе, которая соответствуетъ сѣверной части Сампюма, на границѣ между городками Agnone и Caracaloto, въ мѣстечкѣ *fonte del gomito* стали рыть яму для того, чтобы сбросить въ нее паходившуюся повдалекѣ массу каменнаго мусора. Когда яма была вырыта до глубины 9 палмъ, рабочіе увидели на днѣ ея круглое углубленіе, въ которомъ былъ вправленъ крюкъ отъ цѣпочки, придерживавшей бронзовую доску; эта послѣдняя находилась какъ разъ между двумя каменными плитами: обстоятельство, вполнѣ объясняющее ея необыкновенную сохранность. Копая далѣе, натолкнулись на остатокъ стѣны, кладенной изъ камней, соединенныхъ цементомъ; ширина ея была около 6 палмъ. Изъ другихъ предметовъ древности, кромѣ названной дощечки, были найдены 3 серебряныхъ и 15 мѣдныхъ монетъ. Одна изъ серебряныхъ представляла денаръ *gens Antistia* съ изображеніемъ на аверсѣ собаки; другая имѣла надпись: *fistluis*, слѣдов. принадлежала городу ПUTEОЛИ (н. Пуццоли); какою была третья монета, неизвѣстно. Изъ мѣдныхъ монетъ одна принадлежала городу Суессѣ въ землѣ Аврунковъ, другая представляла *sempis* по системѣ унциальнаго асса, остальные относились къ императорскому періоду, ко времени Августа, Тиберія, Влалдія, Нерона. Сверхъ монетъ, были найдены два небольшие сосуда, кубокъ или блюдо изъ жженой глины, двѣ глиняныя *fistulae*, и 50 желѣзныхъ гвоздей различной величины, изъ коихъ нѣкоторые были загпнуты въ срединѣ подъ прямымъ угломъ. Найденъ также небольшой металлическій колокольчикъ, ближайшее описаніе котораго неизвѣстно. Интересующая насъ надпись довольно долгое время находилась въ частныхъ рукахъ, и впоследствии была приобретена Британскимъ музеемъ, гдѣ находится и теперь *Edw. Edwards' Lives of the founders of the British museum. Lond. 1870*). На разстояніи полмили отъ мѣста ея находки видны развалины древняго города, состояща изъ циклопическихъ стѣнъ, кладка которыхъ существенно разнится отъ кладки другихъ, подобныхъ же памятниковъ, находящихся въ этихъ мѣстностяхъ. Окружность, обнесенная этими стѣнами, овалчивается къ востоку полукруглою постройкой, которая могла быть банней. Во всемъ обнесенномъ стѣнами пространствѣ не находится почти ни одного кирпича, но цѣлая масса черепковъ отъ красныхъ

и черныхъ сосудовъ и безчисленные куски обмурованной выжиги, находимой обыкновенно въ гончарныхъ печахъ. Можно предположить, что здѣсь въ древности была горшечная фабрика. Изъ того обстоятельства, что всѣ развалины представляютъ постройки простыя и грубыя, безъ всякихъ украшеній, и что нѣкоторыя домовныя стѣны сложены изъ камней, не скрѣпленныхъ цементомъ, заключаютъ, что здѣсь находилось одно изъ древнѣйшихъ поселеній Самнитовъ.

На сколько въ настоящее время подвинулось пониманіе интересующаго насъ памятника въ его отдѣльныхъ частяхъ, видно изъ изданія г. Цвѣтаева. Общій его смыслъ и значеніе были болѣе или мене вѣрно угаданы уже первымъ издателемъ—Генценомъ. Онъ видѣлъ (Annali 1848, p. 413) здѣсь предписанія, въ родѣ *lex sacra*, относившіяся къ неизвѣстному ближайшимъ образомъ храму, основанному Самнитами въ честь ихъ національныхъ божествъ; Бюхелеръ видитъ въ нашемъ памятникѣ скорѣе храмовый инвентарь, въ которомъ сперва перечисляются статуи, стоящія въ храмѣ Цереры и посвященныя различнымъ божествамъ, а затѣмъ приводятся поставленные въ честь тѣхъ же божествъ жертвенники. Такихъ инвентарей сохранилось намъ въ римской эпитафическѣ не мало; они перечислены и пояснены въ нашей монографіи: Храмовый инвентарь, найденный въ Неми, помѣщенной въ трудахъ III-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Храмъ, къ которому относится наша надпись, былъ посвященъ Церерѣ, божеству, попадающемуся и на другихъ оскихъ памятникахъ. Кромѣ Цереры, здѣсь почитались и другія божества, носившія эпитетъ *cerrii, ceriales*, и которыя можно разсматривать, какъ божества второстепенныя, почитавшіяся не отдѣльно, но въ связи съ почитаніемъ другаго, главнаго божества (cf. *θεοὶ οἱ παρὰ Δάματρι ἄπαντες* Rhein. Mus. XVIII. 560 iqq., *θεοὶ οἱ παρὰ Δάματρι καὶ Κοῦρῃ πάντες καὶ πάσαι* *ibid.* *δεσπότη Νεμέσει καὶ συννοῖαι θεοῖσιν* Henzen Op. 5802. Срвн. также эпитетъ *Serfe, Serfia* (= *Serpe, Cerria*), придаваемый на игувинскихъ таблицахъ нѣкоторымъ божествамъ. Bücheler *pop. Iguvini lustratio* p. 24). Эпитетъ *cerrius* прилагается въ надписи слѣдующимъ божествамъ: *futrei* (*Genitrici*), *annai* (*Matri*), *diumpatis* (*Lumpis, Lymphis*) *anafris* (? по Momms, *diis ambarvalibus*, по другимъ, *inferis* или *Imbribus*), *maatuis* (*Matutis*), *herekloi* (*Herculi*), *pernai* (*Praestiti*), *fluusai* (*Florai*). Изъ нихъ нѣкоторыя совершенно неизвѣстны, и объ ихъ свойствахъ можно заключать только по ихъ этимології; другія попадаются и въ другихъ памятникахъ: съ формой *futrei* можно сопоставить отрывочную форму: *futre* въ надписи изъ

окрестностей Вевевента (Цв. 27): sakarak]lum maatreis.. ras futre.. e. Это божество, названіе котораго производятъ отъ fu (cf. φῶς, fui), сопоставляется съ извѣстною Venus Fisica Pompeiana (Momms. I. N. 2253=Or. 1370); срвн. Momms. U. D. p. 133. Maatois можетъ быть удобно сопоставлено съ извѣстною Mater Matuta, которую Моммзенъ, на основаніи Lucret. V. 654: roseam Matuta per oras aetheris auroram defert et lumina pandit, приводить въ связь съ mat—utinus, mane и считаетъ богиней утра, свѣта. О культѣ, воздаваемомъ Геркулесу (hercklei), кромѣ нашей надписи, свидѣтельствуеетъ и cippus Abellanus, въ которомъ упоминается sakakalom herckleis (стрк. 11 cf. 30, 32). Распространенность и исконность культа этого божества у италійскихъ народовъ на столько общеизвѣстна, что не нуждается въ доказательствахъ; точно также общепринята въ настоящее время и этимологія слова Hercules отъ hercere, herciscere (cf. familia herciscunda), по которой это божество сопоставляется съ Ζεὺς ἑρκείος. Почему столь распространенное божество является въ нашемъ памятникѣ подчиненнымъ Церерѣ, сказать трудно. Названіе божества Pergna i уясняется сопоставленіемъ съ умбрскими словами: perne=ante, pernaies=anticis (чему противопоставляется rusnaes=posticis), pernaiaf=anticas (чему противопоставляется rusnaiaf=posticas). По своему значенію, это божество приравнивается римской Prosa s. Porrina (Preller Röm. Myth. p. 577), имѣвшей отношеніе къ положенію рождающагося на свѣтъ младенца. Древность культа этого божества доказывается присутствіемъ его названія въ индигитаментяхъ. Вухелеръ (pop. Iguvini lustratio p. 24) отождествилъ съ римскою Praestita умбрскую Prestota, которой тоже придается эпитетъ Serfia=Cerria, и которой сущность онъ объясняетъ сопоставленіемъ съ Lares praestites (Preller Röm. Myth. 396) и Praestana Quirini (Preller l. l. p. 581). Наконецъ, послѣднимъ божествомъ, посвящимъ эпитетъ cerrius, является fluusai. Его названіе встрѣчается, въ той же самой формѣ Dativ. sing., на небольшомъ жертвенникѣ, найденномъ въ Помпеяхъ. Распространенность культа этого божества между Сабинами доказываютъ надпись изъ окрестной Амитернума, въ которой читаемъ: mesene flusare (Momms. U. D. p. 339, 4. Fabretti 2737) и знаменитый lex aedis Iovis Furfone, гдѣ также имѣемъ mense Flusare (Mom. J. R. N. 6011 стрк. 2). Въ связи съ Флорой стоятъ женскія божества, которымъ придается названіе f(l)uusasials, и которымъ также az hortom sakarter=ad templum sacratur. Впрочемъ, Генценъ (Annali 1848, p. 411) принимаетъ fluusasials за обозначеніе времени: floralibus sc. feriis.

Разсматривая сонмъ божествъ, окружающихъ Цереру (θεοὶ οἱ παρὰ Δέμатρι), мы не можемъ не замѣтить, что большинство изъ нихъ имѣетъ отношеніе, болѣе или менѣе непосредственное, къ рожденію, что близко подходитъ къ идеѣ, соединяемой съ Церерой, какъ божествомъ рождающимъ, производящимъ (creare, Cerus). Изъ другихъ божествъ, которымъ воздвигаются статуи и жертвенники, наша надпись упоминаетъ: vezkei (Vetusco), evkloi (Incluto), anter. statai (Interstitae), Iganakdikel. entrai (Θασμοδέτιδι interae), diovef. verehasiof (Iovi iuventuti), dievef. regaturef (Iovi rectori) patanaf. piistaf (Patanae fidae), delvaf. genetaf (divae Genatae), evklof. paterel (Incluto patri); къ нимъ прибавляется, тоже какъ бы въ видѣ божества, aasaf, purasaf (arae igniariae). Значеніе перваго изъ этихъ божествъ не ясно. Генценъ (Annali 1848, p. 396) сопоставляетъ съ этимъ словомъ названіе кампанскаго города Vescia и Vescinus saltus у Ливія (VIII, 11; IX, 25); Моммзенъ (ibid. p. 419) приводитъ въ связь съ vet-us; можно еще припомнить легендарнаго Vetusius Mamusius, призывавшагося въ Салійскихъ гимнахъ (Ovid. Fast. III, 389). Божество, которому придано имя evklof, тоже ближайшимъ образомъ неизвѣстно; изъ того обстоятельства, что въ стр. 25 А. ему придается эпитетъ paterel, patri, Моммзенъ (U. D. p. 133) отождествляетъ его съ Liber pater, мѣстное названіе котораго въ Кампаніи было Ἡβων, и который по типу приближается къ такъ-называемому бородатому Вакху (изображенія его на монетахъ Гелы, Неаполиса и др. у Carelli, Millingen, Mionnet и др.). Другіе видятъ въ немъ Сильвана, третья Ификла (?) и т. п. Уже это разнообразіе толкованій указываетъ на то, что настоящее значеніе этого божества неизвѣстно. Слѣдующее за нимъ божество: anter. statai=Interstitae имѣетъ во второй половинѣ своего названія слово, сходное съ Stata mater у Римлянъ; это послѣднее божество, нерѣдко соединяемое съ Вулканомъ, имѣло отношеніе къ прекращенію пожаровъ (Momms. U. D. p. 134). Оскую Interstita Моммзенъ (l. l.) толкуетъ, какъ Göttin, welche zwischen die verschiedenen Besetzungen tritt und die interstitia agrorum, die Grenzen unverrückt erhält. По образованію сходна Prestota, неоднократно упоминающаяся на игувинскихъ таблицахъ. Разнообразнымъ толкованіямъ подвергались и слова надписи: Iganakdikel entrai; уже Моммзенъ вѣрно понялъ, что въ этомъ названіи кроется идея des sicheren Besitzes; Вухелеръ (Oskische Bleitaf. p. 10), разложивъ это слово на Iganak и dikel, сопоставилъ съ греч. Θασμοφόρος, Θασμοδέτις, при чемъ, по поводу эпитета entrai, замѣчаетъ: die der Ordnung und den

gesetzlichen Einrichtungen vorstehende, in Legislation und Jurisdiction wahrnehmbare göttliche Macht. Затѣмъ надпись приводитъ Юпитера въ словахъ: *diouef. verehasiof* и *diouef. regaturef* (В. стр. 15: *diouef. pifbiof. regaturef*). Что касается до перваго эпитета, то уже Моммзенъ сопоставлялъ его съ *veresia*, понимая послѣднее слово въ смыслѣ *civitas*, и потому въ Юпитерѣ, покровителѣ *veresia*, видѣлъ бога общины (*Juppiter publicus*); Бухелеръ, принимая *veresia* въ значеніи *iuventus*, сопоставляетъ оское божество съ латинскимъ *Juppiter Juventus* у Henz. Or. 5634, 5635. Что касается до втораго эпитета: *regaturef*, то его Моммзенъ объясняетъ (U. D. p. 135): *der gebietende Herrscher, der Lenker des Tagesarbeit und der häuslichen Geschicke*. Страннымъ представляется эпитетъ *pifbiof* = *pius*, приданный Юпитеру въ одномъ мѣстѣ нашей надписи; вѣроятно, *pius* здѣсь не значитъ εὐσεβής, а *sacer* (Corssen Beiträge zur Italischen Sprachkunde Leipz. 1876 p. 138), какъ въ латинскомъ: *far pius* (Horat. III, 23, 20: *farre pio et saliente mica*; cf. Vergil. Aen. V. 745). Кромѣ нашей надписи, о Юпитерѣ упоминаетъ еще одна надпись, найденная въ Vibo, въ землѣ Вруттиевъ (Цвѣт. 146): *διοῦφετ* *Βερσορατ*. *Versor* въ противоположность *Stator*, есть греческое *Τροπαῖος*, точно такъ, какъ *iouefis loufreis* на надписи изъ области Френтановъ (Цвѣт. 3) есть *Ζεὺς ἐλευθέριος*. Почитаніе этого послѣдняго было, какъ замѣчаетъ Моммзенъ (U. D. p. 143), развито въ Италіи, о чемъ свидѣлствуютъ надписи, найденныя въ Капуѣ, землѣ Сабиновъ и въ Римѣ. Достаточно припомнить уже приведенный выше *lax aedis Jovis Liberi Fufpone*; другія эпитафическія свидѣтельства приведены Моммзеномъ (l. l. in nota). Засимъ двѣ капуанскія надписи (Цвѣт. 3, 4) знакомятъ насъ съ *iouef. flagivef* = *Jovi Flagio s. Fulguratori*, о которомъ упоминаетъ, между прочимъ, и одна римская надпись (C. J. L. VI, I, 377: *agam Jovis Fulgeratoris*), правда, довольно поздняго времени; указанія на другіе памятники и мѣста древнихъ см. у Preller Röm. Myth. 169, 170. Наконецъ на одной помпеанской надписи (Цвѣт. п. 63) читасмъ: *ant. kaila iouefis, meelkiiiefis* = *ante templum Jovis Milichii*. Этому *Juppiter Milichius* сопоставляютъ съ *Ζεὺς Μελίχιος*, культъ котораго въ особенности былъ распространенъ въ Атикѣ (см. Preller Griech. Myth. I, 101, 112 и др.). Если къ этимъ даннымъ прибавимъ извѣстія о почитаніи *Juppiter Vicilinus* въ *ager Campanus* въ землѣ Гирриповъ (Liv. XXIV. 44) и *Juppiter Lucetius* (цитаты у Momms, U. D. p. 143), то убѣдимся, что культъ Юпитера у Самнитовъ и былъ распространенъ, и достигъ извѣстной степени развитія,

выразившейся въ многочисленныхъ и разнообразныхъ эпитетахъ, придававшихся этому божеству. Объ Юнонѣ наша надпись не упоминаетъ, но за то въ одной фрагментированной капуанской надписи (Цвѣт. 36) мы имѣемъ упоминаніе о *diuvia = dea Jovia*, которую, не безъ вѣроятности, можно отождествить съ Юноной. Моммзенъ (U. D. p. 143) приводитъ открытыя имъ въ Теанѣ Сидикиновъ (Teanum Sidicinum) въ Кампаніи надписи (J. R. N. 3983 sq.), въ которыхъ упоминается *Juno Populona*, и весьма остроумнымъ соображеніемъ видитъ въ ней *genius populi Romani*. Возвращаясь къ перечисленію божествъ на нашемъ памятникѣ, мы должны упомянуть о *patanaei piistiaei = Patanae fidae*. Названіе этого божества встрѣчается и въ латинскихъ богиняхъ: *Patelena, Patella, Patellana* (Arnob. IV, 7, Augustin C. D. IV. 8. 21), имѣющихъ отношеніе къ удеѣ, выражаемой глаголами *randere, patere*, откуда происходитъ также и *Panda* (Varro ap. Non. p. 44) и *Пандива* (Momms. U. D. p. 136). Сродно съ ними и названіе умбрскаго божества *Padellar* (Bréal Tab. Eug. p. 50). Значеніе оской богини, и приданнаго ей эпитета *piistiaei* опредѣляетъ Моммзенъ (U. D. p. 137), говоря: *So ist denn Patana piistia die Göttin, welche den Schooss der Ende öffnet und die Saaten ihm entlockt, und mit Recht heisst sie, die jedes Jahr unwandelbar wiederkehrt und nie den Landmann täuscht, vor allen andern fida*. Упоминаемое далѣе божество: *dei vai genetai = divae Genetae* находитъ себѣ соотвѣтствіе по названію съ латинскою *Mana Geneta s. Genita*, богиней рожденія и смерти, сопоставляемою Преллеромъ (Röm. Myth. p. 460) съ *Venus Libitina*. Моммзенъ (U. D. p. 137) весьма остроумно замѣчаетъ: *bei den Römern hat sich besonders die zweite Seite dieses Begriffs entwickelt, die Mania, die Mutter und Ahne der Manen, während die samnitische Bronze uns allein die Geneta vorführt*. Наконецъ, въ ряду божествъ отводится мѣсто и *asaai purasiai = acae igniariae*, при чемъ разумѣютъ генія этого алтаря, охраняющаго мѣсто жертвоприношенія (ср. Momms. U. D. p. 137). Таковъ цѣль божествъ, упоминаемыхъ на *tabula Agnonensis*. Кромѣ того, на другихъ оскихъ памятникахъ встрѣчаются еще слѣдующія названія божествъ: *Α]πελλουνη* на одной мессанской надписи (Цвѣт. 160), изъ которой узнаемъ о по священіи (храма?) *Аполлону* со стороны *τῆ το μαρτερινο — civitas Mamertina*. Комментаріемъ къ этому памятнику могутъ служить слѣдующія слова Феста, взятыя имъ изъ Алфія: *libro primo belli Carthaginiensis (Fest. Quat. IX, 8. p. 158): Mamertini appellati sunt hac de causa, cum in toto Samnio gravis incidisset pestilentia, Sthenius*

Mettius eius gentis princeps, convocata civium suorum contione, exposuit se vidisse in quiete praecipientem Apollinem, ut si vellent eo malo liberari, ver sacrum voverent, id est, quaecunque vere proximo nata essent, immolatorios sibi, quo facto levatis post annum vicensimum deinde eiusdem generis incessit pestilentia. rursum itaque consultus Apollo respondit non esse persolutum ab his votum, quod homines immolati non essent; quos si expulissent certe fore, ut ea clade liberarentur. itaque iussi patria decedere, cum in parte Siciliae ea consedisissent quae nunc Tauricana dicitur, forte laborantibus bello novo Messansibus auxilio venerunt ultro cosque ab eo liberarunt provinciales; quod ob meritum eorum, ut gratiam referrent, et in suum corpus communionemque agrorum invitarunt eos et nomen acceperunt unum, ut dicerentur Mamertini, quod coniectis in sortem duodecim deorum nominibus Mamers forte exierat, qui lingua Oschorum Mars significatur. Это послѣднее извѣстіе указываетъ на существованіе у Самнитовъ культа Марса, подъ именемъ Мамерта; чествованіе этого божества было издревле распространено между племенами Италійскими, доказательства чему, за ихъ общеизвѣстностью, не представляются необходимыми. Вслѣдъ за симъ мы встрѣчаемъ въ оскихъ памятникахъ упоминаніе богини herentateis, которой, подъ названіемъ herentatei. herukinaí, былъ посвященъ въ Геркуланумѣ мраморный столъ для жертвоприношеній (Цвѣт. п. 60). Придаваемый этому божеству эпитетъ herukinaí = Erycinae указываетъ на его тождество съ Venus, при чемъ названіе herentateis сопоставляется съ словами: herest = volet, heriíad = velit, herríns = vellent и т. п. и переводится черезъ Volupia, Voluptas, названіе, придаваемое Венерѣ и римскими поэтами (Aeneadum genitrix, hominum divomque voluptas, Alma Venus. Lucr. 1, 1). Почитаніе Венеры Ерицинской было распространено между Италиками вообще, доказательствомъ чему служатъ памятники какъ римскіе, такъ и кампанскіе и даже луканскіе (Momms. U. D. p. 142).

Возвращаясь къ нашей надписи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что какъ statos=statuae, такъ и aasas=агае вышеисчисленныхъ божествъ находятся (set=sunt, eestínt=exstant) hortín=in templo. Подобно тому, какъ латинское templum соотвѣтствуетъ греческому τέμενος, такъ и оское hortz находить себѣ соотвѣтствіе въ χόρτος; подобно cors, cortis, cohors, hortz обозначало, вѣроятно, огражденное пространство, обнесенное стѣною; и потому нѣтъ необходимости думать, чтобы всѣ упомянутыя въ надписи статуи и жертвенники находились непременно въ храмѣ; они могли — какъ это обыкновенно

и бывало — стоять внѣ его, въ прилегавшей къ храму оградѣ. Этотъ храмъ, *horz*, по словамъ надписи, *demanniois, stait—decumanis stait*. Это довольно темная фраза обозначаетъ, вѣроятно, расположение храма, по отношенію къ его *cella*, въ направленіи съ В. на З. (*decumanus*). Ср. Henzen въ *Annali* 1848, p. 410; иначе толкуетъ и понимаетъ Nissen: *Das Templum Brln.* 1869, p. 95. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить слова: *saahom. teforum. altref. potereipid. akenef. sakahster = sanctum sacrificium in altero utroque agone sancitur*, повторяющіяся въ надписи дважды. Значенію слова *akenef* не установлено еще окончательно: Генценъ (*Annali* 1848, p. 407) сопоставлялъ съ умбрскимъ *aspu=apno* (такъ понимаетъ это слово Ауфрехтъ, по Бреаль p. 256 отождествляетъ его съ латинскимъ *fundus*). Моммзепъ, привлекая сюда одну помпеянскую надпись (Цвѣт. 92), въ которой читается: *ahvdiumi. akup. skn*, отождествлялъ *akenef* съ латинскою *aspu=* 'югера, и видѣлъ въ оскомъ словѣ обозначеніе *fundus, praedium*; наконецъ, Гушке (*Osk. und Sabell. Sprachdenum. Gloss. s. v.*) считалъ это слово роднымъ съ оскимъ *asum=agere*, и латинскимъ *agonia=hostia*, почему и толковалъ его, какъ *sacrificium animale victimarium*. Его взглядъ въ сущности раздѣляется и Бухелеромъ, который (*Neue Jahrb. f. Philol.* 1875, p. 129) отождествляетъ оское *akenef* съ латинскимъ *feriae*.

Время, къ которому относится разсматриваемый памятникъ, въ точности опредѣлено быть не можетъ; изъ того обстоятельства, что выѣстъ съ бронзовою дощечкой были найдены монеты императорской эпохи, еще нельзя заключать о принадлежности къ ней и оскаго-памятника, такъ какъ оское національное письмо къ тому времени уже вышло изъ употребленія; Генценъ (*Annali* 1848 p. 413), отодвигая памятникъ въ болѣе раннее время, все же не считаетъ его однимъ изъ самыхъ древнихъ, а Корссенъ (*Kuhn's Zeitschrift* XX, p. 101) относитъ его ко времени Самнитскихъ войнъ.

Другимъ значительнымъ по объему памятникомъ оской эпиграфики является такъ-называемый *ciprus Abellanus*, названный такъ по мѣстности, въ которой былъ найденъ: Это каменная плита, изъ *pietra di Sarno*, изъ породы известняковъ, имѣющая въ вышину 1,83 метра, въ ширину 0,51. Найдена она была въ 1685 г. въ развалинахъ кампанскаго города *Avella vecchia (casted d'Avella)* и вскорѣ перенесена въ нынѣшній городъ *Avella*, гдѣ, подобно нашему Тмутараканскому камню, долгое время оставалась въ порогѣ одного частнаго дома. Лишь въ 1750 г., благодаря просвѣщенному вниманію профессора богословія

въ Нольской семинаріи Dom Gian Stefano Remondini, эта плита была перенесена въ музей при семинаріи, гдѣ находится и доселѣ! Долго-временное ея пребываніе безъ всякаго призора сказалося тѣмъ, что одна сторона, по которой ходили, какъ по порогу, потерлась и поломалась, къ счастью, не въ значительной степени. Изученіе и объясненіе этого памятника началось еще въ прошломъ вѣкѣ. Самъ Ремондини и его пріятель, извѣстный археологъ Giambattista Passeri († 1780), толковали этотъ памятникъ — съ какимъ успѣхомъ, видно изъ сообщенныхъ въ началѣ статьи свѣдѣній. Дальнѣйшія изданія этой надписи приведены въ надлежащей полнотѣ г. Цвѣтаевымъ. До Лепсіуса, обѣ стороны этого памятника читали въ обратномъ порядкѣ, такъ что начало надписи видѣли во второй половинѣ, а окончаніе въ первой; порядокъ, установленный Лепсіусомъ, обосновавъ Моммзеномъ (U. D. p. 123) и признается теперь всѣми единственно вѣрнымъ. То обстоятельство, что плита исписана съ обѣихъ сторонъ, и притомъ однимъ документомъ и что низъ плиты на довольно значительномъ разстояніи оставленъ пустымъ, указываетъ на то, что первоначально эта плита была врыта въ землю или укрѣплена на какомъ-нибудь постаментѣ, въ вертикальномъ направленіи. Такой способъ постановки надписей, хотя и рѣдокъ, но встрѣчается и въ римской эпиграфикѣ.

Содержаніе памятника составляетъ договоръ между сосѣдними кампанскими городами Нолой и Абеллою. Заимствуемъ изъ книги Момizensa (U. D. p. 123) свѣдѣнія о томъ и другомъ городѣ: о происхожденіи Нолы существуютъ различныя преданія, называя этотъ городъ то авзонскимъ, то этрусскимъ, то тирскимъ (тирренскимъ?), то калкидскимъ (то-есть, куманскимъ) поселеніемъ. Что этотъ городъ былъ исконно италійскимъ, то-есть, оскимъ, доказывается какъ его именемъ (с. novus), означающимъ „Новгородъ“, такъ и тѣмъ, что въ V в. отъ основанія Рима Нолапцы, вмѣстѣ съ другими Самнитамъ, вступили оппозиціей противъ Нсаполитапцевъ (Liv. VIII, 23 sq. IX. 28). Подобно прочимъ Оскамъ, бывшимъ *φιλῆληγες* (Strabo V, 4, 12, p. 396 Kr.), Нолапцы были особенно привержены къ Грекамъ и ко всему греческому: это доказываютъ ноланскія вазы съ оскими надписями на нѣкоторыхъ изъ нихъ, это доказываютъ греческія надписи на всѣхъ ноланскихъ монетахъ. Между тѣмъ, ихъ обиденный и дѣловой языкъ былъ не греческій, а оскій, что доказывается какъ частными, такъ и общественными надписями. Аналогическое явленіе замѣчаемъ мы у Мамертинцевъ въ Мессанѣ, которые чеканили грече-

скія монеты, но говорили и писали по оски. Къ Римлянамъ Нола стояла въ такомъ же отношеніи, какъ и Неаполь—въ дружбѣ, бывшей уже крѣпкою и испытанною во вторую Пунійскую войну (Liv. XXIII, 44); посему они удержали свое первоначальное устройство вплоть до Союзнической войны, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что въ 538 У. Марцеллъ замѣнилъ демократическое управленіе ихъ общины олигархическимъ (Liv. XXIII, 17). Право римскаго гражданства получили Ноланцы, по всей вѣроятности, послѣ Союзнической войны, и ихъ городъ сдѣлался муниципіумомъ, на подобіе Тибура, Превесте, Пизы, Бононіи и т. п. При Веспасіанѣ туда была выведена римская колонія. Объ Абеллѣ мы не знаемъ почти ничего: что этотъ городъ, имѣвшій незначительныя владѣнія (Sil. Italic. VIII. 545), стоялъ въ особенно тѣсныхъ связяхъ съ Нолой, объ этомъ Моммзенъ заключаетъ изъ словъ Юстина (XXI): iam Falisci Nolani, Abellani nonne Chalcidensium coloni sunt? Разсматриваемый документъ, представляющій договоръ между Абеллою и Нолой, былъ, по предположенію Моммзена, написанъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находился въ Абеллѣ, другой—въ Нолѣ. До насъ дошелъ абелланскій экземпляръ, что выводитъ Моммзенъ изъ того, что вездѣ, гдѣ въ надписи упоминаются оба города, названіе Абеллы предшествуетъ названію Нола. Предположеніе о томъ, что наша надпись стояла на границѣ обоихъ городовъ, Моммзенъ считаетъ невѣроятнымъ. Общее содержаніе этого памятника — условія между названными городами относительно общаго святилища Геркулеса, о распространенности культа котораго между Самнитами мы уже говорили. Надпись начинается, подобно другимъ памятникамъ аналогическаго содержанія, введеніемъ, въ которомъ указываются обстоятельства, при коихъ состоялось рѣшеніе. Эти обстоятельства слѣдующія: сенатъ поланскій вмѣстѣ съ сенатомъ Абеллы избрали комиссію изъ особыхъ легатовъ, которые вмѣстѣ съ двумя командированными отъ того и другаго города чиновниками обсудили во всѣхъ частностяхъ вопросъ объ общемъ святилищѣ Геркулеса; ихъ рѣшеніе, одобренное, по всей вѣроятности, сенатомъ того и другаго города, и составляетъ главное содержаніе надписи. Участіе сената въ избраніи легатовъ, и какъ сказано ниже, въ дозволеніи строиться возлѣ храма, указываетъ на то, что высшее правленіе находилось уже въ рукахъ олигарховъ, что, какъ извѣстно, произошло во вторую Пунійскую войну. Порученіе изслѣдованія какого-нибудь спорнаго вопроса, преимущественно касательно размежеванія границъ, извѣстной, нарочно для сего избравшейся комиссіи, которая про-

изводила свои разслѣдованія на мѣстѣ, было дѣломъ обыкновеннымъ; такъ поступили Этольды въ спорѣ о границахъ между жителями Мелитен и Перин, назначивъ для разслѣдованія четырехъ депутатовъ (Rangabé Ant. hellén., п. 692); такъ поступилъ римскій сенатъ въ прекапілхъ о границахъ между жителями Генуи и Langenses Veiturii, откомандировавъ на мѣсто Квинта и Марка Минуціевъ (C. I. L. 1, 199 р. 72); такъ поступилъ Домиціанъ въ спорѣ между жителями Фалеріона и Фирмапцами, рѣшивъ его *adhibitis utriusque ordinis splendidis viris* (Or. 3118). Упомянутые делегаты того и другаго города являются въ качествѣ *consilium* при чиновникахъ, изъ которыхъ абелланскому придано названіе *prurukid. sveggunel. kvaisturel*, а полапскому — *medikei. deketasioi*; оба титула малоизвѣстны и толкуются разно. О существованіи квестуры въ самнитскихъ городахъ мы знаемъ и изъ другихъ памятниковъ: на помпеянскихъ надписяхъ (Цвѣт. пп. 63, 66, 71 [59, 62, 67]) квесторы, исполняя рѣшеніе народнаго собранія (*kombenniels. tanginud, komparakinels. tangin*), отдають на подрядъ постройки общественныхъ зданій и принимаютъ ихъ по окончаніи постройки (*opsannam deded. isidum. profatted*). Въ другихъ памятникахъ этою обязанностью занимаются *medix tuticus* (Цвѣт. 69, (64) Помпей, 19 (18) *Vovianum vetus*). Но въ нашемъ памятникѣ слову *kvaisturel* предшествуютъ еще загадочныя слова: *prurukid. sveggunel*. Моммзенъ (U. D. р. 295), прибавляя къ первому слову отрывочное *sir* первой строки, видитъ въ этомъ Ablativus обозначеніе лица, соотвѣтствующее римскому обозначенію трибы; точно также *sognomen*, въ родѣ *Sergoni*, видитъ онъ и въ слѣдующемъ *sveggunel*. Иначе разсуждаетъ Вухелеръ (*Comment. philol. in honor. Th. Mommseni. Berl. 1877, р. 228*). По его мнѣнію, это послѣднее слово соотвѣтствуетъ латинскому *surgoni*, слову, являющемуся съ удвоеніемъ въ *sursgones*, и обозначаетъ лицо, по своей роли соотвѣтствующее римскому *agator, fetialis, nuntius publicus*. Что же касается до творительнаго *prurukid*, то для объясненія его Вухелеръ прибѣгаетъ къ предположенію, что Абелла и Нола, прежде отправленія комиссіи на мѣсто, занятое храмомъ Геркулеса, для установленія границъ, заключили нѣчто въ родѣ договора или условія, по которому — *prurukid* (= *pro rase*; cf. *pacisci, ractum*) — Вестриція, абелланскаго квестора, назначили посредникомъ — *arbitrum*, или *sveggunom* при членахъ означенной комиссіи. Второе чиновное лицо является со стороны Нолапцевъ; ему придается титулъ *medikei deketasioi*. О титулѣ *medix, meddix, meddix tuticus* мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о *tabula Bantina*,

здѣсь же замѣтимъ, что титулъ *deketasis, degetasis* придается этимъ чиновникамъ, кромѣ нашего памятника, еще на двухъ надписяхъ (Цвѣт. 57, 58 [53, 54]), тоже кампанскаго происхожденія, на которыхъ упоминается о сооруженіи вѣроятно общественныхъ построекъ на *argentum multaticium* (*aragetud. multaskod*). Изъ всѣхъ этихъ данныхъ вывести что-нибудь относительно значенія сказаннаго эпитета невозможно, и потому толкователи прибѣгаютъ къ конъектурамъ, основаннымъ исключительно на этимологіи. Такъ Моммзенъ (U. D. p. 254) видитъ въ словѣ *degetasis* корень *deket = dicitare, dictare*, и *medix degetasis* считаетъ за магистрата, въ родѣ эдила, *qui multam dictat*. Бухелеръ (l. l. p. 230) переводитъ этотъ эпитетъ черезъ *digitarius*, и принимая во вниманіе, что *digitus* былъ мѣрою въ Кампаніи (Frontin. de aquis 21), считаетъ возможнымъ, что *medices* имѣли *cognomen mensurae et computationis proprium*, Мѣрніе, произнесенное вышеупомянутою комиссіей, начинается съ опредѣленія принадлежности территоріи, приписанной храму Геркулеса, который находился въ виду, по прямой линіи отъ мѣста, гдѣ была поставлена надпись (*sakaraklom... slaagid. pod. ist=sacellum... e regione quod est*); комиссія заявила, что храмъ Геркулеса, вмѣстѣ съ принадлежащею ему землею, огороженною межевыми столбами (*teerom... pod. anter teremniss territorium... quod inter terminos*), повѣренными сообща Поланцами и жителями Абелли, должны считаться общими, также какъ и доходы храма и его территоріи (*elsels. sakarakleis. infim. torels. fruktatiuf... mofniko poterompid. fusid = et eius sacri et territorii fructus... communis utrorumque esset*). Моммзенъ (U. D. p. 125) приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ этому общихъ святилищъ: таковъ былъ знаменитый храмъ Діаны на Авентинѣ, выстроенный сообща Римлянами и Латинянами, и по предположенію Моммзена, составлявшій ихъ общую собственность; таковъ былъ храмъ *Jupiter Latiaris* на Албанской горѣ, таково, наконецъ, было святилище *Juno Sospita Mater Regina* въ Ланувіумѣ. Что касается до межевыхъ столбовъ, которыми была обнесена принадлежавшая храму мѣстность, то въ виду общаго владѣнія ею двухъ городовъ совершенно естественно, что эти столбы были поставлены и повѣрены сообща депутатами того и другаго (*moirikad. tanginod. proftoset = communi sententia probata sunt*); межи эти были поставлены, какъ это обыкновенно дѣлалось и у Римлянъ: *rehtod amnod = recto circuitu* (срвн. Gromat. Lat. 11, 511 index s. v. *rectus*). Что касается доходовъ, получавшихся съ храма, то подъ ними слѣдуетъ

разумѣть, по всей вѣроятности, *stipes* (см. нашу монографію: Храмъ Тифатинской Діаны. С.-Пб., 1874, р. 5), доходы же съ земли, ему принадлежавшей, могли быть разнообразны, смотря по ея свойству и назначенію; Моммзенъ удачно цитуетъ мѣсто Ливія (XXIV, 3), въ которомъ описывается мѣстность, принадлежавшая храму *Juno Lacinia* близъ Кротона: *lucus ibi frequenti silva et proceris abietis arboribus septus lacta in medio pasqua habuit, ubi omnis generis sacrum deae pascebatur pecus;... magni fructus ex eo pecore capti columnaque inde aurea solida facta et dicata est.* Слѣдующія затѣмъ строки надписи отчасти исчезли, отчасти сохранились лишь въ отрывкахъ, не позволяющихъ заключать о томъ, что въ нихъ содержалось. "Послѣ" пропуска идетъ постановленіе, относящееся къ застройкѣ земли, принадлежавшей къ храму; земля эта дѣлилась на двѣ части: одна примыкала непосредственно къ храму, стоявшему въ центрѣ мѣстности (*hercleis. fufino. meffo ist = Herculis fanum medium est*), составляя его непосредственную ограду, которая была обведена извѣстнаго рода загородкой, и другая, бывшая между этою послѣднею и оградой, окружавшею всю территорію храма (эта часть называется на надписи: *pert. viam. possitst paf. fp. ist. postin. slagim = trans viam post est quae ibi est pro regione*—выраженіемъ не вразумительнымъ; объясненіе Бюхелера l. l. p. 236 не совсѣмъ ясно). Въ этой-то мѣстности, между двумя оградами, представлявшей, по всей вѣроятности, пустое и ровное пространство, дозволялось строиться жителямъ того и другого города, но не иначе, какъ съ разрѣшенія сената (*senateis suveis. tanginod. tribarakavom. likitud = senati sui sententia aedificare liceto*). Зданіе, выстроенное при этихъ условіяхъ Поланцами, поступаетъ въ ихъ пользованіе и владѣніе; точно также дѣлается и съ зданіемъ, выстроеннымъ жителями Абеллы. Какія это могли быть зданія, сказать трудно; можно думать, что по аналогіи съ другими мѣстностями, окружавшими древніе храмы, окрестности святилища Геркулеса застроились различными зданіями, слившимися въ одинъ, общій храмовый городокъ. Въ указанныхъ предѣлахъ; и въ частности, внутри ближайшей къ храму ограды, продолжало рѣшеніе комиссіи, пи тотъ, ни другой городъ не имѣетъ права что-либо строить. Слѣдующее за симъ постановленіе комиссіи относится къ сокровищницѣ, бывшей въ храмѣ или близъ него: ее открывать можно было не иначе, какъ по взаимному соглашенію, и часть находившихся тамъ сокровищъ принадлежала одному городу, часть другому. Что это были за сокровища? Имѣть необходимости и даже вѣроятія предпологать,

что здѣсь находилось общее казнохранилище: обоихъ городовъ, въ родѣ союзнаго казнохранилища на Делосѣ; проще и вѣроятнѣе думать, что это была храмовая казна, образовавшаяся частію изъ суммъ, жертвовавшихся въ святилище (*stipes*), частію изъ приношеній драгоценными предметами, частію, наконецъ, изъ денегъ, отлававшихся въ храмъ на храненіе. Любопытно обозначеніе въ нашемъ памятникѣ понятія сокровищницы словомъ *thesauron*, заимствованнымъ прямо изъ языка греческаго. Это заимствованіе указываетъ на сильное вліяніе Греціи, подъ которымъ почти постоянно находились Самниты, которое сказалось на многихъ сторонахъ ихъ быта, жизни и вѣрованій, и многочисленныхъ свидѣтелей котораго мы видимъ въ дошедшихъ до насъ отъ Самнитовъ памятникахъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ и языкъ, указывающій намъ не мало греческихъ словъ, преимущественно въ именахъ собственныхъ. Таковы: *Arkia* = *Ἀρχία*, *Boxloi* = *Βόχλοι*, *Meelkijicis* = *Μελκίσιος*, *Santia* = *Σανθία*, *Skiru* = *Σκίρων*, *Step* = *Στέφανος*?; по есть и нѣсколько именъ нарицательныхъ, указывающихъ на заимствованіе изъ греческаго; къ такимъ, кромѣ нашего *thesauron*, надобно отнести: *χοίνικας* = *χοῖνιξ* на помпеевскомъ столѣ съ узаконенными мѣрами для жидкихъ и сыпучихъ веществъ (Цвѣтаевъ, п. 74 [68]), *passtata* = *αἰπαραστάτας*, тоже на помпеевскомъ памятникѣ (Цвѣтаевъ, п. 65 [60]) и *потерам* = *ποτήρα* на одномъ сосудѣ, найденномъ въ Базиликатѣ (Цвѣтаевъ, п. 145 [138]). Возвращаясь къ нашей надписи, должно замѣтить, что ея заключительныя слова представляются не вполне ясными; въ нихъ рѣчь идетъ о дорогѣ, прилегающей между областями Ноли и Абеллы, на сгибѣ которой, по срединѣ, стоятъ межевые столбы. Какая это дорога, что это за ея сгибъ (*pollad. vió. uivó. Ist = qua via flexa est*), какъ по срединѣ дороги могутъ стоять столбы (*elsai. viai. mefiat. teremennio. stafet = in ea via media termina stant*), все это вопросы, на которые мы не можемъ дать точныхъ отвѣтовъ. Предположенія Бюхелера (I. I. p. 240, 241), намъ представляются не уясняющими дѣла.

Что касается времени, къ которому относится интересующій насъ памятникъ, то Моммзенъ (U. D. p. 125) полагаетъ, что онъ долженъ быть введенъ въ предѣлы между 538 (годомъ введенія олигархическаго устройства въ италійскіе города) и 665 (годомъ окончанія марсійской войны), при чемъ отодвигаетъ его ближе къ первому, полагая, что надпись составлена немного спустя послѣ второй пунійской войны. Иного мнѣнія Бюхелеръ: изъ наблюденій надъ грамматикой и палеографіей памятника онъ выводитъ заключеніе о томъ,

что онъ относится ко времени близкому ко второй изъ указанныхъ Моммзенемъ границъ и считаетъ его моложе даже *tabula Bantina*, къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

Небольшой (въ высоту 0,255 м., въ ширину 0,380 м.) обломокъ бронзовой доски, исписанной съ обѣихъ сторонъ (*обидографон*), найденъ въ концѣ прошлаго вѣка, въ 1793 году, въ мѣстечкѣ *Oppido*, находящемся въ провинціи *Базиликатѣ*. По одному, не совсѣмъ впрочемъ, достовѣрному извѣстію (*Lombardi Antichità di Basilicata Memoria dell' Instituto 1, 118 laud. Momms. U. D. p. 151*), этотъ памятникъ былъ найденъ прикрѣпленнымъ къ каменной обшивкѣ одной древней гробницы, при чемъ бронзовая доска была совершенно цѣлою и разбилась лишь по неумѣнью открывавшихъ гробницу крестьянъ. Самый большой обломокъ былъ пріобрѣтенъ для Неаполитанскаго музея, въ которомъ находится и понынѣ. Другіе, меньшіе, разошлись по частнымъ рукамъ и въ настоящее время утрачены; въ 1840-хъ годахъ появился одинъ небольшой отрывокъ, который продавался въ Неаполѣ неизвѣстнымъ лицомъ; съ него *Авеллино* успѣлъ снять наскоро снимокъ, и такъ какъ цѣна, которую просилъ продавецъ, была непомѣрно велика, то обломокъ остался у владѣльца и исчезъ неизвѣстно куда. Этотъ обломокъ помѣщается въ изданіяхъ обыкновенно написанный мелкимъ шрифтомъ.

Памятникъ этотъ представляетъ на двухъ своихъ сторонахъ документы различнаго содержанія и различнаго времени: одинъ, писанный на оскомъ, другой на латинскомъ языкѣ. Изъ ученыхъ, особенно потрудившихся надъ объясненіемъ разсматриваемаго памятника, заслуживаютъ быть упомянутыми: *Кленце*, *Моммзенъ*, *А. Кирхофъ* (*Das Stadtrecht von Bantia. Ein Sendschreiben an Herrn Th. Mommsen. Brl. 1853*) и *Л. Ланге* (*Die oskische Inschrift der Tabula Bantina und die römischen Volksgerichte. Götting. 1853*), *Бухелоръ*. Съ результатами ихъ изслѣдованій мы постараемся ознакомить читателей.

Что касается объема доски въ ея неповрежденномъ состояніи, то *Моммзенъ* (*U. D. p. 153*), на основаніи остроумныхъ соображеній, пришелъ къ тому выводу, что латинскій текстъ былъ написанъ въ одну колонну, во всю ширину доски, строками приблизительно въ 120 буквъ, а оскій — въ двѣ, имѣвшія отъ 60 — 70 строкъ. На вопросъ, были ли оскій и латинскій документы помѣщены вполнѣ на одной доскѣ, или таковыхъ было нѣсколько, *Моммзенъ* отвѣчаетъ предположительно, склоняясь на сторону первой гипотезы. Оская надпись имѣетъ отношеніе къ городу *Bansa* (*Bantia*, н. *Banzi*), между горо-

дами Orpido и Venosa, и попала въ первый—гдѣ и была найдена— совершенно случайно. Что оскій документъ не есть мѣстный муниципальный законъ, но законъ римскій, относящійся къ Бантіѣ, оскому городку, и потому переведенный на оскій языкъ, это Моммзенъ выводитъ изъ того, что всѣ сокращенія, вродѣ tr. pl. (= tribunus plebis), pr (= praetor), n (nummi, nummum), q (= quaestor), суть римскія, что упоминается римскій iudex, что въ строкѣ 29 читается выраженіе: izic post eizuc tr. pl. ni fuid—is post illa tr. pl. ne fuerit, угроза, не могшая имѣть мѣста въ рѣшеніи бантинской общины. Переходя къ указанію отношенія, въ которомъ находится оскій текстъ къ латинскому, Моммзенъ разсуждаетъ такъ: можетъ показаться удивительнымъ, какъ въ Бантіѣ очутился бы латинскій законъ (а что латинскій текстъ есть отрывокъ закона, это сомнѣнію не подлежитъ), не имѣвшій никакого отношенія къ этому городу; предположеніе о томъ, что въ провинціальныхъ архивахъ находились копіи, и притомъ на бронзѣ, со всѣхъ римскихъ законовъ, не имѣетъ за собою ни малѣйшаго вѣроятія. Эти соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что и въ латинскомъ текстѣ мы имѣемъ отрывокъ закона, имѣвшаго отношеніе къ Бантіѣ. Отсюда естественъ переходъ къ предположенію ю что латинскій текстъ есть оригиналъ того самаго закона, который мы имѣемъ въ оскомъ переводѣ. Римскій законъ, имѣвшій отношеніе къ Бантіѣ, долженъ былъ быть формулированъ непременно по латыни, и копія съ него неизбежно должна была находиться въ Бантинскомъ архивѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы всѣ Бантинцы имѣли возможность ознакомиться съ содержаніемъ закона, онъ былъ переведенъ на мѣстное нарѣчіе, и исписанная двумя текстами доска могла вывѣшиваться, смотря по надобности, то тою, то другою стороною. За этими соображеніями Моммзена нельзя не признать значительной доли остроумія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что они не основываются на самомъ памятникѣ, такъ какъ содержаніе латинской его половины не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ содержаніемъ оской половины; мало того, въ ней заключаются нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что этого сходства и быть не могло; тогда какъ, напримѣръ, оскій текстъ называется закономъ (строка 25, ras exaiscen ligis sciftas set—quae in hisce legibus scriptae sunt), латинскій именуется lex plebive scitum (строка 7 и др.), чиновники, которыхъ имѣетъ въ виду оская половина, суть чиновники мѣстные, провинціальные, тогда какъ въ латинской перечисляются: dictator, consul, praetor, magister equitum, censor, aidilis, tribunus plebei, quaestor, III часть osv, отд. 2.

vir capitalis, III vir agreis dandeis adsignandeis, ioudex, ex hac lege plebive scito factus (строка 15) и т. п. Эти и имъ подобныя данныя можно противопоставить гипотезѣ Моммзена и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть сомнѣнію и тотъ выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ нея; а выводъ этотъ весьма важенъ, такъ какъ касается опредѣленія времени памятника. Изъ того обстоятельства, что въ только что приведенномъ отрывкѣ латинскаго текста, на ряду съ другими чинowymi лицами, упоминаются tresviri agris dandis adsignandis, установленные Тиберіемъ Гракхомъ въ 621 году, подъ названіемъ III viri agris dandis adtribuendis iudicandis, и утратившіе послѣдній титулъ въ 625 г., Моммзенъ выводитъ, что terminus a quo написанія памятника не можетъ быть поставленъ ранѣе 625 г., а terminus ad quem—не позже 631 г., когда должность сказанныхъ триумвировъ была уничтожена. Эти соображенія, вполне приложимыя къ опредѣленію времени латинскаго закона, обязательны для оскскаго лишь при допущеніи тождества въ содержаніи обоихъ текстовъ. Посему изслѣдователи, не допускающіе этого тождества, какъ, напримѣръ, Кирхгофъ (l. l. p. 93), идутъ для опредѣленія времени нашего памятника инымъ путемъ: Кирхгофъ признаетъ, что, съ одной стороны, время написанія оскскаго текста не можетъ быть поставлено позже союзнической войны и дарованія права гражданства Италикамъ; съ другой—употребленіе латинскихъ начертаній для оскскихъ словъ и многочисленныя слѣды распадающагося языка заставляютъ видѣть въ нашей надписи одинъ изъ позднихъ, если не самый поздній памятникъ оскскаго говора. Изъ того обстоятельства, что въ строкѣ 28-й опредѣляется порядокъ прохожденія муниципальных должностей: pr. censtur bansae ni pis fuid, nei sae q. fust, ner censtur fuid, nei sae pr. fust = praetor censor Bantiae ne quis fuerit, nisi quaestor erit, neve censor fuerit, nisi praetor erit, Кирхгофъ заключаетъ, что этотъ порядокъ долженъ былъ развиться подъ влияніемъ установленія magistratus quorum certus ordo est, введеннаго Вилліевымъ закопомъ 573 г. (lex Villia annalis).

Подобно тому, какъ разнообразны взгляды на соотношеніе двухъ текстовъ разсматриваемой таблицы, на время ея написанія, различны также взгляды и на содержаніе осксой ея половины. Исходя изъ упомянутого выше хронологическаго опредѣленія, Моммзенъ видѣлъ въ оскомъ текстѣ отрывокъ аграрнаго закона, имѣвшаго отношеніе къ гор. Бантіѣ; отчасти къ тому же выводу пришелъ и Кленце, не успѣвшій однако обосновать его въ подробностяхъ. Противъ этого взгляда высказался Кирхгофъ, находя, что Моммзенъ для того, чтобы оправ-

дать свой основной взглядъ въ частностяхъ, прибѣгалъ къ крайне натянутымъ и совершенно не методическимъ объясненіямъ отдѣльныхъ словъ и выраженій. Кирхгофъ, послѣ весьма тщательнаго и подробнаго разбора памятника въ частностяхъ, пришелъ къ тому заключенію, что онъ представляетъ рядъ мѣропріятій, относящихся къ различнымъ сторонамъ государственнаго устройства Вантинской общины. Прежде всего, по его мнѣнію, рѣчь идетъ о судебной процедурѣ въ общинныхъ комиціяхъ, и въ частности: а) объ условіяхъ, при которыхъ обвиняемый могъ требовать *prorogatio* термина, б) о присягѣ, даваемой собравшеюся для суда общиной, при чемъ предсѣдатель комицій долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобъ означенная присяга была дана до начала голосованія, и в) о правѣ магистрата обвинять кого-нибудь передъ народнымъ собраніемъ и о законныхъ границахъ этого права; два послѣдніе параграфа сопровождаются соответственными *sanctiones*. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ постановленіе относительно ценза въ Вантинской общинѣ, при чемъ палагается наказаніе на тѣхъ изъ ея членовъ, которые произвольно уклоняются отъ этого ценза. Потомъ идетъ опредѣленіе, относящееся къ обязанностямъ магистратовъ, имѣющихъ юрисдикцію въ частныхъ процессахъ, и въ заключеніе, постановленіе о преемственности общинныхъ магистратовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто аграрнаго закона, Кирхгофъ видитъ въ оскомъ текстѣ такъ-называемый *lex satuga*, имѣющій отношеніе къ различнымъ сторонамъ общинной жизни гор. Вантіи. Соображенія Кирхгофа такъ остроумны и убѣдительны, что Ланге, комментировавшій вслѣдъ за нимъ разсматриваемый памятникъ, въ общемъ нашелъ необходимымъ съ нимъ согласиться, модифицируя лишь его взгляды на нѣкоторыя частности; мнѣніе Кирхгофа въ сущности раздѣляетъ и Бухелеръ, въ переводѣ оскаго текста, приложенномъ въ книгѣ Врунса (*Fontes iuris romani antiqui. Tubingae 1876*) и перепечатанномъ г. Цѣбтаевымъ.—Переходимъ къ обзорѣ отдѣльныхъ постановленій.

Начинающееся въ строкѣ 4-й опредѣленіе имѣетъ отношеніе къ недопущенію народныхъ собраній черезъ интерцессію. Она должна была сопровождаться открытою клятвой въ комиціяхъ, которую давало лицо, хотѣвшее не допустить ихъ интерцессіей, въ томъ, что оно руководится при этомъ интересами общины, а не интересами частныхъ лицъ, и что оно интерцедируетъ, заручившись согласіемъ большинства въ сенатѣ. Обставленная такими условіями, интерцессія имѣла обязательную силу для предсѣдателя комицій, которая имъ въ извѣстный день и не созывалась. Интерцессія, направленная на народныя

собранія, принадлежала преимущественно народнымъ трибунамъ, вслѣдствіе чего Ланге (l. l. p. 31) дополняетъ лакуну послѣ *prutergan* (строка 4) словами *tr. pl.*, и притомъ первое слово понимаетъ не въ значеніи *priusquam*, а въ смыслѣ *praeterquam*. Кромѣ того, въ принципѣ, эта интерцессія была предоставлена и другимъ магистратамъ, имѣвшимъ или *maior* или *par potestas* (Lange, p. 32). Въ нашемъ законѣ она обставлена различными условіями, имѣвшими цѣлю предупредить злоупотребленіе ею. Главнымъ изъ нихъ является искренняя, не имѣющая какихъ-либо противозаконныхъ расчетовъ (*perum dollom shallom sine dolo malo*), клятва въ народномъ собраніи; въ ней намѣревающееся интерцедировать лицо увѣряло, что оно далеко отъ личныхъ расчетовъ (*siom ioc comono mais egmas tovticas amnud pan pieisum bratejs avti cadeis amnud... pertumum-se ea comitia magis republicae causa quam cuiuspiam commodi aut incommodi causa... perimere*). Ланге приводитъ аналогичный случай изъ римской жизни, когда народный трибунъ Тиберій Семпроній Гракхъ, намѣреваясь интерцедировать противъ заарестованія Л. Сципіона Азіатскаго, *iuravit palam in amicitiam inque gratiam se cum P. Africano non redisse* (Gell. VI (VII) 19, 6). Кромѣ того, въ означенной клятвѣ должно было заключаться заявленіе о согласіи сената на эту интерцессію (*inim idic siom dat senateis tanginud maimas carneis pertumum = et id se de senati sententia maxinae partis perimere*). Это согласіе совершенно естественно и подтверждается тѣмъ, что и въ Римѣ для отсрочки избирательныхъ комицій требовался сенатскій указъ (Lange, p. 32).

Слѣдующій отдѣлъ закона относится къ формальностямъ, которыя должны соблюдаться въ комиціяхъ, собранныхъ для судопроизводства по спорнымъ процессамъ, касавшимся или поземельнаго владѣнія, или денежныхъ вопросовъ. Магистратъ, предсѣдательствовавшій въ такихъ комиціяхъ, долженъ былъ, предварительно голосованія, привести собравшихся къ присягѣ, въ которой они должны были обѣщать, что дадутъ относительно обсуждавшихся дѣлъ такой голосъ, какой, по ихъ мнѣнію, будетъ соответствовать интересамъ общины; кромѣ того, предсѣдатель долженъ наблюдать, чтобы кто-нибудь не далъ за вѣдомо ложной присяги (*per fefacid, pod pis dat eizac egmad mins deivad dolud malud = neve fecerit quo quis de illa re minus iuret dolo malo*). Присяга, даваемая собравшимся въ комиціи народомъ передъ рѣшеніемъ того или другаго изъ имущественныхъ процессовъ, находитъ себѣ аналогію въ подобной же присягѣ, которую давали римскіе судьи передъ голосованіемъ (срвн. нпр. *lex Acilia*, стрк. 36 и слѣд. Bruns,

р. 57 и др.); точно также и сенаторы въ Римѣ присягали въ томъ, что они выскажутъ только то, что будетъ еге publica. Спорною оказывается компетенція судебныхъ комицій въ Бантіѣ; она указывается словами: *comono... dat castrid lovfrud in eituas=comitia... de fundo libero et pecuniae*. Различнымъ толкованіямъ подвергалось выраженіе: *dat castrid lovfrud*: Моммзенъ (U. D. p. 269) отождествляя слово *castrid* съ формою *castro*, въ значеніи *praedium*; съ нимъ въ сущности согласенъ и Кирхгофъ (р. 57), переводящій это слово черезъ *ager*. Но Ланге (р. 22), выходя изъ замѣчанія, что компетентность бантинскихъ комицій въ гражданскихъ дѣлахъ была бы фактомъ необычнымъ, не соглашается съ этимъ толкованіемъ и понимаетъ фразу: *dat castrid lovfrud* какъ *de capite libero*. Брунсъ вмѣстѣ съ Бухелеромъ возвратились къ прежнему толкованію: *de fundo libero*. Вслѣдъ за приведеннымъ распоряженіемъ законъ даетъ слѣдующую *sanctio: suae pis contrud exeic fefacust avti comono hipust molto etanto estud: n. Ф. Ф. in svae pis ionc fortis meddis moltaum herest, ampert minstreis aeteis eituas moltas moltaum licitud=si quis contra hoc fecerit aut comitia habuerit, multa tanta esto: n. M. M. et si quis eum forte magistratus multare volet, dumtaxat minoris partis pecuniae multas multare liceto*. Подобныя этому *sanctiones* находились въ большинствѣ римскихъ законовъ; для образца можно привести *sanctio*, заключавшаяся въ *lex Silia de ponderibus* (Fest. quat. XII. 16, p. 246): *si quis magistratus adversus hac d. m(=dolo malo) pondera modiosque vasaque publica modica maiora minorave faxit iussitve fieri dolumve adduit quo ea fiant, eum quis volet magistratus multare—dum minore parti familias taxat liceto*. Съ объемомъ *multa* въ 2000 *nummi*, слѣдуетъ сопоставить объемъ ея же въ 1000 *nummi*, назначаемый нашимъ же закономъ въ стрк. 26-й. Что это были за *nummi*, сказать опредѣлительно невозможно; вѣроятно, это были сестерціи (cf. Mazosehi in tab. Negacleens. p. 217). Незначительность объема этой *multa*, въ сравненіи съ налагавшимися римскими законами, особенно позднѣйшаго времени (напримѣръ, *lex Scatinia* въ 10,000 ассовъ Quintil. J. O. IV. 2. 69. VII. 4. 42), объясняется отчасти тѣмъ, что законъ былъ изданъ для небогатаго провинціального городка, отчасти тѣмъ, что самый проступокъ, каравшійся *multa*, не былъ особенно значителенъ. Впрочемъ, 1000 сестерціевъ налагали и римскіе законы за невыходившія изъ ряду преступленія (срв. Huschke die multa und das sacramentum Epz. 1874, p. 278). Относительно обычной въ *sanctione* формулы: *dum*

minore parti familias taxat (cf. ampert minstreis aeteis eituas) см. Huschke, Analecta litteraria. Lips. 1826, p. 255 sqq.

Слѣдующій за симъ параграфъ Вантинскаго закона, относящійся къ процессу между частными лицами изъ-за поземельнаго или денежнаго владѣнія, довольно труденъ для пониманія. Первая его фраза можетъ имѣть слѣдующее значеніе: Если кто-нибудь—чиновникъ или лицо частное—вчинитъ другому лицу въ присутствіи магистрата (pro meddixud=pro magistratu) искъ имущественный или денежный, магистратъ не долженъ созывать комицій до тѣхъ поръ, пока истецъ не заявитъ по совѣсти своихъ требованій передъ народомъ четыре раза и послѣдній четырежды не будетъ оповѣщенъ объ установленномъ днѣ комицій (in trutum zicolom tovtto peremust petiropert=et definitum diem populus perceperit quater). Такимъ образомъ, можно думать что или иски, или процессы относительно поземельныхъ имуществъ и капиталовъ (castrous avti eituas=fundi aut pecuniae) обсуждались и рѣшались въ народныхъ собраніяхъ; передъ рѣшеніемъ истецъ или обвинитель долженъ былъ четырежды изложить передъ народомъ, по совѣсти (sipus perum dolom mallom=sciens sine dolo malo), основанія своего иска или обвиненія. По всей вѣроятности, это четырехкратное заявленіе дѣлалось не въ комиціяхъ, а въ contiones, какъ это обыкновенно бывало въ Римѣ (мѣста древнихъ у Willems: Le droit public romain. Louvain. 1874, p. 183), и напоминаетъ извѣстное quarta accusatio, имѣвшее мѣсто въ римскихъ уголовныхъ процессахъ. Кромѣ того, можно думать, что эти четыре contiones имѣли мѣсто въ промежутокъ времени между объявленіемъ дня для комицій, въ которыхъ долженъ рѣшаться сказанный процессъ или искъ, и самими комиціями. Это, какъ кажется, выражается въ заключительныхъ словахъ: in trutum zocolom tovtto peremust petiropert. До дня суда, продолжаетъ законъ, нельзя было заявлять объ искѣ болѣе пяти разъ; выше это заявленіе обозначалось словомъ urust (ne pon op tovtad petiropert urust=nisi cum apud populum quater oraverit), здѣсь же оно выражается терминомъ: actud=agito (neip mais pomtis com preivatud actud=neve magis quinquies cum reo agito), который, нѣсколько ниже, приравнивается тому же urust (pon posmom com preivatud urust=cum poshemum cum privato oraverit). Изъ всѣхъ этихъ выраженій мы можемъ съ вѣроятностью заключить, что сказанное заявленіе не ограничивалось одною рѣчью истца или обвинителя, но и отвѣтомъ geus, могшимъ возбудить цѣлыя дебаты между двумя сторонами; въ такомъ значеніи orage встрѣчается и въ древнѣйшей латыни: gem ubi rasunt

orato, говорилъ законъ XII таблицъ, ni расunt, in comitio aut in foro ante meridiem caussam coiciunt. com perorant ambo praesentes post meridiem praesenti litem addicito (Schöll XII tabul. rel. 1, 6. p. 118).— Между окончаніемъ такого oratio и комиціями, въ которыхъ должно было рѣшаться дѣло, требовался промежутокъ въ XXX дней: in non postmo com preivatud urust, eisuzen ziculud zicolom XXX nesimum comonom ni bipid=et cum postremum cum reo oraverit, ab illo die diem XXX proximum comitia ne habuerit. Съ этимъ промежутокъ сопоставляютъ слова Цицерона: pro domo sua 17: ter ante magistratus accuset; quarta sit accusatio trium nundinum, predicta die, qua die iudicium sit futurum (Lange l. 1. p. 66 sq.). Можно еще припомнить, что тридцатидневный промежутокъ нерѣдко попадается въ римской юридической практикѣ: ad quem pecunia communis municipum eius municipii pervenerit, читаемъ въ lex Malacitana (LXVII Bruns, p. 130), heresve eius isve ad quem ea res pertinebit, in diebus XXX proximis, quibus ea pecunia ad eum pervenerit, in publicum municipum eius municipii eam referto; при обсужденіи извѣстнаго дѣла о Вакханаліяхъ въ 566 году, сенатъ присудилъ преторамъ res in diem trigesimum differre, donec quaestiones a consulibus perficerentur. Параграфъ закона оканчивается санкціей, въ которой однако, вѣроятно по причинѣ неважности преступленія, не опредѣлена цифра multa: svae pis contrud exeic fefacust, ionc svae pis herest meddis moltaum licitud, ampert minstreis aeteis eituas licitud=si quis contra hoc fecerit, eum si quis volet magistratus multare, liceto, dumtaxat minoris partis pecuniae liceto.

Слѣдующій параграфъ закона относится къ цензу, совершавшемуся въ Бантіѣ: во время этого ценза, производившагося цензорами, всѣ граждане должны были подвергать ему какъ самихъ себя, такъ и свои капиталы, по формулѣ, объявленной цензорами. Не явившійся съ намѣреніемъ на цензъ и уличенный въ этомъ объявлялся рабомъ и подвергался продажѣ съ публичнаго торга, производившейся въ присутствіи магистрата и народа; точно также объявлялись принадлежавшими государству и всѣ принадлежавшіе такому лицу рабы и капиталы. Процедура ценза, имѣвшая мѣсто въ Бантіѣ, представляетъ весьма много сходства съ процедурою ценза, совершавшагося въ Римѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, цензъ производился особыми чиновниками—censur, censores; цензу подвергались всѣ граждане, при чемъ каждый заявлялъ о себѣ, то-есть, о своей личности и о своемъ имуществѣ: pis covs bantins fust, censamur esuf in eituum=qui civis Bantinus erit, censetor ipse et. pecuniam, совершенно такъ, какъ въ

Римъ гражданинъ долженъ былъ объявить nomen, praenomen, patrem aut patronum, tribum cognomen et quot annos habet, et rationem pecuniae (lex Julia municip. 145. Gruns, p. 99), при чемъ, какъ въ Бантіѣ, оцѣнка послѣдней дѣлалась poizad ligud iosc censtur censaum angetuzet=quoia lege ii censores censere proposuerint, такъ и въ Римѣ: ex formula census, qui censum acturus est, proposita est. Не явившійся въ Бантіѣ по неуважительной причинѣ dolud mallud—dolo malo на цензъ гражданинъ продавался съ публичнаго торга—avt svae pis censtomen nei cebnust dolud mallud,... esuf comenci lamatir pru meddixud tovtad praesentid perum dolum mallom—at si quis in censum non venerit dolo malo... ipse in comitio veneat pro magistratu populo praesente sine dolo malo, точно также какъ въ Римѣ incensus подвергался capitis deminutio maxima (Ulpian. tit. XI. II); кроме того, помимо продажи (amaricaturd=immercato), не внесенные имъ въ цензъ рабы и капиталы дѣлались достояніемъ общины—allo famelo in eituo sivom paei cizeis fust, pae ancensto fust, tovticod estud=cetera familia et pecunia tota, quae illius erit, quae incensa erit, publica esto, также какъ въ Римѣ τῶ μὴ τιμωραμένῳ τιμωρίαν ὄρισεν (Сервій Туллій) τῆς οὐσίας στέρεσθαι (Dionys. Hal. IV. 15).

Засимъ слѣдуетъ распоряженіе закона относительно преслѣдованія лицъ, преступившихъ его предписанія: оно могло быть начато преторомъ или префектомъ Бантинскимъ и могло сопровождаться т. н. manus iniectio, то-есть, насильнымъ привлеченіемъ къ суду, и сказанный магистратъ долженъ былъ дать этому дѣлу надлежащій ходъ не позже 10 дней послѣ заявленія ne rim pruhupid mais zicolois X nesimois=ne quem prohibuerit magis diebus X proximis. Точно также и въ римской судебной процедурѣ десятидневный терминъ встрѣчаемъ мы въ т. н. indicia recuperatoria (Lange, p. 8): И этотъ параграфъ сопровождается sanctio, въ которой цифра multae положена въ 1000 nummi.

Послѣдній изъ дошедшихъ до насъ параграфовъ закона относится къ установленію преемственности между различными магистратурами Бантинской общины. Законъ постановлялъ, чтобы преторы и цензоры получали эти должности не иначе, какъ по отправленіи ими квестуры, и чтобы цензоръ предварительно прослужилъ въ качествѣ претора: pr. censtur bansae ni pis fuid, nei svae q. fust, nep censtur fuid, nei svae pr. fust=praetor, censor Bantiae ne quis fuerit, nisi quaestor erit neve censor fuerit, nisi praetor erit. Далѣе устанавливается отношеніе названныхъ магистратуръ къ народному трибунату: лицо, бывшее цензоромъ, преторомъ, квесторомъ, особенно изъ знатныхъ ро-

довъ, не могло быть народнымъ трибуномъ, и если и дѣлалось таковымъ, то признавалось незаконнымъ: *in svae pis pr. in svae pis censtur avti q. pis tacusim nerum fust, izic post eizuc tr. pl. ni fuid. svac pis contrud exeic. tr. pl. pocapid bansae fust, izic amprufid facus estud* = *et si quis praetor et si quis censor aut quaestor quis natu nobilium erit, is post illa tribunus plebis ne fuerit. Si quis contra hoc tribunus plebis quandoque Bantiae erit, is improbe factus esto.* Много въ приведенныхъ постановленіяхъ не яснаго, много, быть можетъ, ошибочно понятаго, но за всѣмъ тѣмъ остается не мало и такого, что уясняетъ устройство Бантинской общины конца VI и начала VII в.

Община эта (*tonto*, cf. *тѣсто рачертво* n. 160 [153]) составляла одно государственное цѣлое, имѣвшее извѣстную опредѣленную организацію, во многомъ напоминающую организацію Римской республики. Изъ ея органовъ нашъ памятникъ упоминаетъ:

а) комиціи или народныя собранія—*comono*. О томъ, дѣлились ли они на какіе-нибудь отдѣлы, въ родѣ комицій по куріямъ, центуріямъ и трибамъ, сказать, за недостаткомъ данныхъ, невозможно. На существованіе различія между плебсомъ и оптиматами указываютъ нѣкоторыя данныя, какъ напримѣръ, магистратура народнаго трибуната, въ которой не допускалось лицо: *pis tacusim nerum fust=quis natu nobilium erit* (сл. Цвѣт. n. 34 [32]); эти данныя, извлекаемая изъ нашего памятника, находятъ себѣ подтвержденіе и въ свидѣтельствахъ писателей, сообщающихъ намъ о существованіи у Самнитовъ партій демагоговъ и оптиматовъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на политическую жизнь отдѣльныхъ городовъ этого племени (*Kirchhoff, Stad. v. Bant. p. 84*). Неизвѣстно, въ какомъ отношеніи къ этимъ комиціямъ стоялъ *conventus*, упоминающійся на нѣкоторыхъ помпелнскихъ надписяхъ (Цвѣт. 63, 66 [59, 62] *kombenniels tanginud=conventus scito*); встрѣчающійся на нихъ же *consilium*, по всей вѣроятности, былъ отличенъ отъ комицій (Цвѣт. 71. [67] *komparakinels tangin (ud)=consilij sententia*), и можетъ быть, соотвѣтствовалъ сенату. О компетентности ихъ мы знаемъ только изъ Бантинской надписи; естественно, однако, что случайно сохранившіяся въ ея отрывкѣ данныя не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ этой компетентности, которая, по всей вѣроятности, имѣла сходство по объему съ компетентностью римскихъ комицій. Бантинская надпись указываетъ исключительно на судебную дѣятельность комицій. О ней мы уже говорили при разсмотрѣніи отдѣльныхъ параграфовъ закона; здѣсь же коснемся лишь вопроса, связаннаго съ нею, вопроса о денежныхъ штрафахъ, нала-

гавшихся на лицѣ, преступившихъ предписаніе закона; эти штрафы носятъ техническое названіе *molto*=*multa*. Производство латинскаго слова *multa* древними грамматиками (см. выше) ведется отъ оскаго нарѣчія; но то обстоятельство, что понятіе денежнаго штрафа выражается сходнымъ словомъ и по умбрски (*mutu, muta, motar*), должно привести къ тому соображенію, что это слово есть общеталійское, а не принадлежащее какому-нибудь отдѣльному діалекту. Штрафы были налагаемы не въ одной Вантіѣ; упоминаніе объ нихъ встрѣчается и въ Помпелхѣ, и въ Нолѣ. Тамъ въ первомъ городѣ квестору поручается собраніемъ (*convectus*) сдѣлать солнечные часы на сумму, составленную изъ штрафовъ: *nr. atinifs. :nr. kvafsstur estiuvad moltaskad kombenniels tangi(nud) aamanaffed*=*Mara Atinius Maraе f. quaestor pecunia multaticia conventus seito mandavit* (Цвѣт. 66 [62]). Въ Нолѣ на сумму, собранную изъ того же источника, ме́ддиксъ, высшій общинный магистратъ, выстраиваетъ какую-то постройку: *paakul. mulukiis marai. meddis degetasis aragetud multas (kod)*=*Paculus Mulcius Maraе f. meddix digitarius argento multatico*. (Цвѣт. п. 58. cf. 57 [54. 53]). Изъ этихъ памятниковъ явствуетъ, что штрафныя деньги, поступающія въ общественную казну, образовывали тамъ особый капиталъ, употреблявшійся обыкновенно на общественныя постройки; то же было и въ другихъ городахъ, какъ это видно изъ одной Фирманской надписи, въ которой пять квесторовъ *aire moltaticod dederont* (С. I. L. 1, 181).

Другимъ органомъ общиннаго управленія Вантіи является сенатъ; о его дѣятельности упоминается лишь вскользь: онъ даетъ большинствомъ голосовъ своихъ членовъ дозволеніе интерцедировать со званію комицій. Это данное можно дополнить фактомъ, извлекаемымъ изъ *cirrus Abellanus*, о томъ, что сенатъ избираетъ комиссію для рѣшенія вопроса о союзномъ святилищѣ. Эти два факта достаточно ясно указываютъ на значительное вліяніе сената въ общинной жизни.

Третье мѣсто въ общинномъ органѣзми занимаютъ магистраты, *meddis*. Въ развитіи магистратуры Вантинскій памятникъ представляетъ данныя существенно отличныя отъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ другихъ источниковъ. Разсмотримъ сперва послѣднія: во главѣ Самнитскихъ общинъ стоитъ магистратъ, носящій названіе *meddis, meddis tovtkis*, иногда съ прибавкою наименованія общины: *med. karva (meddix Capuanus*, Цвѣт. п. 41 [38]), *med. tuv. nucrsens, meddikeis. romraiancfs* (п. 62 [58]); эти *meddices* существенно отличны отъ упоминаемыхъ на Вантинскомъ памятникѣ: на этомъ послѣднемъ слово

meddis обозначает чиновника, магистрата вообще, тогда какъ на другихъ это особая магистратура, довольно долго существовавшая у Самнитовъ и между ними весьма распространенная. Это подтверждается свидѣтельствами какъ литературными, такъ и эпиграфическими. Ливій упоминаетъ о *medix tuticus*, какъ о *summus magistratus apud Campanos* при разказѣ о событіяхъ 537 (XXIII, 35), 538 (XXIV, 19), 541 (XXVI, 6) годовъ; какъ о высшемъ магистратѣ у осковъ упоминаетъ о меддиксѣ и Енній (*Annal.* 296 Vahl. *summus ibi capitur meddix, occiditur alter*); эта же магистратура встрѣчается на памятникѣ, современномъ Пирру Эпироту (Цвѣт. 160 [153]. *Momms. U. D.* p. 196), на другомъ, относимомъ во времени, предшествующему второй Пунійской войнѣ (Цвѣт. 41 [38]. *Momms. U. D.* p. 177) и т. д. Распространенность этой магистратуры подтверждается надписями, меддиксы встрѣчаются на памятникахъ области Еквовъ (Цвѣт., 1), въ *Bovianum* (Цвѣт. 15. 16. 19. 22 [15. 16. 18. 22]), въ Капуѣ (Цвѣт. п. 41 [38]), въ Нолѣ (Цвѣт. п. 56 [52]), въ Геркуланумѣ (Цвѣт. п. 60 [56]), въ Помпеяхъ (Цвѣт., 62. 64. 65. 69 [58, 61, 60, 64]), въ Мессанѣ (Цвѣт. п. 160 [153]); подъ этимъ же названіемъ былъ извѣстенъ высшій магистратъ и у Вольсковъ (*Mommsen U. D.* p. 320). Что касается придаваемого ему иногда эпитета *tutiks=tuticus*, то онъ происходитъ очевидно отъ *tonto=populus, civitas*, и указываетъ на меддикса, какъ магистрата и пачальника общины. Дѣятельность меддиксовъ намъ мало извѣстна; сообразно характеру дошедшихъ до насъ надписей, заключающихъ въ себѣ упоминанія о различныхъ общественныхъ сооруженіяхъ, и встрѣчающіеся на нихъ меддиксы являются лишь какъ магистраты, или отдающіе на подрядъ и потомъ принимающіе эти сооруженія, или какъ исполняющіе ихъ сами безъ подряда (Цвѣт., 1. *rup. herenniu med. tuv. nuersens herekli prufatted=Rupius Herennius meddix tuticus Nuersenus Herculi probavit*). Можетъ быть, это относится къ храму, жертвеннику или статуѣ Геркулеса; *prufatted*, рядомъ съ которымъ встрѣчается обыкновенно *aamanaffed=mandavit*, указываетъ на то, что это посвященіе было сдѣлано Геренніемъ въ качествѣ официального, а не частнаго лица; Цвѣт. 15 [15] *nv. vesulliaís tr. m. t. ekfk. sakaraklom bovalanod ask-dafed=Novius Vessulliaeus Trebii f. meddix tuticus hoc? sacellum Boviani aedificavit?* Подобнаго же содержанія nn. 16, 18, 19, 22 [16, 17, 18, 22]; неясно содержаніе Капуанской надписи п. 41 [38]: *skatris III med kapva sakra: . use e. a: . miia: n. ssimas:=haec? testamento meddix Carpanus sacra...* Въ Геркуланумѣ меддиксъ дѣлаетъ

жертвенный столъ изъ мрамора, посвященный Венерѣ Эрицинской. I. slabiis. I. aukfl. meddis. tovtkis. herentatef. herukinaf. proffed=L: Slabius L. f. Aucilus meddix tuticus Veneri Erycinae probavit (п. 60 [56]); въ Помпеяхъ меддиксъ надзираетъ за прокладываемой дорогой (п. 62 [58].. ekass. vlass.. medikefs pompaianefs serovkid. imaden. uupsens fossu. asdills. profatens=hanc viam... medicis Pompeiani cura ab ima (parte) operati sunt, iidem aediles probaverunt), отдаетъ на подрядъ и принимаетъ постройку портика (п. 65 [60]: v. popidiis v. med. tov. passtata. skak. opsan. deded. fsidu. profattd=Viquis Popidius Vibii f. meddix tuticus porticum hanc operandam dedit, idem probavit) и другихъ общественныхъ сооружений (п. 64 [61]), наконецъ, въ Мессанѣ меддиксы отъ имени общины выстраиваютъ храмъ или сооружаютъ жертвенникъ Аполлону (п. 160 [153].. meddices oopsevs eivevc toFto papepvtivo akkelloovnti oaxopo=meddices fecerunt et civitas Mameritina Apollini sacrum?). Изъ этого памятника между прочимъ явствуетъ, что въ нѣкоторыхъ (если не во всѣхъ) общинахъ меддиксовъ было два, точно такъ, какъ эта же двойственность оказывается и въ другихъ магистратурахъ. Отдѣльно отъ этихъ меддиксовъ стоятъ meddis degetasios, встрѣчающіеся на cippus Abellanus и двухъ Ноланскихъ надписяхъ (пп. 57. 58 [53, 54]). Сверхъ меддиксовъ, въ Самнитскихъ общинахъ мы находимъ еще слѣдующихъ магистратовъ:

цензоровъ, упоминаемыхъ и на Бантинской надписи. Моммзенъ (U. D. p. 160) весьма обстоятельно изложилъ данныя относительно цензоровъ и ценза въ италійскихъ общинахъ, и потому, не повторяя его изслѣдованія, равно какъ и сказаннаго выше по поводу параграфа Бантинской надписи, въ которомъ говорилось о цензѣ въ этой общинѣ, мы здѣсь приведемъ лишь то, что сообщаютъ о цензорахъ другія оскія надписи. Въ одной, изъ области Френтановъ (п. 4), упоминаются два цензора,—цифра, бывшая вѣроятно обязательною и для всѣхъ италійскихъ общинъ. Этому не противорѣчитъ то, что на другой надписи, изъ Bovianum, мы встрѣтимъ одного цензора, который дѣлаетъ объѣтъ божеству и очищеніе (lustratio) народа—и въ Римѣ, гдѣ постоянно было два цензора, они метали жребій uter lustrum faciat (Varro, l. l. VI. 9.). Памятникъ, въ которомъ упоминается про это lustratio, весьма любопытенъ и понятъ въ настоящемъ значеніи лишь очень недавно, благодаря остроумію Бюхелера (Rh. Mus. 1875. p. 441 sq.). Онъ найденъ въ Bovianum и читается слѣдующимъ образомъ: urtam. Iis dsafnim. sakupam. fak. oinim. keenzstur. afieis. marajieis. paam. essuf. ombnaut. postiris. esidu. uunated. ffsnim. let-

goss. samfil oyrfrakonoss. fif. (Цвѣт., п. 17 [20]). Бюхелеръ первый увидѣлъ здѣсь слѣды мѣрной рѣчи и возстановилъ слѣдующіе сатурнии:

urtam lfsd Safnim—sakupam fak oifm kècnzstur
Afiels Maraleis, pàm essuf—ðmbnavt. pðstiris esidu
unàted fèfsnfm lefgoss—sàmii lõvfrikonðss fff.

переводя ихъ:

Votum solvit Samnitium—univorsum id censor
Aius Marius quod ipse—voverat. deinde idem
sacris simul legiones—cum populò lustravit.

Это открытіе Бюхелера имѣетъ огромную важность, такъ какъ указываетъ на распространенность и національность сатурнова метра, versus cui prisca apud Latinos aetas tamquam Italo et indigenae Saturnio sive Faunio nomen dedit (Mar. Victorin. 2586. P.). Бюхелеръ же доказывалъ сатурновъ метръ и въ найденномъ недавно памятникѣ изъ Корфиніума, въ землѣ Пелигновъ (Bullett. d. Instit. 1877. p. 184; Bréal въ Revue Archéol. 1877. p. 413; Bücheler въ Rhein. Mus. 1877; p. 271 sqq; Bugge Altitalische Studien, p. 62 sq.). Вслѣдъ за нимъ Бугге усмотрѣлъ сатурнии еще въ двухъ памятникахъ оскаго нарѣчія (Цвѣт., pp. 25 и 143 [26 и 136]); его же, какъ намъ думается, слѣдуетъ признать и въ любопытной надписи, найденной недавно близъ Lago Fucino (Fiorelli въ Notizie degli scavi di antichità. Dicembre 1877, p. 329). Не менѣе формы любопытно и содержаніе нашего памятника: цензоръ является въ немъ не столько свѣтскимъ чиновникомъ, сколько духовнымъ совершителемъ религиозныхъ обрядовъ: онъ даетъ обѣтъ божеству отъ имени всѣхъ Самнитовъ и исполняетъ его, точно также, какъ и въ Римѣ цензоры по окончаніи переписи читали sollemne precationis carmen (Valer. Max., IV. 1. 10). Изъ упоминанія lefgoss—legiones можно думать, что этотъ обѣтъ былъ данъ на войнѣ; если это такъ, то мы принуждены будемъ отмѣтить безпримѣрный фактъ — военнаго водительства цензора. Въ силу своихъ двоякаго рода обязанностей, онъ принесъ искупительную жертву въ храмѣ (fifsnim = in fano) за легіоны и за народъ. О lustratio легіоновъ мы находимъ извѣстія и у римскихъ писателей; Ливій, рассказывая о событіяхъ 563 года, говоритъ о походѣ консула Кн. Манлія въ Галлогрецію: прибывъ въ Ефесъ accertisque copiis a L. Scipione et exercitu lustrato concionem apud milites habuit (Liv. XXXVIII, 12).

Вслѣдъ за цензорами мы должны упомянуть объ эдилахъ. На бан-

типскомъ памятникѣ они не встрѣчаются, но извѣстны изъ другихъ надписей; такъ, два эдила (aédilis) въ Самніумѣ выстраиваютъ храмъ (Цвѣт., п. 12. 20 [10 и 19]), въ Помпеяхъ прокладываютъ дорогу. Памятникъ, въ которомъ упоминается объ этомъ, не лишенъ значенія; онъ читается (у г. Цвѣтаева, п. 63 [59]). Объ эдилахъ въ Помпеяхъ упоминается еще въ отрывкахъ 68, 73 [65 и 69]: *m? siuttiis. m. n. pontiis, m aédilis ekak viam teremnatens. ant. pontram. stafianam. víu. teremnatust. per. X. fossu. vía. pompaiiana. teremnatens. perek. III. ant. kalla. iovefs. meelfkiiefs. ekass. inf. víaf ioviia. inf. dekkvíarím. medkfefs. pompaiianefs screvkiid. imaden. uupsens. fossu. aédilis. profattens* = *M. Suttius M. f. N. Pontius M. f. acdiles hanc viam terminaverunt ante pontem Stabianum, via terminata est perticis X. iidem viam Pompeianam terminaverunt perticis III ante templum Jovis Milichii. Has vias et viam Joviam et Decuriam medicis Pompeiani cura ab ima (parte) operati sunt, iidem aediles probaverunt.* Надпись найдена въ 1851 году, возлѣ городскихъ воротъ помпейскихъ, обращенныхъ по направленію къ Стабіѣ (porta Stabiana); очевидно, что дорога, которая вела къ этимъ воротамъ и есть: *haec via* (ekak viam = hanc viam), которую окончили два эдила Маркъ Суттіѣ и Нумизіѣ Понтіѣ; начиналась же эта дорога ante pontem Stabianum, можетъ быть, моста, перекинутого черезъ рѣку Сарно (Sarnus), которая, по всей вѣроятности, служила границею между областями Помпей и Стабіѣ; Ниссенъ (das Templum p. 195), какъ кажется, ошибочно ищетъ упоминутыя въ надписи дороги въ городѣ, а не внѣ его. Ширина этой дороги опредѣляется на надписи словами: *per X = perticis X. Pertica* — шесть, длиною въ 10 или 12 футовъ (Lachmann, *Gromat.* 1. p. 339, 371), не можетъ соответствовать *cippus* (viam terminaverunt cippis. Корссенъ, *Ephem. epigr.* 11, 167), и повсей вѣроятности, указываетъ на ширину дороги. Бюхслеръ (*Jenaer L. Ztng.* 1874, p. 609) понимаетъ это иначе: онъ видитъ въ *per. X* и *perek III* обозначеніе разстоянія между мѣстомъ надписи съ одной и мостомъ и храмомъ Юпитера съ другой стороны. Дорога была возобновлена впоследствии, уже въ римскую эпоху, дуумвирами Лудіемъ Авіаніемъ и Квинтомъ Спедіемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ находящаяся возлѣ тѣхъ же Стабіанскихъ воротъ надпись: *L. Avianius L. f. Men. Flaccus Pontianus Q. Spedius Q. f. Men. Firmus II, vir. i. d. viam a milliario ad Gisiarios qua territorium est Pompeianorum sua pec. munierunt.* (Fiorelli *descrizione di Pompei*, p. 28; *Gisarij portae Stellatinae* попадаются на одной, подобнаго же содержанія, надписи въ *Calce*, п. Calvi. Momms.,

J. R. N. 3953). По словамъ Фюрелли, дорога очень узка и имѣетъ троттуаръ для пѣшеходовъ только съ одной стороны. Тѣ же самыя эдилы, продолжаетъ надпись,—окончили *via pompeiana* = *via Pompeiana*, дорогу, въ настоящее время неизвѣстную, ширина которой была всего лишь въ 3 *perticae* и которая кончалась передъ храмомъ *ioueis meelkieleis*. Наконецъ, упоминаются еще двѣ, также ближайшимъ образомъ неизвѣстныя дороги: *Jovia* и *Decurialis*, принятыя, послѣ проведенія ихъ по подряду, тѣми же эдилами. При этомъ любопытны слова надписи: *medikeis pompeianeis seroukid* = *medicis Pompeiani cura*, указывающія на подчиненность эдиловъ медиксу.

И о квесторахъ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія въ оскіихъ памятникахъ. Квестура, какъ свидѣтельствуемъ бантинскій памятникъ, предшествовала претурѣ и цензурѣ, изъ чего можно не безъ вѣроятности заключать, что и въ самнитскихъ общинахъ, какъ и въ Римѣ, эта магистратура служила *primus honoris gradus*. Кромѣ Бантин, квесторы встрѣчаются еще въ Абеллѣ и въ Помпеяхъ: на *cippus Abellanus* квесторъ Абеллы принимаетъ участіе въ установленіи границъ союзнаго святилища, въ Помпеяхъ квесторы отдають на подрядъ и принимаютъ общественныя постройки; любопытны слѣдующія надписи: (Цвѣт., 63 [59]): *V. aadirans v. estiuam. paam vereiiaf. pompeianaif. tristaamentud. deded. efsak. estiuvad V. viinikiis. mr. kvaifstur. pompeians. trifbom. ekak. kombenniefs. tanginud. opsannam deded. isfidum. profatted* = *Vibius Adiranus Vibii f. pecuniam quam iuuentuti Pompeianae testamento dedit, ea pecunia Vibius Vinicius Marae f. quaestor Pompeianus aedificium hoc conventus scito operandum dedit, idem probavit*. Надпись эта найдена въ зданіи, по имениемъ названіи *Curia Isiaca*, назначеніе котораго не ясно (*Overbeek, Pompei 1° 134*); изъ нея явствуетъ, что это зданіе выстроено, по порученію общины (*kombenniefs tanginud* указываетъ, какъ кажется, не на рѣшеніе сената, какъ обыкновенно полагають, но на рѣшеніе всей общины, въ комиціяхъ), квесторомъ Вибіемъ Виниціемъ на деньги, оставленныя по завѣщанію Вибіемъ Адираномъ; завѣщатель отказалъ капиталъ *vereiiaf pompeianaif* = *iuuentuti Pompeianae*, изъ чего Бухелеръ выводитъ, что и зданіе, выстроенное на этотъ капиталъ, должно имѣть какое-нибудь отношеніе къ молодежи, и видитъ въ немъ палестру. На другой, помпеанской же надписи, квесторъ, по рѣшенію того же *conventus*, отдаеть на подрядъ сооруженіе солнечныхъ часовъ на сумму, собранную со штрафовъ (Цвѣт., 66 [62]); на двухъ другихъ,

фрагментированныхъ памятникахъ (Цвѣт., п. 70. 71 [66, 67]) мы также читаемъ о постройкахъ, исполненныхъ квесторами.

Только бантинской надписи обязаны мы свѣдѣніями еще о трехъ магистратахъ: преторѣ, префектѣ и народныхъ трибунахъ. Преторъ является во главѣ бантинскихъ чиновниковъ и получалъ эту магистратуру не иначе, какъ пробывъ предварительно опредѣленное время въ должности квестора; преторъ является въ надписи исключительно, какъ лицо, имѣющее юрисдикцію. Иногда онъ замѣнялся и префектомъ, о которомъ ничего болѣе неизвѣстно. Что преторъ первоначально стоялъ во главѣ латинскихъ общинъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ *lex repetund.* 632 г. (Brunn, p. 64, стр. 78), гдѣ у имен *Latium* упоминаются диктаторъ, преторъ, эдилъ (см. Mommsen U. D., p. 162. Marquardt, Röm. Staatsverwaltung. 1, p. 475 sq.). Наконецъ, упоминаются и народные трибуны, стоящіе въ отдѣльности отъ прочихъ магистратовъ и имѣвшіе характеръ исключительно плебейскихъ чиновниковъ; существовали народные трибуны и въ другихъ италійскихъ общинахъ: Моммзенъ (U. D., p. 163, п. 55) приводитъ упоминающія объ нихъ надписи—одну изъ Венозы (*Venusia*), другую изъ Теана Сидициновъ. (I. R. N. 3998, 704).

Скудны данныя, относящіяся къ устройству бантинской общины, но не на столько ничтожны, чтобы не дозволить отмѣтить ея отношеніе къ Риму: его вліяніе на общинную жизнь Бантіи сказалось весьма рѣзко. Выше было отмѣчено не мало чисто римскихъ чертъ, нашедшихъ себѣ мѣсто и въ Луканскомъ городѣ; здѣсь слѣдуетъ лишь отмѣтить, что римское вліяніе сказалось и во внѣшности—на алфавитѣ. Но не окончательно уничтожило оно самостоятельность и національность Бантинцевъ: онѣ сказываются и въ ихъ названіи—*civis bantins*—*civis Bantinus*, и въ языкѣ официального документа оскомъ, а не латинскомъ.

Переходимъ къ четвертому и послѣднему памятнику, на которомъ хотимъ остановить вниманіе читателей—это найденный недавно наговоръ, изданный и объясненный Бюхелеромъ. По внѣшности, мѣсту и по обстоятельствамъ находки этотъ наговоръ имѣетъ большое сходство съ другимъ, бывшимъ извѣстнымъ уже давно (съ 1857 г.) и изданнымъ у г. Цвѣтаева п. 49 (46). Оба памятника найдены въ мѣстности, прилежащей къ древней Капуѣ, оба въ гробницахъ, оба представляютъ свернутыя свинцовыя пластинки, покрытыя письменами только на одной, внутренней сторонѣ. Такъ какъ первый, небольшой по объему и не мудреный по содержанію, былъ сразу отмѣченъ, какъ

образецъ defixio или devotio, то естественно было уже a priori прійти къ предположенію о тождественности назначенія и втораго. Приобрѣтенный случайно, этотъ памятникъ, былъ подаренъ проф. Бухелеру, который съ рѣдкою тщательностью и умѣньемъ прочиталъ надпись и представилъ попытку ея объясненія. Трудность, съ которою сопряжено чтеніе подобнаго рода памятниковъ, легко понятна, если представить себѣ оксидированную, перегнутую и переломанную свинцовую поверхность, на которой тонкимъ остриемъ, большею частью небрежно, нацарапаны буквы; приложенная Бухелеромъ къ его изданію и помѣщенная также и г. Цвѣтаевымъ литографія не даетъ объ этомъ понятія, такъ какъ на ней памятникъ передается уже прочтеннымъ—вѣрно ли, невѣрно ли, вопросъ иной. Отвѣчая на него, мы должны повторить сказанное раньше, именно, что Бухелеръ не въ одномъ мѣстѣ заявляетъ о томъ, что литографъ прочелъ нѣкоторыя мѣста памятника иначе, чѣмъ прочтены они издателемъ, провѣрившимъ свое чтеніе нѣсколько разъ по оригиналу.

Такъ какъ текстъ памятника не вошелъ въ русское изданіе г. Цвѣтаева, то мы, по причинамъ, изложеннымъ выше, считаемъ умѣстнымъ сообщить его, сперва въ чтеніи Бухелера, а затѣмъ въ чтеніи Бугге. Вотъ какъ читаетъ и переводитъ Бухелеръ:

Keri arentik[ai man] afum pai pui... heriam suvam legin— —
 2 usurs inim malaks nistrus pakiu Kluvatind valamais p[ukiu] anikadum damia — — | 3 leginum aflukad idik tfei manafum Vibiiiai prebiam pu. ulum da[da]d keru ar[entikai inim] | 4. valaimas puklum inim ulas leginei svai neip dadid lamatir akrid eiseis dunte— | 5 inim kaispatar i[nim] krustatar svai neip avt svai tiium idik fifikus pust eis— | 6 pun kahad avt n... ruum neip putiiad pun um kahad avt svai pid perfa—[neip] | 7 putiiad nip hu[n]truis nip supruiis uisusis putiians pidum putiians ufteis ud— | 8 valaimas puklui pun far kahad nip putiiad edum nip menyum linu pi— | 9 pai humuns bivus karakter suluh pakis kluvatiis valaimas puk turumiad— | 10 vibiiiai aqviiiai svai puh aflakus pakim kluvatiium valaimas puklui supr— | 11 inim tuvai leginei inim sakrim svai puh aflakus huntru steras huntru sa— | 12 valaimais puklu avt keru aret [ikai] avt ulas leginei—as trutas tus.—Кромѣ того, на наружной сторонѣ пластинки написано: keru arentika... pai pui suvah... eginu... krus...

Сообщая переводъ Бухелера, считаемъ нужнымъ замѣтить, что самъ переводчикъ не считаетъ его безусловно вѣрнымъ во всѣхъ подробностяхъ: многому онъ придаетъ лишь значеніе догадки, предпо-
 часть соу, отд. 2.

читая дать что нибудь вѣроятное, чѣмъ не дать ровно ничего. Вотъ этотъ переводъ: Cereri ultrici mandavi, quae qui... arbitrium suum potestat— — | 2—orus et mollis propiores Paquio Cluatio dis Manibus— | 3 potestatem deferat, id tibi mandavi. Vibiae prae—am—um reddat. Cereri ultrici et | 4 dis Manibus et sepulcri potestati, si nec reddit, veneat. acri eius— — | 5 et caedatur et cruentetur, si nec, aut si tu id decreveris postea— | 6 cum capit aut—num, ne possit. cum—capit aut si quid perfic—[ne] | 7 possit. nec inferis nec superis sacrificiis possint, quidquam possint— — | 8 di Manes. cum far capit, ne possit edere nec minuere famem— | 9 quae homines vivi pascuntur. denique Paquius Cluatius dis Manibus tabescat— | 10 Vibiae Aquiac, sive detuleris Paquium Cluatium dis Manibus supra— | 11 et tuae potestati et sacrum, sive detuleris infra—as infra— | 12 dis Manibus aut Cereri ultrici aut sepulori potestati, — certas. — Переводъ этотъ обоснованъ Бюхелеромъ въ обширномъ комментарий, общая характеристика котораго была сообщена нами выше. Объемъ объясненій зависѣлъ отъ свойства памятника, представляющаго очень много совершенно новыхъ словъ и формъ. При ихъ разгадкѣ, Бюхелеръ руководствовался преимущественно сравненіемъ съ длиннымъ рядомъ defixiones, сохранившимися въ греческой и латинской эпиграфикѣ (см. наше сочиненіе: Эпиграфическіе этюды, С.-Пб. 1873).

Совершенно естественно, что, съ одной стороны, при трудности чтенія надписи, и съ другой, при возможности нѣсколькихъ толкованій неизвѣстнаго, другіе изслѣдователи могутъ прійти къ другому чтенію и переводу, какъ это и случилось съ Бугге, который въ неоднократно цитованной брошюрѣ: Altitalische Studien читаетъ нашъ разговоръ слѣдующимъ образомъ:

Keri aren[tikai man] afum pai po[i] heriam suvam leg[inom suvam es] aka [ratos aflokid] | 2 osurs inim malaks nistros pakiu kluvatiud valaimas p[uklu] ant kadum damia[ntid suvam] | 3 leginom aflokad idik tifei manafum vibiiiai prebai ampo[l]olom da[da]d keru ar[entikai] | 4 valaimas puklom inim olas leginei svai neip dadid lamatir akrid eisels donte[is...] | 5 inim kaispatar i[nim] krustatar svai neip avt svai tiliom idik fifikus post eis[oi...] | 6 pon kahad pod[n]ene ruom neip potiiad ponom kahad avt svai pid perfa[htum id ni] | 7 potiiad nip ho[n]trois nip suprois aisusis potiians pidum potüans ofteis adf[akium] | 8 valaimas pukloi pon far kahad nip potiiad edum nip menvum limo pi[dum eisunk?] | 9 pai homuns bivos karanter soluh Pakis kluvatiis valaim(a)s puk(10) toromiiad [ovfrom]— | 10 vibiiiai akviiiai svai poh aflakus pakim klu-

vaiitom valaimas puklo supr[os..] | 11 inim tuvai leginei inim sakrim svai poh aflakus hontros teras hontros a... | 12 valaimas puklo avt keriare[ikai] avt olas leginei—as trutas tus.

Какъ видно съ перваго раза, Бугге прочелъ больше, чѣмъ Бюхелеръ, но не потому, чтобы лучше его разобралъ надпись, а потому, что отнесся къ своей задачѣ съ большею смѣлостью. Она сказывается и въ его переводѣ: Cereri ultrici mandavimus, quae qui ad regnum suum ad cohortem suam execratos adigit |, 2 osores et malevolos nostros, Paquio Cluatio Optimae purgamento ante cadere demeante, ad suam | 3 cohortem adigat, id tibi mandavimus Viblae spoliatae ministrum reddat. Cereri ultrici | 4 Optimae purgamentum et illius cohorti, si necredit, mancipator. raptim eius devoti [cinis?] | 5 et caespitibus et glebis tegitor, si nec, aut si te (?) id decreveris (?) post e[i....] | 6 cum incohat, quod virilitate carens non possit, unquam incohat, aut si quid perfe [ctum it, ne] | 7 possit, nec inferis nec superis sacrificia possint, quidquam possint grati odoris facere | 8 Optimae purgamento, cum far parat, nec possit edere nec minuere famem qu[oque] eorum | 9 quae homines vivi pascuntur. omnino Paquius Cluatus Optimae purgamentum torqueatur l[iberum] | 10 Vibiae Aquiae, sive adegeris Paquium Cluatum Optimae purgamentum ad super[os...] | 11 et tuae cohorti et sacrum, sive adegeris ad inferos terrae ad inferos a... | 12 Optimae purgamentum aut Cereri ultrici aut illius cohorti,—ac quartae.

Уже при поверхностномъ сличеніи обоихъ чтеній и переводовъ видно, что они разнятся, и притомъ значительно: тамъ, гдѣ Бюхелеръ не считалъ возможнымъ идти далѣе въ своихъ возстановленіяхъ и предположеніяхъ, Бугге незатруднился и представилъ объясненія остроумныя, но въ большинствѣ случаевъ лишенная твердой почвы. Мы не можемъ входить въ подробный разборъ чтенія и интерпретаціи того и другаго филолога, не можемъ рѣшить, при ихъ разногласіи, въ пользу того или другаго: non nostrum... tantas componere lites. Ограничимся сообщеніемъ того немногаго, что можетъ быть признано, если не положительно вѣрнымъ, то весьма вѣроятнымъ въ этомъ намятникѣ, выдающемся въ ряду другихъ темнотою и неопредѣленностью своего содержанія.

О томъ, что разсматриваемая надпись есть наговоръ (defixio devotio, ἐπιφθέγη), можно заключать по ея внѣшности и обстоятельствамъ находки. Слѣдовательно, въ ней прежде всего должно искать того, что свойственно всѣмъ, дошедшимъ до насъ наговорамъ, и именно: обозначеніе лица, противъ котораго направлено заклинаніе, ука-

заніе повода, его вызвавшего, и описаніе того зла, которое на это лицо накликается; къ этому должно быть присоединено и имя того божества, подъ вредоносное вліяніе котораго оно ставится. Сверхъ сего, можно искать и обозначеніе лица, составляющаго наговоръ. Что же изъ указанныхъ признаковъ можно найти въ разсматриваемомъ памятникѣ?—Изъ собственныхъ именъ лицъ въ немъ встрѣчаются два, стояція невмѣстѣ, а порознь, и слѣдовательно, обозначающія: одно—лицо наговаривающее, другое—лицо, на которое направленъ наговоръ. Одно имя встрѣчается три раза: 2. Pakiu kluvatiud, 9 Pakis kbuvatiis, 10 Pakim kluvatiium, другое два: 3 Vibiiai, 10 Vibiiai Akviiiai. Изъ того обстоятельства, что первое имя встрѣчается чаще и притомъ въ различныхъ падежахъ (Abl. Nomin. и Acc.), можно уже а priori заключить, что Paquius Cluatius есть лицо, которому желаетъ зло Vibia Aquia. Это подтверждается и контекстомъ, въ которомъ стоятъ означенныя имена: такъ въ строкѣ 9-й читается: suluh Pakis kluvatiis valaims puk turumiiad... Vibiiai Akviiiai svai puh aflakus Pakim Kluvatiium valaimas puklvi supr... inim tuvai leginei inim sakrim svai puh aflakus huntru steras huntru sa... valaimais puklu avt Keri aretikai avt ulas leginei... Въ этомъ отрывкѣ съ достаточною твердостью можно опредѣлить значеніе слѣдующихъ словъ: suluh Abl., оламенѣвшій въ нарѣчіе; слово сродно по корню съ salavs, δλος=totus, и значить: denique, ad summam, omnino. Слово: turumiiad можетъ быть положительно опредѣлено, какъ глагольная форма (3 pers. coni. praes. activ.; сл. heriiad, potiad), къ которой Pakis kluvatiis будетъ субъектомъ; значеніе слова неясно; можно съ вѣроятностью лишь думать о томъ, что оно относилось къ обозначенію вредоноснаго дѣйствія, накликаемаго на Клуатія (tabescat—Büch. torqueatur—Bug.). Слѣдующія слова: svai puh = sive, уже извѣстныя изъ tabula Bantina, указываютъ на раздѣлительныя предложенія, что подтверждается и строкою 11-ю, гдѣ они повторяются. Раздѣленіе имѣетъ характеръ противоположенія, что явствуется изъ словъ: supr... и huntru, противопоставляемыхъ въ строкѣ 7-й: nip huntruis nip surpruis. Первое безспорно стоитъ въ связи съ super, supra, ὑπέρ, второе — съ hutra, hondra, hondromu игувиинскихъ таблицъ, словами, имѣющими отношеніе къ подземнымъ божествамъ и жертвоприношеніямъ по умершимъ (Bréal, 159 и др.). Упомянутыя понятія supra и infra, superi и inferi въ посвященіе челоуѣка богамъ преисподней естественно и понятно. Сверхъ этихъ словъ, въ противопоставляемыхъ предложеніяхъ повторяется слово aflakus, управляющее въ первомъ влиятельномъ: Pakim kluvatiium.

Въ 3-й строкѣ, сверхъ того, стоитъ слово *aflukad*, относящееся, очевидно, къ тому же самому началу. Значеніе ихъ неясно: можно довольно опредѣленно сказать, что это глаголь, и притомъ глаголь переходящій, но смыслъ его не довольно ясенъ: Бюхелеръ понимаетъ его какъ *deferre*, Бурге, какъ *adigere*.

Что касается повода, вызвавшего наговоръ, то опредѣленнаго сказать о немъ нельзя; можно лишь догадываться, что имъ не былъ какой-нибудь проступокъ, оскорбившій любовь Вибіи (каковой мотивъ встрѣчается въ очень многихъ изъ дошедшихъ до насъ наговоровъ), но нѣчто болѣе прозаическое, въ родѣ воровства или не отданнаго долга. Къ этому поводу относятся слова въ строкѣ 4-й: *svai neip dadit lamatir*, которыя Бюхелеръ понялъ совершенно вѣрно: *si nec reddit veneat*. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть поводъ наговора, подобный встрѣчающемуся въ одной британской надписи (C. I. L. VII, 140), гдѣ читаемъ: *Devo Nodenti Silulanus anilum perdidit demediam partem donavit Nodenti inter quibus nomen Seneciani nollis petmittas sanitatem donec perferat usque templum Nodentis* (сл. C. I. L. II, 462, Эпиграф. этюды, стр. 295).

Описаніе тѣхъ бѣдъ, которыя навлекаются на Паввіа, весьма подробно: одно изъ нихъ *lamatir*, мы уже видѣли выше; кромѣ нашего памятника, это слово въ той же формѣ попадаетъ и на *tabula Vantina* (строка 21), гдѣ къ нему совершенно подходитъ значеніе *venum detur tanquam praedia* (Bücheler у Bruns fontes, p. 47). Это же значеніе подтверждается и нашимъ памятникомъ, въ которомъ *lamatir* совершенно соотвѣтствуетъ угрозѣ, неоднократно повторяющейся на наговорахъ, найденныхъ въ Книдскомъ храмѣ Димитри: *παρὰ Δάμτρι πεπρυσμένος* (Эпиграф. эт., стр. 29 и др.). Какъ этотъ послѣдній оборотъ слѣдуетъ понимать въ переносномъ смыслѣ про лицо, передаваемое, подобно проданному рабу, во власть карающаго божества (срав. Эпигр. эт., стр. 64), такъ въ этомъ же переносномъ значеніи можно принимать и оское *lamatir*. Слѣдующія за симъ въ строкѣ 5-й и сл. угрозы въ большей своей части представляются не совсѣмъ понятными, вслѣдствіе чего толкуются различно; такъ, напримѣръ, слова: *iimn kaispatar i(nim) krustatar* Бюхелеръ переводитъ: *et caedatur et cruentetur*, а Бурге—*et caespitibus et glebis tegitor*. Болѣе понятна угроза въ стр. 8 *pui far kahad nip putiud edum nip menvum limu pi—pai humuns bivus karanter=cum far capit, ne possit edere nec minuere famem=quae homines vivi pascitur*. Бюхелеръ (Osk. Bleit., p. 44) приводитъ много примѣровъ подобныхъ пожеланій изъ греческой и латинской литера-

туры. Наконецъ Паквію Клуацію желаетъ Вибія, чтобъ онъ *tugumiad*, что Вухелеръ переводитъ черезъ *tabescat*.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать о божествѣ, во власть котораго передается девовируемое лицо. Это божество упоминается неоднократно; полнѣе всего оно читается въ 3-й и 4-й строкахъ: *Keri ag(entikai inim) valaimas ruklum inim ulas leginei*. Если вѣрно вставляемое Вухелеромъ *inim*, то въ этой фразѣ мы имѣемъ обозначеніе трехъ силъ, которымъ передается Паквій; изъ нихъ съ вѣроятностью можетъ быть опредѣлена лишь первая: *Keri agentikai=Cereri ultrici*. Съ именемъ этого божества, въ формѣ *Kerri*, мы уже встрѣчались при разборѣ *tabula Agnonensis*. Эта Церера, $\Delta\eta\mu\acute{\eta}\tau\eta\rho$, фигурирующая на Киндскихъ паговорахъ, не есть однако божество только благодѣющее, но и божество хтоническое, слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вредоносное. Посему, эту послѣднюю силу слѣдуетъ видѣть въ эпитетѣ *agentikai*, который дается на нашемъ памятникѣ слову *Keri*. Эпитетъ этотъ очень остроумно объясненъ Вухелеромъ при помощи одной глоссы Исихія: $\text{Ἄραστον Ἐρινός. Μακρόβος}$. Такимъ образомъ, этотъ эпитетъ опредѣляетъ Цереру, какъ божество мстящее, наказующее человѣка за совершенное имъ преступленіе.—Что касается двухъ другихъ силъ, которымъ передается Паквій, то ихъ значеніе угадать весьма трудно, и объясненія какъ Вухелера (=et diſ manibus et sepulcri potestati) такъ и Бугге (=optima purgamentum et illius cohorti) представляются мало правдоподобными.

Время, къ которому относится интересующій насъ памятникъ, опредѣлить съ точностью довольно трудно, такъ какъ, съ одной стороны, въ немъ нѣтъ указаній на какую-нибудь опредѣленную дату, и съ другой—италійская палеографія еще такъ не разработана, что не можетъ дать какихъ-либо указаній на время написанія. Тѣмъ не менѣе, основываясь на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, преимущественно грамматическихъ, Вухелеръ счелъ возможнымъ отнести названный памятникъ къ первой половинѣ втораго столѣтія до Р. Хр.

Заканчиваемъ нашъ рефератъ выраженіемъ благодарности какъ автору рассмотрѣнныхъ трудовъ за его прекрасный вкладъ въ сокровищницу науки, такъ и тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя дали возможность латинскому труду г. Цвѣтаева явиться въ столь изящномъ и роскошномъ видѣ.

И. Поняловскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНАГО ДВИЖЕНІЯ НА СЪ- ВЕРЬ РОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII-ГО ВѢКА.

I.

Если до половины XVII вѣка на сѣверѣ Россіи, преимущественно около Соловецкаго монастыря, возможно было открыть только слѣды „зарожденія національной литературы“¹⁾, то со второй половины этого вѣка открывается возможность прослѣдить цѣлый рядъ произведеній съ національнымъ направленіемъ, обнаруживающій особенное оживленіе сѣверно-русской литературной дѣятельности. Мы разумѣемъ сочиненія, соприкасающіяся съ извѣстною „соловецкою челобитною“, или какъ обнаруживается въ недавно вышедшемъ изданіи „Матеріаловъ для исторіи раскола“ г. Субботина (томъ III),—съ „соловецкими челобитными“, а по выраженію современниковъ ихъ—съ „соловецкими тетрадами“²⁾. Въ только что названномъ изданіи г. Субботина среди актовъ, служащихъ къ объясненію соловецкаго мятежа, помѣщенъ цѣлый рядъ соловецкихъ челобитенъ—краткихъ и полныхъ. Этотъ рядъ указываетъ, какъ постепенно складывались полныя редакціи челобитенъ, распространенныхъ въ массѣ списковъ и напечатанныхъ въ извѣстномъ Сурасльскомъ сборникѣ прошлаго вѣка. Но соловец-

¹⁾ См. изслѣдованіе профессора *Некрасова*: Зарожденіе національной литературы на сѣверѣ Россіи и пр. Одесса. 1870.

²⁾ Такъ называетъ ихъ Савва Романовъ въ разказѣ о преніяхъ 1682 г. въ Москвѣ, гдѣ «соловецкія тетради» читались всенародно на лобномъ мѣстѣ. *Летописи русской литературы* и пр. *Н. С. Тихонравова* т. 5, стр. 134 и 145.

кія челобитныя, помимо краткихъ редакцій, имѣютъ и другихъ литературныхъ предшественниковъ на мѣстѣ своего происхожденія. Предшественники эти заключаются въ любопытномъ соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка¹⁾, на содержаніе котораго въ первый разъ указалъ авторъ сочиненія „Истна Соловецкой Обители и пр.“ (Спб. 1844 г.). Авторъ этого разсужденія съ своей точки зрѣнія не придавъ должнаго значенія соловецкому сборнику и неточно опредѣлялъ его содержаніе, но совершенно вѣрно замѣтилъ отношеніе этого сборника къ „соловецкой челобитной“.

Мы начнемъ наши очерки сѣверно-русской литературной дѣятельности съ обзорѣнія этого соловецкаго сборника. Въ немъ мы находимъ первое выраженіе тѣхъ идей, которыя высказываются затѣмъ въ соловецкихъ челобитныхъ, а позднѣе въ XVIII вѣкѣ въ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ сѣверно-русскихъ раскольниковыхъ скитовъ. Эти идеи тѣсно связаны съ внутреннимъ развитіемъ Соловецкаго монастыря, чего мы и коснемся въ своемъ мѣстѣ, а теперь остановимся на составѣ соловецкаго сборника. Въ него входятъ слѣдующія статьи:

1) Выписано изъ похождения арсенія священнопопаха по рекомъ Суханова.

2) л. 20. Письмо святогорскихъ старцовъ. Переведено изъ греческаго языка на словенскій языкъ... О знаменіи і изображеніи честнаго креста. (Относится къ хожденію Суханова, которое продолжается и послѣ этого письма).

3) л. 41. (Статья безъ заглавія объ Арсеніѣ Грекѣ и его пребываніи въ Соловецкомъ монастырѣ; напечатана въ сочиненіи Ф. Терновскаго: Изученіе византійской исторіи и пр. (Кіевъ 1870, вып. 2, стр. 83—87).

4) л. 43 об. (Статья полемическаго содержанія, направленная противъ „печатныхъ книгъ новыхъ выходовъ“, особаго заглавія не имѣетъ).

5) л. 48. (Статья подобная предшествующей—безъ заглавія).

6) л. 50. О сложеніи перстовъ еже которыми персты десныя руки, подобаетъ всякому православному христианину воображать на себѣ знаменіе честнаго креста. (Какъ будетъ видно дальше, сочиненіе Соловецкаго старца Герасима Фирсова, хотя его имя здѣсь не упоминается).

¹⁾ Въ настоящее время этотъ рукописный сборникъ находится въ библиотекѣ Казанской духовной академіи за № 897.—Описаніе его войдетъ въ свое время въ общее описаніе соловецкихъ рукописей.

7) л. 102. Посланіе старца арсенія боярину борису михайловичю салтыкову, бывшу тогда во дворцѣ болшомъ.

8) л. 126, О царѣ градѣ пророченіе.

Изъ этого обзорнаго сборника можно видѣть, что составитель его имѣлъ въ виду определенную цѣль: собрать сочиненія, касавшіяся спорныхъ вопросовъ, раздѣлившихъ великорусское общество во второй половинѣ XVII вѣка. Онъ жилъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и потому въ его собраніе вошли сочиненія преимущественно соловецкія же (3-е, 4-е, 5-е и 6-е). Можно думать, что сборникъ составленъ до соловецкой челобитной. На это указываютъ и отсутствіе въ немъ челобитной, и время происхожденія большей части статей до 1658 г., не говоря уже объ остальныхъ, болѣе древнихъ. Если примемъ во вниманіе, что соловецкая челобитная появилась почти десять лѣтъ спустя послѣ 1658 г., то происхожденіе нашего сборника относится къ тому времени, когда въ Великой и сѣверной Россіи появились первые признаки неудовольствія и боязни предъ московскими нововведеніями. Составитель сборника принадлежалъ именно къ такимъ боящимся и возмущеннымъ лицамъ. По выбору статей видно, что его занимали вопросы объ отступленіи отъ вѣры новыхъ Грековъ и о московскомъ книжномъ исправленіи.

Переходи къ содержанію сборника, замѣтимъ прежде всего, что онъ состоитъ собственно изъ трехъ частей. Первая часть заключаетъ рядъ статей (1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я), написанныхъ по листамъ: „Хоженіе во греси Арсенія Суханова“. Эта надпись, по видимому, неправильная по отношенію къ 3-й, 4-й и 5-й статьямъ, имѣетъ однакоже связь съ тѣмъ хотя и виѣшнимъ отношеніемъ, въ которомъ находятся всѣ эти статьи къ 1-й и 2-й. Такъ напримѣръ, третья статья, содержащая въ себѣ разказъ объ Арсеніѣ Грекѣ, начинается, безъ всякаго заглавія, словами: „с тѣмъ же пансѣмъ патриархомъ іерусалимскимъ и пр.“, а въ предыдущей статьѣ собственно, „Хоженіи Арсенія Суханова“, Пансій, патриархъ Іерусалимскій, является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вторая часть сборника представляетъ особое сочиненіе съ особымъ заглавіемъ, именно 6-е.

Мы остановимся только на этихъ двухъ частяхъ сборника, потому что третья часть, заключающая посланіе Арсенія Глухова, не относится къ разсматриваемымъ нами памятникамъ; эта статья вошла въ сборникъ, вѣроятно, по связи съ вопросомъ объ исправленіи богослуженныхъ книгъ. Точно также мы могли бы оставить въ сторонѣ „Выписку

изъ похождения Арсенія Суханова⁴, елибѣ эта статья не находилась въ связи со всѣми послѣдующими статьями первой части сборника. Но главное почему нельзя опустить разсмотрѣніе этой любопытной статьи, это—то, что она не принадлежитъ извѣстному путешественнику XVII вѣва на Востокъ, которому она приписана, а составлена только подѣ вліаніемъ его сочиненія—Проскинитарія¹). Такимъ образомъ эта „выписка“, по своему замыслу, принадлежитъ къ такимъ сочиненіямъ, любопытнымъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ появившаяся въ XVI в. „Всѣда Сергія и Германа Валаамскихъ“²). Появленіе подобныхъ сочиненій въ древне-русской литературѣ стоитъ въ связи съ тѣмъ направленіемъ ея, которое выработалось отчасти подѣ вліаніемъ апокрифической литературы, отчасти подѣ вліаніемъ того отношенія къ чужимъ литературнымъ трудамъ, которое профессоръ Сухомлиновъ назвалъ „псевдонимами“ въ древне-русской литературѣ. Главныя основанія, которыя заставляютъ отнести „выписку“ къ числу такихъ „псевдонимовъ“, заключаются въ слѣдующемъ: во первыхъ, по свидѣтельству Невоструева, этой „выписки“ нѣтъ въ спискѣ „Проскинитарія“ синодальной бібліотеки, „выпедпемъ отъ самого Арсенія Суханова“³), во вторыхъ, въ спискѣ разсматриваемаго нами сборника, древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ, къ началу „выписки“ присоединено предисловіе⁴), въ которомъ заявляется особая цѣль составленія „Хоженія Арсенія“—„для ради опасенія православнымъ христіаномъ“ и для обличенія „волковъ, иже во овчюю кожу облеченныхъ, иже прельщаютъ мысли благочестивыхъ“—„мнимыхъ ихъ (восточныхъ) патріарховъ, епископовъ и мниковъ“. Между тѣмъ цѣль „Проскинитарія“, по заявленію самого Арсенія Суханова, была въ „описаніи святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ“, „что имъ и исполнено въ статейномъ спискѣ, въ описаніи

¹) Подложность этой «выписки», распространенной между раскольниками въ двухъ редакціяхъ, указана: 1) у *Евгенія* въ Словарѣ духовн. пис., 2-е изд., т. 1, стр. 53; 2) у *Филарета* въ Обзорѣ, стр. 226; 3) въ *Православн. обзор.* 1867 г. сентябрь, въ особой статьѣ.

²) Списокъ этой бесѣды указанъ напримѣръ, въ «Славяно-русскихъ рукописяхъ В. М. Ундольскаго», стр. 252, № 368, а подробный разборъ ея въ историческомъ отношеніи въ статьѣ *А. С. Павлова*. Земское направленіе русской духовной письменности въ XVI вѣвѣ (*Правосл. Собесѣдн.* 1863 г.).

³) См. предисловіе къ Казанскому изд. Проскинитарія, стр. 7—8.

⁴) Объ этомъ предисловіи не упоминаеть ни одинъ изъ изслѣдователей, касавшихся «выписки»; его также нѣтъ и въ другомъ соловецкомъ спискѣ въ рук. за № 60, л. 139.

града Іерусалима и въ Тактиконѣ. Точно также на подложность „выписки“ указываетъ компилятивный характеръ ея, несогласный съ характеромъ изложенія собственно Проскипитарія. Эта компилятивность „выписки“ выражается въ значительномъ количествѣ вставокъ, иногда такихъ же „псевдонимовъ“, какъ и самая выписка. Таково, напримѣръ, „письмо святогорскихъ старцевъ“¹⁾, которое, по словамъ „выписки“, митрополитъ Стефанъ (?) къ патриарху (Іерусалимскому Паисію) прислалъ, и „патриархъ взем отдалъ дидасколу Лигоридію перевести на простой греческой языкъ“ (л. 19); между тѣмъ письмо это почти все состоитъ изъ буквальныхъ выписокъ изъ Стоглава. Далѣе, еще болѣе странной представляется вставка большого отрывка изъ извѣстной повѣсти о бѣломъ клобукѣ, которую будто бы Арсеній прочиталъ передъ Греками въ доказательство того, что „все доброе перешло от Грековъ къ Москвѣ“, какъ-то бѣлый клобукъ и „риза спасителя нашего бога Христа“ (л. 32 об.). Замѣтимъ, что это указаніе на „ризу Спасителя“ стоитъ въ связи съ извѣстнымъ сказаніемъ, распространеннымъ въ сборникахъ XVII в.—„О срачицѣ Христовѣ“²⁾. Изъ дальнѣйшихъ вставокъ и указаній на распространенныя въ XVI и XVII столѣтіяхъ литературныя сказанія, отмѣтимъ ссылку Арсенія на апостола Андрея, отъ котораго будто бы приняли крещеніе Русскіе, а не отъ Грековъ, какъ утверждали послѣдніе, и повторяющееся во многихъ мѣстахъ „выписки“ сказаніе о порчѣ греческихъ книгъ по взятіи Царяграда въ Римѣ, въ Венеціи и въ другихъ городахъ латинскихъ. Можетъ быть, къ числу такихъ же указаній на распространенное въ сборникахъ XVII вѣка сказаніе Ивана Пересвѣтова принадлежатъ въ выпискѣ слѣдующія слова патриарха Паисія, обращенныя къ Арсенію: „что де у вас (въ Москвѣ) воровъ и разбойниковъ не вѣшаютъ и не смиряютъ. Посидѣвъ в тюрьмѣ выходятъ вонъ и паки тоже чинятъ. У насъ хотя и турецкая земля, а смирно, а сыскавъ воровство казнятъ отпуску нѣтъ а в тюрьмѣ не сидятъ“ (л. 19). На это Арсеній замѣчаетъ: „и вы хвалите Турковъ

¹⁾ Это письмо поставлено въ сборникѣ особо отъ выписки и имѣетъ свое киноварное заглавіе, хотя послѣ него продолжается прерванный разговоръ Арсенія съ Греками,—потому мы и отделили это письмо подъ особою 2-ю статьей.

²⁾ См. напримѣръ, въ «Славно-русскихъ рук. В. М. Ундольскаго», стр. 263, № 897. То же сказаніе носитъ другое заглавіе: «Сказаніе о ризѣ Господней и пр.» См. *Чтенія* 1871 г., 1 кн.: Описаніе рукописей Воскресенскаго монастыря, стр. 52, № 89.

лучши нашихъ правителей" ¹⁾). Всѣ эти выписки и ссылки на любимыя и распространенныя древне-русскія сказанія сближаютъ неизвѣстнаго автора „выписки“ съ раскольничьими писателями XVII вѣка. Но кромѣ того, нельзя упустить изъ виду, что неизвѣстный авторъ близко знакомъ съ дѣйствительною личностью Арсенія Суханова, съ его Проскинитаріемъ (изъ котораго онъ заимствовалъ диалогическую форму бесѣды между Арсеніемъ и Іоанпикіемъ, патриархомъ Александрійскимъ ²⁾), по подставилъ вѣсто послѣднаго—Пансія, патриарха Іерусалимскаго) и наконецъ съ мѣстностями и народностями, посѣщенными Арсеніемъ. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи знакомство автора съ церковнымъ положеніемъ Сербовъ и Волгаръ подъ гнѣтомъ „гордыхъ“ Грековъ, которымъ „хочетца владычествовать“ надъ Славянами, которые „ненавидятъ славянскія книги“. Въ доказательство этой ненависти въ славянскимъ книгамъ, начавшейся будто бы съ самаго крещенія Волгаръ и Сербовъ и выразившейся въ гоненіи, воздвигнутомъ Греками еще на „Константина-философа по отцѣ Волгарина“, въ самомъ началѣ „выписки“ приводится разказъ о сожженіи сербскихъ и московскихъ боѳослужебныхъ книгъ на Аѳонской горѣ, отобранныхъ Греками у старца Дамаскина, „родомъ Сербянина, мужа духовнаго, житиемъ свята“ и пр. Арсеній представляется въ разсматриваемой выпискѣ заступникомъ за Дамаскина: онъ съ гордостью указываетъ, что „сербскія старинныя писмянна“ и московскія печатныя книги одинаковы въ противоположность испорченнымъ греческимъ, что перья сходятся въ указаніи крестнаго знаменія. Далѣе и въ Тактиконѣ при выпискѣ отмѣчается согласіе сербскихъ церковныхъ обрядовъ съ московскими и несогласіе тѣхъ и другихъ съ греческими.

Съ другой стороны, неизвѣстный авторъ не менѣе знакомъ и съ

¹⁾ Кажется, къ этому указанію выписки всего ближе подходитъ слѣдующее мѣсто изъ сказанія Івана Пересвѣтова: «и далъ заповѣдь и грозу свою во всю свою землю такую, что разбойника и татя и ябедника и всякаго хищника безъ всякаго отвѣта смертію казнятъ». (*Ученыя Записки Казанскаго Университета* 1865 г., вып. I, 26 стр.) Такое же мѣсто находится и въ связанномъ съ сказаніемъ Івана Пересвѣтова сказаніи о Петрѣ Волосскомъ воеводѣ: «Егда во Царѣградѣ у царя Константина вельможи царствомъ его владѣли... а татемъ и разбойникомъ волю давали» (тамъ же, стр. 43). Въ этомъ же сказаніи о Петрѣ Волосскомъ воеводѣ Турскій царь Магметъ салтанъ за свою «мудрость и правду» противопоставляется Московскому царю, у котораго нѣтъ ни того, ни другаго. Въ этому противопоставленію, кажется, и относится приведенное замѣчаніе Арсенія.

²⁾ См. казанск. изд. Проскинитарія, глава 15-я, стр. 49 и д.

положеніемъ самихъ Грековъ „у темной власти у бусорманъ“ Турокъ; но онъ не высказываетъ состраданія къ этому положенію Грековъ, напротивъ даже защищаетъ Турокъ, указывая на то, что сами Греки большею частью вызываютъ ихъ на насиліе. Если онъ и указываетъ на стѣсненное положеніе Грековъ, то лишь съ тою цѣлью, чтобы задѣть гордость Грековъ ихъ прежнимъ блескомъ и величіемъ при благочестивомъ царѣ Константинѣ великомъ и переходомъ этого блеска и величія къ царю Московскому и пр. Это сопоставленіе, проведенное по тѣмъ явленіямъ, которыми особенно гордились великорусскіе грамотники XVI и XVII вѣковъ, на столько любопытно, что мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ „выписки“: „И у васъ нынѣ“, продолжаетъ неизвѣстный авторъ послѣ сопоставленія Константина и Царя Московскаго Алексѣя Михайловича,—„какъ и чѣмъ величатися патриарху... Не могутъ патриархи ваши по граду со креста ходить и на главѣ креста посити и на церкви креста имѣти. И надъ мертвецомъ у церкви отиѣвать и по граду нести или в колокола звонити. И па ослити ѣхати... (Упомянувъ затѣмъ о бѣломъ клобукѣ и ризѣ Спасителя, авторъ продолжаетъ) и монастырей было у васъ много і инокѡвъ, а пишѣ токмо слѣдъ знать... мощей святыхъ у васъ было много, и вы ихъ разносили по землямъ. И нынѣ у васъ нѣту, а у насъ стало много. Да и нашея земли многихъ богъ прославилъ угодниковъ своихъ. Мощи ихъ не тлѣнны лежать и чудеса творять (32—32 б). „А у насъ па Москвѣ у Государя Царя і у епископа (поправлено „у патриарха“) есть до пяти (поправлено „до седьми“) сотъ церквей. а у митрополита Новгородскаго будетъ 2000 (ѣѣ) церквей. а у васъ что за патриархъ, что одна церковь во всей его патриаршии... а в великомъ новѣ градѣ устроенъ митрополитъ, занеже нов градъ мѣсто старинное еще от потоу устроенъ. и в латинскихъ кроникахъ про него пишутъ латинцы кто можетъ богу и великому пову граду“ (18—18 б) ¹⁾. Ко всему этому авторъ присоединяетъ и любимую мысль раскольниковъ, о томъ, что Греки „мало что не соединились с римлянами“: въ книгахъ, въ „наукѣ езуицкой“, въ лѣтосчисленіи, наконецъ въ обливательномъ крещеніи. Мы опускаемъ множество другихъ указаній „выписки“ на разные обычаи и обряды

¹⁾ Это особенное вниманіе къ Новгороду и къ Новгородской землѣ едва ли не указываетъ, что «выписка» составлена въ старой Новгородской области, вообще на сѣверѣ Россіи, а не въ Москвѣ.

Грековъ, отступающіе отъ московскихъ и южно-славянскихъ, между которыми, напримѣръ, помѣщаются и такіе, какъ „питье табака дымново и носовово, игранья в карты“ (3 л.) „в шахматы и тавлен“ (40 б.), яденье яблоковъ до Спасова дня и т. п.

Не имѣя возможности, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, рѣшить вопросы о мѣстѣ и времени происхожденія этого любопытнаго сочиненія второй половины XVII в., во всякомъ случаѣ, появившагося не позже шестидесятихъ годовъ этого столѣтія, обратимся къ вопросу о неизвѣстномъ авторѣ, на сколько можно составить о немъ понятіе изъ самаго сочиненія. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе начитанность автора, его знакомство съ разными литературными повѣстями XVI и XVII вв., съ печатными московскими книгами (книга Кириллова, книга о вѣрѣ и т. п.), съ Стоглавомъ и пр., не говоря уже о замѣчательномъ изученіи „Проскинитарія“ Суханова, объ усвоеніи его изложенія и тона. Можетъ быть, послѣднимъ объясняется отсутствіе въ „выпискѣ“ указаній на несогласія, на разладъ во мнѣніяхъ собственно въ великорусскомъ обществѣ: авторъ исключительно занятъ Греками и ихъ „отступленіе отъ вѣры“ противопоставляетъ сохраненію ея всѣмъ русскимъ народомъ и знакомыми ему славянами—Болгарами и Сербами. Но въ изложеніи авторъ отступаетъ отъ „Проскинитарія“ страстью къ выпискамъ не только изъ Проскинитарія, но и изъ множества другихъ памятниковъ. Эта склонность, обычная у великорусскихъ писателей второй половины XVII в., проявлялась особенно въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имѣли въ виду тенденціозное назначеніе—защиту или опроверженіе какихъ-либо мнѣній. Такъ напримѣръ, челобитная, подававшаяся царю „о вѣрѣ“, состояла почти изъ однихъ такихъ выписокъ. Но въ разсматриваемомъ сочиненіи любопытная сторона заключается не въ этихъ выпискахъ, а въ общемъ замыслѣ автора, въ его изложеніи, хотя и составленномъ по подражанію изложенію Проскинитарія, однако доходящемъ до такихъ выраженій, которыя представляютъ черты сѣверно-русской народной поэзіи, напримѣръ: „а в астрахани царство великое вмѣсто влатне орды устроено тоѣ орды кирпичами“ (то-есть, кирпичная, впрочемъ въ былинахъ встрѣчаются и подобныя выраженія) или: „сами живете у темной власти, у бусорман“ (л. 18—19) и т. п.

Если разсмотрѣнное нами сочиненіе неизвѣстнаго автора, составившаго „выписку изъ похождения Арсенія Суханова“, не можетъ быть съ точностью отнесено къ сѣверной мѣстности, частіе къ Соловецкому монастырю, то слѣдующая статья сборника прямо указы-

ваетъ на мѣсто своего происхожденія. Эта статья—упомянутое сказаніе объ Арсеніѣ Грекѣ и о его пребываніи въ Соловецкомъ монастырѣ—„у насъ“ какъ выражается сказаніе. Упомянемъ еще, что сказаніе это имѣетъ непосредственное отношеніе къ Соловецкой библиотекѣ, въ которой сохранилась книга Арсенія Грека за № 714: Ἡ Θεία λειτουργία τὸν ἁγίον Ἰακώβον τὸν Ἀποστόλου, τὸν ἁγίον Ἰωάννην χρισοστόμου, Βασίλειον τὸν Μεγαλὸν (Венеція 1645 г.)¹⁾. Объ этой книгѣ въ сказаніи говорится: „да книги у него (Арсенія) пришли с нимъ греческимъ языкомъ печать венецѣйская“ (42 л.).

Мы уже упоминали о той внѣшней связи, въ какой находится сказаніе, объ Арсеніѣ Грекѣ съ „выпиской изъ похождения Арсенія Суханова“; теперь замѣтимъ, что оно имѣетъ еще болѣе тѣсную связь съ „выпиской“ по мысли и даже по изложенію. Главная мысль сказанія тоже—обличеніе греческихъ отступленій, но эта мысль высказывается болѣею частью устами самого Грека Арсенія въ разговорѣ съ соловецкими иноками. То же, впрочемъ, встрѣчаемъ и въ „выпискѣ“, гдѣ Греки какъ бы уступаютъ и соглашаются съ Арсеніемъ Сухановымъ въ его невыгодномъ мнѣніи о самихъ себѣ. Собственно обличеніе Грековъ устами Арсенія не прибавляетъ ничего новаго къ тому, чтѣ высказано уже въ „выпискѣ“ о потерѣ вѣры Греками, о порчѣ ихъ книгъ „отъ латынскихъ учителей“, о „латынскихъ училищахъ“, о несоблюденіи Греками всѣхъ обрядовъ и обычаевъ церковныхъ—въ одеждѣ, въ пищѣ, въ земныхъ поклонахъ и т. п. Впрочемъ соловецкій авторъ сказанія, точно также какъ и неизвѣстный авторъ „выписки“, съ восторгомъ указываетъ, что даже и въ Грекѣ Арсеніѣ „обрѣли чловѣка правомудрствующа“ въ спорныхъ вопросахъ о крестномъ знаменіи, о старыхъ печатныхъ книгахъ, о исповѣданіи вѣры „безъ нынѣшняго приложенія“ и пр. Замѣчая объ этомъ приложеніи, соловецкій авторъ не удержался намекнуть, что „сей еретикъ“ (то-есть, Арсеній же Грекъ) и сдѣлался однимъ изъ виновниковъ этого приложенія. Слѣдовательно, сказаніе о немъ было писано нѣсколько лѣтъ спустя по удаленіи Арсенія изъ Соловецкаго монастыря въ Москву къ патриарху Никону, у котораго онъ приобрѣлъ расположеніе и сдѣланъ былъ главнымъ справщикомъ на пе-

¹⁾ Мы не могли найти этой книги въ казанскомъ академическомъ собраніи соловецкихъ рукописей. Но она указана въ «описи библиотеки соловецкой» при книгѣ «Истина Соловецкой обители», стр. 233.

чатномъ дворѣ¹⁾, и когда, слѣдовательно, молва объ этой его дѣятельности исправленія и перевода новыхъ книгъ дошла и до Соловецкаго монастыря. Здѣсь въ пору составленія сказанія знали, что Арсеній „хулитъ все на Руся“. Можетъ быть, даже главною цѣлью сказанія и было обличить отступленіе Арсенія отъ его прежнихъ убѣжденій, высказанныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить значеніе Соловецкаго монастыря, въ который прислали Арсенія „ради разсмотрѣнія“ по навѣту патріарха Іерусалимскаго Паисія, того самаго, который встрѣчается и въ „выпискѣ“. Эта послѣдняя мысль о значеніи Соловецкаго монастыря въ вопросахъ „вѣры“, значеніи, которое признавали присылавшіе „испытывать въ вѣрѣ“ Грековъ и др., и затаенное неудовольствіе на потерю этого значенія съ начинавшимися нововведеніями, дошедшее до особенной силы въ соловецкихъ челобитныхъ, интересно по отношенію къ недавно изданному г. Петровымъ „Сказанію о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ“ (въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1877 г. № 9). По мнѣнію г. Петрова, авторомъ этого сказанія былъ никто иной, какъ тотъ же самый Грекъ Арсеній, о которомъ повѣствуетъ соловецкое сказаніе. Онъ писалъ не позже соловецкаго возмущенія, то-есть около начала 60-хъ годовъ XVII столѣтія, можетъ быть, даже въ отвѣтъ на соловецкое сказаніе о себѣ. Если это такъ, то Арсеній понималъ главную мысль соловецкаго сказанія и въ своемъ сказаніи постарался унизить значеніе Соловецкаго монастыря и возвысить до недостижимой высоты во всѣхъ отношеніяхъ Аѳонскую гору и ея монастыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ сказаніи Арсеній отвѣчалъ на обвиненія, взведенныя на Грековъ, по поводу ихъ книгъ²⁾, ихъ житія и „чина и всего устроенія монашескаго“, даже коснулся подробностей природы, окружающей Аѳонскую гору, опять съ тою же цѣлью—откло-

¹⁾ Известно, что Арсеній Грекъ, по повелѣнію Никона, перевелъ первую непорочившуюся великорусскую книгу Скрижаль (1656 г.) «отъ языка греческаго простаго на словенскій языкъ». См. Чтенія, годъ 1, № 3: Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ № 99.

²⁾ Вотъ что говорятъ Арсеній о порицаемыхъ греческихъ книгахъ: «во аѳонской горѣ... корень і источникъ нашего бласочестія, и аще кому хотѣти о сѣри научитися, тамо обряцетъ премногія и праведныя книги писанныя на хартияхъ древнія... і уставы церковныя во всякой цмлости, и правила церковная, і нынѣ различныя премудрыя и премудныя книги, вниже предлежитъ благочестивое наше вѣры законоположеніе цѣло и невредимо, якоже означала тако и мыя» (Труды Кіевской Духовной Академіи 1877 г. № 9, стр. 489).

нить упреки великорусскихъ писателей—Грекамъ въ ихъ отступленіяхъ отъ принятой великоруссами пищи, одежды и пр. Эта литературная полемика весьма возможна, если вспомнимъ позднѣйшую полемику Крижаннича¹⁾, веденную имъ въ Сибири, противъ соловецкой челобитной, вскорѣ послѣ ея выхода. А оба эти факта указываютъ на извѣстное и изъ другихъ источниковъ быстрое распространеніе во второй половинѣ XVII вѣка по великой и сѣверной Россіи соловецкихъ полемическихъ сочиненій.

Переходимъ къ слѣдующимъ двумъ полемическимъ статьямъ, входящимъ въ первой части сборника; кромѣ внѣшней связи, онѣ сходятся съ предшествующими статьями въ общности взглядовъ и даже выраженій. Неизвѣстный авторъ первой статьи повторяетъ дословно выраженіе предисловія къ „Выпискѣ изъ похождения Арсенія Суханова“ о мнимыхъ (восточныхъ) патріархахъ, епископахъ и пр., примѣняя это выраженіе къ Макарію, патріарху Ангіохійскому: „явъ и правомъ и образомъ волкъ во овчюю кожу оболченъ“ (47 л.); точно также приписываетъ порчу Грековъ „латинской ереси“ и „турской неволи“, указываетъ на маловажность значенія греческихъ епископовъ, у которыхъ „по одной церкви“, между тѣмъ какъ въ Россіи одна „Новгородская область на 2,000 верстъ есть“²⁾. Доказывая неправильность различія въ сложеніи креста благословляющаго отъ креста, которымъ обыкновенно крестятся, авторъ уже прямо указываетъ, что виновники этого различія—пріѣзжіе въ Москву восточные патріархи и епископы. Но при всемъ этомъ сходствѣ разсматриваемая статья отличается отъ предшествующихъ поставленною въ началѣ ея цѣлью — напомнить о „нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ новыхъ выходовъ“, именно о потребникахъ, вышедшихъ „нынѣ во 166 году“ (то-есть, въ 1658 г.). Разбирая различныя отступленія отъ прежнихъ потребниковъ, авторъ разсматриваемой статьи дѣлаетъ любопытное указаніе на „явныя плутни еремиа попа болгарскаго“, которыя „всѣмъ православнымъ вѣдомы отъ древнихъ списаній“ — именно на молитвы, внесенныя въ новыя потребники: 1) св. Трифона о заклинаніи и 2) святыхъ седми отроковъ³⁾. Конечно, подъ древними

¹⁾ Обличеніе на соловецкую челобитную, изданное *И. М. Добротворскимъ* въ *Православномъ Собесѣдникѣ* 1878 г.

²⁾ Въ „Выпискѣ изъ похождения“ и пр. этому мѣсту соответствуетъ указаніе на 2,000 церквей въ Новгородской области.

³⁾ Пока мы не можемъ сказать—находятся ли эти молитвы въ новоксправленыхъ потребникахъ.

списаніями авторъ разумѣлъ тѣ индексъ апокрифическихъ и отреченныхъ книгъ, которые были распространены въ древне-русскихъ сборникахъ, особенно соловецкихъ. Но не эта черта можетъ служить указаніемъ на соловецкое происхожденіе разсматриваемой статьи. Гораздо важнѣе другія указанія, вошедшія впоследствии въ соловецкую челобитную, напримѣръ, слѣдующее: „а в них (въ новыхъ печатныхъ потребникахъ) напечатано что прежде мыломъ крестить гретцким престолы. а во всякомъ мылѣ вѣд сало. ино стало мыло болши святаго мира“ и пр.. Въ соловецкой челобитной 1667 г. это мѣсто передано такъ: „въ томъ же потребникѣ... напечатали... повелѣвають свещати (церковь Божию) мыломъ; и то, государь, церкви Божія (и) не освященіе, но паче оскверненіе, понеже въ мылѣ всякая нечистота и скверность“¹⁾. Замѣтимъ, что неизвѣстный авторъ разсматриваемой статьи, кромѣ различныхъ рукописей и печатныхъ книгъ, имѣлъ подъ руками „хронографъ — сирѣчь лѣтопись греческихъ царствъ и прочихъ“, который онъ, по какому-то недоразумѣнію, отнесъ ко времени „благовѣрнаго самодержца (взглядъ XVII в.) Ярослава Владиміровича Кіевскаго и всея Русіи (въ лѣто 6559—1051). Статья эта и слѣдующая за нею составлены при первомъ знакомствѣ съ новыми московскими потребниками, и главное—та и другая статья составлены не для чтенія, а „в пользу слышащимъ“ съ постоянными обращеніями къ слушателямъ, притомъ писаны языкомъ, близкимъ къ разговорному.

Совершенно иначе написано сочиненіе соловецкаго старца Фирсова. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ сочиненіи и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить возможное происхожденіе двухъ предшествующихъ статей, мы считаемъ не лишнимъ коснуться тѣхъ обстоятельствъ, которые могли подготовить и вызвать эти сочиненія. Обстоятельства эти столько же объясняются внутреннимъ состояніемъ Соловецкаго монастыря, играющаго въ разсматриваемую эпоху видную роль на сѣверѣ Россіи, сколько и общимъ движеніемъ великорусской мысли—движеніемъ, исходящимъ изъ Москвы²⁾.

¹⁾ Матеріалы для исторіи раскола, изд. подъ ред. *Н. Субботина*. т. 3-й (М. 1878 г.), 224 стр.

²⁾ Важнѣйшими пособіями, при разсмотрѣніи внутренняго состоянія Соловецкаго монастыря, для насъ служили: 1) Описаніе Соловецкаго монастыря, составленное трудами Соловецкаго монастыря архимандрита *Досифея*. Москва, 1853 г., 2-е изд. 3 части, 2) Акты, относящіеся къ исторіи соловецкаго матажа, (въ

II.

Во второй половинѣ XVII вѣка Соловецкій монастырь, самый „украинный“ изъ сѣвернорусскихъ монастырей, не смотря на свое неблагоприятное географическое положеніе „на отокѣ (островѣ) моря океана“, достигъ замѣчательной степени внѣшняго и внутренняго развитія. Вслѣдствіе нападеній Шведовъ и смуть въ началѣ XVII в., Соловецкій монастырь принялъ характеръ крѣпости, снабженной стрѣльницами, пушками, содержащей своихъ стрѣльцовъ. Многолюдное населеніе монастыря отличалось практическимъ, промышленнымъ направлениемъ, вызывавшимся неблагоприятной природой сѣвера и характеромъ сѣверно-русскаго населенія ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ монастырѣ было и своего рода умственное движеніе. Эта умственная жизнь была тѣсно связана съ преданіями объ основателяхъ и устроителяхъ монастыря—Зосимѣ, Савватіѣ и митрополитѣ Филиппѣ, бывшемъ игуменѣ Соловецкомъ. Слава этихъ лицъ, сказанія о ихъ жизни и чудесахъ были распространены на сѣверѣ Россіи — „окрестъ острова соловецкаго и по всему поморью, по рекамъ же и по волостемъ“ ²⁾, и по свидѣтельству соловецкихъ иноковъ, служили первоначальнымъ побужденіемъ къ монастырской жизни ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти преданія связывали Соловецкій монастырь съ сѣвернорусскимъ населеніемъ, которое являлось въ монастырь, въ качествѣ богомольцевъ, принося часто новыя

Матеріалахъ для исторіи раскола. *Н. Субботина*. Москва, 1878 г.) и въ 3) рукописи казанскаго академическаго собранія.

¹⁾ Это промышленное, трудовое направленіе дано было монастырю еще его основателями и особенно игуменомъ Филиппомъ (впослѣдствіи бывшимъ митрополитомъ Московскимъ). Въ древнѣйшей редакціи Житія Зосимы Соловецкаго передается его предсмертная бесѣда съ братіей, которой онъ обѣщаетъ: «и в телесныхъ потребахъ не будете скудни... и умножится святая сия обитель (то-есть, Соловецкая) всякимъ обилствомъ» и пр. (№ 177, 39). Этотъ характеръ отражается и на дальнѣйшихъ выдающихся подвижникахъ соловецкихъ. Такъ въ чудесахъ Зосимы повѣствуется о явленіи вмѣстѣ съ Зосимой соловецкаго старца *Ивана*. Этотъ «великій подвижникъ» характеризуется въ «Чюдъ», «многа же и монастырю поработаша в рыбной ловле» (№ 177, 63 об—64).

²⁾ Въ той же рукописи за № 177, л. 70.

³⁾ Въ одной изъ челобитныхъ къ царю о вѣрѣ (1666 г.) соловецкіе иноки писали: «пришли мы... во обитель... преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ душевнаго ради спасенія, слыша изъ преподобныхъ чудотворцевъ богоугодное житіе и преславная чюдеса и пр.» (Матеріалы Субботина, т. 3, стр. 46).

сказанія о чудныхъ явленіяхъ патроновъ Соловецкаго монастыря въ разныхъ мѣстахъ сѣвера ¹⁾). Но кромѣ жизнеописаній, чудесъ и пѣснопѣній ²⁾, Соловецкій монастырь былъ связанъ съ своими патронами болѣе тѣсными узами, руководясь ихъ уставами и богослужебными книгами. Не касаясь здѣсь вопроса, весьма впрочемъ важнаго, объ особой редакціи уставовъ и богослужебныхъ книгъ Соловецкаго монастыря, остановимся лишь на любопытныхъ пѣснопѣніяхъ въ „службахъ“ Зосимѣ, Савватію и Филиппу, отражающихъ взгляды соловецкихъ иноковъ на значеніе своихъ патроновъ. Въ этихъ взглядахъ, какъ будетъ видно изъ слѣдующихъ выписокъ, есть много общаго съ тѣмъ настроеніемъ, которое отражается въ соловецкихъ сочиненіяхъ второй половины XVII в.

Въ службахъ Зосимѣ и Савватію (№ 948) пѣснопѣнія главнымъ образомъ восхваляютъ этихъ святыхъ за ихъ чудеса, „являемья“ преимущественно „в мори обуреваемым“ (30 об.), при чемъ и „преподобныя мощи ихъ“ и „гроба“ „врачуютъ недуги, демонскія полки отгоняютъ и в мори бѣдствующихъ спасаютъ“ (л. 3, 18, 21, 46 об., 47 и т. д.).

Это „сіяніе чудесами“ возводитъ соловецкихъ святыхъ, по словамъ пѣснопѣній, въ „свѣтильники многосвѣтлыя Россійскія земли“ (34 об.), для Зосимы, по успеніи его, „отверзся... небесное царствіе... и трудовъ вояданіе (ему) подаютъ почести Христосъ, почитая (его) своего угодника“ (23 об.). Оставляя въ сторонѣ обращеніе соловецкихъ иноковъ къ своимъ „наставникамъ“, „посѣтителямъ“, остановимся на двухъ интересныхъ характеристикахъ святыхъ: „плотское похоти мудрование умертвил еси“, (3 л.) говорится о Савватіѣ и — „кротостію отче навѣты нося терпаше и от твоихъ на тя восстаю-

¹⁾ Замѣтимъ, что сказанія объ этихъ чудныхъ явленіяхъ святыхъ, связанныя съ соловецкимъ монастыремъ, мощами, гробами и иконами святыхъ, имѣютъ важное значеніе для вопроса о распространеніи на сѣверѣ Россіи христіанскаго просвѣщенія. Нельзя однакоже опускать изъ виду, что это христіанское просвѣщеніе передавалось въ такихъ преданіяхъ, которыя имѣли отгѣнокъ чисто народныхъ, мѣстныхъ чертъ.

²⁾ О пѣснопѣніяхъ въ честь патроновъ соловецкаго монастыря мы скажемъ нѣсколько словъ дальше. Теперь же укажемъ, что въ монастырѣ существовалъ обычай за каждою церковною службой обращаться къ рацѣ святыхъ Зосимы и Савватія (№ 177, л. 14 3 об.), а по поводу каждаго новаго чуда святыхъ монастырь отправлялъ особое празднество, при чемъ звонили въ колокола, пѣли волебныя, на трапезѣ подавался братія праздничный столъ и т. п. (такъ же и уставы или типики соловецкіе за №№ 1058 и 1059).

ших... отеческимъ нравомъ послѣдую тѣхъ житіе в себѣ имѣл еси" (41 л.)—о Зосимѣ. Замѣтимъ, что эти пѣснопѣнія относятся къ XVII вѣку, когда была составлена вторая редакція службъ святымъ. Въ пѣснопѣніяхъ, составленныхъ по поводу „перенесенія мощей св. Филиппа отъ нѣдръ земныхъ в церковь Преображенія“ (№ 975) при игуменѣ Или, въ 1645 году св. Филиппъ представляется „страдальцемъ за отеческія преданія“ и „мужественнымъ обличителемъ“ царя (л. 11 об., 13 об., 14, 24 об. и др.) Въ витѣватомъ похвальномъ словѣ, составленномъ уже по взятіи мощей св. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву въ 1652 году, св. Филиппъ восхваляется главнымъ образомъ за „пчелиное трудолюбіе и благостроеніе“ монастыря. Въ томъ же словѣ описывается печаль иноковъ о взятіи у нихъ мощей патрона: „прочтены же бывшу писанію (царскому—Алексѣя Михайловича о взятіи мощей) плачь неутѣшимъ и нестерпима печаль бываше сущимъ ту инокомъ тщету бо велію себѣ вибѣнху еже взятися отъ нихъ мощемъ блаженнаго“ (л. 84).

Всѣ эти, хотя и незначительныя мѣста рисуютъ намъ отчасти настроеніе соловецкихъ иноковъ предъ началомъ неудовольствій и смуть по поводу московскихъ нововведеній. Что касается собственно просвѣщенія и литературы Соловецкаго монастыря въ разсматриваемую эпоху, то не смотря на общій, невысокій уровень этого просвѣщенія, доходившій до того, что нѣкоторые монахи не умѣли подписать своего имени, большинство было однако на столько грамотно, что даже вело особыя „свиточки“ о „содѣянномъ отъ юности“—родъ какихъ-то автобіографическихъ записокъ, которыя держало у себя „для смертнаго часа“¹⁾. Эти записки, къ сожалѣнію не сохранившіяся, вѣроятно, принадлежали къ числу такихъ же простыхъ монастырскихъ „записей“ и „памятей“, какъ первичныя редакціи жизнеописаній св. Зосимы и Савватія, написанныя соловецкимъ игуменомъ Досноеемъ, ученикомъ святыхъ²⁾, или какъ разсмотрѣнное нами выше сказаніе объ Арсеніѣ Грекѣ. Въ этихъ „простыхъ“ сказаніяхъ, записяхъ и въ составленіи различныхъ сборниковъ и состояло проявленіе литературной дѣятельности соловецкихъ иноковъ до второй половины XVII вѣка. Но для удовлетворенія любознатель-

¹⁾ См. *Вратское Слово*, т. II, 486 стр.

²⁾ Въ древнѣйшей редакціи жизнеописанія и чудесъ Зосимы и Савватія есть множество указаній на неизвѣстныхъ авторовъ соловецкихъ, продолжавшихъ дѣло Досноея въ записываніи чудесъ.

ности иноковъ въ монастырѣ существовала громадная, по тому времени, бібліотека ¹⁾, постоянно пополнявшаяся новыми книгами и рукописями. Наконецъ, не безъ вліянія на просвѣщеніе соловецкихъ иноковъ должно было оставаться пребываніе въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ просвѣщенныхъ лицъ XVII вѣка, какъ Троицкій келарь Булатниковъ, Авраамій Палицынъ и др., оставлявшіе въ монастырѣ память своими книжными вкладами. Среди этихъ болѣе или менѣе благоприятныхъ условій во второй половинѣ XVII вѣка въ Соловецкомъ монастырѣ являются новые литературные дѣятели, въ родѣ Герасима Фирсова и составителей цѣлаго ряда соловецкихъ челобитенъ о вѣрѣ съ массой смылокъ и цитатъ на разныя сочиненія и печатныя книги.

Это оживленіе литературной дѣятельности въ Соловецкомъ монастырѣ совпадаетъ съ общимъ движеніемъ великорусской мысли во второй половинѣ XVII вѣка, движеніемъ, совершавшимся главнымъ образомъ въ Москвѣ—въ центрѣ, изъ котораго еще раньше стало выходить въ Великую и сѣверную Россію новое направленіе религиозной, литературной и общественной жизни. Инициатива этого направленія принадлежала „властямъ“ — высшимъ боярамъ и высшему духовенству, а утвержденіе получалось отъ царя и патріарха. Отъ этихъ послѣднихъ лицъ зависѣла сила направленія. Достаточно было появиться такой энергичной и сильной личности, каковъ былъ патріархъ Никонъ, чтобы сила направленія перешла въ принужденіе. Это принужденіе и выразилось, по характеру самой личности, прежде всего въ области религиозной, церковной жизни. Патріархъ Никонъ, при самомъ вступленіи въ управленіе Русскою церковью, принимаетъ дѣятельное участіе въ замѣчательномъ дѣлѣ, начавшемся еще въ XVI вѣкѣ, въ исправленіи церковныхъ книгъ. Своею энергіей и силой онъ даетъ этому дѣлу быстрый, неожиданный исходъ. До тѣхъ поръ дѣло исправленія церковныхъ книгъ отчасти разпообразившихся въ спискахъ различныхъ редакцій, отчасти испорченныхъ ²⁾ переписчиками двигалось медленно, съ постоянною борьбой за вводимыя

¹⁾ По описи бібліотеки соловецкой, составленной въ 1676 г., книгъ значится 1,367 (Истина святой Соловецкой обители, 1844 г., стр. VII).

²⁾ Впрочемъ въ существующихъ взглядахъ на эту «порчу» книгъ не принимается во вниманіе недавнее вліяніе русской фонетики, морфологии и даже синтаксиса на языкъ церковныхъ книгъ, становившійся съ столѣтіями непонятнымъ для русскихъ грамотниковъ.

поправки, съ постояннымъ колебаніемъ и нерѣшительностью самой церковной власти. Никонъ, опираясь на новыхъ ученыхъ справщиковъ, большею частію не Великоруссовъ, а Малоруссовъ и Грековъ, людей не связанныхъ ничѣмъ съ великорусскими религіозными преданіями, издаетъ новыя церковныя книги, частью переведенныя заново съ греческаго, частью переправленныя съ греческихъ оригиналовъ. Понятно, что въ новыхъ книгахъ, не говоря уже о ихъ литературномъ изложеніи и языкѣ, должны были явиться разности съ прежними великорусскими книгами. Впечатлѣніе отъ этихъ разностей на великорусское общество было различно, но проявилось одинаковымъ образомъ: одни увидали ересь въ старыхъ книгахъ, другіе — въ новыхъ. Никонъ требовалъ уничтоженія старыхъ книгъ, несогласныхъ съ новыми, и введенія во всей Русской церкви только что выпущенныхъ. Извѣстно, что въ Москвѣ, уже при самомъ выходѣ этихъ книгъ, явилась громадная партія сторонниковъ старыхъ книгъ, которые не на шутку „задумались“, при слухѣ о „нововведеніяхъ“. Необходимо должно было произойти столкновение. Это-то столкновение и придадо особую оживленность литературной дѣятельности во второй половинѣ XVII вѣка, которая преимущественно сосредоточена, съ одной стороны, къ защитѣ старыхъ книгъ, старыхъ великорусскихъ преданій, съ другой — къ нападенію на эти книги и преданія, соединенному съ гоненіемъ послѣдователей тѣхъ и другихъ.

Соловецкія сочиненія, рассмотрѣнныя нами выше, и еще болѣе важныя, какъ посланіе о крестномъ знаменіи — Фирсова и соловецкія челобитныя о вѣрѣ, были вызваны именно этою принудительною силою введенія исправленій въ новыхъ книгахъ, а чрезъ нихъ исправленій въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ, въ монастырской жизни, въ церковной литературѣ, наконецъ въ перемѣнѣ взглядовъ на предшествующія великорусскія религіозныя преданія.

Въ 1657 году, то-есть, послѣ выхода знаменитой „Скрижали“ и исправленныхъ „Служебниковъ“, пришла въ Соловецкіи монастырь посылка этихъ книгъ, разсылавшихся, по повелѣнію Никона, по всей Россіи для замѣны прежнихъ рукописныхъ и печатныхъ служебниковъ, несогласныхъ съ новыми. По поводу этой присылки многолюдный монастырь раздѣлился на двѣ неравныя партіи: громадное большинство — весь „черной соборъ“ и во главѣ его самъ игуменъ Ілія, отнеслись враждебно къ присланнымъ книгамъ, рѣшивъ на общемъ соборѣ спрятать эти книги и служить по „своимъ“ старымъ. Вѣроятно, „соборъ“ былъ знакомъ съ новыми книгами или по слухамъ

изъ Москвы, или по разъясненіямъ собственныхъ книжниковъ, которымъ, можетъ быть, и принадлежать двѣ небольшія статьи „о книгахъ новыхъ выходовъ“, разсмотрѣнныя нами выше. Несомнѣнно также, что въ это время начинается рядъ сличеній между новыми книгами и старыми, который подготавливаетъ выходъ громадной Соловецкой челобитной¹⁾. Въ актахъ, изданныхъ г. Субботиннымъ, представляется нѣсколько первоначальныхъ списковъ этой челобитной, которые чѣмъ древнѣе, тѣмъ короче. Вѣроятно, и сочиненіе Фирсова складывалось такимъ же путемъ. Въ первое время главнымъ побужденіемъ къ составленію этихъ сличеній служила не столько связь съ Москвою и властями, сколько связь съ сопротивленіемъ, явившимся въ стѣнахъ монастыря со стороны нѣсколькихъ „бѣлыхъ поповъ“, враждовавшихъ съ „чернымъ соборомъ“ и игуменомъ. Эта вражда, выражавшаяся со стороны этой незначительной партіи во влеченіи къ новымъ книгамъ, приводила въ смущеніе нѣкоторыхъ братій монастыря. Въ такомъ же смущеніи находились и посѣщавшіе монастырь богомольцы. Къ этимъ-то „смущающимся“ и обращены первыя соловецкія сочиненія до челобитныхъ. Несомнѣнно, что двѣ статьи сборника о новыхъ книгахъ, обращенныя къ „слушающимъ“, относятся къ числу такихъ сочиненій, каково было не дошедшее до насъ въ оригиналѣ „писаніе“ архимандрита Соловецкаго Или, обращенное къ богомольцамъ и къ братіи. Объ этомъ писаніи мы узнаемъ изъ жалобы соловецкихъ бѣлыхъ поповъ, посланной ими къ патріарху Никону²⁾. Послѣ соборнаго приговора о службѣ по старымъ служебникамъ „собралъ... архимарить (Илія) всею братью и болнишныхъ въ трапезу... и почаль... говорить всей братьѣ (и богомольцамъ разныхъ городовъ) и плакать: видите, братія, послѣднее время и востали новыя учителя, и отъ вѣры православныя и отъ отеческаго преданія насъ отвращаютъ, и велятъ намъ служить на лядскихъ крыжахъ (крестахъ) по новымъ служебникамъ, невѣдомо откуда взято... и прочель вслухъ то свое писаніе“ и пр. Въ этой же жалобѣ называются главные сотрудники и совѣтники архимандрита „келарь Сергей, Саватей Обру-

¹⁾ Сличенія новыхъ книгъ съ старыми дѣлались и въ другихъ мѣстахъ Россіи, начиная съ Москвы, но нигдѣ они не доходили до такой полноты, какъ въ Соловецкомъ монастырѣ, обладавшемъ громадною бібліотекою. Притомъ нигдѣ, какъ въ Соловецкомъ монастырѣ, удаленномъ отъ Москвы, не было столько своеобразныхъ возвращеній, расходящихся съ новыми.

²⁾ См. матеріалы *Субботина*, томъ 3, стр. 6—12.

тинъ и Герасимъ Фирсовъ, онъ же и тетради на крестъ изложилъ“ и др. Изъ всѣхъ этихъ лицъ больше всего мы знаемъ о Фирсовѣ. Впрочемъ, Савватій Обрютинъ извѣстенъ по вкладамъ въ соловецкую бібліотеку, точно также, какъ и Сергій и др. ¹⁾ Слѣдовательно, все это были лица книжныя, знакомыя съ древне-русскою литературой.

По смутнымъ свѣдѣніямъ, притомъ сообщеннымъ врагами Фирсова, извѣстно, что до Соловецкаго монастыря онъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ будто бы былъ уличенъ въ воровствѣ. Въ этомъ же порокѣ его упрекали впоследствии и въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ онъ занималъ видное мѣсто въ хозяйственномъ управленіи. О послѣдующей судьбѣ Фирсова мы знаемъ, что онъ былъ на Московскомъ соборѣ 1666 года, сосланъ „за свои прелести“ въ Волоколамской монастырь, гдѣ и умеръ, раскаявшись въ „прелестахъ“ подъ пыткой. Однако раскаяніе его едва ли можно считать искреннимъ: онъ также былъ вынужденъ къ нему, какъ присоединявшіеся къ церкви и снова отдѣлявшіеся отъ нея Никита, Лазарь и др. По крайней мѣрѣ, находясь въ Іосифовскомъ монастырѣ, Герасимъ Фирсовъ, не задолго до смерти, говорилъ: „писалъ (я) о сложеніи перстовъ десныя руки, ими же воображаемъ крестное знаменіе, и то я писалъ отъ божественнаго писанія, и что изъ которыхъ книгъ взято, ихже соборная и апостольская церковь приѣмлетъ, то въ тѣхъ тетратехъ и помѣчено... а до сего времени писати мнѣ было нечево и неколи, (отъ нею требовали написать обличеніе на собственное сочиненіе) книгъ у меня съ собою нѣтъ,—сосланъ я душею и тѣломъ, а которые книги приличны къ тому дѣлу, и есть ли они въ Іосифовѣ монастырѣ, въ монастырской казпѣ, или нѣтъ, того я не вѣдаю“ ²⁾.

Этимъ выраженіемъ „ис книгъ взято“ Фирсовъ достаточно охарактеризовалъ свое сочиненіе. Оно дѣйствительно состоитъ все изъ выписокъ ³⁾, связанныхъ однако разсужденіями автора, съ предисловіемъ и заключеніемъ, обращенными къ неизвѣстному „брату Соловецкаго монастыря, вопросившему о крестномъ знаменіи“.

Вотъ эти предисловіе и заключеніе, знакомящія насъ съ умѣньемъ

¹⁾ Въ «описи книгъ соловецкой бібліотеки» 1676 отмѣчены слѣдующіе вклады Савватія Обрютина: № 264. Исаака Сирина поученія, № 313. Іоанна Дамаскина Небеса; тоже—вклады Сергія и его-же Патерики за №№ 640 и 642.

²⁾ Матеріалы *Субботника*, томъ 3, стр. 114.

³⁾ Въ спискѣ сборника выщески отмѣчены особыми киноварными заглавіями.

Фирсова владѣтъ церковно-славянскимъ языкомъ, съ его взглядами и наконецъ съ болѣе широкою цѣлью, которую онъ имѣлъ, отвѣчая на просьбу „сомнящагося“ брата: „Понеже прошение твое бысть, (такъ начинается предисловіе) и понудилъ мя еси, еже дати тебѣ написано твердое же і известное свѣдѣтельство отъ божественныхъ писаній. о сложеніи перстовъ десныя руки, ими же воображаемъ на себѣ вѣрній знаменіе честнаго креста. и что лѣпо есть яко да творимъ, да не невѣденіемъ носими, отъ истины отпадемъ и подъявемъ отеческіи себе подложимъ, яко же в предидый слово объявити. и ты убо яко же есть вѣра твоя или любовь, принудилъ еси недостоинство мое азъ же вѣдая грубость свою, яко выше есть силы моєя, отлагахъ сие. отъ совѣсти же стрѣчемъ всегда паче же и мнозѣхъ зря сомнящихся о семъ: еще же и словеса отеческия во умѣ прияхъ, якоже глаголютъ о семъ мнози рече глаголющии, творящии же мали. но никто же долженъ есть, сего ради нерадѣнія слово Божіе таити. но исповѣдовати убо всѣмъ свою немощь, божія же истины нескрывать. (Слѣдуютъ ссылки и цитаты изъ Василія Великаго, Аванасія Великаго, Златоуста, Апостола въ доказательство того, что должно „смотреть и разсуждати силу пишемыхъ и глаголемыхъ“). сего ради ко утверженію своему же и твоему, и всякого вѣрнаго о христѣ, еже обрѣтохъ въ божественнѣмъ писаніи о семъ напишю ти здѣ“ (л. 50—51). Въ заключеніи Фирсовъ говоритъ: „ты же о брате любезнѣйшій, приемъ сия по твоему прошенію прочитай со всяцѣмъ вниманіемъ, не мимоходящій но испытательнѣ, и со искусомъ познавъ и разумѣвъ истинну, держи лучшее по апостолу, глаголющу вся искушающе доброе держите. и преданная намъ древле отъ богоносныхъ отецъ и учителей хранили подцимъся: и отъ тѣхъ подвижнемся аще треба будетъ і до крове. богъ же мира и отецъ щедротамъ, да сподобитъ насъ всѣхъ достигнути воединоство вѣрнѣ“ и пр. (л. 100 и об.).

Изъ приредепныхъ словъ предисловія можно видѣть, что цѣлью было „утверженіе (сомнящихся и колеблющихся) всѣхъ вѣрныхъ о Христѣ“, хотя въ сочиненіи часто встрѣчаются обращенія къ лицу „вопросившаго брата“: „видиши ли“ (54 об. 56 об.), „ты же смотри“ (63 л.) и пр. Эти, хотя и „сомнящіеся“ составляютъ однако, въ глазахъ автора, особое общество „вѣрныхъ“, къ которымъ онъ причисляетъ и себя и которыхъ противопоставляетъ „противящимся“ (86 л.), „пыльшпимъ мудрецамъ“ (76), „мудролюбцамъ“ (95 об.), „хотящихъ

утвердити новое свое" (62 об.)¹⁾. Характеризуя такъ московскихъ реформаторовъ, склонныхъ въ „мудрованію“, къ „внѣшнему любопрѣнію“, онъ включаетъ въ число ихъ еще „отинуду инихъ вскочившихъ, церковный миръ смутити покушающихся“ (83 об.), то-есть, иностранцевъ-Грековъ, малорусскихъ ученыхъ и др. Онъ указываетъ, что эти люди любятъ украшаться „философіей и риторикой“, онъ даже боится, что его они могутъ упрекнуть въ „грубости и невѣжественности въ словѣ“ (91). Но за то авторъ убѣжденъ, что эти „дерзкіе мудрецы“ не смогутъ побороть его „въ разумѣ“ (91), что „вѣрніи“, а вмѣстѣ съ ними и онъ, превосходятъ „любящихъ одни словопрѣнія“— „житіемъ добродѣтельнымъ“ (72), кротостію, и особенно „на отеческихъ уставѣхъ почивающе, не предлагающе предѣлъ вѣчныхъ“ (83), не занимающихся инымъ мудрованіемъ, „паче преданнаго отъ отецъ“.— Но не смотря на сознаніе различія въ убѣжденіяхъ и взглядахъ великорускаго общества—раскола, авторъ ведетъ свое разсужденіе довольно хладнокровно: онъ не разъ обращается къ противникамъ „отвѣтити истиполубиѣ, а не распрею“ (86): „принеси же, (обращается онъ къ незнакомому ему автору предисловія къ новому потребнику), да разсмотримъ въ богомъ силу глаголемыхъ“ и пр. (74 об.). Видно, что авторъ писалъ въ такое время, когда еще не было жестокихъ гоненій, когда еще надѣялись убѣдить „мудролюбцевъ“, надѣялись „достигнуть во единство вѣры“.

Собственно все сочиненіе Фирсова, какъ мы уже упоминали, состоитъ изъ выписокъ, сосредоточенныхъ къ вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія, вопросу, на которомъ особенно остановились и московскія власти, и защитники великорусскихъ преданій о „четверчастномъ крестѣ“, о „двуперстномъ сложеніи креста“ и пр. Мы не будемъ останавливаться на разсужденіяхъ Фирсова по поводу этого вопроса; отмѣтимъ только часто встрѣчающіяся въ его сочиненіи, ироническія замѣчанія; на примѣръ, относительно вопроса „о разности въ знаменіи креста“, какъ это было установлено Никономъ,

¹⁾ Объ этомъ стремленіи къ «новому» авторъ говоритъ: «якоже же суть новыхъ учителей новыя догматы і учительства: яже дабы точію красовалися новоученіемъ и новыя отъ всѣхъ нарицалися законоположители поеже у латинъ именуемыхъ ѡмнія плацентъ (на полѣ: новое изобрѣтеніе), паче же простою рещи бесѣдою, якоже же любо было бы, но токмо бы не по старому: и овогда убо сице, овогда же сице: вмагъ яко бы рещи: не на кійждо день обновляются высокия мысли суетныхъ разумовъ, яко же трости прираженіемъ вѣтровъ амблемы» (л. 99).

Фирсовъ замѣчаетъ: „иначе достоинѣ знаменовати себе царю и яже о нѣмъ (sic) сирѣчь болгаромъ и всей полатѣ его. Иначе же намъ худымъ и влороднымъ людишкамъ“¹⁾.

Что касается выписокъ и цитатъ Фирсова, то мы отмѣтимъ только названія книгъ и авторовъ, которыя могутъ быть любопытны для характеристики автора, какъ начетчика. Изъ твореній св. отцевъ ему извѣстны: Анастасія, Аонасія Великаго, Василя, Григорія, Діонисія Арсопагита, Ефрема Сирина, Златоуста, Іоанна Лѣтвичника, Нсидора Пелусіота, Феодорита; кромѣ того, Оригеново толкованіе на Псалтырь и Правила апостольскія; изъ русскихъ сочиненій опъ цитируетъ Максима Грека и Стоглавъ; изъ печатныхъ книгъ: Псалтырь (Москва, 7150 г.—1642); Книгу Кирилла Іерусалимскаго (Москва, 1644 г.); Книгу „повую“ о вѣрѣ (Москва, 1648 г.); не говоря уже о новыхъ московскихъ книгахъ, на которыя Фирсовъ собственно нападаетъ, опъ ссылается еще на Грамматику печати кievской (по ошибкѣ или въ общемъ смыслѣ) (Вильна, 1595 г.). Изъ собственно соловецкихъ рукописей Фирсовъ упоминаетъ Книгу Коричую, о которой замѣтилъ: „сія книга писана при великомъ князи Василѣ въ лѣто 7027“ (1519); въ упомянутой уже нами „Описи соловецкихъ книгъ 1676 г.“, дѣйствительно, такая книга отмѣчена за № 476. Точно также Фирсовъ ссылается на хронографъ изъ соловецкой библіотеки. Кромѣ книгъ и рукописей Фирсовъ ссылается „на самую истину вещей“ (74) на соловецкую икону „Плотскаго смотренна“ „иконное воображеніе древние переводы хитрыхъ изографовъ греческаго и русскаго писма явственнѣ согласно писанію свидѣтельствуютъ о сем: яко же и сдѣ обрѣтается во обители преподобныхъ Зосимы и Саватія мирскихъ молитвенниковъ и вселенскихъ свѣтилъ. в величѣй церкви Преображенія Господня во олтари образъ плотскаго смотренія, иже нас ради на земли за благость явльшагося вседержителя Спаса нашего Ісуса Христа греческихъ изографовъ писмо. і у того образа пречистые спасовы десницы употребление перстовъ к начертанію креста, воображено по преже писанымъ вѣдъ учительствомъ богоносныхъ отецъ: сирѣчь великій перстъ, еже есть палець, с послѣдними двема совокупленъ, указательный же с великосреднимъ: и подписана та икона греческими словесы. Глаголют же могуціи вѣдати, яко многа лѣта иматъ во обители ту“

¹⁾ Можетъ быть, въ этомъ ироническомъ замѣчаніи Фирсова можно видѣть указаніе на его происхожденіе.

(74 и. об.). Эта ссылка на старій греческій образъ соотвѣтствуетъ такой же ссылкѣ въ „Выпискѣ изъ похоженія Арсенія“ на „спасовъ образъ“ греческій, который представляетъ истинное перстосложеніе. Этотъ приѣмъ защиты усвоеннаго Великоруссами перстосложенія употреблялся и позднѣйшими раскольничьими писателями XVII вѣка. Заговоривъ объ отношеніи сочиненія Фирсова къ „Выпискѣ“, отмѣтимъ еще отношеніе его къ послѣдующей соловецкой челобитной 1667 года. Послѣдняя нѣсколько разъ повторяетъ, что бывшій въ царствованіе Михаила Θεодоровича въ Россіи патріархъ Θεοφανъ и еще раньше — при Θεοдорѣ Іоанновичѣ — патріархъ Іеремія похваляли православную вѣру въ Русской землѣ и ни въ чемъ ее не опорочили ¹⁾; то же раньше челобитной высказалъ и старецъ Фирсовъ „никогда же отъ нихъ (отъ восточныхъ патріарховъ) зазрѣни быша в православныхъ догматѣхъ і в церковныхъ чинѣхъ держащія тогда в величїи сей Россіи апостольскій престолъ, и прочіи священнаго чина“.

Оставляя другія подробности о крестномъ знаменіи, замѣтимъ, что въ разсматриваемомъ сочиненіи развивается другая, болѣе любопытная, по тому времени, мысль о возможности отдѣленія отъ „неискусныхъ пастырей“. Приводя и объясняя нѣкоторыя апостольскія правила въ этомъ смыслѣ, Фирсовъ говоритъ, обращаясь уже не къ одному брату, а ко всѣмъ вѣрнымъ: „видите ли убо, яко аще кто по сипевому разуму (по причинамъ, признаваемымъ авторомъ — уважительными) не повинуется святителю, како глаголетъ сие божественное правило, яко аще и тмами отъ таковыхъ проклинается, не точию не вѣжеться отъ Бога, но и православныхъ, сирѣчь исповѣдническия чести сподобляется“ (л. 98—99).

Этими словами заканчивается сочиненіе Фирсова. Такъ ободряетъ онъ „сомнящихся“; дальнѣйшіе дѣятели раскола дѣйствуютъ на основаніи этого убѣжденія „о исповѣднической чести“. О дѣятельности Фирсова въ этомъ направленіи мы не знаемъ. Акты собора 1666 г., напротивъ, свидѣтельствуютъ о полномъ раскаленіи соловецкаго старца Фирсова во всѣхъ обуревавшихъ его „прелестяхъ“.

Таковы были предшественники и вмѣстѣ съ тѣмъ современники соловецкихъ челобитенъ.

¹⁾ См. Матеріалы *Субботина*, 3 т., стр. 248, 256 и др.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОЧНИКОВѢДѢНІЯ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

ГЛАВА II.

Донесенія дипломатовъ.

Указавъ въ первой части нашего труда на значеніе при изслѣдованіи исторіи эпохи Петра до 1698 года иностранной современной литературы, мы переходимъ къ разбору тѣхъ матеріаловъ, которые составляютъ нѣчто среднее между отзывами современниковъ въ брошюрахъ и книгахъ, разсужденіями, которыхъ можно сравнивать съ газетами пунѣшняго времени, и архивными данными, дѣловыми бумагами въ тѣсномъ смыслѣ. Мы говоримъ о донесеніяхъ дипломатовъ, которыя иногда имѣютъ чисто офиціальныи характеръ, иногда же и нѣкоторое литературное значеніе. Дипломаты-очевидцы были нерѣдко весьма хорошими наблюдателями. Они могли узнавать множество подробностей, о которыхъ намъ не сообщается ничего въ другихъ источникахъ. Ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы собирать самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о современныхъ событіяхъ. Въ ихъ донесеніяхъ, иногда имѣющихъ тонъ и характеръ дневниковъ, мы не можемъ встрѣчать столь фантастическихъ разказовъ, какъ мы находимъ, напримѣръ, въ брошюрахъ въ родѣ „Der tarfered Moscoviter“ или „Gespräche im Reiche der Todten“. Тѣмъ не менѣе и донесенія дипломатовъ требуютъ при пользованіи ими, какъ историческими источниками, нѣкоторой осторожности и строго-критическаго

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

анализа. Дипломаты-наблюдатели не всегда могли быть объективны, непристрастны; напротивъ того весьма часто они являются односторонними представителями предвзятыхъ мнѣній; въ ихъ донесеніяхъ проявляется иногда нѣкоторая тенденціозность; участвуя сами въ тѣхъ событіяхъ, о которыхъ они пишутъ, они составляютъ собою партію и не могутъ соблюдать совершеннаго непристрастія. Далѣе, весьма значительная часть повѣствованія основана не на личномъ наблюденіи, многое они знаютъ лишь изъ источниковъ второй и третьей руки. Поэтому иногда и въ донесеніяхъ дипломатовъ, писавшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ современныхъ событій и распространенныхъ о нихъ слуховъ, встрѣчаются пѣбылицы.

Мы укажемъ въ слѣдующихъ замѣткахъ на цѣлый рядъ такихъ донесеній дипломатовъ, которыми не могъ пользоваться академикъ Устряловъ при составленіи своего сочиненія о Петрѣ Великомъ, и которыми не воспользовался также и С. М. Соловьевъ въ своемъ изложеніи исторіи Петра съ 1682 по 1698 годъ.

Какое громадное значеніе имѣютъ такого рода источники въ данномъ случаѣ, видно изъ депешъ австрійскаго дипломатическаго агента Оттона Плейера, открытыхъ Устряловымъ въ Вѣнскомъ архивѣ и заключающихъ въ себѣ относительно большей части исторіи Петра самый драгоценный, мѣстами ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ. Депеши Плейера, сообщенныя въ подлинникѣ въ приложеніяхъ къ различнымъ томамъ сочиненія Устрялова, обнимаютъ эпоху съ 1695 по 1706 года, а далѣе относятся къ эпизоду съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и составляютъ въ сочиненіи Устрялова безъ малаго двѣсти страницъ. О Плейерѣ существуетъ весьма дѣльная біографическая статья А. Гассельблата, напечатанная въ журналѣ *Russische Revue* (т. VII); но подробная оцѣнка его донесеній, какъ историческаго источника, еще не сдѣлана. Какъ мало однако о Плейерѣ вообще знаютъ между прочимъ и за границею, видно изъ того обстоятельства, что когда проф. Э. Геррманнъ издалъ одно изъ донесеній Плейера, относящееся къ 1700 году и найденное имъ въ Вѣнскомъ архивѣ, онъ не подозрѣвалъ существованія въ печати множества другихъ донесеній Плейера и потому не былъ въ состояніи представить хотя бы и самыя краткія свѣдѣнія о жизни и дипломатической дѣятельности Плейера ¹⁾.

¹⁾ См. предисловіе къ изданію *Геррманна: Zeitgenossische Berichte zur Geschichte Russlands*, Leipzig, 1872.

Другой примѣръ значенія донесеній дипломатовъ представляютъ депеши шведскаго дипломатическаго агента Кохена, которыя отчасти были изданы въ новѣйшее время. Уже извѣстный лифляндскій пасторъ Веніаминъ Бергманъ, написавшій въ началѣ текущаго столѣтія весьма дѣльный по своему времени шеститомный трудъ о Петрѣ Великомъ, имѣлъ случай пользоваться письмами Кохена къ Рижскому генераль-губернатору Гастферу, писанными въ 1688—1693 годахъ ¹⁾. Въ новѣйшее же время въ журналѣ Русская Старина началось печатаніе русскаго перевода этихъ любопытныхъ писемъ. Въ сентябрьской книжкѣ 1878 года ²⁾ напечатано восемь писемъ, обнимающихъ время съ 23-го сентября 1687 года по 1-го юня 1688 года, то-есть, ту эпоху, когда Пётръ, приближаясь къ достиженію совершеннолѣтія, уже началъ слѣдить за современными событіями, и когда такимъ образомъ готовился переворотъ 1689 года.

Укажемъ вкратцѣ на тѣ данныя въ этихъ письмахъ, которыя дополняютъ имѣвшіяся доннѣ свѣдѣнія о событіяхъ этого времени.

Въ сентябрѣ 1687 года Кохенъ пишетъ о возвращеніи В. В. Голицына изъ перваго Крымскаго похода, и притомъ замѣчаетъ, что Голицынъ, какъ и прежде, находится у кормила правленія. Затѣмъ говорится о страшныхъ потеряхъ, понесенныхъ въ этомъ походѣ; погибло, пишетъ Кохенъ,—около 40—50,000 человекъ, при чемъ однако правительство, какъ замѣчаетъ Кохенъ,—старалось распространить особенно выгодные слухи относительно этого событія и составляло разные проекты о новыхъ налогахъ для покрытія издержекъ войны. Довольно важны нѣкоторыя замѣчанія Кохена о судьбѣ гетмана Самойловича и въ особенности его сына, о конфискованіи имущества павшаго гетмана, значительная доля котораго досталась новому гетману Мазепѣ, и о причинахъ постройки новой крѣпости Богородица на берегу рѣки Самары; цѣлью этого форта было, какъ пишетъ Кохенъ,—не столько служить базисомъ военныхъ операцій противъ Татаръ, сколько мѣстомъ наблюденія за казаками, очень склонными къ соединенію съ Татарами; мысль объ учрежденіи этого форта, какъ узналъ Кохенъ,—принадлежала гетману Мазепѣ.

О томъ, какъ относился Голицынъ къ царю Петру во время регентства Софіи, нѣтъ почти никакихъ данныхъ. Тѣмъ важнѣе замѣ-

¹⁾ См. предисловіе къ сочиненію *Бергманна*, т. I, стр. XII, (Königsberg, 1823).

²⁾ Сообщ. К. А. Висковатовымъ, стр. 121—131.

чаніе Кохена въ письмѣ отъ 16-го декабря 1687 года: „Теперь царя Петра стали ближе знать, такъ какъ Голицынъ обязанъ пинѣ докладывать его царскому величеству о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало“; въ письмѣ отъ 10-го февраля 1688 года: „Петръ посѣщаетъ думу, и какъ говорятъ, недавно ночью секретно разсматривалъ всѣ приказы“; въ письмѣ отъ 11-го мая 1688 года: „Кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отнынѣ примутъ участіе въ управленіи государствомъ; нѣсколько дней тому назадъ брать матери его, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ пожалованъ въ бояре“ и пр. Далѣе у Кохена встрѣчаются разныя замѣчанія о приготовленіи ко второму Крымскому походу, о ненависти патріарха Іоакима къ иностранцамъ, о броженіи въ народѣ вслѣдствіе негодования на Голицына; о мятежномъ духѣ Донскихъ казаковъ, объ отношеніяхъ Московскаго правительства къ Швеціи и Польшѣ и пр.

I. Донесенія дипломатовъ въ сочиненіи Посселята о Лефорть.

Сочиненіе Посселята о Лефорть явилось въ 1866 году. Главное значеніе этого сочиненія, надъ которымъ авторъ трудился пятнадцать лѣтъ, заключается не столько въ разработкѣ, сколько въ сообщеніи совершенно неизвѣстнаго матеріала изъ разныхъ архивовъ. Весьма богатымъ источникомъ для біографіи знаменитаго Женевца, любимца Петра, служили разныя бумаги изъ архива семейства Лефортовъ въ Швейцаріи; для исторіи же Россіи и Петра въ то время гораздо важнѣе депеши разныхъ дипломатовъ изъ архивовъ Голландіи, Швеціи, Пруссіи и Австріи, которыми пользовался Посселятъ, и на которыя мы вератцѣ укажемъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ.

1. Делеши барона Келлера.

Посланникъ Генеральныхъ Штатовъ, баронъ Келлеръ, находился въ Россіи съ 1675 по 1693 годъ. Ко всему этому времени (за исключеніемъ эпохи регентства царевны Софіи отъ 1682 до 1689 года) относятся депеши этого дипломата, который игралъ весьма важную роль между иностранцами, проживавшими въ Нѣмецкой слободѣ. Всѣхъ депешъ Келлера, найденныхъ въ голландскомъ архивѣ, насчитывается до 276; къ сожалѣнію пока не найдена переписка барона Келлера съ извѣстнымъ амстердамскимъ бургомистромъ Витсеномъ: безъ сомнѣнія и эта переписка заключала въ себѣ множество данныхъ о современныхъ событіяхъ въ Московскомъ государствѣ. Депеши барона Келлера пока остаются не изданными. О содержаніи ихъ мы знаемъ только изъ сочиненія Посселята, который во многихъ мѣстахъ

своего труда сообщаетъ отрывки изъ этихъ депешъ голландскаго резидента, служащихъ первокласснымъ источникомъ для исторіи какъ царствованія Θεодора Алексѣевича ¹⁾, такъ и перваго времени царствованія Петра Великаго.

Баронъ Іоганъ Вильгельмъ Келлеръ пріѣхалъ въ Россію въ свѣтъ голландскаго посольства, во главѣ котораго находился Конрадъ-фонъ-Кленкъ. Генеральные Штаты рѣшили, что для Голландской республики необходимо содержать въ Россіи постоянно дипломатическаго агента, который могъ бы, такъ-сказать, играть роль голландскаго консула и заботиться объ интересахъ голландскихъ купцовъ, находившихся въ Россіи или пріѣзжавшихъ на время въ Московское государство. Келлеръ, человекъ многосторонне образованный, реформатскаго исповѣданія, характера достойнаго безусловнаго уваженія, хотя сначала и не имѣлъ officialнаго званія дипломата, въ продолженіе всего своего пребыванія въ Россіи находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ правительству и многимъ представителямъ высшаго общества. Онъ, какъ мы видѣли выше, былъ хорошо знакомъ съ Голицынымъ, часто видѣлъ Петра и иногда угощалъ его въ своемъ домѣ. Онъ постоянно собиралъ разныя данныя о современныхъ событіяхъ, и благодаря его депешамъ, въ Голландіи во все это время знали подробно о всемъ происходившемъ въ Московскомъ государствѣ.

Укажемъ на нѣкоторые примѣры значенія депешъ барона Келлера за время малолѣтства и юности Петра. Во время царствованія Θεодора онъ сообщаетъ разныя подробности о впечатлѣніи, произведенномъ на московское правительство побѣдою Голландцевъ и Датчанъ надъ Шведами лѣтомъ 1676 года, и какъ Московское правительство старалось распространять извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи, особенно между жителями пограничныхъ областей (Поссельтъ, I, 207—208). Довольно любопытно описаніе болѣзни царя Θεодора Алексѣевича въ октябрѣ 1676 года (Посс. I, 777). Разказъ о причинахъ и обстоятельствахъ паденія Матвѣева (Посс. I, 232 и слѣд.) можетъ считаться весьма важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя извѣстны изъ другихъ источниковъ. Мы узнаемъ тутъ разныя частности объ интригахъ враждебныхъ Матвѣеву лицъ, о его добро-

¹⁾ Нельзя не помянуть о томъ, что г. Замысловскій въ своемъ сочиненіи объ источникахъ исторіи царя Θεодора Алексѣевича не обратилъ вниманія на этотъ важный источникъ, правда, лишь отрывками сообщаемый въ разныхъ частяхъ сочиненія *Поссельта*.

желателяхъ, постоянно во время царствованія Θεодора Алексѣевича хлопотавшихъ о возвращеніи знаменитаго вельможи изъ ссылки. Особенно важны нѣкоторыя данши, относящіяся къ исторіи Чигиринскихъ походовъ. Вотъ образчикъ депешъ Келлера. Онъ пишетъ послѣ занятія Чигиринской крѣпости Турками: „Нельзя изобразить страшнаго исхода этой войны. Благодаря плохимъ распоряженіямъ генерала Ромодановскаго, околѣло съ голоду нѣсколько тысячъ лошадей, трупы которыхъ, брошенные въ рѣку, испортили и воздухъ, и воду, такъ что распространилась повальная болѣзнь, жертвою которой сдѣлалась неизмѣрно большая часть войска; болѣзнь эта еще и теперь свирѣпствуетъ въ этомъ краѣ“. Не много позже, когда начались переговоры съ Турками о мирѣ, баронъ Келлеръ пишетъ: „Я узналъ *sub rosa* (то-есть, чрезъ тайный источникъ), что его царское величество отправилъ тайкомъ курьера къ султану съ покорнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ проситъ мира“ (Посс. I, 478—479). Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя любопытныя подробности о переговорахъ и о трактатѣ, заключенномъ въ 1681 году (см. Посс. I, 493—494) и вообще о разныхъ частностяхъ, относящихся къ восточному вопросу.

Весьма важень разказъ Келлера о послѣдней болѣзни царя Θεодора Алексѣевича и о состоявшемся въ послѣднее время этого царствованія помилованіи Матвѣева: о приближеніи послѣдняго къ столицѣ и объ избраніи Петра царемъ 27-го апрѣля 1682 года (Посс. I, 317—44).

Объ образѣ жизни Петра послѣ переворота 1689 года баронъ Келлеръ сообщаетъ весьма важныя подробности. Лѣтомъ 1691 года голландскій резидентъ устроилъ у себя для царя пиръ, о которомъ разказано въ депешѣ отъ 19-го іюня (Посс. I, 501—507). Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ баронъ Келлеръ за развитіемъ умственныхъ способностей юнаго царя. Съ радостью пишетъ онъ въ началѣ 1692 года, что Петръ интересуется не только военнымъ искусствомъ, но также и торговлей. Онъ называетъ Петра „молодымъ героемъ“ и разказываетъ, въ какомъ отчаяніи были иноземцы по случаю опасной болѣзни Петра въ концѣ 1692 года и пр.

Достойны вниманія въ депешахъ барона Келлера между прочимъ и тѣ данныя, которыя относятся къ внѣшней политикѣ за первое время царствованія Петра Великаго. Уже изъ дневника Патрика Гордона мы знаемъ, что московское правительство не ставило высоко короля Якова II и радовалось государственному перевороту 1688 года въ Англіи. Келлеръ, какъ представитель Голландской республики,

былъ, разумѣется, очень доволенъ такимъ настроеніемъ Московскихъ царей въ пользу Вильгельма Оранскаго и съ удовольствіемъ сообщалъ своему правительству о такомъ расположеніи Петра къ Англіи и Голландіи. Въ депешѣ отъ 24-го іюня 1692 года Келлеръ пишетъ, что Петръ желалъ бы подъ руководствомъ Англійскаго короля участвовать въ походахъ противъ Франціи. Келлеръ сообщаетъ также, что по случаю побѣдъ Вильгельма III надъ Франціей Петръ устраивалъ празднества въ Москвѣ (Посс., I, 518—519) и т. п.

2. Донесенія дипломатовъ, относящіяся къ путешествію Петра.

Кромѣ многихъ писемъ Франца Лефорта и его племянника Петра Лефорта о путешествіи Петра, въ сочиненіи Посселята встрѣчаются еще нѣкоторые важные документы, заключающіе въ себѣ весьма любопытныя данныя о различныхъ эпизодахъ этого знаменитаго странствованія. Важнѣйшія изъ этихъ донесеній, сдѣлавшіяся извѣстными исключительно чрезъ книгу Посселята, суть слѣдующія:

а) Лильшерна.

Извѣстно, что Петръ былъ крайне недоволенъ своимъ пребываніемъ въ Ригѣ, что это обстоятельство повліяло даже на начало Сѣверной войны, и что до настоящаго времени нелегко рѣшить вопросъ, имѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ Петръ Великій достаточное основаніе къ столь сильному негодованію. Такъ напримѣръ, Устряловъ довольно рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій Рижскаго генералъ-губернатора Дальберга, не хотѣвшаго дозволить царю обозрѣть укрѣпленія города, даже издали въ зрительную трубу, при чемъ Петръ былъ оскорбленъ паглымъ крикомъ и угрозами шведскихъ солдатъ. Напротивъ того г. Соловьевъ весьма справедливо замѣчаетъ: „Желаніе Петра осмотрѣть Рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригой, а сынъ безъ усталости строитъ корабли и вмѣсто того, чтобъ сражаться съ Турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на западъ!“¹⁾

Генералъ-губернаторъ Дальбергъ въ послѣдствіи составилъ записку, въ которой объяснялъ свой образъ дѣйствій и оправдывался весьма успѣшно. Онъ съ точки зрѣнія военной политики долженъ

¹⁾ Устряловъ, III, 29; Соловьевъ, XIV, 250.

былъ сдерживать Русскихъ, желавшихъ ознакомиться съ крѣпостью ¹⁾. Изъ писемъ царя къ Виніусу и Ромодановскому изъ Риги видно, какъ онъ наблюдалъ за стратегическимъ положеніемъ интересовавшаго его города, какъ старался собрать данныя о количествѣ находившихся въ немъ солдатъ и пр.

Г. Устряловъ выразилъ удивленіе тому, что въ Ригѣ не пожелали видѣть царя, что Дальбергъ не сдѣлалъ даже попытки познакомиться съ Петромъ. Дальбергъ, какъ онъ писалъ впоследствии, — не сдѣлалъ визита русскимъ посламъ, потому что московское посольство было назначено не къ Шведскому королю и только проѣздомъ чрезъ шведскія владѣнія находилось въ Ригѣ. И прежде въ подобныхъ случаяхъ не бывало визитовъ. Нарушать строго наблюдаемое Петромъ правило Дальбергъ не могъ. Поэтому онъ долженъ былъ держать себя въ сторонѣ.

Устряловъ далѣе упрекаетъ Дальберга въ томъ, что онъ приставилъ къ посламъ капитана Лильшерпа, который, какъ замѣчаетъ Устряловъ, — „могъ бы служить только собесѣдникомъ развѣ столынику, но не адмиралу и боярину, имѣвшимъ въ своей свитѣ царя Московскаго“.

Этотъ самый капитанъ Лильшерпа, также какъ и генералъ-губернаторъ Дальбергъ, составилъ особую записку, въ которой заключался разказъ о пребываніи царя въ Ригѣ. Изъ этой записки, хранящейся въ Стокгольмскомъ архивѣ, г. Поссельтъ сообщаетъ слѣдующее: „Ходилъ слухъ, что самъ царь находится при посольствѣ; хотя подъ страхомъ смертной казни было запрещено говорить объ этомъ, и все-таки старался получить на этотъ счетъ точныя извѣстія, однако не могъ склонить ни одного члена свиты посольства, сообщить мнѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ обстоятельстве; еще менѣе я могъ достигнуть того, чтобы мнѣ указали личность государя въ свитѣ посольства; однако я замѣтилъ одно лицо въ нехорошемъ платьѣ, которое отличалось величавостью, и не смотря на небрежность одежды обращало на себя мое вниманіе болѣе, чѣмъ всѣ остальные лица. Этого человѣка я однажды засталъ въ весьма серьезной бесѣдѣ съ первымъ посломъ. Я тогда имѣлъ порученіе отъ графа Дальберга просить отъ его имени извиненія за то, что стража не хотѣла дозволить нѣкоторымъ лицамъ, принадлежавшимъ къ свитѣ посольства

¹⁾ *Lamberty*, Memoires pour servir à l'histoire au XVIII siècle. A la Haye, 1724. I. 179.

прогуливаться на валахъ и по контр-эскарпамъ крѣпости, и такъ какъ эти лица не хотѣли удалиться, была вынуждена настаивать на запрещеніи, грозя оружіемъ. Г. первый посоль пріянялъ эти объясненія очень благосклонно и возразилъ, что стража исполнила свой долгъ и дѣйствовала совершенно правильно; онъ обѣщаль даже дать приказаніе, чтобы такого рода приключенія не могли повторяться¹⁾.

И изъ другаго источника, а именно изъ недавно изданнаго продолженія современнаго этимъ событіямъ сочиненія, *Lifländische Historia* Христіана Кельха, мы знаемъ, что Лефортъ при этомъ случаѣ велъ себя весьма осторожно и благоразумно, считая образъ дѣйствій генераль-губернатора Дальберга и солдатъ гарнизона совершенно правильнымъ. Разказомъ Кельха вполне подтверждается записка Лильшерпа.²⁾

Вообще въ сочиненіи Кельха встрѣчаются разныя данныя о пребываніи Петра въ Лифляндіи весною 1697 года, и въ особенности о затрудненіяхъ, съ которыми боролись представители шведскаго правительства при снабженіи русскихъ путешественниковъ подводами и счастными припасами, такъ какъ въ то время въ этой странѣ господствовала страшная дороговизна.

б) Рейеръ Чапличъ.

Въ 1689 году, еще во время правленія царевны Софія, въ Москвѣ находился бранденбургскій дипломатическій агентъ Чапличъ. Черезъ него былъ заключенъ съ курфирстомъ договоръ о свободной торговлѣ между подданными обоихъ государствъ, по ходатайству того же Чан-

¹⁾ *Поселъствъ*, II, стр. 385.

²⁾ «Da unterschiedliche von ihrer Suite so kühn waren, dass sie umb die Stadt ritten, und auf allen Höhen dieselbe nicht allein durch Perspectiven genau besichtigten, sondern auch beyde Festungen mit der Situation des Ortes abzeichneten, und der Gräben Tiefe zu messen sucheten, auch sonst auf den Wällen und Aussenwerken alles in Augenschein zu nehmen auf und abgingen, begehrte der Gen. Gouv. von dem Generale Le Fort mit aller Bescheidenheit, dass ihnen solches möchte verboten werden, weil ihne als einem grossen Generale nicht könnte unbekannt seyn, das solches bey keiner Festung in Europa geduldet und zugelassen würde; wie denn auch mehrgedachter Ambassadeur und General sich hierauf höflich entschuldigte, dass solches ohne sein Vorwissen geschehen wäre, mit der Versicherung, dass er solches hinführo seinen tölpischen Russen (dieses waren seine eigenen Worte) wohlle verbieten wollte». *Christian Kelch*, *Liefländische Chronica. Continuation 1690—1707*. Nach der Originalhandschrift zum Druck gegeben von *Johannes Rossius*, Dorpat, 1875, стр. 57—58.

лица дана была царская грамота о дозволениі приѣзжать въ Россію и селиться французскимъ эмигрантамъ евангелическаго исповѣданія, принужденнымъ оставить отечество вслѣдствіе уничтоженія Наптскаго эдикта ¹⁾).

Этотъ же самый Чапличъ, немного позже, весною 1697 года, въ то время, когда Бранденбургскій курфирстъ ожидалъ приѣзда московскаго посольства, имѣлъ отъ своего правительства порученіе слѣдить за путешествіемъ Петра до его прибытія въ Кенигсбергъ и сообщать донсенія о пребываніи царя въ Прибалтійскомъ краѣ. Изъ бранденбургскаго, то-есть, берлинскаго архива г. Поссельтомъ заимствованы два донсенія Рейера Чаплича отъ 4/11-го мая и отъ 21-го мая 1697 года, адресованныя къ бранденбургскому министру Данкельманну.

Рейеръ Чапличъ долженъ былъ поѣхать на встрѣчу царю до Либавы, чтобы въ этомъ мѣстѣ наблюдать за нимъ; однако онъ остановился въ Мемелѣ, потому что опасался, что для него не окажется возможнымъ сохранять въ Либавѣ инкогнито, а далѣе потому, что считалъ весьма вѣроятнымъ, что Петръ изъ Либавы отправится въ Кенигсбергъ не чрезъ Пиллау, а чрезъ Мемель. Изъ Мемеля же Рейеръ отправлялъ нарочныхъ въ разныя направленія съ цѣлью узнать, какимъ путемъ можно ожидать русскихъ путешественниковъ. Такимъ образомъ онъ узналъ, что большая часть послѣднихъ, а именно послы, ѣхали сухимъ путемъ. О Петрѣ же онъ пишетъ слѣдующее: „Послѣ моего возвращенія сюда въ Мемель вчера послѣ обѣда приѣхалъ изъ Либавы водою одинъ студентъ, который разказывалъ, что въ тотъ самый день, когда онъ выѣхалъ изъ Либавы, судно, на которомъ находилось нѣкоторое значительное число Москвитянъ и много багажа, отправилось въ Пиллау. На мой вопросъ: находился ли самъ царь между этими пассажирами, студентъ не могъ мнѣ дать рѣшительнаго отвѣта; онъ однако говорилъ, что и въ Либавѣ, и до того еще въ Митавѣ онъ видѣлъ царя и нарисовалъ карандашемъ портретъ его и портреты его спутниковъ. Въ Либавѣ, какъ студентъ разказывалъ далѣе—царь особенно снисходительно обращался съ нѣкоторыми шкиперами, сидѣлъ съ ними въ винномъ погребѣ, шутилъ съ ними и до излишества угощалъ ихъ виномъ; при разговорѣ съ ними онъ выражался на ниже-саксонскомъ нарѣчій, одѣтъ былъ какъ шкиперъ, и когда одинъ изъ шкиперовъ далъ почувствовать царю, что онъ считаетъ его царемъ, Петръ старался убѣ-

¹⁾ См. Ист. Росс. *Соловьева*, т. XIV, стр. 65.

дить его въ противномъ, утверждая, что онъ лишь занимаетъ мѣсто шкипера на одномъ изъ московскихъ судовъ, назначенныхъ для каперства. Тогда шкиперъ осмѣлился спросить: противъ кого же направлено дѣйствіе этихъ московскихъ судовъ? На это царь возразилъ: „Вы, милостивый государь, этого не понимаете“. И послѣ этого царь сталъ приставать къ шкиперу съ просьбою пить еще болѣе“.

Въ Мемелѣ Рейеръ дождался пріѣзда русскихъ пословъ. Поботившись заранѣе о приготовленіи помѣщенія для проѣзжающихъ Москвитянь, онъ принялъ ихъ особенно вѣжливо и радушно и въ донесеніи къ самому курфирсту хвалить русскихъ пословъ, съ которыми онъ довольно скоро сошелся въ переговорахъ о нѣкоторыхъ частностяхъ церемоніала ¹⁾. Достоинно вниманія слѣдующее замѣчаніе Рейера: „Вообще я во всѣхъ трехъ послахъ не встрѣтилъ того упрямства, которымъ отличались прежніе московскіе дипломаты и пр.“

Рейеръ разговаривалъ съ Лефортомъ, Головиннымъ и Возняцынымъ о ихъ пребываніи въ Лифляндіи и Курляндіи и пишетъ, что они чрезвычайно довольны приѣмомъ, оказаннымъ имъ въ Курляндіи; „тѣмъ болѣе“, сказано далѣе, — „они недовольны особенно худымъ приѣмомъ въ Лифляндіи, гдѣ къ нимъ относились очень не учтиво и пр.“

Отъ вниманія Рейера не ускользнуло и то обстоятельство, что въ свитѣ пословъ было много Нѣмцевъ, и что только низшая прислуга состояла изъ Русскихъ ²⁾.

с. Крейзенъ.

Послѣ пребыванія въ Кенигсбергѣ Петръ еще нѣкоторое время находился въ Пиллау до отъѣзда водою въ Кольбергъ. Тутъ онъ отпраздновалъ 29-го іюня день Петра и Павла. При этомъ случаѣ произошло весьма непріятный эпизодъ, о которомъ до новѣйшаго времени въ исторической литературѣ ничего не было извѣстно.

Въ Кенигсбергѣ Петръ находился, какъ кажется, въ самыхъ хорошихъ сношеніяхъ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ. О его пребываніи въ этомъ городѣ мы знаемъ кое-что изъ писемъ курфирстины Софіи-Шарлотты, которая, находявшись въ это время въ Ганноверѣ у своей матери, переписывалась съ нѣкоторыми лицами,

¹⁾ Объ этомъ сложномъ вопросѣ см. инструкцію курфирста Чаплица въ соч. *Поселъта*, II, 589—591.

²⁾ См. списокъ лицъ въ свитѣ посольства у *Устрялова*, III, 572—575.

окружавшими Фридриха III, и собирала разныя данныя о томъ, какъ Московскій царь, съ которымъ она немного позже должна была встрѣтиться въ Коппенбрюгге, проводилъ время въ Кенигсбергѣ, и какое онъ производилъ впечатлѣніе на саповниковъ, находившихся при курфирствѣ.

Въ Кенигсбергѣ между царемъ и курфирстомъ происходили переговоры по вопросамъ внѣшней политики. Фридрихъ III старался убѣдить царя въ необходимости заключенія наступательнаго союза противъ Швеціи. Петръ, главнымъ образомъ занятый восточнымъ вопросомъ, уклонялся отъ заключенія таковаго союза. Въ самое послѣднее время пребывания Петра въ Кенигсбергѣ курфирствъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ царемъ, въ которыхъ говорилось объ этомъ предметѣ, но цѣль, имѣвшаяся въ виду курфирстомъ, все-таки не была достигнута. Договоръ, заключенный между Бранденбургскимъ и Московскимъ государствами въ это время въ общихъ выраженіяхъ, содержалъ въ себѣ опредѣленія относительно менѣе важныхъ вопросовъ.

Какъ бы то ни было, личныя отношенія между двумя государями были дружескія. Фридрихъ III не щадилъ денегъ для угощенія дорогаго гостя. Въ письмѣ одного частнаго лица въ Швейцарію сказано, что Бранденбургскій курфирствъ истратилъ при этомъ случаѣ весьма значительную сумму въ 150,000 талеровъ. Въ Голландіи даже носился слухъ, будто Петръ вмѣстѣ съ Бранденбургскимъ курфирстомъ въ Кенигсбергѣ приобщался св. тайнъ по евангелическому обряду ¹⁾.

Уже въ началѣ іюня Петръ оставилъ Кенигсбергъ и отправился въ Пиллау. Тутъ онъ продолжалъ заниматься изученіемъ артиллерійскаго искусства подъ руководствомъ подполковника Штейтнера фонъ-Штернфельда и ждалъ извѣстій изъ Польши о происходившемъ тамъ выборѣ короля.

О праздниѣ 29-го іюня въ статейномъ стилѣ посольства Лефорта, Головина и Возницына, изданномъ также послѣ появленія сочиненія Устрялова, сказано слѣдующее:

„Іюня въ 29-й день, то-есть, во вторникъ, былъ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, въ который и именина благовѣрнаго великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, великіе и полномочные

¹⁾ См. письмо Арпенгона, находившееся въ архивѣ семейства Лефорта и сообщенное *Поселътомъ* въ т. II, стр. 401—413.

послы праздновали, и были у всенощнаго бдѣнія, и слушали святую литургію, а по литургіи пѣли молебень и обѣдали у генерала и адмирала у Франца Яковлевича Лефорта; и въ тотъ же день съ поздравленіемъ курфирстъ присылалъ къ великимъ и полномочнымъ посломъ ближнихъ своихъ людей Прусскіе земли канцлера Кренца съ товарищомъ. И великіе и полномочные послы за то поздравленіе благодарствовали. Того же числа къ вечеру были огнестрѣльные потѣхи и верховые и водяные ракеты, которые устроены отъ московскихъ бомбардировъ, вѣло изрядное и удивленію достойное¹⁾.

Дѣло въ томъ, что Петръ ожидалъ пріѣзда самого курфирста въ Пиллау и былъ весьма недоволенъ отсутствіемъ Фридриха III, который изъявилъ сожалѣніе о томъ, что не имѣетъ возможности пріѣхать въ Пиллау, такъ какъ ему нужно немедленно отправиться въ Мемель для свиданія съ герцогомъ Курляндскимъ. Волненіе Петра выразилось въ его обращеніи съ лицами, которымъ было поручено объяснить причину отсутствія курфирста.

Вотъ разказъ графа Крейцеца въ донесеніи къ министру Дангельману о пропсшествіи въ Пиллау:

„Вслѣдствіе полученнаго мною отъ вашего превосходительства предписанія я вмѣстѣ съ господиномъ ландфогтомъ фонъ-Шакемомъ отправился въ Пиллау, чтобъ отъ имени курфирста поздравить царя. Въ 11 часовъ мы въ домѣ инспектора Штенглера были допущены къ аудіенціи и были введены г. фонъ-Принцею къ царю. Мы застали его величество стоящимъ вмѣстѣ съ послами у окна; такъ какъ въ комнатѣ было очень много народу, мы должны были подойти весьма близко къ царю и посламъ; я произнесъ поздравленіе по возможности кратко, потому что г. Принцень совѣтовалъ мнѣ говорить не долго; однако я все-таки долженъ былъ сократить свою рѣчь еще болѣе, такъ какъ г. главный посолъ, Лефортъ, далъ мнѣ знакъ кончить поскорѣе, что я и сдѣлалъ. Во время аудіенціи царь нѣсколько разъ облокачивался лѣвою рукою на подоковникъ, и по окончаніи моея рѣчи безъ всякаго отвѣта удалился въ смежную комнату, между тѣмъ какъ тутъ же при немъ были его послы, а также и толмачи. Затѣмъ насъ пригласили къ обѣду, въ которомъ участвовало 10 человекъ; мы сидѣли возлѣ пословъ; за обѣдомъ попеременно играли царскіе трубачи и музыканты крѣпости Пиллау. Между тѣмъ были поданы

¹⁾ См. Памятники дипломатическихъ сношеній, томъ VIII, стр. 876. С.-Петербургъ, 1867.

два серебряные сосуда и задравные кубки, въ которые можно было налить по одной мѣрѣ вина, и которые были выпиваемы господиномъ Лефортомъ разомъ. Его величество однако не предлагалъ никакого тоста. Мы все время, на сколько это было возможно, держали себя скромно и съ великимъ терпѣніемъ оставались до конца обѣда, при которомъ его величество, сколько можно было замѣтить, съ послами говорилъ о новыхъ извѣстіяхъ, въ особенности о выборѣ Польскаго короля: между прочимъ царь поцѣловалъ Лефорта, который во время бесѣды съ царемъ держалъ во рту трубку; далѣе царь цѣловалъ также голову сидѣвшаго возлѣ него шута. Какъ скоро царь всталъ изъ-за стола, мы проводили его величество до смежной комнаты и пошли затѣмъ въ свою квартиру, находившуюся въ домѣ напротивъ инспекторскаго дома. Побывъ тамъ для нѣкотораго освѣженія около четверти часа, мы были приглашены опять къ его величеству. Г. Принцъ сказалъ намъ, что мы тотчасъ же должны возвратиться къ обществу. Мы пошли немедленно: комната была до того наполнена музыкантами и другими людьми, что почти не было возможно движеніе. При этомъ поднялась совсѣмъ неожиданно мрачная туча; царь на голландскомъ языкѣ сказалъ Лефорту: „Курфирстъ добръ, но его совѣтники черти“. При этомъ онъ на меня смотрѣлъ съ выраженіемъ неудовольствія. Я ни слова не возразилъ, но подался пемного назадъ въ намѣреніи удалиться и уйти отъ раздраженія царя, но его величество, удалился, два раза положивъ свою руку на мою грудь, сказалъ: „Пошелъ, пошелъ!“ Я тотчасъ же вмѣстѣ съ господиномъ ландфогтомъ отправился въ свою квартиру и полчасомъ позже оставилъ городъ Пиллау“.

Въ тотъ же самый день Петръ обратился къ курфирсту съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ: „Милостивый государь, ваши депутаты сегодня, поздравивъ меня отъ вашего имени, не только поступили непривѣтливо, но даже причинили намъ такую досаду, какой я никогда не ожидалъ отъ васъ, какъ отъ моего искреннаго друга; а что еще хуже, они, не заявивъ объ этомъ и не дождавшись нашего отвѣта, убѣжали. Я долженъ сообщить объ этомъ вамъ, какъ лучшему моему другу, не для разрушенія нашей дружбы, но въ знакъ неподдѣльной дружбы, дабы изъ-за такихъ негоднень-служителей не возникло безъ всякой причины несогласія“¹⁾.

¹⁾ Письмо Крейцена у *Поселъта*, II, 600—601; письмо Петра у *Поселъта* II, 407. Оно въ Берлинскомъ архивѣ найдено въ нѣмецкомъ переводѣ «Traduction

Объ этомъ странномъ и нѣсколько загадочномъ эпизодѣ нигдѣ не встрѣчается какого-либо объясненія или замѣчанія. Только въ одномъ современномъ донесеніи одного изъ папскихъ нунційевъ упоминается объ этомъ фактѣ. Папскій нунцій въ Польшѣ, въ донесеніи 16-го августа 1697 года сообщивъ о нѣкоторыхъ частностяхъ пребыванія Петра въ Кенигсбергѣ, продолжаетъ: „Между тѣмъ произошло нѣкоторое приключеніе, измѣнившее хорошія отношенія этого государя съ курфирстомъ. Царь желалъ отпраздновать день рожденія курфирста (sic) ¹⁾ и для этой цѣли приготовилъ фейерверкъ на назначенныхъ для него судахъ, стоявшихъ на якорѣ у города Пиллау. Курфирстъ извинулся мнимыми нужными дѣлами и вмѣсто себя послалъ своего канцлера. Однако царь, недовольный такою замѣной и подозревая, что его обширныя приготовленія къ празднеству не удостоены надлежащаго вниманія, разсердился, тѣмъ болѣе, что онъ замѣтилъ улыбку на лицѣ канцлера. Онъ ухватился за послѣдняго кулаками и взялся бы даже за оружіе, еслибы не былъ удержанъ своими же царедворцами въ своемъ раздраженіи. Послѣ этого происшествія курфирстъ не думалъ болѣе о свиданіи съ царемъ“.

Такимъ образомъ пребываніе Петра во владѣніяхъ Бранденбургскаго курфирста кончилось не совсѣмъ удачно. Трудно рѣшить, на сколько былъ виноватъ самъ канцлеръ Крейценъ. Во всякомъ случаѣ Петръ увлекался, обращаясь съ лицомъ, поздравившимъ его отъ имени курфирста, неприлично и показывая свое раздраженіе грубымъ образомъ. Съ другой стороны, нельзя удивляться тому, что царь былъ оскорбленъ пренебреженіемъ, съ которымъ Фридрихъ III отнесся къ празднеству, столь тщательно приготовленному самимъ Петромъ. Погостивъ у курфирста, Петръ желалъ видѣть у себя послѣдняго и при этомъ случаѣ показать свое искусство въ пиро-техникѣ. Можетъ быть, курфирстъ былъ недоволенъ несогласіемъ царя на наступательный союзъ противъ Швеции. Впослѣдствіи Петръ и Фридрихъ стали союзниками и пуждались другъ въ другъ; интересы Московскаго государства весьма часто сходились съ интересами Пруссіи. Оба государства должны были скоро занять мѣсто первоклассныхъ державъ: Бранденбургскій курфирстъ превратился въ Прусскаго короля, Мо-

des Czarischen eigenhandigen Schreibens», между бумагами «Acta botr. den Durchzug der grossen Moscovitischen Gesandtschaft». Очевидно, подлинникъ письма былъ писанъ на русскомъ языкѣ.

¹⁾ Theiner, Monuments historiques, Rome 1859 стр. 369.

сковскій царь сдѣлался Всероссійскимъ императоромъ. Сѣверная война, начавшаяся тремя годами позже неприятнаго эпизода съ графомъ Крейценомъ въ Пиллау, сблизила обоихъ государей, едва не поссорившихся въ іюнѣ 1697 года изъ-за мелкихъ вопросовъ этикета и церемоніала.

д. Геесъ.

О нѣкоторыхъ частностяхъ пребыванія Петра во владѣніяхъ Бранденбургскаго курфирста мы узнаемъ еще изъ одного источника, а именно изъ донесенія императорскаго дипломатическаго агента А. Геесса (Heesa), находившагося въ то время въ Кенигсбергѣ и знавшаго изъ устъ важнѣйшаго сановника при бранденбургскомъ дворѣ, министра Данкельмана, нѣкоторыя подробности объ обстоятельствахъ пребыванія царя въ Пиллау и Кенигсбергѣ. Мы укажемъ только на тѣ мѣста въ донесеніи Геесса, которыя дополняютъ уже имѣющіяся свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ.

Геесъ пишетъ 27-го мая, что сначала въ Кенигсбергѣ не хотѣли вѣрить слуху объ участіи самого царя въ путешествіи, такъ какъ считали невѣроятнымъ, чтобы царь покинулъ свое государство во время войны съ Турками и Татарами. О прибытіи царя изъ Либавы въ Пиллау Геесъ пишетъ слѣдующее: Курфирстъ отправилъ герцога Голштейнъ-Бекскаго въ Пиллау, чтобы привѣтствовать царя. Судно, на которомъ находился Петръ, было встрѣчено залпомъ изъ нѣсколькихъ пушекъ. Пассажиры должны были перейти на меньшее судно для продолженія пути по рѣкѣ Прегелью. Герцогъ Голштейнъ-Бекскій отправилъ на судно г. Принца поздравить съ пріѣздомъ знатное лицо, на немъ находившееся, на что однако Русскіе возражали, что никакого знатнаго лица вовсе нѣтъ на суднѣ, и что тамъ находится только царевичъ Имеретинскій да нѣкоторая часть посольской свиты. Когда судно проходило мимо дворца Фридрихсгофа, оно было встрѣчено опять пушечною пальбою. И тутъ было повторено объясненіе о ненахожденіи на суднѣ знатнаго лица. Наконецъ доѣхали до Кенигсберга. Тамъ путешественникамъ не понравилось приготовленное для нихъ помѣщеніе; они отыскиали для себя другое и цѣлый день были заняты перевозкою туда багажа. Царь не раньше, какъ въ 11 часовъ вечера, вышелъ на берегъ и былъ встрѣченъ въ своей квартирѣ достожднымъ образомъ и пр.

Такъ какъ о пріемѣ, оказанномъ Петру въ Кенигсбергѣ, встрѣчаются въ сочиненіи Устрялова разныя данныя, заимствованныя отчасти

изъ сочиненій извѣстнаго бранденбургскаго церемоніймейстера Бессера, то мы не считаемъ нужнымъ указывать на остальное содержаніе донесенія Геемса ¹⁾, которое однако свидѣтельствуешь, вопервыхъ, о томъ, что царь, пріѣзжая въ Кенигсбергъ, строго наблюдалъ инкогнито, и вовторыхъ, свидѣтельствуешь, въ какой мѣрѣ австрійское правительство интересовалось поѣздкою царя.

Въ Вѣнѣ звали, что одною изъ главныхъ цѣлей путешествія Петра будетъ свиданіе съ императоромъ Леопольдомъ. Еще не было извѣстно, каковъ будетъ маршрутъ Петра. Только въ Пруссіи, какъ кажется, царь рѣшился отложить посѣщеніе императора до позднѣйшаго времени и сначала отправиться въ Голландію и Англію. Во время пребыванія въ этихъ странахъ Петръ былъ предметомъ особеннаго вниманія австрійскихъ дипломатовъ, о чемъ свидѣлствуютъ весьма интересныя донесенія Гофманна и Ауерсперга изъ Лондона.

3. Донесенія Гофманна изъ Лондона.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. Гедеке (Gaedeke) нашелъ въ вѣискомъ архивѣ донесенія австрійскаго резидента Гофманна, въ которыхъ встрѣчаются многія данныя о пребываніи Петра въ Англію. Эти депеши были сначала напечатаны въ журналѣ *Im neuen Reich* а затѣмъ еще разъ явились въ сочиненіи Задлера: *Peter der Grosse als Mensch und Regent* (St.-Petersburg 1872, стр. 240—244).

8-го января 1698 года Гофманнъ пишетъ, что въ Лондонѣ ежедневно ожидаютъ пріѣзда Петра, и что для него нанятъ небольшой домъ на берегу Темзы. О пріѣздѣ царя самъ король Вильгельмъ III разказывалъ Гофманну разныя подробности. На пути въ Англію Петръ много бесѣдовалъ съ контрадмираломъ Митчелемъ о судостроеніи и мореплаваніи, лазилъ на мачты и одѣвался какъ простой матросъ. Приближаясь къ Лондону, Петръ перешелъ на то судно, на которомъ находился багажъ. Король Вильгельмъ замѣтилъ, что Петръ исключительно занятъ морскимъ дѣломъ и совершенно равнодушенъ къ самымъ великолѣпнымъ дворцамъ и роскошнымъ садамъ, и что онъ владѣеть голландскимъ языкомъ лишь на столько, чтобы поговорить о предметахъ мореплаванія и судостроенія.

О посѣщеніи Петра королемъ Вильгельмомъ Гофманнъ пишетъ слѣдующее: Король пріѣхалъ къ царю въ сопровождашіи двухъ ан-

¹⁾ Донесеніе Геемса, заимствованное изъ вѣискаго архива, напечатано въ соч. *Поселъта*; II, 597—599.

гійскихъ вельможъ и засталъ Петра не одѣтымъ, въ жилетѣ. Петръ спалъ въ одной небольшой комнатѣ вмѣстѣ съ царевичемъ Имеретинскимъ и еще тремя или четырьмя лицами; когда вошелъ туда король, воздухъ былъ тамъ такой тяжелый, что не смотря на холодную погоду нужно было отворить окно.

Затѣмъ разказывается о посѣщеніи короля Петромъ, при чемъ царь могъ говорить по голландски на столько свободно, что не нуждался вовсе въ переводчикѣ, о портретѣ Петра, писанномъ по порученію короля извѣстнымъ живописцемъ Неллеромъ, и о томъ, что Петръ негодовалъ на англійскій парламентъ, стѣсняющій дѣйствія уважаемаго имъ короля въ государственныхъ вопросахъ.

Изъ депешъ Гофманна видно, что до заключенія Петромъ договора съ маркизомъ Кармартеномъ о табакѣ, онъ на этотъ счетъ велъ переговоры съ московскою компаніей англійскихъ купцовъ, и что при заключеніи этого договора Кармартенъ былъ лишь представителемъ нѣкоторой группы капиталистовъ ¹⁾. Гофманнъ пишетъ далѣе, какъ англійское духовенство ухаживало за царемъ, стараясь объяснить ему всѣ частности обрядовъ государственной церкви въ Англии, и что Петръ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ епископамъ; изъ этого обстоятельства выводили заключеніе, что царь вообще ставитъ духовенство весьма высоко. Довольно любопытны также нѣкоторыя подробности о томъ какъ Петръ посѣтилъ засѣданіе англійскаго парламента. Онъ находился въ чердакѣ надъ заломъ, въ которой происходило засѣданіе, и оттуда чрезъ окошечко видѣлъ все происходившее внизу. Самъ король Вильгельмъ участвовалъ въ этомъ засѣданіи ²⁾.

Вообще отзывъ Гофманна о личности Петра не особенно благоприятенъ. По случаю отъѣзда Петра изъ Англии онъ замѣчаетъ: „Говорятъ, что онъ намѣренъ поднять своихъ подданныхъ на уровеньъ цивилизаціи другихъ народовъ. Однако изъ его здѣшняго образа дѣйствій нельзя было усмотрѣть другаго намѣренія, какъ лишь же-

¹⁾ См. депешы Гофманна отъ 7-го марта и 7-го мая; въ Импер. Публ. Библиотека въ С.-Петербургѣ находится листъ подъ заглавіемъ: «The case of the contractors with the Czar of Muscovy fore the sole importation of Tobacco», изъ котораго видно, что договоръ подлежалъ утвержденію англійскаго парламента, а также, что такъ-называемая Russia-Company не хотѣла взять на себя это дѣло.

²⁾ Въ Англии, какъ пишетъ Гофманнъ, — ходило въ публикѣ слѣдующее bon-mot: Кто-то замѣтилъ, «dass er das rarste Ding von der Welt gesehen, nemlich einen König auf dem Thron und einen Kayser auf dem Dache darvon».

ланія сдѣлать изъ Русскихъ моряковъ: онъ почти исключительно обращался съ моряками и уѣхалъ такимъ же мизантропомъ, какимъ онъ пріѣхалъ въ Англію“.

Нѣсколько выгоды о личности Петра судилъ чрезвычайный императорскій посолъ графъ Ауерспергъ въ письмѣ къ императору Леопольду отъ 2-го мая; тутъ между прочимъ сказано: „Что касается до личности царя, то здѣшній дворъ имъ очень доволенъ, ибо онъ теперь не столько боится людей, какъ прежде; его упрекаютъ только въ нѣкоторой скупости, такъ какъ онъ ни въ чемъ не выказалъ щедрости. Онъ здѣсь все время ходилъ въ матросской одеждѣ; увидимъ, въ какомъ платьѣ онъ явится при дворѣ вашего императорскаго величества. Короля онъ видѣлъ лишь рѣдко, такъ какъ не хотѣлъ переимѣнить своего образа жизни, обѣдая въ 11 часовъ до полудня, ужинавъ въ 7 часовъ вечера, ложась спать рано и вставая въ 4 часа, что весьма удивило тѣхъ Англичанъ, которые должны были находиться въ его компаніи“.

Значить, въ официальныхъ кругахъ общества въ Англіи, при дворѣ, въ высшемъ духовенствѣ, въ дипломатической сферѣ Петра не особенно высоко ставили, не ожидали особенно важныхъ послѣдствій отъ его путешествія, не умѣли цѣнить его геніальности. Бюронетъ считалъ Петра односторонне пристрастившимся къ рукодѣлію, къ механическимъ работамъ; король Вильгельмъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ говорилъ о равнодушіи Петра къ искусству, къ изищному вообще. Гофманнъ сомнѣвался въ намѣреніи царя образовывать свой народъ, такъ какъ царь, казалось, исключительно интересовался вопросами судостроенія и мореплаванія.

За то публицисты, въ родѣ Крѣмля, мыслители, въ родѣ Фрейсиса Ли, были совсѣмъ инаго мнѣнія о Петрѣ и ожидали самыхъ богатыхъ и всестороннихъ результатовъ отъ его путешествія. Оказалось впоследствии, что воззрѣнія послѣднихъ были правильнѣе. Любопытно, что въ наше время знаменитый Маколей выразился о путешествіи Петра слѣдующимъ образомъ: „Его путешествіе было эпохою не только въ исторіи его государства, но также и въ исторіи Англіи и даже во всемірной исторіи“¹⁾.

III. Депеши Фюрстенберга изъ Дрездена.

Саксонскаго курфюрста, Польскаго короля Августа II не было въ Дрезденѣ, когда Петръ въ началѣ іюня 1696 года проѣзжалъ Сак-

¹⁾ *Macauley, Hist. of England IX, p. 84.*

сонію. Въ 1873 году въ журналѣ *Archiv für sächsische Geschichte* директоромъ главнаго государственнаго архива въ Дрезденѣ, Карломъ Веберомъ, была напечатана статья о пребываніи Петра въ Дрезденѣ, при чемъ авторъ пользовался исключительно архивными матеріалами ¹⁾. Относительно пребыванія царя въ Дрезденѣ лѣтомъ 1698 года любопытны донесенія намѣстника Фюрстенберга къ королю Августу, изъ которыхъ мы заимствуемъ лишь нѣкоторыя данныя, дополняющія краткій разказъ въ сочиненіи Устрялова, пользовавшагося при этомъ случаѣ исключительно „журналомъ 205 и 206 годовъ“.

До пріѣзда въ Саксонію Петръ просилъ не встрѣчать его нигдѣ пущечною пальбою. Путешественники остановились въ Лейпцигѣ въ гостинницѣ Раппольда и отклонили предложеніе занять помѣщеніе въ зданіи казначейства, „потому что довольны своею квартирой и не желаютъ особеннаго стеченія народа“. Нѣкоторымъ саксоникамъ было поручено торжественно встрѣтить царя, по всѣ подобныя церемоніи были отмѣнены вслѣдствіе письма Лефорта о строгомъ соблюденіи инкогнито Петра. Пробывъ въ Лейпцигѣ ночь и день, царь выѣхалъ ночью изъ Лейпцига и 1-го іюня 1698 года въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ въ Дрезденъ. Онъ былъ одѣтъ въ испанскій камзолъ, въ узкое исподнее платье и въ голландскіе башмаки; при выходѣ изъ кареты онъ старался спрятать свое лицо подъ черною шапочкою. Его помѣстили въ хоромахъ умершей въ 1696 году супруги курфирста Іоганна Георга IV, Элеоноры-Эрдмуты. Петръ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что нѣкоторыя лица увидѣли его на пути къ назначеннымъ ему комнатамъ, требовалъ, чтобы никто на него не смотрѣлъ и грозилъ немедленнымъ отъѣздомъ въ случаѣ неисполненія этого требованія. Баронъ Рейхенбергъ съ трудомъ успокоилъ и уговорилъ его поужинать. Послѣ ужина царь согласился принять намѣстника князя Фюрстенберга и изъяснилъ ему желаніе тотчасъ же, въ 1-мъ часу ночи, видѣть кунсткамеру. Онъ дѣйствительно отправился туда и остался тамъ до утра, осматривая особенно тщательно математическіе инструменты и ремесленныя орудія. Было устроено такъ, чтобы на пути въ кунсткамеру и обратно въ комнаты, занимаемыя царемъ, никто не могъ встрѣтиться съ нимъ.

На другой день утромъ Фюрстенбергъ былъ у царя; кромѣ

¹⁾ Т. XI, стр. 337—351.

Фюрстенберга и Рейхенберга, у него обѣдали шестеро Русскихъ, при чемъ Петръ занялъ мѣсто не во главѣ стола; была музыка. Фюрстенбергъ, хотя и чувствовалъ себя въ тотъ день не совсѣмъ здоровымъ, считалъ своимъ долгомъ пить по возможности больше. Послѣ обѣда Петръ отправился въ цейхгаузъ, а на пути туда, между прочимъ, видѣлся съ знаменитою графинсю Кенигсмаркъ. Въ цейхгаузѣ Петръ удивилъ всѣхъ своими точными свѣдѣніями о пушкахъ, замѣчалъ малѣйшіе недостатки различныхъ показываемыхъ ему орудій и объяснялъ причины такихъ недостатковъ. Затѣмъ, весьма довольный посѣщеніемъ цейхгауза, опъ отправился къ матери курфирста, Аннѣ-Софій, у которой опъ засталъ курфирстину Пфальцскую и двухлѣтняго кронпринца Фридриха-Августа. Въ ихъ обществѣ Петръ находился не болѣе четверти часа, былъ очень веселъ, цѣловалъ маленькаго принца и сидѣлъ между двумя курфирстинами. Побывавъ послѣ этого еще разъ въ кунсткамерѣ, царь отправился ужинать въ князю Фюрстенбергу, гдѣ, вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія, его ожидали дамы, между которыми была прекрасная графиня Кенигсмаркъ, ея сестра графиня Лёвенгауптъ и другія. Ужинъ былъ веселый и шумный. Петръ, развеселившись, взялъ у одного изъ барабанщиковъ барабанъ и барабанилъ такъ искусно, что своимъ искусствомъ превзошелъ настоящихъ барабанщиковъ. Пили очень много, и каждый тостъ, по требованію Петра, сопровождался пушечными выстрѣлами, такъ что это веселье, продолжавшееся до 3-хъ часовъ утра, вѣроятно, нѣсколько нарушило покой жителей столицы.

3-го іюня князь Фюрстенбергъ опять обѣдалъ у царя при звукахъ трубъ, литавръ и барабановъ; затѣмъ Петръ смотрѣлъ изъ окна на военныя упражненія кадетъ, отправился потомъ въ литейный домъ ¹⁾ и въ кунсткамеру, прокатился по городу въ каретѣ Фюрстенберга, и наконецъ, опять ужиналъ вмѣстѣ съ компаніей предыдущаго дня, при чемъ опять мастерски сыгралъ соло на барабанѣ и до утра участвовалъ въ танцахъ. Такъ какъ ужинъ и балъ происходили въ саду, то собралась многочисленная публика, чтобы посмотреть на царя. Прямо съ бала Петръ, въ каретѣ, въ которой для него была приготовлена постель, поѣхалъ въ Кенигсштейнъ, куда прибылъ въ 8 часовъ утра, но оставался погруженнымъ въ сонъ въ каретѣ до 11-го часа. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ крѣпость и арсе-

¹⁾ У Вебера: Giesshaus; въ Юрналѣ сказано: «Десятникъ ходилъ въ обалаторіумъ». См. Устрялова, т. III, стр. 610.

налъ, просилъ выстрѣлить изъ крѣпости гранатами, отвѣдалъ изъ единственной по величинѣ бочки вино, обѣдалъ и въ 6 часовъ вечера поѣхалъ далѣе въ Прагу.

Фюрстенбергъ писалъ къ королю: „Я благодарю Бога, что все кончилось благополучно, ибо опасался, что не вполне можно будетъ угодить этому немного странному господину“. Генералъ-маіоръ Іорданъ также увѣдомилъ короля, что царь былъ очень доволенъ угощеніемъ, но что онъ, Іорданъ, очень радъ отвѣзду дорогаго гостя.

Ожидали цари въ Фрейбургъ, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе въ замкѣ, но Петръ на этотъ разъ туда не поѣхалъ ¹⁾.

IV. Донесенія папскихъ нунціевъ въ изданіи Тейнера.

Вскоро послѣ появленія труда Устрялова о Петрѣ Великомъ былъ изданъ въ Римѣ Тейнеромъ богатый сборникъ матеріаловъ для исторіи Россіи, подъ заглавіемъ: *Monuments historiques relatifs aux régnes d'Alexis Michaclowitch, Feodor III et Pierre le Grand Czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par Augustin Theiner. (Rome. Imprimerie du Vatican, 1859).*

Въ этомъ изданіи къ исторіи Петра до Сѣверной войны относятся большое число депешъ разныхъ духовныхъ лицъ, въ которыхъ главное вниманіе обращается на состояніе католицизма въ Россіи.

Такъ какъ однако, папскіе нунціи находились не въ самомъ Московскомъ государствѣ, а собирали разные данныя о событіяхъ въ Россіи, живя въ Варшавѣ, Львовѣ и другихъ городахъ, то, разумѣется, въ ихъ донесеніяхъ мы встрѣчаемъ много неточностей и искаженіе фактовъ. Иногда, впрочемъ, получались донесенія католическихъ агентовъ, находившихся въ Москвѣ. Вообще эти дипломаты оказываются отличными наблюдателями, тщательно собиравшими данныя о Москвѣ.

О вступленіи на престолъ Петра въ этихъ депешахъ заключаются разказы, не совсѣмъ соответствующіе фактамъ. Довольно часто повторяется извѣстіе, что Теодоръ былъ отравленъ (см. напримѣръ, стр. 237, 240); въ одномъ мѣстѣ виновницей этого преступленія названа царица Наталья Кирилловна. Папскій нунцій въ Варшавѣ пишетъ, что бояре особенно не любили Теодора за отиѣну мѣстниче-

¹⁾ Удивительно, что Петръ, желавшій нанять рудознатцевъ, не поѣхалъ въ Фрейбургъ, славившійся горнымъ искусствомъ. Еще въ Англіи, гдѣ ему не удалось нанять горныхъ инженеровъ, онъ писалъ Виніусу, что надѣется въ Германіи имѣть болѣе успѣха на этотъ счетъ.

ства и за то, что вторая супруга его была не знатнаго происхожденія. Весьма любопытенъ разказъ польскаго дипломатическаго агента или шпиона изъ Москвы (въ запискѣ отъ 20-го сентября 1682 года, стр. 239—242) о событіяхъ, сопровождавшихъ перемѣну на престолѣ въ 1676 году: тутъ говорится подробно о стараніяхъ боярина Матвѣева уговорить Алексѣя лишить болѣзненнаго Θεодора престола и назначить наслѣдникомъ Петра. Болѣзнь Θεодора приписывается несчастному случаю: будто бы Θεодоръ, имѣя десять лѣтъ, однажды во время прогулки въ садахъ за городомъ упалъ изъ опрокинувашаго экипажа и повредилъ себѣ спину и грудь.

Въ 1682 г. папскій нунцій въ Варшавѣ узналъ, что во время кончины Θεодора существовала будто бы какая-то партія въ пользу какого-то сына Θεодора; далѣе, что какой-то Кавказскій царь хотѣлъ завладѣть Московскимъ государствомъ въ отмщеніе за то, что бояре воспротивились его браку съ одною изъ дочерей царя Алексѣя. Столь же неточно многое относящееся къ стрѣльцкому бунту въ маѣ 1682 года и къ эпизоду съ Хованскимъ въ этомъ же году. Впрочемъ достойно вниманія, что въ разказѣ польскаго агента о событіяхъ 1682 года весьма важную роль играетъ негодованіе стрѣльцовъ на управленіе финансами, и разказы случаи казпокрадства и т. п. (стр. 239).

Относительно правленія царевны Софіи документы, сообщенные Тейперомъ, важны какъ источникъ для исторіи католической пропаганды въ Россіи. Этотъ вопросъ занимаетъ самое видное мѣсто въ депешахъ императорскаго посла, барона Блюмберга къ папѣ, въ донесеніяхъ іезуита Вотты и папскаго нунція въ Варшавѣ.

Весьма любопытна замѣтка въ письмѣ папскаго нунція въ Варшавѣ отъ 6-го декабря 1684 года: „Москвитяне перехватили письма царицы Натальи къ Польскому королю, въ которыхъ она проситъ его быть покровителемъ ея сына“¹⁾.

Въ Польшѣ съ большимъ вниманіемъ слѣдили за образомъ дѣйствій московскаго правительства въ отношеніи къ восточному вопросу. Поэтому въ то самое время, когда папскіе агенты въ Москвѣ старались выхлопотать кое-какія права и привилегіи католикамъ, и папскій нунцій въ Польшѣ, Паллавичини, постоянно сообщалъ папѣ о всѣхъ различныхъ фазисахъ переговоровъ съ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Голицынымъ, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ

¹⁾ См. *Theiner*, стр. 291. Нунцій считалъ вѣроятнымъ, что это открытіе будетъ имѣть послѣдствіемъ безпорядки въ Москвѣ.

за ходомъ переговоровъ Польши съ Москвою о наступленіи противъ Татаръ и Турокъ. Поэтому въ его депешахъ заключаются многія данныя и о Крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ.

О первомъ Крымскомъ походѣ разказано довольно подробно въ письмѣ іезуита Бонесаны; ему удалось собрать разныя данныя о причинахъ неудачи русскаго войска; какъ полагаетъ Бонесана, она главнымъ образомъ объясняется измѣною гетмана Самойловича. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ говорится о послѣднемъ ¹⁾, не даромъ считавшемся врагомъ Польши и противникомъ союза съ нею. Неудача похода объясняется далѣе и тѣмъ обстоятельствомъ, что Русскіе не руководствовались совѣтомъ польскаго правительства, желавшаго, чтобы московское войско шло прежде всего къ Днѣпру, гдѣ оно не терпѣло бы недостатка въ кормѣ и водѣ. Въ этомъ письмѣ сообщены также разныя данныя о количествѣ русскихъ войскъ, о страшныхъ потеряхъ ихъ ²⁾ и т. д.

Выше было упомянуто, что московское правительство старалось распространять слухи о мнимыхъ побѣдахъ, одержанныхъ будто надъ Татарами. Папскій нунцій въ Варшавѣ въ письмѣ отъ 17-го декабря къ кардиналу Чобо смѣется надъ хвастовствомъ царей. Въ этомъ же письмѣ говорится о любопытномъ слухѣ: въ Московскомъ государствѣ ожидали большой перемѣны; разказывали, будто царь Иванъ желалъ отказаться отъ престола, будто царевна Софія намѣревалась удалиться въ монастырь, будто самъ царь Петръ, „чрезвычайно способный и склонный къ войнѣ“, въ такомъ случаѣ станетъ во главѣ войска и отправится сражаться съ Турками и Татарами. Паллавичини продолжаетъ: „Еще говорятъ, къ удивленію многихъ, что князь Голицынъ останется тогда министромъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ онъ былъ поддерживаемъ царевною Софіей, и находился въ нѣкоторой зависимости отъ царя Ивана и былъ противникомъ Петра“ ³⁾.

Въ письмѣ царей къ королю Польскому отъ 6-го августа 1688 г. говорится о постройкѣ въ 1688 году Новобогородицкой крѣпости на рѣкѣ Самарѣ и о новыхъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ Татарами. Въ депешахъ папскихъ агентовъ въ Польшѣ говорится далѣе о

¹⁾ О нерасположеніи Самойловича къ Польшѣ см. соч. *Соломса*, XIV, стр. 23 и слѣд.

²⁾ *Morti 300 mila cavalli (III) et molte miglia d'huomini di malattia e sete.* — Нѣсколько разъ говорится о слезахъ Голицына, что, впрочемъ, подтверждается и письмами Леоорта, сообщенными Поссальтомъ.

³⁾ См. стр. 331 у *Тейнера*.

казни Кульмана въ Москвѣ, о второмъ Крымскомъ походѣ и о переговорахъ князя Голицына съ ханомъ у Перекопа. Опять разказано о хвастовствѣ московскаго правительства, которое, получивъ извѣстіе о сраженіи Голицына съ Татарами, праздновало эту мнимую побѣду звономъ всѣхъ колоколовъ столицы въ продолженіе двухъ дней, о медаляхъ, выбитыхъ въ честь Голицына, и о неудовольствіи младшаго царя по случаю наградъ, которыхъ были удостоены князь Голицынъ и генералы, участвовавшіе въ походѣ. Къ своему донесенію объ этихъ событіяхъ папскій нунцій приложилъ подробное донесеніе о дѣлѣ близъ Перекопа.

Между тѣмъ въ Россіи послѣдовалъ государственный переворотъ. Непосредственно послѣ паденія защитника католиковъ, князя Голицына, были приняты разныя мѣры противъ нихъ. Кажется, и этому обстоятельству можно приписать нѣкоторую скудость данныхъ о событіяхъ въ Москвѣ въ донесеніяхъ духовныхъ лицъ, находившихся въ Польшѣ. За то въ сборникѣ Тейнера встрѣчаются многочисленныя документы, относящіеся къ восточному вопросу, переписка между папой и императоромъ Леопольдомъ, разныя данныя объ отношеніи Польши къ союзникамъ, собиравшимся сражаться съ Оттоманскою Портою и письма царей Ивана и Петра къ королю Яну Собѣскому. Такъ напримѣръ, особенно интересно краткое письмо одного флорентійскаго дворянина Франческо Гуаскони къ своему брату Александру въ Венеціи изъ Москвы, отъ 8-го января 1696 года, о приготовленіяхъ ко второму Азовскому походу и т. п.

Для исторіи путешествія Петра въ западную Европу донесенія католическихъ агентовъ могутъ считаться весьма важнымъ источникомъ. Однако и тутъ относительно изобилія матеріаловъ оказывается большая разница. О пребываніи Петра въ Голландіи и Англіи не говорится почти вовсе, за то о пребываніи Петра въ Вѣнѣ и Польшѣ встрѣчаются весьма многія данныя, что объясняется большимъ числомъ наблюдателей католиковъ въ этихъ странахъ, между тѣмъ какъ въ протестантскихъ странахъ ихъ было не много.

Не смотря на то, что немедленно по утверженіи единодержавія Петра въ 1689 году католики лишились нѣкоторыхъ правъ, которыми они пользовались до тѣхъ поръ въ Московскомъ государствѣ и тамъ даже происходило нѣкоторое гоненіе на іезуитовъ, католическая партія не унывала; папскіе нунціи въ Польшѣ не теряли надежды, что рано или поздно можно будетъ возобновить католическую пропаганду; они старались воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ

для своихъ цѣлей и съ особеннымъ удовольствіемъ передавали въ Римъ извѣстія о предполагаемомъ путешествіи боярина Шереметева въ Италію и самого царя въ разныя страны западной Европы.

Въ Польшѣ, въ Вѣнѣ и въ Римѣ іезуиты очень уваживали за бояриномъ Шереметевымъ во время его путешествія въ 1697 и 1698 годахъ. Уже на пути въ Австрію онъ былъ весьма радушно принятъ у пани подскарбиной Замойской, которая, какъ мы знаемъ изъ писемъ нѣкоторыхъ іезуитовъ, находилась въ связи съ этимъ орденомъ. При ней были іезуиты, съ которыми Шереметевъ бесѣдовалъ. Въ Вѣнѣ за нимъ уваживалъ знаменитый іезуитъ Вольфъ, который писалъ къ генералу іезуитскаго ордена, что Шереметева легко можно обратить въ католицизмъ, и давалъ на этотъ счетъ разныя подробныя совѣты. Въ разныхъ городахъ Шереметевъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи; въ Римѣ духовныя лица дарили Шереметеву иконы; въ Неаполѣ онъ посѣтилъ училище іезуитовъ; наконецъ іезуиты, обратились къ нему съ просьбой исходатайствовать для ордена свободный пропускъ чрезъ Сибирь въ Китай и пр. ¹⁾.

Нельзя удивляться тому, что вѣсть объ участіи самого царя въ путешествіи пословъ Лефорта, Головина и Возницина сильно подѣйствовала на важнѣйшихъ представителей католической пропаганды. Разныя нунціи, находившіеся въ Польшѣ, въ Австріи и пр., а также и другіе агенты католической партіи, начали зорко слѣдить за русскими путешественниками. Ихъ сообщенія о разныхъ частностяхъ пребыванія Петра въ Митавѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Вѣнѣ и въ разныхъ польскихъ городахъ представляютъ весьма много интереснаго. Мы укажемъ на нѣкоторые примѣры такихъ данныхъ.

Послѣ увѣдомленія кардинала Спада въ Римѣ объ отправленіи московскаго посольства въ Вѣну письмомъ отъ 11-го мая 1697 года, папскій нунцій въ Польшѣ пишетъ, что получилъ отъ іезуита Штурма, находившагося въ Митавѣ, извѣстіе о нахожденіи самого Петра при посольствѣ. Нунцій не вѣритъ этому слуху: ему кажется невозможнымъ, чтобы царь ради простаго любопытства и удовольствія могъ предпринять такое путешествіе вскорѣ послѣ страшнаго бунта, вслѣдствіе котораго было казнено нѣсколько человекъ ²⁾. Два дня

¹⁾ См. мою статью Русскіе дипломаты-туристы въ Италію—въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1877 г., июль (т. СXXX), стр. 59—61.

²⁾ Тутъ, очевидно, говорится о заговорѣ Цинелера, Соковинна и Пушкинна.

спустя, онъ опять упоминаетъ объ этомъ путешествіи царя, прибавляя, что Петръ желаетъ въ Голландіи поступить въ военную службу и намѣренъ научиться военному искусству подъ руководствомъ Вильгельма Оранскаго. Путешествіе посольства въ депешахъ нунція названо „пресловутымъ“ и „не менѣ шумнымъ, какъ таинственнымъ“.

Въ какой мѣрѣ Петръ уже въ первое время своего путешествія былъ удостоенъ вниманія католиковъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: іезуитъ Штурмъ, паходившійся въ Митавѣ, собиралъ разныя данныя объ угощеніи Петра въ Курляндіи, о торжественномъ приѣмѣ пословъ въ Митавѣ, о численности ихъ свиты и пр. Когда же при отъѣздѣ изъ Митавы, посланники намѣревались уже сѣсть въ приготовленные экипажи, одинъ католическій священникъ, по порученію Штурма, произнесъ имъ рѣчь, которую посланники выслушали, и за которую благодарили оратора. „Мы сдѣлали это“, пишетъ Штурмъ,— „въ честь самого царя, который, какъ намъ рассказали посольскій священникъ,—на свой счетъ началъ строить въ Москвѣ католическій костель“ (??). О Петрѣ сказано, что онъ очень пріятный господинъ и весьма уважаетъ императора Леопольда.

Между тѣмъ папскій нунцій, можетъ быть, ради Петра переѣхавшій изъ Варшавы въ Данцигъ, получалъ разныя частныя письма изъ Кенигсберга, но жаловался на скудость извѣстій о царѣ, обвиняя Нѣмцевъ въ томъ, что они не достаточно любопытны. Онъ узналъ однако, что Петръ „желаетъ посѣтить нѣкоторые европейскіе дворы „для ознакомленія съ взглядами разныхъ государей и для того, чтобъ усовершенствоваться въ искусствѣ управлять своими подданными“, а далѣе, что главная цѣль посольства заключается въ томъ, чтобы прерывать путешествіе самого царя. Говоря о маршрутѣ Петра, нунцій не безъ нѣкотораго враждебнаго чувства приписываетъ составленіе плана путешествія Лефорту, который „какъ еретикъ, предложилъ царю посѣтить еретическія страны“. Объ эпизодѣ съ графомъ Крейццомъ, разказанномъ папскимъ нунціемъ, мы уже говорили выше. Кромѣ того, въ донесеніяхъ нунція заключается указаніе на другое происшествіе, случившееся будто бы во время пребыванія Русскихъ въ Кенигсбергѣ. Тамъ умеръ одинъ изъ служителей въ свитѣ посольства. Русскіе не хотѣли похоронить своего товарища на протестаптскомъ кладбищѣ, предпочитая католическое, и утверждая, что скончавшійся умеръ въ единеніи съ католическою церковью. Католическій священникъ согласился уступить Русскимъ нѣкоторый уголокъ на кладбищѣ, главнымъ образомъ потому, что оно еще не было

освящено съ необходимыми обрядами, и что такимъ образомъ тутъ не было настоящаго оскорбленія святини. Въ этомъ же письмѣ говорится о стараніяхъ Лефорта и Бранденбургскаго курфирста обратиться Русскихъ въ протестантскую вѣру, а въ предыдущемъ письмѣ разказано даже о слухѣ, будто самъ царь желалъ сдѣлаться кальвинистомъ и пр.

Извѣстно, что во время пребыванія Петра въ Англіи, значитъ — въ первыхъ мѣсяцахъ 1698 года, въ Вѣнѣ распространился слухъ о случившейся въ Москвѣ революціи, о вступленіи на престолъ Софіи и пр. ¹⁾ Любопытно, что папскій нунцій уже въ своемъ письмѣ изъ Данцига, отъ 16-го августа 1697 года, упоминаетъ о слухѣ, будто царевна Софія, вступивъ въ бракъ съ княземъ Голицынымъ, взяла въ свои руки бразды правленія.

О разныхъ частностяхъ пребыванія Петра въ Кенигсбергѣ говорится въ письмѣ одного частнаго человѣка къ одному сановнику изъ Кенигсберга отъ 11-го мая; это письмо находилось въ рукахъ папскаго нунція. Тутъ, между прочимъ, сообщается о громаднхъ денежныхъ средствахъ, которыми располагали русскіе путешественники, и пр.

До появленія Петра въ Вѣнѣ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ, тамъ задолго начали заниматься вопросомъ о церемоніалѣ при приѣмѣ русскихъ пословъ. Папскій нунцій въ Вѣнѣ подробно пишетъ объ этомъ предметѣ 24-го мая 1698 года, прибавляя, что Вѣпскій дворъ сильно опасается большихъ расходовъ при этомъ случаѣ. Считали возможнымъ, что Русскіе останутся въ Вѣнѣ десять недѣль, и что ихъ содержаніе обойдется не дешевле 300,000 гульденовъ. Но вѣпскій дворъ поступалъ по возможности бережливо. Торжественный въѣздъ русскаго посольства былъ очень скромный, какъ пишетъ о томъ папскій нунцій, и какъ мы знаемъ изъ другаго источника, а именно изъ письма Петра Лефорту въ Женеву, при чемъ жаловался на отсутствіе роскоши и пышности въ Вѣнѣ въ противоположность къ расточительности и великолѣпію въ Кенигсбергѣ ²⁾.

Вопросъ о содержаніи русскихъ пословъ былъ рѣшенъ весьма удовлетворительно для Вѣнскаго двора. Сначала думали назначить имъ по 1,000 талеровъ въ день, затѣмъ однако сумма опредѣлена лишь въ 3,000 гульденовъ въ недѣлю. Нунцій разказываетъ, будто

¹⁾ См. *Устрялова*, III, 98—99.

²⁾ См. соч. *Поселята*, II, стр. 483, а также соч. *Устрялова*, III, 121.

самъ царь сбавилъ первоначальную сумму изъ уваженія и любви къ императору Леопольду, не желая обременить казну своего друга и союзника чрезмѣрно во время продолжавшейся тогда еще войны ¹⁾). Этотъ фактъ столь же мало вѣроятенъ, какъ и многія другія данныя о безпредѣльномъ уваженіи къ Леопольду, разказанныя въ донесеніяхъ нунція.

Нунцій старался собрать подробныя свѣдѣнія о свиданіяхъ Петра съ императоромъ Леопольдомъ. Подробности этихъ фактовъ извѣстны чрезъ документы (Ceremonial-Protokolle) вѣнскаго архива, сообщенныя Устраловымъ, такъ что на этотъ счетъ донесенія нунція не представляютъ замѣчательныхъ новыхъ данныхъ. Намъ интересуютъ главнымъ образомъ то вниманіе, которымъ пользовались бесѣды царя съ императоромъ, и слухи о томъ, на сколько Петръ былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Леопольдомъ.

Нунцій разказываетъ, что царь выразилъ Леопольду особенное уваженіе и почтеніе, такъ что при первомъ свиданіи, казалось, желалъ поцѣловать руку императора. Оба монарха были съ покрытыми головами, но царь, какъ сообщаетъ нунцій, — во время бесѣды, часто снималъ шляпу, а императоръ каждый разъ весьма ласково уговаривалъ царя накрыться. Отъ этого свиданія, пишетъ нунцій, — царь былъ въ восхищеніи и замѣтилъ во услышаніе всѣхъ, что онъ на челѣ Леопольда, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, видѣлъ святость и праведность. Разказывая о посѣщеніи царя Леопольдомъ, нунцій снова обращаетъ особенное вниманіе на ту покорность, съ которою Петръ будто бы принялъ у себя императора. Скромность и учтивость Петра, пишетъ нунцій, — дошли до того, что онъ проводилъ императора до экипажа и поцѣловалъ его руку. Не легко рѣшить, на сколько вѣренъ разказъ нунція; нельзя однако не имѣть въ виду, что для представителей католицизма должно было казаться выгоднымъ вѣрить подобнымъ разказамъ о чрезмѣрной учтивости царя въ обращеніи съ мірскимъ главою католичества.

Далѣе слѣдуетъ, между прочимъ, разказъ о посѣщеніи царемъ театральнаго представленія въ замкѣ Favorita и объ участіи въ празднествѣ Wirthschaft, устроенномъ для царя императорскимъ дворомъ

¹⁾ Стр. 372. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 376) сказано, что императоръ не давалъ, кромѣ этихъ денегъ, никакихъ припасовъ, «nempe uniasco di vino»; за то мы знаемъ, что расходы по празднику, устроенному Петромъ въ Вѣнѣ, были уплачены казною Леопольда; см. Памятныя диплом. сношенія, т. VIII, стр. 1363.

съ необычайною пышностью. Царь, пишетъ нунцій, — былъ очень веселъ и танцовалъ чрезвычайно много. Достоинно замѣчали, что съ самаго начала турецкой войны не было при вѣнскомъ дворѣ праздника, стоившаго болѣшихъ денегъ.

Отзывы нунція о личности Петра вообще довольно благопріятны. Онъ очерчиваетъ его наружность, приписывая судорожныя движенія, которыми страдалъ царь, дѣйствию яда, даннаго ему будто бы еще въ дѣтствѣ: Петръ сильными жестами, большою подвижностью старается скрывать судороги, дѣйствіе яда. Страсть царя работать на верфяхъ въ качествѣ плотника, по мнѣнію нунція, также объясняется его болѣзненностью, такъ какъ онъ, вслѣдствіе дѣйствующаго въ тѣлѣ яда, принужденъ искать нѣкоторое облегченіе въ сильныхъ тѣлодвиженіяхъ. Затѣмъ, сказано кое-что объ умственныхъ способностяхъ Петра и о томъ, что онъ по вѣнскому обращенію не столько варваръ, сколько образованный человѣкъ; въ этому однако прибавлено, что природная грубость нравовъ обнаруживается въ суровомъ обращеніи царя съ подчиненными. Наконецъ сказано, что царь имѣетъ свѣдѣнія въ области исторіи и географіи и стремится къ усовершенствованію своего образованія. Въ другомъ мѣстѣ замѣчено: „Царь оказывается вовсе не такимъ, какимъ его описывали по случаю его пребыванія при разныхъ дворахъ, но скорѣе учтивымъ, осторожнымъ, приличнымъ и скромнымъ“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ разказываетъ нунцій, что царь присутствовалъ при католическомъ богослуженіи и затѣмъ обѣдалъ у іезуитовъ. Любопытно замѣчаніе, что въ Россіи будто бы распространенъ слухъ о принятіи Шереметевымъ католической вѣры и о намѣреніи царя послѣдовать примѣру боярина, о сильномъ волненіи народа по этому случаю и о стараніяхъ нѣкоторыхъ сановниковъ убѣдить царя въ необходимости скорѣйшаго возвращенія въ Москву. Царь, продолжаетъ нунцій, — весьма недоволенъ этимъ, такъ какъ онъ сильно желаетъ посѣтить Италію, и въ особенности—Венецію. Нунцій замѣчаетъ, что ласковое обращеніе паны и кардиналовъ съ Шереметевымъ можетъ принести большую пользу. Еще до пріѣзда Петра въ Вѣну, нунцій въ письмѣ къ кардиналу Спада выразилъ надежду, что царь, вмѣстѣ съ своими подданными, возвратится въ лоно католической церкви. Изъ выраженій нунція при этомъ случаѣ видно, какъ папскіе агенты лезли въ эту мысль. Такъ и кардиналъ Калоничъ, находившійся въ Вѣнѣ, въ письмѣ къ кардиналу Спада выражаетъ надежду, что и ему удастся содѣйствовать благому дѣлу обращенія

Петра въ католицизмъ ¹⁾. По словамъ нунція, представители католическихъ державъ до того интересовались личностью Петра, что переодѣтые частными людьми, присутствовали при праздествѣ, устроенномъ царемъ въ день своего тезоименитства, и видѣли царя на самомъ близкомъ разстояніи. Не даромъ послы испанскій, венеціанскій, папскій и пр. совѣщались между собою о церемоніалѣ при посѣщеніи русскаго посольства, что, впрочемъ, оказалось лишнимъ, такъ какъ до торжественной аудіенціи русскихъ пословъ у императора нельзя было побывать у нихъ, а вскорѣ послѣ этой аудіенціи Русскіе оставили Вѣну.

Планъ Петра посѣтить Италію, разумѣется, чрезвычайно интересовалъ представителей католицизма. Нунцій, сообщая о такомъ намѣреніи Петра, прибавляетъ, что царь, впрочемъ, часто мѣняетъ свои предположенія. Въ предположеніи, что Петръ проѣдетъ въ Венецію, нунцій замѣчаетъ также, что прелесть Италіи, безъ сомнѣнія, сильно подѣйствуетъ на царя, такъ что онъ, вѣроятно, поѣдетъ изъ Венеціи въ Римъ и вообще дольше останется въ Италіи. Къ этому нунцій прибавляетъ, что нужно дѣйствовать въ пользу болѣе продолжительнаго пребыванія въ Италіи. Въ этомъ смыслѣ нунцій въ Вѣнѣ намѣревался написать инструкцію къ папскому нунцію въ Венецію. И въ другомъ письмѣ нунція выражена надежда, что царь не ограничится посѣщеніемъ Венеціи, но проѣдетъ въ Римъ и тамъ — авось — сдѣлаетъ предложеніе о соединеніи греческой церкви съ римскою.

Въ сборникѣ сообщено любопытное донесеніе папскаго нунція въ Венецію, монсеньора Кувано, объ обширныхъ приготовленіяхъ въ этомъ городѣ для приѣма царя. Правительство республики рѣшилось потратить для этой цѣли значительную сумму денегъ, намѣреваясь показать великолѣпный арсеналъ и богатныя верфи въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и блестящемъ состояніи. Число рабочихъ было значительно умножено къ этому времени; для московскихъ гостей были назначены квартиры. Въ арсеналѣ, въ присутствіи царя намѣревались вылить шесть пушекъ, изъ которыхъ три назначены были въ подарокъ Петру. На этихъ трехъ пушкахъ, кромѣ венеціанскаго герба, должна была находиться надпись „Moscorum Caesari Venetorum munus“; на остальныхъ надпись „Finis imponenda Tygannis“. „Всѣ эти

¹⁾ См. письмо у Тейнера, 374 и 375.

расходы“, замѣчаетъ Кузапо,— „брошены по папрасну; что скажутъ теперь члены венеціанскаго правительства?“

Не даромъ Петръ былъ крайне недоволенъ необходимостью покинуть свой любимый планъ посѣтить Венецію. Венеціанскому послу въ Вѣнѣ онъ выразилъ свое крайнее сожалѣніе по этому поводу, прибавляя, что онъ надѣется очень скоро устроить московскія дѣла, а затѣмъ непременно вернется въ западную Европу и тогда уже увидитъ Италію вообще и Венецію въ особенности. Нунцій, сообщая объ этомъ, прибавляетъ отъ себя, что исполненіе желанія царя можно считать весьма мало вѣроятнымъ. Сообщая объ отъѣздѣ царя въ Москву, папскій нунцій замѣчаетъ о броженіи умовъ въ Россіи вслѣдствіе намѣренія царя чрезъ посредство боярина Шереметева дѣйствовать въ пользу соединенія церквей.

О проѣздѣ Петра чрезъ Польшу въ августѣ 1698 года пока извѣстны были весьма лишь немногія данныя. Даже у Устрялова, напримѣръ, о свиданіи Петра съ королемъ Августомъ въ Равѣ сказано два слова. Тѣмъ важнѣе весьма подробные разказы о нѣкоторыхъ эпизодахъ пребыванія царя въ Польшѣ въ донесеніяхъ, находившихся въ этой странѣ католическихъ агентовъ. О пребываніи Петра пишетъ весьма обстоятельно находившійся тамъ іезуитъ Вотта, который прежде нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ и былъ лично знакомъ съ Петромъ. Онъ также описываетъ великолѣпный приемъ, оказанный Петру у пани подскарбиной въ Замостьѣ. Папскій нунцій въ Польшѣ видѣлся съ Петромъ въ Замостьѣ и бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ церкви. Сначала нунцій затруднялся отправиться въ Замостье, опасаясь, что со стороны царя ему не будетъ оказано тѣхъ почестей, на которыя онъ имѣлъ право какъ представитель папы. Но будучи приглашенъ хозяйкою великолѣпнаго замка, онъ все-таки поѣхалъ туда и былъ принятъ царемъ довольно благосклонно. За столомъ онъ сидѣлъ между Петромъ и Лефортомъ и во время обѣда сообщилъ послѣднему о своемъ желаніи просить царя о дозволеніи свободнаго проѣзда чрезъ Россію католическихъ миссіонеровъ, отправляющихся въ Китай. Лефортъ отвѣчалъ уклончиво, о чемъ нунцій пишетъ въ тонѣ нѣкотораго раздраженія, называя перваго посланника отчаяннымъ кальвинистомъ. Послѣ обѣда нунцій выѣхалъ съ княгиней Замойскою сталъ дѣйствовать на втораго посла, Головина, который оказался гораздо болѣе уступчивымъ и совѣтовалъ нунцію обратиться прямо къ царю. Затѣмъ нунцій обратился къ самому царю, который отвѣчалъ весьма благосклонно, соглашаясь на проѣздъ миссіонеровъ, за исклю-

чепіемъ Французовъ. Обрадованный нунцій просилъ царя дать такое обѣщаніе письменно, на что Петръ отвѣтилъ, что данное имъ устное слово равносильно десяти тысячамъ документовъ. Поручивъ іезуиту Запольскому привести это дѣло къ формальному окончанію, нунцій уѣхалъ во Львовъ ¹⁾.

Въ письмѣ іезуита Вотты о пребываніи Петра въ Замостьѣ говорится подробно о великолѣпнн пріема, оказаннаго Петру, о роскошномъ угощеніи гостей, о присутствіи царя при католическомъ богослуженіи, о посѣщеніи арсенала и о танцахъ, которые были устроены вечеромъ. Затѣмъ говорится о пребываніи Петра въ Томашовѣ, другомъ городѣ, принадлежавшемъ княгинѣ Замойской, и наконецъ, о свиданіи Петра съ Августомъ. Но собственно о переговорахъ обоихъ государствъ относительно нападенія на Швецію ничего не сказано. Очевидно, эта сдѣлка была до того тайною, что ускользнула даже отъ наблюдателя-іезуита. За то говорится о дружескихъ, интимныхъ отношеніяхъ между монархами, которые выразились, между прочимъ, по случаю маневровъ и смотровъ, устроенныхъ въ честь Петра въ Равѣ. Король Августъ самъ представилъ іезуита царю, который съ нимъ бесѣдовалъ о восточномъ вопросѣ. Вотта выразилъ надежду, что Петръ вмѣстѣ съ королемъ Польскимъ положитъ конецъ Турціи, на что царь шутливо возразилъ, что дѣлежъ медвѣжьей шкуры происходитъ обыкновенно не ранѣе какъ послѣ убіенія звѣря. Съ особеннымъ удовольствіемъ іезуитъ Вотта прибавилъ къ этому разказу замѣчаніе, что царь весьма благосклонно принялъ благословеніе отъ него и пр.

Эти, какъ казалось, особенно благоприятныя отношенія царя къ представителямъ католицизма были однако нарушены отчасти слѣдующимъ весьма неприятнымъ эпизодомъ, случившимся въ Брестѣ Литовскомъ. Здѣсь представился царю католическій агентъ, монсиньоръ Залевскій, и бесѣдуя съ Петромъ, какъ-то неосторожно выразился о раздѣлѣ церквей, называя греческую церковь схизматическою. Царь сильно обидѣлся и сказалъ, что не намѣренъ терпѣть такой грубости, и что еслибъ эти выраженія были употреблены въ Москвѣ, виновникъ непременно былъ бы казненъ смертію. Петръ до того былъ раздраженъ, что обратился къ виленской кастелланшѣ, у которой онъ гостилъ въ это время, съ просьбою позаботиться тот-

¹⁾ Этими матеріалами пользовался графъ Д. А. Толстой въ своемъ трудѣ о католицизмѣ въ Россіи, т. I, стр. 149—150.

часть же объ удаленіи неучтиваго прелата, такъ какъ онъ, царь, не ручается за себя, если еще разъ увидитъ предъ собою виновника столь грубаго оскорбленія. Такимъ образомъ монсеньоръ Залевскій долженъ былъ уѣхать немедленно. Нунцій, сообщая объ этомъ фактѣ съ крайнимъ сожалѣніемъ, замѣчаетъ, что такимъ образомъ, благодаря неумѣстному рвенію Залевскаго, испорчено начало столь хорошихъ отношеній церкви къ царю, и въ заключеніе высказываетъ убѣжденіе, что завзятый противникъ католиковъ, Лефортъ, непременно воспользуется раздраженіемъ царя для уничтоженія въ послѣднемъ добраго расположенія къ католической церкви.

Изъ всего сообщеннаго видно, что донесенія папскихъ нунціевъ и вообще католическихъ агентовъ въ сборникѣ Тейнера заключаютъ въ себѣ весьма богатый матеріалъ для исторіи Петра въ XVII вѣкѣ вообще и для исторіи знаменитаго путешествія 1697 и 1698 годовъ въ особенности.

У. Записка Рудзини.

Въ 27-мъ томѣ сборника *Fontes rerum Austriacarum* (*Oesterreichische Geschichtsquellen, herausgegeben von der historischen Commission der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Zweite Abtheilung: Diplomataria et Acta*), явившемся въ 1867 году, напечатаны донесенія венеціанскихъ пословъ о Германіи и Австріи въ XVII столѣтіи. Между этими донесеніями мы встрѣчаемъ и подробную записку о пребываніи Петра въ Вѣнѣ въ 1698 году, составленную венеціанскимъ дипломатомъ Карломъ Рудзини, который въ 1697 году участвовалъ въ заключеніи договора между императоромъ, Венеціей и Московскимъ государствомъ ¹⁾.

Мы видѣли, какія приготовленія были сдѣланы въ Венеціи для приѣма Петра. Поэтому венеціанскій дипломатъ въ Венеціи, до того только-что находившійся въ сношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ Нефимоновымъ, долженъ былъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за путешествіемъ Петра. Въ своемъ донесеніи, имѣющемъ характеръ записки въ противоположность письмамъ папскихъ агентовъ, писаннымъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, онъ говоритъ вообще о томъ впечатлѣніи, которое было произведено Петромъ въ

¹⁾ См. документъ, подписанный между прочимъ Карломъ Рудзини, въ сборникѣ Тейнера, 365—367.

Вѣнѣ, и къ этому прибавляетъ нѣкоторыя замѣчанія о значеніи Московскаго государства.

Подобно папскому нунцію, Рудзини старался узнать о подробностяхъ свиданій царя съ императоромъ Леопольдомъ и сообщать на этотъ счетъ нѣкоторыя данныя, уже извѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Можетъ быть, во всей исторіи нѣтъ примѣра, чтобы государь безъ политическихъ причинъ и не ради дипломатическихъ переговоровъ, но только по своей личной склонности и любознательности, предоставлялъ управленіе дѣлами въ своемъ государствѣ другимъ лицамъ и предпринялъ долгое и далекое путешествіе въ качествѣ частнаго человѣка, въ свѣтѣ посольства, которое въ сущности служитъ ему свитой и средствомъ безопасности. Можетъ быть, тутъ дѣйствовало намѣреніе пошатнуть древнѣйшіе и важнѣйшіе обычаи, а можетъ быть, имѣлось въ виду пригласить подданныхъ послѣдовать примѣру государя и удалить изъ государства тѣхъ, которые могли бы быть опасными и пр.“. Указавъ далѣе на пребываніе Петра въ Германіи, Голландіи и Англіи, Рудзини описываетъ личность царя: „Хотя онъ вездѣ обнаруживалъ нѣкоторую странность нрава, но въ то же время выказывалъ необычайныя способности, которыя еще гораздо болѣе бросались бы въ глаза при болѣе тщательномъ образованіи. Онъ вездѣ обращалъ особенное вниманіе на нравы и обычаи иностранцевъ, а также на полезнѣйшія учрежденія при управленіи государствомъ и для удержанія власти. Онъ тщательно осматривалъ все относящееся къ войнѣ, особенно къ артиллеріи, болѣе же всего, — къ морскому дѣлу и т. д.“. О вѣннѣ Петра сказано, что онъ высокъ ростомъ, хорошаго тѣлосложенія, поворотливъ, энергиченъ въ своихъ движеніяхъ, неряшливъ въ одеждѣ и обращается со своими приближенными то фамильярно, то чрезвычайно сурово.

Затѣмъ Рудзини разсказываетъ объ аудіенціи, которую онъ имѣлъ у царя. Петръ при этомъ случаѣ говорилъ съ особеннымъ уваженіемъ о Венеціанской республикѣ и выразилъ благодарность за присылку ему оттуда инженеровъ; говорилъ о своемъ желаніи видѣть Венецію и ея богатый арсеналъ. Однако, исполненію этого предположенія помѣшали, какъ прибавляетъ Рудзини, — начавшіеся въ Московскомъ государствѣ безпорядки, заставившіе царя возвратиться въ Москву и явиться тамъ строгимъ судьей и неумолимымъ карателемъ бунтовщиковъ. Въ заключеніе Рудзини говоритъ о значеніи этого путешествія слѣдующее: „Нельзя сказать, окажутся ли наблюденія,

сдѣланныя во время путешествія, и приглашенія многихъ лицъ въ Россію для обученія подданныхъ и для развитія ремеслъ достаточнымъ средствомъ для превращенія этого варварскаго народа въ цивилизованный и для пробужденія въ немъ дѣятельности. Еслибы громаднымъ размѣрамъ этого царства соответствовали духъ и сила воли, то Московія была бы весьма великою державою. Въ разныхъ частяхъ ея насчитывается до 400.000 солдатъ. Но въ нравѣ Москвитинъ, по природѣ малодушныхъ, едва ли есть задатки благородной храбрости, которая служитъ подспорьемъ дисциплины и усмѣха. Сто тысячъ казаковъ дѣйствительно могутъ считаться хорошими воинами и могли бы много сдѣлать, если бы можно было положиться на нихъ. Затѣмъ еще 40.000 Нѣмцевъ служащихъ въ войскѣ, придаютъ послѣднему значеніе. Но, не смотря на многочисленность войска и на обширныя средства, нельзя было безъ особеннаго затрудненія завладѣть плохо укрѣпленнымъ и защищеннымъ Азовомъ. Время покажетъ, на сколько новый флотъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и при помощи большихъ пожертвованій и трудовъ построенный, дѣйствительно доставитъ этому государству возможность господствовать на Черномъ морѣ ¹⁾.

Какъ видно изъ этихъ замѣчаній венеціанскаго посла, представитель знаменитой республики умѣлъ довольно справедливо оцѣнить значеніе путешествія Петра. Не впадая въ увлеченіе, не употребилъ панегирическихъ выраженій, опъ отдаетъ полную справедливость Петру; въ противоположность панскимъ пунціямъ и іезуитамъ, занятымъ лишь мыслью о религіозной пропагандѣ, Рудзини смотрѣлъ на Россію какъ на государство, которое, благодаря усиліямъ Петра, могло имѣть великую будущность.

¹⁾ Fontes rerum Austriacarum, т. XVII, изд. Иосифомъ Фидлеромъ, стр. 429—431.

А. Бриннеръ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ древней исторіи Болгаръ. Сочиненіе *Матемъ Соколова*. С.-Петербургъ. 1879.

Освобожденіе Болгарскаго народа и призванъ его къ новой политической и культурной жизни отразились и въ наукѣ усиленнымъ интересомъ къ его исторіи и древностямъ. Не говоря уже о полной и разносторонней исторіи Болгаръ—г. К. Иречка, въ послѣднее время не перестаютъ являться новые труды, затрогивающіе ту или другую сторону болгарской народности. Кромѣ всего того, что уже вышло въ свѣтъ у насъ, можно ожидать появленія еще нѣкоторыхъ подготавливаемыхъ работъ. Такъ, уже довольно давно пронесся слухъ, что г. Безсоновъ prepares новое, дополненное изданіе своихъ болгарскихъ рѣсень; академикъ И. И. Срезневскій печатаетъ не издавша болгарскія грамматы. Тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ появилось прекрасное изслѣдованіе г. Успенскаго „Образованіе втораго Болгарскаго царства“, которому проф. В. Г. Васильевскій посвятилъ на страницахъ этого журнала столь тщательный и интересный разборъ, а теперь вышелъ въ свѣтъ новый трудъ, заглавіе котораго выписано нами въ началѣ настоящей статьи. Сочиненіе г. Соколова написано на тему, предложенную С.-Петербургскимъ университетомъ, и удостоено золотой медали. Авторъ написалъ его, еще будучи студентомъ, и только дополнилъ и исправилъ впоследствии. Тѣмъ не менѣе, оно соединяетъ въ себѣ столько достоинствъ основательнаго, истинно ученаго изслѣдованія, притомъ прекрасно изложеннаго, что даетъ намъ полное право, основываясь на этомъ первомъ опытѣ, ожидать отъ

автора его много хорошаго въ будущемъ.... Предоставляя самимъ читателямъ судить объ общихъ достоинствахъ исторической критики г. Соколова, мы поговоримъ о самомъ содержаніи книги его и о нѣкоторыхъ частностяхъ, обратившихъ на себя наше вниманіе.

Сочиненіе дѣлится на двѣ части, или скорѣе, на два особа изслѣдованія, изъ которыхъ второе содержитъ въ себѣ главный предметъ работы, а именно критическій разборъ извѣстій о принятіи христіанства Болгарами. Ближайшее ознакомленіе съ начатками христіанства въ Болгаріи до Бориса привело автора, по его словамъ, къ историко-этнографическому изученію древнѣйшаго періода славяно-болгарской исторіи. „Чтобъ найдтись“, говоритъ онъ въ предисловіи, — „въ массѣ встрѣчающихся при этомъ запутанныхъ вопросовъ и составить себѣ опредѣленный взглядъ на предметъ, я присоединилъ къ изслѣдованію о принятіи христіанства Болгарами особа предварительныя замѣчанія, давъ имъ общее, не совсѣмъ точное заглавіе: „Образованіе Болгарской національности“. На этомъ основаніи мы не можемъ требовать отъ автора въ этой части сочиненія (стр. 1—94) вполнѣ самостоятельныхъ розысканій исключительно по первымъ источникамъ и какихъ-либо новыхъ, особенно важныхъ выводовъ. Мы должны быть ему благодарны и за то, что онъ дѣйствительно успѣлъ „найдтись въ массѣ запутанныхъ вопросовъ“ древней исторіи Балканскаго полуострова и сумѣлъ въ сжатомъ очеркѣ изобразить обстоятельную картину тѣхъ превратностей судьбы и безконечныхъ этнографическихъ превращеній, которымъ подвергалась издавна территория Балканскаго полуострова, начиная съ первобытныхъ ея жителей—Тракійцевъ, и кончая приходомъ Болгаръ и ихъ окончательнымъ ославяненіемъ. При этомъ г. Соколовъ высказалъ свой опредѣленный взглядъ на предметъ, подтвердивъ его доводами и замѣчаніями на господствующіе нынѣ въ наукѣ взгляды и положенія. Разказъ о происхожденіи болгарской національности, имѣющій только косвенное отношеніе къ главной задачѣ автора, кажется намъ особенно умѣстнымъ въ виду тѣхъ смутныхъ и часто даже целѣнныхъ понятій, которыя, къ сожалѣнію, еще встрѣчаются въ массѣ нашей читающей и „образованной“ публики по вопросу о національности нынѣшнихъ Болгаръ. По крайней мѣрѣ намъ случалось еще недавно, въ періодъ болгарской войны, слышать отъ людей вообще образованныхъ самыя странныя и невѣроятныя мнѣнія о народности современныхъ Болгаръ, въ родѣ хоть того, что въ нихъ нѣтъ ровно ничего славянскаго.

Первая часть разсматриваемаго сочиненія состоитъ изъ трехъ

главъ. Въ началѣ идетъ разказъ о первоначальныхъ жителяхъ—Оракійцахъ, ихъ романизациі, дѣятельности и вліяніи Римлянъ на судьбу полуострова, о роли въ ней варваровъ—Вестготовъ, Гунновъ, Остготовъ, а затѣмъ разсматривается вопросъ о томъ, были ли славянскія поселенія на Балканскомъ полуостровѣ въ періодъ такъ-называемаго переселенія народовъ. Вторая глава повѣствуетъ о событіяхъ на полуостровѣ съ конца V до половины VII в., о появленіи сначала Болгаръ и Славянъ подъ ихъ собственныхъ именемъ, потомъ варваровъ и о набѣгахъ этихъ племенъ на страны Византийской имперіи—то вмѣстѣ, то независимо другъ отъ друга. Далѣе слѣдуетъ разказъ о переселеніи Сербовъ и Хорватовъ на полуостровъ и разъясняются отношенія славянскихъ поселенцевъ къ мѣстнымъ жителямъ въ связи съ политикой Византийской имперіи. Накопецъ, третья глава описываетъ утверженіе Болгаръ въ Мизіи и войны съ Византіей, сношенія Болгаръ съ Франками и взаимныя отношенія Болгаръ и Славянъ.

Въ очеркѣ древнѣйшей судьбы Балканскаго полуострова до конца V в., особенно въ вопросахъ о романизациі иллиро-оракійскаго населенія, римскомъ провинціальномъ устройствѣ и борьбѣ Римлянъ съ варварами, авторъ обнаруживаетъ значительную начитанность, а изложеніе его отличается ясностью и опредѣленностью. Характеризуя организацію римскихъ провинцій, онъ держится лучшихъ изслѣдованій Моммсена, Юнга и другихъ: Разказъ о романизациі придунайскихъ земель, между прочимъ и Дакіи, далъ г. Соколову поводъ коснуться мимоходомъ и вопроса о происхожденіи Румынъ. Хотя онъ и не высказывается о немъ рѣшительно, однако видимо склоняется на сторону Реслера и особенно Томашка (стр. 14, 23—24). „Окончательное разрѣшеніе вопроса, по моему мнѣнію“, говоритъ авторъ,—„зависитъ отъ точнаго изслѣдованія и опредѣленія народности романизованныхъ племенъ въ Дакіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Въ румынскомъ языкѣ, за исключеніемъ элементовъ латинскаго, греческаго и славянскаго, остается еще элементъ, который обыкновенно считается остаткомъ языка романизованныхъ Дакійцевъ. Оказывается, что этотъ элементъ сходенъ съ нѣкоторыми элементами албанскаго языка.... Томашекъ сходство это объясняетъ непосредственнымъ сосѣдствомъ когда-либо Румынъ съ Албанцами; поэтому онъ полагаетъ, что румынская народность могла образоваться только внутри Балканскаго полуострова, въ сосѣдствѣ съ Албанцами, гдѣ и усвоила элементы албанскаго языка“ (стр. 23, прим. 2). Не отрицая важности подобныхъ соображеній, мы однако не можемъ считать ихъ достаточными для доказательства

происхожденія нынѣшнихъ Румынъ исключительно отъ переселенцевъ изъ-за Дуная. Что романизованные элементы Балканскаго полуострова въ значительной мѣрѣ способствовали образованію и расширенію румынской народности, съ этимъ нельзя не согласиться, но теорія Реслера и его болѣе умѣренныхъ послѣдователей (каковъ, напримеръ, Томашекъ и др.) до тѣхъ поръ не можетъ получить всеобщаго признанія, пока, съ одной стороны, переселеніе Румынъ на лѣвый берегъ Дуная большими массами не найдетъ себѣ достовѣрнаго подтвержденія въ историческихъ памятникахъ, а съ другой—не будетъ положительно опровергнуто мнѣніе о непрерывномъ существованіи романизованныхъ Дакійцевъ и другихъ племенъ въ Трансильваніи и ея сосѣдствѣ; одинъ изъ главныхъ доводовъ противъ этого мнѣнія, состоящій въ томъ, что „господство Готовъ и другихъ народовъ, смѣнявшихъ одинъ другаго въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не могло содѣйствовать сохраненію романизованнаго элемента“ (см. у г. Соколова стр. 23; то же въ послѣднемъ сочиненіи г. Успенскаго, стр. 96), далеко неудовлетворителенъ. Намъ кажется, что если господство варваровъ и не могло особенно содѣйствовать такому сохраненію первоначальнаго населенія, то оно и не препятствовало ему безусловно. Пришельцы-варвары, подобныя Готамъ, Гуннамъ, Аварамъ и друг., располагаясь въ подунайскихъ странахъ, дѣлались только ихъ временными господами: они не уничтожали, не искореняли туземнаго населенія, а только покоряли его, пользовались его трудомъ и силами для собственныхъ воинственныхъ цѣлей. Притомъ же гористая Трансильванія (когда-то центръ романизаціи, и весьма вѣроятно, колыбель Румынскаго народа) самою природою своею должна была способствовать сохраненію первоначальнаго населенія. Общее явленіе продолжительнаго сохраненія древнѣйшаго населенія въ горахъ имѣетъ свое примѣненіе и въ этомъ случаѣ. Дальнѣйшія разсужденія по этому вопросу были бы здѣсь, впрочемъ, неумѣстны, а потому мы возвращаемся къ изслѣдованію г. Соколова.

Разказавъ о вторженіяхъ варваровъ на полуостровъ, о готскихъ набѣгахъ въ III в., о движеніи Вестготовъ, Гуиновъ и Остготовъ въ IV и V вв., авторъ переходитъ къ одному изъ темнѣйшихъ и вѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшихъ вопросовъ славянской древности, именно о томъ, были ли уже на Балканскомъ полуостровѣ славянскія поселенія въ періодъ великаго переселенія народовъ. Подъ собственныхъ именемъ Славяне положительно не встрѣчаются тамъ до конца V вѣка, но это не мѣшаетъ, какъ извѣстно, многимъ ученымъ отыскивать слѣды ихъ суще-

ствованія на полуостровѣ задолго до несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ о нихъ. „Такъ или иначе отлѣчать на этотъ вопросъ положительно весьма трудно“, говоритъ г. Соколовъ. — „Ни древняя этнографія юго-восточной части Европы, ни время великаго переселенія народовъ не выяснены въ должной полнотѣ и опредѣленности; извѣстія древнихъ писателей и другіе пригодные для этой цѣли матеріалы въ рукахъ изслѣдователей подвергаются самымъ разнообразнымъ операціямъ, по въ результатѣ—пока рядъ самыхъ противорѣчивыхъ представленій предмета“ (стр. 32). Созпавая всю трудность рѣшенія этой задачи, нашъ авторъ не уклоняется однако отъ пропѣсенія собственнаго опредѣленнаго сужденія. Онъ рѣшительно возстаеъ прогнѣвъ теоріи о заселеніи полуострова Славянами еще во II и III вв., которую выставилъ въ послѣднее время г. Дриновъ, и утверждаетъ, что она основывается или на старыхъ доказательствахъ (уже утратившихъ свое значеніе), или на такихъ новыхъ, которыя не имѣютъ характера убѣдительности и допускаютъ возраженія. „Съ большею вѣроятностью“, по мнѣнію г. Соколова,—предполагаются Славяне въ числѣ варваровъ, подвластныхъ Гуннамъ и переселявшихся за Дунай во второй половинѣ V в.; несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что они въ это время приблизились уже къ римскимъ границамъ, такъ какъ въ началѣ VI в. мы встрѣчаемъ ихъ уже подъ ихъ собственнымъ именемъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ трудныхъ вопросахъ, авторъ обнаруживаетъ большую осторожность и безпристрастіе. Коснувшись отношенія его къ своему предмету, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько строкъ, характеризующихъ его общій взглядъ на изслѣдованія славянскихъ древностей: „Перечитывая изслѣдованія о древнѣйшей исторіи Славянъ, разъясняющія извѣстія иноплеменныхъ писателей, положительно приходишь къ убѣжденію, что въ этомъ лабиринтѣ именъ и народовъ можно добиться познанія хоть сколько-нибудь удовлетворительнаго только собственнымъ изслѣдованіемъ источниковъ. Это сознаютъ напѣрно всѣ, кому приходится касаться историческихъ древностей, и кого не можетъ удовлетворить послѣднее изслѣдованіе; но рѣдко кто берется за эту работу, да и трудно рѣшиться на такое дѣло, если имѣтъ въ виду достигнуть въ самомъ дѣлѣ положительныхъ результатовъ, которые могъ бы безъ колебанія принять и другой, потому что для изслѣдованій въ области древней этнографіи нужна главнымъ образомъ обширная лингвистическая подготовка. Собственно говоря, послѣ Шафарика не было ни одной попытки пересмотрѣть вопросъ о первоначальной исторіи Славянъ сполна, а между тѣмъ во многихъ

пунктахъ результаты, добытыя Шафарикомъ, не могутъ уже удовлетворять: съ тѣхъ поръ и матеріаловъ прибавилось, да и нѣкоторые приемы изслѣдованія не могутъ теперь вызывать полнаго довѣрія къ выводамъ; безъ общаго же пересмотра славянскихъ древностей трудно уяснить начало исторіи и каждаго отдѣльнаго славянскаго племенн^а“ (стр. 33). Все это совершенно справедливо, и нельзя не сожалѣть, что такимъ разумнымъ взглядомъ руководятся далеко не всѣ (даже даровитѣйшіе) наши историки. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ безъ малѣйшей лингвистической подготовки пускаются въ область древнѣйшей русской и славянской этнографіи съ широкими и смѣлыми задачами разрушать старое и создавать новое, и конечно, ничего дѣльнаго не достигаютъ, а только еще болѣе путаютъ и сбиваютъ съ толку другихъ, легковѣрныхъ.

Во второй главѣ первой части авторъ даетъ обстоятельный очеркъ первыхъ набѣговъ Болгаръ, появленія и частныхъ вторженій Славянъ на полуостровъ въ VI в. Переходя затѣмъ къ Аварамъ, онъ вкратцѣ говоритъ о ихъ появленіи на Дунаѣ, опредѣляетъ ихъ отношенія къ Славянамъ и разказываетъ о ихъ набѣгахъ на Балканскій полуостровъ. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе по поводу одной частности. Въ разказѣ о появленіи Аваръ авторъ говоритъ: „Двинувшись на западъ, Авары воевали съ Утигурами и Бутигурами около Азовскаго моря, съ славянскими Антами на Диѣпрѣ и черезъ верховья Диѣпра и Карпатскія ущелья, тамъ же, гдѣ впоследствии шли Угры¹⁾, пробрались въ область Тиссы“ (стр. 47—48). Оспаривать, что Авары шли этимъ путемъ (такъ его намѣчаетъ Шафарикъ), мы не имѣемъ достаточнаго основанія, такъ какъ не подвергали этого вопроса спеціальному изслѣдованію, но противъ приписанія этого же самаго пути Уграмъ мы не можемъ не возразить. Прямаго достовѣрнаго свидѣтельства о томъ, какъ Угры (разумѣемъ ихъ главную массу) прошли въ равнину средняго Дуная, мы, правда, не имѣемъ, но многія историческія извѣстія и основанныя на нихъ соображенія заставляютъ насъ рѣшительно склониться въ пользу мнѣнія, что они шли съ юга, нижнимъ Дунаемъ и потомъ равниною Тиссы²⁾, а не съ сѣверо-востока, черезъ ущелья Карпатскимъ горъ. Эту послѣднюю дорогу приписываютъ Мадыарамъ только позднѣйшіе ихъ національ-

¹⁾ Эти слова подчеркнуты нами.

²⁾ Этого мнѣнія держатся и многіе прежніе и новѣйшіе историки, напримѣръ, Цейсъ, Реслеръ, Иречекъ и др.

ные писатели-фантазеры, но ихъ показанія, большею частью вымышленныя, и въ настоящемъ случаѣ не заслуживаютъ довѣрія.

Между тѣмъ южный путь не только вполне согласенъ съ ходомъ современныхъ событій и этнографическими данными, извѣстными намъ изъ византійскихъ историковъ, но и подтверждается нѣкоторыми свидѣтельствами западныхъ лѣтописцевъ, на примѣръ, Регинона, по извѣстному разказу котораго Угры сначала (оставивъ свое временное мѣстожительство „Ателькузу“ и перейдя средній Дунай) вторглись въ Паннонію, а потомъ уже обратились на сѣверо-востокъ, въ Моравію и далѣе къ Карпатамъ. Развѣ было бы возможно такое представленіе о ихъ слѣдованіи, еслибъ они шли въ совершенно обратномъ направленіи—съ сѣверо-востока, отъ Карпатъ? Впрочемъ, тутъ важны и многія другія соображенія, изложеніе которыхъ отвлекло бы насъ слишкомъ въ сторону.

Покончивъ съ внѣшней стороной заселенія Балканскаго полуострова, г. Соколовъ переходитъ къ внутренней, „къ тѣмъ отношеніямъ, въ какія стали переселенцы къ прежнимъ мѣстнымъ жителямъ“.

Эта сторона только въ послѣднее время обратила на себя надлежащее вниманіе нашихъ изслѣдователей, и разъясненіе ея весьма любопытно. Для своей цѣли авторъ считаетъ необходимымъ „коснуться экономическихъ отношеній, тѣсно связанныхъ съ финансовою системою Восточной имперіи“. „Въ нихъ“, справедливо замѣчаетъ онъ, — „съ одной стороны, лежала отчасти причина легкаго занятія варварами римскихъ земель, а съ другой стороны—этотъ наплывъ варваровъ былъ причиной образованія новыхъ отношеній“ (стр. 59). Представляя эти экономическія условія (по извѣстному изслѣдованію Цахаріэ-фонъ-Лингентала), нашъ авторъ изображаетъ ту перемѣну, которую произвели въ нихъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ полуострова поселенія варваровъ, а именно Славянъ. Этимъ славянскимъ поселенцамъ должно дѣйствительно приписать происхожденіе новыхъ началъ въ византійскомъ общественномъ устройствѣ. Такое предположеніе находимъ уже у Цахаріэ; г. Соколовъ слѣдуетъ по его стопамъ. Позволяемъ себѣ для ясности дѣла привести то мѣсто, гдѣ послѣдній высказывается въ этомъ смыслѣ: „Причина появленія этихъ новыхъ возрѣвій лежитъ въ этнографическомъ и социальномъ переворотѣ, произведенномъ славянскими передвиженіями въ предѣлахъ имперіи. Законъ не предшествовалъ этому перевороту, а только послѣ привалъ то, чтѣ, благодаря этому перевороту, существовало въ жизни. Мы видѣли передвиженія цѣлыхъ массъ Славянскаго племени въ

предѣлы имперіи; здѣсь они сообща занимаютъ земли, опустошенныя ихъ предшественниками; равнымъ образомъ массы мѣстнаго населенія, вытѣсненные изъ своихъ жилищъ, сообща принуждены были искать новыхъ поселеній въ другихъ областяхъ. Здѣсь-то и слѣдуетъ искать начала свободныхъ крестьянскихъ передвиженій и новыхъ возрѣній на способъ владѣнія землею. В. Г. Васильевскій предполагаетъ, что „именно для поваго славянскаго населенія имперіи и назначался преимущественно тотъ уставъ, который болѣе соотвѣтствовалъ его возрѣніямъ, быту и привычкамъ, чѣмъ традиціи стараго римскаго права о личной собственности и позднѣйшія установленія Римской имперіи въ родѣ колоната или прикрѣпленія къ землѣ“¹⁾. Это предположеніе имѣетъ полнѣйшую вѣроятность. Мы видѣли, что Славяне проникли во всѣ провинціи Балканскаго полуострова, столь важныя для Византійской имперіи, для которой поэтому подчиненіе Славянъ своей власти и введеніе у нихъ гражданскаго порядка было дѣломъ первостепенной важности и настоятельной необходимости; а при своемъ умѣньи находиться въ трудныхъ обстоятельствахъ она не могла избрать болѣе цѣлесообразнаго средства, какъ сдѣлать уступки въ своихъ традиціяхъ и дать законную санкцію тѣмъ формамъ быта, какія, независимо отъ ея воли, проникли въ жизнь ея провинцій“.

Утвержденіе Болгаръ въ Мизіи, первая война съ Византіей и отношенія къ другимъ сосѣдямъ, наконецъ, взаимныя отношенія Болгаръ и Славянъ,—все это изложено г. Соколовымъ въ сжатомъ, но живомъ очеркѣ, составляющемъ третью главу первой части.

Въ мирѣ Грековъ съ Аспарухомъ и въ допущеніи его орды на Балканскій полуостровъ для заселенія страны между Дунаемъ и Балканами г. Соколовъ видитъ „продолженіе той политики, которую приняли Византійскіе императоры послѣ того, какъ полководцы Маврикія показали невозможность удерживать варваровъ за Дунаемъ.... Лишившись большей части романизованнаго населенія Балканскаго полуострова“, говоритъ авторъ,—„византійское правительство становилось все болѣе и болѣе греческимъ. Для него населеніе сѣверной части полуострова было во всякомъ случаѣ чуждымъ, варварскимъ, и усиленіе его новымъ, такимъ же элементомъ не представляло никакой особенной опасности. Если сразу не удалось подчинить своей власти этихъ новыхъ варваровъ, то вѣроятно, были надежды сдѣлать это потомъ, когда будутъ закрѣплены за Византіей прежніе славянскіе поселенцы

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1878 г., ноябрь, 105.

Балканскаго полуострова" (стр. 77). На это нельзя не замѣтить, что врядъ ли усиленіе новыми варварами и безъ того чуждаго населенія сѣверной части полуострова „не представляло никакой особенной опасности"; Византія, конечно, сознавала ее, но допуская Болгаръ на полуостровъ, отчасти уступала необходимости, отчасти дѣйствительно надѣялась на свои силы и вліяніе по отношенію къ нимъ въ будущемъ. Говоря о границахъ Болгаріи, авторъ, кажется, не достаточно обратилъ вниманія на вопросъ; съ какихъ поръ и въ какой мѣрѣ Болгары владѣли землями на сѣверъ отъ Дуная. А между тѣмъ существованіе этой сѣверной Болгаріи имѣетъ значеніе въ вопросѣ объ отношеніяхъ Болгаръ къ Франкамъ.

Въ разсматриваемой главѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что авторъ говоритъ о національности Волгарской орды. Онъ представляетъ послѣдніе выводы науки по этому любопытному вопросу и устраняетъ ту неточность въ опредѣленіяхъ, которая допускалась до сихъ поръ. Показавъ всю несостоятельность термина „тюркско-финскій народъ" въ примѣненіи къ Болгарамъ на томъ основаніи, что лингвистическое родство Татаръ и Финновъ далеко еще не можетъ считаться доказаннымъ, авторъ нашъ разбираетъ вопросъ, къ какому изъ этихъ двухъ племенъ принадлежатъ Болгаре, и конечно справедливо стоитъ за ихъ тюркское происхожденіе. По его мнѣнію, „на основаніи историческихъ свидѣтельствъ объ отношеніи Болгаръ къ другимъ племенамъ, каковы, напримѣръ, Гунны, Авары, затѣмъ свѣдѣній объ образѣ жизни и правахъ Болгаръ, и наконецъ, на основаніи нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ ихъ языка, въ настоящее время можно также положительно утверждать, что Болгаре не были племенемъ финскимъ, какъ и славянскимъ. Болгаре были племенемъ очень близкимъ къ Гуннамъ" (стр. 90). Дѣйствительно, и византійскіе писатели постоянно смѣшивали оба народа; и тѣ, и другіе были близкими родственниками позднѣе лившихся орды, называвшихъ себя Турками. „Безпристрастное разсмотрѣніе процесса развитія великаго переселенія народовъ", замѣчаетъ г. Соколовъ, — „привело лучшихъ изслѣдователей къ тому заключенію, что толчокъ къ этому движенію данъ былъ не пассивнымъ Финскимъ племенемъ, а кочующимъ Тюркскимъ; Гунны, Болгаре, Авары были только древнѣйшими переселенцами изъ огромной турецко-татарской массы, постепенно двигавшейся изъ внутренней Азіи" (стр. 90).

Защитники славянства Болгаръ, въ опроверженіе ихъ тюркскаго происхожденія, часто указываютъ на „невыроютную быстроту исчез-

повенія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ“. Въ этомъ возраженіи г. Соколовъ вполне справедливо дѣлаетъ два ограниченія: „вопервыхъ, нельзя утверждать, что болгарскій элементъ совсемъ исчезъ въ половинѣ IX в., вторыхъ, вліяніе Славянъ на Болгаръ началось не съ переселеніемъ ихъ за Дунай, а гораздо раньше“. Болгаре появились въ придунайскихъ странахъ одновременно съ Славянами (подъ ихъ собственнымъ именемъ). Рано оставивъ свои первоначальныя жилища (задолго до смерти Куврата), они должны были часто сталкиваться со Славянами и даже иногда сообщая съ ними дѣйствовать. „Если уже между Гуннами и Славянами предполагаютъ близость отношеній и извѣстное вліяніе послѣднихъ на первыхъ, то тѣмъ болѣе это нужно допустить относительно Болгаръ. Очень можетъ быть, что и въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій“; болгарскій же элементъ держался на Балканскомъ полуостровѣ, впрочемъ, еще и послѣ крещенія Болгаръ.

Вторая часть сочиненія г. Соколова, къ которой мы переходимъ теперь, составляетъ, какъ мы уже видѣли, главную его задачу. Она озаглавлена: „Принятіе христіанства Болгарскими Славянами“ и дѣлится, подобно первой, на три главы (стр. 97—212). За нею слѣдуютъ „Приложенія“ (стр. 215—250), заключающія въ себѣ самыя извѣстія о крещеніи Болгаръ — въ подлинномъ текстѣ и въ переводѣ. Эта часть изслѣдованія представляетъ уже вполне самостоятельную критическую разработку источниковъ. Она не только доказываетъ основательное и всестороннее изученіе авторомъ литературы вопроса, но и даетъ выгодное понятіе о его критическихъ приемахъ. Взглянемъ же на ея содержаніе и посмотримъ, къ какимъ главнымъ выводамъ пришелъ г. Соколовъ. Размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ входить въ большія подробности, а потому мы стараемся быть по возможности краткими.

Первая глава содержитъ въ себѣ предварительныя изысканія къ рѣшенію вопроса о крещеніи Болгаръ; въ ней излагается: древнѣйшій періодъ христіанства на Балканскомъ полуостровѣ, церковная организація тамъ до половины IX в., и христіанство у Балканскихъ Славянъ и Болгаръ до крещенія ихъ при князѣ Борисѣ. Авторъ начинается свой разказъ съ самаго начала христіанской проповѣди на полуостровѣ, то-есть, со временъ апостольскихъ. Рассмотрѣвъ главные моменты изъ древнѣйшей исторіи тамошняго христіанства, между прочимъ дѣятельность нѣкоторыхъ епископовъ и распространеніе христіанства между Готами, онъ переходитъ къ церковной организаціи въ

этихъ странахъ, которая „относится въ своихъ главныхъ чертахъ уже къ IV вѣку“. Исторія расширенія власти и вліянія Константинопольскаго патріарха приводитъ его къ разказу о возникновеніи спора между Римомъ и Константинополемъ изъ-за юрисдикціи на Балканскомъ полуостровѣ. „Споръ за юрисдикцію въ Иллирикѣ между Римскимъ папой и Константинопольскимъ патріархомъ“, говоритъ г. Соколовъ,—„съ особенною силою возгорѣлся въ то время, когда Болгарія, своею западною частью принадлежавшая нѣкогда къ Иллирійской профектурѣ, приняла христіанство. Этотъ споръ имѣлъ большое значеніе въ первоначальной судьбѣ христіанской церкви въ Болгаріи. Поэтому не лишне будетъ изложить происхождение этого спора, чтобы понять значеніе его въ первомъ эпизодѣ великаго событія—раздѣленія церкви на двѣ: восточную и западную, при папѣ Николаѣ I и патріархѣ Фотіи“ (стр. 108). Довольно подробный разказъ о судьбѣ архіепископіи Первой Юстиніаны и объ отношеніи ея къ Византіи и Риму имѣетъ значеніе потому, что эта архіепископія была основана въ страи, постепенно заселявшейся Славянами: „Они нашли здѣсь прочную церковную организацію, которая могла имѣть большое вліяніе на обращеніе пришельцевъ въ христіанство“. Къ тому же есть мнѣніе, что Первая Юстиніана, о мѣстѣ нахождения которой еще спорятъ, была именно тамъ, гдѣ впоследствии возникъ городъ Моравя, и что „Моравская архіепископія есть прямое продолженіе архіепископіи Первой Юстиніаны съ ея правами“. Обращаясь къ вопросу о христіанствѣ у Славянъ и Волгаръ до крещенія при Борисѣ, авторъ сначала представляетъ общія соображенія о возможности распространенія христіанства между ними за это время, а затѣмъ приводитъ и прямыя, хотя и немногочисленныя, указанія:

Глава вторая вся посвящена изложенію извѣстій о крещеніи Волгаръ, подробному критическому ихъ разбору и установленію, на основаніи его, выводовъ о томъ, какимъ духовенствомъ былъ крещенъ Борисъ, о побудительныхъ причинахъ, о времени и мѣстѣ крещенія. Въ разборѣ извѣстій авторъ держится строгой системы. Онъ дѣлитъ ихъ на три разряда: 1) документальныя современныя извѣстія, 2) сказанія современныхъ писателей и 3) разказы позднѣйшихъ писателей. Онъ сообщаетъ сперва, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, сущность каждаго извѣстія, дѣлая при этомъ замѣчанія о цѣнности тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ они находятся. Затѣмъ онъ устанавливаетъ ихъ взаимное отношеніе, самостоятельность или зависимость, степень достовѣрности, и уже послѣ того приступаетъ къ

подробному разбору и рѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ. Вопросы о томъ, кѣмъ былъ крещенъ Борисъ, греческимъ или латинскимъ духовенствомъ, по мнѣнію автора, собственно и задавать не слѣдовало бы, „такъ какъ большая часть свидѣтельствъ говоритъ въ пользу того, что Борисъ былъ крещенъ греческимъ духовенствомъ“, но нѣкоторые латинскіе историки, приписывающіе это крещеніе духовенству латинскому, заставляютъ его все-таки подвергнуть этотъ предметъ критическому рассмотрѣнію, при чемъ ему и удастся опровергнуть показанія латинскихъ источниковъ и прійти къ выводу, что они „имѣютъ въ виду не первоначальное крещеніе Бориса, а принятіе имъ латинскаго духовенства нѣсколько времени спустя послѣ крещенія“.

Что касается причинъ, побудившихъ Бориса принять крещеніе, тутъ г. Соколовъ отличаетъ двѣ стороны: во-первыхъ, субъективную рѣшимость князя переимѣнить свои личныя убѣжденія, какъ чловѣка вообще; во-вторыхъ, объектив—ую политическое положеніе Бориса, какъ князя, которое заставило его въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ переимѣна религіи, сообразоваться со многими вѣншними условіями.

Илагая политическія причины крещенія Бориса, нашъ авторъ утверждаетъ, что принатіе христіанства было для него очень выгодно и необходимо, что ему нужно было опредѣлить свои отношенія къ имперіи, и что лучшій путь къ тому, сообразно со взглядомъ, господствовавшимъ въ Византійской имперіи, было принатіе христіанства. Имперіи-де смотрѣла на себя, какъ на единственное законное государство, къ которому всѣ остальные должны стать въ зависимое, подчиненное положеніе. „Христіанскимъ государствамъ, фактъ существованія которыхъ имперіи не могла, да и не хотѣла отрицать, она придавала мѣстное значеніе, какъ областямъ, въ которыхъ государи не самостоятельныя, равныя императору правители, а какъ-бы мѣстныя начальники, волею императора призванныя къ соучастію по власти. Въ такія отношенія къ имперіи могли стать только государства, принявшія христіанство,—тѣ же, которыя еще не приняли, не признавались и за государства, они только имѣли войдти потомъ, съ принатіемъ христіанства, въ такія отношенія, и только тогда государи ихъ могли быть признаны соучастниками во власти“ (стр. 145—146). Такой взглядъ, по мнѣнію г. Соколова, раздѣлялся и варварами, на которыхъ идея имперіи и личность императора производили такое сильное впечатлѣніе, что имъ и въ голову не приходило протестовать противъ этой идеи; они дѣлались ея ревностными служителями,

какъ скоро убѣждались, что нападенія на имперію съ цѣлью разрушить ее ни къ чему не ведутъ. То же примѣняется и къ Болгарамъ. Не достигнувъ ничего войною съ имперіей, „они должны были убѣдиться, что единственное средство для примиренія—стать въ такія отношенія къ ней, какія вообще она предлагала варварамъ, искавшимъ сближенія съ нею“, а непремѣннымъ условіемъ такихъ отношеній было принятіе христіанства. Борисъ это понималъ, и потому крестился (см. стр. 146). Во всемъ этомъ есть правда, но есть и увлеченіе. Дѣйствительно, имперія такъ относилась къ своимъ сосѣдямъ, строго отличая въ своемъ обращеніи варваровъ-христіанъ и не христіанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что политика ея въ этомъ отношеніи была отнюдь не пассивна, что христіанство служило ей однимъ изъ средствъ политическаго подчиненія селившихся въ ея предѣлахъ варваровъ (какъ это было и на западѣ, у Германцевъ, въ ихъ стремленіи на востокъ). Самъ авторъ замѣтилъ выше (въ предыдущей главѣ, стр. 118), что „имперія не оставляла новопришлыхъ жителей на полной свободѣ, и однимъ изъ средствъ утвержденія власти надъ этими варварами, обузданія ихъ, было распространеніе христіанства“, а въ разбираемомъ мѣстѣ онъ повторяетъ эту мысль, говоря, что „всякій разъ, когда имперія имѣла столкновеніе съ варварами, при заключеніи условій, прежде всего предлагалось принять христіанство“¹⁾. Варвары, съ своей стороны, очень хорошо понимали властолюбивыя стремленія имперіи, и потому врядъ ли такъ скоро и легко, какъ это представляется вашему автору, становились служителями идеи этой имперіи и отказывались отъ самостоятельности и отъ своихъ собственныхъ воинственныхъ цѣлей²⁾. Напротивъ, они обыкновенно довольно долго съ недовѣріемъ смотрѣли на предложенія принять христіанство, боясь утратить съ своей прежнею вѣрой и большую часть своей самостоятельности. Если Борисъ наконецъ рѣшился принять христіанство съ цѣлью, какъ думаетъ г. Соколовъ, — „опредѣлть свои отношенія къ имперіи“, то главная причина тому, кромѣ его внутренняго побужденія, была та, что онъ уже чувствовалъ въ себѣ и въ своемъ княжествѣ достаточно силы, чтобы не подпасть, съ принятіемъ христіанства, слишкомъ боль-

¹⁾ Ср. то же самое, высказанное ниже по поводу дѣятельности Фотія, стр. 175, и далее 185—186.

²⁾ Относительно Болгаръ доказательствомъ тому служитъ послѣдующее царствованіе Симеона.

шому политическому вліпцію Византіи. Впрочемъ, и онъ колебался и изъ тѣхъ же опасеній обращался къ западной церкви. Поэтому намъ кажется недостаточнымъ тотъ отвѣтъ, который даетъ авторъ на свой вопросъ: „почему Болгаре ранѣе не сдѣлали того, на что они рѣшились въ половинѣ IX вѣка?“ По его мнѣнію, это объясняется такъ: „Болгаре-азиаты, поселившись въ сѣверо-восточномъ углу Болгаріи, долго сохранили свой азіатскій характеръ, не сразу сплотились съ Славянами, которые, какъ болѣе давніе обитатели въ предѣлахъ имперіи, могли и лучше понимать ея смыслъ. Переворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ тогда, когда Болгаре, расширивъ въ IX вѣкѣ свои предѣлы на западъ, съ одной стороны на юго-западѣ пріобрѣли населеніе, испытывавшее большое вліяніе отъ Византіи, а съ другой стороны на сѣверо-западѣ вошли въ столкновение съ другимъ большимъ христіанскимъ государствомъ—Франскимъ“ (стр. 146). И это соображеніе, положимъ, справедливо, но гораздо проще разрѣшается этотъ вопросъ тѣмъ, что предшественники Бориса отчасти еще недостаточно были увѣрены въ своихъ силахъ, чтобы рѣшиться на такой шагъ, который долженъ былъ ихъ поставить въ извѣстную зависимость отъ Византіи и подъ непосредственное ея вліяніе, и предпочитали поэтому непризнание съ ея стороны своего государственнаго значенія, отчасти сами находились еще подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ многочисленной партіи настоящихъ Болгарь-язычниковъ. Эта партія, сохраняя свой азіатскій характеръ и строго держась язычества, явно гнушалась христіанствомъ; она же, какъ извѣстно, впоследствии, по принятіи его Борисомъ, произвела открытое возстаніе.

Вопросъ о времени крещенія Бориса обследованъ авторомъ весьма обстоятельно. По справедливому замѣчанію его, „затрудненіе въ опредѣленіи года крещенія Бориса происходитъ отъ того, что извѣстія лѣтописцевъ обыкновенно принимаются въ смыслѣ свидѣтельства о всемъ фактѣ обращенія Болгарь въ христіанство, между тѣмъ какъ лѣтописцы имѣли въ виду какой-либо моментъ въ этомъ обращеніи; только различая эти моменты, можно согласить всѣ разпообразныя опредѣленія года крещенія въ источникахъ“ (стр. 147—148). Изъ сопоставленія источниковъ и всѣхъ соображеній выходитъ, что голодъ въ Болгаріи, между прочимъ побудившій Бориса ускорить рѣшеніе вопроса о принятіи христіанства, былъ въ 862—863 гг. Въ этомъ-то 863 году Болгаре, находясь въ затруднительномъ положеніи и угрожаемые со стороны Византіи и изъявили готовность принять креще-

ніе" (см. подробное опредѣленіе времени и сопровождавшихъ обстоятельствъ стр. 153).

Что касается общаго научнаго значенія, полноты и точности изслѣдованія г. Соколова о крещеніи Болгарь, то мы, признавая за нимъ всѣ эти достоинства, не можемъ, однако, не поставить автору нѣсколько въ упрекъ того, что онъ устраняетъ въ этомъ вопросѣ всякую рѣчь о Кириллѣ и Меѳодіи, ссылаясь на недостоверность и тенденціозность извѣстныхъ легендъ, приписывающихъ обращеніе Болгарь въ христіанство славянскимъ первоучителямъ (стр. 142, прим. 1). Положимъ, эти извѣстія дѣйствительно таковы (хотя не всѣ съ этимъ согласны), по ради полноты и безпристрастія надо было хотъ на столько коснуться ихъ, чтобы въ читателяхъ, изъ которыхъ лишь немногіе, можетъ быть, посвящены въ суть дѣла, уничтожить всякое сомнѣніе относительно ихъ значенія. Для этого, полагаемъ вовсе не пришлось бы предпринимать подробной критики источниковъ Кирилло-Меѳодіевскаго вопроса. Затѣмъ помимо этого, дѣятельность славянскихъ апостоловъ у западныхъ Славянъ, такъ сильно привлекавшая вниманіе Римскаго престола, а также и всѣхъ сосѣднихъ христіанскихъ народовъ, должна была имѣть какое-нибудь значеніе въ отношеніи Рима къ Борису въ эпоху его крещенія и послѣ, и вообще въ политикѣ Римскихъ папъ относительно Византіи, а между тѣмъ объ этой дѣятельности нѣтъ надлежащаго упоминанія ни въ главѣ о крещеніи Болгарь, ни въ слѣдующей (третьей), заключающей въ себѣ сношенія князя Бориса съ Византіей и Римомъ по вопросу объ устройствѣ Болгарской церкви. Правда, въ началѣ этой главы, говоря о высочайшемъ значеніи Бориса въ судьбѣ восточнаго православія, авторъ замѣчаетъ, что „неоцѣнимая для славянства благотворная дѣятельность Кирилла и Меѳодія не имѣла бы такихъ благихъ результатовъ, еслибы Болгарскій князь Борисъ занялъ не то положеніе въ спорѣ между Византіей и Римомъ за юрисдикцію въ Болгаріи, какое онъ дѣйствительно занялъ" (стр. 159) ¹⁾. Это, конечно, отчасти справедливо; но несомнѣнно и то, что въ свою очередь и дѣятельность Кирилла и Меѳодія должна была имѣть не малое возбудительное вліяніе на Бориса и его начинанія въ дѣлѣ насажденія христіанской вѣры и просвѣщенія въ Болгаріи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ этой заключительной главѣ сочиненія г. Соколова. По своему научному интересу она стоитъ

¹⁾ См. также стр. 209.

не ниже, если даже не выше предыдущей. Авторъ опредѣляетъ отношеніе вопроса о крещеніи Бориса къ начавшемуся расколу въ церкви. Колебанія Бориса между Константинопольскимъ патриархомъ и Римскимъ папой зависѣли, по его мнѣнію, не отъ однихъ политическихъ соображеній, но и отъ тогдашняго состоянія вселенской церкви. „Обращеніе Болгаръ въ христіанство“, продолжаетъ авторъ,—„случилось въ роковую эпоху въ исторіи христіанской церкви, въ то время, когда разыгрывался первый эпизодъ такъ-называемаго раздѣленія церкви. Въ это время со всею ясностью и рѣзкостью обнаружилось различіе въ направленіяхъ и цѣляхъ западной и восточной половины христіанской церкви, различіе, которое фактически существовало издавна, но теоретически не оправдывалось ни тою, ни другою стороною, какъ бы игнорировалось и прикрывалось любовью; теперь же ни та, ни другая сторона не только не скрывали разностей въ своей церковной теоріи и практикѣ, но каждая отчетливо обозначала ихъ, и что всего важнѣе, не безразлично отнеслась къ нимъ и старалась теоретически доказать право свое на всеобщее признаніе. Этимъ общимъ различіемъ въ направленіи и цѣляхъ опредѣлялся и характеръ политики по отношенію къ болгарскому вопросу: въ сношеніяхъ съ Болгарами и римская, и византійская церковная политика обнаруживаютъ только примѣненіе къ частному факту той системы, какая вообще утвердилась въ той и другой церкви. Но это вовсе не значитъ, чтобы легко было объяснить всѣ частности въ сношеніяхъ съ Болгарами Рима и Византіи изъ общей системы той и другой церковной политики. Дѣло въ томъ, что въ это время эти теоретическія воззрѣнія только еще выработывались и однимъ изъ самыхъ главныхъ поводовъ къ обнаруженію ихъ былъ именно этотъ болгарскій вопросъ, такъ что настоящій его смыслъ можно уяснить себѣ только въ связи съ общимъ ходомъ спора между Византіей и Римомъ“ (стр. 159). Затѣмъ слѣдуетъ обстоятельное изложеніе этого церковнаго спора, при чемъ характеризуются главнѣйшіе его дѣятели. Особеннаго вниманія заслуживаетъ характеристика Фотія и его участіе въ дѣлѣ крещенія Болгаръ. „Несомнѣнно“, говоритъ г. Соколовъ,—„что всѣмъ дѣломъ обращенія Болгаръ руководилъ Фотій; онъ самъ говоритъ о своихъ трудахъ въ этомъ дѣлѣ, называетъ Болгаръ „чадами, для возрожденія и просвѣщенія которыхъ онъ подвергалъ себя трудамъ, заботамъ и проливалъ потъ“. Весьма любопытно пастырское посланіе его къ Борису, въ которомъ онъ излагаетъ сущность христіанской вѣры и нравственности, а также практическія правила жизни, какъ

часть ссv, отд. 2.

всякаго человѣка, такъ особенно государя^а. Авторъ сообщаетъ его содержаніе. Исторія колебаній Бориса между Константинополемъ и Римомъ, его временное обращеніе къ Римскому престолу и затѣмъ окончательный переходъ къ Византіи представляютъ въ изслѣдованіи нашего автора нѣсколько безспорно интересныхъ и живыхъ страницъ. Она дѣйствительно живо характеризуетъ, съ одной стороны, церковную политику и воззрѣнія Рима и Византіи, а съ другой—отношеніе къ нимъ Болгарскаго князя, взгляды и соображенія, которыми онъ руководился. Личность Бориса рисуется при этомъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Получивъ наконецъ, благодаря своей настойчивости, архіепископа, онъ вызвалъ свою страну къ самостоятельной церковной жизни. „Фактъ этотъ“, замѣчаетъ авторъ, — „уже въ то время имѣлъ большое значеніе: въ спорѣ Римской церкви съ Константинопольскою онъ послужилъ новымъ поводомъ къ обнаруженію ихъ направленія и цѣлей. Но главное, мировое значеніе его состоитъ въ томъ, что благодаря ему оказалось возможнымъ быстрое развитіе славянскаго просвѣщенія“...

Болѣе подробное разсмотрѣніе результатовъ труда г. Соколова вывело бы насъ изъ положенныхъ границъ. Въ заключеніе не можемъ не пожелать этой книгѣ возможно большаго распространенія; она этого вполне заслуживаетъ.

Константинъ Гротъ.

О. П. Леонтовичъ. Изъ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній Монголо-Калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ). Одесса, 1879.

Въ XXVIII и XXIX томахъ Записокъ Новороссійскаго Университета, а потомъ и отдѣльною книгою, напечатаны подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ: нѣсколько замѣчаній объ исторіи, составѣ, общемъ характерѣ и значеніи вышеназваннаго памятника инородческаго права въ юго-восточныхъ окраинахъ Россіи; библиографія сочиненій, касающихся современнаго быта Калмыковъ, а также ихъ правовыхъ обычаевъ и законовъ; текстъ древнихъ калмыцкихъ постановленій въ русскомъ и нѣмецкомъ переводахъ прошлаго столѣтія; указатель заключающихся въ нихъ предметовъ, и въ видѣ добавленія. нѣсколько историко-юридическихъ соображеній, въ томъ числѣ о вліяніи монгольскаго права на юридическій бытъ древней Россіи, на которыя авторъ наведенъ былъ своею работою надъ монголо-калмыцкимъ законодательствомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ

историческомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ, для насъ чрезвычайно важно изученіе областныхъ и мѣстныхъ законовъ и ипородческихъ уставовъ, и трудъ г. Леонтовича, возбуждая интересъ къ такого рода занятіямъ, восполняетъ собою пробѣлъ, существовавшій въ нашей литературѣ по вопросу объ уставахъ, по коимъ управлялись Калмыки, даже находясь въ русскомъ подданствѣ. Объ этомъ предметѣ существовало нѣсколько отрывочныхъ статей и замѣтокъ но не было еще своднаго изданія текста законовъ, провѣреннаго по разнымъ спискамъ. Г. Леонтовичъ просмотрѣлъ и сличилъ существовавшія до него мнѣнія о происхожденіи и значеніи ойратскаго устава и предложилъ свой взглядъ на отношенія къ нему русскаго правительства и русскаго законодательства. Но не ограничиваясь этими вопросами, онъ увлекся заманчивою мыслию розыскать въ монгольскихъ обычаяхъ и въ монгольскомъ правѣ источникъ нѣкоторыхъ явленій изъ юридическаго быта древней Россіи. Вотъ эти-то двѣ стороны въ сочиненіи г. Леонтовича и послужили главною причиною того, что мы рѣшились сказать нѣсколько словъ о его книгѣ.

Сперва будемъ говорить объ исторіи монголо-калмыцкаго устава на русской почвѣ.

На стр. 2—3 г. Леонтовичъ говоритъ: „Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о калмыцкомъ уставѣ и обычаяхъ появятся у насъ не раньше второй половины прошлаго вѣка, когда русское правительство стало оказывать болѣе замѣтное вліяніе на внутренній бытъ Калмыковъ. Калмыцкій вопросъ пріобрѣтаетъ у насъ большое значеніе въ особенности послѣ извѣстнаго событія—ухода въ 1771 году значительной части Калмыцкой орды изъ предѣловъ Россіи. Съ этихъ только поръ начинаютъ появляться болѣе дѣйствительныя мѣры касательно устройства Калмыцкой орды и приведенія въ извѣстность ея внутреннихъ законовъ и обычаевъ. Можно полагать, что раньше второй половины прошлаго вѣка вовсе не были извѣстны русскіе переводы калмыцкаго устава; они могли появиться лишь въ эпоху усиленія русскаго вліянія на внутренній бытъ Калмыковъ и сдѣлаться затѣмъ для калмыцкихъ администраторовъ и судей главнымъ руководствомъ по всемъ судебно-административнымъ дѣламъ, возникавшимъ между Калмыками. Къ этому-то времени усиленія русскаго вліянія между Калмыками относится и появленіе перваго печатнаго изданія калмыцкаго устава“ (1776). Далѣе авторъ замѣчаетъ, что существующіе рукописные переводы устава „неизвѣстно когда и кѣмъ составлены“. На стр. 6 авторъ предлагаетъ такую догадку:

„Первоначальный уставъ въ цѣльномъ его видѣ, по всему видно, не дошелъ до нашего времени, или по крайней мѣрѣ доселѣ неизвѣстенъ въ печати“. На стр. 7—8, отдавая преимущество нѣмецкому переводу Палласа, между прочимъ потому, что онъ пользовался содѣлствіемъ лицъ, вполне знакомыхъ съ языкомъ и бытомъ инородцевъ, на примѣръ, протоіерея Чубовскаго, г. Леонтовичъ рѣшительно утверждаетъ: „Русскій переводъ, напротивъ, могъ выйти въ прошломъ вѣкѣ изъ-подъ руки какого-либо простаго грамотѣя—дьяка, знавшаго тогдашній дѣловой языкъ русской администраціи, но мало знакомаго съ бытомъ инородцевъ и въ особенности съ ихъ языкомъ“. На стр. 10—12 авторъ высказываетъ убѣжденіе, что Русскіе до нынѣшняго столѣтія не знали подлиннаго названія калмыцкаго устава; и вообще исторію русской обработки калмыцкихъ установленій авторъ ведетъ лишь съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, съ такъ-называемыхъ синзилинскихъ постановленій 1822 г. и проекта новаго калмыцкаго уложенія 1827 года, объясняя русскія попытки этого времени—привести калмыцкіе законы въ болѣе органическую связь съ народною жизнью—такимъ образомъ: „Къ началу текущаго столѣтія сами инородцы начинаютъ сознать отсталость и недостаточность своего племеннаго устава, уже не отвѣчавшаго потребностямъ быта Калмыковъ въ Россіи, начинаютъ заявлять о необходимости исправленія и дополненія своихъ племенныхъ законовъ“ (стр. 29). Этимъ авторъ даетъ знать, что до того времени такихъ заявленій не было.

Всѣ вышеприведенныя мнѣнія требуютъ или значительныхъ поправокъ, или нѣкоторыхъ поясненій. Авторъ и самъ, конечно, пришелъ бы отчасти къ инымъ выводамъ объ исторіи калмыцкаго устава въ Россіи, если бы пользовался при своемъ изслѣдованіи не исключительно свѣдѣніями, находящимися въ разказахъ путешественниковъ или статьяхъ въ юридическаго и этнографическаго характера, но и заглянулъ въ историческіе акты, изданные археографическою комиссіей, затѣмъ — въ сочиненія чисто историческаго характера, — на примѣръ, въ соотвѣтственныя мѣста „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, а еще лучше въ такъ-называемыя „калмыцкія дѣла“, хранящіяся въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Исторія сношеній, связей и столкновеній Калмыцкаго народа съ Русскими представилась бы тогда автору во всей своей подробности, и онъ могъ бы почерпнуть изъ нея не мало свѣдѣній о юридическомъ бытѣ Калмыковъ, о соприкосновеніи ихъ обычаевъ и

постановленій съ русскими судебными порядками, о знакомствѣ Русскихъ съ степнымъ уставомъ и о попыткахъ согласовать его съ новыми отношеніями. Но чтобы не вдаваться въ слишкомъ большія подробности, мы ограничимся ссылкой на пятую главу нашей книги, вышедшей восемнадцать лѣтъ тому назадъ, гдѣ говорится, на основаніи архивныхъ источниковъ, о калмыцкой комиссіи, которою управлялъ первый русскій историкъ В. Н. Татищевъ съ 1741 по 1744 годъ ¹⁾.

Позволяемъ себѣ вкратцѣ указать здѣсь на то, что сказано было нами въ этой главѣ и что имѣетъ существенное отношеніе къ предмету, избранному г. Леоптовичемъ.

Уже въ XVII вѣкѣ, скорѣ послѣ хана Хоурлука, участвовавшего въ сѣздѣ Ойратскихъ владѣльцевъ 1640 года, результатомъ коего было составленіе степнаго устава или судебной книги (Цааджинъ-Бичикъ), калмыцкіе тайдши и послы, давая на себя шертныя записи московскому правительству, цѣловали „бичикъ“, и московскіи власти считали это равносильнымъ присягѣ. Начавшись набѣгами и разбоями со стороны кочевниковъ, отношенія Калмыковъ къ Русскимъ принимали все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ при ханѣ Аюкѣ, правленіе котораго, начавшееся при Алексѣѣ Михайловичѣ и окончившееся при Петрѣ I, продолжалось 55 лѣтъ. При немъ Калмыцкая орда находилась на верху своего могущества: самъ Петръ считалъ нужнымъ трижды видѣться съ сильнымъ ханомъ. Но въ послѣдніе годы его жизни, когда Астраханскимъ губернаторомъ былъ А. П. Волынской, значеніе и самого Аюки, и его Калмыковъ стало падать. По смерти хана начались усобицы между Калмыками, и ханскій титулъ уже больше не возобновлялся: были только намѣстники его, поставляемые отъ русскаго правительства. Въ то же время Татищевъ и Соймоновъ выстроили для крестившихся Калмыковъ городъ Ставрополь на Волгѣ (теперь Самарской губерніи). Тогда-то послѣдовали и первые переводы съ калмыцкаго на русскій языкъ и съ русскаго на калмыцкій. Главнымъ переводчикомъ, труды коего начались еще въ 1724 году, былъ Василій Бакунинъ, сперва секретарь, далѣе ассесоръ и затѣмъ совѣтникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, оставившій по себѣ рукописное сочиненіе, принадлежавшее прежде М. П. Погодину и хранящееся теперь въ Императорской публичной бібліо-

¹⁾ См. В. Н. Татищевъ и его время. Опытокъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія (Москва, 1861), стр. 235—253.

текѣ, подъ заглавіемъ: „Описаніе Калмыцкихъ народовъ и особливо изъ нихъ Торгоуцкаго и поступокъ ихъ хановъ и владѣльцевъ“. Бакунину хорошо былъ извѣстенъ монголо-калмыцкій уставъ, полученный имъ въ подлинникѣ отъ самихъ калмыцкихъ властей. Этотъ Бакунинъ не былъ только грамотѣемъ-дьякомъ, равно какъ и протоіерей Чубовскій вмѣстѣ съ другими переводчиками, на котораго ссылался Палласъ, и котораго, по просьбѣ Татищева, приставили къ ставропольскимъ Калмыкамъ. Извѣстно, какъ любознательнъ былъ Татищевъ относительно всего, чтò касалось жизни подвластныхъ Россіи инородцевъ, и какъ онъ внимательно изучалъ ее. Будучи посланъ, для усмиренія внутреннихъ волненій въ Калмыцкой ордѣ и для устройства ея отношеній къ русскому населенію, Татищевъ обратилъ вниманіе и на калмыцкіе законы. Поставивъ намѣстникомъ ханскаго достоинства Дондукъ-Даши, онъ долженъ былъ заняться составленіемъ „новаго права для суда Калмыкъ съ Русскими“; а Дондукъ-Даши просилъ, чтобы судъ между Калмыками производить ему по старому праву, донося государынѣ только о важныхъ дѣлахъ. Для предстоявшей кодификаціи Татищеву послана была въ 1742 г. изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ инструкція, при которой приложенъ и переводъ съ калмыцкаго и мунгальскаго права, постановленнаго въ 1640 году. А всѣ сношенія коллегіи съ Татищевымъ по калмыцкимъ дѣламъ велись подъ непосредственнымъ руководствомъ Бакунина, какъ специалиста по этой части. Любопытенъ взглядъ самого Бакунина на то, какъ русскіе переводчики совершенствовались въ калмыцкомъ и монгольскомъ языкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переводы ихъ. Въ 1737 году вотъ какъ онъ говорилъ о своемъ же переводѣ на калмыцкій языкъ нѣкоторыхъ молитвъ, исполненномъ за 13 лѣтъ предъ тѣмъ: „Нынѣ тотъ мой переводъ за правильный не поставляю, понеже я тогда мунгальскому языку не обучался еще, къ тому жъ по тогдашнему времени изъ калмыцкихъ духовныхъ къ тому переводу употребить было подозрительно“. По поводу же переводовъ, сдѣланныхъ духовенствомъ Ставрополя, въ томъ числѣ и Чубовскимъ, Бакунинъ замѣчаетъ: „Калмыцкій языкъ не регулярной и предъ російскимъ весьма краткой: они жъ обучались тому калмыцкому простому языку, чтò съ книжнымъ, въ которомъ за краткостью онаго вмѣшанъ и мунгальскій языкъ, сходства не имѣетъ“. Итакъ, іеромонахъ, впоследствии архимандритъ Никодимъ Ленкесвичъ и протопопъ Чубовскій, знакомый Палласа, не говоря уже о ихъ помощникахъ, знали только простой калмыцкій языкъ, Бакунинъ же—и монгольскій. Бакунинимъ посланъ былъ изъ

официальнаго учрежденія, то-есть, коллегіи иностранныхъ дѣлъ, переводъ монголо-калмыцкаго устава лицу официальному, какимъ былъ Татищевъ, тогда главный начальникъ калмыцкой комиссіи и вслѣдъ затѣмъ Астраханскій губернаторъ: такое дѣло нельзя назвать дѣломъ частныхъ лицъ или свѣдѣніями недостоверными. О судебной же практикѣ того времени въ смѣшанныхъ искахъ между Русскими и Калмыками можно найти нѣсколько указаній въ книгѣ: „В. Н. Татищевъ и его время“ (стр. 327—328, 339—342, 344—346). Тамъ же есть указаніе, не лишнее при рѣшеніи вопроса — существовали ли въ то время полные списки Цааджинъ-Вичика у самыхъ Калмыковъ; именно на стр. 342 приведено письмо Дондукъ-Даши къ Татищеву, гдѣ между прочимъ сказано: „Полное наше уложеніе во время междуусобія нашего утрачено; однакожь, оставшееся отъ него буду отыскивать и какъ отыщу, то до васъ пришлю; а половина того уложенія имѣлась у ассесора Василя Бакунина, котораго полиѣе и у насъ сыскать не уповаю“. Вотъ важное показаніе главнаго владѣльца Калмыковъ о томъ, кто тогда болѣе другихъ въ цѣлой Россіи зналъ о калмыцкомъ уставѣ. Оно же отчасти поясняетъ, почему въ русскихъ переводахъ этого устава замѣчается неполнота. Прибавимъ еще три любопытныя свѣдѣнія. Сынъ Дондукъ-Даши, Асарай, воспитывался въ Астрахани подъ наблюденіемъ Татищева: „его учили ламайскому закону и калмыцкимъ обычаямъ“. Въ Астрахани, при разборѣ спорныхъ дѣлъ между Русскими и инородцами, засѣдали въ судной палатѣ бодонченъ отъ того племени, къ которому принадлежалъ судившійся инородецъ, и всѣмъ этимъ дѣламъ велись особня книги за цѣлый годъ, изъ коихъ экстракты посылались иногда калмыцкому намѣстнику. Наконецъ, на упреки Дондукъ-Даши за медленное составленіе новаго уложенія, Татищевъ отвѣчалъ: „О правахъ вамъ объявляю,—хотя и ихъ сочиняю, но тщетно законы писать, ежели ихъ не храпить“. Дальнѣйшія попытки, до бѣгства Калмыковъ въ Азію въ 1771 году, согласить ихъ законы съ Русскими не были доведены до конца не потому, что будто бы русское правительство стало обращать надлежащее вниманіе на положеніе Калмыковъ въ государствѣ только послѣ бѣгства большей части ихъ за русскіе предѣлы, а просто потому, что въ то время для болѣе твердаго управленія низовымъ краемъ, между Волгой и Ураломъ, требовалось несравненно болѣе людей, средствъ и усилій, чѣмъ впослѣдствіи: это доказала и Пугачевщина, наступившая послѣ бѣгства Калмыковъ.

Однимъ словомъ, мы думаемъ, что безъ указаннаго выше сочине-

нія Бакунина и безъ просмотра всѣхъ калмыцкихъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, нельзя пускаться въ разсужденія о судьбѣ калмыцкаго устава на русской почвѣ до XIX вѣка ¹⁾. Въ этомъ отношеніи г. Леонтовичъ правъ до извѣстной степени, сказавъ (37—38): „Наши этнографы и юристы, сильно увлекающіеся теперь личными наблюденіями надъ народною жизнію, оказали бы истинную услугу наукѣ и самому народу, еслибы хоть между прочимъ заглядывали въ самые архивы и оттуда извлекали даннныя, прямо относящіяся къ народному быту. Архивныя работы, правда, не обставлены тою живою обстановкой, какою окруженъ наблюдатель на полѣ изученія живой дѣйствительности; но за то плоды работъ перваго рода гораздо прочнѣе и цѣннѣе въ научномъ отношеніи, чѣмъ перѣдко легковѣсные результаты субъективныхъ экспериментовъ“. Мы менѣе требовательны и желаемъ лишь, чтобы юристы, изучая какой-либо памятникъ народнаго права, не пренебрегали тѣми архивными свѣдѣніями, которыя уже обнародованы историками, касавшимися этого права въ связи съ главнымъ предметомъ своихъ занятій.

Переходимъ къ тексту ойратскаго устава, изданному г. Леонтовичемъ.

Въ основу его легъ списокъ, принадлежащій библиотекѣ Новороссійскаго университета и относящійся ко времени сравнительно позднему (30-хъ или 40-хъ годовъ текущаго столѣтія), а къ нему подведены варианты изъ списка, изданнаго въ 1828 году въ Сѣверномъ Архивѣ, и то лишь до 90-й статьи. Въ Одессѣ не оказалось Сѣвернаго Архива, и авторъ могъ получить изъ Москвы только одну книжку его, а не объ, въ которыхъ напечатанъ былъ уставъ. Далѣе, авторъ сѣтуетъ, что у него не было и Сына Отечества за тотъ же годъ, гдѣ также, по его словамъ, помѣщенъ былъ этотъ уставъ. Но дѣло въ томъ, что Сѣверный Архивъ и Сынъ Отечества въ 1828 году не были разными, отдѣльными другъ отъ друга журналами: они тогда выходили соединенно подъ общею редакціей, и издаваемые въ нихъ „законы мунгалскіе и калмыцкіе“ суть одно и то же изданіе и представляютъ собою только одинъ текстъ, а не два. Равнымъ образомъ,

¹⁾ Затѣмъ все, что говоритъ авторъ о кодификаціонныхъ опытахъ по калмыцкому праву въ Россіи въ текущемъ столѣтіи, прямого отношенія собственно къ изданному имъ уставу не имѣетъ, да и библиографическій обзоръ лишь отчасти касается его.

у автора не было подъ руками и изданія 1776 г., напечатаннаго въ III-й части Опыта Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія. Тѣмъ не менѣе, авторъ прямо утверждаетъ, что „изданіе 1828 года не было простою перепечаткой устава 1776 года, потому что иначе въ первомъ не было бы раздѣленія на статьи, какъ разъ совпадающаго съ такимъ же точно дѣленіемъ по извѣстнымъ теперь рукописнымъ спискамъ устава“ (стр. 5). Сличивъ текстъ помѣщенныхъ въ Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія законовъ съ текстомъ г. Леонтовича и Сѣвернаго Архива, мы пришли къ такимъ выводамъ;

Текстъ, изданный въ 1776 году, почти дословно совпадаетъ съ текстомъ Сѣвернаго Архива. Различіе между ними сводится къ самымъ незначительнымъ поправкамъ въ языкъ, подобнымъ тѣмъ, какіи допустилъ и г. Леонтовичъ при изданіи списка Новороссійскаго университета (см. его примѣчаніе на стр. 9). Раздѣленіе на статьи существовало и въ изданіи 1776 г., но только предъ статьями не поставлено цифръ. Раздѣленіе это, видимо, совпадало съ раздѣленіемъ, найденнымъ въ другихъ спискахъ, но были и отступленія, зависѣвшія, быть можетъ, отъ редакціи или отъ переписчика; такъ, напри- мѣръ: въ статьѣ 12 а) у г. Леонтовича перечисленіе лицъ, подлежащихъ штрафу, напечатано въ раздробь, въ Трудахъ же въ одну строку, а въ иныхъ, впрочемъ, не очень многихъ, случаяхъ редакція 1776 г. раздробляла то, чтó въ изданіи г. Леонтовича соединено между собою. Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что редакція Сѣвернаго Архива перепечатывала у себя текстъ прѣмъ съ помѣщеннаго въ Трудахъ. Но ясенъ болѣе важный выводъ, что всѣ до сихъ поръ извѣстные списки ведутъ свое происхожденіе отъ одного и того же русскаго перевода монголо-калмыцкаго устава, на существованіе котораго въ первой половинѣ прошлаго столѣтія мы уже указали выше, между тѣмъ какъ г. Леонтовичъ допускаетъ существованіе нѣсколькихъ переводовъ (стр. 3).

Укажемъ засимъ важнѣйшія отступленія въ изданіи г. Леонтовича отъ текста, напечатаннаго въ 1776 году. Уже въ самомъ вступленіи къ уставу, болѣе обширномъ въ русскомъ переводѣ, чѣмъ въ нѣмецкомъ—Палласа, который тутъ, вмѣсто дословнаго перевода, далъ собственную обработку, замѣчается слѣдующая неточность, допущенная г. Леонтовичемъ, который въ этомъ случаѣ не имѣлъ руководителя въ Палласѣ. Каждая строфа этого введенія должна оканчиваться какимъ-либо прошеніемъ или молитвеннымъ обращеніемъ, какъ-то:

поклоняемся, — къ ногамъ припадаемъ, — ногамъ съ вѣрою покланяемся, — просимъ. Сперва поклоняются Шакъямунъ, потомъ Зонкабау, далѣе двумъ патриархамъ буддійской вѣры—Банцену и Далай-Ламъ (у Палласа сокращено: „zu den Füßen der zwey Patriarchen des Tibetischen Reichs bringet Danksagung“). Въ Трудахъ напечатано правильно. Послѣ словъ: „вышняго господа Зонкабая къ ногамъ припадаемъ“, слѣдуетъ: „Для спасенія всякаго одушевленнаго Абида-Бурхана чинъ и одѣяніе воспріявшій, святой Банценъ, и въ чистомъ свѣжпомѣ мѣстѣ резидующій и всѣмъ помоществующій, Далай-Лама, — сихъ двухъ господей ногамъ съ вѣрою поклоняемся“. У г. Леонтовича слова: „Для спасенія всякаго одушевленнаго“ отдѣлены точкой отъ послѣдующихъ и присоединены къ изрѣченію, касающемуся Зонкабая. Это, во первыхъ, измѣняетъ смыслъ, то-есть, воспріятіе Банценомъ чина и одѣянія Абидова ради спасенія всякаго одушевленнаго, а во вторыхъ, нарушаетъ общій размѣръ молитвословія, каждая строфа коего должна оканчиваться выраженіемъ молитвеннаго дѣйствія.

При перечисленіи владѣтельныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи устава 1640 года, напрасно г. Леонтовичъ раздѣлилъ запятою слова „Эрдени-Батуръ“ и „Хонгъ-Тайджи“, ибо послѣднее есть только санъ, и не послѣдовалъ въ этомъ случаѣ указаніямъ Палласа и Сѣвернаго Архива. Да и самъ г. Леонтовичъ, помѣщая послѣ устава „указъ и повелѣніе Галданъ Хонгъ Тайджи“, напечаталъ въ ст. 161 имя Батура правильно¹⁾. Прибавимъ кстаті, что въ Трудахъ (стр. 277) по поводу этой статьи, начало которой читается такъ: „долги, зашедшіе до 1654 года, въ которомъ Батуръ Хонгъ Тайджи не стало“, имѣется примѣчаніе: „вышереченнаго Галдана Хонгъ Тайджи отецъ, который былъ въ собраніи при постановленіи права“. А къ самому имени Эрдени Батура, упоминаемому въ введеніи къ уставу, въ Трудахъ (стр. 217) сдѣлано такое примѣчаніе: „нынѣшняго владѣтеля Зонгорскихъ Калмыкъ Галданъ-Череня прадѣдъ“, что и можетъ служить указаніемъ если не на время самаго перевода устава, то на время составленія примѣчанія къ нему. Любопытно, что редакція Сѣвернаго Архива, повторяя это примѣчаніе, вмѣсто „нынѣшняго“ употребила слово „послѣдняго“. Всѣ дальнѣйшія примѣчанія къ тексту устава, находящіяся въ Трудахъ, повторены и въ Сѣверномъ Архивѣ: можно думать, что они принадлежали самому переводчику. Равнымъ образомъ, тѣ лишнія слова или отмѣны, а также и пропуски

¹⁾ Срв. также указатель его къ уставу, стр. 152—153.

противъ текста, изданнаго г. Леонтовичемъ, какія встрѣчаются въ Трудахъ, повторены большею частію дословно и въ Сѣверномъ Архивѣ.

Что касается статей, не сличенныхъ г. Леонтовичемъ съ Сѣвернымъ Архивомъ, то прежде всего разница между ихъ текстомъ въ прежнихъ двухъ изданіяхъ и въ нынѣшнемъ заключается въ довольно частыхъ, но не имѣющихъ никакого значенія перестановкахъ словъ, иномъ правописаніи и даже произношеніи, отразившемся на письмѣ. Гораздо важнѣе слѣдующія отличія, замѣченныя нами:

Въ статьѣ 106-й вмѣсто: „И заплатѣ за каждое братъ“ (у Леонт.) въ прежнихъ изданіяхъ сказано: „И за палазъ ¹⁾ за каждое братъ“; слова „за барса“—„за порешню“—„и барса“ въ прежнихъ изданіяхъ остались не разобранными ихъ издателями. Такія отличія въ этой статьѣ даютъ поводъ думать, что всѣ эти отгѣны принадлежали еще переписчикамъ русскаго перевода.

Напротивъ, въ статьѣ 107-й едва ли не вѣрнѣе чтеніе, принятое въ прежнихъ изданіяхъ: „а кто пойдетъ кѣмъ другимъ ранепаго звѣря, и оный долженъ о томъ объявить прочимъ и такъ его съѣсть“, чѣмъ чтеніе въ спискѣ Новороссійскаго университета: „и такого съѣсть“.

То же самое слѣдуетъ замѣтить о статьѣ 111-й, гдѣ по прежнимъ изданіямъ читается: „будучи за своими нуждами въ другихъ улусахъ, или на войнѣ, или на ловлѣ звѣрей и возвратно ѣдучи“, а въ изданіи г. Леонтовича: „будучи“.

Въ статьѣ 123-й, вмѣсто слова „компанія“, встрѣчающагося въ ней четыре раза, въ прежнихъ изданіяхъ употреблено „артель“.

Въ статьѣ 135-й, по изданію г. Леонтовича, слѣдуетъ читать въ перечисленіи украденныхъ вещей: ножикъ... наголице лучное... тахтуй... тѣслу... хорошіе пахвы... оправныя ножны... иглу шило, а по прежнимъ изданіямъ: ножъ... влагалище лучное... тохтуй... теслу... хорошія пахвы... оправныя ножницы... и глушило.

Въ статьѣ 142-й у г. Леонтовича: идолопоклонники, а въ прежнихъ изданіяхъ: идолослужители.

Въ указѣ Гаданъ Хонгъ Тайджи слово отокъ объяснено прежними издателями: „часть улуса“; а въ статьѣ 155-й вмѣсто отрубить персты читалось обрубить персты.

¹⁾ Такъ и теперь у Турменъ называется ткань изъ верблюжьяго сукна.

Гораздо правильнѣе первое начальное чтеніе статьи 157-й: „ежели котораго отока люди, отлучась отъ улуса своего, замѣшаются съ людьми другаго улуса...“, чѣмъ новое: „ежели котораго отока людей отъ улуса своего“ и т. д.

Статья 158-й, по прежнимъ изданіямъ, яснѣе сохраняла слѣды времени и условій, при какихъ объявлялся указъ Галданъ Хонгъ Тайджи. Тамъ она читалась такъ: „кому изъ сего моего повелѣнія покажется что за непристойное, опому позволяется о томъ объявленіе учинить и свое мнѣніе представить; а буде сіе примется за благо, и оное должны теперь утвердить, а ежели на сіе кто теперь какого представленія не учинить, а послѣ будетъ прекословить въ томъ, что многіе примутъ за благо, и за то онои, яко ненавидящій покоя, претерпите мой гнѣвъ“. Въ изданіи г. Леонтовича слова, напечатанныя здѣсь съ разрядкой, пропущены, а вмѣсто „мнои гнѣвъ“ сказано „многій гнѣвъ“. Ясно, что эта статья была заключительною въ первоначальномъ повелѣніи Галдана, и слѣдующія за нею слова: „впрочемъ же, въ грядущія лѣта всѣмъ доброе здравіе да будетъ“ не составляли особой статьи, а только обычную на востокѣ въ подобныхъ случаяхъ формулу. Между тѣмъ, послѣ этихъ словъ въ русскомъ переводѣ имѣются еще семь статей, и потому первые издатели поступили совершенно справедливо, присоединивъ къ ст. 160-й слѣдующее примѣчаніе: „сіе опредѣленіе видится того жъ Галданъ Хонгъ Тайджи, или по означенному его указу другимъ ему представленное и имъ апробованное“. Иначе говоря, послѣднія семь статей явились позднѣе, какъ слѣдствія того условія, которое включено было въ ст. 158-й, и потомъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ Галдана вошли въ общій сводъ монголо-калмыцкихъ законовъ.

Въ ст. 162-й, вмѣсто словъ, по изданію г. Леонтовича: „а ежели судьи изъ штрафа ко двору надлежащаго не возьмутъ и не представятъ, за то съ нихъ взять вдвое“; въ прежнихъ изданіяхъ читалось: „а ежели судьи изъ штрафа ко двору надлежащаго одного верблюда не возьмутъ и за то съ нихъ взять вдвое“.

Въ ст. 164-й между словъ: „тому, кто поймаетъ изъ случившихся при перебѣжчикѣ лошадей взять отъ десяти одну среднюю лошадь“... „а отъ четырехъ и отъ трехъ трехлѣтнюю кобылу“, въ прежнихъ изданіяхъ читалось еще: „а отъ пяти плохую лошадь“.

Наконецъ, въ ст. 165-й прежнія изданія держались болѣе правильнаго чтенія: „а кто, кромѣ опредѣленнаго своего къ кочеванію мѣста, будетъ кочевать на чужомъ мѣстѣ и за то, ежели будетъ цѣ-

лѣй айманъ (40 кибитокъ), съ командующаго имъ взять 9 скотипъ". Въ изданіи г. Леонтовича: „своею“ пропущено, а вмѣсто „съ командующаго имъ“ сказано: „съ командующимъ“.

Вотъ все, что мы, съ своей стороны, могли замѣтить по поводу русскаго текста, изданнаго г. Леонтовичемъ. По поводу нѣмецкаго перевода, заимствованнаго имъ у Палласа, можно сказать, не опасаясь впасть въ большую ошибку, что это не вездѣ дословный переводъ, а мѣстами самостоятельное изложеніе и даже обработка текста. Вотъ отчего изложеніе Палласа гораздо короче русскаго перевода, хотя Палласъ, можетъ быть, также имѣлъ его подъ руками. По той же причинѣ въ трудѣ Палласа и не встрѣчается такихъ недоразумѣній, какія вызываются нѣкоторыми мѣстами русскаго перевода: соотвѣтственныя имъ статьи у Палласа большею частію изложены гораздо сжатѣе, а иногда малопонятное и вовсе обойдено. Не удивительно, что 166 статьямъ русскаго перевода у Палласа отвѣчаютъ собственно 141. Но затѣмъ въ его уставѣ имѣется еще нѣсколько, именно 25 статей позднѣйшаго происхожденія, такъ что и у него въ общемъ считается 166 статей. Но по упоминанію въ нихъ о Русскихъ (ст. 154-я, 162-я), о Крымцахъ, Кубанцахъ и Черкесахъ (ст. 153-я, 154-я, 161-я), а также по счету на рубли и копѣйки (ст. 145-я, 148-я), можно заключить, что эти статьи составлялись уже во время русскаго владычества надъ Калмыками. Это особенно видно изъ послѣднихъ словъ ст. 162-й: „Und welcher Kriegsanführer erhebliche Fehler begeht, soll nachmals den Russen zur Untersuchung überliefert werden“.

Все сказанное нами до сихъ поръ, равно какъ и большая часть книги самого г. Леонтовича, могутъ имѣть значеніе лишь по отношенію къ вопросу о судьбѣ монголо-калмыцкаго устава въ Россіи. Затѣмъ, какъ вопросъ о подлинномъ текстѣ устава и его источникахъ, такъ и о связи древнѣйшихъ монгольскихъ постановленій, относящихся еще ко времени Чингисхана, съ уставомъ 1640 года, хотя и затроутый авторомъ съ внѣшней его стороны, не можетъ быть предметомъ нашего разбора, ибо вполнѣ компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ могутъ быть только оріенталисты. Но г. Леонтовичъ, съ своей стороны, составивъ довольно подробную библиографію историческихъ, юридическихъ и этнографическихъ книгъ и статей о древнемъ бытѣ Калмыковъ, перешелъ за предѣлы своей задачи и коснулся, въ дополненіяхъ къ своей книгѣ, вопроса о собственномъ монгольскомъ правѣ и вліяніи его на юридическій бытъ древней Россіи.

По видимому, тотъ уставъ, которому посвящено сочиненіе автора, не могъ дать ни малѣйшаго повода къ подобнымъ соображеніямъ. Самъ г. Леонтовичъ, анализируя содержаніе устава, нашелъ, что, „явившись позже Русской Правды на цѣлыхъ пять или шесть вѣковъ, монгольскій уставъ тянетъ всю внутреннюю структуру своихъ правовыхъ институтовъ къ такимъ примитивнымъ формамъ патріархально-родовой жизни, которыя прожиты Славянами далеко раньше появленія Русской Правды. Последняя въ культурномъ отношеніи опережаетъ уставъ на многіе вѣка, является регуляторомъ болѣе „старой“ и сложной культуры, чѣмъ та, которую рисуетъ уставъ 1640 года“. Словомъ, и по мнѣнію г. Леонтовича, начала, изъ которыхъ проистекъ уставъ, были присущи патріархально-родовой жизни народовъ кочеваго типа: „принципы родовой іерархіи и подчиненія, теократической силы и могущества жречества; интересы родоваго хищничества и самообороны съ развивающимся на этой почвѣ хищничества военно-дружиннымъ устройствомъ племенъ; наконецъ, примитивные, хищническіе же порядки и обычаи экономического и соціального быта,—вотъ къ чему приводится все содержаніе монголо-ойратскаго устава 1640 года... Онъ рисуетъ предъ нами такой примитивный строй жизни, который другими народами исполнѣ исчерпывался и модифицировался еще въ доисторическія эпохи. Это представитель исключительно „степной“ бродячей культуры. Въ этомъ отношеніи наша древняя правда XI—XII вѣковъ и монголо-ойратскій уставъ XVII вѣка, при видѣнномъ сходствѣ нѣкоторыхъ институтовъ (местъ, дикая вира, потокъ, слѣдъ и проч.) въ цѣломъ стрѣе нормируемой имъ жизни являются представителями двухъ совершенно различныхъ культуръ“ (стр. 27—28). Вотъ многиѣ ясныя и опредѣленные отзывы автора о характерѣ ойратскаго устава и отношеніяхъ его къ древнѣйшимъ русскимъ законамъ.

Казалось бы, послѣ этого уже не было никакой возможности повести рѣчь о вліяніи монгольскаго права на общественное устройство въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ пришелъ къ этой возможности и притомъ, двоякимъ путемъ. Съ одной стороны, палагал на монголо-ойратскій бытъ юридическую терминологию, не только выработанную древне-русскою жизнью, но и взятую изъ римскаго права, онъ приподнял значеніе монгольскихъ учрежденій и тѣмъ исказилъ ихъ бытовыя свойства. Это ошибка, въ которую зачастую впадаютъ юристы, вторгаясь съ своими догматическими приемами въ историческую область, и на-

клонность въ которой замѣчалась и въ прежнихъ сочиненіяхъ г. Леонтовича. А съ другой стороны, онъ, признавая связь между порядками Руси княжеской и московской, утверждаетъ однакожь, что прежняя жизнь оборвалась подъ подавляющимъ напоромъ внѣшней силы, то-есть, монгольства (стр. 250). Такой чисто механической, не оправдываемый исторіей взглядъ, въ соединеніи съ преувеличеннымъ толкованіемъ значенія монгольскихъ учреждений, и далъ г. Леонтовичу обманчивую возможность построить изъ древнихъ монголо-ойратскихъ уставовъ „тотъ двухвѣковой мостъ, который выросъ надъ сказанною пропастью въ теченіе монгольской эпохи, и перешагнувъ который, русское общество перешло изъ „міра“ въ „государство“, занесло въ него (то-есть, въ государство) многое, взятое на пути по этому монгольскому мосту“ (стр. 242).

Что же взяло Московское государство—ибо рѣчь идетъ собственно о немъ—изъ юридической практики Монголовъ? Прежде всего московскіе приказы. Правда, они развились окончательно въ XVII в. и многіе дѣйствовали даже въ XVIII, но нѣкоторые существовали еще въ XVI в., а начало ихъ можно отнести ко временамъ Ивана III, когда монгольское владычество прекратилось. Но г. Леонтовичъ знаетъ, что у Монголовъ еще въ XIII вѣкѣ существовали личныя порученія дѣлъ ханами высшимъ и низшимъ сановникамъ, изъ которыхъ развились „диваны“ въ числѣ шести. Достаточно было автору перевести слово „диванъ“ выраженіемъ „палата“ и то же выраженіе примѣнить къ „приказамъ“, назвать бековъ князьями, битекчиевъ дьяками, а монгольскихъ писцовъ подъячими, приравнять диванъ-Сунчъ къ „разряду“ и найдти у Рашидъ-Эддина свѣдѣніи о томъ, что „тонкости устройства и управленія тѣхъ дивановъ весьма тонки въ подробностяхъ и опредѣлены точно“, чтобъ убѣдиться, что „эти-то палаты ординскія, по всей вѣроятности, и служили главными образцами, съ которыхъ копировались наши приказы“ (стр. 252—253). Но какой же историческій народъ не имѣлъ въ свое время административныхъ учреждений, построенныхъ не на коллегіальныхъ началахъ съ высшими сановниками, секретарями и писцами!

Далѣе оказывается, что Русскіе заимствовали отъ Монголовъ укрѣпленіе классовъ служилыхъ и тяглыхъ и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Источникъ этихъ явленій г. Леонтовичъ ищетъ въ древнихъ монгольскихъ ясахъ XIII и XIV вѣковъ. Любопытно при этомъ побужденіе, заставившее автора вывести институтъ прикрѣпленія въ Московской Руси не изъ внутреннихъ причинъ, а изъ постороннихъ

вліяній: „Съ русской народной жизни“, говоритъ онъ, — „нужно снять такъ долго тяготѣвшій надъ нею упрекъ (?) въ „созданіи“ такой общественной язвы, какъ бывшее служебное и вотчинное крѣпостничество всего населенія Русской земли“ (стр. 254). Странный взглядъ на обязанности историка! Было бы гораздо умѣстнѣе, еслибъ авторъ, не предрѣшая самаго вопроса, ограничился не только указаніемъ на нѣкоторыя аналогическія явленія, но въ то же время и на отличія, существовавшія въ бытѣ Монголовъ и ихъ данниковъ. Но авторъ искалъ лишь аналогій, усиливалъ ихъ значеніе и отъ сходства въ нѣкоторыхъ частностяхъ дѣлалъ заключеніе къ заимствованію Русскими отъ Монголовъ всего устройства. А между тѣмъ даже и самъ онъ не рѣшается выразаться категорически и нерѣдко говоритъ только о возможности перенесенія исчисленныхъ имъ монгольскихъ установленій въ русскую жизнь.

Затѣмъ самое мѣстничество съ его обычаями, по мнѣнію г. Леонтовича, принадлежитъ „цѣликомъ къ числу многихъ внѣшнихъ народовъ, искусственно привитыхъ къ русской жизни еще въ эпоху ордынскаго ига и затѣмъ „нерушимо“ унаслѣдованныхъ сословно-приказною практикой Московскаго государства“ (стр. 270). Автора соблазнило существованіе не только у Монголовъ но и у Калмыковъ, извѣстной градаціи въ общественныхъ отношеніяхъ: бѣлая и черная кость, владѣльцы великіе, чиновные и меньшіе, ханы, тайджн, койоны, зайсанги и т. д., чтѣ вполне отвѣчало и дробленію самаго населенія, выражавшемуся въ такихъ общественныхъ единицахъ, каковы кибитка, хотонъ, аймакъ, отокъ, улусъ и т. п. Понятія „adscriptio genti“ и „adscriptio glebae“, перенесенныя на монгольскія учрежденія, послужили автору сперва для сближенія монгольскихъ учрежденій съ русскими, а потомъ для генетическаго вывода послѣднихъ изъ первыхъ. Правда, въ политическомъ и общественномъ быту древней Россіи было одно явленіе, служащее не мало важнымъ указаніемъ на монгольское вліяніе. Мы разумѣемъ такъ-называемое тарханство. Но г. Леонтовичъ уже слишкомъ расширяетъ предѣлы его и возводитъ къ нему такія стороны русскаго общественнаго устройства, которыя достаточно объясняются и другими, укоренившимися въ свойствахъ русской жизни причинами.

Относя къ числу монгольскихъ вліяній наследственность служебныхъ обязанностей, хищнической характеръ управленія, столь свойственный системѣ кормленія, введеніе подворной системы податей, откупную систему податныхъ сборовъ, ямскую гоньбу, таможенные

сборы, страшныя казни, пытки и правежи и обѣля такимъ образомъ русское общество отъ отвѣтственности за созданіе подобныхъ бытовыхъ явленій, г. Леонтовичъ справедливо отвергаетъ прямое вліяніе монгольскаго быта на затворничество древней русской женщины. Въ заключеніе сказавъ, что „Русскіе не могли найти для себя ничего поучительнаго въ примитивныхъ формахъ имущественнаго и хозяйственнаго оборота Монголовъ“, авторъ высказываетъ однакожь твердое убѣжденіе, что „обезземеленіе населенія выѣстѣ съ его укрѣпленіемъ было первымъ и главнымъ результатомъ монгольскаго ига“ (стр. 274). Но монгольское иго, какъ причину народнаго разоренія, какъ страшное выѣшнее бѣдствіе, которое, конечно, не могло остаться безъ извѣстныхъ послѣдствій, надо отличать отъ монгольскаго вліянія, какъ культурнаго воздѣйствія.

Не говоря ужъ о томъ, что весь эпизодъ въ книгѣ г. Леонтовича „о монгольскихъ вліяніяхъ въ древнемъ русскомъ правѣ“ (стр. 248—275) имѣетъ видъ случайныхъ замѣтокъ и догадокъ, высказанныхъ въ качествѣ дополненія къ его главному труду, вызвавшему въ авторѣ эти соображенія, онъ обнаруживаетъ кромѣ того нѣсколько существенныхъ недостатковъ въ самыхъ приемахъ, коимъ слѣдовалъ въ своемъ изложеніи авторъ. Прежде всего г. Леонтовичъ не потрудился дать своимъ читателямъ сколько-нибудь подробно изложенной исторіи монгольскихъ политическихъ и общественныхъ учрежденій, ихъ постепеннаго развитія, и вовсе не представилъ ихъ полной организаціи. Та обширная библиографія, въ которой указано имъ столичное значительное количество сочиненій о монголо-ойратскомъ бытѣ и правѣ (стр. 38—62, 275—282), оставлена авторомъ безъ всякаго примѣненія къ указываемой нами задачѣ. Г. Леонтовичъ не подѣлился съ своими читателями тѣми свѣдѣніями, которыми онъ приобрѣлъ изъ 298 сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ съ XVII в. на русскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, и одно перечисленіе которыхъ занимаетъ у него болѣе мѣста, чѣмъ разсужденіе о вліяніи монгольскаго права на русское. Но кто рѣшился говорить съ такою увѣренностью о вліяніи монгольскаго быта и собственныхъ ему учрежденій и обычаевъ на древнюю русскую жизнь, тотъ обязанъ дать намъ подробную картину этого быта и этихъ учрежденій, а не ограничиваться одними только намеками на нихъ. Съ другой стороны, чтобъ уяснить ту долю историческаго значенія, которая принадлежитъ монгольскому вліянію въ развитіи древне-русскихъ политическихъ и общественныхъ учрежденій, авторъ долженъ былъ обстоя-

тельно взвѣсить тѣ внутреннія причины, которыя, по мнѣнію многихъ историковъ, участвовали въ созданіи этихъ учреждений, ограничивая, съ одной стороны, внѣшнее вліяніе монгольскаго ига, а съ другой—исключая и культурное вліяніе монгольскаго быта. Г. Леонтовичъ не сдѣлалъ этого.

Такимъ образомъ тѣ двадцать-семь страницъ, которыя онъ посвятилъ столь занимательному вопросу, наполнены только догадками, въ чемъ онъ и самъ отчасти сознается, а для читателей онъ останется загадкою, пока авторъ не возметъ на себя труда объясниться подробно, какъ подобаетъ важность предмета.

Илья Поневъ.

П О П Р А В К А.

При печатаніи статьи И. И. Малышевскаго: „Въ вопросу объ авторѣ «Слова о Полку Игоревѣ»“ въ августовской книжкѣ *Ж. М. Н. Пр.*, произошла слѣдующая ошибка: подъ примѣчаніемъ, относящимся къ заглавію этой статьи, стоитъ подпись: *Ред.*, тогда какъ примѣчаніе изложено отъ лица автора и должно быть помѣчено подписью: *Авт.*

Редакція считаетъ долгомъ оговорить этотъ прискорбный недосмотръ и извиниться предъ уважаемымъ И. И. Малышевскимъ въ допущеніи ошибки, которая, будучи оставлена безъ разъясненія, могла бы подать поводъ приписать редакціи такіа намѣренія, какихъ она вовсе не имѣла.

Ред.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Преобразование прежнихъ уѣздныхъ училищъ въ городскія занимаетъ важное мѣсто въ ряду мѣръ, принятыхъ министерствомъ народного просвѣщенія въ послѣднее дѣсятилѣтiе для возвышенія уровня народнаго образованія. Дѣйствительно, съ улучшенiемъ преподаванія въ сельскихъ школахъ, съ открытiемъ сельскихъ образцовыхъ училищъ, съ открытiемъ учительскихъ семинарiй, спеціально назначенныхъ для приготовленія учителей въ сельскія школы, уѣздныя училища по устройству и постановкѣ въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла и по педагогической подготовкѣ учителей являлись учебными заведенiями отсталыми, мало удовлетворяющими дѣйствительнымъ потребностямъ городскаго населенія, а потому и пуждались въ коренной реформѣ.

Прежде всего предстояла необходимость въ обновленiи и улучшенiи состава преподавателей. Какъ бы практично и цѣлесообразно ни былъ составленъ уставъ, какъ бы удачно и основательно ни были разработаны программы преподаванія, учебное дѣло отъ этого не выиграетъ, если выполненiе ихъ на практикѣ будетъ предоставлено лицамъ, недостаточно подготовленнымъ къ педагогической дѣятельности. Это обстоятельство, какъ извѣстно, не было упущено изъ виду. Прежде преобразованія уѣздныхъ училищъ открыты учительскiе институты, спеціально назначенные для приготовленія учителей въ новыя городскія училища, а потомъ уже, по мѣрѣ приготовленія учителей стали постепенно открываться городскія училища. Кромѣ того, при учительскихъ институтахъ устроены особые педагогическiе курсы,

чтобы лучшимъ изъ учителей уѣздныхъ училищъ дать возможность приобрести право на поступленіе въ городскія училища. Нельзя не упомянуть еще объ одной важной мѣрѣ, принятой министерствомъ, для привлеченія въ учительскіе институты наиболѣе способныхъ и надежныхъ юношей. Мѣра эта состоитъ въ томъ, что лучшіе по успѣхамъ, способностямъ и поведенію ученики городскихъ училищъ, желающіе посвятить себя учительской дѣятельности, по окончаніи курса оставляются еще на годъ и болѣе, при чемъ они, пользуясь казенными стипендіями, готовятся для поступленія въ институтъ.

Уровень познаній, требуемыхъ отъ учителя городского училища, значительно выше того, какой требуется отъ учителей уѣздныхъ училищъ. При испытаніи на званіе учителя уѣзднаго училища, какъ извѣстно, достаточны знанія по одному предмету, избираемому спеціальнымъ, въ объемѣ 6-ти классной гимназіи, а по остальнымъ предметамъ—въ объемѣ курса уѣздныхъ училищъ; при испытаніи же на званіе учителя городского училища требуется знаніе всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ языковъ, въ объемѣ курса 6-ти классной гимназіи, да кромѣ того—знакомство съ педагогикой вообще и съ методикой каждаго предмета преподаванія городскихъ училищъ въ частности. вмѣстѣ съ увеличеніемъ требованій отъ лицъ, посвятившихъ себя учительской дѣятельности въ городскихъ училищахъ, не оставлено безъ вниманія и матеріальное положеніе ихъ,—содержаніе учителямъ городскихъ училищъ назначено вдвое болѣе, чѣмъ учителямъ уѣздныхъ училищъ.

Такимъ образомъ самый существенный вопросъ по отношенію къ новымъ городскимъ училищамъ,—вопросъ о пріисканіи надежныхъ и подготовленныхъ учителей, поставленъ въ самыя благопріятныя условія для разрѣшенія его надлежащимъ образомъ.

По организаціи учебно-воспитательнаго дѣла городскія училища также представляютъ громаднй шагъ впередъ. Извѣстно, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ въ прежнее время обученіе совершенно отдѣлялось отъ воспитанія. Для преподаванія существовали учителя, которые только и заботились о сообщеніи свѣдѣній, положенныхъ по программѣ; воспитательная же часть находилась въ рукахъ особыхъ надзирателей, воспитателей и пр. Такое раздѣленіе двухъ тѣсно связанныхъ дѣятельностей противорѣчитъ основнымъ началомъ здравой педагогики, въ особенности по отношенію къ начальнымъ школамъ. Задача каждой благоустроенной школы состоитъ не въ сообщеніи только извѣстнаго количества знаній и умѣній учащимся, но глав-

нымъ образомъ въ надлежащемъ развитіи ихъ душевныхъ и физическихъ силъ; самое обученіе есть скорѣе средство для умственно-нравственнаго развитія учащихся. Подобный взглядъ на обученіе далеко не новъ; онъ былъ высказанъ еще Аммосомъ Коменскимъ; въ одномъ мѣстѣ своей „Великой Дидактики“ онъ говоритъ: „должно вообще стремиться къ тому, чтобы въ школахъ изученіе наукъ и искусствъ развивало способности, совершенствовало даръ слова, облагораживало нравы и утверждало истинное благочестіе“.

Однимъ изъ средствъ, необходимыхъ для выполненія образовательныхъ цѣлей школы, признается въ настоящее время такъ называемая классная система обученія. Сущность этой системы состоитъ въ томъ, что преподаваніе всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ закона Божія, въ каждомъ классѣ поручается одному преподавателю, и такимъ образомъ являются классные, а не предметные учителя. Дѣйствительно, только при существованіи одного учителя въ классѣ, только при соединеніи въ рукахъ одного лица, какъ учебной, такъ и воспитательной части, возможно на практикѣ примѣненіе принциповъ воспитывающаго обученія. При предметной системѣ, когда учебные предметы въ каждомъ классѣ преподаются разными преподавателями — специалистами, воспитательныя цѣли всегда стоятъ на второмъ планѣ: каждый преподаватель заботится исключительно о выполненіи учебныхъ программъ и о лучшемъ усвоеніи учащимися преподаваемого имъ предмета. Въ воспитательныхъ мѣрахъ необходимы строгое единство и послѣдовательность, а этого-то и трудно достигнуть при совмѣстномъ дѣйствіи нѣсколькихъ лицъ. Не даромъ сложилась мѣткая русская пословица: „у семи нянекъ дити бываетъ безъ глазу“. Вотъ почему для сообщенія обученію воспитательнаго характера, для достиженія единства и послѣдовательности въ учебно-воспитательныхъ мѣрахъ, классная система обученія признается безусловно необходимою въ элементарныхъ школахъ. На этомъ основаніи она и примѣнена сначала въ сельскихъ школахъ, а затѣмъ въ новыхъ городскихъ училищахъ.

Не менѣе важное значеніе при обученіи имѣетъ тотъ или другой выборъ учебныхъ предметовъ, а также распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ. Не все равно сообщать тѣ или другія свѣдѣнія и умѣнья. Существуетъ многое множество пригодныхъ въ практической жизни знаній, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы сообщеніе этихъ знаній было возложено на школу, и притомъ на общеобразовательную, а не специальную. Странно поэтому, какъ нѣкоторыя книги,

назначенныя для чтенія въ школахъ, наполняются всевозможнаго рода практическими свѣдѣніями и совѣтами, начиная со способовъ моренія таракановъ и оканчивая формами договоровъ и приходо-расходныхъ книгъ ¹⁾. Для школы, имѣющей назначеніе давать общее элементарное образованіе, необходимое для каждаго члена общества, должны быть избраны такія свѣдѣнія и умѣнья, которыя прежде всего служили бы для всесторонняго развитія дѣтей, содѣйствовали бы ихъ физическому, умственному и религіозно-нравственному развитію. И въ этомъ отношеніи едва-ли можно сдѣлать какой либо упрекъ городскимъ училищамъ. Въ нихъ преподаются: законъ Божій, церковно-славянскій языкъ, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, географія и исторія, естественная исторія, физика, рисованіе, черченіе, чистописание, пѣніе, гимнастика и ремесла. Не входя въ подробное разъясненіе значенія каждаго изъ этихъ учебныхъ предметовъ, замѣтимъ только, что прежнія школы занимались исключительно развитіемъ душевныхъ способностей и не обращали никакого вниманія на развитіе физическихъ силъ дѣтей; чтобы избѣжать этого недостатка, въ городскія училища введены гимнастика и ремесла.

Помимо выбора учебнаго матеріала для школы, разумная педагогика требуетъ, чтобы матеріаль этотъ былъ правильно распредѣленъ по классамъ. Въ основу такого распредѣленія должны быть приняты не какія либо внѣшнія условія, удобства учителей, научные принципы, но постепенное и естественное развитіе учащихся, — другими словами, личность учащихся; всѣ свѣдѣнія и умѣнья, преподаваемые въ каждомъ классѣ, должны быть строго согласованы съ познаніями и развитіемъ учащихся. Этимъ условіямъ вполне удовлетворяетъ такъ называемое концентрическое распредѣленіе учебнаго матеріала, состоящее въ томъ, что свѣдѣнія по каждому предмету, начиная съ основныхъ и существенныхъ элементовъ, постепенно расширяются на подобіе концентрическихъ окружностей, причемъ каждый послѣдующій кругъ знаній есть расширеніе и болѣе подробное развитіе предыдущаго круга. Разсматривая программы преподаванія въ городскихъ училищахъ, изданныя министерствомъ, не трудно убѣдиться, что и этотъ основной принципъ воспитывающаго обученія выполненъ по отношенію къ каждому учебному предмету. Что же касается до методовъ и приѣмовъ обученія, то нѣтъ надобности говорить, что избраны и рекомендованы изъ нихъ тѣ, которые, по крайней мѣрѣ въ настоящее

¹⁾ «Нашъ другъ» барона Корса.

время, считаются лучшими и наиболее соответствующими образовательнымъ цѣлямъ школы.

Нельзя не обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое опять-таки говоритъ въ пользу городскихъ училищъ. Въ нихъ, какъ извѣстно, принимаются дѣти неграмотныя, только что начинающія учение и въ первый разъ знакомящіяся со школой. Какъ гораздо легче и удобнѣе строить новое зданіе, сообразно его назначенію, чѣмъ приспособлять и передѣлывать старое, такъ несравненно выгоднѣе въ учебно-воспитательномъ отношеніи имѣть дѣло съ дѣтьми, начинающими учиться. Первые шаги обученія гораздо важнѣе, чѣмъ о нихъ обыкновенно думаютъ. Кому не извѣстно, что во многихъ случаяхъ неуспѣшность того или другаго ученика по тому или другому предмету обученія объясняется ничѣмъ инымъ, какъ ошибками и недостатками, допущенными въ самомъ началѣ ученія? Кто не знаетъ, съ какимъ трудомъ исправляются въ ученикахъ дурныя навыки и привычки, усвоенныя ими ранѣе? Не даромъ говорятъ: никогда не слѣдуетъ учить учениковъ тому, отъ чего потомъ придется ихъ отучать. То обстоятельство, что для многихъ учащихъ въ городскихъ училищахъ, какъ начинается, такъ и оканчивается въ нихъ ученіе, даетъ возможность сообщить курсу извѣстную полноту и законченность, разработать его въ строгой системѣ и постепенности,—словомъ, съ большимъ успѣхомъ выполнить тѣ учебно-воспитательныя цѣли, какія этими учебными заведеніями преслѣдуются.

Этотъ краткій перечень особенностей въ устройствѣ учебно-воспитательнаго дѣла городскихъ училищъ ясно показываетъ, что при преобразованіи прежнихъ уѣздныхъ училищъ имѣлось въ виду избѣжать тѣхъ недостатковъ, которые были присущи послѣднимъ, что въ городскихъ училищахъ напли примѣненіе послѣдніе выводы повѣйшей педагогики, необходимыя для того, чтобы обученіе имѣло воспитательный характеръ. Если принять еще во вниманіе, что открыты учительскіе институты, имѣющіе цѣлью доставить городскимъ учителямъ практически-подготовленныхъ и стоящихъ на высотѣ своего призванія учителей, то нельзя не согласиться, что для новыхъ городскихъ училищъ сдѣлано все, что можетъ содѣйствовать ихъ успѣхамъ и процвѣтанію. Но именно потому, что дѣло еще ново, нельзя не относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ различнымъ замѣчаніямъ, которыя вызываютъ тѣ или другія подробности его устройства. Вотъ почему мы рассмотримъ здѣсь двѣ особенно выдающіяся статьи: 1) „О классной системѣ преподаванія въ городскихъ училищахъ“,

г. И. Д. ¹⁾ и 2) „О дѣленіи классовъ въ начальныхъ школахъ на группы“, г. Вахтерова ²⁾. Вторая изъ этихъ статей заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ авторъ ея, г. Вахтеровъ, являясь вообще противникомъ дѣленія учениковъ въ одномъ и томъ же классѣ на группы, предлагаетъ оригинальную систему занятій съ двумя группами, пригодную, по его мнѣнію, не только для городскихъ, но и для сельскихъ двухклассныхъ училищъ.

I.

„Второй годъ учительской практики въ городскомъ училищѣ уже даетъ мнѣ право судить о новыхъ училищныхъ порядкахъ не на основаніи однихъ умозрѣній, но исходя изъ тѣхъ фактовъ, которые мнѣ самому приходилось наблюдать. Правда, такая практика еще слишкомъ кратковременна, еще не могла представить всѣхъ результатовъ, какихъ можно ожидать отъ новой системы, которая вполне можетъ выясниться лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, но все-таки и за это краткое время можно уже представить нѣкоторыя данныя и на основаніи ихъ сдѣлать кое-какія заключенія о настоящемъ и предположенія относительно будущаго“. Такъ начинается свою статью г. И. Д. Казалось бы, что послѣ подобнаго вступленія авторъ будетъ съ особенною осмотрительностью дѣлать свои заключенія и обобщенія, или, по крайней мѣрѣ, представить основательные факты и доказательства въ пользу того или другаго мнѣнія. Но этого-то мы и не видимъ. Допуская, что для обстоятельнаго сужденія о достоинствахъ или недостаткахъ новыхъ училищъ нужны наблюденія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, г. И. Д., практикующій второй годъ, счелъ возможнымъ найдти такіе крупные недостатки, что даже выражаетъ удивленіе по поводу преобразованій уѣздныхъ училищъ въ городскія, которыя, по его мнѣнію, должны быть хуже уѣздныхъ, или по крайней мѣрѣ нисколько не лучше ихъ.

Посмотримъ, что же заставило автора придти къ такому странному, чтобы не сказать болѣе, заключенію.

Приступая къ оцѣнкѣ классной системы преподаванія, г. И. Д. говоритъ: „Самое главное отличіе городскихъ училищъ отъ прежнихъ уѣздныхъ есть классная система преподаванія. Цѣль этой системы—

¹⁾ «Педагогическая хроника», издаваемая при журналѣ «Семья и Школа»,— 1878 г. №№ 34, 35 п 36.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1878 г., № 11.

внести большее единство въ обученіе, такъ какъ здѣсь всѣ предметы сосредоточены въ рукахъ одного учителя“. Попятіе о классной системѣ, какъ видно, авторъ имѣетъ одностороннее: онъ совершенно упускаетъ изъ виду значеніе этой системы въ воспитательномъ отношеніи. Непониманіе классной системы г. И. Д. еще болѣе обпаруживаетъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ. „Но тутъ сейчасъ же, говоритъ онъ, рождается вопросъ, который, какъ кажется, былъ упущенъ изъ виду „Положеніемъ о городскихъ училищахъ“: какимъ образомъ учитель можетъ провести своихъ учениковъ чрезъ весь училищный курсъ, чтобы достигъ указанной цѣли (единство обученія)?“ Не знаемъ, откуда могъ почерпнуть авторъ подобное толкованіе классной системы? Вѣдь изъ того, что преподаваніе всѣхъ предметовъ поручается въ каждомъ классѣ одному учителю, еще далеко не слѣдуетъ, чтобы въ продолженіе 6-ти лѣтъ ученики все время учились у одного и того же учителя, чтобы учитель вмѣстѣ съ учениками переходилъ изъ класса въ классъ. Мы можемъ сказать только, что взглядъ г. И. Д. на классную систему совершенно новый, никому неизвѣстный, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ упущенъ изъ виду „Положеніемъ о городскихъ училищахъ“. Задавъ такой оригинальный вопросъ, авторъ начинаетъ рѣшать его всевозможными способами и наконецъ останавливается на слѣдующемъ рѣшеніи, относящемся къ 3-хъ классному городскому училищу: учитель занимается сначала съ учениками, обучающимися 1-й и 2-й годъ, потомъ беретъ учениковъ, учащихся 2-й и 3-й годъ, далѣе, 3-й 4-й годъ, 4-й и 5-й годъ, 5-й и 6-й годъ, 6-й и 1-й годъ и т. д. Найдя столь замѣчательное рѣшеніе своего не менѣе замѣчательнаго вопроса, г. И. Д. съ большимъ ожесточеніемъ разбиваетъ это рѣшеніе и наконецъ восклицаетъ: „да неужели же дѣйствительно такъ необходимо, чтобы одинъ учитель провелъ своихъ учениковъ черезъ все училище? Полезно ли на самомъ дѣлѣ, чтобы ученики во все время обученія находились подъ вліяніемъ одного лица и не испытывали различныхъ вліяній разныхъ учителей?“ Можно было бы думать, что послѣ этого г. И. Д. придетъ къ правильному заключенію и убѣдится, что учиться у одного преподавателя въ продолженіе шести лѣтъ нѣтъ надобности и что гораздо удобнѣе и цѣлесообразнѣе, если ученики, переходя въ слѣдующій классъ, встрѣчаютъ другаго учителя. Но не тутъ-то было. Г. И. Д. дѣлаетъ вдругъ поворотъ къ предметной системѣ. „Совсѣмъ иное дѣло при предметной системѣ, то-есть, когда ученики постоянно подвергаются вліянію нѣсколькихъ учителей“, говоритъ онъ и дока-

зываетъ преимущества предметной системы передъ классною. Это, что называется, съ больной головы да на здоровую; приписывается классной системѣ не принадлежащее ей качество и на основаніи его вводится несостоятельность этой системы. Нужны ли возраженія противъ подобнаго извращенія фактовъ? Не въ правѣ ли мы сказать, что г. И. Д. имѣеть о классной системѣ совершенно превратное представленіе и, слѣдовательно, судить о такомъ предметѣ, котораго не понимаетъ, или понимаетъ по своему?

Доказавъ такимъ образомъ несостоятельность классной и преимущество предметной системы преподаванія, г. И. Д. переходитъ къ вопросу о дѣленіи учениковъ на группы или отдѣленія, причемъ для примѣра беретъ трехклассное городское училище. Такъ какъ курсъ ученія въ городскихъ училищахъ шестилѣтній, то ученики въ каждомъ классѣ трехкласснаго городского училища дѣлятся на двѣ группы или отдѣленія: младшее, къ которому принадлежатъ ученики, обучающіеся 1-й годъ въ этомъ классѣ, и старшее, къ которому относятся ученики, учащіеся 2-й годъ. Понятно, что познанія и развитіе учениковъ обоихъ отдѣленій различны, и учителю поэтому приходится заниматься съ каждою группою отдѣльно. Веденіе занятій съ двумя или тремя группами есть дѣло новое для городскихъ училищъ; въ сельскихъ оно практикуется давно. Нѣтъ сомнѣнія, что занятія съ двумя группами труднѣе чѣмъ съ одною, тѣмъ болѣе, что вопросъ о подобныхъ занятіяхъ у насъ весьма мало разработанъ. Но вѣдь на то и существуютъ учительскіе институты, чтобы доставлять практически подготовленныхъ учителей. При обученіи нужно заботиться главнымъ образомъ не объ облегченіи учителя, а объ успѣшномъ ходѣ занятій. А что лучше для достиженія воспитательныхъ цѣлей въ элементарныхъ школахъ: назначить ли въ каждомъ отдѣленіи по учителю, или соединить два отдѣленія у одного учителя,—это еще вопросъ спорный. Имѣя въ виду рассмотреть его обстоятельно далѣе, обращаемся къ разсужденіямъ по этому поводу г. И. Д.

Количество уроковъ въ каждомъ классѣ по „положенію“ назначено общее безъ раздѣленія ихъ по группамъ. Конечно, лучше было бы показать число уроковъ по каждому предмету отдѣльно для каждой группы, но нельзя же все предвидѣть заранѣе и все рѣшить; многое, особенно во всякомъ новомъ дѣлѣ, по неволѣ оставляется для рѣшенія и выработки на опытѣ. Однако г. И. Д. этого не понимаетъ, или не хочетъ понять. Распредѣливъ общее число уроковъ въ каждомъ классѣ по отдѣленіямъ и указавъ на программы преподаванія, онъ

приходить къ заключенію, что во 2-мъ и 3-мъ классахъ трехкласснаго городского училища недостаточно уроковъ, назначенныхъ на русскій языкъ, отечественную исторію, географію и естествовѣдѣніе. Пожалуй, это вѣрно, — число уроковъ недостаточно; но что-жь изъ этого? Если число уроковъ, назначенныхъ по „положенію“, не соотвѣтствуетъ программамъ, то одно изъ двухъ: или слѣдуетъ увеличить количество уроковъ въ каждомъ классѣ, или сократить программы преподаванія. И то и другое вполне возможно. Что же совѣтуетъ г. И. Д.? Ровно ничего. Упомянувъ о недостаточности числа уроковъ, онъ переходитъ къ сравненію въ этомъ отношеніи городскихъ и уѣздныхъ училищъ и дѣлаетъ такое оригинальное вычисленіе, что мы приводимъ его вполне. „Нынѣшнее городское училище соотвѣтствуетъ бывшему уѣздному вмѣстѣ съ приходскимъ. Курсъ ученія въ городскомъ училищѣ 6 лѣтъ, а въ уѣздномъ съ приходскимъ 5 лѣтъ. Въ приходскомъ училищѣ учитель имѣлъ ежедневно (считая и законъ Божій) не меньше трехъ уроковъ, что составить въ недѣлю 18 часовъ. Въ каждомъ изъ классовъ уѣзднаго училища ежедневно было по 4 урока, слѣдовательно, въ недѣлю по 24 часа, что составитъ во всѣхъ трехъ классахъ 72 часа въ недѣлю, а съ 18-ю приходскаго училища—всего будетъ 90 часовъ въ недѣлю. Не нужно забывать, что все это уроки съ учителями; никакихъ самостоятельныхъ занятій во время уроковъ нѣтъ. Между тѣмъ, въ городскомъ училищѣ уроковъ съ учителемъ (считая и законъ Божій) въ 1-мъ классѣ 18, 2-мъ 24 и въ 3-мъ 24, всего 66 часовъ въ недѣлю. Такимъ образомъ разница на цѣлыхъ 24 часа въ недѣлю противъ уѣзднаго училища, а между тѣмъ въ городскомъ училищѣ увеличенъ курсъ только на одинъ годъ. Очевидно, что по количеству уроковъ уѣздное училище стояло выше городского, гдѣ притомъ же половина уроковъ (какого числа?) состоитъ изъ самостоятельныхъ работъ“.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что вычисленіе г. И. Д. не вѣрно и, слѣдовательно, выводы, основанные на этомъ вычисленіи, неправильны.

Въ трехклассномъ городскомъ училищѣ выходило бы 66 недѣльныхъ уроковъ только въ томъ случаѣ, еслибы курсъ каждаго класса былъ одногодичный, а не двухгодичный; но какъ скоро ученики въ каждомъ классѣ занимаются два года, то общее число уроковъ въ этомъ училищѣ будетъ не 66 въ недѣлю а вдвое болѣе, то-есть 132. Правда, нѣкоторая часть этого количества уроковъ (а не половина,

какъ полагаетъ г. И. Д.) падаетъ на самостоятельныя работы; но что-жь изъ этого? Значить ли это, что уроки, приходящіеся на самостоятельныя работы, проходятъ для учениковъ безслѣдно и не приносятъ имъ никакой пользы? Совсѣмъ нѣтъ. Классныя самостоятельныя работы, особенно въ элементарныхъ школахъ, каковы городскія училища, также необходимы, какъ и занятія съ учителемъ; при правильной и разумной постановкѣ, эти работы приносятъ такую пользу, что ихъ должно считать наравнѣ съ уроками учителя. При нежеланіи же, или неумѣннн взяться за дѣло со стороны учителя могутъ принести мало пользы не только самостоятельныя работы, но даже и уроки съ учителемъ, чтѣ и случается не рѣдко. Затѣмъ успѣхъ обученія зависитъ отъ возраста и развитія учащихся, а потому дѣло не только въ количествѣ недѣльныхъ уроковъ, но главнымъ образомъ въ количествѣ учебныхъ недѣль. Какіе изъ учениковъ пройдутъ болѣе и усвоятъ пройденное основательно, — тѣ ли, которые, имѣя 24 урока въ недѣлю, занимаются одинъ годъ, или тѣ, которые имѣютъ 12 уроковъ въ недѣлю, занимаются два года, конечно, при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ? Полагаемъ, послѣдніе. Ужь мы не говоримъ, что толковый и знающій дѣло учитель (а такихъ мы имѣемъ право ожидать отъ учительскихъ институтовъ) сдѣлаетъ въ два часа болѣе, чѣмъ другой въ четыре.

Опускаемъ вычисленія г. И. Д. относительно количества уроковъ въ двухклассныхъ и одноклассныхъ городскихъ училищахъ: эти вычисленія такъ же вѣрны, какъ и вышеприведенное. Остановимся на разсужденіяхъ его относительно классныхъ самостоятельныхъ работъ. Сущность всѣхъ этихъ разсужденій сводится къ слѣдующему. Во время классныхъ самостоятельныхъ занятій „ученики разрабатываютъ все содержаніе“ уроковъ съ учителемъ, вслѣдствіе чего имъ нельзя задавать много уроковъ на домъ. Что же касается до письменныхъ домашнихъ работъ, то ихъ давать совершенно невозможно, такъ какъ учитель не имѣетъ времени на провѣрку ихъ. А потому было бы хорошо (еще бы!), еслибы въ каждомъ отдѣленіи городскихъ училищъ былъ особый учитель, и такимъ образомъ классныя самостоятельныя работы были отнесены къ домашнимъ. При этомъ г. И. Д. указываетъ на тѣ значительныя труды, какіе несутъ учителя городскихъ училищъ. Оказывается, что каждому учителю ежедневно приходится просмотрѣть и исправить по меньшей мѣрѣ 60 ученическихъ тетрадей. Далѣе онъ даже указываетъ на плачевныя для учителей послѣдствія такихъ непосильныхъ трудовъ. „Я самъ знаю,

говорить онъ, нѣсколькихъ учителей, которые послѣ года практики припуждены уже носить очки, а у другихъ появились гемороида-льные шишки". Какъ видно, о самостоятельныхъ классныхъ работахъ авторъ судить весьма поверхностно и главнымъ образомъ со стороны неудобства для учителей. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду и воспитательное значеніе этихъ работъ вообще и значеніе ихъ въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы сельскія и городскія училища, въ частности. Можетъ быть и было бы хорошо, въ чемъ мы однако сильно сомнѣваемся, еслибы въ каждомъ отдѣленіи городскихъ училищъ было по особому учителю, но г. И. Д. забываетъ, что содержаніе учителямъ городскихъ училищъ увеличено вдвое противъ учителей уѣздныхъ училищъ и, слѣдовательно, по его проекту на каждое городское училище потребуется сумма по крайней мѣрѣ въ полтора раза большая той, какая положена по штату. Изъ того, что нѣкоторые учителя городскихъ училищъ не усвоили себѣ навыка вести занятія съ двумя группами и не желаютъ, или не умѣютъ поставить правильно самостоятельныя классныя занятія, еще далеко не слѣдуетъ, чтобы надлежало увеличить средства содержанія городскихъ училищъ. Что же касается до громадныхъ трудовъ, а также болѣзней, которыя навиваютъ учителя вслѣдствіе исправленія „массы ученическихъ тетрадей“, то это объясняется скорѣе всего недостаточною еще привычкою къ новому дѣлу.

Изъ дальнѣйшихъ соображеній г. И. Д. замѣчательно ни на чемъ неоснованное мнѣніе, что учителя, вышедшіе изъ учительскихъ институтовъ, не въ состояніи преподавать всѣ предметы одинаково хорошо, что каждый изъ нихъ, изучая множество предметовъ въ короткое время, не усвоитъ ни одного порядочно. Объ этомъ спорить трудно. Учительскіе институты существуютъ недавно, и по первымъ опытамъ ихъ нельзя составить окончательнаго мнѣнія. Одно можно сказать, и это вполне справедливо, что ужъ если кому трудно преподавать всѣ предметы, положенные въ городскихъ училищахъ, такъ это учителямъ изъ такъ называемыхъ прикомандированныхъ. Не споримъ, что такимъ учителямъ, привыкшимъ къ занятіямъ и порядкамъ въ уѣздныхъ училищахъ, кажутся дикими и классная система преподаванія и дѣленіе учениковъ на группы и пр. Не къ числу ли этихъ учителей принадлежитъ и г. И. Д.?

„Вотъ главныя условія, при которыхъ существуетъ новое городское училище, восклицаетъ авторъ. Спрашивается, что же удивительнаго, что послѣ года существованія городскія училища значительно

упали въ общественномъ мнѣніи (?). Досадно только то, что всю вину на плохой ходъ дѣла общество сваливаетъ на непосредственныхъ дѣателей училища, на учителей, изъ которыхъ большинство прилагаетъ всевозможныя усилія, чтобы повести хорошо дѣло, но увы! оказывается безсильнымъ. Между тѣмъ родители постоянно укоряютъ училище въ томъ, что въ нихъ ничего не дѣлается, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть другія учебныя заведенія, всѣ лучшіе ученики забираются родителями изъ городского училища, и остаются только тѣ, которыхъ никуда уже не принимаютъ, которыхъ выгнали изъ другихъ учебныхъ заведеній. Если мы были не правы въ нашихъ указаніяхъ недостатковъ городскихъ училищъ—пусть намъ укажутъ наши заблужденія^а.

Вотъ какую мрачную картину нарисовалъ намъ г. И. Д.! Вѣста успѣшно обученіе учитель не въ состояніи, довѣріе общества къ городскимъ училищамъ подорвано (?), хорошіе ученики бѣгутъ, училища паполняются только учениками мало-способными и уволенными изъ другихъ учебныхъ заведеній. И все это только послѣ года существованія училищъ! И все это по милости классной системы преподаванія! страшно становится и за училища, и за учителей, „сознающихъ по словамъ г. И. Д., всю непрактичность новой системы и испытывающихъ на себѣ всю адскую тяжесть занятій по новой системѣ“. Ужъ и въ самомъ дѣлѣ не обратится ли опять къ уѣзднымъ училищамъ, которыя такъ оплакиваетъ г. И. Д.? Нѣтъ сомнѣнія, что многія стороны учебно-воспитательнаго дѣла новыхъ городскихъ училищъ требуютъ подробной и тщательной разработки и что поэтому обученіе въ этихъ училищахъ еще не могло установиться надлежащимъ образомъ; нѣтъ спора и о томъ, что учить въ новыхъ училищахъ труднѣе, нежели въ уѣздныхъ; но чтобы сказать, что городскія училища не улучшаютъ, а ухудшаютъ дѣло народнаго образованія, для этого нужно относиться къ нимъ съ предвзятымъ недоброжелательствомъ. Человѣкъ такъ устроенъ, что гораздо охотнѣе идетъ по старой протоптанной дорожкѣ, чѣмъ разрабатываетъ и расчищаетъ, хотя болѣе удобный и короткій, но новый путь; отсюда понятнo то чувство недовольства и раздраженія, которое возбуждается въ нѣкоторыхъ учителяхъ нововведеніемъ, подобнымъ классной системѣ и дѣленію учениковъ на группы. Чувства эти слишкомъ сквозятъ въ каждой строкѣ статьи г. И. Д.

II.

Переходимъ къ статьѣ г. Вахтерова „О дѣленіи классовъ въ начальныхъ училищахъ на группы“. Г. Вахтеровъ, возставаа противъ дѣленія учащихся въ одномъ и томъ же классѣ на группы и доказывая невозможность веденія классныхъ самостоятельныхъ занятій надлежащимъ образомъ, предлагаетъ новую систему занятій, пригодную въ томъ случаѣ, когда классъ состоитъ изъ двухъ группъ. Примѣняя эту систему, учитель постоянно занимается со всѣми учениками класса, а потому классныя самостоятельныя занятія, веденіе которыхъ такъ затрудняетъ учителей, являются лишними, и всѣ необходимыя самостоятельныя работы относятся къ числу домашнихъ занятій. Въ пользу предлагаемой имъ системы г. Вахтеровъ приводитъ самыя разнообразныя доводы: онъ указываетъ и на мнѣнія лицъ, близко стоящихъ къ начальнымъ школамъ, и на собственный опытъ; указываетъ и на организацію обученія въ заграничныхъ школахъ, и на выводы такихъ педагоговъ, какъ Аммосъ Коменскій и Дистервегъ,—словомъ г. Вахтеровъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы убѣдить въ несостоятельности общепринятаго способа занятій съ нѣсколькими группами и цѣлесообразности новой системы: это не то, что г. И. Д., который дальше своихъ „очевидно“ не шелъ. Какъ ни убѣдительно однако доводы г. Вахтерова, онъ еще далеко не рѣшаетъ вопроса; взамѣнъ прежняго способа занятій съ нѣсколькими группами онъ предлагаетъ новый, который пригоденъ только при занятіяхъ съ двумя группами, да и то не всегда, такъ какъ онъ не можетъ примѣняться въ 1-мъ классѣ городскихъ училищъ. Кромѣ того достоинство системы, рекомендуемой г. Вахтеровымъ, въ учебно-воспитательномъ отношеніи весьма сомнительно, и едва ли эта система можетъ привести къ хорошимъ результатамъ. Не касаясь пока возраженій г. Вахтерова противъ прежней системы занятій съ нѣсколькими группами вообще и классныхъ самостоятельныхъ работъ въ частности, такъ какъ объ этомъ будетъ рѣчь впереди, мы займемся предлагаемою имъ системой и постараемся разсмотрѣть ее на сколько возможно подробнѣе.

Сущность этой системы состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ предметы обученія въ городскихъ училищахъ г. Вахтеровъ дѣлитъ на двѣ группы: къ первой относятся такіе предметы, двухгодичный курсъ коихъ можно раздѣлить на двѣ части и проходить ихъ въ какомъ

угодно порядкѣ; во второй группѣ — такіе, примѣнить къ которымъ подобное дѣленіе нельзя. Къ числу предметовъ 1-й группы г. Вахтеровъ относитъ: законъ Божій, отечественную и всеобщую исторію, естествовѣдѣніе и отчасти географію, а къ предметамъ второй группы: геометрію, ариметику и грамматику. О черченіи и пѣніи хотя и говоритъ г. Вахтеровъ, но не относитъ ихъ ни къ той, ни къ другой группѣ. Что же касается до объяснительнаго чтенія и чистоиспанія, то о нихъ совсѣмъ не упоминается; куда ихъ причислить и какъ распределить этотъ учебный матеріалъ, остается неизвѣстнымъ. Раздѣливъ такимъ образомъ предметы обученія на двѣ группы, г. Вахтеровъ даетъ такой совѣтъ: двухгодичный курсъ по каждому предмету первой группы раздѣлить на двѣ части и проходить со всѣми учениками въ 1-й годъ одну часть, а во 2-й годъ другую; двухгодичный же курсъ по каждому предмету 2-й группы проходить весь въ 1-й годъ и затѣмъ повторять во 2-й годъ. При такомъ способѣ прохожденія учебныхъ предметовъ ученики дѣлятся на группы только въ спискахъ, въ дѣйствительности же учитель постоянно занимается со всѣми учениками.

Система замѣчательно проста и весьма удобна для учителя. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще: раздѣли программу на двѣ части и проходи сначала одну половину, а потомъ другую, или пройди всю программу въ 1-й годъ и повтори во 2-й годъ. Но если эта система проста и удобна для учителя, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она отличалась тѣми же качествами по отношенію къ ученикамъ. Ужь одно это обстоятельство говоритъ не въ пользу примѣненія системы въ начальныхъ училищахъ.

Для того, чтобы обученіе было дѣйствительно воспитывающимъ, чтобы оно содѣйствовало умственному развитію учащихся, необходимо соблюдать при распреденіи учебнаго матеріала извѣстныя условія и общепринятія требованія педагогики. Главнѣйшія изъ этихъ требованій Дистервегъ формулируетъ такъ:

1) Распредѣляйте содержаніе каждаго предмета соотвѣтственно той точкѣ развитія, на которой стоятъ ученикъ, и соотвѣтственно законамъ развитія вообще.

2) Останавливайтесь подольше надъ элементами предмета и надъ тѣмъ, что составляетъ его основаніе, не подвигаясь впередъ до тѣхъ поръ, пока эти элементы не будутъ усвоены учащимися. Иначе все дальнѣйшее будетъ усвоено поверхностно.

3) Раздѣляйте содержаніе каждаго предмета на извѣстныя сту-

пени, на такія части, изъ которыхъ каждая представляетъ сама по себѣ нѣчто цѣлое.

4) Раздѣляйте и располагайте преподаваніе предмета такъ, чтобы на слѣдующей ступени въ новомъ по возможности повторялось все старое.

Всѣмъ этимъ требованіямъ вполне удовлетворяетъ концентрическое распредѣленіе учебнаго матеріала, о которомъ мы уже говорили въ началѣ статьи. Но, помимо этого, концентрическое распредѣленіе учебнаго матеріала представляетъ несомнѣнныя выгоды и чисто въ практическомъ отношеніи. Извѣстно, что многіе изъ учениковъ начальныхъ училищъ по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ не проходятъ полного курса ученія, но тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ, выходя изъ школы, будетъ обладать опредѣленнымъ и совершенно законченнымъ кругомъ знаній. При концентраціи обученія немислимы такіе случаи, какіе бывали въ старыхъ школахъ: ученикъ, пробывшій въ школѣ два года, выучился читать, но не умѣетъ взять пера въ руки, или: ученикъ очень подробно знаетъ священную исторію ветхаго заветъа и въ то же время не имѣетъ никакого понятія о главнѣйшихъ событіяхъ новозавѣтной исторіи.

Просмотрѣвъ программы преподаванія въ городскихъ училищахъ, изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія, не трудно видѣть, что въ нихъ строго проведена идея концентраціи по всѣмъ учебнымъ предметамъ. Можно находить, что программы эти обширны, что всѣхъ свѣдѣній, указанныхъ въ нихъ, сообщить нельзя по недостатку времени, что лучше сократить ихъ по нѣкоторымъ предметамъ, такъ какъ дѣло не въ количествѣ знаній, но въ качествѣ ихъ,—все это, повторяемъ, можно утверждать, если только явятся достаточныя основанія. Но что можно сказать относительно неудобства распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ и годамъ обученія? На какіе недостатки и промахи въ этомъ отношеніи можно указать? По нашему мнѣнію, распредѣленіе учебнаго матеріала такъ строго согласуется съ требованіями разумной педагогики, что едва ли возможны какія либо возраженія. Полагаемъ, съ нами согласится всякій здравомыслящій учитель, относящійся къ дѣлу безъ предвзятыхъ мыслей.

Замѣчательно, что г. Вахтеровъ, предлагая новую систему занятій, отличающуюся именно распредѣленіемъ учебнаго матеріала, не касается почти вовсе подробностей, а ограничивается по большей части или общими мѣстами, или ссылками на германскія и другія заграничныя школы. А между тѣмъ онъ говоритъ, что система эта прак-

тиковалась въ одномъ изъ городскихъ училищъ. Почему же въ такомъ случаѣ г. Вахтеровъ не ознакомилъ насъ съ подробнымъ распределеніемъ учебнаго матеріала по предметамъ 1-й группы, или предметамъ разрывнымъ? ¹⁾ На основаніи опыта, кажется, это сдѣлать было не трудно. Недомолвки и неясность сбиваютъ съ толку учителей и приводятъ очень часто къ недоразумѣніямъ и заблужденіямъ, а это весьма вредно во всякомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе въ дѣлѣ учебномъ. Посмотримъ, какія указанія дѣлаетъ г. Вахтеровъ относительно распределенія учебнаго матеріала по предметамъ 1-й группы.

По закону Божію во 2-мъ классѣ трехкласснаго городского училища г. Вахтеровъ совѣтуетъ проходить со всѣми учениками въ 1-й годъ священную исторію ветхозавѣтную, а во 2-й годъ—новозавѣтную. Всѣ ученики, обучавшіеся въ этомъ классѣ два года, знакомятся и съ той и съ другой, но не въ одномъ и томъ же порядкѣ: одни изъ нихъ сначала пройдутъ ветхозавѣтную исторію, потомъ новозавѣтную, а другіе наоборотъ—отъ новозавѣтной должны перейти къ ветхозавѣтной. Не споримъ, что можно проходить священную исторію и такъ; но замѣтимъ, что тотъ и другой порядокъ имѣютъ свои особыя основанія. Первый порядокъ обуславливается необходимостью соблюдать при сообщеніи историческихъ свѣдѣній хронологическую связь и послѣдовательность, второй же порядокъ обуславливается возрастомъ и развитіемъ учащихся, такъ какъ событія новозавѣтной исторіи гораздо доступнѣе и понятнѣе дѣтямъ. Не странно ли, что при прохожденіи одного и того же предмета въ одномъ и томъ же классѣ въ одни годы (1-й, 3-й, 5-й и т. д.) мы должны руководствоваться одними соображеніями, а въ другіе годы (2-й, 4-й, и т. д.)—совершенно противоположными? Нужно ли говорить, что это противорѣчитъ здравой логикѣ? Подготовительный курсъ по закону Божію въ 1-мъ классѣ для того именно и служитъ, чтобы возможно было во 2-мъ классѣ подробное и систематическое изложеніе событій священной исторіи въ хронологическомъ порядкѣ и послѣдовательности.

Въ 3-мъ классѣ, по мнѣнію г. Вахтерова, также слѣдуетъ заниматься съ обоими отдѣленіями вмѣстѣ и проходить со всѣми учениками въ 1-й годъ церковную исторію и краткое ученіе о Богослуженіи, во 2-й годъ—катехизисъ. Въ такомъ случаѣ одни ученики пройдутъ эти отдѣлы въ указанномъ порядкѣ, а другіе—въ обратномъ, т. е. сначала пройдутъ катехизисъ, а потомъ остальные отдѣлы.

¹⁾ Странное, но, кажется, вполне подходящее названіе.

Не знаемъ, чѣмъ можетъ оправдать г. Вахтеровъ послѣдній порядокъ, такъ какъ объ этомъ въ своей статьѣ онъ ничего не говоритъ, но думаемъ, что ошибочность и непедагогичность подобнаго расположенія учебнаго матеріала по закону Вожію понятца каждому. Въ одномъ мѣстѣ своей статьи г. Вахтеровъ указываетъ, что при обученіи слѣдуетъ идти „отъ легкаго къ трудному“; почему же здѣсь онъ забываетъ о примѣненіи этого разумнаго положенія дидактики? Г. Вахтеровъ упустилъ совершенно изъ виду повтореніе пройденнаго, а не мѣшало бы разъяснить, какъ при совмѣстныхъ занятіяхъ со всѣми учениками повторять то, о чемъ одна половина учащихся не имѣетъ никакого понятія.

Не менѣе замѣчательно распредѣленіе курса исторіи гражданской. Вотъ какъ совѣтуетъ г. Вахтеровъ проходить исторію во 2-мъ классѣ. „Въ этомъ классѣ, курсъ котораго двухгодичный и ученики обыкновенно дѣлятся на два отдѣленія, проходится біографическій курсъ русской исторіи. Представимъ себѣ, что учитель, дѣлившій до сихъ поръ каждый урокъ (?) на двѣ части, по числу отдѣленій, и въ младшемъ изъ нихъ, проходившій древнюю исторію (?), а со старшимъ новую, вмѣсто того, будетъ заниматься съ обоими отдѣленіями разомъ и по одной программѣ,—въ первый годъ пройдетъ древнюю, во второй новую, въ слѣдующій опять древнюю, и т. д. Ученикъ, который перейдетъ въ 3-й классъ и, значить, пробудетъ во 2-мъ классѣ два года, будетъ знать въ той или другой послѣдовательности всю исторію“. Здѣсь прежде всего для насъ не совсѣмъ понятно, почему учитель непременно дѣлитъ каждый урокъ на двѣ части по числу отдѣленій, а не занимается цѣлый урокъ съ однимъ отдѣленіемъ, задавъ другому самостоятельную работу? Послѣдній пріемъ разумнѣе и цѣлесообразнѣе. А зачѣмъ, откуда взялъ г. Вахтеровъ, что въ младшемъ отдѣленіи 2-го класса (3-й годъ) проходится древняя отечественная исторія, а въ старшемъ отдѣленіи (4-й годъ)—новая отечественная исторія? По вышесприведенному нами учебному плану указано совсѣмъ другое распредѣленіе курса исторіи въ этомъ классѣ. Если авторъ считаетъ программу, изданную министерствомъ, не пригодною, то ему слѣдовало бы обстоятельно разъяснить это, а не вводить въ заблужденіе тѣхъ читателей, которые съ этими программами не знакомы. Но допустимъ, что г. Вахтеровъ, говоря о преподаваніи русской исторіи, имѣлъ въ виду свою собственную программу (иначе мы не понимаемъ его распредѣленія). Не странно ли, что ученики сначала пройдутъ русскую исторію съ Петра Великаго до настоящаго

часть ссv, отд. 3. 3.

времени, а потомъ съ Рюрика до Петра Великаго? Г. Вахтеровъ однако предвидѣлъ возраженія противъ подобнаго курса исторіи. „Неудобства же, говорить онъ, заключающіяся будто бы въ томъ, что одни ученики начнутъ изученіе съ событій новѣйшаго времени, а другіе съ древнѣйшихъ эпохъ, только кажущееся. Въ Германіи и до сихъ поръ спорять о томъ, съ чего начинать преподаваніе исторіи: одни начинаютъ изученіе исторіи съ древнихъ вѣковъ, другіе, напримѣръ, Дермштедтъ и Якоби, начинаютъ съ современной исторіи и постепенно переходятъ къ предшествующимъ вѣкамъ“. Мало ли о чемъ спорять въ Германіи! Если нѣкоторые германскіе преподаватели проходятъ исторію съ позднѣйшаго времени, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы и мы послѣдовали ихъ примѣру; да и почему мы непремѣнно должны подражать этимъ нѣкоторымъ преподавателямъ, а не слѣдовать другимъ? Затѣмъ, начать съ событій позднѣйшаго времени и постепенно (мы подчеркиваемъ это слово) переходить къ предшествующимъ вѣкамъ далеко не то же самое, что раздѣлить курсъ исторіи на двѣ половины и проходить сначала вторую половину, а потомъ первую: въ первомъ случаѣ имѣется въ виду послѣдовательное изученіе исторіи, начинающая отъ близкаго и переходя къ отдаленному, безъ всякихъ скачковъ, а во второмъ при изученіи исторіи приходится дѣлать ничѣмъ не оправдываемые скачки. Такимъ образомъ, германскіе педагоги Дермштедтъ и Якоби здѣсь ровно не при чемъ. Но мало этого. Чтобы показать достоинства предлагаемаго имъ способа прохожденія исторіи, г. Вахтеровъ даже нашелъ возможнымъ сослаться на Дистервега. Событія новой исторіи имѣютъ тѣсную связь съ событіями предыдущихъ вѣковъ, а потому при прохожденіи новой исторіи преподавателю непремѣнно придется дѣлать отступленія къ событіямъ предыдущимъ, т. е. касаться такихъ фактовъ, которые одной половиной учащихся знакомы, а другой неизвѣстны. „Повторенія для первыхъ, утверждаетъ г. Вахтеровъ, будутъ въ такомъ случаѣ и полезны и гораздо болѣе интересны, чѣмъ практикуемыя до сихъ поръ періодическія повторенія, обыкновенно дѣлающіяся въ той же формѣ, связи и послѣдовательности, въ какихъ повторяемое было пройдено вновь. Дистервегъ именно разумѣлъ изложенные нами приемы (?), когда совѣтовалъ учителямъ: 1) на каждой отдѣльной ступени преподаванія указывать и даже сообщать отдѣльныя части изъ ступени послѣдующей, чтобы такимъ образомъ возбуждать въ учащихся охоту къ ознакомленію съ нею, и 2) раздѣлять и располагать учебный матеріалъ такъ, чтобы на каждой послѣдующей ступени новаго всегда повторя-

лось старое". Напрасно авторъ обращается за помощью къ Дистервегу, онъ никогда бы не одобрилъ подобнаго распредѣленія учебнаго матеріала. Приведенное требованіе Дистервега, вполнѣ разумное и основательное, нисколько не оправдываетъ курса исторіи, предлагаемаго г. Вахтеровымъ; напротивъ, совершенно разрушаетъ его. Подъ „ступенями въ распредѣленіи учебнаго матеріала“ Дистервегъ разумѣлъ не произвольное разрываніе курса на двѣ части, а концентрическое распредѣленіе свѣдѣній, сообразно съ пониманіемъ и развитіемъ учащихся. Такъ какъ каждый послѣдующій кругъ въ этомъ случаѣ представляетъ распространеніе предыдущаго, то само собою разумѣется, что при прохожденіи послѣдующаго круга непременно повторится все, заключающееся въ предшествовавшемъ кругѣ; вотъ такое повтореніе и имѣлъ въ виду Дистервегъ. Такъ, а не иначе понимали дѣло и составители программъ, изданныхъ министерствомъ; изъ этихъ программъ видно, что въ младшемъ отдѣленіи 2-го класса сообщаются свѣдѣнія о главнѣйшихъ событіяхъ и замѣчательнѣйшихъ лицахъ всей отечественной исторіи, а въ старшемъ отдѣленіи проходитъ болѣе связный, но краткій курсъ русской исторіи (по руководству Рождественскаго для начальныхъ училищъ). Что это расположеніе курса исторіи вполнѣ согласуется съ требованіями Дистервега, можно убѣдиться изъ его дидактическихъ положеній (1 и 3), приведенныхъ нами выше.

Г. Вахтеровъ даже полагаетъ, что при его распредѣленіи ученики усвоятъ исторію гораздо основательнѣе. Въ подтвержденіе этого онъ указываетъ и на „непосредственное воздѣйствіе“ учителя, и на дисциплину, и на удобства для учителя, но ничего не говоритъ о самомъ существенномъ въ этомъ случаѣ,—о степени пониманія и развитіи учащихся. Всѣмъ извѣстно, какъ трудны для усвоенія въ первое время историческія свѣдѣнія, особенно для учениковъ такого возраста (10—11 лѣтъ), какъ ученики 2-го класса городскихъ училищъ. Возможно ли для этихъ учениковъ, едва выучившихся сносно читать, прохожденіе болѣе или менѣе связнаго курса исторіи, и при томъ въ такомъ порядкѣ, какой рекомендуетъ г. Вахтеровъ? Если и можно допустить преподаваніе исторіи подобнымъ ученикамъ, то развѣ въ такихъ именно разказахъ „со словъ учителя“, какіе указаны программой для городскихъ училищъ; а затѣмъ ужъ, по мѣрѣ развитія учениковъ и навыка къ пониманію и послѣдовательной передачѣ событій, возможно перейти къ болѣе связному изложенію историческихъ

явленій. Не нужно забывать, что одинъ годъ ученія въ этомъ возрастѣ значить весьма много.

Наконецъ, въ практическомъ отношеніи концентрація учебнаго матеріала имѣетъ несомнѣнные преимущества. Предположимъ, что ученикъ выходитъ изъ 2-го класса, учившись одинъ годъ. Въ такомъ случаѣ онъ по исторіи будетъ имѣть опредѣленный курсъ знаній: онъ будетъ знать и о началѣ Русскаго государства, и о крещеніи Руси, и о паденствіи Татаръ, и о Петрѣ Великомъ, и объ отечественной войнѣ. При порядкѣ же прохожденія исторіи, рекомендуемомъ г. Вахтеровымъ, такой ученикъ будетъ имѣть понятіе или только объ историческихъ событіяхъ до Петра Великаго, или только о событіяхъ съ Петра Великаго до настоящаго времени.

О распредѣленіи курса исторіи въ 3-мъ классѣ авторъ совѣтъ не упоминаетъ; по всей вѣроятности, и здѣсь онъ находитъ возможнымъ сначала проходить новую исторію, а потомъ исторію древнихъ и среднихъ вѣковъ.

Относительно преподаванія естествовѣдѣнія г. Вахтеровъ говоритъ: „при преподаваніи естествовѣдѣнія во 2-мъ классѣ, куда относятся біографическіе. (sic) курсы зоологіи, ботаники и минералогіи, чтобы соблюсти переходъ отъ болѣе доступнаго и нагляднаго къ болѣе трудному и отвлеченному, курсы эти распредѣлены между двумя годами такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ, представляя законченное цѣлое и дополняя другой, начинается изученіемъ наиболѣе доступныхъ пониманію отдѣловъ; въ 3-мъ же классѣ, куда отнесена физика и краткій курсъ анатоміи (а общій обзоръ и группировка разсмотрѣнныхъ животныхъ и растений?) въ одинъ годъ ученики знакомятся съ первымъ изъ этихъ предметовъ, а въ слѣдующій съ другимъ“. Здѣсь опять г. Вахтеровъ измѣняетъ программу, опуская въ 3-мъ классѣ необходимое дополненіе и продолженіе курса 2-го класса — общій обзоръ и группировку пройденныхъ во 2-мъ классѣ животныхъ и растений. Не потому ли, что этотъ отдѣлъ мѣшаетъ его распредѣленію? Какъ проходить естественную исторію во 2-мъ классѣ, изъ объясненій г. Вахтерова не видно, — все это общія мѣста, ничего не поясняющія. Вѣдь и по программѣ городскихъ училищъ въ младшемъ отдѣленіи 2-го класса проходятся представители животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ, а въ старшемъ отдѣленіи прежніе отдѣлы дополняются новыми представителями и прибавляются представители новыхъ отдѣловъ; каждый изъ этихъ курсовъ представляетъ законченное цѣлое, и курсъ старшаго отдѣленія представ-

лжаетъ дальнѣйшее развитіе и пополненіе курса младшаго отдѣленія; затѣмъ въ этихъ курсахъ строго соблюденъ переходъ отъ ближайшаго къ отдаленному; отъ доступнаго къ болѣе трудному, такъ, на примѣръ, въ младшемъ отдѣленіи изъ хищныхъ млекопитающихъ проходятся кошка и собака, изъ куриныхъ птицъ — пѣтухъ и курица, въ старшемъ отдѣленіи изъ хищныхъ млекопитающихъ проходится хорькъ, медвѣдь, а изъ куриныхъ птицъ — глухарь, тетеревъ. Тѣмъ не менѣе, мѣнять порядокъ и проходить сначала курсъ старшаго отдѣленія, а потомъ курсъ младшаго отдѣленія невозможно. Было бы интересно знать въ подробности, какъ г. Вахтеровъ составляетъ такіе два курса, въ которыхъ соблюдены всѣ указанныя условія, и которые при этомъ могутъ проходиться одинъ за другимъ въ какомъ угодно порядкѣ. Въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ дѣло первоначальнаго обученія, нельзя ограничиваться одними намеками и общими мѣстами, но необходимы точныя, ясныя и подробныя указанія.

Что касается до курса естествознанія въ 3-мъ классѣ, то и здѣсь никакъ нельзя допустить такого дѣленія и порядка, какой предлагаетъ г. Вахтеровъ. Курсъ младшаго отдѣленія этого класса, какъ видно изъ программы городскихъ училищъ, находится въ тѣсной связи съ курсомъ 2-го класса; а именно въ 3-мъ классѣ по зоологій и ботаникѣ дѣлаются обобщенія пройденнаго во 2-мъ классѣ и этимъ заканчивается курсъ естественной исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются свѣдѣнія о строеніи и отправленіяхъ человѣческаго тѣла, а затѣмъ уже въ старшемъ отдѣленіи этого класса учепки знакомятся съ физическими явленіями. По мнѣнію г. Вахтерова, курсъ этого класса можно вести и въ обратномъ порядкѣ, но крайней мѣрѣ для одной половины учениковъ. Не думаемъ, чтобы можно было дѣлать такіе скачки при обученіи. Во первыхъ, физическія явленія гораздо труднѣе, нежели описаніе человѣческаго тѣла, во вторыхъ, въ высшей степени неразумно проходить физику, а обобщенія и приведеніе въ систему свѣдѣній по естественной исторіи отложить на цѣлый годъ; легко можетъ случиться, что при такихъ условіяхъ понадобится не только послѣдовательное повтореніе естественной исторіи, но, пожалуй, и прохожденіе ея вновь: свѣдѣнія, не связанныя въ одно цѣлое и не приведенныя въ стройную систему, забываются скоро и легко.

Кромѣ предметовъ 1-й и 2-й группы остаются еще географія, объяснительное чтеніе, черченіе и письмо; изъ нихъ географію г. Вах-

теровъ относить къ 1-й группѣ только отчасти; остальные же предметы онъ не относитъ ни къ той, ни къ другой группѣ. О преподаваніи этихъ предметовъ или говорится такъ мало, что нельзя составить опредѣленнаго представленія, или ровно ничего не говорится. „Не трудно представить, заявляетъ г. Вахтеровъ, распредѣленіе матеріала географіи, черченія, пѣнія и письма, какого требуетъ защищаемая нами ситема“. Ни чѣмъ не оправдывается подобное нежеланіе со стороны автора дать болѣе подробныя объясненія. Указанія его на то, что германскіе учителя дѣлятъ курсъ географіи на родновѣдѣніе, отечествовѣдѣніе и мировѣдѣніе, ничего не поясняютъ; дѣленіе это давно всѣмъ извѣстно, да и въ программѣ для городскихъ училищъ курсъ географіи разработанъ въ такомъ же порядкѣ. Что германскіе учителя въ теченіе шестилѣтняго курса эти отдѣлы географіи проходятъ по два раза, опять-таки ничего не доказываетъ; въ городскихъ училищахъ географія проходитъ въ четыре года,— какъ же здѣсь примѣнить способъ прохожденія географіи въ германскихъ школахъ? Вѣдь не начинать же въ самомъ дѣлѣ изученіе географіи съ младшаго отдѣленія 1-го класса, съ безграмотными учениками 7—8 лѣтъ?

„Черченіе и пѣніе, продолжаетъ далѣе г. Вахтеровъ, удобнѣе всего раздѣлить на части (по числу лѣтъ обученія), изъ коихъ каждая, представляя законченное цѣлое, начиналась бы съ наиболѣе простаго и легкаго и составляла бы постепенный переходъ къ болѣе сложному и трудному“. Все это хорошо, никто противъ приведенныхъ положеній дидактики не споритъ, но какъ раздѣлить? на какія части раздѣлить? Въ программѣ черченія для городскихъ училищъ учебный матеріалъ раздѣленъ основательно въ связи съ курсомъ геометріи и рисованія, и притомъ по годамъ обученія. Вопросъ въ томъ, какъ преподавать эти предметы совмѣстно ученикамъ обоихъ отдѣленій каждаго класса, а этого-то и не указалъ г. Вахтеровъ.

О веденіи объяснительнаго чтенія и о преподаваніи рисованія авторъ не говоритъ ни слова, какъ будто этихъ предметовъ и не существуетъ въ городскихъ училищахъ.

Къ предметамъ 2-й группы, или предметамъ неразрывнымъ г. Вахтеровъ относитъ: геометрію, ариметику и грамматику. „Что касается до геометріи, ариметики и грамматики, говоритъ онъ, то нельзя безнаказанно разрывать тотъ стройный логическій порядокъ, въ какомъ находятся между собою математическія и грамматическія свѣдѣнія“. „Значитъ, при обученіи этимъ предметамъ, долженъ быть

принять другой порядокъ, возможный, правда, только тамъ, гдѣ классъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Чтобы избѣжать дробленія такого класса на группы, можно каждый годъ проходить курсъ цѣлаго класса, то-есть, то, что должно быть пройдено въ два года“. Вотъ какой совѣтъ даетъ г. Вахтеровъ. Посмотримъ, что должны пройти, напримѣръ, 10—11-ти лѣтніе ученики 2-го класса городского училища въ одинъ годъ. Изъ приведеннаго выше учебнаго плана оказывается, что имъ придется пройти,—по ариѳметикѣ: именованныя числа въ предѣлѣ одной сотни, нумерацію и дѣйствія съ числами до 1,000, сложение и вычитаніе на счетахъ, нумерацію чиселъ любой величины, четыре дѣйствія съ отвлеченными и именованными числами любой величины и приготовительный курсъ дробей; по грамматикѣ: этимологию и синтаксисъ простаго и сложнаго предложеній; по геометріи: изученіе правильныхъ геометрическихъ тѣлъ и наглядный курсъ геометріи. Находя возможнымъ пройти всю эту массу свѣдѣній въ одинъ годъ, г. Вахтеровъ, однако предвидитъ возраженія и успокоивается такими доводами: „допустимъ однако, что предметы, о которыхъ идетъ рѣчь, въ первый годъ усвоены будутъ хуже, но вѣдь ученики, выслушавшіе курсъ одинъ разъ, весь слѣдующій годъ посвящаютъ повторенію и повторяютъ пройденное въ годичный срокъ, нѣтъ сомнѣнія, основательно“. „Каждый ученикъ будетъ слушать одинъ и тотъ же курсъ два раза, но это не только не вредно, а даже необходимо (sic), такъ какъ только при основательномъ повтореніи пройденнаго возможны прочныя свѣдѣнія“.

Несообразность построенія подобныхъ курсовъ по ариѳметикѣ, геометріи и грамматикѣ, нелогичность и сомнительность простирающихся будто бы отсюда выгодъ для лучшаго усвоенія этихъ предметовъ учащимися—совершенно очевидны и бросаются каждому въ глаза. Но взявшись разсмотрѣть подробно новую систему обученія, рекомендуемую г. Вахтеровымъ, обращаемся къ его доводамъ.

Чѣмъ меньше возрастъ учащихся, тѣмъ больше требуется умѣнья со стороны учителя, тѣмъ большая обдуманность и осмотрительность нужны по отношенію объема и порядка сообщаемыхъ свѣдѣній; не даромъ дидактика останавливается преимущественно на первоначальномъ обученіи. „У педагогики, говоритъ Ушинскій, очень широкое основаніе и очень узенькая верхушка: дидактика первоначальнаго преподаванія можетъ наполнить томы; дидактика чтенія лекцій выражается въ двухъ словахъ: знай хорошо свой предметъ и

излагай его ясно". Мало ли что можно пройти въ годъ, но съ какими учениками? Пожалуй можно пройти и курсъ, предлагаемый г. Вахтеровымъ, но какъ это подѣйствуетъ на умственные способности и развитіе учащихся, усвоятъ ли они всё эти свѣдѣнія,—вотъ вопросъ. Всякій опытный учитель знаетъ, въ какихъ результатахъ приводитъ излишняя торопливость, особенно при преподаваніи такихъ предметовъ, какъ ариметика и геометрія, гдѣ каждое послѣдующее знаніе основывается на предыдущемъ. Г. Вахтеровъ совершенно упускаетъ изъ виду, что ариметика, геометрія и грамматика имѣютъ болѣе значенія въ формальномъ отношеніи, чѣмъ въ матеріальномъ. Дѣйствуя преимущественно на мышленіе учащихся, они занимаютъ первое мѣсто въ числѣ предметовъ, развивающихъ мыслительныя способности. Но можетъ ли быть рѣчь о развитіи умственныхъ способностей, если преподаваніе этихъ предметовъ пойдетъ „на всѣхъ парахъ“, если учащіеся завалены массою свѣдѣній и, не успѣвъ усвоить одного, должны переходить къ другому? Такіе предметы, какъ ариметика, геометрія и грамматика, требуютъ для обстоятельнаго ихъ усвоенія постоянныхъ упражненій въ примѣненіи свѣдѣній. Что толку въ томъ, что ученикъ прошелъ всю арифметику и не приобрѣлъ навыка въ вычисленіяхъ и рѣшеніи задачъ, или усвоилъ грамматическія правила и не умѣетъ примѣнять ихъ при письмѣ, или разборѣ. А откуда взять время на эти упражненія, если учитель торопится выполнить во что бы то ни стало обширную программу? Мы уже не говоримъ о томъ вліяніи, какое имѣетъ непосильная работа на нравственность учащихся.

Обученіе должно быть основательно, а истинная основательность говоритъ Дистервегъ, въ томъ и состоитъ, чтобы учить по немногу, то-есть по столько, по сколько можетъ принять и самостоятельно переработать ученикъ, чтобы дать каждому знанію созрѣть въ душѣ питомца; чтобы дать ему возможность совершенно овладѣть изучаемымъ и примѣнить къ дѣлу, сравнить съ другимъ, сдѣлать выводъ, чтобы питомецъ чувствовалъ, что выученное онъ на самомъ дѣлѣ знаетъ и знаетъ навсегда: это даетъ ему силу и бодрость, влгаетъ вѣру въ себя, радуется и придаетъ охоту идти впередъ. Все это, безъ сомнѣнія, извѣстно г. Вахтерову, но онъ надѣется, что каждый курсъ ученики пройдутъ два раза и слѣдовательно усвоятъ его основательно. Здѣсь г. Вахтеровъ противорѣчитъ себѣ; желая оправдать раздѣленіе курса исторіи, онъ сильно напа-

далъ на періодическія повторенія, а потомъ эти повторенія буквально, въ той же связи, формѣ и послѣдовательности, въ какой повторяемое было пройдено“ не только находятъ удобнымъ и полезнымъ, но даже необходимымъ. Но дѣло не въ томъ. Мы думаемъ, что если свѣдѣнія сообщаются быстро одно за другимъ, причемъ одни ученики не успѣваютъ ихъ усвоить, а другіе усваиваютъ очень немного, то и повтореніе не поможетъ дѣлу. Часто приходится наблюдать такое явленіе: одинъ учитель при преподаваніи идетъ медленно, останавливается на всякомъ свѣдѣніи до тѣхъ поръ, пока ученики не усвоятъ его основательно; другой, напротивъ, торопится, оканчиваетъ программу гораздо ранѣе, повторяетъ нѣсколько разъ, и что-же? оказывается, что у перваго ученики знаютъ тверже и основательнѣе. При быстромъ прохожденіи курса ученики съ средними способностями, а такихъ большинство, не въ силахъ слѣдить за курсомъ и усвоить его; не прочно же усвоенное и мало понятое скоро забывается, а потому при повтореніи, которое въ разсматриваемомъ случаѣ бываетъ черезъ годъ и идетъ также быстро, многія свѣдѣнія для учениковъ являются какъ бы новыми и слѣдовательно, послѣ повторенія, ученики остаются съ прежними знаніями. Нужны многія и частыя повторенія, а главное прочное и основательное усвоеніе при прохожденіи вновь.

Намъ остается еще разсмотрѣть указанія г. Вахтерова относительно преподаванія въ 1-мъ классѣ городского училища. „Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, методомъ, о которомъ идетъ рѣчь, нельзя пользоваться съ учениками перваго года обученія,—звукониками“¹⁾. Послѣ этого авторъ обращается къ школамъ германскимъ, французскимъ, англійскимъ и въ концѣ концовъ предлагаетъ для занятій въ 1-мъ классѣ три способа: 1) одновременное занятіе учителя и законоучителя; 2) раздѣленіе дневныхъ занятій между младшимъ и старшимъ отдѣленіями и 3) взаимное обученіе. Извѣстно, что каждый классъ обыкновенно помѣщается въ одной комнатѣ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ состоитъ изъ двухъ или трехъ отдѣленій. Поэтому, если слѣдовать первому способу, то два учителя должны будутъ заниматься въ одно и то же время въ одной и той же комнатѣ. Во первыхъ, при этомъ одинъ учитель будетъ мѣшать другому, а во вто-

¹⁾ Кличка неправильная, ибо одними звуками ученики занимаются первыя два недѣли, а не целый годъ.

ныхъ законоучитель въ 1-мъ классѣ имѣеть только 6 уроковъ въ недѣлю: кто же будетъ заниматься, когда нѣтъ его уроковъ?

Второй способъ состоитъ въ томъ, что учитель сначала посвящаетъ нѣсколько часовъ занятіямъ съ однимъ отдѣленіемъ, а затѣмъ другіе нѣсколько часовъ—занятіямъ со вторымъ отдѣленіемъ. Уже не говоря о томъ, что разновременный приходъ учениковъ въ училище ведетъ къ безпорядкамъ, и что одному отдѣленію придется прогуливать лучшіе для занятій утренніе часы, едва ли найдется хоть одинъ учитель, который принялъ бы на себя двойную, да къ тому же и совершенно лишнюю работу.

Остается третій способъ—взаимное обученіе. Мы уже сказали, что чѣмъ моложе ученики, тѣмъ больше осмотрительности, усилій и умѣнья требуется отъ учителя. Это требованіе особенно строго должно соблюдаться по отношенію къ ученикамъ, начинающимъ ученіе. Въ первый же годъ обученія владутся сѣмяна множества навыковъ и умѣній, и въ большинствѣ случаевъ первые шаги въ обученіи оставляютъ тотъ или другой неизгладимый отпечатокъ на всѣхъ дальнѣйшихъ занятіяхъ учениковъ. Поэтому, вопреки ходячему мнѣнію, что начинать обученіе можетъ всякій грамотный человѣкъ, слѣдуетъ согласиться, что для первоначальнаго обученія нуженъ учитель разумный, обладающій педагогическимъ тактомъ и умѣніемъ. Можно ли поэтому допустить, чтобы ученики младшаго отдѣленія 1-го класса руководились учениками другихъ классовъ, можно ли допустить здѣсь взаимное обученіе, какъ совѣтуетъ г. Вахтеровъ? Мало того, система взаимнаго обученія давно уже признана вредною въ воспитательномъ отношеніи, ибо ведетъ къ образованію у учениковъ такихъ привычекъ, какія вовсе не желательны, напримѣръ, обманъ, взятки и проч.

Подводя итогъ всему сказанному, мы приходимъ къ тому заключенію, что система обученія въ городскихъ училищахъ, предлагаемая г. Вахтеровымъ, имѣеть множество неудобствъ, и главное противорѣчить принципамъ воспитывающаго обученія, идетъ въ разрѣзъ съ основными и бесспорными положеніями педагогики, а потому совершенно непригодна. Если г. Вахтеровъ указываетъ на хорошіе результаты, полученные отъ примѣненія этой системы въ одномъ изъ городскихъ училищъ (замѣтимъ, въ короткое время), то, не позволяя себѣ сомнѣваться въ свидѣтельствѣ г. Вахтерова, мы можемъ на это сказать, что 1) и при прежнемъ зубреніи выучивались грамотѣ, 2) при открытіи городскихъ училищъ, въ нихъ обыкновенно посту-

пають ученики уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, и всегда поступаютъ классомъ ниже, чѣмъ бы слѣдовало, вслѣдствіе несохотства программъ; такіе ученики больше знаютъ, чѣмъ проходится въ ихъ классѣ, а потому и неудивительно, если они оказываютъ успѣхи и при разобранной системѣ обученія. Мы убѣждены, что если взять учениковъ безграмотныхъ и обучать ихъ въ продолженіе 6-ти лѣтъ по этой системѣ, то результаты будутъ далеко не такіе, о какихъ говоритъ г. Вахтеровъ.

А. Барановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Начальныя училища Буинскаго (Симбирской губ.) уѣзда въ мартѣ 1879 года.

(Окончаніе).

Памурзинское сельское для мальчиковъ училище. Оно открыто въ 1840 году и помѣщается съ того времени въ весьма просторномъ домѣ, который нынѣ ветхъ и требуетъ капитальнаго исправленія. Мебель тоже плохая. На содержаніе училища ассигнуется по 474 руб., въ томъ числѣ обществомъ 314 руб., земствомъ 160 руб. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 240 руб., сторожу 36 руб., на отопленіе и ремонтъ 60 руб., на бібліотеку 30 руб., и на страхованіе 8 руб. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ—Чувашъ, окончившій курсъ въ Казанской учительской семинаріи. Учащихся 42, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 5, въ среднемъ 10, въ младшемъ 27. Всѣ ученики—Чуваши, православные, школу посѣщаютъ исправно. Учебное дѣло оказалось въ слѣдующемъ положеніи: изъ закона Божія старшіе ученики прошли всю священную исторію, въ объемѣ учебника Д. Соколова, и знаютъ православно-христіанское вѣроученіе; средніе ученики изъ исторіи ветхаго завѣта прошли до Судей, часть осн., отд. 4.

знають о праздникахъ и молитвы; младшіе знаютъ начальные разказы изъ исторіи, проходятъ о праздникахъ и молитвы. На вопросы изъ пройденнаго ученики дали сознательные и полные отвѣты. Учащіеся младшаго отдѣленія разказывали, даже читали молитвы и объясняли ихъ исключительно на чувашскомъ нарѣчій, достаточно извѣстнымъ и законоучителю; ученики же старшихъ отдѣленій прибѣгаютъ къ этому нарѣчію только въ случаѣ непреодолимыхъ затрудненій. Законоучитель ведетъ дѣло оживленно, говоритъ понятно, объясненія даетъ совершенно вѣрныя. По русскому языку ученики младшаго отдѣленія усвоили всѣ буквы и уже упражняются въ разложеніи словъ на буквы, составленія изъ послѣднихъ новыхъ словъ, писемъ и чтеній. Все преподаваніе ведется почти исключительно на чувашскомъ языкѣ: учитель сказываетъ ипогда русское значеніе извѣстныхъ словъ и заставляетъ учениковъ съ нимъ поступать такъ же, какъ съ чувашскимъ. Среднее отдѣленіе читало русскую статью, произнося слова громко, вѣрно и имитируя голосомъ по знакамъ препинанія; содержаніе прочитаннаго разказывали недурно, часто обращаясь въ этомъ случаѣ къ своему родному языку. Старшіе ученики читаютъ хорошо, какъ по русски, такъ и по церковно-славянски. Письменные работы исполнялись слѣдующія: младшіе списывали съ книгъ, средніе излагали содержаніе читанной статьи. Въ каллиграфическомъ отношеніи всѣ ученики исполняли свое дѣло очень удовлетворительно, недурно и въ смысловомъ, хотя при этомъ допущено было немало орфографическихъ неправильностей. Къ сожалѣнію, учитель не имѣетъ обыкновенія выработать плана письменнаго упражненія и такимъ образомъ не подготавливаетъ учениковъ къ сознательному и увѣренному исполненію работы. Диктовка ведется, но не систематическая и потому неудобная. Изъ ариметики старшіе прошли всѣ четыре дѣйствія, средніе число 40, младшіе — 10. Преподаватель занимался съ первыми учениками письменнымъ рѣшеніемъ задачъ, при чемъ постоянно требовалъ отчетливаго обозначенія условій задачи и основаній, почему именно такъ, а не иначе она должна быть сдѣлана. Въ концѣ урока рѣшено было нѣсколько задачъ умственно и вѣрно проведенъ бѣглый счетъ. Пройденное ученики всѣхъ отдѣленій усвоили хорошо. Въ библіотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 14 названій на 7 руб. 15 коп., въ ученпческой 27 названій на 7 руб.; учебныхъ пособій 21 названіе на 43 руб.

Бурундукское сельское училище для мальчиковъ. Училище помещается въ обширномъ, тепломъ и свѣтломъ домѣ, раздѣленномъ на

двѣ половины: въ большей половинѣ помѣщена школа, въ меньшей квартира учителя; обѣ половины весьма удовлетворительны. Училищная мебель стара и неудобна, но се предположено замѣнить новою. Около дома имѣется дворъ, на которомъ устроены необходимыя хозяйственныя службы. На содержаніе училища отпускается по 539 руб. 50 коп., въ томъ числѣ отъ мѣстнаго общества 379 руб. 50 коп., отъ земства 160 руб. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 130 руб., учителю 240 руб., на наемъ сторожа 36 руб., на содержаніе дома 93 руб. 50 коп., на бібліотеку 40 руб. Преподавателями состоятъ: закона Божію—мѣстный протоіерей, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ—окончившій курсъ учительской семинаріи. Учащихся 50 крестьянскихъ мальчиковъ, изъ коихъ 42 Русскихъ и 8 Чувашъ. По отдѣленіямъ они распредѣляются такъ: въ младшемъ отдѣленіи 30, въ среднемъ 11, въ старшемъ 9. Учебно-воспитательная часть оказалась въ слѣдующемъ положеніи: по закону Божію ученики старшаго отдѣленія знаютъ не только все, что полагается по программѣ на льготу по отбыванію воинской повинности, но достаточно подробно, сознательно и складно разказали статью изъ священной исторіи, обозначили и объяснили важнѣйшія ветхозавѣтныя пророчества о пришествіи Спасителя на землю. Ученики остальныхъ отдѣленій прошли тоже достаточно: средніе знаютъ о двенадцятихъ праздникахъ, нѣсколько начальныхъ историческихъ разказовъ и общеупотребительныя молитвы; младшіе изучаютъ молитвы и о праздникахъ; изъ пройденнаго всѣ дали вполне удовлетворительныя отвѣты. Можно безошибочно утверждать, что законоучитель принадежитъ къ числу лучшихъ дѣятелей по школьному дѣлу: соединяя въ своемъ лицѣ теоретико-практическую опытность педагога съ глубокою религіозностію, онъ, очевидно, не только научаетъ, но и воспитываетъ дѣтей въ духѣ тѣхъ великихъ, какія открыты намъ православно-христіанскимъ ученіемъ. Обученіе отечественному языку ведется: въ младшемъ отдѣленіи—по Родному Слову годъ 1-й, въ среднемъ—по Родному Слову годъ 2-й, въ старшемъ—по книгѣ Корфа „Нашъ Другъ“. Всѣ ученики читаютъ довольно бѣгло, громко, голосомъ стараются интонировать соответственно знакамъ препинанія, и разказываютъ прочитанное тоже очень удовлетворительно. Самъ учитель—опытный и внимательный. Слабую сторону его преподаванія составляетъ то, что онъ заставляетъ сразу читать всю статью и потомъ разказывать содержаніе всего прочитаннаго: въ этомъ случаѣ многія, очень важныя подробности пропадаютъ

совершенно даромъ; сверхъ того, такой способъ веденія классныхъ занятій слишкомъ мало способствуетъ развитію въ дѣтяхъ точности мысли и усвоенія, побуждая ихъ, вмѣсто этого, запоминать не столько серьезную, сколько занятную сторону читаемой статьи. Письменные работы были слѣдующія: младшіе писали подъ диктовку, средніе и старшіе излагали содержаніе написанныхъ статей. Написали ученики четко, а старшіе очень хорошою скорописью. Въ упражненіяхъ средняго отдѣленія особенно выдавалась беспорядочность изложенія, что, нужно полагать, происходитъ отъ того, что учитель не выработалъ плана, которымъ ученики должны были бы руководиться во время занятій. Изъ ариметики старшее отдѣленіе прошло всю первую часть, среднее—число 50, младшіе—15. Пройденное ученики усвоили удовлетворительно. Учитель разумно и правильно въ методическомъ отношеніи провелъ уроки въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ. Пѣть молитвы умѣютъ всѣ ученики школы, а изъ нѣкоторыхъ съ лучшими голосами составленъ хоръ, который поетъ по праздникамъ въ приходской церкви. Пѣніе отличается стройностію, спокойствіемъ и благоговѣніемъ. Гимнастика не было введено, а потому учителю предложено упражнять дѣтей въ свободныхъ движеніяхъ. Въ библіотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 24 названія 83 тома на 33 руб., въ ученической 40 названій 199 томовъ на 23 руб.; учебныхъ пособій 19 названій на 38 руб.

Училище Д. П. Еремѣева въ селѣ Жуковѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Оно помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ землевладѣльцу, г. Еремѣеву. Классная комната удовлетворительна, но по числу учащихся не вполне просторна и недостаточно свѣтла; учительская квартира находится рядомъ со школою и вполне хороша. Мебели въ классѣ достаточно. На содержаніе школы отлускается всего 384 руб.; изъ нихъ: землевладѣльцемъ 204 руб., земствомъ 60 руб., сельскимъ обществомъ 120 руб. Изъ этихъ денегъ расходуется: на жалованье закопоучителю 60 руб., учительницѣ 204 руб., на библіотеку 50 руб., на пасмъ прислуги 70 руб.; ремонтъ дома производится на счетъ землевладѣльца, который сверхъ того нерѣдко жертвуетъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ. Преподаваніемъ занимаются: закупа Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ—получившая домашнее воспитаніе и имѣющая свидѣтельство на званіе учительницы сельской школы. Обучается въ школѣ 31 мальчикъ и 10 дѣвочекъ. Они раздѣляются на отдѣленія слѣдующимъ образомъ: въ младшемъ отдѣленіи 10, въ

среднемъ 14, въ старшемъ 19. Всѣ они Русскіе, православные и по сословіямъ принадлежатъ: къ крестьянскому 37, къ мѣщанскому 2, къ духовному 2. Школу посѣщаютъ исправно. Въ поведеніи ихъ не замѣчено ничего предосудительнаго; установленный порядокъ ими исполняется, но они не приучены какимъ-либо условнымъ внѣшнимъ дѣйствіемъ выражать желаніе отвѣтить спрашиваемое. Учебное дѣло найдено въ слѣдующемъ положеніи: по русскому языку старшее и среднее отдѣленія писали подѣ диктовку довольно четко и достаточно правильно, но весьма немногіе порядочно объяснили причину употребленія извѣстныхъ знаковъ препинанія; младшее отдѣленіе читало про себя и потомъ разказало прочитанное. Во второй урокъ учительница занималась съ среднимъ отдѣленіемъ рѣшеніемъ задачъ на число 100. Въ общемъ ученики давали удовлетворительные отвѣты, но умственно считали непрактично и крайне медленно, что, очевидно, зависитъ отъ излишней послѣдственности, съ какою велось изученіе чиселъ. Не замѣтно также болѣе или менѣе полной сознательности и отчетливости о причинѣ примѣненія именно извѣстныхъ дѣйствій въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Младшіе ученики въ это время хорошо списали съ книги, а старшіе изложили содержаніе прочитанной статьи. Работа послѣднихъ со стороны чистописанія была исполнена очень хорошо; слова написаны, въ большинствѣ случаевъ, правильно, но знаки препинанія разставлены большинствомъ невѣрно и въ изложеніи не было замѣтно желательной послѣдовательности. Старшіе изъ ариметики прошли всю первую часть, младшіе число 5; тѣ и другіе учебный матеріалъ усвоили удовлетворительно. Послѣдній урокъ учительница занималась въ старшемъ отдѣленіи чтеніемъ статьи изъ книги барона Корфа „Нашъ Другъ“. Читали ученики удовлетворительно, разказывали прочитанное довольно обстоятельно и складно. Къ сожалѣнію, учительница не приучаетъ дѣтей къ точному обозначенію прочитаннаго, не настаиваетъ на уразумѣніи ими общаго смысла прочитаннаго, а потому мало возбуждаетъ во время чтенія мышленіе учениковъ; наконецъ письменныхъ работъ она не связываетъ съ чтеніемъ такъ, какъ это принято болѣе опытными преподавателями. Во время занятій съ средними и младшими учениками учительница почти вовсе не обращала вниманія на громкость чтенія и многое непонятное оставлено безъ надлежащихъ объясненій. Читатъ ученики вѣрно, но медленно и однообразнымъ тономъ. По закону Божію предназначенные къ выпуску ученики прошли священную исторію новаго завѣта, а изъ ветхозавѣтной изучаютъ о царяхъ, знаютъ

также молитвы и вѣроученіе, всѣ остальные ученики составляютъ одно младшее отдѣленіе и учатъ преимущественно молитвы. Такимъ образомъ среднее отдѣленіе соединено съ вновь поступившими, и это потому, что въ первый годъ ихъ пребыванія въ школѣ прежній законоучитель рѣшительно ничему не научилъ ихъ. Изъ пройденнаго всѣ ученики давали удовлетворительные отвѣты. Гимнастикѣ и пѣнію дѣти не обучаются; дѣвочки ежедневно занимаются домашнимъ рукодѣліемъ. Въ библіотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 31 названіе 51 томъ на 64 руб.; въ ученической 50 названій 146 томовъ на 26 руб.; учебникъ пособій 30 названій на 71 руб. Въ библіотекѣ этого училища имѣется періодическихъ изданій болѣе чѣмъ въ другихъ училищахъ.

Училище для дѣвочекъ и мальчиковъ въ деревнѣ Ивашевкѣ. Училище это содержится на счетъ мѣстнаго землевладѣльца А. А. Головинскаго, отпускающаго ежегодно по 190 руб., съ пособіемъ отъ земства въ количествѣ 100 руб. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье учительницъ 200 руб., на учебныя пособія 20 руб., содержаніе дома 70 руб. Помѣщается училище въ тепломъ, свѣтломъ и просторномъ домѣ, принадлежащемъ землевладѣльцу, который состоитъ попечителемъ училища. Преподаваніемъ закона Божія и прочихъ предметовъ занимается учительница, окончившая курсъ въ женской гимназій. Учащихся въ школѣ 20, въ числѣ ихъ 3 дѣвочки. По отдѣленіямъ они раздѣляются такъ: въ младшемъ отдѣленіи 10, въ среднемъ 7, въ старшемъ 3. Всѣ учащіяся Русскіе, православныя; изъ нихъ крестьянъ 15, мѣщанъ 5; школу посѣщаютъ исправно. Въ учебно-воспитательномъ отношеніи школа найдена въ слѣдующемъ состояніи: на первомъ урокѣ учительница занималась закономъ Божиимъ съ учениками двухъ старшихъ отдѣленій, при чемъ преимущественное вниманіе было обращено на готовящихся къ выпуску. Первоначально ученики усвоили понятіе о трехъ таинствахъ: крещеніи, миропомазаніи и причащеніи, установленіе, значеніе и совершеніе которыхъ разказано было учительницей, а потомъ изложили нѣсколько священно-историческихъ разказовъ ветхаго и новаго завѣта. Отвѣчали всѣ удовлетворительно; сама учительница умѣетъ говорить просто и занимательно. Къ сожалѣнію, она слишкомъ много сама говоритъ; въ объясненіяхъ исходнымъ пунктомъ полагаетъ не пониманіе учениковъ, а свое собственное воззрѣніе на предметъ; наконецъ, даетъ не всегда точныя и полныя объясненія. Младшіе ученики, удовлетворительно въ это время списавшіе съ книги, твердо

прочитали текстъ общеупотребительныхъ молитвъ, объясняли же ихъ плохо. Читають ученики всѣхъ отдѣленій какъ по русски, такъ и по славянски удовлетворительно, но нельзя не пожелать большей бѣглости, отчетливости и выразительности; прочитанное они разказываютъ, но обыкновенно буквально словами статьи. Уроки, данные въ младшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, весьма правильны, за исключеніемъ того, что учительница не требовала точнаго обозначенія сущности прочитаннаго и вообще мало возбуждала мышленіе дѣтей; чтеніе съ письменными работами не связывала и опять часто сама объясняла тамъ, гдѣ въ этомъ не было надобности. Письмо, которое нынѣ тѣсно связывается съ обученіемъ чтенію, удовлетворительно исполняется учениками въ каллиграфическомъ отношеніи и пока слабо относительно правильности. Последнее объясняется тѣмъ, что въ общемъ расположеніи самостоятельныхъ письменныхъ упражненій нѣтъ ни строго-обдуманной системы и постепенности, ни разнообразія ихъ видовъ и надлежащей предварительной подготовки къ нимъ учениковъ. Даже диктовка ведется не систематическая, и потому хотя написанное подробно и внимательно разсматривается учительницей при участіи учениковъ, однако пользы отъ этого мало, такъ какъ даже старшіе ученики пишутъ плохо. Изъ ариметики учительница занималась въ старшемъ отдѣленіи рѣшеніемъ задачъ на четыре дѣйствія. Урокъ не представлялъ никакихъ особенностей: ученики отвѣчали, по не всегда увѣренно и вполне сознательно. Младшіе знаютъ порядковый счетъ до 100 и въ этомъ предѣлѣ рѣшаютъ несложныя задачки. Распредѣленіе занятій несбезупречно; такъ на одномъ урокѣ младшіе ученики должны были читать про себя по славянски, между тѣмъ они только-что приступили къ этому запятію, на другомъ, среднемъ отдѣленіи совсѣмъ не было дано какого-либо дѣла. Пѣніемъ и гимнастикой дѣти не занимаются. Книгъ въ училищѣ имѣется весьма незначительное количество: въ фундаментальной бібліотекѣ 3 названія 3 тома на 5 руб. 50 коп., въ ученической 8 названій 8 томовъ на 1 руб. 20 коп.; учебныхъ пособій 7 названій на 17 руб.

Эмбулатовское сельское училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Помѣщается въ собственномъ каменномъ домѣ весьма просторномъ, выстроенномъ изъ хорошаго матеріала, но онъ давно не отремонтированъ и потому замѣтно ветшаетъ. На содержаніе училища ассигнуется: отъ мѣстнаго общества 410 руб., отъ земства 160 руб., всего 570 руб. въ годъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

на жалованье законоучителю 130 руб., учителю 260 руб., на наемъ сторожа 42 руб., ремонтъ дома 50 руб., отопленіе 30 руб., на бібліотеку 50 руб., на страхованіе 8 руб. Преподавателями состоятъ: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; прочихъ предметовъ — обучавшійся тоже въ духовной семинаріи и приобрѣвшій знаніе учителя. Учащихся въ школахъ 55, въ томъ числѣ 6 дѣвочекъ. Изъ общаго числа въ младшемъ отдѣленіи состоитъ 17, въ среднемъ 18, въ старшемъ 20. Всѣ они Русскіе, крестьяне, православные; въ школу ходятъ исправно, ведутъ себя удовлетворительно. Учебно-воспитательная часть оказалась въ слѣдующемъ положеніи: по закону Божию ученики старшаго отдѣленія прошли всю священную исторію, христіанское вѣроученіе и въ будущемъ законоучитель предполагаетъ объяснить имъ устройство православнаго храма и важнѣйшія церковныя службы; ученики средняго отдѣленія прошли молитвы и о праздникахъ; младшіе — усвоили надлежащее понятіе о Богѣ и изучаютъ общеупотребительныя молитвы. На вопросы изъ пройденнаго всѣ ученики дали удовлетворительныя отвѣты; текстъ молитвъ также знаютъ, но въ объясненіи желательнo бы видѣть болѣе самостоятельности и увѣренности. На урокъ чтенія ученики средняго отдѣленія читали статью изъ книги Водовозова. Во время чтенія учитель останавливался на небольшихъ отдѣлахъ для точнаго обозначенія прочитаннаго, непонятныя слова и выраженія объяснялъ, слѣдилъ за вниманіемъ всего класса и часто давалъ легкіе вопросы тѣмъ, во внимательномъ отношеніи которыхъ къ дѣлу сомнѣвался; наконецъ, прочитанное заставлялъ разказывать собственными словами. Ученики остальныхъ отдѣленій читаютъ удовлетворительно, но старшіе при этомъ торопятся. Письменныя работы исполнялись слѣдующія: младшіе ученики излагали содержаніе читанной статьи, руководясь при этомъ вопросами, написанными на классной доскѣ; средніе—написали подѣ диктовку нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣровъ, старшіе самостоятельно составили условіе съ работникомъ. Съ каллиграфической стороны написано было всѣми достаточно, но младшіе изложили весьма плохо, даже неправильно отдѣляли одно слово отъ другаго; старшіе слишкомъ буквально воспроизводили условіе, помѣщенное въ „Нашемъ Другѣ“; средніе тоже не безъ ошибокъ исполнили свое дѣло. Изъ ариѳметики ученики старшаго отдѣленія прошли всю первую часть, средняго — число 40, младшаго— только 6. Учитель полагаетъ, что недетъ преподаваніе по способу Грубе; въ дѣйствительности же способъ этотъ проявляется лишь въ

томъ, что учитель заставляетъ учениковъ вести умственный счетъ, при мѣняя его къ числамъ небольшой величины; но то, чѣмъ особенно важенъ способъ Грубе, именно уразумѣніе отношеній между числовыми величинами, — вовсе упускается при преподаваніи. Поэтому и умственно и письменно ученики считаютъ слишкомъ медленно, искомый результатъ скорѣе отгадываютъ, чѣмъ сознательно отыскиваютъ. Пѣніе поставлено очень хорошо: дѣти поютъ молитвы стройно, слова провозносятъ отчетливо и притомъ раздѣляются на партіи по голосамъ. Гимнастикѣ не обучаются. Въ училищѣ имѣется книгъ: въ фундаментальной библиотекѣ 33 названія 36 томовъ на 14 руб.; въ учебнической 39 названій 43 тома на 10 руб.; учебныхъ пособій 14 названій 221 экземпляръ на 87 руб. Значительная часть книгъ и пособій устарѣли.

Тайбинское (Уразгильдинское тожъ) сельское училище для дѣтей обоего пола. Училище это помѣщается въ собственномъ домѣ, весьма просторномъ и удобномъ, но требующемъ капитальныхъ исправленій. Содержится оно на счетъ общества и земства: первое отпускаетъ 380 руб., второе 160 руб., всего 540 руб. въ годъ. Изъ этихъ денегъ производятся слѣдующіе расходы: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 260 руб., на сторожа 42 руб., на ремонтъ дома 50 руб., отопленіе 30 руб., на библиотеку 50 руб., страхованіе 8 руб. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ — обучавшійся въ томъ же заведеніи и приобрѣвшій званіе сельскаго учителя. Учащихся въ школѣ 60, въ томъ числѣ 10 дѣвочекъ. Они распредѣляются такъ: по отдѣленіямъ: въ старшемъ 10, въ среднемъ 18, въ младшемъ 32; по народностямъ: Русскихъ 4, Чувашъ 56; по сословіямъ: духовныхъ 4, крестьянъ 56. Всѣ учащіеся православные, школу посѣщаютъ исправно. Учебная часть представляется въ слѣдующемъ видѣ: по закону Божию ученики старшаго отдѣленія прошли священную исторію новаго завѣта, а изъ ветхозавѣтной проходятъ о царяхъ, знакомы также и съ вѣроученіемъ; среднее отдѣленіе изучаетъ молитвы и о церковныхъ праздникахъ; младшіе имѣютъ понятіе о Богѣ и выучили три молитвы — предъ и послѣ ученія и „Слава Отцу“. Изъ пройденнаго ученики давали удовлетворительные отвѣты; законоучитель, въ присутствіи инспектора, занимался преимущественно съ среднимъ отдѣленіемъ, давалъ объясненія вѣрныя, но, по незнанію чувашскаго нарѣчія, нерѣдко при этомъ затруднился. Обученіе русскому азыку ведется по Родному Слову годъ 1-й — въ

младшемъ отдѣленіи, годъ 2-й—къ среднему, и по Нашему Другу— въ старшемъ отдѣленіи; по славянски въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ читають евангеліе. Ученики читають вѣрно, съ соблюденіемъ знаковь препинанія, содержаніе прочитаннаго передають подробно и сознательно, вообще—очень удовлетворительно. Преподаватель умѣетъ завлечь учениковъ и на столько возбудить ихъ вниманіе, что они, такъ сказать, съ палету ловятъ каждое его слово. Съ чувашскимъ нарѣчіемъ учитель ознакомился на столько, что можетъ говорить съ дѣтьми ихъ родною рѣчью. Письменные работы были слѣдующія: младшіе списали статейку съ книги, средніе — выбрали изъ прочитанной статьи слова, обозначающія названія предметовъ, старшіе — самостоятельно изложили разказъ, читанный ими по евангелію. Всѣ эти работы со стороны каллиграфіи были исполнены удовлетворительно; среднее отдѣленіе выбрало слова вѣрно; старшіе хотя и надѣлали не мало грамматическихъ ошибокъ, но все-таки написали не дурно, по крайней мѣрѣ довольно послѣдовательно. Изъ ариметики старшіе ученики прошли всѣ четыре дѣйствія простыхъ и именованныхъ чиселъ, средніе — число 40, младшіе — 4 и порядковый счетъ по русски до 20. Послѣдній ведется въ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ единицами, парами, тройками и т. д. На урокъ въ старшемъ отдѣленіи ученики необыкновенно быстро и вполне сознательно рѣшили №№ 999, 1000 и 1004 задачъ, помѣщенныхъ въ задачникъ Евтушевскаго. Ученики остальныхъ отдѣленій пройденное знаютъ вполне основательно, умственно и бѣгло считаютъ скоро, практично. Вообще учитель прекрасно ознакомился съ лучшими методами преподаванія ариметики и въ своей школѣ достигаетъ вполне удовлетворительныхъ результатовъ. Ученики поютъ молитвы; въ вольныхъ гимнастическихъ движеніяхъ упражняются, но слишкомъ рѣдко — два раза въ недѣлю. Классныя занятія ведутся правильно, по росписанію; дисциплинарныя правила здравы и въ примѣненіи ихъ учащіе настойчивы. Библиотечное имущество имѣется въ слѣдующемъ количествѣ: въ фундаментальной библиотекѣ книгъ 26 названій 29 томовъ на 13 руб.; въ ученической 42 названія 53 тома на 12 руб.; учебныхъ пособій 15 названій на 73 руб.

Протопоповское сельское училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Училище содержится на средства мѣстныхъ сельскаго общества и земства. Первое отпускаетъ 353 руб. 44 коп., второе—160 руб., всего 513 руб. 44 коп. въ годъ. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 240 руб.,

на бібліотеку 20 руб., остальные—на содержаніе дома. Домъ училища раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ въ одной помѣщается школа, въ другой учитель. Обѣ половины просторны, свѣтлы, теплы, вообще удовлетворительны. При училищѣ имѣются законоучитель и учитель, оба окончившіе курсъ духовной семинаріи. Учащихся въ школѣ 40, въ томъ числѣ 8 дѣвочекъ. Изъ общаго числа учащихся въ старшемъ отдѣленіи состояло 11, въ младшемъ 29. Всѣ они православные, русскіе, преимущественно крестьяне, кромѣ двухъ духовныхъ. Младшіе ученики не вполне исправно посѣщаютъ школу. При посѣщеніи инспектора, законоучитель на первомъ урокѣ занимался съ учениками младшаго отдѣленія. Но прежде чѣмъ начать урокъ съ послѣдними, онъ заставилъ старшее отдѣленіе вкратцѣ разказать о Благовѣщеніи и входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ; младшіе повторили разказанное старшими и такимъ образомъ ознакомились съ предстоящими дванадцатыми праздниками. За симъ законоучитель перешелъ исключительно къ младшимъ и ознакомилъ ихъ съ двумя событіями изъ священной исторіи. Разказъ былъ простъ, задушевенъ, дѣти усвоили его легко и подробно. Но можно полагать, что усвоенное ими они вскорѣ забудутъ, такъ какъ имъ было сообщено слишкомъ много учебнаго матеріала. Сверхъ того, въ расположеніи занятій законоучитель, вопреки установившемуся порядку, слѣдуетъ отъ обобщенія къ факту, отъ причины къ частному случаю. Ученики старшаго отдѣленія во все это время самостоятельно излагали содержаніе ученія Спасителя о молитвѣ, милостынѣ и постѣ. Изъ закона Божія эти ученики знаютъ все, положенное по программѣ на льготу по отбыванію воинской повинности, и въ остальную часть времени должны были ознакомиться съ устройствомъ храма и церковными службами. Пройденное они отвѣчали болѣе чѣмъ удовлетворительно. Вообще видно, что законоучитель исполняетъ свое дѣло весьма старательно, умѣючи и съ любовью. На урокахъ отечественнаго языка прочтаны были статьи: съ младшими учениками изъ „Роднаго Слова“, со старшими—изъ книги барона Корфа „Нашъ Другъ“. Какъ успѣхи дѣтей, такъ и веденіе дѣла преподавателемъ можно признать вообще удовлетворительными, но въ приемахъ послѣдняго нельзя было не обратить вниманія на нѣкоторые промахи. Такъ, онъ не дѣлалъ никакого различія въ чтеніи словъ, напечатанныхъ въ первомъ годѣ „Роднаго Слова“ печатнымъ и письменнымъ шрифтомъ, между тѣмъ легко догадаться, что авторъ книги желалъ, чтобы письменныя названія ученикъ не только читалъ, но и обозначалъ, къ какого рода предме-

тамъ относится тотъ, названіе котораго только-что прочитано. Такой пріемъ, поддерживая мышленіе дѣтей, въ то же время даетъ учителю возможность судить о томъ, вѣрно ли и хорошо ли они усвоили группировку предметовъ, сдѣланную при чтеніи предыдущихъ статей. Въ вторыхъ, при чтеніи загадокъ первоначально слѣдуетъ подробно анализировать ихъ буквальный смыслъ, и затѣмъ уже, по сходству съ первымъ, ученики должны опредѣлять ихъ дѣйствительное значеніе. При такой постановкѣ дѣла, загадки дадутъ много работы дѣтскому уму, тогда какъ въ противномъ случаѣ отгадываніе ихъ является простымъ сказываніемъ извѣстнаго. Сверхъ того, учителю данъ совѣтъ—давать при чтеніи обобщающіе вопросы и тѣмъ отвлекать дѣтей отъ буквального повторенія прочитаннаго при словесной передачѣ онаго. По славянски ученики старшаго отдѣленія читаютъ удовлетворительно. Изъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ ученики старшаго отдѣленія удовлетворительно изложили содержаніе заданной статьи; младшимъ дано было учителемъ тоже изложеніе читанной статьи; но такъ какъ подробнаго плана при этомъ выработано не было, то дѣти написали чрезвычайно плохо, обнаруживъ отсутствіе въ ихъ упражненіяхъ необходимой послѣдовательности. Въ каллиграфическомъ отношеніи многіе изъ нихъ написали также плохо. Разъяснивъ учителю способъ выработыванія плановъ упражненій, инспекторъ народныхъ училищъ рекомендовалъ ему непременно пользоваться ими въ приученіи учениковъ къ письменнымъ изложеніямъ, а во избѣжаніе дурнаго почерка и измѣненія словъ обратить болѣе серьезное вниманіе на выписываніе элементовъ и на звуковой разборъ словъ. Преподаваніе ариѳметики ведется по способу Грубе, но изъ него выбрасывается именно то, чѣмъ онъ особенно и важенъ—изученіе чиселъ чрезъ сравненіе ихъ съ предыдущими, проводимое по всѣмъ первымъ четыремъ дѣйствіямъ, съ цѣлію сознательнаго усвоенія дѣтьми числовыхъ отношеній. За невыполненіемъ же сего, отъ способа Грубе остается только то, что числа изучаются крайне медленно и въ слишкомъ ничтожной сложности. Такъ, младшіе въ мартѣ мѣсяцѣ вращались все еще въ предѣлахъ перваго десятка и, вслѣдствіе вышеизложеннаго опущенія, усвоили его неосновательно. Въ старшемъ отдѣленіи ученики прошли всю первую часть и въ рѣшеніи задачекъ письменно и умственно обнаружили удовлетворительные успѣхи. Классный порядокъ удовлетворителенъ; учащими и учащимися онъ соблюдается точно. Книгъ въ училищѣ имѣется: въ фундаментальной библіотекѣ 26 названій 37

томовъ на 19 руб.; въ ученической 45 названій 167 томовъ на 20 руб.; учебныхъ пособій 24 названія на 62 руб.

Тойсинское сельское училище для дѣтей обоого пола. Училище это, помѣщаясь въ прекрасномъ собственномъ домѣ, содержится на изживеніи мѣстнаго крестьянскаго общества и земства, которыя расходуютъ на него ежегодно 494 руб. (общество 334 руб., земство 160 руб.). Распредѣляются эти деньги такъ: на жалованье законоучителю 180 руб., учителю 260 р., на наемъ сторожа 36 руб., на бібліотеку 40 руб., ремонтъ и страхование дома 28 руб. Отопляется училищный домъ на особую сумму въ количествѣ 30 руб. Библиотечный матеріаль составляютъ книги: въ фундаментальной бібліотекѣ 40 названій 114 томовъ на 35 руб., въ ученической 32 названія 86 томовъ на 11 томовъ; учебныхъ пособій 18 названій на 35 руб. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи; прочихъ предметовъ Чуваши, имѣющій установленное свидѣтельство и состоящій на службѣ 16 лѣтъ. Обучающихся въ школѣ 64, въ томъ числѣ 18 дѣвочекъ. По отдѣленіямъ они распредѣляются такъ: въ младшемъ отдѣленіи 21, въ среднемъ 27, въ старшемъ 16. Всѣ учащіеся крестьяне, Чуваши, православные; школу посѣщаютъ исправно. Учебная часть найдена въ слѣдующемъ состояніи: по закону Божию учащіеся въ старшемъ отдѣленіи прошли почти всю священную исторію, православно-христіанское вѣроученіе и въ остальное время года предположено было ознакомить съ важнѣйшими церковными службами и устройствомъ православнаго храма; средніе прошли почти всю новозавѣтную исторію и молитвы; младшіе учили простѣйшія молитвы и знакомились съ болѣе для нихъ доступными и назидательными историческими разказами. На урокъ, въ присутствіи инспектора, законоучитель занимался одновременно съ двумя старшими отдѣленіями и ознакомилъ дѣтей съ явленіемъ Спасителя при Тиверіадскомъ озерѣ. Съ этою цѣлю однимъ ученикомъ было прочитано соответствующее мѣсто изъ евангелія, нѣсколькими старшими мальчиками разказано содержаніе прямо по русски, а затѣмъ то же самое было повторено учениками средняго отдѣленія, но только первоначально на чувашскомъ нарѣчій. Подобный порядокъ занятій, дающій полную возможность занимать сразу два отдѣленія и учебный матеріаль усвоивать основательно, заслуживаетъ полнаго одобренія, тѣмъ болѣе, что чтеніе священной книги ведется благоговѣнно, назидательно и вполне разумно. При этомъ особенно важенъ самый фактъ изученія священныхъ

событій при помощи евангелія, такъ какъ благодаря этому дѣти подробно знакомятся, во время пребыванія въ школѣ, съ самою важною священною книгою, и историческія событія являются предъ ними съ большею авторитетностью. Изъ пройденнаго ученики всѣхъ отдѣленій отвѣчали обстоятельно, сознательно, словомъ — весьма удовлетворительно. Все изложенное заставляеть отнести законоучителя къ самымъ лучшимъ и старательнымъ наставникамъ уѣзда. На урокъ чтенія въ младшемъ отдѣленіи прочитана была статья „Учебныя вещи и игрушки“, помѣщенная въ Родномъ Словѣ (годъ 1-й), въ связнымъ печатнымъ статьямъ котораго только-что переходили ученики. Посему проведена была предварительно краткая бесѣда о „книгѣ“, какъ отдѣльномъ предметѣ; затѣмъ уже началось собственно чтеніе. Въ немъ ученики обнаружили удовлетворительныя успѣхи; учитель руководилъ занятіями правильно. Но ведя бесѣду, онъ говорилъ почти исключительно самъ, тогда какъ ему слѣдовало бы только руководить дѣтми въ упорядочиваніи извѣстнаго, уясняя послѣднее необходимыми добавленіями. Въ остальныхъ отдѣленіяхъ ученики читають и разказываютъ прочитанное удовлетворительно. Письменныя работы исполнялись слѣдующія: младшіе ученики написали слова, обозначающія названія предметовъ домашней посуды, средніе писали подъ диктовку, старшіе излагали содержаніе статьи. Въ каллиграфическомъ отношеніи они написали удовлетворительно, въ смысловомъ же допущено было нѣсколько ошибокъ, которыя, впрочемъ, довольно извинительны въ ипородческой школѣ. Для большей же успѣшности, инспекторъ совѣтовалъ учителю выработывать планы письменныхъ работъ, диктовку вести возможно чаще и непремѣнно систематическую, звуковой разборъ словъ не ограничивать только временемъ, когда дѣти изучають русскій алфавитъ. Тетрадки ученики ведутъ опрятно, учитель просматриваетъ ихъ весьма внимательно. Изъ ариметики ученики старшаго отдѣленія изучають раздробленіе, средняго умственно считаютъ до 100 и письменно рѣшаютъ задачи на сложеніе и вычитаніе, младшаго отдѣленія приучаються къ порядковому счету по русски. Въ присутствіи инспектора учитель занимался въ старшемъ отдѣленіи первоначально умственнымъ счетомъ, а потомъ и письменнымъ рѣшеніемъ задачъ. Въ обоихъ случаяхъ дѣло велось весьма живо, ученики работали усердно и всегда обозначали, конечно по желанію учителя, основанія, въ силу которыхъ вели свою работу извѣстнымъ образомъ. Въ остальныхъ отдѣленіяхъ дѣти дали удовлетворительныя отвѣты изъ пройденнаго. Всѣ ученики школы умѣють пѣть, и состав-

ленный изъ нихъ хоръ поетъ въ церкви. Учащіяся ведутъ себя хорошо; порядокъ занятій установленъ правильный; учащіе занимаются усердно и съ умѣньемъ.

Сугутское сельское училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Помѣщается въ весьма хорошемъ и удобномъ собственномъ домѣ. Содержится на счетъ мѣстныхъ общества и земства, которыя отпускаютъ: первое 306 руб., второе 166 руб., всего 466 руб. въ годъ. Деньги эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 260 р., на наемъ сторожа 36 р., на бібліотеку 40 руб., ремонтъ и страхование дома 30 руб. Отопляются помещеніе школы и учительская квартира на особныя суммы. Въ бібліотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 10 названій 31 томъ на 11 руб., въ ученической 36 названій 115 томовъ на 18 руб.; учебныхъ пособій 20 названій на 57 руб. Преподавателями состоятъ: закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ—окончившій курсъ въ учительской семинаріи. Учащихся въ школѣ 58, въ томъ числѣ 18 дѣвочекъ. Они распредѣляются по отдѣленіямъ слѣдующимъ образомъ: въ младшемъ отдѣленіи 24, въ среднемъ 25, въ старшемъ 9; по народностямъ: Русскихъ 3 мальчика и 1 дѣвочка, Чувашъ 54 (17 дѣвочекъ и 37 мальчиковъ); по сословіямъ: духовныхъ 1, мѣщанъ 2, крестьянъ 55. Школу посѣщаютъ исправно, но въ послѣднее предъ ревизією время дѣвочки сравнительно чаще пропускали уроки, вслѣдствіе бывшей между ними болѣзни глазъ. Учебное дѣло найдено въ слѣдующемъ положеніи: въ присутствіи инспектора, на урокахъ чтенія ученики старшаго отдѣленія прочитали статью изъ книги Водовозова, средняго — изъ Роднаго Слова годъ 2-й, младшаго — изъ Роднаго Слова годъ 1-й. Всѣ они читали вѣрно, громко, объясненія давали сознательныя. Самъ учитель удовлетворительно руководилъ занятіями, часто обращаясь къ чувашскому нарѣчію, особенно при пересказѣ прочитаннаго. Но онъ не чуждъ и недостатковъ, каковы: многословіе, неточность нѣкоторыхъ объясненій и странная постановка послѣднихъ. Сверхъ того, онъ имѣетъ привычку начинать за ученика часть желаемаго отвѣта, напримѣръ первое слово, иногда даже только часть послѣдняго. По письму: младшіе ученики удовлетворительно списали съ книги; средніе и старшіе тоже четкимъ и твердымъ почеркомъ написали изложеніе содержанія читанныхъ ими статей, но въ изложеніи не было послѣдовательности и встрѣчалось много ошибокъ противъ согласованія. Первое происходитъ оттого, что учитель не под-

готовляетъ учениковъ къ работамъ и такимъ образомъ не создаетъ въ нихъ полезной привычки предварительно обдумывать какъ матеріалъ, такъ и порядокъ его изложенія, а затѣмъ уже приниматься и за самое изложеніе. Въ видахъ же пріученія учениковъ къ правильному согласованію, необходимо ознакомить ихъ съ родовыми окончаніями и вообще важнѣйшими измѣненіями русскихъ словъ, къ чему учитель и приступилъ. Особыя тетрадки для письменныхъ работъ заведены только въ старшемъ отдѣленіи, тогда какъ ихъ полезно имѣть всѣмъ ученикамъ. Ариметика преподается по методу Грубе, которая въ практическомъ примѣненіи не искажается неправильнымъ пониманіемъ. Но объемъ пройденнаго слишкомъ малъ въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ: первые прошли только число 20, вторые—3. Старшіе ученики знаютъ всѣ четыре дѣйствія; они удовлетворительно рѣшили нѣсколько задачъ, обнаруживъ при этомъ и вѣрность знаній, и достаточную быстроту соображенія; остальные ученики пройденное знаютъ также удовлетворительно. По закону Божию преподаванія не было, за отсутствіемъ законоучителя; но старшіе и средніе ученики удовлетворительно разказали нѣсколько событій изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, а младшіе столь же удовлетворительно прочитали нѣсколько общеупотребительныхъ молитвъ. Учащіеся поютъ, но далеко не стройно и твердо относительно напѣва.

Туруновское мужское сельское училище. Помѣщается въ весьма просторномъ, вполне удобномъ собственномъ домѣ, въ которомъ имѣется квартира для учителя, требующая, впрочемъ, довольно значительныхъ исправленій. Мебели въ школѣ достаточно, но она устроена неудобно. Содержится училище на счетъ мѣстныхъ общества и земства, которыя отпускаютъ: первое—281 руб., второе—160 руб., всего 441 руб. въ годъ. Отпускаемая сумма расходуетъ на слѣдующіе предметы: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 240 руб., на сторожа 36 руб., на бібліотеку 35 руб., на ремонтъ и страхованіе дома 30 руб. На отопленіе ассигнуется, изъ особаго источника, приблизительно около 30 руб. въ годъ. Въ бібліотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 32 названія 41 томъ на 35 руб., въ ученической 24 названія 32 тома на 9 руб.; учебныхъ пособій 31 названіе на 106 руб. Преподаваніемъ закона Божія и другихъ предметовъ занимаются два священника, окончившіе курсъ духовной семинаріи. Учащихся 50 мальчиковъ: въ старшемъ отдѣленіи 10, въ среднемъ 18, въ младшемъ 22. Всѣ они крестьяне; изъ нихъ 48 Чувашъ. 2 Мордвы; школу посѣщаютъ исправно, поведенія одобрительнаго.

Познація и успѣхи учащихся выяснились на происходившихъ урокахъ въ слѣдующемъ видѣ: на первомъ урокѣ законоучитель предполагалъ заниматься одновременно со всѣми учениками, на самомъ же дѣлѣ занято было только одно отдѣленіе, именно: вначалѣ старшее, затѣмъ среднее, а младшее осталось безъ всякаго дѣла. Старшіе ученики первоначально объясняли 4-й членъ символа вѣры и изъ исторій разказывали о страданіяхъ и смерти Спасителя, затѣмъ выслушали и усвоили новый урокъ—о пророкѣ Іліи. Во вторую половину законоучитель перешелъ исключительно къ среднему отдѣленію и занимался съ нимъ повтореніемъ пройденнаго. Ученики обоихъ отдѣленій отвѣчали очень полно, собственными словами, объясненія давали вѣрныя. По окончаніи урока они дали очень удовлетворительные отвѣты изъ всего пройденнаго, которое заключается въ слѣдующемъ: старшіе знакомы съ ученіемъ вѣры, священной исторіей новаго завіта и изъ ветхозавѣтной проходятъ о пророкахъ; средніе знаютъ о праздникахъ, молитвы, не исключая и символа вѣры; наконецъ, младшіе знаютъ и вкратцѣ объясняютъ молитвы: Богородице Дѣво, Отче нашъ, Царю небесный, Спаси Господи люди твоя, до и послѣ ученія. Вообще, за исключеніемъ указаннаго недостатка въ распредѣленіи занятій, законоучитель очень разумно ведетъ преподаваніе и старательно относится къ своимъ обязанностямъ. На второмъ урокѣ преподаватель занимался въ старшемъ отдѣленіи рѣшеніемъ ариметическихъ задачъ на всѣ четыре дѣйствія отвлеченныхъ и именованныхъ чиселъ. Не отличаясь чѣмъ либо выдающимся, урокъ все-таки веденъ былъ разумно, ученики оказались удовлетворительно усвоившими всю первую часть ариметики, хотя впрочемъ не вполне отчетливо уразумѣли специфическую особенность каждаго дѣйствія и ту зависимость, какая существуетъ между членами каждаго изъ нихъ, на примѣръ, частнымъ и уменьшаемымъ, дѣлителемъ и частнымъ, и прочее. Умственно они считаютъ несравненно хуже, нежели письменно. Ученики младшаго отдѣленія въ то же время писали подѣ диктовку одного изъ своихъ товарищей, ученики средняго читали попеременно одну и ту же статью. То и другое занятія были неудачны: письмо подѣ диктовку должно быть исполняемо непрерывно подѣ наблюденіемъ учителя, особенно въ началѣ обученія, и тѣмъ болѣе въ ипородческой школѣ, а попеременное чтеніе, совершаемое безъ всякаго контроля со стороны учителя, можетъ только приучить дѣтей къ дурнымъ привычкамъ въ работѣ. Изъ ариметики ученики средняго отдѣленія прошили число 40, младшаго 20. Въ предѣлахъ пройденнаго они дали часть ссу, отд. 4.

достаточные отвѣты. Въ первую, половину, третьяго урока учитель читалъ съ учениками средняго отдѣленія статью изъ Роднаго Слова (годъ 2-й), младшіе въ это время чертили по клѣткамъ, старшіе излагали содержаніе читанной статьи. Отъ чтенія учениковъ преподаватель требовалъ соблюденія необходимыхъ качествъ и складной передачи прочитаннаго своими словами, а по окончаніи чтенія написалъ на классной доскѣ нѣсколько вопросовъ, руководясь которыми ученики средняго отдѣленія должны были изложить содержаніе прочитанной статьи въ остальную часть урока. Самъ же онъ перешелъ къ ученикамъ младшаго отдѣленія, просмотрѣлъ ихъ рисунки и потомъ заставилъ прочитать статейку изъ Роднаго слова (годъ 1-й). Къ концу занятій старшіе исполнили свою работу, которая многими была написана удовлетворительнымъ скорописнымъ почеркомъ и не съ особенно большимъ количествомъ неправильностей относительно языка. Читаютъ эти ученики и по русски и по-славянски удовлетворительно, но недостаточно бѣгло и выразительно.

Туруновское женское сельское училище. Оно помѣщается въ церковной сторожкѣ, часто переполненной прихожаками-богомольцами. На содержаніе его отпускается по 65 руб. въ годъ, изъ которыхъ 60 руб. выдаются учительницѣ, а 5 руб. употребляются на покупку письменныхъ принадлежностей. Библіотеки не имѣется. Преподаваніемъ закона Божія безмевдно занимается мѣстный священникъ, прочихъ предметовъ—учительница, не имѣющая установленнаго свидѣтельства. Учащихся въ школѣ 15 дѣвочекъ, изъ нихъ 14 Чувашекъ и 1 Мордовка; всѣ онѣ крестьянки, православныя. Познанія ихъ и успѣхи выразились въ слѣдующемъ: по закону Божию всѣ ученицы учатъ преимущественно молитвы; нѣкоторыя изъ нихъ знаютъ также символъ вѣры, заповѣди, одна недурно разказала о крещеніи Господнемъ и всѣ кое-что разказываютъ о Рождествѣ Спасителя. Оказавшагося было бы пока достаточно, еслибы дѣти знали это сознательно, съ пониманіемъ произпосимаго ими; но, къ сожалѣнію, все дѣло ограничивается почти исключительно однимъ механизмомъ, заучиваніемъ словъ, русскаго значенія которыхъ ученицы часто вовсе не знаютъ. Въ обученіи чтенію, письму и ариметикѣ еще рельефнѣе выступаетъ преобладаніе механизма. Такъ, младшія дѣвочки, съ грѣхомъ пополамъ разбирая статейки Роднаго Слова (годъ 1-й), совсѣмъ не понимаютъ читаемаго; старшія обнаружили болѣе младшихъ бѣглости въ чтеніи и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ иногда обозначать, о чемъ именно прочитано, и только. Но и это умѣнье нѣкоторыхъ

очень ограничено и зависитъ исключительно отъ того, что онѣ узнали русскихъ словъ больше, чѣмъ ихъ остальныя подружки. Пишутъ недурно со стороны каллиграфіи; болѣе широкихъ цѣлей при обученіи письму не преслѣдуется. Ариѳметическія познанія дѣтей ограничиваются однимъ, только порядковымъ счетомъ, которому онѣ научились бы и безъ школы. Вообще школа въ умственное развитіе дѣвочекъ едва ли что нибудь вложитъ, кромѣ непонятныхъ и потому бессодержательныхъ для нихъ русскихъ и славянскихъ словъ. Если дѣтямъ она и будетъ въ послѣдствіи памятна чѣмъ нибудь, то лишь тѣмъ, что онѣ научатся въ ней шитью, вязанью и плетенью кружевъ, обученіе которымъ ведется небезуспѣшно.

Чурадинское сельское училище для дѣвочекъ и мальчиковъ. Оно помѣщается въ просторномъ домѣ, построенномъ удѣльнымъ вѣдомствомъ и раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна отведена подъ школу, другая подъ учительскую квартиру. Оба помѣщенія просторны и сухи, но требуютъ нѣкоторыхъ исправленій. Мебель въ школѣ плохая. Училище содержится на счетъ средствъ мѣстныхъ общества и земства. Изъ нихъ первое ассигнуетъ 343 руб. 99 коп., второе 160 руб., всего 503 руб. 99 коп. въ годъ. Изъ этой суммы производятся расходы: на жалованье заочному учителю 100 руб., учителю 300 руб., сторожу 30 руб., на бібліотеку 25 руб., ремонтъ и страхованіе 15 руб. 25 коп., отопленіе 33 руб. 74 коп. Библіотечный матеріалъ находится въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной бібліотекѣ книгъ 26 названій, 29 томовъ на 25 руб., въ ученической 25 названій 71 томъ на 11 руб.; учебныхъ пособій 12 названій на 40 руб. Изъ числа книгъ много старыхъ, совершенно неупотребительныхъ. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; прочихъ предметовъ — обучавшійся въ учительской семинаріи и пріобрѣвшій свидѣтельство на учительское званіе. Обучается въ школѣ 54, въ томъ числѣ 16 дѣвочекъ. По отдѣленіямъ они раздѣляются такъ: въ младшемъ отдѣленіи 18, въ среднемъ 28, въ старшемъ 8. Всѣ они православныя, крестьяне; изъ нихъ 51 Чувашъ и 3 Русскіе; школу посѣщаютъ исправно, ведутъ себя скромно, хотя въ то же время свободны, веселы. Послѣднее качество особенно поражаетъ, въ виду того, что въ большинствѣ инородческихъ училищъ дѣти выглядываютъ неповоротливыми и вялыми. Учебно-воспитательное дѣло найдено въ слѣдующемъ положеніи. Изъ закона Божія старшіе ученики прошли все, что положено по программѣ на льготу по отбыванію военной повин-

ности; въ остальную часть учебнаго года предполагалось ознакомить ихъ съ важнѣйшими церковными службами и устройствомъ православнаго храма; средніе ученики знакомы съ общеупотребительными молитвами и двенадцатыми праздниками; младшіе имѣютъ понятіе о Трїединомъ Богѣ и учатъ молитвы. На вопросы изъ пройденнаго всѣ дѣти отвѣчали вѣрно, сознательно и свободно; законоучитель во время запитій давалъ объясненія понятныя и существенно важныя, не вдавался въ излишнія подробности; священо-историческія картины употребилъ правильно. Уроки по русскому языку при инспекторѣ происходили во всѣхъ отдѣленіяхъ. Всѣ ученики читали вѣрно, сознательно обозначая о чемъ и что прочитано; содержаніе разказывали достаточно правильнымъ русскимъ языкомъ. Учитель давалъ объясненія понятныя, трудности соразмѣрлялъ со степенью подготовленности дѣтей: въ младшемъ отдѣленіи анализирующіе вопросы ставилъ частіе, тогда какъ въ старшихъ требовалась большая напряженность мысли, болѣе широкая обобщающая дѣятельность; наконецъ, наблюдалъ за правильностію русской разговорной рѣчи учениковъ и нерѣдко прибѣгалъ къ чувашскому нарѣчію, которе и для него родное. Вообще занятія поставлены правильно, и упрекнуть учителя можно лишь въ томъ, что въ среднемъ отдѣленіи ученики читаютъ не совсѣмъ бѣгло, чего достигнуть можно чтеніемъ новыхъ статей, а не повтореніемъ по нѣсколько разъ однихъ и тѣхъ же, какъ дѣлаетъ учитель. Сверхъ того, учителю поставлено на видъ, что обобщающіе отвѣты весьма полезны лишь тогда, когда сами дѣти обобщаютъ, а не учитель преимущественно, какъ оказалось въ училищѣ. Письменные работы выразились въ слѣдующемъ: ученики двухъ первыхъ отдѣленій со стороны каллиграфіи написали хорошо, но со стороны правильности остается желать многого. Къ тому же учитель совершенно ошибочно считаетъ неудобнымъ младшихъ учениковъ теперь же изучать къ правильному употребленію знаковъ препинанія, прописной буквы, буквъ ъ и с, конечно въ самыхъ простѣйшихъ случаяхъ. Преподаваніе ариѳметики ведется по способу Евтушевскаго, который понятъ и примѣняется учителемъ вѣрно. Объемъ пройденнаго опредѣляется такъ: старшіе знаютъ всю первую часть, средніе — 90, младшіе — 10 и порядковый счетъ до 100. Всѣ они счетъ ведутъ быстро, сознательно, вообще пройденное знаютъ очень хорошо. Недостаетъ имъ только умѣнья точно формулировать сущность вопроса въ предлагаемой задачкѣ. Затрудненіе въ этомъ составляетъ внородческое

происхожденіе учениковъ, хотя болѣе внимательное отношеніе къ дѣлу учителя могло бы во многомъ устранить это затрудненіе.

Хомбуть-Ватыревское сельское училище для дѣтей обоаго пола. На содержаніе училища, помѣщающагося въ весьма хорошемъ собственномъ домѣ, отпускается по 423 руб. 92 коп. въ годъ, въ томъ числѣ обществомъ крестьянъ 263 руб. 92 коп. и земствомъ 160 руб. Ассигнуемыя деньги расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 260 руб., на наемъ сторожа 30 руб., на письменныя принадлежности и книги 20 руб., ремонтъ дома 13 руб. 92 коп. Отапливается училищный домъ на особыя суммы, которыхъ расходуетса до 15 руб. Библіотеки училища находятся въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной книгъ 22 названія 31 томъ на 10 руб., въ ученической 19 названій 53 тома на 4 руб.; учебныхъ пособій 28 названій на 76 руб. Въ послѣднее время, на средства мѣстнаго общества, предположено приобрести нѣсколько особенно-необходимыхъ книгъ и учебныхъ пособій. Преподаютъ въ училищѣ; законъ Божій—мѣстный священникъ, не окончившій курса въ духовной семинаріи, прочіе предметы—обучавшійся въ духовной же семинаріи и приобрѣвшій званіе учителя. Учащихся въ школѣ 55, въ томъ числѣ 15 дѣвочекъ. Принадлежатъ исключительно къ крестьянскому сословію и чувашской національности, кромѣ одного русскаго мальчика, они раздѣляются на три отдѣленія: въ младшемъ отдѣленіи 34, въ среднемъ 12, въ старшемъ 9. Въ первые мѣсяцы 1879 года ученики сравнительно чаще пропускали уроки, частію по болѣзни, частію же вслѣдствіе дальности разстоянія. Учебное дѣло найдено въ слѣдующемъ видѣ: изъ закона Божія старшіе ученики, по учебнику Д. Соколова, прошли всю ветхозавѣтную исторію, изъ новозавѣтной слѣдуетъ разказъ о Вознесеніи Господнемъ учили также заповѣди, символъ вѣры и молитву Господню; средніе прошли по тому же учебнику до разказа объ Авраамѣ и молитвы; младшіе—учатъ исключительно одиѣ молитвы. Судя по объему пройденнаго, дѣло преподаванія поставлено удовлетворительно; знанія же учениковъ приводятъ къ другому заключенію. Старшіе ученики кое-что знаютъ изъ пройденнаго, хотя и ограничиваются при этомъ однимъ заучиваніемъ, словъ учебника; младшіе же и средніе совершенно плохи. Познанія ихъ ограничиваются заученнымъ текстомъ болѣе употребительныхъ молитвъ, и со стороны преподавателя не дѣлается никакихъ попытокъ, чтобы дѣти понимали текстъ и сознательно, къ нему относились. Ни младшіе, ни средніе ученики не

имѣютъ надлежащаго понятія о Богѣ и даже не знаютъ, къ какой вѣрѣ они принадлежатъ. На урокъ по русскому языку въ старшемъ отдѣленіи читали статью изъ Нашею Друга „Ворона и сорока“. Предварительно проведена была бесѣда, въ которой ученики, направляемые вопросами учителя, перечислили извѣстные имъ признаки двухъ названныхъ птицъ; и потомъ уже довольно бѣгло и выразительно прочитали статью. Преподаватель заботился о томъ, чтобы ученики читали вѣрно, отчетливо, сознательно, короче сказать — руководилъ занятіями очень разумно. Но при пересказѣ прочитаннаго онъ часто замѣнялъ дѣтей, вслѣдствіе чего хотя чтеніе шло быстро, но оно было далеко непроизводительно для дѣтей. Не менѣе важно также отсутствіе обобщающихъ вопросовъ, безъ которыхъ вниманіе направляется только на слова, и дѣти, не будучи въ состояніи ихъ запомнить, нерѣдко затруднялись при разказѣ прочитаннаго, часто буквально повторяя слова статьи. Младшіе ученики въ продолженіе этого урока удовлетворительно списали съ книги, а средніе написали названія домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей. Тѣ и другіе читаютъ тоже удовлетворительно. Изъ ариметики ученики старшаго отдѣленія прошли всю первую часть, средніе—число 30, младшіе—10 и русскій порядковый счетъ до 40. Урокъ былъ въ среднемъ отдѣленіи и состоялъ въ рѣшеніи задачъ умственно и письменно на числа до 40. Какъ на особенность урока нельзя не указать, что при умственномъ вычисленіи учитель имѣетъ обыкновеніе заставлять писать какъ уже высказанное рѣшеніе, такъ и самый путь, которымъ ученикъ шелъ при вычисленіи. Порядокъ этотъ хотя и замедляетъ ходъ дѣла, но за то приучаетъ дѣтей къ умѣнью записывать задачи. Что касается до познаній ученическихъ, то число 40 они усвоили удовлетворительно, но считаютъ не очень быстро, что является слѣдствіемъ сравнительно малаго разложенія чиселъ и сравнительнаго изученія. Старшіе ученики, удовлетворительно изложившіе въ это время содержаніе читанной статьи, основательно знаютъ всю первую часть, младшіе тоже недурно умѣютъ считать.

Шераутское сельское училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Помѣщается это училище въ собственномъ очень просторномъ домѣ, требующемъ серьезныхъ и безотлагательныхъ исправленій. Содержится оно на средства сельскаго общества и мѣстнаго земства, которыя отпускаютъ: первое 344 руб., второе 160 руб., всего 504 руб. въ годъ. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 240 руб., учительницѣ руководя

60 руб., сторожу 30 руб., на бібліотеку 25 руб., ремонтъ и страхование дома 15 руб. 25 коп., отопленіе 33 руб. 75 коп. Въ бібліотекахъ училища имѣется книгъ: въ фундаментальной 39 названій 46 томовъ на 33 руб., въ ученической 42 названія 44 тома на 12 руб.; учебныхъ пособій 16 названій на 88 руб. Преподавателями состоятъ: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи; прочихъ предметовъ—Чуваши, окончившій курсъ учительской семинаріи. Въ школахъ обучаются 63 человекъ, въ томъ числѣ 20 дѣвочекъ. Они распредѣляются: по отдѣленіямъ: въ старшемъ 10, въ среднемъ 28, въ младшемъ 25; по народностямъ: Русскихъ 5 мальчиковъ и 2 дѣвочки, Мордвовъ 2 мальчика, Чувашей 36 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ; по сословіямъ: духовныхъ 3 мальчика, мѣщанъ 2 мальчика, крестьянъ 38 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ. Всѣ учащіеся православные; поведеніе ихъ удовлетворительное, уроковъ не пропускаютъ. Познанія и успѣхи ихъ представились на данныхъ урокахъ въ слѣдующемъ видѣ: на первомъ урокѣ законоучитель занимался въ старшемъ отдѣленіи о пророкахъ. Сначала законоучитель кратко, но рельефно и живо разказалъ, кто были пророки, о чемъ они преимущественно предсказывали, какъ къ нимъ относился Еврейскій народъ, и почему. Затѣмъ, ученики нѣсколько разъ повторили и такимъ образомъ усвоили разказанное. Въ остальное время полуторачасоваго урока старшее отдѣленіе должно было письменно изложить усвоенное ими, а законоучитель перешелъ къ среднему отдѣленію, до того повторявшему урокъ по книгѣ, выслушалъ заданное имъ и назидательно разказалъ о страданіяхъ Спасителя. Затѣмъ онъ занялся съ младшими, которые пока повторяли по книгѣ уже пройденныя ими молитвы. Занятія состояли въ заучиваніи со словъ молитвы „Царю небесный“, и велись совершенно правильно. Наконецъ, отобравъ тетради у старшихъ и среднихъ учениковъ, законоучитель пропѣлъ со всѣми дѣтьми тропарь предстоящаго праздника Благовѣщенія, объяснилъ его и заставилъ старшихъ мальчиковъ разказать событіе, въ память и честь котораго установленъ праздникъ. Вообще этотъ законоучитель въ высшей степени внимательно относится къ своимъ обязанностямъ, преподаваніе умѣетъ вести вполне разумно и назидательно. Недостаетъ ему лишь знанія чувашскаго нарѣчія, безъ котораго ему приходится испытывать иногда непреодолимыя трудности. На второмъ урокѣ учитель занимался съ учениками старшаго отдѣленія письменнымъ рѣшеніемъ задачъ на всѣ четыре дѣйствія. Дѣло велъ онъ недурно, ученики давали удовлетворительныя отвѣты. Недостаткомъ

его можно считать то, что, вызвавъ одного ученика къ доскѣ, онъ не заставляеть остальныхъ дѣлать ту же задачу на ихъ доскахъ. Въ концѣ урока учитель пересмотрѣлъ у всѣхъ учениковъ средняго отдѣленія самостоятельно рѣшенную ими задачу, рассматривая каждую изъ нихъ порознь. Изъ ариметики ученики прошли число 58 и знаютъ пройденное порядочно: младшіе, занимавшіеся во все это время списываніемъ съ книги, изучили число 15. Умственно тѣ и другіе считаютъ медленно, бѣглый счетъ учитель велъ неправильно. Третій урокъ учитель употребилъ на чтеніе въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Читали ученики довольно хорошо; хотя и допускали при этомъ немало неправильныхъ выраженій, которыя, впрочемъ, почти всегда учителемъ оговаривались, содержаніе прочитаннаго часто разказывали буквальными словами книги. Нельзя одобрить и того, что ученики прочитываютъ предварительно статьи на дому, а потомъ уже читаютъ ихъ съ учителемъ. Обратный порядокъ возможенъ, часто даже необходимъ, но вести дѣло какъ въ этомъ училищѣ не слѣдуетъ уже потому, что въ головахъ дѣтей можетъ явиться мысль о возможности чтенія исключительно механическаго, безсознательнаго. Сверхъ того, учитель преимущественно самъ даетъ объясненія и ведетъ занятія, ходя по классу и слишкомъ подолгу останавливается на одномъ ученикѣ. Старшіе ученики, во все это время излагавшіе содержаніе заданной статьи и исполнившіе свое дѣло недурно, читали удовлетворительно какъ по русски, такъ и по славянски. Пѣть молитвы ученики умѣютъ, въ гимнастическихъ упражненіяхъ не упражняются. Дѣвочки, подъ руководствомъ жены учителя, обучаются вязанью чулокъ, шитью и плетенью крючкомъ кружевъ. Занятія руководѣемъ бывають каждодневно и продолжаются часъ; дѣвочки занимаются охотно и оказываютъ удовлетворительные успѣхи.

Тарханское мужское сельское училище. Оно помѣщается въ собственномъ просторномъ дѣмѣ, въ которомъ устроена хорошая квартира; послѣдняя, впрочемъ, требуетъ немаловажныхъ исправленій. Мебели въ школѣ достаточно. На содержаніе училища употребляется 531 руб. 50 коп. въ годъ, въ томъ числѣ общественныхъ 271 руб. 50 коп. и земскихъ 260 руб. Деньги эти расходуются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 240 руб., ему же за обученіе ремесламъ 60 руб., содержаніе сторожа 36 руб., ремонтъ и страхование дома 28 руб., содержаніе ремесленнаго класса 40 руб., приобрѣтеніе учебныхъ пособій и книгъ 27 руб. 50 коп.

На отощеніе полагается особая сумма, до 25 руб. въ годъ. Въ библиотекахъ имѣется слѣдующее число книгъ: въ фундаментальной 38 названій 66 томовъ на 26 руб., въ ученической 45 названій 91 томъ на 14 руб.; учебныхъ пособій 24 названія на 57 руб. Преподавателями состоятъ: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, прочихъ предметовъ—обучавшійся въ духовной же семинаріи и приобрѣвшій свидѣтельство на учительское званіе. Обучается въ училищѣ 40 мальчиковъ; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 6, въ среднемъ 13, въ младшемъ 21; по національностямъ: Русскихъ 5, Мордвовъ 1, Чувашъ 31; по сословіямъ: 2 мѣщанъ, остальные крестьяне. Всѣ они православные; школу посѣщаютъ исправно. Познанія и успѣхи въ преподаваемыхъ предметахъ найдены въ слѣдующемъ положеніи: по закону Божию ученики старшаго и средняго отдѣленій знаютъ всю ветхозавѣтную священную исторію, о праздникахъ, молитвы и православное вѣроученіе; младшіе имѣютъ понятіе о Богѣ и изучаютъ молитвы. На вопросы изъ пройденнаго всѣ давали удовлетворительные отвѣты, но не вполнѣ твердые и осмысленные. Эти недостатки не что иное, какъ слѣды, которыхъ нынѣшнему преподавателю, не смотря на его рѣдкую опытность въ школьномъ дѣлѣ и вполнѣ старательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, не удалось еще окончательно устранить. Впрочемъ, онъ занимаетъ настоящую должность лишь съ января текущаго года. Читаютъ ученики всѣхъ отдѣленій довольно вѣрно, но недостаточно бѣгло и выразительно, особенно ученики старшаго отдѣленія; содержаніе прочитаннаго разказываютъ, но всегда при этомъ буквально повторяютъ слова статьи. Послѣднее обстоятельство, завися отъ плохаго знакомства большинства учениковъ съ русскимъ языкомъ, въ то же время поддерживается и тѣмъ, что учитель подходящими вопросами не возбуждаетъ мысли дѣтей во время чтенія, направляя всю работу преимущественно на запоминаніе словъ. Къ тому же многихъ метафорическихъ выраженій онъ часто не объясняетъ, и тѣмъ еще болѣе затрудняетъ возможность усвоенія собственно содержанія читаемаго. Недостатокъ бѣглости имѣетъ свое основаніе въ томъ, что ученики мало читаютъ новаго, обыкновенно по вѣсколку разъ повторяя однѣ и тѣ же статьи; плохая же выразительность есть результатъ недостаточно внимательнаго отношенія учителя къ этому важному качеству чтенія. Наконецъ, въ младшемъ отдѣленіи слѣдуетъ, возможно, чаще дѣлать остановки при чтеніи и заставлять всегда точно обозначать предметъ и то, что оно немъ прочитано. Пи-

шутъ ученики въ каллиграфическомъ отношеніи удовлетворительно; но со стороны правильности словъ, не говоря уже о знакахъ препинанія, допускаютъ много ошибокъ. Что касается порядка ученическихъ изложеній, то въ нихъ нѣтъ необходимѣйшей послѣдовательности, отсутствіе которой объясняется тѣмъ, что учитель не вырабатываетъ предварительно плана письменныхъ упражненій. Изъ арметики ученики старшаго отдѣленія прошли всю первую часть, среднѣе число 40, младшіе пріучаются къ порядковому счету по русски. Преподаваніе хотя и ведется по способу Грубе, но подлежащаго значенія сравненію чиселъ не придается. Поэтому отношенія между числовыми величинами ученики не уразумѣваютъ и соображаютъ крайне медленно. Пройденное наилучше усвоено учениками старшаго отдѣленія, но быстрота соображенія и у нихъ нѣсколько не лучше развита, нежели у всѣхъ остальныхъ. Молитвы поютъ всѣ ученики, а изъ болѣе даровитыхъ въ этомъ отношеніи мальчиковъ составленъ хоръ, который поетъ по праздникамъ въ церкви довольно стройно и твердо. При училищѣ устроенъ ремесленный классъ для обученія столярно-токарному мастерству. Классъ этотъ содержится на издѣніи губернскаго земства, которое отпускаетъ на него по 300 руб. въ годъ. Обученіемъ ремесламъ занимается учитель училища, получая за это, какъ выше сказано, 60 руб. въ годъ. Но, обремененный довольно многочисленными занятіями, онъ не можетъ удѣлять слишкомъ много времени на ремесла, и потому не рассчитываетъ приготовить изъ мальчиковъ волюнтерныхъ мастеровъ. Тѣмъ не менѣе, въ училищѣ уже имѣется нѣсколько вещей, удовлетворительно сдѣланныхъ учениками, именно: четыре классныхъ стола, шкафъ, фонарь, нѣсколько табуретокъ, стульевъ и проч. Въ присутствіи инспектора одинъ мальчикъ выточилъ подсвѣчникъ, другой обстругалъ брусокъ; оба они обнаружили при этомъ достаточный навыкъ и пріиспособленность къ работѣ. Учащихся въ ремесленномъ классѣ 5; всѣ они ученики школы.

Тарханская женская школа. Она содержится на счетъ мѣстнаго сельскаго общества, которое отпускаетъ на нее 95 руб. въ годъ; изъ этихъ денегъ расходуются: 60 руб. на жалованье учительницъ, 30 р. ей же за помѣщеніе ея въ тѣсномъ домѣ школы и 5 руб. на письменные матеріалы. Книги выдаются изъ мѣстнаго мужскаго училища. Обучается въ школѣ 19 дѣвочекъ, изъ которыхъ 10 отчислены къ старшему отдѣленію, а 9 къ младшему. Всѣ ученицы крестьянки, Чувашки, за исключеніемъ одной Русской; изъ духовнаго званія; всѣ

православныя. Школа эта значительно улучшилась сравнительно съ тѣмъ, какою она была въ прошломъ году. Улучшеніе это объясняется тѣмъ, что поученіе закону Божію возложено на другаго, болѣе энергическаго священника; обученіемъ же остальныхъ предметовъ занималась не сама учительница, нигдѣ не учившаяся и не имѣющая учительскаго свидѣтельства, а ея дочь, дѣвица, окончившая въ 1878 году курсъ въ епархіальномъ училищѣ. По закону Божію ученицы наложили ученіе о Богѣ, прочитали нѣсколько общеупотребительныхъ молитвъ, съ переводомъ болѣе трудныхъ мѣстъ на русскій, а иногда и на чувашскій языкъ; разказали о сотвореніи міра, жизни первыхъ людей въ раю и ихъ грѣхопаденіи. Правда, знанія дѣтей только этимъ и ограничиваются, но за то законоучитель заботится о сознательномъ усвоеніи ими проходимаго. Читаютъ старшія ученицы довольно бѣгло, но не выразительно; содержаніе прочитаннаго передавать не умѣютъ, такъ какъ обыкновенно повторяютъ то же самое, только паузу; къ видѣнію предмета и того, что о немъ прочитано, дѣти не приучаются. Чтеніе младшихъ ученицъ совсѣмъ плохо, потому что ограничивается однимъ только механизмомъ. Пишутъ всѣ ученицы со стороны каллиграфіи удовлетворительно. Старшія изъ нихъ даже излагали и содержаніе прочитаннаго, но оно не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ знаки препинанія разставлены были учительницей, а въ словахъ встрѣчалось весьма много неправильностей. Изъ ариметики, преподаваніе которой введено съ нынѣшняго года, старшія знаютъ число 18, младшія приучаются къ русскому порядковому счету. Простой и несложный счетъ первыя ученицы ведутъ недурно, но соображаютъ медленно; вторыя же могутъ только считать по порядку до 10. Дѣвушки обучаются домашнимъ рукодѣльямъ и, судя по ихъ работамъ, обнаруживаютъ удивительные успѣхи. Вообще, хотя еще и встрѣчается немало недостатковъ обученіи, однако все-таки замѣтно стремленіе сбросить тотъ механизмъ, который царилъ въ этой школѣ въ прежнее время.

... Старо-Айбесевское сельское училище для дѣтей обоаго пола. Оно помѣщается въ отдѣльномъ просторномъ, свѣтломъ и вообще удобномъ домѣ, построенномъ удѣльнымъ вѣдомствомъ, требующемъ однако исправленій. Парты въ школѣ достаточно, но устроены онѣ по старинному, и потому не вполне удобны. На содержаніе училища ассигнуется по 891 руб. 50 коп. въ годъ, въ томъ числѣ отъ общеста 291 руб. 50 коп., отъ земства 100 руб. Деньги эти расходуются такъ: на жалованье законоучителю 100 руб., учителю 200 руб., сто-

рожу 36 руб., на ремонтъ и страхование дома 28 руб., на бібліотеку 27 р. 50 к. Сверхъ того, на отопленіе училищнаго дома отпускается, изъ особой суммы, приблизительно 15 руб. Библіотеки находятся въ жалкомъ положеніи: въ фундаментальной имѣется книгъ 10 названій 13 томовъ на 3 руб. 38 коп., въ ученической 9 названій 9 томовъ на 1 р. 20 к.; учебныхъ пособій 7 названій на 19 руб. 40 коп. Обучается въ школѣ 27, въ томъ числѣ 8 дѣвочекъ. Они раздѣляются на два отдѣленія, въ младшемъ изъ коихъ 5, въ старшемъ 22 ученика. Всѣ учащіеся крестьяне, Чуваши, православные. Посѣщаютъ школу неаккуратно и осенью приходятъ поздно. Законоучителемъ и учителемъ предметовъ состоитъ мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. По особымъ условіямъ мѣстности, въ которой находится училище, учителя въ немъ долго не уживаются. Частая смѣна ихъ оказываетъ крайне-неблагопріятное вліяніе на состояніе училища, которое въ учебномъ отношеніи пало наконецъ до того, что нынѣшнему учителю, поступившему лишь 9 мѣсяцевъ назадъ, по чтенію пришлось начинать почти съ азбуки даже и съ тѣми учениками, которые составляли старшее отдѣленіе. По остальнымъ предметамъ свѣдѣнія ихъ были также крайне слабы. Не смотря на это, учитель направилъ старшихъ учениковъ на столько, что они читаютъ любое мѣсто классной книги (Родное Слово годъ 1-й), порядочно разказываютъ содержаніе прочитаннаго, довольно четко пишутъ и даже написали подъ диктовку нѣсколько простыхъ словъ и фразъ. Изъ ариметики они считаютъ до сотни и умѣютъ разлагать числа, но совсѣмъ не рѣшаютъ задачъ ни устно, ни письменно. По закону Божию выучили молитвы, знаютъ съ объясненіями заповѣди и символъ вѣры, нѣсколько начальныхъ историческихъ разказовъ и имѣютъ понятіе о Богѣ. Младшіе ученики, то-есть поступившіе уже при нынѣшнемъ учителѣ, читаютъ вѣрно, сравнительно быстро, и даютъ разумныя объясненія по поводу прочитаннаго; пишутъ удовлетворительнымъ почеркомъ и вѣрно написали слова, обозначающія названія предметовъ домашней посуды. Изъ ариметики умѣютъ считать по русски до 15, но въ рѣшеніи скольконибудь сложныхъ задачекъ не обнаружили достаточно сообразительности. По закону Божию: прочитали по славянски и по чувашски молитву Господню; Царю небесный, Пресвятая Троице, Слава Отцу, молитвы до и послѣ ученія. Къ сожалѣнію, въ изученіи молитвъ законоучитель ограничивается однимъ лишь текстомъ.

ЭТЮДЫ О ДРЕВНЕЙ МЕТРИКЪ ¹⁾.

При составленіи учебника древней метрики слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, что основанное на опытѣ знаніе началъ классическихъ языковъ болѣе всего способствуетъ и знанію древней метрики, насколько въ немъ нуждаются какъ преподаватели гимназій такъ и ученики. Даже между филологами специалистовъ по метрикѣ весьма немного. Посему и отъ учениковъ гимназій нельзя требовать болѣе чѣмъ знанія самыхъ обыкновенныхъ метровъ. Это знаніе, конечно, не должно быть исключительно механическимъ, но должно перейти въ плоть и кровь учениковъ, такъ что они *legitimus sapiens*, говоря словами Горація, стиховъ не только *digitis callent*, но, что важнѣе всего, и *aure*.

Методъ этотъ есть тотъ же самый, котораго придерживались Бентли, Порсонъ, Германъ и Лахманъ. Надо объяснять явленія метрики и просодіи съ точки зрѣнія языка. О научномъ достоинствѣ этого метода можно быть разныхъ мнѣній; противъ практической же его пользы едва ли станутъ возражать разумные педагоги.

Сообразно съ цѣлями такой книги, изъ греческихъ поэтовъ слѣдуетъ принять во вниманіе особенно Гомера, фрагменты элегиковъ, ямбиковъ и эолическихъ поэтовъ, насколько они служатъ для

¹⁾ Статья эта составляетъ часть учебника древней метрики для старшихъ классовъ гимназій, который вскорѣ появится въ свѣтъ. Такъ какъ избранныя главы этого учебника имѣютъ интересъ почти исключительно для филологовъ, то авторъ считаетъ уместнымъ помѣстить ихъ въ журналъ, доступномъ для всѣхъ преподавателей древнихъ языковъ.

объясненія Горація, изъ трагиковъ—преимущественно Софокла. Изъ римскихъ поэтовъ должны быть приняты въ расчетъ Virgilii, Гораций, Овидій, Федръ и элегики Тибуллъ и Проперцій.

О хорахъ и вообще о лирическихъ пѣсняхъ греческихъ трагиковъ можно упомянуть только вскользь по слѣдующимъ причинамъ. Впервыхъ, критика этихъ мѣстъ и метрическая ихъ сторона еще не установлена. А вторыхъ, въ изданіяхъ трагиковъ метры лирическихъ мѣстъ обыкновенно объясняются. Хотя я во многомъ и не согласенъ съ принятымъ раздѣленіемъ ихъ, по измѣнить установившійся способъ считаю неудобнымъ, такъ какъ такіа измѣненія потребовали бы доказательствъ и слишкомъ увеличили бы объемъ книги.

Впрочемъ, хотя я того мнѣнія, что, при чтеніи хоровъ преподавателю слѣдуетъ ихъ читать метрически и требовать того же и отъ учениковъ, но онъ не долженъ слишкомъ долго останавливаться на метрическихъ поясненіяхъ.

Всякій разумный педагогъ согласится, что при чтеніи въ гимназіи греческой трагедіи встрѣчаются столь многія трудности, требующія поясненія, что болѣе обстоятельное разъясненіе метровъ не позволило бы прочесть до конца читаемую драму.

Размѣры Плавта и Теренція слѣдуетъ указать только мимоходомъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, эти писатели не должны читаться въ школахъ.

Цѣль гимназій — развить умственные способности учениковъ, а также ихъ фантазію, и внушить имъ любовь къ классической древности, особенно къ поэтическимъ произведеніямъ древнихъ, а не образовывать филологовъ или метриковъ-спеціалистовъ.

Если мнѣ удастся внушить ученикамъ пониманіе метровъ древнихъ поэтовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, то я буду считать долгъ свой исполненнымъ. Посему, вмѣстѣ съ метрами Горація, я съ особеннымъ вниманіемъ долженъ изложить строй наиболѣе употребительныхъ стиховъ дактилическаго гекзаметра и ямбическаго триметра, такъ какъ тотъ, кто основательно изучилъ эти размѣры, уже очень много сдѣлалъ успѣховъ въ пониманіи древней метрики.

Вслѣдствіе частаго пренебреженія метрикою, ученики лишаются значительной части прелести поэзіи древнихъ. Всякій педагогъ знаетъ, что скандовка стиховъ для учениковъ даже старшихъ классовъ есть истинная „счих“ и что эта трудность зачастую развиваетъ и поддерживаетъ въ ученикахъ нерасположеніе къ чтенію древнихъ авторовъ,

между тѣмъ какъ метрика читаемыхъ въ гимназіяхъ классиковъ есть самое прекрасное, что создалъ гений древнихъ языковъ.

Вкоренить въ ученикахъ любовь и знаніе метрическаго искусства древнихъ такъ, чтобы пониманіе ихъ красотъ ученики сохранили и оставивъ школу, есть задача моего учебника.

Обзоръ хода развитія древней метрики.

§ 1.

Общія замѣчанія.

Развитіе метрики Грековъ и Римлянъ совершенно сходно съ развитіемъ древне-греческой пластики. Художники не ставили необходимымъ условіемъ для поэтическаго творчества оригинальность метрической формы. Если какой либо талантъ выдумывалъ для того или другаго рода поэтическихъ сочиненій подходящій размѣръ, то позднѣйшіе поэты и не пытались передѣлывать его или сочинять другой размѣръ, а ограничивались развѣ видоизмѣненіемъ его въ частности. Такъ, напр., дактилическій гекзаметръ, благодаря Гомеру, сталъ безспорно эпическимъ размѣромъ всей древности. Ямбическій триметръ и трохайческій катаlecticескій тетраметръ, имѣющіе начало въ деревенскихъ празднествахъ Іоніанъ, остались любимымъ размѣромъ діалога въ произшедшихъ изъ этихъ торжествъ трагедій и комедій. Такимъ же образомъ молодое поколѣніе аѳинскихъ трагическихъ поэтовъ слѣдовало и въ метрическомъ отношеніи примѣру великихъ творцовъ: Эсхила, Софокла и Еврипида.

Этимъ и объясняется постоянная преемственность метрическаго искусства во всей древней литературѣ, правда, не всегда непосредственная и живая. Этому преемству особенно способствовало сближеніе поэтовъ въ центрахъ древней образованности, напр., въ Аѳинахъ, Александріи и Римѣ, а со временъ Александра Великаго и старанія грамматиковъ, которые не только тщательно анализировали метрику древнихъ классическихъ поэтовъ и обучали ей юношество, но находились въ постоянномъ общеніи съ современными поэтами.

§ 2.

Греческая метрика въ сравненіи съ римскою.

Если сравнить метрику Грековъ классической эпохи до Александра Великаго съ римскою метрикою до временъ Адріана, то отличи-

тельными чертами метрики Грековъ отмѣтимъ: оригинальность, смѣлость, разнообразіе, грацію и подвижность, приче́мъ, однако, въ ней иногда замѣчаются произволь и неправильность. Впрочемъ греческіе поэты и даже Гомеръ соблюдали метрическіе законы гораздо строже, чѣмъ полагали прежде. Метрика Римлянъ отличается строгостью, силою, неуклонною послѣдовательностью даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, а также сознательнымъ примѣненіемъ того, что соотвѣтствуетъ особенностямъ латинскаго языка, отличающагося силою и энергіею, но гораздо менѣе богатаго и подвижнаго, чѣмъ греческій языкъ, между тѣмъ какъ надо упрекать нерѣдко римскихъ поэтовъ въ монотонности, педантствѣ и чрезмѣрной аккуратности. Впрочемъ, въ выборѣ метровъ для различныхъ видовъ поэтическаго произведенія, Греки превзошли Римлянъ, какъ и вообще при подражаніи размѣрамъ, заимствованнымъ у другаго народа, легко могутъ вкрадываться промахи. Въ классическую пору римской поэзіи шаткость и промахи въ выборѣ размѣра особенно замѣтны въ стихотвореніяхъ современниковъ Цицерона.

§ 3.

I. Греки.

Гекзаметръ и Пентаметръ.

Древнѣйшій размѣръ народа естественно хатѣ стѣхов, то-есть состоящій изъ одного, по желанію, часто повторяющагося стиха.

Древнѣйшій размѣръ Грековъ, художественно выработанный, есть дактилическій гекзаметръ. Его изобрѣтатель, изъ іоническаго племени, не извѣстенъ ¹⁾. Легкость и подвижность іоническаго діалекта, его богатство краткими слогами, способность увеличивать число краткихъ слоговъ, ставя долгія конечныя гласныя въ теснѣ предѣ гласными, а съ другой стороны возможность удлиннить краткіе гласные посредствомъ положенія или (въ концѣ словъ) посредствомъ арвиса, колеблющееся количество нѣкоторыхъ слоговъ, замѣня дактилей посредствомъ спондеевъ способствовали быстрому и своеобразному развитію этого размѣра, древнѣйшіе представители косяго суть гомерическія пѣсни (около 900 г.) и произведенія Гезіода и его школы.

1) Древніе часто смѣшиваютъ изобрѣтателя размѣра съ тѣмъ, кто первый ввелъ его въ литературу. И наоборотъ, часто называютъ размѣръ именемъ того поэта, который чаще всѣхъ употребляетъ его, а не именемъ изобрѣтателя.

хлѣба и винограда и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, употреблялись ямбическіе и троханческіе размѣры, которыхъ ярвись былъ подвиженъ и замѣняемъ двумя краткими, какъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ тезиса краткій слогъ могъ быть замѣненъ долгимъ. Эти размѣры сдѣлались извѣстны, благодаря одному изъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ древности, а именно Архилоху Паросскому, который мастерски выработалъ ямбическій триметръ и троханческій катаlecticескій тетраметръ. Впрочемъ, у него встрѣчаются и другіе ямбическіе и дактилическіе размѣры, а также состоящіе изъ дактилей и ямбовъ или трохеевъ асинартеты. Образовалъ онъ также и эподическія системы изъ соединенія ямбическихъ триметровъ и диметровъ, а также изъ размѣровъ дактилическихъ или асинартетическихъ и ямбическихъ.

§ 5.

Лирическая поэзія Эолянъ. Анакреонъ. Гиппионактъ. Ананій.

Послѣ Архилоха греческая метрика дѣлала чрезвычайно быстрое успѣхи.

Развитію этому много способствовали эолическіе поэты Алкей и Сапфо (около 600 г.), которые пользовались строфами, состоящими обыкновенно изъ 2, 3 и 4 стиховъ, такъ чтобы были совершенно сходны стопы въ соответствующихъ стихахъ отдѣльныхъ строфъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вольностей въ basis, anapsusis или въ срединѣ стиха. Въ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ какъ строфами, такъ и не строфами, они рѣдко употребляли чисто дактилическіе стихи, а чаще дактили съ двухсложнымъ базисомъ любого размѣра, даже пиррихическаго, рѣдко ямбы и трохеи, какъ кажется, безъ замѣны ярвиса двумя краткими, особенно же логэадическіе размѣры, іонісі а піногі (иногда и а піаіогі вмѣстѣ съ трохеями), асинартеты и смѣшанные метры. Изъ ихъ строфъ особенно замѣчательны: сапфическая, алканческая и асклепиадическія.

Эолическіе поэты оказали большое вліяніе особенно на Александрийцевъ и Римлянъ; такъ, на примѣръ, ими часто былъ употребляемъ hendecasyllabus phalaecius, изобрѣтенный Сапфо, но названный именемъ одного александрийскаго поэта.

Анакреонъ, Іоніецъ изъ Теоса (около 550 г.), занимаетъ въ метрическомъ отношеніи средипу между іоническими поэтами и эолическими. Извѣженность его патуры сказывается особенно въ частомъ употребленіи іонісі а піногі и гликонеевъ. Другіе же его отрывки

такого рода, что можно сказать, что авторъ *numeros animoque secutus Archilochi*. Для системъ и строфъ онъ съ особенною любовію пользовался гликонеями и ферекратеями. Собраніе стихотвореній, посвящее ложно его имя, не имѣетъ отношенія къ его метрикѣ.

Ямбическому триметру и троханческому каталектическому тетраметру около того же времени придали еще новый характеръ іонійцы Гиппонактъ и Анакій, измѣнивъ своевольно послѣдній ямбъ въ спондей, въ которомъ арзисъ былъ на послѣднемъ слогѣ.

Такіе „хромые ямбы“ впоследствии особенно были въ употребленіи у Александрійцевъ и Римлянъ.

§ 6.

Лирика Дорійцевъ.

Чрезвычайно смѣло развивалась греческая лирика у Дорійцевъ. Лирическая поэзія Эолянъ и Іонянъ болѣе служила для устнаго изложенія одного лица, дорическіе же поэты преимущественно сочили пѣсни для хора, для пѣнія въ торжественныя дни, почему одни изъ этихъ поэтовъ и названъ Стезихоромъ.

Дорическіе лирическіе (какъ и аттическіе драматическіе) писатели предпочитали строфы изъ 5 и болѣе стиховъ, рѣдко болѣе 20, художественно составленныя изъ различныхъ, по объему и составу, размѣровъ. Притомъ случалось, что соединялись два или три болѣе краткіе стиха или части стиховъ (періодъ). Строфѣ соответствуетъ вполне антистрофа. Начиная съ Стезихора, за антистрофой часто слѣдовала *epodus*, которой должны были вполне соответствовать послѣдующія *epodi*. Въ противоположность живости Іонянъ и страстности Эолянъ, лирика Дорійцевъ, соответствуя ея назначенію, отличается серьезностью, суровостью и спокойствіемъ.

Родоначальникомъ лирическихъ хоровъ считается Алкманъ (около 612 г.). За нимъ слѣдуютъ Стезихоръ, Аріонъ, Ибикъ, Симонидъ, Бакхилидъ и наконецъ Пиндаръ (около 480 ч.), единственный дорическій лирический писатель, много стихотвореній котораго дошли до насъ въ цѣлости.

Послѣднимъ произведеніемъ греческой лирики слѣдуетъ считать диѳирамбъ, имѣющій начало въ культѣ Вакха; его отличительныя черты суть: смѣлость и разнообразіе метровъ. Въ литературѣ онъ впервые встрѣчается у Аріона (около 600 г.).

Въ древнѣйшую пору диѳирамбъ состоялъ изъ строфъ и антистрофъ, но съ 400 г. антистрофа опускалась, вследствие чего онъ, по недо-

статку всякой метрической правильности, лишившись высокаго полета мысли и размѣра, преобразовался, такъ сказать, въ прозу.

§ 7.

Аттическая драматическая поэзія.

Происшедшая изъ пѣснопѣій и пляски въ сельскія празднества драма представляетъ какъ бы соединеніе эпоса и лирики, такъ что діалогическія части, которыя изображаютъ дѣйствіе, составляютъ эпическій элементъ драмы; а хоры и пѣсни отдѣльныхъ хоревоговъ или актеровъ—лирической элементъ ея. Въ метрическомъ отношеніи этому раздѣленію соотвѣтствуютъ и размѣры: діалогъ состоитъ преимущественно изъ ямбическихъ или троханческихъ стиховъ (особенно изъ ямбическихъ триметровъ, рѣже изъ троханческихъ катаlecticескихъ тетраметровъ, у комиковъ часто и изъ ямбическихъ катаlecticескихъ тетраметровъ), пѣсни же состоятъ изъ лирическихъ размѣровъ, частью бывшихъ уже въ употребленіи у лирическихъ поэтовъ, частью изъ другихъ свободно изобрѣтенныхъ драматическими писателями.

Какое значеніе драматикѣ придавали гармоніи и соразмѣрности размѣровъ видно изъ стихомитіи, то-есть изъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, когда стихи, заключающіе вопросъ и отвѣтъ дѣйствующихъ лицъ, соотвѣтствуютъ другъ другу по своему объему (большею частью по одному, рѣже по два или болѣе стиха).

Пѣсни всего хора, которыя поются, когда дѣйствіе достигло извѣстнаго развитія или представляетъ поворотъ, и которыя такимъ образомъ составляютъ конецъ отдѣльныхъ дѣйствій, отличаются спокойствіемъ и достоинствомъ ритма; пѣсни же отдѣльныхъ хоревоговъ и актеровъ отличаются характеромъ болѣе живымъ и подвижнымъ, и часто не имѣютъ антистрофъ (*ἀπολελογμένα*).

Само собой разумѣется, что метры трагедіи отличаются большею высокопарностью и строгостью, чѣмъ метры комедіи, которыхъ ритмъ болѣе свободенъ и разнообразенъ. Этотъ характеръ сказывается не только въ хорахъ, но и въ діалогѣ, что особенно замѣтно въ безусловномъ допущеніи анапеста въ комедіи во всѣхъ, за исключеніемъ послѣдняго стопахъ ямбическаго триметра.

Въ метрическомъ отношеніи Эсхиль строже Софокла, а этотъ — Еврипида, который отъ своихъ предшественниковъ замѣтно отличается не только въ хорахъ, но и въ діалогѣ, и съ своей стороны сильно вліяетъ на послѣдующихъ трагиковъ. Впрочемъ, съ 424 г. въ метрахъ

аттическихъ трагиковъ замѣчается большая вольность, какъ-то замѣтно въ Филоктетѣ Софокла и въ болѣе позднихъ драмахъ Еврипида.

Изъ комическихъ поэтовъ больше всѣхъ отличается Аристофанъ какъ обиліемъ, такъ и искусствомъ и изящностью метровъ; поэтому уже въ древности его сравнивали съ Архилохомъ.

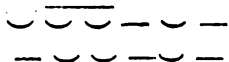
Эпода рѣдко встрѣчается въ трагедіи, а именно не всегда послѣ первой антистрофы, но только послѣ второй или третьей, въ концѣ всего хора, во всякомъ случаѣ безъ соотвѣтствующихъ эподъ.

Чрезвычайно часто встрѣчаются у драматическихъ писателей анапесты, которые издавна употреблялись въ походныхъ пѣсняхъ (*stabatia*) Спартанцевъ. Этотъ размѣръ употреблялся частью въ хорахъ, преимущественно при выступленіи хора и его движеніяхъ, или въ отзывахъ отдѣльныхъ хоревтовъ, частью въ пѣсняхъ актеровъ, особенно въ жалобныхъ. Анапестическія системы состоятъ изъ диметровъ съ рѣдкими монотрами и заканчиваются обыкновенно катаlecticскимъ диметромъ (*versus paroemiacus*). Катаlecticскій тетраметръ употреблялся только въ комедіи.

Впрочемъ, лирическіе отдѣлы драмъ отличаются такимъ же разнообразіемъ размѣровъ, какъ и дорическая лирика.

Рядомъ съ ямбическими и троханческими размѣрами, которые, впрочемъ, весьма отличаются отъ ямбовъ и трохеевъ діалога, встрѣчаются часто и дактилическіе метры съ *anacrisis*, *epitriti*, *cretici*, *paones*, *ionici* а *minori* (не а *maiori*), стихи, состоящіе изъ дактилей и трохеевъ или (рѣдко) изъ дактилей и эпитритовъ, *bacchi*.

Въ особенности слѣдуетъ еще упомянуть о дохмическомъ ритмѣ, котораго основныя и самыя употребительныя схемы суть слѣдующія:

Изъ этого образуются самыя разнообразныя виды того же ритма, разрѣшеніемъ арзиса или замѣной перваго краткаго или предпоследняго краткаго слога долгимъ. Этотъ ритмъ соединяется иногда съ кретическимъ или троханческимъ тримомъ, рѣдко съ бакхическимъ и логоэдическимъ, чаще всего съ ямбическимъ. Рѣдко онъ встрѣчается у комиковъ, еще рѣже у Дорянъ, чаще всего въ трагедіи, преимущественно для выраженія жалобы и печали.

Изъ логоэдическихъ стиховъ были въ употребленіи особенно гликоней и ферекратеи, частью въ болѣе строгой формѣ Анакреона,

частью по образцамъ Дорійцевъ съ большою вольностью въ basis, частью, наконецъ, начиная съ Софокла, съ перестановкою дактиля, въ полисхематической формѣ.

Краткіе стихи или части стиха въ лирическихъ мѣстахъ драмъ по образцу Дорійцевъ нерѣдко соединялись въ одинъ болѣе долгій стихъ (періодъ).

Въ четвертомъ вѣкѣ лирической элементъ хора въ трагедіи, на подобіе дионрамба, впадаетъ въ необузданность и вычурность (Херемонъ); средняя и новая комедія хора не имѣетъ, хотя лирическіе метры употребительны и здѣсь.

§ 8.

Александрійцы и позднѣйшіе Греки. Ноннъ.

Развитіе греческой метрики простирается до временъ Александра Великаго (330 г.). Въ слѣдующихъ затѣмъ александрійскомъ, римскомъ и византійскомъ періодахъ метрика очень немного обогащалась. Такъ, на примѣръ, Sotadeus есть изобрѣтеніе Александрійцевъ:

— — — — —

И дѣйствительно, древніе Греки произвели такое удивительное множество самыхъ разнообразныхъ метровъ, системъ и строфъ, что едва ли возможно было еще что прибавить. Этимъ богатствомъ пользовались позднѣйшіе Греки, ограничиваясь сравнительно небольшимъ числомъ метровъ и строфъ. Ихъ строфы были механическимъ подражаніемъ іоническимъ и эолическимъ поэтамъ (не дорическимъ). Преобладающими были размѣры *κατά στίχων*, какъ у римскихъ поэтовъ послѣ Августа пользовались для стихотвореній *κατά στίχων* также часто стихами, которые были прежде частями системъ или строфъ.

Замѣчательна склонность Александрійцевъ и позднѣйшихъ писателей къ искусственности, чему лучшими примѣрами служатъ стихотворенія Симмія, Дозіада и Безантина (Anthol. lyr. ed. Bergk, p. 511 и сл.). Удивительна ихъ тщательность въ соблюденіи выбранныхъ ими размѣровъ, причемъ они соображались съ взглядами грамматиковъ, которые однако нерѣдко вводили ихъ и въ заблужденіе.

Такимъ же образомъ почти къ концу греческой литературы въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х. Ноннъ чрезвычайно тщательно и послѣдовательно, хотя и не всегда удачно, преобразовалъ гекзаметръ, предпочитая дактиль (всегда въ 5-й стопѣ), пользуясь преимущественно *τομή* *κατά τρίτων* *τρο-*

χαῖον, избѣгая конца слова въ 4-мъ трохеѣ, снова вводя строгіе законы „положенія“, сократилъ число влизій, и еще болѣе употребленіе влизій, бросивъ удлинненіе конечнаго краткаго въ арзисѣ. Его образца держались позднѣйшіе поэты, хотя, благодаря обстоятельствамъ того времени, онъ и не могъ произвести радикальной реформы греческой метрики.

Между тѣмъ, какъ у древнихъ Грековъ въ тѣсной связи съ лирикой была музыка и пляска или, такъ сказать, ритмическія тѣлодвиженія, метрика со временъ Александрійцевъ строго отдѣляется отъ музыки. Позднѣйшіе греческіе поэты назначали свои произведенія (даже драматическія) преимущественно для чтенія или декламации.

§ 9.

II. Римляне.

Древнѣйшая пора до Эннія.

Метрическіе и просодическіе законы латинскаго языка сначала были тѣ же, какъ и у Грековъ. Въ теченіе же времени развращалась просодія Римлянъ. Древнѣйшій размѣръ былъ сатурній, котораго первоначальный видъ, говорятъ, представлялъ соединеніе ямбическаго и трохаическаго стиха:

— — — — — | — — — — —
malum dabunt Metelli Naevio poetae.

Частымъ опущеніемъ цезуры, пропускомъ тезиса, за исключеніемъ 1, 4 и 7, разрѣшеніемъ арзиса и, за исключеніемъ послѣдняго, и тезиса, размѣръ этотъ искажился и не удовлетворялъ болѣе развивавшемуся со временъ пуническихъ войнъ художественному вкусу Римлянъ. Послѣднимъ его представителемъ въ литературѣ былъ Невій (ум. около 204 г.), ибо о сатурніяхъ Акція, Варрона, Теренціана Мавра здѣсь и не стоитъ упоминать.

Съ появленіемъ такъ называемыхъ *ludi scaenici* въ общественныхъ и частныхъ празднествахъ на ряду съ *ludi circenses*, Ливій Андроникъ (съ 240 г.) и его преемники въ трагедіи и комедіи—Невій, Плавтъ, Теренцій, Эппій, Пакувій, Акцій и пр. переняли сценическіе размѣры греческой драмы, ямбическіе, трохаическіе, анапестическіе, кретическіе, бакхическіе, можетъ быть и дактилическіе, но съ болѣе широкими вольностями; напримѣръ, короткій тезисъ въ ямбахъ и трохеяхъ

всегда могъ быть удлинняемъ за исключеніемъ послѣдняго ямба. Они очень часто употребляли какъ элизію, такъ и синцезисъ и разрѣшеніе арзиса и тезиса. Вообще они позволяли себѣ многія вольности относительно просодіи, которыя вытекали изъ архаическаго или плебейскаго произношенія, такъ долго пренебреженнаго, латинскаго языка. Въ діалогѣ преимущественно употреблялись, какъ и у Грековъ, ямбическіе триметры и трохайческіе катаlecticескіе тетраметры, а въ комедіи, кромѣ того, ямбическіе септенаріи; эти три размѣра доведены до сравнительно большаго совершенства, между тѣмъ какъ остальные ямбическіе и трохайческіе метры, а еще болѣе кретическіе и бакхическіе и въ особенности анапестическіе остались шероховатыми. Хора въ римской драмѣ до времени Августа не было, но встрѣчаются лирическія мѣста, пѣтыя актерами (*cantica*), болшею частью состоящія изъ анапестическихъ, кретическихъ и бакхическихъ размѣровъ. Впрочемъ, у всѣхъ сценическихъ писателей до конца республики, особенно съ 150 г., благодаря вліянію современныхъ имъ дактиликовъ, замѣчается стремленіе къ усовершенствованію метрическаго искусства; но за то число размѣровъ ими постоянно сокращалось, что явствуется даже изъ Плавта въ сравненіи съ Теренціемъ, такъ что подъ конецъ республики въ драмахъ преимущественно употреблялись ямбическій триметръ и катаlecticескій трохайческій тетраметръ, которые вообще были чрезвычайно популярны у Римлянъ. Послѣднимъ представителемъ древняго ямбическаго размѣра былъ около 50 г. по Р. X. баснописецъ Федръ, который, подражая любимымъ тогда нравоучительнымъ сентенціямъ Сира, допускаетъ въ своихъ, также для нравоучительныхъ цѣлей написанныхъ, басняхъ, на четныхъ мѣстахъ ямбическаго триметра, за исключеніемъ послѣдней стопы — спондей, въ другомъ же отношеніи не позволяетъ себѣ особенностей Плавта и Теренція. Ямбическіе стихи съ такимъ же неправильнымъ употребленіемъ спондея мы встрѣчаемъ и позднѣе въ періодъ Фронтана, около 150 г. по Р. X., и, наконецъ, въ концѣ римской литературы вслѣдствіе упадка образованности.

§ 10.

Энній. Луцилій. Акцій.

Такъ какъ благодаря вольностямъ метрики и просодіи въ драмѣ, латинская поэзія могла дойти до неуклюжести сатурнія, то Энній (239—169) оказалъ великую услугу латинскому языку, введя дакти-

лическій гекзаметръ, арзисъ котораго не можетъ подвергаться разрѣшенію. Онъ подражалъ Гомеру, даже въ мелочахъ; вообще въ отношеніи просодіи онъ строго держался греческихъ образцовъ.

Кромѣ того, въ своихъ сатирахъ Энній употреблялъ элегическое двустопише и употребительнѣйшіе размѣры драматическихъ писателей, ямбическій триметръ, трохаическій каталектическій тетраметръ, въ подражаніе Александрійцамъ странный сотадиическій размѣръ, но сей послѣдній съ большими вольностями. Хотя гекзаметръ Эннія и представляетъ нѣкоторыя шероховатости, часто излишество спондеевъ и элизіи, часто ошибки въ необходимой цезурѣ и пр., все-таки его попытку можно считать вполне удавшеюся, что слѣдуетъ приписать частью его творческому таланту, частью и тому, что онъ съ ранней молодости владѣлъ тремя языками: греческимъ, латинскимъ и оскимъ.

Впрочемъ, въ немъ видимо замѣчается стремленіе приучить римскихъ поэтовъ къ строгой послѣдовательности въ метрическомъ искусствѣ.

Онъ оказалъ громадное вліяніе на всѣхъ позднѣйшихъ писателей, тѣмъ болѣе, что его національный римскій эпосъ „Annales“ былъ до Виргилія самымъ популярнымъ восхваленіемъ древне-римскихъ подвиговъ.

За Энніемъ слѣдовалъ сатирикъ Луцилій (181—103), который употреблялъ преимущественно дактилическій гекзаметръ и кромѣ того двустопише, ямбическій триметръ и трохаическій каталектическій тетраметръ. Нельзя не замѣтить у него успѣховъ въ метрическомъ искусствѣ въ сравненіи съ Энніемъ. Въ метрическомъ отношеніи Эннію слѣдуетъ и Акцій.

§ 11.

Современники Цицерона.

До временъ Цицерона дактилическіе писатели довольствовались метрами Эннія, только они улучшили ихъ въ художественномъ отношеніи. Совершеннѣйшимъ примѣромъ этого служатъ произведеніе Лукреція, хотя и безъ граціи и разнообразія ритма.

Послѣдніе же современники Цицерона, какъ, напр., Левій, Катуллъ, Калвъ, отвергли эту простоту и ввели въ римскую поэзію болѣею частью заимствованные у Александрійцевъ размѣры, вообще съ замѣчательнымъ умѣніемъ. Они не пренебрегали, разумѣется, и гекзаметромъ (Варронъ Атаціпскій); невыработаннымъ остался только пентаметръ. Катуллъ первый изъ Римлянъ обратилъ вниманіе на поэзію

Эолянъ, подражая Сапфо. Можетъ быть, на него имѣлъ вліяніе и Анакреонъ. Эподовъ (Горація) въ ту пору еще не образовали, но, слѣдуя Александрійцамъ, сочиняли ямбическіе и трохайческіе размѣры разныхъ видовъ по строгимъ ритмическимъ законамъ Грековъ, даже чистые ямбы, безъ всякой другой стопы. Особенно любили писать гиппонактическіе ямбы и hendecasyllabi phalassii.

Между Лукреціемъ и Катулломъ, на ряду съ Левіемъ, слѣдуетъ помѣстить Варрона Реатинскаго, который въ своихъ сатирахъ отличается разнообразіемъ и искусствомъ размѣровъ, подражая въ этомъ отношеніи Александрійцамъ, но также употребляетъ онъ и ямбическіе, трохайческіе и сотадическіе стихи, съ вольностью Эннія и Луцилія.

Изъ строфъ у Катуллы встрѣчаются двустрочная асклепиадическая, четырехстрочная сапфрическая и двѣ, заканчивающіяся ферекратеемъ, гликопейскія. Метрикѣ Катуллы слѣдовали еще подражатели во времена Августа, даже въ 1 в. по Р. Хр.; только его полиметрия имъ не правилась. Изъ употребляемыхъ имъ стиховъ, фалейціи оставался въ большомъ ходу до конца римской литературы, а гиппонактей до времени Траяна.

§ 12.

Эпоха Августа.

Время Августа (40 до Р. Хр.—14 по Р. Хр.) заключило развитіе римской метрики.

До высшей степени совершенства гекзаметръ довели Вергилій и Овидій.

Вергилій не вполне однако отказался отъ вольностей, которыя позволяли себѣ болѣе древніе Римляне, особенно Эній, въ отношеніи метрическихъ законовъ гекзаметра, напр., въ элизіи, зіаніи, синицеѣ, въ удлинненіи конечнаго слога при помощи арзиса и пр. Но такія вольности онъ позволялъ себѣ рѣдко и осторожно, обыкновенно для того, чтобы ритмомъ стиха изобразить, такъ сказать, пластически содержаніе, въ чемъ онъ положительно былъ мастеръ. Къ сожалѣнію, его метры были испорчены иногда педантическимъ и даже ошибочнымъ подражаніемъ гомерическимъ стихамъ.

Овидій, сравнительно съ Вергиліемъ, позволялъ себѣ гораздо меньше вольностей, хотя гекзаметры *Метаморфозъ* свободнѣе чѣмъ гекзаметры элегій, такъ что его стихи, въ отдѣльности взятые, представляютъ прекраснѣйшій образецъ благозвучія рѣчи и метрическаго

совершенства. При болѣе продолжительномъ чтеніи однако они утомляютъ иногда слишкомъ большимъ однообразіемъ.

Въ сатирическомъ гекзаметрѣ, отличающемся отъ разговорной образованной рѣчи только размѣромъ, Гораций сохранилъ вольность Луцилія, но умалилъ шероховатый характеръ его размѣровъ. Впрочемъ, стихи его посланій, особенно второй книги, болѣе выработаны.

Двустопное, которое у Катутла чрезвычайно шероховато, Тибулломъ, Проперціемъ въ его болѣе позднихъ произведеніяхъ, а въ особенности Овидіемъ доведено до совершенства. Впрочемъ, въ произведеніяхъ, написанныхъ въ изгнаніи, Овидій въ метрическомъ отношеніи не такъ строгъ, какъ въ эротическихъ своихъ произведеніяхъ. Гораций ввелъ въ римскую поэзію эподические размѣры Архилоха, а также и лирическіе эолическихъ поэтовъ Алкея и Сапфо. На его лирическіе размѣры можетъ быть имѣли вліяніе также Архилохъ и Анакреонъ. Нельзя съ точностію опредѣлить, сочинены ли самимъ Горациемъ не встрѣчающіеся у Грековъ два стиха, такъ называемый *sarphicus maior* и *elegiacus* (I, 8, *epod.* 13), а также подражалъ ли онъ всегда при составленіи четырехстрочныхъ строфъ одъ Алкею или нѣтъ. Вообще происхожденіе многихъ строфъ Горация неизвѣстно, благодаря противорѣчающимъ показаніямъ римскихъ грамматиковъ.

Но во всякомъ случаѣ Гораций сохранилъ духъ римскаго языка, отчасти устранивъ совсѣмъ вольности эолическихъ поэтовъ относительно цезуры, и *syllaba anceps*, отчасти сокративъ число ихъ, чѣмъ придавъ метрамъ характеръ болѣе твердый и достойный.

Такимъ образомъ, напримѣръ, асклепіадеи, одиннадцатистрочный алкаическій и сапфическіе стихи получили постоянныя и неизмѣнныя цезуры; получили также первые изъ нихъ въ базисѣ, а послѣдніе передъ цезурой постоянно спондей.

Въ лирическихъ размѣрахъ у Горация больше элизій, чѣмъ у трагика Сенеки и онъ допускаетъ односложные союзы и предлоги въ цезурѣ и въ концѣ стиха, чего избѣгалъ Сенека.

Лирическая метрика Римлянъ послѣ Горация уже не развивалась; попытка двухъ его современниковъ въ подражаніи одамъ Пиндара встрѣтила неодобреніе Горация и не имѣла успѣха.

Во времена Августа трагедія освободилась отъ метрическихъ преданій времени республики; ямбы и трохеи образовывали по строгимъ образцамъ греческихъ трагиковъ, причемъ принималось еще въ соображеніе правило Александрійцевъ, что предшествующая послѣднему

ямбу стопа въ ямбическомъ триметрѣ и трохантическомъ катаlecticескомъ тетраметрѣ трагедіи должна быть непремѣнно спондическая, анапестическая или дактилическая.

Въ трагедіи вообще допускался Римлянами времени императоровъ большій просторъ въ ямбическомъ триметрѣ анапесту, чѣмъ Греками. Явился также и хоръ по образцу Еврипида съ болѣе свободнымъ отношеніемъ къ дѣйствию драмы, которое составляло только основу для общихъ описаній и размышленій. Въ этихъ хорахъ часто употреблялись безъ всякаго вкуса анапестическіе монометры; кромѣ того, какъ видно изъ Сенеки, дактилическіе и логоэдическіе размѣры.

§ 13.

Первые вѣка по Р. Хр.

Первое столѣтіе по Р. Хр. до Адриана (117) представляетъ собой александрійскій періодъ римской метрики.

Метрика за это время не обогащалась; замѣчалось только ничтожное стремленіе къ полиметріи. Поэты довольствовались послѣдовательной и изящной разработкой метровъ, бывшихъ въ употребленіи у прежнихъ поэтовъ. Правда, грамматики давали часто ложныя объясненія метрическихъ особенностей Virgilіа, который у Римлянъ былъ въ такомъ же почетѣ, какъ Гомеръ у Грековъ; но ихъ превратныя теоріи мало имѣли вліянія на лучшихъ поэтовъ до начала V-го столѣтія, какъ то видно у Клавдіана и Рутилія Намациана, времени Гоноріа. Но слѣдуетъ сожалѣть, что такъ скоро вышли изъ употребленія Горациевы строфы изъ четырехъ стиховъ (за исключеніемъ всегда оставшейся въ употребленіи сапфической), какъ то видно изъ хоровъ Сенеки. Въ замѣвъ этого стали употреблять Горациевы размѣры для стихотвореній *хата стіховъ*. Странно и своеобразно составилъ Сенека въ двухъ трагедіяхъ (Агамемнонъ и Эдипъ) болѣе свободныя хоры изъ малыхъ стиховъ или частей стиховъ Горациа. Въ VI-мъ и V-мъ столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ новыя стихи, составленные изъ разныхъ частей Горациевыхъ метровъ.

Впрочемъ, метрическое искусство совершенствовалось съ большимъ стараніемъ до мельчайшихъ подробностей; такъ что вольности, которыя встрѣчались еще часто у поэтовъ времени Августа, у позднѣйшихъ стали попадаться рѣже, даже почти совсѣмъ исчезли.

Поэты послѣ Августа брали образцомъ для гекзаметра особенно Virgilіа и Овидія, съ преобладающимъ вліяніемъ послѣдняго изъ

нихъ; большинству онъ служилъ образцемъ и для двустипіа и оказалъ значительное вліяніе на художественную отдѣлку другихъ дактилическихъ и логэдиическихъ метровъ. Впрочемъ, для лирическихъ и сатирическихъ метровъ образцемъ служилъ Горацій. О вліяніи Катутла я уже говорилъ.

Слѣдуетъ также упомянуть о склонности позднѣйшихъ какъ греческихъ, такъ и римскихъ поэтовъ къ метрическимъ ухищреніямъ и искусственности, которыя усиливались по мѣрѣ недостатка подходящаго содержанія для поэтическихъ произведеній.

Самый замѣчательный примѣръ этого рода представляютъ стихотворенія Порфирія Оптаціана (около 330).

§ 14.

Позднѣйшія времена.

Со временъ Адріана и Фронтонна въ римской поэзіи замѣчается стремленіе къ подражанію древнимъ, такъ что сочиняли не только ямбы и трохеи съ поэтическими вольностями Плавта, но и вернулись къ полиметріи Левія и Катутла, какъ это видно у поэтовъ III-го в. по Р. Хр., Септимія Серена и Теренціана Мавра. Ихъ примѣру слѣдовали съ IV в. и христіанскіе писатели, но въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ они пользовались и стихами Горація.

§ 15.

Конечныя судьбы греческой и римской метрики.

Послѣднія судьбы греческой и римской метрики, примѣрно съ III в. по Р. Хр., такъ схожи, что могутъ быть рассмотрѣны вмѣстѣ.

Употребительнѣйшими метрами остались въ томъ и другомъ языкахъ — дактилическій гекзаметръ и пентаметръ, а также различные ямбическіе и трохаическіе стихи, у Грековъ ямбическій триметръ, у Римлянъ катаlecticескій трохаическій тетраметръ и ямбическій диметръ, частью *хата* стиховъ, частью въ строфахъ.

Какъ видно изъ примѣра позднѣйшихъ древнихъ и средневѣковыхъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, пониманіе строфы, основаннаго на благозвучіи и гармоніи отдѣльныхъ стиховъ, совершенно исчезло. Всякое соединеніе одинаковыхъ или неодинаковыхъ стиховъ, которое повторялось въ извѣстномъ порядкѣ, если оно только имѣло знакъ препинанія въ концѣ, считали за строфу. Такія „строфы“ употреблялись особенно въ церковныхъ пѣніяхъ. Чаще всего въ та-

внхъ строфахъ употреблялся у Грековъ, начиная съ Григорія Назіанзина (360), ямбическій триметръ, иногда также каталектическій ямбическій диметръ и анакреонтей. Римляне употребляли въ особенности ямбическій диметръ и каталектическій трохайческій тетраметръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло чутье къ специфическому значенію каждаго размѣра. Позднѣе, съ III в., Римляне (какъ, напр., Альфій Авитъ и Фестъ Авіонъ) для эпическихъ стихотвореній употребляли и ямбическіе размѣры; то же самое мы видимъ въ VII в. у Грековъ (Георгій Писидъ). И наоборотъ, съ III в. писали латинскія трагедіи (Medea и Orestes) въ гекзаметрахъ. Мало художественнаго вкуса въ выборѣ метровъ обнаруживаютъ и лирическія стихотворенія, какъ то мы видимъ около 400 г. у Авзонія и Пруденція.

Вмѣстѣ съ упадкомъ образованности и чутья языка, извращенныя теоріи граматиковъ оказывали все большее вліяніе на древнюю метрику, съ другой же стороны многіе римскіе поэты, главнымъ образомъ христіанскіе, стали пренебрегать количествомъ, особенно въ собственныхъ именахъ, преимущественно греческихъ, или въ длинныхъ, для стиха негодныхъ, словахъ. Въ этомъ отношеніи ихъ превосходили средневѣковые поэты, которыхъ однако слѣдуетъ различать по времени и образованію. Дольше чутье просодіи сохранилось у Грековъ. Но Византійцы, даже лучшіе, начиная съ Георгія Писиды, пользовались гласными, которыхъ долгота или краткость не обозначалась графически, то-есть α, ι, υ, то какъ долгими, то какъ краткими, исключая передъ сильной позиціей; η же и ω всегда бывали долги, а также и дифтонги; е и о, если слѣдуетъ простой гласный звукъ или positio debilis, считались краткими; чрезвычайно свободно обращались и съ именами собственными и съ termini technici.

Исчезаніе прежняго чутья въ языкѣ сказывается и въ томъ, что многіе христіанскіе римскіе поэты не допускаютъ въ ямбахъ и трохеяхъ разрѣшенія арсиса и вообще избѣгаютъ трехсложныхъ стопъ, какъ это всегда дѣлалось Греками послѣ Георгія Писиды. Все-таки средневѣковые поэты вполне сознавали въ поэзіи разницу въ стихахъ, основанныхъ на количествѣ, отъ ритмическихъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ прозаическому ударенію.

§ 16.

Ритмическая поэзія.

Съ упадкомъ метрической поэзіи развивается у Римлянъ съ III в., у Грековъ въ средніе вѣка, такъ называемая ритмическая поэзія, ко-

торая съ возможно строгимъ соблюденіемъ прозаическаго ударенія, по крайней мѣрѣ въ концѣ стиха, употребляетъ въ латинской поэзи, на ряду съ дактилическимъ гекзаметромъ, преимущественно бывшіе въ постоянномъ употребленіи ямбическіе и трохайческіе размѣры, преимущественно ямбическій диметръ и катаlecticескій трохайческій тетраметръ; въ греческой поэзи этого рода употребляется также существовавшій съ древнѣйшихъ временъ ямбическій септенарій, такъ называемый *versus politicus*, состоящій всегда изъ 15 слоговъ. Этотъ размѣръ былъ въ употребленіи съ XII вѣка даже у ученыхъ писателей. Какъ въ этомъ, такъ и въ ритмическихъ стихахъ Римлянъ, большею частью сохранилась цезура, бывшая въ употребленіи въ метрическихъ стихотвореніяхъ (напримѣръ, въ *versus politicus* послѣ четвертаго арсиса).

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть и то обстоятельство, что многіе византійскіе и римскіе средневѣковые поэты рѣшительно не умѣли различать требованій поэтическихъ произведеній отъ условій сочиненій прозаическихъ и облакали въ поэтическую форму наименѣе годные къ тому сюжеты.

Л. Шиллеръ.

ОБЪЯСНЕНИЕ ОДНОГО МѢСТА ВЪ VIRG. GEORG. II. 140—141.

Haec laconon tauri spirantes naribus ignem
Invertere satis immanis dentibus hydri.

Къ этому мѣсту замѣчаютъ издатели *Виргилия* слѣдующее:

1) Voss I. H. (Altona 1830): „satis dentibus“ ist dativ, denn nicht nach der Aussaat, sondern für die Saat der Schlangenzähne ward die Erde gepflügt.

2) Heyne-Wagner (Virgilius a Ch. G. Heyne, ed. IV. cur. G. Ph. Eb. Wagner, Lipsiae 1830): Ceterum „satis dentibus“ dativus est, ut recte statuerunt Vossius et Iacobsius; quare comma post „Invertere“ sustuli, sed quam Iacobsius in auxilium vocat prolepsin, „ut sererentur dentes“ eam cave admittas, sententia haec est: invertere loca dentibus hydri—scil. serendis, quales ab Iasone satos accepimus.

3) Forbiger (Lipsiae 1845): „satis dentibus“ non sextus sed tertius est casus, s. Dativus, quem vocant commodi, quod iam Vossius et Iacobsius viderunt. Non enim post dentes satos, sed ut dentes interfecto dracone seri possent, tauri aratro iungendi et solum vomere invertendum erat. Quare Wagner, qui haec adnotat: „sed quam Iacobsius in auxilium vocat prolepsin, «ut sererentur dentes», eam cave admittas; sententia haec est: invertere loca dentibus hydrizscil. serendis,—quales ab Iasone satos accepimus“, rectissime comma post „Invertere“ sustulit.

4) Кохъ, который издалъ *Виргилия* Вагнера съ нѣмецкими примѣ-

чаніями (Лейпцигъ 1849), пишетъ: „satis dentibus“ ist Dativ, denn für die Saat der Schlangenzähne ward die Erde gepflügt, gleichsam „dentibus hydri (serendis), quales ab Iasone satos accepimus“.

Такимъ же образомъ объясняютъ это мѣсто всѣ новые издатели Виргилія, какъ напримѣръ, Ф. Ладевигъ (Берлинъ 1855), Э. Глазеръ (Галле 1872), К. Капесъ (Лейпцигъ 1876).

Изъ этого сопоставленія объясненій разныхъ издателей можно ясно видѣть, что, по словамъ Вагнера и Форбигера, Фоссъ и Якобсъ считали „satis dentibus“, вѣроятно, дательнымъ падежомъ. Имъ же слѣдовали всѣ новые издатели, изданія которыхъ я могъ пересмотрѣть, и выпустили послѣ „invertere“ знакъ препинанія, находившійся у всѣхъ старыхъ издателей. По ихъ мнѣнію, „satis dentibus“ должно быть дательнымъ падежомъ по той простой причинѣ, что нельзя сказать: „послѣ засѣянія зубовъ (post dentes satos)“, ибо естественно,— прежде слѣдуетъ вспахать землю, и потомъ только можно сѣять, а никогда наоборотъ.

И дѣйствительно, кто видѣлъ способъ хлѣбопашества только въ сѣверныхъ и среднихъ краяхъ Европы, то-есть, до Альпійскихъ горъ, гдѣ и жили всѣ эти заслуженные труженники классицизма, тотъ не можетъ толковать иначе это мѣсто, потому что тамъ нигдѣ не случается, чтобы земледѣлецъ прежде сѣялъ и потомъ только запахивалъ сѣмена.

Но въ южныхъ странахъ, какъ я видѣлъ собственными глазами, въ австрійскомъ Приморьѣ, въ фриульской Италіи, въ самомъ дѣлѣ прежде сѣютъ и потомъ только запахиваютъ сѣмена, и преимущественно тамъ, гдѣ почва легка и рыхла. Это случается особенно весной съ кукурузой и осенью съ пшеницей. Житныя поля состоятъ въ этихъ краяхъ изъ грядокъ, такъ что борозды, лежащія между грядами, бываютъ съ послѣдними одинаковой ширины. Борозды остаются безъ употребленія, въ крайнемъ случаѣ засѣваютъ ихъ чечевицею или бобами. Весною для кукурузы и осенью для пшеницы унавоживаютъ эти борозды, не пахавши ихъ прежде; потомъ засѣваютъ въ навозъ кукурузу или другое жито и только тогда пахутъ землю. Но паханіе состоитъ только въ томъ, что посредствомъ плуга (почти такого же, какъ его описываетъ Виргилій, Georg. I. 160 sq.) опрокидываютъ прежнія грядочки половиною на лѣво, половиною на право на унавоженные и засѣянные борозды; потомъ еще боронятъ вспаханную землю, и тѣмъ кончается дѣло.

Такой способъ хлѣбопашества практикуется, сколько я знаю, также въ внутренней Италіи и не былъ неизвѣстенъ даже самимъ Римлянамъ. Сюда относится, по моему мнѣнію, въ нѣкоторой степени, что пишетъ Плиній Старшій (изд. Детлефсена, Берлинъ 1868) *Hist. Nat.* XVIII. 137: *Es vicia pinguescunt arva; nec ipsa agricolis operosa; uns sulco sata non seritur, non stercoratur, non aliud quam deocatur.*

XVIII. 133: *Lupinum ter germinat, atque terra operiri non vult. Et unum hoc... Tellurem adeo amat, ut quamvis fructectoso solo coniectum inter folia vepresque ad terram tamen radice perveniat... Protinus seritur ex arvo, ac ne spargi quidem postulat decidens sponte. Primumque omnium seritur.. Plerumque tamen levi sulco integunt.*

XVIII. 162: *Neque est cura difficilis quam diutissime aqua rigandi, ut praepinguis et densa ubertas diluatur. Limum autem non invehunt Euphrates Tigrisque sic ut in Aegypto Nilus, nec terra ipsa herbas gignit. Ubertas tamen tanta est, at sequente anno sponte restibilis fiat seges impressis vestigio seminibus.*

XVIII. 167: *vulgo credebatur a decessu eius (Nili) serere solitos mox sues impellere vestigiis semina deprimentis in madido solo, et credo antiquitus factitatum; nunc quoque non multo graviore opera; sed tamen inarari certum est abiecta pruis semina in limo digressi amnis.—Similis ratio sed felicitas maior Babyloniae, Seleuciaae, Euphrate atque Tigri restagnantibus, quoniam rigandi modus ibi manu temperatur.*

Въ виду всего вышеизложеннаго „satis dentibus“ можно по моему и гораздо удачнѣе считать за *ablat. absol.* и переводить какъ будто бы здѣсь стояло: „post dentes satos“ („послѣ того какъ были засѣяны вмѣнные зубы“). Замѣчательно, что всѣ издатели прежде Вегнера ставили послѣ „invertere“ знакъ препинанія, и что всѣ прежніе переводчики избѣгали давать точный переводъ этого мѣста. Итальянецъ Просперо Манара (*Le Georgiche di V. M. Patma 1801*) перевелъ его слѣдующимъ образомъ:

Queste campagne non solcaro i tori,
Che spiravano il foco dalle nari;
Nè seminati del gran Draco i denti.

Даже самъ Фоссъ, который принималъ „satis dentibus“ за дательный, обошелъ его въ своемъ переводѣ:

Hir ward nicht die Erde von feuerchraubenden Stieren
Umgepflügt und mit Zähnen besaet der scheusslichen Hyder.

Если же и примемъ „satis dentibus“ за дательный, то и въ такомъ случаѣ можемъ перевести это выраженіе сообразно данному нами объясненію, а именно: „волы не перепахали земли, для засѣянныхъ зубовъ змѣи“. Другое же толкованіе „dentibus serendis, quales ab Iasone satos asserimus“, кажется мнѣ неестественнымъ и слишкомъ неловкимъ.

С. Широуъ.

ЗАМѢТКА КЪ ОДѢ ГОРАЦІЯ, LIV. II, CARM. VII, v. 9—14.

Tecum Philippos et celerem fugam
Sensi relicta non bene parmula,
Cum fracta virtus et minaces
Turpe solum tetigere mento,
Sed me per hostes Mercurius celer
Denso paventem sustulit aere.

Извѣстно, что эти стихи подали нѣкоторымъ ученымъ поводъ къ обвиненію Горация въ трусости. Не пускаясь въ опроверженіе такого мнѣнія, считаю великимъ точнѣе объяснить смыслъ 11-го и особенно 12-го стиха, что устранить даже возможность такого обвинения и послужить также къ лучшему уразумѣнію, какъ самыхъ этихъ стиховъ, такъ и связи ихъ съ предыдущими и послѣдующими.

Перлькампъ, а за нимъ и Орелли, слѣдуя объясненію Акроа, полагаютъ, будто *turpe solum tetigere mento* значитъ: *turpiter prostrati solo precati sunt*. Къ этому Орелли прибавляетъ: *Nam ut antea post aciem Pharsalicam teste Caesare Pompeiani passis palmis proiecti ad terram flentes ab eo salutem petierunt, sic etiam post Philippensem multi victores clementiam supplices imploraverunt*. Странное и непонятное толкованіе, показывающее, какъ мы еще далеки, послѣ тысячеклѣтнихъ усилій, отъ пониманія совершенно ясно выраженныхъ мыслей даже такого писателя, какъ Гораций, о которомъ существуетъ такое необъятное число книгъ. Какимъ образомъ *solum tetigere mento* можетъ значить, что (воины) умоляли о помилованіи? Эти слова значатъ въ буквальной переводѣ: (воины) коснулись подбородкомъ земли, другими словами: они пали на лицо. Гдѣ-же тутъ говорится о томъ, что они просили помилованія, и что это за произвольное толкованіе

словъ поэта? Хотя Горацій часто выпускаетъ посредствующія звенья въ мысляхъ, предоставляя читателямъ дополнить ихъ, но, въ данномъ случаѣ, Орелли никакихъ посредствующихъ звеньевъ не вставляетъ, а изъ собственной фантазіи прибавляетъ такія мысли, которыхъ въ текстѣ вовсе нѣтъ, потому что въ послѣднемъ нѣтъ даже помину о томъ, чтобы воины, послѣ паденія на землю, просили о пощадѣ. И какая же страшная фантазія, да еще со стороны такого поэта, какъ Горацій, выражать просьбу о помилованіи въ такихъ словахъ! Вѣдь актъ паденія представленъ здѣсь, очевидно, въ картинѣ. Какова же картина: умоляющій па колѣняхъ о помилованіи въ видѣ прикасающагося подбородкомъ къ землѣ! Едва ли физически возможно такое положеніе стоящаго на колѣняхъ; развѣ какой нибудь фокусникъ въ состояніи, стоя на колѣняхъ, прикасаться подбородкомъ къ землѣ. Или же надо понимать толкованіе Орелли въ томъ смыслѣ, что воины, лежа на землѣ, просили о пощадѣ? Опять изумительная картина! Для подтвержденія своей мысли, комментаторъ указываетъ на то, что, послѣ сраженія при Фарсалѣ, сторонники Помпея тоже на колѣнахъ просили о помилованіи. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Даже не то, что такъ поступили и сторонники республики въ сраженіи при Филиппахъ, а еще менѣе, что Горацій имѣлъ намѣреніе представить ихъ таковыми. Притомъ же сторонники Помпея просили о помилованіи *passis palmis*, что нисколько не противорѣчило обычаю Римлянъ. Но касаться при этомъ подбородкомъ земли! Если, при такомъ толкованіи, вообще возможно составить себѣ какое нибудь представленіе, то развѣ, представляя себѣ римскихъ воиновъ *προσκυονῶντας*; но въ такомъ случаѣ Горацій могъ бы развѣ сказать *fronte tetigere*, а никакъ не *mento*; да и самая *προσκυονῶντας* была совершенно не въ характерѣ Римлянъ, не говоря уже о томъ, что слово *minaces* слѣдовало бы тогда принять въ смыслѣ самой ѣдкой, вовсе не свойственной Горацію ироніи надъ бывшими своими товарищами (*commilitones*), и о какой-то доблести, которая была сокрушена (*fracta virtus*), не могло бы быть и рѣчи. И къ чему было Горацію представлять ихъ въ непривлекательномъ видѣ, постыдно (*turpe*) просланными о помилованіи? Орелли полагаетъ, что онъ очень остроумно объясняетъ такое побужденіе, говоря: *turpe, ignominiosum fuit supplicibus ita vitam dono accipere, ne contra fuga (prope honestior) servavit. Prope honestior*—какая нелѣпость! Самъ же Орелли, при объясненіи словъ *relicta non bene parmula*, говоритъ, что Горацій, не опасаясь подвер-

нуться ни малѣйшему порицанію (*prehensionis proorsus securus*), могъ сказать о себѣ не только, что онъ бѣжалъ съ поля сраженія, но даже бросилъ шитъ, что, по представленію древнихъ, считалось весьма постыднымъ. Но положимъ даже, что Горацій желалъ оправдать свое бѣгство, то неужели такой человѣкъ, какъ онъ, прибѣгъ бы для смягченія своей вины къ неблаговидной уловкѣ, представивъ своимъ бывшихъ товарищей въ непривлекательномъ видѣ? Да, въ такомъ случаѣ, съ какой стати было бы ему вообще упоминать о своемъ бѣгствѣ, къ тому же въ одѣ, въ которой онъ приглашаетъ къ себѣ на веселую попойку одного изъ нихъ. Это было бы и крайне безтактно и глупо. Правда, къ Горацію совершенно примѣнимо то, что онъ говоритъ о Луціліѣ (*Sat. II, 1,30*):

*Ille velut fidis arcana sodalibus olim
Credebat libris, neque, si male cesserat unquam,
Decurrens alio, neque si bene, etc.*

но такое поэтическое изображеніе прожитаго поэтомъ и приключившагося съ нимъ далеко еще не исповѣдь, которая обязываетъ писателя не скрывать даже самыхъ темныхъ страницъ своей жизни.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ неосновательно и произвольно толкованіе Орелли, и къ какимъ ложнымъ заключеніямъ можно придти, если вносить въ толкованіе писателя субъективный элементъ и не принимать въ соображеніе ни духа римскаго народа, ни духа Горація, и не обращать вниманія на поэтическія требованія. Такого рода герменевтика открываетъ полный просторъ для самыхъ произвольныхъ толкованій.

Гораздо ближе къ истинѣ прочіе комментаторы, которые объясняютъ все это предложеніе такъ: *fortissime pugnantes* (или *truculentiam vultus in ipsa morte servantes*) *proni in terram procubuerunt*, при чемъ *turpe* многіе передаютъ чрезъ *turpatum*, *foedatum sanguine*, *cruentatum*. Но 1) при такомъ толкованіи, это предложеніе выражало бы почти то же самое, что *fracta virtus*, относясь къ послѣднему, какъ конкретное, картинное выраженіе мысли къ абстрактному; 2) нѣтъ тѣсной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; 3) что касается объясненія слова *turpe*, то оно совершенно произвольное, потому что *turpe* не значитъ *turpatum*, а тѣмъ менѣе *turpatum sanguine*, накопецъ, пролитая въ сраженіи кровь никого обезславить не можетъ; если же припятъ *turpatum* въ значеніи „опачканный“ и т. п., то нужно сказать, что это слово стоитъ вмѣсто *foedatum*, *inquinatum*;

но гдѣ же тогда будетъ конецъ замѣткѣ одного слова другимъ? Всѣ эти несообразности толкователей происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что картинное выраженіе не представляется ими съ надлежащею ясностью и живостью. Если воины коснулись подбородкомъ земли, значитъ, они пали на лицо. Но кто же станетъ представлять павшихъ въ самомъ сраженіи падающими на лицо; очевидно, слѣдуетъ представить ихъ падающими навзничъ отъ ударовъ, полученныхъ спереди. Значитъ, если поэтъ представляетъ ихъ падающими на лицо (отъ ранъ, нанесенныхъ сзади), онъ тѣмъ самымъ представляетъ ихъ падающими не во время самаго сраженія, а во время бѣгства, отъ преслѣдующаго ихъ непріятеля. Такимъ-то образомъ поэтъ обращается къ нашей фантазіи, слѣдующей извѣстнымъ законамъ, а не вызываетъ въ насъ разныя представленія, которыми руководитъ одинъ произволъ и которымъ нѣтъ конца. *Turpe solum*—въ такомъ значеніи, въ какомъ часто употребляются прилагательныя у поэтовъ, то-есть земля, сдѣлавшаяся постыдною для бѣглецовъ именно потому, что они погибли не въ сраженіи, а въ бѣгствѣ. *Minaces*—грозные для непріятеля бойцы, какими бываютъ испытанные, закаленные воины; произвольно было бы *truculentiam vultus in ipsa morte servantes*, да и совершенно неумѣстно, потому что, какъ видно изъ послѣдующаго, прибавляетъ лишнюю, вовсе ненужную черту: *mento*, какъ это часто бываетъ, часть вмѣсто цѣлаго, то-есть подбородокъ вмѣсто лица, что совершенно умѣстно въ данномъ случаѣ (при паденіи и прикосновеніи къ землѣ). При такомъ объясненіи, при которомъ ничего не прибавлено своего, разсматриваемое нами мѣсто прекрасно связывается съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Горацийъ говоритъ: „Я пержилъ съ тобою сраженіе при Филиппахъ и быстрое бѣгство, при чемъ бросилъ несовѣмъ красиво (очень) маленькій щитъ, когда сокрушена была военная доблесть (*fracta virtus*,—по нашему близко, подходятъ: когда дрогнули ряды самыхъ храбрыхъ воиновъ), когда, значитъ, дальнѣйшее сопротивленіе стало невозможнымъ, и когда даже грозные для непріятеля, самые закаленные воины (*minaces*), сознавая безпачужность дальнѣйшей борьбы (вѣроятно, послѣ самоубійства Врута и Кассія), обратились въ бѣгство, во время котораго они, смертельно раненные, постыдно пали (*turpe solum tetigere mento*). Если же меня не постигла такая же участь (*sed*), то только благодаря заступничеству Меркурія, покровителя поэтовъ, который (подобно богамъ, покровителямъ Грековъ подъ Троею), окруживъ меня густымъ облакомъ и поднявъ на воздухъ, спасъ меня съ величайшею скоростью

(celer) отъ наступавшаго и окружавшаго насъ со всѣхъ сторонъ непріятеля (per hostes)“. Во всѣхъ этихъ словахъ просвѣчиваетъ только шутовское отношеніе поэта къ своему бѣгству и самая милая и игривая насмѣшка надъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ тогда находился. И о какой тутъ трусости можетъ быть рѣчь и что оставалось дѣлать въ такой моментъ, какъ описанный, мирному служителю музъ, который, само собою понятно, не считалъ себя и не былъ miles и имѣлъ для обороны только очень маленькій щитъ? Очевидно, бѣгство его было актомъ самаго простаго благоразумія.

А. Мессъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Иліада Гомера съ комментаріями для употребленія въ гимназіяхъ. Первая и вторая пѣсни. Составилъ І. І. Грослицъ. Москва. 1879.

Познакомившись съ недавно вышедшимъ изданіемъ Одиссеи г. Шмидта, о которомъ уже говорилось на страницахъ этого журнала, публика, интересующаяся судьбами классической филологіи въ Россіи, могла бы пожалуй питать надежду на то, что серьезный трудъ г. Шмидта, такъ сказать, дастъ тонъ въ этой отрасли нашей литературы и, если и не вызоветъ очень многочисленныхъ подражаній, то по крайней мѣрѣ застрахуетъ насъ отъ невѣжественныхъ компиляцій, которыя, если бы имъ удалось проникнуть въ гимназію, куда онѣ стремятся, могли бы быть только вредны.

Такъ именно думали мы, читая объявленіе о выходѣ въ свѣтъ названной выше книжки. Что мы нашли въ ней—о томъ сообщимъ читателямъ.

„Необходимость подробныхъ комментарій для учащихся видна изъ того, что пониманіе пѣсепъ Гомера для нихъ весьма затрудняется тѣмъ, что они, не владея еще въ достаточной степени языкомъ прозаиковъ, тѣмъ болѣе не знакомы со свойствами поэтическаго слога и не обладаютъ еще необходимымъ знаніемъ міеологіи и всего, касающагося внутренней стороны произведенія, чтобы усвоить себѣ содержаніе“. Авторъ дѣлитъ свою задачу на двѣ части: во-первыхъ—объясненіе языка поэта, тѣмъ болѣе необходимое, что, по его мнѣнію, словари, „обнимая весь языкъ, или сбиваютъ учениковъ съ толку (?), или, имѣя въ виду одного извѣстнаго писателя, не даютъ точнаго

опредѣленія слова, которое въ различныхъ мѣстахъ имѣетъ различное значеніе"; и во-вторыхъ—,изложеніе мифическихъ преданій, обычаевъ, обрядовъ и народныхъ повѣрій... также какъ и примѣчанія о древней географіи, жизни героевъ, подвиги которыхъ прославляются въ Иліадѣ, и вообще о собственныхъ именахъ". Кроме того, у него есть третья группа примѣчаній, относящихся къ „удлинненію краткихъ слоговъ, укорачиванію долгихъ... и вообще къ тѣмъ перемѣнамъ звуковъ, которыя происходятъ по требованію размѣра". На эти слова мы попросимъ читателя обратить вниманіе: почему—увидимъ ниже. „Для большей основательности, авторъ не оставилъ безъ вниманія существующихъ нѣмецкихъ изданій Гомера, а именно въ особенности: Ameis, Faesi, Crusius (почему „именно въ особенности, Крузіусъ, давно устарѣвшій, а не замѣнившій его очень не дурной Кохъ?) и La Roche“.

Текстъ вьять Ларошевъ. Въ концѣ предисловія авторъ общаетъ продолжать комментаріи въ случаѣ успѣха и извиняется въ „несовсѣмъ свободномъ обращеніи съ русскою рѣчью“.

Таково предисловіе. Пишетъ г. Гроспичъ довольно нескладно, а между тѣмъ и точное знаніе языка, при помощи котораго объясняется греческій, и логическая точность выраженій—безусловно необходимы для такого предпріятія. Что же сказать, если къ отсутствію обоихъ этихъ условій присоединяется крайняя скудость свѣдѣній въ тѣхъ предметахъ, относительно которыхъ г. Гроспичъ собирается посвящать русское юпошество?

Для того, чтобы подтвердить сказанное, намъ вовсе нѣтъ надобности перечислять всѣ промахи, которые надѣлалъ г. Гроспичъ въ своемъ комментаріи—это потребовало бы столько же бумаги, сколько и самъ комментарий. Достаточно взять на удачу образчики разнаго рода примѣчаній, о которыхъ говорилъ онъ въ предисловіи: прежде всего—примѣчанія, относящіяся къ языку.

Къ стиху 8 г. Гроспичъ замѣчаетъ: „ἔριδι συνέτηε, привелъ къ спору“. Не говоря о томъ, что ἔριδι гораздо удобнѣе въ синтаксическомъ отношеніи соединять съ μάχεσθαι, какъ это и дѣлаетъ Ларошъ, что могло побудить г. Гроспича изобрѣсть свое собственное, у комментаторовъ не находящееся и совершенно неправильное толкованіе? По нашему убѣжденію, это объясняется просто тѣмъ, что онъ напелъ у Амеиса переводъ: „brachte sie im Streit aneinander“ и—не понявъ этихъ словъ. Что это возможно—подтверждается тѣмъ, что къ В 2 г. Гроспичъ замѣчаетъ: „οὐκ ἔχε, не объялъ вѣрно“

то-есть, „hielt ihn nicht fest“ (La Roche). Иначе этого объяснить нельзя уже потому, что нашъ авторъ, „для основательности“, какъ онъ выражается, очень строго держится пѣмцевъ, то-есть, по-просту—беретъ все, что кажется ему лучше, такъ какъ нельзя взять всего. Чѣмъ руководствуется онъ при выборѣ—неизвѣстно, потому что, напримѣръ, къ ст. 6 ἐξ ὅ δὴ τὰ πρῶτα онъ не взялъ объясненія Лароша, хотя оно очевидно лучше усвоеннаго имъ „съ того-то (δὴ—το) времени, какъ въ первый разъ“, такъ какъ дѣйствіе (διαστήτην) однократно. Къ ст. 61 замѣчено: „εἰ δὴ, si quidem jam, quandoquidem о случаѣ возможномъ, предполагаемомъ говорится, какъ о дѣйствительномъ, необходимомъ; δαμᾶ—futur.—укротить (?)“ Понять этого примѣчанія нельзя, потому что никакого „возможнаго“ случая здѣсь нѣтъ, а Амейсъ, у котораго г. Гроспичъ, кажется, взялъ „si quidem jam“, говоритъ дальше: „wenn man bei traurigen Dingen etwas nicht allzu apodiktisch aussprechen will. — δαμᾶ ist Futurum“. — то-есть, какъ разъ обратное тому, что говоритъ г. Гроспичъ: не о предполагаемомъ случаѣ говорится какъ о необходимомъ, а о необходимомъ, какъ о предполагаемомъ. Ст. 183 второй пѣсни.—βῆ δὲ θέειν, онъ сталъ торопиться“. Той же пѣсни ст. 589: μάλιστα δὲ ἴετο θυμῷ — ἴετο—домогался“ и т. п.

Но непониманіе чужихъ примѣчаній не составляетъ еще слабѣйшей стороны книжки. Автору приходится иногда—именно тамъ, гдѣ онъ не находитъ примѣчанія у пѣмцевъ—говорить самому, причеъ онъ и сообщаетъ вещи, замѣчательныя или своей несомнѣнностью, или полнѣйшею сомнительностью. Къ первымъ принадлежитъ, напримѣръ, замѣчаніе къ А. ст. 10: „Слѣдуетъ отличать значеніе imperf. (прош. несов. вр.) отъ aor. Первое означаетъ какое нибудь дѣйствіе или состояніе съ понятіемъ (?) о его продолженіи и развитіи, второй однократное дѣйствіе“, или къ ст. 259: ἄμφω δὲ νεωτέρω ἐστὶν ἐμεῖο. „ἐμεῖο = ἡ ἐγώ“. Ко вторымъ большое число такихъ: „κοίλησαν — выдолбленный“ (ст. 26); δῖος относится къ благородству души (ст. 7); „οὐδ' ἦν Ἀγαμέμνονα εἶπες надобно переменить въ οὐδ' Ἀγαμέμνον (ἐποίησιν), ἦν τοῦτον εἶπες“ (ст. 90); „δέ, винословная частица“ (ст. 259); въ ст. 261 καὶ οὐ ποτὲ μ' οἱ γ' ἀνέριζον „οἱ γе, эти именно (?) даже эти, хотя они были храбрѣе (?) насъ“; „καὶ μὲν (μῆν), и въ самомъ дѣлѣ, не взирая на то“ (ст. 269). „ἀμβρόσιος, амбровическій, то-есть созданный богами“ (ст. 19 второй пѣсни); „относительно глагольной формы καλέσσατο должно замѣтить,

что *augst.* пропущено (?) и согласная *σ*, называемая характеромъ времени, удвоена по требованію разгѣра; послѣднее часто имѣетъ мѣсто въ *lut.* и *aor.*, но только послѣ краткихъ гласныхъ; ср. *ἄλλοσσαι* въ 147, *ἄλλοσσον* въ 76, *παρέσεται* 213^а. Нивакихъ другихъ способовъ объяснить форму *ἔσσομαι* (*ἔσσομαι*) г. Гроспичъ, оказывается, не знаетъ. Примѣровъ достаточно.

Примѣчанія, относящіяся къ внутренней сторонѣ произведенія нисколько не лучше. Какое представленіе имѣетъ авторъ о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ—довольно краснорѣчиво показываетъ уже одна фраза его: „во многихъ словахъ поэтъ пишетъ двугласную букву (двугласные звуки — бываютъ, а буквы — прописныя и строчныя) оо вмѣсто о“ (къ ст. 2). Образцы другихъ примѣчаній: „Косматость груди—признакъ великаго мужества“ (къ 189). „ἦτότ' ὀμίχλη (ст. 359), какъ туманъ поднимается, а именно съ тою-же скоростью“. Туманъ не можетъ быть образомъ скорости: Амейсово примѣчаніе (сомнительнаго достоинства) искажено, потому что Амейсъ говорить „ein Nebel, der sich ganz plötzlich bildet“, то-есть неожиданно, незамѣтно, а не „быстро“—это двѣ вещи разныя. У Амейса беретъ г. Гроспичъ и примѣчаніе къ ст. 34; „πολοφλοῖσθαι, многошумный; старикъ идетъ вдоль немолчно-шумящаго моря безмолвно; это—выразительное противоположеніе“. Что такое „выражается“ этимъ противоположеніемъ—понять трудно. Вообще примѣчанія Амейса надо заимствовать съ разборчивостью: его воззрѣнія на Гомера теперь уже совсѣмъ устарѣли. Еще менѣе умѣстны въ швольномъ изданіи фантазіи миеологовъ, какія излагаетъ нашъ авторъ къ ст. 567 (примѣчаніе взято у Лароша): „Это наказаніе Геры, какъ и другихъ боговъ, не повинующихся Зевсу, о которомъ упоминается нѣсколько разъ, основывается (вѣроятно, г. Гроспичъ хотѣлъ связать: „миѣъ о наказаніи основывается“) на нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, какъ, напримѣръ, на грозѣ (на какихъ же еще? это „напримѣръ“ у Лароша не найдется; „напримѣръ, не вполне“ и т. п. составляютъ характеристическую особенность стиля г. Гроспича). Гроза есть будто-бы возмущеніе воздуха противъ неба; небо наказываетъ воздухъ при помощи молній. Preller. Gr. Myth. I. 108 и сл.^а. Это фантазія Преллера, вездѣ видящаго разныя слои атмосферы; вѣрить Преллеру въ его объясненіяхъ миеовъ—не слѣдуетъ.

Но примѣчанія, касающіяся содержанія, вполне заимствованы, поэтому г. Гроспичу остается только неудачный выборъ и иска-

женія. Несравненно оригинальнѣе примѣчанія третьяго рода, касающіяся „удлиненій и сокращеній“. Изъ нихъ несомнѣнно явствуетъ, что нашъ толкователь Гомера не умѣетъ вовсе прочесть гекзаметра. Это обнаруживаетъ комическій случай, приключившійся съ нимъ на стр. 20. Дѣло въ томъ, что, заимствуя текстъ у Ларона, г. Гроспичъ заимствовалъ и опечатку перваго изданія въ ст. 157, въ которомъ слово $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ напечатано съ двумя λ . Это, конечно, не хорошо; но еще хуже то, что онъ объяснилъ эту опечатку такимъ образомъ: „ $\theta\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\sigma\alpha$ (почему одна σ —Богъ знаетъ: въ текстѣ двѣ); удвоеніе буквы λ произошло по требованію размѣра“ (II). Такимъ образомъ обнаруживается тайное убѣжденіе г. Гроспича, что размѣръ гекзаметрической требуетъ ямбовъ ($\bar{\epsilon}\nu\tau\acute{\alpha}$ | $\theta\acute{\alpha}\lambda\lambda$), что, напротивъ, чтеніе этого стиха безъ двухъ λ —невозможно. Стало бытъ, вѣрнаго гекзаметра г. Гроспичъ прочесть не умѣетъ, а искаженный—въ состояніи!

Не менѣе курьезно и метрическое примѣчаніе къ ст. 74. „Вообще должно замѣтить, что изъ трехъ краткихъ слоговъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, первый или послѣдній дѣлается долгимъ, то-есть (очень хорошо это „то-есть“) ставится въ *arsis*“—правило неслыханное въ метрикѣ (ученикъ, прочитавши его, можетъ, конечно, подумать, что бывають гекзаметры изъ однихъ краткихъ слоговъ,—почему же бы имъ и не быть?). Тутъ-же приводится и примѣръ, доказывающій опять полное невѣжество: „ср. В. 407 $\text{Ὀδυσῆα Δὶ μῆτιν ἄτάλαντον}$ “, гдѣ второе ι въ $\Delta\iota$ долго, 1) потому, что ι въ дат. пад. употребляется и какъ долгая и короткая, по крайней мѣрѣ исключительно предъ всѣми прочими гласными склонна протягиваться тамъ, гдѣ есть къ тому поводъ, какъ здѣсь, ибо, 2) за ι слѣдуетъ плавный μ . Что касается до— $\tau\iota\nu$ $\alpha\tau\alpha$ —то никакого протяженія здѣсь очевидно нѣтъ, потому что въ словѣ $\acute{\alpha}\tau\alpha\lambda\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ была въ началѣ согласная (вѣроятно σ). Г. Гроспичъ продолжаетъ: „часто такой продолженный слогъ находится при мужской цезурѣ въ третьей или въ четвертой стопѣ“. Почему это бываетъ такъ—не объяснено; „часто“ опять-таки—особенность слога, и въ данномъ случаѣ портитъ все дѣло, потому что случаи, въ которыхъ гласная (все-таки непременно послѣдняя въ словѣ, а не вообще, какъ проповѣдуетъ г. Гроспичъ) протягивается повидимому безъ всякихъ основаній—исключеніе. Еще болѣе рѣдкое исключеніе представляетъ протяженіе гласной въ нѣкоторыхъ словахъ, которыя иначе не вошли бы въ гекзаметръ. Ничего этого г. Гроспичъ и не подозреваетъ и спокойно объясняетъ въ слѣдующемъ (75) стихѣ: $\mu\eta\tau\iota\nu$ $\text{Ἀπόλλωνος, ἑκατηβελέταο ἄνακτος. Ἀπόλλωνος}$; слогъ $\omicron\varsigma$ продол-

женъ по правилу, приведенному въ примѣчаніи къ 74, или по positio, такъ какъ онъ стоитъ передъ словомъ, начинавшимся съ дигаммы". „Или?!“ Въ чемъ-же именно сомнѣвается г. Гроспичъ: въ томъ-ли, что слово ἐκἀτηβελέτης начиналось съ дигаммы, или въ томъ, что σ и Ϝ производятъ позицію? И то и другое сомнѣніе — непозволительно издателю Гомера. Въ ст. 85 тѣмъ же правиломъ объ „удлинненіи“ объясняется долгота въ словахъ θεοτρόπιον ὄτι, тогда какъ извѣстно, что ὄτι начиналось съ согласной и т. д. Полагаемъ, что всего этого совершенно довольно.

Г.

полагая на каждого по 18 к. с. въ день, а	
въ годъ 42 р. 80 к.	6,570 р.
на одежду, бѣлье и разныя потребности для	
150 воспитанниковъ	5149 „ 32 к.
на содержаніе лазарета и платомойни.	1889 „ 28 „
на книги, математическіе инструменты, классныя	
потребности, мебель и библіотеку	1812 „ 50 „
на предметы практическихъ занятій.	228 „
на отопленіе, освѣщеніе, содержаніе и управленіе	
институтскаго дома и непредвидимыя	
расходы.	8142 „
	<hr/>
	Всего. 41,443 „ 10 „

Остатки суммъ отъ одного предмета дозволялось, съ утвержденія попечителя, употреблять на улучшеніе и пополненіе другаго предмета по институту.

Съ изданіемъ новаго устава попечитель горячо принялся за приведеніе его въ дѣйствіе. вмѣстѣ съ препровожденіемъ, 19-го мая 1844 года, этого устава въ институтъ, онъ предписалъ директору:

1) Озаботиться о возможно бѣльшемъ приѣмѣ пансіонероу на 50 назначенныхъ для нихъ вакансій, для чего предложилъ припечатать въ газетахъ объявленія о вызовѣ къ помѣщенію дѣтей своекоштными пансіонерами, прибавивъ и о всѣхъ преимуществахъ, дарованныхъ институту новымъ уставомъ; въ случаѣ же неавки своекоштныхъ, дополнить ихъ число до 50 казенными пансіонерами.

Примѣчаніе: Съ этого времени въ институтѣ образуется постоянный комплектъ воспитанниковъ: изъ 150 казенныхъ, 9 сибирскихъ и 50 своекоштныхъ или казенныхъ пансіонероу.

2) Такъ какъ въ институтѣ вновь полагалось шесть классовъ, то представить соображеніе: о распредѣленіи предметовъ ученія по классамъ, о назначеніи числа уроковъ въ оныхъ по каждому предмету и самаго времени преподаванія; наконецъ, о распредѣленіи воспитанниковъ по новымъ классамъ, согласно результатамъ предстоящихъ экзаменовъ.

3) Составить предположеніе о нормальномъ числѣ балловъ по предметамъ и за поведеніе.

4) Доставить списокъ преподавателей, которыхъ предполагается пригласить какъ для прежде назначенныхъ предметовъ ученія, такъ и вновь прибавляемыхъ, съ показаніемъ, кому какое назначается воз-

награждение, по мѣрѣ достоинства каждаго, важности преподаваемаго предмета и числа часовъ преподаванія, при чемъ должно быть обращено особенное вниманіе на совершенную благонадежность избранныхъ преподавателей во всѣхъ отношеніяхъ и знаніе ими предметовъ; и

б) Донести, кого предполагается назначить въ конференцію института.

Прежде всего, конечно, надлежало организовать конференцію. Первыми членами оной были старшіе преподаватели: математики — Ламовскій; физики — Ивановъ (Александръ); черченія, ситуациі и геодезіи — Мамонтовъ; межовыхъ законовъ — Симоновъ и російской словесности — Ивановъ (Дмитрій).

Дѣйствія конференціи были открыты тотчасъ, по утвержденіи членовъ оной (27-го іюня 1844 года), и она занялась немедленно всѣми вопросами по учебной части, указанными попечителемъ. Но Михаилъ Николаевичъ, въ концѣ августа, прибылъ и самъ въ Москву, гдѣ и оставался до 1-го октября, для личнаго руководства организаціи учебной части института.

Вновь сформированной конференціи предстояло:

Во первыхъ, рѣшить, какимъ образомъ должны быть распределены поименованные въ уставѣ института предметы по классамъ и по скольку уроковъ и часовъ назначить для каждаго предмета.

Члены конференціи, подъ вліяніемъ директора, остановились сначала на шести годахъ преподаванія, предназначая даже I-й классъ, старшій, употребить единственно на повтореніе всего пройденнаго въ низшихъ классахъ. Но не для того хлопоталъ М. Н. Муравьевъ объ измѣненіи устава, чтобы остаться при прежнемъ преподаваніи. Въ этомъ преподаваніи, какъ мы видѣли выше, онъ уже замѣтилъ недостаточность со стороны научной теоріи и полноты содержанія.

Дѣйствительно, при четырехъ годахъ ученія, многое было опущено, какъ ненужное, не относящееся непосредственно къ дѣлу межеванія; доказательства по преимуществу рекомендовались тѣ, кои имѣли характеръ наглядности; доказательства же строгія, научнаго свойства, или отвергались вовсе, какъ ни для чего ненужныя, или какъ неумѣстныя. Михаилъ Николаевичъ положительно возсталъ противъ подобнаго преподаванія и требовалъ совершеннаго измѣненія всего курса математическаго ученія. Онъ желалъ, чтобы сіе послѣднее лежало въ основаніи всего ученія молодыхъ людей и служило бы почвою ихъ умственному развитію, признавая за фактъ несомнѣнный,

что разумъ, прошедшій пути строгаго математическаго ученія, дѣлается наиболѣе полезнымъ и пригоднымъ на всякое дѣло, ибо при строгомъ математическомъ ученіи и не можетъ быть ни тѣхъ ложныхъ увлеченій, ни тѣхъ самоувѣренныхъ возрѣній, которыя являлись всегда тамъ, гдѣ нѣтъ возможности дѣлать ослзательныхъ повѣрокъ тѣхъ или другихъ, повидимому логически правильныхъ, заключеній или же какихъ либо увлекательныхъ и, иногда, блестящихъ, но не всегда вѣрныхъ теорій. „Строгость математическаго сужденія“, сказалъ Михаилъ Николаевичъ въ одно изъ засѣданій конференціи— „оцѣпляетъ область здраваго смысла отъ всякаго рода умственныхъ эпидемій, заносимыхъ сквозными вѣтрами, происходящими отъ ученій, не имѣющихъ прочныхъ научныхъ основаній“¹⁾. Какъ при этомъ случаѣ, такъ и неоднократно, Михаилъ Николаевичъ высказывалъ ту мысль, что математику слѣдуетъ изучать не только какъ средство, ведущее къ познанію другихъ наукъ, какъ на примѣръ геодезіи, физики и проч.; но какъ цѣль, то-есть, что математику слѣдуетъ изучать для нея самой, какъ науку, имѣющую великую образовательную и даже воспитательную силу.

Какъ видно, послѣ разъясненія самимъ М. Н. Муравьевымъ своихъ взглядовъ на преподаваніе математики, конференція измѣнила также и собственное мнѣніе объ учебномъ планѣ въ институтѣ. Въ рапортѣ ея попечителю отъ 6-го сентября 1844 года, сказано: основываясь на личныхъ указаніяхъ вашего превосходительства, конференція предположила: А) раздѣлить курсъ на семь лѣтъ и Б) развить его преподаваніемъ: 1) примѣненія алгебры къ рѣшенію геометрическихъ задачъ и различныхъ сѣченій конуса, для разрѣшенія вопросовъ высшей геодезіи и теорія составленія проэкцій и картъ; 2) математической географіи; 3) высшей геодезіи и 4) начальныхъ основаній химіи.

Сообразно съ этимъ, конференція составила проектъ назначенія числа уроковъ по каждому классу на курсъ, названный ею нормальнымъ.

Число уроковъ по этому проекту было слѣдующее:

1) Собственными слова М. Н. Муравьева. Къ сожалѣнію, подробныхъ протоколовъ первыхъ засѣданій конференціи не велось. Все здѣсь изложенное мы заимствовали изъ „отрывочныхъ“ замѣтокъ очевидца.

*) Собственными слова М. Н. Муравьева. Къ сожалѣнію, подробныхъ протоколовъ первыхъ засѣданій конференціи не велось. Все здѣсь изложенное мы заимствовали изъ „отрывочныхъ“ замѣтокъ очевидца.

К Л А С С Ы: ПРЕДМЕТЫ:	Всего уроковъ.							
	VII	VI	V	IV	III	II	I	
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	7
Русскій языкъ	3	3	3	3	3	3	3	21
Французскій языкъ	2	2	2	1	1	1	1	10
Нѣмецкій языкъ	2	2	2	1	1	1	1	10
Географія	2	2	2	1	1	1	—	9
Исторія общая и русская	—	2	2	2	1	1	—	8
Ариметика	4	1	1	—	—	—	—	6
Алгебра	—	1	1	1	1	—	—	4
Геометрія	—	2	2	3	1	—	—	8
Тригонометрія плоская и сферическая	—	—	—	—	1	2	—	3
Примѣненіе геометріи къ линейному черченію	—	—	—	—	1	1	1	3
Приложеніе алгебры къ геометріи	—	—	—	—	—	1	1	2
Обзоръ всего пройденнаго по математикѣ	—	—	—	—	—	1	3	4
Геодезія	—	—	1	2	2	1	2	8
Физика	—	—	—	2	2	2	2	8
Архитектура	—	—	—	—	1	1	1	3
Краткій обзоръ общаго судопроизводства и государственныхъ и губернскихъ учреждений	—	—	—	—	—	1	—	1
Межевые законы и дѣлопроизводство	—	—	—	3	5	3	5	16
Чистописаніе	4	3	2	—	—	—	—	9
Ситуація	3	3	3	2	—	—	—	11
Черченіе и надписываніе картъ и плановъ	—	—	—	1	1	2	2	6
Рисованіе	3	2	2	1	1	1	1	11
	24	24	24	24	24	24	24	168.

Сообразно съ назначеннымъ для каждаго предмета числомъ часовъ, было опредѣлено также, въ какомъ объемѣ должно совершаться преподаваніе назначенныхъ предметовъ въ каждомъ классѣ,

для чего и были составлены по каждому предмету конспекты (краткія программы), то-есть составленъ былъ полный нормальный планъ ученія, по воему легко уже было выработать и подробныя программы.

Во вторыхъ, конференція должна была опредѣлить вопросъ о количествѣ балловъ за каждый предметъ и за поведеніе; это было сдѣлано такимъ образомъ, что для предметовъ спеціальныхъ, какъ наприимѣръ: геодезія, межевыхъ законовъ и проч., было назначено полное число балловъ 18; для предметовъ вспомогательныхъ, математики, физики и т. д.—12; для прочихъ предметовъ—10, за исключеніемъ иностранныхъ языковъ, для коихъ положено было — 8 балловъ и всемірной исторіи, 6 балловъ; на основаніи § 27-го устава, по сношенію министровъ юстиціи и народнаго просвѣщенія, представленное конференціею росписаніе нормальныхъ балловъ было утверждено попечителемъ.

Въ третьихъ, конференція должна была заняться весьма существеннымъ вопросомъ, какимъ образомъ перейти отъ существовавшаго порядка распредѣленія предметовъ ученія къ предназначенному новымъ уставомъ распредѣленію, имѣя, конечно въ виду, чтобы съ одной стороны не остановить ходъ ученія, а съ другой, чтобы воспитанники, по возможности, могли приобрѣсти всѣ опредѣленныя новымъ уставомъ знанія.

Какъ видно изъ дѣлъ, конференція первоначально предполагала оставить во II и I классахъ ученіе на прежнемъ основаніи, по старому уставу, и ввести нормальное преподаваніе на курсъ 1844—1845 года только въ низшихъ классахъ, оставивъ при этомъ III-й классъ вакантнымъ; но какъ воспитанники старшихъ двухъ классовъ сами изъявили желаніе слушать вновь положенныя по уставу предметы „стремясь“, какъ сказано было въ предписаніи попечителя (11-го октября 1845 года) „получить, по возможности, высшее образованіе-просьбу о чемъ онъ имѣлъ удовольствіе и лично слышать отъ нихъ, въ бытность его въ Москвѣ“, то было разрѣшено на курсъ 1844—1845 года ввести дополнительные уроки въ этихъ классахъ, такъ что, почти съ самаго начала введенія новаго устава, установился, если не нормальный, то болѣе или менѣе подходящий къ оному курсъ ученія.

Экзамены въ 1844 году производились, по заведенному порядку, съ 8-го мая по 6-е іюня, особымъ экзаменнымъ комитетомъ, состоявшимъ изъ тѣхъ же лицъ, какъ и въ минувшемъ году, а 12-го іюня произведенъ публичный экзаментъ.

Лѣтнія работы производились въ селѣ Измайловѣ и окрестностяхъ. Они состояли, по прежнему, въ межевыхъ работахъ и мензуральной съемкѣ. Но, по отчету директора, вслѣдствіе преподаваемыхъ опредѣлительныхъ правилъ, успѣхи воспитанниковъ далеко превосходили тѣ, которые достигались въ предшествовавшихъ годахъ.

Результаты экзаменовъ 1844 года были слѣдующіе: Изъ 209-ти воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками съ правомъ на чинъ XIV-го класса	3
Младшими землемѣрными помощниками	26
Капцелярскими служителями	3
Исключено изъ заведенія на основаніи § 34 устава 1835 года	8
Переведено въ высшіе классы	105
Осталось въ тѣхъ же классахъ	64

Отмѣтимъ тутъ тотъ фактъ, что изъ числа предназначенныхъ къ выпуску изъ 1-го класса, трое воспитанниковъ: Мейенъ, Смирновъ и Маркваръ пожелали остаться въ институтѣ, для изученія курса по новому уставу.

Въ нравственномъ отношеніи директоръ дѣлалъ все возможное, для правильнаго веденія воспитанниковъ; особенно важною мѣрою, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ мы считаемъ—порученіе каждаго класса особому надзирателю, коему вмѣнялось въ обязанность: слѣдить за внутреннею и внѣшнею жизнью воспитанниковъ, во всѣхъ отношеніяхъ; помогать имъ въ приготовленіи уроковъ; наблюдать за успѣхами каждаго воспитанника; развивать въ нихъ наставленіями и собственнымъ примѣромъ чувство христіанина и вѣрноподаннаго, сознательную любовь къ труду, уваженіе къ родителямъ и старшимъ и безусловное повиновеніе волѣ начальства.

Классному надзирателю предназначено было, принявши въ свое вѣдѣніе младшій классъ, доводить его, по возможности, до выпуска. Мѣра эта, сколько намъ извѣстно, впервые примѣнена въ Константиновскомъ Мсжевомъ институтѣ. Классные надзиратели—это то самое, что классные наставники въ нынѣшнихъ гражданскихъ классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, введенные послѣднимъ уставомъ 1871 года. Одна эта мѣра, заслуживающая полнаго одобренія, показываетъ истинное умѣнье Н. П. Сметцаго вести заведеніе.

Больныхъ воспитанниковъ въ 1844 году перебивало въ лазаретѣ 281 человекъ; выздоровѣло 280; къ 1-му января 1845 года оставалось 1. Господствующія болѣзни были простудныя.

Въ этомъ году принялъ на себя лечение воспитанниковъ безвозмездно профессоръ Московской медико-хирургической академіи докторъ Зацѣлинъ. Онъ пользовался въ институтѣ только квартирою.

Хозяйственная часть велась, по прежнему, хозяйственныиъ комитетомъ. Въ этомъ году приобрѣтены: минералогическій кабинетъ, модели агрономическихъ животныхъ, три усовершенствованныя астролябіи, планиметръ и четыре нивеллира.

Въ теченіе 1844 года поступило въ приходъ съ оставшимися отъ прошлаго года 57,713 рублей 28¹/₂ коп.; израсходовано 44,957 руб. 4 коп. и осталось къ 1-му января 1845 года 12,756 руб. 24¹/₂ коп.

Въ 1844 году, въ 23-й день октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе относительно помѣщенія въ институтѣ нѣсколькихъ воспитанниковъ изъ уроженцевъ Закавказскаго края, для приготовленія ихъ въ землемѣры, собственно на службу въ этомъ краѣ, съ тѣмъ, чтобы число изъ не превышало 15-ти человекъ и чтобы имъ преподавались туземныя нарѣчія, въ замѣнъ одного изъ иностранныхъ языковъ. За этихъ пансіонеровъ велѣно было платить по 350 руб. сер.

Закавказскимъ воспитанникамъ институтомъ положено было преподавать грузинскій и татарскій языки, для чего и были приглашаемы преподаватели изъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

Курсъ на 1844—1845 учебный годъ начался по новому уставу только съ сентября мѣсяца. Старшіе два класса I и II-й имѣли дополнительные уроки; III-й классъ былъ вакантнымъ, а въ низшихъ классахъ, IV, V, VI и VII-мъ преподаваніе шло по нормальному курсу.

Какъ мы замѣтили выше, попечитель пробылъ въ Москвѣ съ конца августа по октябрь 1844 года. Главнѣйшею его заботою въ это время было дать должное направленіе составленію подробныхъ программъ и записокъ по всѣмъ предметамъ. Подобно тому, какъ съ самаго начала принятія заведенія въ свое попечительство, онъ и теперь вызывалъ каждаго преподавателя отдѣльно, въ особое время, для разъясненія конспектовъ и программъ по каждому предмету. Всѣ замѣчанія его, при этихъ случаяхъ, клонились въ особенности къ тому, чтобы свѣдѣнія, сообщаемыя учащимся были устойчивы и направлены къ практическимъ примѣненіямъ, потребнымъ на предстоящемъ служебномъ поприщѣ. Онъ требовалъ, чтобы программы были составлены въ такомъ видѣ, чтобы молодые люди, по возможности, не только

понимали тотъ или другой предметъ ученія, но чтобы они умѣли и приложить эти знанія къ самому дѣлу. Знать и умѣть не всегда бывасть одно и то же, часто говаривалъ Михаилъ Николаевичъ и потому требовалъ, чтобы въ программахъ былъ указанъ и характеръ задачъ, необходимыхъ для поясненія теоріи. Первые программы, (въ концѣ октября) были представлены по математикѣ учителями Ламовскими. Независимо отъ знанія дѣла самимъ преподавателемъ, тутъ нельзя не замѣтить, что эти программы было представить легче другихъ, ибо онѣ были заранѣе выработаны при непосредственномъ участіи Михаила Николаевича. Эти программы немедленно были отграфированы и введены для преподаванія.

Затѣмъ были составлены программы и записки по меженимъ законамъ преподавателемъ Миллюковымъ. Миллюковъ, по разсмотрѣніи попечителемъ его труда, признаннаго весьма полезнымъ, получилъ особую благодарность, но вмѣстѣ съ благодарностію получилъ и указанія, весьма подробныя, о сдѣланныхъ имъ пропускахъ, какъ противъ свода законовъ, изд. 1842 года, такъ и противъ утвержденного конспекта. Къ январю 1845 года были составлены записки по физикѣ, химіи, механикѣ, агрономіи, русской словесности и геодезіи.

Въ особенномъ письмѣ къ директору попечитель поручилъ изъявить полную благодарность преподавателю Мамонтову за составленныя имъ записки по геодезіи, просмотрѣнныя профессоромъ Савичемъ и имъ одобренныя. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти программы и записки, кромѣ просмотра конференціею, просматривались, по большей части, и нѣкоторыми учеными. Такъ изъ дѣлъ видно, что въ этомъ просмотрѣ, кромѣ упомянутаго профессора Савича, принимали еще участіе профессора Перевощиковъ и Морошкинъ.

Говоря о составленіи записокъ и въ виду важности, которую Михаилъ Николаевичъ придавалъ задачамъ и правильному ихъ примѣненію, нельзя не упомянуть о его распоряженіи касательно составленія особаго „сборника математическихъ задачъ для Межеваго института“, порученнаго къ исполненію преподавателю Ламовскому. Этотъ сборникъ, согласно утвержденной программѣ, долженъ былъ обнимать: 1) задачи на алгебру, касающіяся частей элементарныхъ этой науки и началъ вычисленій высшихъ, т. е. дифференціального и интегрального; 2) задачи геометрическія, рѣшаемыя преимущественно чрезъ вычисленіе. Послѣднія должны были заключать въ себѣ: геометрію начальную, тригонометрію, плоскую, сферическую и аналитику. Сюда же отнесены и примѣры на примѣненіе дифференціального исчи-

сленія въ рѣшенію вопросовъ, требующихъ теоріи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ и употребленія способа касательныхъ въ высшихъ кривыхъ.

Сверхъ того Михаилъ Николаевичъ желалъ, чтобы при самомъ составленіи задачъ, а равно и при расположеніи ихъ соблюдался нѣкоторый порядокъ и имѣлось въ виду изображеніе широкой и вмѣстѣ съ тѣмъ живой программы на все математическое ученіе въ Межевомъ институтѣ; такъ, чтобы эти задачи, съ указаніями въ нихъ помѣщенными, въ случаѣ надобности, могли служить достаточнымъ основаніемъ и облегченіемъ при составленіи учебника ¹⁾.

Такимъ образомъ, весь учебный 1844 и 1845 годъ былъ употребленъ на составленіе и разсмотрѣніе программъ и записокъ; составленіе послѣднихъ представило не мало затрудненій, а между тѣмъ опѣ были необходимы, ибо принятыя для другихъ заведеній руководства не были вполне удовлетворительны для института, такъ какъ въ немъ почти съ самыхъ низшихъ классовъ начиналось изученіе предметовъ спеціальныхъ.

Директоръ института, весьма опасавшійся чрезмѣрнаго расширенія институтскаго курса, въ концѣ учебнаго года обратился къ членамъ конференціи съ предложеніемъ: внести каждому въ конференцію для будущаго академическаго года свое мнѣніе, относительно дѣйствительнаго выполненія нормальнаго курса и тѣхъ измѣненій, которыя въ немъ могутъ потребоваться, такъ какъ курсъ этотъ утверждень въ видѣ опыта. Въ этомъ предложеніи (отъ 17-го февраля 1845 года) есть слѣдующее замѣчательное мѣсто: „Не излишнимъ считаю приложить нѣсколько моихъ замѣчаній къ соображенію. Кто-то сказалъ: Желать научить всему, все равно, что ничему не учить, или, что еще хуже, произвести въ умахъ молодыхъ людей смѣсь сбивчивыхъ понятій, затемняющихъ здравый смыслъ. Учебныя заведенія, которыя не хотятъ принять этой истины, черезъ горькій опытъ, сами того не зная, только подтверждаютъ ее. Примеровъ множество. Этотъ кто-то былъ самъ П. П. Сметцкій, желавшій ограничить преподаваніе математики предѣлами устава и неохотно допускавшій, что для землемѣра, долженствующаго быть приготовленнымъ только „для го-

¹⁾ Первое изданіе подобнаго сборника было напечатано въ пятидесятыхъ годахъ, подъ названіемъ: «Сборникъ математическихъ задачъ для Межевыхъ учебныхъ заведеній». Второе изданіе этой книги съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями было сдѣлано въ 1860 году.

сударственного размежеванія земель" (§ 1-й устава института 1844 года) нужны высшія части математики или высшая геодезія.

Съ одной стороны, нельзя не согласиться, что въ словахъ Николая Павловича было много справедливаго. „Дерзнемъ меньшему учить юншество и оно несомнѣнно будетъ болѣе знать“—сказано было еще раньше Смецкого въ 1818 году, въ одномъ изъ мнѣній ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, по поводу рассмотрѣнія вопроса о порядкѣ для университетскаго пансіона въ Москвѣ¹⁾. Съ другой стороны, не надо забывать, что учить меньшему не значитъ, не учить тому, чему учить слѣдуетъ. Не въ развитіи математики, все еще довольно слабомъ и геодезіи, можно было упрекнуть нормальный учебный планъ института 1844 года, а въ многопредметности, которая допущена была самимъ уставомъ. Такъ не совсѣмъ понятно преподаваніе въ Межевомъ институтѣ архитектуры, объ устройствѣ дорогъ и мостовъ и даже минералогіи и геогнозіи, какъ особыхъ предметовъ, дававшихъ права выпуска по 1-му разряду. Но, повидимому, эти предметы и внесены въ уставъ именно только для доставленія особыхъ правъ институту по выпуску. Не смотря однакоже, на нѣкоторыя попытки ограничить предположенный курсъ математики, благодаря непосредственному энергическому участію Михаила Николаевича, математическое ученіе приняло въ институтѣ надлежащее направленіе и вообще серьезный и строгій характеръ. Но онъ не ограничился однимъ измѣненіемъ старыхъ программъ и введеніемъ новыхъ, онъ всякій разъ, при посѣщеніи имъ Москвы (что было довольно часто), слѣдилъ и провѣрялъ исполненіе ихъ на самомъ дѣлѣ и постепенно дополнялъ математическій курсъ. Для этого онъ преимущественно посѣщалъ классы математическаго преподаванія, оставался въ нихъ долго, и самолично производилъ испытанія воспитанниковъ, не назначая особаго времени для прочитыванія и повторенія пройденнаго. Михаилъ Николаевичъ особенно любилъ подобнаго рода extemporalia и говорилъ всегда, что знанія учащихся и достоинство самаго преподаванія можно съ большею точностію опредѣлить только этимъ способомъ. Изъ того, какъ ученикъ отвѣчаетъ безъ приготовленія, можно легко сказать, какъ онъ будетъ отвѣчать приготовившись—это собственныя слова его. „Я знаю“, продолжалъ онъ „преподавателя этого не любить, по мнѣ-то это и на руку“.

¹⁾ Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, Шмидта. Прилож. къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1877 г. стр. 127.

Такимъ образомъ, Михаилъ Николаевичъ, удерживаясь, номинально, въ предѣлахъ, указанныхъ уставомъ, старался, насколько это было возможно расширить внутреннее значеніе этихъ узкообрамленныхъ заглавій предметовъ ученія. Такъ, наприимѣръ, къ ограниченному курсу алгебры: „до уравненія 2-й степени включительно“, прибавлено подъ скромнымъ видомъ указанія на приложенія оной: „примѣненіе алгебры къ рѣшенію геометрическихъ задачъ и различныхъ сѣченій конуса, для разрѣшенія вопросовъ высшей геодезіи и теоріи составленія провѣцій картъ“. Изъ этого требованія, не переступающаго, повидимому, границъ устава, явилась впоследствии какъ бы сама собою аналитическая геометрія. Изъ указанія въ уставѣ: „примѣненіе геометріи къ линейному черченію“, Михаилъ Николаевичъ образовалъ „геометрію начертательную“. Потребность въ преподаваніи геодезіи рядовъ синуса и косинуса вызвала необходимость дополнить начальную алгебру статью о разложеніи нѣкоторыхъ функцій въ ряды, включая сюда же и ньютоновъ бипомъ. Всѣ эти разложенія предполагалось производить по способу неопредѣленныхъ коэффициентовъ. Такимъ образомъ алгебра получила довольно важное приращеніе, не переходя номинальнаго предѣла, указаннаго уставомъ— „до уравненія 2-й степени включительно“. Та же потребность въ преподаваніи нѣкоторыхъ частей высшей геодезіи, какъ напр. „сравненіе плоскаго треугольника съ сферическимъ“ и нѣкот. друг. заставили дополнить тригонометрію выводомъ основныхъ формулъ тригонометріи сферической. Наконецъ для преподаванія астрономіи, которая читалась сперва нѣсколькимъ избраннымъ изъ числа окончившихъ курсъ землемѣрныхъ помощниковъ, введено было и преподаваніе дифференціального и интегрального исчисленія.

Изъ сего можно усмотрѣть тѣ главные мотивы, которыми пользовался Михаилъ Николаевичъ, при расширеніи математическаго ученія въ институтѣ, подчиняясь вмѣстѣ съ симъ строго предѣламъ, указаннымъ въ уставѣ.

По отчету директора за 1844—1845 годъ, воспитанники въ этомъ году, сознавая пользу высшаго образованія, введеннаго новымъ уставомъ, учились прилежно, но, какъ бы неволью, успѣхи ихъ соответствовали подраздѣленію предметовъ на главные (спеціальные для землемѣра), вспомогательные и общіе, такъ что геодезію, межевые законы и математику они знали хорошо, а иностранныя языки, наприимѣръ, у нихъ шли слабо, что, прибавимъ отъ себя, было участіемъ почти и всѣхъ другихъ заведеній и, кромѣ того, было неминуемымъ

слѣдствіемъ малаго числа уроковъ, назначенныхъ на эти предметы. Особенно пли хорошо искусства: межевые и ситуационные планы чертили отлично; рисовали карандашемъ и акварелью очень хорошо.

Къ личному составу служащихъ прибавился инспекторъ, опредѣленный 29-го января 1845 года, изъ офицеровъ путей сообщенія, титулярный совѣтникъ Станкаръ.

Въ 1845 году частные экзамены были произведены особымъ экзаменнымъ комитетомъ съ 5-го мая по 10-е іюня, а 12-го іюня произведено публичное испытаніе. На экзаменахъ изъ закона Божія присутствовали митрополитъ Филаретъ, который отозвался объ успѣхахъ воспитанниковъ съ лестною похвалою и который потомъ бывалъ ежегодно на этихъ экзаменахъ.

Практическія занятія воспитанниковъ въ вакантное время производились въ слободѣ Перервѣ и окрестностяхъ. Кромѣ работъ межевыхъ и съ мензулою, въ старшемъ классѣ въ первый разъ произведены: пивеллированіе, опредѣленіе полудеппой линіи и составленіе тригонометрической сѣти съ употребленіемъ теодолита.

Результаты экзаменовъ были слѣдующіе: изъ 213 воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII-го класса и съ правами по чинопроизводству 1-го разряда	3
Старшими же помощниками и съ тѣмъ же чиномъ, но съ правами по чинопроизводству 2-го разряда	3
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса	11
Младшими землемѣрными помощниками безъ чина	14
Переведено въ высшіе классы	127
Исключено на основаніи § 41 устава въ канцелярскіе служители и чертежники	7
Возвращено роднымъ	7
Осталось въ тѣхъ же классахъ	41

По утвержденіи выпуска 1845 года, послѣдовало распоряженіе почителя о выдачѣ выпускаемымъ воспитанникамъ аттестатовъ, по примѣру другихъ учебныхъ заведеній. Тутъ умѣстно будетъ записать фактъ чрезвычайной заботливости Михаила Николаевича о воспита-

никахъ института и по выходѣ ихъ на службу. Утверждая представленіе директора о воспитанникахъ, выпущенныхъ въ 1845 году, онъ не только поручилъ Межевому начальству (предписаніе отъ 24-го августа, 1845 г.) командировать ихъ въ землемѣрныя партіи не иначе, какъ по совѣщанію съ директоромъ института, но предписывалъ и начальникамъ партій доносить ему каждомѣсячно, въ собственныя его руки, объ ихъ успѣхахъ въ занятіяхъ, а выпущеннымъ воспитанникамъ предлагалъ, чтобы они сами доносили прямо ему о приобрѣтаемыхъ ими знаніяхъ въ межевомъ дѣлѣ, ибо прибавлялъ онъ: „я искренно желалъ бы и впоследствии быть имъ полезнымъ по службѣ и слѣдить за ихъ дѣйствіями, доколѣ они утвердятся въ правилахъ на поприщѣ жизни“.

Больныхъ воспитанниковъ въ теченіе 1845 года перебивало въ лазаретѣ 346. Пользовалъ больныхъ докторъ Зацѣпинъ и умершихъ у него въ 1845 году, какъ и въ 1844 г. не было.

Въ теченіе 1845 года поступило въ приходъ по институту суммъ, вмѣстѣ съ оставшимися отъ 1844 года 72,070 рублей 7¹/₄ коп., употреблено въ расходъ 56,004 рубля 45¹/₄ коп., въ числѣ коихъ заключались и возвращенныя въ Межевую канцелярію, излишне присланныя 2,769 р. 82¹/₂ коп.; затѣмъ осталось къ 1-му января 1846 года 16,065 рублей 62 коп., изъ коихъ 5,580 рублей слѣдовали на содержаніе казенныхъ пансіонеровъ по 1-е августа 1846 года.

Хозяйственная часть института была въ хорошемъ состояніи; независимо отъ весьма хорошаго содержанія воспитанниковъ, изъ штатныхъ и остаточныхъ суммъ оказалось возможнымъ приобрести разныя цѣнныя вещи для музеума, устроить астрономическую обсерваторію и снабдить ее инструментами; наконецъ, построить лагерныя шатры для воспитанниковъ, которые до того времени располагались по деревнямъ въ крестьянскихъ домахъ.

Въ 1845 году, попечитель, желая доставить нѣкоторымъ изъ выпущенныхъ изъ института воспитанникамъ, болѣе другихъ отличившимся въ наукахъ, способнъ къ приобретенію высшихъ знаній, необходимыхъ для инженеръ-географовъ, то-есть для такихъ межевыхъ чиновниковъ, которые впоследствии могли бы быть употреблены на всемъ пространствѣ Россіи, для опредѣленія географическихъ долготъ и широтъ различныхъ мѣстъ, со всѣми необходимыми для сего изъ астрономіи знаніями, приемами высшей геодезіи, а также для дѣланія магнитныхъ наблюденій, и опредѣленія склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки, — вошелъ въ сношеніе съ нѣкоторыми учеными, на-

ходившимися въ Петербургѣ относительно чтенія имъ особыхъ по сямъ предметамъ лекцій — вслѣдствіе чего академикъ Бушферъ вызвался показать избраннымъ молодымъ людямъ всю теорію и практическіе приемы для магнитныхъ наблюдений, профессоръ Савичъ согласился открыть для нихъ особый курсъ практической астрономіи, а академикъ Струве предложилъ занятія на Пулковской обсерваторіи.

По распоряженію попечителя; для слушанія этихъ особыхъ курсовъ въ Петербургѣ, выбраны были конференціою: Фодоръ Мейенъ, Николай Смирновъ, Александръ Маркваръ, Евгеній Фогтъ, Вячеславъ Михайловъ, Николай Солнцевъ и Илья Дмитріевъ. Но не всѣ изъ выбранныхъ и окончившихъ съ отличіемъ курсъ въ институтѣ оказались съ достаточными познаніями, для слушанія высшихъ курсовъ. Только Мейенъ, Смирновъ и Дмитріевъ подавали надежду къ успѣшному ихъ прохожденію, а остальные были возвращены въ Москву. Послѣдовало громовое предписаніе попечителя (20-го марта 1846 года), коимъ конференціи поставлялось на видъ неправильное выполнение ея требованій; назначеніемъ для слушанія высшихъ курсовъ такихъ молодыхъ людей; кои, по болышей части оказались несоотвѣтствующими требованію, а инспектору классовъ дѣлалось строгое замѣчаніе, ибо ему всего болѣе должна была быть извѣстна степень знаній, способности и благонадежности въ поведеніи выпущенныхъ воспитанниковъ. Равнымъ образомъ ограниченныя познанія въ математикѣ поставлены были на строжайшее замѣчаніе и преподавателямъ, при чемъ предлагалось подтвердить имъ всѣмъ, что нѣтъ никакой пользы выставлять воспитанникамъ хорошіе баллы, когда они еще слабы имѣть знанія.

Само собою разумѣется, что это предписаніе произвело переполохъ въ заведеніи. Но нельзя не замѣтить, что Михаилъ Николаевичъ въ своемъ горячемъ желаніи видѣть какъ можно скорѣе научно-образованныхъ молодыхъ людей въ институтѣ, упустилъ изъ виду, что еще не было времени таковымъ образоваться; что только съ 1844—1845 года началось преподаваніе математики болѣе расширенное и что, слѣдовательно, нельзя было еще и требовать, чтобы молодые люди были на столько подготовлены, чтобы могли слушать высшіе курсы.

Устройство въ Петербургѣ этихъ курсовъ, для слушанія астрономіи, теоріи магнитныхъ наблюдений, и проч. было обусловлено у Михаила Николаевича, главнѣйше, необходимостію, образовать собственныхъ преподавателей для института по специальнымъ предметамъ. То было время, когда А. П. Болотовъ только что оканчивалъ свой зна-

менитый трудъ—второе изданіе высшей геодезіи, и когда дѣйстви- тельно хорошихъ преподавателей этого предмета найдти было чрезвы- чайно трудно. Поэтому Михаилъ Николаевичъ и предположилъ вве- сти преподаваніе практической астрономіи въ самомъ институтѣ, какъ необходимое дополненіе къ преподаванію высшей геодезіи и какъ по- собіе для этого, предположилъ также устроить и свою небольшую астрономическую обсерваторію.

Мысль, ввести преподаваніе астрономіи въ институтѣ возникла у Михаила Николаевича еще въ 1844 году, что видно изъ предписанія его директору отъ 10-го октября того года, въ коемъ онъ предла- галъ сдѣлать соображеніе, во что можетъ обойдтись постройка не- большой астрономической обсерваторіи при институтѣ. Въ началѣ же 1845 года онъ уже поручилъ составить планъ и смѣту обсерваторіи для института строителю Пулковской обсерваторіи, академику Брюло- ву, а за содѣйствіемъ къ избранію мѣста для оной и проведенію магистральной линіи предложилъ директору, обратиться къ профессо- ру Московскаго университета Перевощикову.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Михаилъ Николаевичъ началъ постепенно зака- зывать и необходимые для нея инструменты.

Постройка обсерваторіи, произведенная съ торговъ, обошлась въ 2300 рублей; строителемъ оной былъ архитекторъ Тюринъ. При устрой- ствѣ ея оказалъ полное содѣйствіе Дмитрій Матвѣевичъ Перевощи- ковъ и къ декабрю 1845 года она была на столько окончена, что въ ней могли быть установлены астрономическія часы, сдѣланные петер- бургскимъ мастеромъ Винтергальтеромъ, за 365 рублей.

Въ 1846 году были получены частію изъ за границы, а частію отъ механика Пулковской обсерваторіи Брауэра, для обсерваторіи, слѣдующіе снаряды:

Большой пассажный инструментъ	389 р. 20 к.
Большой астрономическій теодолитъ	491 " 68 "
Два боксъ-хронометра Дента по	300 " каждый
Астрономическая труба изъ Мюнхена	280 "
Отражательный кругъ Пистора и Мартенса	197 "
Универсальный инструментъ, купленный полков- никомъ Болотовымъ въ Мюнхенѣ	254 " 25 к.
Теодолитъ механика Брауэра	200 "
Особенный теодолитъ для магнитныхъ наблюде-	

ній выписанный изъ Мюнхенскаго академикомъ
Купферомъ 332 р. 64 к.

Карманный хронометръ 190

Въ 1845—46 учебномъ году произведены, по указанію опыта, нѣкоторыя перемѣны въ программахъ:

По русскому языку: введено краткое ученіе основаній логики; обзорнѣе замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Русской словесности и краткое понятіе о всѣхъ родахъ сочиненій.

По математикѣ прибавлены: теорія неопредѣленныхъ коэффициентовъ; Ньютоновъ биномъ и приложеніе онаго, разложеніе синуса, косинуса и тангенса по возрастающимъ степенямъ дуги. Введены упражненія въ преобразовкахъ тригонометрическихъ формулъ и тригонометрическихъ исчисленіяхъ въ логарифмахъ, для успѣшнѣйшаго слѣдованія курса практической астрономіи, который предназначенъ былъ для избранныхъ.

По геодезіи все преподаваніе значительно расширено и прибавлено примѣненіе координата къ составленію межевыхъ плановъ и подробное изложеніе о построеніи проэкціи копическаго развертыванія. Сверхъ того, расширено преподаваніе математической географіи.

По физикѣ почти всѣ части значительно сокращены; но за то введены вновь ботаника и зоологія, какъ необходимыя пособія для земледѣльца, при составленіи экономическихъ примѣчаній и краткое изложеніе минералогіи и геогнозіи вошло въ составъ общаго курса, независимо отъ подробнаго преподаванія этихъ наукъ для желающихъ на основаніи § 27 устава института.

По архитектурѣ весь курсъ ограниченъ изученіемъ: а) главныхъ составныхъ частей гражданскихъ зданій; б) правилъ построенія простыхъ мостовъ и дорогъ и в) способовъ добыванія и употребленія главнѣйшихъ строительныхъ матеріаловъ.

Приложеніе геометріи къ линейному черченію отиѣчено и только къ курсу архитектуры прибавлено изученіе общихъ правилъ теоріи тѣней и перспективы.

Всѣ эти измѣненія и дополненія въ программахъ произведены конференціею института при участіи профессора геодезіи Военной академіи Болотова и профессоровъ московскаго университета Зернова, Рулье, Драгусова и Шевырева (отчетъ директора за 1846 годъ).

Измѣненныя программы были рассмотрѣны попечителемъ и, какъ видно, неоднократно, исправлялись по его замѣчаніямъ и личнымъ указаніямъ (отчетъ за 1846 годъ).

Съ 3-го мая по 11 іюня были произведены частные, а 12-го іюня публичный экзамень, послѣдній въ присутствіи командированнаго отъ министерства юстиціи статскаго совѣтника Ханникова.

На частныхъ экзаменахъ изъ математики были профессора Зерновъ и Драшусовъ.

Въ вакантное время воспитанники старшихъ классовъ находились для практическихъ работъ при слободѣ Перервѣ.

Въ числѣ практическихъ занятій слѣдуетъ отмѣтить, что трое воспитанниковъ старшаго класса (Эймонтъ, Яковлевъ и Александровъ) дѣлали тригонометрическую съемку и вычисляли всѣ треугольники и координаты, кромѣ того, подъ руководствомъ профессора Драшусова, опредѣляли долготу и широту Троицкой Лавры.

Изъ 223-хъ воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену, выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса съ правомъ по чинопроизводству 1-го разряда.	2
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса съ правомъ по чинопроизводству 2-го разряда.	5
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.	10
Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.	12
Переведено въ высшіе классы.	161
Исключено изъ заведенія въ чертежники.	3
Возвращено роднымъ	3
Осталось въ тѣхъ же классахъ	27
Кромѣ того въ теченіе года было еще исключено по малоуспѣшности.	6
По болѣзни.	4

Надзоръ за воспитанниками оставался въ томъ же видѣ, какъ и въ предыдущіе годы. Къ особенно строгимъ мѣрамъ прибѣгать надобности не было. Главною причиною, порождающею проступки, директоръ считалъ отпускъ къ не вполне надежнымъ роднымъ и знакомымъ воспитанниковъ, такъ что противъ этого необходимо было принять самыя дѣятельныя мѣры.

Вольныхъ въ институтѣ въ теченіе 1846 года перебывало 465, выздоровѣло 464, умеръ 1.

Въ приходѣ въ 1846 году было 70,205 рублей 37¹/₄к., израсходовано 58,408 руб. 86¹/₄к. осталось къ 1-му января 11,796 рублей 52 к. изъ коихъ 650 рублей слѣдовали на содержаніе пансіонеромъ до 1-го февраля 1847 года и 322 рубля за дополнительные уроки.

На экономическія суммы содержались три сверхштатных надзирателя и учитель танцованія.

Въ учебномъ 1846—47 году въ общемъ курсѣ сдѣланы слѣдующія измѣненія: 1) обзоръ общаго судопроизводства и государственныхъ и губернскихъ учреждений замѣненъ краткимъ, но по возможности, полнымъ курсомъ законовѣдѣнія; и 2) для подготовленія воспитанниковъ къ будущимъ запятіямъ на службѣ, введенъ особенный урокъ спѣшной отдѣлки межевыхъ плановъ, какъ это дѣлается въ чертежной Межевой канцеляріи.

Съ 3-го мая по 12-е іюня произведены частные и публичный экзамены. Отъ министерства юстиціи былъ командированъ статскій совѣтникъ Ивановъ.

Практическія занятія въ вакантное время производились по приѣзду прошлыхъ лѣтъ въ слободѣ Перервѣ.

Выпуска въ этомъ году, по случаю преобразованія института по новому уставу, не было.

Изъ 232 воспитанниковъ подвергавшихся экзамену:

Переведено въ высшіе классы	209
Исключено въ чертежники	2
Возвращено роднымъ	9
Осталось въ тѣхъ же классахъ	12

Независимо отъ произведенныхъ въ свое время очередныхъ экзаменовъ, попечитель, по приѣздѣ въ Москву произвелъ лично экзамены воспитанникамъ въ самомъ началѣ курса и безъ всякаго къ нимъ приготовленія. Этими экзаменами онъ остался доволенъ.

Послѣ не вполне удавшихся курсовъ въ Петербургѣ, для образованія своихъ преподавателей, съ 1847 года пяти избраннымъ землѣрнымъ помощникамъ начали читать при обсерваторіи особныя лекціи: а) практической астрономіи, для чего былъ приглашенъ профессоръ Драшусовъ и б) дифференціального и интегрального исчисленій, которыя были поручены старшему учителю математики Ламовскому. Первыми слушателями на обсерваторіи были: Эймонтъ, Яковлевъ, Ширевичъ, Александровъ и Чернявскій. Кромѣ теоретическихъ занятій, они дѣлали наблюденія пассажнымъ снарядомъ Эртеля, съ цѣлью опредѣленія времени, а двое изъ нихъ, Эймонтъ и Яковлевъ были отправлены съ профессоромъ Драшусовымъ для опредѣленія дѣленія географическаго положенія семи городовъ Владимірской губерніи, по порученію географическаго общества. Это была первая

ученая экспедиція, снаряженная Михаиломъ Николаевичемъ, изъ окончившихъ курсъ въ институтѣ.

Надзоръ за воспитанниками оставался въ томъ же видѣ, то-есть непосредственно былъ порученъ класснымъ надзирателямъ. Были приняты мѣры для узнанія образа жизни тѣхъ лицъ, къ которымъ воспитанники ходили въ отпускъ и по возможности прекращено всякое сношеніе съ тѣми изъ нихъ, которыя могли вредить имъ своимъ дурнымъ примѣромъ.

Въ институтскомъ лазаретѣ перебивало больныхъ 396; выздоровѣло 395; остался 1.

Въ 1847 году было въ приходѣ съ остаточными 67,409 рублей 58³/₄ коп.; израсходовано 58,248 р. 23³/₄ коп.; осталось къ 1-му января 1848 года 9,161 рубль 35 коп.

Въ 1847—48 учебномъ году исполнилось четыре года со времени введенія новаго устава. Въ это время курсъ, положенный по новому уставу, не только введенъ вполне, но согласно указанію опыта и потребностямъ Межеваго корпуса, многіе предметы, какъ мы видѣли, распространены и нѣкоторые введены совершенно вновь. На преподаваніе всѣхъ предметовъ составлены подробныя программы, а для спеціальныхъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ составлены и записки, представлявшія полныя учебники. Не забудемъ, что для нѣкоторыхъ изъ этихъ спеціальныхъ предметовъ не существовало и образцовъ, такъ что составленіе для нихъ записокъ было вполне оригинальное. Конференціи была придана жизнь и въ ней разсматривалось все касающееся учебной части. Попечитель, неутомимо слѣдя самъ за преподаваніемъ, любилъ приводить въ классы и знающихъ людей. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, съ нимъ былъ А. П. Волотовъ на урокъ изъ геометріи, которая, сравнительно съ другими заведеніями, особенно была развита. „У Васъ, Михаилъ Николаевичъ“, сказалъ Волотовъ, „геометрія проходитъ такъ (основательно) какъ нигдѣ“.

По словамъ очевидца, бывшаго тогда преподавателемъ въ институтѣ, этотъ отзывъ былъ особенно приятенъ Михаилу Николаевичу.

Но не на одну математику обращалъ онъ вниманіе. По Межевымъ законамъ и межевому дѣлопроизводству преподаваніе было также весьма подробное и основательное. Попечитель всевозможно заботился, чтобы преподаваніе это шло въ уровень, какъ съ постановленіями, издаваемыми законодательнымъ порядкомъ, такъ и съ распоряженіями, имъ дѣлаемыми, въ качествѣ управляющаго Межевымъ корпусомъ;

такъ, замѣтивъ, что въ руководствѣ къ производству государственнаго межеванія, представленномъ землеѣромъ Ермаковымъ, есть несоблюденіе строгой точности въ редакціи, противъ словъ закона, онъ обратилъ на это особенное вниманіе директора и просилъ не допускать никакого произвола въ преподаваніи этого предмета; потому, усмотрѣвъ отступленія отъ положеній со стороны межевыхъ чиновъ губернскаго вѣдомства и издавъ подробный и обширный циркуляръ по сему предмету, онъ въ то же время сообщилъ этотъ циркуляръ и въ институтъ.

Особенное вниманіе было обращено на письмо, черченіе плановъ и ситуаціи, а равно и на рисованіе.

Надо, однакоже, при этомъ замѣтить, что усиленный курсъ, введенный въ это время въ институтѣ, потребовалъ дополнительныхъ уроковъ. Хотя этихъ уроковъ было и весьма немного: одинъ во II классѣ для ботаники и зоологіи, одинъ въ IV для геометріи и алгебры и одинъ въ V для геометріи, но тѣмъ не менѣе, мы сочли необходимымъ упомянуть о нихъ, ибо и они найдены для воспитанниковъ обременительными.

Экзамены въ 1848 году производились, по заведенному порядку, частные съ 10-го мая по 12-е іюня и публичный 12-го іюня. На частныхъ экзаменахъ по нѣкоторымъ предметамъ были профессора университета.

Для практическихъ занятій въ вакантное время воспитанники находились въ слободѣ Церервѣ. Занятія сіи производились на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ минувшемъ году, но въ свободное время воспитанники дѣлали ботаническія экскурсіи.

Занятіямъ въ этомъ году особенно мѣшала холера, ибо изъ предосторожности, воспитанники выходили на работы только въ сухое время и не раннимъ утромъ.

Результаты экзаменовъ были слѣдующіе:

Изъ 230 человѣкъ подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правами по чинопроизводству перваго разряда	4
Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правами по чинопроизводству втораго разряда	12
Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ	

XIV класса и съ правами по чинопроизводству втора-	
го разряда	9
Переведено въ высшіе классы	176
Исключено на основаніи § 41 устава, чертежниками .	4
Возвращено по малоуспѣшности роднымъ	7
Уволены по просьбамъ родныхъ	2
Осталось въ тѣхъ же классахъ	16

Въ теченіе 1848 года попечителю было представлено предложеніе конференціи, объ исключеніи изъ общаго курса для закавказскихъ воспитанниковъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, кои входятъ въ курсъ высшаго образованія или не вполне соотвѣтствуютъ прямому назначенію землемѣровъ, такъ что курсъ для нихъ долженъ былъ ограничиться: предметами спеціальными (низшая геодезія, межевые законы и дѣлопроизводство, сочиненіе картъ и плановъ и практическое упражненіе въ съемкѣ и межеваніи): тѣми, которые составляютъ необходимое основаніе къ изученію землемѣрніи (ариметика, алгебра, геометріи и плоская тригонометрія, ситуаціи, рисованіе и каллиграфія); предметами общаго образованія (законъ Божій, русскій языкъ, географія, исторія и французскій языкъ) и наконецъ, татарскимъ и грузинскимъ языками. Предположеніе это восходило чрезъ министра юстиціи, который предположилъ уничтожить и преподаваніе французскаго языка, и чрезъ Кавказскій комитетъ, на Высочайшее утвержденіе.

Въ 1848 году Высочайше повелѣно имѣть въ институтѣ трехъ воспитанниковъ изъ сыновей Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, на основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайше утвержденномъ въ 23-й день августа 1846 года положеніи военнаго совѣта, для приготовленія ихъ въ землемѣры того войска.

Въ этомъ же году директоръ, въ виду бѣдственнаго холернаго времени, когда число безпомощныхъ дѣтей съ каждымъ днемъ увеличивалось, нашель возможнымъ ходатайствовать объ открытіи 10-ти вакансій для пансіонеровъ собственно института, на счетъ остаточныхъ денегъ онаго отъ штатныхъ суммъ. На это представленіе, чрезъ министра юстиціи послѣдовало 5-го октября того года Высочайшее повелѣніе: „опредѣлить въ Константиновскій Межевой институтъ, сверхъ комплекта казеннокоштныхъ воспитанниковъ, еще до десяти пансіонеровъ, назначивъ на содержаніе ихъ ежегодно 1,000 рублей серебромъ и на обзаведеніе единовременно 300 рублей и отнести потребныя на сей предметъ издержки на экономическую сумму института“.

Въ то же время и воспитательный домъ, озабочиваясь устройствомъ сиротъ, лишившихся отъ холеры родителей, обращался о помѣщеніи ихъ въ институтъ, на что и послѣдовало согласіе попечителя, для помѣщенія пяти пансіонеровъ за обыкновенную плату.

Свѣдѣній о числѣ больныхъ воспитанниковъ въ 1848 году не имѣется; извѣстно только, что двое умерло отъ холеры.

Въ теченіе 1848 года поступило съ остаточными въ приходъ 65,240 рублей 52¹/₂ коп.; израсходовано 55,254 рубля 2¹/₂ коп.; осталось къ 1-му января 1849 года 9,986 рублей 50 коп.

Курсъ ученія на 1848—49 годъ былъ тотъ же, какъ и въ минувшемъ году. Но, какъ уже замѣчено было выше, дополнительные уроки оказались, по опыту, для воспитанниковъ вредными, отнимая у нихъ время какъ для отдыха, такъ и для приготовленія къ урокамъ. Поэтому, къ началу учебнаго года, съ согласія попечителя, пересмотрѣвъ въ конференціи вновь весь курсъ и сдѣланы въ немъ, не вреди цѣлому, нѣкоторыя незначительныя сокращенія по тѣмъ частямъ, которыя не относились къ спеціальности института. Такимъ образомъ, число уроковъ опять вошло въ нормальное положеніе, то есть, въ каждомъ классѣ было по 4 полуторачасовыхъ урока, два утреннихъ и два вечернихъ, безъ дополнительныхъ часовъ во внѣ-классное время.

Въ 1849 году произошло событіе величайшей важности для института—посѣщеніе его государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ,—имѣвшее послѣдствіемъ преобразование его на военную ногу и увеличеніе правъ по воспитанію. Государь пріѣхалъ въ институтъ 15-го апрѣля въ 2 часа дня и, встрѣченный инспекторомъ, изволилъ спросить, куда ему идти къ дѣтямъ, сколько ихъ и кто директоръ. По приходѣ въ рекреационную залу младшаго возраста, Его Величество, принявъ письменный рапортъ отъ явившагося директора, поздоровался съ мальчиками и похвалилъ ихъ за видъ и осанку, нѣсколько разъ сказалъ: „Молодцы, прекрасно исправлены.“ Потомъ милостиво распрашивая директора о прежней его службѣ, прошелъ въ актовнй залъ, гдѣ разсматривая инструменты, изволилъ сказать: „Какое богатое собраніе“ и спросилъ о замѣченныхъ Имъ астрономическихъ инструментахъ. Директоръ доложилъ, что они назначены для занятій на астрономической обсерваторіи института и что четверо изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ съ генераломъ Вронченко и профессоромъ Драпусовымъ опредѣлили уже астрономически 77 пунктовъ, необходимыхъ для составленія триангуляціи въ разныхъ губерніяхъ.

Затѣмъ государю угодно было осмотрѣть спальни, умывальники и даже ватеръ-клозеты. Въ спальнѣ, при подробномъ осмотрѣ одной изъ кроватей, государь сказалъ директору: „здѣсь не заведутся клопы, — чисто, порядокъ. Видно стараго кадета“.

Обойдя классы младшаго возраста и похваливъ развѣшанные на стѣнахъ ситуационныя чертежи, государь перешелъ въ старшій возрастъ. Здѣсь, поздоровавшись съ воспитанниками, изволилъ отозваться о нихъ съ особенною благосклонностью: „гренадеры, молодцы; какъ они весело смотрятъ. Тутъ нѣтъ этихъ угрюмыхъ физиономій“.

На спросъ о позволеніи представить ему полевыя работы воспитанниковъ, государь сказалъ: „покажите, Я все хочу видѣть“. Известно, что покойный императоръ любилъ чертежныя работы и изволилъ, какъ говорится, знать въ нихъ толкъ. Тогдашнія же работы въ институтѣ дѣйствительно были замѣчательно хороши. Государь, съ видимымъ удовольствіемъ и самымъ внимательнымъ образомъ, разсматривалъ всѣ полевые брульоны, чертежи и рисунки воспитанниковъ. Осматривая плашеты съемки по горизонталямъ, онъ изволилъ сказать: „Я хочу, чтобы они упражнялись и въ глазомѣрной съемкѣ“. Все изволилъ хвалить и неоднократно повторилъ: „чудесная работа“. Только одинъ родъ рисунковъ чернымъ карандашомъ Ему не понравился; Онъ приказалъ больше не употреблять черныя карандаши, а рисунки положить „подъ спудъ“. Разсматривая чертежи, государь, между прочимъ, изволилъ сказать: „Я бы желалъ институтъ поставить на военную ногу, — тѣмъ болѣе, что Межевой корпусъ сроденъ съ этимъ. Этимъ кончатся мелочныя споры на межахъ.“ Когда директоръ доложилъ, что это легко будетъ сдѣлать, государь возразилъ „Да; но на это потребуется особая сумма“. На докладъ директора что институтъ при преобразованіи, не выйдетъ изъ штатнаго положенія и что на одновременную перестройку въ институтѣ имѣются собственныя экономическія средства, государь сказалъ „хорошо“ и тотчасъ же спросилъ: „какъ же ты думаешь раздѣлить институтъ?“ получивъ отвѣтъ, что на двѣ роты и согласившись съ этимъ, государь прибавилъ: „Ружья вамъ не надо“.

Потомъ изволилъ спросить, откуда надзиратели и куда же тѣхъ, которые не изъ военныхъ и, получивъ въ отвѣтъ, что они, сверхъ должности надзирателей, состоятъ и учителями, — изволилъ промолвить: „такъ хорошо“.

Послѣ сего государь прошелъ въ столовую, буфетъ и кухню, гдѣ сказавъ: „покормите же меня“ — похвалилъ столъ. Потомъ приказалъ:

провести Его въ лазаретъ. Узнавъ что больныхъ 20 человекъ, изволилъ замѣтить, что это мѣстныя причины, такъ какъ въ Басманной части много больныхъ лихорадкою. Проходя дворомъ, Его Величество спрашивалъ о назначеніи каждаго отдѣльнаго зданія и указывая на астрономическую обсерваторію, спросилъ: „это у васъ магнитная обсерваторія?“ и получивъ отвѣтъ, что астрономическая, изволилъ одобрить предположеніе попечителя объ устройствѣ особой магнитной обсерваторіи. Любуясь зданіями, замѣтилъ: „прекрасно. Роскошное помѣщеніе. Какъ будто съ намѣреніемъ строено для института“.

Императоръ пробылъ въ институтѣ цѣлый часъ и, оставивъ оный, изволилъ сказать воспитанникамъ: „прощайте дѣти. Старайтесь, чтобы васъ всегда я находилъ такими же, какъ теперь“. Директору подавъ руку и, осчастлививъ словами: „благодарю, спасибо“, прибавилъ: „составъ же проектъ преобразования и представь мнѣ, а тамъ уже мое будетъ дѣло“. ¹⁾

Трудно представить себѣ тотъ восторгъ, который, по словамъ современниковъ этого посѣщенія, произвело оно и въ начальствующихъ лицахъ и въ воспитанникахъ института.

На другой день, въ присутствіи товарища главнаго директора Межеваго корпуса, всего института и всѣхъ паличныхъ чиновъ Межеваго вѣдомства былъ отслуженъ, по случаю посѣщенія института государемъ, благодарственный молебенъ, а впоследствии, въ память этого случая, поставлена мраморная доска съ надписью, что государь императоръ, осчастлививъ институтъ, 15-го апрѣля 1849 года, своимъ посѣщеніемъ, изволилъ объявить, что нашелъ оный во всѣхъ отношеніяхъ въ наилучшемъ порядкѣ, заслуживающемъ всякой похвалы.

Это слова высочайшаго приказа, 21 апрѣля, въ которомъ было сказано, „что: его императорское величество, во время высочайшаго пребыванія своего въ Москвѣ, при осмотрѣ Константиновскаго Межеваго института, найдя его во всѣхъ отношеніяхъ въ наилучшемъ порядкѣ, заслуживающемъ всякой похвалы, объявляетъ монаршую признательность министру юстиціи и особенное благоволеніе управляющему Межевымъ корпусомъ, сенатору, тайному совѣтнику Муравьеву и директору училища статскому совѣтнику Смецкому“.

Попечитель былъ чрезвычайно обрадованъ, получивъ извѣщеніе объ этомъ посѣщеніи и въ письмѣ отъ 27-го апрѣля, по этому случаю,

¹⁾ Дѣло института 1849 г. № 34.

писалъ директору: „я всегда былъ увѣренъ, что заведеніе это, подь ближайшимъ начальствомъ вашимъ, есть образцовое, какъ по внутреннему, такъ и по наружному порядку, и въ особенности по успѣхамъ въ наукахъ и нравственности воспитанниковъ; но, къ сожалѣнію, оно доселѣ оставалось въ тѣни, пока государь императоръ, въ безпредѣльной своей заботливости о всемъ, истинно полезномъ, не удостоилъ онаго своимъ посѣщеніемъ“. Высочайшій приказъ отъ 21-го сего апрѣля, вамъ уже сообщенный, достаточно свидѣтельствуетъ, что неусыпные труды ваши осчастливлены высокимъ, особеннымъ благоволеніемъ его императорскаго величества. Отъ всей души васъ поздравляю; торжество это есть выше всѣхъ наградъ, которыя вы давно должны были бы получить. Поздравьте отъ меня всѣхъ вашихъ достойныхъ сотрудниковъ и всѣхъ воспитанниковъ; я увѣренъ, что они вполне чувствуютъ всю цѣнность сего великаго для института и для нихъ событія, и что всемилостивѣйше оказанное государемъ императоромъ вниманіе останется на всегда запечатлѣннымъ въ сердцахъ ихъ, которое они потщатся оправдать на самоъ дѣлѣ похвальнымъ прохожденіемъ службы и неукоризненною нравственностію“.

Особенно пріятно было попечителю слышать объ общемъ восторгѣ всего института и межевыхъ чиновъ, ознаменованномъ усерднымъ моленіемъ о здравіи и благоденствіи государя.

„Я увѣренъ“—писалъ онъ— „что это святое чувство любви и преданности къ государю будетъ всегда и во всемъ одушевлять моихъ сотрудниковъ и твердо запечатлѣтся въ сердцахъ юношей, получающихъ въ институтѣ отъ высокихъ щедротъ его блистательное воспитаніе и служебное поприще“.

Письмо Михаила Николаевича говоритъ само за себя и вполне выражаетъ какъ образъ его мыслей, такъ и правила. Онъ именно принадлежалъ къ числу тѣхъ истыхъ русскихъ людей, которые благоговѣютъ предъ своими государями и, кромѣ того, былъ человѣкъ глубоко религіозный.

Какъ и слѣдовало ожидать, пріѣздъ и милостивый отзывъ государя, возбудившіе полную радость у всѣхъ,—возбудили и самыя свѣтлыя надежды на будущность института.

Эти надежды, впоследствии и осуществились. Институтъ получилъ права перворазряднаго учебнаго заведенія; директоръ за усердную и ревностную службу по управленію институтомъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени (8 мая) и переименованъ въ полковника. (17-го іюня); попечитель, бывшій въ чинѣ тайнаго совѣтника, пере-

именованъ 21-го мая въ генералъ-лейтенанты, съ правомъ носить мундиръ Константиновскаго Межеваго института.

Современники разказываютъ, что это переименованіе въ военный чинъ Михаилу Николаевичу, какъ старому боевому офицеру 1812 года, было особенно пріятно.

Видѣствъ съ донесеніемъ о посѣщеніи государя директоръ доносилъ, что онъ на основаніи высочайшей воли, представить чрезъ короткое время и проэктъ преобразаванія института въ военное устройство.

И дѣйствительно, проэктъ этотъ былъ составленъ въ изумительно короткое время, особенно принимая во вниманіе всю массу приложений, при немъ слѣдовавшихъ, въ которыхъ находились подробныя табели обмундированія и назначенъ былъ расходъ на всѣ предметы, выведенный изъ средней сложности дѣйствительныхъ расходовъ съ 1844 по 1849 годъ.

Главные основанія сего проэкта были слѣдующія:

1) институтъ не выходилъ изъ прежней суммы, отпускаемой на его содержаніе;

2) по волѣ его величества, вводилась въ курсъ глазомѣрная сѣмка и для лучшаго уразумѣнія ея въ военномъ отношеніи сочтено необходимымъ предварительное ознакомленіе воспитанниковъ съ военными науками, почему онѣ и введены въ курсъ (краткія понятія о фортификаціи, артиллеріи, тактикѣ и стратегіи);

3) курсъ положенъ уже введенный въ институтѣ, съ прибавленіемъ дифференціального и интегрального исчисленій;

4) къ 7-ми существовавшимъ прибавленъ 8-й классъ съ годичнымъ курсомъ, при чемъ младшій классъ получилъ названіе 1-го, а старшій 8-го; и

5) институтъ ставился въ число перворазрядныхъ учебныхъ заведеній.

Изъ рассмотрѣнія проэкта видно, что основаніемъ оному послужили главнѣйше прежній институтскій уставъ 1844 года, уставъ Горнаго института и указанія попечителя по преподаванію высшей математики. Мы не представляемъ всѣхъ подробностей проэкта въ виду того, что нѣкоторыя статьи онаго не были утверждены, а другія будутъ видны изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ высочайшихъ повелѣній.

Проэктъ этотъ былъ представленъ попечителю 14-го мая, въ исполненіе высочайшей воли, прямо объявленной директору, а между

тѣмъ, въ институтѣ 16-го мая получено было и особое высочайшее повелѣніе, сообщенное министру юстиціи о томъ же преобразованіи.

Въ этомъ повелѣніи было изъяснено: „Находящійся въ Москвѣ Константиновскій Межевой институтъ образовать на военную ногу, раздѣливъ составъ его на двѣ роты 1 и 2 (резервную) и уравнивъ устройство его противу Лѣснаго института. На семъ основаніи и служащихъ при немъ, если кто поступилъ изъ военныхъ, переименовать въ военные чины, а прочихъ надзирателей и чиновниковъ оставить до времени, какъ есть, равно и штатъ остается нынѣшній. Мундиръ Межевому институту присоевняется подобный мундиру Горнаго кадетскаго, но съ черными клапанами на рукавахъ и съ пуговицами, какъ нынѣ. Ружей не полагается, но имѣть одни артиллерійскіе тесаки при черной амуниціи. По строевой части учить только рекрутской школѣ, ротному ученью и гарнизонной службѣ. Въ прочемъ противъ существующаго ничего не измѣнять“.

Препровождая означенное высочайшее повелѣніе, попечитель просилъ директора представить ему списки всѣхъ тѣхъ изъ служившихъ въ институтѣ, которые находились въ военной службѣ, съ присовокупленіемъ мнѣнія, кто изъ нихъ можетъ быть съ пользою оставленъ при институтѣ въ военномъ званіи.

Вслѣдствіе этого, 20-го мая, директоръ писалъ попечителю: „что ему должно быть извѣстно, какъ много было труда найдти достойныхъ людей для института и потомъ направить ихъ къ извѣстной цѣли; что трудъ этотъ теперь увѣнчался полнымъ успѣхомъ: лестнымъ, одобрительнымъ вниманіемъ и похвалою его величества и что надо стараться сохранить, по возможности, тѣхъ лицъ, участію и трудами которыхъ институтъ обязанъ своимъ счастливымъ состояніемъ“. На этомъ основаніи, указывая на примѣръ Горнаго института въ которомъ въ 1834 году гражданскіе чины, при приведеніи на военное положеніе, были переименованы въ военные, онъ ходатайствовалъ о томъ и за гражданскихъ чиновниковъ Межеваго института. Замѣчательная черта въ начальникѣ, служившая, конечно, одною изъ причинъ успѣха въ управленіи Смецкаго.

Къ сожалѣнію, это представленіе не могло быть уважено, вслѣдствіе послѣдовавшаго уже повелѣнія, о переименованіи однихъ только бывшихъ военныхъ. Говоримъ: къ сожалѣнію, ибо тогдашній составъ надзирателей въ институтѣ былъ очень хорошъ.

Въ 1849 году личный составъ института былъ слѣдующій: директоръ. Инспекторъ, сверхштатный врачъ, эконоомъ (онъ же смотритель

дома), 10 надзирателей, 17 учителей, письмоводитель и его помощникъ.

Надзирателями въ то время были:

Коллежскій ассесоръ	Князевъ.	
”	”	Кланчехазевъ.
Коллежскій секретарь	Протопоповъ	
”	”	Ласкинъ
”	”	Оранскій.
Губернскій секретарь	Умновъ	
”	”	Романовскій
”	”	Матвѣевъ (при лазаретѣ)
”	”	Иноземцевъ

Неимѣющей чина Вивьенъ.

Изъ числа ихъ, одинъ (Ласкинъ) былъ изъ окончившихъ курсъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, четверо (Оранскій, Умновъ, Романовскій и Иноземцевъ) въ Московскомъ университетѣ и одинъ (Вивьенъ) учитель французскаго языка; всѣ они имѣли въ институтѣ уроки, а слѣдовательно были дѣйствительными наставниками во ввѣренныхъ имъ классахъ, именно въ томъ смыслѣ, какъ придается нынѣ должности классныхъ наставниковъ и потому понятно, что директоръ не охотно разставался съ такими сослуживцами.

Въ составъ учителей въ этотъ періодъ поступили: землемѣръ 1-го разряда Ермаковъ, въ 1847 году, преподавателемъ межевыхъ законовъ; статскій совѣтникъ Байеръ, съ 1847 года,—нѣмецкаго языка; академикъ Рабусъ, съ 1847 года,—рисованія въ старшихъ классахъ; Мартыновъ, съ 1847 года,—рисованія въ младшихъ классахъ; землемѣрный помощникъ Атавинъ, съ 1848 года,—ситуаціи въ младшихъ классахъ.

Испытанія воспитанниковъ въ 1849 году были произведены по распоряженію попечителя уже не однимъ экзаменнымъ комитетомъ, а двумя комиссіями, изъ коихъ въ первой были: директоръ, старшій ревизоръ Межеваго корпуса (Бергъ), членъ конференціи (каждый по своему предмету), преподаватель и классный надзиратель; во второй: инспекторъ, членъ конференціи (каждый по своему предмету), преподаватель и классный надзиратель. Директору и инспектору предоставлялось право, для того, чтобы ближе ознакомиться съ успѣхами воспитанниковъ, временно переходить изъ одной комиссіи въ другую и требовалось, чтобы на экзаменахъ въ старшихъ классахъ, гдѣ преподаются межевыя науки, присутствовалъ и директоръ чер-

тежной. Баллы ставились по общему соглашенію членовъ комиссіи. Частные экзамены производились съ 5-го мая по 10-е іюня, а публичный 11-го іюня.

Въ вакантное время воспитанники находились для практическихъ занятій въ слободѣ Перервѣ гдѣ, кромѣ обычныхъ работъ, производили уже и съемку маршрутовъ и позицій, какъ глазомѣрно, такъ и инструментально, съ топографическимъ описаніемъ. Лагерь воспитанниковъ въ этомъ году посѣтилъ попечитель. По обыкновенію, онъ вошелъ во всѣ подробности зататій воспитанниковъ и самъ испыталъ ихъ знанія во всѣхъ родахъ работъ; особенно занялся глазомѣрною съемкою, повѣрилъ ее съ планшетами, снятыми инструментально и, „къ своему удовольствію“, нашелъ между ними незначительную разницу, за что и изъявилъ свою благодарность. Для глазомѣрной съемки институтъ приобрѣлъ нѣсколько буссолей Шмалькалдера и Бюрнера, эккеровъ, педометровъ и одометровъ.

Результаты экзаменовъ 1849 года были слѣдующіе:

Изъ 240 воспитанниковъ подвергавшихся экзаменамъ:

Выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII-го класса и съ правами по чинопроизводству 1-го разряда.	2
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII-го класса съ правами по чинопроизводству 2-го разряда	8
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса и съ правами по чинопроизводству 2-го разряда.	14
Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.	2
Исключено на основаніи § 41 устава въ чертежники Межевой канцеларіи	2
Исключено за малоуспѣшность.	8
Переведено въ высшіе классы.	194
Осталось въ тѣхъ же классахъ	10

Надзоръ за воспитанниками продолжался въ прежнемъ порядкѣ, то-есть каждый надзиратель имѣлъ въ своемъ завѣдваніи особый классъ и воспитанники, по прежнему, дѣлились по классамъ. Но дабы въ исполненіе высочайшей воли о переформированіи института на военное положеніе не могло встрѣтиться затрудненій, когда послѣдуетъ утвержденіе сдѣланныхъ по сему предмету представленій, попечитель предписалъ воспитанниковъ раздѣлить на двѣ роты, под-

чинивъ ихъ временно двоимъ изъ надзирателей, которые могли бы ввести между воспитанниками военный порядокъ и устройство, а равно приказалъ ихъ обучать фронту, для чего и были командированы, по высочайшему повелѣнiю, унтеръ-офицеры изъ 2-го учебнаго карабинернаго полка.

Вообще нравственнымъ состоянiемъ воспитанниковъ директоръ оставался очень доволенъ и, по его словамъ, послѣ одобренiя государя, падо было только благодарить Бога и считать себя счастливыми, что заведенiе достигастъ цѣли воспитанiя.

Замѣчательнъ отзывъ митрополита Филарета, помѣщенный въ отчетѣ за 1849 годъ, о воспитанникахъ института. Митрополитъ, знакомый съ воспитанниками по ежегоднымъ экзаменамъ, кромѣ того, почти каждое лѣто живалъ по нѣскольку дней въ Николо-Перервенскомъ монастырѣ, гдѣ и имѣлъ также случай лично встрѣчать воспитанниковъ во время бытности ихъ въ лагеряхъ, при слободѣ Перервѣ. Онъ сказалъ директору: „воспитанники Межеваго института, сохранивъ дѣтскiй характеръ, кротки и разсудительны“.

Больныхъ воспитанниковъ перебывало въ лазаретѣ 474 человекъ, выздоровѣло 472; умерло отъ брюшнаго тифа 2.

Въ 1849 году поступило суммъ съ остаточными 67,088 рублей 15¹/₂ коп.; израсходовано 57,968 р. 17 к.; осталось къ 1850 году 9,119 р. 98¹/₂ к.

1849—1850 учебный годъ начался и окончился при томъ же учебномъ порядкѣ, какъ и минувшiй. Хотя по новому проекту устава институтъ долженъ былъ дѣлиться на 8 классовъ, но предложено было, въ избѣжанiе ломки существующаго, всегда вредной систематическому образованiю, курсъ, назначенный по уставу 1844 г. и уже существовавшiй въ институтѣ, оканчивать въ 7 классѣ, а 8 предназначить для образованiя межевыхъ инженеровъ. Вслѣдствiе этого, учебный 1849—1850 годъ остался безъ измѣненiй и VIII-й классъ открыть не былъ.

10-го января 1850 года въ дополненiе къ уставу института высочайше постановлены слѣдующiя правила:

1) Воспитанники Константиновскаго Межеваго института, число коихъ со включенiемъ и своекоштныхъ пансионеровъ, не должно превосходить, какъ и нынѣ, 240 человекъ, дѣлятся на двѣ роты: первую и вторую (резервную).

2) Къ существующимъ 7 годамъ ученiя въ институтѣ прибавляется еще одинъ годъ и преподаванiе распредѣляется на 8 классовъ.

Засимъ минералогія и геогновія преподаются въ общемъ курсѣ (вмѣсто отдѣльныхъ, учрежденныхъ для сего классовъ) и нынѣшній курсъ дополняется преподаваніемъ глазомѣрной съемки, составленіемъ статистическихъ и топографическихъ описаній края, съ указаніемъ порядка дѣланія военныхъ маршрутовъ; сверхъ того, дается общее понятіе о составѣ разныхъ частей войска.

3) При институтѣ учреждается церковь православнаго исповѣданія.

4) Для практическаго изученія магнитныхъ наблюденій, при институтѣ имѣеть быть устроена, когда представится къ тому возможность, магнитная обсерваторія, на которой дѣлаемы постоянныя наблюденія сообщаются въ главную физическую обсерваторію, находящуюся при горномъ корпусѣ.

5) Расходы на содержаніе чиновъ института, по новому образованію онаго, удовлетворяются изъ суммъ, ежегодно ассигнуемыхъ по нынѣшнимъ штатамъ на институтъ и получаемыхъ за пансіонеровъ разныхъ наименованій.

6) Ежегодно потребная дополнительная сумма къ прежнимъ штатамъ на обмундированіе воспитанниковъ, строевыхъ нижнихъ чиновъ и фельдшеровъ, въ количествѣ 4,489 рублей 41 коп. серебр. покрывается: 3,000 руб. изъ остаточныхъ суммъ Межеваго корпуса, а остаточныя 1,489 р. 41 к. сер. обращаются на суммы института.

7) Потребныя на первоначальное обзаведеніе 10,482 руб. 58 коп. имѣють быть отвесены: половина на капиталы Межеваго корпуса, а другая половина на экономическую институтскую сумму и

8) Такъ какъ музеумъ предназначается не для одного Межеваго института, но вообще для всего Межеваго корпуса, то попечителю предоставляется право, съ разрѣшенія министра юстиціи, увеличивать и дополнять музеумъ съ принадлежностями, на счетъ суммъ Межеваго корпуса.

Впослѣдствіи министръ юстиціи, по сношенію съ военнымъ министерствомъ, по поводу преобразованія института на военное положеніе, испросилъ 21-го апрѣля 1850 года высочайшее утвержденіе новыхъ дополнительныхъ правилъ къ уставу института, которыя были сообщены въ указѣ сената на имя управляющаго Межевымъ корпусомъ отъ 8-го мая 1850 года за № 21322 и, главнѣйше, заключались въ слѣдующихъ статьяхъ;

1) въ каждой ротѣ полагается изъ числа самихъ воспитанниковъ одинъ фельдфебель и по одному унтеръ-офицеру на каждыя 10 воспитанниковъ.

2) въ каждой ротѣ полагается: ротный командиръ 1, ротныхъ офицеровъ 4, воспитанниковъ отъ 100 до 120, каптенармусъ 1, барабанщиковъ 2;

3) каждая рота дѣлится на 4 отдѣленія: каждымъ отдѣленіемъ завѣдываетъ офицеръ;

4) фронтное учение производится въ свободное отъ классовъ время, такъ, чтобы оно не отвлекало воспитанниковъ отъ занятій науками;

5) мундиръ Межевому институту присвоивается подобно горному кадетскому, но съ черными клапанами на рукавахъ;

6) личный военный составъ опредѣляется особымъ росписаніемъ, по коему полагается 1 младшій штабъ-офицеръ на правахъ баталіоннаго командира, 2 ротныхъ командира и 8 ротныхъ офицеровъ, независимо отъ директора и инспектора также въ военныхъ чинахъ;

7) положенные по прежнему штату надзиратели отиѣняются, исключая одного, оставляемаго при лазаретѣ;

8) всѣ военные чины института опредѣляются въ должности и увольняются высочайшими приказами военного вѣдомства по представленію министра юстиціи;

9) штабъ и оберъ-офицеры института, состоящіе въ однихъ чинахъ съ офицерами кадетскихъ корпусовъ, считаются равными съ ними; и

10) предоставляемое генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ военно-учебныхъ заведеній право получения добавочныхъ окладовъ, за пяти и десятилѣтнее прослуженіе при тѣхъ заведеніяхъ изъ государственнаго казначейства, распространяется и на военныхъ чиновъ Константиновскаго Межеваго института.

Къ этому указу были приложены росписаніе военного состава института, табель мундирнымъ и прочимъ вещамъ и описаніе обмундирования воспитанниковъ и штабъ и оберъ-офицеровъ.

Препровождая директору этотъ указъ сената, для приведенія въ исполненіе, генералъ Муравьевъ прибавлялъ, что вслѣдствіе высочайшей воли о преобразованіи всего Межеваго корпуса, имъ сдѣлано представленіе о будущихъ правахъ воспитанниковъ по выпускѣ и о предметахъ ученія VIII класса, почему и предлагалъ, впредь до получения разрѣшенія на это представленіе, оставить раздѣленіе классовъ и предметовъ ученія въ институтѣ на нынѣ существующемъ основаніи, съ тѣми добавленіями, какія сдѣланы въ истекшемъ году и объяснены въ высочайшемъ повелѣніи 10-го января.

Частные и публичный экзамены были произведены въ 1850 году

на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ минувшемъ году. На публичномъ экзаменѣ, по порученію министра юстиціи, присутствовалъ статскій совѣтникъ Ивановъ, который и донесъ, что въ институтѣ предметы, положенные уставомъ и согласно утвержденнымъ начальствомъ программамъ, преподавались во всей точности и воспитанники на задаваемые имъ вопросы отвѣчали самымъ удовлетворительнымъ образомъ, особенно по тѣмъ предметамъ, которые должны входить въ кругъ будущихъ ихъ служебныхъ обязанностей.

Въ лагеряхъ воспитанники находились при слободѣ Перервѣ, гдѣ ими производились тѣ же работы, какъ и въ минувшемъ году.

Результаты экзаменовъ 1850 года были слѣдующіе:

Изъ 240 человекъ, подвергавшихся экзаменамъ:

21 лучшихъ воспитанниковъ 7-го класса и 13 лучшихъ же 6-го переведено въ 8-й классъ. 34

Выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII-го класса и съ правами по чинопроизводству 2-го разряда 2

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса и съ правами по чинопроизводству 2-го разряда 15

Исключено на основаніи § 41 устава чертежниками. 3

Исключено по неспособности къ наукамъ 6

Переведено въ высшіе классы. 167

Осталось въ тѣхъ же классахъ. 13

Замѣтимъ здѣсь, что переведенные изъ VII-го класса въ VIII-й воспитанники, имѣвшіе право на выпускъ съ чиномъ XII-го класса и по чинопроизводству по 1-му разряду, остались въ институтѣ въ VIII классѣ, по собственному желанію.

24-го августа высочайше утверждено положеніе о преобразованіи Межеваго корпуса и при ономъ дополнительныя правила къ уставу Константиновскаго Межеваго института, о порядкѣ выпуска воспитанниковъ на службу (1850 года, дѣло инст. № 34).

Изъ этихъ правилъ приведемъ нижеслѣдующее:

1) Воспитанники института предназначались изъ VIII-го класса къ выпуску:

- а) въ прапорщики и подпоручики межевыхъ инженеровъ, и
- б) въ старшіе землемѣрные помощники.

2) Восьмому классу института, для отличія отъ прочихъ классовъ,

присвоивалось названіе инженернаго и на погонахъ воспитанниковъ нашивался межевой гербъ.

3) Предметы для преподаванія въ этомъ классѣ назначались:

- а) повтореніе главныхъ изъ прежде пройденныхъ спеціальныхъ предметовъ;
- б) минералогія и геогнозія;
- в) глазомѣрная съемка, съ указаніемъ правилъ для составленія военныхъ маршрутовъ и статистическаго описанія края;
- г) практическая астрономія, съ изученіемъ опредѣленія географическихъ долготъ и широтъ, со всѣми необходимыми собственно для сей цѣли вычисленіями и формулами;
- д) теорія и практическое употребленіе инструментовъ для магнитныхъ наблюденій.

Для практической астрономіи опредѣлялся особый преподаватель.

4) Воспитанники VII-го класса переводились лучшіе (получившіе $\frac{2}{3}$ балловъ по спеціальнымъ и въ сложности по всѣмъ предметамъ) въ VIII-й классъ, а прочіе выпускались младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса.

5) Воспитанники VIII-го класса удостоивались производства: въ подпоручики тѣ, которые получали по всѣмъ степенямъ испытаній и по всѣмъ предметамъ ученія VII-го и VIII-го классовъ полное число балловъ; въ прапорщики тѣ, которые получали въ званіяхъ не менѣе $\frac{1}{3}$ полного числа балловъ, а въ поведеніи 10. Затѣмъ остальные выпускались землемѣрными помощниками съ чиномъ XII-го класса.

6) Выпускаемые межевыми инженерами пользовались на службѣ правами окончившихъ курсъ въ перворазрядномъ учебномъ заведеніи, а прочіе правами заведеній 2-го разряда.

7) Нѣкоторыхъ изъ самыхъ лучшихъ межевыхъ инженеровъ предполагалось назначать, для пракческаго усовершенствованія въ опредѣленіи географическихъ долготъ и широтъ, на Пулковскую обсерваторію и для магнитныхъ наблюденій на обсерваторію Горнаго корпуса.

8) Для упроченія правильнаго и наиболѣе къ практической цѣли направленнаго образованія учащихся въ институтѣ, предполагено постепенно образовывать преподавателей и ротныхъ офицеровъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ института. Для сей цѣли учреждались особые годичные дополнительные курсы для тѣхъ изъ межевыхъ инженеровъ, которые получаютъ на то право своими познаніями. Предметами этихъ

курсовъ назначались: изученіе высшихъ частей математики, межевыхъ законовъ, высшей геодезіи, составленія и вычисленія тригонометрической сѣти и вообще проэкцій картъ, астрономическаго опредѣленія долготъ и широтъ, магнитныхъ наблюденій, практической механики и строительнаго искусства ¹⁾).

9) До времени образованія ротныхъ офицеровъ изъ межевыхъ инженеровъ, кромѣ переименованія въ военное званіе нѣкоторыхъ благонадежныхъ надзирателей, прежде бывшихъ въ военной службѣ, разрѣшалось допустить опредѣленіе въ сіи должности военныхъ оберъ-офицеровъ изъ всѣхъ родовъ войскъ и

10) Удостоеннымъ, по особому испытанію, должностей преподавателей: высшей геодезіи, межевыхъ законовъ, практической механики, астрономіи и главныхъ предметовъ математики предоставлялись для пенсій права, дарованныя профессорамъ военной академіи, сообразно съ числомъ лекцій въ недѣлю, назначая по 100 рублей за каждую полутора-часовую лекцію.

Какъ видно, права, дарованныя институту, были весьма широки и, такимъ образомъ, осуществились тѣ свѣтлыя надежды, которыя возбудило во всѣхъ, отъ младшаго воспитанника до попечителя, повѣщеніе Государя въ минувшемъ году.

„Не могу изъяснить“—писалъ директоръ, отъ 4-го февраля 1850 года ²⁾ къ попечителю—„какую радость произвело извѣстіе о дарованныхъ правахъ во всемъ институтѣ. Всѣ благодарны вашему превосходительству за ходатайство у престола“.

Дѣйствительно, было за что быть благодарнымъ Михаилу Николаевичу: благія предначертанія Государя были выполнены имъ самымъ достойнымъ образомъ, какъ въ отношеніи къ упроченію высшаго образованія въ институтѣ, такъ и къ полученнымъ правамъ. „Эти дарованныя институту новыя права и преимущества“—писалъ въ своемъ отчетѣ за 1850 годъ директоръ—„чрезвычайно поощрили воспитанниковъ и они, вполне сознавая пользу высшаго образованія, занимаются съ особеннымъ прилежаніемъ и любовью“.

¹⁾ Эти дополнительные курсы, преобразованные потомъ въ IX классъ съ двухъгодичнымъ курсомъ, весьма важное и весьма удачное учрежденіе: они дѣйствительно послужили разсадникомъ какъ для преподавателей, такъ и для воспитателей института.

²⁾ Дѣло инст. 1850 года, № 34.

2-го сентября 1850 года были въ институтѣ Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи.

11-го сентября Государь Императоръ, въ исходѣ 11-го часа утра, изволилъ вновь посѣтить облагодѣтельствованный имъ институтъ. Встрѣченный директоромъ уже въ мундирѣ полковника, онъ изволилъ позжать ему руку и поздравить съ обновкою; обходя классы, изволилъ спросить у воспитанниковъ II-го класса: „что, каково учитесь“ и съ улыбкою прибавилъ, обратясь къ директору: „Видишь, они на тебя смотрятъ, что ты скажешь“. Институтъ доволенъ поведеніемъ и успѣхами учащихся, отвѣчалъ директоръ.

Потомъ, въ VI-мъ классѣ воспитанникъ Мажневскій обратилъ на себя вниманіе Его Величества своею возмужалостію. На объясненіе директора, что онъ изъ закавказскихъ уроженцевъ и поступилъ въ лѣтахъ, учится прилежно и ведетъ себя отлично, Государь сказалъ: „хорошо, но только онъ можетъ быть отцомъ своимъ товарищамъ“. Затѣмъ, указывая на воспитанника того же класса Хрусталева, изволилъ сказать: „Я вчера этого видѣлъ; молодцомъ предсталъ“.

Въ VIII-мъ классѣ Его Величество, поздоровавшись съ воспитанниками, изволилъ сказать имъ: „Похвально, что вы остались еще на годъ; слышите ли, что я сказалъ: Похвально“. Вообще о всѣхъ воспитанникахъ Государь изволилъ отозваться: „Какой у нихъ откровенный, веселый видъ; они сами привлекаютъ къ себѣ“.

Затѣмъ Его Величеству угодно было въ подробности показать геодезическія работы сопровождавшему Его прусской службы штабъ-офицеру, при чемъ этими работами онъ остался доволенъ и въ особенности хвалилъ глазомѣрную съемку, а общій планъ работъ назвалъ превосходнымъ. Тутъ же былъ представленъ проектъ церкви и было объяснено на мѣстѣ предполагаемое ея устройство. Государь, положивъ руку на планъ, изволилъ сказать: „Вполнѣ утверждаю, согласенъ во всемъ“. Но, не смотря на это Высочайшее утвержденіе и не смотря на то, что въ уставѣ института была статья, гласившая, что при институтѣ учреждается церковь, православнаго исповѣданія, проекту этому не суждено было осуществиться въ то время. Только долго спустя, удалось въ институтѣ устроить церковь на частныя пожертвованія.

На полукругломъ дворѣ, Государь приказалъ уничтожить фронтоны, а самый дворъ, по довлѣду директора, дозволилъ обратить въ дополнительный открытый музей, для помѣщенія артиллерійскихъ орудій,

огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія, шанцеваго инструмента и понтоновъ, употреблявшихся въ арміи.

Обративъ вновь вниманіе на астрономическую обсерваторію, Государь изволилъ сказать: „Для института нужна и магнитная обсерваторія“. Затѣмъ, посѣтивъ лазаретъ и сказавъ, что „онъ много видѣлъ госпиталей, но лучшаго не видалъ“, Государь, оставляя институтъ, вновь пожалъ руку директору и промолвилъ: „Примѣрный порядокъ; отлично хорошо; желалъ бы вездѣ видѣть, какъ у тебя“¹⁾.

Въ дополненіе къ Высочайшему приказу, отданному въ тотъ же день, 11-го сентября, было сказано: „Государь Императоръ, посѣтивъ сего числа Константиновскій межевой институтъ, изволилъ найти оный въ превосходномъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкѣ и отличномъ устройствѣ. Въ особенности Его Императорское Величество изволилъ остаться довольнымъ усилъвшимся и исполнѣ удовлетворительнымъ преобразованиемъ сего института изъ гражданскаго положенія въ военное, за что объявляетъ Высочайшее благоволеніе: управляющему межевымъ корпусомъ, генераль-лейтенанту Муравьеву, и директору сего института, состоящему по арміи полковнику Смецкому“.

Императоръ такъ остался доволенъ институтомъ, что посылалъ осмотрѣть его тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа: генераль-адъютантъ Назимовъ, пріѣхавъ въ институтъ, сказалъ воспитанникамъ: „Государь Императоръ поставилъ мнѣ въ образецъ васъ и институтъ. Пріѣхалъ къ вамъ учиться“.

Въ 1850—1851 учебномъ году былъ открытъ въ институтѣ VIII-й классъ. Курсъ въ семи низшихъ классахъ остался прежній. Для преподаванія же въ VIII-мъ классѣ были назначены слѣдующіе предметы:

Изъ закона Божія. Бесѣды объ обязанностяхъ христіанина, какъ выводъ изъ прежде пройденнаго по предмету закона Божія. 1 урокъ.

Изъ русскаго языка. Приложение литературныхъ правилъ къ различнаго рода сочиненіямъ, въ особенности къ описаніямъ историческимъ, статистическимъ, топографическимъ, хозяйственнымъ и проч. 1 урокъ.

Изъ французскаго языка. Чтеніе и переводы иностранныхъ сочиненій, преимущественно по спеціальной части. 1 урокъ.

Изъ нѣмецкаго языка. То же самое. 1 урокъ.

¹⁾ Рапортъ директора, 12-го сентября 1850 г., № 913.

Изъ математики. Продолженіе аналитики; дифференціальное и интегральное исчисленія, для необходимыхъ вычисленій, при опредѣленіи географическаго положенія мѣстъ. 2 урока.

Изъ военныхъ предметовъ. Обще понятіе о составѣ разныхъ частей войскъ, военныхъ учрежденій и краткое объясненіе военнаго судопроизводства. 2 урока.

Изъ естественныхъ наукъ. Минералогія и геогнозія. Продолженіе агрономіи и таксаціи земель. 3 урока.

Изъ строительнаго искусства. Дороги, переправы и мосты, имѣя въ виду военную цѣль. 1 урокъ.

Изъ законовѣдѣнія. Практическое гражданское судопроизводство на самыхъ примѣрахъ. 1 урокъ.

Изъ межевыхъ законовъ. Производство дѣлъ, на примѣрахъ, въ межевыхъ конторахъ, Межевой канцеларіи и въ Межевомъ департаментѣ сената. 1 урокъ.

Изъ низшей геодезіи. Продолженіе изученія глазомѣрной съемки. Составленіе статистическихъ и топографическихъ описаній края съ указаніемъ порядка дѣланія военныхъ маршрутовъ. 1 урокъ.

Изъ высшей геодезіи. Составленіе тригонометрической сѣти: выборъ пунктовъ, измѣреніе базиса, измѣреніе угловъ, вычисленіе треугольниковъ по Лежандру и опредѣленіе одной и двухъ точекъ по тремъ даннымъ. Геодезическое нивелированіе. Опредѣленіе вида и величины земли; исполдъ формулъ; градусныя измѣренія. Вычисленіе широтъ, долготъ и азимутовъ по Лежандру и Пюссану. Вычисленіе координатъ по способамъ: Кассини, Бесселя и Шуберта. Вычисленіе широты и долготы точекъ сѣти по извѣстнымъ координатамъ. Нанесеніе сѣти. Проекціи картъ по способамъ: коническаго развертыванія и Бонна. 2 урока.

Изъ практической астрономіи. Изложеніе различныхъ способовъ опредѣленія времени, географическихъ широтъ, долготъ и азимутовъ земныхъ предметовъ, посредствомъ круга Пистора, универсальнаго и пассажнаго снарядовъ.

Краткій теоретическій очеркъ этихъ способовъ съ выводомъ простѣйшихъ формулъ.

Подробное примѣненіе изложенныхъ способовъ къ наблюденіямъ.

Практическія упражненія учениковъ какъ въ наблюденіяхъ, такъ и вычисленіяхъ.

Практическое приученіе воспитанниковъ дѣланію магнитныхъ наблюденій. 2 урока.

Изъ черченія. Черченіе топографическихъ картъ, военныхъ обзорѣній и маршрутовъ. 1 урокъ.

Изъ рисованія. Снятіе видовъ съ природы. 1 урокъ.

Всего, 24 полутора-часовыхъ урока въ недѣлю.

Для преподаванія теоретической и практической астрономіи былъ приглашенъ адъюнктъ-профессоръ Московскаго университета Швейцеръ, столь извѣстный впоследствии директоръ обсерваторіи Московскаго университета и принесшій столько пользы какъ институту, такъ и всему Межевому корпусу. Впоследствии, въ 1852 году, Швейцеръ былъ опредѣленъ въ институтъ астрономомъ, должность коего была высочайше утверждена 4-го и 8-го марта 1852 года, съ жалованьемъ 800 руб. сер. изъ суммъ института и столовыми 520 руб. изъ межовыхъ суммъ.

Въ помощь Швейцеру были назначены два землемѣрныхъ помощника Мейнъ и Смирновъ, причемъ на перваго возлагалось преподаваніе теоріи и практики магнитныхъ наблюденій. Оба эти молодые люди были уже нѣсколько подготовлены къ предстоявшимъ имъ обязанностямъ по занятіямъ въ Петербургѣ, подъ руководствомъ академика Купфера, профессора Савича и находясь въ „войжѣ“ съ генераломъ Вронченко, при опредѣленіи географическихъ широтъ и долготъ.

Въ 1850 году 7-го октября опредѣленъ въ институтъ младшимъ штабъ-офицеромъ подполковникъ Флейшеръ, бывшій прежде баталіоннымъ командиромъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ 1850 году воспитанниковъ перебивало въ лазаретѣ 452; выздоровѣло 442; умерло 2; осталось въ лазаретѣ къ 1-му января 1851 года 8 человекъ. Кромѣ того, умеръ 1 въ отпуску.

Въ приходѣ съ остаточными въ 1850 году было 74,674 рубля 24³/₄ коп.; израсходовано 67,409 руб. 70¹/₂ коп.; осталось къ 1-му января 1851 года 7264 руб. 54¹/₄ коп.

Въ февралѣ 1851 года попечитель, въ бытность свою въ Москвѣ, нашелъ нужнымъ произвести нѣкоторыя перестановки предметовъ по классамъ и пополненіе въ преподаваніи межеваго дѣла и судопроизводства, и именно:

Вопервыхъ, по сдѣланія имъ лично VIII-му классу испытанія изъ математики и вслѣдствіе объясненій съ директоромъ и преподавателемъ, положено преподававшуюся по программѣ того класса аналитическую геометрію преподавать всю въ VII-мъ классѣ, дабы чрезъ то дать VIII-му классу возможность съ большимъ успѣхомъ заняться

изученіемъ остальнаго по той программѣ и повтореніемъ прежде пройденнаго.

Вовторыхъ, найдено, что программа преподаванія военныхъ наукъ въ VIII-мъ классѣ не соотвѣтствуетъ высочайше указаннымъ размѣрамъ и предѣламъ сего преподаванія, ибо воспитанникамъ Межеваго института вовсе не нужно подробное знаніе тактики, фортификаціи и артиллеріи, а слѣдуетъ только объяснять имъ составъ разныхъ родовъ и частей войска, дабы они могли быть ознакомлены съ порядкомъ управленія и потребностями войскъ и могли бы составлять военные маршруты и топографическія описанія края, почему и предписано ограничить преподаваніе указанными предѣлами; и

Втретьихъ, усилено преподаваніе межевыхъ законовъ во всѣхъ классахъ, причѣмъ оно было распредѣлено такимъ образомъ: начиная съ IV-го класса, воспитанники должны были съ подробностію изучать землемѣрное производство и продолжать оное со всѣми практическими примѣненіями въ V-мъ и VI-мъ классахъ; въ VII-мъ классѣ должны были заниматься общимъ повтореніемъ сего предмета и изучать судебную часть межеванія, а въ VIII-мъ должно было быть сдѣлано общее повтореніе всего пройденнаго по межевому судопроизводству, прочитанъ подробный историческій обзоръ межеванія въ государствѣ и изученъ на самомъ дѣлѣ въ примѣрахъ разборъ судебныхъ межевыхъ дѣлъ, съ составленіемъ выписокъ, экстрактовъ, рукоприкладствъ и самыхъ рѣшеній, дабы воспитанники VIII-го класса имѣли уже полныя по всѣхъ отношеніямъ межевыя знанія. Сдѣланныя въ этихъ видахъ особымъ комитетомъ исправленія въ программахъ были препровождены въ институтъ, для постепеннаго введенія по классамъ.

При посѣщеніи института, попечитель замѣтилъ также, что не во всѣхъ классахъ исполняется черченіе межевыхъ плановъ, какъ положено по программамъ, почему и приказалъ, чтобы воспитанники V-го, VI-го и VII-го классовъ составляли межевые планы съ возможною разнородною ситуаціею, не исключая и горъ, и чтобы на сихъ планахъ были дѣлаемы картуши, экспликаціи и прочія надписи, сообразно установленнымъ межевымъ формамъ; общіе же планы безъ означенія межевыхъ границъ, экспликацій и прочаго, допустить только при сводкѣ глазомѣрной съемки, при составленіи маршрутовъ и только при преподаваніи ситуаціи въ VIII-мъ классѣ, въ коемъ воспитанники готовятся къ высшимъ топографическимъ знаніямъ.

Вообще видно, что попечителемъ было замѣчено въ это время нѣ-

которое уклоненіе въ преподаваніи отъ прямой цѣли института. По-видимому, ближайшее институтское начальство, при переформированіи на военное положеніе, желало подготовить межевыхъ инженеровъ, выпускавшихся съ военнымъ званіемъ, и къ дѣйствительной военной службѣ.

По этому поводу, въ предписаніи отъ 16-го февраля 1851 года, попечитель пишетъ: „нужнымъ считаю разъяснить, что всемілостивѣйше дарованныя права нисколько не измѣняютъ ни цѣли, ни предмета ученія заведенія и молодые люди, въ ономъ воспитывающіеся, должны имѣть въ виду не иную службу, какъ межевую, но только съ высшими знаніями, которыя установлены въ VIII-мъ классѣ, дабы отличнѣйшіе воспитанники могли заниматься, кромѣ межеваго дѣла, составленіемъ топографическихъ плановъ, съ изображеніемъ военныхъ маршрутовъ и опредѣленіемъ астрономическихъ долготъ и широтъ, требующихся при составленіи картъ большихъ пространствъ. Въ сихъ видахъ и учрежденъ VIII-й классъ, въ коемъ также преподаются нѣкоторыя военныя знанія, необходимыя для каждаго, который удостоивается военнаго чина и мундира. Цѣль сія ясно выражена въ дополнительныхъ правилахъ къ уставу института, 24-го августа 1850 года, и должна быть постоянно внушаема воспитанникамъ; ибо тогда только заведеніе сіе, при военномъ, столь полезномъ для онаго устройствѣ, можетъ соотвѣтствовать видамъ правительства“.

Такимъ образомъ, попечитель при самомъ началѣ военнаго устройства института не далъ ему уклониться отъ прямаго его назначенія, а между тѣмъ, по свидѣтельству современниковъ, опасность этого уклоненія дѣйствительно существовала, ибо думали, что межевыхъ инженеровъ слѣдуетъ готовить такимъ образомъ, чтобы они, въ случаѣ надобности, могли поступать въ генеральный штабъ. Что изъ нихъ выходили бы отличные военные топографы, это неспорно; но неспорно также, что М. Н. Муравьевъ развивалъ высшее образованіе въ институтѣ и трудился не для чужихъ. Ему самому нужны были въ Межевомъ корпусѣ люди научно образованные: съ одной стороны, мы уже видѣли, почему онъ нуждался въ такихъ людяхъ, причѣмъ, рассуждая объ этомъ предметѣ, часто говаривалъ, что ни одно вѣдомство, а тѣмъ паче специальное, межевое, не можетъ обойтись безъ людей съ высшимъ образованіемъ, а съ другой—онъ уже задумывалъ нѣкоторыя полезныя для межевыхъ цѣлей ученныя экспедиціи (впослѣдствіи и осуществившіяся) и особенно по составленію картъ уѣздовъ и губерній, указанному въ сводѣ межевыхъ законовъ, которое безъ людей

съ познаніями въ высшей геодезіи и астрономіи исполнять было нельзя.

Не поставимъ въ вину и ближайшему начальству института эти попытки къ уклоненію. При общемъ направленіи того времени, увлеченія въ пользу военной службы были весьма объяснимы. Во всякомъ случаѣ, отдадимъ полную справедливость директору за быстрое и основательное преобразование института и за то умѣнье, съ которымъ онъ успѣлъ соединить фронтную часть съ учебною и воспитательною безъ ущерба самъ послѣднимъ. Впервыхъ, каждый офицеръ, подобно прежнимъ надзирателямъ, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи особый классъ, за который онъ отвѣтствовалъ какъ въ учебномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, и, повторныхъ, каждому изъ нихъ даны были письменныя наставленія, гдѣ подробно были изложены всѣ ихъ обязанности.

Такимъ образомъ, каждый офицеръ долженъ былъ знать относительно своего класса:

- а) что положено пройти по нормальному росписанію курса;
- б) таблицъ распредѣленія лекцій;
- в) какія учебныя пособія находятся у вѣренныхъ имъ воспитанниковъ;
- г) уроки, заданные воспитанникамъ; и
- д) склонности, характеръ, поведеніе и способности каждаго воспитанника; старшинство его по классу и по каждому предмету.

На отвѣтственность классныхъ офицеровъ возлагались чистота, опрятность, дисциплина, знаніе фронта, приличный и здоровый видъ воспитанниковъ и приученіе ихъ къ сбереженію казенныхъ вещей. Вообще офицеры должны были не только смотрѣть за поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ воспитанниковъ, но, любя ихъ и приобретаая ихъ довѣренность, дѣйствовать нравственно на ихъ умъ и сердце; сколь возможно чаще говорить съ воспитанниками, причемъ безобидно исправлять ихъ ошибки, но не преслѣдовать каждый ихъ шагъ, а предоставлять имъ свободно проявлять себя въ дѣйствіяхъ и словахъ, направляя только все это къ благой цѣли.

„Любовь рождаетъ любовь“ — писалъ Смедкій въ своемъ наставленіи офицерамъ — „поэтому повторяю: любя дѣтей и приобретаая ихъ довѣренность ласковымъ и ровнымъ, но отнюдь не слабымъ обращеніемъ, легко уже будетъ дѣйствовать на ихъ умъ и сердце“ (Дѣло института 1851 года № 48-й).

По всему видно, что въ институтѣ, во время преобразования на

военное положеніе, прибавилась только весьма полезная въ учебномъ заведеніи военная дисциплина, но не перемѣнилось ничто остальное. Особенно важно, что у офицеровъ не перемѣнились тѣ отношенія, которыя были установлены у надзирателей съ воспитанниками. Эти отношенія, не наружныя только, а обусловливающія внутреннюю, взаимную связь между воспитанниками и воспитателями, такъ прочно укорепены Смецкимъ, что они поддерживаются и до сихъ поръ въ институтѣ; не говори про многое другое, имъ сдѣланное, даже за это одно, имя его должно воспоминаваться съ глубокою благодарностію.

Экзамены, какъ частные, такъ и публичные, были произведены въ 1851-мъ году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущіе года; отмѣтимъ только, что въ этомъ году на экзамены былъ командированъ состоявшій при управляющемъ Межевнымъ корпусомъ подполковникъ Зеленый, которому вмѣнено было въ обязанность обращать особое вниманіе на испытаніе воспитанниковъ, удостоиваемыхъ къ выпуску въ межевые инженеры, дабы они вполнѣ знали всѣ межевые предметы и искусно чертили межевые и вообще ситуаціонные планы. На экзаменѣ изъ закона Божія, по порученію митрополита Филарета, присутствовалъ викарій московскій, преосвященный Филофеей, который бывалъ и въ послѣдующіе годы, когда не было митрополита.

Лагерныя занятія производились, по заведенному порядку, съ 18-го іюня по 9-е августа. Лѣтомъ этого года 4 воспитанника VIII класса, Рашковъ, Печковскій, Ларіоновъ и Троицкій были командированы въ г. Махновку (Кіевской губерніи) для наблюденія, подъ руководствомъ профессора Швейцера, бывшаго того же года 16-го іюля полнаго солнечнаго затмѣнія. Кромѣ воспитанниковъ, въ экспедиціи былъ и инженеръ-поручикъ Смирновъ, исправлявшій должность репетитора астрономіи.

Описаніе этой экспедиціи было представлено Швейцеромъ въ Географическое общество и напечатано въ Запискахъ онаго.

Результаты экзаменовъ 1851-го года были слѣдующіе.

Изъ числа 239-ти человекъ, подвергавшихся экзамену;

Выпущено на службу:

Межевymi инженеръ-подпоручиками	5
Межевymi инженеръ-прапорщиками	30
Старшими землемѣрными помощниками	7
Младшими землемѣрными помощниками	9
Переведено въ высшіе классы.	180
Отправлены въ Межевую канцелярію, на основаніи	

§ 41-го устава института, для опредѣленія въ то- пографы	5
Исключено по малоуспѣшности	2
Уволенъ изъ института	1

Оставшихся въ классѣ не было. Изъ VII класса перевода въ VIII также не было, ибо VII классъ весь былъ выпущенъ на службу, дабы освободиться отъ возрастныхъ воспитанниковъ.

Вслѣдствіе отзыва присутствоваваго на экзаменахъ, по порученію министра юстиціи, статскаго совѣтника Иванова, графъ Панинъ сообщилъ попечителю, что воспитанники на заданные имъ вопросы отвѣчали самымъ удовлетворительнымъ образомъ, а нѣкоторые и прекрасно, въ особенности по тѣмъ предметамъ, кои должны втекать въ кругъ ихъ будущихъ служебныхъ обязанностей. Директоръ въ отчетѣ своемъ объ учебной части называетъ успѣхи воспитанниковъ примѣчательными. Не можемъ и мы не назвать ихъ примѣчательными, особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что всѣ переведены въ высшіе классы, а исключенныхъ сравнительно очень мало.

Курсъ на учебный 1851—1852 годъ начался во второй половинѣ августа, съ тѣми измѣненіями, которыя вышеуказаны и при немѣннѣ VIII класса. Попечитель, бывшій съ самаго начала курса въ Москвѣ, неоднократно посѣщалъ классы института, во всѣхъ спрашивалъ самъ воспитанниковъ и подробно вникалъ въ ихъ занятія.

27-го августа 1851-го года Государь Императоръ изволилъ въ третій разъ осчастливить институтъ своимъ посѣщеніемъ.

Онъ прибылъ въ 2^{1/2} часа по полудни прямо съ маневровъ и на рапортъ директора, что въ институтѣ все состоитъ исправно, изволилъ сказать: „Вѣрю; вѣрю“. Войдя въ зданіе, изволилъ спросить: „Гдѣ же воспитанники и что они дѣлаютъ?“ Получивъ отвѣтъ, что воспитанники гуляютъ на дворѣ, онъ прошелъ въ рекреационный залъ, и, подойдя къ дверямъ актовой залы и обзрѣвъ оную, не входя, изволилъ сказать: „Инструменты прибавляются“. Ему было доложено, что прибавленные инструменты суть снаряды для магнитной обсерваторіи. Послѣ сего Государь прошелъ въ дортуары; хвалилъ ихъ чистоту и удобство помѣщенія, но изволилъ спросить: „всегда ли воспитанники лежатъ головою къ окнамъ?“ На это было доложено, что въ большіе морозы воспитанники ложатся къ окнамъ ногами. За тѣмъ Государь спросилъ о нравственности выпускныхъ воспитанниковъ и выслушавъ, что институтъ выпускаетъ въ нынѣшнемъ году 50

человѣкъ совершенно благонадежныхъ и достойныхъ молодыхъ людей, вполне чувствующихъ излитія на нихъ милости, сказалъ: „Я надѣюсь, что они и впредь себя поддержать“. Потомъ спросилъ о съемкѣ и, подойдя къ лагернымъ работамъ, и съ особеннымъ вниманіемъ разсматривая черновые планшеты, изволилъ сказать: „Неужели это карандашомъ сдѣлано? Превосходно“. Затѣмъ изволилъ найти чистые планы и военные маршруты сдѣланными отлично и сказалъ: „это даже выше моего ожиданія“. При разсмотрѣніи сводныхъ картъ изъ маршрутовъ, снятыхъ въ 1850 и 1851 годахъ, Его Величество обратилъ особенно вниманіе на ту часть, гдѣ производились въ тотъ день маневры и не только нашелъ, что карты сдѣланы совершенно вѣрно, но даже изволилъ указать весь путь и овраги, гдѣ были дѣйствія войскъ. Затѣмъ, разсматривая рисунки солнечныхъ пятенъ, которые сдѣланы были воспитанниками изъ наблюденій на астрономической обсерваторіи и въ Махновкѣ, изволилъ спросить: „А что магнитная обсерваторія?“ На это было доложено, что проэктъ и смѣта на нее уже составлены. Послѣ сего Государь изволилъ приказать провести себя къ воспитанникамъ. Проходя внизъ на дворъ, гдѣ гуляли воспитанники, Государь изволилъ сказать: „Карауломъ на разводѣ я былъ вчера очень доволенъ: молодцы. Но у нихъ еще замѣтна привычка, отъ чертежныхъ работъ, наклонять голову, такъ выправь имъ плечи. Не болитъ ли отъ чертежныхъ работъ у нихъ грудь?“ Выйдя къ воспитанникамъ и поздоровавшись съ ними, Государь приказалъ имъ строиться. Подойдя къ фронту, изволилъ сказать: „Я очень былъ доволенъ вами на разводѣ, но еще болѣе доволенъ вашими работами“. Хвалилъ, что они хорошо одѣты и хорошо стоятъ, а на лѣвомъ флагѣ спросилъ про воспитанниковъ младшихъ классовъ: „И они чертятъ?“ На отвѣтъ: Точно, такъ, Ваше Величество. „Да, я думаю, чертимъ. Мы еще маршемъ бумагу“. Послѣ того приказалъ имъ разойтись.

При осмотрѣ лазарета, Государь читалъ у каждаго больнаго ярлыкъ на кровати. Потомъ, проходя дворомъ и окруженный воспитанниками, онъ нѣсколько разъ хвалилъ ихъ работы и съ особенною милостію поощрялъ ихъ и впередъ также трудиться. Простившись съ воспитанниками и проходя чрезъ столовую къ выходу, Его Величество сказалъ директору: „И до преобразования въ военное положеніе я видѣлъ институтъ въ отличномъ состояніи, а теперь сдѣлано все, что я только желалъ. Чрезвычайно доволенъ; благодарю“.

Въ сѣняхъ Государь еще разъ поблагодарилъ всѣхъ окружавшихъ его чиновъ института и въ 3 часа 10 минутъ изволилъ уѣхать ¹⁾.

Это посѣщеніе Николая Павловича было послѣднее.

1-го сентабря институтъ посѣтилъ Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Подробно осмотрѣвъ институтъ и отнесясь обо всемъ съ лестнымъ одобреніемъ, Его Высочество изволилъ сказать: „О поведеніи воспитанниковъ я не спрашиваю: ихъ здоровый, веселый и довольный видъ служить порукою ихъ чистой нравственности“ ²⁾.

6-го декабря 1851 года директоръ института былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Больныхъ въ 1851 году перебивало въ институтскомъ лазаретѣ 427 человекъ; выздоровѣло 424; умеръ 1. Осталось къ 1-му января 1852 года 2.

Хозяйственная часть въ институтѣ находилась за это время въ отличномъ состояніи. Все, что только нужно было для воспитанниковъ, было сдѣлано: одежду похвалилъ Государь и ея было много; пища, какъ и теперь вспоминаютъ бывшіе тогда воспитанники, была сытная и здоровая; учебныя пособія были въ избыткѣ; институтскія здапія поддерживались въ хорошемъ видѣ.

Въ теченіе 1851 года поступило въ приходъ съ остаточными 72,552 рубля 23³/₄ коп.; израсходовано 71,903 рубля 31 коп; осталось къ 1-му января 648 рублей 92³/₄ коп. Изъ сего видно, что вся экономическая сумма института въ этомъ году израсходована. Она пошла, по преимуществу, на военное обмундированіе.

По окончаніи курса 1851—1852 года, какъ экзамены, продолжавшіеся съ 13-го мая по 12-е іюня, такъ и лагерныя занятія происходили въ 1852 году по заведенному порядку.

Результаты экзаменовъ были слѣдующіе:

Изъ 248 человекъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса и съ правами по чинопроизводству 2-го разряда	13
Младшими землемѣрными помощниками безъ чина	4
Переведено въ высшіе классы	203

¹⁾ Рапортъ директора отъ 30-го августа 1851 г. № 931.

²⁾ Отчетъ за 1851 г.

Опредѣлены на службу по болѣзни въ Межевую канцелярію канцелярскими служителями	2
Исключены на основаніи § 41 устава института въ топографы межеваго вѣдомства	6
Возвращено роднымъ за малоуспѣшность	5
Возвращенъ роднымъ по ихъ просьбѣ	1
Осталось въ тѣхъ же классахъ	14

Учебный 1852—1853 годъ начался по установившемуся курсу минувшаго года и за исключеніемъ замѣны въ VIII классѣ урока нѣмецкаго языка вторымъ урокомъ французскаго, для укрѣпленія воспитанниковъ въ переводахъ специальныхъ сочиненій съ этого послѣдняго, никакихъ перемѣнъ по учебной части не сдѣлано. Но за это время не мало было потрачено трудовъ и много было заботы, чтобы поставить институтъ по преподаванію на степень высшаго учебнаго заведенія и преобразовать его на военное положеніе. Попечитель, столь много самъ потрудившійся для этого дѣла, вполне оцѣнилъ и труды ближайшаго институтскаго начальства. Обозрѣвъ институтъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1852 года и найдя оный въ отличномъ порядкѣ по всѣмъ частямъ, онъ писалъ директору: „Я въ долгъ себѣ вмѣняю принести вашему превосходительству искреннюю мою признательность, прося васъ также объявить отъ меня особенную благодарность достойнымъ сотрудникамъ вашимъ: инспектору, полковнику Станкару и баталіонному командиру, полковнику Флейшеру, а равно поблагодарить тѣхъ изъ служащихъ въ институтѣ, кои, по усмотрѣнію вашему, оказываютъ болѣе усердія и дѣятельности“.

Заслужить похвалу отъ М. Н. Муравьева было дѣломъ нелегкимъ. По словамъ людей, близко его знавшихъ, онъ имѣлъ правиломъ: какъ можно рѣже хвалить и какъ можно чаще указывать на недостатки, ибо, по его собственному выраженію: „иначе, Русскій человекъ опустится“. Не заключается ли въ этомъ правилѣ, отчасти, разгадка того составившагося о Михаилѣ Николаевичѣ мнѣнія, по которому онъ, при несомнѣнной добротѣ и большомъ вниманіи къ подчиненнымъ, слылъ за человека не только крутаго, но и безсердечнаго.

Замѣчательно, что мальчики того времени, а теперь сѣдые люди, разказываютъ, что они его не боялись и любили частые его пріѣзды; что на экзаменѣ при немъ отвѣчать было легче, чѣмъ безъ него, не смотря на то, что онъ держалъ воспитанниковъ, и особенно лучшихъ, у доски по цѣлымъ часамъ и доводилъ ихъ, по ихъ выраженію, до третьяго поту. Думаемъ, что мнѣніе мальчиковъ, какъ извѣ-

стно, въ массѣ всегда вѣрно оцѣнивающихъ старшихъ, служить подтвержденіемъ того, что Михаилъ Николаевичъ не былъ ни крутъ, ни, тѣмъ болѣе, безсердеченъ; онъ былъ твердъ и пастойчивъ и требовалъ неуклоннаго исполненія своихъ распоряженій. Но, замѣчательно, что онъ охотно выслушивалъ чужія мнѣнія и, убѣдившись въ ихъ справедливости, всегда измѣнялъ свои.

Въ заключеніе своего предписанія Михаилъ Николаевичъ прибавилъ: „Мнѣ особенно пріятно сообщать вамъ, что при обзорѣни моемъ нынѣшнимъ лѣтомъ межевыхъ управленій въ разныхъ губерніяхъ, я по большей части слышалъ похвальные отзывы о межевыхъ чинахъ, получившихъ образованіе въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ“.

Понятно, что директору было особенно пріятно это узнать и онъ не преминулъ написать въ своемъ отчетѣ за 1852 годъ: „что эти слова лучше всего доказываютъ, что мѣры, принятыя для нравственнаго образованія воспитанниковъ, соотвѣтствуютъ цѣли и что, поэтому, положенія, правила и руководства по этой части онъ оставилъ прежнія“.

Въ этомъ году прибавилось въ институтѣ крупное учебное пособіе—выстроена магнитная обсерваторія; устройство ея было произведено по наставленіямъ Купфера, и въ декабрѣ на ней стали производиться наблюденія. Инструменты, какъ мы уже знаемъ, заготовлены были раньше.

Больныхъ въ лазаретѣ въ 1852 году было 516 и выздоровѣло 516.

Въ приходѣ съ остаточными было въ 1852 году 63,067 руб. 70¹/₂ к.; израсходовано 62,668 рублей 78³/₄ коп. осталось къ 1-му января 1853 года 398 рублей 91³/₄ копѣекъ. Съ преобразованиемъ института изъ гражданскаго на военное положеніе расходъ значительно увеличился, и именно слишкомъ на 10,000 р. На его пополненіе отпускалось только 3,000 изъ межевыхъ суммъ; недостающіе же 7,000 рублей нужно было извлекать изъ штатной суммы, что, по отчету директора, хотя и удалось сдѣлать въ томъ году, но на будущее время институту крайне была необходима прибавочная сумма.

Частные и публичный экзамены въ 1853 году произведены со 2-го мая по 5-е іюня заведеннымъ порядкомъ. На экзаменѣ изъ закона Божія присутствовалъ митрополитъ Филаретъ и остался отвѣтами воспитанниковъ весьма доволенъ. На публичномъ экзаменѣ былъ чиновникъ отъ министерства юстиціи статскій совѣтникъ Ивановъ и нѣсколько профессоровъ Московскаго университета. Попечитель и

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ПЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1877 годъ 1 и 93

Высочайшія повелѣнія. ОТРАН.

1. (11-го мая 1879 года). Объ учрежденіи именныхъ стипендій на счетъ пожертвованій, обеспеченныхъ въ ипотекахъ на земельной собственности 62
2. (21-го мая 1879 года). О расходѣ на содержаніе русскихъ училищъ въ Финляндіи. 63
3. (20-го іюня 1879 года). Объ учрежденіи стипендій въ Нѣжинской женской „Целагеи Ивановны Кушакевичъ“ прогимназіи. 66
4. (20-го іюня 1879 года). Объ учрежденіи при Варшавскомъ университетѣ единовременныхъ пособій для недостаточныхъ студентовъ. —
5. (20-го іюня 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Казанскомъ реальномъ училищѣ. —
6. (20-го іюня 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Казанскомъ реальномъ училищѣ. 67

7. (4-го іюля 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Московской 3-й гимназіи	67
8. (4-го іюля 1879 года). О порядкѣ допущенія къ преподаванію и воспитанію въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. . .	—
9. (4-го іюля 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	68
10. (2-го августа 1879 года). О временномъ измѣненіи порядка управленія и надзора за студентами университетовъ. .	—
11. (25-го іюля 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	156
12. (24-го іюля 1879 года). Обь учрежденіи преміи при Московскомъ университетѣ.	—
13. (25-го іюля 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Нижегородской гимназіи	157
14. (25-го іюля 1879 года). Обь учрежденіи стипендій и пособій при Московскомъ университетѣ.	—
15. (3-го іюня 1879 года). Обь учрежденіи въ городѣ Динабургѣ женской прогимназіи	158
16. (20-го іюля 1879 года). Обь учрежденіи общества исторіи литературы въ Ригѣ	159
17. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 5-й гимназіи.	—
18. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендій имени князя В. А. Долгорукова	—
19. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Александровской Серпуховской прогимназіи.	160
20. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи въ Кампишскомъ реальномъ училищѣ.	—
21. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендій при Керченской Александровской мужской гимназіи	—
22. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендій при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.	161
23. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ	—
24. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Кронштадтской Александровской женской гимназіи. . . .	—
25. (14-го августа 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи въ Саратовской Маріинской женской гимназіи	162
26. (14-го августа 1879 года). О порядкѣ утвержденіи въ	

званіи членовъ попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія	162
27. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Варшавской 1-й гимназій	163
28. (14-го августа 1876 года). Объ учрежденіи стипендіи при университетѣ св. Владиміра	—
29. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ	164
30. (14-го августа 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Ярославскихъ мужской и женской гимназіяхъ	—
31. (19-го августа 1878 года). О приспособленіи учрежденной Владимірскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ стипендіи Имени Императора Александра Благословеннаго	165
32. (24-го августа 1879 года). О кредитѣ на содержаніе госпитальной клиники Харьковскаго университета при тамошней городской Александровской больницѣ	—

Высочайшіе приказы.

20-го іюня 1879 года. (№ 7)	69
4-го іюля 1879 года. (№ 8)	166
25-го іюля 1879 года. (№ 9)	—

Министерскія распоряженія.

1. (10-го марта 1879 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта барона Платона Александровича Фредерикса, учрежденной при Троицкосавскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ	71
2. (10-го марта 1879 года). Дополнительныя, къ утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія 4-го мая 1874 г. правила объ ученической квартирѣ въ г. Вѣрномъ	72
3. (10-го апрѣля 1879 года). Положеніе о стипендіи Николая Николаевича Виноградскаго при 2-й Кіевской гимназій	76
4. (12-го апрѣля 1879 года). Положеніе о стипендіи при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ, имени инженера Николая Яковлевича Прохорова	77
5. (14-го апрѣля 1879 года). Положеніе о стипендіяхъ имени	

купца Петра Антоновича Вейнера при Астраханской мужской гимназіи	79
6. (19-го мая 1879 года). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Михаила Сырбы при Кишиневской мужской прогимназіи.	80
7. (28-го іюля 1879 года). Уставъ общества исторіи литературы въ Ригѣ.	—
8. (23-го іюня 1879 года). Инструкція преподавателямъ для болѣе правильнаго веденія упражненій въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.	167
9. (18-го августа 1879 года). Положеніе о стипендіяхъ при Ярославской губернской мужской гимназіи имени умершаго коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева	169
10. (18-го августа 1879 года). Положеніе о стипендіяхъ при Ярославской губернской женской гимназіи имени умершаго коллежскаго ассесора Ивана Ивановича Анцырева.	180

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го іюня 1879 года. (№ 10).	85
7-го іюля 1879 года. (№ 11)	171

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Краткая грамматика латинскаго языка. Составилъ Н. Сиггъ“	87
О книгѣ: „Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Изданіе 3-е исправленное и дополненное. Сост. А. Гердомъ“	88
О книгѣ: „Игры древнихъ. Описаніе, происхожденіе и отношеніе ихъ къ религіи, исторіи, искусствамъ и нравамъ. Переведено съ французскаго изданія (1873), подъ редакціею съ примѣчаніями и съ предисловіемъ А. А. Иванова. Выпускъ 1-й“	—
О книгахъ подъ заглавіями: I) „Первые уроки исторіи П. Мельгунова. Древній Востокъ“. II) „Иліада Гомера съ комментаріями, для употребленія въ гимназіяхъ. Первая и вторая пѣсни. Сост. І. І. Гроспичъ“. III) „Латинскія упражненія Составилъ Ф. Ф. Райманъ“	—
О книгахъ подъ заглавіями: I) „Краткая нѣмецкая грамматика“. сост. О Кейзеръ. Часть I. „Этимологія“. Изданіе три-	

надцатое. Часть II. „Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія на правила этимологіи“. Изданіе шестое, исправленное. Часть III. „Синтансь съ нѣмецкими примѣрами, упражненіями и статьями для перевода съ русскаго“. Изданіе пятое; исправленное. II) „Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній“. Сост. Ев. Гуторъ. III) „Карта: Хорватія, Славонія, Далмація и Военная граница“. Сост. Л. В. Березинимъ	88
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Священная Лѣтопись“. Т. 3. Четвертая и пятая книги Моисеевы: Числа и Второзаконіе. Съ указателемъ Пятикнижія Моисеева. Примѣчанія Георгія Властова.	89
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Отвѣты и рѣшенія на стереометрическія задачи“. Часть вторая. Сост. А. Дмитріевъ.	—
О брошюрѣ: „О классномъ преподаваніи иностранныхъ языковъ. Г. П. Недлера	—
Объ изданіи: „Народы Россіи“. Выпуски III и IV.	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Земли и люди“. Всеобщая географія Эмиля Реклю. Т. II. Франція. Съ 70 рисунками. Т. III. Швейцарія, Австро-Венгрія и Германія, съ 72 рисунками. Изданіе картографическаго заведенія Ильина.	—
О книгѣ: „Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка, составленное Александромъ Камковымъ. Съ приложеніемъ текста изъ евангелія по Остромировому списку 1056 и 1057 г. Изъ христоматіи Буслаева“.	—
О книгѣ: „Руководство къ повторенію (Repertorium) латинскаго синтаксиса и нѣкоторыхъ статей изъ этимологіи, содержащихъ уклоненія отъ правильныхъ формъ, съ прибавленіемъ латинской просодіи, для V класса гимназій, и свѣдѣній изъ жизни латинскихъ авторовъ читаемыхъ въ гимназіяхъ. Сост. Суворовъ. Выпускъ I“.	—
О книгѣ: „Сборникъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, составленный примѣнительно къ грамматикѣ Эллента-Зейффердта по руководствамъ Гаака и др. В. Зубковымъ“.	90
О книгѣ: Βοζαντίναί μελέται. Τοπογραφικαὶ καὶ ἱστορικαὶ μετὰ κλείστων εἰκόνων ὑπὸ Α. Τ. Παπατῆ	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи (1877—1878). Изданіе исправленное и дополненное, въ 2-хъ томахъ, съ планами картами и справочнымъ указателемъ именъ и фамилій. Всеволода Крестовскаго“.	—

- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Словарь къ Олинскимъ рѣчамъ и филиппикамъ Демосоепа. Составилъ Вячеславъ Ракушапъ“ . . . 175
- О книгѣ: „Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи“. Мекензи и Эрби съ предисловіемъ. Въ II томахъ, Т. I. Гладстона. 176
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Учебникъ математической и физической географіи“. Сост. Фопъ Воолъ, съ 59 рисунками въ текстѣ“ —
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Словарь особенностей греческихъ діалектовъ дорическаго, эолийскаго, іоническаго и аттическаго, съ образцами этихъ діалектовъ. Сост. по Гедернику, Папе и Косовичу Ф. Добрянскій“ —

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

- О брошюрахъ: а) „Іосифъ Гайднъ“ (1732—1809 гг.), б) „Давидъ Ливингстонъ“ 90
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Руководство къ изученію закона Божія. Въ трехъ частяхъ, протоіеря М. Ивановскаго“ 91
- О книгѣ: „Собраніе арифметическихъ задачъ“ (по Грубе). Въ двухъ частяхъ. Изд. 9-ое, исправленное и пересмотрѣнное. Сост. В. Воленсомъ 176
- О книгѣ „Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія“. Священника Хойвацкаго —
- Официальныя извѣщенія 91 и 177

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

- Андроникъ Младшій и Іоаннъ Каптакузинъ. Т. Флоринскаго. 41
- О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ папѣвами. С. Шафранова. 118
- Оскія надписи. И. Помяловскаго 226
- Очерки изъ исторіи литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи во второй половинѣ XVII-го вѣка. Петра Владимірова. 249
- Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго. А. Врикнера 285

Felix Liebrecht. Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze. А. Веселовскаго	124
Изъ древней исторіи Болгарь. Сочиненіе Матвея Соколова. Константина Грота	302
Ө. И. Леонтовичъ. Къ исторіи русскихъ инородцевъ. Древній Монголо-Калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Вичиъ). Нила Попова.	318

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Къ вопросу объ организаціи учебной части въ городскихъ училищахъ. А. Варанова.	1
--	---

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 году	1
Новыя соображенія о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы.	62
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній а) низшія училища	75 и 113

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О нѣкоторыхъ мѣстахъ въ сатирахъ Ювенала. А. Вейсмана.	334
Этюды о древней метрицѣ. Л. Миллера.	353
Объясненія одного мѣста въ Virg. Georg. II, 140—141. С. Месса.	362
Замѣтка къ одѣ Горация, Lib. II, Satm. VII, v. 9—14. А. Широка.	358
Иліада Гомера съ комментаріями для употребленія въ гимназіяхъ. Первая и вторая пѣсни. Составилъ I. I. Гросничъ. Г.	368

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Очеркъ исторіи Константиновскаго Межеваго института съ 1779 по 1879 годъ. А. Апухтина.	
--	--

61

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1994**

3 2044 022 674 451

